ИСТОРІЯ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА.

М. А. МАКСИМОВИЧЪ.

ИСТОРІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА.

По порученію Совѣта Университета св. Владиміра

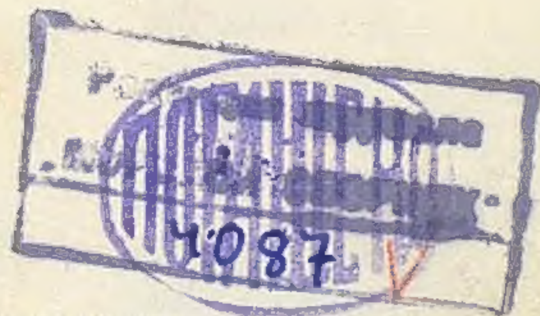
СОСТАВИЛЪ

ордин. проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ.

ТОМЪ I.

Университетъ св. Владиміра въ царствованіе Императора Николая Павловича.

КІЕВЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА.
1884.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета св. Владиміра.
Ректоръ *Н. Ренненкампфъ.*

ВВЕДЕНІЕ.

Состояніе общественнаго образованія въ юго-западной Руси до открытія Университета св. Владиміра.

„Языкъ русскій едва былъ слышанъ
на этомъ огромномъ пространствѣ".
Гр. С. С. Уваровъ.

Университетъ св. Владиміра открытъ 15 іюля 1834 г. Вотъ моментъ, съ котораго бы намъ надлежало начать наше повѣствованіе. Весьма не хотѣлось бы переступить за эту грань въ болѣе отдаленную старину, тѣмъ болѣе, что и прямая наша задача не легка и многосложна, и тѣмъ еще болѣе, что за тою гранью лежитъ эпоха иныхъ людей, иной національности, иныхъ—преимущественно политическихъ страстей. Не хотѣлось бы тревожить прахъ тѣхъ дѣятелей, давно уже сошедшихъ въ могилу. Но въ краткой экскурсіи въ болѣе отдаленную старину принуждаетъ насъ неизбѣжная связь историческихъ явленій: намъ нужно уяснить цѣль основанія Университета въ Кіевѣ; а для чего было основывать его, или, правильнѣе, зачѣмъ переносить уже существовавшій лицей изъ Кременца, когда этотъ лицей существовалъ?

Отвѣтъ на такой вопросъ скрывается въ состояніи какъ лицея, такъ и вообще народнаго образованія въ юго-западномъ краѣ до 30-хъ годовъ текущаго столѣтія. Будь это состояніе уяснено въ нашей литературѣ, тяжелая задача спала бы съ нашихъ плечъ. Къ сожалѣнію до сихъ поръ о нашемъ ближайшемъ прошломъ мы имѣемъ болѣе темныя представленія, чѣмъ о временахъ Мономаха. Система и характеръ образованія въ этомъ краѣ установлены польскою эдукаціонною коммиссіею 1773 — 1793 г. и затѣмъ гр. Тад. Чацкимъ 1803 — 1813 г.

Промежуточныя эпохи русскаго управленія (1795—1803 и 1813—1831 г.) безцвѣтны и нехарактерны. Начáла положенныя эдукаціонною коммиссіею и укрѣпленныя гр. Чацкимъ, дожили почти безъ измѣненій до открытія Университета св. Владиміра.

Объ этихъ-то началахъ русская литература въ противоположность польской, не держится одного твердаго и установившагося мнѣнія. Въ русской печати часто случается встрѣтить увѣреніе, что полонизація русскихъ областей на правомъ берегу Днѣпра совершена не Люблинскою и Брестскою уніею въ XVI вѣкѣ, не политикою Юрія Хмѣльницкаго и Выговскаго въ XVII в., не истребленіемъ козачины въ XVIII в., а школами гр. Чацкаго въ XIX в. Но обыкновенно такія крупныя и отчасти преувеличенныя положенія выражаются голословно. Наоборотъ противоположныя мнѣнія о Чацкомъ выражены, повидимому, близкими знатоками дѣла. Напр. характеристику Чацкаго дѣлаетъ его преемникъ съ русской стороны—первый Кіевскій попечитель Е. Ѳ. фонъ-Брадке: „Кременецкій лицей, говоритъ онъ, былъ устроенъ знаменитымъ Чацкимъ, человѣкомъ знатнымъ, богатымъ, всѣми уважаемымъ, чрезвычайно образованнымъ и до фанатизма преданнымъ учебному дѣлу, для успѣховъ котораго онъ готовъ былъ на всякую жертву. Онъ старался добывать нужныя суммы, предлагая свои ходатайства, а рѣдкія книги и другіе достопримѣчательные предметы просто похищалъ собственноручно, коль скоро нельзя было получить ихъ иначе. Лицей имѣлъ назначеніемъ доставлять высшему дворянству соотвѣтственное образованіе и воспитывать молодыхъ людей *вѣрными подданными русскаго Императора*, но съ сохраненіемъ народности.... Много говорили о томъ, что въ лицеѣ воспитываются фанатики; но въ сущности это было не такъ. Фанатизмъ былъ естественнымъ послѣдствіемъ общественныхъ связей и его питали женщины, имѣющія въ западныхъ губерніяхъ великую власть надъ молодежью“ *). Мы ознакомимся позже съ благородною личностію самого фонъ-Брадке и тогда укажемъ особенный источникъ столь мягкаго отзыва его о Чацкомъ. Эпоху Чацкаго подробно излагаетъ и нашъ предшественникъ по исторіи Университета св. Владиміра—В. Я. Шульгинъ. На него бы мы могли сослаться прежде всего и болѣе всего. Но, къ сожалѣнію, совсѣмъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтó говоритъ онъ о Чацкомъ

*) Автобіограф. записки фонъ-Брадке („Рус. Арх.“, 1875 г., стр. 272).

въ своей „Исторіи Университета св. Владиміра"; здѣсь, впадая въ крайность, онъ смотритъ на дѣятельность Чацкаго глазами панегириста.

Находя въ этой дѣятельности свидѣтельство заботъ о просвѣщеніи неустанныхъ и лично-безкорыстныхъ, исторіографъ Университета не замѣтилъ никакой политической тѣни во всей этой свѣтлой картинѣ. В. Я. Шульгинъ знаетъ и упоминаетъ, что школа, основанная Чацкимъ, привела и юго-западную Русь къ грустнымъ явленіямъ 1831 года; но онъ выгораживаетъ отъ отвѣтственности самого Чацкаго, утверждая, что просвѣщеніе, поставленное имъ на правильную дорогу, искажено мечтательною политикою уже послѣ, когда лицей, подчиненный Виленскому университету, „усвоилъ направленіе начальствующаго и руководствующагося заведенія, и не остался чуждъ тѣхъ движеній, отъ которыхъ пострадалъ университетъ"... Въ оправданіе нашего историка университета нужно сказать, что трудно было въ тѣ года (1858—59 г.), когда онъ писалъ свою исторію, удержаться отъ увлеченія кажущимся космополитизмомъ просвѣтительной дѣятельности гр. Чацкаго. Но за то тотъ же В. Я. Шульгинъ во вторую эпоху своей литературной дѣятельности, выразилъ совершенно обратное мнѣніе о Чацкомъ. Въ статьѣ „Юго-западный край подъ управленіемъ Д. Г. Бибикова", онъ между прочимъ говоритъ: „Уже мятежъ 1831 года открылъ глаза нашему правительству (а мятежъ 1863 года открылъ глаза нашему историку — прибавимъ мы отъ себя) на результатъ просвѣтительной дѣятельности хитроумнаго полонизатора западной Россіи кн. Чарторыжскаго и его сподвижника гр. Ѳаддея Чацкаго, спеціально посвятившаго себя *незамѣтной для законной власти*, но искусной и неустанно энергической полонизаціи и латинизаціи юго-западныхъ нашихъ губерній. Справедливо замѣчаетъ Кояловичъ, что западная Россія въ это время такъ полячилась и латинилась, какъ не полячилась и не латинилась никогда. А теперь еще есть старики, которые говорятъ, что до Чарторыжскаго (Чарторыжскій имѣлъ мало отношеній къ юго-западу) многіе изъ мелкаго дворянства западно-русскаго, хотя считали себя поляками, но не знали польскаго языка, а говорили и *писали* (?) по-русски". Далѣе В. Я. Шульгинъ повторяетъ свою крупную ошибку (которая будетъ раскрыта нами ниже) на счетъ размѣровъ просвѣтительной дѣятельности Чацкаго, т. е. увѣряетъ, что до Чацкаго было въ юго-западномъ краѣ будто-бы всего 5 школъ, а онъ якобы осно-

валъ 150 и собралъ для нихъ 1,320,000 злотыхъ фундушей. „Школы эти продолжаетъ онъ, такъ неутомимо и успѣшно полонизировали и при Чацкомъ и послѣ Чацкаго населеніе юго-западнаго края, что намъ и теперь трудно уничтожить слѣды этой полонизаціи“ *). Высказавъ мнѣніе діаметрально противоположное прежнему, В. Я. Шульгинъ не упомянулъ о своемъ прежнемъ взглядѣ и не аргументировалъ новаго, не указалъ никакихъ фактическихъ подтвержденій его; впрочемъ и поводъ, по которому онъ заговорилъ вновь о Чацкомъ, не представлялъ къ тому никакихъ удобствъ. Итакъ это второе мнѣніе В. Я. Шульгина осталось опять голословнымъ и потому не обязательнымъ для исторіи края. Находясь среди такихъ крайностей и преувеличеній, мы должны были обратиться къ источнику первой руки — къ архиву самаго гр. Чацкаго, который хранится у насъ въ университетѣ. При помощи такого надежнаго средства, мы можемъ придти къ болѣе спокойному выводу на счетъ полонизаціи чрезъ школы и на счетъ замѣчательной личности гр. Чацкаго. Полонизація края чрезъ народное образованіе началась гораздо раньше Чацкаго, раньше времени учрежденія коммиссіи такъ называемой эдукаціонной, т. е. министерства народнаго просвѣщенія въ бывшей Польшѣ. Во всякомъ случаѣ размѣры дѣйствій коммиссіи просвѣщенія были таковы-же, какъ и размѣры послѣдующей дѣятельности Чацкаго. Русское правительство 1795—1803 г. не сдѣлало въ этомъ никакихъ существенныхъ перемѣнъ, а Чацкій (1803—1813 г.) лишь концентрировалъ задачи коммиссіи учрежденіемъ Кременецкой гимназіи (лицея). Когда не стало Чацкаго, когда Новосильцевъ дѣятельно занялся разыскиваніемъ и истребленіемъ тайныхъ обществъ въ школахъ Виленскаго учебнаго округа (1823 — 1830 г.), то именно въ это время польское направленіе ихъ особенно выразилось и усилилось. Тотъ-же Новосильцевъ столь строгій въ преслѣдованіи вольнодумства и иллюминатства, возставалъ противъ отдѣленія такъ называемыхъ Бѣлорусскихъ губерній (Витебской и Могилевской) отъ Виленскаго учебнаго округа на томъ основаніи, что жители тѣхъ губерній, какъ единоплеменные жителямъ прочихъ западныхъ губерній, должны быть и воспитываемы на общихъ польскихъ началахъ. Полонизаціею юго-западнаго края мы обязаны столько-же Чацкому и Чар-

---

*) Древн. и Нов. Рос. 1879 г.

торыжскому, сколько и русской политикѣ тѣхъ времепъ, которая открыто признавала и содѣйствовала этому явленію и пе чрезъ однѣ школы, а цѣлымъ рядомъ мѣръ (преимущественно административнаго характера). Что касается до личности гр. Чацкаго, то этотъ послѣдній болѣе всѣхъ своихъ соотчичей XVIII вѣка проникся началами „всемірной цивилизаціи“, проповѣданной французскими энциклопедистами. Но, какъ всякому извѣстно, мечты космополитизма, заботы о „человѣкѣ“, отторгнутомъ отъ мѣстныхъ и историческихъ условій, сдѣлались у самихъ французовъ лишь предлогомъ для развитія силы собственной націи на счетъ другихъ. Смертный навсегда осужденъ подчиняться законамъ пространства и времени. Не могъ быть изъятъ изъ нихъ и такой дѣятель, каковъ былъ гр. Чацкій. Онъ былъ полякъ; онъ былъ убѣжденъ, что западно-русскій край есть часть Польши, давно завоеванная силою ея цивилизаціи; онъ жилъ въ первую половину царствованія Александра I-го, когда и въ русскомъ обществѣ господствовало тоже самое убѣжденіе, когда приготовлялись возвратить западную Россію возстановленной Польшѣ. Кого-же слѣдуетъ винить въ томъ, что онъ сообщалъ въ своихъ школахъ польскую образованность, дѣйствуя открыто и съ одобренія русскаго правительства,—его ли, или тѣхъ русскихъ общественныхъ дѣятелей, которые поощряли, превозносили, награждали его именно за то? Мы не мало не сомнѣваемся, что онъ не обращалъ школы въ *непосредственное* орудіе политическихъ цѣлей и страстей. Но мы также не должны сомнѣваться, что общею и отдаленною цѣлью его дѣйствій (кромѣ непосредственной, т. е. распространенія образованности) было умственное, а затѣмъ и политическое возрожденіе Рѣчи Посполитой вообще и въ особенности въ предѣлахъ юго-западнаго края Россіи.

Цѣль и направленіе образованія въ юго-западной Руси, по идеямъ гр. Чацкаго, выражены имъ самимъ въ многочисленыхъ и обширныхъ оффиціальныхъ запискахъ его, которыя въ свое время были представляемы Виленскому университету и попечителю — кн. Чарторыжскому и которыя мы извлекаемъ изъ архива гр. Чацкаго *); это-же,

*) Таковы напр. мемуары: „Объ общемъ состояніи просвѣщенія губерніи Волынской и о средствахъ распространенія наукъ“; „Рапортъ о губерніи Подольской“; „Рапортъ о губерніи Кіевской“ (см. Арх. Чацкаго, Св. IV, № 29 и др.). Къ слову сказать, этотъ архивъ богатъ разнородными данными, такъ какъ въ него вошло и все то, что лично интересовало Чацкаго, какъ ученаго историка и юриста.

хотя уже не съ такою ясностію, выступаетъ изъ многихъ оффиціальныхъ и частныхъ бумагъ того-же архива. Для той-же цѣли воспользуемся и архивами Кременецкаго лицея и визитаторскимъ, также хранящимися при нашемъ Университетѣ.

Въ мемуарахъ Чацкаго мы находимъ цѣнныя историко-сравнительныя данныя о состояніи народнаго образованія юго-западной Руси въ три различныя эпохи: во времена польскаго правленія до 1793 г., въ переходную эпоху 1795—1803 г. (т. е. до назначенія Чацкаго визитаторомъ) и наконецъ во время управленія самого Чацкаго. Для уясненія дѣятельности этого послѣдняго, и мы должны коснуться въ самыхъ общихъ и краткихъ чертахъ эпохи, предшествующей его визитаторству. При этомъ односторонній взглядъ Чацкаго долженъ быть нами провѣренъ и исправленъ при помощи другихъ источниковъ, какъ польскихъ (оффиціальныхъ визитъ *), такъ и извѣстій, идущихъ съ русской точки зрѣнія.

Состояніе образованія юго-западной Руси при польскомъ правительствѣ. Для сравнительной оцѣнки состоянія просвѣщенія при польскомъ правительствѣ Чацкій беретъ эпоху 1775 — 1792 гг., на томъ основаніи, что именно въ это время Польша, умудренная опытомъ (раздѣломъ 1772 г.), „вступила на путь спасительныхъ реформъ и, усвоивъ начала просвѣтительной философіи XVIII в., приступила къ ихъ осуществленію раньше тѣхъ государствъ, которыя хвастались изобрѣтеніемъ этихъ философскихъ принциповъ. Въ частности, правило, по которому общественное образованіе есть обязанность государства, было для Европы лишь абстрактнымъ мечтаніемъ, а Польша провозгласила (въ 1775 г.), что каждое дитя находится подъ опекою государства“. Мы обязаны провѣрить такую патріотическую реплику сухими цифрами, ибо здѣсь слышится старое увѣреніе, что Польша предъ концомъ своего бытія извлекла громадныя зиждительныя силы изнутри собственнаго національнаго духа.

Установленіе коммиссіи народнаго просвѣщенія, на развалинахъ прежняго общества іезуитовъ есть явленіе, дѣйствительно, въ высшей степени важное не только для Польши въ періодъ ея паденія, но и для послѣдующей судьбы образованія въ Россійской имперіи, такъ

*) См. визиту Мушинскаго въ „Кіевской Старинѣ“ 1882 г., май—іюнь.

какъ система школъ, установленная коммиссіею, была усвоена потомъ и въ Россіи. Для нашей-же ближайшей задачи важно, что въ послѣдствіи, въ уставахъ коммиссіи почерпалъ Чацкій цѣли своихъ реформъ для юго-западнаго края, и моральную силу для ихъ проведенія. Чацкій столь-же панегирически относится къ коммиссіи просвѣщенія, сколько антипатична для него прежняя монашеская система образованія, и потому всѣми силами старается представить дѣйствія коммиссіи въ выгодномъ для нея свѣтѣ и возвысить результаты, ею достигнутые. Однако цифровыя данныя, приводимыя самимъ Чацкимъ для оцѣнки внѣшнихъ успѣховъ образованія (распространенности его) не даютъ никакихъ поразительныхъ результатовъ въ пользу дѣйствій коммиссіи, сравнительно съ предшествующею эпохою. До образованія коммиссіи, говоритъ Чацкій, *на Волыни* были слѣд. школы: въ Луцкѣ, Кременцѣ, Острогѣ, Житомірѣ и Овручѣ учили іезуиты; во Владимірѣ и Любарѣ—базиліане; въ Дубровицѣ и Межирѣчьѣ—піары. Учениковъ во всѣхъ этихъ школахъ было (на сколько можно вывести среднія годовыя числа изъ тогдашнихъ неполныхъ реэстровъ 1767—1775 годовъ):

у іезуитовъ	1611
у піаровъ	493
у базиліанъ	457
Итого . .	2561

Во время дѣйствія коммиссіи просвѣщенія и при концѣ существованія Польши, въ нынѣшней Волынской губерніи были слѣдующія школы: въ Луцкѣ, Кременцѣ и Житомірѣ—академическія; въ Овручѣ, Олыкѣ, Острогѣ и Владимірѣ—базиліанскія; въ Межирѣчьѣ и Дубровицѣ—піарскія. Итакъ число школъ осталось ровно такое-же какъ и прежде; но Чацкій увѣряетъ, что прогрессъ образованія тѣмъ не менѣе шелъ впередъ исполинскими шагами, и приводитъ цифры числа учениковъ за 1792 г. Мы познакомимся съ ними сейчасъ, но считаемъ необходимымъ предупредить ихъ оффиціальными свѣдѣніями за 1789 г.

Генеральный осмотръ (визита) Мушинскаго 1789 г. даетъ точныя и подробныя цифры числа учениковъ того времени, а именно слѣдующія: *въ Кременецкихъ* академическихъ школахъ о шести учителяхъ —число учениковъ — 463; *въ Луцкихъ* подокружныхъ академическихъ о трехъ учит.— 144; *въ Олыцкихъ* подокружныхъ школахъ о шести

учит.—54; *во Владимірскихъ* подокружныхъ базиліанскихъ о шести учит.—259; *въ Острожскихъ* подокружныхъ школахъ базиліанскихъ о четырехъ учителяхъ — 102; *въ Овручскихъ* базиліанскихъ о четырехъ учителяхъ—192; *въ Житомірскихъ* акад.—519; *въ Любарскихъ* базиліанскихъ—353; *въ Межирѣчскихъ*—300. Всего по визитѣ 1789 года въ нынѣшней Волынской губ.—2386.

Итакъ во время существованія коммиссіи просвѣщенія число учениковъ на Волыни не возвысилось, а понизилось. Но по свѣдѣніямъ Чацкаго въ 1789 г. было не 2326, а 2991 ученикъ; въ 1790 г.—2912; разница между цифрами Чацкаго и оффиціальной визиты довольно значительна. Мы не будемъ обвинять Чацкаго въ намѣренномъ искаженіи цифръ; но онъ кажется принималъ на вѣру тѣ данныя, которыя показывались на бумагѣ, а не дѣйствительное, наличное число учениковъ, какое отмѣчали ревизоры.

Болѣе подробныя указанія Чацкій даетъ за 1792 г.; тогда было учениковъ:

въ школахъ академическихъ	942
„ „ базиліанскихъ	991
„ „ піарскихъ	590
„ „ ольщкихъ	79
Всего . . .	2602

И эта цифра еще довольно далеко отстоитъ отъ оффиціальной цифры, сообщаемой визитою, именно 2386. Но пусть такъ, пусть при существованіи коммиссіи Волынь имѣла около $2^1/_2$ тыс. учениковъ; какую разницу составляетъ эта цифра отъ 2561, т. е. того числа учениковъ, какое было на Волыни до образованія коммиссіи, по показанію самого Чацкаго? Онъ самъ сознается, что такимъ успѣхомъ похвастаться нельзя и спѣшитъ оговориться, что тогда было много частныхъ школъ (пансіоновъ); но это уже не относится къ дѣятельности коммиссіи просвѣщенія. Затѣмъ онъ прибавляетъ, что много учащихся завербовано въ войско и ушло за границу. Дѣйствительно и ревизоръ Мушинскій подтверждаетъ, что учащіеся уходили въ войска. Но при такихъ общественныхъ порядкахъ нечего и разыскивать слѣдовъ великаго успѣха просвѣщенія, нечего и настаивать на нихъ. Вообще относительно Волыни не подтверждается мысль Чацкаго, что Польша предъ

своею насильственною смертію обнаружила громадныя жизненныя силы, между прочимъ, въ сферѣ народнаго образованія.

О состояніи просвѣщенія *въ Подоліи* (въ воеводствахъ Подольскомъ и Брацлавскомъ) до 1775 г. Чацкій не могъ собрать точныхъ и опредѣленныхъ данныхъ. По его словамъ, „край этотъ, по очищеніи его отъ турокъ въ 1699 г., находился въ состояніи первобытной дикости (особенно Брацлавщина); въ немъ господствовали шайки разбойниковъ и табуны дикихъ коней, а не школы и не просвѣщеніе". Однако темныя краски этой картины, очевидно, преувеличены для того, чтобы придать болѣе яркое освѣщеніе послѣдующей эпохѣ; по показанію самаго Чацкаго, до 1775 г. въ Подоліи были школы, содержимыя іезуитами, именно въ Каменцѣ, Барѣ и Винницѣ; учениковъ было въ Винницкой школѣ—187, въ Каменецкой—270 (въ Барѣ—неизвѣстно). На эти цифры отнюдь нельзя положиться, потому что точныхъ свѣдѣній Чацкій не имѣлъ подъ рукою. Напротивъ свѣдѣнія о Подольскихъ школахъ за 80-е и 90-е годы прошлаго столѣтія есть и весьма полныя; отъ этого зависитъ здѣсь дѣйствительная разница въ пользу послѣднихъ десятилѣтій. По ревизіи Мушинскаго въ 1789 г. было въ Каменецкой школѣ 312 учениковъ, въ Барской-базиліанской —350, въ Винницкой—425; всего 1087. Подобныя-же цифры приводитъ и Чацкій за 1792 годъ; именно тогда было учениковъ:

въ Винницкой школѣ	297
„ Каменецкой	340
„ Барской	350
Всего	1087

Общій итогъ остается тотъ-же; но въ нѣкоторыхъ школахъ число учениковъ уменьшилось во время дѣятельности коммиссіи просвѣщенія *).

Состояніе просвѣщенія въ *нынѣшней Кіевской губерніи* при польскомъ превительствѣ Чацкій изображаетъ слѣдующими чертами: „Потоцкій, въ 1765 г. учредивши базиліанъ въ Умани, поручилъ имъ со-

*) У Чацкаго почему-то пропущена Шаргородская базиліанская школа, въ которой, по показанію Мушинскаго, въ 1789 году было 300 учениковъ; между тѣмъ раньше въ 1782 г. тамъ было *600* учениковъ. Такъ быстро падали нѣкоторыя школы въ эпоху коммиссіи просвѣщенія.

держаніе школы; но въ 1769 г. разразилась страшная уманская рѣзня; ученики и два учителя сдѣлались ея жертвами. Школа возстановлена въ 1774 г. и оставалась единственною на всю ту окраину до тѣхъ поръ, пока въ 1781 г. въ Каневѣ не явилась другая. Эту послѣднюю основалъ опатъ Физикевичъ въ зданіи, воздвигнутомъ Ст. Понятовскимъ. Коммиссія просвѣщенія назначила на нее сначала 1800 зл., потомъ 3550 зл." Кромѣ этихъ двухъ школъ цѣлая нынѣшняя Кіевская губернія не имѣла ни одной. Но вотъ къ концу существованія Польши наступила, по словамъ Чацкаго, перемѣна въ направленіи умовъ сельскаго люда въ Кіевской Украйнѣ. „До того времени народъ смотрѣлъ въ сторону тѣхъ, предки которыхъ благословили Наливайку, Хмѣльницкаго и Дорошенка; народъ не любилъ ни пановъ, ни ихъ религіи. Но къ концу вѣка выгодная торговля хлѣбомъ въ Черноморьѣ, обогащая нѣкоторыхъ, побудила ихъ облагородить себя и сблизиться съ панами; началась миссіонерская дѣятельность; голосъ религіи (т. е. католицизма) доходилъ до сердца народа; неупіатскіе попы молчали, ибо ихъ невѣжество равнялось ожесточенію противъ нашего вѣроисповѣданія". Такъ объясняетъ Чацкій успѣхъ школъ въ Умани и Каневѣ. Объясненіе болѣе, чѣмъ сомнительное; въ Умань и Каневъ шли учиться не дѣти народа, а сыновья тѣхъ отверженцевъ его, которые составляли мрачную и густую атмосферу вокругъ пановъ. По показанію визиты 1789 года въ Каневской школѣ было 139 учениковъ, но изъ нихъ славянскому языку училось 30; „по числу обучавшихся славянскому языку можно съ точностью судить о числѣ русскихъ учениковъ въ школахъ", справедливо замѣчаетъ издатель этой визиты г. Крыжановскій. Варварская расправа съ школьниками и учителями, произведенная Гонтою и Желѣзнякомъ, разумѣется, возбуждаетъ чувство ужаса, но въ то-же время показываетъ степень сочувствія къ этимъ школамъ въ народѣ. По показанію той-же визиты 1789 г. въ Уманскомъ училищѣ тогда было 400 учениковъ. Въ визитѣ 1788 г. содержатся свѣдѣнія о Богуславской частной школѣ, о которой Чацкій упоминаетъ въ двухъ словахъ, что она едва появилась, какъ и закрыта. Ревизія 1788 года указываетъ причины этого; ревизоръ засталъ 40 учениковъ; хотя школа задумана была на широкихъ основаніяхъ частнымъ предпринимателемъ, нѣкіимъ Павломъ Петровичемъ, который объявлялъ, что онъ учитъ грамматикѣ, поэзіи и реторикѣ, но оказалось, что и старшіе ученики

не знаютъ *ни по-польски, ни по-латыни,* что особенно и не понравилось ревизору; онъ призвалъ къ себѣ „директора“ (содержателя) и объявилъ ему, что „онъ измѣнникъ и обманщикъ“. А между тѣмъ потребность въ образованіи была такова что хотя владѣлецъ Богуслава отнялъ у школы ея содержаніе, „оффиціалисты“ сами сложились на такую-же сумму. Изъ этого замѣчанія, между прочимъ, ясно открывается, что главный и почти единственный контингентъ школъ, составляли дѣти дворовыхъ, но что и эти послѣдніе, хотя отверглись своего народа, стремились, однако, пріобрѣтать русское, а не польское обрзованіе.

Вообще во всѣхъ школахъ нынѣшней Кіевской губерніи (кромѣ гор. Кіева), по показанію визиты 1789 г. учениковъ было:

Въ Каневѣ	139
„ Умани	400
„ Богуславѣ	40
Въ Бѣлой-Церкви неизвѣстно.	
Всего же . . .	579

По показанію-же Чацкаго за 1793 годъ, учениковъ было:

Въ Умани	551
„ Каневѣ	320
„ Бѣлой-Церкви	16
Всего . . .	887

Нельзя не признать и эти цифры Чацкаго преувеличенными, потому что и по визитѣ 1790 г. напр. въ Каневскихъ школахъ оказывается только 200 учениковъ.

Этимъ ограничиваются всѣ успѣхи народнаго образованія, достигнутые при польскомъ правительствѣ коммиссіею просвѣщенія. Школы, за очень немногими исключеніями, остались тѣ-же самыя, какія прежде были основаны іезуитами, піарами и бизиліанами; число учениковъ почти не измѣнилось. Главною дѣйствующею силою было и осталось католическое духовенство, столь не любимое Чацкимъ, послѣдователемъ французской философіи XVIII в. Здѣсь дѣйствовала всемірная сила католицизма, а не національная сила польской цивилизаціи.

Но дѣло не столько въ количествѣ, сколько въ качествѣ образованія; такъ по крайней мѣрѣ думалъ Чацкій, превознося дѣятельность

коммиссіи просвѣщенія въ ущербъ дѣятельности іезуитовъ. Качество образованія опредѣляется цѣлію, направленіемъ и составомъ образованія.

Отнятіе образованія изъ рукъ іезуитовъ знаменовало собою секуляризацію его: „помраченіе умовъ“ монахами старались замѣнить „просвѣтленіемъ ихъ“, во вкусѣ Руссо и Вольтера. Не говоря уже о томъ, что во главѣ школы нельзя ставить ни Лойолу, ни Вольтера, мы должны признать, что политическія и національныя обстоятельства Польши были таковы, что и эта цѣль удерживалась только на словахъ и на бумагѣ; образованіе продолжало быть орудіемъ религіознаго фанатизма и пропаганды. Огромное большинство школъ и при коммиссіи просвѣщенія оставалось въ рукахъ піаровъ, доминиканъ и базиліанъ. Изъ предыдущаго видно, что ни визитаторы, ни Чацкій, пересчитывая училища и учениковъ, не берутъ въ разсчетъ и не упоминаютъ о многочисленныхъ школахъ при православныхъ церквахъ. Въ 1789 году состоялось распоряженіе о повсемѣстномъ закрытіи всѣхъ русскихъ церковныхъ школъ и объ изгнаніи изъ всѣхъ прочихъ школъ русскаго языка. Коммиссіи просвѣщенія были противны не только собственно православныя школы, но и остатки греко-восточнаго направленія въ школахъ уніатскихъ; въ этихъ послѣднихъ визитаторы, позволяя отправлять праздники по католическому календарю, воспрещали отправленіе ихъ по календарю греческому; учениковъ православнаго вѣроисповѣданія заставляли посѣщать вмѣстѣ съ католиками и уніатами костелы и уніатскія церкви *).

Такими дѣйствіями коммиссія просвѣщенія вооружала противъ себя все духовенство православное и отчасти бѣлое уніатское, а вмѣстѣ и все милліонное населеніе этихъ вѣроисповѣданій. Учителя ея сдѣлались политическими агентами и проповѣдниками религіозной нетерпимости. Съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣлъ историкъ, къ какой бы партіи и религіи онъ ни принадлежалъ самъ, онъ долженъ согласиться, что такое направленіе образованія къ чуждымъ цѣлямъ, не можетъ быть признано нормальнымъ и выгоднымъ для успѣховъ его. Мечты Чацкаго о томъ, что къ концу существованія Польши разбогатѣвшіе украинскіе мужики вняли голосу католическихъ миссіонеровъ и вступили въ братство съ панами, что такимъ образомъ Богъ и мамонъ соединились въ общемъ дѣлѣ, на пользу польской цивилизаціи—

*) См. записки Бродовича въ Чт. Им. общ. ист. и древ. 1869 г., кн. I—II.

все это только его мечты, не подтвержденныя никакими фактическими указаніями.

Такое явное отступленіе отъ философскихъ антицерковныхъ идей XVIII в., Польша должна была допустить въ слѣдствіе своего ненормальнаго строя. Но она должна была отступить отъ этихъ началъ и въ силу внутренняго противорѣчія самыхъ принциповъ просвѣтительной философіи XVIII в.: если народное образованіе есть исключительно дѣло государства, то оно должно всецѣло подчиняться цѣлямъ государства, хотя-бы и случайнымъ, временнымъ и стороннимъ для самаго образованія; образованіе „человѣка" отступаетъ на задній планъ; оно служитъ исключительно цѣлямъ политики.

И система народнаго образованія *), устроенная польскими реформаторами, исходила изъ того же начала; школы устраивались не по степени и характеру общественной потребности въ томъ или другомъ краѣ, а по обще-административной мѣркѣ, одинаковой для всего государства; въ двухъ центрахъ его—главныя школы (Краковская академія и Виленскій университетъ); въ каждомъ округѣ государства—окружныя школы. Такихъ училищныхъ округовъ въ Коронѣ было 6 (великопольскій, малопольскій, мазовецкій, волынскій, украинскій и піарскій), а въ Литвѣ 4 (литовскій, русскій—въ Новогрудкѣ, полѣсскій и жмудскій). Здѣсь только въ одномъ случаѣ сдѣлано отступленіе отъ территоріальнаго раздѣленія государства, именно въ устройствѣ округа піарскаго для піарскихъ школъ всего государства, что, конечно, было аномаліею въ цѣлой системѣ образованія. Окружныя школы—это 6-ти классныя гимназіи (съ 7 лѣтнимъ курсомъ; 5-й класъ былъ двухлѣтній); въ нихъ, кромѣ ректора и префекта, полагалось 6 учителей наукъ и два учителя иностранныхъ языковъ. Въ каждомъ подраздѣленіи округа были школы подокружныя, т. е. трехклассныя училища (съ 2 годичнымъ курсомъ въ каждомъ классѣ) при трехъ учителяхъ подъ начальствомъ проректора. Въ отдѣльныхъ приходахъ предполагались школы приходскія — парафіальныя. Это живо напоминаетъ наши *губернскія* гимназіи, *уѣздныя* училища, *приходскія* школы; да и неудивительно, потому что русская система скопирована съ польской.

---

*) См. о ней: Joz. Lukaszewicza: „Historya szkół w Koronie i W. X. Litewskiem do roku 1794" и Е. М. Крыжановскаго: „Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ" („Кіевская Старина", февр. и мартъ 1882 г.).

Народное образованіе, какъ ни разнообразилось оно по объему, начиная отъ главной школы и кончая приходскою, должно было исходить изъ однихъ и тѣхъ-же началъ и проникаться единымъ духомъ. Основное начало его есть служеніе государству,—идея древне-классическаго міра, воскрешенная Франціею конца XVIII в. Къ этому направленъ былъ весь составъ образованія и вся механика воспитательная (и то и другое формулировано ех-іезуитомъ Пирамовичемъ, который былъ душею и главнымъ двигателемъ коммиссіи). Кромѣ обыкновенныхъ элементарныхъ знаній (въ I и II классахъ), въ училищахъ преподаваемо было краснорѣчіе, затѣмъ *нравственность и право;* подъ первымъ названіемъ подразумѣвалось право естественное, а подъ вторымъ право политическое, политическая экономія, исторія и географія. „Мораль", именуемая иначе nauka obyczajów, заключала въ себѣ учебникъ гражданскаго права и вмѣстѣ кодексъ приличій и житейской ловкости, а отнюдь не начала христіанской нравственности (въ ней, между прочимъ, преподавалось ученіе о пріобрѣтеніи собственности, о духовныхъ завѣщаніяхъ и о правѣ обязательственномъ); основанія же для моральныхъ ученій въ собственномъ смыслѣ почерпаемы были изъ древне-языческой философіи, преимущественно изъ „de officiis" Цицерона. Цѣлію права политическаго было „пониманіе недостатковъ въ законахъ каждой страны и способовъ усовершенствованія законовъ". Учителю не только позволялось, но и предписывалось разбирать съ учениками каждое новое постановленіе, т. е. упражнять учениковъ въ критикѣ законовъ на основаніи „высшей правды" (естественной), и въ сферѣ государственнаго устройства оцѣнивать недостатки каждой формы его, руководствуясь началомъ „счастья народовъ". Сюда присоединялось еще международное право. Подъ именемъ „экономіи" разумѣлось частное хозяйство, а не политическое; высокія задачи физіократовъ и Ад. Смита въ захолустныхъ полѣсскихъ и степныхъ училищахъ сводились на рецепты земледѣльческихъ пріемовъ, на путешествіе учениковъ по ремесленнымъ заведеніямъ, лавкамъ, базарамъ, какъ будто этимъ способомъ можно было научиться хотя бы производству ремеслъ и ознакомиться съ правилами торговыхъ оборотовъ. Съ содержаніемъ „экономіи" совпадаетъ отчасти и „физика" въ обширномъ смыслѣ, т. е. естествовѣдѣніе; она начиналась съ огородничества и земледѣлія, продолжалась минералогіей и ботаникой, физикой и химіей и заканчива-

лась гигіеною и исторіею искусствъ и ремеслъ. И эти всѣ доктрины сводились б. ч. на практически-хозяйственныя знанія. Такихъ-же практическихъ цѣлей не избѣжала и математика, которая, хотя и заключала въ себѣ (по названію) геометрію, алгебру, тригонометрію и логику (sic),—но при этомъ требовалось, чтобы на изложеніе основныхъ понятій употреблялось какъ можно менѣе времени, а постоянно имѣлось-бы въ виду житейское примѣненіе ихъ. Изъ исторіи преподавалась только древняя и польская, такъ какъ эта наука имѣла цѣлію только образованіе гражданина. Словомъ, вся система образованія можетъ быть названа не столько суммою реальныхъ знаній, сколько агрегатомъ прикладныхъ свѣдѣній, преимущественно сельско-хозяйственныхъ, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ другихъ, пригодныхъ для образованія изъ учащихся резонирующихъ патріотовъ. Впрочемъ учащійся долженъ былъ научиться не только резонировать, но и дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи. Для этой цѣли большое число часовъ (въ рекреаціонные и праздничные дни) жертвовали на такъ называемыя военныя упражненія. Не смотря на такія гражданскія основанія школьнаго образованія, школы, какъ сказано, въ дѣйствительности оставались клерикальными, ибо онѣ въ большинствѣ находились въ рукахъ духовенства.

Воспитательный надзоръ устроенъ былъ на взаимномъ наблюденіи (чтобы не сказать—шпіонствѣ) какъ между начальствующими и учащимися, такъ и между учениками: ректоръ и префектъ наблюдаютъ за учителями, учителя не только наблюдаютъ за ректоромъ, но могутъ дѣлать ему замѣчанія и судить его въ общемъ собраніи учителей. Надъ учениками въ классѣ наблюдаютъ ученики-же — декуріоны; въ квартирахъ также ученики—директоры. Воспитательныя мѣры сводятся къ краснорѣчивымъ назиданіямъ и постояннымъ рѣчамъ, съ которыми на каждомъ шагу обращаются ректоръ, префектъ, учителя, декуріоны и директоры къ провинившимся ученикамъ и товарищамъ, что̀ должно было пріучать къ лицемѣрію и фразерству.

Мы нѣсколько распространились объ этой системѣ образованія и воспитанія потому, что она всецѣло удержалась и при русскомъ правительствѣ, какъ до Чацкаго, такъ при немъ и даже послѣ него, до открытія кіевскаго округа и Университета св. Владиміра.

Состояніе народнаго образованія при русскомъ управленіи (1795—1803). Съ перемѣною правительства по присоединеніи юго-запад-

наго края къ Россіи, мы не видимъ измѣненій ни въ успѣхахъ, ни въ системѣ образованія; напротивъ по мнѣнію Чацкаго, наступила тотчасъ большая перемѣна въ отношеніяхъ общества къ дѣлу просвѣщенія. „Самый переходъ изъ-подъ власти отечественной къ чужой, перемѣна законовъ (?), скорбь объ утратѣ отчизны, неувѣренность въ будущемъ и страхъ,— все это, взятое вмѣстѣ, произвело перерывъ въ прогрессѣ образованія“...; а по дальнѣйшимъ словамъ Чацкаго оказывается, что это былъ не перерывъ, не остановка только, а „движеніе вспять въ дѣлѣ просвѣщенія“. Чацкій лично будто-бы замѣчалъ упадокъ нравовъ и справедливости въ обществѣ и государственныхъ учрежденіяхъ. На нашъ взглядъ высказанныя Чацкимъ причины отнюдь не уясняютъ упадка образованія (если онъ былъ): образованіе научное не стоитъ въ неизмѣнной связи съ политикою, чему ближайшимъ доказательствомъ служитъ роскошный разцвѣтъ польской науки и литературы въ XIX в. Но дѣйствительно-ли замѣчается такой упадокъ во времена начавшагося русскаго управленія краемъ? Чацкій старается доказать это цифрами и говоритъ, что „ничто лучше не покажетъ упадка наукъ, какъ простое сравненіе числа учениковъ въ высшихъ классахъ:

Въ 6-мъ классѣ	въ 1793 г.	было учениковъ		140
„ „ „	„ 1803 г.	„ „		48
„ 5-мъ „	„ 1793 г.	„ „		235
„ „ „	„ 1803 г.	„ „		51“.

Не говоря уже о томъ, что у насъ нѣтъ данныхъ для провѣрки этихъ цифръ (а вѣрить на слово Чацкому мы не можемъ), намъ кажется, что пріемъ его, для провѣрки состоянія просвѣщенія, весьма неудаченъ. Уменьшеніе учениковъ въ высшихъ классахъ означаетъ, что болѣе состоятельные люди уклоняются отъ *мѣстныхъ* школъ и можетъ быть находятъ замѣну ихъ въ другихъ — высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ это въ дѣйствительности и было, при новой организаціи Виленскаго университета и усилившейся славѣ Краковскаго. Гораздо болѣе ведетъ къ цѣли сравненіе общихъ числъ учащихся по двумъ эпохамъ. Заимствуемъ ихъ у самого Чацкаго; по его счету въ губерніи Волынской въ 1803 г. всѣхъ учащихся въ уѣздныхъ, приходскихъ и частныхъ училищахъ было 2338. Выше было приведено (со словъ самого-же Чацкаго), что въ 1793 г. во всѣхъ школахъ Волынской губерніи было 2602. Разница не очень поразительная; но мы выше видѣли,

что, судя по оффиціальнымъ польскимъ даннымъ, эта цифра должна быть признана преувеличенною и что ее слѣдуетъ сократить до 2400. Однако и эта ничтожная разница лишь мнимая; въ эпоху русскаго управленія изъ общественныхъ свѣтскихъ школъ ушла значительная масса учениковъ—именно дѣтей православнаго духовенства—въ духовныя семинаріи, противъ чего въ особенности вооружается Чацкій. Нѣсколько разъ съ настойчивостію и огорченіемъ писалъ онъ о томъ Виленскому университету, восклицая: „500 учениковъ въ Острогѣ, 1000—въ Кіевѣ, 540—въ Шаргородѣ!“ Если изъ этихъ числъ выбросить 1000 кіевскихъ учениковъ (относящихся къ Кіевской губ.) и 540 учениковъ (относящихся къ Подольской губ.), то остальное число 500 нужно присоединить къ приведенному выше числу учениковъ Волынской губерніи, что́ и составитъ вмѣстѣ 3878, — а это значительно больше числа учениковъ, бывшихъ въ общественныхъ школахъ при польскомъ правительствѣ. Но по мнѣнію Чацкаго, число учениковъ духовныхъ школъ означаетъ не прибавку къ просвѣщенію, а препятствіе къ нему. Онъ предлагалъ, между прочимъ Университету „выхлопотать указъ“, чтобы греко-россійскіе священники не были *принуждаемы* (въ Волынской губ.) отдавать своихъ дѣтей только въ Острожскую епархіальную школу. „Это (по его словамъ) есть насиліе личной свободы, это есть грабежъ учениковъ у публичныхъ школъ; чрезъ это четвертая или пятая часть всѣхъ учащихся въ губерніи отдается подъ вліяніе другаго рода образованія. Ученикъ какого-бы то ни было вѣроисповѣданія подлежитъ власти родителей и власти органовъ просвѣщенія. Хорошо-ли, если многочисленный и важный классъ общества становится *препоною для успѣховъ просвѣщенія* и благодѣтельныхъ усилій правительства?“ Но чтобы утверждать, что духовное просвѣщеніе было тогда не просвѣщеніемъ, а препоною къ нему, надо было доказать, что оно стояло безконечно ниже образованія въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ того времени. Зная это послѣднее подробно по рапортамъ самого Чацкаго, мы крѣпко сомнѣваемся въ томъ.

Кромѣ сдѣланной поправки, слѣдуетъ во многомъ исправить и самыя цифры, представляемыя Чацкимъ, именно въ отношеніи къ числу школъ. По счету Чацкаго въ Волынской губерніи было тогда (1795—1803 г.) 46 школъ *) (а не 9, какъ при коммиссіи просвѣщенія), именно

*) По итогу Чацкаго 41, но онъ самъ перечисляетъ 46 школъ.

10 уѣздныхъ (во Владимірѣ, Луцкѣ, Дубровицѣ, Олыкѣ, Кременцѣ, Межирѣчьѣ, Любарѣ, Овручѣ, Бердичевѣ и Житомірѣ) и 26 приходскихъ (Порыцкѣ, Владимірѣ, Загоровѣ, Турійскѣ, Луцкѣ, Жидичинѣ, Бѣлостокѣ, Дубнѣ, Дерманѣ, Берестечкѣ, Аннополѣ, Заславѣ, Полянкѣ, Почаевѣ, Кременцѣ, Вишневцѣ, Радзивиловѣ, Ровнѣ, Шпановѣ, Теофильполѣ, Староконстантиновѣ, Звяглѣ, Корцѣ, Веледникахъ и Трояновѣ; сверхъ того 6 пансіоновъ). Можно-ли повѣрить, что во всѣхъ этихъ училищахъ, взятыхъ въ совокупности было меньше учениковъ, чѣмъ въ прежнихъ—9-ти, бывшихъ при польскомъ правительствѣ? Всѣ эти школы, были, разумѣется, польскія, всѣ онѣ были оплотами полонизаціи; а потому, настаивая на существованіи ихъ при русскомъ правительствѣ, мы не льстимъ этому послѣднему, а лишь возстановляемъ истину.

Въ Подольской губерніи, увѣряетъ насъ Чацкій, съ русскимъ владычествомъ также наступилъ будто-бы упадокъ просвѣщенія. Зданія Винницкой школы обращены подъ присутственное мѣсто; въ Каменецкой школѣ завелась интрига, совершенно испортившая школу. Въ концѣ царствованія Павла школа Винницкая опять возобновилась, но учителя и порядки были уже не тѣ; учителя, изъ которыхъ нѣкоторые были опредѣлены русскимъ правительствомъ, были много хуже, чѣмъ прежде; въ числѣ послѣднихъ былъ, напр., французъ, который училъ польскому краснорѣчію. Правда въ эту эпоху Потоцкій открылъ новую школу въ Немировѣ; но въ общемъ образованіе упало; родители, въ слѣдствіе стороннихъ побужденій, искали для дѣтей другой дороги. Но для фактическаго и цифроваго доказательства такого упадка, Чацкій опять беретъ только число учениковъ однихъ высшихъ классовъ. Общія-же числа учениковъ и школъ за эту эпоху не говорятъ въ пользу его вывода. Уѣздныхъ училищъ было тогда 4 (въ Каменцѣ, Винницѣ, Барѣ и Немировѣ), а приходскихъ 21 (Черцѣ, Грудкѣ, Проскуровѣ, Сатановѣ, Михаловцахъ, Летичевѣ, Зиньковѣ, Старосинявѣ, Брацловѣ, Тывровѣ, Тульчинѣ, Вороницѣ, Грановѣ и проч.). Общее число учениковъ этихъ школъ въ 1803 году было 1971. Въ томъ числѣ Барское училище имѣло 844 ученика, а Винницкое — 447. Сравнивая эти числа съ приведенными выше, находимъ, что число школъ при русскомъ правительствѣ сравнительно съ числомъ ихъ при польскомъ возрасло болѣе чѣмъ въ 8 разъ, а число учениковъ почти

вдвое; присоединяя-же сюда 540 учениковъ Шаргородскаго духовнаго училища,—и того болѣе.

Что касается до Кіевской губерніи, то Чацкій опять утверждаетъ, что и здѣсь, съ утвержденіемъ русскаго правительства дѣла пошли не въ пользу просвѣщенія. Въ Умани нѣсколько лѣтъ не было ни учителей, ни учениковъ; но Каневское училище, благодаря особымъ связямъ Физикевича съ правительственными лицами, уцѣлѣло. Здѣсь снова Чацкій проводитъ параллель между цифрами учениковъ лишь высшихъ классовъ по двумъ эпохамъ, къ невыгодѣ позднѣйшей. Не появилось, говоритъ онъ, ни одной новой школы; сыновья поповъ и дьяковъ отправлялись учиться въ Кіевъ. По его даннымъ и общее число учениковъ къ 1803 г. понизилось, не смотря на то, что Кіевъ уже составлялъ одно административное цѣлое съ нынѣшнею его губерніею и ученики его школы входятъ въ общую сумму учениковъ губерніи; но опять его выводы не подтверждаются цифрами. Мы видимъ, что по визитѣ 1789 г. здѣсь считалось всего 579 учениковъ, а въ 1803 году по показанію Чацкаго было:

въ уѣздныхъ училищахъ	439 уч.
„ Бѣлоцерковской приходской школѣ	25 „
„ Кіевскомъ народномъ училищѣ	113 „
Итого . .	577 уч.

и сверхъ того 31 ученица въ Кіевскомъ народномъ училищѣ; всего-же 608.

Въ Кіевскомъ народномъ училищѣ, по словамъ Чацкаго, учатся плохо; но насколько этотъ отзывъ безпристрастенъ показываетъ его оцѣнка Кіевской академіи, заведенія болѣе извѣстнаго.

Чацкій визитировалъ эту знаменитую академію и сообщаетъ точныя и довольно подробныя свѣдѣнія о ея матеріальныхъ средствахъ и составѣ образованія; но за то отзывъ его о характерѣ этого послѣдняго исполненъ неприязни. Богословіе Прокоповича ему не нравится своими полемическими выходками. „Мнѣ казалось, говоритъ онъ, что я нахожусь въ библіотекахъ цареградскихъ, среди памятниковъ борьбы восточнаго исповѣданія съ западнымъ. Такая книга богословія могла быть терпима развѣ предъ вѣкомъ Эразма“. Общее его заключеніе объ академіи таково: „молодежь прилежитъ къ латинскому языку и бого-

словію; въ нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ успѣхи незначительны; въ математикѣ и *философіи никакихъ.* Вообще нужно высказать неутѣшительную правду, что эта, когда-то славная академія, находится въ періодѣ упадка. Нечего повторять извѣстной истины, что худой учитель часто больше принесетъ вреда, чѣмъ самое невѣжество". Въ академіи изъ 1146 уч. онъ нашелъ около 900 сыновей священниковъ, „которыхъ третья часть изъ нашихъ губерній".

Чацкій не только порицаетъ состояніе образованія въ собственно русскихъ училищахъ (Кіевскомъ народномъ и Кіевской академіи),— онъ находитъ признаки качественнаго паденія его и въ прежнихъ польскихъ училищахъ юго-западнаго края. Упадокъ образованія, по его мнѣнію, обнаруживается прежде всего изъ того, какіе предметы школьнаго образованія изучались наиболѣе охотно и какіе наименѣе; а это видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ цифръ: въ Волынской губерніи русскому языку обучалось 1187 учениковъ; французскому языку— 869; нѣмецкому языку—565. Въ Кіевской губерніи русскому языку обучалось 460 учен., французскому языку — 240, нѣмецкому — 170. Чацкаго непріятно поразило такое неожиданное предпочтеніе русскаго языка предъ нѣмецкимъ и французскимъ, какъ будто рѣчь идетъ о такой странѣ, которой всѣ эти языки одинаково чужды, и какъ будто это обстоятельство, дѣйствительно, можетъ служить мѣриломъ состоянія образованія. Изъ небольшаго числа учениковъ V и VI классовъ едва четвертая часть, говоритъ онъ, обнаруживала охоту къ словесности (т. е. къ польской литературѣ). Что касается до способа преподаванія и учебныхъ пособій, то Чацкій, не дѣлая никакой оцѣнки того и другаго относительно прочихъ предметовъ, ограничивается лишь порицаніемъ учителей русскаго языка, назначаемыхъ тогда приказами общественнаго призрѣнія. Далѣе онъ говоритъ: „исторіи россійской учились, а народной исторіи польской почти нигдѣ не преподавали, полагая, что правительство требуетъ, чтобы ученикъ уже совсѣмъ не зналъ собственной *провинціальной* исторіи (sic) и что ему слѣдуетъ внушать привязанность къ новому правительству посредствомъ презрительнаго забвенія собственной земли и собственныхъ предковъ". Первый визитаторъ при русскомъ управленіи — Сафоновъ запрещалъ въ школахъ изученіе мѣстнаго права (prawo krajowe), какъ весьма вредное; а потому во многихъ мѣстахъ ему вовсе не учили, а въ другихъ

преподавали, но скрывая его подъ именемъ морали (мы знаемъ уже, что подъ этимъ названіемъ скрывалось частное право и по уставу польской коммиссіи просвѣщенія). Вообще Чацкій въ своихъ „визитахъ“ (актахъ ревизіи) нерѣдко заявляетъ, что до него не преподавали въ школѣ того или другаго; но до какой степени можно полагаться на такія заявленія, показываетъ слѣдующій документъ. Въ 1803 году школа Межирѣцкая рапортуетъ Чацкому, что она получила актъ его „визиты“ и прочитала съ почтеніемъ. „Но (пишутъ учителя), когда мы читаемъ, будто бы мы изъ боязни и по устному приказанію губернскаго визитатора не учили польской исторіи, и будто-бы лишь не задолго передъ тѣмъ начали учить логикѣ также въ слѣдствіе страха, то вы позволите донести вамъ, что эти два пункта возбудили въ насъ удивленіе и замѣшательство. Удивленіе — потому, что какъ польской исторіи, такъ и логикѣ мы непрерывно учили и учимъ; доказательство этого вы найдете въ вопросахъ самой визиты; замѣшательство-же наше происходитъ изъ того, что особы, высылаемыя для визитаціи училищъ отъ губернской власти, могутъ занести на насъ жалобу, якобы они запрещали намъ преподавать тѣ или другія науки, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ намъ не было дано въ этомъ отношеніи никакого запрещенія и заказа, почему мы и учили упомянутымъ предметамъ безъ опасенія непрерывно. Только за одно правовѣдѣніе дѣйствительно опасались, однако и ему начали обучать съ прошлаго года; и на него не было опредѣленнаго запрета, а только частный совѣтъ визитатора Сафонова. Скоро наступили болѣе благопріятныя времена; страхъ исчезъ и мы сами рѣшились преподавать правовѣдѣніе. Одни записки по ассирійской исторіи были признаны Чегринцомъ за противоправительственныя и были конфискованы“. Подписали: Котюжинскій, Дамченскій, Подгороденскій, Жебровскій, Куликовскій (учитель права), Лисовскій, Кмита *). Не смущаясь такими поправками и продолжая утверждать, что съ 1795 г. образованіе въ юго-западной Россіи упало во всѣхъ отношеніяхъ, Чацкій заключаетъ, что общій духъ просвѣщенія сильно упалъ, между прочимъ, отъ слѣдующаго обстоятельства: „на-

*) Архивъ Чацкаго. Св. 11, № 16. Не всѣ училища могли давать такой смѣлый отпоръ для возстановленія истины, искажаемой въ „визитахъ“. Мы не въ состояніи изъяснить храбрости и Межирѣцкой школы.

сильственное апостольство (т. е. обращеніе въ православіе) совершило быструю желанную (разумѣется—для русскаго правительства) перемѣну вѣры. Насильственный прозелитизмъ въ каждомъ вѣроисповѣданіи имѣетъ одинаковыя послѣдствія, именно—принятіе внѣшнихъ обрядовъ религіи за самую религію. Попы (karłапу), перемѣняя вѣру, доходя во многихъ мѣстахъ до завзятой ненависти къ оставленной ими самими религіи и ея исповѣдникамъ, подогрѣвали (въ народѣ) ненависть къ помѣщикамъ. Быстро измѣнивъ вѣру (уніатство), они забыли о правилахъ общихъ обоимъ вѣроисповѣданіямъ и возбудили неуваженіе къ самимъ себѣ. Новое правительство извиняло этимъ перевертнямъ ихъ пороки. Народъ, не допускаемый къ нашему духовенству (католическому), не могъ сближаться съ тѣми, которыхъ издавна уважалъ и продолжалъ уважать..... Народъ, снова погруженный въ новое невѣжество, не получаетъ отъ религіи ни утѣшенія, ни исправленія. Помѣщики также, при перемѣнѣ правительства, освоились съ мыслію о возможности притѣснять крестьянъ". Такія филиппики сами говорятъ за себя и не нуждаются въ комментаріяхъ.

Состояніе народнаго образованія при Чацкомъ. Изъ такого взгляда Чацкаго на исторію просвѣщенія въ юго-западномъ краѣ до него само собою ясно, къ какой цѣли будутъ направлены усилія самого Чацкаго, какими правилами онъ будетъ руководствоваться самъ, въ качествѣ главнаго руководителя училищнаго дѣла въ цѣломъ краѣ. Основное начало свое онъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: „гдѣ дѣло идетъ объ общественномъ образованіи, тамъ нужно руководствоваться потребностями того общества, которое хотятъ исправить. Воспитаніе начинается и кончается среди семейства. Если намѣренія правительства не будутъ соотвѣтствовать *потребностямъ и убѣжденію родителей*, то наилучшій уставъ не достигнетъ своей цѣли и осуществленія". Изъ предыдущаго видно, что, по мнѣнію Чацкаго, въ юго-западномъ краѣ общество и семейство—польское. Возможность приведенія такого принципа Чацкій усматривалъ и привѣтствовалъ въ просвѣщенной политикѣ первой половины царствованія Александра I.

Нѣтъ сомнѣнія, что на этомъ пути Чацкимъ сдѣлано весьма много, но не столько, сколько приписываютъ ему его панегиристы. В. Я. Шульгинъ откуда-то заимствовалъ слѣдующія данныя объ успѣхахъ его дѣятельности: „когда Чацкій въ 1803 г. принялъ должность визи-

татора, въ губерніяхъ Волынской, Кіевской и Подольской было всего *5 учебныхъ заведеній;* когда онъ умеръ, ихъ было уже 127". Намъ неизвѣстно, что ввело Шульгина въ такое крупное заблужденіе. По счету самаго Чацкаго въ 12 уѣздахъ одной Волынской губерніи было предъ визитою его (т. е. назначеніемъ его на должность) *40 школъ;* а въ концѣ дѣятельности Чацкаго 88 *). Но мы видѣли, что Чацкій ошибается въ счетѣ: предъ „визитою" его было въ Волынской губерніи не 40, а *46 школъ.* Мы видѣли уже, что въ Подольской губерніи до Чацкаго было 25 школъ, въ Кіевской оставалось прежнихъ три; итого во всемъ юго-западномъ краѣ Чацкій засталъ не 5, а 74 школы; но въ этотъ счетъ не вошли неорганизованныя мелкія приходскія училища.

Что касается до числа школъ при Чацкомъ, то относительно среднихъ училищъ оно осталось безъ измѣненій; а именно: въ Волынской губ. уѣздныхъ училищъ было 10: по два—въ Луцкомъ, Житомірскомъ и Ровенскомъ уѣздахъ и по одному въ Дубенскомъ, Владимірскомъ, Кременецкомъ и Овручскомъ; въ остальныхъ 5 уѣздахъ ни одного. (Чацкій проэктировалъ, но не осуществилъ училища въ Ковлѣ, въ Теофильполѣ и въ Острогѣ).

Въ Подольской губерніи было 4 училища на 12 уѣздовъ: Каменецкое, Винницкое, Брацлавское и Могилевское. (Чацкій проэктировалъ гимназію въ Винницѣ и уѣздное училище въ Гайсинѣ, но не осуществилъ ни того, ни другого).

Въ Кіевской губерніи и при Чацкомъ существовали только упомянутыя выше три училища. Изо всего проэктированнаго Чацкимъ, осуществлена одна гимназія въ Кременцѣ. Вообще при Чацкомъ оставались на степени уѣздныхъ училищъ лишь тѣ школы, которыя были основаны при польскомъ правительствѣ и продолжали существовать до него и при русскомъ.

Нѣкоторое увеличеніе числа школъ относится къ приходскимъ училищамъ, которыя впрочемъ и при Чацкомъ не получили прочной организаціи и обезпеченія. Существованіе ихъ всегда оставалось случайнымъ, зависящимъ отъ воли, иногда прихотей духовенства; разумѣемъ духовенство католическое, потому что всѣ приходскія школы, которыя Чацкій принималъ въ разсчетъ, основаны при костелахъ и уніат-

*) Арх. Чацкаго, Св. 4-я, 160.

скихъ церквахъ и монастыряхъ. Уцѣлѣвшія-же православныя оставались, какъ и были до Чацкаго, но въ разсчетъ общаго числа не вводятся.

Для уясненія дѣла приводимъ таблицу числа школъ въ Волынской губерніи и сравненіе съ числомъ ихъ въ предшествующую эпоху, составленную самимъ Чацкимъ.

Въ уѣздахъ.	Уѣздныя училища.	Приходскія при костелахъ.	Училища при монастыряхъ.	Пансіоны.	Итого по уѣзду.
Владимірскомъ . . .	1—Владимірское . .	8	6	1	16
Ковельскомъ . . .	1—Ковельское [1]) . .	4	1	—	6
Луцкомъ	2—Луцк. и Дубров. .	3	2	1	8
Кременецкомъ . . .	1—Кременецкое . .	5	2	1	9
Дубенскомъ	1—Олыкское . . .	2	5	—	8
Острожскомъ . . .	1—Острожское [2]) . .	—	3	—	4
Ровенскомъ	1—Межирѣчское. .	6	2	—	9
Заславскомъ	— —	2	3	1	6
Новоградъ - Волынск.	1—Любарское . . .	2	1	2	6
Староконстантинов. .	1—Старок. или Теофильцольское [3]) .	—	2	—	3
Житомірскомъ	2 — Житомірское и Бердичевское . .	2	2	1	7
Овручскомъ	1—Овручское . . .	1	4	—	6
Итого въ 12 уѣздахъ	13	35	33	7	88
Было до Чацкаго . .	10	9	15	6	40 [5])
При Чацкомъ больше	3 [4])	27	18	1	49

О числѣ учениковъ при Чацкомъ можно привести данныя только по нѣкоторымъ отдѣльнымъ школамъ, напр.: во Владимірскомъ училищѣ, при началѣ дѣятельности Чацкаго, въ 1804—1805 гг. было учениковъ: въ 1-мъ классѣ—57, во 2-мъ—26, въ 3-мъ—27, въ 4-мъ—13, въ 5-мъ—6; всего—129. Въ срединѣ эпохи Чацкаго эти цифры уже значительно понизились: въ 1-мъ классѣ — 58, во 2-мъ — 19, въ 3-мъ—14, въ 4-мъ—9; всего—109. Въ 1805—6 учебномъ году въ томъ-же училищѣ не было ни одного ученика 5-го класса. Вележинскій (предводитель дворянства Новоградъ-Волынскаго уѣзда), которому Чацкій поручалъ за себя визитаціи въ Овручѣ и Любарѣ, писалъ въ 1807 г. объ училищѣ Овручскомъ, что въ немъ число учениковъ съ прошлаго года, когда ихъ было 227, понизилось до 175, что, конечно, объяснялось и можно объяснять случайными причинами. Но это дока-

[1]) [2]) [3]) [4]) Предполагаемыя.

[5]) Мы знаемъ уже, что этотъ итогъ не вѣренъ; Чацкій въ другомъ мѣстѣ перечисляетъ и называетъ 46 школъ.

зываетъ, что числа въ этомъ случаѣ требуютъ еще другихъ поясненій. Относительно Подольской губерніи мы нашли у Чацкаго свѣдѣнія только за 1808 годъ и въ нихъ сказывается въ уѣздныхъ училищахъ уменьшеніе числа учениковъ, а именно: въ 1804 г. было 1681 уч. а въ 1808 году—1522 *).

При отрывочныхъ и неточныхъ цифровыхъ данныхъ, мы не беремся утверждать, что при Чацкомъ число учащихся вообще понизилось. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ училищахъ, особенно въ излюбленной имъ Кременецкой гимназіи, численность ихъ несомнѣнно и быстро возрастала; да иначе не было-бы основаній приписывать Чацкому успѣхъ полонизаціи западно-русскаго края ни въ какой мѣрѣ.

Мы вооружаемся только, на основаніи фактическихъ данныхъ (извлекаемыхъ изъ собственнаго архива Чацкаго), противъ чрезмѣрнаго преувеличенія внѣшнихъ числовыхъ успѣховъ образованія при немъ, желая исправить крупную ошибку В. Я. Шульгина.

Не отнимая у Чацкаго славы распространителя польскаго образованія въ русскомъ краѣ (хотя не въ тѣхъ преувеличенныхъ размѣрахъ, какъ думаютъ), мы должны обратить большее вниманіе на сущность этого образованія.

Кругъ наукъ, преподававшихся тогда въ школахъ юго-западнаго края, вполнѣ соотвѣтствовалъ энциклопедическому направленію визитатора и вкусамъ XVIII в., въ которыхъ онъ былъ воспитанъ. Уже до того времени коммиссія просвѣщенія смѣшала древне-классическую основу образованія съ доктринами чисто-утилитарными. Чацкій пошелъ по пути этого смѣшенія еще дальше. Въ его идеалахъ носился образъ человѣка, обладающаго высшимъ гуманнымъ образованіемъ, но въ то-же время опытнаго сельскаго хозяина, огородника, садовника, техника и пр., словомъ—землевладѣльца-шляхтича, читающаго за плугомъ Георгики Виргилія. Всему этому должна была научить средняя школа. Онъ настаивалъ, чтобы каждая школа имѣла образцовый садъ и огородъ, чтобы въ ней учили не только механикѣ и химіи, но и краснорѣчію Цицерона. Въ 1-мъ классѣ уѣздныхъ училищъ преподавали тогда элементарную грамматику, Федровы басни, науку моральную, катехизисъ, св. исторію, географію, ариѳметику и латинскій языкъ

*) Арх. Чацкаго, Св. 26, стр. 54.

(переводы правоучительныхъ отрывковъ съ латинскаго на польскій и съ польскаго на латинскій). Во 2-мъ классѣ преподавали исторію, переводили жизнь Аристида и письма Цицерона, затѣмъ въ этомъ классѣ оканчивались науки, начатыя въ первомъ. Въ 3-мъ прибавлялась геометрія и начиналось сельское хозяйство (о живыхъ изгородяхъ, о щепленіи, очкованіи и т. д.). Въ 4-мъ классѣ продолжалась грамматика, мораль, исторія всеобщая (греческая), начиналась словесность, открывавшаяся опредѣленіемъ разницы между человѣкомъ краснорѣчивымъ и краснобаемъ (wymownym i krasnomówcą), переводили съ латинскаго на языкъ отечественный (т. е. польскій) нѣсколько эклогъ Виргилія. Здѣсь-же преподавалась физика. Въ 5-мъ классѣ ко всему прочему присоединялись: правовѣдѣніе (право государственное проходилось до описанія власти законодательной), логика (Кондильяка), алгебра *), физіологія растеній. Кромѣ того преподавались языки: русскій (три раза въ недѣлю по 1 часу), нѣмецкій и кое-гдѣ французскій.

Языкъ преподаванія для всѣхъ предметовъ (въ томъ числѣ и русскаго языка) былъ разумѣется польскій, вездѣ за исключеніемъ Кіевскаго народнаго училища.

Учебниками для школъ служили большею частію книги, изданныя для этой цѣли еще польскою коммиссіею просвѣщенія: катихизисъ кс. Беллярмина, священная исторія—Флери, географія—Выбицкаго, ариѳметика — „коммиссіонная"; всеобщая исторія — кс. Каэтана Скшетусскаго (пользовавшаяся тогда особою славою), „наука права естественнаго, права политическаго, политической экономіи и права международнаго" —ректора Виленскаго университета Стройновскаго (издан. въ 1785 г. и вовсе не приспособленная къ элементарному курсу среднихъ учебныхъ заведеній), грамматика—ксендза Копчинскаго (изд. въ 1778 г., весьма оригинальная по замыслу: она имѣла цѣлію изложить не пра-

---

*) Нужно быть осторожнымъ, чтобы не подумать, что подъ этими названіями дѣйствительно преподавались тѣ науки, которымъ онѣ нынѣ присвоены. Что преподавалось подъ именемъ алгебры, можно видѣть изъ слѣдующихъ задачъ изъ *алгебры*: „въ собраніи, состоящемъ изъ 100 особъ, двое *A* и *B* домогаются извѣстной должности; *A* получилъ 10-ю голосами больше *B*. Сколько голосовъ получилъ каждый?" Или вотъ другая задача тоже изъ *алгебры*: „*A* имѣетъ на 18 злотыхъ больше, чѣмъ *B*, *B* имѣетъ 30 злотами больше, чѣмъ *C*, а у всѣхъ вмѣстѣ 150 злотыхъ. Сколько имѣетъ каждый въ отдѣльности"? И всѣ прочія задачи столько-же похожи на алгебраическія.

вила одного языка, а законы языка вообще, при помощи сравнительнаго изученія польскаго и латинскаго языковъ). Чацкій имѣлъ въ виду замѣнить эти большею частію устарѣлыя книги другими новѣйшими и лучшими; неоднократно заставлялъ онъ учителей всѣхъ школъ представлять ему критическіе разборы ихъ, но на томъ дѣло и остановилось.

Такимъ образомъ и во времена русскаго правительства при Чацкомъ система образованія въ юго-западномъ краѣ рабски выполняла предписанія польской коммиссіи просвѣщенія.

Учителями въ школахъ при Чацкомъ были, разумѣется, или поляки, или уніаты (въ томъ числѣ иногда и учителя русскаго языка). Но бóльшая часть учителей были лица духовныя католическаго или уніатскаго вѣроисповѣданія. Такъ было во всѣхъ школахъ, содержимыхъ монашествующими орденами. Въ нихъ Чацкій, еслибы и хотѣлъ, то не могъ измѣнить такого состава учителей, потому что школы существовали на средства самихъ орденовъ; средства-же правительственныя и собираемыя изъ пожертвованій, Чацкій сосредоточивалъ въ одной Кременецкой гимназіи; напр. въ Владимірскомъ училищѣ въ 1809 г. составъ учителей былъ таковъ: ксендзъ Іорданъ Бачинскій — префектъ школы и профессоръ математики и физики, базиліанъ; ксендзъ Эмиліанъ Левинскій—профессоръ краснорѣчія и права, базиліанъ; ксендзъ Макарій Ренчинскій — профессоръ 2-го класса, базиліанъ; ксендзъ Іосафатъ Бранловскій — учитель 1-го класса, базиліанъ; Северинъ Шуманевичъ—учитель языка россійскаго—свѣтскій; Янъ Яворскій—учитель языка нѣмецкаго, изъ Галиціи — свѣтскій; смотритель ксендзъ Адр. Ставинскій, базиліанъ.

Бóльшая часть учителей унаслѣдована Чацкимъ отъ прежней эпохи. Многіе изъ нихъ получили образованіе въ монастырскихъ (базиліанскихъ и католическихъ) школахъ, нѣкоторые въ Виленскомъ университетѣ, немногіе во Львовѣ или въ Краковской академіи. Но многіе также окончили курсъ въ той-же школѣ, гдѣ потомъ учили.

Чацкій жаловался на неудовлетворительный составъ учителей, но все, чтò онъ могъ сдѣлать, это провести реформу базиліанскаго ордена, объявивъ его обществомъ народнаго образованія. 10 іюня 1807 г. въ этомъ смыслѣ состоялось постановленіе особаго комитета, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія гр.

Завадовскаго, изъ митрополита Богуша Сестренцевича, самого Чацкаго, бывшаго Виленскаго ректора Стройновскаго и провинціала базиліанскаго ордена Лещинскаго.

Въ школахъ, зависѣвшихъ непосредственно отъ окружнаго начальства, Чацкій прибѣгалъ ко всякимъ, иногда весьма страннымъ, мѣрамъ для возбужденія въ учителяхъ рвенія и энергіи. Кременецкій гимназическій костелъ онъ хотѣлъ превратить въ Вестминстерское аббатство учебнаго вѣдомства; именно, предназначилъ его для постановки памятниковъ умершимъ учителямъ, которые признаны того заслуживающими. Для этого египетскаго суда по смерти учителя учреждался особый комитетъ для обсужденія его заслугъ. Были постановлены и нѣкоторыя общія правила на этотъ счетъ; такъ—никакой покойникъ не могъ претендовать на памятникъ въ этой церкви, если получилъ замѣчаніе отъ высшаго начальства.

До опредѣленія Чацкаго на должность визитатора, отношеніе русскаго правительства къ школьному дѣлу въ юго-западномъ краѣ ограничивалось только назначеніемъ учителей русскаго языка въ каждое изъ тогдашнихъ уѣздныхъ училищъ и опредѣленіемъ казеннаго содержанія для такихъ учителей изъ суммъ приказовъ обществ. призрѣнія по 200 р. с. Русскій языкъ преподаваемъ былъ, какъ необязательный, наравнѣ съ французскимъ и нѣмецкимъ. Чацкій не противъ преподаванія русскаго языка, какъ государственнаго; но въ эпоху его управленія отношеніе къ этому дѣлу совершенно измѣнилось: право назначать учителей русскаго языка перешло къ попечителю, который дѣйствовалъ по соглашенію съ визитаторомъ; новое управленіе обыкновенно старалось избѣгать назначенія особыхъ русскихъ учителей и обойтись порученіемъ преподаванія русскаго языка кому-либо изъ наличныхъ учителей другихъ предметовъ, разумѣется изъ поляковъ или уніатовъ; а деньги, которыя отпускаемы были изъ государственнаго казначейства, обращать на другія потребности училища. Кромѣ того по новому положенію объ училищахъ, нѣкоторыя изъ школъ юго-западнаго края не вошли въ штатъ уѣздныхъ училищъ; хотя онѣ продолжали существовать на свои частныя средства въ прежнемъ составѣ, но учителя русскаго языка изъ такихъ школъ были уже увольняемы.

Для примѣра возьмемъ судьбу преподаванія русскаго языка во Владимірскомъ и Луцкомъ училищахъ. Учителемъ въ первомъ былъ еще съ

1800 года назначенный Волынскимъ приказомъ обществ. призрѣнія нѣкто Грабовскій. Въ 1807 г. ксендзъ-начальникъ этого училища доносилъ Чацкому, что Ив. Грабовскій въ этомъ году „ревностно исполнялъ свои обязанности, но ученики не охотно посѣщаютъ его лекціи; причина того вамъ (т. е. Чацкому) хорошо извѣстна“ *). Для насъ-же она составляетъ загадку, если учитель „хорошо исполняетъ свои обязанности“ **). Въ 1809 г. Грабовскій принужденъ былъ подать въ отставку. Начальство школы обрадовалось этому случаю, чтобы арранжировать дѣла такимъ образомъ: поручить преподаваніе русскаго языка одному изъ „директоровъ“ (надзирателей-учениковъ); для этого изъ казеннаго жалованья 200 р. назначить въ жалованье ему 50 р., потому де, что ему можно довольствоваться этими деньгами при готовомъ столѣ отъ родителей порученныхъ ему учениковъ; а остальные 150 р. обратить на учителя французскаго языка ***).

Въ 1804 г. въ Луцкой школѣ учитель Зѣновичъ далъ такую подписку: „принимаю на себя обязательство учить безплатно въ продолженіи одного года россійскому языку, съ такимъ-же стараніемъ и пунктуальностью, какъ если бы я получалъ жалованье. Жалованье-же, назначенное за эти уроки, т. е. 200 руб., жертвую на пополненіе библіотеки Луцкой школы“ ****). Но вѣчно распоряжаться такъ казенными деньгами было нельзя. Въ слѣдующемъ году пришлось назначить особаго учителя русскаго языка. Но за то какого учителя! То былъ нѣкто Винтертовичъ, именовавшій себя польскимъ шляхтичемъ, а служилъ онъ прежде въ Нейшлотской таможенной заставѣ унтеръ-цоллнеромъ. По польски, вѣроятно, не разумѣлъ, потому что многочисленныя жалобы Чацкому писалъ на нѣмецкомъ языкѣ и лишь одну на русскомъ; въ этой послѣдней онъ показалъ, что и русскій языкъ, который онъ призванъ преподавать, знакомъ ему не болѣе польскаго; въ своей жалобѣ онъ, между прочимъ, пишетъ такъ: „я уже нѣсколько лѣтъ продолжительно отъ жестокости злой судьбины до самой крайности угнѣтенъ,

---

*) Арх. Чацкаго, Св. 8, 162.

**) Она не уясняется, а затемняется прошеніемъ учениковъ высшихъ классовъ, поданнымъ Чацкому; въ немъ ученики обвиняютъ русскаго учителя въ томъ, что онъ не знаетъ польскаго языка, и отъ того будто-бы они не могутъ у него научиться русскому, и просятъ замѣнить его другимъ учителемъ.

***) Арх. Чацкаго, Св. 8, стр. 170.

****) Арх. Чацкаго, Св. 23, стр. 47.

и тѣмъ конечно удержалъ былъ себя въ высшихъ частяхъ изъяшныхъ наукъ усовершенствоватъ"... и т. д. То очевидно былъ нѣмецъ—солдатъ, крайне бѣдный, совершенно невѣжественный, но при этомъ грубіянъ и драчунъ. Въ самый первый годъ своего преподаванія, онъ „дергалъ учениковъ за волосы, въ лицо и голову ударялъ"; за тѣмъ поставивъ наказуемаго на порогѣ на колѣна и ударяя его по головѣ, спрашивалъ поочередно прочихъ учениковъ, довольны-ли они. Болѣе смѣлыхъ, которые отзывались, что недовольны, учитель билъ въ грудь и голову. Когда такой боецъ былъ переведенъ въ Немировъ, то смотритель доносилъ Чацкому, что онъ далъ ему на дорогу искреннее благословеніе и просилъ впредь избавить школу отъ подобныхъ людей.

Такая невнимательность къ преподаванію русскаго языка отнюдь не оправдывается нерасположенностію къ нему мѣстнаго населенія. Напротивъ, когда въ 1804 г. Чацкій потребовалъ отъ всѣхъ школъ подробныхъ отчетовъ по данной программѣ, то, между прочимъ, въ программѣ стоялъ такой вопросъ: „чувствуютъ-ли родители потребность въ наукахъ и какой особенно просятъ учить дѣтей"? Смотритель Владимірской школы отвѣчалъ: „находясь здѣсь первый годъ, не знаю желаній всѣхъ обывателей; но тѣ, которые отдаютъ своихъ дѣтей въ школы, требуютъ, чтобы они прилежнѣе занимались языкомъ русскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ, танцами и музыкой".

Если неудовлетворительность преподаванія русскаго языка можно иногда объяснять случайными обстоятельствами, то ничѣмъ не могутъ быть оправданы притѣсненія учителей русскаго языка, назначенныхъ прежде приказомъ общественнаго призрѣнія. Притѣсненія начинаются открыто со времени поступленія на должность Чацкаго. Это въ особенности бросается въ глаза въ дѣлѣ Растовѣцкаго, учителя русскаго языка въ Межирѣцкомъ училищѣ. Въ 1803 г. онъ подалъ въ отставку; прошеніе его пересылали долго отъ губернатора къ попечителю Чарторыжскому (потому что именно въ то время завѣдываніе училищъ перешло изъ приказовъ къ попечителю), отъ него опять къ губернатору для того, чтобы учитель началъ ходатайство въ порядкѣ инстанцій—съ Виленскаго университета. Бѣдный учитель, не зная куда сунуться, подалъ Чацкому прошеніе на русскомъ языкѣ, чѣмъ окончательно испортилъ свое дѣло. Наученный опытомъ онъ написалъ вторую просьбу уже на польскомъ языкѣ (Чацкій порусски не зналъ или зналъ

плохо; оффиціальныя, весьма немногія бумаги, адресованныя къ нему на этомъ языкѣ, были переводимы для него на польскій языкъ; вся оффиціальная переписка съ училищами, университетомъ и попечителемъ производилась на польскомъ языкѣ). Въ просьбѣ своей Растовѣцкій жалуется, что директоръ не только не выдаетъ ему жалованья, но съ грубою бранью требуетъ росписки въ полномъ удовлетвореніи. Чѣмъ кончилось дѣло—не знаемъ *).

Повторяемъ, цѣлію Чацкаго было не уничтоженіе преподаванія русскаго языка (знаніе котораго для лицъ польскаго происхожденія могло оказаться во многихъ отношеніяхъ полезнымъ), а устраненіе изъ состава учителей лицъ русскаго происхожденія. Училища юго-западнаго края и по характеру образованія, и по учебному языку, и по составу учителей и даже учениковъ должны быть польскими. Ученики въ школахъ въ огромномъ большинствѣ католики. Напримѣръ во Владимірской школѣ въ 1808 г. было католиковъ 94, уніатовъ 11, православныхъ 1. Разумѣется соотвѣтственное большинство ихъ—шляхетскаго происхожденія. Незначительная часть уніатовъ и православныхъ не только не вредила дѣлу, но прямо входила въ планъ тогдашнихъ цивилизаторовъ: среди массы своихъ товарищей—поляковъ, они теряли вскорѣ свои природныя національныя черты. Здѣсь то и сосредоточивался медленный, но вѣрный пріемъ полонизаціи. Не даромъ Чацкій такъ жалѣлъ и жаловался, что главный контингентъ русскихъ учащихся ушелъ отъ него въ духовныя училища. Ниже мы увидимъ, что ученики православнаго вѣроисповѣданія не имѣли своихъ законоучителей (хотя бы ихъ было и значительное число), слушали католическіе уроки закона Божія и ежедневно ходили съ товарищами—католиками къ обѣднѣ въ костелъ.

Обращаясь къ училищному строю независимо отъ этихъ стороннихъ національныхъ задачъ, замѣтимъ, что распредѣленіе возрастовъ по классамъ весьма оригинально; во Владимірской школѣ въ первомъ классѣ сидѣли рядомъ двое семилѣтнихъ, нѣсколько восьмилѣтнихъ и двое 18-ти лѣтнихъ. Въ 5-мъ классѣ многіе были за 20 лѣтъ и одинъ 28 лѣтъ. Такое сотоварищество 18-ти лѣтнихъ и 7-ми лѣтнихъ, разумѣется вредило какъ образованію, такъ и воспитанію. Занятіями уче-

---

*) Арх. Чацкаго, Св. 11, № 18 и 58.

никовъ не особенно обременяли: учили поутру отъ 8—10 ч. и вечеромъ отъ 2—4 час.; а два дня въ недѣлю послѣобѣденныхъ уроковъ вовсе не было. Послѣ отпусковъ на праздники и вакаціи ученики возвращались весьма неохотно и неисправно.

Для характеристики воспитательныхъ пріемовъ того времени достаточно указать на весьма оригинальное учрежденіе—выборъ „директоровъ" и судей учениками изъ числа учениковъ. Виленскій университетъ въ 1804 г. распорядился такъ: „Между учениками установляется судъ полюбовный; будутъ двѣ инстанціи: ученики 1-го и 2-го класса избираютъ пятерыхъ судей и ученики высшихъ классовъ также пятерыхъ посредствомъ тайной баллотировки. При этомъ избраніи должны присутствовать „профессора" (учителя) для соблюденія порядка, не вмѣшиваясь однако въ выборы. Каждый изъ учителей можетъ предложить своего кандидата. Обязанности избранныхъ таковы: „профессоръ", префектъ или смотритель должны отсылать къ этому суду неисправныхъ и провинившихся; судъ или *примиряетъ*, или постановляетъ рѣшеніе по большинству голосовъ. Приговоръ не можетъ быть исполненъ безъ согласія префекта или смотрителя. Въ случаяхъ не терпящихъ отлагательства, училищное начальство можетъ наказать ученика, не отсылая его къ этому суду; но такіе случаи должны быть рѣдкими. Каждый классъ избираетъ одного цензора, обязанность котораго состоитъ въ слѣдующемъ: узнавши о какомъ-нибудь спорѣ между учениками или сдѣланномъ кѣмъ-либо изъ нихъ неприличіи, и не разглашая пока проступка, онъ призываетъ виновныхъ и усовѣщеваетъ ихъ; въ случаѣ повторенія доноситъ начальству. Эти должностныя лица перемѣняются черезъ два года. „Профессоръ" права обязанъ стараться давать этому суду разные примѣры для рѣшенія. Заводятся книги заслугъ и проступковъ; въ ту и другую вносятся факты по образцу записи актовъ въ книгахъ правительственныхъ учрежденій. Въ штрафную книгу записываются ученики или по приговору двухъ частей училищнаго собранія, или по приговору суда, если школьное собраніе именно поручитъ ему это и подтвердитъ то письменнымъ опредѣленіемъ; въ ту-же книгу записываются между прочимъ ученики, не ходящіе на уроки послѣ трехкратнаго письменнаго напоминанія" *).

*) Арх. Чацкаго, Св. 4, № 16.

На практикѣ это постановленіе осуществлено напримѣръ такъ во Владимірскомъ училищѣ. „По указу Его Императорскаго Величества Виленскаго университета, Владимірское уѣздное училище, выбравши судей и цензоровъ, постановляетъ, для соблюденія порядка въ судахъ, слѣдующія правила: процессъ суда долженъ совершенно сообразоваться съ судопроизводствомъ въ правительственныхъ канцеляріяхъ и палатахъ. 1) Во время открытія суда должна быть соблюдаема тишина по уваженію къ портрету Его Императорскаго Величества и зерцалу. 2) Чтобы суды не препятствовали ученію, они должны быть отправляемы въ праздничные и высокоторжественные дни отъ 2 до 4 часовъ пополудни. 3) Адвокаты сторонъ не должны перебивать въ рѣчахъ одинъ другого; они должны говорить только прямо относящееся къ дѣлу, выраженному въ повѣсткѣ. 4) Каждый адвокатъ до начала засѣданія долженъ предъявить довѣренность на бумагѣ за училищною печатью. 5) Вызовы къ суду будутъ принимаемы для записи въ актовую книгу только по вторникамъ и четвергамъ; но подавать позвы можно каждый день. 7) Обязанность регента (секретаря), которому въ помощь дается архиваріусъ, состоитъ въ слѣдующемъ: содержать въ порядкѣ книги и бумаги суда, выдавать экстракты и получать пошлины за печать по нижеопредѣленной таксѣ. 10) Низшихъ должностныхъ лицъ, какъ-то: писаря, регента, архиваріуса, инстигатора, вознаго и т. д. избираютъ судьи въ полномъ собраніи посредствомъ тайной баллотировки. 11) Канцелярскія пошлины установляются слѣдующія: сусцента 3 гр., оплата довѣренности 5 гр., индукта 2 гр., экстрактъ рѣшенія 3 гр., экстрактъ довѣренности 2 гр., пошлина отъ вызова 6 гр., 1-й заочный приговоръ 6 гр., 2-й заочный приговоръ 1 зл., листъ гербовой бумаги 3 гр., печатное 3 гр., возному 2 гр. 13) Касса суда подъ училищной печатью находится подъ охраненіемъ регента; ежемѣсячная ревизія ея производится въ присутствіи префекта. 14) Если кто изъ должностныхъ лицъ, окажется нерадивымъ въ исполненіи должности, или пристрастнымъ, то послѣ двукратнаго вызова къ своему суду и повторенія неисправности,—о немъ представляется визитатору“. Чацкій сдѣлалъ нѣсколько поправокъ въ этихъ правилахъ, но сущность ихъ осталась та-же.

Самое избраніе судей общимъ собраніемъ Владимірскаго училища было произведено такъ: 28 января было объявлено ученикамъ о вре-

мени выборовъ, которое и назначено на 2-е февраля. Въ этотъ день ректоръ школы (ксендзъ) произнесъ приличную рѣчь, а затѣмъ прочиталъ списокъ кандидатовъ, намѣченныхъ „профессорами". Въ назначенное время засѣданіе открыто; выборы произведены. Но затѣмъ потребовалъ голоса Кл. Рачинскій, ученикъ 5 класса, одинъ изъ новыбранныхъ судей; онъ въ рѣчи своей доказывалъ, что избраніе произведено противозаконно, ибо законъ воспрещаетъ двумъ братьямъ засѣдать въ одной коллегіи (какъ это случилось именно тогда). Послѣ долгихъ преній предложенъ былъ вопросъ для голосованія: отмѣнить-ли избраніе, или ждать визитатора? За отмѣну оказалось 86 голосовъ, за удержаніе—16. Въ силу этого состоялось дополнительное избраніе. Затѣмъ попросилъ слова панъ Сарнѣвичъ ученикъ V класса, и выразилъ правительству благодарность отъ юношества, образующагося подъ Высочайшимъ покровительствомъ благополучно царствующаго Государя. Затѣмъ всѣ отправились въ костелъ, гдѣ принесено было благодареніе Богу при звонѣ во всѣ колокола и пѣніи Te Deum.

Читателю нашего времени нечего разъяснять всю непедагогичность подобныхъ воспитательныхъ пріемовъ; но слѣдуетъ напомнить, что подобныя собранія, выборы и рѣчи входили въ воспитательные планы и польской коммиссіи просвѣщенія. Теперь все это получило только новый смыслъ: пріучать молодежь въ школахъ къ прежнимъ порядкамъ польской государственной жизни, изчезнувшимъ изъ практики. Если такимъ образомъ ни система и число школъ, ни характеръ образованія и воспитанія въ нихъ не измѣнились при Чацкомъ и оставались въ томъ видѣ, въ какомъ установлены при коммиссіи просвѣщенія и послѣ нея, то вся заслуга Чацкаго сводится къ основанію одной Кременецкой гимназіи, заведенія дѣйствительно не существовавшаго въ прежнія времена. Для нея онъ пожертвовалъ средствами образованія трехъ губерній, какъ правительственными, такъ и общественными.

Кременецкая гимназія. Въ то время министерствомъ народнаго просвѣщенія управлялъ гр. Завадовскій, самъ воспитывавшійся нѣкогда въ Кіевѣ, въ здѣшней Братской академіи — въ тѣ годы, когда еще почти подъ самымъ Кіевомъ проходили границы Рѣчи Посполитой, когда въ 40 — 50 верстахъ отъ матери городовъ русскихъ заботливо истреблялись послѣдніе слѣды русской образованности. Такой министръ, повидимому, ясно долженъ былъ понять насущные государственные

интересы Россіи по отношенію къ народному образованію западнаго края. Біографы Завадовскаго дѣйствительно приписываютъ ему такое пониманіе этихъ интересовъ. Въ доказательство, между прочимъ, приводится его намѣреніе раздробить чудовищно-громадный Виленскій учебный округъ на два, образовать новый округъ и основать университетъ въ Кіевѣ. Съ этою цѣлію онъ нарочно ѣздилъ въ Кіевъ въ 1805 году. Но что-же вышло изъ этой поѣздки и почему университетъ не былъ основанъ тогда? Его встрѣтилъ визитаторъ Чацкій и, по порученію кн. Чарторыжскаго, внушалъ ему слѣдующее: „открывать университетъ въ Кіевѣ чрезвычайно неудобно, во-первыхъ потому, что недалеко отъ Кіева уже открытъ университетъ въ Харьковѣ, во-вторыхъ потому, что Кіевъ стоитъ въ сторонѣ отъ сѣверо-западнаго края занимаетъ невыгодное мѣстоположеніе для такого заведенія, въ третьихъ потому, что желанія обывателей, несущихъ свои пожертвованія на пользу образованія, таковы, чтобы преподаваніе шло на польскомъ языкѣ, чего нельзя достигнуть въ Кіевѣ, какъ въ древнѣйшемъ русскомъ городѣ, гдѣ гражданское право должно преподаваться на основаніи права русскаго—*не здѣшняго*, а право церковное на основаніи права восточнаго, и богословіе въ духѣ „благочестія“ (православія). Такія затрудненія не имѣли-бы большаго значенія, если-бы русское духовенство было болѣе или менѣе сносно образовано; но до тѣхъ поръ, пока не устранится это послѣднее неудобство, учрежденіе университета въ Кіевѣ останется дѣломъ очень спорнымъ тѣмъ болѣе, что школьное образованіе унаслѣдовало здѣсь нѣмецкій уставъ, допускающій только четыре факультета“ *). Такіе предлоги не должны бы казаться убѣдительными гр. Завадовскому, особенно аргументъ третій, ссылающійся на желанія обывателей о преподаваніи на польскомъ языкѣ, объ изученіи „здѣшняго“ (т. е. польскаго) права и католическаго богословія. Именно эти „желанія“ и могли вызвать намѣреніе выставить противъ нихъ русскій университетъ въ Кіевѣ. Ссылка на низкій уровень образованія православнаго духовенства, совершенно не идя къ дѣлу, была вмѣстѣ съ тѣмъ и большимъ свѣтскимъ промахомъ: гр. Завадовскій самъ кончилъ свое образованіе въ Кіевской академіи, въ которой воспитывалось большинство тогдашнихъ членовъ высшей

---

*) „Изъ исторіи Виленск. учебн. окр.“ Рус. Арх. 1874 г.

русской іерархіи. Для Завадовскаго, кіевлянина по мѣсту образованія, не должны-бы быть тайною и тайныя причины противодѣйствія Чарторыжскаго и Чацкаго открытію университета въ Кіевѣ. Эти закулисные мотивы выражены въ письмѣ Колонтая къ Снядецкому такъ: „какъ полякъ, кн. Чарторыжскій не желаетъ открытія университета въ Кіевѣ, гдѣ можно предвидѣть неминуемый упадокъ нашей рѣчи и неминуемыя препятствія въ мѣстной *суперстиціи.* Не желаетъ онъ открыть и новаго округа также потому, чтобы не нарушить того объединенія края, которое выражается въ настоящее время въ единствѣ образованія" *). Зная все это, гр. Завадовскій тѣмъ не менѣе уступилъ резонамъ Чацкаго и, есть основаніе думать, уступилъ не подъ давленіемъ силы, а по убѣжденію, т. е. призналъ, что юго-западный край есть законный районъ для польской школы (мы сейчасъ приведемъ выдержку изъ письма его къ Чацкому).

Итакъ мысль объ университетѣ въ Кіевѣ въ 1805 году затерта. Въ томъ-же 1805 г. Чацкій отпарировалъ ее основаніемъ учебнаго заведенія въ Кременцѣ, которое должно было исправлять такъ сказать должность университета, но университета польскаго. Успѣхъ оказался не на сторонѣ министра, а подчиненнаго ему визитатора.

1-го октября 1805 г. открыта Кременецкая гимназія **). Событіе это тогда-же было воспѣто въ одахъ на разныхъ языкахъ; между прочимъ на русскомъ неизвѣстный піита восклицалъ:

„О коль пресвѣтлое явленье
Волынской въ нѣдрахъ зрю страны...
..... Играютъ горъ скалистыхъ холмы,
Гдѣ городъ Кременецъ стоитъ;
Народны торжествуютъ сонмы;
Тамъ новый Геликонъ открытъ...
Подобенъ Чацкій тамъ Моисею;
Храмъ мудрости рукой своею
Отверзъ для счастья всѣхъ обществъ.
..... Съ тобой-ли, графъ Петръ Завадовскій,

---

*) Ibid.

**) Уставъ ея утвержденъ 29 іюля 1805 г. (см. Сборн. пост. по мин. нар. просв. т. I, стр. 367).

Сравнится римлянинъ, иль грекъ?
..... Сарматскіи племена ликуйте,
Зря благость росскаго царя,
Златое время торжествуйте.
Въ наукахъ льется вамъ струя
Краснѣй водъ первобытна рая“ *)...

Впрочемъ совершенно въ томъ-же духѣ писали по этому случаю и люди весьма извѣстные и высокопоставленные.

Министръ народнаго просвѣщенія гр. Завадовскій прислалъ Чацкому слѣдующее письмо: „ваше превосходительство почтили меня увѣдомленіемъ, съ какимъ торжествомъ въ Кременцѣ вы насадили сѣмяна будущихъ Аѳинъ... Читая ваше слово, произнесенное при семъ обрядѣ, я упоялся подобною сладостію, какова дѣйствовала на душу древнихъ грековъ, рукоплескавшихъ Геродоту... Состязающимся въ томъ, якобы въ нашемъ вѣкѣ отдыхаетъ природа, я укажу на геній Чацкаго, который на *польскомъ парнасѣ* воскрешаетъ музы, умершія въ Аттикѣ... Объ одномъ прошу, чтобъ (портретъ мой) стоялъ подъ вашимъ образомъ, коимъ подобаетъ украшать храмы наукъ въ томъ отношеніи: et de plenitudine ejus omnes percepimus“.

Дѣйствительно Кременецкая гимназія была вѣнцомъ, завершающимъ зданіе просвѣщенія, воздвигнутое Чацкимъ. По его идеѣ, это не была одна изъ многихъ будущихъ гимназій края, а высшій образовательный центръ для всѣхъ прочихъ учебныхъ заведеній его. Открытіе ея было, дѣйствительно, событіе торжественное и высокой важности, но для кого? Новое заведеніе предназначалось стать средоточіемъ просвѣщенія для всѣхъ разбросанныхъ обломковъ нѣкогда могучей Рѣчи Посполитой, мѣстомъ умственнаго, а за нимъ и политическаго возрожденія ихъ. Доказательствомъ этого служитъ и самый выборъ мѣста для гимназіи—въ Кременцѣ. Въ 1803 г. магистратъ гор. Луцка обращался съ пышнымъ воззваніемъ къ Чацкому основать гимназію въ Луцкѣ, и для лучшей аргументаціи присоединилъ очеркъ исторіи этого города, бывшаго нѣкогда столицею „монарховъ, великихъ князей и королей“. Оставивъ преувеличенія, мы не можемъ не согласиться съ

---

*) Арх. Чацк., Св. 29, № 32.

почтенными Луцкими панами—радцами, что историческія и географическія преимущества были на сторонѣ Луцка. Чацкій предпочелъ Кременецъ, городокъ, заброшенный въ глухомъ углу и болѣе безлюдный, чѣмъ Луцкъ. Почему? Потому, что Кременецъ стоялъ на границѣ, былъ близокъ къ Галиціи и Малой Польшѣ и не особенно далекъ отъ Познани. Чацкій, говоритъ В. Я. Шульгинъ, достигъ своей цѣли: черезъ нѣсколько лѣтъ Кременецкая гимназія получила почетную извѣстность и въ западно-русскомъ краѣ и въ Австрійской и Прусской Польшѣ; со всѣхъ сторонъ шли сюда люди за образованіемъ *). Положеніе гимназіи въ Кременцѣ подвергалось опасности и въ послѣдующія времена, особенно въ 1812 и 1813 гг., когда уже было рѣшено перевести ее далѣе внутрь имперіи (въ Винницу). Но Чацкому удалось отстоять свою мысль; онъ съ торжествомъ заявляетъ о томъ циркулярными бумагами по всему краю.

Чацкій сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, чтобы придать гимназіи научную высоту и значительность. Директоромъ ея поставленъ знаменитый въ то время педагогъ *Чехъ*, профессоръ математики и секретарь Краковской академіи. О его пріобрѣтеніи Чацкій хлопоталъ особенно и заключилъ съ нимъ контрактъ, весьма выгодный для Чеха **). Лучшихъ учителей онъ выискивалъ повсюду; здѣсь началъ службу и знаменитый *Лелевель* ***). Но трудно было и самымъ лучшимъ педаго-

---

*) Ист. Унив. св. Влад., стр. 24.

**) А именно: 1) выхлопотать ему чинъ (rangę), какой имѣютъ профессора Виленскаго университета и привилегіи, какими они пользуются; 2) представить его къ утвержденію пожизненнымъ ректоромъ и вмѣстѣ профессоромъ математики въ Кременцѣ; 3) назначить ему по обѣимъ должностямъ 1600 руб. сереб. въ годъ съ того времени, когда прекратится его австрійское жалованье; 4) назначить пенсію въ 1000 р. сер. послѣ $12^1/_2$ лѣтъ по выѣздѣ его изъ Кракова; 5) помѣстить его дочерей въ общественныя училища на казенный счетъ и т. д. Въ то-же время былъ вызванъ другой проф. Краковской академіи *Шейдтъ*, который умеръ проф. математики въ Кременцѣ. И Чехъ служилъ не долго; онъ скончался въ концѣ 1810 года къ великому горю Чацкаго.

***) Профессоромъ права естественнаго, международнаго, политической экономіи и права торговаго Чацкій назначилъ нѣкоего *Кудлицкаго*, котораго и послалъ для усовершенствованія въ правѣ торговомъ въ Гамбургъ. Профессоромъ физики былъ *Янъ Лучинскій*, геометріи и тригонометріи—*Войц. Ярковскій*, алгебры—*Ник. Чарноцкій*, польской литературы—*Кс. Осинскій*, краснорѣчія—*С. Словацкій*, исторіи и географіи—*Карлъ Мировскій*, естественнаго права и политической экономіи—*Мих. Хонскій*, гражданскаго права—*Олдаковскій* (другъ и товарищъ Даниловича, знатокъ

гамъ справиться съ такою пестрою смѣсью предметовъ, которая должна была преподаваться въ гимназіи. Такъ какъ то была собственно не гимназія, а университетъ въ миніатюрѣ, то она дѣлилась на два курса: низшій, состоявшій изъ 4-хъ классовъ (по 1 году) и высшій, состоявшій изъ трехъ курсовъ (по 2 года). Вопреки общепринятой системѣ здѣсь посвящается низшему и среднему образованію меньше времени (4 года), чѣмъ высшему (6 лѣтъ). Точно также обратно общепринятому порядку, низшее и среднее образованіе носило характеръ спеціальный, а высшее, напротивъ, энциклопедическій. Въ низшихъ классахъ преподавались только языки (латинскій, польскій, русскій, нѣмецкій и французскій); нѣкоторыя, весьма немногія, науки были присоединены къ языкамъ, какъ добавочные предметы, а именно: ариѳметику долженъ былъ преподавать учитель русскаго языка, ученіе о нравственности—учитель французскаго языка, географію—учитель нѣмецкаго языка. Трудно уловить здѣсь систему и основную мысль (какъ пытается сдѣлать В. Я. Шульгинъ). За то высшіе курсы переполнены были многими и разнообразными предметами. Между ними главными были: теоретическая и начертательная геометрія, алгебра, логика, всеобщая исторія, исторія русской словесности, русская исторія *), теорія польской и латинской словесности, теорія и исторія французской словесности (это 1-й курсъ); физика, химія, высшая математика, естественное право, народное право, политическая экономія и статистика (2-й курсъ); римское право, мѣстные законы, исторія литературъ римской и греческой, естественная исторія (3-й курсъ). Сверхъ исчисленныхъ на 1-мъ курсѣ были еще прибавочные предметы, а именно: прикладная математика съ астрономіею, сферическая тригонометрія, гражданская и военная архитектура, нумизматика и древности. По уставу гимназіи полагались еще: анатомія, физіологія, хирургія, земледѣліе, садовничество, зодчество, практическая механика и скотолеченіе. Для желающихъ преподавались: греческій языкъ, древняя географія, чер-

---

древне-литовскаго права и въ послѣдствіи профес. Виленскаго университета), химіи—*Тад. Шостаковскій,* естественной исторіи и ботаники—*Бессеръ* (будущій профес. университета св. Владиміра), русской литературы—*Александровскій* (о немъ скажемъ ниже), французской и англійской словесности—*Герлахъ.*

*) Мы увидимъ, что на дѣлѣ былъ только одинъ учитель для этихъ русскихъ предметовъ.

ченіе, музыка, пѣніе, танцованіе, фехтованіе, верховая ѣзда и плаваніе. Въ 1813 г., введено обязательное преподаваніе греческаго языка, такъ какъ въ то время предложено ввести во всѣхъ гимназіяхъ преподаваніе обоихъ древнихъ языковъ, впрочемъ безъ назначенія новыхъ средствъ. Въ 1818 г., по предписанію попечителя, въ (низшіе) классы, кромѣ языковъ, введены науки „моральныя и математическія"; подъ первыми подразумѣвались исторія древняя и наука морали для класса 3-го и право естественное и исторія Греціи для класса 4-го. Правда, такая пестрота состава естественно-историческихъ, юридическихъ, историко-филологическихъ и отчасти медицинскихъ наукъ напоминаетъ намъ недавнее прошлое и нашихъ русскихъ лицеевъ. Но не забудемъ, что лицейскіе курсы предварялись гимназическимъ общимъ образованіемъ; однако и при этомъ всѣмъ извѣстно, что образованіе въ лицеяхъ лишено было и правильности и успѣшности. Не слѣдуетъ думать, что для того времени наши понятія о спеціализаціи высшаго образованія были новы и недоступны. Напротивъ, въ университетахъ даже русской имперіи факультетское распредѣленіе наукъ соблюдалось уже съ нѣкоторою правильностію,—не исключая и Виленскаго университета, ближайшаго образца для Чацкаго. Тщетно ректоръ его Снядецкій давалъ благіе совѣты Чацкому относительно пагубности смѣси всякихъ и высшихъ и низшихъ наукъ. Результатомъ ея могла явиться только широкая, но мелкая полуобразованность, въ которой такъ удобно заводится всякой политической гнили. Здѣсь мы видимъ одну изъ главныхъ причинъ зараженія школы политикою, даже помимо желанія Чацкаго.

Произвольнымъ, и въ свою очередь вреднымъ коррективомъ этого явилась случайная спеціализація предметовъ по личнымъ просьбамъ учениковъ. Каждый изъ учениковъ началъ просить объ увольненіи его отъ той или другой науки, или отъ того или другаго разряда наукъ, и о позволеніи слушать лишь нѣсколько предметовъ по собственному выбору, или по назначенію отца. Требованія объ освобожденіи относились даже къ главнымъ наукамъ. Спеціализировать занятія начало и само начальство въ отношеніи къ ученикамъ „фундушевымъ" (воспитывавшимся на счетъ благотворительныхъ суммъ общественныхъ и частныхъ). Иногда такая спеціализація доходила до выбора одного лишь предмета на цѣлый курсъ, а именно и преимущественно литературы польской и латинской.

Само собою разумѣется, что такая произвольная спеціализація предметовъ въ свою очередь въ высшей степени вредила успѣху образованія. По этому нечего было ждать большихъ успѣховъ и въ цѣлой гимназіи не смотря на наилучшій составъ учителей и роскошныя средства ея. Числительный успѣхъ гимназіи при ея средствахъ былъ, дѣйствительно, не малый: при открытіи поступило въ нее 280 учениковъ, а въ 1810 г. было уже 612. Шульгинъ по этому поводу замѣчаетъ, что это была самая многочисленная гимназія въ цѣлой имперіи; „едва-ли были подобныя и въ Германіи". Но почтенный историкъ долженъ былъ припомнить, что примѣровъ многочисленности учениковъ въ школѣ можно было поискать и ближе: въ Барскомъ училищѣ было 844 ученика, въ Умани—551, въ Кіевской академіи—1146. Но дѣло, какъ извѣстно, не въ числѣ учениковъ.

Средства для гимназіи были собраны огромныя (по тому времени): ей пожертвовано было Государемъ цѣлое Кременецкое староство (доходы котораго простирались тогда свыше 9000 р.), правительство отпускало, сверхъ того, на нее въ годъ по 5700 р. и отдѣльно на школу землемѣровъ 3857 руб. Польское общество пожертвовало единовременно 25 тыс. руб. и въ видѣ постоянныхъ взносовъ до 30,000 р. Средства эти собраны были однако не безъ ущерба для образованія прочихъ мѣстностей и цѣлыхъ губерній. Такъ пожертвованія, подписанныя въ цѣломъ краѣ, на основаніе кадетскаго курпуса, переведены Чацкимъ въ Кременецкую гимназію; сборъ, сдѣланный землевладѣльцами Кіевской губ. *) на Кіевскую гимназію, онъ перевелъ въ Кременецъ; фундушъ, назначенный для Ковельскаго училища, ушелъ туда-же. Чацкій устанавливалъ для гимназіи штатъ на каждый годъ. Въ 1807 г. онъ исчислялъ доходы гимназіи такъ: изъ казначейства—5700 р.; фундушъ на школу Ковельскую, перенесенный въ Кременецъ, 2820 р.; на конвиктъ изъ Подольской губерніи 900 руб.; ежегодные взносы пожертвованій 13,064 р.; доходъ съ Кременецкаго стар. 9000 руб.; изъ государственнаго казначейства на училище землемѣровъ 3857 р. Сверхъ того онъ надѣялся получить:

*) Сборъ рѣшенъ въ 1806 г. для основанія гимназіи въ Кіевѣ; но въ 1808 г. состоялось постановленіе дворянскаго собранія, по которому Кіевъ оказался слишкомъ дорогимъ городомъ, а пожертвованныя средства слишкомъ малыми для открытія отдѣльной гимназіи и потому фундушъ до открытія гимназіи въ Кіевѣ (въ 1812 году) перенесенъ въ Кременецъ.

Съ Овручскаго опатства	11,000 р.
Отъ суммы на кадетскій корпусъ . .	5,000 „
Изъ фундушей губерніи Кіевской . .	8,000 „
На конвиктъ бѣдныхъ	3,000 „
	62,341 р.

Но въ представленіи министру народнаго просвѣщенія того-же года Чацкій исчислялъ эти доходы нѣсколько иначе. Въ немъ онъ хлопоталъ о дарованіи гимназіи какой-то сумы въ 200,000 р., обѣщанной ему Государемъ на аудіенціи. Чтобы доказать, что гимназія нуждается въ средствахъ, онъ показалъ доходъ Кременецкаго староства уже не въ 9 т., а въ 6 *); сборъ въ Кіевской губерніи окончательно перенесилъ въ Кременецъ. Общій доходъ гимназіи выводилъ въ 42,071 руб. Интересны и предметы расходованія этихъ денегъ: въ 1808 г. предположено было израсходовать: на управленіе—3025 р. (въ томъ числѣ директору 1600 руб., префекту 600 руб.), и преподаваніе (профессорамъ каждому по 600 руб. сер., кромѣ профессоровъ русской и французской литературы, которымъ назначено по 500 р.; учителямъ древнихъ языковъ и англійскаго по 500 руб., по прочимъ, въ томъ числѣ и русскаго, 400 р.; также и учителямъ искусствъ), всего —11948 р.; на помощниковъ и на репетиторовъ—1338 р.; на нужды классовъ и костела—3508 р.; на особыя учрежденія (училище землемѣровъ, конвиктъ и пр.)—2300 р.; на разные расходы 680 р.; всего 22799 руб. Изъ нихъ 18577 руб. отпускаемо было казначействомъ и собираемо съ Кременецкаго староства. Итакъ громадныя пожертвованія обывателей оказывались пока ненужными; онѣ сберегались для открытія дальнѣйшихъ учрежденій въ томъ-же Кременцѣ.

Въ 1811 г. расходы гимназіи дошли до 33,663 руб.; особенно увеличились расходы на профессоровъ. При этомъ распредѣленіе жалованья вовсе не сообразовано съ цифрами, назначенными по штату **).

---

*) Кременецкое староство состояло тогда изъ 8 селъ, деревень и хуторовъ съ 897 душами мужскаго пола (впрочемъ по старой ревизіи 1798 г.).

**) Съ такими большими расходами на гимназію полезно сравнить скромныя суммы назначенныя Чацкимъ на прочія училища. Въ 1808 г. Чацкій назначилъ въ Волынской губ. на училище Житомірское—2770 р., Луцкое—2820 р., Владимірское—200 руб. Всего-же—5790 руб. Государственное казначейство отпускало на эти учи-

Такимъ образомъ Кременецкая гимназія была единственнымъ излюбленнымъ дѣтищемъ Чацкаго, и винить его въ томъ нельзя (если бы не было на то другихъ основаній). Подъемъ образованія въ юго-западномъ краѣ могъ быть совершонъ не иначе, какъ чрезъ основаніе новыхъ учебныхъ заведеній, съ новымъ болѣе высокимъ составомъ преподаванія, иначе говоря, чрезъ основаніе гимназій, которыхъ въ юго-западномъ краѣ до Чацкаго не было ни одной, но которыхъ было уже не мало въ другихъ краяхъ имперіи. Чацкому принадлежитъ честь возбужденія интереса къ этому дѣлу въ мѣстномъ, сначала Волынскомъ, а потомъ и въ Кіевскомъ дворянствѣ, которое выразило свое сочувствіе готовностію къ пожертвованіямъ. Дворянство и городское сословіе Кіевской губерніи предполагало основать въ Кіевѣ гимназію по примѣру Волынской, „въ обширнѣйшемъ видѣ противъ прочихъ такого-же рода заведеній, въ коей-бы могли обучаться и воспитанники предназначаемаго въ Кіевѣ военнаго училища". Пожертвованія состояли въ единовременномъ взносѣ по 1 рублю съ каждой ревизской души, что̀ составило-бы сумму до 500,000 руб.; магистратъ г. Кіева къ этому прибавлялъ 10,000 руб. Сюда-же проэктировалось присоединить и 6,900 р. изъ государственнаго казначейства, положенныхъ на гимназію. Но дворянство обусловило свое пожертвованіе слѣдующимъ: „оно желаетъ, чтобы знатная часть наукъ въ сей гимназіи преподавалась на польскомъ языкѣ" (переводя на практическій языкъ, это означаетъ, что въ гимназіи будетъ преподаваться русскій языкъ наравнѣ съ другими иностранными; всѣ-же прочія науки — на польскомъ). Министръ народнаго просвѣщенія нашелъ нѣкоторое затрудненіе въ принятіи такого условія, и разсуждалъ такъ: „хотя дворянство, жертвуя собственнымъ имуществомъ на сіе заведеніе, *въ правѣ* желать сего, тѣмъ паче, что число онаго простирается до 43,600; а *обывателей, употребляющихъ россійскій языкъ, только 15,000* (сюда включается и городъ Кіевъ и все не-крестьянское населеніе Кіевской губерніи! Крестьяне, конечно, въ разсчетъ не принимались)". Но съ другой стороны министръ не могъ „не внять и тому, что 1) Кіевъ

лица 8460 р.; остатокъ уходилъ на Кременецкую гимназію. Въ Подольской губерніи на училище Каменецкое назначено 3800 р., Винницкое—3460 руб.; всего—7260 руб. Изъ государственнаго казначейства на Подольскую губернію отпускалось 11840 руб. Разница снова шла на Кременецкую гимназію.

есть древняя Россійская столица, гдѣ положено первое основаніе россійскаго просвѣщенія; 2) что сумма, по штату на гимназію опредѣленная, равно какъ и приносимая магистратомъ, идетъ въ сложность съ суммою дворянства; 3) что въ семъ городѣ предположено учредить для 400 кадетъ военное училище, къ которому причислены и такія губерніи, въ коихъ польскій языкъ не употребителенъ, и коихъ дворянскія дѣти должны однакожъ заимствоваться ученіемъ отъ сей гимназіи". На этихъ основаніяхъ министръ предложилъ кн. Чарторыжскому, какъ попечителю, дать свое заключеніе; а Чарторыжскій, разумѣется, отнесся къ Чацкому. Такимъ образомъ дѣло опять перешло къ своему первоначальному источнику, потому что предложеніе дворянства состоялось подъ руководствомъ того-же Чацкаго. При этомъ Чарторыжскій предложилъ Чацкому, что если дворянство не перемѣнитъ своихъ мыслей, то слѣдовало-бы помѣстить гимназію въ другомъ городѣ, т. е. Чарторыжскій оказался умѣреннѣе и уступилъ городъ Кіевъ русскимъ. Чацкій въ своемъ отвѣтѣ упомянулъ, что Кіевское дворянство дѣйствуетъ по примѣру Волынскаго, желаніе котораго удостоено Высочайшаго вниманія, что число польскаго дворянства въ Кіевской губерніи 43 тыс., „Россійскаго-же съ безпомѣстными чиновниками *только 1170;* что оная губернія управляется законами по большей части прежними польскими; что пріобрѣтеніе свѣдѣній въ россійскомъ языкѣ для польскаго юношества облегчено будетъ тѣмъ, что предполагается обучать оному въ первыхъ 4-хъ классахъ, и притомъ завести классъ латинской словесности и филологической грамматики славянскихъ діалектовъ; а между тѣмъ россійское юношество изучалось-бы польскому языку, могущему быть ему полезнымъ по сосѣдству съ жителями, его употребляющими". Словомъ, Чацкій хотѣлъ въ самомъ Кіевѣ устроить гнѣздо и главный базисъ чисто польскаго образованія. Русскому языку обучали-бы здѣсь наравнѣ съ иностранными и притомъ только въ низшихъ четырехъ классахъ. Кн. Чарторыжскій, предусматривая неудачу, счелъ возможнымъ предложить компромисъ, именно: просить о принятіи пожертвованія дворянъ, отдѣливъ этотъ вопросъ отъ вопроса о деньгахъ магистрата и казенныхъ, а равно и отъ вопроса о кадетскомъ корпусѣ *). Онъ, очевидно, желалъ уже оставить Кіевъ въ покоѣ и устроить на пожертвованную сумму

*) Сборн. расп. по мин. нар. просв., т. I, доп. стр. 22.

польскую гимназію въ другомъ городѣ Кіевской губерніи, опасаясь, что при упрямой настойчивости деньги могутъ уйти на дѣло русскаго просвѣщенія, что́ и случилось. Гимназія была открыта въ Кіевѣ въ 1812 году, но съ русскимъ учебнымъ языкомъ и отчасти русскими учителями. Въ основаніе средствъ ея было положено 450,000 руб. ас., пожертвованныхъ прежде дворянами, по иниціативѣ Чацкаго, для другой цѣли. Въ день открытія гимназіи—30 января 1812 года Чацкій былъ центромъ и предметомъ овацій, истиннымъ героемъ дня; день начался привѣтствіемъ Чацкому отъ директора и учениковъ. Чацкому передалъ губернаторъ Высочайшую грамоту объ учрежденіи гимназіи; онъ несъ ее въ Печерскую лавру къ богослуженію, на богатой подушкѣ, кисти которой поддерживали два маршала и два члена фундушевой коммиссіи. Онъ встрѣчалъ и провожалъ въ домѣ гимназіи митрополита и прочее православное духовенство и получилъ отъ митрополита образъ Антонія и Ѳеодосія печерскихъ; онъ давалъ высокопоставленнымъ гостямъ обѣдъ, на которомъ говорилъ и рѣчь, „которая дышетъ братскою любовью и чувствомъ человѣчности“ (по словамъ историка гимназіи); дѣйствительно онъ взывалъ къ членамъ Кіевской академіи о необходимости прекратить взаимную ненависть представителей разныхъ вѣроисповѣданій (какъ будто эта ненависть не была „взаимною“); онъ заклиналъ директора и учителей „уважать славу и несчастія угаснаго отечества однихъ (т. е. поляковъ), почитая отечество другихъ“ (т. е. русскихъ), „воздвигать и украшать алтарь согласія и единодушія“. Во всемъ этомъ мы видимъ только глубокую иронію историческихъ судебъ; еще при жизни своей Чацкій осужденъ былъ видѣть, какъ средства, собранныя имъ съ такими усиліями для дѣла польской цивилизаціи, идутъ для цѣли противоположной; и на закатѣ дней своихъ онъ самъ собственными руками долженъ былъ передать свое дѣло въ руки противниковъ; долженъ былъ перенести его чрезъ Печерскую лавру и сложить у подножія иконы Антонія и Ѳеодосія. Едвали найдется болѣе трагическій моментъ самозакланія въ жизни другаго общественнаго дѣятеля. Какія надежды оставались еще въ душѣ его, сказать не умѣемъ: Кіевская гимназія оставалась еще въ подчиненіи Виленскому университету, а первый директоръ ея Мышковскій—воспитанникъ іезуитскихъ школъ. Дальнѣйшія судьбы исторіи юго-запада Россіи уничтожили и эти надежды, если онѣ и были.

То было послѣднимъ дѣломъ Чацкаго; въ слѣдующемъ 1813 г. онъ скончался, до послѣдней минуты бесѣдуя „о своихъ намѣреніяхъ, т. е. о счастіи своихъ соотчичей“.

Надъ могилою этого въ высшей степени замѣчательнаго человѣка, спѣшимъ отстранить незаслуженный укоръ, который можетъ быть намъ сдѣланъ. Мы вполнѣ убѣждены, что Чацкій несомнѣнно былъ не расположенъ превращать образованіе въ непосредственное орудіе политики. Въ архивѣ его не мало свидѣтельствъ, доказывающихъ безспорно его искреннюю заботливость о предохраненіи молодежи отъ увлеченій патріотическими (польскими) предпріятіями, къ чему тогдашнія обстоятельства подавали такъ много поводовъ. Въ этомъ отношеніи вполнѣ справедливы слова В. Я. Шульгина, въ его „Исторіи Университета св. Владиміра“, о томъ, что многіе изъ взведенныхъ на Чацкаго доносовъ должны быть признаны клеветою. Въ 1807 г. Чацкій въ первый разъ испыталъ полицейское преслѣдованіе и, вырвавшись изъ бѣды, съ такою откровенностью извѣщалъ о томъ Волынскую гимназію. „Въ несчастномъ происшествіи со мною я имѣлъ то утѣшеніе, что директоръ, учителя и ученики доказали мнѣ предапность своихъ сердецъ. Я счастливъ, что клевета могла причинить мнѣ лишь временную непріятность. Дѣло было такъ: угодно было кіевскому губернатору усмотрѣть въ моихъ трудахъ намѣренія, противныя правительству; ему показалось, что названіе Наполеона великимъ человѣкомъ въ частномъ разговорѣ есть преступленіе. Генералъ-губернаторъ (Харьковскій) нашелъ въ моихъ глазахъ (какъ утверждаетъ оффиціально) доказательство моей вины. Онъ выставилъ меня небезопаснымъ для правительства и отправилъ меня въ Харьковъ, откуда я привезенъ былъ въ столицу, гдѣ оправданіе было легко для меня. Монаршій рескриптъ окончилъ дѣло относительно меня, а относительно обвинителей Государь предоставилъ себѣ поступить съ ними по своей просвѣщенной справедливости. Я собралъ всѣ силы души своей, чтобы это происшествіе не отняло у меня охоты къ принятымъ на себя обязанностямъ. Отъ предложенныхъ мнѣ высшихъ должностей я уклонился, потому что я не ищу наградъ, а лишь средствъ служить новымъ поколѣніямъ“. Рескриптъ Императора Александра I по этому поводу былъ дѣйствительно весьма милостивый. „Внявъ вашимъ оправданіямъ, велѣлъ я уничтожить дѣло, по обстоятельствамъ токмо времени возникшее, ко-

торое, какъ вамъ, такъ и мнѣ было непріятно, потому что ваши отличныя заслуги въ расширеніи народнаго просвѣщенія стяжали благоволеніе и мою къ вамъ довѣренность, которыя не поколебались и не поколеблются. 10 іюня 1807 г.“. Въ политической мелкой и временной интригѣ Чацкій неповиненъ. Смыслъ его дѣятельности гораздо глубже; мѣры его были разсчитаны на отдаленное будущее нѣсколькихъ поколѣній; его цѣль — умственное и нравственное возрожденіе Польши во всѣхъ прежнихъ ея широкихъ предѣлахъ. Не его вина, если цѣль эта оказалась ошибочною. Но средства, употребленныя имъ были открыты; ими съ благодарностію воспользовались люди иной націи и иного направленія.

Волынскій лицей. Въ 1818 г. Кременецкая гимназія переименована въ лицей; при этомъ не послѣдовало измѣненія ни организаціи, ни правъ ея. С. С. Уваровъ, при докладѣ 8 ноября 1833 г. объ основаніи университета въ Кіевѣ, говорилъ, что переименованіе Волынской гимназіи въ лицей было основано на томъ соображеніи, что Волынская и Подольская губерніи, по отдаленности отъ Виленскаго университета, имѣютъ надобность въ высшемъ училищѣ. Тогда повелѣно было составить новый уставъ и штатъ этого заведенія. Но затѣмъ это распоряженіе, по разнымъ причинамъ, не приведено было въ исполненіе. Однако, какъ внутренніе порядки, такъ и отношеніе къ лицею высшихъ властей естественно приспособлялись къ этому новому наименованію, которое означало возведеніе заведенія въ рангъ высшихъ. Ученики курсовъ естественно обособлялись отъ учениковъ классовъ; спеціализація въ курсахъ, начавшаяся еще въ гимназіи, сдѣлала рѣшительные и окончательные успѣхи.

Но оставивъ пока внутреннюю организацію, обратимся къ внѣшнему управленію лицея. Выше было приведено мнѣніе В. Я. Шульгина, по которому Волынскій лицей уклонился отъ прямой дороги уже послѣ Чацкаго и именно вслѣдствіе непосредственнаго подчиненія Виленскому университету. Между тѣмъ въ дѣйствительности и Чацкій былъ всегда подчиненъ, какъ визитаторъ, Виленскому университету, и послѣ Чацкаго между университетомъ и лицеемъ стояла должность визитатора. Даже болѣе—съ переименованіемъ гимназіи въ лицей, зависимость этого послѣдняго отъ Виленскаго университета фактически ослабѣла.

Чацкій умеръ въ 1813 году, и хотя направленіе, данное имъ образованію не умерло, но его преемники, по своимъ дарованіямъ и энергіи, далеко не могли имѣть такого вліянія, или, правильнѣе, не имѣли никакого. По смерти его (съ марта 1814 года) *) визитаторомъ остался *гр. Плятеръ*, который впрочемъ и прежде (при Чацкомъ) по временамъ исполнялъ ту-же должность (будучи коммиссаромъ судебно-училичной коммиссіи); онъ слѣдовалъ системѣ Чацкаго съ рабскою подражательностію, оставаясь въ должности визитатора до октября 1817 г. При переходѣ гимназіи въ лицей визитаторомъ сдѣланъ *Вележинскій*. Съ ноября 1817 года онъ оставался въ этой должности до 1824 г. (за кратковременнымъ управленіемъ въ 1820 г. *Кропинскаго*); тогда районъ визитаторства былъ ограниченъ двумя губерніями Волынскою и Подольскою. Вележинскій, называя себя ученикомъ Чацкаго, намѣревался также слѣдовать его системѣ, однако на дѣлѣ внесъ въ нее новую черту, именно піэтизмъ, или мистическое направленіе 20-хъ годовъ, что было совершенно чуждо волтерьянцу — Чацкому. При назначеніи на должность визитатора, онъ обозначилъ свое profession de foi такимъ образомъ: „я другъ молодежи; я желалъ-бы видѣть ее процвѣтающею и возростающею въ достоинствахъ домашнихъ и общественныхъ; желалъ-бы видѣть ее просвѣщенною, но просвѣщеніемъ основаннымъ на началахъ религіи и нравственности... Я радуюсь на нынѣшнюю молодежь, выходящую изъ школъ. Но какимъ великимъ мракомъ покрывается душа моя, когда вижу очень многихъ изъ этой молодежи, забывающихъ о Богѣ, не уважающихъ святыхъ правилъ религіи. Возмущается духъ мой отъ такихъ поступковъ, утрачивается охота къ дѣлу... Дожилъ я до того времени, когда вижу, что юноши старшихъ, сыны отцовъ, подначальные начальниковъ не научаются слушать и уважать. Этимъ объясняются безпорядки, произведенные въ Житомірѣ, Межирѣчьѣ, Каменцѣ и Клевани“. Правда, человѣкъ такого мнимо-благочестиваго направленія подъ цвѣтъ всего тогдашняго высшаго общества, по извѣстіямъ, идущимъ съ русской стороны, ревностно участвовалъ въ мѣстныхъ интригахъ противъ русскаго управленія на Волыни, въ частности противъ губ. Комбурлея **). Но ка-

---

*) Нижеслѣдующія свѣдѣнія взяты изъ архива Кременецкаго лицея и визитаторскаго.

**) См. „Кіев. Стар.“ 1883 г.

кихъ-бы убѣжденій ни держался, самъ онъ, по личнымъ свойствамъ своимъ, могъ имѣть только оффиціальное вліяніе на лицей и притомъ далеко не такое, какъ Чацкій. Въ оффиціальныхъ-же бумагахъ онъ конечно не могъ поблажать уклоненію школы на путь революціонной политики. Окончивъ ревизію 1822 г., онъ пишетъ, между прочимъ, въ лицей слѣдующую приторную похвалу: „лицейское юношество обнаружило не только большіе успѣхи въ наукахъ, но и сдѣлалось богобоязненнымъ, почтительнымъ, скромнымъ и совершенно послушнымъ пекущемуся о немъ начальству, а къ наставникамъ своимъ оказалось признательнымъ и уважительнымъ. Въ эти тяжелые дни лицейское начальство умѣло удержать молодежь въ покорности и послушаніи...“ и т. д. Словомъ, далѣе внѣшней покорности и скромности (быть можетъ лицемѣрной) визитаторъ ничего не желалъ и не видалъ. Преемникомъ Вележинскаго былъ *Казиміръ Монюшко.*

Что касается Виленскаго университета, то его отношенія къ лицею не были близки и непосредственны. Если ему и приходилось быть проводникомъ общихъ началъ (на бумагѣ въ распоряженіяхъ и предписаніяхъ), то эти начала предписаны были ему самому высшимъ правительствомъ и, разумѣется, были направлены противъ революціонныхъ поползновеній. 1821 года, іюня 11, Вележинскій писалъ въ лицей: „ректоръ Императорскаго Виленскаго университета Малевскій, обращая внимательный взглядъ на установленіе добраго порядка въ виду нынѣшнихъ обстоятельствъ, поручилъ мнѣ своимъ письмомъ отъ 14 мая (1821 г.) сдѣлать слѣдующія циркулярныя распоряженія по школамъ моего округа: 1) чтобы учителя въ своихъ лекціяхъ не вдавались въ объясненія, могущія возбуждать въ ученикахъ направленіе, которое теперь во многихъ мѣстахъ заражаетъ молодежь, и чтобы учителя сами не вдавались въ политическіе предметы, особенно касающіеся нынѣшнихъ обстоятельствъ, сдѣлавшихся несчастною причиною замѣшательствъ во многихъ государствахъ. 2) Учителя краснорѣчія должны остерегаться, чтобы образцы, изучаемые учениками, не заключали политическихъ матерій, фанатическаго патріотизма или либерализма. 3) Учителя исторіи должны останавливать вниманіе учениковъ на томъ, что̀ возбуждаетъ уваженіе къ правительству. 4) Учителя правовѣдѣнія, въ изложеніи естественнаго права, прилежно должны наблюдать, чтобы преподавать эту науку въ ея настоящемъ значеніи, не разсѣевая столь

вредныхъ началъ самоволія. 5) Приказывается строжайшимъ образомъ смотрѣть, чтобы между учениками не было какихъ-нибудь сходокъ или обществъ, которыя могли-бы возбудить какое либо неспокойное направленіе. 6) Послушаніе и уваженіе власти есть первое дѣло, на которомъ основывается весь порядокъ; поэтому университетъ поручилъ мнѣ особенно смотрѣть за послушаніемъ учениковъ учителямъ, а учителей своему мѣстному начальству, съ предостереженіемъ, что нарушителей этого постигнетъ неминуемо примѣрное наказаніе. Отвѣчая на это университету, я, увѣренный въ прозорливости и усердіи учительскихъ совѣтовъ, поручился предъ нимъ и взялъ всю отвѣтственность на себя". Какъ извѣстно, въ то время въ Виленскомъ университетѣ существовали разныя тайныя общества филаретовъ, променистыхъ и т. п., которыя, наконецъ, были открыты и преслѣдуемы Новосильцевымъ. Такія броженія въ средѣ студентовъ Виленскаго университета, дѣйствительно, отражались (хотя и въ слабой степени) и въ Кременецкомъ лицеѣ. Глава тѣхъ обществъ—Занъ постарался открыть въ Волынскомъ лицеѣ отдѣлъ общества филаретовъ, будто-бы при содѣйствіи профессора Энтца *). Другихъ средствъ вліянія, живыхъ, личныхъ и непосредственныхъ, Виленскій университетъ имѣть не могъ.

Болѣе возможности въ этомъ отношеніи имѣлъ попечитель, которымъ былъ все тотъ-же *кн. Ад. Чарторыжскій.* Ему принадлежало главное участіе въ назначеніи директоровъ и учителей. Онъ, дѣйствительно, могъ и желалъ имѣть самое сильное вліяніе на успѣхъ полонизаціи; но сосредоточивъ свою дѣятельность на Вильнѣ, онъ мало обращалъ вниманія на Кременецъ.

Директорами (которые назначались на 4 года) были слѣдующія лица: при переходѣ гимназіи въ лицей оставался *Сциборскій.* Затѣмъ довольно долго исправлялъ должность префектъ *Ярковскій;* послѣ того 16 сентября 1819 г. назначенъ новый директоръ *Алоизій Фелинскій,* почетный членъ Виленскаго университета и Варшавскаго общества наукъ. Каковъ это былъ человѣкъ—сказать трудно; но онъ скоро изчезъ со сцены, передавъ исправленіе должности опять Ярковскому, который продолжалъ управлять въ 1821 и 1822 г., пока не назначенъ былъ *Левицкій.* Послѣднимъ директоромъ лицея былъ *Бокчанинъ,*

---

*) См. „Изъ Ист. Вил. учебн. окр.", Рус. Арх. 1874 г., стр. 1200.

породнившійся съ первымъ русскимъ попечителемъ Е. Ѳ. Брадке. Всѣ эти лица, особенно послѣдній, при которомъ произошелъ политическій взрывъ 1831 года и закрытъ лицей, ничѣмъ не ознаменовали себя со стороны какихъ-либо интригъ или политической агитаціи. Впрочемъ внутреннее управленіе во многомъ зависѣло отъ совѣта учителей, изъ которыхъ въ началѣ многіе принадлежали къ числу лицъ неизвѣстныхъ; но за то съ половины 20-хъ годовъ складывается тотъ составъ преподавателей, который перешелъ потомъ вмѣстѣ съ лицеемъ въ Кіевскій университетъ. Изъ извѣстныхъ ученыхъ раньше другихъ появляется въ Кременцѣ *Ярошевичъ* (авторъ соч. „Obraz Łitwy"), правовѣдъ, археологъ во вкусѣ Чацкаго и, повидимому, не болѣе, какъ кабинетный труженикъ. Изъ числа будущихъ кіевскихъ профессоровъ видимъ рано, съ самаго начала лицея, *Зѣновича*, извѣстнаго *Бессера*, √ даровитаго *Мицкевича*, знатока математики — *Выжевскаго* и *Абламовича;* со всѣми ими мы встрѣтимся въ Кіевѣ. Все это были весьма замѣтные ученые (для своего времени), люди трудящіеся и скромные (за исключеніемъ развѣ Мицкевича, человѣка практическаго и весьма склоннаго играть видныя роли въ общественныхъ дѣлахъ). Политическую экономію преподавалъ *Хонскій*, котораго мы видѣли еще въ Кременецкой гимназіи. Преподавателемъ русской исторіи и исторіи русской литературы въ лицеѣ долго оставался приглашенный Чацкимъ — *Александровскій*, которому онъ, при назначеніи, далъ особую инструкцію, начинавшуюся такъ: „приглашая Александровскаго на отдѣльную каѳедру русской литературы, я даю доказательство того, какъ ревностно желаю видѣть, чтобы языкъ *Государя и правительства* былъ основательно изучаемъ въ гимназіи". Въ инструкціи находимъ распоряженіе, чтобы элементарное изученіе русскаго языка кончалось въ 3-мъ классѣ, а съ 4-го начиналось преподаваніе литературы. Для низшаго преподаванія грамматики языка приглашенъ былъ особый учитель. Литература должна быть преподаваема съ древнѣйшихъ временъ, именно отъ различія кирилицы и глаголицы; въ нее входитъ и русская палеографія. Учениковъ землемѣрія и другихъ желающихъ профессоръ обязанъ научить правиламъ писанія рапортовъ и другихъ дѣловыхъ бумагъ. Онъ обязанъ дѣлать выдержки изъ періодическихъ русскихъ изданій и представлять ихъ директору. Затѣмъ визитаторъ желаетъ, чтобы русская грамматика была приспособлена къ польской грамма-

тикѣ ксенд. Копчинскаго, и чтобы Александровскій, усовершенствовавшись въ польскомъ языкѣ, занялся этимъ дѣломъ (слитія двухъ-язычной грамматики съ грамматикою третьяго языка). Наконецъ дальнѣйшіе и окончательные свои виды на этотъ счетъ Чацкій выражаетъ такимъ образомъ: „тотъ оказалъ-бы истинную услугу языку славянскому, кто привелъ-бы *метафизику и механизмъ славянскихъ діалектовъ* къ простымъ правиламъ и выразилъ-бы ихъ различія. Въ мой планъ входитъ грамматика всѣхъ языковъ (? вѣроятно славянскихъ). Важное въ этомъ отношеніи сочиненіе Линде даетъ для того матеріалы... Я имѣю въ виду Александровскаго, какъ могущаго впослѣдствіи занять каѳедру (общесравнительнаго) языкознанія“. Словомъ, этому профессору указывалась вдали весьма блестящая перспектива всеславянскаго языковѣда, при чемъ слилось и стушевалось-бы спеціальное преподаваніе русскаго языка, а пока назначаема была роль весьма антикварная и формальная. Языкъ русскій разсматривался только какъ матеріалъ для будущаго сравнительнаго языкознанія. Но каѳедра общесравнительнаго языкознанія не была открыта. Впослѣдствіи Александровскій, кромѣ исторіи литературы, началъ преподавать и русскую исторію и такимъ образомъ въ его лицѣ сосредоточивался весь русскій элементъ лицейскаго преподаванія.

Первый кіевскій попечитель, Е. Ѳ. фонъ-Брадке, говоря въ своихъ воспоминаніяхъ объ уклоненіи лицея съ пути истиннаго, сообщаетъ намъ слѣдующее: „Кременецъ явно соперничалъ съ Вильною и многіе профессора были лучше виленскихъ. Суетность знати удовлетворялась, добровольныя пожертвованія умножались, собранъ былъ капиталъ въ нѣсколько сотъ тысячъ и распространялось убѣжденіе, что частный человѣкъ обязанъ жертвовать своими собраніями на умноженіе собраній лицея. Такимъ образомъ число книгъ въ библіотекѣ превысило 100 тысячъ томовъ и кабинеты видимо умножались. Многіе ревностные патріоты начали проводить въ Кременцѣ зимніе мѣсяцы; маленькій дотолѣ городокъ оживился безпрестанными балами и другими увеселеніями, въ которыхъ преимущественно участвовала учащаяся молодежь. Дошло до того, что на масляницу многія знатнѣйшія семейства переселялись въ Кременецъ изъ Парижа... Кременецъ сдѣлался любимымъ мѣстопребываніемъ польскаго дворянства и, *по смерти Чацкаго*, стала въ тамошнемъ обществѣ развиваться мысль о будущей само-

стоятельной, великой Польшѣ, а въ сердцахъ укоренялась враждебность къ митрополіи и къ государству, съ коимъ связана была Польша. Самый лицей *немного или почти вовсе* не содѣйствовалъ этому превратному направленію; напротивъ директоръ и преподаватели оставались почти совершенно чужды оному и негодовали на то, что возбужденіе умовъ отвлекало молодыхъ людей отъ науки... Въ профессорахъ я встрѣтилъ (продолжаетъ Е. Θ. Брадке) людей, фанатически преданныхъ только своей наукѣ и мало помышлявшихъ о дѣлахъ міра сего. Правда, двое представляли исключеніе, *и одинъ изъ нихъ—русскій;* но и тѣхъ во всякомъ случаѣ нельзя назвать дѣятелями" *).

Поставивъ въ этой свѣтлой картинѣ кое-что насчетъ свѣтлой души самого Е. Θ—ча, мы должны признать, что со стороны лицейскаго начальства и профессоровъ не было подталкиваній молодежи на путь мѣстной политики. Но нельзя согласиться съ тѣмъ, что вообще причины такого уклоненія надо искать внѣ лицея; ихъ можно и должно отыскивать въ составѣ самыхъ слушателей лицея и въ способѣ ихъ научныхъ занятій. Лицей былъ заведеніемъ совершенно польскимъ и по учебному языку, и по составу преподавателей и лицъ начальствующихъ, и по характеру учебныхъ книгъ и школьной жизни, и, наконецъ, что́ всего важнѣе, по большинству въ составѣ учащихся. Такой характеръ заведенія не былъ какимъ-либо преступнымъ секретомъ, результатомъ чьихъ-либо тайныхъ происковъ и вреднаго внушенія. Напротивъ это было дѣломъ, освященнымъ русскою законодательною и правительственною властію. Создалъ-же это явленіе въ южнорусскомъ краѣ, при помощи Чарторыжскаго, гр. Чацкій, который, по словамъ Е. Θ. Брадке, хотѣлъ воспитывать польскую молодежь въ лойяльныхъ убѣжденіяхъ по отношеніи *къ русскому Императору*, т. е. распространить на юго-западный (и сѣверо-западный) край Руси тоже положеніе, въ которомъ было послѣ Царство Польское; иначе говоря, возстановить прежнюю Рѣчь Посполитую во всемъ ея объемѣ, со включеніемъ всей западной Руси и Литвы, при помощи русскаго Императора. Само собою понятно, что если эти мечты начнутъ разрушаться, если на русскія провинціи станутъ смотрѣть какъ на русскія, то основанія лойяльности падаютъ сами собою. Съ *русскою націею* и *русскимъ госу-*

*) „Автобіогр. зап. Е. Θ. Брадке" въ Рус. Архивѣ 1875 г.

дарствомъ тутъ нѣтъ никакой связи. Когда въ 20-хъ годахъ высшее правительство обратило вниманіе, и то на самые насущные и минимальные, интересы русской національности въ учебныхъ заведеніяхъ этого уголка Россіи, то въ 1821 г. замѣчено было, что ученики православнаго исповѣданія въ школахъ юго-западныхъ не имѣютъ православныхъ законоучителей и ходятъ, по общему школьному порядку, со всѣми прочими въ костелъ. 23 сентября 1821 г. министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ кн. Голицынъ отнесся съ предложеніемъ къ православнымъ епископамъ юго-западнаго края съ слѣдующимъ заявленіемъ: „замѣчая изъ вѣдомостей, представляемыхъ мнѣ Виленскимъ университетомъ, что нѣкоторыя изъ учебныхъ заведеній его округа, не имѣютъ особыхъ законоучителей для преподаванія закона Божія дѣтямъ православнаго вѣроисповѣданія, и что эти послѣдніе учатся закону Божію или подъ надзоромъ своихъ родителей, или подъ надзоромъ смотрителей училищъ, которые снабжены книгами для записыванія какъ успѣховъ ихъ въ наукахъ, такъ и точнаго исполненія обязанностей религіи, я нахожу, что такія распоряженія не могутъ быть достаточными для утвержденія молодежи въ началахъ христіанства и твердаго сохраненія ими правилъ религіи". На это министръ обращаетъ вниманіе, между прочимъ, Волынскаго епископа Стефана. Епископъ въ свою очередь отнесся къ визитатору, прося ему дать справку о томъ, каково количество учениковъ православнаго вѣроисповѣданія въ школахъ Волынской губерніи, и въ отвѣтъ получилъ такія свѣдѣнія о числѣ учениковъ этого послѣдняго вѣроисповѣданія въ училищахъ Волынской губерніи: въ Кременецкомъ лицеѣ—34; въ Житомірѣ—27; въ Овручѣ—18; въ Любарѣ—16; въ Межирѣчьѣ—8; въ Бердичевѣ—8; во Владимірѣ—5; въ Дубровицѣ—5; въ Луцкѣ—4; въ Теофильполѣ—3; въ Клевани—2; въ Олыкѣ—2. Итакъ въ лицеѣ на 600 слишкомъ слушателей, хотя было только 34 русскихъ,— однако были; это—большею частію дѣти чиновниковъ и военныхъ, которыхъ занесла въ тотъ уголъ прихотливая судьба служебныхъ интересовъ; мѣстные-же урожецы, т. е. громадная масса русскаго населенія низшихъ классовъ, разумѣется, не находила доступа въ лицей, когда и въ низшихъ школахъ процентъ ея былъ ничтоженъ. Упомянутая небольшая горсть русскихъ слушателей совершенно терялась въ преобладающей массѣ. Такъ какъ всѣ предметы преподавались на польскомъ языкѣ, то и

русскіе скоро отвыкали признавать себя русскими. Вліяніе товарищества, конечно, въ этомъ превращеніи въ другую національность было сильнѣе всякаго дѣйствія преподаванія. Въ дѣлахъ встрѣчаются просьбы, поданныя какимъ-нибудь паномъ Charczenko или паномъ Woskobojnikowym (Воскобойниковымъ) на отличномъ польскомъ языкѣ. Если прибавить къ этому обязательное ежедневное хожденіе въ костелъ, то ничего нѣтъ удивительнаго, что польская національность усваивалась людьми не только мѣстнаго, но и великорусскаго происхожденія. Этимъ національнымъ направленіемъ опредѣлился весь характеръ лицея и его судьба, въ которой незачѣмъ винить однихъ и выгораживать другихъ.

Но кромѣ того для легкомысленнаго увлеченія политикою, требовалось и другое условіе, именно: широкая и разнообразная полуобразованность, сообщаемая въ школахъ, устроенныхъ Чацкимъ, и соединенная съ пріученіемъ недоучекъ къ критикѣ государственныхъ учрежденій, о чемъ упомянуто выше. Пестрота и широта образованія достигла такихъ предѣловъ, что привела, наконецъ, къ противоположной крайности. Еще въ гимназіи, какъ мы знаемъ, началась произвольная специализація, достигавшая въ періодъ лицейскій до степени, такъ сказать, индивидуальной. Каждый избиралъ себѣ тотъ кругъ предметовъ для занятія, какой находилъ себѣ удобнѣе, обыкновенно ссылаясь на волю родителей. Префектъ представлялъ о томъ директору; директоръ разрѣшалъ всегда безъ отказа. Въ спискахъ послѣднихъ годовъ Волынскаго лицея (1830—1831 г.) мы находимъ уже распредѣленіе слушателей по каждой наукѣ въ отдѣльности, а именно: начальной геометріи училось 75 учен., геометріи „линій кривыхъ“ (у профес. Выжевскаго) — 11; геометріи практической (у профес. Савицкаго) — 11; топографическимъ планамъ — 22; исторіи всеобщей учениковъ 1-го курса: отдѣлен. 1-го—57; отдѣлен. 2-го—10; отдѣл. 3-го — 12; языку польскому отдѣл. 1-го—60; краснорѣчію и литературѣ польской отдѣл. 2-го—28; латинскому языку 1-го отдѣл. — 56; 2-го отдѣл. — 30; литературѣ латинской 3-го отдѣл.—19; русскому языку (у Александровскаго) — 53; русской исторіи (у того-же) — 33; русской литературѣ (у того-же)—31; физикѣ (у Абламовича)—44; политической экономіи (у Хонскаго) — 9; химіи (у Зѣновича) — 19; минералогіи (у того-же) — 11; технологіи (у того-же) — 25; зоологіи (у Бессера) — 6; мѣстнымъ законамъ (у Мицкевича)—19; библіографіи и общей грам-

матикѣ (у Ярковскаго) — 5; архитектурѣ гражданской — 21; механикѣ — 10; греческому языку 1-го отдѣл. — 26; 2-го отдѣл. — 8; 3-го отдѣл. (греческ. литературѣ) — 5. Изъ этого видно, что распредѣленіе по курсамъ становится почти миѳическимъ; по каждой наукѣ устанавливаются свои „отдѣлы", смотря по успѣхамъ учениковъ. Сообразно съ этимъ преподаваніе въ лицеѣ имѣло характеръ чтенія частныхъ курсовъ для желающихъ. Спеціализація вызывалась не стремленіемъ къ болѣе серьезному изученію науки, а какъ разъ наоборотъ—желаніемъ облегчить учебный курсъ до послѣдней крайности. Общей объединительной системы образованія не было. Единственнымъ объединительнымъ дѣйствіемъ были экзамены, производимые директоромъ или, правильнѣе, въ его присутствіи два раза въ году: въ половинѣ февраля и въ половинѣ іюня (въ низшихъ классахъ — три раза въ году: въ декабрѣ, мартѣ и іюнѣ). Не смотря на такую спеціализацію, большая часть учениковъ въ томъ или другомъ порядкѣ къ концу курса слегка и по наслышкѣ схватывала вершки всей пестрой смѣси знаній, не успѣвая ее переварить. Соотвѣтственно съ этимъ успѣхи въ занятіяхъ, степень основательности въ усвоеніи знаній и, наконецъ, рвеніе къ труду постепенно падали.

Для поощренія студентовъ къ занятіямъ въ 1818 г. кн. Чарторыжскій учредилъ въ лицеѣ *„общество для усовершенствованія въ авторствѣ и ораторствѣ"* („Towarzystwo cwiczących się w parządnem mówieniu i pisaniu"). Предсѣдателемъ въ обществѣ назначается ученикъ, получившій въ прошломъ году золотую медаль, а членами—ученики, получившіе медали или награды на 2-мъ или 3-мъ курсѣ. Впрочемъ общество можетъ пригласить въ члены и другихъ, отличающихся въ сочиненіяхъ, но не иначе какъ единогласно. Всякій другой, желающій вступить въ товарищество, долженъ представить какое-либо сочиненіе подъ девизомъ и въ запечатанномъ конвертѣ свое имя. Въ случаѣ признанія сочиненія годнымъ, общество должно представить его на разсмотрѣніе подлежащему учителю; если этотъ послѣдній одобритъ, то предсѣдатель извѣщаетъ конкурента, что онъ принятъ членомъ. Засѣданія общества дѣлятся на публичныя и частныя; каждыхъ должно быть не менѣе трехъ въ году; каждое частное должно предупреждать публичное тремя недѣлями; на частныхъ засѣданіяхъ устанавливается, какія работы должны быть представлены къ публичному засѣданію.

Въ сочиненіяхъ не должно быть ничего противнаго религіи, нравственности и правительству; цензура возлагается на учителя, по предмету котораго разсужденіе написано. *Ученикъ, который бы прочиталъ вычеркнутыя мѣста, исключается изъ членовъ общества, впрочемъ съ правомъ быть избраннымъ на слѣдующій годъ.* По прочтеніи реферата въ засѣданіи, предсѣдатель спрашиваетъ, не желаетъ-ли кто возражать. По окончаніи всѣхъ рефератовъ, присутствующіе учителя рѣшаютъ посредствомъ тайной подачи голосовъ, какой изъ нихъ признается наилучшимъ. Такой рефератъ записывается дословно въ протоколъ, можетъ быть напечатанъ въ журналѣ (когда онъ будетъ издаваться въ Кременцѣ) и можетъ быть вторично прочитанъ на публичномъ актѣ. Такое общество, разумѣется, весьма легко могло обратиться къ цѣлямъ польскихъ политическихъ движеній, какъ это потомъ повторилось и въ Кіевскомъ университетѣ.

Нравственный надзоръ былъ основанъ на нѣкотораго рода взаимной порукѣ. Въ случаѣ проступка ученика другіе желающіе давали напр. такое поручительство: „я нижеподписавшійся ручаюсь, что г. Войц. Корытынскій будетъ стараться своимъ прилежаніемъ къ наукамъ и своими нравственными поступками загладить проступокъ (błąd), совершонный имъ въ прошломъ году и заслужить о себѣ мнѣніе, какъ о прилежномъ и добронравственномъ ученикѣ“. Подобныя поручительства давались и относительно успѣха въ наукахъ за учениковъ лѣнивыхъ и малоуспѣвающихъ. Это въ свою очередь вело къ водворенію общей стачки студентовъ и было средствомъ прикрывать другъ друга.

Переворотъ 1831 — 1832 г. Всѣ указанныя выше черты школъ юго-западнаго края вообще и Волынскаго лицея въ особенности, соединенныя вмѣстѣ, составляютъ самую плодородную почву для политическихъ броженій. Исключительно польскій личный составъ, польское направленіе преподаванія, полуобразованность, соединенная съ кичливостію всезнаекъ, общественныя собранія, баллотировки, рѣчи въ ученическихъ обществахъ — неминуемо влекли школы на путь скрытой политики, безъ всякаго прямаго подстрекательства со стороны училищнаго начальства, директоровъ и учителей.

Но само собою разумѣется, что извнутри самыхъ учебныхъ заведеній (и лицея въ томъ числѣ) не могло-бы послѣдовать быстраго взрыва, если-бы не было общаго внѣшняго толчка въ событіяхъ 1830

года. Польскія (или правильнѣе—Варшавскія) движенія 1830 — 1831 года, будучи вызваны тогдашнимъ волненіемъ умовъ въ Европѣ, въ свою очередь вызвали подражаніе въ высшихъ классахъ западной Россіи, которые далеко не сроднились съ мыслію, что они живутъ не въ Польшѣ, а въ Россіи. Учащаяся молодежь увлеклась первая (какъ это впрочемъ обыкновенно и бываетъ во всѣхъ странахъ міра); движеніе коснулось не одного лицея, а почти всѣхъ училищъ края. Составъ преподавателей лицея, повидимому, не могъ быть заподозрѣнъ; по крайней мѣрѣ впослѣдствіи не подвергся преслѣдованію. Разумѣется, не всѣ и учащіеся пошли въ повстанцы; но остальные взяты родителями изъ чувства самосохраненія; во всякомъ случаѣ всѣ училища края (кромѣ Кіевскихъ) опустѣли и такъ сказать естественно закрылись; поэтому указъ о закрытіи ихъ 21-го августа 1831 года былъ только признаніемъ совершившагося факта. Онъ только развязывалъ руки правительству для введенія впослѣдствіи новыхъ основаній для народнаго образованія. Первоначально было предположено всѣ училища юго-западнаго края (говоря точнѣе: учителей) перевести на другой берегъ Днѣпра и въ центръ имперіи; но большая часть училищъ содержалась монашествующими орденами и потому учителя въ нихъ были монахи (католическіе или уніатскіе), которые, разумѣется не годились быть учителями внутри имперіи.

Въ слѣдующемъ 1832 г. правительство уже приступило къ открытію учебныхъ заведеній вновь и въ два года почти возстановило прежнее число среднихъ учебныхъ заведеній, а въ нѣкоторыхъ родахъ ихъ увеличило его. Вмѣсто прежней одной гимназіи (Винницкой), если не считать Межирѣцкой (лишь именовавшейся гимназіею), открыто четыре: въ Луцкѣ, Винницѣ, Каменцѣ-Подольскомъ и Житомірѣ. Уѣздныхъ училищъ было закрыто 9, вновь открыто 6. Именно эти училища пользовались особеннымъ нерасположеніемъ новаго министра гр. С. С. Уварова, и по справедливости, какъ разсадники всезнаекъ и задорныхъ невѣждъ. Что касается до приходскихъ училищъ при католическихъ церквахъ, то министръ народнаго просвѣщенія докладывалъ Государю, что „всѣ приходскія училища въ Кіевской, Подольской и Волынской губерніи, за исключеніемъ гор. Кіева, были въ рукахъ римско-католическаго духовенства и ученіе въ нихъ производилось на польскомъ языкѣ, а какъ такія училища въ тамошнихъ мѣстахъ вредны по влія-

нію, которое посредствомъ оныхъ римско-католическое духовенство имѣетъ на жителей", то онъ испрашивалъ Высочайшаго соизволенія, чтобъ „сіи училища упразднить совершенно и вмѣсто того въ Волынской и Подольской губерніи завести современемъ и единственно для преподаванія русской грамоты, русскаго катехизиса и ариѳметики при церквахъ греко-россійскаго исповѣданія, отдавъ ихъ подъ надзоръ приходскихъ священниковъ; ибо симъ только средствомъ можно будетъ тамошній низшій классъ народа, кореннаго русскаго, исторгнуть изъ рукъ духовенства западной церкви". Въ этомъ смыслѣ и состоялось Высочайшее повелѣніе 25 іюля 1832 г.*)

Организація и направленіе вновь открытыхъ училищъ были діаметрально противоположны прежнимъ порядкамъ. Кое-гдѣ рѣзкость такого перехода приводила къ аномаліямъ, къ противоположнымъ крайностямъ: если прежде учитель русскаго языка и православный законоучитель были послѣдними спицами въ учебной колесницѣ, то теперь они, по мѣстамъ, сдѣлались главными и даже единственными заправителями. Въ жару борьбы, переходъ въ противоположную крайность неизбѣженъ, и напрасно В. Я. Шульгинъ выставляетъ эти уклоненія на позоръ съ такою неумѣренною ѣдкостію; и учителямъ русскаго языка и законоучителямъ пришлось командовать недолго; вскорѣ опять были отведены для нихъ весьма скромныя роли,—почти такія-же, какъ при Чацкомъ. Тотъ-же В. Я. Шульгинъ въ статьѣ, написанной 20 лѣтъ спустя послѣ своей Исторіи Университета св. Владиміра, познакомившись болѣе основательно съ архивами края, писалъ уже совсѣмъ иное, а именно: „хотя послѣ мятежа 1831 г. ограничено было прямое вліяніе ксендзовъ на воспитаніе юношества, но они старались получить его разными косвенными способами....; одного ученика православнаго исповѣданія учили католическому закону (въ Немировской гимназіи)" и т. д. **). Несомнѣнно, что и послѣ 1831 г. дѣла пошли бы на прежній ладъ, не смотря на преобразованіе училищъ, если-бы въ центрѣ округа не былъ поставленъ русскій университетъ.

Съ открытіемъ училищъ на новыхъ началахъ рѣшено было открыть и новый учебный округъ въ Кіевѣ (14 декабря 1832 г.), при-

---

*) См. Сборн. постан. по мин. нар. пр. т. II, № 166.

**) См. „Юго-западный край подъ управленіемъ Д. Г. Бибикова". Древн. и нов. Россія 1879 г.

чемъ къ юго-западнымъ губерніямъ весьма благоразумно присоединена и Черниговская губернія.

Оставалось рѣшить, что́ дѣлать съ Волынскимъ лицеемъ. Первоначально рѣшено было перевести его въ Житоміръ; но тогдашній харьковскій попечитель учебнаго округа Филатьевъ (Кіевскаго еще не было) въ 1832 г. находилъ болѣе удобнымъ перемѣстить его въ Кіевъ и лично докладывалъ о томъ императору Николаю I, въ бытность его въ Харьковѣ. Того-же мнѣнія держались и Кіевскія власти (генералъ-губернаторъ Левашовъ) и въ свою очередь тогда-же представляли о томъ Государю. Совершенно независимо отъ вопроса о судьбѣ прежнихъ учебныхъ заведеній юго-западной Россіи, въ Кіевѣ ощущалась потребность въ высшемъ учебномъ заведеніи, именно юридическомъ; гр. Левашовъ представилъ тогда-же императору Николаю I проэктъ устройства *юридическаго института св. Владиміра* въ Кіевѣ; проэктъ удостоился Высочайшаго утвержденія 9 мая 1833 г. и изъ суммъ капитула орденовъ повелѣно отпустить 150 т. на первоначальное обзаведеніе института и по 12 т. ежегодно. Но въ томъ-же году гр. Левашовъ и новый кіевскій попечитель Е. Ѳ. фонъ-Брадке рѣшили ходатайствовать объ открытіи вмѣсто лицея и института въ Кіевѣ—одного цѣльнаго университета. Съ этимъ ходатайствомъ гр. Левашовъ и Брадке отправились въ Петербургъ.

Между тѣмъ въ томъ-же 1832 г. (1 мая) состоялся указъ и о закрытіи Виленскаго университета, съ тѣмъ, чтобы медицинскій и богословскій факультеты его передать въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ для преобразованія перваго въ медико-хирургическую академію, а втораго въ духовное училище; благонадежныхъ профессоровъ прочихъ факультетовъ перевесть въ другіе университеты. Вмѣстѣ съ тѣмъ упразденъ и Виленскій учебный округъ, а училища его подчинены Бѣлорусскому. Однако правительство вовсе не намѣревалось лишить край высшаго образованія; оно, приближая къ центру государства Кременецкій лицей, хотѣло тоже сдѣлать и съ Виленскимъ университетомъ, передвинувъ его въ гор. Оршу (Могилевской губ.), но не въ формѣ университета, а только лицея (впрочемъ Е. Ѳ. фонъ-Брадке называетъ предполагаемый Оршанскій лицей — университетомъ). На основаніе лицея были назначены уже особыя суммы; оставалось только приступить къ постройкѣ зданій. Но, послѣ рѣшенія

открыть университетъ въ Кіевѣ, данъ былъ 28 февраля 1834 г. Высочайшій указъ такого содержанія: „признавъ необходимымъ преобразовать во всѣхъ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ учебную часть, согласно съ истинными пользами того края, мы предполагали устроить для Бѣлорусскаго учебнаго округа высшее учебное заведеніе въ Оршѣ, которое, современемъ, получивъ болѣе развитія, могло-бы замѣнить и упраздненный Виленскій университетъ. Между тѣмъ Волынскій лицей былъ переведенъ изъ Кременца въ Кіевъ... и учрежденъ университетъ (св. Владиміра). Съ другой стороны оказалось, что возведеніе зданій для лицея въ Оршѣ, по открывшимся въ семъ городѣ неудобствамъ, не можетъ быть исполнено съ желаемымъ успѣхомъ; что вообще устроеніе высшаго учебнаго заведенія въ Бѣлорусскомъ округѣ потребовало-бы, при всѣхъ издержкахъ, долгаго времени, тогда какъ во вновь учрежденномъ университетѣ св. Владиміра всѣ нужнѣйшіе курсы будутъ открыты въ текущемъ году, что сей университетъ, при усиленныхъ способахъ, можетъ замѣнить оба лицея, прежде предполагавшіеся въ Кіевѣ и Оршѣ, что Кіевъ, центръ торговли и промышленности окрестной страны, долженъ по всѣмъ симъ причинамъ служить и средоточіемъ учебной системы всѣхъ западныхъ губерній, для окончательнаго образованія молодыхъ людей, приготовленныхъ къ тому въ гимназіяхъ Кіевскаго и Бѣлорусскаго округовъ". На основаніи этого устройство лицея въ Оршѣ отмѣнено и суммы, назначенныя для возведенія зданій его, именно 209,508 руб. сер. и 3,522 руб. ас., обращены на постройку зданій и другія потребности университета св. Владиміра. Въ заключеніе указа объ этомъ правительство заявляло надежду, что жители западныхъ губерній въ общемъ и единообразномъ устройствѣ учебной части въ цѣлой имперіи увидятъ доказательство одинаковой заботливости его о всѣхъ вѣрноподданныхъ; „юноши, воспитываемые ко благу единаго отечества, пусть пользуются всѣ нераздѣльно нашею отеческою любовію" *).

Вотъ единственное и при томъ косвенное наслѣдство, полученное университетомъ св. Владиміра отъ Виленскаго университета, между тѣмъ какъ нерѣдко встрѣчается ошибочное утвержденіе, что Кіевскій университетъ переведенъ изъ Вильны. Въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ,

---

*) Сборн. постан. по мин. нар. просв. т. II, отд. I, № 256.

что около 10 лѣтъ спустя, при устройствѣ медицинскаго факультета въ Кіевѣ, отъ медико-хирургической Виленской академіи досталось нашему университету нѣсколько бо́льшее наслѣдство, но и тогда оно не касалось личнаго состава преподавателей.

Университетъ св. Владиміра есть несомнѣнно Кременецкій лицей, перенесенный въ Кіевъ и заключившій въ себѣ два предполагавшихся, но еще неосуществленныхъ высшихъ учебныхъ заведенія: лицей въ Оршѣ и юридическій институтъ въ Кіевѣ.

Справедливость требуетъ отмѣтить еще, что университетъ въ Кіевѣ возникъ не изъ однихъ польскихъ источниковъ. Уже давно, совершенно независимо отъ существованія Кременецкаго лицея и Виленскаго университета, когда Чацкій усиливался и въ Кіевѣ устроить подобный-же оплотъ полонизаціи, русскіе люди думали объ устройствѣ русскаго университета въ Кіевѣ. Въ вѣкъ богатыхъ пожертвованій на дѣло образованія при императорѣ Александрѣ I, когда лѣвобережный малороссъ жертвовалъ на основаніе высшаго заведенія въ своей Черниговщинѣ, великоруссъ Демидовъ, жертвовавшій для цѣлой Россіи, въ томъ числѣ внесъ довольно значительные деньги и на основаніе университета въ Кіевѣ. Не его вина, что эта идея такъ долго не осуществлялась, что пожертвованный капиталъ возросъ съ 50 тыс. до 200,000, которыя наконецъ и достигли своего назначенія въ 1833 г.

Мы видимъ серьезную и непонятную ошибку въ словахъ В. Я. Шульгина, къ тому-же сказанныхъ имъ уже въ послѣднюю эпоху жизни и дѣятельности, а именно: „по равнодушію общества, а отчасти по свойственной намъ привычкѣ начинать постройку народнаго образованія съ крыши, а не съ фундамента, открытъ былъ университетъ, а на народныя школы не обращено никакого вниманія... Подражать Чацкимъ мы не умѣли, мы умѣли только обвинять ихъ. Конецъ концовъ:—простой народъ оставленъ былъ вовсе безъ образованія и перевоспитанія: тайной пропагандѣ ксендзовъ открыто свободное поприще“ *). Какимъ образомъ можно было образовывать и перевоспитывать народъ, не приготовивши учителей и воспитателей, и не создавши русскаго органа для управленія этимъ образованіемъ и воспитаніемъ? Впрочемъ университетъ былъ связанъ съ низшими народными школами

*) „Юго-зап. край подъ управл. Д. Г. Бибикова“. Древн. и Нов. Рос. 1879 г.

только административными узами; прямаго учебнаго отношенія университетское образованіе съ приходскимъ не имѣло; университетъ получалъ учащійся матеріалъ изъ гимназій и слѣдовательно непосредственно относился только къ высшему и среднему классу народа, а не къ сельскимъ обывателямъ. Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что вскорѣ начали намѣренно и хлопотливо отстранять отъ университета низшіе податные классы народа. Но предположивъ непрерывную систематическую связь низшаго народнаго образованія съ университетскимъ, мы должны-бы по этой градаціи ждать пока народныя школы приготовятъ матеріалъ для уѣздныхъ училищъ, эти послѣднія для гимназій, а гимназіи пропустятъ его чрезъ свои высшіе классы, чтобы наконецъ дать новыхъ слушателей университету. При самыхъ лучшихъ условіяхъ нужно было отложить открытіе университета по крайней мѣрѣ на четверть столѣтія. Но и тогда, конечно, университетъ остался бы при главной массѣ слушателей высшихъ и среднихъ классовъ народа; а самое перевоспитаніе народа, безъ участія русскаго университета, несомнѣнно, осталось-бы канцелярскою мечтою. Полагаемъ, что открытіемъ университета въ Кіевѣ мы не поспѣшили, а опоздали по крайней мѣрѣ на четверть вѣка.

ЭПОХА I.

1833—1842.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Открытіе Университета св. Владиміра и первоначальное его устройство (1833—1838 г.).

„Сліяніе политическое не можетъ имѣть другаго начала, кромѣ сліянія моральнаго и умственнаго".

Гр. С. С. Уваровъ.

Уставъ 1833 г. Моментъ начала жизни и дѣятельности Университета св. Владиміра опредѣлить съ точностію не легко; для этого можно принимать за основаніе три или даже четыре событія: 1) первоначально изъявленную Высочайшую волю объ учрежденіи университета въ Кіевѣ (указъ 8-го ноября 1833 года), 2) утвержденіе устава и штата университета (25 дек. 1833 г.), 3) открытіе университета чрезъ публичный актъ (15 іюля 1834 г.), или, наконецъ, 4) открытіе лекцій въ Университетѣ (28 августа 1834 г.). Несомнѣнно, что юридическое бытіе университета начинается съ 25 декабря 1833 года, а фактическое съ 15 іюля 1834 г. Въ 8-й день ноября 1833 г. данъ былъ слѣдующій Высочайшій указъ сенату: „обращая безпрерывное вниманіе Наше на успѣхи общаго, истинно-народнаго воспитанія въ государствѣ, признали Мы за благо, по переводѣ Волынскаго лицея изъ Кременца въ Кіевъ, преобразовать оный въ высшее учебное заведеніе съ надлежащимъ распространеніемъ и на твердыхъ основаніяхъ, преимущественно для жителей Кіевской, Волынской и Подольской губерній, коихъ на-

слѣдственное усердіе въ пользу просвѣщенія упрочило и на будущія времена благосостояніе учебныхъ заведеній того края. Такимъ образомъ, избравъ городъ Кіевъ, съ давнихъ лѣтъ къ учрежденію университета предназначенный, равно драгоцѣнный для всей Россіи, колыбель св. вѣры нашихъ предковъ и вмѣстѣ первый свидѣтель ихъ гражданской самобытности, Мы повелѣли учредить въономъ университетъ подъ особымъ покровительствомъ и въ память великаго просвѣтителя Богомъ врученной Намъ страны". Далѣе опредѣлялись: наименованіе его университетомъ св. Владиміра, составъ его изъ двухъ факультетовъ (философскаго и юридическаго, съ обѣщаніемъ открыть впослѣдствіи и медицинскій) и наконецъ принадлежность будущему университету фундушей и капиталовъ, пожертвованныхъ дворянствомъ трехъ губерній для Волынскаго лицея. Въ историческомъ смыслѣ актъ этотъ болѣе знаменателенъ, чѣмъ послѣдующій уставъ 25 декабря. Въ первомъ указывается для Университета св. Владиміра его особенная (специальная) цѣль, кромѣ общихъ цѣлей всякаго университета. Не даромъ ему присвоено особое наименованіе, которому нѣтъ ничего соотвѣтствующаго въ названіи другихъ университетовъ. Его преимущественное значеніе опредѣлено границами трехъ юго-западныхъ губерній, а въ послѣдствіи указомъ 28 февраля 1834 г. распространено и на весь сѣверо-западный край. Онъ поставленъ даже въ преемственную связь съ прежними учебными заведеніями западнаго края и сдѣланъ наслѣдникомъ въ имущественныхъ правахъ этихъ послѣднихъ. Но этимъ указанъ лишь ближайшій внѣшній районъ его дѣйствій. Внутреннее содержаніе его просвѣтительной миссіи опредѣлено выборомъ города, „равно драгоцѣннаго для всей Россіи", т. е. (если мы правильно понимаемъ мысль законодателя) Университетъ св. Владиміра призванъ быть проводникомъ *общерусскаго* просвѣщенія.

25 декабря 1833 года былъ утвержденъ уставъ и штатъ новаго Университета, но какъ временный, на 4 года, т. е. до конца полнаго цикла университетскаго курса, когда, по указаніямъ опыта, слѣдовало исправить его и придать ему окончательную силу. Поэтому уставъ 1833 года оффиціально именуется „проэктомъ", даже послѣ своего утвержденія. Когда истекъ четырехгодичный пробный срокъ, то 23 іюня 1838 г. данъ Высочайшій указъ о продленіи его еще на 4 года (по 15 іюля 1842 г.). Между тѣмъ въ 1835 г. былъ изданъ общій уставъ

Императорскихъ россійскихъ университетовъ, который хотя и не былъ распространенъ на Университетъ св. Владиміра, но сдѣлался субсидіарнымъ источникомъ, которымъ пользовался иногда и совѣтъ Университета св. Владиміра въ случаяхъ, неразрѣшаемыхъ прямо уставомъ 1833 года.

Этотъ уставъ 1833 г. составляетъ эпоху вообще въ исторіи русскихъ университетовъ; отличаясь отъ уставовъ 1803—4 г., онъ послужилъ прообразомъ будущаго общаго устава россійскихъ университетовъ (отъ котораго, впрочемъ, въ свою очередь, значительно разнится). Изданіе устава 1833 года было въ цѣлой имперіи знаменемъ обновленія университетовъ, которые пришли въ окончательный упадокъ въ тяжкую годину 20-хъ годовъ текущаго столѣтія, когда преподаваніе въ нихъ почти остановилось, такъ какъ и преподавателей почти не стало; напр. въ Харьковскомъ университетѣ вмѣсто положенныхъ по штату 28 профессоровъ на лицо оставалось всего на всѣ факультеты —8 *). Трудно ожидать, чтобы при такомъ личномъ составѣ могли примѣняться постановленія устава 1804 г. Путемъ распоряженій даже мѣстныхъ начальствъ основанія уставовъ были измѣняемы и отмѣняемы.

Даже вообще уставъ 1804 г. можно было считать отмѣненнымъ чрезъ desuetudo. Тогда открылось свободное поприще для всякаго рода проэктовъ, такъ какъ историческія традиціи въ этой части законодательства всегда были не крѣпки у насъ.

Но новый министръ народнаго просвѣщенія гр. С. С. Уваровъ рѣшился возстановить эти традиціи, на сколько дозволяли условія того времени. Въ исторіи русскаго образованія рѣдко отмѣчается, съ такой рельефностію, какой заслуживала-бы, эпоха успокоенія и обновленія, наступившая послѣ непрерывныхъ политическихъ внутреннихъ и внѣшнихъ бурь 1825—1831 гг. Для наблюдателей нашихъ временъ послѣдующій періодъ 1849—1855 годовъ бросаетъ тѣнь и на предыдущую эпоху, сообщая ей свой темный колоритъ. Но это просто ошибка исторической перспективы. Говоримъ, что гр. С. С. Уваровъ рѣшился возстановить начáла устройства университетовъ 1804 г. и первою пробою такого возстановленія былъ уставъ Университета св. Владиміра 1833 года.

*) См. В. С. Иконниковъ: „Русскіе университеты".

Сличая этотъ послѣдній съ первымъ, находимъ, впрочемъ, не однѣ сходства, но и разницы. По уставу 1833 года университетъ уже не разсматривается *какъ ученое общество*, имѣющее двѣ равносильныя цѣли: преподаваніе и ученую разработку науки; засѣданія совѣта уже не обращаются въ засѣданія ученыхъ обществъ для рефератовъ и преній; университетъ уже не назначаетъ тэмъ для профессорскихъ сочиненій на преміи (какъ это было по уст. 1804 г.). Университетъ теперь есть только учебное заведеніе и административное коллегіальное учрежденіе для управленія другими учебными заведеніями округа. Не будемъ входить въ разборъ, былъ-ли какой-нибудь резонъ въ томъ взглядѣ на университеты, котораго держался уставъ 1804 г.; во всякомъ случаѣ отказъ отъ этого взгляда подалъ впослѣдствіи поводъ къ низведенію по временамъ университетовъ на степень школъ. Ученое значеніе университета выразилось въ уставѣ 1833 г. лишь въ томъ § (31) его, по которому профессора обязаны представлять совѣту ежегодно о сдѣланныхъ каждымъ опытахъ, наблюденіяхъ и открытіяхъ.

Другая особенность устава 1804 г.—именно *административное значеніе университета для округа* оставлена во всей силѣ и въ уставѣ Университета св. Владиміра. Но послѣ изданія общаго устава россійскихъ университетовъ 1835 г., въ этомъ отношеніи измѣненъ и уставъ Университета св. Владиміра. 20 марта 1836 г. данъ указъ, по которому училищный комитетъ при университетѣ былъ упраздненъ. Признавая понятныя практическія неудобства въ этой правительственной роли учебнаго заведенія, мы не можемъ, однако, отрицать, что она имѣетъ свои многія благія стороны. Чрезъ нее университетъ становился въ самыя близкія *отношенія къ попечителю*, составляя вмѣстѣ съ нимъ такъ сказать одно учрежденіе. Не даромъ опредѣленіе должности попечителя введено въ самый университетскій уставъ 1833 г. (не по отношенію только къ университету, а вообще). Попечитель являлся первенствующимъ членомъ университета и не былъ для него стороннею властію, а внутреннею частію самого университета. Первый кіевскій попечитель понялъ эту роль какъ нельзя лучше; но о немъ рѣчь впереди. За отстраненіемъ Университета отъ управленія округомъ и при поступленіи на должность попечителя другихъ лицъ, начались тотчасъ споры и притязанія о „власти“ и „правахъ“. Другая благая сторона этой особенности имѣла особое значеніе именно

для Кіевскаго Университета; мы знаемъ уже, на какой край имперіи и съ какою цѣлію направлена его дѣятельность законодателемъ. Свое призваніе піонера русской цивилизаціи на западѣ онъ могъ выполнить лишь при ближайшихъ отношеніяхъ къ другимъ учебнымъ заведеніямъ своего округа; тогда только онъ могъ вліять на приготовленіе себѣ своихъ будущихъ слушателей, а за тѣмъ и отвѣчать за нихъ въ своихъ стѣнахъ. Впослѣдствіи онъ получалъ уже готовые вполнѣ сложившіеся элементы и весьма часто не успѣвалъ переработывать ихъ въ теченіи 4-хъ-лѣтняго университетскаго курса. Университетское управленіе округомъ оправдано и дѣйствительными фактами исторіи Университета св. Владиміра, какъ ни кратокъ былъ срокъ этой мѣры. Когда приходилось водворять новую систему народнаго образованія на мѣстѣ старой, разрушенной въ 1831 г., она создана совѣтомъ Университета св. Владиміра. Его проэктъ былъ утвержденъ 16 іюня 1835 г. и введенъ во всѣхъ гимназіяхъ и училищахъ округа. Тотъ-же совѣтъ создалъ правила и инструкціи частныхъ учебныхъ заведеній. Матеріалъ для административныхъ мѣръ попечителя давали основательныя визитаціи профессоровъ (напр. Цыха).

Внутреннее управленіе университетомъ скопировано съ устава 1804 года. Во главѣ управленія стоитъ *совѣтъ* (глава о совѣтѣ непосредственно слѣдуетъ въ уставѣ за главою о попечителѣ и предшествуетъ опредѣленію правъ ректора). Но въ составѣ совѣта сдѣлано уже нѣкоторое отступленіе отъ устава 1804 г.; по этому послѣднему въ совѣтъ входятъ и адъюнкты по вопросамъ учебнымъ съ правомъ голоса; по уставу 1833 г. совѣтъ состоитъ только изъ профессоровъ. Далѣе, по прежнему уставу синдикъ не присутствуетъ въ совѣтѣ, имѣя мѣсто лишь въ правленіи; притомъ онъ избирается университетомъ „изъ своего сословія“ (т. е. профессоровъ). По уставу Университета св. Владиміра синдикъ присутствуетъ въ совѣтѣ и есть чиновникъ, избираемый изъ лицъ постороннихъ. Сверхъ того этотъ уставъ не ясно опредѣлилъ права́ синдика въ совѣтѣ и подалъ поводъ впослѣдствіи разсматривать его, какъ члена совѣта съ правомъ голоса по всѣмъ предметамъ. Затѣмъ произошло и значительное сокращеніе правъ совѣта, которому уже не предоставлено права увольнять преподавателей, судить ихъ и самого ректора въ качествѣ высшей инстанціи по аппелляціямъ на рѣшенія правленія.

По уставу 1804 г. *ректоръ* избирается на одинъ годъ, по уставу Университета св. Владиміра на два (по уст. Виленскаго университета на три года). Для исправленія должности ректора (въ случаѣ болѣзни и отлучки) совѣтъ ежегодно изъ своихъ членовъ избираетъ проректора (по уставу 1804 г. проректоръ избирается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, если бывшій ректоръ предшествующаго года не можетъ замѣстить настоящаго).

Въ *правленіе* по уставу 1804 г. назначался непремѣнный засѣдатель изъ ординарныхъ профессоровъ; по уставу Университета св. Владиміра назначается особый гражданскій чиновникъ съ званіемъ совѣтника, что́ впрочемъ изъясняется особымъ положеніемъ Университета св. Владиміра, какъ учрежденія, владѣвшаго значительными недвижимыми имуществами, наслѣдованными отъ Волынскаго лицея. Зависимости правленія отъ совѣта нѣтъ.

Для завѣдыванія дѣлами другихъ учебныхъ заведеній округа при Университетѣ образованъ *училищный комитетъ*, который, подъ предсѣдательствомъ ректора, состоитъ изъ трехъ профессоровъ, избираемыхъ совѣтомъ на два года, и изъ синдика. Училищный комитетъ вѣдаетъ учебную часть училищъ (правленіе — хозяйственную). На него, между прочимъ, возлагается осмотръ учебныхъ заведеній чрезъ визитаторовъ.

Всѣ *профессора*, адъюнкты ихъ и лекторы избираются совѣтомъ и это одинаково какъ по уставу 1804 г., такъ и по уставу Университета св. Владиміра; но въ уставѣ Университета св. Владиміра уже присоединено, что министру предоставляется и по собственному усмотрѣнію назначать въ профессора и адъюнкты на вакантныя каѳедры. Въ способѣ избранія введена слѣдующая весьма замѣчательная особенность: при равенствѣ голосовъ баллотированіе повторяется; если и вторично не будетъ перевѣса, въ такомъ случаѣ рѣшитъ *факультетъ*, къ которому долженъ принадлежать избираемый; предварительнаго избранія въ факультетахъ нѣтъ. Число профессоровъ (и каѳедръ) весьма ограниченное: 15 профессоровъ ординарныхъ при 4 экстраординарныхъ и 6 адъюнктахъ. Но нужно помнить, что тогда было въ Университетѣ лишь два факультета (нынѣшнихъ—три): философскій и юридическій. При этомъ организація и границы факультетскихъ предметовъ обозначены уже далеко не такъ, какъ по уст. 1804 г. Этотъ послѣдній установилъ: 1) отдѣленіе нравственныхъ и политическихъ наукъ,

2) отдѣленіе физическихъ и математическихъ наукъ, 3) отдѣленіе врачебныхъ наукъ и 4) отдѣленіе словесныхъ наукъ. Изъ нихъ 1-е наиболѣе соотвѣтствуетъ юридическому факультету Университета св. Владиміра; но по уставу 1804 г. 1-е отдѣленіе заключало въ себѣ (и только оно одно): богословіе догматическое и нравоучительное, толкованіе священнаго писанія, церковную исторію, умозрительную и практическую философію. На другихъ отдѣленіяхъ богословскія науки не преподавались. Затѣмъ собственно юридическій составъ 1-го отдѣленія заключалъ въ себѣ: 1) право естественное, политическое и народное, 2) гражданское и уголовное судопроизводство россійской имперіи, 3) права знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ, 4) дипломатику и политическую экономію. Въ юридическомъ факультетѣ Университета св. Владиміра по уст. 1833 г. концепція наукъ совсѣмъ иная: право естественное, заподозрѣнное, гонимое и даже истребляемое въ 20-хъ годахъ, разумѣется исчезло. Затѣмъ, по справедливому замѣчанію Неволина, дѣйствительная юриспруденція въ первый разъ получила свой надлежащій видъ въ уставѣ Университета св. Владиміра. Въ ней дано рѣшительное преобладаніе положительному русскому праву, что́ впрочемъ доведено до нѣкоторой крайности: философская и историческая части правовѣдѣнія исчезли. Первая нашла себѣ пріютъ лишь въ энциклопедіи права, чѣмъ эта наука и была поставлена на несвойственную ей дорогу; науки экономическія отчислены отъ юридическаго факультета. Остальная схема юридическихъ наукъ таже самая, какая потомъ послужила основаніемъ свода законовъ, именно: основные законы и учрежденія; русскіе гражданскіе законы (куда включены и кредитные, торговые и мѣстные); русскіе уголовные законы; законы благочинія; и законы о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ. Единственный предметъ, дававшій юриспруденціи значеніе науки (кромѣ энциклопедіи),—это римское право. Итакъ правовѣдѣніе хотя и вышло на надлежащую дорогу точнаго изученія положительнаго права, но перешло въ противоположную крайность. Вмѣстѣ съ богословскими науками изъ юридическаго факультета исчезли также: право народное, права́ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ и политическая экономія.

Другой, т. е. философскій факультетъ Университета св. Владиміра совмѣстилъ въ себѣ два отдѣленія прежняго устава, именно 2-е и 4-е.

Такое совмѣщеніе наукъ словесныхъ съ физическими и математическими скопировано съ германскихъ университетовъ и было вполнѣ неудачно. Впрочемъ оно оставалось только въ наименованіи, потому что философскій факультетъ дѣлился на два отдѣленія, каждое со своимъ деканомъ и отдѣльными собраніями. Въ составѣ и распредѣленіи наукъ особенно I-го отдѣленія философскаго факультета, уставъ Университета св. Владиміра значительно уступаетъ уставу 1804 г.; въ этомъ послѣднемъ были назначены двѣ отдѣльныя каѳедры для всеобщей и русской исторіи; а по уставу Университета св. Владиміра одна для обѣихъ наукъ, да еще со включеніемъ статистики; по уставу 1804 г. съ исторіею соединялась и географія; теперь о географіи не упоминается. Зато въ уставѣ 1833 года введена философія, полагавшаяся прежде, какъ мы видѣли, на другомъ факультетѣ. II-е отдѣленіе того-же факультета получило въ уставѣ 1833 г. организацію нынѣшняго физико-математическаго факультета, конечно въ миніатюрѣ. Здѣсь полагались каѳедры: 1) чистой и прикладной математики, 2) астрономіи, 3) физики и физической географіи, 4) химіи, 5) минералогіи и геогнозіи, 6) ботаники, 7) зоологіи, 8) технологіи, сельскаго хозяйства, лѣсоводства и архитектуры. Само собою понятно, что всѣ предметы такой каѳедры, какова напр. каѳедра чистой и прикладной математики, не могли быть преподаваемы успѣшно однимъ профессоромъ. Между тѣмъ на каждый факультетъ (считая отдѣленія) приходилось лишь по одному адъюнкту. Здѣсь — въ этой разсчетливости заключается самая слабая сторона устава 1833 г.

Деканы факультетовъ избираются ежегодно, и не отдѣленіями, а совѣтомъ.

Самый важный вопросъ университетской жизни безъ сомнѣнія, есть вопросъ *о составѣ слушателей*. По уставу 1804 г., всѣ, представившіе удовлетворительныя свидѣтельства отъ гимназій, принимаются въ университетъ безъ экзамена; прочіе экзаменуются при поступленіи въ университетѣ. По уставу Университета св. Владиміра подвергаются вступительному экзамену всѣ, причемъ гимназическія свидѣтельства принимаются лишь „въ особое уваженіе“ (впослѣдствіи для нѣкоторыхъ гимназій сдѣлано исключеніе; ихъ воспитанники принимаемы были безъ экзамена). Такое постановленіе имѣло особое значеніе для Университета св. Владиміра, такъ какъ свойства и характеръ препо-

даванія въ гимназіяхъ юго-западной Россіи не давали основаній для полнаго довѣрія къ нимъ. Но, при тогдашнемъ положеніи Университета, какъ главной управляющей власти въ округѣ, можно-бы и избѣжать вторичныхъ вступительныхъ экзаменовъ; Университетъ посылалъ по округу своихъ членовъ въ качествѣ визитаторовъ. Въ уставѣ Университета св. Владиміра уже не существуетъ приготовительнаго курса общихъ наукъ для студентовъ всѣхъ факультетовъ,— курса, который всегда останется желательнымъ, если гимназическое образованіе не удовлетворяетъ своей задачѣ, и если школьное образованіе будетъ находиться въ совершенной противоположности съ полною свободою занятій въ Университетѣ. Такой приготовительный курсъ, существовавшій въ нѣкоторыхъ заграничныхъ университетахъ, былъ установленъ и уставомъ 1804 г.

Уставъ 1833 г. ввелъ отчасти семестральное распредѣленіе университетскаго курса, установилъ пріемъ студентовъ два раза въ году и предписалъ располагать предметы изученія такъ, чтобы извѣстная часть ихъ начиналась и заканчивалась въ одномъ полугодіи. Но этотъ порядокъ въ уставѣ 1833 г. еще не выдержанъ; рядомъ съ нимъ стоятъ ежегодные экзамены.

Никакихъ вольныхъ слушателей не полагалось; всѣ, не исключая и чиновниковъ, состоящихъ на государственной службѣ, должны удовлетворять общимъ требованіямъ при поступленіи въ Университетъ.

Казенныхъ студентовъ положено было имѣть 50 (изъ нихъ 26 предназначаются въ учительское званіе, а 24 въ гражданскіе чиновники).

Весьма важное отличіе представляется въ уставѣ Университета св. Владиміра относительно организаціи *надзора* за студентами. По уставу 1804 г. полагался инспекторъ только для казенныхъ студентовъ; онъ избираемъ былъ совѣтомъ изъ числа ординарныхъ профессоровъ. По уставу Университета св. Владиміра инспектора назначаетъ попечитель изъ стороннихъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ. Хотя онъ и теперь есть преимущественно инспекторъ казенныхъ студентовъ, но имѣетъ надзоръ и за вольноприходящими. Однако онъ и его помощники не составляютъ status in statu въ Университетѣ, а до нѣкоторой степени введены въ связь съ прочими частями Университета; именно правила о надзорѣ за своекоштными студентами состав-

ляются совѣтомъ; исполненіе *приказаній* ректора, относящихся къ своекоштнымъ студентамъ, возлагается на инспектора и его помощниковъ. Вообще „университетская полиція состоитъ въ непосредственномъ вѣдѣніи ректора". Но практика вскорѣ отступила отъ этого порядка; инспекторская часть сдѣлалась независимою отъ ректора и совѣта.

Вотъ существенныя особенности временнаго устава Университета св. Владиміра. Не смотря на разныя ограниченія правъ Университета сравнительно съ уставомъ 1804 г., уставъ 1833 г. показываетъ, что русскому высшему образованію удалось безъ особенно-значительныхъ внутреннихъ потерь проплыть сквозь бури 20-хъ годовъ. Впослѣдствіи (и очень скоро) оказалось, что главная ошибка учрежденія 1833 г. заключалась не столько въ уставѣ, сколько въ штатахъ Университета св. Владиміра. Цифры по внѣшнему виду крупныя, но то были цифры „ассигнаціонныя". Именно ординарному профессору назначено 4500 (около 1300 р. сер.) всего оклада, экстраординарному—3400, адъюнкту—2300. Въ томъ краѣ, куда хотѣли привлечь лучшихъ представителей русской цивилизаціи, слѣдовало-бы, а при собственныхъ значительныхъ средствахъ Университета, и можно-бы, обезпечить ихъ иначе. Скоро начались жалобы, перебѣжки, уныніе и „стороннія занятія". Русское высшее образованіе было тогда такою рѣдкостію (въ слѣдствіе летаргіи университетовъ 1815—1832 годовъ), что представителей его надо было разыскивать при помощи большихъ денегъ. Мы, впрочемъ, познакомимся въ своемъ мѣстѣ какъ съ жалобами на недостаточность средствъ, такъ и съ послѣдствіями этой недостаточности.

Во всякомъ случаѣ—повторимъ—уставъ 1833 г. былъ знаменіемъ воскресенія русской образованности въ томъ краѣ, который наканунѣ признаваемъ былъ польскимъ, и символомъ обновленія высшаго образованія въ цѣлой имперіи, признакомъ наступленія для него лучшихъ временъ. Воздадимъ должное императору Николаю Павловичу, который понялъ эти двѣ государственныя потребности; но не забудемъ и того, кто выдвинулъ ихъ на видъ предъ нимъ.

Гр. Уваровъ. Кіевскій университетъ основанъ въ томъ самомъ году (1833), въ которомъ гр. С. С. Уваровъ вступилъ въ полное управленіе министерствомъ. Мы не обязаны и не призваны здѣсь дать полную оцѣнку этому замѣчательному государственному дѣятелю; его заслуги

ждутъ своего признанія въ цѣлой исторіи Россіи. На многихъ страницахъ этой книги, читатель найдетъ нѣкоторыя, хотя отрывочныя данныя для оцѣнки его. Здѣсь пока мы имѣемъ лишь дѣло съ его идеями относительно русскаго просвѣщенія въ юго-западномъ краѣ. Цѣли, которыя предназначилъ себѣ новый министръ, и средства для ихъ исполненія, были выражены имъ самимъ черезъ десять лѣтъ, въ запискѣ, представленной Государю въ 1843 году. Одна изъ главнѣйшихъ задачъ такого управленія относилась къ западному краю. Уваровъ говоритъ, что въ мѣрахъ къ исцѣленію глубокой язвы—взаимной ненависти двухъ славянскихъ народовъ, — мѣрахъ, принятыхъ въ послѣдніе 60 лѣтъ, „замѣтны, къ сожалѣнію, таже неопредѣлительность, таже шаткость, какъ и въ прочихъ опытахъ сего рода. То быстро и смѣло въ губерніяхъ отъ Польши отпадающихъ, водворяются начала единства умственнаго и законодательнаго, то обращаясь къ противоположности, эти учрежденія забываются, и наоборотъ туземный духъ, торжествующій и усиливающійся, усвояетъ себѣ и приспособляетъ къ своимъ тайнымъ мечтамъ отступленія отъ мудрыхъ начинаній прежняго времени“. С. С. Уваровъ рѣшился идти „среднимъ путемъ между двухъ крайнихъ мнѣній, равно одностороннихъ и опасныхъ“. Этотъ „средній путь“ не есть путь безсильныхъ компромиссовъ и безплоднаго угожденія обѣимъ сторонамъ, потому что и противоположности были таковы, что не подлежали компромиссу, и средство, предложенное Уваровымъ, есть отрицаніе, а не соединеніе обѣихъ крайностей; по опредѣленію Уварова, „въ пользу грядущихъ поколѣній *умственное сліяніе сихъ началъ* (польскаго и русскаго) *съ надлежащимъ перевѣсомъ русскаго*, должно считаться единственнымъ путемъ къ цѣли, столь тщетно искомой“. Подробнѣе эта цѣль опредѣляется имъ именно по отношенію къ открытію университета въ Кіевѣ, такъ: „чтобы въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ дать образованію юношества направленіе, согласное съ общимъ духомъ народнаго просвѣщенія въ Россіи и соотвѣтствующее особеннымъ потребностямъ того края. Новый университетъ долженъ былъ по возможности сглаживать тѣ рѣзкія характеристическія черты, которыми польское юношество отличается отъ русскаго, и въ особенности подавлять въ немъ мысль о частной народности, сближать его болѣе и болѣе съ русскими понятіями и нравами, передавать ему общій духъ русскаго народа... Соединеніе

польскаго юношества съ русскимъ въ Кіевѣ, въ этомъ нѣкогда первопрестольномъ городѣ Россіи, основательное изученіе русскаго языка и словесности, знакомство съ установленіями и учрежденіями русскими— вотъ главныя средства, которыя были въ виду для достиженія этой цѣли. Сліяніе *политическое* не можетъ имѣть другаго начала, кромѣ сліянія *моральнаго* и *умственнаго*. Эта мысль не новая; она принадлежала, отъ римлянъ до Наполеона, всѣмъ геніальнымъ правителямъ, которые имѣли въ виду соединить покоренныя племена съ племенемъ побѣдителей, отнеся всѣ свои труды и надежды къ будущему поколѣнію, а не настоящему. Этотъ опытъ не новый и въ Россіи, ибо Екатерина II руководствовалась тѣмъ-же началомъ... Эта мысль терпѣливая и обдуманная, не благопріятствующая минутнымъ порывамъ страстей, трудная для исполнителей, непостижимая для большинства, но безошибочная въ послѣдствіяхъ“.

Итакъ цѣль С. С. Уварова состояла не въ совмѣщеніи несовмѣстимыхъ противоположностей, а въ уничтоженіи самыхъ противоположностей путемъ образованія, путемъ медленнымъ, разсчитаннымъ на цѣлый рядъ будущихъ поколѣній. Эта мысль была отлично понята со стороны польскаго общества и, конечно, встрѣчена враждебно; но она далеко не была понята въ русскомъ обществѣ, которое охотнѣе вѣрило въ силу штыка и полиціи; дѣятельность Уварова представлялась большинству его химерическою, ибо немедленныхъ плодовъ оно не видѣло и быстрыхъ поводовъ къ викторіальнымъ торжествамъ не находило въ ней. Такимъ образомъ новый министръ, окруженный врагами съ обѣихъ сторонъ, находилъ себѣ поддержку лишь въ тѣсномъ кругѣ болѣе проницательныхъ людей и въ самомъ императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Уваровъ жалуется, что русское общество отъ него „требовало не только явнаго противодѣйствія прежнему вредному направленію, но и безпрерывно рѣзкаго выраженія этого духа во всѣхъ отношеніяхъ. Не хотя видѣть, что воспитаніе не есть полицейская мѣра, для исполненія которой достаточно одного наружнаго повиновенія, не хотѣли видѣть и того, что рѣзкія движенія, при существовавшемъ волненіи умовъ, остановили-бы на долгое время исполненіе главной цѣли правительства, возбудивъ явное противодѣйствіе въ жителяхъ того края, которые, имѣя свободу не отдавать своихъ дѣтей въ публичныя заведенія, содѣлали-бы тѣмъ невозможнымъ правильное образованіе возрастающаго поколѣнія“.

Единственною мѣрою, похожею на компромиссъ, былъ, при открытіи Университета св. Владиміра, переводъ въ него многихъ профессоровъ Кременецкаго лицея, „долженствующихъ привлечь за собою учащееся юношество; ибо полный наборъ профессоровъ изъ русскихъ университетовъ переведенныхъ, не могъ сначала достигнуть этой цѣли“.

Впрочемъ во всемъ, что́ говоритъ С. С. Уваровъ о своихъ цѣляхъ, есть, дѣйствительно, нѣчто неустойчивое и недосказанное; для нынѣшняго поколѣнія это „нѣчто“ весьма ясно; именно онъ боится выразить мысль, что западный край есть страна русская; даже для лучшихъ людей 30-хъ годовъ — весь этотъ край есть еще „польскія провинціи“. Отсюда и происходятъ не совсѣмъ ясныя выраженія о сліяніи „побѣдителей съ побѣжденными“. Отсюда неопредѣленность и колебаніе въ постановкѣ задачъ Университета въ Кіевѣ. Сначала эти задачи были опредѣлены такъ: Университетъ долженъ дѣйствовать на умственное (а чрезъ то и нравственное) умиротвореніе политическихъ страстей мѣстнаго, именно польскаго населенія и сближать это послѣднее съ Россіею путемъ цивилизаціи. Для этого рѣшено было не только не закрывать дверей университета для лицъ польскаго происхожденія, но и всѣми разумными мѣрами привлекать ихъ сюда; какъ въ число слушателей взяты воспитанники прежнихъ польскихъ школъ, такъ даже большинство преподавателей заимствовано изъ Кременецкаго лицея (между прочимъ именно для привлеченія въ Кіевъ польскихъ слушателей).

Затѣмъ, когда въ 1838 г. оказалось, что нѣкоторые изъ такихъ юго-западныхъ студентовъ охотнѣе подчиняются внушеніямъ агентовъ Конарскаго, чѣмъ умиротворительному голосу своихъ профессоровъ, то рѣшено было очистить Университетъ св. Владиміра отъ *всѣхъ* польскихъ слушателей и преподавателей, оставивъ въ немъ изъ первыхъ —однихъ русскихъ, а изъ вторыхъ—русскихъ и нѣмцевъ. Казалось, что руководящіе люди того времени, пришли къ убѣжденію, что прежняя примирительная задача университета несостоятельна и прежнія мѣры ошибочны, что юго-западная страна заключаетъ въ себѣ, кромѣ польскаго элемента, другой многочисленнѣйшій—русскій, къ которому и слѣдуетъ обратить исключительно воздѣйствіе высшей школы, т. е. извлечь загнанные и забитые русскіе слои населенія наверхъ и на видъ, именно путемъ высшаго образованія, а потомъ составить изъ

нихъ новый — образованный классъ общества (въ противовѣсъ польскому), на который-бы могло вмѣстѣ съ тѣмъ опираться правительство при переустройствѣ администраціи, суда, школъ и экономическаго положенія края. Такъ казалось-бы. Но въ слѣдъ затѣмъ рѣшено допускать по прежнему въ университетъ всѣхъ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, т. е. въ огромномъ большинствѣ—опять лицъ высшаго, польскаго класса. Относительно-же прочихъ низшихъ классовъ, въ которыхъ сосредоточена русская національность этого края, были приняты мѣры, строгость которыхъ постепенно возвышалась, и которыя были направлены къ загражденію имъ доступа въ университетъ и даже въ гимназіи. Слѣдовало-бы думать, что ни удаленіе польскихъ слушателей, ни отстраненіе русскихъ не мирятся съ первоначальною цѣлію университета; не было причинъ такъ быстро терять вѣру въ умиротворяющее дѣйствіе науки на политическія страсти (хотя весьма медленное и на небольшомъ пространствѣ времени вовсе незамѣтное); но никакъ не слѣдовало думать, что въ этомъ и заключается вся задача университета въ краѣ русскомъ, т. е. никакъ не слѣдовало упускать изъ виду, что кромѣ одного класса польскаго, здѣсь громадное большинство другихъ — русскихъ. Впрочемъ во всѣхъ этихъ колебаніяхъ нельзя винить гр. Уварова, какъ убѣдимся ниже.

Е. Ѳ. фонъ-Брадке. Если указаніе общей цѣли для Университета св. Владиміра и для новаго Кіевскаго учебнаго округа принадлежало гр. Уварову, то выполненіе ея всецѣло выпало на долю перваго попечителя Кіевскаго учебнаго округа *Е. Ѳ. фонъ-Брадке.* Трудно было тогда сдѣлать болѣе удачный выборъ. Происходя изъ шведскихъ дворянъ, которые переселились въ Россію во времена Петра I и потомъ породнились съ нѣсколькими русскими фамиліями,—а по матери отъ знаменитаго Глюка, Е. Ѳ—чъ не былъ чужимъ въ семьѣ русскаго дворянства. Когда отецъ его, бывшій комендантомъ въ Полоцкѣ, *былъ выброшенъ* изъ службы при Павлѣ I, то онъ поселился въ имѣніи Верховьѣ — Витебской губерніи, а при Александрѣ I совсѣмъ перешелъ въ глубь Россіи; онъ былъ назначенъ Вятскимъ губернаторомъ. Но сынъ его съ момента рожденія остался на о. Эзелѣ и такимъ образомъ получилъ первоначальное воспитаніе въ Балтійскихъ провинціяхъ; однако къ нему приставленъ былъ русскій слуга для пріученія къ русскому языку. Поступилъ онъ сначала въ русскую-же школу нѣкоего

Казанскаго, о которой, впрочемъ, помнитъ только, что тамъ били палкою по пальцамъ; но вскорѣ онъ перевезенъ былъ къ отцу въ Витебскую губернію, откуда помѣщенъ въ горный корпусъ. Товарищи издѣвались надъ его „сквернымъ русскимъ произношеніемъ", какъ выражается онъ самъ, и даже истязали его; но его терпѣливость и добродушіе скоро заставили перемѣнить такое варварское обращеніе, особенно когда онъ успѣлъ хорошо научиться русскому языку. Онъ очень успѣшно окончилъ общіе классы корпуса, но не поступилъ въ спеціальные и вышелъ оттуда въ 1810 г., пріобрѣтя тамъ суровую жизненную опытность среди варварскихъ „субботниковъ" (еженедѣльныхъ наказаній), отвратительнаго содержанія и самаго грязнаго товарищества. Онъ самъ говоритъ, однако, что пріобрѣлъ основательныя познанія въ математическихъ и историческихъ наукахъ и въ трехъ живыхъ языкахъ, а равно самодѣльныя и опытомъ добытыя правила. Древнимъ языкамъ онъ совсѣмъ не обучался. Надо согласиться, что судьба соединила всѣ усилія, чтобы испортить и извратить будущаго приснопамятнаго основателя нашего университета, но его замѣчательная натура вынесла изъ всей этой грязи одно золото; „такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ". Въ Вяткѣ, куда онъ попалъ вмѣстѣ съ отцемъ, онъ встрѣтился съ крѣпостнымъ и чиновничьимъ раболѣпствомъ; его и другихъ маленькихъ дѣтей губернатора величали „ваше превосходительство". Въ Вяткѣ онъ помогалъ отцу въ канцелярской работѣ и даже управлялъ его канцеляріею. Тамъ онъ посѣщалъ православную церковь и ѣздилъ съ отцемъ на завтраки къ архіерею. Его занятія въ Вяткѣ научили его, какъ онъ говоритъ самъ, что въ государственной жизни форма и буква можетъ быть помѣхой добру, но обходя ее, подвергаешься опасности произвести еще болѣе тяжкія недоразумѣнія. Изъ Вятки онъ поступилъ въ Петербургъ—въ школу колонновожатыхъ — эту зачаточную форму академіи генеральнаго штаба; здѣсь проходились преимущественно военныя науки и математика; но преподавали хорошо и всеобщую исторію, особенно военную; преподаваніе сосредоточивалось въ рукахъ трехъ братьевъ Муравьевыхъ, которымъ главнымъ образомъ Брадке обязанъ не только образованіемъ, но и добрымъ вліяніемъ на развитіе характера. Съ 1815 г. онъ поступилъ въ армію за границу и совершилъ походъ въ Парижъ. Не будемъ слѣдовать за его военно-служебною карьерою,

когда онъ отъ Барклая переходилъ къ Дибичу и къ Аракчееву и испыталъ всяческія крупныя впечатлѣнія, оставившія слѣды въ его характерѣ. Когда вспыхнуло польское возстаніе въ 1831 году, онъ совершилъ весь походъ при Дибичѣ и Паскевичѣ, участвовалъ во всѣхъ битвахъ того похода, и вынесъ изъ этого времени безпристрастный и вѣрный взглядъ на большинство поляковъ, что́, однако, потомъ не вполнѣ предохранило его отъ ошибокъ въ Кіевѣ. Рѣшившись оставить военную службу, Брадке неожиданно получилъ предложеніе отъ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія кн. Ливена занять должность попечителя въ новомъ Кіевскомъ округѣ. Но его болѣе соблазняла мысль поселиться въ родномъ Остзейскомъ краѣ, гдѣ гр. Блудовъ обѣщалъ ему мѣсто губернатора, и потому отъ предложенія Ливена онъ отказался. Однако затѣмъ, совершенно противъ своихъ ожиданій, получилъ увѣдомленіе, что состоялось Высочайшее повелѣніе о назначеніи его въ Кіевъ. Какъ человѣкъ въ высшей степени добросовѣстный, онъ понималъ, что далеко не готовъ къ новой должности и около трехъ мѣсяцевъ въ Петербургѣ провелъ въ посѣщеніи училищъ, особенно нѣмецкихъ, гдѣ онъ не столько ревизовалъ, сколько учился самъ, что́ и пригодилось ему въ Кіевѣ (тамъ нерѣдко въ гимназіяхъ онъ лично замѣщалъ директора, инспектора и учителей). Въ новомъ округѣ ему приходилось не легко; кн. Ливенъ, изъ денежнаго разсчета, не отпустилъ даже средствъ на писцовъ; Брадке приходилось исполнять и канцелярскія работы собственноручно. Успѣхъ скоро увѣнчалъ его усилія: „ученики съѣзжались въ Кіевъ со всѣхъ концовъ государства; приходилось заводить двойные классы, учреждать новыя училища; въ одномъ Кіевѣ было учреждено 4 казенныхъ пансіона на 300 мальчиковъ, а требованіе все росло. Такого наплыва въ общественныя училища не было и въ блестящія времена гр. Чацкаго. При назначеніи моемъ (говоритъ Е. Ѳ—чъ) я принялъ 2000 воспитанниковъ и передалъ своему преемнику слишкомъ 12,000“ *).

Въ оцѣнкѣ этого дѣятеля всѣ показанія единодушно сходятся: историкъ Университета В. Я. Шульгинъ говоритъ такъ: „фонъ-Брадке въ отношеніяхъ своихъ съ каждымъ профессоромъ въ частности, отличался въ высшей степени гуманнымъ направленіемъ, какъ человѣкъ, и

---

*) Автобіогр. зап. Е. Ѳ. фонъ-Брадке. Рус. Арх. 1875 г.

вникалъ въ нужды и потребности всѣхъ и каждаго, какъ начальникъ... Въ отношеніяхъ къ студентамъ, онъ былъ до конца вѣренъ обѣту, данному при открытіи университета: „быть ихъ отцомъ, но не слабымъ, потворствующимъ порыву страстей, а твердымъ, постоянно заботившимся о направленіи ихъ къ нравственному совершенству". Онъ изучалъ характеры и способности молодыхъ людей еще во время пребыванія ихъ въ гимназіи и часто руководилъ совѣтами при выборѣ ими факультетовъ, когда они поступали въ университетъ. Въ самомъ университетѣ онъ постоянно слѣдилъ за хорошими и слабыми студентами, посѣщая лекціи университета сначала *ежедневно*, а потомъ, когда здоровье ему измѣнило, черезъ день или непремѣнно два раза въ недѣлю... Дѣятельность фонъ-Брадке, особенно въ первые годы управленія округомъ, была по истинѣ изумительна. Пересматривая дѣла по округу и университету, мы находимъ, что во всѣхъ, сколько-нибудь важныхъ случаяхъ онъ самъ писалъ и отписывалъ бумаги; очень часто объѣзжалъ округъ и во время пребыванія въ Кіевѣ ежедневно посѣщалъ всѣ учебныя заведенія, всюду внося жизнь и движеніе.... Не свободенъ онъ былъ отъ ошибокъ, но эти ошибки, какъ покажетъ вся исторія университета, принадлежали не столько ему лично, сколько вызваны были и современнымъ состояніемъ науки въ Россіи, и труднымъ запутаннымъ положеніемъ края, въ которомъ Брадке долженъ былъ дѣйствовать" *). Первая ошибка, которую находитъ В. Я. Шульгинъ въ дѣятельности Брадке, заключалась въ слишкомъ дѣятельномъ вмѣшательствѣ въ дѣла университета; но самъ-же обвинитель и оправдываетъ такое вмѣшательство тѣмъ, что при основаніи университета было-бы опасно оставить его на произволъ стараго лицейскаго совѣта. Но и это объясненіе, по нашему мнѣнію, еще недостаточно. Мы видѣли выше, что попечитель, по уставу 1833 г., былъ первенствующій членъ университета, а не сторонняя власть, и потому его дѣятельность въ университетѣ не есть „вмѣшательство", а прямое исполненіе своей обязанности. Другая ошибка, которую приписываютъ Брадке, та, что онъ будто-бы придалъ университету энциклопедическій характеръ, что, по его убѣжденію, „ученость и спеціализмъ—роскошь въ Университетѣ св. Владиміра". Мы не знаемъ, гдѣ могъ высказать такую мысль

*) Ист. Унив. св. Владиміра, стр. 66—68.

Брадке, но впослѣдствіи увидимъ, что нѣкоторыя науки читались для всего университета не по настоянію Брадке, а когда его уже не было въ Кіевѣ. Отступленіе отъ спеціальнаго характера въ университетскомъ образованіи есть явленіе общее всѣмъ русскимъ университетамъ того времени и вовсе не зависѣло отъ самихъ университетовъ и ихъ попечителей. Въ 1837 г. попечитель Харьковскаго учебнаго округа представилъ минитру соображенія совѣта Харьковскаго университета о томъ, что по росписанію, утвержденному министерствомъ, студенты юридическаго факультета должны слушать *всѣ предметы 1-го отдѣленія* философскаго факультета, за исключеніемъ только греческой, славянской и французской словесности, и что такое распредѣленіе наукъ не только отяготительно, но и вовсе не можетъ быть выполнено. Управляющій министерствомъ гр. Протасовъ согласился на предложенное сокращеніе вспомогательныхъ предметовъ для юристовъ *). Было-бы странно если-бы первоначальный лицейскій составъ профессоровъ въ Кіевѣ сразу освоился съ новыми университетскими порядками. Кромѣ того высшее начальство не могло допустить мысли, чтобы спеціальныя ученыя знанія закрывали для Университета его главную задачу—вліяніе на окружающее общество мѣстнаго края; оно не хотѣло согласиться, чтобы изъ Университета выходили отличные математики, не знающіе русской исторіи и русскаго языка и литературы. Во всякомъ случаѣ мы не знаемъ, въ какой долѣ это направленіе Университета должно быть приписано Брадке.

Другой современный свидѣтель дѣятельности Брадке, О. М. Новицкій видитъ въ немъ образецъ попечителя, не повторившійся потомъ во весь первый періодъ. Съ перваго свиданія съ нимъ по поводу приглашенія О. М. Новицкаго къ чтенію лекцій въ университетѣ, онъ былъ поражонъ простотою и человѣчностію обращенія попечителя. Впослѣдствіи онъ имѣлъ случаи убѣдиться, что это не было результатомъ простой свѣтскости, а истекало изъ искренней и честной души.

Въ воспоминаніяхъ объ А. А. Глушановскомъ, одномъ изъ первыхъ студентовъ и будущемъ синдикѣ нашего университета, г. Гербель пишетъ, между прочимъ, о Брадке: „студенты и воспитанники учебныхъ заведеній свято чтили его, какъ начальника и горячо любили,

*) Сборн. распор. по мин. нар. просв., т. II, № 182.

какъ самого попечительнаго и нѣжнаго отца. Онъ ѣздилъ въ квартиры больныхъ студентовъ, привозилъ съ собою медиковъ для консультацій и всѣ лакомства, какія разрѣшали медики. Больницу-же учебныхъ заведеній онъ посѣщалъ ежедневно, а иногда два и три раза въ день. Его такъ высоко чтили въ Кіевѣ, какъ очень рѣдко чтятъ мѣстныхъ сановниковъ въ провинціяхъ" *).

Кому не извѣстно, какъ трудно удовлетворять интересамъ управленія, не прибѣгая къ оффиціальности требованій, какъ не легко сохранить всѣ добрыя свойства товарища и сочлена на посту начальника. Вмѣсто дароваго чиновнаго авторитета приходится пріобрѣтать и заслуживать авторитетъ моральный, и притомъ на столько сильный, чтобы власть не потерпѣла униженія и ослабленія. Между этою сциллою и харибдою человѣческихъ отношеній не прошелъ благополучно и Е. Ѳ. Брадке.

Быть можетъ въ другихъ краяхъ такой попечитель, какъ Брадке, удачно провелъ-бы свое дѣло до благополучнаго конца. Но въ Кіевѣ сказанныя трудности увеличивались вдвое національно-враждебными отношеніями одной части населенія къ другой. Брадке надѣялся, что именно просвѣщеніе будетъ наилучшею примиряющею силою. По его мнѣнію, задача Университета св. Владиміра есть „сближеніе жителей западныхъ губерній къ русскимъ нравамъ и обычаямъ, уменьшеніе религіознаго фанатизма въ отношеніи къ частному ихъ вѣроисповѣданію, содѣланіе имъ любезнымъ общаго отечества". Онъ сравнивалъ дѣйствіе Университета съ подвигами миссіонеровъ, „которые полагаютъ, что половина пути ими совершена, если *послѣ долгихъ неудачъ* они получатъ вліяніе на воспитаніе юношества обитаемаго ими края". „Нужно было, говоритъ онъ о себѣ, время и много выносливой терпѣливости, ниспосылаемой Божеской благодатію бѣдному и слабому ея орудію, чтобы подвести эти разнообразные элементы подъ одно иго и согласить противорѣчившія одна другой національности въ общемъ чувствѣ сердечной привязанности къ учрежденію, къ которому они принадлежали и для блага котораго должны были мирно и единодушно работать" **).

Многимъ можетъ показаться эта мысль иллюзіею, а дѣятельность Брадке не свободною отъ нѣкоторой примѣси легковѣрія. Но Брадке

*) Лицей кн. Безбородко. Спб. 1859 г., стр. 104—105.

**) „Автоб. зап. Е. Ѳ. Брадке" въ Рус. Арх. 1875 г.

не заблуждался, не мечталъ, что онъ самъ увидитъ вскорѣ окончательные плоды своей дѣятельности; напротивъ, онъ говорилъ, что эта цѣль можетъ быть достигнута лишь „послѣ долгихъ неудачъ". Само собою разумѣется, что и такое отдаленное достиженіе цѣли возможно лишь подъ условіемъ вѣры въ нее. Силѣ цивилизаціи, выставленной во времена Чацкаго со стороны Польши, Русь могла противопоставить только такую-же духовную силу, но съ надеждою на успѣхъ, гораздо бо́льшею. Слова Брадке о неудачахъ оказались пророческими для него самого. Его общежительностію и близкими отношеніями къ подчиненнымъ начали злоупотреблять; нашлись люди (какъ говорятъ), принятые въ его домѣ, которые потомъ очутились во главѣ замышляемаго движенія противъ Россіи, и которые личною преданностію лишь усыпляли его бдительность. Роль Брадке въ этомъ краѣ не была полицейскою и онъ не несетъ отвѣтственности за совершившіяся событія, хотя центромъ ихъ и была учащаяся молодежь. Но это пагубное обстоятельство положило впослѣдствіи конецъ дѣятельности Брадке въ Кіевѣ.

Мы сказали уже, что Е. Ѳ. фонъ-Брадке обладалъ всѣми качествами образцоваго попечителя во всякомъ учебномъ округѣ. Но тотъ округъ, который достался на его долю, требовалъ въ высшемъ начальникѣ еще другихъ качествъ, кромѣ благородства, гуманности, сердечности и трудолюбія. Будучи самъ всегда искреннимъ и честнымъ, онъ не могъ допустить мысли о неискренности и лицемѣріи въ другихъ. Полная трогательная довѣрчивость къ людямъ сквозитъ во всѣхъ страницахъ его автобіографіи. Съ самой первой минуты прибытія въ Кіевъ, его подкупили шумныя оваціи въ честь его со стороны дворянства юго-западныхъ губерній, и склонили его симпатіи въ пользу польскихъ учебныхъ заведеній. „Производя ревизію, говоритъ онъ, въ Подольской и Волынской губерніяхъ, я нашелъ школы вообще въ гораздо лучшемъ состояніи, чѣмъ въ Кіевѣ и Черниговѣ, хотя и тутъ обнаруживались весьма существенные недостатки, а господствующее направленіе отличалось вполнѣ монашескимъ характеромъ. *Во всѣхъ городахъ меня встрѣчали знатнѣйшія лица* изъ окрестнаго дворянства, и всѣ просили позволенія присутствовать на ревизіи, на что я охотно согласился, и они являлись цѣлыми толпами. Это было тѣмъ замѣчательнѣе, что, изъ желанія выиграть время, я производилъ экза-

мены отъ 7 час. утра до 10 час. вечера, съ перерывомъ только въ обѣденное время".

Между тѣмъ въ русскихъ нетопленыхъ школахъ онъ увидѣлъ однихъ нечесаныхъ и грязноватыхъ учителей въ тулупахъ сверхъ мундировъ. Его добродушное сердце принимало за чистую монету и такіе факты: едва онъ успѣлъ пріѣхать въ Кіевъ, какъ явилась къ нему депутація дворянства Волынской губ., которая (говоритъ онъ) весьма сердечно меня привѣтствовала и выражала *заранње* свое ко мнѣ довѣріе. Это неожиданное явленіе *вполнњ разъяснилось* тѣмъ, что офицеры бывшей польской арміи, вернувшись на родину, отзывались обо мнѣ съ благодарностію, чего я никакъ не ожидалъ, не сдѣлавъ для нихъ ничего особеннаго; но это привлекло ко мнѣ сердца дворянъ" *). Онъ не только не сдѣлалъ для нихъ ничего особеннаго, но дрался съ ними со всею стойкостію офицера русской арміи; тѣмъ не менѣе вѣритъ въ чувства „благодарности" со стороны побѣжденнаго врага въ ожесточенной борьбѣ, на другой день послѣ побѣды. На нашъ взглядъ еще поразительнѣе обнаружилась довѣрчивость Е. Ѳ. Брадке въ разсказѣ о днѣ открытія Университета, къ которому перейдемъ сейчасъ.

Предстояли хлопотливыя и трудныя заботы относительно внутренняго и внѣшняго устройства Университета. Рѣшительно отъ Брадке зависѣло осуществить уставъ немедленно, или отложить на неопредѣленное будущее. Еще въ Петербургѣ ему предсказывали, что онъ не успѣетъ открыть Университетъ въ іюлѣ, говорили о недостаткѣ людей, объ отсутствіи помѣщенія, но онъ отвѣчалъ, что въ случаѣ крайности откроетъ Университетъ на улицѣ. Онъ дѣйствительно успѣлъ приготовить его къ открытію въ полгода; а это означало: перевезти почти всѣ коллекціи и особенно библіотеку изъ Кременца въ Кіевъ, побудить кременецкихъ профессоровъ бросить насиженныя мѣста и переселиться среди зимы въ Кіевъ, найти помѣщеніе какъ для коллекцій и аудиторій, такъ и для личнаго персонала; да и самый этотъ персоналъ надо было набрать и выбрать. Не все-же лицейское могло быть признано годнымъ; наприм. юридическій факультетъ вовсе нельзя было устроить въ началѣ. Университетъ кое-какъ былъ размѣщенъ по разнымъ домамъ на Печерскѣ и въ Липкахъ; нѣкоторые изъ нихъ нынѣ

*) Рус. Арх. 1875 г.

уже не существуютъ (такъ какъ мѣстность перерѣзана послѣ крѣпостію); дома были заняты хотя и лучшіе, но неудобные, небольшіе и жалкаго вида. Попечителю нужно было почти ежедневно объѣзжать всѣ эти помѣщенія. Надо было разобраться въ коллекціяхъ и привести ихъ въ какой-нибудь порядокъ.

Пособниковъ у Брадке не было; не было еще и ректора университета. Первый *ректоръ* извѣстный М. А. Максимовичъ прибылъ изъ Москвы въ Кіевъ лишь наканунѣ открытія Университета (13 іюля). Его административная дѣятельность, а равно и двухъ преемниковъ его—Цыха и Неволина, будетъ охарактеризована ниже. *Совѣтъ* наскоро образованъ и открылъ свои дѣйствія съ 16 марта 1834 г. подъ временнымъ предсѣдательствомъ лицейскаго профессора Зѣновича; но еще половина лицея оставалась въ Кременцѣ; между обѣими половинами шли постоянныя письменныя сношенія. Подъ вліяніемъ энергическаго вліянія попечителя, невольные кременецкіе переселенцы работаютъ безъ устали.

Открытіе Университета св. Владиміра. На первый разъ главнѣйшею заботою совѣта и попечителя было приготовленіе къ торжественному акту открытія Университета, который и состоялся 15 іюля 1834 г., въ день св. патрона его—кн. Владиміра. Торжество открытія началось съ богослуженія въ Печерской лаврѣ. На засѣданіи, открывшемся потомъ, присутствовалъ митрополитъ — знаменитый Евгеній и высшее духовенство, въ томъ числѣ Иннокентій и отъ министерства народнаго просвѣщенія гр. Протасовъ, попечитель и новый ректоръ; а съ другой стороны предводители дворянства и множество дворянъ трехъ юго-западныхъ губерній,—люди, не часто сходившіеся вмѣстѣ для мирнаго торжества.

Вотъ какъ описываетъ самый актъ открытія университета М. А. Максимовичъ: „въ качествѣ новопріѣзжаго изъ Москвы ректора, сидѣлъ я у каѳедры, съ которой звучала латинская рѣчь проф. Якубовича de pulchro Platonico; а сидѣвшій возлѣ меня гр. Протасовъ нашептывалъ мнѣ изрѣдка свои замѣчанія о ней, чѣмъ доказывалось, что латинскій языкъ ему извѣстенъ. Съ любопытствомъ глядѣлъ я на многочисленную парадную публику, изъ четырехъ губерній собранную. Во главѣ ея былъ митроп. Евгеній, благословившій открытіе новаго всеучилища. Какъ онъ прекрасенъ былъ въ своей величавой простотѣ!

Объ руку съ нимъ красовался ближайшій другъ его въ Кіевѣ, престарѣлый герой 12-го года фельдмаршалъ Сакенъ. Имъ обоимъ подносилъ я дипломы на званіе первыхъ почетныхъ членовъ новорожденнаго университета. Но меня особенно занималъ отдѣльный рядъ духовныхъ лицъ; мнѣ хотѣлось угадать въ немъ знаменитаго ректора академіи, и я угадалъ его. По окончаніи акта я успѣлъ подойти къ нему, и его первое теплое слово мнѣ и рукопожатіе были залогомъ той пріязни, которою украшена была моя 7-ми лѣтняя служебная жизнь въ Кіевѣ" *).

Въ то время какъ первый нашъ ректоръ смотрѣлъ въ сторону православнаго духовенства, первый попечитель занятъ былъ мѣстнымъ дворянствомъ.

Е. Ѳ. Брадке такъ описываетъ знаменательный день тотъ: „15-го іюля 1834 года, въ день св. Владиміра, Университетъ былъ открытъ. Еще за нѣсколько дней стало во множествѣ съѣзжаться дворянство изъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній и въ меньшемъ числѣ изъ Черниговской и Полтавской. Съѣхалось больше, чѣмъ съѣзжается на контракты въ январѣ мѣсяцѣ. За три рубля въ сутки нельзя было достать крошечной комнатки. Многіе богатые люди располагались по сараямъ и въ клѣтяхъ... До такой степени *три западныя губерніи* сочувствовали этому торжеству (а гдѣ-же были двѣ малороссійскія?— спросимъ мы). Накапунѣ 14 іюля мы только что отпили чай въ саду, какъ начало съѣзжаться разодѣтое дворянство. Не ожидая такого заранѣе условленнаго съѣзда, я приказалъ было принести стулья, но скоро увидѣлъ, что стульевъ не достанетъ. Гости становились группами по уѣздамъ; дворянскіе предводители представляли мнѣ ихъ по одиночкѣ. Не скрою, что такая предупредительность, ничѣмъ съ моей стороны не вызванная, весьма пріятно меня тронула. Наша актовая зала едва вмѣщала въ себѣ 350 чел., и поэтому я отослалъ тремъ дворянскимъ предводителямъ по сотни входныхъ билетовъ; но они настоятельно просили еще билетовъ, и я долженъ былъ распорядиться, чтобы впускали всякаго одѣтаго въ дворянскій мундиръ, предоставляя этимъ господамъ самимъ позаботиться о размѣщеніи... Изъ лавры въ 11 часовъ мы отправились въ Университетъ. Митрополитъ съ знат-

---

*) См. Чаева: „М. А. Максимовичъ" въ Рус. Арх. 1874 г., стр. 1063.

нымъ духовенствомъ освятилъ покои. Зала, сосѣднія комнаты и лѣстница наполнились до невозможности... Для стараго фельдмаршала Сакена, генералъ-губернатора, духовенства, начальниковъ губерній и предводителей дворянства приготовлены были особыя мѣста; я помѣстился рядомъ съ университетскими чинами возлѣ каѳедры, спиною къ публикѣ. Когда прочли императорскіе рескрипты и профес. Цыхъ окончилъ ученую рѣчь, я обратился къ публикѣ и изложилъ причины основанія университета и намѣренія правительства, послѣ чего три дворянскихъ предводителя, въ нѣсколькихъ словахъ выразили Государю благодарность за оказанное благодѣяніе, *и это были не пустыя слова;* собраніе обнаруживало явное радостное и восторженное возбужденіе". Далѣе авторъ разсказываетъ объ университетскомъ обѣдѣ, на который напросилось 300 мѣстныхъ дворянъ, о восторженныхъ привѣтствіяхъ новорожденному Университету со стороны этихъ послѣднихъ, которые поймали попечителя, собиравшагося потихоньку уйти, подняли наверхъ; потомъ дворянство на рукахъ снесло его внизъ и посадило въ экипажъ. „Этотъ экспериментъ, прибавляетъ разсказчикъ, не представлялъ ничего пріятнаго для страждущаго тѣла моего... Въ заключеніе торжественныя депутаціи дворянства трехъ губерній являлись благодарить меня" *). Прочія двѣ губерніи, т. е. Черниговская и Полтавская не являлись благодарить. Мы уже упомянули, что въ разсказѣ объ открытіи Университета выразилась довѣрчивость Е. Ѳ. Брадке до поразительной степени. Казалось-бы не было ничего проще, какъ спросить себя, чему могло такъ обрадоваться юго-западное дворянство? Свой польскій университетъ подъ именемъ лицея, но именно въ любимомъ общеобразовательномъ видѣ, оно уже имѣло. Теперь въ замѣнъ его открывается русскій университетъ въ томъ городѣ, отъ котораго такъ открещивался кн. Чарторыжскій; въ этотъ русскій Университетъ переносятся и всѣ богатыя пожертвованія, принесенныя польскими дворянами на дѣло польскаго образованія. Вспомнимъ, что́ говорилъ нѣкогда Чацкій гр. Завадовскому, отклоняя его отъ мысли объ основаніи университета въ Кіевѣ. И все это торжество на другой такъ сказать день послѣ тѣхъ кровопролитныхъ битвъ на поляхъ Остроленскихъ, Гроховскихъ и стѣпахъ Варшавскихъ,—битвъ, въ которыхъ столь ревностно участвовалъ самъ Е. Ѳ. Брадке.

*) Рус. Арх. 1875 г. „Автоб. Е. Ѳ. Брадке".

Но возвратимся ко дню открытія. Историческій интересъ этого дня, разумѣется, весь сосредоточивается на томъ, что̀ говорилось на этомъ праздникѣ. Дѣятельная роль принадлежала русскимъ представителямъ и прежде всего Е. Ѳ. фонъ-Брадке, который и выразилъ здѣсь свое profession de foi относительно задачъ просвѣщенія въ юго-западномъ краѣ. Кромѣ извѣстныхъ уже намъ идей, онъ, между прочимъ, указалъ здѣсь и спеціальную цѣль будущаго юридическаго факультета Университета св. Владиміра; онъ, поставивъ въ связь образованіе этого факультета въ Кіевѣ съ окончаніемъ свода законовъ, указалъ, что право, преподаваемое здѣсь, будетъ положительнымъ и выразилъ надежду, что именно эта положительность законовѣдѣнія изгонитъ въ западномъ краѣ безконечныя тяжбы, разорившія столь многія семейства. Зло указано вѣрно и цѣль обозначена мѣтко. На долю другаго представителя русскаго элемента—проф. Цыха пришлось выразить общее значеніе Университета для страны, помимо мѣстнаго общественнаго его значенія. Онъ твердо и ясно отвергъ утилитарное значеніе науки, что тогда было вообще мыслію новою по силѣ направленія русскаго образованія, даннаго Петромъ Великимъ. А для слушателей—поляковъ это было еще большею новостію. Мы упоминали уже, что Чацкій на внѣшней полезности строилъ почти всю систему образованія, мѣшая мораль съ огородничествомъ. Цыхъ назвалъ утилитарное воззрѣніе „неприличнымъ человѣку истинно образованному, неприличнымъ гражданину, коего сердцу дорого благо его отечества"; важность образованія, по его мысли, „должна быть измѣряема важностію слѣдствій его для блага общественнаго". Указывая эту неосязаемую, но высокую цѣль, ораторъ мудро прибавилъ: „конечно нельзя требовать, чтобы сей новый разсадникъ просвѣщенія принесъ полные плоды тотчасъ по своемъ насажденіи... Дайте ему время созрѣть, и тогда судите его со всею строгостію". Историкъ и читатель могутъ найти здѣсь пророческій укоръ настоящему, когда наступила 50-ти лѣтняя зрѣлость Университета. Безспорно во многомъ пророчество Цыха еще не сбылось, но надо помнить и то, что ораторъ требуетъ дать возможность созрѣть Университету. Послѣдующая исторія покажетъ, что не разъ приходилось новому „всеучилищу" начинать свою жизнь сначала. Цыхъ имѣлъ въ виду одинъ частный видъ утилитаризма, по которому отъ высшаго образованія ожидаются „выгоды государственной службы, выгоды ве-

щественныя, значеніе въ обществѣ". Къ сожалѣнію этотъ послѣдній видъ ложнаго направленія въ образованіи, усвоенный въ цѣлой имперіи, не остался чуждъ и новорожденному Университету, не смотря на пожеланіе инаго со стороны даровитаго и проницательнаго оратора, пожеланіе, выраженное, такъ сказать, на крестинахъ Университета.

Представителямъ польскаго населенія пришлось одному за другимъ благодарить въ краснорѣчивыхъ, но нѣсколько однообразныхъ варіаціяхъ правительство за его попеченія. Историкъ не долженъ заходить въ душу дѣятелей и повѣрять ихъ чувства съ словами. Изъ поляковъ-профессоровъ долженъ былъ выступить кто-либо, и выступилъ профессоръ Якубовичъ, но съ предметомъ совершенно чуждымъ значенію минуты; онъ говорилъ (какъ упомянуто) „de pulchro platonico". Это былъ во всякомъ случаѣ поступокъ хотя уклончивый, но честный.

На торжествѣ открытія было говорено и о вещественныхъ послѣдствіяхъ образованія, впрочемъ такихъ, которыя къ свойствамъ самаго образованія не относятся, именно Цыхъ предусматривалъ добрые результаты для города Кіева отъ устройства въ немъ Университета. „Университетъ дастъ совершенно другой видъ этому городу. Бѣдныя лачужки, тѣснящіяся одна подлѣ другой въ отдаленныхъ частяхъ города, обратятся въ огромныя красивыя зданія; на обширныхъ пустыряхъ, отдѣляющихъ одну часть города отъ другой, представляющихъ столько неудобствъ для жителей его, возникнутъ прекрасныя строенія или красивыя гульбища"... Эта часть пророчества сбылась, почти во во всѣхъ подробностяхъ. Открытіе университета въ Кіевѣ было дѣйствительно эпохою и въ исторіи города Кіева. Въ тѣ дни это былъ бѣдный провинціальный городокъ, правильнѣе, рядъ близъ стоящихъ городовъ, или одни предмѣстья безъ города, какъ выразилась Екатерина II. Тамъ, гдѣ нынѣ Университетъ, три гимназіи, множество улицъ и ботаническій садъ, тамъ въ дикихъ ярахъ росъ густой кустарникъ; люди, еще нынѣ здравствующіе, охотились въ тѣхъ мѣстахъ на бекасовъ. Глухая и грязная долина (нынѣ Крещатикъ — главная улица города) отдѣляла старый Кіевъ отъ Липокъ—ряда дачъ потонувшихъ въ зелени. Совсѣмъ отдѣльно, вокругъ лавры располагалась тогда лучшая часть города—Печерскъ; и не даромъ: Кіевъ жилъ только богомольцами, только всероссійскимъ значеніемъ лавры. Нѣкоторыя крупицы перепадали и

за ограду лавры свѣтскимъ обывателямъ. Университетъ создалъ нынѣшнюю 5-ю часть города—Новое Строеніе; но подѣйствовалъ на возвышеніе благоденствія и всего города: во-первыхъ притекла масса новыхъ лицъ—преподавателей, чиновниковъ, студентовъ; во-вторыхъ сюда начали переселяться тѣ семейства, которыя хотѣли воспитывать дѣтей, не отдѣляясь отъ нихъ; сюда же временно ѣхали со всего края, какъ въ центръ учебнаго управленія. Стекался народъ отъ запада и востока. Торговый обмѣнъ усилился; улицы начали замащиваться. Правда, съ этимъ вмѣстѣ разрушался тотъ добрый старый порядокъ, о которомъ донынѣ воздыхаютъ многіе мѣстные романтики; но исторія цивилизаціи имѣетъ свои фатальные законы.

Кіевъ и заслуживалъ такой судьбы и предпочтенія; только онъ, со своимъ памятнымъ и для всѣхъ понятнымъ русскимъ историческимъ значеніемъ, и былъ причиною того, что весь юго-западный край не былъ окончательно признанъ польскимъ.

Дѣятельность совѣта и правленія. Послѣ открытія Университета наступила его нормальная дѣятельность; но отъ этого совѣту приходилось работать не меньше. Съ открытіемъ пріемныхъ экзаменовъ и потомъ—съ 28-го августа—лекцій, къ прежнимъ занятіямъ по устройству новаго Университета во всѣхъ частяхъ его, присоединились текущія занятія по учебной администраціи. Въ первый годъ совѣтъ долженъ былъ собираться не менѣе трехъ разъ въ недѣлю. Установленіе преподаванія на новыхъ началахъ, непривычныхъ для кременецкихъ членовъ совѣта, и производство многочисленныхъ экзаменовъ, а равно установленіе правилъ для нихъ поглощали почти все свободное время преподавателей внѣ часовъ лекцій ихъ. Совѣтъ въ первыхъ-же засѣданіяхъ по открытіи Университета обсуждалъ планъ организаціи юридическаго факультета, составленный Балугьянскимъ, потомъ занимался составленіемъ инструкціи инспектору. Нужно удивляться, какъ совѣтъ находилъ при этомъ еще время составлять *ученыя засѣданія;* напр. въ одномъ изъ первыхъ своихъ засѣданій совѣтъ читалъ ученыя статьи въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія: „современное состояніе философіи во Франціи и новая система сей науки, основанная Ботеномъ“ и рѣшилъ: принять къ руководству. Совѣтъ исполняетъ разнообразныя порученія какъ учебнаго такъ и неучебнаго начальства; напр. въ самомъ началѣ своего существованія, онъ разсма-

триваетъ проэктъ испытаній еврейскаго юношества, выдаетъ свидѣтельства на право занятія оптикою и механикою, разсматриваетъ множество правилъ о выдачѣ свидѣтельствъ на право частнаго обученія и на учительское званіе въ гимназіяхъ и училищахъ. Все это до нѣкоторой степени было связано съ правительственною ролью университета въ округѣ. Но иногда давались ему порученія вовсе не имѣющія отношенія къ учебной и административной сторонѣ его устава; такъ онъ исполняетъ требованіе поручить нѣкоторымъ изъ студентовъ перевести на русскій языкъ бумаги, присланныя изъ военно-судной коммиссіи надъ (польскими) мятежниками. Открыты были золотыя ворота; рѣшено ихъ сохранить и сдѣлать къ нимъ приличную надпись; составленіе этой надписи поручается совѣту. Въ Таращанскомъ и Липовецкомъ уѣздахъ появились на поляхъ черви, истреблявшіе посѣвы; кіевскій губернаторъ требуетъ отъ совѣта университета изыскать средства къ искорененію червей. Въ Житомірѣ производится уголовное дѣло о контрабандѣ, въ которое какъ-то замѣшаны студенты В — скій и К — скій, въ совѣтъ поступаетъ требованіе спросить ихъ подъ присягою и т. п.

Впрочемъ совѣту не приходилось еще заниматься тѣмъ родомъ дѣлъ, который нынѣ главнымъ образомъ занимаетъ и волнуетъ совѣты университетовъ, т. е. выборомъ преподавателей. Весь первоначальный составъ профессорской коллегіи былъ обязанъ своимъ происхожденіемъ назначенію отъ министерства. Нѣкоторыя, впрочемъ немногія, лица, хотя и были избраны совѣтомъ, но по иниціативѣ Брадке и безъ всякой борьбы; это были: Новицкій, Авсеневъ и Чеховичъ. При тогдашнемъ составѣ совѣта другаго порядка въ назначеніи профессоровъ нельзя было допустить безъ вреда Университету. Но совѣтъ не избавился тѣмъ отъ траты времени на разсмотрѣніе прошеній о принятіи въ профессора; прошенія сыпались со всѣхъ сторонъ, иногда совершенно неожиданныхъ. Вотъ перечень нѣкоторыхъ изъ нихъ: отъ 1834 по 1836 г. просили объ опредѣленіи преподавателями въ университетъ: учитель кіевской гимназіи Іеронесъ, учитель одесскаго уѣзднаго училища Сумароковъ, учитель одесской гимназіи Кнорре, профессоръ ришильевскаго лицея Фрейтагъ, нѣкій докторъ философіи Аницъ; учитель могилевской гимназіи Игнатовичъ просилъ опредѣлить его въ университетъ преподавателемъ *исторіи или россійскаго права;* какой-то

иностранецъ Віоло желалъ поступить *лекторомъ или учителемъ латинскаго, французскаго или нѣмецкаго языковъ;* нѣкій Францъ Іенценъ просилъ опредѣлить его адъюнктомъ неизвѣстно по какому предмету. Словомъ, наряду съ людьми достойными, ломилась и масса авантюристовъ, одинъ изъ представителей которыхъ дѣйствительно попалъ въ составъ Университета.

Требованія этихъ лицъ иногда были голословны и вызывали со стороны совѣта также голословные отказы; но иногда онѣ подкрѣплялись тяжелыми по объему и легкими по содержанію сочиненіями. Съ этими продуктами человѣческаго ума и неразумія приходилось справляться при помощи большаго труда; Громовичъ шлетъ сочиненіе по математикѣ, Игнатовичъ по римскому праву, Поссельтъ и Штейнъ по философіи; нашлось много любителей польской словесности, не мало— итальянской. Всѣ такія сочиненія были представлены на конкурсъ и должны быть внимательно разсмотрѣны,—съ единственнымъ результатомъ въ концѣ—признаніемъ ихъ негодности.

Хозяйственно-административная дѣятельность Университета началась раньше учебной его дѣятельности. Правленіе открыто 8 марта 1834 г. (а совѣтъ 16 марта, между тѣмъ, какъ преподаваніе началось лишь 28 августа того-же года).

Само собою разумѣется, что хозяйственная дѣятельность правленія должна была предупредить всякую другую. Правленіе первоначально организовано было изъ наличныхъ членовъ университета (кременецкихъ) подъ предсѣдательствомъ Берлинскаго. Многаго нельзя было сразу перевезти изъ Кременца, особенно въ зимнюю пору; такъ тамъ оставался богатый ботаническій садъ (правильнѣе оранжереи), заведенный Бессеромъ. Но многое успѣли и перевезти въ теченіи зимы, весны и лѣта 1834 г.; перевезли библіотеку и другія коллекціи университета; слѣдовало все это, если не размѣстить, то сложить. Требовались помѣщенія для аудиторій, для казеннокоштныхъ студентовъ, для засѣданій совѣта и правленія, для квартиръ инспектора и проч. Дома нанимаемы были въ разныхъ частяхъ города, но преимущественно вблизи тогдашней центральной части его — Печерска; сначала нанято было такихъ домовъ три, а потомъ (1838 г.) — семь. Но библіотека и коллекціи большею частію сваливались въ анбарахъ, нанимаемыхъ отдѣльно, по мѣрѣ перевозки ихъ изъ Кременца. Иногда приходилось нанимать

одинъ этажъ, между тѣмъ, какъ другой оставался въ пользованіи хозяина. Для временнаго ботаническаго сада нанятъ былъ огородъ и домикъ (за 77 р.). Понятно, какихъ хлопотъ все это требовало особенно со стороны людей новыхъ, незнакомыхъ съ городомъ.

При этомъ нужно имѣть въ виду, что Университетъ обладалъ не Богъ вѣсть какими богатыми средствами, и притомъ такими, часть которыхъ надо было добывать правленію собственнымъ хозяйничаньемъ.

По первоначальному штату на Университетъ св. Владиміра было ассигновано всего 248,390 р. ас. (70,968 р. с.). Но въ этомъ числѣ изъ государственнаго казначейства назначалось меньше половины, именно 122,000 р.; а въ 1837 г., когда университетъ былъ освобожденъ отъ управленія округомъ—всего 105,000 р. Остальная часть ассигнованной суммы состояла изъ собственныхъ средствъ Университета, т. е. изъ средствъ Волынскаго лицея и другихъ училищныхъ фондовъ, собранныхъ большею частію Чацкимъ. Средства эти состояли частію изъ ежегодныхъ взносовъ жертвователей, частію изъ недвижимыхъ имѣній; поэтому цифра доходовъ Университета колебалась изъ года въ годъ, то переходя за назначенную норму по штату, то не достигая ея *).

При тогдашнемъ состояніи счетовъ, когда часть суммъ была перенесена въ Университетъ, а часть еще расходовалась въ Кременцѣ, весьма трудно опредѣлить дѣйствительное количество собственныхъ доходовъ Университета. Сюда надо присоединить и нѣкоторыя суммы, получаемыя изъ государственнаго казначейства, а именно: за доходъ съ корчемъ въ университетскихъ имѣніяхъ, отошедшихъ въ откупъ, казна уплачивала въ 1835 г. 4,832 р. ас.; но съ 1836 г. только по 2,416 руб. ас. Довольно крупная сумма выдаваема была Университету изъ казны на счетъ капитала, пожертвованнаго на училища кіевскимъ дворянствомъ.

---

*) Сумма доходовъ университета за первые 6 лѣтъ:

въ 1834 г, ...	150,494 р. ас.	(43,000 р. сер.).
„ 1835 „	284,112 „ „	(81,175 „ „).
„ 1836 „	251,707 „ „	(71,919 „ „).
„ 1837 „	192,850 „ „	(55,100 „ „).
„ 1838 „	269,926 „ „	(77,121 „ „).
„ 1839 „	256,523 „ „	(75,863 „ „).

Вообще увеличеніе доходовъ во многомъ зависѣло отъ дѣятельности самого Университета или, точнѣе, его правленія. Тогда эта дѣятельность не была только формальною или счетною, но требовала дѣйствительныхъ хозяйственныхъ хлопотъ и распорядительности. Профессора ѣздили въ имѣнія, возводили тамъ хозяйственныя постройки; напр. 1 марта 1837 г. профес. Мѣховичъ командированъ въ Кременецкій уѣздъ для постройки плотины и мельницы въ университетскомъ селѣ Дунаевѣ *). Университетъ долженъ былъ постоянно на мѣстѣ смотрѣть за ходомъ хозяйства (чѣмъ занимался преимущественно совѣтникъ правленія Козачинскій), заключать условія съ арендаторами и настаивать на правильномъ выполненіи этихъ условій. Владѣя крѣпостными людьми, Университетъ долженъ принимать хлопоты и отвѣтственность по поставкѣ рекрутъ, по разнымъ требованіямъ полиціи, составлять и доставлять ревизскія сказки. Противъ крестьянъ Университета поднимались уголовныя преслѣдованія; Университетъ долженъ наблюдать за ходомъ дѣлъ и командировать профессоровъ къ производству слѣдствія. На него, какъ на владѣльца, падала еще масса тяжебныхъ и спорныхъ дѣлъ, частію прежнихъ, частію вновь возникавшихъ: въ 1830 г. проходящія войска причинили убытки университетскимъ имѣніямъ, надо было хлопотать о вознагражденіи за нихъ; сосѣдніе владѣльцы спорятъ о границахъ имѣній, надо было поддерживать или отражать ихъ.

Не менѣе, если не болѣе занятій правленію давали такъ называемыя фундуши, т. е. пожертвованія, обезпеченныя залогомъ на имѣніяхъ жертвователей; фундаторы отказываются платить; нужно было взыскивать судомъ и обращать взысканіе на заложенныя имущества, чтó при тогдашнемъ состояніи законодательства и судопроизводства въ этомъ краѣ было дѣломъ совсѣмъ нелегкимъ.

Факультеты и каѳедры. Въ то время, какъ высшія правительствующія лица опредѣляли общегосударственную цѣль учрежденія Университета въ Кіевѣ, исполненіе этой задачи совершенно зависѣло отъ людей, изъ которыхъ составленъ Университетъ, т. е. преподавателей и слушателей.

Не легко было Уварову провести свою мысль въ законъ; но еще труднѣе—выполнить ее на дѣлѣ. Единственнымъ средствомъ для вы-

*) Дѣло сов. 1837 г., № 58.

полненія задачи—было преподаваніе, которое-бы отличалось несомнѣнными достоинствами и преимуществами предъ прежнимъ—польскимъ. Люди, вошедшіе въ составъ Университета, отнюдь не были призваны играть какую-либо непосредственную политическую роль; въ ихъ рукахъ было единственное, но зато самое могущественное средство — наука, не направленная къ какой-нибудь политической пропагандѣ; а просто—наука. Результаты, какіе могли выйти изъ этого, могли быть только благодѣтельными во всѣхъ отношеніяхъ.

Но гдѣ было найти въ то время на Руси людей, которые бы были достойными представителями науки? Въ этомъ и заключалась для новаго министра наибольшая трудность. С. С. Уваровъ заявилъ послѣ, что переводъ профессоровъ изъ Кременца въ Кіевъ сдѣланъ былъ преднамѣренно, чтобы не оттолкнуть отъ Университета мѣстнаго населенія; но, кажется, тутъ болѣе имѣла значенія простая необходимость—отыскать преподавателей сколько-нибудь годныхъ. Кажется, далѣе, что первоначально самъ Уваровъ полагалъ возможнымъ провести свои задачи и чрезъ преподавателей польскаго происхожденія, поставивъ этихъ послѣднихъ въ невозможность дѣйствовать иначе, какъ по мысли русскаго правительства.

Во всякомъ случаѣ первоначальный составъ Университета св. Владиміра былъ, преимущественно, польскій. Русскіе элементы, введенные въ него при самомъ открытіи, состояли только изъ двухъ лицъ (если не считать профессора богословія, не имѣвшаго никакого значенія для польскихъ слушателей). Затѣмъ введено въ него еще нѣсколько лицъ; рѣшительнымъ въ этомъ отношеніи моментомъ была организація юридическаго факультета; но численное преобладаніе все еще оставалось за кременецкими профессорами.

Затѣмъ признано было возможнымъ прибѣгнуть къ нѣмецкому элементу, индифферентному въ культурной борьбѣ двухъ славянскихъ націй, представляющему собою не національное, а государственное начало; этимъ во всякомъ случаѣ усиливался-бы элементъ господствующей націи, ибо государство, призывавшее къ дѣятельности, было русское.

Слѣдуя порядку факультетовъ, мы будемъ постоянно имѣть въ виду взаимное отношеніе этихъ трехъ элементовъ, т. е. русскаго, нѣмецкаго и польскаго.

І-е отдѣленіе философскаго факультета. Русскій элементъ въ составѣ преподавателей, первоначально весьма слабый по числу, сосредоточивался пока весь на одномъ 1-мъ отдѣленіи философскаго факультета. Предстоялъ вопросъ не малой важности, изъ какихъ краевъ Россіи удобнѣе заимствовать его въ Кіевъ. Всего ближе, казалось, къ дѣлу обратиться къ уроженцамъ южной Россіи, и если возможно, къ русскимъ уроженцамъ самаго юго-западнаго края, какъ къ людямъ, болѣе знакомымъ съ мѣстными условіями. Къ этому источнику и прибѣгъ Уваровъ прежде всего. Первыми преподавателями были назначены: 1-й ректоръ Университета М. А. Максимовичъ, уроженецъ украинской степной полтавщины, 2-й ректоръ Университета В. Ф. Цыхъ, уроженецъ Харьковской губерніи и О. М. Новицкій, уроженецъ Волынской губерніи.

Съ 1835 г., при организаціи юридическаго факультета, обстоятельства заставили обратиться къ сѣверо-русскому элементу—къ воспитанникамъ II-го отдѣленія собственной Е. В. канцеляріи,—людямъ, происходившимъ изъ духовнаго званія, тогда какъ южноруссы были большею частію дворянскаго происхожденія.

Между тѣми и другими оказалась значительная разница. Первые несомнѣнно превосходили вторыхъ даровитостію, обширностію образованія и, такъ сказать, общественностію; но въ большей части изъ нихъ недоставало выдержки и способности къ систематическому и правильному труду. Въ нихъ именно сказалась вся широта, всеобъемлющая даровитость русской натуры, но въ то-же время нѣкоторая неустойчивость ея.

Лучшимъ представителемъ этой серіи преподавателей былъ первый ректоръ Университета св. Владиміра *М. А. Максимовичъ.* Воспитанникъ и потомъ профессоръ Московскаго университета, онъ прибылъ въ Кіевъ, какъ сказано, почти наканунѣ открытія Университета св. Владиміра, былъ избранъ деканомъ І-го отдѣленія и назначенъ исправляющимъ должность ректора въ самый день пріѣзда; затѣмъ оставался ректоромъ $1^1/_2$ года (до дек. 1835 г.). „Мнѣ стало не въ моготу, писалъ онъ, тянуть двойную лямку — ректора и профессора; я видѣлъ, что ректорство, начатое мною въ Университетѣ, можно было продолжать всякому, и было уже кому продолжать, а мнѣ оно было помѣхою въ дѣлѣ доставшейся на мою долю науки, нескончаемой въ

своемъ требованіи и усовершеніи." По единогласнымъ отзывамъ современниковъ въ администраторы онъ не годился, но за то, какъ человѣкъ и преподаватель, какъ разъ подходилъ къ первоначальному характеру Университета св. Владиміра. Энциклопедистъ по образованію, южнорусъ по происхожденію, москвичъ по воспитанію, бывшій своимъ человѣкомъ среди московскихъ литературныхъ кружковъ, истинный и благороднѣйшій представитель общерусской цивилизаціи; умъ свѣтлый, одинаково способный какъ къ блестящимъ, почти поэтическимъ обобщеніямъ, такъ и къ критическому анализу тонкому и микроскопическому... Едва-ли кто-нибудь другой былъ болѣе способенъ представить съ такой симпатической стороны русскую науку въ этомъ краѣ. Человѣкъ, оказавшій немаловажныя услуги такимъ разнообразнымъ отраслямъ наукъ, какъ ботаника и зоологія, исторія и археологія, словесность и филологія, во всякомъ случаѣ есть явленіе феноменальное. Онъ представилъ еще въ молодыхъ годахъ основательное и подробное изображеніе флоры Московской губерніи, по собственнымъ экскурсіямъ во всѣ концы этой губерніи, преподавалъ нѣсколько лѣтъ естественную исторію въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, ботанику въ университетѣ, хозяйственную ботанику и садоводство въ земледѣльческой школѣ, напечаталъ: „О системѣ растительнаго царства", „Главныя основанія общей зоологіи", „Органологію растеній", *), „Систематику растеній", поэтическія „Размышленія о природѣ" и въ то-же время „Малороссійскія пѣсни"; занимался одновременно исторіею просвѣщенія и изложилъ результаты этихъ занятій въ двухъ рѣчахъ: „О русскомъ просвѣщеніи" и „Объ участіи Московскаго университета въ просвѣщеніи Россіи". Перенеся свою дѣятельность въ Кіевъ, и развлекаемый обязанностями то декана, то ректора, онъ перешелъ къ совершенно новой области вѣдѣнія—къ филологіи и словесности и здѣсь оказался тотчасъ почти мастеромъ дѣла и уже тогда напечаталъ свой значительный трудъ — Исторію русской словесности. Человѣкъ этотъ во всякомъ случаѣ, говоримъ, есть поражающій обра-

*) Ботаника (по отзыву Г. Е. Щуровскаго) явилась, благодаря М—чу, въ первый разъ на Руси въ своемъ современномъ состояніи, со всѣми изслѣдованіями тогдашнихъ представителей науки Декандоля, Линка, Мирбеля и друг. Она имѣла такой успѣхъ, что Линкъ заимствовалъ изъ нея опредѣленія растеній въ свои Elementa philosophiae botanicae. М—чъ преподавалъ въ Московскомъ университетѣ пять лѣтъ ботанику безмездно.

зецъ славянской широкой даровитости, и до нѣкоторой степени повторяетъ типъ Ломоносова; но отличается отъ послѣдняго порывами къ синтезу знаній, къ попыткамъ стать для русскаго народа „Наумомъ" и уяснить „великій Божій міръ" во всей его цѣлости. Призванный въ Кіевъ насаждать русское просвѣщеніе на развалинахъ польскаго, онъ совмѣщалъ въ своемъ лицѣ цѣлый Университетъ, какъ говорятъ о Ломоносовѣ.

Максимовичъ, какъ сказано, явился въ Кіевъ преподавать русскую словесность. Такой скачекъ отъ ботаники и зоологіи въ наше время крайней спеціализаціи наукъ, можетъ показаться научнымъ авантюризмомъ. Въ тѣ времена было не то; профессора часто преподавали одновременно науки, не имѣющія между собою ничего общаго, потому что образованіе получалось и требовалось энциклопедическое. Но, разумѣется, менѣе даровитые, чѣмъ Максимовичъ, не достигали ни въ одной наукѣ силы и мастерства. Относительно Максимовича надо замѣтить, что онъ, переходя изъ Москвы въ Кіевъ, совершенно перешелъ и къ другой спеціальности, оставивъ первую; посвятилъ себя исключительно словесности и литературѣ, покинувъ естествовѣдѣніе. Онъ былъ тогда въ полной порѣ мужественныхъ силъ и потому не особенно удивительно, что въ новой спеціальности онъ успѣлъ сдѣлать столько-же, какъ и въ первой. Нужно замѣтить и то, что М—чъ поступилъ въ Московскій университетъ первоначально на словесный факультетъ, на которомъ и учился два года, увлекаясь Мерзляковымъ. Даже по окончаніи курса кандидатомъ на физико-математическомъ отдѣленіи, онъ опять слушалъ лекціи по словесности Давыдова и сошелся съ Шевыревымъ (хотя въ то-же время записался и на медицинскій факультетъ). Уже въ Москвѣ онъ былъ „литераторомъ" въ полномъ (тогдашнемъ) значеніи слова; издавалъ альманахи и журналы и сотрудничалъ въ чужихъ, велъ связи съ Жуковскимъ, по рекомендаціи котораго и былъ назначенъ въ Кіевъ, съ кн. Одоевскимъ; былъ главою литературныхъ кружковъ и самъ вызывалъ къ жизни новые литературные таланты (Кирѣевскихъ). Наконецъ и труды его по естествознанію, строго научные по содержанію, были художественными произведеніями по формѣ; „въ самомъ сухомъ трудѣ у него, какъ онъ говоритъ самъ, всегда обрѣталась *хмѣлинка поэзіи*" *).

*) Рус. Арх. 1874 г., стр. 1071.

Но, разумѣется, все это не создало-бы изъ него такого недюжиннаго филолога и историка литературы, если-бы не полная добросовѣстность и горячій трудъ, съ которымъ онъ взялся за дѣло. Началъ онъ преподаваніе съ сентября 1834 г. и, не надѣясь на себя, отправился со вступительною лекціею къ знаменитому Иннокентію (тогдашнему ректору Кіевской академіи), желая получить отъ него благословеніе и напутствіе на преподаваніе новой для него науки. На другой день Иннокентій прислалъ ему рукопись съ слѣдующею своею одобрительною рецензіею: „возвращаю отрывокъ будущаго прекраснаго зданія.... Самъ св. Владиміръ не усумнился-бы одобрить его къ изданію въ свѣтъ". Подобный одобрительный отзывъ объ этой вступительной лекціи далъ потомъ и Филаретъ Московскій, когда она была напечатана въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія *).

Университетская вступительная рѣчь „О значеніи и происхожденіи слова" (перепечатанная въ 1845 г. самимъ Максимовичемъ какъ введеніе къ „Русской рѣчи въ сравненіи съ западно-славянскою", а потомъ — какъ введеніе къ „Начаткамъ русской филологіи" въ собр. соч. М. М.) есть единственный, оставшійся намъ, подлинный образчикъ его академическаго краснорѣчія. По ней мы можемъ судить отчасти о томъ неотразимомъ вліяніи, какое производило его слово въ аудиторіи. Дѣйствительно не часто удается въ послѣдующей русской литературѣ встрѣтиться съ такими образцами истинно русскаго краснорѣчія, сущность котораго заключается не въ красотѣ фразы, а въ óбразахъ, живыхъ, не вымученныхъ, соединенныхъ при томъ съ серьезною и подчасъ глубокою мыслію. И теперь читатель испытываетъ на себѣ увлекающее вліяніе такихъ спокойно поэтическихъ и созерцательныхъ мѣстъ, каково напр. то мѣсто этой лекціи, гдѣ ораторъ говоритъ о способности природы выражаться пластическими и живописными образами; въ нашъ вѣкъ полнаго оскудѣнія академическаго краснорѣчія, такія вспышки поэзіи кажутся почти неумѣстными на ученой каѳедрѣ, съ которой нынѣ слышится лишь размѣренный монологъ „чтенія" научныхъ трактатовъ.

В. Я. Шульгинъ, самъ слушавшій Максимовича, даетъ слѣдующую, оцѣнку вліянія М. А. какъ преподавателя: „какъ преподава-

*) См. Рус. Арх. 1883 г., I.

тель, одаренный живою одушевленною рѣчью, онъ увлекалъ молодежъ университетскую. *Положительныхъ знаній изъ лекцій его выносили студенты мало*, но такими лекціями, каковы, наприм., всѣмъ памятныя лекціи его о народной поэзіи и словѣ о полку Игоря и его замѣчательные критическіе разборы авторовъ, онъ умѣлъ внушить слушателямъ любовь къ прекрасному и дѣйствовать на эстетическое развитіе молодыхъ людей. Въ этомъ и заключается великая заслуга М—ча для молодого Университета, гораздо болѣе плодотворная и въ то время необходимая, чѣмъ огромная, но сухая эрудиція. Къ сожалѣнію, не владѣя иностранными языками, онъ не могъ знакомить слушателей съ произведеніями западной словесности, для которой, впрочемъ, не было особенной каѳедры. М—чъ не былъ теоретикомъ въ строгомъ смыслѣ слова. Высказанныя имъ въ первыхъ лекціяхъ предварительныя теоретическія понятія о словесности, быть можетъ и не удовлетворяли правиламъ строго логическаго построенія, но одушевленность и жизненность изложенія увлекала студентовъ... За теорію онъ никогда и не брался, возлагая этотъ трудъ на своихъ адъюнктовъ“ *). Здѣсь есть какое-то недоразумѣніе: быть можетъ историку казались самые факты такой науки, какъ исторія словесности, недостаточно положительными. Изо всего, что́ напечатано Максимовичемъ по русской словесности, можно легко убѣдиться, что знанія фактическія, положительныя стояли у него на первомъ планѣ, и что въ простомъ краснобайствѣ его упрекнуть нельзя.

Для подкрѣпленія нашей мысли мы должны ознакомиться съ тѣмъ, *что́* преподавалъ М—чъ своимъ слушателямъ, по скольку это можно уловить изъ оставленныхъ имъ слѣдовъ въ литературѣ. Въ уставѣ та каѳедра, на которую былъ призванъ Максимовичъ, была обозначена весьма неопредѣленно: „россійская словесность“. Еще бо́льшую неопредѣленность получалъ этотъ предметъ въ слѣдствіе спеціальныхъ особенностей Кіевскаго университета; въ немъ собралось первоначально юношество въ огромномъ большинствѣ не русскаго происхожденія, или вовсе не учившееся, или плохо учившееся русскому языку (наравнѣ съ англійскимъ). Преподавателю словесности приходилось обратиться въ элементарнаго учителя русскаго языка. Были установлены особые часы

*) Ист. Унив. св. Владиміра, стр. 122.

для разбора образцовъ лучшихъ русскихъ писателей и на ряду съ ними—студенческихъ упражненій. Даже русскимъ слушателямъ былъ вовсе незнакомъ новый литературный русскій языкъ, какъ свидѣтельствуетъ о себѣ уроженецъ юго-западнаго края (хотя и русскій) О. М. Новицкій.

Независимо отъ этого, по научному составу, каѳедра Максимовича была чрезвычайно обширна; до назначенія ему адъюнкта, онъ долженъ былъ читать и филологію (русскую и славянскую), и теорію словесности и исторію литературы. Ни одна изъ этихъ наукъ въ то время не только не достигала совершенства, но, можно сказать, не была начата. Первое—научное основаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ отчасти положено въ русской литературѣ именно Максимовичемъ. Что касается до исторіи русской литературы, то вотъ доказательство тому: Максимовичъ уже въ 1838 г. началъ печатаніе своего курса: „Исторія древней русской словесности", а въ 1839 г. окончилъ его и выпустилъ въ свѣтъ. Въ критическомъ разборѣ этого сочиненія, помѣщенномъ въ Отечеств. Запискахъ 1840 г. (т. IX, № 4), между прочимъ, доказывалось, что никакой литературы у насъ до Петра Великаго не было, а въ заключеніи даже выходило, что литература началась собственно съ Карамзина; слово о полку Игоревѣ обзывали тамъ „безобразнымъ и несчастнымъ произведеніемъ", и не хотѣли принять его „за дѣйствительный и достовѣрный памятникъ" *). Критика-же Отечеств. Зап. царила тогда надъ мнѣніемъ публики и можетъ быть признана за послѣдній выводъ тогдашнихъ воззрѣній на исторію древней русской словесности.

Максимовичу принадлежитъ первому честь научнаго открытія народной русской словесности; онъ самъ былъ первымъ собирателемъ малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ; по его-же иниціативѣ направилъ въ эту сторону свою дѣятельность лучшій собиратель великорусскихъ пѣсенъ—И. В. Кирѣевскій. По свидѣтельству Шульгина, именно лекціи М. А. М—ча о народной словесности производили особое впечатлѣніе на слушателей. Слѣдуетъ полагать, что въ этомъ обращеніи къ народному творчеству заключалось главное удѣльное значеніе М—ча и внутренняя причина его обаянія въ отношеніи къ слушателямъ (не-

*) См. сочин. М. А. Максимовича, т. III, Кіевъ, 1880 г. (отвѣтъ Максимовича).

зависимо отъ поэтической формы лекцій). Именно поэтому онъ обратился въ спеціальнаго истолкователя „слова о полку Игоревѣ“.

Что касается до другой науки, входившей въ составъ каѳедры М—ча, филологіи, то доказательствомъ его знаній въ этой наукѣ и вмѣстѣ показателемъ того, чтó онъ преподавалъ, служатъ извѣстные „Начатки русской филологіи“. И эта область знаній получила особое значеніе въ Кіевскомъ университетѣ. Въ аудиторіи М—ча сталкивались двѣ враждующія славянскія націи, дошедшія до полнаго забвенія о единствѣ своего происхожденія. Въ рукахъ преподавателя филологіи находилось наилучшее средство умственнаго воздѣйствія на умиротвореніе этой вражды, во чтó тогда такъ вѣрили, и чтó положено было въ основаніе Университета св. Владиміра гр. Уваровымъ. Даже Чацкій находилъ не излишнимъ общеславянское языкознаніе, хотя совсѣмъ съ другими цѣлями, какъ мы видѣли выше. Максимовичъ, не имѣя научнаго филологическаго образованія, понялъ, однако, въ этомъ отношеніи свою задачу именно въ смыслѣ общеславянской филологіи, для которой тогда едва намѣчены были первыя черты въ произведеніяхъ западныхъ славистовъ. Не наше дѣло входить въ научную оцѣнку филологическихъ „признаковъ“ М—ча. Мы должны отмѣтить его, какъ одного изъ первыхъ по времени русскихъ славяновѣдовъ. По отзыву В. И. Даля, „почти все, что М. А. Максимовичъ говоритъ о распредѣленіи нарѣчій, вѣрно; онъ владѣетъ завидною способностію схватывать по немногимъ даннымъ отличительные признаки нарѣчій и подводить ихъ подъ граматическія правила“.

Занимаясь исторіею русской литературы и русскаго языка, М—чъ невольно вовлеченъ былъ въ самостоятельныя изслѣдованія по русской исторіи. Въ этой области онъ не создалъ ничего цѣльнаго и ничего такого, чтó указало-бы ему опредѣленное мѣсто среди дѣятелей, производившихъ поворотъ въ этой наукѣ. Не примѣняя къ исторіи своихъ конструктивныхъ, зиждительныхъ силъ ума, онъ ограничился болѣе скромною ролью, въ которой выразилась другая сторона его способностей, именно точный фактическій анализъ; въ этой области онъ преимущественно ограничился критикою; фактическіе промахи, которыми такъ часто обезображиваются труды самыхъ видныхъ и вліятельныхъ русскихъ историковъ, находили въ Максимовичѣ неизбѣжнаго и строгаго справщика. Это испытали на себѣ М. П. Погодинъ, Н. И.

Костомаровъ, Кулишъ, Скальковскій и др. Вѣдалъ онъ преимущественно древнюю и малорусскую исторію, не касаясь московскаго государства. Дѣлая свои критическія замѣчанія, М—чъ въ то-же время сообщалъ такую массу цѣнныхъ и новыхъ свѣдѣній, что становится прискорбно и непонятно, почему онъ не посвятилъ своего долгаго досуга (послѣ отставки) на труды по исторіи болѣе цѣльные. Не всегда, впрочемъ, въ своихъ замѣткахъ, М — чъ ограничивался корректурою отдѣльныхъ фактовъ, поправкою личныхъ именъ и датъ; иногда споръ шелъ о самыхъ коренныхъ и руководящихъ вопросахъ русской исторіи.

Въ сочиненіяхъ, относящихся къ русской исторіи, выразились задушевныя убѣжденія М—ча, какъ гражданина. Истинный источникъ теплоты его маленькихъ изслѣдованій по сухимъ предметамъ есть искреняя и глубокая любовь къ своему народу и отечеству. Въ немъ горячее поклоненіе быту, языку и устройству Малороссіи соединялось съ такою-же неподдѣльною любовію къ цѣлой Руси. Въ первомъ письмѣ къ Погодину о Богданѣ Хмельницкомъ, своемъ любимомъ героѣ, М—чъ замѣчаетъ: „Сладко окунуться въ волнахъ минувшаго бытія, когда бываешь утомленъ и запыленъ дѣйствительностію современною... Широко раздолье по всей земли, глубоки омуты Днѣпровскіе... Обо всемъ, что̀ относится къ жизни Москвы и Великой Руси, ты говорилъ всегда съ такимъ живымъ разумѣніемъ и чувствомъ русской души; говори-же мнѣ о нашемъ Богданѣ, глядя на великій подвигъ его съ твоей *Московской* стороны; пусть увижу я—въ чемъ полагаешь ты различіе этой стороны отъ нашей *Кіевской*... Я думаю, что мой кіевскій взглядъ на Богдана сойдется съ твоимъ московскимъ—*въ одно русское воззрѣніе*, такъ-же, какъ Московская и Кіевская Русь—двѣ стороны одного русскаго міра, надолго разрозненныя и даже противостоявшія другъ другу, сошлись *воедино* усиліями Богдана... Положено было тогда счастливое начало великому историческому дѣлу—возсоединенію всей *Владиміровой Руси*". Еще лучше выражено политическое исповѣданіе М. А. Максимовича въ слѣдующихъ словахъ его: „у васъ (въ Великороссіи) многіе смотрятъ на всю русскую землю съ москворѣцкой высоты Ивана Великаго; здѣсь (въ Малороссіи) иные глядятъ на нее съ запорожской, поэтической Саворъ-могилы; моя точка зрѣнія на всю единую русскую землю надъ Днѣпромъ съ высоты Старо-Кіевской, съ холма св. Андрея Первозваннаго".

Мы занялись этою (исторической) стороною дѣятельности Максимовича, повидимому, не кстати; она не относится къ его университетской каѳедрѣ и притомъ большею частію принадлежитъ къ той эпохѣ жизни Мак—ча, когда онъ уже оставилъ Университетъ и уединился на свою поэтическую Михайлову гору. Но своими историческими работами внѣ Университета Мак—чъ продолжалъ исполненіе главныхъ задачъ Университета св. Владиміра, который въ его взглядѣ на Русь и ея исторію можетъ видѣть завѣтъ своего перваго ректора и перваго профессора. Университетъ не долженъ считать случайностію, что въ самомъ началѣ его ему дано судьбою такое живое воплощеніе его задачъ. Въ лицѣ Мак—ча позднѣйшія университетскія поколѣнія могутъ найти вмѣстѣ и образцовый типъ человѣка, который можетъ внести миръ и мужество въ души людей, измученныхъ и ослабленныхъ вѣчнымъ умственнымъ и моральнымъ трудомъ и зрѣлищемъ борьбы сложныхъ переплетающихся интересовъ, убѣжденій и страстей. Вѣчно юный, свѣтлый, поэтическій образъ М—ча, даже въ эпоху старчества и отшельничества, освѣжаетъ энергію и вѣру въ жизнь.

Тайна обаянія М—ча какъ профессора, писателя и ученаго скрывается въ личныхъ чертахъ его характера. Это былъ человѣкъ не только богато одаренный, но и высокой нравственной пробы, симпатичный, отзывчивый, сердечный, съ постоянною поэтическою стрункою въ рѣчи и обращеніи съ людьми. Этимъ объясняется, что не однѣ дамы, которыхъ онъ былъ постояннымъ любимцемъ, но люди разныхъ возрастовъ и положеній, весьма серьезные, иногда самые несообщительные и мрачные, становились неизмѣнными друзьями его. Если собрать изъ „альбома“ М—ча всю вереницу этихъ лицъ, то мы увидимъ передъ собою большую коллекцію маленькихъ и великихъ представителей русской интеллигенціи отъ 1824 по 1873 годъ (Мак—чъ ум. 10 ноября 1873 г.); тутъ встрѣчаемъ: кн. Одоевскаго, А. П. Елагину, Надеждина, Шевырева, Кирѣевскихъ, Языкова, Иннокентія, Жуковскаго, Бенедиктова, Е. Ѳ. Тимковскаго, Ап. Майкова и друг. До какой степени симпатическое обаяніе этого характера было велико, показываетъ случай встрѣчи его съ акад. Я. К. Гротомъ, когда Макс—чъ уже одною ногою стоялъ въ гробу, именно въ 1872 году; дѣлая мимолетную замѣтку объ этой встрѣчѣ, Я. К. Гротъ отмѣчаетъ: „какой сим-

патическій человѣкъ — Максимовичъ"! А „старое, по старой русской пословицѣ, одышливо, не добро, не сдружливо".

Заслуги М. А. Максимовича, какъ преподавателя, возвышаются тѣмъ, что во время дѣятельности его въ Университетѣ св. Владиміра, онъ не былъ счастливъ въ своихъ адъюнктахъ. И въ этомъ самъ онъ отнюдь не виноватъ: „попечитель (говоритъ онъ) не хотѣлъ принять мнѣ въ адъюнкты желанныхъ мною людей, ни Чистякова, ни Тарновскаго. Оба были извѣстные мнѣ кандидаты Московскаго университета". Тарновскаго рекомендовалъ Мак—чу Н. В. Гоголь (товарищъ и другъ Тарновскаго) какъ человѣка, который, при полной независимости состоянія и даже богатствѣ, изъ чистой любви къ дѣлу, поступилъ учителемъ въ Житомірскую гимназію. Гоголь писалъ Мак—чу: „есть нѣкто, мой соученикъ, чрезвычайно добрый малый и очень преданный наукѣ, нельзя-ли его какъ нибудь перетащить въ Университетъ"? Мак—чъ обрадовался и предложилъ Тарновскому мѣсто адъюнкта по своей каѳедрѣ. Гоголь по этому поводу писалъ: „Тарновскій идетъ по исторіи, а потому не знаю, согласится-ли онъ перемѣнить предметъ. Что-же касается до его качествъ и души, то... онъ добръ и свѣжъ чувствами какъ дитя, слегка мечтателенъ и всегда съ самоотверженіемъ... Я знаю по собственному опыту, что̀ значитъ имѣть при университетѣ однимъ больше благороднаго человѣка" *). Но Брадке, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, отказалъ принять въ Университетъ какъ Тарновскаго, такъ и Чистякова. О первомъ изъ адъюнктовъ М. А. Мак—ча *Н. П. Голубковѣ* (1836 — 1837 г.) В. Я. Шульгинъ выражается такъ: „Голубковъ прошелъ, въ свое короткое однолѣтнее пребываніе въ Университетѣ, вовсе незамѣченнымъ и памятенъ только совершенною неспособностію въ преподаваніи" **). Оставляемъ этотъ отзывъ на отвѣтственности Шульгина, не имѣя никакихъ данныхъ для провѣрки его. Слѣдующій затѣмъ адъюнктъ Максимовича, *В. И. Красовъ* (1837 — 1838 г.) великоруссъ (Вологодской губерніи) и изъ духовнаго званія, бывшій предъ тѣмъ учителемъ словесности въ Черниговской гимназіи, оказался поэтомъ по призванію, а не профессоромъ. Вопреки тому типу профессоровъ великоруссовъ изъ духовнаго

---

*) См. письма Гоголя къ Тарновскому въ „Кіев. Стар." 1883 г., мартъ.

**) Ист. Университета св. Владиміра, стр. 123.

званія, какой будетъ опредѣленъ ниже, онъ пренебрегъ трудъ, полагаясь лишь на одно поэтическое вдохновеніе, которое не всегда выручало его на каѳедрѣ и окончательно измѣнило ему на докторскомъ диспутѣ въ 1839 г., послѣ чего онъ и оставилъ Университетъ. Тотъ и другой изъ этихъ адъюнктовъ излагали теорію краснорѣчія и слѣдовательно не облегчали Мак—ча въ его главныхъ занятіяхъ по исторіи литературы и филологіи.

Другой поэтъ, но гораздо болѣе знаменитый, Н. В. Гоголь претендовалъ также на каѳедру во вновь учрежденномъ Университетѣ, именно на каѳедру исторіи. Но, вѣроятно, Уваровъ понималъ, что исполненіемъ этого желанія онъ оказалъ-бы плохую услугу какъ Университету, такъ и самому Гоголю. За то впослѣдствіи Гоголь отзывался, что Кіевскій университетъ наполнили всякимъ сбродомъ. Такой отзывъ отнюдь не примѣняется къ его конкуренту по каѳедрѣ исторіи. Еще раньше прибытія въ Кіевъ Максимовича, прибылъ сюда изъ Харькова (21 апр. 1834 г.) *Влад. Францовичъ Цыхъ*, назначенный экстра-ординарнымъ профессоромъ всеобщей исторіи въ Университетѣ св. Владиміра. Не смотря на свое чешское или, можетъ быть, венгерское происхожденіе, Цыхъ былъ уроженцемъ Малороссіи (Харьковской губ.) и совершенно русскимъ по натурѣ. Окончивши курсъ въ Харьковскомъ университетѣ, онъ началъ тамъ-же свою преподавательскую дѣятельность съ 1831 года и въ томъ-же университетѣ получилъ степень магистра въ 1833 году. Магистерская диссертація его носитъ заглавіе: „Разсужденіе о способѣ преподаванія исторіи" (Харьковъ, 1833 г.). По свидѣтельству Е. Ѳ. Брадке, „въ Харьковѣ, гдѣ Цыхъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ, его ненавидѣли и дѣлали ему непріятности за его строгія правила. Тамъ въ короткое время смѣнилось три попечителя, изъ которыхъ первый и послѣдній были очень привержены къ церкви, а второй явно безбожничалъ. Преподаватели мѣняли свои убѣжденія сообразно убѣжденію начальниковъ. Это такъ подѣйствовало на Цыха; что онъ сталъ рѣшительно презирать человѣчество и пришелъ къ убѣжденію, что всѣ люди льстецы и притворщики" *). Въ Кіевѣ онъ тотчасъ-же былъ обремененъ разнообразными административными занятіями: былъ визитаторомъ училищъ, членомъ училищнаго

*) „Автобіограф. зап. Е. Ѳ. Брадке" въ Русск. Арх. за 1875 г.

совѣта, деканомъ 1 отдѣленія философскаго факультета. Въ этомъ отношеніи онъ совершенно отличался отъ Максимовича и обнаружилъ несомнѣнныя административныя способности. Когда Максимовичъ отказался отъ ректорства, на его мѣсто былъ избранъ Цыхъ. На этомъ почетномъ посту онъ вполнѣ обнаружилъ тѣ административныя качества, которыя такъ рельефно выставляетъ на видъ его сослуживецъ О. М. Новицкій въ своей надгробной рѣчи, а за нимъ повторяетъ тоже В. Я Шульгинъ, а именно: скромность въ отношеніи къ товарищамъ, отсутствіе властолюбія въ отношеніи къ подчиненнымъ и неутомимую дѣятельность. „Онъ любилъ, говоритъ О. М. Новицкій, показать власть свою только тогда, когда нужно было сдѣлать кому-либо добро". Дѣятельность безъ устали и отдыха быстро ускоряла разрушеніе его слабаго здоровья и приготовляла ему преждевременную смерть. Въ приведенныхъ отзывахъ мы не должны видѣть естественное преувеличеніе похвалъ, свойственное надгробнымъ рѣчамъ: обстоятельства жизни новаго Университета были таковы, что честный человѣкъ, взявшійся быть ректоромъ, почти и не могъ поступать иначе. „Въ одинъ и тотъ-же день, говорилъ надъ гробомъ его тотъже ораторъ, являлся онъ и на ученой каѳедрѣ одушевленнымъ повѣствователемъ событій давно минувшихъ,—и ближайшимъ сотрудникомъ, правою рукою нашего попечительнаго начальника (Брадке) въ дѣлахъ управленія учебнымъ округомъ. Въ одинъ и тотъ-же день участвовалъ онъ и въ розысканіяхъ священныхъ останковъ нашего древняго града (въ качествѣ члена коммиссіи о розысканіи древностей), и въ соображеніяхъ для построенія новаго храма наукъ (тогда составлялись проэкты и смѣты постройки новаго зданія для Университета). Въ одинъ и тотъ-же день рѣшалъ ученыя дѣла въ совѣтѣ Университета и вникалъ во всѣ его потребности и отношенія хозяйственныя. Не было предмета въ многосложной должности ректора, на который-бы онъ не обращалъ полнаго вниманія своего; но, вникая во всѣ подробности дѣлъ, отъ него зависѣвшихъ, не желалъ онъ возлагать бремени трудовъ своихъ на другихъ, а бремя чужое нерѣдко воспринималъ на самого себя" *). Самъ попечитель Брадке въ своей автобіографіи говоритъ о Цыхѣ слѣдующее: „Тогда у меня не было рѣшительно ни

*) Рѣчи надъ гробомъ Цыха, стр. 20—21.

одного человѣка, на котораго я могъ-бы положиться и я сильно разсчитывалъ на помощь Цыха во множествѣ тогдашнихъ дѣлъ моихъ. Онъ мнѣ очень понравился и я поручилъ ему тотчасъ по его прибытіи массу дѣлъ, которыя онъ охотно на себя принялъ". Переѣзжая изъ изъ Харькова, „Цыхъ намѣревался ограничиться одною профессурою и отклонять отъ себя всѣ постороннія дѣла, но онъ увлекся моимъ энтузіазмомъ къ учебному вѣдомству. Цыхъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ былъ откровененъ и прямъ; все, что онъ говорилъ, было прямо и чуждо двуязычія. Возложенное на него онъ исполнялъ осмотрительно и быстро" *). Въ тѣ времена управленіе Университетомъ, поистинѣ было трудомъ тяжкимъ; и напрасно М. А. Максимовичъ говоритъ, что послѣ него могъ быть ректоромъ всякій; далеко еще не все приведено было въ нормальный ходъ даже со стороны внѣшней, хозяйственной, не говоря о внутренней учебно-воспитательной. Сверхъ того въ началѣ ректорства Цыха и управленіе округомъ въ самой важной части, т. е. учебной было возложено еще на совѣтъ, или точнѣе — на ректора; надзоръ за студентами не былъ еще такъ рѣзко отдѣленъ отъ ректорскаго и совѣтскаго управленія, какъ въ послѣдствіи.

Все это должно было для Цыха соединяться съ преподаваніемъ такой неисчерпаемой науки, какова всеобщая исторія. Свои воззрѣнія на способъ преподаванія этой науки Цыхъ выразилъ въ магистерской диссертаціи и потомъ старался осуществить ихъ въ преподаваніи. По его взгляду, исторія „есть наука, изображающая теченіе нравственной жизни рода человѣческаго, какъ индивидуально, такъ и по народамъ и относительно всего рода человѣческаго". Изъ этого не слѣдуетъ, что его интересовала одна нравственно-общественная сторона человѣческаго развитія; напротивъ, по его-же словамъ, исторія должна быть πανμάθεσις (всенаукою) относительно предшествующихъ періодовъ жизни человѣчества. Раздѣляя ее на „исторію произшествій и исторію внутреннюю", онъ относилъ къ послѣдней картину развитія „главныхъ элементовъ человѣчества" (религіи, гражданственности, образованія) и второстепенныхъ (быта военнаго, торговли, промышленности и быта общественнаго). При такой всеобъемлющей широтѣ пониманія исторіи, центральнымъ пунктомъ науки остается, однако, развитіе нравственной при-

*) Рус. Арх. 1875 г., 283.

роды человѣка; въ слѣдствіе чего она является не сухою доктриною, имѣющею въ виду лишь накопленіе свѣдѣній въ памяти учащихся, а высокимъ орудіемъ гуманнаго и гражданскаго воспитанія. По словамъ Цыха, „истинный преподаватель исторіи въ университетѣ долженъ имѣть гуманное настроеніе духа, быть *прежде всего человѣкомъ, а потомъ гражданиномъ извѣстнаго общества*“ (кромѣ общихъ требованій знакомства съ источниками науки, съ современными воззрѣніями на науку и стройнаго изложенія событій въ органической связи ихъ). Такое пониманіе задачъ исторіи вообще не часто встрѣчалось тогда въ русскихъ университетахъ и литературѣ и должно было имѣть особенное, весьма важное значеніе въ Университетѣ св. Владиміра. Примирять гуманное (космополитическое) направленіе съ національнымъ было весьма не легко на такой почвѣ жгучей борьбы національныхъ интересовъ, какую представлялъ тогда западный край Россіи; то была задача сколько тяжелая, столько-же и важная. Такое направленіе науки, несомнѣнно, должно было дѣйствовать на слушателей, хотя и медленно, успокоивающимъ и отрезвляющимъ образомъ. Но могъ-ли выполнить профессоръ такую грандіозную задачу по своимъ духовнымъ силамъ и какъ въ дѣйствительности онъ выполнялъ ее? Современники отмѣтили, какъ выдающуюся черту способностей Цыха— его замѣчательную память (условіе первой важности для историка): „его память, говоритъ О. М. Новицкій, почти необыкновенная по своей обширности и крѣпости, богата была познаніями многообразными; но всего болѣе это были живыя страницы всемірной исторіи съ ея неисчисленными подробностями событій вѣковыхъ“. Затѣмъ тотъ-же ораторъ отмѣтилъ „воображеніе его вѣрное, роскошное и мощное умѣло представить излагаемые имъ предметы съ удивительною отчетливостію и ясностію, событіямъ давно минувшимъ сообщать видъ новой жизни и самыя утомительныя подробности происшествій дѣлать пріятными и занимательными для слушателей“. Но насчетъ силы ума, т. е. способности концепціи историческихъ событій, показанія расходятся. О. М. Новицкій говоритъ: „его умъ, проницательный и зоркій, съ особенною силою и легкостію нисходилъ до сокровеннѣйшихъ начатковъ историческихъ происшествій, развивалъ нить ихъ съ такою вѣрностію, какъ-бы непосредственный свидѣтель ихъ и преслѣдовалъ результаты ихъ самые отдаленные“. Иную характеристику даетъ этой черты В. Я.

Шульгинъ. „Владѣя огромною памятью и эрудиціею, Цыхъ не имѣлъ ясности и живости историческаго созерцанія. Бойко владѣя языкомъ, въ плавной одушевленной рѣчи Цыхъ передавалъ слушателямъ всю массу своихъ свѣдѣній, часто не умѣя совладѣть съ громадностію своего знанія, и потому невольно наводилъ на мысль объ отсутствіи въ немъ самостоятельной энергіи". Доказательствомъ этой послѣдней мысли, историкъ Университета считаетъ слѣдующее: „любимыхъ историческихъ явленій и личностей у Цыха не было"; но изъ такого отзыва очевидно, что Цыхъ излагалъ исторію съ полною объективностію или, проще, безпристрастіемъ. Достойно удивленія, что лучшій изъ его преемниковъ по каѳедрѣ (Шульгинъ) видитъ въ этой объективности признакъ недостатка самостоятельности, и, лишь, въ видѣ нѣкоторой похвалы, отмѣчаетъ, что „у Цыха можно было замѣтить только, что онъ былъ врагъ клерикализма"... Профессору всемірной исторіи, предметомъ симпатіи котораго долженъ быть родъ человѣческій, не слѣдовало-бы упрекать другаго профессора за то, что онъ не становится каждый разъ членомъ партіи и не разитъ донкихотовскимъ мечемъ давно исчезнувшихъ враговъ ея.

Какого рода моральное и образующее вліяніе производило преподаваніе Цыха на слушателей? Не одинъ внѣшній даръ изложенія, не одна обширность и живость сообщаемыхъ фактовъ покоряли профессору вниманіе его пестрой аудиторіи: „Университетъ гордился Цыхомъ, какъ лучшимъ изъ своихъ преподавателей; у всѣхъ слушателей, безъ различія народныхъ предубѣжденій, онъ пользовался громаднымъ уваженіемъ" *), говоритъ Шульгинъ, но тутъ-же прибавляетъ, что не было будто-бы той симпатіи между слушателями и профессоромъ, о которой онъ взывалъ въ своей вступительной лекціи; она замѣнялась холоднымъ „уваженіемъ". Но если-бы Цыхъ явился на каѳедрѣ проповѣдникомъ одной изъ современныхъ теорій историко-публистическаго характера, то безъ сомнѣнія создалъ-бы себѣ школу исключительныхъ поклонниковъ, излюбленныхъ учениковъ (а равно и враговъ). Цыхъ не успѣлъ (говорятъ) приготовить ни одного спеціалиста; но какъ можно требовать приготовленія спеціалистовъ отъ профессора, преподававшаго лишь 3 года? Въ короткій срокъ своего преподаванія Цыхъ достигъ

---

*) Исторія Университета, стр. 127.

именно того, что было въ человѣческихъ силахъ, т. е. общаго *уваженія* слушателей всѣхъ національностей, уваженія, которое переходило съ лица преподавателя на самую науку и на новый Университетъ. Здѣсь польская молодежь въ первый разъ научилась „уважать“ представителя чуждой національности, по силѣ одного внутренняго побужденія; здѣсь въ первый разъ она слышала изложеніе дѣйствительныхъ судебъ рода человѣческаго, съ высоты которыхъ участь отдѣльныхъ націй является относительною; отъ своихъ польскихъ историковъ она всегда выслушивала или патріотическія воззванія, или подобранные и украшенные образцы политическаго геройства древней Греціи и Рима. Мы имѣемъ право утверждать, что безпристрастно объективнымъ и художественнымъ изложеніемъ исторіи, Цыхъ дѣйствительно оставилъ глубокій слѣдъ въ нравственной природѣ не только своей аудиторіи, но и всѣхъ окружающихъ. Этому помогали и личныя достоинства его, какъ человѣка.

Его жизнь и кончина въ университетскихъ преданіяхъ покрываются нѣсколько мистическою дымкою, которая не вполнѣ раскрывается и въ напечатанной нынѣ автобіографіи Е. Ѳ. фонъ-Брадке, который разсказываетъ о Цыхѣ съ горячею любовію для поученія своихъ дѣтей. „Я все больше и больше къ нему привязывался, и отношенія наши пріобрѣтали характеръ взаимнаго довѣрія. Онъ сталъ раскрывать передо мною свое внутреннее состояніе“. Далѣе повѣтствователь передаетъ, что Цыхъ, мучимый религіозными сомнѣніями, повѣрялъ ихъ Брадке и что за нѣсколько дней до кончины (на страстной недѣлѣ 1837 г.) вышелъ изъ этой борьбы на путь глубокой и искренней набожности. Черта, показывающая серьезность и искренность натуры Цыха. „Въ день Пасхи, продолжаетъ разсказывать Е. Ѳ. Брадке, я ѣхалъ съ поздравленіемъ къ генералъ-губернатору, какъ повстрѣчался мнѣ профессоръ Новицкій, остановилъ меня и рыдая объявилъ, что Цыхъ скончался. Около двухъ часовъ ночи сдѣлался съ нимъ сильный припадокъ; немедленно послали за докторомъ и за жившими по близости профессорами, которые сейчасъ-же объявили, что спасеніе невозможно. Смерть его была легка; въ послѣднія минуты онъ радостно повторялъ, что охотно разстается съ жизнью и исповѣдывалъ твердую вѣру въ Господа и Спасителя. Тутъ узнали, что уже нѣсколько лѣтъ онъ ничего не могъ ѣсть, что онъ долго лечился противъ

этой болѣзни, но безуспѣшно. (Вотъ печальная, но прозаическая разгадка того, что́ О. М. Новицкій, а съ его словъ В. Я. Шульгинъ приписали Цыху сверхъестественную способность не ѣсть по цѣлымъ днямъ ради сохраненія свѣжести головы при административныхъ и ученыхъ трудахъ). Смерть Цыха была незамѣнимою утратою для Университета. Всѣ его очень любили и уважали. Своимъ энергическимъ характеромъ, тактомъ и пріятнымъ обращеніемъ, снискалъ онъ себѣ рѣшительное нравственное вліяніе на своихъ товарищей. Похороны его показали, какъ цѣнили его и внѣ Университета. Епископъ Иннокентій самъ выразилъ желаніе отпѣвать его съ своимъ духовенствомъ; къ отпѣванію явились генералъ Ридигеръ съ своимъ штабомъ и всѣ власти. Университетъ былъ глубоко опечаленъ; и до сихъ поръ еще въ Университетѣ помнятъ и цѣнятъ Цыха" *).

21-го апрѣля 1834 г. онъ прибылъ въ Кіевъ, 21-го апрѣля 1837 года на Пасхѣ его погребли на Аскольдовой могилѣ, среди красивой мѣстности надъ Днѣпромъ, среди ликующей весенней природы и при веселыхъ звукахъ пасхальнаго пѣнія. Что касается до надгробныхъ рѣчей, то одну изъ нихъ мы уже приводили въ выдержкахъ. Это рѣчь О. М. Новицкаго; другая принадлежитъ извѣстному польскому литератору — профессору Университета св. Владиміра Корженевскому и, если отбросить нѣкоторыя погребальныя украшенія, носитъ явные слѣды искренности. Восхваливъ въ ней глубокія знанія, профессорскій талантъ и трудолюбіе Цыха, ораторъ утверждаетъ, что его преемнику, какихъ-бы дарованій онъ ни былъ, предстоитъ весьма трудная задача. Прежде чѣмъ исчезнетъ серія учениковъ, слушавшихъ его, придется бороться съ ихъ воспоминаніями и ихъ признательностію, и даже потомъ предстоитъ считаться съ преданіями, которыя долго живутъ въ общественныхъ училищахъ и которыя замѣстить такъ трудно **). И дѣйствительно память Цыха до сихъ поръ живетъ въ стѣнахъ Университета, принимая даже нѣсколько миѳическій оттѣнокъ, хотя именно въ нашемъ Университетѣ почва весьма неблагопріятна для сохраненія твердыхъ традицій. Кромѣ профессоровъ О. М. Новицкаго и Корженевскаго, говорили два студента: полякъ Красовскій (стихи) и русскій

*) Автоб. Зап. Е. Ѳ. фонъ-Брадке. Рус. Арх. 1875 г.

**) Рѣчи надъ гробомъ Цыха, стр. 26—27.

Потаповичъ (прощальное слово). И тутъ слышится неподдѣльная искренность, доказывающая въ студентахъ не одно сухое уваженіе, но и горячую симпатію къ покойному профессору. Одинъ изъ юныхъ ораторовъ отмѣтилъ доброту его сердца, прямоту и снисходительность, и, обращаясь къ умершему, заключилъ: „желаніе послѣднихъ дней благодѣтельной жизни твоей, *оставить по себѣ неукоризненную память человѣка честнаго,* исполнится". Одинокій, безъ семьи и родственниковъ, онъ создалъ себѣ семью изъ Университета и умеръ тружеником и анахоретомъ науки. И эта черта вліяла на его слушателей, быть можетъ, не менѣе лекцій и ректорскихъ трудовъ.

Долго, весьма долго потомъ каѳедра всеобщей исторіи не имѣла подобнаго представителя. Предсказанія Корженевскаго сбылись во всей полнотѣ: преемнику Цыха *А. И. Ставровскому* трудно было бороться съ симпатіями аудиторіи къ его предшественнику. Слѣдуетъ замѣтить, что въ распоряженіи Ставровскаго не было и достаточныхъ силъ для такой борьбы. Сынъ священника Новгородской губерніи и воспитанникъ педагогическаго института, онъ прибылъ въ Университетъ еще при Цыхѣ (въ 1836 г.) и началъ преподаваніе въ качествѣ исправляющаго должность адъюнкта и съ тѣхъ поръ 30 лѣтъ занималъ каѳедру. Такимъ образомъ оцѣнка его профессорской дѣятельности была-бы преждевременна на этихъ первыхъ страницахъ исторіи Университета; съ его дѣятельностію мы познакомимся по частямъ впослѣдствіи, на сколько она отразится на этой исторіи.

Выше было сказано, что по уставу 1833 г. русская исторія, не составляя отдѣльной каѳедры, была лишь частію каѳедры всемірной исторіи. Преподаваніе ея должно было начаться послѣ курса всемірной исторіи (для студентовъ старшихъ курсовъ). Цыхъ, не имѣвшій до 1836 г. адъюнкта, не могъ приступить къ этой наукѣ; да едва-ли бы и въ силахъ былъ одинъ человѣкъ присоединить къ другимъ непосильнымъ трудамъ еще и этотъ. Когда-же былъ назначенъ А. И. Ставровскій, то въ $183^{6}/_{7}$ учебнаго году онъ началъ преподаваніе русской исторіи по Устрялову.

Хотя Ставровскому приходилось и потомъ не разъ преподавать русскую исторію въ Университетѣ (по случаю частныхъ пробѣловъ въ преемствѣ спеціалистовъ); но не ему принадлежитъ честь основанія этой науки въ нашемъ Университетѣ. Вскорѣ (т. е. въ 1837 г.), С. С.

Уваровъ, посѣтившій Кіевъ, намѣтилъ преподавателя 1-й Кіеской гимназіи *Вас. Ѳед. Домбровскаго* и вызвалъ его въ Петербургъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ русской исторіи подъ руководствомъ Устрялова, а затѣмъ назначилъ его адъюнктомъ въ Университетъ для преподаванія русской исторіи. Это былъ мѣстный человѣкъ, уроженецъ сѣверо-запада и по воспитанію нѣжинецъ; онъ, по свидѣтельству его воспитателей и товарищей, хотя и отличался угрюмымъ и даже нѣсколько мрачнымъ характеромъ, вѣчно былъ занятъ и не мѣшался въ игры товарищей, но тѣмъ не менѣе былъ любимъ ими. Окончивъ курсъ въ лицеѣ въ 1831 г., онъ перешелъ въ Кіевъ сначала учителемъ въ уѣздное училище, а потомъ (съ 1835 г.) въ 1-ю гимназію. Здѣсь, какъ сказано, и замѣтилъ его гр. Уваровъ. Наука, которую онъ призванъ былъ преподавать въ Университетѣ, безъ сомнѣнія, была самою важною, но въ то-же время и самою трудною для преподавателя въ этомъ краѣ. Ея содержаніе, очевидно, должно было видоизмѣниться по требованію интересовъ русскаго просвѣщенія въ юго-западномъ краѣ. По счастливой случайности, именно въ это время Устряловъ обратилъ особенное вниманіе на мѣсто, которое занимаетъ исторія литовско-русскаго государства въ общей схемѣ русской исторіи, что̀ принято было тогда, какъ новое открытіе, доставившее виновнику его имя и славу. И дѣйствительно, послѣ взглядовъ, господствовавшихъ при Александрѣ I, это было, такъ сказать, открытіемъ Америки. Но въ Петербургѣ и вообще въ сѣверной Россіи такое открытіе имѣло болѣе теоретическую важность, для Кіева-же оно составило практическій, жизненный интересъ и должно было повліять на всю постановку науки русской исторіи въ Университетѣ. Высказать такую аксіому, что западная Русь есть Русь, а не Польша, требовало тогда большаго мужества отъ преподавателя и было дѣломъ рискованнымъ. Сомнѣнія въ возможности такого риска выразились даже въ исторіи Университета В. Я. Шульгина, писанной на канунѣ 60-хъ годовъ. „Имѣлось въ виду цѣль, говоритъ онъ, уяснить посредствомъ изслѣдованій Устрялова историческія отношенія здѣшняго края къ восточной Руси и ко всему государству русскому. Но мѣстныя обстоятельства въ краѣ были въ то время таковы, что стоило слушателямъ угадать эту цѣль, чтобы охладѣть къ русской исторіи и подозрѣвать *въ самомъ даже правильномъ рѣшеніи вопроса* преднамѣрен-

ное искаженіе. Преподаваніе русской исторіи въ здѣшнемъ краѣ могло принести плоды, только сохраняя *чисто научный характеръ*". Такимъ образомъ выходитъ, что искаженіе или умолчаніе истины составляетъ чисто научный характеръ, какъ будто-бы мысль о русской національности этого края измышлена ради политики. Домбровскій, будто-бы, подчинился этому общему недостатку національной энергіи и „литовскою и западно-русскою исторіею занимался у себя въ кабинетѣ". Историкъ хвалитъ его благородный характеръ и краснорѣчіе, но утверждаетъ, что онъ не имѣлъ надлежащаго общеисторическаго образованія.

Другой писатель (г. Гербель) отзывается о Д—мъ такъ: „онъ обладалъ увлекательнымъ даромъ слова и необыкновенною памятью, которою любилъ иногда щеголять. Студенты съ удовольствіемъ посѣщали лекціи Вас. Ѳед—ча и аудиторія его всегда была полна". Ниже мы встрѣтимся съ Д—мъ, по поводу его неудачной докторизаціи и его ученыхъ работъ, изъ которыхъ можно заключить, что едвали правильна мысль объ отсутствіи въ немъ общеисторическаго образованія: его интересовали такіе вопросы всемірно-исторической важности, какъ вопросъ о вліяніи византійскаго міра на славянскій.

Къ двумъ столь значительнымъ представителямъ русской науки, каковы были Максимовичъ и Цыхъ, вскорѣ присоединился третій, достойный ихъ сотоварищъ *О. М. Новицкій*. Выборъ перваго принадлежитъ Уварову, приглашеніе двухъ послѣднихъ дѣлаетъ честь Брадке. Первые двое были уроженцами Малороссіи лѣвобережной и хотя близко знали условія мѣстности, но сами на себѣ не выстрадали ненормальныхъ условій жизни юго-западнаго края. О. М. Новицкій родился и первоначальное воспитаніе получилъ въ Волынской губерніи (въ духовной семинаріи). Брадке нашелъ его уже преподавателемъ здѣшней духовной академіи и не затруднился дать ему мѣсто адъюнкта и затѣмъ профессора философіи въ Университетѣ, обходя тѣ формальныя условія, которыя впослѣдствіи отстраняли отъ Университета многихъ достойныхъ кандидатовъ. Для такой науки, какъ философія и послѣ (до новѣйшаго времени) неоткуда было заимствовать преподавателей, кромѣ духовныхъ академій, гдѣ она, особенно въ кіевской академіи, уже тогда была поставлена довольно высоко (отсюда вышли, кромѣ Новицкаго и С. С. Гогоцкаго, Карповъ, П. Д. Юркевичъ, М. М. Троицкій).

Выборъ Новицкаго оказался наиболѣе удачнымъ. Учено-литературная его дѣятельность можетъ быть легко оцѣнена всѣми, такъ какъ онъ публиковалъ въ свое время изслѣдованія по каждой изъ наукъ, входившихъ въ его каѳедру (логикѣ, психологіи и исторіи философіи). Изъ нихъ, конечно, переживетъ автора его „Исторія философіи въ связи съ исторіею религій", уже по одной смѣлой главной мысли, лежащей въ заглавіи труда. Если его учебники по логикѣ и психологіи не самостоятельны, то въ исторіи философіи несомнѣнно обнаружились до нѣкоторой степени признаки самобытнаго философскаго ума. Въ тѣ годы, когда О. М. Новицкій началъ преподаваніе, т. е. въ эпоху высшаго торжества нѣмецкой философіи, русская мысль дремала или рабски повторяла выводы тогдашней могучей нѣмецкой философіи. Предстояло избѣжать этихъ двухъ крайностей.

Но главное значеніе О. М. Новицкаго въ Университетѣ заключалось не въ научной силѣ его ученыхъ продукцій, а въ достоинствахъ преподаванія. „Новицкій, по словамъ его слушателя Шульгина, владѣлъ въ этомъ отношеніи рѣдкимъ даромъ. Всѣмъ студентамъ, его слушателямъ, памятны та удивительная простота, ясность и послѣдовательность, съ какими онъ передавалъ самыя отвлеченныя по существу своему ученія... Понятно, какую огромную пользу могли выносить студенты изъ лекцій Новицкаго; по собственному сознанію многихъ изъ нихъ, ему обязаны они стройностію и отчетливостію въ мышленіи и изложеніи мыслей. Не разъ случалось слышать отъ бывшихъ слушателей г. Новицкаго, занимавшихъ въ послѣдствіи трудное поприще педагоговъ, что лекціи его о системѣ Платона могли быть понятны ученикамъ 4-го класса гимназіи" *).

Здѣсь, въ этой каѳедрѣ по преимуществу, наука должна была дѣйствовать благотворнымъ и отрезвляющимъ образомъ на отуманенные политикою умы. Это уже не та наука, которая состояла въ школьной критикѣ законовъ. Но мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что именно эта каѳедра и именно такой преподаватель были изъяты изъ Университета.

Три каѳедры, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, были и факультетскими (для I-го отд.) и общеуниверситетскими (въ нѣкоторыхъ

*) Исторія Унив. св. Владиміра, стр. 115.

своихъ частяхъ а именно: словесности, русской исторіи, логикѣ и исторіи философіи). Эти части обязаны были слушать и студенты II-го отдѣленія и юристы. Поэтому три представителя этихъ каѳедръ имѣли вліяніе на весь Университетъ (хотя Цыхъ, не преподавая русской исторіи, не имѣлъ прямаго отношенія къ студентамъ прочихъ факультетовъ, для которыхъ его замѣнилъ Домбровскій, но на лекціи перваго стекались необязательные слушатели со всѣхъ факультетовъ). Мы видѣли, что это вліяніе было въ высшей степени благотворное. Такой тріадой преподавателей (каковы Максимовичъ, Цыхъ и Новицкій) могъ гордиться какой угодно изъ тогдашнихъ русскихъ университетовъ.

За то въ первоначальномъ составѣ преподавателей число русскихъ профессоровъ и ограничивалось только этими тремя (если не считать профессора православ. богословія); остальные присоединялись постепенно въ послѣдующіе годы. Нужно отдать честь глубокой сообразительности С. С. Уварова и Е. Ѳ. Брадке, что они постарались разыскать русскихъ дѣятелей именно по этимъ наукамъ, предоставивъ по необходимости остальныя или кременецкимъ полякамъ, или нѣмцамъ.

Нѣмецкій элементъ въ составѣ преподавателей нашелъ себѣ пріютъ преимущественно на классическомъ разрядѣ I-го отдѣленія. Приливъ профессоровъ—нѣмцевъ начинается въ 1837 г. То были воспитанники Дерптскаго университета. Въ этомъ году прибылъ *И. Я. Нейкирхъ*, пріобрѣтшій степень доктора философіи въ Лейпцигѣ, но послѣ этого выдержавшій испытаніе на степень магистра филологіи въ Дерптѣ. Пройдя въ молодости самую суровую школу бѣдности, онъ пріучилъ себя къ постоянному и упорному труду и вмѣстѣ пріобрѣлъ любовь къ трудящейся и бѣдствующей молодежи и всегдашнюю охоту помочь ей, между тѣмъ какъ нерѣдко черствый гнетъ нищеты ожесточаетъ характеръ и развиваетъ сухія эгоистическія стороны его. И. Я—чъ на себѣ испыталъ, что значитъ помощь, поданная во время. Въ Университетъ св. Владиміра онъ былъ назначенъ экстра-ординарнымъ (а съ слѣдующаго года—ординарнымъ) профессоромъ греческой словесности и древностей. Выше было замѣчено, что значеніемъ нѣмецкаго элемента въ первую половину исторіи нашего Университета можетъ быть признано парализованіе рѣзкой національной противоположности двухъ славянскихъ народовъ, служеніе отвлеченной наукѣ внѣ національныхъ пре-

дѣловъ. Для этой цѣли едва-ли можно было подыскать болѣе благороднаго представителя лучшихъ сторонъ нѣмецкой учености, чѣмъ И. Як. Нейкирхъ. Знанія его въ своей спеціальности несомнѣнно были обширны и глубоки. Не его вина, если развитіе этихъ знаній между учащимися шло туго. Правда, уже въ 20-хъ годахъ министерство начало настаивать на введеніи греческаго языка въ гимназіяхъ, между прочимъ и юго-западнаго края; но почвы для эллинизма здѣсь не было никакой; латино-польская цивилизація чуждалась его; не только тогда, но и въ министерство С. С. Уварова громадное большинство слушателей поступало въ университеты, не зная греческаго алфавита. Впослѣдствіи у Нейкирха былъ адъюнктъ, который занимался элементарнымъ обученіемъ студентовъ 1-го курса; а въ началѣ лейпцигскій докторъ и дерптскій магистръ долженъ былъ самъ заниматься обученіемъ азбукѣ. Поистинѣ изумительна та ровность духа и стойкость, съ которою выдерживалъ свое ненормальное положеніе ученый эллинистъ въ продолженіи многолѣтней службы своей, до самой смерти. Его миссія здѣсь можетъ быть названа въ точномъ смыслѣ дѣятельностію in partibus infidelium. Справедливость требуетъ замѣтить, что онъ самъ, по своей натурѣ, не способенъ былъ подсластить такъ сказать греческую пилюлю, придать эллинизму наружную привлекательность, столь важную въ глазахъ такихъ неофитовъ и профановъ, изъ какихъ состояла его аудиторія. Стоя самъ на высотѣ европейскихъ классическихъ знаній (его произведенія отличаются сжатостію, нѣкоторою сухостію, но въ то-же время обиліемъ фактическаго содержанія и совершенною точностію), онъ интересовался лишь темными еще не разслѣдованными уголками классицизма, между тѣмъ какъ ученики его не проникли и въ преддверія его. Притомъ онъ понималъ эллинизмъ и интересовался имъ преимущественно съ точки зрѣнія филологической; историческая и художественная сторона его не столько занимали. Слѣдуетъ еще прибавить, что не вполнѣ владѣя русскимъ языкомъ, онъ до конца своей дѣятельности велъ преподаваніе на латинскомъ языкѣ, также не для всѣхъ его слушателей понятномъ, что заставляло иногда профессора прибѣгать къ русскимъ объясненіямъ, не всегда удачнымъ. Нужно замѣтить, однако, что латинскій языкъ И. Я. Нейкирха отличался ясностію, чистотою и простотою, и не его вина, если не всѣ его слушатели понимали и такой языкъ. Манера его чтеній совер-

шенно вѣрно изображена въ его некрологѣ“ *). Послѣ обычнаго обращенія къ студентамъ: Commilitones humanissimi! Repetendum est inde a versu N. usque ad versum N. Quis vestrum repetat? и послѣ повторенія однимъ изъ слушателей, слѣдовалъ дальнѣйшій переводъ съ подробными толкованіями извѣстнаго писателя. Отъ профессора не ускользала ни одна грамматическая форма, ни одна самая мелкая частица“. Какъ деканъ и проректоръ (исправлявшій весьма часто должность ректора), **) онъ оставилъ по себѣ благую и долгую память. Формалистъ и буквальный исполнитель закона, онъ былъ вѣренъ ему одинаково какъ по отношенію къ студентамъ, такъ въ равной степени и по отношенію къ начальству. Многимъ казалось, что за этою покорностію мертвой формѣ закона, уже не оставалось мѣста для живыхъ человѣческихъ отношеній къ студентамъ, но многіе (въ томъ числѣ пишущій эти строки) на себѣ испытали, до какой степени такое мнѣніе ошибочно. Тамъ, гдѣ законъ молчалъ, Нейкирхъ въ качествѣ декана и ректора всегда наклонялъ рѣшеніе къ мѣрамъ снисходительности и человѣколюбія. Въ такихъ случаяхъ, если-бы и мнѣніе высшаго начальства было выражено въ противоположномъ смыслѣ, онъ былъ настойчивъ и упрямъ и всегда достигалъ цѣли. О случаяхъже, предусмотренныхъ закономъ и говорить нечего: никакой власти не удавалось сломить хладнокровнаго декана въ пользу не нужной строгости. Относительно непреклонной честности его характера и стойкаго прямодушія, приведемъ слѣдующія правдивыя строки тогоже некролога: „Двуличія, неправды или лжи, даже въ шутку онъ не допускалъ въ себѣ, не уважалъ ихъ въ другихъ и строго преслѣдовалъ въ дѣтяхъ своихъ... Слушатели Ив. Я—ча очень хорошо знали, что никакое знакомство съ нимъ, никакія ходатайства самихъ близкихъ къ нему людей ничего не помогутъ, если испытуемый имѣлъ слабыя познанія.... Когда устраивалась лютеранская Kirchenschule, то Ив. Я — чъ едва-ли не одинъ изъ всей Кіевской нѣмецкой общины смѣло отстаивалъ законность и необходимость преподаванія въ ней на русскомъ языкѣ“. Въ Университетѣ до сихъ поръ помнятъ то за-

---

*) Кіевлянинъ 1870 г. № 132.

**) Ив. Я—чъ былъ избираемъ 6 разъ деканомъ (въ послѣдній разъ деканствовалъ 13 лѣтъ подрядъ) и 4 раза проректоромъ.

засѣданіе совѣта, когда Н. Я. подалъ голосъ противъ человѣка весьма близкаго, въ которомъ не находилъ задатковъ будущаго ученаго.

Въ 1838 г. Н. Я. Нейкирхъ пріобрѣлъ себѣ перваго адъюнкта по греческой словесности—магистра того-же Дерптскаго университета *А. К. Деллена,* человѣка обнаружившаго потомъ не меньшія знанія (въ сферѣ латинской словесности), отличавшагося тѣми-же общими качествами нѣмецкой учености, но гораздо болѣе практическаго (въ смыслѣ общежитейскомъ). Первоначально невеселая роль азбучнаго преподаванія классическихъ языковъ выпала на долю А. К. Деллена, но къ счастію для него не надолго; ему удалось завоевать самостоятельную каѳедру латинской словесности и тѣмъ спасти себя отъ такой печальной участи, какой навсегда подчинился его преемникъ по элементарному обученію студентовъ К. Ѳ. Страшкевичъ. Достиженіе каѳедры А. К. Делленомъ подаетъ намъ не одинъ поводъ говорить о немъ въ слѣдующихъ частяхъ этой исторіи.

Впрочемъ, въ началѣ для пріисканія преподавателя латинской словесности не нужно было ходить далеко; Кременецкій лицей могъ снабдить обильнымъ запасомъ латинистовъ. Въ тѣ времена (1834—1839 г.) для этого предмета нашлось изъ указанной среды два недюжинныхъ преподавателя: одинъ — старый и старомодный ученый, фанатически преданный предмету—*Макс. Юр. Якубовичъ,* другой—молодой и блестящій беллетристъ и драматургъ извѣстный *Іос. Вик. Корженевскій.* Оба они уже встрѣчались намъ раньше въ качествѣ университетскихъ ораторовъ: первый—при открытіи Университета, второй—надъ гробомъ Цыха. Этими двумя достойными представителями Кременецкаго кружка откроемъ мы знакомство съ серіею польскихъ преподавателей Университета св. Владиміра (которые, однако, нашли себѣ главный пріютъ на II отдѣленіи философскаго факультета). Якубовичъ открылъ свою дѣятельность въ Кіевѣ, имѣя уже 60 лѣтъ отъ роду, началъ-же ее (послѣ окончанія курса въ Виленскомъ университетѣ) въ Луцкомъ училищѣ. Послѣ долгихъ странствованій въ Волынскій лицей онъ попалъ въ 1824 году. Еще въ лицеѣ онъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность латиниста. Въ Университетѣ онъ началъ излагать свой предметъ въ самыхъ обширныхъ рамкахъ; преподавалъ: энциклопедію классической филологіи, исторію греческой и римской литературы, археологію филологическую и нумизматику (послѣднюю науку

ввелъ въ моду еще Чацкій). Его слушатель, В. Я. Шульгинъ характеризуетъ Якубовича, какъ преподавателя, такимъ образомъ: „Высокій, сухой человѣкъ, съ рѣдкими сѣдыми волосами и безпрестанно мигающими глазами, онъ внѣ своего предмета казался дряхлымъ старикомъ; но когда дѣло шло о какомъ-либо словѣ, или оборотѣ римскаго писателя, ... Якубовичъ совершенно преображался и становился молодымъ энтузіастомъ; вся фигура его приходила въ движеніе, и слова шли изъ устъ какъ-то смѣшанно, торопливо, погоняя другъ друга. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова влюбленъ въ произведенія и обычаи римской жизни... Нельзя не замѣтить, что 1-й и 2-й выпуски въ Университетѣ болѣе всего дали способныхъ филологовъ" (т. е. латинистовъ).

Гораздо болѣе занимательные предметы выпали на долю поэта Корженевскаго. Это былъ истинный представитель Волынскаго лицея; въ немъ онъ получилъ образованіе; въ немъ и началъ свою службу почти одновременно съ Якубовичемъ (въ 1823 г.). Собственно любимымъ предметомъ его преподаванія была польская литература (со времени увольненія Микульскаго—въ 1835 г.); но на классическомъ отдѣлѣ, состоя адъюнктомъ Якубовича, онъ преподавалъ римскія древности и миѳологію.

Сейчасъ мы упомянули, что польская литература первоначально была предоставлена *Іос. Іос. Микульскому*, также воспитаннику и преподавателю Волынскаго лицея (гдѣ, впрочемъ, сначала онъ обучалъ англійскому языку, а уже затѣмъ польскому). Польскій языкъ съ самаго открытія Университета не составлялъ обязательнаго предмета (преподавался для желающихъ).

Напротивъ языки нѣмецкій и французскій были обязательны—оба для студентовъ I-го отдѣленія и одинъ—для всѣхъ прочихъ. Лекторомъ перваго былъ также воспитанникъ и преподаватель Волынскаго лицея—*Альб. Франц. Лидль*. „По отзывамъ всѣхъ, имѣвшихъ случай учиться у Лидля, онъ былъ мастеръ своего дѣла и умѣлъ заставить слушателей заниматься своимъ предметомъ", говоритъ Шульгинъ. И дѣйствительно, онъ былъ не только хорошимъ знатокомъ своего предмета (нѣмецкій языкъ онъ излагалъ ученымъ филологическимъ способомъ, сравнительно съ русскимъ), но и вполнѣ добросовѣстнымъ преподавателемъ: на новомъ мѣстѣ службы онъ поспѣшилъ ознакомиться

съ русскою литературою и упражнялъ студентовъ въ переводахъ Жуковскаго и Батюшкова на нѣмецкій языкъ. Противоположными качествами отличался лекторъ французскаго языка, ополяченный французъ *Ант. Карл. Пгянсонъ,* преподававшій прежде тотъ-же предметъ въ Волынскомъ лицеѣ.

Таковъ полный составъ преподавателей I-го отдѣленія философскаго факультета. Въ немъ въ началѣ на трехъ русскихъ профессоровъ приходилось пять польскихъ; въ теченіи времени до 1839 г. это отношеніе измѣнилось такъ: на 7 русскихъ приходилось два нѣмца и четыре поляка.

II-е отдѣленіе философскаго факультета. Совсѣмъ иной видъ имѣло *II-е отдѣленіе того-же факультета;* оно въ началѣ состояло исключительно изъ польскихъ преподавателей; и въ теченіи пятилѣтія до 1839 г. это положеніе дѣла измѣнилось мало. Причины понятны сами собою: мы уже знаемъ, что система образованія, основанная въ Вильнѣ и Кременцѣ, заключала въ себѣ смѣсь латинизма съ реальными и естественно-историческими знаніями. Виленскій университетъ и Волынскій лицей приготовили значительное число недюжинныхъ математиковъ и естествовѣдовъ, хотя науки этого послѣдняго разряда усвояемы были болѣе съ практической ихъ стороны, какъ доктрины, полезныя въ житейскомъ примѣненіи.

Во главѣ кружка́ математиковъ и натуралистовъ стоялъ *Степ. Степ. Выжевскій,* воспитанникъ Виленскаго университета и затѣмъ профессоръ Волынскаго лицея, гдѣ онъ преподавалъ математику, интересуясь преимущественно прикладною. Но въ Университетѣ св. Владиміра ему пришлось преподавать именно чистую математику (дифференціальное, интегральное и варіаціонное исчисленіе, аналитическую геометрію и наконецъ статику и динамику); тѣмъ не менѣе преподаваніе его отличалось большими достоинствами: точностію, ясностію и обширностію. Товарищи признавали его достоинства, почти постоянно избирая его деканомъ. Адъюнктъ его *Григ. Вл. Гречина,* воспитывался въ Волынскомъ лицеѣ, а потомъ въ Виленскомъ университетѣ, и затѣмъ около 15-ти лѣтъ служилъ въ Волынскомъ лицеѣ учителемъ алгебры и геометріи; уже тамъ онъ сдѣлался извѣстнымъ въ польской ученой литературѣ переводами и самостоятельными сочиненіями по геометріи, алгебрѣ и физикѣ. При Выжевскомъ онъ преподавалъ гео-

метрію, а съ 1837 г. (со времени увольненія Выжевскаго) занялъ его предметы, получивъ себѣ помощника въ преподавателѣ *Гренковѣ*. Онъ отличался отъ Выжевскаго большею даровитостію, но меньшею строгостію къ самому себѣ, какъ преподавателю. Оба названные математика прошли чрезъ Виленскій университетъ; но третій—*Фр. Ив. Мѣховичъ* кончилъ все свое образованіе въ Волынскомъ лицеѣ и потому есть истинный представитель системы Чацкаго со всѣми ея достоинствами и недостатками. Отправленный въ Парижъ для окончанія образованія, онъ занимался въ тамошней политехнической школѣ въ теченіи трехъ лѣтъ и вынесъ оттуда познанія, исключительно прикладнаго характера. И въ Университетѣ св. Владиміра онъ былъ назначенъ профессоромъ архитектуры; здѣсь оставилъ по себѣ память, какъ человѣкъ съ большими способностями, хотя на лекціяхъ болѣе забавлялъ, чѣмъ поучалъ. Астрономія не была преподаваема въ теченіи почти всей этой эпохи, т. е. до тѣхъ поръ, пока съ 1838 года не появился *В. Ѳ. Ѳедоровъ*, о которомъ будетъ рѣчь впереди. Профессоромъ *физики* былъ взятъ изъ Кременца служившій тамъ уже 10 лѣтъ *Игн. Карл. Абламовичъ*—магистръ Виленскаго университета, и затѣмъ цѣлыхъ шесть лѣтъ доучивавшійся въ Парижѣ. По отзыву Шульгина, это былъ наиболѣе даровитый, но наименѣе полезный изъ всѣхъ профессоровъ Кременецкаго состава, обратившій свою аудиторію въ говорильню о пустыхъ и постороннихъ предметахъ. Съ 1837 года адъюнктомъ его былъ профессоръ физики въ Кіевской духовной академіи—*В. П. Чеховичъ*. Ординарнымъ профессоромъ *химіи* съ открытія Университета въ Кіевѣ назначенъ учитель химіи, минералогіи и геогнозіи въ Волынскомъ лицеѣ *Степ. Ѳедор. Зѣновичъ*. Это одинъ изъ самыхъ старыхъ служакъ лицея (куда онъ поступилъ еще въ 1814 году) и въ Университетъ перешелъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ (55 лѣтъ). Онъ, до открытія Университета и прибытія Максимовича, исправлялъ должность ректора. Преподавая одинъ и органическую, и неорганическую, и техническую химію, онъ оставилъ по себѣ добрую память, сохраненную В. Я. Шульгинымъ въ его „Исторіи Университета“: „Лекціи его памятны студентамъ. Читая ихъ, этотъ согбенный, добродушный старикъ приходилъ въ какой-то паѳосъ, голосъ его получалъ необыкновенную силу и звучность, вся личность его оживлялась, и онъ въ своей лабораторіи, окруженный вниматель-

пыми слушателями, являлся какимъ-то средневѣковымъ алхимикомъ-чародѣемъ". Но и самая наука въ его преподаваніи получала нѣсколько средневѣковый характеръ: между силами дѣйствующими въ природѣ онъ находилъ между прочимъ пятую — невидимое органическое начало и, по отношенію къ человѣку шестую — невидимое начало т. е. душу, и занимался изслѣдованіемъ качествъ души и опредѣленіемъ понятій мудрости и ума. Подобно Мѣховичу, истиннымъ представителемъ кременецкаго образованія—являлся—адъюнктъ по каѳедрѣ зоологіи *Ант. Лукьян. Андржеіовскій*, который окончилъ свое образованіе въ Кременецкой гимназіи на самыхъ первыхъ порахъ ея существованія (еще при Чацкомъ—въ 1809 г.); своими знаніями по естественной исторіи онъ обязанъ только себѣ, и хотя былъ самоучкою, но пріобрѣлъ довольно обширную и заслуженную извѣстность преимущественно по ботаникѣ. Онъ оставленъ былъ на службѣ помощникомъ учителя рисованія въ Кременецкой гимназіи; но побуждаемый, очевидно, врожденною страстію къ естествознанію (подогрѣтою Чацкимъ), онъ, и при этой должности началъ занятія ботаникою, а затѣмъ и совсѣмъ пожертвовалъ службою и пустился на собственный страхъ въ ботаническія экскурсіи по Днѣстру, Бугу и устьямъ Днѣпра. Почему онъ былъ назначенъ въ Университетъ адъюнктомъ по каѳедрѣ зоологіи, а не ботаники—неизвѣстно.

Хотя выше было сказано, что математика (прикладная) и естествовѣдѣніе составляютъ сильную сторону польскаго образованія, однако и въ этой сферѣ еще Волынскій лицей долженъ былъ прибѣгнуть къ иноземной помощи. Уже давно, до существованія лицея (въ 1809 г.) въ Кременецкую гимназію былъ вызванъ изъ Кракова, воспитанникъ Львовскаго университета—нѣмецъ докторъ медицины *В. Г. Бессеръ* для преподаванія зоологіи и ботаники. Онъ былъ родомъ изъ Инспрука; но воспитывался съ малолѣтства во Львовѣ въ домѣ родственника своего, профессора ботаники въ университетѣ—Шиверека. Выборъ Чацкаго оказался весьма удачнымъ; Бессеръ былъ несомнѣнно звѣздою первой величины среди кременецкихъ преподавателей и пріобрѣлъ извѣстность еще въ Кременцѣ не только какъ хорошій учитель, но и какъ самостоятельный ученый и изслѣдователь (галиційской и западно-русской флоры); онъ устроилъ въ Кременцѣ прекрасный ботаническій садъ на весьма незначительныя средства. Такъ какъ

онъ былъ призванъ преподавать не одну ботанику, то онъ писалъ также и по энтомологіи; не оставляя въ то-же время и своей медицинской спеціальности, пріобрѣлъ вновь докторскую степень въ Виленскомъ университетѣ и занимался практикою. Въ Университетѣ св. Владиміра пришлось-бы ему читать на языкѣ, совершенно незнакомомъ, и потому онъ прибѣгъ къ латинскому, что́ разумѣется увеличило вдвое трудность привлечь вниманіе аудиторіи къ его предмету; тѣмъ важнѣе всеобщее признаніе достоинствъ Бессера со стороны его слушателей.

Бессеръ, хотя и принадлежалъ къ числу Кременецкихъ профессоровъ, но былъ первымъ представителемъ нѣмецкаго элемента на II-мъ отдѣленіи философскаго факультета.

Другихъ представителей того-же элемента II-е отдѣленіе пріобрѣло уже въ Кіевѣ. Именно по увольненіи Бессера въ началѣ 1838 года, мѣсто его занялъ исправляющій должность ординарнаго профессора *Руд. Эрн. Траутфеттеръ*, происходившій изъ другаго конца германскаго міра—изъ остзейскаго края. Это былъ тогда еще молодой ученый (онъ окончилъ курсъ Дерптскаго университета въ 1831 г.), но уже тогда обѣщалъ будущаго славнаго дѣятеля науки; еще въ качествѣ студента онъ совершалъ ботаническія экскурсіи и тогда-же былъ избранъ членомъ московскаго общества испытателей природы. Еще ранѣе его на каѳедру минералогіи и геогнозіи былъ назначенъ въ 1836 г. *Эрн. Карл. Гофманъ*, воспитанникъ, а потомъ доцентъ Дерптскаго университета, уже пріобрѣтшій себѣ извѣстность учеными путешествіями (вокругъ свѣта и на южный Уралъ) и сочиненіями. Пріобрѣтеніе обоихъ названныхъ ученыхъ было весьма цѣнно для Университета; а одинъ изъ нихъ оказалъ огромное вліяніе на будущую судьбу Университета, какъ ректоръ въ эпоху невзгоды. Но съ ними мы не разъ встрѣтимся въ дальнѣйшемъ повѣствованіи. Въ Кіевѣ же въ первый разъ появился съ $183^5/_6$ г. на каѳедрѣ сельскаго хозяйства нѣкій *Эд. Осип. Мерцъ*, настоящій, т. е. заграничный нѣмецъ и послужилъ живымъ доказательствомъ того, до какой степени легко, прибѣгая къ иноземнымъ элементамъ, встрѣтиться съ quasi—ученымъ авантюризмомъ и научнымъ самозванствомъ. Но и съ нимъ не избѣжимъ встрѣчи на слѣдующихъ страницахъ нашей исторіи.

Такимъ образомъ на II-мъ отдѣленіи философскаго факультета первоначально не было ни одного русскаго профессора (если не счи-

тать временныхъ преподавателей: Гренкова и Чеховича), 6 поляковъ и 4 нѣмца. Вообще-же по составу цѣлаго философскаго факультета, Университетъ св. Владиміра не могъ-бы удовлетворить той цѣли, для которой онъ призванъ къ жизни его основателемъ. Несомнѣнно, что преподаваніе всѣхъ наукъ на русскомъ языкѣ хотя-бы и преподавателями польскаго происхожденія было уже значительнымъ шагомъ къ предположенной цѣли. Но едва-ли планъ мудраго основателя Университета весь состоялъ въ томъ, чтобы проповѣдывать начала русской цивилизаціи чуждому населенію устами иноземцевъ и отчасти на мертвомъ языкѣ.

Возникновеніе и составъ юридическаго факультета. Наиболѣе важнымъ явленіемъ въ жизни Университета до 1839 г., безъ сомнѣнія, было основаніе въ немъ и организація юридическаго факультета въ 1835—36 годахъ. При открытіи Университета этотъ факультетъ не существовалъ и существовать не могъ. Волынскій лицей не имѣлъ юристовъ въ составѣ своихъ преподавателей, за исключеніемъ одного, который и перешелъ въ Кіевъ вмѣстѣ со всѣмъ лицеемъ, то былъ *Алекс. Никол. Мицкевичъ* (родной братъ знаменитаго поэта); по окончаніи курса въ Виленскомъ университетѣ, онъ преподавалъ съ 1829 года въ Волынскомъ лицеѣ римское и гражданское право. На каѳедру римскаго права онъ былъ назначенъ въ Университетѣ и оставался на ней до 1838 г. Это—глава и руководитель кременецкаго кружка, центръ, около котораго группировались безплодныя воспоминанія минувшихъ дней. Но, помимо житейской ловкости, онъ былъ, безспорно, и профессоръ даровитый и по своимъ свѣдѣніямъ стоялъ въ уровень съ тогдашнимъ состояніемъ правовѣдѣнія въ Европѣ (именно въ исторической нѣмецкой школѣ). Но онъ одинъ не могъ составить цѣлаго факультета. Факультетъ организованъ лишь въ 1835 году. Въ основу его легли весьма незначительныя по числу польскія личныя силы; кромѣ упомянутаго сейчасъ единственнаго кременецкаго юриста, Университетъ св. Владиміра получилъ отъ Виленскаго университета также только одного, но за то въ высшей степени замѣчательнаго и даровитаго профессора *Игн. Н. Даниловича.* Сынъ уніатскаго священника и потому несомнѣнно русскаго происхожденія, онъ вслѣдствіе воспитанія въ польскихъ училищахъ (Дрогичинскомъ училищѣ, Ломжинской гимназіи и Виленскомъ университетѣ) превратился въ настоящаго поляка и принялъ католическое вѣроисповѣданіе, хотя въ политическомъ

смыслѣ и признавалъ себя литвиномъ. Но это отнюдь не смягчало дѣла; нашествіе Наполеона застало его среди учебныхъ занятій въ Вильнѣ, и онъ не усумнился принять должность секретаря при французскомъ губернаторѣ Бѣлостока—Ферье, оставаясь въ ней до самаго изгнанія французовъ; послѣ чего возвратился въ Вильну. Въ 1814 г. онъ оставленъ при Университетѣ для преподаванія мѣстнаго права, но до 1818 г. былъ командируемъ для усовершенствованія въ своей спеціальности въ университеты Варшавскій и Петербургскій. Съ 1818 г. онъ занялъ въ Виленскомъ университетѣ каѳедру весьма сложную—русскаго гражданскаго и уголовнаго права и вмѣстѣ польскихъ и литовскихъ законовъ. Пяти-лѣтнее преподаваніе этихъ предметовъ сдѣлало изъ него глубокаго знатока и обще-русскаго права и мѣстнаго польско-литовскаго. Въ 1823 г. онъ былъ снова политически скомпрометированъ, однако дѣло кончилось лишь переводомъ его въ Харьковскій университетъ. Замѣчательныя дарованія и знанія скоро опять выдвинули его на видъ; онъ былъ прикомандированъ ко II отдѣленію собственной Его Величества канцеляріи для редактированія свода мѣстныхъ законовъ западныхъ губерній. Оттуда былъ назначенъ въ Кіевъ на каѳедру уголовнаго права.

Остальной, главный личный составъ юридическаго факультета, а вмѣстѣ съ тѣмъ направленіе и характеръ научнаго правовѣдѣнія взяты были совершенно изъ другаго источника. Гр. Сперанскій, создавая сводъ законовъ имперіи, ясно понималъ, что проведеніе новаго законодательства въ жизнь возможно только при посредствѣ новыхъ юристовъ, воспитанныхъ въ духѣ новаго законодательства. Учрежденіе, завѣдывавшее составленіемъ Свода, обращено въ тоже время и въ научно-практическую школу правовѣдѣнія. Личный матеріалъ для такой школы взятъ оттуда-же, откуда заимствовался онъ постоянно при всѣхъ новыхъ движеніяхъ русскаго образованія, т. е. изъ духовныхъ училищъ. Были вызваны лучшіе студенты духовныхъ академій, въ томъ числѣ: Неволинъ, Богородскій, Орнатскій, Благовѣщенскій и Знаменскій; а за ними: Ѳедотовъ-Чеховскій, Крыловъ, Баршевы и др. Такимъ образомъ вокругъ Сперанскаго образовался кружокъ будущихъ юныхъ дѣятелей въ томъ направленіи правовѣдѣнія, которое онъ имѣлъ въ виду; направленіе это можетъ быть названо *научно-положительнымъ;* оно одинаково далеко отъ двухъ прежнихъ крайностей—приказно-подъяче-

скаго изученія законовъ (въ присутственныхъ мѣстахъ), и отвлеченно-философскаго (въ университетахъ). Сообразно съ такою цѣлію, и занятія молодыхъ людей были двоякаго рода; главныя во II отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи (изученіе системы будущаго свода, еще ненапечатаннаго, по картонамъ) и дополнительныя въ Петербургскомъ университетѣ, гдѣ и помѣщались воспитанники Сперанскаго. Здѣсь-же занимались они изученіемъ иностранныхъ языковъ, готовясь окончить образованіе за границею. Впрочемъ, практическое изученіе языковъ шло не особенно успѣшно; въ Берлинѣ, куда отправлены потомъ наши кандидаты, имъ пришлось, на первыхъ порахъ, преодолѣвать двойную трудность изученія языка и науки. Способность къ усидчивому и размѣренному труду, вынесенная изъ духовныхъ училищъ и закаленная въ школѣ Сперанскаго, вынесла ихъ счастливо изъ этого труднаго положенія; впрочемъ непомѣрный трудъ не всѣми пройденъ благополучно: одинъ—Пѣшехоновъ умеръ за границею, другой даровитѣйшій изъ первой серіи посланныхъ за границу—Знаменскій умеръ въ чахоткѣ уже по возвращеніи въ отечество, во время докторскаго экзамена. Въ Берлинѣ, гдѣ они пробыли три года, руководство ими оффиціально было поручено Савиньи; но самъ онъ рѣдко имѣлъ досугъ вникать въ ихъ занятія; нѣсколько болѣе занимался ими Рудорфъ; но и съ этой стороны всѣ пріобрѣтенныя ими знанія должны быть признаны плодомъ ихъ личнаго труда. Съ лестными отзывами нѣмецкихъ юристовъ (по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ) вернулись они въ отечество. Единственная привилегія, которая ожидала ихъ здѣсь, это—допущеніе къ докторскому экзамену безъ предварительнаго магистерскаго. Въ дѣйствительности здѣсь не было никакой привилегіи, ибо тогдашній докторскій экзаменъ обнималъ всѣ факультетскія науки, только въ бо́льшей полнотѣ и строгости, чѣмъ магистерскій. Опять начались новые труды, состоявшіе не въ одномъ приготовленіи къ экзамену: рядомъ съ этимъ шли служебныя занятія во II отдѣленіи; приготовленіе къ изданію на русскомъ языкѣ свода остзейскихъ законовъ и корректура печатавшихся узаконеній. Нѣкоторые изъ новыхъ юристовъ не только съ полнымъ успѣхомъ выдержали докторскій экзаменъ въ Петербургскомъ университетѣ, но успѣли тогда-же защитить и докторскія диссертаціи, и по темамъ и по содержанію ознаменовавшія наступленіе новой эпохи правовѣдѣнія въ Россіи. Успѣхъ замысла

Сперанскаго обратилъ общее вниманіе правительственныхъ лицъ, особенно чуткаго къ интересамъ русскаго просвѣщенія—новаго министра С. С. Уварова. Доктора и докторанты (не успѣвшіе защитить диссертацій) получили тотчасъ-же назначеніе на каѳедры въ университетахъ (послѣдніе съ обязательствомъ представить диссертацію въ непродолжительномъ времени); но бо́льшая часть ихъ сосредоточена въ Университетѣ св. Владиміра. Туда назначены были: Неволинъ, Богородскій и Орнатскій; вскорѣ и А. А. Ѳедотовъ-Чеховскій, первоначально назначенный въ Харьковъ, перемѣщенъ былъ также въ Кіевъ (когда А. Мицкевичъ вышелъ въ отставку). Несмотря на большую разницу дарованій новыхъ профессоровъ, въ Кіевѣ составился факультетъ, поистинѣ новый не только въ Университетѣ св. Владиміра, но и въ цѣлой имперіи по духу и направленію преподаванія; къ сожалѣнію тогдашній составъ факультетскихъ каѳедръ и условія университетскаго преподаванія были таковы, что талантливымъ людямъ не позволяли развернуть свои дарованія во всей широтѣ. Мы видѣли уже, что на юридическомъ факультетѣ по уставу 1833 г. всѣ науки сгруппированы были только въ 7 каѳедръ. Но затѣмъ явилась несчастная мысль пустить въ ходъ новый проэктъ организаціи юридическаго факультета, предложенный Балугьянскимъ, человѣкомъ замѣчательнымъ и профессоромъ даровитымъ, но, какъ видно, неуспѣвшимъ отрѣшиться отъ воспоминаній о своихъ австрійскихъ университетскихъ порядкахъ. По его плану каѳедра энциклопедіи соединена съ каѳедрою государственнаго права. Но еще хуже то, что этотъ проэктъ предложенъ обсужденію совѣта новаго Университета св. Владиміра (въ августѣ 1834 г.), когда здѣсь не было ни одного юриста, кромѣ Мицкевича; здѣсь дѣло было довершено соединеніемъ каѳедры благочинія и благоустройства съ каѳедрою законовъ финансовыхъ. При такихъ-то невыгодныхъ условіяхъ пришлось новымъ кіевскимъ юристамъ завоевать себѣ почетное мѣсто въ исторіи русскаго правовѣдѣнія. Почти каждому пришлось преподавать нѣсколько большихъ и разнородныхъ наукъ. Мы увидимъ, съ какимъ трудомъ факультетъ выбивался потомъ мало по-малу изъ этихъ тисковъ. Тѣмъ не менѣе въ пять лѣтъ онъ сдѣлался первымъ по достоинству юридическимъ факультетомъ въ имперіи.

Для Университета св. Владиміра онъ имѣлъ и другое значеніе: это былъ первый факультетъ, почти вполнѣ русскій по своему составу.

За исключеніемъ сначала Мицкевича, скоро переведеннаго въ Харьковъ, а потомъ Даниловича, бывшаго однимъ изъ лучшихъ украшеній факультета, онъ весь состоялъ изъ лицъ великорусскаго происхожденія и происходившихъ изъ духовнаго званія. Членамъ этого факультета долго приходилось стоять во главѣ управленія Университетомъ (Неволинъ, Богородскій) и потому ихъ вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу Университета должно быть признано рѣшительнымъ и несомнѣнно благотворнымъ.

Во главѣ факультета долженъ быть поставленъ *Кон. Ал. Неволинъ* (хотя оффиціальными представителями его—деканами были избираемы до 1839 г. Даниловичъ, Орнатскій и Богородскій). Историкъ Университета не можетъ быть біографомъ каждаго лица, входящаго въ его составъ; поэтому мы не можемъ остановиться здѣсь на тѣхъ сторонахъ дѣятельности Неволина, которыя имѣютъ значеніе помимо Кіева въ судьбѣ общерусскаго образованія, хотя и весьма прискорбно, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ достойной біографіи этого ученаго. Сынъ священника, Вятской губерніи, воспитавшійся въ Вятской духовной семинаріи и потомъ въ Московской духовной академіи, онъ, конечно, остался-бы въ тѣсномъ кругу духовно-учебной службы, еслибы не счастливая случайность вызова со стороны Сперанскаго. Для такого склада ума, каковъ былъ у Неволина, это было поистинѣ счастіемъ; можно сказать, что онъ рожденъ юристомъ:„ умъ, точный, спокойный, аналитическій, ясный (хотя и не столь глубокій) способенъ былъ именно къ ученому правовѣдѣнію. Онъ не увлекался заманчивыми глубинами науки, какъ преждевременно погибнувшій Знаменскій, не пускался въ мистическія области національнаго характера въ правовѣдѣніи, какъ напр. Морошкинъ; въ каждомъ вопросѣ онъ предпочиталъ факты и систематическую группировку ихъ; эта послѣдняя ему не всегда удавалась;„ система Сперанскаго, т. е. система свода законовъ импонировала на него такъ сильно, что положила печать на всю его послѣдующую ученую дѣятельность. Оттого важнѣйшій трудъ его: „Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ“ подлежитъ основательнымъ и серьезнымъ упрекамъ по своей концепціи; по за то фактическая часть ся по полнотѣ, правильности и точности безукоризненна. Не вдаваясь здѣсь въ оцѣнку ученыхъ трудовъ его, мы желаемъ этими замѣчаніями охарактеризовать лишь основныя свойства природы этого ученаго, на-

долго повліявшія на весь ходъ правовѣдѣнія въ цѣлой Россіи, а въ Университетѣ св. Владиміра въ особенности. Неволинъ получилъ назначеніе въ Университетъ св. Владиміра въ мартѣ 1835 г. (т. е. въ началѣ того-же года, съ котораго началось дѣйствіе новаго Свода), въ званіи исправл. должн. ординарн. профес. по каѳедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія и государственныхъ законовъ. Черезъ два года, когда умеръ Цыхъ, совѣтъ избралъ его уже ректоромъ Университета. На этой-то должности въ особенности пригодилось его холодное безпристрастіе, не подкупаемое и не волнуемое никакими страстями; мы видѣли уже, что увлекающійся и пылкій Максимовичъ отказался отъ этой должности; Цыхъ палъ жертвою непосильныхъ трудовъ, сопряженныхъ съ нею. Неволинъ могъ выдержать ея тяжесть въ продолженіи пяти лѣтъ, въ самые трудные годы жизни Университета, въ годину волненій, закрытія Университета, примѣненія новаго устава, измѣненія системы управленія въ округѣ. „Именно въ пятилѣтіе управленія Неволина сложился и окрѣпъ Университетъ." „Его ректорство, говорилъ Богородскій, относится къ тому періоду времени, когда Университетъ не имѣлъ еще ни одного своего зданія, а помѣщался въ нѣсколькихъ частныхъ домахъ, когда, слѣдовательно, ректору нужно было заботиться о пріисканіи временныхъ помѣщеній и засѣдать въ строительномъ комитетѣ для возведенія зданій университетскихъ въ качествѣ члена, а иногда принимать на себя труды и отвѣтственность предсѣдателя. Порядокъ управленія разными частями не былъ опредѣленъ проэктомъ устава: нужно было составить правила испытаній, правила для принятія въ институтъ недостаточныхъ студентовъ, инструкціи инспектору, библіотекарю, церковнымъ старостамъ и т. под. Всѣ эти труды принялъ на себя и исполнилъ Неволинъ. Самый проэктъ устава, составленный наскоро и утвержденный на время, требовалъ тщательнаго пересмотра. Этотъ пересмотръ тягостенъ былъ для членовъ совѣта: частыя и продолжительныя засѣданія, въ которыхъ происходили разсужденія объ измѣненіи и дополненіи устава, много отнимали у нихъ времени. Но еще болѣе трудовъ понесъ ректоръ... Пріятно вспомнить (продолжаетъ Богородскій), что эти труды увѣнчались успѣхомъ. Устройство каѳедръ по юридическому факультету получило совершенное преобразованіе, согласно проэкту, начертанному факультетомъ". Но важнѣйшая трудность управленія состояла не въ разбросанности зданій

Университета и недостаточности правилъ управленія, а въ разбросанности и пестротѣ внутренняго личнаго состава Университета: приводить къ единству мнѣнія и дѣйствія совѣта, въ которомъ сидѣли рядомъ люди, пришедшіе съ запада, и сѣвера, и юга, не особенно дружелюбно настроенные другъ другу и руководящіеся принципами діаметрально-противоположными, было не легко. Уваровъ могъ соглашать ихъ въ уставахъ и мемуарахъ, Брадке—въ своей экспансивной и гуманной натурѣ, но истинное соглашеніе на сценѣ ихъ дѣйствительнаго призванія выпало на долю ректора. Думаемъ, что ключъ къ истинной оцѣнкѣ дѣйствій Неволина заключается въ тѣхъ словахъ Богородскаго, гдѣ онъ хвалитъ „его энергію, твердость, безпристрастіе и заботливость о водвореніи между членами ученаго сословія единодушія, согласія и примиренія разнородныхъ элементовъ". Эта-то высшая задача тогдашняго управленія Университетомъ могла быть исполнена Неволинымъ, благодаря его холодному уму и твердому характеру. Сюда слѣдуетъ еще присоединить, что, по сказанію современниковъ, новыя затрудненія для ректорской дѣятельности являлись тамъ, гдѣ ихъ менѣе всего можно было ожидать, т. е. въ канцеляріи учебнаго округа (послѣ Брадке), и что это послѣднее обстоятельство оказалось самымъ непреодолимымъ и заставило Неволина просить отставки. Въ главномъ свойствѣ натуры его разгадка и тѣхъ обвиненій Неволина, какъ ректора, которыя собралъ и выразилъ Шульгинъ. Ихъ можно свести къ слѣдующимъ: онъ импонировалъ на членовъ совѣта, насилуя свободу мнѣнія; онъ недостаточно человѣчно обращался съ подчиненными; онъ былъ кабинетный бюрократъ и не годился быть представителемъ Университета въ обществѣ. Что касается до перваго, то самъ обвинитель прибавляетъ, что подчиненіе совѣта ректору доказываетъ духовныя преимущества послѣдняго. Второе едвали можетъ быть принято, такъ какъ въ сферѣ дѣятельности ректора едвали встрѣчаются случаи и возможность для проявленія дѣйствительнаго канцелярскаго деспотизма, скорѣе поводомъ къ такому обвиненію служило то обстоятельство, что больной Неволинъ, сдѣлавшись ректоромъ, пересталъ быть дѣятельнымъ членомъ профессорскихъ собраній и вечеровъ и вообще принималъ лишь дѣловыя посѣщенія. Но слѣдуетъ вспомнить, какъ долженъ былъ цѣнить время ректоръ, заваленный важными текущими и экстраординарными работами по управленію и въ тоже время

обработывавшій къ печати свою „энциклопедію". Что-же касается до свѣтской неловкости, то къ чести тогдашняго кіевскаго общества надо сказать, что тогда здѣсь „рѣдко по платью встрѣчали и всегда по уму провожали". Ниже мы приведемъ отзывъ свѣтской женщины о Неволинѣ, какъ членѣ общества.

Достоинства Неволина, какъ профессора, всѣми опредѣляются одинаково: его лекціи были спокойными и сухими чтеніями строго ученыхъ рефератовъ; въ совершенную противоположность Максимовичу и Цыху, онъ не придавалъ никакой цѣны формѣ чтеній, кромѣ взыскательной ясности и точности языка. Но того требовало и самое свойство предметовъ его каѳедры; Сперанскому и ему должно быть приписано образованіе нашего юридическаго языка и стиля. Не формою, а содержаніемъ лекцій онъ вліялъ „на молодыя, воспріимчивыя натуры такъ сильно, что многіе изъ его слушателей, по собственному ихъ отзыву, съ трудомъ могли впослѣдствіи отрѣшиться отъ его взглядовъ и стать въ уровень съ потребностями постепенно развивающейся науки" *). Этотъ послѣдній отзывъ, впрочемъ, возбуждаетъ недоумѣнія: и въ настоящее время наука (энциклопедія права и исторія русскаго гражданскаго права) не далеко ушла отъ взглядовъ Неволина. Энциклопедію права въ русской литературѣ создалъ вновь, какъ извѣстно, именно Неволинъ. Образцами для него, конечно, служили нѣмецкіе труды этого рода, но никто не признаетъ сочиненіе Неволина компиляціею или замаскированнымъ плагіатомъ; первая — философская часть книги давно признана самостоятельнымъ трудомъ автора; но и вторая часть ея (исторія положительныхъ законодательствъ) во многомъ есть результатъ самостоятельной работы и до сихъ поръ въ русской литературѣ остается классическимъ произведеніемъ по этому предмету. Профессоръ Калмыковъ, разбиравшій книгу Неволина по порученію академіи наукъ, говорилъ, между прочимъ: „самостоятельность автора, упрочивающая его сочиненію значеніе европейское, не подлежитъ никакому сомнѣнію; она является въ созданіи науки энциклопедіи законовѣдѣнія на основаніи новомъ... Кромѣ общаго плана всего творенія и основной идеи, въ немъ господствующей, изложеніе и отдѣльныхъ частей свидѣтельствуетъ о самостоятельномъ трудѣ нашего ученаго". Въ „эн-

*) Шульгинъ, стр. 149.

циклопедіи" его заключается полное и точное изложеніе главной части чтеній Неволина въ Университетѣ св. Владиміра. Она издана имъ въ Кіевѣ въ 1839—40 г., слѣдовательно лишь четыре года спустя послѣ начала его профессорской дѣятельности. Къ каѳедрѣ Неволина причислялась еще другая наука, нынѣ называемая наукою государственнаго права, а тогда состоявшая въ изложеніи содержанія первой половины Свода. Притомъ Неволинъ читалъ этотъ предметъ только до 1838 г. (до назначенія Н. Д. Иванишева). Понятно, почему въ сферѣ государственнаго права Неволинъ сдѣлалъ немного, но и здѣсь не прошелъ безслѣдно (имѣемъ въ виду его позднѣйшія цѣнныя историческія монографіи о преемствѣ престола, объ управленіи, о писцовыхъ книгахъ); но это уже выходитъ за предѣлы его кіевской дѣятельности.

Съ именемъ Неволина неразлучно имя *Саввы Осип. Богородскаго*, его товарища и друга; онъ первоначально призванъ на каѳедру законовъ благоустройства и благочинія,—но затѣмъ составилъ себѣ почетное имя, какъ криминалистъ (когда съ 1839 г. перешелъ на каѳедру уголовнаго права), однако—имя это почетно и славно только въ кругу его кіевскихъ слушателей, такъ какъ его главное сочиненіе, напечатанное болѣе 25 лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ покоится въ университетскомъ архивѣ, о чемъ упомянемъ въ своемъ мѣстѣ. Богородскій безспорно былъ даровитъ не менѣе Неволина, что́ доказывается уже взглядомъ его на предметъ и методъ такой науки, которая и донынѣ своимъ пестрымъ составомъ представляетъ непреодолимыя трудности для систематизированія ея. Онъ не жертвовалъ такъ теоріею въ пользу положительнаго законодательства, какъ то дѣлали его товарищи по II отдѣленію; но теорія, о которой здѣсь идетъ рѣчь, не состояла въ субъективныхъ измышленіяхъ профессора, а въ историко-статистическомъ и сравнительномъ изложеніи дѣла по русскимъ и иностраннымъ узаконеніямъ прежнимъ и новымъ. Руководителями и образцами его служили Моль и Рау. Не можемъ обойти здѣсь безъ вниманія замѣчаніе, которое намъ не разъ приходилось слышать отъ бывшихъ товарищей и учениковъ Богородскаго, а именно: Богородскій даже въ своей главной наукѣ — уголовномъ правѣ, не имѣлъ собственныхъ и и установившихся воззрѣній, подчиняясь нерѣдко въ важныхъ вопросахъ взглядамъ авторовъ, которые сказали о немъ послѣднее слово. Это отразилось и на его книгѣ, гдѣ на разныхъ страницахъ можно

встрѣтить противорѣчивыя положенія, высказанныя разными корифеями нѣмецкой учености. Оставляя провѣрку этого криминалистамъ, замѣтимъ, что источникомъ такого серьезнаго недостатка была отзывчивая, живая натура Богородскаго; но такое вѣчное обновленіе научныхъ воззрѣній, составляя существенный и глубокій порокъ въ ученомъ изслѣдователѣ, служило одною изъ причинъ постоянной „свѣжести“ его чтеній. Увлекаясь самъ, преподаватель увлекалъ за собою и слушателей, не доходя до того состоянія равнодушія, какое иногда наступаетъ въ концѣ ученой дѣятельности профессора, установившагося и остановившагося въ своихъ воззрѣніяхъ. Это отразилось и на отзывѣ о Богородскомъ Шульгина, смотрѣвшаго на дѣло со студенческой точки зрѣнія. Б—скій не имѣлъ дара изустнаго преподаванія; но этотъ внѣшній недостатокъ не лишалъ его изустнаго преподаванія ни свѣжести, ни жизни, ни разумности; его многочисленная добровольная аудиторія умѣла различать за этими недостатками достоинства содержанія.

Впрочемъ, повторяемъ, въ эту эпоху онъ преподавалъ не симпатичную для него науку и главное значеніе Богородскаго, какъ преподавателя уголовнаго права, выразилось послѣ 1839 года. Въ дѣлѣ управленія Университетомъ Богородскій былъ постоянною опорою Неволина, которому добродушно приносилъ въ жертву и свои дѣловыя дарованія и свой трудъ, приписывая и впослѣдствіи своему другу многое такое, что́ въ сущности сдѣлалъ онъ самъ. Имѣя даръ точнаго и яснаго изложенія дѣла на бумагѣ, онъ былъ неизмѣннымъ докладчикомъ проэктовъ и авторомъ совѣтскихъ опредѣленій, не жалуясь и не замѣчая, что онъ трудится за всѣхъ. „Слабый характеромъ относительно своей частной жизни, относительно самаго себя, Богородскій не зналъ никакихъ сдѣлокъ съ своею совѣстію, когда дѣло шло о томъ, что онъ почиталъ правдою юридическою“ *), говоритъ Шульгинъ.

Третій товарищъ Неволина *Сер. Ник. Орнатскій* съ 1836 года преподавалъ россійскіе гражданскіе законы общіе и особенные. Научная часть его курса сосредоточивалась въ одномъ введеніи и въ исторіи (внутренней) русскаго гражданскаго права; остальное представляло

---

*) Ист. Унив. св. Влад., стр. 76.

перефразировку Свода, впрочемъ съ нѣкоторыми поясненіями. Но для него, какъ лица живущаго, еще не настала исторія.

Другой нынѣ живущій членъ кружка́ II-го отдѣленія—*Ал. Алек. Ѳедотовъ-Чеховскій* (до сихъ поръ работающій въ стѣнахъ Университета,—въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ) съ 1838 г. замѣнилъ на каѳедрѣ римскаго права упомянутаго выше Мицкевича; дѣятельность его вся относится къ послѣдующимъ годамъ исторіи Университета, гдѣ мы съ нимъ не разъ встрѣтимся.

Членами факультета не изъ воспитанниковъ II-го отдѣленія былъ *Григ. Алек. Цвѣтковъ*, землякъ Богородскаго по Ярославской губерніи и также происходившій изъ духовнаго званія. Назначеніемъ его въ Университетъ св. Владиміра открылся рядъ преподавателей изъ воспитанниковъ главнаго педагогическаго института, которые отличаются отъ воспитанниковъ II отдѣленія совершенно иными свойствами, по крайней мѣрѣ среди юристовъ. Цвѣтковъ не былъ лучшимъ представителемъ этой школы (типъ ея—Н. Д. Иванишевъ); онъ со времени назначенія своего въ 1837 г. исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ законовъ о повинностяхъ и финансахъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ своей службы, не успѣлъ подвинуться вверхъ по ученослужебной лѣстницѣ; неизлѣчимо-мнительный и не особенно даровитый, онъ, хотя и выдержалъ экзаменъ, но никакъ не рѣшался защитить диссертацію, хотя написалъ ихъ нѣсколько, уничтожая одну за другою и, наконецъ, печально кончилъ жизнь (въ 1856 г.), лишившись разсудка. Одинъ изъ слушателей его (профес. А. В. Романовичъ-Славатинскій) такъ отзывается о немъ: „Подъ внѣшностію медвѣдя скрывалось въ немъ нѣжное и благородное сердце. Это былъ милый и честный человѣкъ, но неудовлетворительный преподаватель, очень затруднявшій насъ своимъ курсомъ, громаднымъ по объему, но не представлявшимъ, по своему содержанію, ничего кромѣ статей Свода“ *).

Каѳедры богословія. Юридическій факультетъ до нѣкоторой степени уравновѣшивалъ русскій элементъ въ Университетѣ съ польскимъ. Во всякомъ случаѣ, если не было тогда моральнаго перевѣса на сторонѣ польскихъ профессоровъ, составъ профессорской коллегіи страдалъ дуализмомъ и не представлялъ того единства силъ, которое такъ

*) Жизнь Иванишева, стр. 149—150.

необходимо для умственнаго и нравственнаго воздѣйствія на слушателей. Двойственность Университета выразилась и въ каѳедрахъ внѣ-факультетскихъ, именно каѳедрахъ богословія—православнаго и римско-католическаго. Обѣ каѳедры были поставлены въ совершенно равныя условія, чѣмъ русскій Университетъ сразу заявилъ себя на сторонѣ полной вѣротерпимости. Эта-же черта сказалась и въ выборѣ лица для преподаванія православнаго богословія. *И. М. Скворцовъ*, имя котораго на многіе годы сливается съ исторіею Университета, великоруссъ по происхожденію (нижегородской губ.) и воспитанникъ Петербургской духовной академіи, былъ совершенно чуждъ мѣстныхъ юго-западныхъ интересовъ, свободенъ отъ того духа полемическаго раздраженія, который невольно проникъ въ Кіевскую духовную академію съ самаго ея основанія и развивался въ ней двухвѣковою борьбою съ католицизмомъ. Къ тому присоединились еще личныя черты ума и характера И. М. С—ва, именно полное спокойствіе и закругленность убѣжденій безъ всякаго полемическаго задора. Долговременное преподаваніе въ Кіевской духовной академіи такихъ предметовъ, каковы: философія, математика и физика, еще болѣе развили въ немъ способность къ ровному научному анализу. Эта ровность и спокойствіе, разумѣется, вредили жизненности его лекцій, дѣлали ихъ монотонными и сухими, но за то въ Университетѣ св. Владиміра ученіе православія сразу выступило со своими отличительными чертами, именно обнаружилось, что оно живетъ не полемикою, не отрицаніемъ, а внутреннею увѣренностію въ положительной истинѣ. Что касается до научной стороны дѣла, то, какъ философъ, и какъ богословъ, И. М. Скв—въ не обладалъ тою глубиною міровоззрѣнія, которою наприм. отличался Авсеневъ; всею своею преподавательскою и ученою дѣятельностію онъ напоминалъ философствованіе Вольфа и отчасти схоластиковъ. Стоя на точкѣ зрѣнія положительнаго богословія, онъ, разумѣется, не могъ признать выводовъ философіи Канта (чтó и выразилъ въ своемъ сочиненіи: „Критическое обозрѣніе Кантовой религіи въ предѣлахъ одного разума"). Кромѣ богословія, ему приходилось въ Университетѣ преподавать и каноническое право православной церкви и церковную исторію; плодомъ этого преподаванія были „Записки по церковному законовѣдѣнію" и „Краткое начертаніе исторіи церкви ветхо-завѣтной", сочиненіе, о судьбѣ котораго намъ придется упомянуть въ своемъ мѣстѣ.

Каѳедру католическаго богословія, состоявшую изъ тѣхъ-же предметовъ (т. е. догматическаго и нравственнаго богословія, церковной исторіи и церковнаго права) занималъ *Юст. Казим. Ходичъ-Ходьскевичъ*, воспитанникъ полоцкихъ іезуитскихъ училищъ и самъ ех-іезуитъ, добровольно оставившій этотъ орденъ въ 1811 г. Шульгинъ передаетъ отзывы о немъ его слушателей такъ: „онъ не отличался ни основательнымъ знаніемъ предмета, ни даромъ преподаванія и не умѣлъ внушить къ себѣ уваженія своими нравственными качествами. Сверхъ того онъ былъ довольно безтактенъ для того, чтобы опредѣлить свое положеніе въ Университетѣ, принявъ на себя роль распространителя русскаго элемента между студентами". Эта послѣдняя черта, за которую будто-бы и уволенъ Ходьскевичъ, представляется въ высшей степени загадочною, если не видѣть въ ней проявленій старыхъ привычекъ бывшаго іезуита. Если-же эти дѣйствія Ходьскевича признать искренними, то отнюдь нельзя признать ихъ „безтактными"; русскій профессоръ не долженъ-бы отождествлять католичества съ полонизмомъ. Во всякомъ случаѣ Ходьскевичъ уволенъ въ концѣ 1836 г. На его мѣсто, какъ увидимъ, назначенъ умный, стойкій и даже фанатичный борецъ не только за католичество, но и за юго-западный полонизмъ.

Русское начальство всякими способами старалось выразить свою вѣротерпимость въ новомъ Университетѣ. Въ началѣ 1836 г. попечитель представилъ, а министръ согласился на учрежденіе въ зданіяхъ Университета римско-католической каплицы (когда православной церкви въ зданіяхъ Университета еще не было); но въ распоряженіи министерства при этомъ прибавлено: „съ тѣмъ, чтобы въ ней не были употребляемы воспитанники и люди другихъ исповѣданій" *), т. е. заботились только о томъ, чтобы не было обратной пропаганды католичества на счетъ православія.

И въ житейскихъ отношеніяхъ весь составъ первоначальной профессорской коллегіи въ Кіевѣ распадался на двѣ главныя части: тѣсный кругъ кременецкихъ профессоровъ и менѣе дружный кружокъ— русскихъ. „Подъ конецъ этого періода, говоритъ Шульгинъ, чуть замѣтно стала организоваться нѣмецкая каста" **). Вниманіе историка

*) Сборн. распоряж. по мин. народн. просв., т. II, № 72.

**) Ист. Унив. стр. 170.

должно быть сосредоточено пока на взаимномъ отношеніи первыхъ двухъ. Не смотря на упомянутый дуализмъ, мысль, положенная Уваровымъ въ основаніе Университета св. Владиміра, мысль о примиреніи двухъ борющихся національныхъ элементовъ, до нѣкоторой степени осуществлялась въ самомъ обществѣ профессоровъ; отчужденіе, укрѣпляемое взаимнымъ незнакомствомъ, рушилось; люди сблизились между собою и научались взаимному уваженію. Ихъ сближали: общее дѣло и общая судьба пришельцевъ въ чужомъ городѣ. Къ чести тогдашнихъ профессоровъ безъ различія національностей, надо сказать, что судьба Университета и научная дѣятельность интересовала ихъ гораздо болѣе, чѣмъ въ нѣкоторыя послѣдующія времена. Число всѣхъ преподавателей было невелико; городъ былъ для всѣхъ одинаково чужой и, такъ сказать, нейтральный: для русскихъ онъ былъ не совсѣмъ русскій, а для поляковъ — не вполнѣ польскій. Предубѣжденій со стороны русскихъ профессоровъ не замѣтно; молчаливаго соглашенія со стороны поляковъ держаться въ сторонѣ — не было. Люди непринужденно сходились на общихъ вечерахъ то у поляковъ, то у русскихъ *). Конечно своя рубашка къ тѣлу ближе; у тѣхъ и другихъ были свои тѣснѣйшія симпатіи, сокровенные уголки для интимнаго дружества и откровенныхъ разговоровъ; но нельзя отрицать важности этого бытоваго общенія для главной цѣли Университета.

Студенты и инспекція. Выше были отмѣчены особенности устава 1833 г. по отношенію къ пріему студентовъ: пріемному экзамену подвергались всѣ желавшіе поступить въ Университетъ, безъ вниманія къ аттестатамъ, полученнымъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній. Особеннымъ препятствіемъ къ поступленію въ Университетъ окончившихъ полный гимназическій курсъ служило то обстоятельство, что до 1837

---

*) „У Выжевскаго, Якубовича и Мицкевича чаще, чѣмъ у другихъ происходили подобные общіе вечера. Разговоръ шелъ о городскихъ и университетскихъ новостяхъ и событіяхъ, да кое-когда прерывался разсказами и воспоминаніями о старинѣ, впрочемъ, не касавшимися тѣхъ серьезныхъ сторонъ старины, которыхъ всѣ, по безмолвному соглашенію, не затрогивали. Если-же случалось, что разговоръ неосторожно шевелилъ неостывшее прошлое, профес. Мицкевичъ тотчасъ предлагалъ сѣсть за карточные столы... Когда нитью разсказа овладѣвалъ Максимовичъ, все умолкало и обращалось въ одинъ слухъ и вниманіе: самая одушевленная, живая рѣчь лилась изъ устъ этого человѣка и самый простой обыденный разсказъ получалъ въ устахъ его живой интересъ для всѣхъ“... (Шульгинъ, стр. 169).

года экзамены въ гимназіяхъ производились послѣ каникулъ, тогда какъ лекціи въ Университетѣ, по уставу должны были начинаться съ 22 августа. На испытаніяхъ, продолжавшихся отъ 24 іюля по 21-е сентября комитеты дѣйствовали очень разборчиво, чему доказательствомъ служитъ то, что изъ 75, подавшихъ прошенія о пріемѣ въ первый годъ по открытіи Университета, выдержали экзаменъ только 59 и кромѣ того, раньше — въ день открытія, безъ экзамена принято было три студента; всего-же 62. Изъ этихъ 62 составились первые курсы обоихъ факультетовъ, потому что вторичный пріемъ въ январѣ былъ отмѣненъ по представленію совѣта, чѣмъ сразу былъ подорванъ опредѣленный уставомъ семестральный порядокъ. Мы увидимъ, что гр. Уваровъ настоялъ на введеніи его въ уставѣ 1842 г.

Можно было опасаться, что въ новый русскій Университетъ найдется немного охотниковъ поступить. И дѣйствительно, сравнивая скромное число поступившихъ сюда съ громаднымъ количествомъ учениковъ бывшаго лицея (до 600), находимъ, что первоначально мѣстное населеніе смотрѣло на новый русскій Университетъ съ недовѣріемъ, не смотря на пышныя фразы, которыми представители этого населенія встрѣчали Университетъ при его открытіи. Изъ общаго числа 62-хъ поступившихъ въ первый годъ существованія Университета было 28 молодыхъ людей православнаго исповѣданія и 30 католическаго; масштабомъ сочувствія къ новому Университету въ мѣстномъ населеніи можетъ считаться только это послѣднее число. Мы уже знаемъ, что въ образованіи Кіевскаго учебнаго округа не была повторена ошибка, вкравшаяся въ административное образованіе губерній; границы округа не совпадали съ границами юго-западнаго края, а переходили за Днѣпръ; Кіевскій университетъ долженъ былъ отвлечь отъ Харьковскаго сначала Черниговскую, а потомъ и Полтавскую губерніи. Этимъ объясняется присутствіе въ Университетѣ второй — православной половины его слушателей. Изъ 28 студентовъ православнаго исповѣданія, поступившихъ въ первомъ году, 21 были воспитанниками учебныхъ заведеній лѣваго берега Днѣпра, и лишь остальные 7—дѣти русскихъ чиновниковъ юго-западнаго края.

Итакъ Университету могла предстоять незавидная судьба чахнуть съ самаго дня рожденія; голосъ русскихъ профессоровъ могъ быть гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Однако вскорѣ такая сдержанность мѣстнаго населенія ослабѣла и дѣло пошло даже къ противоположной крайности: Университетъ быстро наполнялся, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по составу учащихся, могъ сдѣлаться исключительно польскимъ.

Движеніе общаго числа студентовъ, а равно числа ихъ по вѣроисповѣданіямъ, происхожденію и факультетамъ, можетъ быть представлено въ слѣдующей таблицѣ (для упрощенія мы соединяемъ нѣкоторыя дробныя рубрики, напр. дворянъ потомственныхъ и личныхъ, купцовъ и мѣщанъ; и опускаемъ нѣкоторыя мелкія цифры, не имѣющія значенія для выводовъ, напр. число магометанъ и т. п.).

ГОДЫ.	Общее число.	ПО ВѢРОИСПОВѢДАНІЮ					ПО ПРОИСХОЖДЕНІЮ					ПО ФАКУЛЬТЕТАМЪ		
		Православ.	Католич.	Уніатскаго.	Протестант.	Еврейск.	Дворянъ.	Духов. зв.	Горожанъ.	Козаковъ.	Иностранц.	I-е отдѣл. филос. фак.	II-е отдѣл. филос. фак.	Юридическаго фак.
1834	62	28	30	4	—		57	3	2	—	—	13	14	35
1835	120	48	61	7	3	—	103	7	7	—	2	25	28	67
1836	203	82	104	10	5	1	179	8	12	1	1	36	52	115
1837	263	90	164	3	4	—	235	7	14	2	2	50	67	145
1838	267	93	164	3	5	—	235	7	16	2	4	55	67	145
1839	125	85	35	—	1	1	94	15	12	1	2	23	29	73

Изъ этой таблицы видно, что общее число студентовъ въ четыре года увеличилось вчетверо, чтó впрочемъ соотвѣтствуетъ постепенному открытію новыхъ курсовъ, такъ что нормальнымъ ежегоднымъ числомъ студентовъ за первую эпоху существованія Университета нужно признать цифру 250, чтó даетъ около 80 на факультетъ (считая отдѣленія философскаго факультета за особые факультеты), или по 20 на курсъ. Первоначальное равенство отношеній между православными и ка-

толиками начало нарушаться тотчасъ-же къ перевѣсу въ пользу католиковъ, такъ что въ нормальные годы (1837 — 1838) это отношеніе установилось, какъ $^1/_3 : ^2/_3$.

Такой перевѣсъ католиковъ 1) объясняется неравенствомъ двухъ частей округа; 2) это явленіе еще въ бо́льшей степени зависѣло отъ сословнаго состава слушателей Университета. Юго-западный край, какъ извѣстно, въ огромномъ большинствѣ населенъ былъ людьми православнаго и уніатскаго вѣроисповѣданій; но это большинство принадлежало къ духовному, сельскому и отчасти городскому состоянію. Можно было ожидать, что въ Университетъ явится значительное число дѣтей греко-уніатскаго духовенства. Но тогда именно предписано было наблюдать, чтобы они не были принимаемы въ свѣтскія училища, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда кто-либо изъ нихъ будетъ уволенъ унитскою коллегіею, какъ не назначенный къ духовному званію, или-же отправленъ будетъ самимъ греко-унитскимъ начальствомъ въ одно изъ высшихъ собственно-россійскихъ свѣтскихъ заведеній для образованія. Что касается дѣтей православнаго духовенства, то вскорѣ было постановлено, что воспитанники, получившіе предварительно увольнительные виды изъ духовнаго вѣдомства, могутъ безпрепятственно поступать въ Университетъ и, по выходѣ изъ него, вступить во всякій родъ службы; но тогда не много было еще лицъ этого состоянія, имѣющихъ нѣкоторый достатокъ и готовыхъ промѣнять узкую, но вѣрную и проторенную тропу отеческой профессіи на широкій, но сомнительный путь свѣтской службы. Никакихъ поощрительныхъ мѣръ въ этомъ отношеніи не было принято. Выходъ изъ духовнаго званія, хотя, какъ сказано, былъ позволенъ всѣмъ, но фактически сопряженъ былъ съ значительными трудностями; а послѣдующія служебныя права дѣтей духовенства не равнялись съ такими-же правами дворянъ. Такимъ образомъ понятно, почему число студентовъ духовнаго происхожденія въ нормальные годы этой эпохи составляли лишь 38-ю часть общаго числа студентовъ. Только въ 1839 году данъ былъ этому элементу большій просторъ въ Университетѣ, но и то не надолго. Университетъ, особенно при тогдашнемъ соціальномъ строѣ (крѣпостномъ правѣ), вовсе не могъ привлекать въ свои стѣны лицъ сельскихъ состояній; а лица городскихъ классовъ поступали въ него въ весьма ограниченномъ числѣ (пока не совершился приливъ еврейскаго населенія). Правда, въ

1836 г. въ Университетѣ учились 1 — 2 козака, но это, разумѣется, уроженцы малороссійскихъ заднѣпровскихъ губерній.

Такимъ образомъ главнымъ контингентомъ слушателей Университета оставалось дворянское сословіе и дѣти чиновниковъ. Въ этомъ сословіи несомнѣнный перевѣсъ долженъ быть на сторонѣ юго-западныхъ губерній, въ которыхъ оно состояло почти безъ исключеній изъ лицъ католическаго вѣроисповѣданія. Дворяне-студенты по числу относились ко всѣмъ прочимъ, взятымъ вмѣстѣ, какъ 9 : 1.

Вообще въ первые годы существованія Университета не замѣтно никакихъ мѣръ къ регулированію количества слушателей, для уравновѣшенія въ немъ національностей, что́ изъясняется первоначальною цѣлію гр. Уварова и Брадке—создать изъ Университета примиряющую силу, дѣйствовать преподаваніемъ именно на польское населеніе края, реформируя его политическія воззрѣнія и направленіе умовъ, а не замѣщать его другимъ интеллигентнымъ классомъ, создавая эту интеллигенцію изъ русскихъ элементовъ чрезъ высшее образованіе.

Однако первоначальная цѣль гр. Уварова еще была далека отъ осуществленія; это доказывается тѣмъ, что главная масса студентовъ—католиковъ группировалась на II-мъ отдѣленіи философскаго факультета, гдѣ сосредоточены были и главныя силы кременецкой профессорской коллегіи и гдѣ, по самому свойству преподаваемыхъ наукъ, они не могли встрѣтить никакихъ импульсовъ къ національному и политическому перерожденію. На этомъ отдѣленіи въ нормальные годы (1837—1838 г.) число студентовъ, получившихъ образованіе въ восточныхъ училищахъ, относилось къ числу воспитанниковъ юго-западнаго края, какъ 1 : 6, а въ нѣкоторые годы даже какъ 1 : 11.

Правда, и на I-мъ отдѣленіи философскаго факультета постепенно устанавливался перевѣсъ послѣднихъ (въ 1837 г. какъ 4 : 1; въ 1838— какъ 5 : 1); но это объясняется перевѣсомъ общаго числа католиковъ надъ православными въ Университетѣ.

Русскіе элементы сосредоточивались преимущественно на юридическомъ факультетѣ, такъ что въ эпоху самаго бо́льшаго преобладанія западныхъ элементовъ въ Университетѣ, т. е. въ 1836 и 1837 г. эти послѣдніе на юридическомъ факультетѣ относились къ восточнымъ уроженцамъ только какъ 3 : 1 и какъ 2 : 1. Очевидно, здѣсь-то и скрывается тотъ рычагъ, которымъ могъ воспользоваться Уваровъ для осу-

ществленія своихъ цѣлей; тутъ приготовлялась мирная армія лицъ гражданской службы, которая могла въ юго-западномъ краѣ установить нѣкоторое равновѣсіе національныхъ элементовъ. Но, повторяемъ, до 1839 г. объ этомъ не думали, да и послѣ забыли о томъ.

Во всякомъ случаѣ Кіевскій Университетъ въ первую эпоху своего существованія, по составу слушателей, не былъ Университетомъ русскимъ.

Евреи до образованія медицинскаго факультета почти не встрѣчаются въ составѣ университетскихъ слушателей; когда-же появлялся одинъ студентъ этого вѣроисповѣданія и національности, то онъ тотчасъ чувствовалъ себя въ чужой сферѣ и потому старался изъ нея выйти. Въ 1837 году студентъ Якимъ Циммерманъ, еврей, по его прошенію и по резолюціи Филарета, митрополита Кіевскаго, 17 октября окрещенъ въ университетской церкви; имя ему дано Іоакимъ; воспріемникомъ былъ ректоръ Университета Неволинъ. При этомъ прот. Скворцовъ просилъ правленіе Университета принять надлежащія мѣры, чтобы студентъ Циммерманъ, какъ новокрещенный христіанинъ, жилъ и обращался съ студентами, которые могли-бы быть ему примѣромъ въ христіанской жизни *). Объ этомъ замѣчательномъ лицѣ скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Переходя къ опредѣленію степени и условій умственнаго развитія студентовъ въ первую эпоху существованія Университета, мы находимъ небезъинтереснымъ вопросъ о возрастѣ молодыхъ людей, поступающихъ въ Университетъ. Шульгинъ приводитъ слѣдующую таблицу поступающихъ въ Университетъ по возрастамъ:

Поступили.	1834 г.	1835 г.	1836 г.	1837 г.	1838 г.	1839 г.
14 лѣтъ.	1	—	—	—	—	—
15 „	1	—	—	—	—	—
16 „	3	5	6	—	—	—
17 „	13	10	16	4	1	8
18 „	17	10	23	9	6	5

*) Дѣло канц. инсп. студ. № 1.

Поступили.	1834 г.	1835 г.	1836 г.	1837 г.	1838 г.	1839 г.
19 лѣтъ	9	10	15	31	14	14
20 „	6	14	16	15	27	9
21 „	4	4	6	11	9	3
22 „	4	6	3	4	10	4
23 „	2	1	1	2	6	1
24 „	1	1	2	—	1	—
25 „	—	3	1	—	1	—
26 „	—	2	1	1	1	—
27 „	1	1	1	1	—	—
28 „	—	—	—	—	1	—

Первоначально не былъ опредѣленъ правилами крайній низшій возрастъ для пріема въ Университетъ; лишь въ 1837 г. (12 января) попечитель предложилъ принимать въ Университетъ воспитанниковъ IV класса гимназій тѣхъ только, которые имѣютъ 16 или болѣе лѣтъ отъ роду. Изъ приведенной таблицы Шульгинъ дѣлаетъ выводъ, что вообще за пятилѣтіе большинство поступало въ Университетъ въ возрастѣ почти возмужаломъ и что „такое отношеніе, благопріятное для сознательнаго слушанія лекцій и самостоятельнаго умственнаго развитія, давало въ тоже время Университету много людей съ болѣе или менѣе установившимися мнѣніями и выработаннымъ характеромъ, которыхъ перевоспитать было уже трудно по новой, данной Университету нормѣ“ *); но изъ его-же таблицы видно, что возрастъ поступающихъ увеличивался до 1839 г. съ каждымъ новымъ наборомъ студентовъ: въ 1834 г. наибольшее число было 18-ти лѣтнихъ; въ 1835 г. равное число 17, 18 и 19-ти лѣтнихъ; въ 1836 г. наибольшія числа приходятся на возрасты 17, 18, 19 и 20-ти лѣтнихъ; въ 1837 году 19 и 20-ти лѣтнихъ. Въ цифрахъ крайнихъ это замѣтно еще болѣе: въ 1834 г. поступали 14 и 15-ти лѣтніе; въ 1838 г. поступилъ одинъ даже 28 лѣтъ. Стало быть въ началѣ Университетъ получалъ матеріалъ, весьма удобный для перевоспитанія и затѣмъ его-же собствен-

*) Ист. Унив. св. Владиміра, стр. 181,

ная строгость требованій увеличила возрастъ поступающихъ. Да и самая мысль о перевоспитаніи малолѣтнихъ въ Университетѣ — едвали правильна; Университетъ можетъ перевоспитывать только средствами, доступными для воспріятія ихъ людьми взрослыми и созрѣвшими; перевоспитаніе школьное въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ могло совершаться также не безъ вліянія Университета, какъ учрежденія, управлявшаго округомъ. Но именно это вліяніе было вскорѣ отнято у Университета, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наблюденіе за умственною подготовкою молодыхъ людей въ гимназіяхъ. Съ какою подготовкою поступали молодые люди въ Университетъ? Такъ какъ поступленіе въ студенты было дозволено всѣмъ, а не однимъ, окончившимъ курсъ въ гимназіяхъ, то естественно подготовка аспирантовъ на студенчество была весьма различна. Зная отчасти свойства школъ юго-западнаго края, мы уже знаемъ до нѣкоторой степени и общій уровень свѣдѣній главной массы учениковъ ихъ. Университетъ, хотя и браковалъ, какъ мы видѣли, молодыхъ людей на пріемныхъ испытаніяхъ, но строгость оцѣнки была относительная: изъ общей массы малознающихъ приходилось отвергать лишь совершенно незнающихъ. Въ первые годы существованія Университета, кромѣ небольшаго числа переходящихъ изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній (университетовъ, академій и лицеевъ), главная масса поступала изъ среднихъ учебныхъ заведеній (гимназій, уѣздныхъ и монастырскихъ училищъ), затѣмъ изъ частныхъ пансіоновъ и прямо изъ домовъ родителей. Конечно, всего менѣе можно разсчитывать на удовлетворительность подготовки лицъ двухъ послѣднихъ категорій; хотя чило лицъ, получившихъ домашнее воспитаніе съ каждымъ годомъ (до 1839 г.) возрастало (въ 1834 г. 2, 1835—6, въ 1836—9, въ 1837—27, въ 1838—27), но это шло пропорціонально возрастанію и числа поступающихъ изъ общественныхъ школъ (въ 1834 г.—47, въ 1835—94, въ 1836—160, въ 1837—211, въ 1838—210). Ничтожное число учившихся въ семинаріяхъ остается почти неизмѣннымъ (3—3—9—4—6). Очевидно, общій тонъ учащемуся юношеству давали воспитанники гимназій и другихъ общественныхъ школъ, и именно юго-западнаго края (по большинству ихъ числа въ округѣ), т. е. тѣхъ самыхъ, которыя со времени польскаго владычества и потомъ со времени Чацкаго почти не измѣнили духа и состава сообщаемаго образованія. Что касается въ частности гимназій, то отношеніе

ихъ къ своимъ воспитанникамъ можно отчасти увидѣть изъ тѣхъ аттестатовъ, которыми онѣ снабжали окончившихъ курсъ. Для примѣра приводимъ одинъ изъ нихъ *), данный будущему профессору нашего Университета К. Ѳ. Страшкевичу изъ Житомірской гимназіи въ 1835 году (съ сохраненіемъ правописанія подлинника).

Степень научнаго направленія поступающей въ Университетъ молодежи характеризуется отчасти выборомъ факультета. Съ перваго-же

---

*) „№ 1 увольнительное свидѣтельство. *Имя.* Кондратъ Страшкевичъ сынъ дворянина Волынской губерніи Новоградволынскаго уѣзда, коллежскаго секретаря Федора Степанова сына Страшкевича, родился въ уѣздномъ городѣ Ковлѣ 1815 года ноября 21 дня, имѣетъ отъ роду нынѣ 20-й годъ.

Время посѣщенія училища. Послѣ частнаго домашняго приготовленія обучался въ публичныхъ училищахъ всего 4 года, изъ того числа въ Межирѣцкой гимназіи одинъ годъ, въ высшихъ классахъ губернской Житомірской гимназіи три года.

Поведѣніе. 1) Въ отношеніи къ соучащимся имѣлъ обхожденіе благородное и дружественное, и потому отъ соучащихся былъ любимъ и находилъ усердную въ нихъ къ себѣ расположенность. 2) Въ отношеніи къ начальству: слѣдуя внушеннымъ понятіямъ о порядкѣ и обязанностяхъ и сохраняя добронравственныя правила, Кондратъ Страшкевичъ принималъ наставленія съ искреннимъ убѣжденіемъ въ справедливости оныхъ и готовностью слѣдовать имъ; а потому онъ рѣдко подавалъ учителямъ и начальству поводъ порицать въ немъ что-либо; и для того и отношеніе его къ начальству основывалось на почтительной исполнительности установленія, а отношенія начальства на усердномъ доброжелательствѣ къ нему. Откровенность и чистосердечіе являлись въ немъ столь искренніи, сколь можно ожидать отъ молодаго человѣка, съ благоговѣйнымъ вниманіемъ занимавшагося ученіемъ Закона Божія.

Прилѣжаніе. Кондратъ Страшкевичъ продолжалъ науки въ сей гимназіи съ весьма заботливою ревностью, употребляя постоянно прилѣжаніе и неутомимость въ исполненіи классическихъ познаній, посѣщалъ училище съ возможною исправностью, равно старался о успѣхѣ въ проходимыхъ имъ науках; назначаемыя задачи для практическаго упражненія въ преподаваемомъ ученіи и письменныя сочиненія выполнялъ съ живою охотою и надлежащею точностью,

Знанія. Въ Законѣ Божіемъ православнаго исповѣданія, обучаясь съ сердечною привязанностію къ сему предмету, душевно почитаемому, оказалъ превосходные успѣхи. Имѣя склонность къ литературнымъ занятіямъ онъ, Страшкевичъ, въ ученіи греческому языку оказалъ знанія очень хорошія, но занимаясь болѣе латинскимъ языкомъ, дошелъ до основательнаго пониманія высшихъ актовъ на семъ языкѣ; въ чтеніи Цицерона и Горація постигалъ достоинства и духъ витейства; въ собственныхъ сочиненіхъ на семъ языкѣ, съ соблюденіемъ грамматической правильности, приспособился въ замѣтной степени къ древнему образу изложенія мыслей на ономъ языкѣ. Во всеобщей и россійской исторіи и географіи показалъ опыты отличныхъ познаній“ и т. д.

Впослѣдствіи мы встрѣтимся съ дальнѣйшею судьбою К. Ѳ. Страшкевича, какъ университетскаго преподавателя.

раза бо́льшая часть студентовъ устремилась на юридическій факультетъ; въ нормальные годы 1837 и 1838 число студентовъ—юристовъ составляло больше $^1/_2$ всѣхъ студентовъ Университета. На II-е отдѣленіе философскаго факультета поступали люди вполнѣ обезпеченные, дѣти болѣе богатыхъ землевладѣльцевъ; на I-е — бѣдняки, предназначившіе себѣ скромную дорогу учителей.

Качество и высота образованія, которое началъ сообщать Университетъ, опредѣляются уже приведенными выше свѣдѣніями о профессорской коллегіи. Что-же касается до способовъ его сообщенія, то упрекаютъ Университетъ того времени въ школьномъ направленіи и упрекъ этотъ справедливъ только въ одномъ отношеніи, и именно въ чрезмѣрномъ количествѣ лекцій и общей ихъ обязательности для студентовъ; но не въ отступленіяхъ отъ факультетскаго распредѣленія наукъ, и не въ частыхъ экзаменахъ. Количество ежедневныхъ лекцій, дѣйствительно, велико; такъ въ нормальные годы этой эпохи (1837 и 1838 г.) на I-мъ отдѣленіи философскаго факультета число лекцій въ недѣлю простиралось отъ 22 (на IV курсѣ) до 32 (на III курсѣ), или отъ 4 до 5 лекцій ежедневно. На II отдѣленіи философскаго факультета— отъ 16 (на IV курсѣ) до 25 (на I-мъ курсѣ) по главнымъ предметамъ и до 9 (на I курсѣ) по предметамъ вспомогательнымъ. На юридическомъ факультетѣ до 16 по главнымъ и до 18 (на I курсѣ) по вспомогательнымъ. Строгія мѣры обязательности лекцій простирались одинаково какъ на студентовъ, такъ и на профессоровъ. Было постановлено, чтобы преподаватели записывали ежедневно въ журналѣ, что ими преподано. Замѣтивъ пропускъ лекцій, попечитель требовалъ отъ совѣта объясненія, почему преподаватели или студенты не были на лекціяхъ. Наконецъ дано было Высочайшее повелѣніе о вычетѣ изъ жалованья преподавателей за лекціи, на которыя они не явятся безъ представленія начальству законныхъ причинъ. Нужно однако замѣтить, что далеко не всѣ часы, назначенные на лекціи, были заняты лекціями въ собственномъ смыслѣ; значительное число ихъ шло на практическія упражненія (разборъ образцовыхъ и студенческихъ сочиненій на I-мъ отдѣленіи; занятія въ лабораторіяхъ, въ гербаріи, а впослѣдствіи въ саду на II-мъ отдѣленіи философскаго факультета; въ толкованіяхъ источниковъ римскаго права и въ разборѣ судебныхъ рѣшеній—на юридическомъ факультетѣ). Такимъ образомъ лекціи не про-

изводили такого изнурительнаго постояннаго напряженія мысли, какъ можно подумать. Затѣмъ лекціи располагались въ разные часы цѣлаго дня. Быть можетъ такое преподаваніе оставляло мало времени для самостоятельныхъ занятій одною или нѣсколькими отраслями наукъ, но къ такой спеціальной учености не стремились еще русскіе Университеты ни тогда, ни долго послѣ. Да сомнительная польза этой преждевременной спеціализаціи дѣлается еще сомнительнѣе, когда въ университетъ приходили люди, не получившіе надлежащаго общаго образованія.

По этой-же причинѣ было совершенно неизбѣжно отступить отъ строгаго распредѣленія предметовъ по факультетамъ. Какъ, напр., не преподавать русскій языкъ математикамъ или юристамъ, когда до поступленія въ Университетъ для нихъ этотъ языкъ былъ почти совсѣмъ чуждъ? Сюда присоединилось потомъ другое соображеніе, вытекавшее изъ особенностей положенія Университета въ Кіевѣ: русская исторія введена во всѣхъ факультетахъ, какъ наука, преимущественно содѣйствующая достиженію главной миссіи Университета среди польскаго населенія. Сверхъ этого и ни при какомъ положеніи дѣла нельзя считать полезнымъ полное искуственное отчужденіе одной отъ другой такихъ близкихъ наукъ, каковы историческія и юридическія. Поэтому нѣтъ ничего ненормальнаго и вреднаго, что на I курсѣ юридическаго факультета было 18—19 лекцій по вспомогательнымъ наукамъ и только 15 по главнымъ. На I-мъ отдѣленіи философскаго факультета вовсе не было вспомогательныхъ предметовъ, потому что это отдѣленіе именно и давало вспомогательныя науки другимъ факультетамъ. На II-мъ отдѣленіи того-же факультета лишь въ двухъ первыхъ годахъ университетской жизни вспомогательные предметы занимали значительное число часовъ; въ остальные-же годы на нихъ употребляемо было по 9 часовъ въ недѣлю.

Столь-же неосновательнымъ представляется упрекъ молодому Университету за производство частыхъ экзаменовъ (т. е. годичныхъ и для казеннокоштныхъ—полугодичныхъ). Молодежь требовала поощреній и контроля въ занятіяхъ: по переводнымъ экзаменамъ оставляемо было $1/3$ — $1/6$ студентовъ на томъ-же курсѣ (въ 1837 г. переведено 171, оставлено 52; въ 1838 г. переведено 184, оставлено 32). На ту-же мысль наводитъ и незначительное число окончившихъ съ учеными сте-

пенями и званіями въ первый выпускъ—1838 г.; именно тогда выпущено всего 31 студентъ, именно: 19 съ степенью кандидата и 12 съ званіемъ дѣйствительнаго студента (кандидатовъ: по I-му отдѣленію философскаго факультета 4, по II-му отдѣленію—5, по юридическому факультету 10; дѣйствительныхъ студентовъ по I-му отдѣленію—2, по II-му—1, по юридическому факультету 9).

Лучшимъ оправданіемъ системы, принятой тогда Университетомъ, служитъ слѣдующій фактъ, сообщаемый тѣмъ-же писателемъ, который дѣлаетъ Университету приведенные выше упреки: „если судить по воспоминаніямъ старыхъ студентовъ того времени, людей вполнѣ серьезныхъ и достойныхъ уваженія, изъ которыхъ нѣкоторые потомъ сами посвятили себя трудной педагогической службѣ, то гораздо сильнѣе проявлялась умственная дѣятельность въ университетѣ до 1838 г., чѣмъ долгое время послѣ 1838 г.“

Тотъ-же историкъ находитъ основанія (неизвѣстныя для насъ) опредѣлить разницу въ научныхъ успѣхахъ студентовъ по мѣсту ихъ происхожденія: „Гораздо сильнѣе интересъ къ наукѣ проявлялся въ студентахъ, получившихъ первоначальное образованіе въ западно-русскихъ училищахъ,—гораздо слабѣе въ воспитанникахъ поступившихъ изъ малороссійскихъ училищъ: между первыми было болѣе такихъ, которые занимались „степени и службы ради“. Особенно мало были развиты ученики Черниговской гимназіи“. Въ доказательство этого историкъ не приводитъ ничего. Но во всякомъ случаѣ, если такая разница и была, то она не совпадала съ національнымъ различіемъ учащихся, что̀ показываетъ слѣдующій случай: уроженцы западно-русскаго края составили литературные вечера, которые, однако, вскорѣ были направлены къ цѣлямъ, чуждымъ наукѣ; увидѣвъ это, лица непольскаго происхожденія поспѣшили уклониться отъ общества.

Всѣ тѣ изъ воспитанниковъ первыхъ курсовъ, которые впослѣдслѣдствіи составили себѣ имя въ наукѣ, хотя и были уроженцами западнаго края, но или русскіе или иностранцы. Къ нимъ принадлежали нѣкоторые, впослѣдствіи съ честію занимавшіе преподавательскія мѣста въ Университетѣ св. Владиміра и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; таковы: *Ант. Андр. Глушановскій*, бывшій впослѣдствіи профессоромъ Нѣжинскаго лицея, а затѣмъ—синдикомъ Университета св. Владиміра; *К. Ѳ. Страшкевичъ*, уже на школьной скамьѣ обра-

тившій на себя вниманіе сочиненіями по классическому языкознанію, *И. Вернадскій*, котораго студенческое сочиненіе: „О полонизмахъ въ русскомъ языкѣ“ М. А. Максимовичъ предлагалъ разослать по училищамъ округа, тогда учился *Ник. Костырь*—сдѣлавшійся преемникомъ Максимовича и долго занимавшій каѳедру русской словесности. Тогда-же были въ числѣ студентовъ: *А. С. Роговичъ*—первый изъ воспитанниковъ Университета св. Владиміра получившій каѳедру на физико-математическомъ отдѣленіи; *Н. И. Пилянкевичъ*, бывшій послѣ преемникомъ Неволина по каѳедрѣ энциклопедіи права. Не говоря здѣсь о названныхъ сейчасъ ученыхъ, съ дѣятельностію которыхъ ознакомимся на послѣдующихъ страницахъ этой исторіи, мы должны для оцѣнки первыхъ курсовъ Университета, напомянуть о тѣхъ изъ даровитыхъ воспитанниковъ этихъ курсовъ, которые впослѣдствіи не принадлежали къ Университету св. Владиміра. Въ числѣ тогдашнихъ студентовъ находимъ *Ив. Андр. Максимовича*, впослѣдствіи сдѣлавшаго себѣ ученую репутацію въ качествѣ профессора лицея князя Безбородко и въ качествѣ писателя — криминалиста. На университетской скамьѣ онъ не былъ особенно замѣтенъ и окончилъ курсъ дѣйствительнымъ студентомъ, но черезъ годъ, т. е. въ 1840 году пріобрѣлъ степень кандидата, а въ 1842 г. назначенъ преподавателемъ въ лицей; въ 1845 году уже пріобрѣлъ степень магистра государственнаго права (а мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, какъ это было не легко въ то время). Преподавая до конца своей службы въ Нѣжинѣ уголовное право, онъ слѣдовалъ исторической системѣ въ изложеніи права, что отразилось и на двухъ его произведеніяхъ — актовыхъ рѣчахъ: „О развитіи идеи преступленія по смыслу памятниковъ русскаго законодательства“ (1845 г.) и „Объ уголовныхъ наказаніяхъ въ Россіи“ (1853 г.). Первая изъ нихъ имѣетъ несомнѣнную научную важность и не только какъ первый въ то время трудъ по данному предмету, но и теперь не лишена научнаго значенія. Въ тѣ-же первые годы Университета св. Владиміра учился въ немъ *бар. Шодуаръ*. Выше мы упомянули о студентѣ новокрещенцѣ *Акимъ Константиновичъ* (по крестному отцу Константину Алексѣевичу Неволину) *Циммерманъ*. Этотъ новокрещенецъ впослѣдствіи сдѣлался первымъ избранникомъ юридическаго факультета, когда Университету предложено было рекомендовать молодыхъ людей къ посылкѣ за границу для приготовленія къ профессурѣ. Онъ былъ уже

тогда профессоромъ Нѣжинскаго лицея по каѳедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія; но его еврейское происхожденіе, хотя и смытое купелью крещенія, тѣмъ не менѣе послужило препятствіемъ къ полученію профессуры въ Университетѣ. Онъ пріобрѣлъ степень магистра въ 1846 г. и долгое время съ великою честію продолжалъ занимать каѳедру въ лицеѣ. По свидѣтельству его біографа, аудиторія Циммермана была полна студентами. „Памятны блистательнымъ образомъ читанныя имъ лекціи, напр. о степеняхъ развитія воли, ученіе Канта, Спинозы, Шеллинга, еврейское законодательство и проч.“ Книга Неволина служила для него только канвою для развитія самостоятельныхъ взглядовъ на предметы науки. Съ большою теплотою нѣжинскіе слушатели его вспоминаютъ и о прекрасныхъ качествахъ души и добротѣ сердца его, говоря, что „нравственное возмездіе такому человѣку всегда и вездѣ — глубокое уваженіе и любовь“ *). Въ тѣ-же годы воспитывался въ Университетѣ *Мих. Андр. Туловъ,* впослѣдствіи также профессоръ лицея кн. Безбородко, а затѣмъ инспекторъ казенныхъ училищъ Кіевскаго учебнаго округа, окончившій свою службу помощникомъ попечителя того-же округа. Онъ былъ также юго-западнаго происхожденія; родился въ Гроднѣ и воспитывался въ Житомірѣ. Въ Университетѣ св. Владиміра, куда онъ поступилъ при самомъ открытіи его, онъ состоялъ на І-мъ отдѣленіи философскаго факультета и былъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ. Въ 1837 году съ нимъ случилась бѣда: за столкновеніе съ инспекціею, онъ, съ согласія министерства народнаго просвѣщенія, былъ назначенъ учителемъ приходскаго училища въ Остеръ, гдѣ и пробылъ цѣлый годъ, послѣ чего ему дозволено было окончить курсъ въ университетѣ по прежнему на казенномъ содержаніи. Въ 1839 году т. е. въ годъ выпуска, онъ представилъ кандидатское сочиненіе „Очеркъ историческаго развитія логики отъ Аристотеля до Гегеля“, въ которомъ старался уяснить разницу гегелевской матеріальной логики отъ прежней формальной, что́ служитъ показателемъ значительнаго успѣха философскихъ знаній въ Университетѣ св. Владиміра того времени. Прослуживъ очень незначительный срокъ въ Винницкой гимназіи, М. А. Туловъ былъ переведенъ въ Нѣжинскій лицей преподавателемъ по каѳедрѣ словес-

*) См. „Лицей кн. Безбородко“, стр. 140 (ст. Н. Петрова).

ности. Въ 1844 г. онъ пріобрѣлъ въ Университетѣ св. Владиміра степень магистра философіи, написавъ для того диссертацію „О романѣ", которую по отзыву его горячаго поклонника и благодарнаго ученика— г. Гербеля, защитилъ блистательно. По тому-же отзыву его нѣжинскаго слушателя, онъ производилъ въ лицеѣ благотворное вліяніе на молодые умы и на развитіе вкуса. „Кромѣ несомнѣнной любви къ своему предмету и своеобразности взгляда какъ на искусство вообще, такъ и на произведенія разбираемыхъ имъ писателей въ частности, почти всегда вѣрнаго, онъ обладалъ замѣчательнымъ даромъ слова и такъ сказать наглядностію изложенія, увлекавшаго слушателей" *). Плодомъ его занятій въ Нѣжинѣ, кромѣ статей въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, было довольно извѣстное и цѣнное произведеніе: „Руководство къ познанію родовъ, видовъ и формъ поэзіи" (Кіевъ 1853 г.); по его плану затѣмъ долженъ былъ слѣдовать курсъ риторики; но съ перемѣною службы М. А. Т—въ долженъ былъ прекратить свою ученую дѣятельность. Въ 1853 г. онъ былъ назначенъ директоромъ гимназіи въ Немировъ, а затѣмъ (съ 1857 г.) окружнымъ инспекторомъ и наконецъ, какъ сказано, помощникомъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа. Въ эпоху рѣзкихъ колебаній въ направленіи окружной администраціи при Н. И. Пироговѣ, его преемникахъ и затѣмъ кн. А. Пр. Ширинскомъ-Шахматовѣ, М. А. Туловъ оставался неизмѣнно на своемъ посту и неудивительно, что не могъ удовлетворять всѣмъ часто мѣнявшимся воззрѣніямъ на задачи главнаго управленія округа. Впрочемъ оцѣнка этой дѣятельности его, по отношенію къ Университету св. Владиміра, должна быть отнесена къ эпохѣ гораздо позднѣйшей,—т. е. къ эпохѣ первыхъ годовъ по введеніи устава 1863 г.

Доказательствомъ значительной степени умственнаго развитія цѣлой массы студентовъ служитъ сдѣланный студентами подъ руководствомъ О. М. Новицкаго переводъ соч. бар. Barchou de Penhoen: „Histoire de la philosophie allemande depuis Leibnitz jusqu'à Hegel", отчасти напечатанный въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, что впрочемъ болѣе свидѣтельствуетъ о достоинствахъ и вліяніи самого профессора, котораго лекціи сообщили цѣлому Университету философское направленіе.

*) „Лицей кн. Безбородко", стр. 136—139.

Многіе изъ даровитыхъ студентовъ польскаго происхожденія уже тогда сошли съ этой прямой научной дороги на скользкую стезю политики и сами погибли и другихъ увлекли за собою. Но изъ нихъ слѣдуетъ съ уваженіемъ упомянуть объ *Ант. Гр. Станиславскомъ*, который уже съ 1843 года сдѣлался преподавателемъ въ Казанскомъ университетѣ, а потомъ съ 1853 г. въ Харьковскомъ и составилъ себѣ почетное имя своими трудами: „Объ актахъ укрѣпленія правъ на имущества“ (1842 г.) и „Объ огражденіи имущественныхъ отношеній частныхъ лицъ по древнему русскому праву“ (1851 г.) и нѣсколькими актовыми рѣчами (въ особенности: „О ходѣ законовѣдѣнія въ Россіи“).

Нравственно-полицейскій надзоръ за студентами имѣлъ тогда двойную трудность: кромѣ обычныхъ наблюденій за сохраненіемъ порядка среди молодежи, приходилось наблюдать за направленіемъ умовъ среди такого пестраго національнаго состава студентовъ, какой былъ тогда въ Университетѣ св. Владиміра. Мы уже говорили, что для этой послѣдней (преимущественно полицейской) роли не годился самъ попечитель, переносившій на другихъ черты своей благородной, искренней и честной натуры и вѣровавшій въ возможность духовнаго примиренія молодыхъ умовъ путемъ науки. Къ сожалѣнію, инспекторская часть, хотя и подчиненная Университету, состояла изъ лицъ, стороннихъ для профессорской коллегіи и не возбуждала довѣрія въ студентахъ. Инспекторами назначаемы были отставные военные разныхъ родовъ оружія, различавшіеся весьма по характеру, но всѣ одинаково совершенно не подготовленные къ педагогической дѣятельности; то были: полковникъ *Ѳед. Ив. Люце* (1834—1836 г.), зять попечителя Е. Ѳ. Брадке, оставившій по себѣ грозную память; затѣмъ также отставной полковникъ, по морякъ по воспитанію *Мих. Андр. Линденъ* (1836—1837 г.); наконецъ 70-ти лѣтній старецъ также отставной полковникъ *Гинглингъ* (1837—1839 г.). Уже изъ именъ ихъ видно, что то были все люди нѣмецкаго происхожденія, люди лифляндскіе, которые вообще нерѣдко призывались тогда къ исполненію подобныхъ должностей. Но въ Университетѣ они не оправдали своей репутаціи; не смотря на лютую славу, оставленную по себѣ нѣкоторыми изъ нихъ, среди студентовъ спокойно зарождалось и подготовлялось то движеніе, которое привело къ катастрофѣ 1839 года. Въ распоряженіи ихъ состояли помощники инспектора, сперва одинъ, а потомъ съ каждымъ годомъ

прибавлялось ихъ по одному, такъ что въ 1838 году было ихъ уже 5; между ними попадаются также лифляндскія и притомъ весьма готическія фамиліи, напр. баронъ фонъ-Рутенбергъ, баронъ фонъ-деръ-Паленъ. Но бóльшая часть именъ русскихъ; изъ нихъ одинъ—Гудима, впослѣдствіи долго фигурировалъ въ университетскомъ надзорѣ. Большая часть изъ нихъ также люди военные, отставные, но только чиномъ пониже: подполковники, маіоры, поручики. Какъ инспекторы, такъ и ихъ помощники назначаемы были на должность не столько ради самой должности, сколько изъ цѣлей древне-русскаго кормленія. То было для нихъ добавочною пенсіею или замѣною ея, и потому они быстро сходили со сцены, не успѣвши воспользоваться во благо и тою долею вліянія, которую пріобрѣтали нѣкоторые изъ нихъ (фонъ-Рутенбергъ, Шишкинъ, Ивановъ).

По мѣрѣ увеличенія числа помощниковъ инспектора увеличивалась и подчиненная имъ армія педелей, на которыхъ начальство возлагало иногда больше упованій, чѣмъ на первыхъ.

При такихъ личныхъ средствахъ весь надзоръ сводился на внѣшне-полицейскій: охранялся, и весьма строго, лишь наружный порядокъ *). Сущность надзора опредѣлялась инструкціею инспектору, выработанною совѣтомъ Университета св. Владиміра и утвержденною 1835 г. ноября 9. По этой инструкціи наблюденіе за нравственностію студентовъ совершенно снято съ ректора, который можетъ только сообщать свои замѣчанія инспектору и доносить попечителю, если инспекторъ не обратилъ на нихъ вниманія. Надзоръ, по инструкціи, дѣлится а) на часть нравственную, б) учебную, в) полицейскую и г) хозяйственную. Что касается до перваго, то въ основаніе нравственности кладется религія; но хотя главнѣйшею обязанностію инспектора признается попеченіе о религіозномъ направленіи учащихся, однако въ сущности это попеченіе сводится къ наблюденію за внѣшними признаками набожности, а именно: чтобы студенты всѣ ходили къ обѣднѣ въ воскресные и праздничные дни и въ церкви соблюдали тишину, чтобы они ежегодно говѣли и чтобы казеннокоштные ежедневно присутствовали при утреннихъ и вечернихъ молитвахъ. Вторымъ, послѣ

*) Нѣсколько болѣе интенсивный характеръ имѣлъ надзоръ за казеннокоштными.

религіозности, признакомъ нравственности считается—безусловное повиновеніе властямъ, откуда для инспектора возникаетъ обязанность наблюдать, чтобы учащіеся сохраняли обязанность чинопочитанія какъ въ отношеніи къ своимъ начальникамъ, такъ и къ прочимъ государственнымъ властямъ и чтобы они не заводили тайныхъ обществъ и сходбищъ. Третьею чертою нравственности служитъ „чистота нравовъ и безпорочное поведеніе“, на которомъ особенно настаиваетъ инструкція. Еще до 1837 г., когда на этотъ счетъ Уваровъ принялъ особыя мѣры, въ инструкціи было постановлено, чтобы студенты, живущіе не въ домахъ родителей, не нанимали себѣ квартиръ въ подозрительныхъ домахъ. Инспекторъ строго долженъ преслѣдовать роскошь, особенно въ людяхъ не очень достаточнаго состоянія, смотрѣть, чтобы они не посѣщали трактировъ и тому подобныхъ публичныхъ мѣстъ, чтобы не читали запрещенныхъ книгъ, чтобы не отличались странностію и неприличіемъ въ пріемахъ, походкѣ и тѣлодвиженіяхъ (пунктъ, который въ 1840 г. повелъ, какъ увидимъ, къ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ для высшаго образованія въ цѣлой имперіи). Вообще, заключаетъ объ этой части инструкція, инспекторъ будетъ ограждать ввѣренное ему юношество отъ всѣхъ тѣхъ нравственныхъ золъ, которыхъ не желалъ-бы въ собственныхъ своихъ дѣтяхъ. По части учебной инспекторъ наблюдаетъ, чтобы студенты неопустительно посѣщали лекціи и не опаздывали на нихъ приходомъ. Если студентъ два дня сряду не приходитъ на лекцію, то инспекторъ приказываетъ его освидѣтельствовать чрезъ медика. Третья и важнѣйшая часть надзора, къ которой сводятся всѣ остальныя, есть полицейская; она требуетъ, прежде всего, чтобы студенты не отлучались изъ мѣстожительства безъ дозволенія инспектора; своекоштный студентъ можетъ отлучиться изъ своей квартиры до 10-ти часовъ вечера, сказавши одному изъ домашнихъ, куда идетъ; а если ему нужно пробыть внѣ квартиры позже 10-ти часовъ, то спрашиваетъ позволенія у инспектора. Отлучаться за городъ хотябы на самое близкое разстояніе безусловно запрещается. Инспекторъ смотритъ, чтобы студенты были одѣты по предписанной формѣ; употребленіе партикулярнаго платья строго воспрещается, а равно и всякія перемѣны въ цвѣтѣ и покроѣ одежды, фуражекъ, галстуховъ и прочія произвольныя украшенія, напр. шитыя петлицы на воротникѣ. Инспекторъ наблюдаетъ за чистотою и опрятностію тѣла и за здо-

ровьемъ студентовъ; подъ его надзоромъ находится леченіе студентовъ въ студентской больницѣ. Инспекторъ и его помощники должны смотрѣть, какъ ведутъ себя студенты въ мѣстахъ общественныхъ собраній и на гуляньяхъ. Студентамъ запрещается дѣлать долги, въ случаѣ-же крайней необходимости къ тому, инспекторъ принимаетъ мѣры къ своевременной ихъ уплатѣ. Городская полиція должна немедленно увѣдомлять инспектора о всякомъ предосудительномъ поступкѣ студента. Нѣкоторыя особенныя мѣры надзора предписываются по отношенію къ казеннокоштнымъ, но мы ознакомимся съ ними въ исторіи института казеннокоштныхъ. Къ этому-же институту относится и вся хозяйственная часть инспекторской дѣятельности.

Всѣ запрещенныя дѣйствія студентовъ раздѣляются на проступки и вины; первые проистекаютъ отъ легкомыслія и незрѣлости ума, вторыя имѣютъ источникомъ злую волю. За первые полагаются увѣщаніе, выговоръ и простой арестъ не долѣе двухъ дней; за вторыя—карцеръ на 1 день. Эти наказанія предоставляется налагать инспектору; въ случаяхъ, превышающихъ его власть, онъ доноситъ съ своимъ мнѣніемъ попечителю. Арестъ состоитъ въ содержаніи въ отдѣльной комнатѣ, при чемъ наказанный не посѣщаетъ лекцій, имѣетъ постель и можетъ пользоваться обыкновенною пищею и книгами. Заключенный въ карцеръ содержится подъ строгимъ карауломъ, не имѣетъ своей постели и не получаетъ пищи, кромѣ хлѣба и воды.

Инспекторъ ведетъ книги поведенія студентовъ, въ которыхъ противъ имени каждаго студента онъ вписываетъ замѣчанія о поведеніи и нравственности, о проступкахъ и взысканіяхъ. Изъ этихъ книгъ составляются инспекторомъ кондуитные списки чрезъ каждые полгода; по окончаніи полугодія учащимся выдается табель, въ которую вписывается аттестація о поведеніи для отсутствующихъ родителей или другихъ воспитателей. Кондуитные списки представляются попечителю и чрезъ ректора въ совѣтъ.

Для облегченія въ исполненіи обязанностей инспектора, ему предоставлены слѣдующія права: онъ можетъ присутствовать при экзаменахъ, онъ приглашается въ засѣданіе совѣта при обсужденіи дѣлъ о переводѣ студентовъ въ высшіе курсы, о выдачѣ медалей, о пріемѣ на казенное содержаніе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ студентъ не получаетъ перевода, медали или казеннаго содержанія, если инспекторъ сдѣлаетъ

неодобрительный отзывъ о его поведеніи, хотя-бы по успѣхамъ онъ того и заслуживалъ.

Не смотря на всѣ усилія этой инструкціи придать надзору отеческій и воспитательный характеръ, самое существо дѣла, а еще болѣе качество лицъ, опредѣляемыхъ въ инспекцію, должны были тотчасъ же ограничить весь надзоръ одною полицейскою частію. Бо́льшая часть студентовъ разсѣевалась по разнымъ частнымъ квартирамъ, на огромныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга въ такомъ разбросанномъ городѣ, какъ Кіевъ. Почти всѣ они были въ возрастѣ довольно зрѣломъ. Инспекторъ и его помощники, не принадлежа къ высшему ученому сословію, а иногда и вовсе лишенные образованія, не могли пользоваться въ ихъ глазахъ никакимъ внутреннимъ авторитетомъ, кромѣ авторитета власти и чина; внушенія, дѣлаемыя ими, принимались студентами не по силѣ ихъ моральнаго достоинства, а по тѣмъ невыгоднымъ послѣдствіямъ, которыми могли сопровождаться.

Всѣ эти невыгодныя стороны надзора отчасти исправлялись и сглаживались свѣтлою личностію самого попечителя. „Студенты, пишетъ онъ самъ, могли свободно развивать свои силы, а къ вспышкамъ юношеской живости относились отечески, строго требуя однако соблюденія существующихъ законовъ и постановленій. Попечитель (онъ говоритъ самъ о себѣ) всегда обращался со студентами какъ отецъ и другъ. Такимъ его всѣ и почитали, и только въ важныхъ и рѣдкихъ случаяхъ предъявлялъ онъ свою начальническую власть, что́ и производило всякій разъ сильное впечатлѣніе. Молодые люди часто прибѣгали къ нему въ своихъ личныхъ и семейныхъ дѣлахъ; родители тоже... Всѣ дѣла обсуживались словесно, и только въ сложныхъ и очень рѣдкихъ случаяхъ инспекторъ прибѣгалъ къ письменному донесенію. Принятые въ первый годъ студенты представляли собою довольно нравственный кружокъ, въ которомъ уважалась религія и развито было чувство чести. Такъ какъ число ихъ доходило лишь до 60 человѣкъ, то я зналъ всѣхъ ихъ лично и могъ слѣдить за ними. Я внушалъ имъ, чтобы они сами оберегали честь своего студенчества и въ случаѣ нужды обращались ко мнѣ за содѣйствіемъ. Это было по поводу того, что два перешедшіе изъ Казани студента были замѣчены въ пьянствѣ... Вообще должно сказать, что хотя и не обходилось безъ юношескихъ увлеченій, но студенты держали себя нравственно *).

*) Рус. Арх. 1875 г. (Автобіогр. Брадке).

Строгость инспекторовъ и придирчивость внѣшней полицейской власти во всякомъ случаѣ находили себѣ поправку въ благоразуміи и справедливости Е. Ѳ. Брадке. Къ нему непосредственно обращались студенты, если чувствовали себя несправедливо наказанными и обиженными. Приведемъ случай, который ясно показываетъ тогдашній взглядъ студентовъ на отношеніе къ попечителю и на наказанія. Въ 1838 г. студентъ А. В—ль, наказанный за столкновеніе съ полиціею, подалъ такую просьбу попечителю: „Повинуясь совершенно волѣ и распоряженіямъ моего начальства, я съ безусловною покорностію подвергся назначенному мнѣ наказанію, состоявшему въ двухсуточномъ арестѣ въ карцерѣ. Но такъ какъ это наказаніе было тягостно и позорно для меня самаго, и равно случай, подвергнувшій сему наказанію, *очернилъ меня въ глазахъ моего начальства* и товарищей, посему я, не смѣвши прежде просить объ отложеніи назначеннаго мнѣ наказанія, осмѣливаюсь теперь обратиться съ покорнѣйшею просьбою къ вашему пр—ству удостоить меня выслушать мое оправданіе по дѣлу съ старшимъ полиціймейстеромъ Кронштейномъ. Ибо какъ не тягостно всякое наказаніе, но *несравненно еще тягостнѣе для меня сносить невинно невыгодное мнѣніе о себѣ моихъ начальниковъ*". Затѣмъ проситель разсказываетъ, какъ онъ былъ взятъ ночнымъ обходомъ безъ всякой причины и былъ представленъ старшему полиціймейстеру и генералъ-губернатору, которымъ немедленно былъ освобожденъ. „Въ этомъ случаѣ, продолжалъ онъ, я виноватъ въ томъ, что заговорившись съ магистромъ Липовскимъ, я не успѣлъ явиться на свою квартиру до 10-ти часовъ. Болѣе я не былъ виноватъ ни въ чемъ. *Я не грубилъ никому, я не унижался ни предъ кѣмъ*".

Повторяемъ, что во всякомъ другомъ университетѣ, отеческое правленіе Е. Ѳ. Брадке достигло-бы самыхъ блистательныхъ результатовъ, возбудивъ въ студентахъ не страхъ наказаній, а чувство чести и боязнь оскорбить столь дорогое лицо; но въ Университетѣ св. Владиміра гнѣздились въ тайныхъ уголкахъ другія страсти, не поддававшіяся моральному вліянію. Когда въ 1837 г. онѣ отчасти прорвались наружу, то формальныя строгости поневолѣ увеличились. Но эти новыя мѣры строгости уже не спасли Университетъ отъ его печальной участи въ 1839 году.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Переворотъ 1839 года.

„Я увѣренъ, что слово и мысль лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ, а Кіевъ можетъ дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ, сильнѣе Питера и Москвы".

Хомяковъ (въ письмѣ къ Максимовичу).

Смута. Въ 1839 г. нанесенъ былъ роковой ударъ планамъ С. С. Уварова, дѣятельности Брадке и жизни Университета. Еще въ 1837 г. гр. Уваровъ обозрѣвалъ учебныя заведенія Кіевскаго округа и, преимущественно, Университетъ св. Владиміра, и хотя прошло лишь три года со времени открытія Университета, но основатель его уже находилъ причины поздравлять себя съ началомъ успѣха въ своихъ широко задуманыхъ планахъ относительно западнаго края: „Въ продолженіи трехлѣтняго своего существованія, несмотря на всѣ препятствія, Университетъ успѣлъ уже достигнуть нѣкоторыхъ немаловажныхъ результатовъ, а именно: a) польскій языкъ употребляется нынѣ при преподаваніи одного богословія римско-католическаго исповѣданія; всѣ прочіе предметы ученія какъ въ Университетѣ, такъ и во всѣхъ училищахъ округа читаются на русскомъ языкѣ; b) преподаваніе на русскомъ языкѣ сдѣлалось до того обыкновеннымъ, что нынѣ уже ни для кого не представляется ни страннымъ, ни затруднительнымъ. Отсюда само собою открывается, c) что употребленіе русскаго языка въ западномъ краѣ входитъ въ обычай и знаніе его распространяется какъ въ Университетѣ, такъ и внѣ онаго; d) русское положительное право изучается въ такомъ обширномъ объемѣ, въ какомъ не изучается оно донынѣ въ нѣкоторыхъ великороссійскихъ университетахъ. Такимъ образомъ большая часть студентовъ Университета св. Владиміра по необходимости знакомится и мало по малу свыкается съ бытомъ русскаго народа. e) Русскіе профессоры оправдали вполнѣ надежды правительства: своими способностями и усердіемъ къ службѣ они успѣли заслужить общее довѣріе всего университетскаго сословія и пріобрѣсть уваженіе края и студентовъ. Дворянство и студенты видятъ въ сихъ

русскихъ профессорахъ явное доказательство тому, что просвѣщеніе Россіи идетъ впередъ быстрыми шагами и такимъ образомъ въ нихъ явно утверждается уваженіе къ русской образованности. Сіе чувство утверждается и невольнымъ сознаніемъ, что всѣ училища округа нынѣ находятся въ лучшемъ состояніи, чѣмъ онѣ были въ прежнемъ своемъ быту". Говоря о кременецкихъ профессорахъ, Уваровъ выразился, что „преимущество надъ ними русскихъ профессоровъ, въ Университетѣ св. Владиміра находящихся, по способностямъ и дарованію, столь разительно, что какъ профессоры они лишились своего значенія даже въ глазахъ туземцевъ. Ни одинъ изъ нихъ не можетъ равняться съ нашими: Максимовичемъ, Неволинымъ, Новицкимъ и т. п." Уваровъ боялся (и не безъ основанія), что многіе изъ русскихъ профессоровъ, безъ особаго поощренія, пожелаютъ вернуться на родину и просилъ Государя объ особенныхъ наградахъ нѣкоторымъ изъ нихъ (Максимовичу, Неволину, Новицкому) и о выраженіи Высочайшаго благоволенія Скворцову, Орнатскому, Богородскому и Цвѣткову.

Что касается до кременецкихъ профессоровъ, то С. С. Уваровъ нашелъ тогда, что они, „не взирая на безпорочную ихъ жизнь, и на безпрерывную осмотрительность, остаются для многихъ предметомъ соблазна и недовѣрія", хотя по тщательнѣйшему разбору всѣхъ обстоятельствъ, на которыя обращено было особое его вниманіе, онъ убѣдился, что не только ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ малѣйшаго отношенія „къ извѣстному событію" (подразумѣвается дѣло 4-хъ студентовъ, которое будетъ разсмотрѣно сейчасъ), „но даже не подлежитъ никакому юридическому обвиненію, ибо *всѣ* исполнили въ точности *всѣ* предписанныя имъ обязанности. Но съ другой стороны, принимая въ уваженіе, что государственная предусмотрительность не можетъ подчиняться всегда упрямству односторонней логики, что *польза* общая имѣетъ свои особыя требованія столь-же уважительныя, какъ и требованія общаго *правосудія*, я нахожу, что приспѣло время, когда этихъ профессоровъ можно удалить изъ Университета св. Владиміра". Министръ мотивировалъ это слѣдующими соображеніями: лицейскіе профессора, по сравненію съ русскими, потеряли свой престижъ даже въ глазахъ поляковъ; съ усиленіемъ русскаго элемента Университетъ сдѣлаетъ новый значительный шагъ къ усовершенствованію; положеніе кременецкихъ профессоровъ крайне затруднительно въ Кіев-

скомъ университетѣ: они должны прибѣгать къ самой утонченной осторожности въ сношеніяхъ со студентами, чтобы не подать повода къ сомнѣніямъ; а такая осторожность препятствуетъ имъ имѣть всякое (доброе) вліяніе на студентовъ и дѣлаетъ ихъ безполезными. Словомъ, „польза, которую министерство хотѣло получить отъ нихъ, уже истощена". Но удаленіе ихъ министръ проэктировалъ произвести со всею „бережливостію" и безъ малѣйшаго нареканія; именно дать увольненіе съ пенсіею тѣмъ изъ нихъ, которымъ срокъ службы близился къ концу; другихъ перевести въ другіе университеты; нѣкоторыхъ употребить къ другимъ должностямъ по министерству; во всякомъ случаѣ сдѣлать все это безобидно и даже безъ особой огласки.

Разсуждая о студентахъ, по поводу своей ревизіи, С. С. Уваровъ нашелъ съ этой стороны Университетъ св. Владиміра *не въ нормальномъ* положеніи: въ немъ студенты не изъ однихъ только гимназій, какъ слѣдовало-бы (а изъ разныхъ школъ польскаго характера и изъ домашняго воспитанія) *). Никакой твердой увѣренности съ этой стороны онъ не имѣетъ, но утѣшаетъ себя слѣдующею мыслію: Университетъ „эта *умственная крѣпость,* которая строится вблизи *военной* (въ то время строилась Печерская крѣпость), не можетъ созрѣвать торопливо. Равномѣрно нельзя сдѣлать, чтобы не было въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, поколѣнія, коего первыя впечатлѣнія почерпнуты въ мятежѣ, а первое образованіе принято изъ рукъ раздраженныхъ отцовъ и непріязненнаго духовенства. Не всѣхъ этихъ несчастныхъ удастся намъ совершенно исцѣлить, но кто оттолкнетъ отъ дверей больницы, гдѣ врачуютъ, больнаго, который ищетъ врачеванія?"

Е. Ѳ. фонъ-Брадке въ своей автобіографіи такъ изображаетъ политическое настроеніе въ студенческой средѣ первыхъ годовъ существованія Университета: „Открытіе Университета послѣдовало два года спустя по окончаніи польскаго мятежа; поступавшіе въ него студенты прочувствовали въ своемъ сердцѣ всѣ волненія этой эпохи и, если принять во вниманіе ту пламенную раздражительность національнаго характера и ту несообразность религіозныхъ и нравственныхъ понятій, которыя почти повсемѣстно преобладаютъ въ Польшѣ, то едва-ли можно было сомнѣваться во вліяніи ихъ на юношество, что меня и

*) Однако то-же было и во всѣхъ прочихъ русскихъ университетахъ.

побуждало отказываться отъ мѣста въ Кіевѣ. При всемъ томъ въ началѣ, въ политическомъ отношеніи все шло весьма хорошо и я одинъ только разъ былъ поставленъ въ необходимость выпроводить изъ города за недостойное поведеніе одного молодаго человѣка, который казался мнѣ подозрительнымъ, но которому за недостаткомъ положительныхъ уликъ я не могъ отказать въ поступленіи; въ послѣдствіи узналъ я, что онъ былъ эмиссаромъ польскаго революціоннаго комитета въ Парижѣ. Когда Государь, въ первый разъ послѣ моего назначенія и въ первый годъ существованія Университета (1835 г.), соблаговолилъ посѣтить Кіевъ, то онъ былъ особенно милостивъ и внимателенъ ко мнѣ и ко всему учебному округу и изволилъ мнѣ выразить, что всѣ опасенія относительно настроенія учащейся молодежи нынѣ устранены и всѣ ея вредныя наклонности окончательно уничтожены, что Его Величеству угодно было приписать моему вліянію". Брадке отвѣчалъ, что изъ этого нельзя еще сдѣлать никакого заключенія на счетъ будущаго, что, по полученнымъ имъ извѣстіямъ, польскій комитетъ въ Парижѣ съ величайшею тревогою слѣдитъ за сближеніемъ молодежи съ правительствомъ и вѣроятно предприметъ все для противодѣйствія такому сближенію, что нѣкоторыя демонстраціи этого комитета были имъ (Брадке) уже подавлены, что не слѣдуетъ предаваться излишней увѣренности и должно ожидать еще много худаго. Но Государь замѣтилъ, что Брадке самъ уменьшаетъ свои заслуги и тревожитъ себя безполезными заботами.

Ненадежность студенческаго элемента выступила наружу именно въ тотъ годъ, когда гр. Уваровъ посѣтилъ Кіевъ. Въ то время произошла „исторія" политическаго характера, предвѣстникъ бо́льшихъ бѣдъ, исторія, которую мы разскажемъ сейчасъ. Въ то время былъ въ числѣ студентовъ-поляковъ нѣкто Гордонъ, выдававшійся среди товарищей по своему уму и энергіи и сдѣлавшійся главою и руководителемъ кружка́, замышлявшаго воскресить старыя польскія традиціи въ западной Россіи и обратить въ орудіе для достиженія этой цѣли тотъ Университетъ, который правительство предназначало для достиженія цѣли противоположной. Казалось, что молодой Университетъ становится не ареною мирнаго сліянія національныхъ противоположностей, а игралищемъ скрытой и явной борьбы между ними. Гордонъ и его помощники вербовали приверженцевъ не только между своими соотечествен-

никами, но и между русскими и не всегда безуспѣшно. Но, говоря вообще, подобныя стремленія находили себѣ самый стойкій отпоръ въ студентахъ—южноруссахъ, особенно лѣво-бережныхъ, подготовленныхъ къ тому историческимъ инстинктомъ. Между ними и юго-западными людьми было такъ-же мало сближенія, какъ и между двумя половинами профессорской коллегіи. Хотя это шло въ разрѣзъ съ намѣреніями Уварова, однако въ томъ заключался залогъ спасенія Университета среди бури, разразившейся въ 1839 г. Итакъ Гордону пришлось набирать приверженцевъ преимущественно среди своихъ сооотечественниковъ. Много-ли ихъ было увлечено имъ—неизвѣстно; суду и осужденію подверглись тогда (въ 1837 г.) только четверо его сообщниковъ.

Въ тотъ годъ Брадке ѣздилъ въ окрестности Одессы для леченія морскими купаньями. Въ его отсутствіе въ Кіевѣ „были найдены въ отдаленномъ закоулкѣ, въ навозной кучѣ четыре рукописи съ возмутительными выходками противъ всѣхъ правительствъ съ положительнымъ революціоннымъ оттѣнкомъ, и по тщательномъ изслѣдованіи было обнаружено, что онѣ принадлежали студентамъ". Брадке поспѣшилъ въ Кіевъ; въ то время здѣшнимъ генералъ-губернаторомъ былъ гр. Гурьевъ, который, по словамъ Брадке, „ненавидѣлъ всѣ университеты". Хотя лично между ними не было непріятностей, но по университетскимъ дѣламъ бывали столкновенія, доходившія до Государя, который рѣшалъ ихъ въ пользу Брадке (какъ увѣряетъ этотъ послѣдній). Понятно, какъ взволновался гр. Гурьевъ находкою прокламацій; онъ производилъ слѣдствіе подъ своимъ непосредственнымъ руководствомъ; но когда возвратился Брадке и заявилъ, что это его дѣло и что онъ беретъ всю отвѣтственность на себя, то генералъ-губернаторъ былъ радъ избавиться отъ щекотливой матеріи. По разслѣдованію Брадке оказалось, что „агентъ парижскаго комитета, извѣстный по имени, но къ несчастью успѣвшій ускользнуть за границу, разбросалъ эти возмутительныя прокламаціи по улицамъ въ виду молодыхъ людей и что эти послѣдніе не воздержались отъ искушенія поднять ихъ, но по прочтеніи прониклись такимъ опасеніемъ, что скрыли ихъ подъ подоконниками. Когда впослѣдствіи распространилась молва между студентами, о готовящемся домовомъ обыскѣ, то они вынули ночью эти рукописи и бросили ихъ въ навозную кучу". Такъ разсказываетъ самъ Брадке и продолжаетъ, что рукописи „были найдены и представлены

жандармскому полковнику, который, не переговоривъ предварительно ни со мною, ни съ генералъ-губернаторомъ, отправилъ ихъ прямо въ Петербургъ. Вскорѣ послѣ этого Государь былъ проѣздомъ въ Кіевѣ и, раздраженный отзывами генералъ-губернатора, который по своей душевной тревогѣ и ненависти къ Университету, представилъ ему все дѣло въ ложномъ свѣтѣ, не удостоилъ меня ни одного слова, хотя я былъ приглашенъ къ Высочайшему обѣденному столу". Послѣ обѣда Государь позвалъ его въ свой кабинетъ и первоначальный пріемъ его не былъ милостивъ; онъ „отнесся къ этому дѣлу съ самой худшей стороны". Но когда Брадке разъяснилъ ему всѣ обстоятельства, то онъ возвратилъ свое милостивое расположеніе и заявилъ, что событіе это не измѣнитъ его взгляда на Кіевскій Университетъ.

Серьезнѣе смотрятъ на это дѣло другіе. Дѣйствія четырехъ студентовъ признаютъ проявленіемъ тайнаго общества (основаннаго на Волыни Конарскимъ и существовавшаго уже въ Университетѣ). „Гордонъ далъ товарищамъ уставъ общества и потомъ, при первомъ возбужденномъ по его-же неосторожности подозрѣніи, пропалъ безъ вѣсти. Какъ потомъ оказалось, онъ долго скрывался на одной дачѣ близъ Кіева, наконецъ былъ своими доставленъ до границы и очутился въ Парижѣ" *). Что касается до прочихъ виновныхъ, то, по приговору военнаго суда, они всѣ четверо опредѣлены въ армію солдатами, впрочемъ безъ лишенія дворянства. Впослѣдствіи трое изъ нихъ выслужились въ офицерскіе чины и занимали хорошія мѣста; одинъ-же умеръ въ Оренбургѣ **).

Гр. Уваровъ, хотя смотрѣлъ на эту исторію нѣсколько иначе, чѣмъ Брадке, но отнюдь не съ точки зрѣнія гр. Гурьева. Въ отчетѣ о своей ревизіи онъ заявилъ Государю, что это событіе есть единственное исключеніе изъ общаго спокойнаго духа Университета за всѣ три года. „Имена четырехъ, говорилъ онъ, извѣстны всѣмъ, а кто знаетъ имена всѣхъ остальныхъ, ни въ чемъ не провинившихся? Въ остальной массѣ университетской молодежи онъ нашелъ покорность и безусловное повиновеніе. Однако, прощаясь со студентами, С. С. Ува-

---

*) См. „Юго-западный край подъ управленіемъ Д. Г. Бибикова", ст. В. Я. Шульгина въ Древн. и нов. Рос. 1879 г.

**) Рус. Арх. 1875 г.

ровъ говорилъ имъ: „Университетъ св. Владиміра—мое созданіе; но я первый наложу на него руку, если онъ окажется несоотвѣтственнымъ назначенію своему и благимъ видамъ правительства". Онъ счелъ нужнымъ предписать университетскому начальству разныя новыя мѣры надзора и новыя правила пріема въ Университетъ.

Въ числѣ первыхъ были: наблюденіе за выборомъ квартиръ студентовъ; наемъ особаго дома для неблагонадежныхъ и нуждающихся за умѣренную плату (что̀ послужило основаніемъ для института недостаточныхъ студентовъ, о которомъ скажемъ подробно ниже); надзоръ за неопустительнымъ посѣщеніемъ лекцій; исключеніе изъ Университета тѣхъ, кто въ продолженіи двухъ лѣтъ не окажетъ успѣха для перевода въ высшій курсъ; обязательное присутствіе при богослуженіи; строгое соблюденіе формы въ одеждѣ; строгія наказанія за „неблагонамѣренность, своевольство, дерзость и неповиновеніе начальству" *). Въ числѣ мѣръ реорганизаціи состава университетскихъ слушателей были: пріемъ съ 1839 г. въ студенты только окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ; пріемъ учениковъ въ гимназіи только въ низшіе классы („сіе положеніе, которое было-бы стѣснительно и даже вредно въ прочихъ университетахъ имперіи, представляетъ въ Университетѣ св. Владиміра важнѣйшія выгоды...: наноситъ послѣдній ударъ домашнему воспитанію, столь опасному въ томъ краѣ, и доставитъ въ училища воспитанниковъ не старѣе 10 или 12 лѣтъ, а не возмужалыхъ юношей, какъ это было доселѣ"). Для усиленія надзора онъ испросилъ у Государя на двухъ лишнихъ помощниковъ инспектора и педелей 10,700 р. и на наемъ дома для бѣдныхъ или неблагонадежныхъ студентовъ 6 тыс. р.

Не смотря на описанную исторію, вообще въ 1837 г. С. С. Уваровъ находилъ много основаній предвидѣть и даже предвкушать успѣхъ своего созданія въ Кіевѣ: „профессоръ русскаго правовѣдѣнія (говоритъ онъ), окруженный уроженцами западныхъ губерній..., обрѣтаетъ въ нихъ страсть къ предмету и всемѣрное желаніе присвоить себѣ всѣ тонкости діалекта, дотолѣ ими презираемаго и ненавистнаго. Есть люди, кои, видя этотъ успѣхъ, полагаютъ, что можетъ быть это зна-

---

*) См. Сборн. расп. по мин. нар. просв. т. II, № 185.

ніе русскаго языка, русскаго духа и быта обратится когда-нибудь во вредъ русскому правительству; спрашиваю: какой залогъ вѣрноподданнической преданности находился въ западныхъ губерніяхъ въ то время, когда тамошнее юношество знало одинъ польскій языкъ... и когда подъ вывѣскою и на счетъ правительства русскаго, публичныя училища тамъ были *не русскія*, а *польскія?*"

Съ такими людьми изъ русскаго общества пришлось ратовать дальновидному министру. Тщетно онъ взывалъ къ терпѣливости въ ожиданіяхъ; напрасно убѣждалъ, что образованіе — не полицейская мѣра и не военный штурмъ. Черезъ годъ случилось событіе, которое показало, что дѣйствительно юношество, собранное въ Университетъ св. Владиміра, не все покорно, въ чемъ, впрочемъ, отнюдь не обольщался Уваровъ, но что́ дало въ руки русскимъ его противникамъ сильнѣйшій аргументъ противъ его системы; эта система, а вмѣстѣ съ нею Университетъ св. Владиміра, едва не погибли, не успѣвши дать никакихъ плодовъ.

Въ тѣ дни начиналось новое движеніе среди произвольныхъ вожаковъ польской націи, которые видѣли для себя въ дѣйствіяхъ Уварова болѣе сильный ударъ, чѣмъ въ подвигахъ Паскевича; еще разъ замѣтимъ, что поляки оказались проницательнѣе русскихъ, оцѣнивая мѣры Уварова правильнѣе, чѣмъ русскіе патріоты. Уваровъ цитуетъ слѣдующую инструкцію (найденную въ бумагахъ Конарскаго), данную кн. Чарторыжскимъ эмиссарамъ, 20 іюня 1836 г.: „пока народъ еще дышетъ жизнію, можно ручаться за стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ; но когда жизнь его оцѣпенѣетъ, то напрасно будутъ представляться оныя; къ бездыханному тѣлу никто не простретъ руки. Это весьма хорошо понимаютъ наши враги и потому завели жаркую борьбу противъ краеугольнаго начала нашей гражданской жизни; не столько было опасенія о жизни народа, когда русскіе сражались съ мечемъ въ рукахъ. Матери должны вливать въ сердца дѣтей это чувство вмѣстѣ съ чувствомъ любви къ отечеству и отечественному языку, къ искорененію котораго стремятся наши притѣснители". Главная цѣль эмиссаровъ должна быть направлена „къ собиранію свѣдѣній о состояніи вновь открытыхъ училищъ, объ образѣ мыслей учениковъ и учителей, о языкѣ, на которомъ преподаются учебные предметы, о духѣ преподаванія, о закрытіи училищъ правительствомъ" и т. п.

О парижскомъ вліяніи кн. Ад. Чарторыжскаго на русскій западный край такъ говоритъ одинъ виленскій писатель: „по плану Чарторыжскаго и при его содѣйствіи *благонадежные* учителя и учительницы (послѣднія, подготовленныя въ женскихъ монастыряхъ)... законно и незаконно получали свидѣтельства на право первоначальнаго обученія дѣтей и съ самоотверженіемъ принимались за дѣло, напутствуемые благословеніями своихъ наставниковъ—фанатиковъ. Величайшею наградою за ревностные труды между домашними педагогами считалось „благословеніе Чарторыжскаго“, которое онъ посылалъ изъ Парижа въ видѣ мѣдной отзолоченной дощечки съ рельефнымъ изображеніемъ герба Польши, одноглаваго орла, на груди котораго вычеканены начальныя буквы, означающія равенство, свободу и независимость. Послѣднія прикрывались небольшою иконою Ченстоховской Богородицы.... Издали маленькаго образка Богородицы вовсе не было видно, и дѣти пріучались поклоняться польскому орлу *).

Среди различныхъ и разновременныхъ агитацій разныхъ эмиссаровъ, самый сильный слѣдъ пришлось оставить по себѣ въ Литвѣ и на Руси Конарскому. Однимъ изъ послѣдствій его миссіи было закрытіе и Университета св. Владиміра. Важность событій, приведшихъ къ этому результату, оцѣнивается весьма неодинаково. Наиболѣе мягкія краски въ своихъ историческихъ показаніяхъ даетъ попечитель Кіевскаго округа Е. Ѳ. Брадке. По свидѣтельству Брадке, признаки политическаго броженія распространились значительно и въ юго-западномъ краѣ, и въ немъ принимали участіе многіе дворяне; но ни попечитель, ни генералъ-губернаторъ не могли ничего открыть, хотя дѣятельность эмиссаровъ началась еще съ 1835 года и непрерывно продолжалась по 1838 годъ. „Происки злоумышленниковъ, разсказываетъ Брадке, вскрылись наконецъ въ Вильнѣ и повели къ дальнѣйшимъ открытіямъ. Тамъ находился тогда Уваровъ. Къ нему пришелъ студентъ Мацеіовскій, только что окончившій курсъ и съ откровеннымъ сердечнымъ раскаяніемъ признался ему, что участвовалъ въ преступныхъ замыслахъ. Его простили и прислали ко мнѣ. Между тѣмъ открытія, сдѣланныя въ Вильнѣ, навели подозрѣніе на многихъ лицъ въ Кіевской, Подольской и Волынской губерніяхъ“. Коммиссія, назначен-

*) Виленск. Вѣстн. 1866 г. № 47.

ная для разслѣдованія этого дѣла, нашла, что преступное сообщество ограничивалось пока поддержкою патріотическаго настроенія, понимая невозможность немедленно приступить къ дѣйствіямъ. Центромъ движенія былъ парижскій польскій комитетъ; агенты его, посланные въ Россію, ничего не знали другъ о другѣ; они должны были набирать второстепенныхъ агентовъ, но опять такъ, что одинъ не зналъ другаго. „Поэтому, говоритъ Брадке, съѣздовъ быть не могло. Каждому предписывалось снискивать довѣріе властей трудомъ и осторожнымъ поведеніемъ, дабы, достигнувъ вліятельнаго положенія, имѣть возможность принести пользу обществу. При первомъ извѣщеніи, что время дѣйствовать наступило, члены обязывались безпрекословно слѣдовать приказаніямъ своихъ старшинъ. Такимъ образомъ общество, по самому составу своему, лишено было возможности дѣйствовать съ какимъ-либо успѣхомъ. Многіе студенты, увѣряетъ Брадке, просто позабыли о своей принадлежности къ обществу или не придавали ему почти никакого значенія, и я убѣжденъ, что лишь весьма немногіе рѣшились-бы приступить къ какимъ-либо дѣйствіямъ". Брадке передаетъ показаніе одного изъ обвиняемыхъ такъ: „если-бы правительство употребляло лишь карательныя мѣры, и тѣмъ питало общее неудовольствіе, то мы были-бы довольны и стали-бы дожидаться лишь благопріятной минуты для нашего дѣла; но оно начало въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ отвлекать отъ насъ сердца молодежи, такъ что частное воспитаніе почти прекратилось и все юношество толпами уходило въ правительственныя школы. Тутъ мы начали опасаться, что при такомъ ходѣ дѣлъ ослабѣетъ и, пожалуй, совсѣмъ угаснетъ патріотизмъ въ поколѣніи старшихъ (?). Мы сочли себя обязанными во что-бы-то ни стало, начать борьбу за наше дѣло и принять мѣры противъ возраставшаго разложенія. Теперь наше предпріятіе не удалось, но мы все-таки въ выигрышѣ, ибо правительство должно насъ наказывать, а эти наказанія воспламенятъ снова чувство ненависти и патріотизма". Сущность этого показанія Брадке слышалъ отъ Бибикова, который переодѣвался штабъ-офицеромъ и присутствовалъ при допросахъ коммиссіи *).

---

*) См. Рус. Арх. 1875 г. „Автоб. зап. Е. О. фонъ-Брадке". О дѣятельности Конарскаго см. еще: „Записки Берга о польскихъ заговорахъ послѣ 1831 г." (Рус. Арх. 1870 г.) и Топильскаго: „Нѣсколько словъ о событіяхъ въ Вильнѣ послѣ казни Конарскаго" (ibid, стр. 1183), изъ которыхъ оказывается, что „въ слѣдствіе смерти

Вообще, по мнѣнію Брадке, дѣло Конарскаго въ юго-западномъ краѣ и въ особенности въ Университетѣ Св. Владиміра не имѣло серьезныхъ успѣховъ и слѣдовательно исторія 1838 г. получила преувеличенную важность въ глазахъ тогдашней администраціи. По свѣдѣніямъ, опубликованнымъ въ недавніе годы, дѣйствія пропаганды конца 30-хъ годовъ были таковы: еще раньше дѣла Конарскаго мѣстная (юго-западная) администрація узнала, что Лелевель, К. Залѣсскій и др. намѣреваются собрать во едино разрозненныя цѣли и средства эмиграціи, составить общество, цѣлію котораго было приготовить вооруженное возмущеніе. „Эмиссарамъ поручено было обратить свои дѣйствія на учебныя заведенія свѣтскія и духовныя (католическія) и въ особенности на крестьянъ". Въ краѣ начали распространяться революціонныя сочиненія; такъ у учениковъ Каменецъ-Подольской гимназіи найденъ проэктъ образованія польской конфедераціи. Въ Подольской губерніи былъ открытъ мятежный манифестъ и слѣды демократическаго общества, составившагося изъ молодежи подъ названіемъ „скуржанъ-балагуловъ", которое, впрочемъ „не знало еще преступныхъ цѣлей заговора и направлено было къ сближенію въ привычкахъ и дѣйствіяхъ съ простымъ народомъ". Нѣкій К. Мошковскій составилъ на Волыни тайное демократическое общество *Вѣры, Надежды и Любви*, уже замышлявшее революцію съ участіемъ крестьянъ. Все это совершалось безъ участія Конарскаго, въ 1835—1836 годахъ. Въ половинѣ 1836 г. Конарскій прибылъ на Волынь и убѣдилъ соединить всѣ разрозненные кружки и дѣйствія въ одномъ *союзѣ польскаго народа*. Это послѣднее общество распространилось быстро почти по всѣмъ уѣздамъ Волынской губерніи. Между прочимъ одною изъ филіацій его было „общество въ Университетѣ св. Владиміра". Въ Кіевѣ главными дѣйствующими лицами были: содержатель благороднаго мужскаго пансіона Боровскій, „пользовавшійся огромнымъ авторитетомъ

Конарскаго образовались кружки молодежи и мальчиковъ, которые въ самомъ событіи поимки и казни Конарскаго видѣли какой-то поводъ и лозунгъ ко всеобщему возстанію", чѣмъ подтверждается то, что пишетъ Е. О. фонъ-Брадке; см. также „Юго-западный край подъ управл. Д. Г. Бибикова" въ Древ. и Нов. Рос. 1879 г. Мы отсылаемъ желающихъ къ этой статьѣ за болѣе подробными справками о политическомъ броженіи 1837—8 годовъ; авторъ пользовался всѣми бумагами мѣстнаго высшаго управленія.

въ обществѣ и немалымъ авторитетомъ въ глазахъ начальства. У него жили и гимназисты и студенты и происходили сходки, на которыхъ созрѣлъ планъ гибельный для молодежи и Университета". Затѣмъ—докторъ Бопре и помѣщикъ Михальскій. Когда заговоръ былъ вскрытъ, то эти трое, по совершеніи надъ ними обряда смертной казни, сосланы въ каторгу. Прочіе соучастники изъ неучебнаго вѣдомства пошли тоже или на каторгу, или на поселеніе, или высланы во внутреннія губерніи, или отданы въ солдаты съ выслугою и безъ выслуги.

Довольно разнорѣчивыя сказанія о цѣляхъ и успѣхахъ общества Конарскаго въ юго-западномъ краѣ и въ частности—въ Кіевѣ должны быть сведены къ слѣдующему: общество это несомнѣнно было болѣе дѣятельно, чѣмъ какъ думалъ Е. Ѳ. Брадке; но зато его опасность слишкомъ преувеличиваетъ Шульгинъ, съ цѣлію возвеличить послѣдующую умиротворительную дѣятельность своего героя—Д. Г. Бибикова.

Это вполнѣ подтверждается тѣмъ, какъ и въ чемъ отразилось общество въ Университетѣ св. Владиміра; по показанію Е. Ѳ. Брадке, „въ заговорѣ принимали участіе 18 студентовъ (изъ 200 слишкомъ), изъ которыхъ многіе уже не принадлежали Университету; пятеро узнали тайну, а остальные бывали на сходкахъ подъ предлогомъ литературныхъ бесѣдъ и благотворительныхъ цѣлей". Но предъ нами лежатъ оффиціальныя бумаги—источникъ точнѣйшій и достовѣрнѣйшій. Оказывается, что весь списокъ студентовъ Кіевскаго университета, осужденныхъ, а равно и помилованныхъ, по переведенныхъ въ Казанскій университетъ, состоялъ изъ 35 лицъ. Очевидно, правительство убѣдилось, что въ средствахъ замысла юго-западныхъ дѣятелей и въ частности кіевскихъ студентовъ не было серьезной опасности для государства; никто изъ заговорщиковъ не былъ преданъ смертной казни; лишь 6 человѣкъ отданы въ солдаты безъ выслуги и 5—съ выслугою безъ лишенія дворянскаго достоинства; 14 опредѣлены въ службу на правахъ вольноопредѣляющихся; остальные переведены въ Казанскій университетъ.

Можно однако спросить, какъ могъ допустить новый русскій Университетъ и эти хотя незначительные результаты разрушительной пропаганды? Почему вліяніе профессоровъ тотчасъ не оказало своего умиротворяющаго дѣйствія? Нужно помнить, что громадное большинство преподавателей должно быть изъято изъ разсчета; всѣ не русскіе

элементы профессорской коллегіи, не принося никакого вреда, не приносили и пользы въ этомъ отношеніи. Затѣмъ справедливо указываютъ на то обстоятельство, что непосредственное отношеніе къ студентамъ было отнято у профессоровъ съ самаго начала учрежденіемъ внѣшней инспектуры. „Ходятъ по Университету (говоритъ г. Чаевъ) распространители русской народности: помощникъ попечителя Гипцель, инспекторъ студентовъ Гинглингъ и помощникъ его Рутенбергъ" *). Когда въ концѣ 1838 г. шли еще только изъ Петербурга слухи о предстоящемъ закрытіи Университета, то Иннокентій увѣдомилъ о томъ Максимовича и предложилъ ему: „напишите для меня ваши мысли объ Университетѣ, а я постараюсь имъ дать дальнѣйшій ходъ". Максимовичъ составилъ и отдалъ записку, въ которой, между прочимъ, жалуется на невозможность сближенія профессоровъ съ студентами. „Вспомните, говоритъ по этому поводу г. Чаевъ, что даже позднѣе, даже въ Москвѣ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ смотрѣли подозрительно на профессора, у котораго сходились студенты, и запрещали такія сходки... Большинство профессоровъ (продолжаетъ онъ о Кіевскомъ Университетѣ) были поляки или лифляндцы, и вы поймете одиночество М. А. Максимовича и безсиліе русскаго вліянія на юношество". „Хотя польскіе преподаватели, говоритъ безпристрастный Максимовичъ, своимъ безпорочнымъ поведеніемъ и безвреднымъ преподаваніемъ не давали студентамъ ничего, чтó-бы возжигало и питало въ нихъ напрасныя польскія мечты, но уже своимъ пребываніемъ они препятствовали распространенію и развитію русскаго духа и успѣхамъ чистаго языка русскаго; при томъ-же и въ отношеніи ученомъ большая часть ихъ была не университетскаго запоздалаго достоинства. Явленіе ложнаго духа между студентами случилось въ Университетѣ независимо отъ него самого и не должно быть принимаемо за уклоненіе всего Университета отъ предназначенной цѣли" **).

Перемѣны въ управленіи и указъ 9-го января. Вообще-же смута Конарскаго не должна-бы составить для Кіевскаго Университета такого рѣшительнаго и пагубнаго обстоятельства, что-бы угрожать его существованію; но въ русскихъ правительственныхъ кругахъ дѣло было

*) См. Русск. Арх. 1874 г., стр. 1075.

**) Тамъ-же, стр. 1077.

понято иначе, именно какъ доказательство противъ просвѣтительной системы Уварова въ юго-западномъ краѣ; рѣшено было Университетъ закрыть, а личный составъ управленія округомъ измѣнить. Случайно или нѣтъ это событіе совпало и съ измѣненіями въ самомъ высшемъ управленіи края; на должность генералъ-губернатора вмѣсто гр. Гурьева былъ назначенъ приснопамятный Д. Г. Бибиковъ. Е. Ѳ. Брадке былъ уволенъ отъ управленія Кіевскимъ учебнымъ округомъ. Но кіевское русское общество совсѣмъ иначе оцѣнило дѣятельность фонъ-Брадке, чтó и высказало ему при прощаніи. „Чувства, выраженныя Университетомъ въ 1839 г., говоритъ В. Я. Шульгинъ, при прощаніи съ своимъ основателемъ, были завидымъ доказательствомъ того, что жизнь этого человѣка не даромъ была потрачена для здѣшняго края. Административная дѣятельность фонъ-Брадке была въ высшей степени плодотворна и добросовѣстна". Еще съ большею теплотою воспоминаній относится по этому поводу къ Брадке другой современникъ О. М. Новицкій; по его словамъ, обвиненія, которыя могли пасть на Брадке среди событій 1838 г., могли быть основаны только на томъ, что, пользуясь его широкимъ гостепріимствомъ, въ его домѣ были приняты нѣкоторыя лица, оказавшіяся впослѣдствіи замѣшанными въ дѣло. Во всякомъ случаѣ это былъ большой ударъ для плановъ Уварова.

По оставленіи должности попечителя, Е. Ѳ. фонъ-Брадке былъ назначенъ директоромъ „изящнаго и ученаго" 3-го департамента новаго (Киселевскаго) министерства государственныхъ имуществъ, какъ выражается В. А. Инсарскій *), который разсказываетъ, что при докладахъ министру „мы могли видѣть замѣчательную самостоятельность Брадке. Я не имѣлъ случая видѣть формуляра Брадке, но мнѣ говорили, что въ немъ есть замѣчательная характеризующая его отмѣтка Аракчеева слѣдующаго содержанія: „Способенъ и достоинъ, но жаль, что часто забываетъ свой малый чинъ предъ старшими". И дѣйствительно (продолжаетъ Инсарскій), кроткій и тихій съ подчиненными, онъ совершенно перерождался въ объясненіяхъ съ Киселевымъ и никакъ не покорялся предъ его величіемъ. Послѣ сильныхъ споровъ и столкновеній съ министромъ, онъ мгновенно утихалъ и по прежнему становился самымъ добрѣйшимъ начальникомъ". Впослѣдствіи Е. Ѳ.

*) „Изъ записокъ В. А. Инсарскаго". Русск. Арх. 1873 г., стр. 588—589.

Брадке былъ сенаторомъ и попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа, возбуждая вездѣ глубокое уваженіе къ гуманности и независимости своего характера. Его автобіографія, написанная только для дѣтей, есть прекрасный и рѣдкій образецъ соединенія откровенности и нравственной чистоты.

На мѣсто Е. Ѳ. фонъ-Брадке попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа былъ назначенъ *князь Сергій Ивановичъ Давыдовъ*, сначала служившій въ арміи, а затѣмъ бывшій минскимъ гражданскимъ губернаторомъ.

Что побудило правительство обратиться именно къ этому лицу, когда шелъ вопросъ о замѣщеніи Брадке, сказать трудно; во всякомъ разѣ это не былъ выборъ Уварова (какъ указано будетъ ниже); новый попечитель, повидимому, не чуждъ былъ общаго (болѣе свѣтскаго) просвѣщенія; впослѣдствіи былъ избранъ почетнымъ членомъ петербургской академіи наукъ. Судя по актамъ его дѣятельности въ Кіевѣ, то былъ человѣкъ лично-безупречный; но и только. Ревнивый къ власти, какъ всѣ тогдашніе чиновники, онъ однако былъ на столько добродушенъ, что часто готовъ былъ брать свои слова и распоряженія назадъ въ случаѣ ошибки; незнакомство его съ сферою для него совершенно новою и притомъ крайняя лѣность и безпечность побуждали его отдаваться въ руки другихъ,— преимущественно-же въ руки чиновниковъ своей канцеляріи. Въ такомъ-ли дѣятелѣ нуждался обширный край послѣ Чацкаго и Брадке? Современники говорятъ, что кн. Давыдовъ былъ человѣкъ обходительный, безпритязательный, но крайне лѣнивый. „Ему было тягостно посѣщать Университетъ. Если иной разъ приходилъ онъ въ Университетъ во время экзаменовъ, то развѣ отъ скуки...; онъ садился на студентской скамьѣ и рисовалъ карандашемъ головки; а рисовалъ очень хорошо... Съ такимъ-же небреженіемъ относился онъ и къ текущимъ дѣламъ по управленію округа; для него казалось достаточнымъ подписать своею рукою, чтó написано было рукою правителя его канцеляріи.... Канцелярское вліяніе стало давать себя чувствовать и въ университетскихъ дѣлахъ, между прочимъ въ строительномъ комитетѣ“... (слова О. М. Новицкаго).

Вмѣстѣ съ Брадке былъ уволенъ и его помощникъ безцвѣтный полковникъ Гинцель. Новое окружное управленіе составлено довольно оригинально: попечителемъ назначенъ (какъ сказано) минскій губер-

паторъ, а помощникомъ его *Карлгофъ* — бывшій полковникомъ гвардіи, незадолго передъ тѣмъ перешедшій на службу въ министерство народнаго просвѣщенія по особымъ порученіямъ; но если первый былъ совершенно чужой человѣкъ въ сферѣ русскаго просвѣщенія,—послѣдній давно соприкасался съ литературою, жилъ въ кругу тогдашнихъ корифеевъ русской поэзіи: Жуковскаго, Пушкина, Крылова и т. д., и самъ пописывалъ стихи, несовсѣмъ неудачные. Когда Университетъ приготовлялись закрыть, гр. Уваровъ прислалъ кн. Дундукова-Корсакова предложить мѣсто помощника кіевскаго попечителя Карлгофу. По словамъ мемуаровъ лица весьма близкаго къ этому послѣднему *), Уваровъ увѣрялъ при этомъ случаѣ Карлгофа, „что никого не могъ-бы назначить на это мѣсто съ такою увѣренностію, какъ его, передавалъ (ему) свои мысли, свои требованія на счетъ Кіевскаго Университета и безпрестанно повторялъ ему, что онъ не знаетъ кн. Давыдова, котораго Государю было угодно назначить попечителемъ, но что онъ (гр. Уваровъ) надѣется только на него и *его посылаетъ управлять Кіевскимъ учебнымъ округомъ*". Въ ожиданіи утвержденія въ должности и прибытія въ Петербургъ кн. Давыдова, который долженъ былъ предварительно представиться Государю и министру, Карлгофъ цѣлую зиму (1838—39 г.) прожилъ въ Петербургѣ. На дорогу въ Кіевъ его проводили Крыловъ, Бенедиктовъ, Кукольникъ и проч. Дѣйствительно, по свидѣтельству живыхъ преданій, Карлгофъ оказался умнымъ, просвѣщеннымъ, общежительнымъ человѣкомъ, исполненнымъ благихъ намѣреній и русскихъ симпатій (не смотря на свою нѣмецкую фамилію). Онъ (разсказывается въ тѣхъ-же мемуарахъ) „желалъ сблизиться съ профессорами и на этотъ-же вечеръ (на другой день по пріѣздѣ въ Кіевъ) пригласилъ нѣкоторыхъ. Помню, что мнѣ показались очень странными манеры Неволина, ректора Университета, и его пріятеля, проректора Богородскаго. Они явились къ намъ въ синихъ вицмундирахъ самаго форменнаго цвѣта. Неволинъ средняго роста, худой съ подвижною, но некрасивою физіономіей; Богородскій маленькій, полненькій со смѣющимися глазами. Въ послѣдствіи мы очень сблизились съ обоими, съ Неволинымъ даже подружились; они очень часто бывали у насъ, а Неволинъ ежедневно у насъ

*) См. Русск. Вѣстн. 1881 г., окт., стр. 731 и слѣд.

обѣдалъ. Неволинъ, какъ ученый, пользовался большою извѣстностію и какъ человѣкъ заслуживалъ большаго уваженія. Онъ былъ скрытенъ, недовѣрчивъ и казался холоднымъ, но въ сущности былъ способенъ на дружбу и никогда не измѣнялъ ни друзьямъ своимъ, ни убѣжденіямъ" *). Кромѣ Неволина и Богородскаго, семейство Карлгофовъ сошлось съ семьею профессора Ѳедотова-Чеховскаго. Но не одними личными сближеніями съ русскими элементами университетскаго общества новый помощникъ попечителя заявилъ свои общественныя и административныя цѣли. Онъ желалъ дать мѣстному высшему обществу (польскому) найти возможность воспитывать своихъ дочерей въ пансіонахъ, вполнѣ достойныхъ довѣрія, и въ то-же время русскихъ. Это, впрочемъ, было исполненіемъ мысли, заявленной Императоромъ Николаемъ еще въ 1836 г. Когда Уваровъ представилъ ему записку „объ учрежденіи учебныхъ заведеній въ Кіевѣ", въ которой, говоря о мужскихъ пансіонахъ при гимназіяхъ, заявилъ надежду, что „будущее поколѣніе того края мало по малу отвлечется отъ своего прежняго непріязненнаго направленія", то Государь надписалъ: „неоспоримо полезное дѣло; но столь-же, а можетъ быть болѣе пользы было усилить способы русскаго женскаго воспитанія, безъ котораго другое, по духу края, не будетъ достаточно". Карлгофъ убѣдилъ одного изъ здѣшнихъ профессоровъ взяться за это дѣло. Но предпріятіе разбилось о равнодушіе или противодѣйствіе польскаго общества и принесло одни убытки предпринимателю. Карлгофъ уговорилъ М. А. Максимовича издать альманахъ Кіевлянинъ и потомъ содѣйствовалъ успѣху этого альманаха разсылая его своимъ петербургскимъ знакомымъ литераторамъ. Онъ хлопоталъ (по словамъ тѣхъ-же мемуаровъ) о скорѣйшемъ открытіи Университета. Къ сожалѣнію Карлгофъ оставался въ Кіевѣ только одинъ годъ. Между нимъ и кн. Давыдовымъ возникли несогласія; „князь досадовалъ на вліяніе, которое Карлгофъ всюду имѣлъ и на предпочтеніе, которое ему всѣ оказывали". Такъ увѣряетъ авторъ мемуаровъ—лицо весьма близкое къ Карлгофу. По воспоминаніямъ тогдашнихъ еще живыхъ дѣятелей, Карлгофъ былъ человѣкъ больной, а потому крайне нервный, впечатлительный и вспыльчивый. Состояніе его здоровья въ Кіевѣ еще ухудшилось, когда онъ просту-

*) ibid стр. 733.

дился, осматривая Университетъ съ чердаковъ до подваловъ. Въ маѣ 1840 года онъ былъ, безъ вѣдома и согласія, переведенъ въ Одесскій округъ на ту-же должность; но прожилъ не долго.

Что касается до Университета, то хотя правительство повидимому склонялось къ полному закрытію его, однако приняло пока временную мѣру, создало переходное положеніе на одинъ годъ, давая себѣ срокъ для зрѣлаго рѣшенія дѣла и болѣе безобиднаго распредѣленія наличныхъ силъ Университета. 9 января 1839 г. данъ былъ Высочайшій указъ правительствующему сенату, которымъ чтеніе лекцій въ Университетѣ св. Владиміра было пріостановлено на одинъ годъ. Однако всѣ студенты безъ изъятія должны быть удалены изъ него. Студентамъ, не подлежавшимъ слѣдствію, предоставлено право поступить въ другіе русскіе университеты, по выбору каждаго, безъ новаго испытанія и съ зачетомъ времени, проведеннаго ими въ Университетѣ св. Владиміра. Тѣмъ изъ числа студентовъ, которые не пожелаютъ перейти въ другіе университеты, дозволено поступить на государственную службу съ тѣмъ на этотъ разъ преимуществомъ, что при опредѣленіи на службу студенты 4-го курса, если будутъ хорошо аттестованы по успѣхамъ и нравственности, получатъ чинъ 12-го класса, а студенты 3-го и 2-го курсовъ, при томъ-же условіи, чинъ 14-го класса. Всѣ они считаются во 2-мъ разрядѣ гражданскихъ чиновниковъ. Студентамъ 4-го курса, впрочемъ, позволено подвергнуться экзамену въ Университетѣ св. Владиміра для полученія ученыхъ степеней, чтобы тѣмъ сохранить за ними право поступить въ 1-й разрядъ гражданскихъ чиновниковъ, съ чѣмъ соединено право на высшіе чины. По истеченіи года предположено возобновить пріемъ студентовъ и университетскіе курсы, *если къ тому сроку окажется достаточное количество воспитанниковъ гимназій*, имѣющихъ исключительное право поступать въ Университетъ св. Владиміра на основаніи упомянутаго выше распоряженія министерства народнаго просвѣщенія (отъ 30 сентября 1837 г.). Бывшихъ студентовъ Университета св. Владиміра (переводимыхъ и увольняемыхъ по этому случаю) не дозволено допускать вторично въ этотъ Университетъ безъ особаго разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія. Казеннокоштныхъ студентовъ велѣно распредѣлить по другимъ университетамъ и продолжать имъ содержаніе изъ суммъ, назначенныхъ на это въ Университетѣ св. Владиміра. Что касается преподавателей,

то всѣ положенные по штату (ординарные и экстра-ординарные профессора, адъюнкты и преподаватели) сохраняютъ жалованье впредь до открытія вновь лекцій въ Университетѣ. Между тѣмъ министръ народнаго просвѣщенія долженъ былъ распорядиться, чтобы всѣ лица, принадлежащія къ ученому сословію, занимались приготовленіемъ учебныхъ книгъ и руководствъ; сверхъ того университетское начальство можетъ употреблять ихъ на пользу прочихъ учебныхъ заведеній, состоящихъ въ Кіевскомъ учебномъ округѣ. Жалованье сохранено и за прочими чиновниками, положенными по штату.

Вмѣстѣ съ этою законодательною мѣрою принята была и административная; устроено было временное управленіе Университета для исполненія временныхъ, чрезвычайныхъ полномочій. 26-го января министръ народнаго просвѣщенія получилъ указъ правительствующаго сената съ изъясненіемъ Высочайшаго повелѣнія о принятіи нѣкоторыхъ особыхъ мѣръ въ Университетѣ св. Владиміра; въ указѣ было выражено, что Государь 13-го января повелѣлъ учредить въ Кіевѣ *особенную коммиссію* изъ слѣдующихъ лицъ: попечителя учебнаго округа (кн. Давыдова), помощника его (Карлгофа), ректора Университета (Неволина), проректора (Богородскаго) и ординарныхъ профессоровъ Максимовича и Гофмана. Коммиссія состояла подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора (Бибикова). На эту коммиссію возложено приведеніе въ исполненіе предположенныхъ въ указѣ 9 января мѣръ, согласно съ правилами, утвержденными министромъ народнаго просвѣщенія. Объ этихъ правилахъ или основаніяхъ дѣятельности коммиссіи министръ увѣдомилъ попечителя Кіевскаго округа 7 февраля, а попечитель ректора только 15 марта. Ректоръ долженъ распорядиться прекращеніемъ лекцій „въ теченіи сей недѣли". И такъ, благодаря тогдашней медленности сношеній, закрытіе Университета, предписанное указомъ 9 января, состоялось только 17 марта. Во весь этотъ промежутокъ въ два мѣсяца слишкомъ лекціи продолжались. Такимъ образомъ составилось временное правительство Университета внѣ университета, даже внѣ округа, хотя притомъ и всѣ присутственныя мѣста Университета остались дѣйствующими.

Совѣтъ и *правленіе* продолжали засѣдать безпрерывно какъ въ концѣ 1838 — 1839, такъ и въ началѣ 1839 года учебныхъ годовъ. Даже болѣе: дѣятельность ихъ удвоилась въ эпоху университет-

скаго переворота. Въ январѣ совѣтъ собирался 4 раза, въ февралѣ 3 раза, въ мартѣ 4, въ апрѣлѣ 2, въ маѣ 4, въ іюнѣ 3, въ іюлѣ 3, въ августѣ 2 раза. Вообще-же всѣхъ засѣданій въ году было 41, т. е. среднимъ числомъ еженедѣльно, исключая праздничныя и каникулярныя недѣли. Совѣтъ въ уменьшенномъ составѣ своихъ членовъ долженъ былъ рѣшать или приводить въ исполненіе разныя чрезвычайныя дѣла, кромѣ текущихъ; тогда рѣшалось весьма щекотливое дѣло о докторскихъ диспутахъ Домбровскаго и Красова (о чемъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ); тогда-же состоялась докторизація Траутфеттера и Ѳедорова. Когда еще самое существованіе Университета висѣло на волоскѣ, совѣтъ занятъ проэктомъ (который имъ-же и выработанъ) практическаго земледѣльческаго хутора при Университетѣ, ведетъ переписку съ директоромъ Дерптской астрономической обсерваторіи, акад. Струве, о пріобрѣтеніи астрономическихъ инструментовъ для будущей своей обсерваторіи, ведетъ счеты съ петербургскимъ аптекаремъ Каммереромъ о пріобрѣтеніи у него минералогической коллекціи, разсуждаетъ о способѣ доставки растеній для ботаническаго сада, пожертвованныхъ кн. Мещерскимъ изъ Курской губерніи и т. д. Совѣтъ занимали также и общіе вопросы университетскаго устава, наприм. вопросъ о правѣ докторовъ иностранныхъ университетовъ подвергаться экзамену на ученыя степени (по поводу прошенія д-ра Іенскаго университета Сегета). Важнѣйшій трудъ этого рода это—подробныя замѣчанія, сдѣланныя совѣтомъ на положенія объ испытаніяхъ на ученыя степени. Но главный занятія совѣта были вызваны экстраординарными обстоятельствами Университета и округа. Масса уволенныхъ профессоровъ должна сдѣлать разсчетъ съ Университетомъ и получить увольнительные аттестаты; возникаетъ безчисленное множество мелкихъ хлопотъ. Когда рѣшено было не закрывать окончательно Университета, то отъ совѣта прежде всего требуютъ разыскивать новыхъ лицъ для замѣщенія вакансій; надо какъ-нибудь временно распредѣлить преподаваніе между остальными, которые и безъ того обременены и отказываются. Съ открытіемъ вакансій начинаются перемѣщенія съ каѳедры на каѳедру; Богородскій желаетъ занять каѳедру Даниловича; все это падаетъ на обсужденіе, а главное на переписку совѣта. Затянулась переписка о Чеховичѣ, который и прежде временно преподавалъ физику, и котораго теперь совѣтъ хотѣлъ имѣть въ числѣ своихъ дѣйствительныхъ

профессоровъ; министерство-же допускаетъ его по прежнему только къ преподаванію. Совѣтъ нѣсколько разъ ходатайствуетъ объ учрежденіи новыхъ должностей архиваріуса и переводчика, механика и лаборанта. Деканами факультетовъ и отдѣленій были увольняемые польскіе профессора: предъ самою общею мѣрою увольненія деканомъ юридическаго факультета былъ избранъ Даниловичъ на мѣсто Богородскаго, который остался только проректоромъ. Деканомъ II-го отдѣленія философскаго факультета былъ Мѣховичъ. На мѣсто перваго, по увольненіи его, былъ избранъ Орнатскій, на мѣсто втораго единогласно избранъ Гофманъ; деканомъ I-го отдѣленія былъ Нейкирхъ. Но все это ничто предъ тѣми хлопотами, которыя сопряжены были съ увольненіемъ и разсылкою всѣхъ студентовъ Университета, за исключеніемъ ничтожнаго остатка ихъ. Временная-же коммиссія, которой собственно это поручено, сдѣлалась сразу лишней инстанціей, и кромѣ того въ большинствѣ состояла изъ тѣхъ-же членовъ совѣта. Совѣту поручають и дѣла, касающіяся округа: профессора, посланные визитаторами по училищамъ, между прочимъ привезли списки книгъ, найденныхъ въ учебныхъ заведеніяхъ Волынской и Подольской губерній, „не нужныхъ и неприличныхъ къ храненію въ библіотекахъ"; списки эти переданы на разсмотрѣніе совѣта, который долженъ былъ такимъ образомъ ознакомиться со всею массою такихъ книгъ, если не хотѣлъ положиться на голословныя завѣренія визитаторовъ. Да и самыя донесенія ревизоровъ, огромныя по объему, „для разсужденія о предметахъ, требующихъ ученыхъ соображеній", передаваемы были въ совѣтъ.

Такъ какъ члены совѣта — профессора въ то-же время должны были неопустительно продолжать лекціи (до 17 марта), а затѣмъ участвовать въ экзаменахъ, то поистинѣ удивительны заботы о томъ, чѣмъ-бы и какъ занять якобы праздныхъ профессоровъ во время закрытія Университета. Едва вѣрится, что, дѣйствительно, многіе изъ нихъ въ то время успѣли окончить и напечатать большіе и вѣскіе ученые труды.

Не менѣе новыхъ хлопотъ предстояло и правленію, кромѣ исполненія общихъ текущихъ дѣлъ. Указъ 9 января долженъ былъ во многомъ поразить установившійся экономическій бытъ Университета. Университетъ помѣщался въ наемныхъ зданіяхъ; для пансіона казенныхъ студентовъ и для помѣщенія нѣкоторыхъ своекоштныхъ и пансіоне-

ровъ были наняты особыя зданія. Теперь онѣ оказывались ненужными Университету, по крайней мѣрѣ на цѣлый годъ. Предстояло вести щекотливые и скучные переговоры съ домохозяевами. Новый всемилостивѣйшій рескриптъ отъ 26-го апрѣля долженъ былъ нѣсколько успокоить начавшіяся затрудненія, но не вполнѣ. Съ другой стороны пріостановка лекцій въ Университетѣ должна была повидимому принести пользу его экономическимъ дѣламъ: ожидали, что сохранится значительный остатокъ суммъ, преимущественно отъ личнаго содержанія профессоровъ и чиновниковъ; Университету было предписано сообразить, какія суммы могутъ остаться въ сбереженіи отъ какихъ именно статей штата, и какія изъ нихъ подлежать будутъ обращенію въ строительный капиталъ. Въ соединенномъ засѣданіи 21 марта совѣтъ и правленіе сдѣлали подробное и основательное разсчисленіе, которому, къ счастію, не суждено было найти примѣненіе.

Обращаемся къ судьбѣ главнаго элемента Университета, т. е. профессоровъ.

Судьба профессоровъ. Мы видѣли, что по указу 9-го января профессора должны оставаться на своихъ мѣстахъ, такъ какъ-бы погромъ Университета ихъ не касался. Между тѣмъ на нихъ-то прежде всего онъ и направлялся. Уже и до событій 1838 года Уваровъ, почти не касаясь вопроса о студентахъ, находилъ полезнымъ перевести изъ Кіева весь кременецкій составъ профессоровъ. Къ этому и было приступлено еще тогда, по мѣрѣ открывавшихся поводовъ. Еще въ 1835 году былъ уволенъ Микульскій — преподаватель польскаго языка; но тогда его мѣсто заступилъ Корженевскій, не только полякъ, но одинъ изъ видныхъ вожаковъ новой польской литературы; въ 1838 г. и онъ былъ уволенъ изъ Университета; выходъ его былъ, впрочемъ, почетный и добровольный; онъ былъ назначенъ директоромъ Варшавской гимназіи. Въ 1837 году выслужилъ 25-лѣтіе Выжевскій — постоянный деканъ II-го отдѣленія философскаго факультета и несмотря на то, что это былъ одинъ изъ лучшихъ преподавателей отдѣленія, былъ уволенъ и, получивъ пенсію, скончалъ дни свои въ любимомъ Кременцѣ. Еще раньше, въ 1834 г., также выслужилъ пенсію и былъ уволенъ Абламовичъ, выходъ котораго не былъ большою потерею для Университета. Той-же участи подвергся Бессеръ, котораго отнюдь нельзя считать представителемъ польскаго элемента, хотя онъ несом-

ненно болѣе примыкалъ къ кружку кременецкихъ профессоровъ; онъ отставленъ въ 1838 г. по выслугѣ 30 лѣтъ. Таковъ, довольно длинный, списокъ кременецкихъ дѣятелей, вовсе сошедшихъ со сцены. Сверхъ того до 1839 г. нѣкоторые изъ нихъ были переводимы въ другіе университеты; такъ въ 1837 г. переведенъ въ Харьковскій университетъ Мицкевичъ.

Въ самый 1839 годъ, раньше общей мѣры выселенія всей кременецкой колоніи изъ Кіева, начальство воспользовалось наступленіемъ срока выслуги для двухъ изъ видныхъ членовъ кременецкаго общества, именно профес. архитектуры Мѣховича и профес. химіи Зѣновича. Пока еще Брадке былъ въ Кіевѣ, онъ представилъ Мѣховича въ обычномъ порядкѣ къ оставленію на 5 лѣтъ по выслугѣ 25-лѣтія. Но министръ народнаго просвѣщенія на это представленіе увѣдомилъ, что, по случаю пріостановленія лекцій въ Университетѣ св. Владиміра, онъ признаетъ съ своей стороны излишнимъ удерживать болѣе на службѣ профессора *Мѣховича* и потому уволилъ его съ назначеніемъ въ пенсію полнаго оклада жалованья, т. е. по 4000 руб. асс. въ годъ. Тогда-же былъ уволенъ съ пенсіею и *Зѣновичъ*, который удалился на жительство въ свою alma-mater—Кременецъ. Съ марта 1839 года начинаются уже распоряженія, предварявшія и предвѣщавшія общую мѣру: нѣкоторыхъ изъ профессоровъ переводятъ и увольняютъ безъ всякихъ частныхъ поводовъ. Въ мартѣ министръ народнаго просвѣщенія, по представленію еще Брадке, и на основаніи Высочайшаго указа 9-го января, разрѣшилъ назначить въ лицей князя Безбородко исправляющимъ должность профессора естественныхъ наукъ адъюнкта Андржеіовскаго временно, впредь до открытія лекцій въ этомъ Университетѣ *). При Брадке такой переводъ означалъ еще не болѣе, какъ одно изъ средствъ занять профессоровъ на время закрытія Университета. Иначе пошло дѣло при кн. Давыдовѣ, когда начали увольнять безъ указанія причинъ: въ апрѣлѣ попечитель увѣдомилъ совѣтъ, что министръ народнаго просвѣщенія призналъ нужнымъ уволить лектора нѣмецкаго языка въ Университетѣ св. Владиміра *Лидля* отъ этой должности для опредѣленія къ другимъ дѣламъ **). Такимъ образомъ изъ кременец-

*) Дѣло совѣта 1839 г., № 79.

**) Дѣло совѣта 1839 года № 102. Шульгинъ почему-то еще въ 1837 г. переводитъ Лидля въ Казанскій университетъ и заставляетъ его окончить жизнь самоубійствомъ.

кихъ профессоровъ къ маю 1839 года оставались на лицо: Якубовичъ, Гречина, Андржеіовскій (условно), Даниловичъ, лекторъ Плянсонъ и учитель рисованія Клембовскій. Къ тому времени въ судьбахъ Университета принялъ участіе знаменитый Бибиковъ; подъ его нантіемъ рѣшено вывести изъ Кіевскаго Университета всѣхъ упомянутыхъ лицейскихъ дѣятелей; но мѣра эта была искупительною жертвою для самого существованія Университета; въ то-же время правительство утвердилось окончательно въ мысли о возможности и необходимости оставить Университетъ въ Кіевѣ. Еще въ февралѣ Кіевскій военный губернаторъ во всеподданнѣйшей своей докладной запискѣ представлялъ Государю разныя предположенія, относящіяся къ Университету св. Владиміра и къ учебнымъ заведеніямъ въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской. По совѣщаніи объ этомъ съ Бибиковымъ, вслѣдствіе Высочайшей воли, гр. Уваровъ представилъ Государю общій съ генералъ-губернаторомъ докладъ, удостоенный 23 апрѣля Высочайшаго разсмотрѣнія и собственноручныхъ отмѣтокъ Императора, послѣ чего проэктъ велѣно было исполнить. Министръ, препровождая къ попечителю копію съ доклада, между прочимъ предложилъ: 1) ординарныхъ профессоровъ *Даниловича* и *Якубовича* которые опредѣлены въ Московскій университетъ въ этомъ-же званіи, уволить отъ настоящихъ должностей и, выдавъ имъ изъ суммъ Университета св. Владиміра, на счетъ Московскаго университета, на подъемъ и путевыя издержки по 1500 руб. сер. каждому, поручить имъ отправиться къ новому мѣсту назначенія по окончаніи испытанія студентамъ 4-го курса по ихъ предметамъ;—экстра-ординарнаго профессора *Гречину*, опредѣленнаго къ такой-же должности въ Харьковскій университетъ, отправить также по окончаніи испытанія съ выдачею ему 800 руб. сер.; адъюнкта *Андржеіовскаго*, преподающаго временно въ лицеѣ князя Безбородко, перемѣстить въ лицей исправляющимъ должность профессора естественныхъ наукъ съ увольненіемъ изъ Университета; лектора *Плянсона* и учителя рисованія *Клембовскаго*, опредѣленныхъ министромъ въ Харьковскій университетъ, отправить туда перваго послѣ испытанія студентовъ по его предмету, а послѣдняго тотчасъ-же, съ выдачею имъ по 500 руб. сер. Для замѣщенія открывшихся такимъ образомъ вакансій, министръ опредѣлилъ въ Университетъ св. Владиміра экстраординарнаго профессора римской словесности и древностей въ Мос-

ковскомъ университетѣ—*Кубарева;* на мѣсто Якубовича экстра-ординарнымъ профессоромъ математики — состоящаго въ такой-же должности при Харьковскомъ университетѣ *Н. Дьяченко* и лекторомъ французскаго языка—занимавшаго такую-же должность въ Харьковскомъ университетѣ *Бореля.* Преподаваніе предметовъ каѳедры, которую занималъ профессоръ Даниловичъ (министръ полагалъ) можетъ быть поручено адъюнкту Иванишеву. Такимъ образомъ одновременно съ удаленіемъ изъ Университета св. Владиміра польскихъ элементовъ, приняты мѣры и къ замѣщенію ихъ русскими учеными силами. Но какъ съ тѣми, кто долженъ былъ выѣзжать изъ Кіева, такъ и съ тѣми, кому предстояло туда ѣхать, обращались одинаково: ихъ переводили безъ ихъ вѣдома и согласія; оттого мѣра эта и не вполнѣ удалась. Н. А. Дьяченко повиновался; но А. М. Кубаревъ не захотѣлъ ѣхать изъ Москвы; а потому былъ вовсе уволенъ отъ должности, о чемъ 29-го іюля министръ увѣдомилъ кіевскаго попечителя *). Хотя Кубаревъ не принадлежитъ къ числу ученыхъ свѣтилъ первой величины, но оставивъ поневолѣ каѳедру римской словесности и сосредоточивши свои занятія на древне-русской литературѣ, онъ разсужденіями о Патерикѣ и Несторѣ составилъ себѣ почетное имя въ ученой литературѣ **). Университетъ св. Владиміра тогда только не имѣлъ-бы особыхъ причинъ сожалѣть объ этой неудачѣ, если-бы тотчасъ-же нашлись другіе равные ему или достойнѣйшіе кандидаты; но и въ такомъ случаѣ способъ, къ которому прибѣгало министерство, не предвѣщалъ скорой и успѣшной реорганизаціи Университета на новыхъ началахъ, какъ увидимъ подробнѣе ниже. Выселеніе профессоровъ и замѣна ихъ совершались съ быстротою и настойчивостію, какими отличаются всѣ мѣры того царствованія. Профессорамъ велѣно было отправиться на новыя мѣста по окончаніи экзаменовъ; они и должны были исполнить это, не пропуская ни одного дня; между тѣмъ большая часть завѣдовала какими либо вспомогательными учебными учрежденіями, которыя нужно было сдать кому-нибудь. Якубовичъ, напр., долженъ былъ сдать минцъ-кабинетъ библіотекарю Ярковскому, но этотъ послѣдній заболѣлъ; очу-

*) Дѣло совѣта 1839 года № 113.

**) См. о А. М. Кубаревѣ стат. „Русскіе палеологи" въ Древн. и Нов. Россіи 1880 г., № 2.

тившись въ такомъ безвыходномъ положеніи, профессоръ доноситъ совѣту, что онъ не можетъ окончить сдачу раньше конца вакаціоннаго времени и проситъ исходатайствовать ему эту отсрочку. 2-го августа онъ окончилъ сдачу; 2-го же августа распоряжаются о выдачѣ ему подорожной. Однако въ слѣдующемъ году возникла цѣлая переписка о томъ, когда именно Якубовичъ окончилъ университетскія дѣла въ Кіевѣ. Особенно не легко было Гречинѣ, который завѣдовалъ архитектурнымъ, технологическимъ, агрономическимъ и механическимъ кабинетами и долженъ былъ сдавать ихъ двумъ профессорамъ (Гофману и Траутфеттеру). Если припомнить, что приказъ о перемѣщеніи профессоровъ полученъ только мая 10-го, что большая часть изъ нихъ были люди семейные, то такая настойчивость представляется вполнѣ удивительною. Точно такъ-же торопили въ Харьковѣ къ выѣзду профессора Дьяченко.

Переведенные изъ Кіева польскіе профессора продолжали потомъ, почти всѣ, съ честію служить наукѣ на новыхъ мѣстахъ. Болѣе видное положеніе досталось (и по справедливости) профес. Даниловичу, испытавшему столько превратностей и приключеній, которыя наконецъ пошатнули его богатыя силы. Поступивши въ Московскій университетъ на новую каѳедру (законовъ благоустройства), онъ долженъ былъ перемѣнить ее еще разъ и читать (въ 184$^1/_2$ г.) гражданскіе законы царства Польскаго. Не смотря на это, преподаваніе его и тамъ отличалось присущими ему достоинствами и встрѣчало уваженіе и лестную оцѣнку. Но такіе неподсильные труды разстроили его умственное здоровье и заставили его бросить службу въ 1842 году; онъ отправился сначала въ Кіевъ, а потомъ за границу искать излеченія, но нашелъ тамъ кончину, которая пусть примиритъ насъ съ его шаткою политическою ролью въ началѣ его служебной дѣятельности.

Менѣе оставилъ воспоминаній въ Москвѣ проф. Якубовичъ; онъ дослужилъ тамъ въ 1842 г. 30-ти лѣтіе и удалился въ свой Кременецъ, посвятивъ остатокъ дней наукѣ нравственной философіи. Гречина въ Харьковѣ умеръ на службѣ. Только одинъ изъ нихъ—Андржеіовскій въ послѣдствіи, по отставкѣ отъ службы въ нѣжинскомъ лицеѣ, примкнулъ стороною къ Университету св. Владиміра, въ качествѣ члена коммиссіи для описанія губерній Кіевскаго учебнаго округа и окончилъ жизнь свою въ Житомірѣ.

Помянемъ добромъ это отошедшее поколѣніе, положившее основаніе нашему Университету и безспорно состоявшее въ большинствѣ изъ искреннихъ тружениковъ науки.

Когда такая генеральная перетасовка была окончена, то оказалось, что мало пострадалъ только одинъ юридическій факультетъ и не слишкомъ опустѣло I-е отдѣленіе философскаго факультета. Что-же касается до II-го отдѣленія того-же факультета, то оно почти не существовало; тамъ оставались только Ѳедоровъ, Траутфеттеръ, Гофманъ и новый адъюнктъ Тихомандритскій (Мерца не беремъ въ счетъ).

Откладывая знакомство съ новыми лицами, постепенно замѣнявшими поляковъ, до слѣдующей главы, здѣсь должны мы ознакомиться съ дѣятельностію оставшихся въ Университетѣ русскихъ и нѣмцевъ.

Въ тѣ времена профессора вообще были заняты исключительно своими преподавательскими и учеными трудами. Охраняя это направленіе, Уваровъ въ декабрѣ 1838 года предписалъ, чтобы профессора, адъюнкты и вообще учащіе въ университетахъ не обременяли себя занятіями по другимъ вѣдомствамъ ко вреду главныхъ ихъ обязанностей и не принимали впредь никакихъ должностей по другимъ вѣдомствамъ безъ согласія министра *). Что касается до учебнаго вѣдомства, то въ томъ-же 1839 г. проф. Богородскій занялъ должность директора гимназіи. Но это и былъ единственный примѣръ. Когда-же преподавательская дѣятельность профессоровъ должна была прекратиться, то, какъ мы упоминали, министерство и попечитель были весьма озабочены, чтобы „праздные“ профессора были чѣмъ-нибудь заняты. Уже 7 февраля С. С. Уваровъ далъ обстоятельное распоряженіе на этотъ счетъ, въ которомъ главною обязанностію профессоровъ было поставлено наблюденіе за средними учебными заведеніями, съ цѣлію подготовить для Университета (въ случаѣ новаго его открытія) не такой составъ слушателей по духу и направленію, какой привелъ уже Университетъ къ закрытію. Министръ назначалъ профессорамъ весьма важную и почетную роль въ этомъ дѣлѣ и имѣлъ въ виду не одно занятіе праздныхъ часовъ; онъ даже боялся, что назначеніе профессоровъ наблюдателями за гимназіями можетъ принизить и ослабить дѣятельность постоянныхъ начальниковъ этихъ заведеній — директоровъ и

---

*) Сборн. распор. по мин. нар. просв. т. II, № 30.

спѣшилъ оговориться на этотъ счетъ. Между тѣмъ мѣстное начальство свело эти возвышенныя намѣренія Уварова до назначенія профессоровъ временными учителями въ гимназіи подъ начальство тѣхъже директоровъ. Для характеристики этихъ противоположныхъ воззрѣній и особенно взгляда Уварова на значеніе профессоровъ, приведемъ выдержки изъ замѣчательнаго отношенія его къ попечителю отъ 7 февраля 1839 г.: „Въ пятомъ пунктѣ указа (9 января) содержатся постановленія объ учебномъ сословіи Университета,—постановленія важныя особенно потому, что отъ надлежащаго приведенія ихъ въ дѣйствіе не только зависитъ открытіе вновь курсовъ университетскихъ, но и дальнѣйшее правильное и успѣшное теченіе оныхъ. Считаю полезнымъ войти въ нѣсколько подробнѣйшее изложеніе, какъ цѣли, которая предполагалась къ достиженію этимъ распоряженіемъ, такъ и способовъ, которые признаю за лучшіе къ приведенію его въ дѣйствіе.

Правительство, желая сохранить всѣ выгоды профессорамъ, оставило имъ все содержаніе, какое они получаютъ, на цѣлый годъ, въ продолженіи котораго Университетъ будетъ закрытъ. Однако правительство не можетъ допустить, чтобы при такихъ выгодахъ въ теченіи всего этого времени, они не приносили никакой прямой пользы для Кіевскаго округа. Для того указаны имъ два рода занятій: a) приготовленіе учебныхъ книгъ и руководствъ и b) употребленіе профессоровъ, по назначенію университетскаго начальства, на пользу прочихъ учебныхъ заведеній округа. Сіи послѣднія занятія, утверждающія основу, на которой должно созидаться будущее процвѣтаніе Университета св. Владиміра, еще важнѣе трудовъ собственно ученыхъ. Профессора Университета св. Владиміра должны быть употреблены на ближайшее узнаніе учебныхъ заведеній, на усовершенствованіе оныхъ какъ въ учебномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, наблюденіе надъ недостатками, какіе могутъ существовать въ нихъ, на указаніе вѣрнѣйшихъ средствъ къ устраненію оныхъ, и на немедленное и благоразумное приведеніе ихъ въ дѣйствіе. Хотя преимущественнымъ предметомъ ихъ вниманія должны быть гимназіи, но и всѣ прочія низшія и среднія учебныя заведенія также не могутъ быть упущены изъ виду. Съ этой цѣлью надлежитъ каждое или смотря по возможности и удобству, нѣсколько изъ такихъ учебныхъ заведеній поручить кому-либо изъ профессоровъ университетскихъ, съ тѣмъ, чтобы

онъ, пока закрытъ Университетъ, сколько можно чаще посѣщалъ эти заведенія, или даже имѣлъ постоянное тамъ пребываніе. Онъ долженъ внимательно *вникать въ способы преподаванія, въ нравственныя качества и въ способности преподавателей, въ духъ, господствующій какъ между обучающимися, такъ и между самими учащими*, въ прилежаніе и успѣхи онаго, въ нравственное и умственное ихъ образованіе. Онъ будетъ руководствовать и учителей и учениковъ тамъ, гдѣ его содѣйствіе и совѣты нужны для направленія на истинную стезю; въ случаѣ надобности долженъ самъ читать лекціи; однимъ словомъ, его обязанность будетъ — изучать и вмѣстѣ съ тѣмъ обращать преимущественное свое вниманіе на VI и VII гимназическіе классы и приготовлять то юношество, которое должно будетъ поступить въ Университетъ. Считаю почти излишнимъ присовокуплять, что, приготовляя такимъ образомъ поле, на которомъ впослѣдствіи времени они должны будутъ сами продолжать дѣйствовать, професссоры университетскіе должны поставить себѣ главною обязанностію очищеніе онаго отъ тѣхъ плевелъ, которые нынѣ навлекли на Университетъ св. Владиміра столь непріятныя послѣдствія. Не ограничивая этой мѣры одними учебными заведеніями внѣ Кіева и Кіевской губерніи состоящими, но включая въ объемъ его и учебныя заведенія сего города, я совершенно увѣренъ, что непосредственные начальники оныхъ, въ назначеніи профессоровъ университетскихъ *въ качествѣ визитаторовъ* или временныхъ и ближайшихъ наблюдателей за средними и низшими учебными заведеніями, увидятъ одно желаніе скорѣе и вѣрнѣе довершить благоустройство Университета св. Владиміра и поставить учебныя заведенія Кіевскаго округа на желаемую степень совершенства. Распредѣленные на вышеозначенномъ основаніи профессоры Университета св. Владиміра имѣютъ постоянно доставлять министерству народнаго просвѣщенія свѣдѣнія о положеніи, ходѣ и развитіи ввѣренныхъ ихъ наблюденію заведеній. Желательно, чтобъ эти донесенія, взятыя въ совокупности собственно для меня, содержали въ себѣ, такъ сказать, статистику учебныхъ заведеній Кіевскаго округа; но эта статистика должна быть не числительная только, но и моральная; она должна доставить министерству народнаго просвѣщенія возможность имѣть по истеченіи годоваго срока вѣрное понятіе о новомъ поколѣніи, которое долженствуетъ, на основаніи 3-го п. указа, населить Универ-

ситетъ св. Владиміра. Такъ какъ отъ сего зависитъ самый срокъ открытія вновь курсовъ университетскихъ, то необходимо приступить немедленно къ распредѣленію профессоровъ по округу. Для того я предлагаю войти въ совѣщаніе съ ректоромъ и совѣтомъ Университета.

Изъ всѣхъ сихъ соображеній слѣдуетъ, что неукоснительное и благоразумное исполненіе пятаго пункта Высочайшаго указа отъ 9-го января, имѣетъ прямую связь съ будущностію Университета и что безъ предварительнаго собранія всѣхъ указанныхъ мною в—му с—ву данныхъ, нельзя будетъ вывести общаго заключенія о возможности приступить къ вторичному открытію Университета св. Владиміра въ опредѣленное время" *).

Попечитель первоначально возложилъ исполненіе этого на совѣтъ, который долженъ былъ не только распредѣлить профессоровъ по учебнымъ заведеніямъ, но и составить форму донесеній ихъ министру. Совѣтъ 22 марта представилъ проэктъ распредѣленія профессоровъ Университета по среднимъ и низшимъ училищамъ Кіевскаго учебнаго округа для ближайшаго наблюденія за нимъ, исключивъ изъ этого распредѣленія профессоровъ богословія по особенностяхъ ихъ званія, а равно профессоровъ Даниловича, Якубовича (еще тогда не уволенныхъ), Орнатскаго, Гофмана и Ѳедорова, которыхъ присутствіе необходимо въ Кіевѣ. Попечитель во многомъ измѣнилъ этотъ проэктъ, а главное измѣнилъ весь духъ и смыслъ Уваровской мѣры. 20 апрѣля 1839 года онъ далъ знать совѣту, что по разсмотрѣніи и соображеніи представленія совѣта, онъ вошелъ съ представленіемъ къ министру народнаго просвѣщенія о командированіи для наблюденія за училищами губерній: Подольской — Ѳедотова-Чеховскаго, Волынской — ад. Домбровскаго и Черниговской—профессора Максимовича съ прикомандированіемъ къ нему Иванишева; а для наблюденія за гимназіями города Кіева онъ предположилъ назначить: въ 1-ю Кіевскую гимназію профессора Новицкаго, а во вторую профес. Богородскаго (на котораго уже было возложено управленіе дирекціею). Такимъ образомъ Ставровскій, Нейкирхъ и Траутфеттеръ не получили назначенія визитаторовъ. Далѣе назначилъ: профессору Нейкирху имѣть постоянное наблюденіе *за преподаваніемъ греческаго языка* во 2-й Кіевской гим-

---

*) Дѣло совѣта 1839 г., № 74.

назіи; преподаваніе-же имъ самимъ въ одномъ изъ высшихъ классовъ этому языку предоставляется ближайшему усмотрѣнію его и *управляющаго дирекціею.* Профессору Гречинѣ *преподавать* математику въ одномъ изъ высшихъ классовъ 1-й Кіевской гимназіи по ближайшему усмотрѣнію по 3 урока въ недѣлю. Ад. Деллену *преподавать нѣмецкій языкъ* во 2-й Кіевской гимназіи *по 6 уроковъ въ недѣлю, по усмотрѣнію управляющаго дирекціею.* Лекторамъ языковъ: французскаго—Плянсону преподавать французскій языкъ въ 1-й Кіевской гимназіи по 3 урока и во 2-й Кіевской гимназіи по 3 урока въ недѣлю; нѣмецкаго—Лидлю въ 1-й Кіевской гимназіи по 6 уроковъ въ недѣлю. Учителю рисованія Клембовскому имѣть постоянное наблюденіе за ученіемъ рисованію въ обѣихъ Кіевскихъ гимназіяхъ. Затѣмъ, остающіеся въ Кіевѣ свободными отъ должностей и имѣющіе свободное время должностные профессора и преподаватели Университета должны быть заняты приготовленіемъ учебныхъ книгъ и руководствъ. Попечитель предоставляетъ совѣту Университета сообразить и донести ему: если нѣкоторые изъ нихъ могутъ принять на себя составленіе учебныхъ книгъ и руководствъ, то какихъ именно, и къ какому времени полагаютъ они возможнымъ окончить таковыя, для донесенія о томъ министру народнаго просвѣщенія *). Такъ понялъ кн. Давыдовъ мысль Уварова. Профессора должны были обратиться во временныхъ учителей, по усмотрѣнію директоровъ гимназій, имъ назначено опредѣленное количество уроковъ въ недѣлю; въ лучшемъ случаѣ имъ предоставляется наблюденіе не за гимназіею, ея духомъ и направленіемъ, а за преподаваніемъ въ ней ихъ спеціальнаго предмета. Трудно постигнуть, какая изъ этого могла быть дѣйствительная польза для округа, поставленнаго въ ненормальныя и исключительныя условія. Ничто лучше не характеризуетъ кн. Давыдова въ его отношеніяхъ къ Университету.

Не менѣе замѣчательно, что попечитель беретъ подъ оффиціальный срочный контроль и будущую ученую дѣятельность профессоровъ и требуетъ свѣдѣній, *къ какому сроку* они думаютъ окончить свои труды, которые еще и не могли быть начаты, такъ какъ лекціи продолжались до 27-го марта, а затѣмъ наступали экзамены и ка-

*) Дѣло совѣта 1839 г. № 74.

никулы. Удовлетворяя этому канцелярскому любопытству, совѣтъ собралъ отъ факультетовъ слѣдующія свѣдѣнія, изъ которыхъ многія поневолѣ должны быть фальшивыя и лицемѣрныя: профес. Якубовичъ надѣется въ теченіи года, свободнаго отъ чтенія лекцій въ Университетѣ, привести къ окончанію составленныя имъ на латинскомъ языкѣ учебныя книги: а) исторіи внутренней и внѣшней римской и греческой литературы и b) римскихъ древностей, сообразно съ новѣйшими понятіями лучшихъ по сему предмету германскихъ писателей. Это похвальное предположеніе оказалось тщетнымъ: въ тотъ самый день, когда объ этомъ доносилъ факультетъ, состоялось Высочайшее повелѣніе о переводѣ Якубовича въ Москву. Ад. Авсеневъ намѣренъ въ теченіи года составить: руководство по новѣйшей исторіи философскихъ системъ въ Германіи, отъ Канта до нашихъ временъ. Предположеніе также не осуществившееся. Испр. должн. ад. Ставровскій намѣренъ былъ въ теченіи того-же времени заняться составленіемъ статистики первостепенныхъ европейскихъ государствъ. Ад. Красовъ предполагалъ въ теченіи года составить „Руководство къ словесности для гимназій", въ составъ котораго войдутъ риторика и теорія поэзіи и краснорѣчія, чего также не исполнилъ, ибо тогда-же былъ уволенъ вовсе изъ Университета. Ректоръ Университета профес. Неволинъ занимался уже печатаніемъ составленной имъ энциклопедіи законовѣдѣнія, которое и надѣялся окончить къ началу будущаго 1840 года. Деканъ юридическаго факультета Даниловичъ объявилъ, что такъ какъ въ Университетѣ св. Владиміра положено преподаваніе мѣстныхъ законовъ западныхъ губерній и такъ какъ составленный имъ сводъ этихъ законовъ имѣетъ быть обнародованъ правительствомъ, то онъ составленіе исторіи и обозрѣніе литературы источниковъ означенныхъ законовъ считаетъ не только полезнымъ *для изъясненія законодательствъ другихъ славянскихъ племенъ*, но и необходимымъ для преподавателя и слушателей, не имѣющихъ никакого руководства. Посему желаетъ принять на себя этотъ трудъ, который по причинѣ множественности потребныхъ для того матеріаловъ при всемъ усиліи его не можетъ быть окончень ранѣе мая будущаго 1840 года. То было искреннее и весьма важное намѣреніе, которое, къ большому сожалѣнію науки, осталось не исполненнымъ за переводомъ Даниловича въ Москву, гдѣ ему дана другая каѳедра. Затѣмъ Орнатскій, Цвѣтковъ, Гофманъ,

Ѳедоровъ, Траутфеттеръ, Тихомандритскій, даже Мерцъ обѣщали то учебники, то монографіи, не назначая срока ихъ исполненія. Одинъ Цвѣтковъ рѣшительно отказался, сославшись на то, что долженъ заняться приготовленіемъ къ экзамену на ученую степень и притомъ *на основаніи § 29 проэкта устава Университета св. Владиміра обязанъ усовершенствоваться въ изученіи преподаваемаго имъ предмета* подъ руководствомъ профессора. За то каноникъ Головинскій доносилъ ректору Университета, что онъ готовъ составить руководство церковной исторіи для учениковъ (sic) Университета на 22-е число мѣсяца августа 1840 года. Такая необычайная точность въ обозначеніи не только мѣсяца, но и дня окончанія труда, существовавшаго лишь въ предположеніи (и которому никогда не суждено было окончиться), какъ разъ соотвѣтствовала запросу попечителя. И. М. Скворцовъ донесъ совѣту Университета св. Владиміра, что онъ до самаго закрытія лекцій занимался обработываніемъ „Начертанія церковной исторіи новозавѣтной" и значительную часть онаго составилъ, такъ что все это начертаніе могло-бы быть окончено во время вакаціонное. Но получивъ замѣчанія, сдѣланныя въ св. синодѣ на свое „Начертаніе церковной исторіи ветхозавѣтной", онъ нашелъ въ нихъ одно (касательно плана новозавѣтной церковной исторіи) такое, которое заставитъ его вновь пересмотрѣть свои записки, дать имъ другое расположеніе, вновь писать ихъ, а частью и вновь сочинять, что по необходимости продлитъ его трудъ болѣе, нежели сколько онъ прежде полагалъ. Надѣется впрочемъ, что при помощи Божіей, этотъ трудъ совершится прежде окончанія слѣдующаго академическаго года.

Въ числѣ профессоровъ, обязавшихся на запросъ попечителя разными учеными трудами, не видимъ М. А. Максимовича; онъ имѣлъ право уклониться отъ такого обязательства, потому что былъ назначенъ визитаторомъ Черниговскихъ учебныхъ заведеній. Однако именно онъ закончилъ и издалъ въ это время одинъ изъ важнѣйшихъ своихъ трудовъ—исторію русской словесности, причемъ дѣло велось съ поразительною быстротою: въ засѣданіи совѣта 3 октября было представлено прошеніе Максимовича о напечатаніи этой исторіи (въ 2-хъ книгахъ) на счетъ Университета и, по тогдашнему порядку, рукопись передана членамъ совѣта для циркулярнаго разсмотрѣнія; въ засѣданіи 18 октября совѣтъ единогласно рѣшилъ удовлетворить просьбѣ автора;

а въ засѣданіи 21-го декабря попечитель уже увѣдомилъ совѣтъ, что министръ народнаго просвѣщенія представлялъ Государю первую часть исторіи русской словесности и что она удостоилась благосклоннаго принятія и монаршаго благоволенія. Въ то-же время Максимовичъ предпринялъ изданіе альманаха „Кіевлянинъ", подъ вліяніемъ и по убѣжденію Карлгофа, какъ разсказывается въ упомянутыхъ выше мемуарахъ, гдѣ передано, между прочимъ, съ какимъ горячимъ усердіемъ хлопотали объ успѣхѣ этого дѣла въ семействѣ и кружкѣ Карлгофа. Очевидно помощникъ попечителя совсѣмъ иначе „занималъ" профессоровъ, чѣмъ самъ попечитель. Но условія времени были таковы, что и лучшіе люди ставили себя въ траги-комическое положеніе. Тотъ-же Карлгофъ предсѣдательствовалъ въ цензурномъ комитетѣ. Когда поступили сюда статьи, приготовленныя для „Кіевлянина", и не только разсмотрѣнныя, но взлелѣянныя и выхоленныя въ домѣ Карлгофа, то онъ не рѣшился пропустить нѣкоторыхъ изъ нихъ, чѣмъ всего болѣе была огорчена его-же жена и, разумѣется, онъ самъ. Мы уже указывали на значеніе трудовъ Максимовича; здѣсь остается прибавить, что каковы-бы ни были ихъ научныя достоинства, въ нихъ живымъ ключемъ била новая для Кіева струя русскаго воззрѣнія на древнюю и не очень древнюю исторію южно-русскаго народа и его языка; въ нихъ всего яснѣе ознаменовался переходъ Университета въ новую форму. Въ томъ-же 1839 г. написано Максимовичемъ и его „Сказаніе о Коліивщинѣ", но статья пролежала въ рукописи до его смерти (конечно не потому только, что требовала пересмотра) и напечатана лишь въ 1875 г. въ Русскомъ Архивѣ.

Примѣръ Максимовича показываетъ, что Университетъ и закрытый продолжалъ жить и что его заслуга этому краю не ограничивалась тщательнымъ отчитываніемъ лекцій. Въ тѣ-же дни и русское правовѣдѣніе въ первый разъ выступало на самостоятельную дорогу въ знаменитомъ трудѣ Неволина.

Не менѣе пользы могла принести и дѣятельность профессоровъ въ качествѣ визитаторовъ. Уже и прежніе осмотры Цыха и другихъ показали, что въ нихъ было единственное средство поправить сколько возможно результаты „визитаціи" Чацкаго; теперь эта цѣль прямо указана была въ предложеніи Уварова. Къ сожалѣнію бюрократизмъ канцеляріи новаго попечителя почти окончательно парализовалъ благія

послѣдствія профессорскихъ ревизій. Для уясненія и оправданія приводимъ исторію визитаціи Каменецъ-Подольскихъ учебныхъ заведеній, произведенной А. А. Ѳедотовымъ-Чеховскимъ. Въ то время старались разыскать и отчасти находили вѣтви кіевскаго тайнаго общества въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ края; между прочимъ донесено директоромъ—полякомъ, что въ Немировской гимназіи нѣкій ученикъ Ордынскій сдѣлался главою будто-бы мѣстнаго тайнаго кружка́, и былъ уже арестованъ. Сюда-то прежде всего и долженъ былъ отправиться визитаторъ, которому дана на этотъ счетъ секретная инструкція о производствѣ слѣдствія. Но визитаторъ—профессоръ началъ съ того, что взялъ арестованнаго изъ подъ стражи и началъ производить открытый допросъ въ засѣданіи педагогическаго совѣта гимназіи. Узнавъ объ этомъ кн. Давыдовъ пришелъ въ ужасъ и сдѣлалъ ревизору строгій, опять „секретный" запросъ и нагоняй; но онъ не ожидалъ, до какой степени удивитъ его вновь отвѣтъ на это необычайнаго слѣдователя. Визитаторъ почтительнѣйше представилъ „благосклонному вниманію и уваженію его сіятельства слѣдующія свои объясненія и оправданія". Во первыхъ самое дѣло Ордынскаго „пустякъ", а равно и всѣ таинственные подступы къ нему. Нужно знать, что отецъ мнимаго заговорщика майоръ Ордынскій былъ русскій, а дѣйствія самого ученика не имѣли никакой связи съ польскими движеніями. Визитаторъ убѣдился, что вина его заключалась въ томъ, что онъ игралъ со своими товарищами въ солдатики и, конечно, самъ, какъ предводитель, принималъ на себя роль главнаго командира. Что касается до нарушенія государственной тайны, то „шила въ мѣшкѣ не утаишь"; объ этой якобы тайнѣ разсказывали ему дорогой станціонные смотрителя и немировскія бабы. Если онъ сдѣлалъ педагогическій совѣтъ участникомъ въ производствѣ слѣдствія, то онъ Ѳедотовъ-Чеховскій полагаетъ, что „пріѣхалъ не разорять законъ русскій, а созидать"; въ законѣ-же русскомъ (уставѣ гимназій § 24) сказано, что совѣту гимназій предоставляется опредѣленіе мѣръ для пресѣченія или предупрежденія злоупотребленій и безпорядковъ. Попечитель въ особенности испугался этого послѣдняго обстоятельства и такъ порицаетъ визитатора: „вы доносите, что все это напоминало вамъ, что по пословицѣ въ мѣшкѣ не утаишь шила, и что вы только скорымъ окончаніемъ формальнаго слѣдствія можете пресѣчь поводы къ распространенію въ публикѣ вся-

кихъ слуховъ въ самыхъ нелѣпыхъ и пугающихъ видахъ; что вы увѣряете каждаго любопытствующаго, что все дѣло пустякъ и не стоитъ вниманія. Здѣсь приведенная вами въ усиленіе доказательствъ вашихъ пословица, совершенно неумѣстна, ибо въ оффиціальныхъ донесеніяхъ къ высшему начальству пословицы не употребляются; а дѣйствіе ваше, что для прекращенія въ публикѣ всякихъ слуховъ нелѣпыхъ и пугающихъ видахъ, вы увѣряли и увѣряете каждаго любопытствующаго, что все дѣло пустякъ и не стоитъ вниманія, я не могу признать правильнымъ, потому что не вамъ предлежитъ дѣлать окончательное заключеніе по производимому вами слѣдствію, а тѣмъ менѣе распускать рѣшительные слухи въ публикѣ, что все дѣло пустякъ и не стоитъ вниманія, тогда какъ высшее начальство по разсмотрѣніи всего дѣла можетъ еще найти тому противное. Къ удивленію моему въ донесеніи вашемъ читаю далѣе: что вы думали и думаете, что по волѣ вашего начальника пришли въ Немировъ не разорять, а созидать законъ русскій и что потому, еще не приступая къ слѣдствію, сдѣлали словесное замѣчаніе и директору и инспектору гимназіи за то, что допросъ ученику Ордынскому съ его сообщниками надлежало на основаніи устава гимназіи сдѣлать въ совѣтѣ и совѣту гимназіи. Находя выраженіе ваше весьма неумѣстнымъ, ибо само собою разумѣется, что вы не могли быть командированы съ цѣлію уничтожать законы русскіе, я удивляюсь, какъ вы дозволили себѣ употребить такія слова въ оффиціальномъ ко мнѣ донесеніи и въ отвѣтъ на мое предписаніе, чтобы не передавать дѣла объ Ордынскомъ на разсмотрѣніе педагогическаго совѣта. Какъ позволили вы себѣ написать, что таковое мое предписаніе клонится къ разоренію законовъ русскихъ“? Затѣмъ визитаторъ объяснялъ, что „слѣдствіе можно производить безъ значительной огласки чиновнику, можетъ быть, въ стѣнахъ Кіевской крѣпости, а не въ Немировѣ, гдѣ не представляется ровно никакихъ средствъ устранить отъ всякаго сообщенія съ обывателями и между собою допрашиваемыхъ, и не въ домикѣ учителя безъ всякой огорожи и оконницъ, гдѣ любопытный можетъ тебя подслушать за стѣною, а проходящій по улицѣ и нехотя во всякое время видитъ“. Но попечитель наставляетъ визитатора, что онъ могъ-бы требовать оффиціально отъ директора гимназіи, „чтобы онъ отвелъ для карцеровъ отдѣльныя комнаты, *стѣснивъ на то время помѣщеніе гимназіи и чиновниковъ оной*, или-же

отнестись къ мѣстному гражданскому начальству объ отводѣ квартиръ для содержанія арестантовъ. За всѣ таковыя выше приведенныя, странныя, неприличныя выраженія въ донесеніи за № 18—и большею частію не дѣльныя причины, коими вы вопреки моего предписанія оправдываетесь въ томъ, что секретное дѣло объ ученикѣ Ордынскомъ слѣдуетъ будто-бы разсматривать въ педагогическомъ совѣтѣ гимназіи, я дѣлаю вашему высокоблагородію замѣчаніе съ тѣмъ, что впредь за подобные поступки будетъ строже взыскано" *).

Итакъ и пріемы ревизіи, и продолжительность ея, и особенно живой тонъ донесеній, постоянно переходящій за условные предѣлые канцелярскаго языка,—все это въ высшей степени не нравилось попечителю и не предвѣщало никакого добра ни для визитатора, ни для успѣховъ ревизіи. Визитаторъ дѣйствовалъ въ духѣ Уваровской бумаги, прямо, открыто, не возводя пустяковъ въ дѣла государственной важности и въ секретные слѣдователи не годился. Между тѣмъ, когда спустя нѣсколько недѣль г. Ѳедотовъ-Чеховскій явился въ Кіевъ съ цѣлымъ фоліантомъ результатовъ ревизіи, гдѣ до подробностей, а иногда до мелочей были изложены здравыя, вѣрныя и часто весьма остроумныя наблюденія не только надъ учебною и нравственною частію гимназій, но и надъ экономическимъ бытомъ учителей и учениковъ, то попечитель тотчасъ-же измѣнилъ свой взглядъ и оффиціально выразилъ визитатору благодарность въ самыхъ теплыхъ формахъ. Личныя качества доброй натуры кн. Давыдова взяли верхъ надъ чиновничьею щекотливостію и оскорбленіемъ канцелярской чести. Но дѣйствительныхъ практическихъ результатовъ было не много.

Словомъ профессора—визитаторы не годились въ чиновники и доставляли не мертвыя стопы бумаги, а живыя и полезныя свѣдѣнія; не ихъ вина, что въ Кіевѣ не было уже Брадке и трудами ихъ не вполнѣ воспользовались.

Судьба студентовъ. Всѣхъ студентовъ къ 1-му января 1839 года по списку числилось 275; изъ нихъ православныхъ 96. Остальные за самыми незначительными исключеніями (протестантовъ и уніатовъ)—католики. На I отдѣленіи философскаго факультета было 55; изъ нихъ православныхъ 21. На II отдѣленіи того-же факультета 71,

*) Дѣло канцеляріи попечителя 1839 г. № 143.

изъ нихъ православныхъ также 21. На юридическомъ факультетѣ 149, изъ нихъ православныхъ 54. Такимъ образомъ наибольшій % православныхъ былъ на I-мъ отдѣленіи философскаго факультета именно около 38%; на II-мъ отдѣленіи ихъ менѣе 1/3 общаго числа студентовъ этого отдѣленія; на юридическомъ факультетѣ нѣсколько болѣе 1/3. Въ общемъ число студентовъ православныхъ составляетъ почти 1/3. Изъ православныхъ весьма немногіе были уроженцами юго-западнаго края; большая часть ихъ происходила изъ Черниговской губерніи и изъ самаго г. Кіева; они поступили въ Университетъ изъ двухъ Кіевскихъ, и изъ Черниговской и Новгородъ-Сѣверской гимназій. Изъ первыхъ въ Университетѣ было 21 православный студентъ, изъ двухъ послѣднихъ (съ присоединеніемъ 3-хъ изъ Нѣжинскаго лицея) 29. Затѣмъ немногіе остальные перешли изъ Харьковскаго университета, училища правовѣдѣнія и т. д. Такимъ образомъ, если исключить изъ общаго числа православныхъ студентовъ этихъ уроженцевъ Кіева и заднѣпровья, всего 50 человѣкъ, и затѣмъ до 10 человѣкъ пришлыхъ изъ разныхъ мѣстъ, то на весь сѣверо-западный и юго-западный край придется не болѣе 32 студентовъ православныхъ. Такимъ образомъ хотя по составу своихъ слушателей Университетъ долженъ быть признанъ польскимъ университетомъ и въ частности университетомъ польскаго населенія юго-западнаго края, но по крайней мѣрѣ 1/4 часть его слушателей ни въ какомъ случаѣ не могла быть прикосновенна къ тенденціямъ юго-западныхъ людей.

Политическая буря 1839 года должна была разнести весь этотъ составъ слушателей по разнымъ угламъ Россіи. Одна часть ихъ подверглась суду и осужденію; остальные всѣ безъ исключенія должны быть разкассированы и, если-бы Университетъ въ Кіевѣ когда-либо былъ вновь открытъ, то студенты, удаляемые въ 1839 г., не иначе могли быть приняты въ него обратно, какъ по особому разрѣшенію министра народнаго просвѣщенія. Очевидно вся учащаяся часть Университета была заподозрѣна, или по крайней мѣрѣ казалась ненадежною. Трудно понять, на чемъ основывалось такое огульное осужденіе студентовъ всѣхъ вѣроисповѣданій и національностей; скорѣе можно усмотрѣть въ этомъ доказательство, что въ началѣ года правительство склонялось къ мысли объ окончательномъ закрытіи Университета въ Кіевѣ.

Чтобы видѣть, на сколько такія опасенія и намѣренія были основательны, обратимся прежде всего къ той части студентовъ, съ которой началось дѣло, т. е. къ лицамъ, подвергшимся суду и осужденію.

Аресты начались еще осенью 1838 года; но число арестованныхъ постепенно увеличивалось новыми, по мѣрѣ собираемыхъ уликъ. Нѣкоторые освобождаемы были тотчасъ-же. Наконецъ къ марту состоялся общій приговоръ. О числѣ и судьбѣ осужденныхъ генералъ-губернаторъ (Бибиковъ) 14 марта 1839 года сообщилъ попечителю слѣдующее: „Вслѣдствіе открытія между студентами Университета св. Владиміра тайнаго общества, нѣкоторые изъ нихъ по Высочайшему повелѣнію, были переданы военному суду, и вмѣсто опредѣленной имъ по точному смыслу законовъ смертной казни, разжалованы въ солдаты съ выслугой и безъ выслуги, но съ лишеніемъ правъ состоянія; прочіе затѣмъ безпредѣльною милостію Государя Императора помилованы, и опредѣлены въ военную службу на правѣ вольноопредѣляющихся, или отосланы для окончанія курса наукъ въ Казанскій университетъ“. При этомъ онъ препроводилъ списокъ всѣмъ прикосновеннымъ къ дѣлу о тайномъ обществѣ съ означеніемъ послѣдовавшихъ рѣшеній. А именно: шесть человѣкъ студентовъ первой категоріи отданы въ солдаты въ Кавказскій корпусъ безъ выслуги съ лишеніемъ дворянства. Пять человѣкъ второй категоріи отданы въ солдаты въ Кавказскій корпусъ до отличной выслуги безъ лишенія дворянскаго достоинства. 14 лицъ третьей категоріи отданы въ военную службу на правѣ вольноопредѣляющихся съ тѣмъ, чтобы по производствѣ въ офицеры прослужили въ военной службѣ не менѣе 10 лѣтъ. Одинъ Александръ Р—скій отданъ въ рядовые безъ лишенія правъ состоянія. Девять человѣкъ послѣдней категоріи отосланы для окончанія курса наукъ въ Казанскій университетъ, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи курса наукъ были обращены на службу въ продолженіи 10 лѣтъ въ великороссійскія губерніи. Въ томъ числѣ былъ студентъ Виленской медико-хирургической академіи Ст. С—скій. Наконецъ вольный человѣкъ изъ имѣнія Университета св. Владиміра Флоріанъ Зелинскій подвергнутъ наказанію шпицрутенами чрезъ пятьсотъ человѣкъ одинъ разъ и отданъ въ солдаты въ Кавказскій корпусъ безъ выслуги.

Въ общемъ спискѣ осужденныхъ были не только студенты, но и окончившіе уже курсъ со степенями. Само собою разумѣется, что

почти всѣ поименованные принадлежатъ къ польской національности и католическому вѣроисповѣданію; однако нашелся въ той средѣ и православный (А. Ч—ный) изъ Житомірской гимназіи; фактъ, хотя и единичный, но достойный глубокаго вниманія, какъ яркій слѣдъ старой полонизаціи въ столь позднюю эпоху и при новой системѣ народнаго образованія. Сверхъ того двое изъ этого списка были греко-уніатскаго вѣроисповѣданія. О 20-ти изъ всѣхъ заключенныхъ къ крѣпость находятся болѣе подробныя свѣдѣнія въ отмѣткахъ инспектора; и именно изъ нихъ 5 были казеннокоштные, а изъ общаго числа 10 принадлежали къ I-му отдѣленію философскаго факультета, 3—ко II-му отдѣленію и 7—къ юридическому факультету. Достойно замѣчанія незначительное число арестованныхъ изъ студентовъ II-го отдѣленія, на которомъ были сосредоточены главныя силы польскаго профессорскаго элемента; новое доказательство, что въ движеніи 1838 г. нельзя отыскивать слѣды профессорскаго вліянія. Но также было-бы безсмысленно ставить довольно значительное число подсудимыхъ изъ I-го отдѣленія философскаго факультета на счетъ профессоровъ этого отдѣленія, гдѣ дѣйствовали такіе русскіе люди, какъ О. М. Новицкій, А. И. Ставровскій, В. Ѳ. Домбровскій, Максимовичъ и др. Новое общее указаніе на то, какъ нелѣпо устанавливать во всякомъ случаѣ солидарность между настроеніемъ профессоровъ и направленіемъ студентовъ. Число арестованныхъ и осужденныхъ составляетъ $^1/_8$ общаго числа студентовъ. О дальнѣйшей судьбѣ лицъ первой категоріи извѣстно немного. Въ 1840 году командиръ мингрельскаго егерскаго полка просилъ выслать аттестатъ на степень кандидата философіи Ан. Янишевскаго; но попечитель и генералъ-губернаторъ признали, что лишеннымъ за преступленія всѣхъ правъ, которыми они до того пользовались, не слѣдуетъ выдавать дипломовъ. Въ 1843 г. уволенный въ отставку по увѣчью, полученному въ сраженіи, изъ кавказской гренадерской артиллерійской бригады, фейерверкеръ 4-го класса Ксаверій Петрашкевичъ получилъ дозволеніе выдержать экзаменъ въ Университетѣ и право на соотвѣтствующій чинъ, если экзаменъ этотъ будетъ выдержанъ имъ удовлетворительно. Петрашкевичъ выдержалъ удовлетворительно устное испытаніе на кандидата *). Изъ именъ, приведенныхъ въ траурномъ

*) Дѣло совѣта 1839 г. № 202.

спискѣ Бибикова, одно (впрочемъ самой низшей категоріи) сдѣлалось почетнымъ именемъ въ наукѣ русскаго правовѣдѣнія и принадлежитъ лицу, съ честію занимавшему каѳедру въ двухъ университетахъ и много лѣтъ спустя съ полнымъ правомъ претендовавшему на занятіе каѳедры въ Университетѣ св. Владиміра (если каѳедра ему не дана въ этомъ Университетѣ, то лишь по обстоятельствамъ совершенно стороннимъ). Быть можетъ въ томъ-же спискѣ найдутся и другія имена людей, потомъ съ честію служившихъ Россіи.

Что касается до остальныхъ (невинныхъ) студентовъ, то мы видѣли, что по указу 9 января, всѣ *своекоштные студенты*, не подлежащіе слѣдствію, могли или перейти въ другіе университеты для окончанія образованія, или поступить въ гражданскую службу съ чинами 12 и 14 классовъ, или въ военную службу. Служебныя права были предоставлены студентамъ 2, 3 и 4 курсовъ, а о 1-мъ въ указѣ умолчано. 23 февраля попечитель потребовалъ отъ совѣта доставить ему списки такихъ студентовъ съ собственноручнымъ обозначеніемъ ихъ, куда они намѣреваются поступить и съ отмѣтками инспектора о ихъ поведеніи. Трудно рѣшить, для чего именно требовалось это знать заранѣе; какъ будто нельзя было выдать каждому свидѣтельство на право поступленія въ другой университетъ, или на службу, предоставляя выборъ послѣдующему болѣе зрѣлому разсужденію. На дѣлѣ изъ этого вышла масса недоразумѣній. Уже 25 февраля инспекторъ далъ требуемыя свѣдѣнія, помѣстивъ въ списокъ не только своекоштныхъ, но и казеннокоштныхъ, не только находившихся на свободѣ, но и заключенныхъ въ крѣпости *). Большинство студентовъ, оставшихся на свободѣ, заявило желаніе перейти для окончанія образованія въ другіе университеты, именно: въ Петербургскій, Московскій и Харьковскій; къ удивленію одинъ студентъ, и притомъ католикъ, заявилъ желаніе

*) Отмѣтку: „въ крѣпости“ онъ ставилъ въ графѣ: „куда желаетъ поступить“, и иногда по малограмотности дѣлалъ трагикомическую ошибку, отмѣчая: „въ крѣпость“. Благодаря такому сверхдолжному исполненію обязанностей почтеннымъ полковникомъ—инспекторомъ, мы пополнили свои свѣдѣнія о студентахъ, подвергшихся слѣдствію, т. е. принимавшихъ участіе въ антиправительственныхъ замыслахъ, а теперь получаемъ цѣнныя указанія на настроеніе тогдашнихъ студентовъ, именно: была-ли у нихъ дѣйствительная охота учиться или большинство готово броситься на служебныя привилегіи. Поэтому мы позволимъ себѣ войти въ нѣкоторыя подробности.

перейти въ Казанскій университетъ; нѣкоторые, весьма немногіе,—въ Виленскую медико-хирургическую академію. Слѣдуетъ также замѣтить, что въ Московскій университетъ пожелали перейти только русскіе (по крайней мѣрѣ православнаго исповѣданія; изъ католиковъ-же едва-ли найдется такихъ два). Всѣхъ, заявившихъ желаніе перейти въ другія высшія учебныя заведенія, было 190; на службу-же только около 30. Мы сказали, что для поступленія на службу студентамъ 4, 3 и 2 курсовъ даны были значительныя привилегіи. Къ великой чести тогдашней молодежи надо сказать, что она не бросилась на эту приманку, не пожелала на 2-мъ курсѣ достичь почти того-же, на что давало право полное образованіе въ Университетѣ. Мы, по крайней мѣрѣ, ничѣмъ не можемъ объяснить этого явленія, кромѣ дѣйствительнаго и искренняго желанія учиться. Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что значительная часть лицъ, записавшихся на службу, были студенты 4-го курса; имъ оставалось лишь мѣсяца два или три до полнаго окончанія курса, когда они и безъ того должны были воспользоваться тѣми-же служебными правами и оставить Университетъ. Но и изъ студентовъ 4-го курса лишь на юридическомъ факультетѣ нашлось довольно много желавшихъ поступить на службу (именно 10 изъ 20). Затѣмъ, какъ остальные юристы 4-го курса, такъ и большинство студентовъ того-же курса другихъ факультетовъ предпочли продолжать образованіе. На I-мъ отдѣленіи философскаго факультета пожелавшихъ воспользоваться служебными привилегіями явилось только два, на II-мъ отдѣленіи—одинъ.

Желавшіе поступить на службу большею частію указывали, какой именно родъ ея они избираютъ: гражданскую службу предпочитало большинство, именно 21 студентъ: военную только 6. При томъ въ военную стремились преимущественно студенты православнаго исповѣданія; изъ католиковъ почти никто. Шестеро заявили, что желаютъ поступить безразлично—въ военную или гражданскую службу. Наконецъ двое предпочли учительскую дѣятельность. *).

---

*) В. Я. Шульгинъ, будущій профессоръ Университета св. Владиміра и его исторіографъ, тогда бывшій на 1-мъ курсѣ философскаго факультета (I-го отдѣленія) заявилъ на двое: или въ Московскій университетъ, или въ уѣздные учителя. Напротивъ М. А. Туловъ, будущій помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, бывшій тогда уже на 4-мъ курсѣ (казеннокоштнымъ), спачала рѣшительно желалъ поступить

Изложенными мѣрами, казалось, все было покончено со студентами, но здѣсь только начинались еще затрудненія и хлопоты. Начались они съ первокурсниковъ, пожелавшихъ поступить на службу. Мы сказали, что на нихъ привилегіи указа 9 января не простирались, но инспекторъ ввелъ ихъ на этотъ счетъ въ заблужденіе и нѣкоторые изъ нихъ подписались на службу очевидно въ разсчетѣ на привилегіи; но попечитель призналъ ихъ заявленія, какъ простую просьбу объ увольненіи и приказалъ уволить. Совѣтъ Университета въ концѣ марта выдалъ имъ всѣмъ увольнительныя свидѣтельства, въ которыхъ и было прописано, что никакими особыми правами по университетскому образованію они не пользуются. Такимъ образомъ молодые люди потеряли годъ даромъ. Иные изъ такихъ уволенныхъ начали отрекаться отъ своего прежняго заявленія о желаніи поступить на службу.

По буквальному смыслу указа 9 января, какъ мы видѣли, *всѣ* студенты Университета св. Владиміра, безъ различія вѣроисповѣданій и національностей, подлежали переводу или увольненію на службу. Но потомъ планы измѣнились: рѣшено было вывести изъ Университета св. Владиміра только студентовъ „уроженцевъ западныхъ губерній и Царства Польскаго". Но изъ такого неопредѣленнаго выраженія возникала масса неразрѣшенныхъ и затруднительныхъ вопросовъ; а именно: 1) могутъ-ли оставаться въ Университетѣ св. Владиміра студенты, которые не уроженцы западныхъ губерній и Царства Польскаго, но исповѣданія не православнаго (или какъ тогда говорили не греко-россійскаго), 2) могутъ-ли оставаться тѣ изъ уроженцевъ западныхъ губерній и Царства Польскаго, которые, однако, исповѣдуютъ вѣру греко-россійскую или *уніатскую* и протестантскую? 3) Какъ поступить съ тѣми, которые хотя показываются уроженцами западныхъ губерній, но происходятъ отъ иностранцевъ, или переселились изъ другихъ губерній, не будучи греко-россійскаго исповѣданія? Министръ народнаго просвѣщенія 30 мая рѣшилъ, что студенты, упомянутые въ пунктѣ 1 и 2, могутъ быть оставлены въ Университетѣ св. Владиміра, а упомянутые въ пунктѣ 3-мъ, не иначе, какъ по разсмотрѣніи ихъ происхожденія, такъ какъ воспрещается вновь посту-

въ Московскій университетъ; но въ послѣдствіи перемѣнилъ свое намѣреніе: „въ гражданскую". Будущіе профессора Университета св. Владиміра Костырь, Пилянкевичъ и Страшкевичъ пожелали поступить въ университеты.

пать въ Университетъ св. Владиміра только тѣмъ изъ прежнихъ студентовъ, которые суть коренные уроженцы западныхъ губерній и Царства Польскаго, собственно польскаго происхожденія и католическаго вѣроисповѣданія *). Такимъ образомъ уяснилось наконецъ, что въ Университетѣ св. Владиміра могутъ оставаться студенты православнаго, уніатскаго и протестантскаго вѣроисповѣданія, изъ какого-бы края имперіи они ни происходили; могутъ оставаться и католики, только не мѣстные уроженцы западнаго края. Между тѣмъ прежде уніаты всегда считались на сторонѣ католиковъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ, до министерскаго распоряженія, причисливъ прямо къ католикамъ, уже предназначили было къ увольненію или переводу; имъ стóило не малаго труда возстановить свое право посредствомъ особыхъ прошеній. Между тѣмъ студенты-католики должны были идти тѣми дорогами, какія сами себѣ намѣтили.

Всѣмъ имъ приказано было явиться 15-го апрѣля за полученіемъ свидѣтельствъ. Многіе явились и получили; другіе явиться не могли то „по приключившейся отцу при дряхлыхъ лѣтахъ его крѣпкой болезни, а то для занятія съ домашними дѣлами". Совѣтъ получалъ формальныя довѣренности и просьбы.

Наконецъ распредѣленіе своекоштныхъ студентовъ-католиковъ по другимъ университетамъ и на службу, а равно и оставленіе прочихъ въ Университетѣ св. Владиміра было утверждено 28 апрѣля; но объ этомъ попечитель увѣдомилъ совѣтъ лишь 25-го мая. Пока шли эти длинныя и затруднительныя сношенія съ министерствомъ, наступило уже обычное время экзаменовъ и высылка студентовъ 4-го курса въ другіе университеты, а равно и увольненіе ихъ безъ степеней не имѣло-бы уже никакого смысла; а потому студентамъ 4-го курса позволено было уже безъ различія вѣроисповѣданій всѣмъ приступить къ окончательному экзамену въ Университетѣ св. Владиміра, нѣкоторые изъ нихъ, разсчитывавшіе получить служебныя права безъ экзамена, были весьма разочарованы новою милостію.

По отчету, читанному на актѣ 15 іюля, всѣхъ студентовъ уволено въ другіе университеты 113, для поступленія на службу съ правомъ на чинъ 14 класса—6, съ правами на чинъ 12 класса—8, безъ

---

*) Дѣло канцеляріи попечителя 1839 г. 2-го стола № $^{31}/_{32}$.

права на чинъ — 14, исключено — 2 (въ томъ числѣ пѣтъ осужденныхъ и наказанныхъ за политическое преступленіе). Но лишь къ концу іюля опредѣлилось окончательно сколько и кто именно изъ своекоштныхъ студентовъ остается въ Университетѣ св. Владиміра. Попечитель препроводилъ въ совѣтъ 31 іюля списокъ такихъ студентовъ, въ которомъ оказалось ихъ всего 41; въ частности: на I отдѣленіи философскаго факультета 9 (на 3 курсѣ—1, на второмъ—1, на 1-мъ курсѣ—7), на II отдѣленіи философскаго факультета—10 (на 3-мъ курсѣ—3, на 2-мъ—1, на 1-мъ курсѣ—6); на юридическомъ факультетѣ 22 (на 3-мъ курсѣ—7, на 2-мъ—11, на первомъ—4). То были почти всѣ православнаго исповѣданія, за исключеніемъ двухъ уніатовъ, одного протестанта и одного католика. Если присоединить сюда 17 казеннокоштныхъ, то полное число студентовъ во всемъ Университетѣ къ 1 августа 1839 года было 58. Вотъ русскій контингентъ, съ которымъ Университетъ долженъ былъ начать новую жизнь и дѣятельность.

Можно-бы подумать, что правительство рѣшилось, при новомъ открытіи Университета, допускать въ Кіевскій университетъ слушателей или исключительно изъ лицъ русскаго происхожденія, или, по крайней мѣрѣ, всѣхъ, кромѣ юго-западныхъ поляковъ; но мы ниже увидимъ, что такое предположеніе вполнѣ ошибочно. Оттого общая мѣра выселенія всѣхъ поляковъ изъ Университета св. Владиміра кажется намъ непонятною. Нельзя-же было серьезно думать, что преемники ихъ, имѣющіе поступить въ Университетъ изъ гимназій послѣ 1839 года, будутъ держаться направленія діаметрально-противоположнаго своимъ предшественникамъ.

Но мы еще не покончили съ судьбою всѣхъ студентовъ въ переворотъ 1839 г. Временная коммиссія всего болѣе затруднялась устройствомъ судьбы *казеннокоштныхъ студентовъ*, какъ ни ясно, казалось, она была опредѣлена въ указѣ 9-го января. Коммиссія 15-го марта представила гр. Уварову рядъ вопросовъ по этому предмету, затруднявшихъ ее. Въ отвѣтъ на это министръ 28 апрѣля между прочимъ предписываетъ: казеннокоштнымъ студентамъ 4 курса произвести окончательное испытаніе въ Университетѣ св. Владиміра и тѣхъ изъ нихъ, которые выдержатъ его успѣшно, не отправляя уже въ другіе университеты, выпустить съ надлежащими аттестатами и съ правами окончившихъ полный университетскій курсъ, или опредѣлить на службу,

сообразно съ ихъ назначеніемъ, съ тѣмъ однако-жъ, чтобы уроженцы западныхъ губерній и Царства Польскаго не были опредѣлены учителями въ учебныя заведенія Кіевской, Волынской и Подольской губерній. Что-же касается студентовъ прочихъ курсовъ, то еще въ правилахъ для руководства коммиссіи было предложено, что-бы коммиссія немедленно вошла въ сношеніе съ попечителями округовъ и по полученіи ихъ отзывовъ сдѣлала проэктъ распредѣленія студентовъ. Проэктъ прежде приведенія въ исполненіе долженъ быть утвержденъ министромъ народнаго просвѣщенія. На основаніи этихъ правилъ, по опредѣленію коммиссіи 15 марта, сдѣлано было сношеніе съ попечителями С.-Петербургскаго, Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго учебныхъ округовъ, и они доставили отзывы, большею частію неудовлетворительные.

Получивъ эти свѣдѣнія, коммиссія собралась въ засѣданіе 17 мая, и, разсмотрѣвъ списокъ казеннокоштныхъ студентовъ Университета св. Владиміра, нашла, что изъ 45 студентовъ, въ 4-мъ курсѣ находилось 11-ть, которые должны экзаменоваться въ Университетѣ св. Владиміра и слѣдовательно не подлежали распредѣленію по другимъ университетамъ. Изъ остальныхъ 34-хъ (по смыслу предложенія министра) должны остаться въ Университетѣ св. Владиміра всѣ не уроженцы западныхъ губерній и Царства Польскаго; а такихъ по списку значилось 11. Но коммиссія полагала, что кромѣ этихъ могли-бы быть оставлены въ числѣ казеннокоштныхъ студентовъ Университета св. Владиміра и тѣ студенты, которые хотя уроженцы западныхъ губерній, но вѣроисповѣданія греко-россійскаго, а такихъ по списку было 5 (между прочимъ Вернадскій, Петровъ и Тутковскій); но эту льготу коммиссія не предполагала распространить на студента Чер—го—уроженца Волынской губерніи, хотя онъ былъ исповѣданія греко-россійскаго; коммиссія находила за лучшее перевесть его въ другой университетъ, по той причинѣ, что родной братъ его Ч—ый Александръ, будучи замѣшанъ въ послѣднемъ происшествіи по Университету, подвергнулся наказанію и исключенъ. За тѣмъ подлежало распредѣленію по другимъ университетамъ только 18 студентовъ. Но такъ какъ начальства университетовъ С.-Петербургскаго и Московскаго затруднялись въ принятіи студентовъ изъ Университета св. Владиміра, то коммиссія полагала изъ числа 18-ти студентовъ назначить въ Харьковскій универси-

тетъ 10-ть и въ Казанскій—8 человѣкъ, опредѣляя на содержаніе каждаго изъ нихъ по 400 руб. въ годъ, пока они не окончатъ курса въ другихъ университетахъ. Уваровъ, получивъ эти заключенія коммиссіи, нашелъ удобнѣйшимъ изъ числа 18, предназначаемыхъ къ размѣщенію казеннокоштныхъ студентовъ, 12 человѣкъ перемѣстить въ Казанскій университетъ, 3-хъ въ Харьковскій, а остальныхъ, если такіе окажутся,—въ Петербургскій университетъ.

Такимъ образомъ въ Кіевѣ коммиссія проэктировала отправить бо́льшую часть студентовъ въ Харьковъ, меньшую—въ Казань; но министръ рѣшилъ наоборотъ; это было мѣрою непонятнаго для насъ усиленія строгости; Казанскій университетъ считался какъ-бы мѣстомъ ссылки; туда, какъ мы знаемъ, были перемѣщены въ видѣ наказанія обвиняемые въ принадлежности къ тайному обществу (разумѣется, наименѣе виновные); теперь одинаковую съ ними участь раздѣлили и совершенно невинные. Въ Петербургскій университетъ отправлено два студента. Всѣ они должны были прибыть на мѣста назначенія не позже 22 іюля. Университетъ св. Владиміра не выпускалъ ихъ изъ виду до самаго окончанія ими курса въ тѣхъ университетахъ, справлялся, переведены-ли они въ высшіе курсы. По окончаніи ими курса, Университетъ св. Владиміра былъ увѣдомленъ о мѣстахъ ихъ назначенія; словомъ, они были его студентами, лишь „откомандированными" для окончанія курса.

Вмѣстѣ съ студентами подвергся крушенію и *инспекторскій надзоръ*. Коммиссія, разсматривая вопросъ объ упраздненіи должностей, между прочимъ предположила оставить при инспекторѣ только двухъ штатныхъ помощниковъ, а остальныхъ трехъ сверхштатныхъ уволить. Министръ сначала утвердилъ, но потомъ (4 мая), по измѣнившимся обстоятельствамъ, не утвердилъ предположеній коммиссіи, предоставивъ попечителю разсмотрѣть снова въ коммиссіи, какія должности могутъ быть безъ неудобства упразднены. До сихъ поръ ни коммиссія, ни попечитель еще не касались самого инспектора. Старикъ, вѣроятно, воображалъ, что счастливо пережилъ всѣ волненія и смуты; но вотъ въ томъ-же предложеніи министръ прибавилъ: „впрочемъ если по вашему усмотрѣнію (попечителя), какъ и я полагаю, нынѣшній инспекторъ студентовъ не имѣетъ всѣхъ требуемыхъ условій къ сей весьма важной должности, то я предоставляю в—му с—ву избрать на его

мѣсто другаго надежнѣйшаго чиновника, а его уволить для опредѣленія къ другимъ дѣламъ". Послѣ этого бѣдный Гинглингъ тотчасъ оказался „не имѣющимъ всѣхъ требуемыхъ условій", и былъ немедленно уволенъ.

Но „надежнѣйшаго чиновника" пока не находилось; пришлось и въ этой части Университета устроить временное и чрезвычайное управленіе. Обратились къ бывшему первому инспектору Университета— Люце, оставившему по себѣ между студентами такія грозныя воспоминанія. Въ то время онъ былъ инспекторомъ казенныхъ училищъ Кіевскаго учебнаго округа. Попечитель 1-го іюля 1839 г. увѣдомилъ его, что, по случаю увольненія отъ должности инспектора студентовъ полковника Гинглинга, признано необходимымъ, до опредѣленія на его мѣсто другаго чиновника, усилить надзоръ за студентами Университета какъ казеннокоштными, такъ и своекоштными, и потому на Люце возложенъ былъ главный надзоръ и завѣдываніе студентами, съ предоставленіемъ ему дѣйствовать въ этомъ отношеніи съ властію и правами, присвоенными попечителямъ, кромѣ исключенія студентовъ изъ Университета, на которое, въ случаѣ надобности, онъ обязанъ испрашивать разрѣшенія попечителя. Принявшій отъ полковн. Гинглинга должность инспектора, Гудима, а равно и прочіе помощники инспектора студентовъ подчинены непосредственному его завѣдыванію *). Впрочемъ правленіе этого интеррекса продолжалось не долго и окончилось съ назначеніемъ на должность инспектора полк. Сычугова.

Конецъ переворота. 26 апрѣля 1839 г. данъ былъ на имя Уварова слѣдующій Высочайшій рескриптъ: „Сергій Семеновичъ. Указомъ, даннымъ правительствующему сенату въ 9-й день генваря сего года, повелѣно: возобновить пріемъ студентовъ и чтеніе лекцій въ Университетѣ св. Владиміра въ генварѣ мѣсяцѣ будущаго 1840 г. **). Нынѣ, по уваженію обстоятельствъ того края, представленныхъ мнѣ отъ главнаго мѣстнаго начальства, я нахожу возможнымъ приблизить опредѣленный срокъ, и въ слѣдствіе сего повелѣваю: пріемъ студентовъ и

---

*) Дѣло канцеляріи попечителя 1839 г. № 154.

**) Однако тогда было выставлено условіе: „если къ тому времени найдется достаточное количество имѣющихъ право поступить въ Университетъ", о чемъ еще нельзя было знать съ точностію въ апрѣлѣ. Ясно, что указъ 26 апрѣля не есть послѣдствіе, а отмѣна указа 9 января.

чтеніе лекцій въ Университетѣ св. Владиміра открыть въ установленномъ порядкѣ съ будущаго сентября. Къ исполненію сего предоставляю вамъ сдѣлать нужныя распоряженія, сообразуясь впрочемъ съ постановленными 9 января правилами во всемъ, что не относится къ сроку возобновленія университетскихъ лекцій. Пребываю къ вамъ всегда благосклонный Николай".

Было-бы весьма интересно знать, какія именно „обстоятельства того края" были представлены мѣстнымъ начальствомъ Государю и склонили высшее правительство на большую снисходительность къ судьбѣ Университета. Наконецъ, кому Университетъ обязанъ болѣе среди этой печальной исторіи—Уварову, или Бибикову. Не имѣя положительныхъ данныхъ, предполагаемъ, что Уваровъ, оставаясь министромъ, не согласился-бы такъ легко признать себя побѣжденнымъ въ одной изъ самыхъ важныхъ частей своей общей системы русскаго образованія, что, слѣдовательно, Университетъ обязанъ своимъ спасеніемъ его настойчивости, что, наконецъ, Бибиковъ лишь помогъ Уварову, увѣривъ Императора Николая, что нѣтъ препятствій къ открытію Университета съ обычнаго начала учебныхъ курсовъ. Но и это немаловажно для характеристики Бибикова и его взгляда на задачи управленія въ юго-западномъ краѣ. Кто болѣе всѣхъ радовался-бы окончательному закрытію Кіевскаго Университета? Разумѣется, Чарторыжскій и другіе соотечественники Чацкаго. Русское правительство исполнило-бы ихъ самыя горячія надежды. Уваровъ, увѣдомляя объ этой Высочайшей милости, предписываетъ сдѣлать о томъ извѣстнымъ по Кіевскому учебному округу, и повѣстить, что, согласно съ 3 ст. указа 9 января, въ Кіевскій Университетъ, имѣютъ право поступить воспитанники гимназій, имѣющіе исключительное право поступить въ этотъ Университетъ *).

Затѣмъ все пришло въ нормальный порядокъ. 13 іюня временная коммиссія донесла министру, что занятія ея, опредѣленныя правилами по указу 9 января, окончены. 15 іюля отпразднованъ былъ обычный актъ: въ 10 часовъ сословіе Университета отправилось въ лавру къ обѣднѣ, отслушало тамъ молебенъ своему заступнику равноапостольному князю Владиміру. Затѣмъ, собравшись въ домѣ Университета, въ при-

*) Дѣло совѣта 1839 г. № 112.

сутствіи митрополита, выслушало рѣчь П. Я. Нейкирха „о важности изученія древней греческой словесности“, прочитанную В. Ѳ. Домбровскимъ. Синдикъ прочиталъ отчетъ, въ которомъ резюмированы были скорбныя свѣдѣнія о событіяхъ тяжелаго учебнаго года, впрочемъ изложенныя весьма вкратцѣ и даже нѣсколько замаскированныя. Университетъ вышелъ изъ тяжкаго состоянія не безъ громадныхъ потерь; онъ лишился половины своихъ преподавателей и почти всѣхъ студентовъ. 15-е іюля 1839 года напомнило 15-е іюля 1834 года; оно было днемъ новаго открытія Университета. Это былъ вмѣстѣ и день погребенія старыхъ лицейскихъ традицій; отнынѣ долженъ явиться Университетъ *новый* не только по своему составу, но и по характеру задачъ и средствъ ихъ исполненія. Онъ будетъ русскимъ по составу преподавателей, но, разумѣется, вновь сдѣлается польскимъ по составу слушателей. Жизнь его выступаетъ на болѣе трудную, но за то болѣе ясную и опредѣленную дорогу.

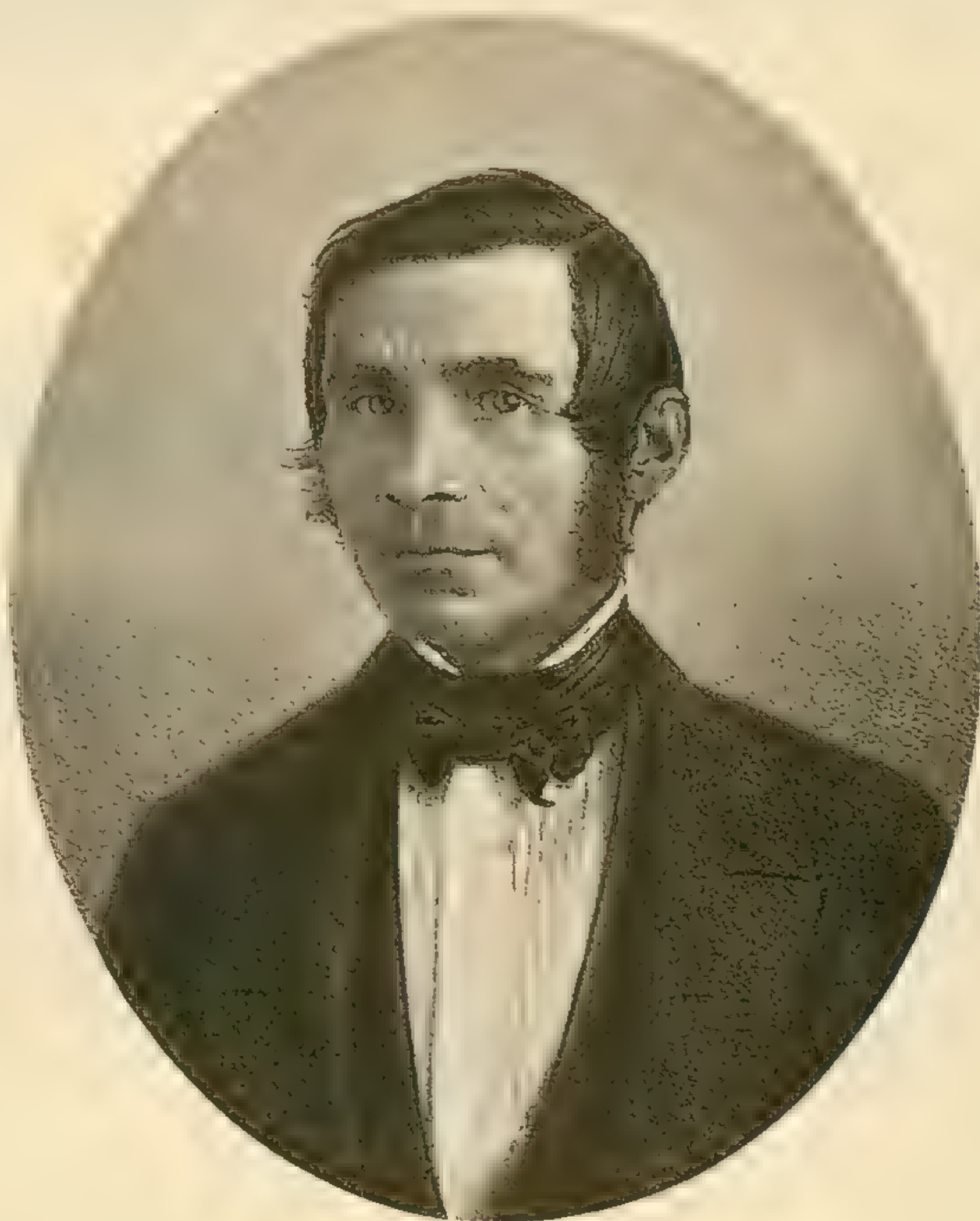
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Возстановленіе Университета (1839—1842 годы).

„Его паденіе есть паденіе младенца, когда онъ становится на ноги, и не означаетъ еще упадка въ немъ жизни“.

Максимовичъ
(о Кіевскомъ университетѣ).

Университетъ св. Владиміра уцѣлѣлъ, благодаря политической дальновидности Уварова и, можетъ быть, ходатайству Бибикова. Но, разумѣется, настоянія того и другаго не имѣли-бы никакой силы предъ Императоромъ Николаемъ, если-бы въ составѣ Университета не было никакихъ задатковъ его возрожденія, т. е. если-бы не на кого было положиться ни относительно управленія, ни относительно преподаванія. Заслуга спасенія Университета должна быть въ равной степени приписана административнымъ способностямъ Неволина, который среди смутъ 1838—1839 гг. продолжалъ вести дѣла, какъ-бы среди самаго мирнаго теченія событій. Проведя счастливо Университетъ чрезъ эти бури, онъ,

К. А. НЕВОЛИНЪ.

при выборахъ 3 іюня 1839 г., былъ единогласно избранъ ректоромъ на новое двухлѣтіе. Предъ новыми выборами ректора, въ іюлѣ 1841 года, Неволинъ подалъ въ совѣтъ прошеніе, изъяснивъ, что прослуживши четыре года въ должности ректора, онъ проситъ на предстоящихъ выборахъ въ эту должность его не балотировать, такъ какъ разстроенное состояніе здоровья, не позволяетъ ему болѣе отправлять ее, хотябы совѣтъ и удостоилъ его снова избрать въ нее. Тѣмъ не менѣе совѣтъ не только балотировалъ его, но избралъ значительнымъ большинствомъ (12 противъ 2); изъ остальныхъ только Траутфеттеръ получилъ незначительное большинство. Неволинъ не счелъ приличнымъ упорствовать въ отказѣ и, хотя былъ представленъ къ утвержденію на два года (по уставу), однако, по представленію Уварова въ комитетъ министровъ, былъ утвержденъ на 4 года (12 декабря 1841 г.). Это было первою поправкою устава 1833 года. Мы видѣли, какъ разнообразны были сроки выбора ректора въ разныхъ университетахъ имперіи до общаго устава 1835 г. Кіевскіе выборы 1841 г. заставили обратить вниманіе на сроки избранія ректоровъ, проректоровъ и декановъ въ Университетахъ Дерптскомъ и св. Владиміра *). Около тогоже времени и генералъ-лейтенантъ Крафстремъ, попечитель Дерптскаго учебнаго округа, представилъ министру, что онъ, въ продолженіи 5-тилѣтняго управленія округомъ, замѣтилъ невыгодныя послѣдствія краткосрочности ректорской службы (въ Дерптѣ ректоръ избираемъ былъ всего на 1 годъ); вновь избранное лицо не успѣваетъ ознакомиться со всѣми своими сложными обязанностями въ такое короткое время. По уставу Университета св. Владиміра, какъ мы знаемъ, ректоръ былъ избираемъ на 2 года. Что касается до декановъ, то въ обоихъ университетахъ (Дерптскомъ и св. Владиміра) они избираемы были на 1 годъ. Проректоръ-же въ Дерптѣ назначаемъ былъ самимъ ректоромъ, а въ Университетѣ св. Владиміра — избирался совѣтомъ, но такъ-же на 1 годъ, какъ и деканы. По мнѣнію генералъ-лейтенанта Крафстрема, и обязанности декановъ и проректора требуютъ бо́льшей продолжительности службы избраннаго лица. Уваровъ согласился съ этими доводами тѣмъ охотнѣе, что по общему уставу россійскихъ университе-

*) См. Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, т. II, отд. II, № 767.

товъ 1835 года былъ уже установленъ 4-хъ-лѣтній срокъ выборовъ ректора, проректора и декановъ во всѣхъ прочихъ университетахъ. Относительно ректора быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ къ русскимъ университетамъ, съ ихъ сложнымъ экономическимъ управленіемъ, не примѣнимы порядки нѣмецкихъ, хотя примѣръ Университета св. Владиміра показываетъ, что самъ совѣтъ превращалъ эту должность въ долгосрочную, разъ выборъ лица оказался удачнымъ. Что-же касается проректорства и деканства, то никакихъ фактическихъ указаній на какія-либо невыгодныя послѣдствія избранія ихъ на 1 годъ мы не нашли въ дѣлахъ и событіяхъ Университета св. Владиміра за 8-лѣтній періодъ его.

Какъ-бы то ни было 28 октября 1841 г. состоялось Высочайшее повелѣніе, чтобы впредь и въ Дерптскомъ университетѣ и Университетѣ св. Владиміра ректоръ, проректоръ и деканы избираемы были впредь на 4 года. Проректоромъ Университета въ 1839 г. оставался Богородскій, не смотря на то, что въ то-же время занялъ должность директора гимназіи. Въ слѣдующемъ году (съ 6 февраля 1840 г.) избранъ и утвержденъ Орнатскій, но не удержался болѣе одного года. На 1841 годъ былъ избранъ проректоромъ Ѳедоровъ (съ 17-го марта 1841 г.), что́ и было предвѣстіемъ его будущаго ректорства. Несомнѣнно, что только послѣдній могъ быть дѣйствительнымъ помощникомъ Неволина по управленію Университетомъ: Богородскій былъ слишкомъ занятъ, а Орнатскій не имѣлъ достаточнаго авторитета *).

---

*) Лица, вѣдавшія исполнительную часть управленія при Неволинѣ, были слѣдующія: 1) коллежскій асессоръ *Павелъ Ивановичъ Каменскій* — синдикъ Университета, получившій образованіе въ Харьковскомъ университетѣ; онъ хотя происходилъ изъ дворянъ Полтавской губерніи, но былъ уроженецъ г. Москвы. Синдикомъ былъ опредѣленъ 31 декабря 1836 г.

2) Секретаремъ совѣта былъ *Іосифъ Александровичъ Лазовъ*, уроженецъ Волынской губерніи, обучался въ Кіевской высшихъ наукъ гимназіи; секретаремъ назначенъ почти одновременно съ Каменскимъ, 15-го декабря 1836 г. Здѣсь только начиналась его памятная для Кіевскаго округа карьера; свою извѣстность и несомнѣнныя административныя способности онъ обнаружилъ потомъ, когда (съ слѣдующаго-же 1840 года) сдѣлался правителемъ канцеляріи попечителя, особенно съ того времени, когда попечителемъ сталъ генералъ-губернаторъ; тогда въ дѣйствительности управлялъ текущими дѣлами округа І. А. Лазовъ.

3) Секретаремъ правленія оставался съ начала 1836 г. полякъ *Гр. Ив. Бригевичъ*, воспитанникъ Любарскаго училища и уроженецъ Бѣлостокской области. Эко-

Во вторичное и третичное ректорство Неволина, хотя внѣшняя жизнь Университета текла мирнымъ путемъ, но за то не меньше предстояло труда ректору со стороны внутренней организаціи Университета.

Намъ предстоитъ опредѣлить, что́ получилъ Университетъ св. Владиміра въ замѣнъ польскихъ элементовъ, устраненныхъ въ 1839 году, предстоитъ опредѣлить такъ сказать его новую національность и вмѣстѣ уровень ученой высоты его. Начнемъ съ каѳедры богословія. Въ концѣ 1836 г. былъ уволенъ (безъ прошенія) первый преподаватель римско-католическаго богословія — ксендзъ Ходькевичъ. На мѣсто его былъ назначенъ каноникъ *Игн. Петровичъ Головинскій*, волынецъ по происхожденію и хотя шляхтичъ, но въ дѣтствѣ жившій въ условіяхъ почти крестьянской бѣдности. Судьба готовила ему за эту грустную молодость высокую будущность. Послѣ окончанія курса въ Межирѣцкомъ піарскомъ училищѣ, онъ получилъ окончательное образованіе въ Виленской главной семинаріи, гдѣ и пріобрѣлъ степень магистра богословія и началъ службу въ юго-западномъ краѣ— въ Житомірской гимназіи. Въ 1837 г. онъ прибылъ въ Университетъ на мѣсто Ходькевича. Впослѣдствіи, по выходѣ изъ Университета, онъ былъ назначенъ ректоромъ римско-католической академіи въ Петербургѣ, и затѣмъ суффрагапомъ митрополита Казиміра Дмоховскаго, по смерти котораго занялъ его мѣсто, еще не имѣя и 40 лѣтъ; умеръ въ санѣ митрополита всѣхъ римско-католическихъ церквей Россіи. По отзыву своихъ соотечественниковъ и знакомыхъ, это „былъ извѣстный писатель и проповѣдникъ. Строгій пастырь на своемъ архіепископскомъ креслѣ, онъ былъ веселый, умный собесѣдникъ въ интимномъ кружкѣ, который самъ собою составлялся около него. Къ нему преимущественно принадлежали извѣстные литераторы: старый другъ митрополита Гр. Генр. Ржевусскій, генералъ Штюрмеръ, министръ Туркулъ, извѣстный другъ Мицкевича—Малевскій" *). Этотъ человѣкъ замѣчательно сильнаго ума и довольно широкаго образованія остался един-

---

номическая часть управленія оставалась при прежнихъ кременецкихъ чиновникахъ: кассиромъ былъ *Б. В. Княжинскій*, воспитанникъ Волынскаго лицея; бухгалтеромъ *І Ѳ. Сомплавскій*, воспитанникъ Виленскаго университета; экономъ института казеннокоштныхъ воспитанниковъ *Завадзкій* почему-то былъ переведенъ въ 1839 г. въ Нѣжинъ.

*) См. „Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго" въ Русск. Стар. 1875 г., стр. 695.

ственнымъ представителемъ польско-католическихъ интересовъ въ Университетѣ св. Владиміра, но за то и умѣлъ ихъ отстаивать, какъ показываетъ между прочимъ слѣдующій случай. Въ 1840 г. студентъ юрид. фак. Иванъ Шереръ подалъ такое прошеніе ректору Университета: „Не зная польскаго языка, необходимаго для слушанія лекцій богословія римско-католическаго, покорнѣйше прошу позволить мнѣ ходить на лекціи богословія православнаго вмѣсто римско-католическаго“. Случай, натолкнувшій на мысль о вытѣсненіи польскаго языка изъ послѣдняго убѣжища его въ Университетѣ. Неволинъ отнесся къ профес. Головинскому съ такимъ запросомъ: „такъ какъ нѣкоторые изъ лицъ римско-католическаго исповѣданія, поступающихъ въ Университетъ св. Владиміра, по незнанію польскаго языка, не могутъ слушать закона Божія римско-католическаго исповѣданія на польскомъ языкѣ изложеннаго, то не находитъ-ли онъ какихъ-нибудь препятствій къ тому, чтобы въ Университетѣ св. Владиміра лекціи закона Божія римско-католическаго исповѣданія были излагаемы на русскомъ языкѣ, который всѣмъ посѣщающимъ Университетъ извѣстенъ“. Головинскій далъ тотчасъ-же отвѣтъ, который, ради характерности выводовъ и важности самаго предмета, приводимъ въ подлинникѣ. „На письмо отъ 10-го сентября 1840 года имѣю честь донести, что преподавать на русскомъ языкѣ римско-католическое богословіе мнѣ кажется не полезнымъ для самаго *царствующаго исповѣданія*, ибо книги католическія, изданныя на русскомъ языкѣ, могутъ быть въ рукахъ православныхъ, а всякая церковь строго смотритъ за тѣмъ, дабы не было книгъ съ противными правилами принятой вѣрѣ. Тѣмъ болѣе, что нѣтъ крайней надобности, ибо одинъ только студентъ не понимаетъ польскаго языка, котораго легко ему познать при знаніи единороднаго русскаго языка; впрочемъ это случай необыкновенный, который въ другой разъ вѣрно и не будетъ. Въ изложеніи католическаго исповѣданія богословія въ первый разъ на русскомъ языкѣ находится препятствіе *въ описи догматовъ*, въ которыхъ католическая церковь даже и до самыхъ словъ привязуетъ сакраментальную недвижимость, а потому изложеніе догматовъ не можетъ быть самовольнымъ, но должно имѣть утвержденіе епископовъ, такъ что я этого дѣлать самъ не вправѣ. Притомъ я не въ состояніи такіе высокіе предметы богословія читать на русскомъ діалектѣ по незнанію такъ, какъ надобно для преподаванія сего языка

(т. е. на семъ языкѣ). Впрочемъ это совершенно зависитъ не отъ меня, но отъ верховной власти католическаго духовенства и отъ распоряженія правительства". Итакъ прелатъ католической церкви сталъ на защиту православія. Но зато православный попечитель округа также серьезно вступился за интересы католичества. Совѣтъ, не уваживъ доводовъ Головинскаго, рѣшился ходатайствовать чрезъ попечителя о введеніи въ Университетѣ преподаванія закона Божія римско-католическаго исповѣданія на русскомъ языкѣ. Въ разрѣшеніе этого попечитель нужнымъ считалъ увѣдомить совѣтъ Университета, что онъ находитъ невозможнымъ измѣнять установленный порядокъ въ преподаваніи закона Божія римско-католическаго исповѣданія *для одного Шерера*. Трудно думать, чтобы попечитель такого округа, каковъ Кіевскій, и притомъ бывшій прежде Минскимъ губернаторомъ, дѣйствительно, видѣлъ въ этомъ интересъ только одного Шерера. Надо полагать, что для него, какъ и для Головинскаго, это было лишь предлогомъ отказа. Хотя общій вопросъ рѣшенъ такимъ образомъ отрицательно, но вопросъ о Шерерѣ совѣтъ считалъ возможнымъ разрѣшить собственною властію и опредѣлилъ дозволить Шереру, согласно его прошенію, слушать богословіе православнаго исповѣданія, съ тѣмъ, что онъ, Шереръ, въ такомъ случаѣ обязанъ будетъ испытываться на годичномъ испытаніи въ законѣ Божіемъ этого-же исповѣданія, а не римско-католическаго.

Такимъ образомъ въ этомъ щекотливомъ предметѣ Неволинъ и совѣтъ не нашли себѣ поддержки въ ближайшей высшей власти.

Обращаемся къ факультетскому преподаванію.

I-е отдѣленіе философскаго факультета, какъ сказано, не особенно пострадало въ 1839 г. Однако и здѣсь составъ преподавателей былъ не безъ пробѣловъ, а самое устройство преподаванія давало не мало поводовъ для дѣятельности ректора и совѣта. Еще со времени увольненія Микульскаго каѳедра (или лекторство) польскаго языка оставалась незанятою *). 16-го іюня 1839 года кн. Давыдовъ предложилъ совѣту Университета донести ему, въ какомъ находится положеніи дѣло объ избраніи лектора польскаго языка и его литера-

*) Корженевскій преподавалъ польскій языкъ и литературу временно въ 1835 и 1836 г., состоя собственно адъюнктомъ по каѳедрѣ латинской словесности; но и онъ прекратилъ преподаваніе съ 1836—37 учебнаго года.

туры. Совѣтъ донесъ ему, что для пріисканія способнаго лица, съ разрѣшенія Брадке, объявленъ былъ конкурсъ по 1-е августа 1836 года. Представленныя къ этому времени диссертаціи, числомъ семь, были разсмотрѣны особымъ комитетомъ изъ профессоровъ Университета и три изъ сихъ диссертацій признаны, независимо отъ сравнительнаго ихъ достоинства, вообще лучшими и удовлетворительными. Такъ какъ диссертація перваго достоинства, по вскрытіи пакета съ девизомъ автора, оказалась принадлежащею дворянину Гродненской губерніи Іосифу Крашевскому, то совѣтъ Университета и входилъ въ сношеніе съ нимъ, требуя отъ него представленія документовъ, нужныхъ для поступленія въ государственную службу, и, между тѣмъ, собиралъ свѣдѣнія о его поведеніи и образѣ мыслей отъ Гродненскаго начальства. Изъ полученнаго увѣдомленія Гродненскаго гражданскаго губернатора оказалось, что дворянинъ Крашевскій находился подъ судомъ за неблагонамѣренность его дѣйствій въ 1830 году и только въ 1832 году удостоился получить Всемилостивѣйшее прощеніе, съ тѣмъ чтобы оставаться подъ строжайшимъ надзоромъ полиціи и мѣстнаго гражданскаго начальства. Вслѣдствіе того Виленскій генералъ-губернаторъ не дозволилъ Крашевскому вступить въ службу, въ особенности-же по учебной части. Потомъ совѣтъ вскрылъ девизы двухъ другихъ конкурентовъ; но одинъ изъ нихъ отказался, другой-же не исполнилъ всѣхъ условій конкурса. Но въ то-же время (въ 1838 г.) совѣтъ разсматривалъ по порученію начальства, проэктъ постояннаго устава и штата Университета св. Владиміра, такъ какъ истекалъ срокъ временнаго устава, утвержденнаго первоначально на четыре года. При составленіи новаго постояннаго устава, совѣтъ Университета между прочимъ нашелъ полезнѣйшимъ учредить особую каѳедру исторіи литературы славянскихъ нарѣчій, въ томъ числѣ и литературы польской, съ назначеніемъ для того особаго профессора; затѣмъ опредѣленіе лектора польскаго языка совѣтъ призналъ ненужнымъ и потому не предлагалъ уже никому каѳедры лектора польскаго языка. Совѣтъ оставался при этомъ мнѣніи и въ 1839 г. и просилъ ходатайства попечителя объ учрежденіи въ Университетѣ каѳедры исторіи литературы славянскихъ нарѣчій (со включеніемъ литературы польской) и о назначеніи на эту каѳедру ординарнаго профессора *).

*) Дѣло совѣта 1839 г., № 147.

Повидимому, вопросъ о такой каѳедрѣ не могъ встрѣтить препятствія въ министерствѣ, такъ какъ, по общему уставу россійскихъ университетовъ (§ 11), во всѣхъ прочихъ университетахъ была уже установлена каѳедра исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій. Но препятствіе встрѣтилось со стороны денежной. Министръ народнаго просвѣщенія (19 января 1840 г.) просилъ увѣдомить его: не можетъ-ли требуемый по этой каѳедрѣ расходъ быть обращенъ на экономическую сумму Университета. Совѣтъ (20 марта 1840 г.) донесъ, что по учрежденіи въ Университетѣ св. Владиміра каѳедры исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій расходъ можетъ быть обращенъ на экономическую сумму Университета, но только не далѣе какъ до окончанія учебнаго 1841—42 года, т. е. до окончанія срока на который оставленъ въ дѣйствіи тогдашній проэктъ устава и штата Университета св. Владиміра и только въ томъ предположеніи, что каѳедра исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій замѣнитъ каѳедру польскаго языка, а сумма, назначенная по штату на содержаніе лектора польскаго языка, именно 571 руб. $^3/_7$ к. сер., будетъ обращена въ экономическую сумму Университета *). На этомъ и замолкло пока (до новаго устава 1842 г., а на дѣлѣ, какъ увидимъ, до времени гораздо позднѣйшаго) дѣло о предметѣ столь важномъ не для одного I-го отдѣленія философскаго факультета и не для одного Университета св. Владиміра. Извѣстно, что учрежденіе славянскихъ каѳедръ въ русскихъ университетахъ ознаменовало поворотъ въ направленіи не только научномъ, но отчасти и въ политическомъ. Для Университета св. Владиміра это было дѣломъ, разумѣется, болѣе близкимъ, чѣмъ напр. для Казанскаго. Здѣсь оно касалось не отдаленныхъ и для многихъ сомнительныхъ все—славянскихъ симпатій, а живой борьбы двухъ могущественнѣйшихъ славянскихъ языковъ, литературъ и національностей. О Кіевѣ, какъ естественномъ центрѣ духовнаго единенія славянъ, думали тогда не одни кіевляне и юго-западные люди; многіе думали тогда такъ, какъ выразилъ Тютчевъ:

„Тогда лишь въ полномъ торжествѣ
Въ славянской міровой громадѣ

---

*) Дѣло совѣта 1840 г., № 127.

Строй вожделѣнный водворится,
Какъ съ Русью Польша помирится.
А помирятся-жъ эти двѣ
Не въ Петербургѣ, не въ Москвѣ,
А въ Кіевѣ и Царѣградѣ".

Замѣчательно, что каждая изъ нихъ, беря перевѣсъ надъ другою, тотчасъ же обращалась къ примирительной всеславянской идеѣ. Мы видѣли, что Чацкій, вводя въ Кременцѣ преподаваніе русскаго языка и литературы, указывалъ въ инструкціи Александровскому на общеславянскую каѳедру, какъ на его будущую цѣль. Въ другой разъ онъ повторилъ тѣ-же соображенія, когда шла борьба объ языкѣ преподаванія въ Кіевской гимназіи. Теперь, когда обстоятельства измѣнились и борющіяся силы стали въ обратное положеніе, Университетъ св. Владиміра стремится упразднить преподаваніе польскаго языка, замѣнивъ его каѳедрою исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій. Это было столь-же естественнымъ послѣдствіемъ переворота 1839 г., какъ и введеніе русскаго языка въ преподаваніе католическаго богословія. Оба предположенія Университета потерпѣли фіаско; но за то лекторство польскаго языка было вовсе упразднено. Мысль о немъ появится вновь долго спустя въ эпоху общихъ движеній въ началѣ новаго будущаго царствованія; но и тогда ей не удастся придти къ осуществленію.

Какихъ-бы мы ни держались убѣжденій и взглядовъ на обѣ изложенныя мѣры, мы должны признать, что Университетъ св. Владиміра обнаружилъ бóльшую чуткость къ интересамъ русской науки въ этомъ краѣ, чѣмъ его ближайшее начальство.

Переходя отъ неосуществившейся каѳедры къ дѣйствительнымъ, находимъ, что I-е отдѣленіе философскаго факультета несло въ роковой 1839 годъ потери не отъ однихъ политическихъ событій; тяжкая бѣда постигла двѣ важнѣйшія каѳедры для русскаго Университета въ Кіевѣ; именно Университетъ едва не потерялъ своего перваго и единственнаго преподавателя русской исторіи, и совершенно лишился обоихъ преподавателей по каѳедрѣ русской словесности. Случилась слѣдующая печальная исторія.

Еще въ 1838 году адъюнкты Домбровскій и Красовъ были допущены прямо къ защищенію докторскихъ диссертацій. I-е отдѣленіе

философскаго факультета (въ засѣданіи 1838 года декабря 15) разсматривало диссертацію Домбровскаго подъ названіемъ: „Объ отличительномъ характерѣ исторіи Московскаго государства“ и признало въ этомъ разсужденіи рѣшеніе предмета удовлетворительнымъ, замѣтивъ, что сочинитель показалъ въ немъ ближайшее знакомство съ лѣтописями и другими историческими памятниками, также начитанность въ новыхъ сочиненіяхъ объ отечественной исторіи и собственную сообразительность въ общихъ мысляхъ и въ отношеніи къ цѣлому предмету, а тѣмъ болѣе, въ отношеніи къ частностямъ. Поэтому I-е отдѣленіе философскаго факультета допустило Домбровскаго къ защищенію положеній, представленныхъ имъ и одобренныхъ въ томъ-же засѣданіи. Затѣмъ тоже отдѣленіе (въ засѣданіи декабря 20-го) разсматривало диссертацію Красова также на степень доктора общей словесности, подъ заглавіемъ: „О направленіяхъ поэзіи у нѣмцевъ и англичанъ съ конца XVIII столѣтія и о вліяніи ихъ на нашу отечественную поэзію“. Тема была рѣшена Красовымъ не вся, а только о нѣмецкой и англійской словесности; изложеніе-же вліянія этихъ словесностей на русскую оставлено имъ за недостаткомъ времени. Потому I-е отдѣленіе рѣшило ограничиться только тѣмъ, что̀ въ диссертаціи изложено и смотрѣть на нее, какъ на сочиненіе о нѣмецкой и англійской словесности. Разсматриваемое въ такомъ объемѣ, разсужденіе найдено достаточнымъ свидѣтельствомъ знакомства Красова съ этими двумя словесностями и способности его къ литературной критикѣ и вообще удовлетворительнымъ для полученія степени доктора. Рѣшено допустить и Красова къ публичной защитѣ положеній 24-го декабря того̀-же года. Но при защитѣ относительно Домбровскаго, факультетъ нашелъ, что онъ, вмѣсто прямыхъ отвѣтовъ на предлагаемыя ему оппонентами возраженія, представлялъ болѣе изложеніе тѣхъ мыслей и свѣдѣній, на которыхъ онъ самъ думалъ основать свои положенія. Почему его защищеніе факультетъ не призналъ удовлетворительнымъ и опредѣлилъ, что съ своей стороны не можетъ ходатайствовать объ удостоеніи Домбровскаго степени доктора. По живымъ преданіямъ, къ такому результату привелъ диспутъ знаменитый Иннокентій своими вѣскими и остроумными возраженіями. Относительно Красова факультетъ нашелъ, что онъ при защищеніи тезисовъ хотя обнаружилъ несомнѣнное эстетическое чувство и знакомство съ произведеніями глав-

нѣйшихъ поэтовъ Германіи и Англіи и хотя на предлагаемыя ему оппонентами возраженія покушался давать правильные отвѣты, однако его отвѣты были неудовлетворительны, потому что состояли по большей части изъ однихъ общихъ и неопредѣленныхъ мыслей. Факультетъ опредѣлилъ, что онъ объ удостоеніи Красова степени доктора также ходатайствовать не можетъ *).

Красовъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ службы въ Университетѣ св. Владиміра и въ тоже время другое—попечителю на счетъ ходатайства передъ министромъ о перемѣщеніи его въ Петербургскій университетъ на каѳедру словесности, или, по крайней мѣрѣ, въ одну изъ тамошнихъ гимназій учителемъ словесности. Министерство отвѣчало, что ни въ одной гимназіи Петербурга нѣтъ вакансій старшихъ учителей словесности; въ университетѣ-же каѳедра словесности занята двумя профессорами **). Онъ служилъ потомъ учителемъ въ Московскомъ округѣ и, по свидѣтельству Шульгина, умеръ въ крайней бѣдности. На мѣсто его въ Университетъ св. Владиміра тогда-же выбранъ былъ Костырь.

Н. И. Костырь только что передъ тѣмъ выдержалъ окончательное испытаніе на кандидата. Во время разсортировки студентовъ, когда еще предположено было размѣстить всѣхъ студентовъ Университета св. Владиміра безъ изъятія, онъ, какъ мы видѣли, будучи казеннокоштнымъ, заявилъ желаніе перейти въ Петербургскій университетъ, но съ нимъ могли распорядиться и не спрашивая его согласія, какъ съ казеннокоштнымъ. И вотъ онъ 17 марта проситъ попечителя о томъ, чтобы исходатайствовать ему увольненіе изъ института казеннокоштныхъ съ освобожденіемъ отъ обязанности поступить на государственную службу по учебному вѣдомству, которой онъ, „не въ состояніи исполнять по слабости груди“. Онъ ссылался „на истощеніе голоса при самомъ маломъ напряженіи“. Но попечитель благоразумно отвѣчалъ: такъ какъ теперь онъ подвергается испытанію, то по окончаніи курса и будетъ уволенъ изъ Университета ***). Кончилъ онъ съ золотою медалью. Когда неудачная докторизація Красова привела этого

*) Дѣло совѣта 1839 г. № 9.

**) Дѣло канцеляріи попечителя 1839 г. № 243.

***) Тамъ-же, № 129.

послѣдняго къ отставкѣ, то 9 октября 1839 г. Максимовичъ, которому предстояло остаться безъ адъюнкта, сдѣлалъ представленіе ректору: „возложить преподаваніе русской словесности на воспитанника Университета Николая Костыря, который извѣстенъ мнѣ лично своими занятіями симъ предметомъ, своею любовью къ нему, а равно и тѣми способностями и качествами, по какимъ можно надѣяться, что изъ Костыря выйдетъ весьма достойный университетскій преподаватель". Министръ народнаго просвѣщенія, уволивъ Красова, вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшилъ опредѣлить Костыря на его мѣсто испр. должн. адъюнкта. Съ тѣхъ поръ, до своего перевода въ Харьковъ, Костырь, дѣйствительно, съ честію занималъ каѳедру русской словесности, обнаруживъ необычайную силу и быстроту концепціи, огромную и разнообразную начитанность; но вдаваясь въ своихъ лекціяхъ въ весьма отдаленныя и туманныя сферы сравнительнаго языкознанія и философскихъ основаній языка, читая въ аудиторіи необыкновенно отвлеченныя вещи съ неуловимою быстротою, онъ мало могъ принести непосредственной пользы студентамъ; однако оживленность и талантъ преподавателя, равно и самая загадочная туманность содержанія лекцій притягивали къ его предмету молодыхъ слушателей; такимъ образомъ, хотя въ результатѣ являлся небольшой запасъ фактическихъ знаній, за то въ аудиторіи не терялась любовь и уваженіе къ наукѣ.

Мы сказали, что Костырь занялъ каѳедру. Дѣйствительно, въ началѣ 1840—41 учебнаго года, І-е отдѣленіе философскаго факультета, цѣлый Университетъ, а затѣмъ и русское просвѣщеніе въ этомъ краѣ понесли весьма чувствительную утрату съ выходомъ въ отставку М. А. Максимовича. 30 сентября 1840 года онъ подалъ прошеніе въ совѣтъ, въ которомъ изъяснялъ, что еще во время его службы въ Московскомъ университетѣ здоровье его начало приходить въ большое разстройство, такъ что въ 1829 г. онъ совершенно потерялъ зрѣніе праваго глаза и съ тѣхъ поръ могъ читать только при дневномъ свѣтѣ, что 4-хъ мѣсячный отдыхъ его въ 1836 г. доставилъ ему только временное облегченіе отъ болѣзни. Онъ просилъ исходатайствовать ему увольненіе съ пенсіею, какая можетъ быть дарована ему по уваженію 17 лѣтнихъ служебно-ученыхъ трудовъ. Комитетъ министровъ далъ знать, что ему, Максимовичу, по закону, можетъ быть назначено только $^2/_3$ оклада и что закономъ воспрещается входить съ представленіями

о назначении пенсіи свыше того, что уставомъ о пенсіяхъ опредѣлено. Первый ректоръ нашего Университета, профессоръ, сдѣлавшій русскую словесность любимымъ предметомъ въ своей пестрой аудиторіи, быть можетъ заслуживалъ нѣсколько болѣе $^2/_3$ пенсіи; но мы еще разъ встрѣтимся съ Максимовичемъ въ Университетѣ св. Владиміра. 19 февраля 1841 года былъ объявленъ конкурсъ на каѳедру русской словесности и, по обычаю, не привелъ ни къ чему. Въ такомъ положеніи очутилась каѳедра русской словесности.

Что касается до русской исторіи и въ частности Домбровскаго, то его судьба хотя рѣшена вмѣстѣ съ участью Красова, однако рѣшена совсѣмъ иначе. Отставка Красова принята безъ всякихъ возраженій; напротивъ, относительно Домбровскаго, попечитель представилъ министру народнаго просвѣщенія о назначеніи его исправляющимъ должность экстра-ординарнаго профессора по каѳедрѣ исторіи, впредь до полученія имъ степени магистра. Министръ 28-го марта 1840 г. утвердилъ представленіе попечителя. Затѣмъ онъ оставался профессоромъ русской исторіи до самой своей смерти, которая, впрочемъ, была не за горами. И послѣ этого судьба русской исторіи въ нашемъ Университетѣ (какъ увидимъ) въ теченіи цѣлыхъ десятилѣтій была исполнена печальныхъ приключеній.

Каѳедру всеобщей исторіи продолжалъ занимать А. И. Ставровскій, который въ эту эпоху (8-го декабря 1841 г.) пріобрѣлъ степень магистра и былъ единогласно избранъ 18-го марта 1842 года экстраординарнымъ профессоромъ.

Что касается до каѳедры философіи, то съ 8-го декабря 1838 г. она сдѣлала богатое пріобрѣтеніе въ лицѣ *Петра Семеновича Авсенева,* профессора той-же науки въ Кіевской духовной академіи, приглашеннаго преподавать въ Университетъ съ званіемъ адъюнкта. До нѣкоторой степени этотъ адъюнктъ составлялъ противоположность своему профессору; природа отказала ему въ дарѣ слова, которымъ увлекалъ О. М. Новицкій, но въ замѣнъ дала нѣчто не менѣе важное— умъ глубокій и поражавшую чистоту души. Оба эти качества отражались ярко и въ лекціяхъ его по логикѣ и нравственной философіи, но еще болѣе замѣтны были въ житейскомъ и домашнемъ быту. Строгая религіозность, никогда не доходившая до фарисейства и нетерпимости, довела однако его до мистицизма. И въ академіи и въ Универ-

ситетѣ до сихъ поръ сохранилась память объ этомъ человѣкѣ необыкновеннаго ума.

Съ переводомъ профес. Якубовича въ Московскій университетъ и за отказомъ Кубарева, каѳедра римской словесности совершенно опустѣла, потому что А. К. Делленъ состоялъ адъюнктомъ при обоихъ каѳедрахъ древней словесности; но вскорѣ послѣ увольненія Якубовича, именно 27 іюля 1839 года, бывшій профессоръ Ришельевскаго лицея и директоръ Бессарабскихъ училищъ *Гриневичъ* подалъ ректору прошеніе, въ которомъ, прилагая экземпляръ переведенной имъ рѣчи Цицерона pro Milone, и экземпляръ своихъ писемъ „о философскихъ предметахъ", просилъ предложить „именитѣйшему совѣту" Университета объ избраніи его ординарнымъ профессоромъ латинской словесности. Сверхъ представленныхъ сочиненій, онъ ссылался на нѣсколько изданныхъ имъ или приготовленныхъ переводовъ и статей. Въ засѣданіи совѣта 17 августа 1839 г. ректоръ словесно заявилъ, что разсмотрѣніе сочиненій Гриневича онъ поручалъ пр. Нейкирху, и предъявилъ поданное ему Нейкирхомъ письменное мнѣніе о нихъ; совѣтъ, по разсмотрѣніи мнѣнія проф. Нейкирха, опредѣлилъ объявить Гриневичу, что предъявленныя имъ сочиненія по своему объему и содержанію не могутъ послужить достаточнымъ основаніемъ къ удовлетворенію его просьбы. Но сентября 2-го того-же года Гриневичъ подалъ новое прошеніе, въ которомъ просилъ „предложить *благолюбивѣйшему совѣту г. именитѣйшихъ профессоровъ сего Университета*" о порученіи ему вакантной каѳедры латинской словесности, впредь до большаго удостовѣренія въ его познаніяхъ и способностяхъ, съ жалованьемъ, какое совѣтъ признаетъ справедливѣйшимъ. Такая настойчивость оказалась полезною для него; найдено было необходимымъ справиться съ мнѣніемъ цѣлаго факультета, а не одного И. Я. Нейкирха. Мнѣніе этого послѣдняго дѣйствительно было провѣрено, при чемъ факультетъ, при полномъ составѣ своихъ членовъ, нашелъ, что хотя въ представленномъ Нейкирхомъ мнѣніи и означены нѣкоторыя погрѣшности Гриневича, которыя признаетъ факультетъ, но въ сочиненіяхъ его видно и основательное знаніе древнихъ римскихъ писателей и знакомство съ римскими древностями; вообще Гриневичъ, вполнѣ *обладая русскимъ языкомъ*, можетъ свободно изъяснять; въ заключеніе большинствомъ всѣхъ голосовъ, кромѣ одного голоса профес. Ней-

кирха, положено просить совѣтъ Университета о допущеніи Гриневича къ преподаванію латинскаго языка. Въ подчеркнутыхъ словахъ факультетскаго опредѣленія содержится явный намекъ на самого рецензента. 7-го октября 1839 года совѣтъ засѣдалъ въ присутствіи попечителя учебнаго округа и его помощника; тогда читана была Гриневичемъ пробная лекція: *О жизни и сочиненіяхъ Тацита,* изложенная частію на латинскомъ, частію на русскомъ языкѣ. Совѣтъ призналъ эту лекцію, какъ по содержанію, такъ и по образу изложенія, удовлетворительною и рѣшилъ ходатайствовать о допущеніи Гриневича къ временному преподаванію латинскаго языка и его словесности съ содержаніемъ адъюнкта, доколѣ или онъ вполнѣ окажется способнымъ занять каѳедру этого предмета, или не явится другой способнѣйшій. Но управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія (26 декабря того-же года) сдѣлалъ больше, чѣмъ просилъ совѣтъ, именно разрѣшилъ допустить Гриневича къ преподаванію въ Университетѣ съ производствомъ ему жалованья, положеннаго *экстра-ординарному профессору*, т. е. по 3 тыс. ассигн. въ годъ *). Мы распространились объ этой исторіи потому, что въ ней выразился первый пріемъ борьбы двухъ національныхъ партій, оставшихся въ Университетѣ св. Владиміра, т. е. русской и нѣмецкой. Но Гриневичъ не долго послужилъ въ Университетѣ. Въ сентябрѣ 1840 г. профес. Нейкирхъ вошелъ съ представленіемъ въ совѣтъ о назначеніи на вакантную каѳедру римской словесности адъюнкта Деллена, съ повышеніемъ его въ званіе экстра-ординарнаго профессора, ссылаясь на то, что хотя Делленъ издалъ только два сочиненія: „De vita Livii Andronici" и „De fabula Livii Andronici", но и въ нихъ показалъ способность самостоятельно обработывать науку и свободно владѣть латинскимъ языкомъ, и что къ этому присоединяется въ немъ даръ ясно и отчетливо передавать свои познанія. „Благолюбивѣйшій совѣтъ именитѣйшихъ профессоровъ", какъ титуловалъ его Гриневичъ, рѣшилъ подвергнуть Деллена избранію и избралъ 10-ю голосами противъ одного, а Гриневича увѣдомилъ, что его услуги уже больше не нужны. Гриневичъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Что-же касается до А. К. Деллена, то онъ, находившійся тогда въ цвѣтѣ силъ и молодости, въ продолженіи своей

---

*) Дѣло совѣта 1839 г. № 184.

послѣдующей долговременной службы Университету (до перехода въ Харьковъ), обнаружилъ несомнѣнныя знанія латинской филологіи— знанія, которыя далеко оставляли за собою старомодную южно-русскую латынь Гриневича. Хотя и Делленъ, подобно И. Я. Нейкирху, читалъ по-латыни, но русскій языкъ извѣстенъ былъ ему болѣе и въ трудныхъ случаяхъ объясненія его на этомъ языкѣ выходили удачнѣе. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ никакому сомнѣнію тотъ неутѣшительный фактъ, что классическія знанія въ этомъ Университетѣ не пустили корней съ самого его основанія и до позднѣйшихъ временъ.

Въ томъ-же самомъ засѣданіи совѣта 10 октября 1840 года, въ которомъ окончательно рѣшенъ споръ между Делленомъ и Гриневичемъ, ректоръ Неволинъ выступилъ съ такимъ предложеніемъ: если Делленъ будетъ утвержденъ въ званіи профессора, то онъ, ректоръ, почитаетъ полезнымъ опредѣлить испр. долж. адъюнкта по каѳедрѣ греческой и римской словесности канд. *Кондр. Ѳед. Страшкевича*, бывшаго въ то время старшимъ учителемъ греческаго языка во 2-й Кіевской гимназіи. Ректоръ присовокупилъ, что Страшкевичъ, получивъ свое образованіе въ этомъ Университетѣ, извѣстенъ любовью къ древней словесности и особенно успѣхами въ ней. Въ 1838 году награжденъ былъ золотою медалью за представленное имъ на латинскомъ языкѣ сочиненіе. Здѣсь прежде всего невольно рождается вопросъ, почему съ такимъ представленіемъ выступилъ не факультетъ и не спеціалистъ, а ректоръ юристъ? Думать надобно, что то былъ реваншъ со стороны русской партіи, заранѣе приготовленный на случай избранія Деллена. Страшкевичъ былъ избранъ, но тѣмъ осужденъ былъ на пожизненное состояніе адъюнктомъ; ему и умереть пришлось въ этомъ званіи, занимая ту жалкую роль, которую прежде занималъ А. К. Делленъ (но лишь между прочимъ), т. е. азбучное приготовленіе первокурсниковъ. Онъ былъ уроженецъ юго-западнаго края и въ цѣлой натурѣ своей былъ православный юго-западный человѣкъ, скромный, нигдѣ не выставляющійся, живущій про себя маленькими домашними интересами, старающійся, чтобы его существованіе не было замѣтно. Натура надѣлила его громадною памятью и способностью къ изученію языковъ, которыхъ зналъ онъ множество живыхъ и мертвыхъ (равно какъ способностью къ разнымъ техническимъ и ремесленнымъ искусствамъ). Но С—чъ не могъ сдѣлать, а можетъ быть—найти ника-

кого научнаго примѣненія своихъ богатыхъ лингвистическихъ знаній. То былъ первый воспитанникъ Университета св. Владиміра, сдѣлавшійся въ немъ преподавателемъ; отсюда казалось-бы, Университетъ вошелъ въ нормальную самостоятельную жизнь и впредь не будетъ зависѣть отъ случайныхъ находокъ преподавателей въ разныхъ углахъ Европы. Однако мы увидимъ, что надежды эти не вполнѣ оправдались.

Разсматривая судьбу I-го отдѣленія философскаго факультета въ совокупности послѣ переворота 1839 года, видимъ, что въ немъ очищеніе Университета отъ польскихъ элементовъ не означало торжества русскихъ.

II-е отдѣленіе того-же факультета должно дать намъ въ этомъ отношеніи болѣе поучительный примѣръ; оно было почти уничтожено въ 1839 году и слѣдовательно должно было рекрутироваться вполнѣ новыми силами. Въ 1839 году дана ему другая организація, еще болѣе удалившая Университетъ отъ лицейскаго общеобразовательнаго характера. 16-го сентября этого года деканъ II-го отдѣленія Гофманъ предложилъ на разсмотрѣніе членамъ слѣдующее: науки входящія въ составъ II отдѣленія философскаго факультета по предметамъ ихъ чрезвычайно обширны, а по своей важности въ общежитіи требуютъ отъ занимающихся ими точныхъ и глубокихъ свѣдѣній; по требовать, чтобы каждый студентъ, занимающійся ими, пріобрѣлъ такія свѣдѣнія въ каждой изъ нихъ въ продолженіи времени положеннаго для преподаванія ихъ въ Университетѣ, невозможно и тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. интегральное исчисленіе или теорія чиселъ и ботаника или минералогія, не имѣютъ между собой почти совершенно никакого соприкосновенія; притомъ не каждый изъ студентовъ имѣетъ одинаковую наклонность и способность къ занятію каждою изъ наукъ, но одинъ склоненъ и способенъ заниматься болѣе науками математическими, другой болѣе науками естественными. Поэтому деканъ предложилъ отдѣленію облегчить занятія студентовъ и вмѣстѣ дать способностямъ и склонностямъ каждаго изъ нихъ надлежащее направленіе, раздѣливъ всѣ науки, преподаваемыя студентамъ этого отдѣленія на 2 разряда: a) наукъ математическихъ и b) наукъ естественныхъ. Члены отдѣленія одобрили совершенно это предложеніе, „потому, что схоластическое всезнаніе, по настоящему объему каждой науки, невозможно; кромѣ того это раздѣленіе введено уже въ

другихъ русскихъ университетахъ". Къ разряду наукъ математическихъ отнесены отдѣленіемъ слѣдующія: 1) математика чистая, 2) математика прикладная, 3) астрономія, 4) физика и физическая географія, 5) химія, 6) технологія, 7) архитектура. Разрядъ-же наукъ естественныхъ составляютъ: 1) зоологія, 2) ботаника, 3) минералогія и геогнозія, 4) физика и физическая географія, 5) химія, 6) технологія, 7) алгебра и тригонометрія, 8) сельское хозяйство; кромѣ того студенты обоихъ разрядовъ должны слушать богословіе, русскую словесность и французскій или нѣмецкій языкъ. Совѣтъ согласился съ мнѣніемъ Гофмана и распредѣленіемъ факультета. Министръ народнаго просвѣщенія, разрѣшивъ ввесть въ дѣйствіе съ 1840—1841 академическаго года такое распредѣленіе учебныхъ предметовъ въ видѣ опыта, впредь до утвержденія постояннаго устава Университета, согласился и съ мнѣніемъ попечителя, чтобы часть времени, остающагося свободнымъ, была употребляема на преподаваніе студентамъ II-го отдѣленія отечественной исторіи *).

Что касается до замѣщенія каѳедръ на этихъ двухъ разрядахъ, то мы видѣли, что вслѣдъ за увольненіемъ и переводомъ прежнихъ кременецкихъ математиковъ, Уваровъ тотчасъ-же перевелъ въ Университетъ св. Владиміра изъ Харьковскаго университета *Никиту Андр. Дьяченко.* Это и было пока единственное возмещеніе Университету за всѣ его потери. Н. А. Дьяченко занялъ обширную каѳедру Гречины, въ которой сосредоточивалась вся чистая и прикладная математика. Впрочемъ съ начала 1839 г. прибылъ на помощь ему адъюнктъ по каѳедрѣ *Александръ Николаевичъ Тихомандрицкій,* уроженецъ Тверской губерніи изъ духовнаго званія, изъ воспитанниковъ главнаго педагогическаго института 1-го выпуска (который далъ нашему Университету еще Н. Д. Иванишева). По окончаніи курса въ этомъ заведеніи, онъ былъ командированъ за границу; по возвращеніи былъ назначенъ 17 ноября 1838 года адъюнктомъ въ Университетъ св. Владиміра. Впослѣдствіи онъ сталъ самостоятельнымъ профессоромъ, но Университету св. Владиміра посвятилъ не болѣе 10 лѣтъ: въ 1848 г. онъ перешелъ на службу въ свой родной институтъ (инспекторомъ его), а затѣмъ занималъ постъ помощника попечителя въ Казани. Та-

*) Дѣло совѣта 1839 года № 236. Сбор. распор. по мин. нар. прос. т. II № 400.

кимъ образомъ хотя каѳедра математики была замѣщена двумя достойными преподавателями, но черезъ годъ (4 октября 1841 года) послѣ упомянутаго раздѣленія факультета на два отдѣла профессоръ Дьяченко вошелъ съ представленіемъ, въ которомъ указывалъ, что такое раздѣленіе сдѣлано съ тѣмъ, чтобы студенты могли пріобрѣтать познанія обширнѣйшія и точнѣйшія; „поэтому необходимо нужно имѣть, по примѣру другихъ россійскихъ университетовъ, и въ нашемъ Университетѣ по математикѣ двѣ каѳедры, одну для чистой, другую для прикладной математики и кромѣ того адъюнкта“. Для замѣщенія каѳедры прикладной математики, онъ представлялъ адъюнкта Тихомандрицкаго, который уже пріобрѣлъ степень доктора. На мѣсто-же адъюнкта рекомендовалъ кандидата *Георгія Герасимовича*, который предъ тѣмъ окончилъ курсъ съ отличнымъ успѣхомъ. Совѣтъ Университета представилъ попечителю проэктъ открытія новой каѳедры, которой содержаніе, впредь до утвержденія постояннаго устава Университета, должно быть отнесено *на экономическія суммы Университета*. Но попечитель отвѣтилъ, что за представленіемъ уже министерству постояннаго штата Университета св. Владиміра онъ находитъ неудобнымъ ходатайствовать объ учрежденіи нынѣ-же двухъ каѳедръ по математикѣ (дѣйствительно въ новомъ уставѣ не послѣдовало раздѣленія этой каѳедры на двѣ).

Когда совѣтъ думалъ объ основаніи новыхъ каѳедръ, существующія, и при томъ основныя, оставались пустыми, а именно: по возстановленіи Университета на II отдѣленіи философскаго факультета оказались вакантными слѣдующія каѳедры: 1) химіи, 2) архитектуры и начертательной геометріи, 3) зоологіи; къ этому слѣдуетъ присоединить и каѳедру физики. Не имѣя никого въ виду для этихъ каѳедръ, совѣтъ положилъ о замѣщеніи ихъ способными преподавателями просить распоряженія высшаго начальства. Послѣдствіемъ этого было пріобрѣтеніе Университетомъ св. Владиміра извѣстнаго ученаго *фонъ-Миддендорфа*. Докторъ медицины Миддендорфъ обратился къ министру съ просьбою, изъясняя, что онъ желаетъ занять мѣсто преподавателя зоологіи въ Университетѣ св. Владиміра въ званіи адъюнкта, но съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи онъ былъ удостоенъ, на основаніи полученнаго имъ отъ Дерптскаго университета диплома на степень доктора медицины, званія экстра-ординарнаго и ординарнаго профес. по той-же

каѳедрѣ. Министръ опредѣлилъ его адъюнктомъ по каѳедрѣ зоологіи. Назначеніе министерствомъ Миддендорфа, хотя и съ нарушеніемъ правилъ объ ученыхъ степеняхъ, было одно изъ самыхъ удачныхъ пріобрѣтеній для Университета св. Владиміра, однимъ изъ наиболѣе счастливыхъ результатовъ переворота 1839 года. Но вскорѣ и оно едва не оказалось тщетнымъ. Чрезъ годъ (1840 г. декабря 3) Миддендорфъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, ссылаясь на какія-то неожиданныя обстоятельства, встрѣтившіяся съ нимъ. Совѣтъ обидчиво принялъ эту просьбу и, потерявши тактъ, нашелъ нужнымъ замѣтить, что, конечно, Миддендорфъ, вступая на службу при Университетѣ, не принялъ при томъ никакихъ формальныхъ обязательствъ, по которымъ бы Университетъ св. Владиміра имѣлъ строгое право удерживать его у себя на службѣ противъ его воли. Но Миддендорфъ, вступая на службу при Университетѣ св. Владиміра, сразу пріобрѣлъ выгоды, которыхъ-бы онъ въ противномъ случаѣ долженъ былъ достигать въ продолженія довольно значительнаго времени, т. е. получилъ чины не въ очередь. И потому совѣтъ просилъ постановить нѣкоторыя общія мѣры для предупрежденія такихъ *злоупотребленій*, т. е. чтобы съ преподавателей, которые-бы захотѣли оставить службу при Университетѣ прежде выслуженія особаго срока за каждый чинъ, полученный ими *чинъ былъ снимаемъ*. Такими мѣрами, конечно, нельзя было удержать даровитыхъ преподавателей. Попечитель прибѣгъ къ другому средству: онъ просилъ совѣтъ Университета подвергнуть его балотированію на должность экстра-ординарнаго профессора. 15 марта 1841 г. Миддендорфъ былъ избранъ большинствомъ 12 противъ одного и утвержденъ министромъ. Очевидно, что единственною причиною просьбы объ отставкѣ было не скорое производство въ профессора (чѣмъ обусловилъ онъ свою просьбу Уварову объ опредѣленіи его въ Университетъ св. Владиміра), или иначе недостаточность содержанія.

Но не долго и послѣ того онъ оставался на службѣ въ Университетѣ св. Владиміра. Въ маѣ 1842 г. онъ взялъ 28 дневный отпускъ, изъ котораго уже не возвратился, подавши прошеніе объ увольненіи, и уволенъ 8 іюля того-же года. Его дѣятельная и подвижная натура влекла его къ другимъ занятіямъ. Въ то время отправлялась экспедиція въ сѣверную часть Сибири; въ составъ ея Академія Наукъ назначила Миддендорфа, и торопила Университетъ увольненіемъ его.

Во всякомъ случаѣ его 2-хъ-лѣтняя дѣятельность въ Университетѣ св. Владиміра быстро подняла преподаваніе зоологіи на такую высоту, о которой нельзя было мечтать при самоучкѣ Андржеіовскомъ.

Такъ трудно было Университету рекрутировать новыя ученыя силы въ замѣнъ польскихъ, при тѣхъ жалкихъ средствахъ, какими тогда снабжалъ Университетъ своихъ преподавателей.

Въ томъ-же предложеніи, которымъ назначенъ былъ Миддендорфъ, Уваровъ извѣщалъ, что по неимѣнію въ виду лица способнаго занять каѳедру архитектуры, министръ предоставляетъ сдѣлать распоряженіе о назначеніи на эту каѳедру конкурса. Затѣмъ начались характерные поиски профессора архитектуры. На конкурсъ откликнулись двое: художникъ Песке и профес. архитектуры—главный архитекторъ Университета Беретти. Разсужденія объ архитектурѣ обоихъ конкурентовъ II-е отдѣленіе философскаго факультета не признало удовлетворительными. Академія художествъ, къ которой обратились послѣ этого, указала на тѣхъ-же лицъ. Завязалась переписка и пошли пререканія, отъ которыхъ дѣло ничего не выиграло; каѳедра осталась вакантною еще на нѣсколько лѣтъ, до слѣдующей эпохи, когда преподавателемъ явился Беретти.

Еще при увольненіи профессора Зѣновича, совѣтъ, не имѣя въ виду способнаго лица для замѣщенія каѳедры химіи, ходатайствовалъ (10 октября 1838 г.) о назначеніи преподавателя этой науки изъ тѣхъ молодыхъ ученыхъ, которые обучались за границею на счетъ казны и возвратились уже изъ путешествій; при этомъ совѣтъ особенно имѣлъ въ виду воспитанника главнаго педагогическаго института *Воскресенскаго*, посвятившаго себя, какъ уже было извѣстно, усовершенствованію въ химіи. Гр. Уваровъ извѣстилъ, что для занятія каѳедры химіи пріискивается способное лицо, и какъ скоро такое найдется, онъ не оставитъ увѣдомить. Временное преподаваніе этой науки взялъ на себя Гофманъ, но весьма неохотно и только по 3 часа въ недѣлю. Прошелъ весь 1839 годъ и начало 1840-го, а „способное лицо" не отыскивалось. 15-го февраля 1840 г. министръ далъ знать, „что за всѣми принятыми со стороны министерства народнаго просвѣщенія мѣрами къ пріисканію способнаго лица для занятія имѣющейся въ Университетѣ св. Владиміра вакантной каѳедры химіи, таковыя оставались безуспѣшными" почему и предложилъ сдѣлать распоряженіе о назначеніи на

означенную каѳедру конкурса. Конкурсъ былъ назначенъ, съ обыкновенными тогдашними условіями его, т. е. что соискатель долженъ представить конспектированное изложеніе науки, съ обращеніемъ преимущественнаго вниманія на методологическую сторону дѣла. Другое постоянное тогдашнее условіе было: „соискатель долженъ знать русскій языкъ въ такой степени, чтобы онъ могъ свободно преподавать на этомъ языкѣ",—прибавленіе ясно показывающее, что болѣе разсчитывали на иностранцевъ. Но обоюдныя усилія Университета и министерства не привели ни къ чему, хотя эти учрежденія и не спорили между собою о правѣ назначенія или выбора профессоровъ, а ревностно помогали одно другому. Въ началѣ слѣдующаго (1840—41) учебнаго года вопросъ о замѣщеніи каѳедры химіи разрѣшился проще: заимствованіемъ преподавателя опять изъ упраздняемыхъ польскихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Тогда рѣшено было закрыть Виленскую медико-хирургическую академію, а въ ней между прочимъ состоялъ профессоромъ, переведенный въ нее по закрытіи Виленскаго университета—*Фонбергъ*. Сначала дѣло пошло о перемѣщеніи не одного профессора Фонберга, а цѣлой группы лицъ; Университетъ св. Владиміра долженъ былъ опять наслѣдовать ученыя силы другаго польскаго высшаго учебнаго заведенія, какъ прежде Кременецкаго лицея; это значило, окончательно признаться въ своей несостоятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишить всякаго смысла мѣры 1839 года. Государь, по докладу министра народнаго просвѣщенія, 20 августа соизволилъ на перемѣщеніе въ Университетъ св. Владиміра изъ Виленской медико-хирургической академіи ординарнаго профессора врачебнаго веществословія *Велька*, экстра-ординарнаго профессора химіи *Фонберга* и лаборанта *Маевскаго*. Но 31-го августа министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ, что онъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ призналъ неудобнымъ перемѣщать уволеннаго уже изъ Виленской академіи Велька въ Кіевскій Университетъ, тѣмъ болѣе, что для занятія въ немъ каѳедры акушерства приготовляется уже, съ Высочайшаго соизволенія, докторъ Крамаренковъ, находящійся для усовершенствованія по этой части за границею.

Съ остальнымъ Виленскимъ наслѣдствомъ нашего Университета мы ознакомимся въ исторіи медицинскаго факультета.

Что касается до Фонберга, то въ немъ Университетъ пріобрѣлъ замѣчательную по тому времени ученую силу. Онъ всѣми своими по-

знаніями и жизненнымъ успѣхомъ обязанъ только своему уму и непреклонной стойкости характера. Окончательное образованіе онъ получилъ въ Виленскомъ университетѣ, гдѣ потомъ, въ качествѣ адъюнкта и профессора, поставилъ преподаваніе и лабораторію на надлежащую высоту, направляя впрочемъ, сообразно съ характеромъ польской науки вообще, свои работы преимущественно къ практическимъ, прикладнымъ цѣлямъ; и въ этомъ отношеніи исполнялъ разныя технико-химическія работы по порученію начальства. Онъ заботливо старался поставить свою каѳедру и въ Кіевѣ въ уровень съ европейскимъ состояніемъ науки, что́ было крайне необходимо послѣ мистико-философскихъ чтеній Зѣновича. На его публичныя лекціи химіи стекалась многочисленная публика, смотрѣвшая съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ на его опыты и его пріемы, полные несмущаемой увѣренности. О его характерѣ и неуклонной вѣрности своимъ правиламъ ходятъ въ Кіевѣ почти баснословные разсказы. Впрочемъ объ этомъ величавомъ, по еще живомъ памятникѣ старыхъ временъ Виленскаго и нашего университета распространяться еще не настало время.

Вотъ и всѣ пріобрѣтенія, которыя сдѣлало II-е отдѣленіе послѣ разгрома 1839 года. Если, въ видѣ итога, мы спросимъ, кѣмъ замѣненъ кременецкій контингентъ, то получимъ слѣдующее поучительное сравненіе. Въ 1834 году здѣсь преподавали: Выжевскій, Гречина, Мѣховичъ, Зѣновичъ, Андржеіовскій, Бессеръ, Абламовичъ, Мерцъ. Въ 1840 году преподавали: Гофманъ, Траутфеттеръ, Миддендорфъ, Фонбергъ и тотъ-же Мерцъ. Ни тамъ, ни тутъ не видимъ русскихъ именъ (кромѣ каѳедры математики); поляковъ замѣнили дерптскіе нѣмцы, далеко превосходя первыхъ глубиною знаній и способностями. Профес. Ѳедоровъ также воспитанникъ Дерптскаго университета. Тутъ нѣтъ ничего обиднаго для русскаго ученаго самолюбія послѣ того, какъ мы знаемъ, что предъ вступленіемъ Уварова въ министерство, русскіе университеты, кромѣ Дерптскаго, доведены были до полнаго ничтожества.

Но едва окончепъ этотъ удовлетворительный подборъ профессоровъ II-го отдѣленія, тотчасъ-же постигла его новая утрата. 1842 г. въ мартѣ профес. Гофманъ подалъ въ отставку, ссылаясь на неопредѣленныя домашнія обстоятельства. Ректоръ обратился къ нему съ просьбою или вовсе взять назадъ свое намѣреніе, или, по крайней

мѣрѣ, отложить его на нѣкоторое время. Гофманъ, не измѣняя прежней рѣшимости, остался только до конца учебнаго года. Въ своемъ рапортѣ удаляющійся профессоръ заботливо распространяется о перенесеніи минералогическаго кабинета въ новое зданіе Университета и о приведеніи его въ надлежащій порядокъ. Словомъ онъ сходилъ съ каѳедры не какъ „поденщикъ ненужный" и оставлялъ по себѣ благую память въ Кіевѣ. Онъ, въ качествѣ декана II-го отдѣленія какъ въ эпоху смутъ 1839 г., такъ и потомъ, принималъ самое дѣятельное участіе въ пополненіи этого опустошеннаго факультета; ему, какъ мы видѣли, принадлежитъ мысль о раздѣленіи его на два разряда и честь приведенія этой мысли въ дѣйствіе. Ему принадлежитъ первое геогностическое изслѣдованіе южной Россіи, совершонное имъ во время поѣздки по Кіевской, Подольской и Херсонской губерніяхъ и въ Крымъ въ 1838 году. Результаты этихъ наблюденій заранѣе желала получить Академія Наукъ для своего Bulletin scientifique. Ему обязанъ Университетъ выборомъ и доставленіемъ въ Кіевъ минералогическихъ собраній Виленской медико-хирургической академіи, по ея закрытіи, для чего онъ совершилъ поѣздку въ Вильну. Цѣлая-же русская наука ему обязана первымъ научнымъ геологическимъ описаніемъ Урала. По выѣздѣ изъ Кіева онъ поступилъ профессоромъ въ корпусъ горныхъ инженеровъ. Такъ терялъ Университетъ свои лучшія силы, не будучи въ состояніи обезпечить своихъ дѣятелей по крайней мѣрѣ безбѣдными средствами.

Юридическій факультетъ не понесъ въ 1839 г. значительныхъ потерь. Но переворотъ 1839 г. отразился и въ немъ новою организаціею каѳедръ. Еще въ февралѣ 1838 г., представляя свои соображенія по случаю пересмотра дѣйствовавшаго тогда устава, юридическій факультетъ, а за нимъ и совѣтъ признавали между прочимъ необходимымъ измѣнить въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ существовавшее распредѣленіе каѳедръ на этомъ факультетѣ. Въ октябрѣ 1839 г., при перемѣщеніяхъ профессоровъ и по случаю отставки Даниловича, юридическій факультетъ поднялъ вновь тотъ-же вопросъ и представилъ слѣдующія соображенія: 1) мѣстные законы (которые преподавалъ Даниловичъ) слѣдуетъ отнести къ каѳедрѣ гражданскихъ и межевыхъ законовъ, отдѣливши отъ нея уставы кредитныхъ установленій, уставы о торговлѣ и уставы о промышленности фабричной, заводской и ре-

меслепной (т. е. сводъ зак. т. XI); 2) эти уставы отнести къ каѳедрѣ законовъ государственнаго благоустройства, благочинія и финансовъ, отдѣливши отъ ней законы благочинія (св. зак. т. XIII), такъ чтобъ эта каѳедра обнимала собою какъ законы о финансахъ (св. законовъ т. IV, V, VI, VII, VIII), такъ и законы благоустройства вполнѣ (св. зак. т. XI и XII), но безъ присоединенной къ ней части законовъ благочинія. 3) Законы благочинія отнести вполнѣ къ каѳедрѣ законовъ полицейскихъ и уголовныхъ (которая такимъ образомъ обняла собою сводъ зак. какъ т. XIII, XIV, такъ и XV). Такимъ образомъ здѣсь въ первый разъ дана правильная организація каѳедръ русскаго гражданскаго права, права полицейскаго и права уголовнаго,—организація и донынѣ существующая (за отдѣленіемъ отъ полицейскаго права каѳедры финансовъ). Къ этому совѣтъ Университета присовокупилъ, что съ перемѣщеніемъ въ Московскій университетъ профессора Даниловича, преподававшаго въ Университетѣ св. Владиміра мѣстные законы западныхъ губерній, преподаваніе этого предмета по необходимости надобно отложить до того времени, когда выйдетъ давно уже обѣщанный правительствомъ сводъ мѣстныхъ законовъ западныхъ губерній. Министръ народнаго просвѣщенія вполнѣ согласился со всѣми этими предположеніями и разрѣшилъ отложить преподаваніе мѣстныхъ законовъ до изданія свода ихъ *). Въ этомъ послѣднемъ вопросѣ мы видимъ на юридическомъ факультетѣ повтореніе того-же, что́ видѣли на I-мъ отдѣленіи философскаго факультета относительно каѳедры польскаго языка и литературы. Но тамъ въ замѣнъ была предложена мысль о каѳедрѣ исторіи и литературы всѣхъ славянскихъ нарѣчій; и здѣсь подобную мысль проводилъ профес. Даниловичъ. Но совѣтъ и факультетъ упустили ее изъ виду въ своемъ октябрскомъ представленіи 1839 г.

Для каѳедры славянскихъ законодательствъ на юридическомъ факультетѣ былъ тогда готовый представитель, равнаго которому не скоро дождется славянская юридическая наука. Мы говоримъ о *Николаѣ Дмитріевичѣ Иванишевѣ*, именемъ котораго хотимъ украсить эту главу, посвященную исторіи возстановленія русскихъ элементовъ на развалинахъ польскихъ въ Университетѣ св. Владиміра. Происходя

---

*) См. Сборн. расп. по мин. нар. просв. II, № 370.

изъ старой малорусской фамиліи, сомнительно—дворянской и несомненно—духовной *), Иванишевъ былъ первымъ профессоромъ Кіевскаго университета изъ настоящихъ, коренныхъ кіевлянъ: отецъ его былъ преподавателемъ Кіевской духовной академіи и священникомъ. Въ 1829 году Ив—въ поступилъ во вновь организованный педагогическій институтъ. На окончательномъ (высшемъ) курсѣ онъ слушалъ между прочимъ исторію русскаго права и всѣ прочія науки русскаго права у барона Врангеля и исторію русской литературы у Плетнева. Мы отмѣчаемъ эту подробность, желая доискаться начатковъ того славянскаго направленія въ правовѣдѣніи, которое потомъ характеризовало дѣятельность Иванишева. Но едва-ли не напрасны поиски наши въ институтѣ. Несомнѣнно, что направленіе ученой дѣятельности Иванишева сложилось во время его заграничной командировки (1836—1838 г.). То было время самаго перваго, но и вмѣстѣ самаго высокаго подъема славянской науки, именно у чеховъ; въ тотъ годъ, когда поѣхалъ Иванишевъ за границу, вышелъ первый томъ Исторіи Богеміи Палацкаго и Славянскія древности Шафарика. За годъ передъ этимъ въ общемъ уставѣ россійскихъ университетовъ введена была каѳедра исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій. Не одинъ Иванишевъ, но многіе тогда путешествовавшіе русскіе ученые, юристы, даже медики, не говоря уже о филологахъ (Бодянскомъ, Прейсѣ), направляли свои маршруты въ Прагу, минуя традиціонный Берлинъ, или быстро и невнимательно проѣзжая его. Правда, въ то время, когда въ Прагѣ складывался кружокъ русскихъ славистовъ, въ то-же самое время въ Берлинѣ слагался будущій кружокъ западниковъ вокругъ Грановскаго; Иванишевъ былъ въ Берлинѣ вмѣстѣ съ Грановскимъ, съ которымъ не сошелся (да и не могъ сойтись) и который „его чѣмъ-то обидѣлъ“, какъ писалъ потомъ самъ Грановскій. Быть можетъ это и было для Ив—ва внѣшнимъ толчкомъ изъ Берлина въ Прагу, опредѣлившимъ его на всю жизнь. Странно видѣть этотъ скептическій, глумящійся умъ занятымъ такими предметами, которымъ предавались тогда лишь мечтатели — идеалисты, способные одушевляться вѣрою

---

*) Мы не станемъ распространяться о предкахъ, дѣтствѣ и другихъ обстоятельствахъ жизни Ив—ва, отсылая желающихъ къ очерку „жизни и дѣятельности Н. Д. Ив—ва“, составленному профес. А. В. Романовичемъ-Славатинскимъ, съ присущимъ этому автору талантомъ литературнаго изложенія.

въ неопредѣленную и сомнительную будущность. Есть что-то загадочное въ этомъ дѣлѣ: или вѣчное издѣвательство явилось въ Ив—вѣ послѣ долгаго жизненнаго опыта и разрушенныхъ надеждъ? Онъ вывезъ изъ Праги глубокое познаніе духа славянскаго права, что́ такъ рельефно выразилось въ его первой академической рѣчи. Въ 1838 г. Неволинъ представилъ просьбу о назначеніи ему адъюнкта и указалъ на молодыхъ воспитанниковъ педагогическаго института, имѣющихъ возвратиться изъ заграницы. Осенью этого года, дѣйствительно, вернулся и Иванишевъ и 17-го ноября 1838 года, послѣ пробной лекціи въ залѣ Академіи Наукъ, былъ назначенъ въ Кіевъ адъюнктомъ по цѣлому факультету (т. е. съ обязанностію преподавать то, что́ факультетъ признаетъ болѣе необходимымъ); но попечитель назначилъ его именно адъюнктомъ Неволина. Повидимому, судьба также рѣшилась издѣваться вмѣстѣ съ Иванишевымъ; прибылъ онъ подъ новый годъ за недѣлю до указа о закрытіи Университета; такимъ образомъ ему предстояло остаться безъ дѣла, не начавши службы. Когда-же Университетъ былъ открытъ вновь, то ему пришлось уже быть не адъюнктомъ ректора, а читать по самостоятельной каѳедрѣ; по какой каѳедрѣ? Ничего противоположнѣе пражскимъ идеямъ и такъ сказать охладительнѣе для адептовъ всеславянской науки, нельзя представить, какъ эта каѳедра законовъ благоустройства. Съ тѣхъ поръ (съ 22-го іюня 1839 г.) до конца своей дѣятельности въ Университетѣ Иванишевъ былъ привязанъ къ этой каѳедрѣ, какъ невольникъ къ тачкѣ, и влачилъ свою роль съ тактомъ, добросовѣстно и умно, такъ что его курсы по полицейскому праву, будучи изданы, и теперь составили-бы нѣкоторое пріобрѣтеніе для науки. Въ томъ-же 1839 г. лѣтомъ онъ выдержалъ экзаменъ на степень доктора. Тогда появился его первый и значительнѣйшій (по объему) трудъ: „О платѣ за убійство въ древнерусскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германскою вирою", гдѣ онъ и выразилъ свой взглядъ на отличительныя свойства славянскаго права. Тотчасъ въ слѣдъ за докторизаціею онъ былъ избранъ (2 августа 1840 г.) почти единогласно ординарнымъ профес. (минуя степень экстра-ординарнаго), но министръ, отказавъ въ первомъ, утвердилъ его въ этомъ послѣднемъ званіи. Не много ученыхъ трудовъ (хотя каждый изъ нихъ знаменуетъ собою, успѣхъ науки) появилось потомъ изъ подъ пера Иванишева. Пишущему эти

строки онъ говорилъ въ грустномъ раздумьѣ, сидя въ своемъ уединеніи въ послѣдній періодъ своей жизни: „Я навѣрное кончу такъ, какъ Даниловичъ; всю жизнь только приготовляюсь къ выступленію въ литературу". Пророчество его сбылось свыше мѣры; Даниловичъ оставилъ, по крайней мѣрѣ, законченныя рукописи, которыя дали возможность его друзьямъ издать по смерти автора его самый большой трудъ; въ бумагахъ Ив—ва не нашлось ничего подобнаго. Но къ чести Университета св. Владиміра, совѣтъ его напечаталъ, по крайней мѣрѣ, полное собраніе его изданныхъ статей, что́ вмѣстѣ съ тѣмъ послужило поводомъ къ появленію упомянутой выше его біографіи, написанной профес. А. В. Романовичъ-Славатинскимъ съ теплотою и одушевленіемъ.

Но мы еще не прощаемся съ Ив—мъ, находясь лишь въ началѣ его ученой карьеры въ Университетѣ.

Съ перемѣщеніемъ Иванишева на самостоятельную каѳедру благоустройства, Неволинъ опять остался безъ адъюнкта, безъ котораго, очевидно, обойтись не могъ, имѣя на рукахъ, кромѣ ректорства, двѣ нынѣшнихъ каѳедры: энциклопедіи законовѣдѣнія и государственнаго права. Разыскивая новое лицо для замѣщенія этой вакансіи, Неволинъ рѣшился обратиться къ собственнымъ воспитанникамъ. Его выборъ остановился на окончившемъ въ 1838 г. курсъ кандидатѣ *Сев. П. Романовскомъ.* Подобно Иванишеву, Романовскій былъ изъ числа коренныхъ кіевлянъ. Выборъ Неволина остановился на немъ не безъ причины: по отзывамъ современниковъ, Ром—скій отличался несомнѣнными дарованіями и знаніями. Но, по окончаніи курса, онъ уже успѣлъ поступить на службу и притомъ въ вѣдомство, весьма далекое отъ ученой дороги—въ Дубенскую коммиссаріатскую коммиссію. Тамъ и отыскалъ его Неволинъ; 28 октября 1839 г., онъ написалъ своему бывшему ученику письмо, на которое Романовскій тотчасъ-же отвѣчалъ, что „такое лестное предложеніе для него неожиданнымъ и пріятнѣйшимъ образомъ ускорило его лучшее и всегдашнее намѣреніе посвятить себя окончательно наукамъ юридическимъ". Такъ охотно откликались тогда на призывъ къ каѳедрѣ. Впрочемъ университетскіе юристы того времени должны были выбирать между коммиссаріатскою коммиссіею и университетскою каѳедрою: но тотъ-же самый Сев. П. Романовскій, послѣ недолгой службы въ Университетѣ, нашедши себѣ дру-

гую выгоднѣйшую, поспѣшилъ оставить его. Новое указаніе на одну изъ основныхъ причинъ оскудѣнія Университета учеными силами. На долю Романовскаго выпало преподаваніе государственнаго права и исторіи русскаго права. Здѣсь въ первый разъ исторія русскаго права становится предметомъ отдѣльнаго преподаванія. Никакихъ слѣдовъ его курса по этимъ предметамъ нельзя уже отыскать въ нынѣшнемъ Университетѣ, но нѣтъ сомнѣнія, что послѣдняя наука излагалась лишь съ внѣшней стороны, по образцу, оставленному въ энциклопедіи Неволина, а первая—по первымъ томамъ свода законовъ. Такимъ образомъ юридическій факультетъ вслѣдствіе переворота 1839 г. собственно не получилъ никакого возмещенія, такъ какъ Иванишевъ прибылъ раньше общаго выселенія кременецкихъ дѣятелей *).

Обращаемся къ дѣятельности профессоровъ и преподавателей того времени, которой касались по частямъ и выше. Здѣсь займемся главнымъ образомъ внѣшнимъ размѣромъ преподавательской дѣятельности. Съ новымъ открытіемъ Университета и началомъ лекцій, разумѣется, всякія постороннія занятія профессоровъ, о которыхъ такъ заботились въ 1839 году, кончились; визитаторы возвратились; проэкты разныхъ учебниковъ и курсовъ отложены въ дальній ящикъ. На первый планъ опять выступила основная профессорская дѣятельность, т. е. преподаваніе въ аудиторіяхъ. Но, за увольненіемъ и перемѣщеніемъ весьма многихъ профессоровъ, наличному составу факультетовъ предстоялъ не малый трудъ выполнить факультетское преподаваніе безъ явныхъ, по крайней мѣрѣ, пробѣловъ. I-е отдѣленіе философскаго факультета, по-

*) Событія 1839 года отразились даже на преподавателяхъ искусствъ. Послѣ перемѣщенія Клембовскаго, совѣтъ Университета опредѣлилъ на его мѣсто художника Павлова, 19-ть лѣтъ служившаго въ званіи учителя рисованія при Нѣжинскомъ лицеѣ. Прочими учителями искусствъ оставались прежніе; вѣроятно никому не приходило въ голову, что и съ этой стороны можетъ скрываться какая нибудь опасность для Университета, что однако, случилось въ 1863 году относительно одного изъ нихъ. Это были: губ. секр. *Евст. Каз. Ольшанскій*, учитель верховой ѣзды, обучался въ Волынской гимназіи, уроженецъ Волынской губерніи, изъ дворянъ, исповѣданія римско-католическаго; тит. сов. *Іос. Дем. Урсо,* учитель фехтованія; онъ обучался въ Кіевской губернской гимназіи и былъ уроженецъ Кіевской губерніи, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, исповѣданія православнаго. *Ген. Ал. Дебре,* обучавшій танцованію, воспитывался въ Парижѣ, французскій подданный, исповѣданія римско-католическаго. *Алек. Фр. Шмитъ-де-Бергъ,* учитель музыки, обучался въ Волынскомъ лицеѣ, уроженецъ Волынской губерніи, изъ дворянъ, исповѣданія римско-католическаго.

страдавшее менѣе II-го, тотчасъ устроило преподаваніе довольно правильно. Но наличныя силы факультета распредѣлили между собою трудъ далеко не поровну. Профес. О. М. Новицкій читалъ по 6 часовъ въ недѣлю; изъ нихъ два часа посвящалъ онъ психологіи, а 4 часа—исторіи философіи. Оба курса слушали у него и студенты юридическаго факультета. Адъюнктъ его Авсеневъ для преподаванія нравственной философіи въ 1-мъ полугодіи употреблялъ по $3^1/_2$ часа въ недѣлю, а во 2-мъ полугодіи для преподаванія логики—по $4^1/_2$ часа. Такимъ образомъ философія занимала у студентовъ отъ $9^1/_2$ до $10^1/_2$ часовъ въ недѣлю. Историческія науки поглощали меньшее количество времени; именно А. И. Ставровскій преподавалъ исторію среднихъ вѣковъ $4^1/_2$ часа и статистику по 1 часу. Домбровскій читалъ древнюю русскую исторію для 1, 2 и 3-го курсовъ по 4 часа и новую для 4-го курса по 2 часа въ недѣлю. Самымъ усерднымъ образомъ преподавались древніе языки И. Я. Нейкирхомъ и А. К. Деллеиомъ. Первый работалъ по *9 часовъ* въ недѣлю, впрочемъ, больше всего въ изъясненіи памятниковъ. Делленъ, преподавая собственно латинскую словесность, былъ помощникомъ Нейкирха и по преподаванію греческаго языка. Тогда изъ студентовъ 1-го курса не только для греческаго, но и для латинскаго языка составлялся такъ называемый *низшій классъ* для приготовительнаго (гимназическаго) изученія этихъ языковъ; греческій языкъ преподавался съ азбуки, а латинскій изучался по рѣчамъ Цицерона и метаморфозамъ Овидія. Студенты, показавшіе на вступительномъ экзаменѣ достаточное предварительное знакомство съ латинскимъ, а изрѣдка и греческимъ языкомъ, слушали эти предметы уже со студентами 2-го курса. Во всѣхъ прочихъ курсахъ А. К. Делленъ изъяснялъ авторовъ; такимъ образомъ онъ посвящалъ на занятія со студентами *по 11 часовъ* въ недѣлю. Въ 1840—41 году римскую словесность преподавалъ уже Гриневичъ, проходя въ 6 недѣльныхъ часовъ исторію римской словесности и объясняя Ювенала, Персія и Тацита; Делленъ долженъ былъ ограничиться первоначальнымъ преподаваніемъ греческаго и латинскаго языковъ студентамъ 1-го курса. Отдѣлъ русскаго языка и словесности былъ представленъ также двумя лицами: профессоромъ Максимовичемъ и адъюнктомъ (сначала Красовымъ, затѣмъ Костыремъ). Больной Максимовичъ оказался самымъ нерадивымъ преподавателемъ; онъ назначалъ себѣ на 1-е полугодіе только

3 часа въ недѣлю, да и изъ нихъ половина должна быть посвящена практическимъ упражненіямъ студентовъ, а другая половина занята чтеніемъ и разборомъ русскихъ писателей. При тогдашнихъ условіяхъ университетскаго преподаванія такое отступленіе отъ общаго порядка казалось слишкомъ замѣтнымъ, такъ что факультетъ, въ своемъ представленіи совѣту, рѣшился прибавить, „что по русской словесности надо-бы увеличить число часовъ, избранныхъ профес. Максимовичемъ, согласно предписанію г. министра народнаго просвѣщенія, требующему, чтобы ординарные профессоры читали по 6 часовъ въ недѣлю". Совѣтъ назначилъ ему еще лекціи на 1-мъ курсѣ для студентовъ всѣхъ факультетовъ. Адъюнктъ его долженъ былъ преподавать студентамъ всѣхъ факультетовъ 1-го и 2-го курсовъ исторію русской словесности по 4 часа въ недѣлю. Нужно знать, что почти весь нынѣшній историко-филологическій факультетъ (тогдашнее I-е отдѣленіе философскаго факультета) былъ обязателенъ для юристовъ, а русская словесность и для естественниковъ. Максимовичъ вооружался противъ этого; по поводу назначенія ему лекцій на 1-мъ курсѣ для студентовъ всѣхъ факультетовъ, онъ просилъ ректора ограничить эти лекціи лишь для 1-го курса I-го отдѣленія, „ибо (пишетъ онъ), по моему мнѣнію, студенты первокурсные и второкурсные II-го отдѣленія и юридическаго факультета вовсе могли-бы освобождены быть отъ русской словесности, съ тѣмъ, чтобы въ замѣнъ ея слушали русскую исторію". Въ началѣ 1840—41 учебнаго года Максимовичъ уже отказался преподавать вслѣдствіе разстройства зрѣнія и затѣмъ вскорѣ вышелъ въ отставку.

Лекторы французскаго и нѣмецкаго языковъ преподавали по 6 часовъ въ недѣлю, а лекторъ итальянскаго языка (Бертони) по 3 часа.

II-му отдѣленію философскаго факультета послѣ переворота 1839 г. было не легко установить сколько-нибудь правильное преподаваніе. Профес. Дьяченко взялся преподавать дифференціальное исчисленіе, интегрированіе функцій одного измѣняемаго количества и приложеніе дифференціальныхъ и интегральныхъ исчисленій къ геометріи, пользуясь сочиненіями Эйлера, Лагранжа и Коши, а впослѣдствіи еще Лероа. Онъ-же преподавалъ статику и динамику, а въ 4-мъ курсѣ гидростатику и гидродинамику, по руководству Пуассона. Такимъ образомъ ему на долю выпало *8 часовъ* въ недѣлю. А. Н. Тихомандрицкій пре-

подавалъ алгебраическій анализъ и начертательную геометрію, слѣдуя въ первомъ Остроградскому, Коши и Лагранжу,—всего 5 часовъ.

Чеховичъ на преподаваніе физики употреблялъ по 6 часовъ въ недѣлю (не указывая руководства).

Ѳедоровъ долженъ былъ первокурсникамъ читать сферическую тригонометрію, второму и третьему курсамъ теоретическую астрономію, по руководству Перевощикова, а 4-му курсу общія понятія объ астрономіи, по руководству Брандеса; всего 8 часовъ. Съ 1840—41 учебнаго года къ астрономіи онъ присоединилъ подробное изложеніе способовъ къ опредѣленію географическаго положенія мѣстъ астрономическими наблюденіями и тригонометрическими измѣреніями, съ обозначеніемъ снарядовъ, употребляемыхъ въ геодезіи, руководствуясь геодезіею Болотова.

Гофманъ читалъ 2-му курсу пропедевтику минералогіи и ориктогнозію, руководствуясь соч. Наумана, а 3-му курсу геогнозію, по соч. Леонгарда. Въ 1840—41 учебномъ году Гофманъ работалъ по 12 часовъ въ недѣлю, преподавая, кромѣ своего предмета, химію.

Въ томъ-же году Миддендорфъ началъ преподаваніе „эѳнографіи“, общей зоологіи и зоогнозіи.

Траутфеттеръ читалъ 1-му курсу терминологію ботаническую, 2-му—растительную анатомію, ботаническую систематику и исторію ботаники (все это по 2 часа въ недѣлю), въ 3-мъ—біологію растеній и ботаническую географію. Всего 6 часовъ. Руководствомъ ему служилъ Декандоль.

Мерцъ, придерживаясь Швейцера, но *по собственнымъ запискамъ* читалъ сельское хозяйство по $5^1/_2$ часовъ.

Студенты II-го отдѣленія, какъ замѣчено, должны были еще слушать на I-мъ отдѣленіи: исторію русской словесности, французскій или нѣмецкій языкъ.

Юридическій факультетъ имѣлъ при новомъ открытіи Университета только 6 преподавателей. Изъ нихъ ректоръ Неволинъ, въ слѣдствіе ректорскихъ обязанностей, взялъ себѣ только 4 часа на преподаваніе энциклопедіи законовѣдѣнія. Преподаватели и предметы размѣщены по курсамъ весьма точно: на 1-мъ курсѣ энциклопедія, римское право и основные законы съ учрежденіями россійской имперіи и законами о состояніяхъ (т. е. русское государственное право). Рим-

ское право читалъ А. А. Өедотовъ-Чеховскій по 6 часовъ, но сверхъ того велъ практическія занятія, изъясняя институціи Гая сравнительно съ институціями Юстиніана по 1 часу. Это для Университета св. Владиміра нужно считать нововведеніемъ, потому что, по словамъ уважаемаго профессора, его предшественникъ Мицкевичъ въ 30-хъ годахъ, не зналъ еще о существованіи институцій Гая. Что касается до россійскаго государственнаго права, то было обозначено, что его будетъ читать по 6 часовъ — „особенный преподаватель". Съ назначеніемъ С. П. Романовскаго объяснилось, кто этотъ „особенный преподаватель"; ему пришлось читать по 6 часовъ. Весь 2-й курсъ находился въ вѣдѣніи Орнатскаго и Иванишева, изъ которыхъ первый преподавалъ русское гражданское право и межевые законы по 7 часовъ; а второй законы государственнаго благоустройства по 6 часовъ. 3-й курсъ имѣлъ также 2-хъ преподавателей—Богородскаго и Цвѣткова, изъ которыхъ 1-й преподавалъ законы благочинія и законы уголовные. Курсъ уголовнаго права состоялъ: 1) изъ исторіи уголовнаго законовѣдѣнія, 2) теоріи уголовныхъ законовъ, 3) россійскихъ уголовныхъ и полицейскихъ законовъ и 4) уголовнаго судопроизводства. На все это Богородскій сначала употреблялъ по 6 часовъ, а послѣ $6^1/_2$. Цвѣтковъ читалъ уставы казеннаго управленія и уставы о повинностяхъ, по 6 часовъ. 4-й курсъ вовсе не имѣлъ лекцій по предметамъ правовѣдѣнія, а слушалъ только на I-мъ отдѣленіи философскаго факультета русскую исторію, исторію среднихъ вѣковъ, исторію древней философіи и нравственную философію. Такимъ образомъ вспомогательные предметы, къ удивленію, попали на 4-й курсъ. Впрочемъ тѣ-же предметы слушали и студенты прочихъ курсовъ, и сверхъ того статистику (у Ставровскаго).

Съ начала 1841—42 учебнаго года, когда открылся 1-й медицинскій курсъ, составъ университетскаго преподаванія измѣнился мало; медики слушали естественныя науки вмѣстѣ со студентами II-го отдѣленія философскаго факультета; прибавились только лекціи анатоміи и энциклопедіи медицины.

Профессора должны были обязательно извѣстныя части науки излагать по курсамъ и полугодіямъ въ извѣстной послѣдовательности и произвольно не могли измѣнить порядка преподаванія. Въ первомъ полугодіи профессора должны были начинать чтенія съ 21 августа; во второе полугодіе лекціи начинались съ 13 января.

Что касается до дѣйствительнаго исполненія обязанности читать лекціи, то лишь въ смутный 1839-й годъ преподавательская дѣятельность видимо ослабѣла. Ректоръ подавалъ попечителю семидневныя донесенія о состояніи Университета, въ которыхъ, между прочимъ, обозначалось, кто и почему пропустилъ лекцію. Въ 1839 году въ донесеніи 29 января было сказано, что Красовъ не читалъ по несобранію студентовъ на лекцію; потомъ тоже повторилось съ Линдемъ и съ Мерцемъ, такъ что попечитель предписалъ разслѣдовать и виновныхъ подвергнуть взысканію. Въ этомъ случаѣ неисправность зависѣла не отъ профессорской небрежности. Впрочемъ и преподавательская ревность вообще сильно ослабѣла въ началѣ 1839 г., когда указъ о закрытіи Университета былъ уже извѣстенъ, а срокъ прекращенія лекцій не опредѣленъ еще. Тогда въ семидневныхъ донесеніяхъ попечителю встрѣчаемъ, что „лекціи читаны были *неупустительно* съ тѣмъ *исключеніемъ*, что не читали своихъ лекцій: ректоръ Неволинъ 27, 28 февраля, 2 и 3 марта, Богородскій—27 февраля, 1, 2, 3 и 4 марта, Новицкій—27, 28 февраля, 1, 2, 3 и 4 марта, Максимовичъ—28 февраля, 1, 2 и 4 марта“ и пр.; оказывается, что почти никто не читалъ.

Во все остальное, нормальное время профессора, какъ мы видѣли, были заняты преподаваніемъ и дѣйствительно преподавали отъ 6 до 12 часовъ еженедѣльно. Всякому испытавшему на себѣ извѣстно, что́ значитъ надлежащее приготовленіе одной лекціи даже не для новичковъ на каѳедрѣ. Если-же приходилось готовить ихъ ежедневно, а инымъ по двѣ въ день, то все остальное время дня, за краткими часами отдыха, должно быть посвящено хотя-бы механическому приготовленію, т. е. выписыванію изъ иностранныхъ учебниковъ и курсовъ; нельзя-же было придти съ книгою въ аудиторію и переводить ее предъ глазами слушателей. Ничего нѣтъ удивительнаго, что преподаваніе по многимъ каѳедрамъ упало до простаго чтенія переводныхъ статей или своихъ печатныхъ курсовъ (по преданію, такимъ характеромъ отличались и лекціи Неволина). Хотя министерство назначило обязательныхъ только 6 часовъ лекцій въ недѣлю для орд. профессора, но за неимѣніемъ преподавателей по многимъ каѳедрамъ, значительная часть профессоровъ вела двойное преподаваніе. Наиболѣе поразительною въ этомъ отношеніи является дѣятельность Гофмана и Траутфеттера. Нужно вспомнить сверхъ того, что бо́льшая часть профессоровъ завѣ-

дывала какимъ-либо однимъ, а иногда одинъ профессоръ двумя или тремя вспомогательными учебными учрежденіями. Тотъ-же самый Траутфеттеръ предавался потомъ съ горячностію устройству ботаническаго сада и работалъ $^3/_4$ года, какъ простой садовникъ.

Ученая производительность профессоровъ не ограничилась заказными работами на 1839 годъ. Она отразилась, между прочимъ, и въ академическихъ рѣчахъ. Кромѣ рѣчи П. Я. Нейкирха, имѣющей также заказной характеръ, остальныя рѣчи этого времени вызваны или сознаніемъ задачъ Университета св. Владиміра (рѣчь Домбровскаго, старавшагося указать связь русской исторіи не съ западною римскою цивилизацією, а съ восточною византійскою), или желаніемъ указать въ области науки высшія начала духовнаго единства славянскаго міра. Такова знаменитая рѣчь Иванишева (1841 г.), замѣчательная не одною своею трагическою судьбою и шумомъ, возникшимъ изъ обстоятельствъ ея произнесенія, но гораздо болѣе своимъ достоинствомъ. Это — безспорно лучшее изъ всѣхъ немногочисленныхъ произведеній Иванишева; оно могло-бы лечь въ основу самого плодотворнаго направленія для Кіевскаго Университета (по крайней мѣрѣ историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ), если-бы у самого Иванишева было больше вѣры въ свое дѣло и если-бы онъ нашелъ себѣ послѣдователей и спутниковъ.

Что касается до странной судьбы этой рѣчи при ея произнесеніи, то здѣсь ясно изобразились тогдашнія условія ученой производительности профессоровъ и одна изъ главныхъ причинъ малыхъ размѣровъ ея. Слѣдуя своему пражскому настроенію, Иванишевъ избралъ темою „Идею личности въ древнемъ правѣ богемскомъ и скандинавскомъ“, желая указать разницу между славянскимъ и нѣмецкимъ правомъ въ самой глубокой основѣ права (идеѣ личности). Правъ или нѣтъ Ив—въ въ своихъ выводахъ, достаточно-ли сильно онъ аргументировалъ мысль о томъ, что въ правѣ славянскомъ лицо выступило раньше, яснѣе и полноправнѣе, чѣмъ въ нѣмецкомъ, — здѣсь судить не мѣсто. Во всякомъ случаѣ тема была высокая, выражена съ изящною простотою и вся рѣчь достойна вниманія какого угодно интеллигентнаго собранія въ Европѣ. Въ уясненіи правъ личности женщины, касаясь сферы семейной, именно языческой, онъ разумѣется долженъ былъ упомянуть о многоженствѣ и наложничествѣ, но въ такихъ фор-

махъ, которыя допускала ультра-щепетильная требовательность того времени; нечего и говорить, что въ выраженіяхъ оратора нѣтъ ничего циническаго и скабрезнаго; рѣчь прошла чрезъ тогдашнюю придирчивую цензуру факультета и совѣта. Но вотъ среди словъ о конкубинатѣ, ораторъ прерванъ другимъ—властнымъ голосомъ митроп. Филарета: „Я—почетный членъ вашего Университета; позвольте мнѣ сказать вамъ, что предъ нами неприлично говорить такую рѣчь. Мы сейчасъ отъ алтаря Господня, гдѣ мы приносили безкровную жертву (митрополитъ совершалъ въ этотъ день литургію), а вы говорите намъ въ рѣчи вашей о конкубинатѣ, о убіеніи дѣтей родителями. Къ тому-же здѣсь есть и молодые люди. Извините меня, что я вамъ это замѣчаю; я вашъ пастырь и долженъ васъ учить". Такъ передаетъ эти слова Неволинъ, который тогда, за отсутствіемъ попечителя, управлялъ округомъ, и потому несъ на себѣ двойную отвѣтственность. Чтобы не продлить это происшествіе, говоритъ онъ въ своемъ донесеніи министру, онъ приказалъ Иванишеву прекратить чтеніе рѣчи и велѣлъ пѣть гимнъ: „Боже Царя храни", чтобы потомъ приступить къ чтенію записки о состояніи и дѣйствіяхъ Университета и къ раздачѣ медалей. Во все это время митрополитъ продолжалъ присутствовать на актѣ и, по окончаніи его, сказалъ Неволину: „извините меня, что я погорячился". Вообще самъ митрополитъ не придавалъ никакой серьезности этому событію; замѣчаніе его было минутною вспышкою аскетическаго чувства. Впослѣдствіи Неволинъ доносилъ министру, что общимъ мнѣніемъ въ Кіевѣ, даже мнѣніемъ самого духовенства поступокъ митрополита рѣшительно не одобряется. Въ томъ-же донесеніи онъ старается уяснить, чѣмъ могло быть вызвано замѣчаніе преосв. Филарета. Въ самой рѣчи нѣтъ къ тому ни малѣйшаго повода, такъ какъ „рѣчь Ив—ва могла быть читана не только безъ нарушенія какихъ-нибудь правилъ приличія, но и къ удовольствію слушателей". Если въ ней называются разные порочные обычаи древне-языческаго общества, то въ молитвахъ церковныхъ и проповѣдяхъ пороки изображаются болѣе яркими красками. Что-же касается молодыхъ людей—студентовъ, то изучая исторію и классическую словесность, они обязаны знать нравы древнихъ народовъ. Затѣмъ Неволинъ передаетъ догадку, ходившую тогда въ Кіевѣ, что митрополитъ былъ недоволенъ тѣмъ, что ему предварительно не дали рѣчь для просмотра, но самъ

же не допускаетъ вѣроятности этого предположенія, да и допустить нельзя. Зная Филарета, какъ потомъ узнали его кіевляне во время долгаго управленія его епархіею, зная его, какъ схимника, милосердаго и мягкосердечнаго, никто не станетъ искать въ его поступкѣ задней мысли; то была, какъ сказано, минутная вспышка аскетической и ультра-дѣвственной души, вспышка, о которой онъ самъ потомъ сожалѣлъ и извинялся нѣсколько разъ. Но дѣло совсѣмъ не въ томъ, не здѣсь характерная черта всей этой исторіи, а въ слѣдующемъ. Когда пошло оффиціальное донесеніе Неволина въ Петербургъ, то къ сожалѣнію тамъ не было Уварова (онъ былъ въ Москвѣ). Текущими дѣлами управлялъ гр. Протасовъ; онъ и директоръ департамента кн. П. А. Ширинскій-Шихматовъ представили дѣло въ I-е отдѣленіе канцеляріи Его Величества въ такомъ видѣ: „Иванишевъ безъ нарушенія своей обязанности могъ разсуждать о сихъ предметахъ въ присутствіи студентовъ..., но для чтенія въ торжественномъ собраніи въ день равноапостольнаго кн. Владиміра, въ присутствіи высшаго православнаго духовенства и многихъ другихъ посѣтителей..., надлежало-бы избрать не сухое и отвлеченное разсужденіе объ идеѣ личности у скандинавовъ и богемцевъ, но предметъ болѣе общій, болѣе отечественный и болѣе религіозный, а потому болѣе доступный для большинства слушателей". Государь призналъ замѣчаніе министерства справедливымъ и повелѣлъ: „поставить на видъ ректору Университета, что онъ въ отсутствіе попечителя былъ обязанъ отстранить все неприличное прежде, чѣмъ допускать до подобнаго непріятнаго случая, что̀ падаетъ на его отвѣтственность".

Уваровъ, узнавъ объ этомъ, уже не могъ исправить ошибки департамента и далъ оскорбленному Университету лишь косвенное удовлетвореніе. Когда молва разнесла это событіе по имперіи и придала ему чрезмѣрный объемъ и окраску, то Волынскій губернаторъ Лошкаревъ писалъ С. С. Уварову, что, по слухамъ, Университетъ не хочетъ печатать рѣчь Иванишева, хотя обыкновенно актовыя рѣчи печатаются, но что это было-бы очень вредно, ибо рѣчь могла попасть въ заграничную печать въ искаженномъ видѣ. Уваровъ приказалъ напечатать рѣчь „въ томъ видѣ, въ какомъ она была одобрена совѣтомъ и произнесена". И она была напечатана въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, но со многими выпусками *).

*) См. изложеніе этого дѣла по архивнымъ документамъ профес. Сухомлинова въ Древн. и Нов. Рос. 1876 г.

При такихъ условіяхъ ученая производительность Университета не могла быть обильною. Надо вспомнить также, что матеріальныя средства профессоровъ были не таковы, чтобы имѣть возможность выполнить благія намѣренія. Въ 1841 г. Максимовичъ съ Иннокентіемъ задумали основать Кіевское общество исторіи и древностей славянорусскихъ. Уже набросанъ былъ и уставъ. Но по причинамъ, намъ неизвѣстнымъ, предпріятіе не осуществилось.

Кромѣ рѣчей, ученая дѣятельность профессоровъ выражалась тогда въ магистерскихъ и докторскихъ диссертаціяхъ, которыя тогда представляемы были въ факультетъ въ рукописяхъ, но, по одобреніи факультетами, печатались на счетъ автора, хотя обыкновенно Университетъ выдавалъ для того пособія. Тогда появилась диссертація Ставровскаго—„О значеніи среднихъ вѣковъ въ отношеніи къ новѣйшему времени“ (единственный ученый трудъ, оставленный этимъ профессоромъ). Тогда-же издана докторская диссертація А. Н. Тихомандрицкаго: „Рѣшеніе двухчленныхъ уравненій“. Но и этотъ разрядъ ученыхъ работъ былъ весьма немногочисленъ, такъ какъ и число лицъ, которыя достигали высшихъ ученыхъ степеней, было весьма ограничено. И вотъ почему:

Одно изъ тяжкихъ и отнимавшихъ много времени у профессоровъ занятій было производство экзаменовъ на высшія ученыя степени. Эти экзамены, вмѣстѣ съ тѣмъ были и главнымъ препятствіемъ къ успѣшному замѣщенію вакансій по факультетамъ. Докторскіе экзамены обнимали тогда всѣ факультетскія науки, а магистерскіе — всѣ главныя; строгость требованій естественно возростала съ каждою ученою степенью. И при томъ по каждой наукѣ требовались сверхъ множества устныхъ отвѣтовъ — письменные. Уже тогда совѣтъ Университета св. Владиміра былъ рѣшительно склоненъ къ признанію неосуществимости этихъ требованій. Положеніе объ испытаніяхъ на ученыя степени было утверждено въ 1837 году въ видѣ опыта на три года. Когда истекалъ этотъ срокъ, то Университету св. Владиміра было предложено представить свои замѣчанія на это положеніе. Совѣтъ исполнилъ порученіе, представивъ 6-го сентября 1839 года огромный и обстоятельный разборъ.

Не смотря на заявленія Университета св. Владиміра и другихъ университетовъ, тѣ-же правила 1837 года въ ноябрѣ 1840 г. остав-

лены въ силѣ еще на два года. Но тогда-же было предписано Университету св. Владиміра заняться проэктомъ новыхъ, уже постоянныхъ, правилъ и представить его не позже сентября 1841 г. Въ Университетѣ образованъ для того комитетъ, подъ предсѣдательствомъ ректора изъ декановъ обоихъ факультетовъ. Къ засѣданію 29 сентября 1841 года проэктъ былъ дѣйствительно изготовленъ, обнимая испытанія по предметамъ философскаго и юридическаго факультетовъ, причемъ Университетъ ставилъ на видъ, что его заботою было устранить изъ прежнихъ правилъ главнѣйшій ихъ недостатокъ—неопредѣленность. Университетъ настаиваетъ на необходимости сдѣлать властію высшею университетской указаніе наукъ и статей ихъ, изъ которыхъ долженъ быть производимъ экзаменъ, для уничтоженія произвола на экзаменахъ, „хотя едва-ли было-бы полезно ввести сіи статьи въ проэктъ постояннаго положенія, такъ какъ съ успѣхами наукъ и нашего общественнаго образованія, онѣ, можетъ быть, должны будутъ очень скоро измѣняться“. Далѣе совѣтъ рукою Неволина писалъ: „Выраженное въ положеніи требованіе обширныхъ и глубокихъ свѣдѣній въ нѣсколькихъ наукахъ отъ желающихъ пріобрѣсть степень магистра для молодыхъ людей, которые, пріобрѣвши степень кандидата, оставляютъ Университетъ и потомъ должны усовершать свои познанія при помощи домашнихъ скудныхъ средствъ, большею частію неудобоисполнимо. Слѣдствіемъ сего бываетъ съ одной стороны то, что вмѣсто основательныхъ и обширныхъ познаній, готовящіеся къ испытанію на степень магистра снискиваютъ только многія поверхностныя познанія въ разныхъ наукахъ, а такимъ образомъ стремленіе къ спеціальности въ познаніяхъ, которая одна можетъ доставить намъ людей истинно ученыхъ, не можетъ развиться и пустить глубокіе корни между нашимъ юношествомъ; съ другой стороны, если отъ испытуемаго на степень магистра со всею строгостію требуются въ нѣсколькихъ наукахъ такія познанія, какія онъ долженъ имѣть на основаніи положенія, то достиженіе этой степени и слѣдовательно также и степени доктора, становится едва для кого-нибудь возможнымъ, а такимъ образомъ при существованіи правила общаго устава россійскихъ университетовъ, что каѳедры ординарныхъ и экстра-ординарныхъ профессоровъ могутъ занимать въ нихъ только лица, имѣющія степень доктора, наши университеты лишаются возможности имѣть преподавателей...

Всего этого можно надѣяться достигнуть, когда испытаніе на степень магистра будетъ ограничено одною наукою, составляющею предметъ университетской каѳедры. Въ такомъ случаѣ, производя со всею строгостію испытаніе, можно будетъ принять за правило, что уже лица, имѣющія степень магистра по извѣстной наукѣ, могутъ быть ординарными или экстра-ординарными профессорами этой науки, такъ какъ, въ самомъ дѣлѣ, они будутъ имѣть въ ней такія свѣдѣнія, какихъ можно требовать отъ университетскаго профессора. Противъ сего нельзя указать на примѣръ германскихъ университетовъ, въ которыхъ только имѣющіе степень доктора могутъ быть профессорами. Въ Германіи по факультетамъ философскому и юридическому существуетъ только одна ученая степень доктора и она, по существу ея, равняется нашей степени кандидата; по крайней мѣрѣ пріобрѣтеніе ея, какъ извѣстно, едва-ли въ какомъ-нибудь университетѣ германскомъ требуетъ большихъ трудовъ, чѣмъ у насъ пріобрѣтеніе степени кандидата. Слѣдовательно, требуя степени магистра отъ желающихъ занять каѳедры ординарнаго или экстра-ординарнаго профессора въ университетѣ мы требуемъ въ существѣ вещи гораздо болѣе, чѣмъ требуется въ германскихъ университетахъ". Сообразно съ сказаннымъ, совѣтъ проэктировалъ между прочимъ: объемъ испытанія опредѣляется въ подробности программами, которыя имѣютъ быть утверждены министромъ народнаго просвѣщенія въ единообразномъ видѣ для производства испытаній во всѣхъ университетахъ. Но исторія и литература каждой изъ наукъ, входящихъ въ кругъ испытанія, составляютъ необходимую принадлежность испытанія. Преподаватели университетовъ, имѣющіе степень магистра могутъ быть удостоиваемы степени доктора за обработаніе извѣстной части преподаваемой ими науки и изданіе въ свѣтъ своего сочиненія. Тогда-же была составлена таблица разрядовъ магистровъ и докторовъ.

Но и этотъ новый пересмотръ пока не привелъ ни къ чему: положеніе 1837 г. еще разъ было удержано въ силѣ на два года.

Какіе результаты возникали изъ него въ дѣйствительной жизни Университета, показываютъ примѣры экзаменовъ, бывшихъ тогда; вся процедура пріобрѣтенія магистерской степени А. П. Ставровскимъ продолжалась два года слишкомъ (20 января 1840 г.—12-го февраля 1842 г.). Она потребовала, между прочимъ, 6 факультетскихъ засѣда-

ній. Докторизація А. Н. Тихомандрицкаго продолжалась отъ 2 декабря 1839 года по августъ 1841 года. Для нея факультетъ употребилъ 13 засѣданій (12 частныхъ и 1 публичное); самъ испытуемый выдержалъ 6 сеансовъ устныхъ и письменныхъ экзаменовъ; всѣхъ письменныхъ отвѣтовъ онъ написалъ 12; изъ нихъ нѣкоторые поражаютъ своимъ почтеннымъ объемомъ, внѣшнею отдѣлкою, снабжены формулами и чертежами. Магистрованіе Липовскаго (по уголовному праву съ ноября 1838 г. по іюнь 1839 г.) потребовало 9 факультетскихъ засѣданій; испытуемый разрѣшилъ устно и письменно 60 вопросовъ; въ письменныхъ отвѣтахъ его находимъ точныя ссылки на сводъ законовъ и почти буквальныя цитаты изъ авторовъ.

Въ теченіи 8-лѣтія 1834—1842 гг. число лицъ, пріобрѣтшихъ высшія ученыя степени магистровъ и докторовъ было слѣдующее:

Годы.	По I отдѣленію философск. фак.		По II отдѣленію философск. фак.		По юридическому факультету.	
	Магистровъ.	Докторовъ.	Магистровъ.	Докторовъ.	Магистровъ.	Докторовъ.
1834—35	—	—	—	—	—	—
1835—36	—	—	1	—	—	—
1836—37	—	—	—	—	—	—
1837—38	1	—	—	1	—	—
1838—39	—	—	—	—	—	—
1839—40	—	—	—	—	1	—
1840—41	—	—	—	1	—	1
1841—42	1	—	—	—	—	—
Итого	2	—	1	2	1	1

Такимъ образомъ за 8 лѣтъ степень магистра пріобрѣтена только 4-мя лицами, двумя на I-мъ отдѣленіи философскаго факультета и по одному на двухъ другихъ факультетахъ. Первымъ по времени магистромъ нашего Университета былъ К. Будзинскій по математикѣ. Въ числѣ прочихъ былъ А. И. Ставровскій, адъюнктъ Университета.

Докторскую степень пріобрѣли трое: по II отдѣленію философскаго факультета (Гречина и Александръ Тихомандрицкій) и 1 по юридическому факультету (Н. Д. Иванишевъ, который и былъ первымъ докторомъ Кіевскаго юридическаго факультета; одинъ изъ вопросовъ, предложенныхъ ему на докторскомъ экзаменѣ, носилъ слѣдующее оригинальное заглавіе: „существуетъ-ли дѣйствительно народное право?“).

Три года изъ этихъ 8-ми составляетъ совершенный пробѣлъ въ исторіи пріобрѣтенія высшихъ ученыхъ степеней, т. е. въ эти года никто не получилъ ни степени магистра, ни степени доктора.

Здѣсь одна изъ сильнѣйшихъ причинъ запустѣнія профессорскихъ каѳедръ.

Студенты. Намѣреніе очистить Университетъ отъ всѣхъ прежнихъ его слушателей, а потомъ отъ всѣхъ уроженцевъ западнаго края римско-католическаго вѣроисповѣданія заставляло думать, что впредь будутъ постановлены какія-либо особыя условія для вступленія въ этотъ Университетъ, будетъ опредѣленъ какой-либо особый raison d'être его. Между тѣмъ въ дѣйствительности, при новомъ открытіи Университета, не было въ этомъ отношеніи принято никакихъ ограничительныхъ условій; новые мѣстные люди получили прежній свободный доступъ. Не было принято никакихъ мѣръ для привлеченія русскихъ элементовъ въ составъ университетскихъ слушателей. Наоборотъ принято нѣсколько новыхъ мѣръ, затруднившихъ доступъ въ Университетъ вообще и для лицъ низшихъ классовъ (къ которымъ принадлежало именно русское населеніе юго-западнаго края) въ особенности. Еще прежде, именно въ октябрѣ 1837 г. совѣтъ Университета получилъ слѣдующее предложеніе Уварова: „начиная съ пріема студентовъ въ 1839 г. принимать въ Университетъ св. Владиміра студентами только тѣхъ, кои окончили свое образованіе въ гимназіяхъ“. Въ этомъ Уваровъ, очевидно, желалъ найти двойную гарантію отъ наплыва въ Университетъ съ одной стороны невѣжественной массы, а съ другой — элементовъ шаткихъ въ политическомъ отношеніи; тогда думали, что русская (государственная) гимназія переработаетъ молодые умы и съ этой стороны, или по крайней мѣрѣ сдѣлаетъ ихъ зрѣлѣе. Ни къ одному изъ прочихъ русскихъ университетовъ правило это не было примѣнено; въ нихъ продолжали принимать и лицъ, получив-

шихъ домашнее образованіе, и вышедшихъ изъ 6-го и даже 5-го класса гимназій, что подавало поводъ къ разнымъ административнымъ затрудненіямъ. И такъ пока приняты лишь двѣ отрицательныя мѣры: воспрещеніе обратнаго пріема студентовъ, уволенныхъ въ 1839 г. и воспрещеніе пріема лицъ, не окончившихъ курса въ гимназіяхъ. Но когда открылся пріемъ въ августѣ 1839 г., то тотчасъ-же началось отступленіе отъ обоихъ указанныхъ условій. Тотчасъ-же посыпались прошенія отъ лицъ, уволенныхъ въ 1839 году. Попечитель первый началъ отступленія отъ правилъ. Пошли ходатайства чрезъ Бибикова. Представленія попечителя, основанныя на такомъ ходатайствѣ генералъ-губернатора, принимались Уваровымъ въ уваженіе. Каждый разъ и о каждомъ изъ просителей слѣдовало особое распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія, иногда основанное на предварительныхъ справкахъ о просителѣ чрезъ окружное начальство; но все это сдѣлалось уже формальностію, лишь затруднявшею министерство. Отступленія отъ втораго и существеннѣйшаго условія, т. е. пріема только окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, также начались съ того-же 1839 года и исходили отъ попечителя. Открылись они пріемомъ „недоросля изъ дворянъ" Гол—на, сына Кіевскаго полиціймейстера. Помощникъ попечителя разрѣшилъ допустить его и другихъ, между прочимъ, П. А. Кулѣша. Но Уваровъ сначала вовсе не былъ расположенъ тотчасъ-же разрушать свои собственныя мѣры. Совѣтъ былъ увѣдомленъ, что министръ народнаго просвѣщенія не изъявилъ согласія на принятіе въ Университетъ св. Владиміра упомянутыхъ выше, не окончившихъ полнаго гимназическаго курса ученія; но попечитель дозволилъ имъ, если пожелаютъ, посѣщать лекціи Университета въ качествѣ вольныхъ слушателей. Однако такая стойкость и въ министерствѣ не была постоянною. Кромѣ Уварова былъ еще и Бибиковъ, который въ дѣлахъ юго-западнаго края считался компетентнѣе. Тотъ-же министръ народнаго просвѣщенія ровно черезъ мѣсяцъ увѣдомилъ, что, принимая во вниманіе ходатайство Кіевскаго военнаго, Подольскаго и Волынскаго генералъ-губернатора, онъ, министръ, разрѣшаетъ принять Г—на въ число студентовъ Университета св. Владиміра на своемъ иждивеніи. За однимъ отступленіемъ неизбѣжно послѣдовали и другія. 14 марта 1840 года Уваровъ испросилъ Высочайшее повелѣніе принять *на этотъ только годъ* въ число студентовъ Университета св. Владиміра не окон-

чившихъ полнаго гимназическаго курса, но оказавшихся по испытанію вполнѣ того достойными.

Обстоятельства, возникшія въ свою очередь изъ переворота 1839 года, заставляли дѣлать эти изъятія—обстоятельства весьма простыя, именно недостатокъ лицъ для пополненія контингента университетскихъ слушателей. Изъятія дѣлаемы были и въ слѣдующихъ годахъ для лицъ всякаго происхожденія и вѣроисповѣданія по представленіямъ попечителя и генералъ-губернатора.

Изъ 1-й Кіевской гимназіи, по особой ея привилегіи, предоставленной ей Уваровымъ, по ходатайству Брадке, въ 1838 г., могли поступать въ Университетъ безъ экзамена воспитанники ея, получившіе аттестатъ. Но аттестатъ могли получить въ ней лишь тѣ, которые учились во всѣхъ 4-хъ высшихъ классахъ ея. Между тѣмъ, гимназія, не обращая вниманія на это ограниченіе, выдавала аттестаты и тѣмъ изъ нихъ, которые учились лишь въ двухъ или трехъ высшихъ классахъ. Университетъ держался того мнѣнія, что такія лица не имѣютъ права на поступленіе въ Университетъ безъ экзамена, и какъ въ 1839, такъ и въ 1840 году обращался къ попечителю; но каждый разъ получалъ разрѣшеніе принять ихъ. Особыя заботы и хлопоты о наполненіи Университета св. Владиміра слушателями замѣтны во всѣ эти года. Директоръ училищъ Полтавской губерніи въ 1840 г. писалъ, что его воспитанники съ трудомъ рѣшаются ѣхать въ Кіевъ; „но мнѣ удалось убѣдить ихъ. Я обнадежилъ ихъ, что они найдутъ благосклонный пріемъ, покровительство и будутъ помѣщены на казенное содержаніе". Съ 1841 г. найдено было необходимымъ допустить къ пріему въ Университетъ окончившихъ курсъ ученія въ среднихъ и высшихъ отдѣленіяхъ семинарій, а равно и въ публичныхъ заведеніяхъ, уравненныхъ по росписи съ гимназіями.

Уже указанныя нормальныя условія поступленія въ Университетъ св. Владиміра, отличавшія его отъ всѣхъ прочихъ русскихъ университетовъ, понижали число лицъ, вступающихъ въ него. Но въ 1840 г. возникло новое обстоятельство, которое, не смотря на свою незначительность, могло повести къ сокращенію числа получающихъ высшее образованіе не только въ этомъ Университетѣ, но и въ цѣлой имперіи. Какъ извѣстно, ни одинъ университетскій уставъ не ставилъ вопроса, какого сословія, класса или состоянія люди могутъ пользоваться

благами высшаго образованія. Именно этотъ вопросъ и былъ поставленъ по винѣ Университета св. Владиміра. Въ августѣ 1840 г. Императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ Кіевъ; здѣсь между прочимъ онъ осматривалъ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ Университета, гдѣ были собраны и своекоштные. Извѣстно, что Государь придавалъ немаловажное значеніе внѣшнему виду служащихъ и учащихся. Въ Университетѣ св. Владиміра послѣ 1839 г. мало осталось уже сыновей богатыхъ фамилій мѣстной аристократіи; вмѣсто польскаго панства, Университетъ, хотя оставался преимущественно дворянскимъ, но началъ наполняться мелкимъ русскимъ личнымъ дворянствомъ и чиновничествомъ, и отчасти разночинцами, мѣщанами, козаками. Если и въ другихъ русскихъ университетахъ подобный-же составъ студентовъ былъ естественнымъ послѣдствіемъ старыхъ порядковъ (служебнаго характера русскаго дворянства), то въ Университетѣ св. Владиміра и нельзя было ни желать, ни ожидать чего-либо иного, если-бы пришлось противопоставить русскій элементъ польскому. Во всякомъ случаѣ новые студенты, представлявшіеся Государю въ 1840 г., отнюдь не были образцами изящества по одеждѣ, чистоплотности и умѣнью держать себя. Особенно-же поразилъ Императора одинъ угрюмый сынъ Черниговскихъ лѣсовъ, потупившійся и мрачно смотрѣвшій изъ подлобья. То были такъ сказать природныя его черты, но Государю показалось въ нихъ личное озлобленіе и протестующая оппозиція. Онъ освѣдомился, откуда этотъ человѣкъ и, узнавъ, что не полякъ, а черниговецъ, тѣмъ недовольнѣе остался внѣшностію студентовъ. Вскорѣ послѣ того прибылъ въ Кіевъ и гр. Уваровъ, который засталъ всю исторію на горячихъ слѣдахъ первыхъ впечатлѣній. Кн. Давыдовъ былъ не Брадке, онъ не въ состояніи былъ смягчить послѣдствія, вводя событіе въ его нормальные предѣлы. Онъ подалъ Уварову докладную записку и проэктъ мѣръ къ истребленію недостатка, замѣченнаго Государемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ приняты Уваровымъ и состояли въ слѣдующемъ: всѣ студенты безъ исключенія должны были упражняться въ искусствахъ танцованія, фехтованія и, по мѣрѣ удобства, гимнастики; для этого отдѣляется особая сумма изъ платы за слушаніе лекцій. Чтобы доставить студентамъ случай бывать въ хорошемъ обществѣ, какъ можно чаще, министръ разрѣшилъ попечителю завести въ залѣ института казеннокоштныхъ студентовъ, танцовальные и литера-

турные вечера, „которые, говоритъ Уваровъ, при содѣйствіи генералъ-губернатора и по приглашенію в. с—ва (кн. Давыдова) будетъ посѣщать все здѣшнее лучшее общество"; на это ассигновано также изъ платы за ученіе отъ 1000 до 1800 руб. сер. въ годъ.

Такими незначительными мѣрами и можно было ограничиться по поводу столь-же незначительнаго обстоятельства. Но дѣло пошло далѣе, именно изобрѣтаются мѣры къ тому, чтобы „устранить отъ поступленія въ Университетъ молодыхъ людей, не получившихъ въ домахъ бѣдныхъ и низкаго происхожденія родителей никакого *наружнаго образованія* и не вознаграждающихъ сей недостатокъ отличными способностями". Для этого во-первыхъ постановлено правило, чтобы прошенія о пріемѣ въ студенты подаваемы были лично попечителю, который всегда можетъ подъ благовиднымъ предлогомъ устранить отъ пріема людей, которые не выкупятъ недостатковъ наружнаго образованія отличными способностями, впрочемъ неиначе, какъ по совѣщанію съ ректоромъ; во всякомъ случаѣ мѣра эта должна быть принимаема съ крайней осмотрительностію. Во-вторыхъ совѣту Университета предложенъ вопросъ несравненно бо́льшей серьезности и важности, а именно: „что, при соблюденіи совершенной справедливости при пріемѣ студентовъ, необходимо нужно обращать нѣкоторое вниманіе какъ *на происхожденіе* молодыхъ людей, посвящающихъ себя высшимъ ученымъ занятіямъ, такъ и на открывающуюся передъ ними будущность. Если съ одной стороны просторное развитіе умственныхъ способностей приноситъ несомнѣнную пользу, то — съ другой это развитіе должно быть соразмѣряемо съ будущимъ назначеніемъ въ жизни гражданской". Какъ согласить это, какъ разрѣшить вѣчную проблему несоотвѣтствія духовныхъ и матеріальныхъ благъ въ этой земной жизни, Уваровъ не знаетъ; мысль его колеблется, дѣлается шаткою: „хотя, прибавляетъ онъ, по сему предмету трудно положить рѣшительную границу, постановить твердое правило"; но онъ настаиваетъ, что *можно* и *слѣдуетъ* руководствоваться соображеніемъ, что при возрастающемъ повсюду стремленіи къ образованію, *наступило время* пещись о томъ, чтобы чрезмѣрнымъ этимъ стремленіемъ къ высшимъ предметамъ ученія не поколебать нѣкоторымъ образомъ порядокъ гражданскихъ сословій, возбуждая въ юныхъ умахъ порывъ къ пріобрѣтенію роскошныхъ знаній, практическое при-

ложеніе коихъ впослѣдствіи весьма часто не подтверждается успѣхомъ, обманываетъ надежды недостаточныхъ родителей и мечтательное ожиданіе юношей". Въ декабрѣ того-же года Уваровъ изложилъ эти соображенія въ циркулярномъ предложеніи всѣмъ попечителямъ округовъ „о доставленіи образованія соотвѣтственно происхожденію", требуя отъ нихъ заключеній о мѣрахъ къ тому по соображенію мѣстныхъ обстоятельствъ. Во всемъ этомъ самая основная мысль страдаетъ внутреннимъ порокомъ; о чемъ идетъ рѣчь: о сословномъ происхожденіи, или матеріальномъ достаткѣ? Хотя не разъ упоминается здѣсь о происхожденіи, но, очевидно, разумѣется второе. И въ самомъ дѣлѣ дворянское происхожденіе отнюдь еще не ручается за матеріальный достатокъ и за хорошія манеры. Если-же дѣло идетъ о достаткѣ, то, при величайшемъ разнообразіи его въ жизни, какой масштабъ могъ быть принятъ для открытія доступа въ Университетъ? Мысль весьма непрактическая, не могущая, кромѣ неопредѣленныхъ фразъ, привести ни къ какой дѣйствительной мѣрѣ. Но особенно поражаетъ въ словахъ Уварова, что уже тогда настало время заботиться о сокращеніи числа лицъ, получающихъ высшее образованіе. Въ Россіи, гдѣ высшіе дворянскіе классы преданы были исключительно военной службѣ, и прежде и потомъ, всѣ прочія, такъ называемыя ученыя профессіи всегда доставались на долю разночинцевъ и дѣтей духовенства. Основательность своей мысли Уваровъ могъ-бы провѣрить тутъ-же на мѣстѣ въ Университетѣ св. Владиміра. Когда онъ самъ съ тою политическою мудростію, за которую исторія Россіи всегда помянетъ его добромъ, организовалъ изъ Университета св. Владиміра оплотъ русской цивилизаціи среди другой, ей чуждой, то обратился къ воспитанникамъ Сперанскаго, людямъ, которые происходили изъ духовнаго званія и потомъ въ качествѣ профессоровъ и правителей Университета внушали ему твердую увѣренность въ успѣхѣ его собственнаго дѣла и горячія похвалы во всеподданнѣйшихъ отчетахъ; о нихъ самъ Императоръ Николай въ 1835 году освѣдомлялся у Брадке и называлъ ихъ надеждою Россіи. И въ ту минуту, когда Уваровъ обращался въ совѣтъ Университета со своими мыслями о вредѣ роскошнаго образованія для плебеевъ, этотъ совѣтъ состоялъ изъ ректора Неволина, профессоровъ: Богородскаго, Иванишева, Орнатскаго, Ѳедотова-Чеховскаго, Ставровскаго, Тихомандрицкаго, Новицкаго, Авсенева,

Цвѣткова, которые всѣ происходили изъ духовнаго званія (а равно и недавно передъ тѣмъ уволенный Красовъ). Будущій преемникъ Неволина по должности ректора былъ изъ воспитанниковъ воспитательнаго дома. Остальная половина состояла изъ нѣмцевъ (изъ которыхъ одинъ былъ мѣщанскаго происхожденія, и въ молодости былъ сидѣльцемъ въ лавочкѣ, другой—сынъ пастора) и изъ поляковъ (это Фонбергъ, къ которому, по преданію, Императоръ Николай обратился съ вопросомъ: не родня-ли онъ извѣстнымъ фонъ-Бергамъ, но, получивъ прямодушный отвѣтъ: „нѣтъ, Ваше Величество, я—сынъ Виленскаго кузнеца", пожалъ ему руку въ знакъ своего державнаго уваженія). Съ выходомъ Максимовича, въ Университетѣ не осталось ни одного русскаго дворянина (по происхожденію) между профессорами. И вотъ, этотъ Университетъ долженъ былъ выслушать отъ гр. Уварова о пагубности такого порядка вещей и изобрѣсти мѣры къ его отвращенію. Угадать-же на пріемныхъ экзаменахъ тѣ высокія дарованія, которыя могутъ изгладить порокъ происхожденія, разумѣется, было трудно.

Къ счастію странная мысль, навѣянная ничтожнымъ событіемъ, не имѣла пока дальнѣйшихъ послѣдствій. Кромѣ уроковъ танцевъ и фехтованія (большею частію комическихъ), удержалась только одна мѣра, именно—подача прошеній о пріемѣ въ студенты лично попечителю. Срокъ подачи прошеній назначался съ 1-го іюля по 1-е августа, а самый пріемъ, т. е. производство пріемныхъ экзаменовъ начиналось съ 22 іюля.

Такъ какъ при новомъ открытіи Университета въ 1839 г. изъявило желаніе поступить въ него только 53 человѣка, то браковать вступающихъ было невозможно; экзамены, очевидно, произведены были весьма снисходительно, что́ видно изъ того, что удостоены пріема и вышедшіе изъ 5-го класса и притомъ люди безграмотные, а равно и изъ того, что забраковано на экзаменѣ только 8 человѣкъ (принято 45). Въ 1840 году заявило желаніе поступить въ Университетъ св. Владиміра уже большее число молодыхъ людей, именно—всего 75. Изъ гимназій самое большее количество ихъ дала вторая Кіевская (14), затѣмъ Винницкая (13). Изъ Черниговской, Полтавской и Новгородъ-Сѣверской гимназій вмѣстѣ прибыло 13 человѣкъ. По нѣскольку воспитанниковъ дали отдаленныя гимназіи другихъ округовъ: Витебская (1), Могилевская (3), Херсонская (2), Кишиневская (1). Вообще числен-

ность поступающихъ изъ гимназій и другихъ училищъ праваго берега Днѣпра превышала въ значительной степени число поступающихъ изъ училищъ лѣваго берега. Духовныя семинаріи (Кіевская, Волынская, Подольская и Полтавская) дали вмѣстѣ 7 воспитанниковъ. Безъ экзамена изъ 1-й Кіевской гимназіи принято 19. Экзаменъ въ этомъ году произведенъ былъ съ большею разборчивостію, чѣмъ въ предыдущемъ: 16 человѣкъ не выдержали испытанія (получивши въ среднемъ выводѣ менѣе 3-хъ, или по двумъ предметамъ по единицѣ). Въ 1841 году всѣхъ изъявившихъ желаніе поступить въ Университетъ было 99; изъ нихъ 24 не удостоены пріема. Сверхъ того безъ экзамена изъ 1-й гимназіи поступилъ 31 воспитанникъ. На 1-й курсъ медицинскаго факультета заявило желаніе поступить 14 человѣкъ. Это—первые по времени медики нашего Университета.

Экзаменъ производился по „вопросамъ“ (программамъ, составленнымъ факультетами и довольно часто мѣнявшимся). Экзаменовали тогда изъ закона Божія, русской словесности, логики, латинскаго языка (для нѣкоторыхъ и греческаго), нѣмецкаго и французскаго языковъ (оба языка были обязательны), географіи и статистики, исторіи, физики и математики. Наиболѣе слабыми оказывались успѣхи въ двухъ послѣднихъ предметахъ, да еще въ латинскомъ языкѣ (если, впрочемъ, это не зависѣло отъ различія требованій со стороны самихъ экзаменаторовъ). Испытанія по всѣмъ предметамъ были письменныя. Экзаменаціонная коммиссія дѣлилась на комитеты. Экзаменъ оканчивался около 20-го августа. Впрочемъ пріемъ прошеній продолжался и въ сентябрѣ, а въ началѣ октября было дополнительное испытаніе. Выдержавшіе неудовлетворительно по какому-либо предмету, но по общей суммѣ баловъ принятые въ Университетъ, должны были записываться на тѣ факультеты, гдѣ предметъ, по которому получена неудовлетворительная отмѣтка, не есть главный; получившій слабую отмѣтку по математикѣ не могъ поступить, хотя-бы и желалъ, на II-е отдѣленіе философскаго факультета; его записывали на юридическій факультетъ. Такіе студенты иногда подавали прошеніе попечителю и, съ его разрѣшенія, получали повторительное испытаніе изъ одного предмета.

Въ 1841 году истекъ четырехгодичный срокъ, на который утверждены были министромъ (въ январѣ 1837 г.) въ видѣ опыта правила испытанія для желающихъ поступить въ университеты; Уваровъ пред-

ложилъ университетамъ доставить свѣдѣнія, не признано-ли нужнымъ по опыту сдѣлать какія-либо измѣненія или дополненія въ этихъ правилахъ. Недоумѣній и неудобствъ истекающихъ изъ этихъ правилъ было множество; совѣтъ Университета св. Владиміра ревностно занялся пересмотромъ ихъ и составилъ подробныя предположенія о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя вызываемы были особымъ положеніемъ Университета св. Владиміра. А именно совѣтъ останавливалъ свое вниманіе на вопросѣ о правѣ перехода въ Университетъ св. Владиміра студентовъ другихъ университетовъ, куда они могли поступить и не окончивши курса въ гимназіи. Въ совѣтѣ возникло разногласіе по вопросу о правѣ поступать въ Университетъ св. Владиміра безъ экзамена. Случалось, что ученики 1-й Кіевской гимназіи, вслѣдствіе права, имъ предоставленнаго, вступать въ Университетъ св. Владиміра безъ испытанія, вступивши въ Университетъ, потомъ черезъ нѣсколько недѣль или даже дней, тотчасъ оставляли его для того, чтобы потомъ поступить безъ испытанія въ другой университетъ. Совѣтъ Университета св. Владиміра полагалъ справедливымъ, чтобы лица, поступившія въ Университетъ безъ испытанія, не прежде могли перейти въ другой университетъ, какъ перешедши въ Университетѣ св. Владиміра по крайней мѣрѣ на 2-й курсъ. Богородскій, бывшій въ то-же время директоромъ 2-й гимназіи, заявилъ тогда особое мнѣніе, что пріемъ учениковъ гимназіи въ Университетъ безъ экзамена слѣдуетъ распространить и на 2-ю гимназію, или правильнѣе соединить окончательныя испытанія учениковъ гимназіи съ пріемными въ Университетъ.

Далѣе совѣтъ Университета св. Владиміра полагалъ, что знающіе греческій и латинскій языки имѣютъ право ограничиться испытаніемъ въ одномъ только изъ новѣйшихъ языковъ; особенно желательно, чтобы поступающіе въ I-е отдѣленіе философскаго факультета знали въ извѣстной степени греческій языкъ, и опредѣленная степень познаній въ немъ, безъ сомнѣнія, по достоинству равняется такой-же степени познаній въ одномъ изъ новѣйшихъ языковъ. Затѣмъ, по мнѣнію совѣта, испытаніе должно быть во всѣхъ предметахъ изустное, съ допущеніемъ объясненій, въ случаѣ надобности, на доскѣ; сверхъ того испытываемый въ россійской словесности долженъ написать на русскомъ языкѣ сочиненіе на заданную тему. Но трудъ совѣта пока оказался напраснымъ. Министръ народнаго просвѣщенія, 19-го

марта 1842 года, предложилъ къ употребленію совѣту Университета св. Владиміра тѣ-же самыя правила испытанія для желающихъ поступить въ Университетъ, утвержденныя въ 1837 г. для опыта, не найдя никакихъ важныхъ неудобствъ въ примѣненіи ихъ къ дѣлу и на будущее время въ продолженіи еще 4-хъ лѣтъ. Но съ новымъ уставомъ Университета св. Владиміра,—уставомъ, который вышелъ въ томъ-же году (черезъ 4 мѣсяца), многое должно было измѣниться и въ этомъ отношеніи.

Мы уже знаемъ, что общее число студентовъ, уцѣлѣвшихъ отъ разсортировки 1839 года, было 58 (къ 1 августа) и что это были въ большинствѣ русскіе, за исключеніемъ весьма незначительнаго количества лицъ другихъ національностей и другихъ вѣроисповѣданій. Университетъ уже въ первый мѣсяцъ своего новаго бытія заключалъ въ себѣ 103 слушателя. Но когда затѣмъ начали обратно принимать уволенныхъ въ 1839 году, то въ сентябрѣ число прежнихъ студентовъ возрасло до 83, а общее число всѣхъ студентовъ дошло до 125. Они распредѣлялись по факультетамъ такъ: на I отдѣленіи философскаго факультета—23, на II отдѣленіи того-же факультета—29, на юридическомъ факультетѣ—73. Такой составъ слушателей нѣсколько измѣнился къ марту 1840 г., т. е. къ концу того-же учебнаго года. Общее число учащихся понизилось: тогда всѣхъ студентовъ было уже только 113 (и слушателей 3). Изъ нихъ на I отдѣленіи философскаго факультета — 20; на II отдѣленіи философскаго факультета—28, на юридическомъ факультетѣ—65. (Изъ слушателей на I отдѣленіи философскаго факультета былъ одинъ — Кулѣшъ, а на юридическомъ факультетѣ—2). Это число по курсамъ распредѣлялось весьма не равномѣрно. На 4-мъ курсѣ было вообще поразительно мало студентовъ; именно на I отдѣленіи философскаго факультета всего *одинъ*, на II отдѣленіи того-же факультета—5, на юридическомъ факультетѣ—12. Здѣсь очевидны послѣдствія переворота 1839 г. Но значительный перевѣсъ числа студентовъ на 1-мъ курсѣ давалъ Университету основательную надежду на дальнѣйшее развитіе числа его слушателей въ будущемъ, не смотря на то, что лица польскаго происхожденія уже не охотно шли въ этотъ Университетъ. Послѣ пріема студентовъ въ августѣ 1840 года, общее число ихъ дошло до 173, въ слѣдующемъ затѣмъ году общее число осталось почти на томъ-же уровнѣ, а именно

къ началу 1841 г. было всѣхъ студентовъ—176. Изъ нихъ на I отдѣленіи философскаго факультета—34, на II отдѣленіи того-же факультета—43, на юридическомъ факультетѣ—99, на казенномъ содержаніи—36; своекоштныхъ—140. Въ теченіи года общее число возвысилось до 223. Итакъ въ три года, слѣдовавшихъ за 1839 г. число студентовъ не могло подняться до того числа, какое было въ 1838 г. (хотя превысило то, какое образовалось въ 3 года послѣ перваго открытія Университета; въ 1836 году было 203 студента). На это вліяли двѣ причины: опасенія мѣстнаго польскаго населенія, вызванныя событіями 1839 г. и новыя условія пріема только окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ (хотя примѣнявшіяся не безъ исключеній). Первою изъ этихъ двухъ причинъ изъясняется, почему въ эти года число православныхъ еще превышаетъ цифру католиковъ. Именно студентовъ римско-католическаго вѣроисповѣданія было въ 1839 году только —37 (на общее число 125). Послѣ пріема въ августѣ 1840 г. католиковъ было уже 59 (на общее число студентовъ 173), т. е. они составили около $^1/_3$. Хотя и въ слѣдующіе года польско-католическій элементъ слушателей постепенно возвышался (въ 1841 г.—99 на общее число 223); но во всякомъ случаѣ до 1842 г. не превосходилъ еще половины всѣхъ студентовъ. Къ такому перевѣсу элемента русскаго содѣйствовали нѣкоторыя общія въ имперіи событія. Съ новымъ открытіемъ Университета св. Владиміра совпало общее присоединеніе уніатовъ къ православной церкви въ сѣверо-западной и юго-западной Россіи. Хотя наличное число уніатовъ въ Университетѣ было не велико: но въ будущемъ прежняя уніатская часть населенія западнаго края могла дать Университету элементъ почти равночисленный католическому; сразу образовалась огромная масса интеллигентнаго класса, которая, будучи мѣстною, становилась уже русскою. Въ эпоху присоединенія, инспекторъ былъ въ затрудненіи, какъ поступить со студентами-уніатами; въ ноябрѣ 1839 г. онъ просилъ разрѣшенія попечителя, слѣдуетъ-ли ему объявить студентамъ греко-уніатскаго вѣроисповѣданія, чтобы они приняли молитвы отъ настоятеля университетской церкви, или ожидать на то особеннаго распоряженія; попечитель приказалъ объявить, что никакого особеннаго обряда надъ уніатами, присоединяемыми къ православной церкви, совершать не слѣдуетъ. Присоединеніе уніатовъ подавало поводъ въ совѣтѣ къ вопро-

самъ болѣе сложнымъ. Въ апрѣлѣ 1840 г. Неволинъ по случаю одного дѣла въ совѣтѣ о студентѣ Коцюбинскомъ, отнесся къ И. М. Скворцову съ такимъ вопросомъ: какого долженъ быть вѣроисповѣданія крещенный уніатскимъ священникомъ, но имѣющій отца римско-католическаго вѣроисповѣданія? Профес. Скворцовъ изъяснилъ, что крещеніе есть новое рожденіе и дѣлаетъ насъ сынами той церкви, въ которой оно совершено, и полагалъ, что крещенный греко-уніатскимъ священникомъ долженъ принадлежать къ той церкви, съ которою соединена бывшая уніатская церковь. Началась переписка (отчасти полемическаго характера) съ православною и католическою духовными консисторіями. Коц—скій, о религіозной судьбѣ котораго спорили эти вѣдомства, оставался лицомъ совершенно пассивнымъ, пока наконецъ не былъ утвержденъ въ своемъ званіи католика, благодаря церковному правосудію митроп. Филарета, который въ этомъ случаѣ обнаружилъ полное безпристрастіе. По другому поводу (именно объ ученикѣ Житомірскаго училища), онъ далъ такую резолюцію: „Какъ означенный ученикъ крещенъ въ римскомъ костелѣ и рожденъ отъ родителей римскаго исповѣданія, священникъ-же, крестившій его, не былъ еще присоединенъ къ православной церкви, то и крещенный имъ не принадлежитъ къ ней“. На этомъ основаніи и совѣтъ Университета прекратилъ дѣло о Коц—скомъ.

Западный край заключаетъ въ себѣ, кромѣ католическаго и православнаго, еще одинъ весьма сильный этнографическій элементъ, который тотчасъ-же могъ наполнить стѣны Университета; это—еврейское населеніе. При самомъ основаніи Университета вопросъ о немъ былъ упущенъ изъ виду, или, быть можетъ, намѣренно игнорированъ. Послѣ переворота 1839 г. въ Университетѣ не было ниодного еврея по вѣроисповѣданію. Хотя съ 1840 года начинается приливъ въ Университетъ евреевъ, но еще въ весьма незначительныхъ размѣрахъ (въ 1841 г. было 2 еврея).

Самый вопросъ о правѣ евреевъ получать высшее образованіе въ русскихъ университетахъ и пріобрѣтать ученыя степени до того времени не былъ еще рѣшенъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. 22 февраля 1840 года Уваровъ увѣдомилъ Кіевскаго попечителя, что онъ представлялъ правительствующему сенату: слѣдуетъ-ли выдавать дипломы евреямъ (какъ русскимъ подданнымъ, такъ и иностраннымъ),

въ случаѣ удостоенія ихъ ученыхъ степеней, и представлять ихъ къ исключенію изъ подушнаго оклада? Сенатъ (указомъ отъ 1 февраля) далъ знать, что евреи — русскіе подданные. получившіе по экзамену ученыя и медицинскія степени, должны быть снабжаемы установленными на то дипломами (по предварительномъ испрошеніи у сената исключенія ихъ изъ оклада); что-же касается до иностранныхъ евреевъ, то ихъ не слѣдуетъ допускать ни къ слушанію лекцій, ни къ экзамену для полученія ученыхъ и медицинскихъ степеней, такъ какъ имъ (893-ю ст. IX т. св. зак.) запрещено переселяться въ Россію и вступать въ россійское подданство.

9 октября 1840 г. попечитель Кіевскаго учебнаго округа представилъ въ министерство: слѣдуетъ-ли допускать въ учебныя заведенія имперіи евревъ — уроженцевъ Царства Польскаго? Министерство народнаго просвѣщенія сдѣлало представленіе о томъ въ сенатъ. Такъ какъ оттуда долго не получалось разрѣшенія, то министръ увѣдомилъ объ этомъ замедленіи попечителя, присоединивъ, что до полученія разрѣшенія сената, нельзя принимать такихъ евревъ въ Университетъ св. Владиміра. На этомъ основаніи попечитель предложилъ совѣту—находившихся уже въ Университетѣ евреевъ — уроженцевъ Царства Польскаго уволить тотчасъ-же изъ Университета.

Можно было ожидать, что съ пониженіемъ польскаго элемента въ составѣ слушателей, обнаружится перестановка и въ сословномъ составѣ ихъ, что на видъ выступятъ русскіе низшіе классы народа юго-западнаго края. На дѣлѣ оказалось не то: Университетъ по прежнему остался преимущественно дворянскимъ; не смотря на нѣкоторое возвышеніе процента лицъ городскаго и духовнаго состояній, все-таки значительное большинство студентовъ происходитъ изъ дворянъ потомственныхъ и личныхъ; напр. къ августу 1840 г. (до новаго пріема) изъ общаго числа студентовъ 113, дворянъ потомственныхъ и личныхъ было 87, купцовъ и мѣщанъ—14, духовнаго званія—7. Лишь остальные 5 происходили изъ сельскихъ состояній (одинъ изъ нихъ вольноотпущенный). Опасенія, что Университетъ наполнится податными классами, очевидно, не имѣли фактическихъ основаній.

Но происхожденіе не было гарантіею отъ бѣдности: процентъ казеннокоштныхъ послѣ 1839 г. усилился: въ 1839 г. ихъ было 29 (на общее число 125, т. е. $^1/_4$ часть); въ 1840 г.—33 (на общее число

173); въ 1841 г.—55 (на 223). Въ 1840 г. цѣлый 2-й курсъ II-го отдѣленія философскаго факультета состоялъ изъ казеннокоштныхъ.

Для уясненія всѣхъ этихъ выводовъ представляемъ слѣдующую таблицу состава слушателей 1839—1841 г.

Годы.	Общее число.	По вѣроисповѣданію.				По мѣсту образован.		По факультетамъ.				По способу содержан.	
		Православныхъ.	Католиковъ.	Лютеранъ и протест.	Евреевъ.	Гимназистовъ.	Домашняго образов.	I-го отдѣл. филос. фак.	II-го отдѣл. филос. фак.	Юридическ. факульт.	Медицинск. факульт.	Казеннокоштныхъ.	Своекоштныхъ.
1839	125	85	37	1	1	123	2	23	29	73	—	29	96
1840	173	106	59	8	—	167	6	31	43	140	—	33	140
1841	223	112	99	10	2	215	8	40	58	96	29	55	168

То немногочисленное количество студентовъ, которое имѣлъ тогда Университетъ, далеко не было устойчивымъ и такъ сказать прикрѣпленнымъ къ нему. Прежде поступала въ него значительная масса молодыхъ людей изъ богатыхъ польскихъ фамилій; для нихъ не открывалось ни надобности, ни приманки переходить въ другіе университеты, такъ какъ здѣсь они были дома и составляли большинство; средства-же ихъ позволяли имъ продолжать свой курсъ до конца, хотя-бы этотъ конецъ и затянулся. Теперь приходилось главнымъ образомъ получать слушателей изъ русскихъ, т. е. изъ разночинцевъ, личныхъ дворянъ, духовенства, и изъ людей не только не богатыхъ, но иногда ничего не имущихъ. Они искали не только дароваго обученія, но и правительственной помощи при самомъ образованіи. Опять, какъ и въ XVIII в., приходилось дѣло образованія тѣснѣйшимъ образомъ сливать съ благотворительностію; мы уже упоминали, что въ 1839—1840 г. $^1/_4$ студентовъ была на казенномъ содержаніи. Какъ разъ въ это время введена была плата за слушаніе лекцій (о чемъ скажемъ сейчасъ).

Во всемъ этомъ было достаточно причинъ для того явленія, что при незначительномъ общемъ числѣ студентовъ, поражаетъ относительно крупная цифра ежегодныхъ просьбъ объ увольненіи изъ Университета, частію для поступленія на службу, частію для перехода

въ другіе университеты (преимущественно Петербургскій), частію по разстроенному здоровью и домашнимъ обстоятельствамъ, а главнымъ образомъ по недостатку средствъ, когда кому-либо было отказано въ принятіи на казенное содержаніе. За годъ съ небольшимъ (съ февраля 1841 г. по апрѣль 1842 г.) было подано 30 прошеній объ увольненіи. А это составляетъ почти 7-ю часть всего тогдашняго состава университетскихъ слушателей (къ этому надо присоединить еще исключенныхъ, которыхъ въ этотъ краткій промежутокъ было 5 и одинъ—Лук—чъ застрѣлился).

Къ указаннымъ причинамъ такого усиленнаго бѣгства изъ Университета, слѣдуетъ присоединить еще увеличеніе серьезности требованій отъ учащихся послѣ 1839 года какъ въ учебномъ, такъ и въ правонаблюдательномъ отношеніи, а равно и внутреннюю неустойчивость мѣстныхъ русскихъ элементовъ, которые еще никакъ не могли отыскать себѣ постояннаго умственнаго центра. Въ доказательство приведемъ одинъ примѣръ *).

Мы сейчасъ упомянули о платѣ за слушаніе лекцій. Хотя первоначальная и видимая цѣль установленія ея была благотворительная (именно эта мѣра направлена Уваровымъ для пріобрѣтенія средствъ на улучшеніе быта бѣднѣйшихъ студентовъ), но впослѣдствіи самъ-же Уваровъ изъяснилъ и другую отдаленнѣйшую цѣль ея установленія, именно туже, къ какой были направлены одновременныя мѣры, принятыя послѣ посѣщенія Кіева Императоромъ Николаемъ въ 1840 году.

---

*) 31-го декабря 1840 года было выдано увольнительное свидѣтельство дворянину Пантелеймону Александровичу Кулѣшу, а въ немъ изложены такія обстоятельства: „изъявивъ въ 1839 г. желаніе поступить въ Университетъ св. Владиміра съ разрѣшенія попечителя Кіевскаго учебнаго округа, Кулѣшъ былъ допущенъ къ пріемному испытанію, по выдержаніи котораго слушалъ лекціи *І-го отдѣленія философскаго факультета;* но какъ онъ не предъявилъ свидѣтельства объ окончаніи имъ гимназическаго курса наукъ, то въ число студентовъ сего Университета принятъ не былъ, на годичныя испытанія въ 1839—40 учебномъ году не являлся; *26 августа 1840 г.* по прошенію былъ уволенъ изъ вѣдомства сего Университета. Послѣ того, согласно его прошенію, съ разрѣшенія попечителя, принятъ былъ снова въ Университетъ св. Владиміра *по юридическому факультету. 31-го же декабря* 1840 года вслѣдствіе поданнаго имъ прошенія, въ которомъ изъявилъ желаніе поступить *въ корпусъ инженеровъ* путей сообщенія, уволенъ вторично изъ вѣдомства Университета св. Владиміра; поведенія онъ, Кулѣшъ, былъ хорошаго“ и т. д.

21 марта 1839 г. было Высочайше утверждено положеніе комитета министровъ, по которому былъ установленъ въ Петербургскомъ университетѣ денежный сборъ съ своекоштныхъ студентовъ и вольныхъ слушателей, за исключеніемъ тѣхъ, которые представятъ удостовѣреніе о недостаточномъ ихъ состояніи. При этомъ министерству народнаго просвѣщенія было дозволено, когда оно признаетъ полезнымъ, распространить эту мѣру и на прочіе университеты, кромѣ Дерптскаго, имѣвшаго и имѣющаго особыя по этому предмету правила. Опредѣленіе какъ количества платы (не свыше однакожъ ста рублей ассигнаціями въ годъ съ каждаго), такъ и порядка сбора и употребленія собранной суммы предоставлено министерству по сношенію его съ попечителями учебныхъ округовъ. На этомъ основаніи Уваровъ октября 10-го того-же 1839 года постановилъ слѣдующія правила: своекоштные студенты и вольные слушатели платятъ въ университетахъ: Петербургскомъ по 100 руб. ассигнаціями (28 руб. $57^1/_7$ коп. сереб.), Харьковскомъ и Казанскомъ по 50 руб. ассигнаціями (14 руб. $28^1/_7$ коп. сереб.) въ годъ (въ университетахъ Московскомъ и св. Владиміра тогда еще только предполагалось ввести подобную плату современемъ). Отъ платы освобождаются по прошеніямъ: а) тѣ изъ студентовъ и вольныхъ слушателей, которые представятъ надлежащія удостовѣренія мѣстнаго начальства о недостаточномъ состояніи и б) сыновья служащихъ въ тѣхъ-же университетахъ преподавателей и чиновниковъ; сверхъ того воспитываемые приказами общественнаго призрѣнія, воспитательными домами и вообще благотворительными обществами. Взносъ платы производится по полугодно впередъ. Исправность взноса обезпечивается лишеніемъ студентовъ и вольныхъ слушателей, не уплатившихъ въ срокъ опредѣленной суммы, права слушать университетскія лекціи. Собранная сумма опредѣляется: а) на вспоможеніе бѣднѣйшимъ изъ своекоштныхъ студентовъ какъ въ продолженіе, такъ и при окончаніи курса, б) на выдачу отличнѣйшимъ изъ своекоштныхъ студентовъ недостаточнаго состоянія пособія для дальнѣйшаго усовершенствованія по окончаніи ими университетскаго курса; в) въ случаѣ недостатка штатныхъ и экономическихъ суммъ на необходимые расходы по содержанію университетовъ. Черезъ годъ по введеніи платы за слушаніе лекцій въ университетахъ Петербургскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ, она введена была и въ Университетѣ св. Владиміра. 31-го

января 1840 г. министерство народнаго просвѣщенія увѣдомило, что оно признало, по совѣщаніи съ попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа, полезнымъ ввести сборъ платы съ своекоштныхъ студентовъ и вольныхъ слушателей Университета св. Владиміра. Въ этомъ Университетѣ положено тогда съ каждаго своекоштнаго студента и слушателя взимать ровно по 14 руб. серебр. въ годъ, начиная съ 1840—41 учебнаго года *). Неизвѣстно, что побудило ускорить введеніе платы въ Университетѣ св. Владиміра, между тѣмъ какъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ сосредоточивались болѣе состоятельные слушатели, плата тогда не была еще введена.

Гр. Уваровъ хотѣлъ сдѣлать это нововведеніе какъ можно менѣе тягостнымъ. И дѣйствительно изъ тѣхъ временъ не дошло никакихъ жалобъ на эту мѣру.

Съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе опредѣлялись подробности этой мѣры; отмѣтимъ здѣсь-же существеннѣйшія изъ нихъ, чтобы не возвращаться къ нимъ потомъ, до того времени, когда вопросъ объ употребленіи денегъ, собранныхъ за слушаніе лекцій, сдѣлается однимъ изъ насущныхъ вопросовъ университетской жизни.

1845 г. іюня 11-го Уваровъ представилъ Государю докладъ о возвышеніи платы за право обученія. Въ немъ онъ излагаетъ исторію этой платы въ слѣдующихъ чертахъ. Сборъ такой платы установленъ первоначально въ 1817 году (но мы знаемъ, что это постановленіе не простиралось на университеты). По послѣднимъ же утвержденнымъ положеніямъ студенты платятъ въ Москвѣ и Петербургѣ по 28 руб. 57 коп. сер., а въ Харьковѣ, Кіевѣ и Казани по 14 р. 28 коп. (въ Кіевѣ ровно 14 р.); гимназисты въ столицахъ отъ 17 до 11 р., въ прочихъ губерніяхъ отъ 5 до 3 руб. сер. Училища уѣздныя и приходскія вовсе изъяты отъ платы. По словамъ Уварова, такая плата съ студентовъ и учениковъ гимназій—слишкомъ незначительна; между тѣмъ этотъ сборъ составляетъ исключительный источникъ для усиленія экономическихъ суммъ учебныхъ заведеній. Сверхъ того гр. Уваровъ полагаетъ, что въ высшихъ и среднихъ заведеніяхъ замѣчается очевидно умножающійся приливъ молодыхъ людей, отчасти рожденныхъ въ низшихъ слояхъ общества, *для которыхъ высшее образованіе безполезно,*

*) См. Сборн. распор. по мин. нар. просв. т. II. № 386.

составляя лишнюю роскошь и выводя ихъ изъ круга первобытнаго состоянія безъ выгоды для нихъ и государства. Все это онъ говоритъ, какъ „по собственному убѣжденію", такъ и „по предварительному соизволенію Государя". Мы видѣли уже въ своемъ мѣстѣ, что эта мысль выражена въ первый разъ въ слѣдствіе посѣщенія Государемъ Николаемъ Павловичемъ Кіевскаго университета; до того времени Уваровъ нигдѣ ея не высказывалъ. Какъ-бы то ни было, но „не столько для усиленія экономическихъ суммъ учебныхъ заведеній, сколько для удержанія стремленія юношества къ образованію въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій", Уваровъ рѣшился возвысить сборъ платы съ учащихся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

По его проэкту, въ университетахъ своекоштные студенты должны платить: въ Петербургѣ и Москвѣ по 40 руб. сереб., въ Харьковѣ, Казани и Кіевѣ—по 20 руб.; въ лицеяхъ—по 15 руб., въ гимназіяхъ столичныхъ ученики должны вносить по 20 руб. серебр., въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ, въ томъ числѣ 1-й Кіевской—по 17 руб., а въ прочихъ—по 5 руб. сер.

Государь измѣнилъ эти цифры, назначивъ въ столичныхъ университетахъ плату по 50 руб., въ прочихъ—по 40 р., въ лицеяхъ—по 30 р., въ столичныхъ гимназіяхъ столько-же. Вообще на проэктѣ Уварова Императоръ Николай написалъ: „совершенно справедливо, но прибавить, какъ мной отмѣчено. При томъ надо сообразить, нѣтъ-ли способовъ затруднить доступъ въ гимназіи для разночинцевъ". Въ исполненіе этой послѣдней воли министръ, уже черезъ 5 дней, представилъ новый докладъ о мѣрахъ къ затрудненію прилива учащихся въ гимназіяхъ. Сказавъ, что по этому предмету уже приняты министерствомъ мѣры рѣшительныя (3-го іюня того-же года уже внесена была въ комитетъ министровъ записка о средствахъ устранить отъ гимназій дѣтей купцовъ, мѣщанъ и другихъ податнаго состоянія) и что вообще онъ—министръ постоянно имѣетъ въ виду цѣль, указанную Государемъ, но изъ осторожности предпочитаетъ дробить средства ея достиженія,—Уваровъ возвращается опять къ возвышенію платы, именно рѣшается представить Государю, что назначенное имъ значительное увеличеніе этой платы можетъ затруднить министерству способы удержать за публичнымъ воспитаніемъ въ его заведеніяхъ перевѣсъ надъ

воспитаніемъ домашнимъ и частнымъ. Хотя, говоритъ Уваровъ, онъ въ продолженіи 12 лѣтъ своего управленія министерствомъ усиленными стараніями утверждалъ этотъ перевѣсъ общественнаго образованія въ имперіи (но еще не въ Царствѣ Польскомъ), однако *для юго-западнаго края имперіи* это обстоятельство возбуждаетъ еще его опасенія. „Доселѣ всѣ привыкли къ мысли, что у насъ образованіе народное есть великодушный даръ щедраго правительства".

Въ виду этихъ опасеній, особенно за юго-западный край, Уваровъ испрашивалъ у Государя дозволенія отложить еще на 5 лѣтъ бóльшее увеличеніе платы (возвысивъ ее теперь-же на столько, на сколько онъ—Уваровъ проэктировалъ въ первомъ докладѣ), а черезъ 5 лѣтъ ввести высшую норму, указанную Государемъ. Но Государь надписалъ: „согласенъ на три года" *). Когда этотъ трехлѣтній срокъ истекъ, то плата и была возвышена до цифръ, назначенныхъ Государемъ **).

Что касается до частныхъ вопросовъ, то въ приведенныхъ правилахъ между прочимъ сказано, что отъ платы безусловно освобождаются сыновья преподавателей и чиновниковъ Университета. Въ 1842 г. возникъ вопросъ о правѣ на эту льготу сыновей *бывшихъ* профессоровъ, по поводу сына профес. Бессера, и рѣшенъ утвердительно.

19-го декабря 1841 г. состоялись дополнительныя правила о провѣркѣ свидѣтельствъ о несостоятельности. Въ нихъ, между прочимъ, предписывалось: учебному начальству вмѣняется въ обязанность, въ случаѣ какихъ-либо сомнѣній при освобожденіи учащихся въ университетахъ отъ взноса установленной платы, и въ особенности при назначеніи пособій, не основываться на однихъ представленныхъ студентами свидѣтельствахъ о недостаточномъ состояніи, но принимать въ соображеніе образъ ихъ жизни, т. е. издержки, дѣлаемыя ими на наемъ квартиры, столъ, одежду и проч. и если-бы обнаружилось, что студентъ, отказавъ себѣ въ нѣкоторыхъ прихотяхъ, можетъ сберечь не менѣе опредѣленной ко взносу суммы, то отъ таковаго требовать установленной платы. Тогда-же оберъ-прокуроръ св. синода отозвался, что *не считаетъ удобнымъ распространить правила о платѣ за слу-*

---

*) Собр. постановл. по мин. нар. просв. т. II, отд. II, №№ 935 и 936.

**) Ibid. № 1082.

шаніе лекцій на студентовъ изъ духовнаго званія, тѣмъ болѣе, что большая часть ихъ по ограниченности способовъ, получаемыхъ ихъ родителями и родственниками, не могутъ имѣть никакого состоянія.

Эта послѣдняя, весьма неопредѣленная фраза поставила Университетъ св. Владиміра въ затрудненіе: слѣдуетъ-ли освобождать всѣхъ студентовъ, происходящихъ изъ духовнаго званія, не требуя отъ нихъ никакихъ свидѣтельствъ. Въ 1843 г. правленіе Университета св. Владиміра спрашивало попечителя: 1-е) должны-ли на основаніи отзыва оберъ-прокурора свят. синода студенты изъ духовнаго званія, по самому ихъ происхожденію, быть почитаемы освобожденными отъ взноса денегъ за ученіе въ Университетѣ, безъ представленія ими удостовѣрительныхъ свидѣтельствъ о бѣдномъ ихъ состояніи, или-же отъ нихъ слѣдуетъ требовать объ этомъ также свидѣтельства, и какія именно; 2-е) въ первомъ случаѣ должно-ли правленіе объ освобожденіи каждаго изъ нихъ входить съ особыми представленіями къ попечителю, или можетъ освобождать, по самому ихъ происхожденію. Попечитель (25 мая 1843 года) разрѣшилъ освобождать всѣхъ студентовъ и вольнослушателей Университета, происходящихъ изъ духовнаго званія, не испрашивая на то каждый разъ его разрѣшенія *).

Столько новыхъ условій явилось для студентовъ со времени роковаго 1839 г.: и поступить въ Университетъ было уже не такъ легко,— нужно было представить аттестатъ объ окончаніи полнаго курса гимназіи (что́ не освобождало отъ пріемнаго экзамена въ Университетѣ, становившагося все серьезнѣе и строже); потомъ, и поступивши, нельзя уже было пользоваться да́ромъ университетскими лекціями. „Важность этого благодѣянія“ дѣйствительно велика, чтобы не заплатить за него 14 р. въ годъ. Быть можетъ Уваровъ былъ правъ, полагая, что русское общество уже достаточно выросло, чтобы оцѣнить эту важность; но также, быть можетъ, для общества были понятнѣе „выгоды, которыя пріобрѣтаются окончаніемъ курса наукъ въ Университетѣ“. Во всякомъ случаѣ Университетъ и при этихъ условіяхъ не остался безъ слушателей; однако число ихъ возрастало медленно. Для объясненія этого нужно еще принять во вниманіе большую серьезность требованій отъ учебныхъ заведеній студента. Всѣ эти требованія сводятся къ слушанію лекцій и экзаменамъ.

*) Дѣло канц. попеч. 1843 г., № $^{199}/_{211}$.

Мы знаемъ, что и до 1839 г. слушаніе лекцій было безусловно обязательно для студента. Но когда наступилъ переломъ въ жизни Университета, когда самое существованіе его сдѣлалось сомнительнымъ, то ревность студентовъ ослабѣла въ равной степени, какъ и ревность преподавателей. Подавая 7-мидневныя донесенія попечителю, въ январѣ 1839 г., инспекторъ отмѣтилъ, что лекцій не посѣщали за одну недѣлю (съ 15 по 22 января) безъ основательныхъ причинъ всего 69 человѣкъ. Затѣмъ эта цифра прогрессивно возрастала: 81, 91. Попечитель наконецъ вынужденъ былъ дать выговоръ. Затѣмъ наступило нѣкоторое уменьшеніе числа непосѣщавшихъ лекціи, цифра ихъ упала до 47. При незначительномъ количествѣ слушателей послѣ новаго открытія Университета въ августѣ 1839 года число не посѣщавшихъ не столь значительно, но лишь абсолютно: съ 24 сентября по 1 октября не посѣщавшихъ безъ основательной причины было 29; съ 15 по 22 октября—30; съ 29 октября по 5 ноября—28; съ 26 ноября по 3-е декабря — 59. Слѣдовательно среднимъ числомъ неправильно посѣщала лекціи спачала $^1/_4$ студентовъ, а въ концѣ полугодія—половина ихъ. Въ то-же время въ 7-дневныхъ донесеніяхъ ректора весьма нерѣдко указывается, что тотъ или другой профессоръ не читалъ лекцій по неприбытію слушателей. По объясненіямъ инспектора, оказывались причиною неприбытія студентовъ разныя случайности, напр. „сильныя снѣжныя вьюги". Бѣда, очевидно, заключалась не въ однихъ климатическихъ условіяхъ. Черезъ годъ дѣло дошло до того, что въ засѣданіи совѣта 6 февраля 1840 года признано, что правило не подвергать студентовъ наказанію за пропущеніе менѣе, чѣмъ 10 лекцій въ мѣсяцъ, приноситъ вредъ и что одна изъ главнѣйшихъ обязанностей студента есть учиться, а учатся въ Университетѣ, слушая лекціи; а потому опредѣлено просить распоряженія, чтобы инспекторъ студентовъ дѣлалъ взысканія съ каждаго изъ студентовъ за пропускъ каждой лекціи безъ законной причины. Но въ тѣ-же самые дни тѣмъ-же самымъ вопросомъ было озабочено и министерство. Министръ народнаго просвѣщенія, по дошедшему къ нему свѣдѣнію, что студенты всѣхъ университетовъ часто не посѣщаютъ лекцій, безъ законныхъ къ тому препятствій, циркулярнымъ предложеніемъ 9-го марта 1840 г. просилъ попечителей строжайше подтвердить, чтобы студенты, которые безъ уважительныхъ причинъ пропустятъ въ теченіи года *значитель-*

ное число лекцій, не были допускаемы къ годичнымъ экзаменамъ для перехода въ высшіе курсы *). Такое предложеніе министерства парализовало мѣру, только что проэктированную Университетомъ св. Владиміра; за пропускъ одной лекціи опять не дѣлалось никакихъ взысканій. Мѣра предложенная министерствомъ отчасти усилила прежнюю строгость взысканій: она угрожаетъ нерадивому студенту оставленіемъ на томъ-же курсѣ, но отличается совершенною неопредѣленностію. Какое число пропущенныхъ лекцій должно быть признано „значительнымъ"? На основаніи такого предложенія инспекторъ препроводилъ въ маѣ 1840 г. списокъ студентовъ съ показаніемъ, кто именно изъ какого предмета сколько пропустилъ лекцій въ теченіи 1839—40 академическаго года безъ уважительныхъ причинъ. Изъ этого списка оказывается, что наибольшое количество пропущенныхъ лекцій колеблется между 40 и 79 **). Нѣтъ сомнѣнія, что въ этотъ списокъ включены только такіе студенты, которые полѣнились найти хотя какія-нибудь голословныя оправданія. Но кого-же изъ нихъ не допускать къ экзамену? Разумѣется 79—число значительное, но и 57 и 48 также числа не ничтожныя. На этотъ разъ совѣтъ не рѣшился ни къ кому примѣнить мѣру, предложенную Уваровымъ. Но въ 1841 г. привычка не посѣщать лекціи пошла crescendo, такъ что совѣтъ принужденъ былъ въ первый разъ постановить о недопущеніи къ экзамену 10 студентовъ, пропустившихъ наибольшее количество лекцій. И сверхъ этихъ были студенты, не заслуживавшіе допущенія къ экзамену по количеству пропущенныхъ ими лекцій; допускаются-же они лишь потому, что одни состоятъ на казенномъ содержаніи и недопущеніе ихъ къ экзамену равнялось-бы лишенію ихъ этого содержанія; другіе состоятъ 2-й годъ на томъ-же курсѣ, и, слѣдовательно, подлежали-бы исключенію.

Попечитель однако оказался снисходительнѣе; онъ распорядился: большую часть ихъ допустить къ экзамену на общемъ основаніи, но сдѣлать имъ въ засѣданіи совѣта и въ присутствіи инспектора выговоръ. Нѣсколькихъ, пропустившихъ наибольшее число лекцій, попечитель приказываетъ допустить къ экзамену, но съ тѣмъ, что „если

---

*) Дѣло совѣта 1840 г. № 39. Сборникъ распор. по минист. народн. просв. II, № 392.

**) Дѣло совѣта 1840 г. № 39.

они по сему испытанію не пріобрѣтутъ права на переводъ въ высшіе курсы, то будутъ исключены вовсе изъ Университета". Однако угроза подѣйствовала слабо: въ вѣдомости за 2-е полугодіе 1841—42 учебнаго года, представленной инспекторомъ, между прочимъ было отмѣчено, что одинъ пропустилъ безъ уважительныхъ причинъ 110 лекцій (въ томъ числѣ у ректора по энциклопедіи законовѣдѣнія 28 и по русской словесности 26). Недугъ, о которомъ идетъ рѣчь, особенно чувствовался на лекціяхъ православнаго богословія. Въ декабрѣ 1842 профес. Скворцовъ вошелъ въ совѣтъ Университета съ рапортомъ, въ которомъ писалъ, что большая часть студентовъ постоянно не бывали ни на лекціяхъ его, ни на репетиціяхъ. Въ три или четыре послѣднія переклички замѣчено слѣдующее: „изъ казенно-коштныхъ не были: Шульгинъ, Кульжинскій и проч. (всѣхъ 11). Изъ своекоштныхъ *всегда наибольшей частію* не были. Замѣчаю здѣсь только тѣхъ, кои бывали, хотя и тѣ невсегда (отмѣчено 24); прочіе или никогда, или очень рѣдко бывали". При такихъ обстоятельствахъ совѣтъ, очевидно, терялся въ изобрѣтеніи новыхъ побудительныхъ и болѣе дѣйствительныхъ мѣръ. Къ концу эпохи установились слѣдующія правила посѣщенія лекцій: „Избравъ одинъ изъ факультетовъ Университета, студенты должны посѣщать лекціи онаго безъ малѣйшаго опущенія; въ свободные отъ такихъ лекцій часы они могутъ посѣщать лекціи другихъ факультетовъ. Точный приходъ на лекціи въ назначенный часъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность и по начатіи лекціи профессоромъ никто уже не имѣетъ права входить въ аудиторію. Въ случаѣ же уклоненія отъ слушанія лекцій, какъ по главнымъ, такъ и вспомогательнымъ наукамъ своего факультета, за каждыя 10 лекцій, опущенныхъ безъ достаточной причины въ продолженіи одного мѣсяца, студентъ будетъ подвергнутъ взысканію, а именно: въ первый разъ *содержанію подъ арестомъ*, во второй—*заключенію въ карцеръ*, въ третій—*по усмотрѣнію попечителя округа*. Студенты, которые въ теченіи года пропустятъ значительное число лекцій, не допускаются къ годичнымъ испытаніямъ для перевода въ высшіе курсы. Наконецъ, если всѣ эти мѣры взысканія не будутъ имѣть надлежащаго успѣха, виновный будетъ исключенъ вовсе изъ Университета за нерадѣніе къ исполненію существенной обязанности его званія" *). На этомъ пока

*) Дѣло совѣта 1842 г., № 206.

дѣло и остановилось; трудно было и придумать какія-либо искуственныя мѣры, которыя-бы оказались дѣйствительными. Неисправность посѣщенія лекцій возрастала по мѣрѣ увеличенія силы принужденія; кромѣ вѣчныхъ и постоянныхъ причинъ небрежности студентовъ, зависящихъ отъ нихъ самихъ, зло въ значительной степени зависѣло отъ самыхъ мѣръ принужденія и излишняго числа обязательныхъ для профессоровъ и студентовъ лекцій, которыя вслѣдствіе того не могли отличаться и высокимъ достоинствомъ. Уставъ 1842 г., повидимому, давалъ радикальное средство противъ этого зла, вводя нѣмецкую систему свободнаго выбора студентами лекцій для семестральнаго слушанія. Но мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что и это не привело ни къ чему.

Къ числу мѣръ наблюденія за правильностію учебныхъ занятій студента относятся также постановленія о продолжительности домовыхъ отпусковъ студентовъ и о неявкѣ ихъ по уважительной, или неуважительной причинѣ; на этотъ счетъ постановлены въ 1840 г. такія правила: 1) студента, въ теченіи *6-ти мѣсяцевъ* жившаго внѣ г. Кіева, какими-бы причинами онъ къ тому приведенъ ни былъ, какъ въ теченіи столь долгаго времени не подлежавшаго ближайшему надзору университетскаго начальства и не исполнявшаго обязанностей студентскаго званія, подвергать безусловно исключенію изъ Университета св. Владиміра; 2) подвергать также исключенію изъ Университета того студента, который, бывъ уволенъ въ домовой отпускъ на вакаціонное время или на срокъ кратчайшій, не явится къ сроку въ Университетъ и въ теченіи *трехъ мѣсяцевъ*, считая со дня истеченія срока отпуска, не дастъ никакого отзыва о причинахъ своей неявки, или представитъ причины неуважительныя, или не подкрѣпленныя въ справедливости ихъ удовлетворительными доказательствами.

Другая обязанность студентовъ (кромѣ слушанія лекцій) есть явка на годичные и окончательные экзамены (а для казенныхъ студентовъ—и на полугодичные). Она также подавала не мало поводовъ къ хлопотливымъ заботамъ совѣта. Лекціи продолжались вплоть до экзаменовъ; напр. въ 1842 г. лекціи окончены 30 апрѣля, а экзамены начаты 2-го мая. Предъ наступленіемъ экзаменовъ ректоръ напоминалъ инспектору, чтобы на экзамены студенты не приносили съ собою никакихъ книгъ и тетрадей, по которымъ-бы можно было во время производства самого экзамена приготовляться къ отвѣтамъ. Перевод-

нымъ баломъ считался балъ $2^1/_2$. Получившій болѣе $3^1/_2$ переводился *съ отличіемъ.* Удостоенные такой отмѣтки получали благодарность попечителя, которая, по распоряженію совѣта, объявлялась имъ инспекторомъ. Дополнительные экзамены послѣ каникулъ для студентовъ, экзаменовавшихся въ маѣ, но не окончившихъ тогда испытанія по какимъ-либо уважительнымъ причинамъ, производились только изъ тѣхъ предметовъ, по которымъ они тогда не экзаменовались. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ переводъ на высшіе курсы допускался и въ декабрѣ по новому дополнительному экзамену, именно для тѣхъ изъ студентовъ, которые не могли вовсе явиться на экзаменъ въ общій срокъ по законнымъ причинамъ. Для опредѣленія законности или незаконности причинъ неявки на экзамены, ректоръ въ сентябрѣ запрашивалъ о томъ инспектора, который большею частію относился къ заявленіямъ студентовъ весьма снисходительно, санкціонируя своимъ свидѣтельствомъ всякія ихъ заявленія. Въ 1839 году изъ тогдашняго небольшаго числа студентовъ на экзаменъ въ срокъ не явилась 5-я часть ихъ. Въ 1840 г. неявившихся на экзаменъ въ маѣ было сравнительно весьма не много; именно: на I-мъ отдѣленіи философскаго факультета 4 (въ томъ числѣ П. А. Кулѣшъ); на II-мъ отдѣленіи также 4; на юридическомъ, при сравнительно большемъ количествѣ студентовъ, 3. Нѣсколько большее число не кончило начатаго экзамена. Въ 1841—42 учебныхъ годахъ число неокончившихъ испытанія все увеличивается и постепенно начинаетъ превышать число окончившихъ (удовлетворительно или неудовлетворительно) весь экзаменъ; напр. на юридическомъ факультетѣ въ 1841 г. на 1-мъ курсѣ всѣхъ экзаменовавшихся было 27; изъ нихъ не окончили экзамена 18, окончили 9, но изъ этихъ послѣднихъ оставлено въ томъ-же курсѣ 5. Бóльшею-ли строгостію испытанія, или другими причинами надо объяснить, что число не приступавшихъ къ экзамену или не окончившихъ его увеличилось еще болѣе въ 1842 г., особенно по юридическому факультету; такъ на 3-мъ курсѣ продолжали держать весь экзаменъ 10 студентовъ, а не окончило его 11; на 2-мъ курсѣ державшихъ экзаменъ до конца 7, а не окончившихъ 9; на 1-мъ курсѣ держали весь экзаменъ 10, а не окончили 25. На II-мъ отдѣленіи философскаго факультета на всѣхъ 3-хъ курсахъ по разряду естественныхъ наукъ не кончили испытанія 17, а всѣхъ студентовъ этого отдѣленія было 19, т. е. изъ трехъ кур-

совъ выдержали экзаменъ только двое студентовъ 3-го курса. На 2-мъ же и на 1-мъ курсахъ ни одинъ студентъ не окончилъ испытанія. Гораздо благопріятнѣе цифры для отдѣленія математическаго; здѣсь на 3-хъ курсахъ не окончили испытанія 19 студентовъ, а переведено 10. На I-мъ отдѣленіи въ 1-мъ курсѣ испытывались до конца трое, а не окончили испытанія 14; на 2-мъ курсѣ держали четверо, а не окончили испытанія 7; на 3-мъ курсѣ эти цифры распредѣляются поровну (4 и 4). На новомъ медицинскомъ факультетѣ держали экзаменъ и удостоены перевода 4, а не экзаменовались или не окончили испытанія 21. По объясненію инспектора, только нѣкоторые студенты представили причины, по которымъ они не явились къ экзамену, „болѣе или менѣе заслуживающія уваженія". Всѣ эти залѣнившіеся студенты подпали уже подъ дѣйствіе новаго устава, по которому переводныхъ экзаменовъ не полагалось, а предоставлялось каждому прослушать предметы своего факультета, когда онъ захочетъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что тогдашніе экзамены были для студентовъ гораздо тяжелѣе и серьезнѣе, чѣмъ въ послѣдующее время. Приготовленіе къ экзамену сопряжено было съ большею трудностію: студентъ долженъ былъ или самъ записывать всѣ лекціи, или списывать тетради у другихъ. Непомѣрный трудъ этого списыванія заставлялъ бо́льшую часть студентовъ записывать лекціи въ аудиторіи, хотя по очереднымъ группамъ. Между тѣмъ какъ годъ отъ году занятія студентовъ становились менѣе серьезными,—Университетъ не понижалъ своихъ требованій на экзаменахъ; въ этомъ легко убѣдиться изъ слѣдующихъ цифръ: въ 1842 г. на 1-мъ курсѣ юридическаго факультета было болѣе не выдержавшихъ (12), чѣмъ выдержавшихъ (10). На I-мъ и II-мъ отдѣленіи философскаго факультета результаты годичныхъ испытаній не были столь неблагопріятны. Между экзаменаціонными отмѣтками постоянно встрѣчаются $1^1/_2$, 1, $^1/_2$ и т. п. цифры. Допущеніе дополнительныхъ экзаменовъ послѣ каникулъ вовсе не означало послабленія; на этихъ экзаменахъ студенты встрѣчали болѣе неудачъ, чѣмъ въ маѣ; такъ на юридическомъ факультетѣ въ 1840 г. одинъ получилъ на дополнительномъ экзаменѣ $^1/_2$; а другой самъ отступилъ отъ опасности, заявивъ, что онъ не можетъ экзаменоваться ни по одному предмету. Повидимому болѣе снисходительными были экзамены по богословію, но и здѣсь встрѣчаются нули.

Труднѣе уловить, столько-ли былъ остороженъ Университетъ въ раздачѣ ученыхъ степеней кандидата и званія дѣйствительнаго студента на окончательныхъ испытаніяхъ. Въ 1841 году степени кандидата удостоились по I-му отдѣленію философскаго факультета 5 (въ томъ числѣ Иванъ Вернадскій); по II-му отдѣленію—только 3; по юридическому факультету 5; званія дѣйствительнаго студента по I-му отдѣленію—1; по юридическому факультету—9 (въ томъ числѣ Николай Ланге); по II-му отдѣленію философскаго факультета ни одного. Но въ томъ году и *весь составъ IV курса ограничивался приведеннымъ числомъ студентовъ* Въ 1842 г. окончили курсъ кандидатами: по I-му отдѣленію философскаго факультета: Вит. Шульгинъ, Модзолевскій и Ющенко (Шульгинъ представилъ кандитатскую диссертацію—„О рыцарствѣ“; Модзолевскій — „О вліяніи монгольскаго ига на Россію“; Ющенко—„Развитіе индѣйской поэзіи“); по II-му отдѣленію трое (т. е. *всѣ бывшіе на IV курсѣ*); по юридическому факультету получили степень кандидата 3, званіе дѣйствительнаго студента 2.

Вообще результаты окончательныхъ испытаній, а вмѣстѣ и результаты цѣлаго университетскаго образованія видны изъ слѣдующей таблицы.

Число окончившихъ курсъ съ учеными степенями и званіями 1838—1842 гг.

ГОДЫ.	I-е отд. филос. факульт.		II-е отд. филос. факульт.		Юридическій факульт.		ИТОГО.		ВСЕГО.
	Кандидатовъ.	Дѣйствит. студентовъ.	Кандидатовъ.	Дѣйствит. студентовъ.	Кандидатовъ.	Дѣйствит. студентовъ.	Кандидатовъ.	Дѣйствит. студентовъ.	
1838	4	2	5	1	10	9	19	12	31
1839	5	1	9	1	7	3	21	5	26
1840	1	—	2	1	6	4	9	5	14
1841	5	1	3	—	5	9	13	10	23
1842	3	—	3	—	3	2	9	2	11

Нормальное число окончившихъ курсъ со степенями и званіями представляетъ 1838 годъ. Крайнее паденіе числа ихъ въ 1840 и въ 1842 годахъ изъясняется вліяніемъ переворота 1839 г.

Не смотря на всѣ обозначенные неблагопріятные симптомы научной дѣятельности студентовъ въ тогдашнемъ Университетѣ, тотъ циклъ годовъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ временемъ образованія въ немъ будущихъ почетныхъ дѣятелей науки и достойныхъ представителей разныхъ каѳедръ въ Университетѣ св. Владиміра; тогда учились: В. Я. Шульгинъ (поступившій 1838 г.), А. И. Линниченко (1839 г.)—будущій профессоръ словесности, Вигура (1839 г.) — будущій профессоръ государственнаго права, Тутковскій (1838 г.) — будущій преподаватель международнаго права, Чугаевичъ (1840 г.)—будущій профессоръ технологіи. Изъ лицъ, не принадлежавшихъ по службѣ Университету св. Владиміра, въ то время учились въ немъ *П. Ланге,* извѣстный ученый и практическій юристъ, *Ний Ник. Даневскій*, будущій профессоръ Нѣжинскаго лицея и затѣмъ занимавшій видныя административныя должности; его сочиненіе „Объ источникахъ мѣстныхъ законовъ" отличается несомнѣнными фактическими достоинствами. Тогда учился здѣсь *П. А. Кулишъ*, который, впрочемъ, переходя съ факультета на факультетъ, въ свое короткое пребываніе въ Университетѣ св. Владиміра, не могъ быть многимъ обязанъ въ своемъ образованіи этому послѣднему. Студенческій курсъ нѣкоторыхъ изъ нихъ совпадалъ съ эпохою, о которой мы говоримъ теперь; нѣкоторые тогда начинали только свое высшее образованіе, но направленіе ихъ университетскихъ занятій установилось уже тогда. Для характеристики остановимся на чертахъ студенческой жизни В. Я. Шульгина, нашего предшественника по исторіографіи Университета (пользуясь данными, приведенными въ некрологѣ, который составленъ его товарищемъ). „Студентъ Шульгинъ отличался аккуратностію, усердіемъ и даровитостію. Постоянно садился онъ въ углу первой скамьи... и усердно записывалъ профессорскія лекціи. На одну изъ вечернихъ лекцій профессора всеобщей исторіи является попечитель округа. Обративъ вниманіе на Шульгина и его товарища, усердно записывающихъ излагаемое профессоромъ, онъ сѣлъ на первую-же скамью рядомъ съ Шульгинымъ, и не столько слушалъ чтеніе профессора, сколько слѣдилъ за тѣмъ, что записывалъ студентъ, и по окончаніи лекціи, взялъ тетрадь Шульгина и разсматривая ее спросилъ: „и ты успѣваешь все записывать"? „Главное и существенное все", отвѣтилъ Шульгинъ. „Удивительно", восклицаетъ попечитель". Но это восклицаніе характерно не для Шульгина, а для самаго

попечителя, который очевидно не зналъ, что въ аудиторіяхъ нѣмецкихъ университетовъ „главное и существенное“ записываетъ не одинъ, не два студента, а всѣ. „Любовь къ преимущественному занятію исторіею обнаруживалъ В. Я. Шульгинъ уже во время прохожденія университетскаго курса, не смотря на то, что по тогдашнему характеру университетскаго преподаванія, и по тѣмъ требованіямъ, какимъ должны были удовлетворять студенты, спеціальныя занятія однимъ какимъ-нибудь факультетскимъ предметомъ и разработка какого-нибудь отдѣла спеціальности были совершенно невозможны, невозможны просто физически. Случалось, что въ иное полугодіе назначалось отъ 35 до 40 и болѣе лекцій въ недѣлю, такъ что въ иной день чтенія длились отъ 8 или 9 часовъ утра, съ небольшимъ перерывомъ для обѣда, до 7 и 8 вечера. Всѣ эти лекціи были обязательны для всѣхъ студентовъ факультета и курса и пропускъ нѣсколькихъ лекцій, напр. 5—6 безъ законной причины, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ заключеніе въ карцеръ на хлѣбъ и воду на болѣе или менѣе продолжительное время. Прибавимъ къ этому, что такое-же аккуратное посѣщеніе университетской церкви въ полной мундирной формѣ было въ такой-же степени обязательно и безпричинный пропускъ трехъ богослуженій имѣлъ своимъ послѣдствіемъ также заключеніе въ карцеръ. Сверхъ того, съ осени 1840 г. студенты всѣхъ факультетовъ и курсовъ должны были обязательно являться по два раза въ недѣлю въ 8 часовъ вечера для упражненія въ танцахъ и фехтованіи“ *). Впрочемъ отъ этихъ послѣднихъ занятій Шульгинъ былъ освобожденъ вслѣдствіе своихъ физическихъ недостатковъ. Некрологистъ свидѣтельствуетъ, что только Шульгинъ, студентъ-отшельникъ, не бывшій ни у кого изъ товарищей на пирушкахъ и сборищахъ, знавшій только аудиторіи и записки, только онъ могъ исполнять обычныя обязанности студента. Къ тому-же тогдашнее преподаваніе исторіи въ Университетѣ св. Владиміра едва-ли много помогло Шульгину образовать изъ себя въ будущемъ столь замѣчательнаго профессора исторіи.

Успѣхи научныхъ занятій студентовъ могутъ быть до нѣкоторой степени опредѣлены числомъ выданныхъ Университетомъ наградъ медалями за сочиненія, а именно:

---

*) „Вит. Як. Шульгинъ“. Некрологъ. Кіевъ, 1879 г., стр. 7—8.

ГОДЫ.	МЕДАЛИ.		Наиболѣе извѣстныя имена награжденныхъ.
	ЗОЛОТ.	СЕРЕБ.	
1837 . .	3	3	Н. Костырь; А. Роговичъ.
1838 . .	3	3	К. Страшкевичъ; А. Роговичъ; Н. Пилянкевичъ.
1839 . .	—	—	
1840 . .	2	3	Ив. Вернадскій; Н. Ланге.
1841 . .	1	2	Вит. Шульгинъ; Пій Даневскій.
1842 . .	2	1	

Инспекція. Послѣ событій 1839 года, разумѣется, всего болѣе обращено было вниманіе на наблюденіе за поведеніемъ студентовъ. Мы видѣли, что начальство округа, озабочивалось пріисканіемъ болѣе способнаго преемника Гинглингу, который нашелся скоро. Уже 10 іюля 1839 г. совѣтъ получилъ увѣдомленіе отъ попечителя, что исправляющимъ должность инспектора студентовъ опредѣляется отставной гвардіи полковникъ *Сычуговъ.* Назначеніемъ опять отставнаго полковника начальство заявило, что взглядъ его на сущность надзора отнюдь не измѣнился, что надзоръ остается и теперь патріархально-полицейскимъ. Сычуговъ вскорѣ былъ утвержденъ въ должности и оставался въ ней до 1847 года. Главнѣйшая часть его дѣятельности относится къ слѣдующей эпохѣ и тогда обнаружится вполнѣ ея характеръ; теперь пока замѣтимъ, что онъ наиболѣе подходилъ къ выраженному идеалу инспектора: строго требуя субординаціи, онъ во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ старался относиться отечески, становился ходатаемъ за студентовъ и отчасти баловалъ ихъ. Помощниками его остались прежнія лица. Хотя зимою 1839 г. и предположено было оставить только двухъ помощниковъ, но за новымъ открытіемъ Университета, это не было исполнено. Помощниками инспектора остались: *Сав. Андр. Гудима,* который, за увольненіемъ Гинглинга, исправлялъ временно должность инспектора, *П. Ак. Масловскій,* хотя и православный уроженецъ Кіевской губ., но обучавшійся въ Виленскомъ университетѣ. Третьимъ былъ *Авг. Михайл. Бонзкевичъ,* также, хотя православнаго вѣроисповѣданія, но уроженецъ Виленской губерніи и воспитанникъ Крожской гимназіи. Въ продолженіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ лица эти мѣнялись, не производя тѣмъ никакой существенной перемѣны въ свойствахъ наблюденія за студентами.

Въ 1840 г. были изданы правила для студентовъ, которыми въ точности опредѣляется для насъ цѣль, къ которой стремился тогдашній надзоръ и живыми чертами рисуется взглядъ той эпохи на сущность университетскаго воспитанія. По этимъ правиламъ своекоштные студенты, отлучаясь изъ своихъ квартиръ, обязаны записывать, куда именно они отлучались, въ особо на сей предметъ заведенную тетрадь, а въ 10-ть часовъ вечера всѣ должны быть на своихъ квартирахъ; если-же кому встрѣтится надобность пробыть въ отлучкѣ долѣе положеннаго времени, то надлежитъ испрашивать на то каждый разъ позволенія инспектора студентовъ. За неисполненіе сего виновные подвергаются строгой отвѣтственности.

Посѣщеніе театровъ и другихъ публичныхъ собраній, куда входятъ за деньги, также отлучки за городъ, хотя на самое близкое разстояніе, дозволяется только съ разрѣшенія инспектора; но входъ въ трактиры и тому подобныя публичныя мѣста строго воспрещается.

Равномѣрно воспрещается студентамъ игра въ карты и другія игры, порождающія въ молодыхъ людяхъ дурныя привычки и отвлекающія посвятившихъ себя наукамъ отъ полезнѣйшихъ занятій; запрещается также входить въ долги.

„Относительно формы въ одеждѣ студенты должны наблюдать слѣдующее:

1) При мундирахъ и мундирныхъ сюртукахъ должны быть трехъугольныя шляпы и шпаги.

2) Шпага, безъ темляка, носится при мундирѣ на портупеѣ, а при мундирномъ сюртукѣ въ разрѣзѣ онаго на лѣвой сторонѣ.

3) Шляпы и шпаги имѣютъ студенты при мундирахъ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, въ дни праздничные, въ публичныхъ и многочисленныхъ собраніяхъ, въ церквахъ, обществахъ, театрахъ и на гуляньяхъ.

4) Въ воскресные дни, послѣ обѣда, дозволяется носить шляпы и шпаги при мундирныхъ сюртукахъ, въ коихъ могутъ быть на гуляньяхъ и въ театрахъ, а въ будни для посѣщенія лекцій и своихъ товарищей, въ сюртукахъ и фуражкахъ, безъ шпагъ.

5) Въ лѣтнее время, начиная съ 1-го мая по 1-е сентября, носить въ праздничные и торжественные дни бѣлые форменные брюки и портупеи такого-же цвѣта.

Внѣ квартиръ, какъ мундиры, такъ и сюртуки должны быть застегнуты на всѣ пуговицы, а воротники въ оныхъ на крючки, которые позволяется отстегивать на однѣхъ только лекціяхъ. Перчатки при мундирахъ всегда должны носить бѣлыя.

Ношеніе партикулярнаго платья, фуражекъ, вышитыхъ петлицъ на воротникахъ, палокъ, цвѣтныхъ брюкъ, галстуховъ, жилетовъ и платковъ на шеѣ строго воспрещается. Брюки всегда должны быть или бѣлыя лѣтнія, или суконныя, одноцвѣтныя съ мундирами.

При встрѣчѣ съ особами Императорской фамиліи студенты имѣютъ стать во фронтъ, отдать честь и, буде въ шинели, должны спустить оную съ лѣваго плеча".

Въ случаѣ болѣзни или другой уважительной причины, по которой студентъ не можетъ явиться къ слушанію лекцій, онъ обязанъ въ тотъ-же день донести о томъ инспектору.

Надзоръ за студентами производится: 1) чрезъ наблюденіе за ними въ аудиторіяхъ, причемъ дежурные помощники инспектора заносили въ особую книгу имена студентовъ не присутствовавшихъ на лекціяхъ, или опаздывавшихъ, и вмѣстѣ отмѣчали пропускъ лекцій профессорами. 2) Чрезъ наблюденіе за ними въ церкви, особенно въ табельные дни, когда всѣ студенты, или по выбору, должны были присутсвовать въ лаврѣ, занимая видное мѣсто на глазахъ у митрополита. Такъ какъ собственной церкви Университетъ еще не имѣлъ, то въ обыкновенные праздничные дни для студентовъ была назначена Андреевская церковь. 3) Чрезъ наблюденіе за студентами въ ихъ квартирахъ. Городъ раздѣленъ былъ на участки между помощниками инспектора, изъ которыхъ каждый долженъ былъ жить въ своемъ участкѣ и посѣщать студенческія квартиры, по возможности, ежедневно (особые помощники инспектора жили постоянно въ институтѣ казеннокоштныхъ студентовъ и въ домѣ для недостаточныхъ студентовъ). Самъ инспекторъ объѣзжалъ всѣ квартиры, иногда успѣвая это сдѣлать въ одинъ мѣсяцъ (въ январѣ 1839 г. инспекторъ,—глубокій старикъ Гинглингъ, доносилъ попечителю, что онъ посѣтилъ всѣ квартиры, числомъ 100). 4) Чрезъ наблюденіе за студентами на улицахъ, общественныхъ гуляньяхъ и въ мѣстахъ публичныхъ собраній (особенно въ контрактовомъ домѣ во время извѣстной Кіевской ярмарки). Здѣсь, кромѣ надзора за соблюденіемъ формы (различной въ разные дни и празд-

ники) и за сохраненіемъ внѣшнихъ приличій, особенно наблюдаемо было, чтобы студенты отдавали честь высокопоставленнымъ лицамъ (преимущественно генералъ-губернатору) и своему начальству, въ томъ числѣ инспектору.

Провѣрка результатовъ этого надзора производилась посредствомъ кондуитныхъ списковъ, составленныхъ инспекторомъ и въ срочныхъ (7-ми дневныхъ и ежемѣсячныхъ) донесеніяхъ инспектора попечителю.

Инспекторъ представлялъ ректору кондуитные списки студентовъ по полугодіямъ въ началѣ января и въ концѣ іюня. Форма ихъ была опредѣлена еще прежнею инструкціею инспектора, и очевидно, была разсчитана на то, чтобы обнять всю жизнь студента во всѣхъ отношеніяхъ; но на практикѣ сведена къ голословнымъ отмѣткамъ: „хорошъ, очень хорошъ, посредственъ“. Вотъ примѣръ (за 1-е полугодіе 1839—40 учебнаго года).

Имена и фамиліи студентовъ.	Какого повед.		Каковъ въ хозяйствѣ.	Каковъ въ исполненіи возлагаемыхъ на него обязан.	Каковъ въ исполненіи своей обязан. посѣщенія лекцій и церкви.	Не показывается-ли строптивости въ характерѣ.
	Въ домашнемъ быту.	На лекціяхъ.				
Лукашевичъ Лука . . .	Хоро	шаго.	Посредственъ.	Посредственъ.	Хорошъ.	Строптивъ.
Казначеевъ Александръ .	Хоро	шаго.	Хорошъ.	Бывши вольтелемъ до сто не посѣ	нымъ слушавольно чащалъ лекціи.	Не показывается.
Шульгинъ Виталій . .	Очень	хорошаго.	Хорошъ.	Очень хорошъ.	Очень хорошъ.	Не показывается.

Само собою понятно, что изъ этого нельзя было вывести никакой дѣйствительной характеристики студента.

Семидневныя и ежемѣсячныя донесенія подаваемы были въ такой формѣ: „студенты Университета св. Владиміра вообще вели себя хорошо, какъ на лекціяхъ, такъ и въ домашнемъ своемъ житіи; дерзости и сопротивленія противу начальства не замѣтны. Совершенно хорошимъ и благонадежнымъ поведеніемъ отличаются слѣдующіе: (N. N.)“. Затѣмъ показывается общее число студентовъ казенно-

коштныхъ и своекоштныхъ, число больныхъ, число подвергшихся наказаніямъ: карцеру, аресту, выговору; число квартиръ, посѣщенныхъ помощниками инспектора и самимъ инспекторомъ. Пользуясь этими донесеніями, мы можемъ собрать данныя о проступкахъ студентовъ и наказаніяхъ за нихъ, хотя первые такъ разнообразны, что не могутъ быть подведены ни подъ какую систему и даже порядокъ; притомъ нѣкоторые изъ нихъ выражены въ неопредѣленной общей формѣ.

Сдѣлаемъ, однако, попытку возстановить тогдашнее уложеніе о наказаніяхъ студентовъ изъ тогдашнихъ фактическихъ указаній: *за непосѣщеніе лекцій свыше 8-ми* объявляемъ былъ на 1-й разъ выговоръ отъ имени попечителя съ подтвержденіемъ, чтобы впредь посѣщали исправно свои лекціи, въ противномъ случаѣ будутъ худо аттестованы. За *уходъ съ лекціи* не дождавшись профессора — выговоръ. За *небытіе въ два воскресные дни въ церкви* —арестъ; за небытіе въ одно воскресенье—выговоръ. За *просрочку явки изъ отпуска* (до 11 дней)—карцеръ на 2-е сутокъ. За *необъявленіе, гдѣ квартируетъ*—арестъ на 1 сутки. За *самовольную отлучку изъ института* безъ дозволенія помощника инспектора и поздній приходъ въ институтъ—карцеръ на 1 сутки. За *позднее возвращеніе въ институтъ* послѣ положеннаго времени $^3/_4$ часа —арестъ на 6 часовъ. За *самовольную отлучку* изъ г. Кіева (въ селеніе Борщаговку) и произведенную тамъ *драку*—арестъ на гауптвахтѣ на 3-е сутокъ (при этомъ попечитель замѣтилъ: „велѣть инспектору имѣть этого студента подъ особеннымъ надзоромъ и еженедѣльно въ вѣдомости упоминать о поведеніи его"). За *самовольную отлучку изъ города на охоту съ ружьемъ*—арестъ на 1 сутки. За *отлучку съ дежурства по больницѣ*—арестъ на 12 часовъ. За *уходъ съ дежурства по больницѣ, не дождавшись смѣны* черезъ $^1/_2$ часа (sic)—арестъ на 2 часа. За *ослушаніе приказаній помощника инспектора и за неявку къ инспектору* — карцеръ на одни сутки. За *ослушаніе помощнику безъ этого послѣдняго осложненія*—арестъ на одни сутки. За *входъ безъ формы въ контрактовый залъ*—арестъ на одни сутки. За *дерзкій поступокъ* (съ хозяйкою)—карцеръ на 2 сутокъ. За *причиненіе побоевъ* (институтскому лакею)—строгій выговоръ. За *нанесеніе удара* (буфетчику) –арестъ на 10 часовъ. За *имѣніе у себя непозволительнаго оружія* — карцеръ на одни сутки. За *куреніе табаку въ номерахъ института* — арестъ на 6 часовъ.

За *нахожденіе въ дворцовомъ саду* въ высокоторжественный день 25 іюля *въ штатскомъ сюртукѣ*—карцеръ на 3 сутокъ (при этомъ попечитель замѣтилъ: „объявить студентамъ, что впредь за ношеніе партикулярной одежды я буду исключать изъ Университета“). За *ссору* (съ мѣщаниномъ и биржевымъ извозчикомъ) — арестъ на гауптвахтѣ на одни сутки. За *обманъ матери* своей—строгій выговоръ. За *несоблюденіе приличія противу своихъ начальниковъ* — лишеніе отпуска на вечеръ къ генералъ-губернатору (вмѣсто ареста). За *бытность въ нетрезвомъ видѣ*—карцеръ на 2 сутокъ. Однако проступокъ послѣдняго рода приводилъ иногда къ послѣдствіямъ гораздо болѣе тяжкимъ. Инспекторъ студентовъ 23-го октября 1840 года донесъ попечителю, что казенно-коштные студенты: Мал—й, Пол—чъ, Яр—й, Р—ій и Бур—въ вечеромъ пришли въ институтъ пьяные, изъ коихъ Мал—й поднятъ въ саду, а Пол—чъ, желая скрыться, спрятался въ гардеробѣ подъ кровать гардеробщика. Попечитель счелъ нужнымъ доложить о томъ министру народнаго просвѣщенія, который приказалъ за таковый предосудительный поступокъ Мал—го, Пол—вича, Яр—го, Р—го и Б—цова, какъ недостойныхъ находиться въ числѣ студентовъ, отъ коихъ требуется безукоризненная нравственность, изъ Университета св. Владиміра исключить. Однако исключеніе изъ Университета составляло тогда еще явленіе довольно рѣдкое. Изъ такихъ фактическихъ указаній можно-бы сдѣлать и нѣкоторые общіе выводы относительно тогдашней *градаціи* проступковъ; напр. причинившій побои могъ отдѣлаться выговоромъ; кто-же нанесъ одинъ ударъ, рисковалъ арестомъ на 10 часовъ; а кто надѣлъ штатскій сюртукъ, тотъ подвергался высшему (кромѣ исключенія) наказанію: карцеру на 3 сутокъ, при томъ съ угрозою увольненія.

Наказанія въ обыкновенномъ порядкѣ назначаемы были инспекторомъ. Иногда взысканіе назначалъ самъ попечитель, если проступокъ, хотя-бы и незначительный, по замѣченъ былъ имъ самимъ лично. Самое высшее наказаніе—исключеніе изъ Университета зависѣло отъ министра.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Постройка зданій Университета.

Во весь пройденный доселѣ періодъ жизни Университета существованіе его не только съ внутренней, но даже и съ внѣшней стороны представлялось шаткимъ и временнымъ. Университетъ, съ самаго основанія своего и до конца этого періода, т. е. до 1842 г., продолжалъ помѣщаться въ разныхъ наемныхъ домахъ, число которыхъ, съ возрастаніемъ Университета и его коллекцій, все увеличивалось и поглощало все бóльшую часть средствъ его, такъ что въ послѣдній годъ такого ненормальнаго состоянія, расходы на наемъ и ремонтъ помѣщеній достигли почти до 8-й части всѣхъ доходовъ Университета. Въ 1841 г. доходы его простирались до 76476 руб. сер.; изъ нихъ на наемъ помѣщеній истрачено тогда 8250 руб. сер. и на ремонтъ ихъ 1560 руб. Но расходы не составляли еще главной бѣды; важнѣйшее неудобство заключалось въ неприспособленности, разбросанности и тѣснотѣ нанимаемыхъ зданій. Большая часть коллекцій Университета во все это время оставалась не разобранною, въ ящикахъ и потому для преподаванія составляла мертвый капиталъ; наконецъ нѣкоторыя изъ этихъ коллекцій могли вовсе погибнуть отъ сырости и моли. Поэтому главнѣйшій внѣшній интересъ университетской жизни за все это время составляетъ построеніе новаго зданія.

На успѣхъ этого дѣла оказывали огромное вліяніе личныя посѣщенія Государя Николая Павловича, которому вообще обязанъ Кіевъ своею обстройкою и нынѣшнимъ своимъ видомъ нѣкотораго благоустройства. По тѣсной связи постройки университетскаго зданія съ этими посѣщеніями, мы изложимъ оба эти обстоятельства вмѣстѣ.

Милліонные расходы на зданіе Университета, предстоявшіе государственному казначейству, требовали большой внимательности при разрѣшеніи вопросовъ: 1) о проэктѣ плана, 2) о выборѣ мѣста для постройки, 3) о смѣтѣ издержекъ, 4) о выборѣ лицъ, распоряжавшихся дѣломъ.

Еще 12-го марта 1835 г. гр. Уваровъ извѣщалъ Е. Ѳ. Брадке, что изъ четырехъ проэктовъ предполагаемаго къ постройкѣ въ Кіевѣ

зданія для Университета св. Владиміра, Государь утвердилъ проэктъ архитектора Беретти „который по истинѣ прекрасенъ". Позволительно не вполнѣ раздѣлять этотъ отзывъ С. С. Уварова. Планъ и фасады, дѣйствительно, понравились тогда; но теперь, когда они осуществлены, всякій долженъ замѣтить въ зданіи Университета тяжелый, нѣсколько казарменный стиль 30-хъ годовъ. Все зданіе составляетъ почти правильный параллелограмъ, съ внутреннимъ дворомъ по срединѣ. Изъ 4-хъ фасадовъ только одинъ задній, т. е. обращенный къ ботаническому саду производитъ, дѣйствительно нѣкоторый художественный эффектъ. Вообще-же зданіе оставляетъ подавляющее впечатлѣніе прочности и тяжести, при равномѣрномъ пренебреженіи къ красотѣ. Проэктъ по Высочайшей волѣ былъ препровожденъ Уваровымъ къ гр. Толю для нѣкоторыхъ соображеній по части технической. Затѣмъ оставалось образовать въ Кіевѣ строительный комитетъ и снабдить его нужными правилами. 15 марта 1835 г. министръ отнесся къ Кіевскому генералъ-губернатору графу Левашову съ просьбою о принятіи предполагаемаго строительнаго комитета и всѣхъ главныхъ распоряженій по постройкѣ въ его непосредственное завѣдываніе съ властію предоставленною министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями.

Между тѣмъ приступлено было къ выбору мѣста для постройки. Еще прежде Государь самъ указалъ мѣсто для построенія Университета тамъ, гдѣ нынѣ училище гр. Левашовой и новый соборъ св. Владиміра. Но затѣмъ онъ-же самъ перемѣнилъ это, избравъ то, на которомъ нынѣ стоитъ Университетъ и которое тогда составляло обширный пустырь, окруженный съ двухъ сторонъ глубокими и дикими оврагами. При этомъ предполагалось, что противъ зданія Университета будетъ воздвигнуто зданіе для кадетскаго корпуса.

Во исполненіе Высочайшей воли, выраженной 29-го апрѣля, Кіевскій генералъ-губернаторъ, попечитель учебнаго округа и профессоръ академіи художествъ Беретти осматривали это мѣсто, на которомъ Государь призналъ удобнѣйшимъ построить Университетъ св. Владиміра и потомъ изложили слѣдующія соображенія: 1) Мѣсто это для постройки университетскихъ зданій столь-же выгодно и удобно, какъ и то, гдѣ находятся провіантскіе магазины и которое въ прошедшемъ году удостоилось предварительнаго одобренія Его Величества. 2) Но

возведеніе зданій кадетскаго корпуса противъ университетскихъ не можетъ приведено быть въ исполненіе по той причинѣ, что предположенное для него мѣсто, по своему сильному склоненію, неудобно для постройки зданій, а равно и потому, что оно едва-ли заключаетъ достаточное пространство земли для построенія и сада кадетскаго корпуса; при томъ оба эти строенія т. е. Университетъ и кадетскій корпусъ, по своей огромности, будутъ видны почти со всѣхъ сторонъ Кіева и составятъ его украшеніе; было-бы желательно не закрывать ихъ одно другимъ; а устроить одно возлѣ другаго такимъ образомъ, чтобы оба строенія представлялись со всѣхъ сторонъ. На этихъ основаніяхъ составленъ проэктъ расположенія Университета и кадетскаго корпуса, который и представленъ на Высочайшее усмотрѣніе. Что касается до устройства ботаническаго сада для Университета за мѣстомъ, назначеннымъ для кадетскаго корпуса, т. е. на мѣстѣ, занимаемомъ нынѣ улицами Тарасовскою и Нижне-Владимірскою, то осмотръ этого мѣста вмѣстѣ съ профессоромъ Беретти былъ возложенъ на ректора Максимовича, профес. ботаники Бессера и адъюн. зоологіи Андржеіовскаго; они пришли къ заключенію о совершенномъ неудобствѣ этой мѣстности и присоединили, что было-бы полезнѣе завести ботаническій садъ на мѣстѣ, которое занималъ тогда жандармскій полкъ и которое по своему положенію, свойству грунта и потому, что изобилуетъ деревьями, представляло всѣ для того удобства; первоначальное устройство его стоило-бы гораздо меньше издержекъ. И это мнѣніе было представлено на Высочайшее усмотрѣніе. Оба предположенія, т. е. выборъ мѣста какъ для зданія Университета, такъ и для ботаническаго сада, были утверждены лишь съ нѣкоторыми измѣненіями.

Итакъ планъ и мѣсто для постройки были готовы. Но главнаго, т. е. опредѣленія нужной для того суммы и назначенія ея, еще не было. Между тѣмъ Уваровъ спѣшилъ закрѣпить дѣло закладкою зданія и хотѣлъ воспользоваться для того поѣздкою Государя въ Кіевъ и произвести закладку въ его присутствіи. Онъ писалъ Брадке (30-го іюля 1835 года): „намѣреніе Его Императорскаго Величества посѣтить г. Кіевъ представляетъ благопріятный случай произвести въ присутствіи Его Величества закладку зданія Университета св. Владиміра. На всеподданнѣйшее мое о семъ хода-

тайство Его Императорское Величество изволилъ собственноручно написать: „Согласенъ, ежели только успѣю“. Гр. Уваровъ такъ надѣялся на скорую закладку и такъ спѣшилъ, что изготовивъ въ Петербургѣ доску для закладки и медали, 6-го сентября 1835 г. воспользовался оказіею и переслалъ эти вещи съ Даниловичемъ (который ѣхалъ тогда профессоромъ въ Кіевъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ извѣщалъ, что къ концу сентября прибудетъ также въ Кіевъ архитекторъ Беретти, который удовлетворительнѣе можетъ отвѣчать Его Величеству, въ случаѣ вопросовъ касательно постройки. Затѣмъ онъ предложилъ Брадке немедленно по прибытіи Государя въ Кіевъ (что должно быть въ первыхъ числахъ октября) явиться къ гр. Бенкендорфу и испросить отъ него надлежащихъ приказаній касательно совершенія закладки, особенно-же осмотра Его Величествомъ Кіевскихъ учебныхъ заведеній. Но всѣ эти хлопоты оказались преждевременными; закладка зданія не состоялась. Государь дѣйствительно пріѣхалъ въ Кіевъ 10-го октября въ 9 часовъ по полудни. Тотчасъ послѣ пріѣзда его попечитель являлся къ гр. Бенкендорфу и вручилъ ему письмо Уварова; графъ принялъ его благосклонно и сказалъ, что Государь осмотритъ всѣ учебныя заведенія и будетъ присутствовать при закладкѣ Университета и что попечитель будетъ удостоенъ представленія Императору. Но черезъ нѣсколько часовъ все измѣнилось: въ тотъ-же вечеръ гр. Гурьевъ объявилъ ему, что Его Величество, имѣя только нѣсколько часовъ пребыванія въ Кіевѣ и желая быть у обѣдни въ Софійскомъ соборѣ, въ пещерахъ, на осмотрѣ крѣпостныхъ работъ, въ Михайловскомъ монастырѣ, принять англійскаго посла и осмотрѣть городъ, приказалъ собрать всѣ учебныя заведенія въ одно мѣсто, а при закладкѣ Университета присутствовать не можетъ, какъ по краткости времени, такъ и *потому, что исчисленная сумма на постройку Университета до 8-ми милліоновъ*, о которой гр. Гурьевъ докладывалъ Его Величеству по словесному отзыву архитектора Беретти, слишкомъ велика и едва-ли допуститъ возведеніе зданій по предположенному плану. На это попечитель объяснилъ Гурьеву, что онъ всѣ учебныя заведенія среднія и низшія соберетъ въ благородный пансіонъ и что только проситъ, чтобы Государь удостоилъ осмотромъ Университетъ и благородный пансіонъ; относительно-же 8-ми милліоновъ нужныхъ на построеніе Университета ему, попечителю, ничего неизвѣстно, но что это во всякомъ слу-

чаѣ есть одно только примѣрное предположеніе, ни на какихъ разчисленіяхъ не основанное, ибо смѣта не только еще не кончена, но даже и не начата. На другое утро въ Софійскомъ соборѣ генералъ-губернаторъ объявилъ ему, что Государь прибудетъ въ благородный пансіонъ въ два часа пополудни, а Университетъ едва-ли будетъ осматривать. Брадке просилъ еще разъ убѣдительно, чтобы гр. Гурьевъ упросилъ Государя удостоить своимъ посѣщеніемъ Университетъ. Затѣмъ когда Государь ѣхалъ въ лавру мимо тогдашняго главнаго дома Университета на Печерскѣ, Брадке вышелъ съ ректоромъ и нѣкоторыми чиновниками на улицу, Государь ихъ замѣтилъ, однако-же не заѣхалъ, а при обратномъ проѣздѣ далъ рукою знакъ попечителю отправиться въ благородный пансіонъ. Тамъ были собраны ученики гимназіи, конвикта бѣдныхъ дворянъ, училища землемѣровъ, Кіево-подольскаго уѣзднаго училища,—всего до 700 воспитанниковъ. Государь пріѣхалъ туда въ 2 часа пополудни въ сопровожденіи Паскевича, гр. Бенкендорфа и Кіевскаго генералъ-губернатора. Въ рекреаціонной залѣ пансіона представлены Государю воспитанники благороднаго пансіона, конвикта бѣдныхъ дворянъ и школы землемѣровъ. Императоръ Николай Павловичъ съ похвалою отозвался о наружномъ видѣ дѣтей и, обративъ вниманіе на воспитанниковъ конвикта, спросилъ Брадке: „есть-ли теперь въ этомъ заведеніи ученики воспитывавшіеся въ немъ въ Кременцѣ?“ Получивъ утвердительный отвѣтъ, Государь снова спросилъ его: „доволенъ-ли ты ими“?—на что онъ отвѣчалъ, что ими очень доволенъ. Тогда Государь сказалъ воспитанникамъ: „Я вашимъ наружнымъ видомъ весьма доволенъ, хорошо, если соотвѣтствуетъ ему и внутренность“. Потомъ взявъ Брадке за руку, продолжалъ: „при попеченіи вашего начальника можно быть въ этомъ увѣреннымъ“. Онъ, однако, былъ занятъ не однимъ только наружнымъ видомъ учениковъ, но сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ объ успѣхахъ ихъ въ русскомъ языкѣ; на это попечитель отвѣчалъ, что не говоря уже объ ученикахъ Кіевскихъ училищъ (отъ которыхъ должно требовать совершенно удовлетворительныхъ успѣховъ въ этомъ предметѣ), успѣхи въ русскомъ языкѣ могутъ выдержать сравненіе съ русскими гимназіями и въ другихъ гимназіяхъ западныхъ губерній. Потомъ Государь Императоръ возвратился въ ту комнату, гдѣ находились учителя гимназіи и, обратившись къ нимъ, сказалъ слѣдующія слова: „Ваши обязанности

велики, отъ васъ все зависитъ. Если вы чувствуете ихъ столь глубоко, какъ я и ваше начальство, то, конечно, исполните ихъ". Эти слова, а равно и вопросы о кременецкихъ воспитанникахъ и о русскомъ языкѣ показываютъ, что Императоръ Николай ясно сознавалъ (разумѣется государственную) важность образованія. Ему не чужды были даже детальные мѣстные интересы училищъ, какъ показываютъ другіе вопросы его, обращенные къ Е. Ѳ. Брадке. Когда Государь осматривалъ благородный пансіонъ, Брадке опять просилъ его о посѣщеніи Университета, но получилъ въ отвѣтъ, что краткость времени дѣлаетъ это невозможнымъ. При выходѣ, когда Государь приказалъ Брадке прибыть къ нему чрезъ часъ, онъ просилъ, какъ особенной милости дозволить привести Университетъ хотя къ его дому и показать хоть въ окошко Царя, столь долго ожидаемаго. На это Императоръ Николай весьма милостиво изволилъ сказать: „Нѣтъ не на улицу, а приведи ихъ всѣхъ ко мнѣ въ комнаты, я очень радъ ихъ видѣть". Вслѣдствіе такого соизволенія, попечитель собралъ всѣхъ профессоровъ, чиновниковъ и студентовъ Университета въ пріемную залу Государя, гдѣ всѣ они и предстали предъ своего Монарха, послѣ принятія Его Величествомъ англійскаго посланника. Тонъ, съ которымъ обратился Государь къ профессорамъ Университета, исполненъ былъ благости и милости. Вспомнивъ о воспитанникахъ II-го Отдѣленія своей канцеляріи, Его Величество изволилъ спросить: „здѣсь-ли они"? и когда Брадке отвѣчалъ, что они уже прибыли, то Монархъ сдѣлалъ ему вопросъ: „доволенъ-ли ты ими"? и, получивъ отъ него удовлетворительный отвѣтъ, сказалъ: „да это—надежда Россіи; надѣюсь, что они оправдаютъ попеченіе о нихъ правительства". Какъ извѣстно, память его была замѣчательная; онъ даже въ инспекторѣ студентовъ узналъ прежняго своего подчиненнаго по арміи и сдѣлалъ ему вопросъ: зачѣмъ оставилъ онъ военную службу? Обратившись къ студентамъ Университета, Августѣйшій гость получилъ отъ Брадке отзывъ, что онъ доволенъ ими вполнѣ и изъявилъ свое благоволеніе, сдѣлавъ увѣщаніе вести себя и впредъ хорошо и нравственно. Слова, сказанныя воспитанникамъ Университета, „исполнены были отеческой нѣжности и монаршаго величія". Послѣ принятія Университета, Государь удостоилъ Брадке получасовою приватною аудіенціею, которую началъ тѣмъ, что сумма 8 милліоновъ для зданій Университета, по смѣтѣ архитектора Беретти,

такъ велика, что онъ долженъ былъ отложить закладку. Брадке счелъ себя обязаннымъ доложить Его Величеству, что если архитекторъ Беретти и сказалъ гр. Гурьеву въ разговорѣ, что смѣтное исчисленіе на зданіе Университета могло-бы простираться до 8-ми милліоновъ, то это не основано ни на какихъ разчисленіяхъ, ибо смѣта еще не кончена; вѣроятно Беретти сказалъ это въ томъ намѣреніи, чтобы убѣдить гр. Гурьева принять мѣры къ сокращенію справочныхъ цѣнъ, которыя мѣстнымъ начальствомъ, по показанію Беретти, сдѣланы несоразмѣрно высокія. Брадке прибавилъ, что онъ имѣлъ намѣреніе послѣ Высочайшаго отбытія просить о томъ генералъ-губернатора. На вопросъ Государя, во сколько могла-бы обойтиться постройка? онъ отвѣчалъ, что объ этомъ, по не имѣнію еще смѣты, нельзя судить, но что онъ полагаетъ, что во всякомъ случаѣ *дороже 3 милліоновъ, или $3^1/_2$ не обойдется* и что если-бы суммъ не стало, то отстройка флигелей для профессоровъ могла-бы быть до времени отсрочена, и что Университетъ имѣетъ болѣе $1^1/_2$ милліона собственно на этотъ предметъ уже назначенныхъ суммъ. Государь повелѣлъ оставить Беретти въ Кіевѣ до окончанія имъ смѣты зданіямъ Университета и для основательнаго обсужденія дѣла на мѣстѣ, а равно приказалъ озаботиться уменьшеніемъ справочныхъ цѣнъ. Беретти остался въ Кіевѣ и началъ заниматься смѣтою. Еще при представленіи Государю Беретти вмѣстѣ съ чиновниками Университета, Императоръ Николай Павловичъ отозвался: „Много 8 милліоновъ, 8 милліоновъ все равно что нуль; ибо тогда постройка не можетъ совершиться“. Уже тогда у него могло родиться сомнѣніе въ основательности предположеній этого архитектора; когда Брадке заговорилъ о 3-хъ милліонахъ вмѣсто 8-ми, то Государь легко могъ придти къ болѣе невыгоднымъ предположеніямъ на счетъ будущаго строителя Университета. Но Брадке ловко спасъ и дѣло постройки Университета и самого Беретти. Отстранивъ этого послѣдняго, могли уничтожить и планъ его; тогда пришлось-бы ждать новыхъ плановъ, столь-же удовлетворительныхъ и дѣло было-бы отложено въ дальній ящикъ. Объясненія Брадке устранили гнѣвъ Императора, по крайней мѣрѣ Брадке писалъ Уварову: „послѣ доклада мною Его Величеству о существѣ сего дѣла, Государь Императоръ кажется изволилъ удостовѣриться, что Беретти не имѣетъ въ семъ дѣлѣ ни малѣйшей вины“. Затѣмъ Государь спрашивалъ Брадке о духѣ заведеній и получивъ

отъ него удостовѣреніе, что „нынѣ благодаря Господу все хорошо и лучшаго желать нельзя и что я только прошу Господа Бога, чтобы такимъ образомъ и впредь было" *). Но, увы, бѣда скрывалась не за горами. Весьма характерно, что Государь обратилъ свое особое вниманіе на учебныя заведенія, тогда какъ по чрезвычайной краткости времени почти никто изъ кіевскихъ вліятельныхъ особъ не могъ быть ему представленъ. Государь уѣхалъ въ Бѣлую-Церковь 11 октября **).

Итакъ, благодаря уму и находчивости Брадке, дѣло постройки зданія для Университета пошло въ ходъ.

Занялись образованіемъ строительнаго комитета. Комитетъ, поставленный подъ непосредственное завѣдываніе Кіевскаго генералъ-губернатора, состоялъ, подъ предсѣдательствомъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, изъ четырехъ членовъ: помощника попечителя, инспектора работъ и двухъ совѣтниковъ, изъ которыхъ одинъ долженъ быть спеціалистомъ по строительной, а другой по хозяйственной и дѣлопроизводительной части. На послѣдняго возложена и должность кассира. Въ случаѣ отсутствія попечителя, его болѣзни или занятія другими дѣлами, помощникъ попечителя долженъ занимать мѣсто предсѣдателя. Совѣтники комитета избираются попечителемъ и утверждаются Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ.

Нельзя сказать, чтобы штатъ этого „временнаго строительнаго комитета для возведенія зданій Университета" былъ скроменъ, а именно:

Инспекторъ работъ (онъ-же членъ комитета)	3000	р.	ас.
Ему-же столовыхъ и разъѣзды на время пребыванія въ Кіевѣ	1500	„	„
Совѣтникъ, знающій строительную часть	2500	„	„
Ему-же на разъѣзды	1000	„	„
Совѣтникъ, знающій хозяйственную и дѣлопроизводительную части, онъ-же и кассиръ	2500	„	„
Секретарь	1500	„	„
Практическій архитекторъ	2000	„	„
Ему-же на разъѣзды	750	„	„

*) Съ этимъ нѣсколько не согласуется разсказъ Е. Ѳ. Брадке въ его автобіографіи о бесѣдѣ съ Императоромъ (что приведено нами выше).

**) Дѣло строительнаго комитета, № 1.

Каменныхъ дѣлъ мастеръ	3000	р. ас.
Ему-же на разъѣзды	750	„ „
Коммиссаръ, онъ-же и полиціймейстеръ.	1200	„ „
Его помощникъ	800	„ „
Бухгалтеръ	1500	„ „
Помощникъ архитектора	1200	„ „
Канцелярскимъ служителямъ высшаго оклада двумъ .	1200	„ „
Канцелярскимъ служителямъ низшаго оклада двумъ .	1200	„ „
Одинъ унтеръ-офицеръ и восемь инвалидовъ	1800	„ „
Два десятника для присмотра за работами, каждому по 100 р. въ мѣсяцъ, полагая 8 рабочихъ мѣсяцевъ	1600	„ „
На наемъ для комитета помѣщенія и содержаніе онаго	2000	„ „
На канцелярскія и чертежныя потребности	1000	„ „
Итого . . .	32000	р. ас.

Единовременно на обзаведеніе присутствія и канцеляріи 600 р. ас. *).

Этому „временному“ комитету суждено было потомъ прожить много лѣтъ; онъ началъ свое существованіе еще до начала постройки и потомъ тянулъ свое бытіе долго спустя послѣ того, какъ она была окончена, когда уже Университетъ давно обжился и устроился въ своемъ новомъ помѣщеніи.

Однакожъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ при этой постройкѣ былъ вовсе не этотъ комитетъ и особенно не предсѣдатель его кн. Давыдовъ, смѣнившій въ 1839 г. Брадке, а тотъ-же проф. Беретти, получившій титулъ главнаго архитектора зданій Университета. Ему, не смотря на исторію съ 8-ю милліонами, приходилось теперь составить смѣту.

Смѣта была составлена хотя и не на 8, но болѣе чѣмъ на 4 мил. По провѣркѣ найдено необходимымъ ее понизить и тотъ-же Беретти представилъ въ 1835 г. слѣдующій планъ работъ, разсчитанный на 5 лѣтъ, съ обозначеніемъ суммъ первоначальной смѣты и предполагаемыхъ пониженій по нѣкоторымъ статьямъ:

„Построеніе въ г. Кіевѣ Университета во имя св. Владиміра полагается произвесть въ теченіи пяти лѣтъ слѣдующимъ образомъ:

*) Дѣло строительнаго комитета № 1.

Годъ.		По смѣтѣ полагается.		По соображенію полагается достаточнымъ.	
		рубли.	коп.	рубли.	коп.
1836	По распланированіи мѣста сдѣлать подъ главное зданіе фундаментъ, построить для храненія матеріаловъ и помѣщенія рабочихъ временныя строенія, сдѣлать колодцы, творила и приготовить необходимые запасы, построить два нежилые флигеля, долженствующіе служить во время производства работъ для квартированія практическаго архитектора съ помощникомъ, каменныхъ дѣлъ мастера, чертежную, покои для десятниковъ и части рабочихъ, всего на сумму	380,468	$50^1/_2$		
	Дабы въ будущемъ году можно было заблаговременно и до открытія рѣкъ приступить къ работѣ, въ семъ-же году полагается на приготовленіе части матеріаловъ . .	300,000	—		
	Итого на первый годъ . .	680,468	$50^1/_2$	578,000	
1837	Построить вчернѣ главное зданіе	1,163,878	$85^3/_4$		
	На приготовленіе матеріаловъ къ 1838 году. . . .	250,000	—		
	Итого на второй годъ . .	1,413,878	$85^3/_4$	1,202,800	
1838	Въ главномъ зданіи сдѣлать своды, подборы, переборки и печи и произвести вчер-				

Годъ.		По смѣтѣ полагается.		По соображенію полагается достаточнымъ.	
		рубли.	коп.	рубли.	коп.
	нѣ флигель для команды и службы.	395,268	$87\frac{3}{4}$		
	На приготовленіе матеріаловъ къ 1839 году. . . .	150,000	—		
	Итого на третій годъ . .	545,268	$87\frac{3}{4}$	454,000	
1839	Отдѣлать главный корпусъ и флигель для команды и службы.	329,816	51		
	На приготовленіе матеріаловъ для окончательныхъ работъ въ 1840 году. . . .	150,000	—		
	Итого на четвертый годъ .	479,816	51	408,000	
1840	Произвесть всѣ прочія работы, назначенныя въ проэктѣ, кромѣ манежа, бани, кладовыхъ, двухъ ледниковъ, замощенія дворовъ и шоссе на главномъ дворѣ	63,734	$3\frac{3}{4}$		
	Итого на пятый годъ . .	63,734	$3\frac{3}{4}$		
	Примѣчаніе. Два профессорскіе флигеля, манежъ, кладовыя, два ледника, замощеніе дворовъ и шоссе на главномъ дворѣ, могутъ остаться впредь до востребованія; сіи строенія составляютъ . . .	634,453	$43\frac{1}{4}$	54,000	
	Итого на совершеніе зданія кромѣ непредвидимостей предполагается.	3,817,620	22	2,697,20	

Подписалъ профес. архитектуры Беретти" *).

*) Дѣло строит. комит. № 10.

Всего-же и по пониженной смѣтѣ предполагался расходъ въ 4,001,382 руб. Въ этомъ видѣ смѣта поступила на разсмотрѣніе коммиссіи проэктовъ и смѣтъ (при главномъ управленіи путей сообщенія и публичныхъ зданій), которая, въ свою очередь, считала возможнымъ еще понизить смѣту. Отсюда возникли жаркія полемическія схватки и долгая бумажная война между этою коммиссіею и главнымъ архитекторомъ. Сначала коммиссія отнеслась весьма вѣжливо къ проэкту Беретти; похвалила, что онъ понизилъ смѣту. Причины, по которымъ Беретти полагалъ достаточною сумму 2,697,200 руб., въ таблицѣ его не объяснены; но, судя по высокимъ цѣнамъ, служившимъ основаніемъ при составленіи смѣты, коммиссія съ своей стороны полагала, что ожидаемая имъ — Беретти экономія можетъ быть достигнута при благоразумныхъ и своевременныхъ хозяйственныхъ мѣрахъ и при бдительномъ присмотрѣ за работами. При повѣркѣ смѣты, коммиссія нашла ее составленною съ примѣрною аккуратностію и съ замѣчательнымъ тщаніемъ въ вычисленіяхъ, что весьма много облегчило трудъ коммиссіи при повѣркѣ и соображеніи смѣтныхъ показаній, съ представленными профес. Беретти детальными чертежами. Коммиссія нашла *нѣкоторыя ошибки*, которыя она означила въ своихъ примѣчаніяхъ. Изъ этихъ примѣчаній открывалось, что вмѣсто исчисленной по смѣтѣ общей суммы 4,001,382 руб. $24\frac{1}{2}$ к., достаточно будетъ 3,859,475 р.

Беретти не хотѣлъ согласиться съ такимъ новымъ пониженіемъ смѣты и представилъ свои возраженія въ министерство народнаго просвѣщенія, которое не знало, какъ выпутаться изъ такихъ разногласій *). Поэтому министръ народнаго просвѣщенія рѣшился представить это дѣло на разрѣшеніе Государя, который Высочайше повелѣлъ:

*) Примѣромъ этихъ препирательствъ могутъ служить слѣдующіе образцы канцелярской полемики: 31-го августа 1836 года коммиссія проэктовъ и смѣтъ, получивъ отношеніе министра народнаго просвѣщенія находитъ, что настойчивость, съ которою старается оправдать свою смѣту Беретти, вынудила коммиссію войти въ дальнѣйшія подробности относительно сего дѣла, пересмотрѣть оное съ самаго начала. Первый проэктъ Беретти былъ одобренъ коммиссіею, только какъ эскизъ, хотя и прекрасный, но недостаточный для полнаго проэкта, который, слѣдовательно, должно было улучшить болѣе глубокимъ изученіемъ и обработываніемъ подробностей... Беретти, по мнѣнію коммиссіи, не исполнилъ этого и вмѣсто того, чтобы принять указанія коммиссіи къ свѣдѣнію, ограничивается лишь спорами. Поэтому коммиссія считаетъ нужнымъ представить на благоусмотрѣніе совѣта путей сообщенія и публич-

„держаться того, что коммиссія проэктовъ и смѣтъ замѣтила, ибо она для того создана". Такъ Императоръ Николай порѣшилъ споры. Послѣ чего архитектору оставалось только составить новую смѣту.

Но время уходило; работы начались и производились безъ утвержденной смѣты и лишь 15 февраля 1838 г. главный архитекторъ представилъ въ строительный комитетъ смѣту, составленную имъ по замѣчаніямъ коммиссіи проэктовъ и смѣтъ, требуемую министерствомъ народнаго просвѣщенія по справочнымъ цѣнамъ, существовавшимъ въ іюлѣ 1837 года. Только тогда комитету были представлены вмѣстѣ съ справочными цѣнами три фасада и пять плановъ всѣхъ этажей главнаго университетскаго зданія и пр. *).

Само собою разумѣется, что смѣтная сумма осталась та, какая была указана министерствомъ путей сообщенія и публичныхъ зданій.

Но перестрѣлка между министерствами, возбужденная главнымъ архитекторомъ, и производство работъ безъ утвержденной смѣты, естественно привели къ тому, что первоначальный планъ окончанія работъ въ 1840 г. не могъ быть осуществленъ, а также и смѣта не могла быть выполнена въ точности.

Во всякомъ случаѣ съ 1838 г. работа получила усиленный ходъ. Одновременно воздвигались крѣпостныя зданія вокругъ лавры; цѣлыя части города сносились и переносились. Кіевъ пришелъ весь въ движеніе и сдѣлался неузнаваемымъ. „Умственная крѣпость", воздвигаемая противъ печерской, какъ выражался гр. Уваровъ, поглощала громадную массу матеріаловъ, которые поднялись въ цѣнѣ. Тогда въ первый разъ образовались тѣ крупные для Кіева капиталы (преимущественно кирпичныхъ заводчиковъ), которые потомъ уже на свой счетъ продолжали перестраивать Кіевъ. Строительный комитетъ не могъ избѣжать въ этой сумятицѣ большихъ хлопотъ и непріятностей; завелись и тянулись судебныя дѣла съ подрядчиками, возраставшія въ сенатѣ до цѣлыхъ фоліантовъ. Стороны взводили другъ на друга позорныя обвиненія. Но дѣло все-таки шло.

ныхъ зданій, что изложивъ во всей подробности мнѣніе свое о проэктѣ и смѣтѣ г. профессора Беретти, почитаетъ она излишнимъ и даже несовмѣстнымъ съ прямыми ея по службѣ обязанностями, продолжать долѣе по сему дѣлу переписку.

*) Дѣло строит. комит. № 10.

Лѣтомъ 1840 г. главное зданіе Университета вчернѣ было уже окончено. Къ тому-же времени, т. е. къ началу учебнаго 1840—41 г. Университетъ св. Владиміра и съ внутренней стороны нѣсколько организовался уже къ новому типу. Его новая жизнь такъ сказать признана и санкціонирована новымъ посѣщеніемъ Государя Николая Павловича и наслѣдника престола. Это было первое посѣщеніе Государя послѣ событій 1839 г. „11 августа (говорилось на актѣ 1841 г.) Университетъ св. Владиміра имѣлъ счастіе принимать въ своихъ стѣнахъ Его Императорское Величество Всемилостивѣйшаго своего Государя и Его Императорское Высочество Государя Цесаревича Наслѣдника всероссійскаго престола Александра Николаевича. Этого дня въ 6 часовъ вечера, Государь вмѣстѣ съ первороднымъ сыномъ своимъ... изволилъ осматривать институтъ казеннокоштныхъ студентовъ и вновь отстраивающееся зданіе Университета". Послѣднимъ Государь остался болѣе доволенъ, чѣмъ первымъ; мы уже видѣли, что его поразилъ внѣшній недостатокъ выправки студентовъ, и что это повело было къ весьма важнымъ послѣдствіямъ для высшаго образованія въ цѣлой имперіи. Зданіе-же Университета, снаружи уже совершенно оконченное, заняло его своею величественностію. „Послѣ того (разсказывалось на томъ-же актѣ) Университетъ св. Владиміра осчастливленъ былъ посѣщеніемъ... министра народнаго просвѣщенія. Хотя приключившаяся болѣзнь не позволила ему тотчасъ-же по прибытіи своемъ въ Кіевъ принять университетское сословіе въ совокупности, но за то члены Университета имѣли честь представиться ему по частямъ и отдѣльно. Каждый могъ такимъ образомъ изложить предъ своимъ главнымъ начальникомъ свои собственныя нужды и получить отъ него наставленія, сообразно своей особенной дѣятельности, услышать слова одобренія сообразно своимъ особеннымъ занятіямъ". Между тѣмъ Уваровъ входилъ въ подробное разсмотрѣніе и соображеніе различныхъ предметовъ, касающихся благосостоянія Университета св. Владиміра. 18 октября представлялись министру студенты Университета. „Слова, къ нимъ обращенныя, которыми онъ изъявлялъ имъ свое удовольствіе за ихъ поведеніе и внушалъ имъ важность и необходимость университетскаго образованія при настоящемъ положеніи общества, остались навсегда запечатлѣнными въ ихъ сердцахъ". Того-же дня Уваровъ осматривалъ отстраивающееся университетское зданіе и 23 октября оставилъ г. Кіевъ.

На годичномъ актѣ 1841 г. было заявлено, что воздвигаемое для Университета величественное зданіе приближается уже къ своему окончанію и Университетъ питалъ справедливую надежду праздновать начало будущаго академическаго года въ своемъ собственномъ домѣ.

Надежда эта не обманула его; дѣйствительно 1842-й годъ былъ ознаменованъ двойнымъ переходомъ Университета св. Владиміра къ новой жизни; тогда былъ данъ и введенъ новый уставъ; въ томъ-же году Университетъ перешелъ и въ свое новое и постоянное помѣщеніе, остающееся и донынѣ почти безъ всякихъ измѣненій.

ЭПОХА II.

1842—1849.

ГЕРМАНСКІЙ УНИВЕРСИТЕТСКІЙ СТРОЙ НА РУССКОЙ ПОЧВѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Уставъ 1842 г. и управленіе Университета по началамъ этого устава.

Когда окончился (вторичный) срокъ дѣйствія временнаго устава Университета св. Владиміра 1833 года, то въ прочихъ русскихъ университетахъ уже давно дѣйствовалъ общій уставъ 1835 г., созданный тѣмъ-же С. С. Уваровымъ, которому предстояло теперь выработать постоянный новый уставъ Университета св. Владиміра. Казалось-бы, въ этомъ послѣднемъ не было никакой надобности; стоило только распространить дѣйствіе общаго устава на Кіевскій университетъ.

Однако Уваровъ поступилъ иначе: Университету св. Владиміра приготовлялся и потомъ данъ былъ опять спеціальный уставъ. Особенныя черты этого устава истекаютъ не изъ какихъ-либо мѣстныхъ особенностей Университета въ Кіевѣ; большею частію онѣ могли быть примѣнены и къ прочимъ русскимъ университетамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ уже намѣчены и въ уставѣ 1833 года, но не вошли въ общій уставъ, а снова съ большею отчетливостію воскресли въ уставѣ 1842 года. Очевидно Уварову хотѣлось испробовать на одномъ русскомъ университетѣ возможность примѣненія къ Россіи порядковъ нѣмецкихъ

университетовъ. Это была проба (какъ увидимъ вполнѣ не удавшаяся) перенести внѣшнія черты германской университетской жизни въ общую обстановку совершенно чуждую имъ; среда, въ которой развивается университетская жизнь, далеко захватываетъ разныя явленія государственной, общественной и экономической народной жизни,— явленія, которыя не можетъ измѣнить министръ новымъ уставомъ учебнаго заведенія. Въ концѣ управленія министерствомъ, Уварову суждено было увидѣть, вмѣсто ожидаемыхъ плодовъ европейскаго университетскаго строя, введеніе штатнаго числа студентовъ, смотрѣть, какъ пишутся программы для университетскаго преподаванія сторонними вѣдомствами, пришлось самому назначать коронныхъ ректоровъ и т. д. Многія изъ особенностей устава 1842 года онъ самъ вскорѣ долженъ былъ вычеркнуть по просьбѣ совѣта Университета. Съ этой стороны настоящая эпоха исторіи Университета св. Владиміра, теряя мѣстный интересъ, становится поучительною для общей исторіи русскихъ университетовъ.

Уставъ 1842 г. Еще когда въ 1838 г. истекалъ 4-хъ годичный срокъ дѣйствія временнаго устава Университета св. Владиміра, то совѣту этого Университета было предложено высказать свои соображенія на счетъ будущаго постояннаго устава, такъ какъ и тогда не предполагалось распространить на Университетъ св. Владиміра общій уставъ 1835 г. безъ измѣненій. Совѣтъ представилъ свои замѣчанія въ февралѣ 1838 г. Но тогда, какъ мы знаемъ, дѣйствовавшій временный уставъ былъ оставленъ въ силѣ еще на 4 года, т. е. до 15 іюля 1842 г. Въ 1840 г. отъ совѣта потребовали вновь пересмотрѣть общій уставъ россійскихъ университетовъ и дѣйствовавшій временный уставъ 1833 г. Совѣтъ не встрѣтилъ надобности измѣнять или дополнять въ чемъ-либо прежнія свои предположенія по этому предмету, представленныя въ въ 1838 г., за исключеніемъ предположенія, относящагося къ § 63-му общаго устава. Въ этомъ параграфѣ сказано: „ректоръ имѣетъ право дѣлать выговоры и замѣчанія профессорамъ и зависящимъ отъ него чиновникамъ, въ случаѣ замѣченныхъ съ ихъ стороны упущеній и неисправностей". Большинство совѣта въ 1838 г. считало необходимымъ или вовсе изъять профессоровъ отъ дѣйствія права ректора дѣлать выговоры и замѣчанія, или по крайней мѣрѣ, предоставить ему одно право дѣлать профессорамъ замѣчанія, съ наблюденіемъ при

томъ крайней осмотрительности; меньшинство, напротивъ, считало власть, предоставленную ректору § 63-мъ общаго устава, необходимою для сохраненія должнаго порядка въ Университетѣ и полагало распространить этотъ параграфъ и на Университетъ св. Владиміра. Наоборотъ, при вторичномъ пересмотрѣ, когда уже выбыли изъ Университета многіе члены, составлявшіе большинство въ 1838 г., совѣтъ новымъ большинствомъ голосовъ призналъ необходимымъ распространить § 63-й общаго устава въ полной его силѣ и на Университетъ св. Владиміра (вопреки мнѣнію: Новицкаго, Богородскаго, Ѳедорова и Орнатскаго, которые остались при прежнемъ мнѣніи). Обращаясь къ другимъ предположеніямъ совѣта, находимъ, что совѣтъ составилъ примѣрное распредѣленіе каѳедръ, сообразно важности и обширности предметовъ преподаванія, слѣдуя указаніямъ опыта и назначая для каждой каѳедры ординарнаго профессора; а именно: по I-му отдѣленію философскаго факультета 8 каѳедръ и ординарныхъ профессоровъ; по II-му отдѣленію 10; по юридическому факультету 8; по медицинскому—13. Принимая въ штатъ такое число ординарныхъ профессоровъ, совѣтъ имѣлъ въ виду, что на основаніи §§ 79 и 90 общаго устава россійскихъ университетовъ, всѣ вообще каѳедры въ Университетѣ должны быть заняты ординарными профессорами; замѣщеніе какой-либо каѳедры экстра-ординарнымъ профессоромъ есть только случайность, проистекающая изъ временныхъ обстоятельствъ; что-же касается адъюнктовъ, то они не могутъ имѣть никакой самостоятельной каѳедры и, по яснымъ словамъ § 90-го общаго устава, суть помощники профессоровъ, раздѣляющіе съ ними, по назначенію совѣта, преподаваніе и занимающіе, за болѣзнью или отсутствіемъ профессоровъ временно ихъ каѳедры. При опредѣленіи числа адъюнктовъ совѣтъ имѣлъ въ виду дѣйствительную въ нихъ надобность, сообразно числу и обширности каѳедръ каждаго факультета. Сословіе адъюнктовъ должно служить разсадникомъ сословія ординарныхъ профессоровъ, и слѣдовательно число первыхъ должно быть по возможности достаточнымъ для непрерывнаго восполненія числа послѣднихъ. По этимъ соображеніямъ совѣтъ опредѣлилъ: для I-го отдѣленія философскаго факультета назначить 4-хъ адъюнктовъ; для II-го отдѣленія того-же факультета—3-хъ, для факультета юридическаго—также 3-хъ, наконецъ, для медицинскаго—6; всего 16 адъюнктовъ. Что касается числа экстра-ординарныхъ профес-

соровъ, то по мнѣнію совѣта, не было нужды опредѣлять его. Званіемъ экстра-ординарнаго профессора будутъ награждаемы адъюнкты, которые, по ихъ свѣдѣніямъ и долговременной, усердной службѣ, будутъ достойны званія ординарнаго профессора, но по неимѣнію вакантной каѳедры, должны оставаться въ званіи адъюнктовъ; совѣтъ находилъ справедливымъ опредѣлить, что изъ общаго числа адъюнктовъ два по I-му отдѣленію философскаго факультета, одинъ по II-му отдѣленію того-же факультета, одинъ въ факультетѣ юридическомъ и три въ медицинскомъ, а всего вообще семь адъюнктовъ могутъ быть произведены въ экстра-ординарные профессора. Относительно числа *лекторовъ*, совѣтъ положилъ имѣть въ Университетѣ св. Владиміра по языку французскому 2-хъ лекторовъ, по нѣмецкому также 2-хъ, по итальянскому одного и по англійскому одного.

Говоря о причинахъ, по которымъ оказывалось нужнымъ измѣнить дѣйствовавшій временный штатъ, совѣтъ прежде всего положилъ принять за основаніе штатъ Университета Петербургскаго и Московскаго. Причины, побудившія совѣтъ, въ особенности по отношенію къ назначенію жалованья преподавателямъ и чиновникамъ Университета, были слѣдующія: при назначеніи различныхъ окладовъ жалованья профессорамъ и чиновникамъ одинаковаго званія или степени въ разныхъ университетахъ, безъ сомнѣнія имѣется въ виду разность въ количествѣ издержекъ необходимыхъ для одинаковаго въ разныхъ мѣстахъ содержанія профессоровъ и чиновниковъ. Такое уравненіе конечно составляетъ существенно необходимое условіе, безъ соблюденія котораго ученая часть въ государствѣ не можетъ быть устроена соотвѣтственно той цѣли и съ тѣмъ успѣхомъ, какого ожидаетъ отъ нея правительство. Сообразно съ симъ началомъ справедливости, требовалось-бы, по сравненію окладовъ жалованья профессоровъ и чиновниковъ Университета св. Владиміра и Московскаго университета, чтобы первые опредѣлены были не только не ниже, но напротивъ выше послѣднихъ, потому что, хотя по общему мнѣнію людей незнакомыхъ съ мѣстными обстоятельствами здѣшняго края, издержки содержанія въ одной изъ южныхъ губерній, какова Кіевская, полагаются гораздо незначительнѣе тѣхъ, какія требуются, напримѣръ, въ С.-Петербургѣ или въ Москвѣ; однако-жъ на самомъ дѣлѣ опытъ ясно показываетъ, что издержки содержанія въ Кіевѣ несравненно значительнѣе подобныхъ

издержекъ въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ и что жалованье, доставляющее чиновнику въ одной изъ столицъ возможность жить со всѣми удобствами, въ Кіевѣ достаточно только для жизни безбѣдной. За многія статьи потребленія и за удовлетвореніе всякаго рода жизненныхъ потребностей въ Кіевѣ должно платить значительною частію и нерѣдко вдвое дороже, нежели въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. Совѣтъ считалъ не излишнимъ замѣтить, что большая часть профессоровъ и чиновниковъ Университета св. Владиміра остаются холосты, по невозможности при настоящихъ средствахъ прилично содержать жену и семейство и вообще завести порядочное домохозяйство. Неуравненіе содержанія профессоровъ Кіевскаго университета съ профессорами столичныхъ университетовъ возростаетъ въ значительной прогрессіи отъ того обстоятельства, что профессора столичныхъ университетовъ, особенно С.-Петербургскаго, сверхъ занятія должностей при Университетѣ, могутъ занимать, и, какъ извѣстно, занимаютъ мѣста по ученой, учебной и административной части въ другихъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ разныхъ вѣдомствъ съ особеннымъ и значительнымъ по каждому жалованьемъ. Напротивъ въ Кіевѣ ниодно изъ такихъ обстоятельствъ не имѣетъ мѣста, да и врядъ-ли будетъ имѣть безъ нарушенія тѣхъ приличій, которыя предписываетъ лицамъ профессорскаго сословія ихъ званіе и положеніе въ обществѣ. Оттого профессоръ въ Кіевѣ долженъ ограничиваться единственно жалованьемъ, усвоеннымъ его званію, такъ что въ отношеніи къ денежнымъ своимъ средствамъ вообще, онъ поставленъ въ положеніе даже менѣе выгодное, нежели то, въ которомъ находятся нѣкоторые изъ учителей гимназій. По всѣмъ симъ причинамъ и по указанію опыта, что тѣ только должности безъ труда замѣщаются достойными людьми, которымъ усвоено жалованье вполнѣ соразмѣрное съ ихъ званіемъ и обязанностями, и безобидное по сравненію съ другими одного и того-же рода мѣстами, совѣтъ признаетъ совершенно необходимымъ, для будущаго утвержденія, возростанія и процвѣтанія Университета св. Владиміра, опредѣлить оклады жалованья по крайней мѣрѣ въ такомъ-же количествѣ, въ какомъ они назначены для университетовъ С.-Петербургскаго и Московскаго. При назначеніи квартирныхъ денегъ преподавателямъ и чиновникамъ Университета, совѣтъ полагалъ вообще руководствоваться тѣмъ правиломъ, чтобы квартирныя деньги составляли пятнадцать процентовъ жалованья.

Далѣе совѣтъ считалъ необходимымъ увеличить суммы, назначенныя на библіотеку и кабинеты. Въ библіотекѣ по наукамъ, особенно не входившимъ въ курсы ученія въ Волынскомъ лицеѣ, каковы, напр., почти всѣ юридическія, число книгъ весьма незначительно, а по нѣкоторымъ изъ нихъ почти ничтожно. Говоря о неудовлетворительномъ состояніи кабинетовъ, совѣтъ между прочимъ ссылался на то, что профессора, не имѣя средствъ и для личнаго содержанія, не могутъ восполнять недостатковъ университетской библіотеки и кабинетовъ домашними учеными коллекціями. Сумма, положенная на казенно-коштнаго студента, оказывалась годъ отъ году недостаточнѣе. Озабочиваясь желаніемъ всегда видѣть въ Университетѣ достойныхъ преподавателей и признавая главнѣйшимъ средствомъ для полученія ихъ отправленіе отличныхъ воспитанниковъ за границу, совѣтъ, примѣнительно къ штатамъ медико-хирургическихъ академій С.-Петербургской и Московской и штату главнаго педагогическаго института, почелъ нужнымъ назначить на этотъ предметъ особенную сумму. Совѣтъ призналъ, кромѣ того, нужнымъ назначить въ штатѣ 1428 руб. $57^1/_2$ коп. сер. ежегодно на ученыя путешествія преподавателей. Съ одной стороны онъ имѣлъ при этомъ въ виду примѣръ Дерптскаго университета, въ штатѣ котораго опредѣлена особая сумма на этотъ предметъ, съ другой—видѣлъ въ ученыхъ путешествіяхъ преподавателей сильнѣйшее средство для всегдашняго сохраненія между ними духа истинной учености, для начатія и поддержанія живыхъ, непосредственныхъ сношеній съ учеными другихъ мѣстъ и странъ, для произведенія разныхъ открытій въ области наукъ физическихъ и нравственныхъ. Сгруппировавъ всѣ эти предположенія, совѣтъ Университета св. Владиміра представилъ проэктъ общаго штата для Университета св. Владиміра со включеніемъ въ него и медицинскаго факультета. Онъ полагалъ назначить каждому ординарному профессору по 5000 руб. ас. жалованья и по 750 р. квартирныхъ; адъюнкту 2500 р. жалованья и по 400 р. квартирныхъ. Въ случаѣ производства въ экстра-ординарные профессора, адъюнкту добавочныхъ 1000 р. жалованья и 150 р. квартирныхъ. Профессорамъ богословія по 4000 руб. жалованья и 600 р. квартирныхъ. Библіотекарю 3000 руб. жалованья и 450 руб. квартирныхъ. На содержаніе 50 студентовъ педагогическаго и юридическаго институтовъ 25,000 р. (по 500 р. на каждаго). На содержаніе 200 меди-

ципскихъ воспитаппиковъ 100,000 руб. На содержаніе 10 ветеринарныхъ учениковъ 1-го разряда 5000 р.,—ветеринарныхъ учениковъ 2-го разряда 8000 р. На обмундированіе и снабженіе медицинскими книгами и инструментами выпускаемыхъ изъ Университета казенно-коштныхъ воспитанниковъ (полагая ежегодно 43 медицинскихъ и ветеринарныхъ 1-го разряда) 21,000 р. На мундиры выпускаемыхъ изъ Университета 7 ветеринарныхъ воспитанниковъ 2-го разряда—1750 руб. На содержаніе двухъ клиническихъ и повивальнаго институтовъ 25,000 руб. На содержаніе практическаго ветеринарнаго заведенія—8000 р. На печатаніе сочиненій 2000 р. На посылку за границу воспитанниковъ 10,000 руб. На ученыя путешествія преподавателей—5000 руб. На прибавочное жалованье ректору—2,000 р., деканамъ по 1000 р., пяти профессорамъ за занятія съ казеннокоштными воспитанниками по 800 руб. каждому. Управителю университетскихъ имѣній жалованья 1080 р., на разъѣзды—300 р. Смотрителю университетскихъ лѣсовъ—720 р. На наемъ для университетскихъ крестьянъ хирурга—300 р. Всего на Университетъ 676,300 р. ас. или на серебро 193,228 р. *).

Насколько эти предположенія совѣта осуществились, покажетъ разборъ самого устава.

9-го іюня 1842 г. былъ данъ Высочайшій указъ сенату о введеніи въ дѣйствіе новаго устава и штата Университета св. Владиміра съ 15 іюля того-же года.

Новый уставъ Университета во многомъ основывается на общемъ уставѣ университетовъ 1835 г., но въ значительномъ числѣ параграфовъ даетъ спеціальныя постановленія для Университета св. Владиміра. Именно уставъ 1835 г. распространенъ на Университетъ св. Владиміра во всемъ, чтó касается порядка веденія дѣлъ въ факультетахъ, въ засѣданіяхъ совѣта и правленія, во всемъ, чтó касается лекцій, задачъ и испытаній и наконецъ въ томъ, что относится къ инспекторской части, къ педагогическому и медицинскому институтамъ.

Всѣ прочія части устава составляютъ черты отличія Университета св. Владиміра отъ прочихъ русскихъ университетовъ. Происхожденіе этихъ отличій объясняется во-первыхъ тѣмъ, что семилѣтній

---

*) Дѣло совѣта 1840 г., № 147.

опытъ послѣ изданія устава 1835 г. указалъ необходимость нѣкоторыхъ измѣненій и приспособленій; во-вторыхъ внутренними особенностями, которыя хотѣлъ придать гр. Уваровъ Университету въ Кіевѣ. Кіевскій Университетъ, наравнѣ съ Дерптскимъ, считался на особомъ положеніи. Уваровъ считалъ съ одной стороны болѣе возможнымъ примѣнить къ нему вполнѣ порядки германскихъ университетовъ, съ другой стороны признавалъ необходимыми особыя усиленныя мѣры правительственнаго контроля именно надъ этимъ Университетомъ. Отсюда является двойственность въ основныхъ чертахъ устава 1842 года: допуская свободу, усвоенную въ германскихъ университетахъ въ учебной части, уставъ во всемъ, что касается управленія, не даетъ и той доли правъ Университету св. Владиміра, какая была предоставлена прочимъ русскимъ университетамъ по уставу 1835 г. Эта двойственность проникала потомъ во всю послѣдующую 20-ти лѣтнюю жизнь Университета до 1863 года. Общегосударственный строй второй половины царствованія Императора Николая I наклонилъ перевѣсъ на ту сторону, которая касалась ограниченія правъ Университета, причемъ отъ нѣмецкой семестральной свободы обученія не осталось слѣда.

Ректоръ, по общему уставу, избирается на 4 года. Четырехлѣтній срокъ службы ректора, какъ мы знаемъ, былъ введенъ и въ Университетѣ св. Владиміра спеціальнымъ узаконеніемъ 1841 г., что́ удержано въ уставѣ 1842 года. Но по этому уставу совѣтъ избираетъ уже не ректора, а *двухъ кандидатовъ на ректорскую должность*, которые и представляются чрезъ попечителя министру народнаго просвѣщенія; утвержденіе одного изъ этихъ двухъ кандидатовъ зависитъ отъ Высочайшей власти; впрочемъ министръ, испрашивая это утвержденіе, имѣетъ право излагать свое мнѣніе въ пользу того или другаго кандидата. На дѣлѣ, какъ увидимъ, и совѣтъ избиралъ собственно одного, присоединяя другаго для исполненія формальности, и министръ, а тѣмъ болѣе Государь, не имѣлъ никакихъ основаній отклонять перваго кандидата въ пользу втораго. Иначе и быть не можетъ при всѣхъ такъ называемыхъ избраніяхъ кандидатовъ; двухъ или трехъ равнодостойныхъ лицъ быть не можетъ. Тѣмъ не менѣе такой способъ избранія, составляя отличительную черту устава Университета св. Владиміра, очевидно, былъ принятъ съ цѣлью сокращенія правъ этого послѣдняго Университета.

Такъ какъ всѣ параграфы устава 1835 года, касающіеся правъ ректора, были распространены уставомъ 1842 г. и на Университетъ св. Владиміра, то и извѣстный спорный параграфъ о правѣ ректора дѣлать выговоры и замѣчанія профессорамъ, былъ примѣненъ къ Университету св. Владиміра, согласно желанію новаго большинства его совѣта.

Затѣмъ выборы проректора и декановъ на 4 года остались въ томъ-же видѣ, какъ установлены были спеціальнымъ узаконеніемъ 1841 года. Составъ совѣта остался тотъ-же, какъ и прежде. Въ правленіи уже нѣтъ непремѣннаго члена изъ стороннихъ чиновниковъ для управленія фундушами, которое, какъ мы знаемъ, уже прежде перешло въ непосредственное завѣдываніе попечителя; однако уставъ 1842 г. и на правленіе Университета возлагаетъ обязанность не только распоряжаться доходами университетскихъ недвижимыхъ имѣній и фундушей, но и имѣть попеченіе о своевременномъ поступленіи ихъ и употреблять настоянія о взнесеніи недоимокъ и долговъ.

Мы знаемъ, что совѣтъ проэктировалъ 39 каѳедръ, съ тѣмъ, чтобы каждая изъ нихъ была занята ординарнымъ профессоромъ; въ этомъ отношеніи уставъ не вполнѣ удовлетворилъ ожиданіямъ совѣта, ибо онъ назначилъ *37 каѳедръ*. Это сокращеніе относится, однако, къ одному только медицинскому факультету. На всѣхъ прочихъ факультетахъ и число каѳедръ и составъ ихъ приняты совершенно тѣ-же, какъ были обозначены въ проэктѣ совѣта. Сравнительно съ числомъ каѳедръ по уставу 1833 г., оно увеличено на I-мъ отдѣленіи философскаго факультета съ 5 на 8; именно: въ первый разъ въ Университетѣ св. Владиміра только теперь возникаетъ каѳедра исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій со включеніемъ славянскихъ древностей, только теперь русская исторія составляетъ самостоятельную каѳедру, и наконецъ основывается вновь на этомъ факультетѣ каѳедра политической экономіи.

По II-му отдѣленію философскаго факультета число каѳедръ возвышается съ 8 на 10; но это увеличеніе произошло не отъ введенія какихъ-либо новыхъ наукъ, а отъ раздѣленія одной каѳедры на нѣсколько самостоятельныхъ; именно по уставу 1833 г. въ одну каѳедру совмѣщены были слѣдующія науки: технологія, сельское хозяйство, лѣсоводство и архитектура. Теперь изъ этой смѣси составились три

отдѣльныя каѳедры: 1) архитектуры, 2) технологіи и 3) сельскаго хозяйства съ лѣсоводствомъ. Предположеніе совѣта отдѣлить прикладную математику отъ чистой въ особую каѳедру осталось неисполненнымъ. Впрочемъ въ отношеніи ко II-му отдѣленію философскаго факультета уставъ 1842 года былъ гораздо щедрѣе и устава 1835 г., по которому на этомъ отдѣленіи полагалось только 8 каѳедръ, т. е. тѣ самыя, которыя были назначены въ Университетѣ св. Владиміра уставомъ 1833 г.

То-же самое и относительно факультета юридическаго: вмѣсто 7 каѳедръ, назначенныхъ уставами 1833 и 1835 годовъ, уставъ 1842 г. назначаетъ 8 каѳедръ, именно, кромѣ назначенныхъ по уставу 1833 г., введена въ первый разъ каѳедра общенароднаго правовѣдѣнія. Мы знаемъ уже, какія затрудненія возникали изъ совмѣщенія энциклопедіи законовѣдѣнія съ государственнымъ правомъ, произведеннаго послѣ изданія устава 1833 г. по проэкту Балугьянскаго. Теперь обѣ эти науки снова составляютъ каждая отдѣльныя каѳедры.

Во всемъ этомъ проэктъ совѣта Университета св. Владиміра нашелъ въ уставѣ почти полное осуществленіе. Не то въ медицинскомъ факультетѣ *); здѣсь, не только число каѳедръ, но и научный составъ ихъ опредѣленъ въ уставѣ совершенно иначе, чѣмъ въ проэктѣ. Совѣтъ проэктировалъ двѣ каѳедры по анатоміи, уставъ далъ двѣ каѳедры по физіологіи (изъ которыхъ вторая посвящена патологической физіологіи). Совѣтъ проэктировалъ каѳедру энциклопедіи, методологіи, исторіи и литературы медицины; уставъ, не назначивъ такой каѳедры, предписалъ, „что каждый профессоръ медицинскаго факультета обязанъ при преподаваніи своего предмета, излагать необходимую по отношенію къ нему часть исторіи медицины и ея литературы; особенное-же чтеніе ея, какъ науки самостоятельной, можетъ быть возложено на одного изъ профессоровъ, который будетъ имѣть къ тому особое призваніе и болѣе другихъ свободнаго времени съ нѣкоторымъ вознагражденіемъ изъ хозяйственныхъ суммъ Университета, или поручено одному изъ доцентовъ. Краткое изложеніе энциклопедіи и методологіи медицины, въ теченіи одного полугодія, можетъ быть отнесено къ обязанности декана, или поручено также одному изъ доцентовъ". Совѣтъ

*) Возникновеніе и организація этого факультета въ Университетѣ св. Владиміра будутъ изложены нами отдѣльно.

проэктировалъ двѣ каѳедры по ветеринарнымъ наукамъ; уставъ не далъ ни одной, отнеся преподаваніе ветеринарной полиціи съ эпизоотическими болѣзнями къ обширной каѳедрѣ государственнаго врачебновѣдѣнія, куда отнесены, кромѣ судебной медицины, медицинская полиція съ гигіеной и врачебное законовѣдѣніе. Огромный составъ этой каѳедры вызвалъ въ послѣдствіи затрудненія и жалобы. За то уставъ вмѣсто одной каѳедры хирургіи назначилъ двѣ: оперативной хирургіи и теоретической съ офталміатріею, равно и клиническую терапію отдѣлилъ отъ частной терапіи.

Но неудача совѣтскаго проэкта была не столь велика въ отношеніи къ числу каѳедръ, сколько въ отношеніи къ званію профессоровъ, занимающихъ эти каѳедры. Совѣтъ предполагалъ для каждой каѳедры ординарнаго профессора; уставъ назначилъ только *26 ординатуръ, а на остальные 11 каѳедръ опредѣлилъ экстра-ординарныхъ профессоровъ.* На всѣ 37 каѳедръ онъ далъ лишь 8 адъюнктовъ. Положеніе экстра-ординарныхъ профессоровъ обозначено въ уставѣ самымъ неопредѣленнымъ и даже загадочнымъ образомъ. Еще въ общемъ уставѣ 1835 г. (§ 79) эта сторона дѣла была спутана такимъ образомъ: „каѳедры поручаются профессорамъ экстра-ординарнымъ въ двухъ случаяхъ: 1) когда во время избранія совѣтъ не имѣетъ въ виду извѣстнаго по той части преподавателя, достойнаго въ полной мѣрѣ званія ординарнаго профессора и 2) когда есть ученый, который хотя *по возрасту* и не можетъ быть ординарнымъ профессоромъ, но отличными дарованіями вознаграждаетъ *незрѣлость лѣтъ*". Такимъ образомъ предполагается, что профессоромъ можетъ быть не вполнѣ достойный человѣкъ и даже незрѣлыхъ лѣтъ, хотя постановлено общее требованіе отъ ищущихъ профессорства, именно докторская степень по соотвѣтствующему факультету. Въ уставѣ 1842 года уже нѣтъ рѣчи о незрѣлыхъ профессорахъ, но за то введена запутанность съ другой стороны: положеніе экстра-ординарнаго профессора опредѣляется не только его личными качествами, но и свойствами самой каѳедры; а именно: „званіе экстра-ординарнаго профессора присвоивается преподавателямъ университета въ двухъ случаяхъ: 1) когда второстепенность предмета не требуетъ особой ординарной каѳедры и 2) когда нѣтъ въ виду кандидата, который совмѣщалъ-бы въ себѣ всѣ условія, необходимыя для полученія званія профессора ординарнаго. Въ первомъ

случаѣ кандидатъ долженъ удовлетворять требованіямъ равнымъ съ ищущими ординарную каѳедру, а во второмъ онъ допускается на каѳедру экстра-ординарную въ видѣ опыта, и не прежде удостоивается званія ординарнаго профессора, какъ по пріобрѣтеніи достаточной извѣстности или отличнымъ преподаваніемъ, или учеными сочиненіями и изысканіями". Въ первомъ изъ этихъ случаевъ не ясно, какіе предметы должны быть сочтены второстепенными; можно-бы подумать, что не тѣ, которые по уставу составляютъ каѳедры, а ихъ части и подчиненныя имъ науки. Но тогда на каждую каѳедру долженъ-бы быть назначенъ ординарный профессоръ, а экстра-ординарные были-бы лишь помощниками профессоровъ, т. е. ничѣмъ не отличались-бы отъ адъюнктовъ. Уставъ назначаетъ общее число профессоровъ—ординарныхъ и экстра-ординарныхъ—равное числу каѳедръ. Такимъ образомъ приходилось отыскивать между каѳедрами, назначенными по уставу, главныя и второстепенныя и на послѣднія назначать экстра-ординарныхъ профессоровъ. Само собою разумѣется, что это и невозможно и весьма вредно. Во второмъ случаѣ было неясно, отсутствіе какихъ условій въ ищущемъ профессуры должно заставить его удовлетвориться званіемъ экстра-ординарнаго профессора. Общее и главное условіе—т. е. требобованіе докторской степени, установленное уставомъ 1835 г., остается въ силѣ и теперь (такъ какъ § 76 общаго устава россійскихъ университетовъ распространенъ и на Университетъ св. Владиміра). Такъ какъ никакихъ другихъ дефектовъ въ ищущемъ ординарной профессуры (особенно такомъ, который можетъ пріобрѣсти „извѣстность преподаваніемъ и учеными трудами") отыскать нельзя, то на практикѣ именно возникала мысль, что экстра-ординарнымъ профессоромъ можетъ быть и не имѣющій степени доктора и что онъ потомъ, также не пріобрѣтая этой степени, но сдѣлавшись извѣстнымъ своимъ преподаваніемъ, можетъ пріобрѣсти и званіе ординарнаго профессора. Къ такимъ послѣдствіямъ можетъ привести неясность и неопредѣленность закона.

Во всякомъ случаѣ 11 каѳедръ въ Университетѣ *должны быть* заняты лицами, не вполнѣ достойными профессорства. Проэктъ совѣта Университета св. Владиміра былъ безъ сомнѣнія точнѣе и яснѣе въ этомъ отношеніи. Причина-же такихъ несовершенствъ устава скрывается опять въ экономіи, излишней бережливости: уставъ пожалѣлъ прибавить 4 тысячи къ бюджету Университета.

Способъ опредѣленія на профессорскія вакансіи остался прежній, именно главный — *выборъ въ совѣтѣ* и вспомогательный — назначеніе министерствомъ.

За то въ уставѣ 1842 года въ первый разъ появляется институтъ, приготовительный къ профессорству; это такъ называемая *доцентура* (т. е. нынѣшняя приватъ-доцентура). Въ общемъ уставѣ россійскихъ университетовъ ея не было; она распространена на прочіе университеты уже въ 1843 году; тогда въ своемъ докладѣ Уваровъ объяснилъ и мотивы ея установленія. „Для замѣщенія вакансій профессоровъ и адъюнктовъ въ университетахъ часто не представляется достойныхъ кандидатовъ *изъ русскихъ уроженцевъ*. Причиною этого нельзя не полагать между прочимъ и то, что способнымъ молодымъ людямъ, желающимъ посвятить себя ученому поприщу, нѣтъ въ нашихъ университетахъ (исключая Дерптскаго и Университета св. Владиміра) пріюта для приготовленія къ будущему назначенію, и отъ того многіе изъ нихъ принуждены бываютъ оставлять намѣреніе вступить въ службу по части учебной. Допускаемая по необходимости мѣра къ замѣщенію означенныхъ вакансій, именно отправленіе молодыхъ людей за границу для усовершенствованія въ наукахъ, при настоящемъ положеніи вещей, имѣетъ то неудобство, что весьма легко могутъ быть допущены къ приготовленію въ преподаватели такіе кандидаты, которые не имѣютъ дара преподаванія". При этомъ министръ ссылался на опытъ Дерптскаго университета, въ которомъ, по уставу 1820 г., совѣтъ имѣетъ право представлять о дозволеніи получившему ученую степень преподавать лекціи и о назначенія ему, соразмѣрно прилежанію и усердію его, годоваго жалованья, которое не должно превышать 1000 р. ас. *).

Такой институтъ могъ принести несомнѣнную пользу. Къ сожалѣнію постановка его, какая сдѣлана въ уставѣ Университета св. Владиміра, отнимала всякую надежду на то, что это учрежденіе пуститъ корни и окрѣпнетъ. Этотъ уставъ позволяетъ совѣту Университета ходатайствовать о дозволеніи получившему ученую степень магистра или доктора читать лекціи о какомъ-либо отдѣльномъ предметѣ, съ присвоеніемъ такому преподавателю званія доцента. Доценты считаются въ службѣ, но жалованья отъ университета не получаютъ. По мѣрѣ успѣховъ ихъ въ преподаваніи, совѣту предоставляется хо-

*) См. Сборн. постанов. по мин. нар. просв. т. II, отд. 2-е, № 850.

ходатайствовать о вознагражденіи трудовъ ихъ *единовременными* денежными выдачами изъ экономической университетской суммы. „*Впрочемъ* доценты составляютъ разсадникъ для штатныхъ адъюнктскихъ и профессорскихъ мѣстъ“. Но для самаго разсадника надо было создать благопріятную почву. Доцентъ долженъ имѣть степень магистра или доктора; но эти-же степени требуются и отъ ищущихъ званія адъюнктовъ и профессоровъ. Почему-бы магистръ или докторъ могли искать доцентуры, когда они могутъ претендовать быть адъюнктами и профессорами? Это могло случиться лишь въ томъ случаѣ, когда-бы университеты были совершенно наполнены профессорами и когда-бы сверхъ того былъ свободный запасъ магистровъ и докторовъ,—положеніе, о которомъ не могли мечтать русскіе университеты, не только въ 1842 году, но и сорокъ лѣтъ спустя. Припомнимъ при этомъ необычайную строгость и сложность экзаменовъ на степень магистра и доктора. Но пріобрѣтеніе доцентства еще труднѣе, чѣмъ достиженіе профессуры; для перваго въ уставѣ 1842 г. назначено еще добавочное условіе, а именно: желающій пріобрѣсть это званіе обязанъ, кромѣ диссертаціи, по которой получилъ ученую степень, представить новую pro venia legendi и защитить ее публично; для пріобрѣтенія званія профессора того не требовалось. Далѣе—доценты могутъ разсчитывать (послѣ болѣе или менѣе значительнаго времени преподаванія) на единовременную денежную выдачу; между тѣмъ мы видѣли, что по уставу Дерптскаго университета имъ назначено постоянное, хотя и скромное вознагражденіе.

Словомъ было весьма сомнительно, что найдется хотя одинъ случай доцентства (кромѣ факультета медицинскаго). Однако мы увидимъ, что въ Университетѣ св. Владиміра нашелся такой единственный случай, когда предстояла возможность осуществить институтъ доцентства; нашелся искатель, имѣвшій степень магистра, но магистра духовной академіи. Въ совѣтѣ было выражено сомнѣніе, что не о такомъ магистерствѣ говоритъ уставъ, а потому и изъ этого ничего не вышло.

Уваровъ утверждалъ, что причиною затрудненій при замѣщеніи профессорскихъ вакансій служитъ недостатокъ „пріюта“ въ университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію. Совѣтъ Университета св. Владиміра въ своемъ проэктѣ указывалъ на другую при-

чину, болѣе существенную, именно на жалкое *содержаніе профессоровъ,* которые, ради чести своего положенія, не хотѣли прибѣгать къ побочнымъ источникамъ доходовъ. Возвышеніе жалованья, испрашиваемое совѣтомъ, имѣло своимъ основаніемъ не ихъ личную пользу, а высокій государственный интересъ. Новый штатъ Университета св. Владиміра далеко не оправдалъ надеждъ совѣта; въ высшихъ правительственныхъ сферахъ заботились главнымъ образомъ объ экономіи, хотя она приносила явный вредъ другимъ сторонамъ государственнаго управленія. Обязанности профессоровъ возвышены; по уставу 1842 г. совѣту *предоставлено право требовать,* чтобы каждый изъ нихъ занимался преподаваніемъ не менѣе *8-ми часовъ* въ недѣлю; а экономическое положеніе ихъ не возвысилось. Прежде профессоръ въ Кіевѣ получалъ всего 4500 руб. ас. (т. е. около 1300 р. сер.); по общему уставу россійскихъ университетовъ столько-же назначено профессорамъ и прочихъ провинціальныхъ университетовъ; профессора-же столичные получали 5500 руб. ас. Совѣтъ Университета св. Владиміра проэктировалъ, какъ мы видѣли, профессорское жалованье въ 5750 руб. ас. (т. е. около 1675 р. сер.) и притомъ профессорамъ всѣхъ 39 каѳедръ. Штатъ 1842 г. назначилъ ординарному профессору 1350 р. с., т. е. почти то-же самое, что̀ они уже получали, а экстра-ординарному 980 руб. сер., адъюнкту 690 руб. с. Припомнимъ, что съ 1833 г. прошло 10 лѣтъ, что въ это время городъ Кіевъ, благодаря между прочимъ Университету, разросся въ числѣ жителей; соразмѣрно съ этимъ цѣны возрасли, а удобства грязнаго провинціальнаго города остались тѣ-же. Положеніе профессоровъ, безъ сомнѣнія, ухудшилось, а не улучшилось съ новымъ уставомъ. Опять приходилось имъ жить, какъ „послѣднимъ канцелярскимъ чиновникамъ“. Печальные результаты этого, а именно: запустѣніе каѳедръ, оскудѣніе ученыхъ работъ, вопросъ о содержаніи профессорами пансіонеровъ, практика въ ущербъ преподавательской дѣятельности и пр., будутъ указаны ниже въ своихъ мѣстахъ.

И въ остальномъ новый уставъ не далъ ничего новаго относительно преподавателей. Число *лекторовъ* осталось то-же; двойное-же число лекторовъ французскаго и нѣмецкаго языковъ, проэктированное совѣтомъ, не принято. Жалованье возвышено значительно только инспектору студентовъ (860 р. и на разъѣзды 150 руб.). Общій штатъ Университета, правда, увеличенъ на 61,297 р. сер. Но это увеличеніе

вызвано основаніемъ медицинскаго факультета, на счетъ суммъ Виленской медико-хирургической академіи. Весь штатъ Университета составляетъ 132,660 р. сер. тогда какъ, по проэкту совѣта Университета св. Владиміра, онъ долженъ былъ простираться до 193,228 р. с. *).

Истинную новость устава 1842 г. составляетъ та часть его, которая обращена къ *студентамъ*. Требованіе, по которому въ студенты Университета св. Владиміра могутъ поступить только окончившіе полный курсъ въ гимназіяхъ или равныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ, оставлено въ полной силѣ (хотя еще и тогда не было распространено на прочіе русскіе университеты) и не освобождало вступающихъ отъ новаго экзамена при пріемѣ въ Университетъ. Кромѣ этого, начальство обязано удостовѣриться въ нравственности желающихъ слушать въ Университетѣ лекціи. Пріемъ въ Университетъ опять установленъ 2 раза въ году: послѣ лѣтнихъ и зимнихъ вакацій, какъ было постановлено въ уставѣ 1833 г. (но потомъ вскорѣ отмѣнено по ходатайству совѣта). Теперь этотъ семестральный порядокъ выдержанъ съ большею послѣдовательностію.

Введена нѣмецкая матрикуляризація: внесенный въ студентскій списокъ остается въ немъ по медицинскому факультету—5 лѣтъ, а по прочимъ 4 года; впрочемъ по уважительнымъ причинамъ внесеніе въ списокъ можетъ быть возобновлено еще на одинъ годъ. Годичные экзамены уничтожены; оставлено одно окончательное испытаніе на степень или званіе. Впрочемъ оно раздѣляется на двѣ половины, причемъ предоставлено совѣту произвести это дѣленіе. Тотъ изъ студентовъ, который не держалъ по уважительнымъ причинамъ первой половины испытанія, можетъ быть допущенъ къ одному общему—окончательному, впрочемъ не иначе, какъ съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія. Затѣмъ уже отъ самаго студента зависѣло, въ какомъ порядкѣ онъ хочетъ выслушать предметы своего факультетскаго курса. Мы увидимъ, какъ сложился этотъ порядокъ на дѣлѣ и какой домашній, совсѣмъ не германскій видъ получилъ онъ у насъ.

---

*) Любопытно сличить цифры жалованья преподавателямъ Кіевскаго и Дерптскаго университета, которому данъ дополнительный штатъ въ томъ-же 1842 году. Въ Дерптѣ ординарному профессору назначено 1573 р. жалованья и квартирныхъ (а не 1350 р.). Городъ Дерптъ—не столица, и жизнь въ немъ, конечно, дешевле кіевской. Впрочемъ Дерптскій университетъ всегда имѣлъ преимущество и не въ одномъ этомъ отношеніи.

Другая новость устава 1842 г. есть введеніе въ Университетъ *слушателей;* это—чиновники, какъ служащіе, такъ и отставные, которые съ разрѣшенія университетскаго начальства, постоянно посѣщаютъ лекціи.

Оцѣнивая уставъ 1842 года вообще, мы должны признать въ немъ многія драгоцѣнныя черты, свидѣтельствующія о томъ, что гр. Уваровъ вѣрилъ въ возможность установленія свободнаго преподаванія въ русскихъ университетахъ. Университетъ св. Владиміра получилъ въ этомъ уставѣ новые задатки силы и жизненности. Однако этимъ началамъ свободы противорѣчили многія положенія того-же самаго устава 1842 года; кромѣ отмѣченныхъ выше внутреннихъ противорѣчій устава, здѣсь слѣдуетъ еще замѣтить: обязательное для профессоровъ число лекцій и обязательное посѣщеніе лекцій студентами. Но еще болѣе несогласны были съ нѣмецкими университетскими порядками бытовыя условія русскаго университетскаго образованія, именно: стремленіе къ полной спеціализаціи науки со стороны каждаго профессора, не допускавшее возможности чередованія каѳедръ; трудность достиженія ученыхъ степеней и отсюда невозможность свободной (или приватной) доцентуры, недостатокъ преподавателей даже по главнымъ каѳедрамъ, жалкое содержаніе профессоровъ по новому штату, невозможность введенія гонорара по особенностямъ состава слушателей въ русскихъ университетахъ и по непривычкѣ къ нему (въ уставѣ 1842 года онъ и не былъ введенъ). Но гораздо серьезнѣе всѣхъ этихъ внутреннихъ неудобствъ—были условія, стоявшія внѣ Университета и рѣшительно несогласныя съ духомъ Lehrfreiheit и Lernfreiheit. Эти препятствія оказались роковыми и непреодолимыми для введенія въ Университетѣ св. Владиміра порядковъ германскихъ университетовъ. Относительно слушателей, къ концу эпохи отъ этихъ порядковъ остались (какъ упомянуто) однѣ безжизненныя, стѣснительныя и даже странныя формы (такъ называемое „предъявленіе лекцій" студентами, т. е. мнимый выборъ ими лекцій для слушанія, обратилось въ списываніе росписанія ихъ, составленнаго совѣтомъ для казеннокоштныхъ студентовъ; за „непредъявленіе" ихъ во-время слѣдовалъ карцеръ!).

Но противорѣчіе и разладъ идей, о которыхъ мы говоримъ, оказались вполнѣ пагубными относительно преподавателей. Въ этомъ отношеніи вся эпоха представляетъ двѣ половины. Съ 1842 по 1846 г.

Университетъ св. Владиміра употреблялъ всѣ усилія, чтобы стать въ уровень съ требованіями устава. Къ числу каѳедръ, опустѣвшихъ еще съ 1839 г. и не замѣщенныхъ въ 1840—41 году, присоединились новыя назначенныя уставомъ 1842 г. Для замѣщенія ихъ *русскими учеными* (что́ именно имѣлъ въ виду Уваровъ) министръ и Университетъ изобрѣтали всякія мѣры, большею частію остававшіяся безъ успѣха. Да и неудивительно: изъ ничего ничего не бываетъ; старѣйшіе университеты, разрушенные въ 20-хъ годахъ, не могли дать тотчасъ юному собрату готовыя ученыя силы, едва успѣвая пополнять ими самихъ себя. Поэтому нѣтъ нужды разыскивать причинъ мнимаго упадка Университета въ началѣ 40-хъ годовъ, какъ это дѣлаетъ Шульгинъ, ссылаясь между прочимъ на открытіе медицинскаго факультета съ его преобладающимъ практическимъ направленіемъ, на непотизмъ нѣмецкой партіи и чиновничество русской*). Это не былъ „упадокъ", а невозможность малыми средствами выполнить широкія задачи. Но одна изъ мѣръ, именно общая посылка за границу кандидатовъ на профессуру въ 1843 г., оказалась наиболѣе плодотворною. Молодые люди вернулись въ Россію къ концу 1846 г. Къ тому-же времени успѣли выразиться и другія ученыя дарованія и знанія людей, не посыланныхъ за границу, какъ изъ собственныхъ воспитанниковъ Университета св. Владиміра, такъ изъ другихъ русскихъ университетовъ и главнаго педагогическаго института. На всѣхъ факультетахъ сразу явилась масса молодыхъ, большею частію даровитыхъ и трудолюбивыхъ преподавателей. Одинъ изъ нихъ—именно В. Я. Шульгинъ пишетъ объ этомъ времени оживленія Университета слѣдующее: въ 1847 г. „обновилось ученое сословіе Университета нѣсколькими новыми членами; въ числѣ ихъ было 5 такихъ, которые только что воротились изъ заграницы въ то время, когда на западѣ наука и общество находились въ самомъ жизненномъ напряженіи, разрѣшившемся въ 1848 г. извѣстнымъ обще-европейскимъ переворотомъ. Каждый помнитъ, что при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Россіи февральскія событія дали сильный толчекъ умственнымъ движеніямъ въ нашемъ обществѣ, въ нашихъ университетахъ. Оживились и зашевелились умы и въ Университетѣ св. Владиміра: соціальные и политическіе вопросы выдвинуты были на первый планъ

---

*) „Юго-западный край подъ управленіемъ Д. Г. Бибикова" въ Древн. и Нов. Россіи 1879 г.

и стали интересовать даже медиковъ-спеціалистовъ; старое поколѣніе пробудилось отъ усыпленія, молодое съ увлеченіемъ кинулось слушать лекціи наукъ политическихъ и соціальныхъ. Въ Университетѣ явилась борьба мнѣній и партій; въ результатѣ готово было уже явиться живое отношеніе къ наукѣ и у преподавателей и у слушателей; Университетъ начиналъ быть университетомъ. И вотъ тутъ-то ра́зомъ и круто обрушились на него суровыя дисциплинарныя мѣры, вызванныя также европейскими волненіями 1848 года". Бо́льшая часть упомянутыхъ молодыхъ преподавателей впали въ уныніе или бездѣятельность; на нѣкоторыхъ разладъ мысли и дѣйствительности подѣйствовалъ столь пагубно, что свелъ ихъ въ преждевременную могилу. Но эти мѣры относятся уже къ слѣдующей эпохѣ, которая вновь напомнила 20-е годы текущаго столѣтія.

Итакъ едва Университетъ успѣвалъ стать на ноги, какъ получалъ новый ударъ и снова падалъ внизъ. Не удивительно, что задачи намѣченныя ему основателемъ, оставались еще въ далекой, почти недостижимой перспективѣ.

Управленіе. Начало этой переходной эпохи относится еще ко времени управленія округомъ кн. Давыдова. Несомнѣнно добрыя черты натуры этого человѣка отчасти принесли пользу Университету въ трудныя минуты его перерожденія. Если его дѣятельность представляется безотрадною по сравненію съ его предшественникомъ, то она много выигрываетъ по сравненію съ полнымъ бездѣйствіемъ его преемника — Траскина. Кн. Давыдовъ управлялъ до іюля 1845 г., когда былъ назначенъ сенаторомъ. Затѣмъ до марта 1846 г. округомъ завѣдывалъ *М. В. Юзефовичъ* подъ главнымъ руководствомъ генералъ-губернатора. Воспитанникъ Московскаго университетскаго пансіона, онъ выпущенъ оттуда въ 1819 году и поступилъ въ военную службу. Прибывши въ Кіевъ, М. В. Юзефовичъ былъ назначенъ сначала инспекторомъ казенныхъ училищъ, а послѣ перемѣщенія Карлгофа, занялъ его мѣсто. По живому преданію, уже тогда явилась мысль ввести въ Кіевскомъ учебномъ округѣ постоянное управленіе генералъ-губернаторское и утвердить за М. В. Юзефовичемъ то положеніе, которое онъ занималъ временно. Но это осуществилось лишь черезъ 4 года, въ началѣ слѣдующей эпохи исторіи Университета. Пока Уваровъ удержалъ обычный порядокъ управленія чрезъ попечителя, но за то какого попечителя!

По ходатайству и рекомендаціи кн. Чернышева, выборъ Государя остановился на *генералъ-майорѣ Траскинѣ,* служившемъ прежде на Кавказѣ, въ арміи. 29-го марта 1846 г. Университетъ былъ увѣдомленъ о назначеніи этого лица, совершенно неподготовленнаго къ новой должности ни по образованію, ни по воспитанію, и отнюдь не соотвѣтствовавшаго ей по своимъ привычкамъ, хотя онъ былъ человѣкъ, какъ говорятъ, не безъ дарованій. Будучи назначенъ вопреки волѣ Бибикова, онъ до нѣкоторой степени пикировался съ генералъ-губернаторомъ, что́ впрочемъ не приносило никакой пользы округу; лично самъ онъ управлять не могъ. Люди, обязанные службою часто являться къ новому попечителю, заставали его за энциклопедическими словарями; генералъ откровенно признавался, что выискиваетъ значеніе мудреныхъ названій наукъ, особенно по медицинскому факультету; онъ чувствовалъ необходимость хотя приблизительнаго знакомства съ этой терминологіей, чтобы не попасться въ смѣшной просакъ. Но это было еще самое лучшее изъ занятій новаго попечителя. Къ счастію, въ жизнь Университета онъ вмѣшивался мало. По отношенію къ другимъ учебнымъ заведеніямъ округа даетъ ему живую характеристику М. К. Чалый (разсказывая о ревизіи Немировской гимназіи*), на отвѣтственности котораго мы ее и оставляемъ.

Но перемѣна попечителя, не смотря на такія качества ген. Траскина, вовсе не была такъ чувствительна для Университета, какъ наступившая, въ слѣдъ за введеніемъ устава, перемѣна ректора. 7-го ноября 1842 г. Неволинъ подалъ въ совѣтъ прошеніе, что разстроенное состояніе здоровья заставляетъ его просить увольненія отъ должностей ректора и ординарнаго профессора, а также должности члена комитета изысканія и сохраненія древностей въ г. Кіевѣ. Здоровье его, дѣйствительно, было разстроено; но въ этомъ случаѣ оно являлось только предлогомъ; о дѣйствительныхъ причинахъ увольненія Неволина мы не могли доискаться никакихъ фактическихъ указаній. Намеки на дѣла строительнаго комитета по возведенію зданій Университета мы не могли ничѣмъ провѣрить. Изъ послѣдующаго узнаемъ, что Неволинъ искалъ перевода въ Петербургъ; изъ этого можемъ заключить, что онъ стремился къ болѣе широкой и видной сценѣ ученой дѣятельности и разумѣется тяготился и тѣмъ, что новый уставъ

*) „Кіев. Стар.“ 1883 г., февраль.

опять оставилъ кіевскихъ профессоровъ при прежнихъ мелкихъ и удручающихъ заботахъ о насущномъ кускѣ хлѣба. Какъ-бы то ни было, совѣтъ, давая просьбѣ Неволина дальнѣйшій ходъ, присовокупилъ: „хотя совѣтъ весьма желаетъ, чтобы г. Неволинъ продолжалъ службу при Университетѣ св. Владиміра, потому что его служба весьма полезна для сего Университета, но не имѣя законныхъ причинъ удержать г. Неволина на службѣ и зная притомъ дѣйствительно разстроенное состояніе его здоровья, не можетъ не просить начальства объ исходатайствованіи для него согласно его просьбѣ увольненія отъ службы при семъ Университетѣ". Министръ народнаго просвѣщенія 16-го января 1843 г. далъ знать о предположеніи перевесть Неволина, согласно съ изъявленнымъ имъ желаніемъ, въ одно изъ петербургскихъ высшихъ учебныхъ заведеній и спрашивалъ, какъ совѣтъ намѣренъ распорядиться съ каѳедрою Неволина. Совѣтъ 18 февраля 1843 года донесъ, что профессоръ Иванишевъ изъявилъ согласіе преподавать временно энциклопедію законовѣдѣнія вмѣстѣ съ исторіею законодательствъ, прося только назначить ему нынѣ-же за годичное преподаваніе этого предмета полугодичный окладъ жалованья ординарнаго профессора. Министръ народнаго просвѣщенія 9-го февраля извѣстилъ, что Государь соизволилъ на увольненіе Неволина отъ ректорской должности. Но уже со 2-го февраля Неволинъ передалъ исправленіе ея проректору Нейкирху, а 12-го марта Уваровъ увѣдомилъ о перемѣщеніи Неволина въ Петербургскій университетъ на каѳедру россійскихъ гражданскихъ законовъ, общихъ, особенныхъ и мѣстныхъ, куда онъ и долженъ былъ отправиться по окончаніи семестра. Такъ лишился Университетъ своего лучшаго преподавателя, создавшаго ему почетъ и извѣстность среди населенія, настроеннаго сначала недружелюбно къ русскому Университету. Вмѣстѣ съ тѣмъ Университетъ терялъ и своего лучшаго ректора, котораго дѣятельность быть можетъ была менѣе напряженна, чѣмъ дѣятельность Цыха, но за то болѣе настойчива, ровна и потому болѣе продолжительна. Быть можетъ никто изъ ректоровъ—избранниковъ совѣта не держалъ власть такъ „честно и грозно", чтò именно и помогло провести благополучно Университетъ черезъ столько смутъ и преобразованій.

Совѣтъ въ засѣданіи 16-го марта приступилъ къ избранію кандидатовъ на должность ректора; предварительно ему пришлось рѣшить

вопросъ о способахъ такого избранія. Когда большинствомъ голосовъ постановлено было, чтобы избирать для той цѣли каждаго кандидата особо, то совѣтъ приступилъ къ избранію посредствомъ балотированія и избралъ первымъ кандидатомъ на должность ректора профес. Ѳедорова. По произведеніи балотировки втораго кандидата, профессора: Траутфеттеръ и Богородскій получили наибольшее и равное число баловъ, почему совѣтъ балотировалъ ихъ снова, и тогда Траутфеттеръ получилъ десять, а Богородскій девять избирательныхъ баловъ. Не балотированъ былъ на должность ректора Неволинъ, уволенный отъ этой должности *). Ректоромъ 4 мая 1843 г. былъ утвержденъ первый кандидатъ *В. Ѳ. Ѳедоровъ*, о которомъ А. В. Романовичъ-Славатинскій, въ своей біографіи Иванишева, отзывается такъ: „на выборъ Ѳедорова можно смотрѣть, какъ на реакцію противъ ректорства Неволина. Въ противоположность безпощадному и суровому педанту Неволину, выбрали человѣка необыкновенно добраго и мягкаго; превосходный товарищъ, онъ по натурѣ своей не былъ способенъ къ формальному и суровому исполненію своихъ обязанностей. Это была милая и свѣтлая личность; это былъ ректоръ—товарищъ вполнѣ". Съ такимъ приговоромъ Неволину мы ни въ какой мѣрѣ согласиться не можемъ. Тогдашній сослуживецъ Ѳедорова О. М. Новицкій свидѣтельствуетъ, что то былъ человѣкъ даровитый и весьма добрый, но, какъ всѣ мягкіе люди,—не очень хорошій администраторъ. „При немъ произошелъ, можно сказать, расколъ въ совѣтѣ Университета; образовались двѣ партіи—русская и нѣмецкая, къ которой принадлежалъ и самъ Ѳедоровъ, какъ дерптскій воспитанникъ, и эта послѣдняя удержала перевѣсъ надъ первою". Если вѣрить на слово этому живому соучастнику тогдашнихъ дѣлъ совѣта (а не вѣрить ему нельзя), то Университетъ св. Владиміра, по выселеніи изъ него поляковъ, становится нѣмецкимъ, не только по устройству, данному уставомъ, но и по преобладанію руководящихъ нѣмецкихъ элементовъ въ его личномъ составѣ. Проректоромъ Университета по новому уставу былъ избранъ Н. Я. Нейкирхъ; а такъ какъ тотъ-же Н. Я. Нейкирхъ былъ и деканомъ I-го отдѣленія философскаго факультета, а Траутфеттеръ—деканомъ II-го отдѣленія, то дерптскій элементъ явился преобладающимъ и въ составѣ прав-

*) Дѣло совѣта 1843 г. № 54.

лепія. Послѣ Ѳедорова первымъ кандидатомъ на ректорство избранъ *Р. Э. Траутфеттеръ*, который и былъ утвержденъ сначала ректоромъ по избранію, а потомъ коронпымъ. Такимъ образомъ управленіе Университетомъ непрерывно находилось въ рукахъ дерптскихъ воспитанниковъ отъ 1843 по 1861 годъ. Нужно имѣть въ виду, что эти люди, державшіе въ рукахъ судьбу Университета, отличались ревностію къ дѣлу, трудолюбіемъ, честностію, а изъ нихъ Траутфеттеръ сверхъ того и поразительною энергіею.

Работы-же ректору, совѣту и правленію было не мало. Со введеніемъ новаго устава занятія совѣта не уменьшились, а увеличились; на первыхъ порахъ къ текущимъ занятіямъ совѣта прибавились труды по устройству Университета на новыхъ основаніяхъ, и въ частности самого совѣта. Въ засѣданіи 8-го августа 1842 года совѣтъ Университета (имѣя въ виду § 22 общаго устава россійскихъ университетовъ) положилъ: назначить для обыкновенныхъ засѣданій совѣта *еженедѣльно* субботу, именно время отъ $12^1/_2$ часовъ утра съ тѣмъ, что еслибы въ какую субботу случился праздникъ, въ который присутствія не бываетъ, въ такомъ случаѣ засѣданіе совѣта имѣетъ быть въ слѣдующій непосредственно понедѣльникъ, такъ-же въ $12^1/_2$ часовъ утра *). Если засѣданія происходили еженедѣльно, то, очевидно, занятія совѣта были многосложны, но иногда сверхъ того они были затруднительны и сопряжены съ непріятностями. Таковъ былъ напр. вопросъ о правахъ синдика въ совѣтѣ, уже и прежде поднимавшійся и теперь возникшій вновь по поводу введенія новаго устава. Собственно въ уставѣ 1842 г. вопросъ этотъ не разрѣшенъ вовсе; тамъ сказано голословно, что въ совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ ректора присутствуютъ ординарные и экстра-ординарные профессора и синдикъ. Въ засѣданія совѣта 3-го августа возникъ вопросъ: долженъ-ли синдикъ при дѣйствіи новаго устава имѣть въ дѣлахъ совѣта право голоса наравнѣ съ прочими лицами, присутствующими въ совѣтѣ? Совѣтъ Университета исходилъ изъ слѣдующихъ соображеній: 1) въ § 29-мъ общаго устава рос. университетовъ цѣль, для которой синдикъ присутствуетъ въ засѣданіяхъ совѣта, опредѣлена именно наблюденіемъ, чтобы производство и рѣшеніе дѣлъ было согласно съ законами, для

*) Дѣло совѣта 1842 г. № 135.

чего въ случаѣ замѣченной имъ въ семъ отношеніи неправильности или отступленія отъ порядка, онъ имѣетъ право подавать письменное мнѣніе, такъ что если за симъ совѣтъ останется при прежнемъ своемъ заключеніи, то къ исполненію онаго можетъ приступить не иначе, какъ съ разрѣшенія попечителя, который въ тоже время объ обстоятельствахъ дѣла и данномъ имъ предписаніи доводитъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія; 2) право протеста есть право предоставляемое русскими законоположеніями прокурорамъ, которымъ съ тѣмъ вмѣстѣ не предоставляется права голоса; на основаніи этихъ соображеній совѣтъ опредѣлилъ рѣшить возникшій вопросъ отрицательнымъ образомъ. Съ такимъ опредѣленіемъ совѣта не согласился синдикъ Университета Каменскій; онъ предъявилъ противъ этого опредѣленія совѣта письменное мнѣніе весьма обширное, но лишенное основательности. По выслушаніи этого мнѣнія, совѣтъ остался при своемъ прежнемъ опредѣленіи. Кн. Давыдовъ въ своемъ отвѣтѣ напомнилъ совѣту, что совѣтъ Университета еще въ 1838 году, излагая мнѣніе свое относительно распространенія на Университетъ св. Владиміра общаго устава рос. университетовъ, находилъ нужнымъ (въ поясненіе пунктовъ 5, 29 и 34 этого устава) постановить, что синдикъ, присутствуя въ совѣтѣ, *имѣетъ въ немъ право голоса.* Какъ фонъ-Брадке, такъ и кн. Давыдовъ, представляя министру народнаго просвѣщенія свои мнѣнія по этому предмету, не находили ни необходимости, ни пользы лишать синдика права голоса въ дѣлахъ совѣта, и для отклоненія всякихъ недоразумѣній на будущее время полагали достаточнымъ къ словамъ § 5 общаго устава прибавить: „съ правомъ голоса". Находя, что синдикъ присутствуетъ въ совѣтѣ наравнѣ съ прочими членами, почему и долженъ пользоваться наравнѣ съ ними и правомъ голоса, сохраняя сверхъ того и право протеста, попечитель предложилъ совѣту Университета принять это ко всегдашнему на будущее время исполненію *). Неизвѣстно, злоупотреблялъ-ли своимъ привилегированнымъ положеніемъ Каменскій; во всякомъ случаѣ онъ былъ, очевидно, ревнивъ къ своимъ правамъ и власти. Въ апрѣлѣ 1844 г. онъ умеръ и должность синдика временно поручена профес. Ѳедотову-Чеховскому. Затѣмъ въ сентябрѣ того-же года на эту долж-

---

*) Дѣло совѣта 1842 г. № 131.

ность опредѣленъ преподаватель лицея кн. Безбородко Глушановскій. *Ант. Андр. Глушановскій* былъ воспитанникъ Университета св. Владиміра. Уволившись, „по причинѣ отвращенія отъ анатоміи“, изъ Петербургской медико-хирургической академіи 20 января 1834 года, куда поступилъ по требованію министра внутреннихъ дѣлъ изъ Черниговской гимназіи, онъ былъ принятъ по экзамену въ число студентовъ Университета св. Владиміра по юридическому факультету; по окончаніи курса онъ былъ назначенъ въ Нѣжинскій лицей преподавателемъ законовъ казеннаго управленія; но ему пришлось преподавать недолго; на должность синдика онъ явился еще весьма молодымъ человѣкомъ (28 лѣтъ). При немъ препирательства о правахъ и столкновенія съ совѣтомъ возникнуть не могли. 29 мая 1850 г. Глушановскій былъ назначенъ директоромъ училищъ Полтавской губерніи.

Кромѣ вопросовъ о собственномъ устройствѣ, совѣту предстояло не мало другихъ дѣлъ, вызванныхъ уставомъ. По введеніи новаго устава, совѣтъ долженъ былъ съ большою поспѣшностію (до начала лекцій) избрать по предписаннымъ въ этомъ уставѣ правиламъ, какъ проректора, такъ и декановъ; такъ какъ новое росписаніе каѳедръ въ Университетѣ св. Владиміра разнилось отъ прежняго, то совѣту предложено составить новое распредѣленіе наличныхъ профессоровъ, адъюнктовъ и всѣхъ преподавателей по каѳедрамъ и представить съ объясненіемъ, не могутъ-ли нѣкоторыя каѳедры, остающіяся не занятыми, быть поручены временно другимъ преподавателямъ, а также озаботиться пріисканіемъ лекторовъ и консерваторовъ кабинетовъ. Совѣтъ долженъ былъ доставить заключеніе, могутъ-ли положенія новаго устава, относительно курсовъ и испытаній, быть вполнѣ распространены и на студентовъ, проходившихъ курсы ученія по прежнему уставу, или-же необходимость потребуетъ сдѣлать въ пользу ихъ нѣкоторыя изъятія и какія именно?

Правленію предстояла не менѣе трудная задача. По указу 9-го іюня всѣ дополнительные къ прежнимъ временнымъ штатамъ расходы въ теченіи оставшейся 2-й половины 1842 года, отнесены на собственныя средства Университета, а потому правленіе должно было, соображаясь съ дѣйствительными потребностями, привести въ точную извѣстность: сколько именно въ продолженіи этого времени потребуется собственныхъ суммъ Университета на покрытіе предстоящихъ расхо-

довъ по новымъ штатамъ, какъ собственно университетскому, такъ и по управленію Кіевскаго учебнаго округа; оно должно было доставить попечителю свѣдѣніе о количествѣ находящихся въ его распоряженіи суммъ, на которыя эти расходы должны быть отнесены; причемъ правленію предложено было имѣть въ виду, что по разнымъ прежнимъ разрѣшеніямъ, присвоено нѣкоторымъ чиновникамъ личное право пользоваться окладами жалованья большими, нежели положено въ штатѣ, и что они должны сохранить это преимущество и по введеніи въ дѣйствіе новаго штата Университета. По краткости времени, остававшагося до срока введенія въ дѣйствіе новаго устава и штата Университета, попечитель просилъ совѣтъ приступить къ исполненію изложенныхъ здѣсь распоряженій безъ малѣйшаго замедленія.

Словомъ и совѣту, и правленію, и самому попечителю задана была многосложная и спѣшная работа. Въ продолженіи слѣдующихъ трехъ лѣтъ Университетъ едва успѣлъ организоваться по новому типу. По всѣмъ вопросамъ, особенно возбуждаемымъ со стороны начальства, требовалось немедленное рѣшеніе иногда весьма сложныхъ дѣлъ. На первыхъ порахъ дѣйствія новаго устава совѣту приходилось въ нѣсколько дней составлять, разсматривать и окончательно представлять цѣлыя уложенія; сошлемся для примѣра на правила слушанія лекцій по новому семестральному порядку (новому для многихъ изъ самихъ членовъ совѣта); правила эти представлены въ окончательной формѣ уже 20 августа 1842 г. Количество всякихъ „правилъ" всегда было обильно въ университетахъ; въ это-же время окружное начальство ввело ихъ въ особую моду; одними правилами о студентскихъ сочиненіяхъ совѣтъ занимался три года сряду (первоначально составивъ ихъ весьма быстро въ 1844 году). Занятія совѣта еще болѣе осложнялись запросами, обращенными къ Университету, какъ ученому сословію, отъ стороннихъ вѣдомствъ и лицъ *). Такая сложность дѣлъ

*) Въ 1843 г. нѣкто дворянинъ Раковѣцкій прислалъ заявленіе, что онъ рѣшилъ вполнѣ вопросъ о квадратурѣ круга и просилъ позволенія представить его работу на разсмотрѣніе Университета, обращая вниманіе на то, что онъ въ преклонныхъ лѣтахъ и что всякая медленность можетъ сдѣлать тщетными его долговременные труды. II-е отдѣленіе философскаго факультета хотя и заявило, что невозможность точнаго рѣшенія задачи очевидна, однако позволило Раковѣцкому представить его работу.

заставляла иногда совѣтъ спѣшить и дѣлать промахи, въ такомъ случаѣ совѣтъ получалъ сильныя внушенія отъ попечителя за неточность и скороспѣшность своихъ опредѣленій. Такъ 22-го декабря 1845 г. управляющій округомъ нашелъ существенныя неточности въ опредѣленіи совѣта о результатахъ полукурсовыхъ испытаній. „Такъ какъ эта неточность (говоритъ онъ) и недоконченность совѣтскихъ опредѣленій (уже неоднократно замѣченная мною), всегда затрудняя начальство, могутъ иногда послужить поводомъ къ ошибочнымъ распоряженіямъ, то я, обращая на это вниманіе совѣта Университета, предлагаю принять мѣры къ устраненію сего на будущее время. Г. же синдику Университета замѣтить, что онъ, какъ чиновникъ, на прямой и единственной обязанности котораго лежитъ наблюденіе за правильностію и отчетливостью дѣлопроизводства въ совѣтѣ и правленіи, не долженъ допускать упущеній подобнаго рода“ *).

Однимъ изъ вопросовъ, особенно занимавшихъ совѣтъ по поводу новаго устава, былъ вопросъ *о деканствѣ,* который вызвалъ много новыхъ частныхъ недоразумѣній, не разрѣшаемыхъ уставомъ 1842 года. Такъ какъ новыя условія выборовъ въ деканы возникли раньше 1842 г., въ слѣдствіе указа 28 октября 1841 года, то затрудненія въ этомъ отношеніи начались еще съ конца 1841 г. Указъ 28 октября предписалъ производить выборы по правиламъ, установленнымъ въ общемъ уставѣ россійскихъ университетовъ; такимъ образомъ выборы декановъ начали производиться факультетами, а не совѣтомъ. Но и общій уставъ не давалъ на многое ясныхъ указаній. Еще 10-го ноября 1836 года министръ народнаго просвѣщенія предписалъ, что *назначеніе въ деканы тѣхъ-же лицъ два раза сряду* можетъ быть допускаемо не иначе, какъ по особенно уважительнымъ причинамъ; совѣтъ Университета св. Владиміра теперь рѣшился испросить по этому предмету разрѣшеніе попечителя. Вопросъ былъ тѣмъ болѣе основателенъ, что прежде деканы избираемы были на одинъ годъ; если и при этомъ нужно было остерегаться повторительныхъ избраній, то, казалось, тѣмъ болѣе теперь, когда отправленіе должности декана должно продолжаться 4 года. Но попечитель увѣдомилъ, что, по его мнѣнію, совѣтъ не долженъ стѣсняться упомянутымъ предложеніемъ министра народнаго просвѣ-

---

*) Дѣло совѣта 1845 г., № 77.

щенія, такъ какъ ни въ общемъ уставѣ россійскихъ университетовъ 1835 года, ни въ Высочайшемъ повелѣніи 28 октября 1841 года, объ этомъ ничего не упомянуто. Совѣтъ не даромъ спрашивалъ о томъ; тогда предстоялъ выборъ декана I-го отдѣленія. На этомъ отдѣленіи тогда было всего два ординарныхъ профессора; очень естественно было ожидать, что выборъ падетъ на прежняго декана. При балотированіи въ I-мъ отдѣленіи философскаго факультета оба ординарные профессора, бывшіе въ немъ (т. е. Новицкій и Нейкирхъ), получили равное число избирательныхъ шаровъ. Оказалось, что ни въ общемъ уставѣ россійскихъ университетовъ, ни въ проэктѣ устава Университета св. Владиміра 1833 года ничего не сказано о томъ, какимъ правиломъ должно руководствоваться въ томъ случаѣ, когда *балотируемыя лица получатъ ровное число баловъ.* Два члена (Орнатскій и Богородскій) полагали дать предложеніе I-му отдѣленію перебалотировать избранныхъ и какой-бы ни былъ результатъ этой перебалотировки донести совѣту; 5 членовъ (Новицкій, Гофманъ, Нейкирхъ, Делленъ, синдикъ Каменскій и ректоръ) полагали представить все дѣло на усмотрѣніе высшаго начальства, такъ какъ на основаніи данныхъ Университету св. Владиміра въ руководство законовъ, оно не разрѣшается; 8 членовъ (проректоръ Ѳедоровъ, деканъ II-го отдѣл. Траутфеттеръ и профессора: Дьяченко, Фонбергъ, Караваевъ, Миддендорфъ, Козловъ и Домбровскій) полагали произвесть балотированіе на должность декана I-го отдѣленія въ совѣтѣ Университета. Хотя это мнѣніе было выражено большею группою членовъ, но не имѣло въ свою пользу рѣшительнаго большинства совѣта; ректоръ отказался балотировать декана въ совѣтѣ, видя въ этомъ дѣйствіе прямо незаконное, потому что такимъ образомъ совѣтъ присвоилъ-бы себѣ право, которое ему не дано общимъ уставомъ россійскихъ университетовъ; совѣтъ опредѣлилъ— представить результатъ выборовъ I-го отдѣленія философскаго факультета на усмотрѣніе попечителя и просить ходатайства объ утвержденіи того изъ лицъ, избранныхъ въ деканы сего отдѣленія, *кого угодно будетъ утвердить высшему начальству*, а на будущее время испросить разрѣшенія попечителя, какими правилами Университетъ долженъ руководствоваться при избраніи разныхъ лицъ къ университетскимъ должностямъ, если-бы балотируемые получили равное число баловъ, должна-ли быть имъ производима перебалотировка, и какъ наконецъ

должно быть рѣшено дѣло, если-бы и вторичная балотировка дала такой-же результатъ, какой имѣла первый. Попечитель отнесся съ этими вопросами къ министру, которому такимъ образомъ велѣніемъ судебъ предоставлялся выборъ декана для I-го отдѣленія философскаго факультета въ Университетѣ св. Владиміра. Но Уваровъ благоразумно уклонился отъ такого страннаго права и отыскалъ новый компромиссъ. 3-го апрѣля 1842 г. онъ увѣдомилъ, что какъ деканы Университета св. Владиміра избирались доселѣ въ разное время, по мѣрѣ истеченія сроковъ службы ихъ, то онъ, министръ, полагаетъ для единообразія *оставить нынѣшнихъ декановъ* въ этомъ званіи до утвержденія новаго устава Университета, что должно послѣдовать въ томъ-же году и тогда уже, по правиламъ, какія въ немъ будутъ постановлены, приступить къ выбору всѣхъ вообще декановъ. Когда появился новый уставъ, то произведено во всѣхъ факультетахъ и отдѣленіяхъ новое избраніе декановъ (въ концѣ іюля и началѣ августа), причемъ тотчасъ же повторился случай предшествующаго года, но уже на II-мъ отдѣленіи философскаго факультета; совѣту опять пришлось рѣшать тотъ-же вопросъ, который не хотѣли разрѣшить ни попечитель, ни министръ; при первомъ балотированіи выборъ палъ на профес. Ѳедорова и Траутфеттера и вторичная балотировка дала такой-же результатъ. I-е отдѣленіе философскаго факультета избрало П. Я. Нейкирха; юридическій факультетъ—профес. Орнатскаго. Что касается до II-го отдѣленія философскаго факультета, то совѣтъ порѣшилъ вопросъ самъ: имѣя въ виду § 64 общаго устава россійскихъ университетовъ, по которому факультеты составляютъ отдѣленія совѣта, этотъ послѣдній произвелъ новое балотированіе избранныхъ II-мъ отдѣленіемъ философскаго факультета кандидатовъ и большинствомъ голосовъ 14 противъ одного избралъ деканомъ Ѳедорова *). Но и послѣ этого многое осталось неяснымъ въ условіяхъ отправленія деканской должности. Было допущено совмѣщеніе должности декана съ должностію проректора. Такъ въ 1843 г. профес. Нейкирхъ былъ и деканомъ I-го отдѣленія философскаго факультета и проректоромъ. 9-го октября этого года онъ подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ обѣихъ должностей, находя

*) Дѣло совѣта 1842 г. № 10.

отправленіе ихъ при профессорскихъ обязанностяхъ и слабости его здоровья „затруднительнымъ и даже невозможнымъ". Совѣтъ пока отклонилъ его просьбу. Но въ 1844 г. (22 іюля) онъ подалъ вновь прошеніе объ увольненіи отъ деканства, что возбудило новый вопросъ *объ исправленіи должности декана.* Совѣтъ передалъ исправленіе должности Новицкому „до поправленія здоровья" Нейкирха, а между тѣмъ представилъ попечителю объ увольненіи Нейкирха отъ деканства. Министръ народнаго просвѣщенія (отъ 7 октября) уволилъ Нейкирха и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ увѣдомить: „на кого предполагается возложить исправленіе этой должности *до окончанія четырехлѣтія*, на которое былъ утвержденъ въ оной Нейкирхъ". Очевидно, что по взгляду Университета и министерства выборы декана пріурочены къ общему и постоянному сроку, что въ случаѣ выхода декана среди 4-хъ лѣтняго люстра должно наступить лишь исправленіе должности. Но управляющій округомъ М. В. Юзефовичъ понялъ это иначе и, увѣдомляя Университетъ о рѣшеніи министра, предложилъ „распорядиться объ избраніи *другаго декана*". Совѣтъ принявъ во вниманіе, что исправленіе должности декана уже возложено на профес. Новицкаго, опредѣлилъ: „*назначить* деканомъ I-го отдѣленія профес. Новицкаго до истеченія 4-хъ лѣтія, на которое избранъ былъ Нейкирхъ". Въ этомъ смыслѣ утвердилъ Новицкаго и министръ, Очевидно, здѣсь не было выбора, *а назначеніе* старшаго члена факультета для исправленія должности декана (по § 18 общ. уст. унив.).

Прочіе изъ избранныхъ въ 1842 г. оставались въ своихъ должностяхъ также не долго: Ѳедоровъ уже въ слѣдующемъ году избранъ на должность ректора, Орнатскій вскорѣ вовсе оставилъ Кіевскій университетъ. На мѣсто перваго былъ избранъ Траутфеттеръ, на мѣсто втораго — Богородскій. Такимъ образомъ лица, деканскимъ управленіемъ которыхъ характеризуется настоящая эпоха исторіи университета были: О. М. Новицкій, Р. Э. Траутфеттеръ и С. О. Богородскій,—всѣ три лица, съ честію и пользою занимавшія эти должности, какъ обнаружится изъ послѣдующей исторіи трехъ факультетовъ.

Что касается медицинскаго факультета, то до времени полной организаціи его деканство было почти номинальное. Первымъ деканомъ этого факультета былъ В. А. Караваевъ.

Для большей ясности въ исторіи преемства декановъ, представляемъ слѣдующую таблицу ея, начиная съ 1839 года и продолжая непрерывно по 1857 годъ.

Д е к а н ы.			
I-го отдѣл. философскаго факультета.	II-го отдѣл. философскаго факультета.	Юридическаго факультета.	Медицинскаго факультета.
Нейкирхъ (съ 3 сент. 1839 г.).	Гофманъ (съ 21 февр. 1839 г.).	Даниловичъ (съ 14 янв. 1839 г.).	Караваевъ (съ 1843 г.).
Новицкій (съ 25 нояб. 1840 г.).	Θедоровъ (съ 20 марта 1840).	Орнатскій (съ 3 іюня 1839 г.).	Цыцуринъ (съ 4 апр. 1847 г.).
Нейкирхъ на 4 года (съ 14 янв. 1842 г.).	Траутфеттеръ (съ 23 апр. 1841).	Θедотовъ-Чеховскій (съ 23 іюля 1840 г.).	
Новицкій испр. д. (съ 23 іюля 1844 г.).	Θедоровъ на 4 года (съ 14 янв. 1842 г.).	Орнатскій (съ 25 авг. 1841 г.).	
Новицкій избранъ (съ 18 окт. 1845 г.).	Траутфеттеръ (съ 22 мая 1843).	Орнатскій на 4 года (съ 14 янв. 1842 г.).	
	Дьяченко (съ 23 авг. 1847 г.).	Богородскій (съ 22 мая 1843 г.):	
Нейкирхъ на 4 года (съ 23 дек. 1849 г.).		Θедотовъ-Чеховскій (съ 5 сент. 1847 г.).	Алферьевъ на 4 года (съ 23 дек. 1849 г.).
	Дьяченко на 4 года (съ 31 окт. 1851 г.).	Иванишевъ на 4 года (съ 23 дек. 1849 г.).	Козловъ испр. д. (со 2 окт. 1853 г.).
	Кнорръ испр. д. (съ 7 іюня 1852 г.).	Богородскій (ис. д. съ 7 іюн. 1852)	
Нейкирхъ на 4 года (съ декаб. 1853 г.).		Иванишевъ на 4 года (съ дек. 1853 г.).	Мирамъ на 4 года (съ дек. 1853 г.).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Устройство и замѣщеніе каѳедръ по уставу 1842 г.

Общія мѣры къ замѣщенію каѳедръ. Важнѣйшимъ и труднѣйшимъ занятіемъ для всѣхъ лицъ и мѣстъ, управлявшихъ Университетомъ, было распредѣленіе, замѣщеніе и, отчасти, устройство каѳедръ частію запустѣвшихъ еще до новаго устава, частію назначенныхъ вновь по уставу 1842 г., частію сдѣлавшихся вакантными въ теченіи этой эпохи. Недостатокъ лицъ, достойныхъ университетской каѳедры и имѣющихъ на то формальныя права, былъ такъ великъ, что одно это условіе могло парализовать всѣ высокіе замыслы Уварова, хотя онъ обнаружилъ поразительную энергію, находчивость и проницательность въ поискахъ за кандидатами на профессуру. Не менѣе усилій употреблялъ и совѣтъ Университета св. Владиміра; нѣкоторыя попытки попечителя въ этомъ отношеніи не приводили къ благой цѣли.

Нѣкоторыя мѣры, относящіяся сюда, отличались общимъ характеромъ, касаясь всѣхъ, или нѣсколькихъ факультетовъ, другія простирались въ частности на тотъ или другой факультетъ, на ту или другую каѳедру. Мы прежде изложимъ мѣры перваго рода, т. е. болѣе или менѣе общія; затѣмъ перейдемъ къ исторіи каждаго факультета въ частности.

Въ октябрѣ 1842 г. было утверждено министерствомъ росписаніе каѳедръ по новому уставу, со включеніемъ и медицинскаго факультета. Многое въ немъ осталось такъ, какъ было и при прежнемъ уставѣ. Профессоромъ философіи остался О. М. Новицкій и адъюнктомъ при немъ Авсеневъ, профессоромъ греческой словесности и древностей—И. Я. Нейкирхъ, римской словесности и древностей—экстра-ординарный профессоръ Делленъ; по каѳедрамъ греческой и римской словесности оставался исправляющій должность адъюнкта Страшкевичъ; по русской словесности и исторіи русской литературы преподаваніе поручено исправляющему должность адъюнкта Костырю. Исторія и литература славянскихъ нарѣчій осталась вакантною; по всеобщей исторіи—экстра-ординарный профессоръ А. И. Ставровскій;

по русской словесности — исправл. должность экстра-ординарнаго профессора Домбровскій. Каѳедра политической экономіи и статистики осталась вакантною, но преподаваніе статистики временно возложено на Ставровскаго. По II-му отдѣленію: по каѳедрѣ чистой математики — ординарный профессоръ Дьяченко; по прикладной математикѣ — экстра-ординарный профессоръ Тихомандрицкій, астрономіи — ординарный профессоръ Ѳедоровъ; преподаваніе физики и физической географіи временно поручено Чеховичу; по каѳедрѣ химіи — ординарный профессоръ Фонбергъ; каѳедра минералогіи и геогнозіи временно поручена ординарному профессору Траутфеттеру; по каѳедрѣ ботаники — ординарный профессоръ Траутфеттеръ; зоологіи — временно поручена экстра-ординарному профессору физіологіи — Мираму, каѳедра архитектуры вакантна; технологіи также; преподаваніе сельскаго хозяйства и лѣсоводства возложено на преподавателя Мерца. По юридическому факультету: по энциклопедіи законовѣдѣнія съ исторіею законодательствъ — К. А. Неволинъ; по римскому законодательству и исторіи его — А. А. Ѳедотовъ-Чеховскій; по русскимъ государственнымъ законамъ (т. е. законамъ основнымъ, законамъ о состояніяхъ и государственнымъ учрежденіямъ, — св. зак. т. 1, 2, 3 и 9) преподаваніе возложено на исправляющаго должность адъюнкта Романовскаго; по законамъ о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ (св. зак. т. 4, 5, 6, 7 и 8) на исправляющаго должность адъюнкта Цвѣткова; по гражданскимъ и межевымъ законамъ (т. 10) общимъ и мѣстнымъ — ординарный профессоръ Орнатскій; по законамъ благоустройства (св. зак. т. 11 и 12) — экстра-ординарный профессоръ Иванишевъ; по законамъ благочинія и законамъ уголовнымъ — Богородскій; преподаваніе общенароднаго правовѣдѣнія возложено на профессора Ѳедотова-Чеховскаго. По медицинскому факультету: по каѳедрѣ анатоміи физіологической съ микрографіей — экстра-ординарный профессоръ Козловъ; по физіологіи здороваго человѣка — экстра-ординарный профессоръ Мирамъ; на каѳедрѣ физіологіи больнаго человѣка или патологической съ патологическою анатоміею — первую науку преподавалъ временно Мирамъ, а послѣднюю — Козловъ; по каѳедрѣ оперативной хирургіи съ хирургическою анатоміею, ученіемъ о повязкахъ и хирургической клиникой — экстра-ординарный профессоръ Караваевъ. Теоретическую хирургію съ офталміатріею, до опредѣленія особаго преподавателя,

долженъ былъ преподавать экстра-ординарный профессоръ Караваевъ. Остальныя каѳедры медицинскаго факультета будутъ открываться по мѣрѣ надобности.

Въ томъ-же октябрѣ совѣтъ констатировалъ, что въ Университетѣ были тогда вакантными слѣдующія каѳедры: 1) богословія римско-католическаго исповѣданія, 2) русской словесности, 3) исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій, 4) политической экономіи и статистики, 5) англійскаго языка, 6) минералогіи и геогнозіи, 7) физики, 8) зоологіи, 9) архитектуры, 10) технологіи, 11) сельскаго хозяйства, 12) русскихъ государственныхъ законовъ, 13) законовъ о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ и 14) общаго народнаго правовѣдѣнія. Совѣтъ опредѣлилъ тогда конкурсъ на слѣдующія вакантныя каѳедры: русской словесности, политической экономіи и статистики, минералогіи и геогнозіи, технологіи, сельскаго хозяйства и лѣсоводства, русскихъ государственныхъ законовъ, законовъ о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ, общенароднаго правовѣдѣнія; тогда-же онъ представилъ попечителю, что для замѣщенія каѳедры исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій можетъ быть отправленъ за границу на счетъ Университета св. Владиміра окончившій въ этомъ Университетѣ курсъ кандидатъ Михаилъ Туловъ (тогда уже подвергавшійся магистерскому испытанію), на что Туловъ изъявилъ свое согласіе. Для замѣщенія каѳедры архитектуры совѣтъ предоставилъ ректору войти въ сношеніе съ главнымъ архитекторомъ строительнаго комитета для возведенія зданій Университета—Беретти о принятіи имъ на себя преподаванія архитектуры въ Университетѣ св. Владиміра. На каѳедру католическаго богословія объявлять конкурсъ не было надобности; каѳедра физики была замѣщена пока временнымъ преподавателемъ—Чеховичемъ; на каѳедру зоологіи уже предназначенъ былъ Кесслеръ.

Попечитель, разрѣшивъ конкурсы, далъ знать совѣту, что хотя онъ совершенно согласенъ съ предложеніемъ совѣта, на счетъ отправленія за границу Тулова; но распоряженіе объ этомъ представилъ себѣ сдѣлать въ послѣдствіи времени.

Конкурсъ, какъ и большею частью оказался вполнѣ неудачнымъ. Испытавъ эту традиціонную мѣру, совѣтъ Университета св. Владиміра въ 1843 г. рѣшилъ прибѣгнуть къ мѣрѣ совершенно новой, а именно

обратился съ циркулярнымъ воззваніемъ ко всѣмъ прочимъ университетамъ имперіи — вывести его изъ бѣды, рекомендовать ему лицъ, извѣстныхъ тому или другому университету со стороны пригодности къ профессурѣ.

На это были получены такіе отвѣты. Совѣтъ Петербургскаго университета писалъ, „что въ настоящее время нѣтъ у него въ виду ученыхъ съ требуемыми уставомъ учеными степенями, для опредѣленія профессорами на вакантныя каѳедры русской словесности и исторіи ея и минералогіи и геогнозіи". Дерптскій университетъ, напротивъ, имѣлъ всегда наготовѣ запасъ кандидатовъ на профессуру. Онъ прислалъ на нѣмецкомъ языкѣ обстоятельный отвѣтъ, который въ русскомъ переводѣ заключалъ въ себѣ слѣдующее: для каѳедры русской словесности тамошній профессоръ русскаго языка и словесности Д. Росбергъ рекомендуетъ два лица, именно *Лихонина* и *Россомикина*, имѣющихъ временное жительство въ Москвѣ. Лихонинъ обучалъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Москвѣ, а Россомикинъ нѣсколько лѣтъ исправлялъ должность старшаго учителя въ Ревельскомъ каѳедральномъ училищѣ. Что-же касается каѳедры минералогіи и геогнозіи, то на нее могъ-бы быть назначенъ *Шренкъ*, путешествующій по Сибири съ ученою цѣлью; онъ извѣстенъ съ выгодной стороны многимъ членамъ философскаго факультета Дерптскаго университета; но этотъ факультетъ не знаетъ, будетъ-ли Шренкъ согласенъ занять означенную каѳедру. Совѣтъ Харьковскаго университета 2-го іюля 1843 г. отвѣчалъ, что онъ, по поводу вызова въ Университетъ св. Владиміра профессора по части русской словесности, предлагалъ І-му отдѣленію философскаго факультета озаботиться отысканіемъ достойнаго кандидата, способнаго занять это мѣсто. Деканъ этого отдѣленія донесъ совѣту, что онъ нашелъ достойнымъ для занятія профессуры адъюнкта Харьковскаго университета *Метлинскаго*, котораго онъ представляетъ, какъ усерднѣйшаго въ отношеніи преподаванія своего предмета. Метлинскій „безпрерывно упражняется въ сочиненіяхъ, отличающихся большею частью вѣрностію сужденія, чистотою языка и отборностію слога". Онъ имѣлъ степень магистра Харьковскаго университета, для полученія которой защищалъ сочиненіе: „О сущности цивилизаціи и значеніи ея элементовъ"; сочиненіе это вышло въ свѣтъ въ 1839 году въ Харьковѣ; въ томъ-же году было издано имъ другое сочиненіе подъ

заглавіемъ: „Думки и пѣсни“ на южно-россійскомъ нарѣчіи, съ замѣчаніями о южно-россійскомъ языкѣ и переводами изъ разныхъ славянскихъ нарѣчій; оно болѣе всего обнаруживаетъ знакомство его съ многими славянскими нарѣчіями. Поэтическія творенія Метлинскаго также достойны замѣчанія. Кромѣ этого онъ знаетъ изъ древнихъ языковъ латинскій, изъ новѣйшихъ, кромѣ нѣсколькихъ славянскихъ нарѣчій, французскій и нѣмецкій; готовитъ въ свѣтъ по части философской грамматики „Основанія науки языковъ“, а по части реторики „теорію прозы“, а также основныя понятія изъ теоріи поэзіи и нѣсколько практическихъ разборовъ важнѣйшихъ писателей. Этому кандидату дѣйствительно суждено было впослѣдствіи, но не теперь, занять мѣсто профессора въ Университетѣ св. Владиміра.

Совѣтъ Московскаго университета лишь 21 декабря 1843 г., т. е., промедливъ почти годъ, увѣдомлялъ, что для занятія свободныхъ каѳедръ при Университетѣ св. Владиміра желающихъ никого не находится; только на каѳедру русской исторіи изъявилъ готовность поступить кандидатъ этого Университета *Поповъ*.

Всѣ, рекомендованные Дерптскимъ и Московскимъ университетами, были лишь кандидаты, а потому уставъ не позволилъ воспользоваться ими даже въ качествѣ адъюнктовъ. Одинъ Метлинскій былъ магистръ; но онъ уже былъ адъюнктомъ въ своемъ университетѣ, получить-же профессуру въ Кіевѣ не могъ по той-же причинѣ.

На встрѣчу такимъ усиліямъ совѣта шелъ гр. Уваровъ, отыскивая съ своей стороны пригодныхъ людей всюду; такъ напримѣръ для замѣщенія каѳедры архитектуры, когда рекомендація академіи художествъ оказалась неудачною, онъ обратился къ товарищу главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями; но генер.-лейт. Девятнинъ увѣдомилъ его, что „въ виду главнаго управленія *нѣтъ свободнаго чиновника* для преподаванія въ Университетѣ св. Владиміра архитектуры и начертательной геометріи“. Однако поиски Уварова были не всегда неудачны, какъ показываетъ примѣръ блистательнаго замѣщенія каѳедры зоологіи (К. Ѳ. Кесслеромъ). Въ виду крайности можно было ожидать, что министръ не станетъ очень церемониться съ правами Университета на выборъ профессоровъ и что не будетъ справляться съ мнѣніемъ этого послѣдняго, когда нападетъ на счастливую находку. Но и въ такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ Уваровъ

поступалъ не такъ; для характеристики его отношеній къ совѣту Университета, можетъ служить исторія замѣщенія каѳедры архитектуры (отчасти извѣстная намъ), когда онъ не рѣшился послѣдовать настойчивымъ рекомендаціямъ академіи художествъ, вопреки мнѣнію совѣта Университета св. Владиміра. Но еще поучительнѣе въ этомъ отношеніи фактъ, относящійся къ замѣщенію каѳедры зоологіи. Министерство, имѣя въ виду ученаго, возвратившагося изъ заграничнаго путешествія и способнаго занять одну изъ каѳедръ зоологіи или физіологіи, въ іюнѣ 1842 г. обратилось „съ просьбою объ увѣдомленіи, не имѣетъ-ли университетскій совѣтъ достойныхъ кандидатовъ на эти каѳедры, или-же слѣдуетъ замѣстить ихъ по распоряженію министерства“.

Съ своей стороны совѣтъ не разъ обращался въ министерство съ просьбою пріискать способныхъ преподавателей и назначить ихъ.

Но и при этихъ обоюдныхъ усиліяхъ, успѣхъ большею частію не соотвѣтствовалъ имъ.

Впослѣдствіи мы увидимъ, какъ прибѣгали къ другимъ мѣрамъ, напр. пріобрѣтенію преподавателей по вольному найму; но ни эти мѣры, ни доцентура не привели ни къ какимъ успѣшнымъ результатамъ.

Такія неудачи со всѣхъ сторонъ весьма изъяснимы, ибо и въ прочихъ русскихъ университетахъ запасъ молодыхъ людей, имѣющихъ право на профессуру по ученымъ степенямъ, былъ очень скуденъ. И въ тѣхъ университетахъ многія каѳедры оставались пустыми. Поэтому министерство рѣшилось прибѣгнуть къ старому испытанному средству—посылкѣ молодыхъ людей за границу, средству, о которомъ такъ недовѣрчиво отзывался Уваровъ, учреждая доцентуру въ университетахъ. Но теперь онъ хотѣлъ такъ организовать заграничныя посылки, чтобы имѣть наименѣе шансовъ неудачи. Не слѣдуя примѣру Сперанскаго, не обращаясь къ духовнымъ семинаріямъ и академіямъ, онъ хотѣлъ положиться на собственную продуктивную силу университетовъ. 18-го декабря 1842 года Уваровъ увѣдомилъ Кіевскаго попечителя, что, озабочиваясь замѣщеніемъ въ университетахъ вакансій преподавателей, остающихся ко вреду учащихся не малое время праздными, онъ полагаетъ испросить Высочайшее соизволеніе на отправленіе нѣкотораго числа молодыхъ людей въ чужіе края для усовершенствованія по разнымъ частямъ университетскаго преподаванія. Поэтому

онъ чрезъ попечителя предложилъ совѣту Университета представить ему свое заключеніе: 1) для какихъ именно предметовъ было-бы полезно или необходимо образовать профессоровъ за границею; 2) кого совѣтъ по каждому изъ такихъ предметовъ полагаетъ отправить за границу и 3) составить планъ путешествія и дальнѣйшаго образованія избранныхъ молодыхъ людей за границею. Юридическій факультетъ касательно перваго изъ приведенныхъ вопросовъ разсуждалъ, что хотя находятся въ немъ вакантными три каѳедры, именно: общенароднаго правовѣдѣнія, русскихъ государственныхъ законовъ и законовъ о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ, однако послѣдній предметъ уже нѣсколько лѣтъ излагается однимъ и тѣмъ-же преподавателемъ, т. е. Цвѣтковымъ, который давно уже выдержалъ устное испытаніе для полученія степени магистра. Поэтому факультетъ признаетъ необходимымъ образовать за границею только профессоровъ для двухъ каѳедръ: общенароднаго правовѣдѣнія и русскихъ государственныхъ законовъ. По второму вопросу—кого слѣдуетъ отправить за границу—факультетъ имѣлъ въ виду изъ числа окончившихъ въ немъ съ отличнымъ успѣхомъ слѣдующихъ кандидатовъ: на первомъ мѣстѣ по способностямъ и успѣхамъ поставлялъ онъ Циммермана, преподававшаго тогда въ лицеѣ кн. Безбородко энциклопедію законовѣдѣнія и учрежденія россійской имперіи; только факультетъ не могъ упустить изъ виду того обстоятельства, что *Циммерманъ*, происходя изъ евреевъ и будучи женатъ на лицѣ того-же происхожденія, не смотря на принятіе обоими православной вѣры, можетъ и впослѣдствіи времени находиться въ сношеніяхъ и знакомствѣ съ лицами одинакого происхожденія. Второе за нимъ мѣсто, по мнѣнію факультета, занимаетъ Тутковскій. Если замѣченное касательно Циммермана обстоятельство не послужитъ для правительства препятствіемъ къ отправленію его за границу, факультетъ обращаетъ выборъ свой на этихъ двухъ кандидатовъ, предпочтительно всѣмъ другимъ, какъ лучшихъ. Если-же бы оказалось невозможнымъ назначить ихъ обоихъ или одного изъ нихъ къ отправленію за границу, то факультетъ имѣлъ еще въ виду на третьемъ мѣстѣ *Вигуру* и на четвертомъ—*Пилянкевича*. Самое избраніе науки, къ преподаванію которой долженъ за границею образоваться тотъ или другой изъ предназначенныхъ кандидатовъ, факультетъ признавалъ за лучшее предоставить имъ самимъ, такъ чтобы прежде всего предостав-

лено было лучшему изъ нихъ избрать одинъ изъ названныхъ двухъ предметовъ, и потомъ другой предметъ былъ предложенъ тому изъ слѣдующихъ за лучшимъ кандидатомъ, который согласится посвятить себя приготовленію для занятія этой каѳедры. Факультетъ признавалъ необходимымъ опредѣлить, чтобы кандидатъ, назначенный для каѳедры русскихъ государственныхъ законовъ прослушалъ: всеобщее государственное правовѣдѣніе (jus publicum universale) и государственные законы (das öffentliche Recht) всѣхъ или по крайней мѣрѣ значительнѣйшихъ европейскихъ державъ, философію права, всеобщую исторію и статистику. Предметы изученія кандидата, назначеннаго для каѳедры общенароднаго правовѣдѣнія таковы: народное право, какъ положительное, такъ и философское; государственные законы всѣхъ или по крайней мѣрѣ значительнѣйшихъ европейскихъ державъ; философія права; всеобщая исторія и статистика. Остальные вопросы изложены потомъ въ подробныхъ планахъ путешествій.

I-е отдѣленіе представило слѣдующее мнѣніе. Изъ трехъ праздныхъ каѳедръ по этому отдѣленію существенно полезно было-бы для каѳедры политической экономіи и статистики и для каѳедры славянскихъ нарѣчій приготовить наставниковъ чрезъ посылку ихъ за границу. Къ такому приготовленію I-е отдѣленіе изъ окончившихъ въ недавнее время курсъ въ Университетѣ св. Владиміра преимущественно находило способными для каѳедры политической экономіи и статистики учителя 2-й Кіевской гимназіи *Ивана Вернадскаго*, а для каѳедры славянскихъ нарѣчій исправляющаго должность профессора словесности въ Нѣжинскомъ лицеѣ *Михаила Тулова*. Разсуждая о планѣ образованія этихъ избираемыхъ молодыхъ людей, I-е отдѣленіе положило опредѣлить планъ путешествія только въ общихъ чертахъ, предоставляя дальнѣйшія подробности собственному разсужденію отправляемыхъ. Общій планъ образованія для обоихъ путешественниковъ былъ представленъ отдѣленіемъ тогда-же.

II-е отдѣленіе затянуло свой отвѣтъ потому, что вошло въ сношеніе съ кандидатами, которыхъ рѣшилось рекомендовать, и отъ одного изъ нихъ долго не получало отвѣта. Попечитель 23-го марта 1843 г. предложилъ совѣту поставить на видъ II-му отдѣленію, что оно не въ правѣ было присвоить себѣ вмѣшательства въ распоряженія касательно отправленія молодыхъ людей за границу, а обязано было, по

примѣру другихъ факультетовъ, ограничиться представленіемъ мнѣнія о томъ, кого оно признаетъ болѣе способнымъ для предположеннаго назначенія и составленіемъ плана путешествія молодыхъ людей за границу. Послѣ этого II-е отдѣленіе представило къ командировкѣ *А. С. Роговича*, бывшаго тогда учителемъ 2-й Кіевской гимназіи. Министерство, съ Высочайшаго соизволенія, рѣшило командировать Вернадскаго, Роговича, Пилянкевича, Тутковскаго и Вигуру; на проѣздъ ихъ какъ туда, такъ и обратно выдать каждому по 300 руб. сер., а на содержаніе отпускать въ годъ по 1000 руб. сер. съ отнесеніемъ издержекъ на суммы Университета св. Владиміра. Всѣмъ этимъ лицамъ поставлено въ обязанность, по возвращеніи изъ чужихъ краевъ прослужить по учебной части министерства народнаго просвѣщенія не менѣе шести лѣтъ. Пилянкевичъ командированъ для усовершенствованія въ энциклопедіи законовѣдѣнія на два года въ Берлинскій и нѣкоторые другіе германскіе университеты, а затѣмъ еще на одинъ годъ во Францію и Англію; Вернадскій—для изученія политической экономіи и статистики на три года въ Берлинъ, Гейдельбергъ и другія мѣста Германіи, Франціи, Бельгіи, Голландіи и Англіи; Роговичъ по части минералогіи и геогнозіи на три года въ Берлинъ, а потомъ въ Фрейбергъ, Богемію, Силезію, Вѣну, Швейцарію, Бельгію, Парижъ и Англію; Тутковскій для изученія общенароднаго правовѣдѣнія и Вигура, избравшій русскіе государственные законы, на два года въ Берлинскій и другіе германскіе университеты, а затѣмъ еще на одинъ годъ во Францію и Англію. Объ оказаніи этимъ лицамъ нужнаго покровительства и пособія, товарищъ министра отнесся къ посланнику нашему при берлинскомъ дворѣ, барону Мейендорфу, прося его отрекомендовать ихъ нашимъ агентамъ въ другихъ мѣстахъ, въ которыя они отправятся изъ Берлина, равно и къ пребывавшему въ Берлинѣ, генералъ-адъютанту Мансурову, который по отзыву министерства, всегда оказываетъ дѣятельное попеченіе о находящихся въ Пруссіи русскихъ студентахъ. Почему они, по прибытіи въ Берлинъ, должны были явиться къ барону Мейендорфу и генералъ-адъютанту Мансурову и впослѣдствіи доносить имъ о своихъ занятіяхъ. Такимъ образомъ министерство устранило изъ рекомендованныхъ кандидатовъ Циммермана (вѣроятно потому, что онъ ех—еврей) и М. А. Тулова. Но если Циммерманъ былъ замѣщенъ другимъ, то каѳедра славянскихъ нарѣчій, на которую пред-

назначался Туловъ, опять осталась не при чемъ. Занятія молодыхъ ученыхъ за границею подлежали лишь внѣшнему контролю; инструкція ихъ были такъ обширны и подробны, что уже по одному этому не подлежали исполненію. Генералъ-адъютантъ Мансуровъ благоразумно уклонился отъ вмѣшательства въ ихъ учебныя занятія и ограничилъ свое участіе русскимъ гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ, приглашалъ ихъ разговляться на Пасху по русскому обычаю и т. п. Но и въ этомъ отношеніи они обязаны болѣе Д. И. Соколову, священнику при берлинской посольской церкви, который не только угощалъ ихъ, но и руководилъ ихъ житейскими дѣлами въ незнакомой столицѣ, доставляя имъ случай быть у него въ домѣ среди порядочнаго общества, и тѣмъ предохранять себя отъ обычныхъ развлеченій молодежи въ большихъ городахъ и отъ пагубнаго уединенія, къ которому чувствовалъ наклонность Пилянкевичъ. Съ дальнѣйшею судьбою посланныхъ лицъ, по отношенію ихъ къ Университету, мы ознакомимся въ своемъ мѣстѣ; теперь насъ интересуетъ успѣхъ различныхъ мѣръ для замѣщенія каѳедръ. Нужно признать, что эта мѣра оказалась наиболѣе дѣйствительною; всѣ 5 кандидатовъ, отправленныхъ въ 1843 г. служили потомъ съ различнымъ успѣхомъ Университету въ качествѣ преподавателей, нѣкоторые до смерти своей, другіе болѣе или менѣе продолжительное время. Но посылка за границу имѣла внутреннее неудобство, именно противорѣчіе основъ европейскаго образованія съ тогдашнимъ строемъ Россіи (кромѣ того она имѣетъ и одно внѣшнее неудобство: результатовъ ея нужно было ожидать по крайней мѣрѣ три года; однако первое гораздо важнѣе).

Этотъ глубокій внутренній разладъ палъ всею тяжестію своею, преимущественно на юристовъ, по свойству предметовъ ихъ изученія. Имъ даны такія обширныя инструкціи, что учебные труды могли поглотить все время; напр. Пилянкевичъ получилъ инструкцію, которою обязанъ былъ выслушать, кромѣ своего предмета, философію права, исторію положительныхъ законодательствъ, особенно римскаго, нѣмецкаго и каноническаго права, исторію и право важнѣйшихъ европейскихъ государствъ, греческія древности, всеобщую исторію, статистику и славянскія законодательства. Но и назначеніе такого (свыше мѣры и надобности) труда не могло застраховать молодыхъ людей отъ непосредственнаго вліянія общественной европейской жизни; притомъ, по

свойству своей специальности, они и не должны были сторониться отъ общественной жизни, не могли вѣчно сидѣть въ аудиторіяхъ и кабинетахъ; посѣщали они (и должны были посѣщать) засѣданія парламентовъ, особенно когда въ 1846 г. товарищи П—ча (но не онъ) переѣхали изъ Берлина въ Парижъ. Это уже не были прежніе воспитанники духовныхъ академій и Сперанскаго, которые, дѣйствительно, усидчиво ограничивались предѣлами своей учебной инструкціи и не странствовали по Европѣ. Между тѣмъ общественный бытъ, оставленный Пилянкевичемъ и его товарищами въ своемъ отечествѣ, хотя еще не достигъ общаго омертвенія, какъ въ началѣ 50-хъ годовъ, но уже предсказывалъ близкое наступленіе этой эпохи. Такой отечественный бытъ именно содѣйствовалъ тому, что они явились въ европейскую среду наивными и неопытными, безъ всякой гарантіи отъ пассивнаго воспріятія новыхъ впечатлѣній и безъ способности оріентироваться среди нихъ. „Люди жили (говоритъ біографъ Пилянкевича) въ какомъ-то фантастическомъ мірѣ и не старались даже уяснить себѣ среду, съ которою вели дѣло, и съ которою должны были скоро посчитаться“. Но откуда-же было имъ набраться такой политической опытности и разборчивости?

Въ то время (1846 — 1847 г.) во Франціи подготовлялся новый переворотъ къ республиканской формѣ; не только въ палатѣ депутатовъ, но и въ университетскихъ аудиторіяхъ шла ожесточенная борьба между двумя партіями. Профессора, въ родѣ Ленормана, не могли читать безъ полицейскаго прикрытія. Наши неопытные кандидаты увлеклись этими сценами оживленія и борьбы; Парижъ представлялся имъ „всемірнымъ центромъ, гдѣ слышнѣе всего пульсъ жизни человѣчества“, гдѣ „бьетъ главный родникъ всесторонняго развитія жизни общественной“. Они усердно посѣщали засѣданія палатъ и говорили потомъ, что рѣчи „Гизо, Тьера, Одиллона Баро, Ламартина и другихъ политическихъ ораторовъ поучительнѣе многихъ профессорскихъ школьныхъ чтеній“. Увлеченія Гизо и др. показываетъ впрочемъ, что ихъ симпатіи склонялись въ сторону очень умѣренную и съ ними не согласуется отзывъ біографа Пил—ча: „не были чужды имъ и тѣ соціалистическія стремленія и надежды, которыя такъ магически господствовали въ нѣкоторыхъ значительныхъ частяхъ тогдашняго поколѣнія парижанъ. Луи Блана соціальныя теоріи считались у нихъ рѣшающимъ политическимъ

словомъ, совершенствомъ историческаго вѣдѣнія и таланта". Впрочемъ тотъ-же авторъ отмѣчаетъ, что наши „путешественники не исповѣдовали никакихъ крайнихъ и рѣшительныхъ теорій и не принесли съ собою никакихъ опредѣленныхъ рѣзкихъ воззрѣній и даже сторонились отъ нихъ". Мы болѣе склонны признать справедливость этого послѣдняго замѣчанія, имѣя для провѣрки сочиненіе Пилянкевича и послѣдующую дѣятельность его товарищей. Они были запоздалые романтики и идеаломъ ихъ былъ Ламартинъ. Одинъ Пил—чъ вовсе не ѣздилъ въ Парижъ и въ Берлинѣ предавался, кромѣ обязательныхъ занятій по правовѣдѣнію, добровольному изученію клиникъ, лабораторій, картинныхъ галлерей и музыки. Въ Берлинѣ онъ провелъ всѣ три года своей командировки. Однако было-бы рисковано думать, что на Пилянкевича вовсе не подѣйствовалъ тотъ внутренній нравственный разладъ, который вынесли наши кандидаты изъ противоположности европейской жизни, къ которой они успѣли привыкнуть, и тѣхъ порядковъ, среди которыхъ имъ пришлось дѣйствовать въ отечествѣ въ концѣ 40-хъ годовъ. Здѣсь нужно искать разгадки того унынія и разочарованія, которое овладѣло нѣкоторыми изъ нихъ въ усиленной степени по возвращеніи изъ за границы и которое, можетъ быть, было причиною преждевременной смерти большей части изъ нихъ.

Пока командированные находились еще за границею преподаваніе по многимъ каѳедрамъ должно было остановиться. Оставалось еще одно средство — это двойное преподаваніе или временное замѣщеніе пустыхъ каѳедръ наличными преподавателями. Но и тутъ встрѣчалось затрудненіе особаго рода: по уставу вознагражденіе за лекціи по другой каѳедрѣ полагалось лишь *единовременное* и должно быть выдаваемо лишь тогда, когда эта вакантная каѳедра будетъ замѣщена постояннымъ преподавателемъ. Пришлось сдѣлать невольное отступленіе отъ устава. По представленію попечителя, министръ 18-го іюня 1843 года увѣдомилъ, что такъ какъ замѣщеніе нѣкоторыхъ каѳедръ можетъ замедлиться на нѣсколько лѣтъ и слѣдовательно временно занимающіе каѳедры профессоры должны-бы были оставаться надолго безъ заслуженнаго вознагражденія, онъ, министръ, въ видѣ временной мѣры, предоставилъ попечителю касательно вознагражденія такихъ профессоровъ входить съ представленіемъ къ нему по прошествіи академическаго года; на основаніи этого въ сентябрѣ 1843 г. произведено

такое распредѣленіе вакантныхъ каѳедръ: на юридическомъ факультетѣ вакантная каѳедра римскаго права (въ слѣдствіе неожиданной отставки профессора Орнатскаго и перевода на его каѳедру Ѳедотова-Чеховскаго) была предоставлена тому-же Ѳедотову-Чеховскому; а исправляющій должность ад. Цвѣтковъ, сверхъ чтенія лекцій по каѳедрѣ законовъ о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ, читалъ уже лекціи энциклопедіи законовѣдѣнія по 2 часа въ недѣлю въ продолженіи послѣдняго полугодія; каѳедру общенароднаго правовѣдѣнія факультетъ предоставилъ профессору Иванишеву. Факультетъ вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ совѣтъ ходатайствовать о вознагражденіи Ѳедотова-Чеховскаго и Цвѣткова за прежніе труды въ прошломъ академическомъ году *).

Въ I-мъ отдѣленіи философскаго факультета никто не взялся преподавать по каѳедрѣ русской словесности и каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій; каѳедру политической экономіи и статистики рѣшились раздѣлить на двѣ части и предоставить преподаваніе статистики Ставровскому, а преподаваніе политической экономіи Домбровскому съ ихъ согласія и съ испрошеніемъ имъ за это особаго вознагражденія.

Во II-мъ отдѣленіи философскаго факультета профессоръ Траутфеттеръ читалъ лекціи по каѳедрѣ минералогіи и геогнозіи.

Въ медицинскомъ факультетѣ профессоръ Козловъ преподавалъ сверхъ своей каѳедры еще на каѳедрѣ физіологіи больнаго человѣка.

Многое въ этомъ предположеніи факультетовъ не заслужило одобренія министра. Онъ между прочимъ разрѣшилъ выдать вознагражденіе за прежнее преподаваніе постороннихъ предметовъ въ $184^2/_3$ учебномъ году профессорамъ Ставровскому, Траутфеттеру и Ѳедотову-Чеховскому; но Цвѣткову не разрѣшилъ, потому, что во второмъ семестрѣ прошедшаго учебнаго года каѳедра энциклопедіи законовѣдѣнія не была вакантною (при Неволинѣ) и потому не могла быть поручена ему—Цвѣткову; къ преподаванію-же порученной ему *части этой науки*, онъ обязанъ былъ по званію адъюнкта. Такимъ образомъ выходило, что адъюнктовъ можно было заставить преподавать по какой угодно каѳедрѣ и сколько-угодно часовъ **). Итакъ и временное замѣ-

---

*) Дѣло совѣта 1843 г. № 134.

**) Тамъ-же, № 143.

щеніе каѳедръ соединено съ большими неудобствами; при недостаточномъ и несвоевременномъ вознагражденіи нельзя было разсчитывать на продолжительность и прочность такого преподаванія. Правда, на юридическомъ факультетѣ и въ 1844 и 1845 г. продолжали преподавать государственное право—Богородскій, римское право—Ѳедотовъ-Чеховскій, общенародное правовѣдѣніе — Иванишевъ, энциклопедію законовѣдѣнія — Цвѣтковъ; однако въ томъ-же 1845 году Иванишевъ отказался отъ чтенія общенароднаго права. На I-мъ отдѣленіи философскаго факультета точно также отказался отъ преподаванія политической экономіи Домбровскій по разстроенному здоровью. Вслѣдъ за нимъ подалъ прошеніе Ставровскій объ увольненіи его отъ преподаванія статистики по недостатку времени; впрочемъ, по убѣжденію ректора, рѣшился продолжать чтеніе только до конца учебнаго года.

Такимъ образомъ на наличныя силы неполнаго комплекта профессоровъ нельзя было полагаться всегда. Сверхъ того есть другая невыгода этой мѣры, касающаяся достоинства преподаванія: нельзя разсчитывать, чтобы въ факультетѣ нашлось много лицъ одинаково знакомыхъ съ двумя или нѣсколькими науками. По порядку, установившемуся въ русскихъ университетахъ, въ противоположность нѣмецкимъ, въ первыхъ каждый преподаватель былъ спеціалистомъ только по своему предмету, а отнюдь не по всѣмъ предметамъ своего факультета. У насъ невозможно столь обычное въ германскихъ университетахъ чередованіе каѳедръ.

Но гр. Уваровъ, перенося вообще порядки этихъ послѣднихъ къ намъ, считалъ возможнымъ завести и чередованіе каѳедръ, которое, если-бы удалось, могло-бы оказать услугу и вопросу о замѣщеніи каѳедръ: одинъ и тотъ-же предметъ не могъ-бы долгое время оставаться безъ преподаванія и слѣдовательно не терялась-бы возможность образовать спеціалистовъ.

Въ 1846 г. министръ предложилъ совѣтамъ университетовъ слѣдующее: въ Дерптскомъ университетѣ по примѣру нѣкоторыхъ университетовъ Германіи, существуетъ порядокъ чередованія между профессорами врачебныхъ наукъ для предоставленія каждому возможности практическаго примѣненія преподаваемыхъ ими предметовъ. Министръ, находя эту мѣру весьма полезною, спрашивалъ совѣтъ Университета св. Владиміра, не окажется-ли нужнымъ и возможнымъ ввести въ

этомъ Университетѣ такой-же порядокъ чередованія въ такомъ-же видѣ, или съ какимъ измѣненіемъ? Такъ какъ дѣло касалось пока только медицинскаго факультета, то и отвѣтъ послѣдовалъ только отъ этого факультета и отвѣтъ отрицательный. Усматривая, что цѣль такого чередованія есть доставить каждому профессору возможность практическаго примѣненія въ преподаваемомъ имъ предметѣ, медицинскій факультетъ полагалъ, что чередованіе возможно только между нѣкоторыми предметами врачебныхъ наукъ, имѣющими тѣснѣйшую между собою связь, каковы напр. частная терапія и терапевтическая клиника, теоретическая хирургія и хирургическая клиника. Не смотря однако-жъ на это сродство предметовъ, чередованіе въ преподаваніи этихъ предметовъ не можетъ быть приведено въ исполненіе по нѣкоторымъ другимъ обстоятельствамъ: 1) потому, что не всякій профессоръ, излагающій теоретическую часть предмета, въ состояніи замѣнить практическаго учителя; не всякій преподаватель теоретической терапіи владѣетъ въ одинаковой степени искуствомъ примѣненія семіотической техники къ практикѣ. Извѣстный своими классическими произведеніями профессоръ Галлеръ въ Германіи въ теченіи 17 лѣтъ преподавалъ хирургію въ одномъ изъ лучшихъ въ свое время университетовъ и, по собственному признанію, никогда не предпринималъ ни одной самой легкой операціи. 2) Чередованіе въ каѳедрахъ поставляетъ въ невозможность сдѣлать рядъ такихъ наблюденій, которыя могутъ быть составлены только въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; оно, сдѣлавшись срочнымъ, нарушаетъ послѣдовательность въ его занятіяхъ и слѣдовательно удаляетъ его отъ спеціальности, которой такъ много обязаны медицинскія науки своимъ усовершенствованіемъ въ послѣднее время и которая такъ необходима для пріобрѣтенія опытности по избранному предмету. Чередованіе между профессорами, могущее быть полезною мѣрою для Дерптскаго университета, было-бы излишнимъ въ Университетѣ св. Владиміра по мѣстнымъ условіямъ. Эти мѣстныя условія заключаются въ томъ, что Кіевъ, какъ одинъ изъ многолюднѣйшихъ городовъ въ Россіи, представляетъ каждому профессору-врачу средства повѣрять свои теоретическія свѣдѣнія въ частной практикѣ.

Что касается до чередованія между профессорами по менѣе сходнымъ между собою предметамъ, то медицинскій факультетъ полагаетъ, что подобное чередованіе при настоящей обширности и распро-

страпенію медицинскихъ наукъ было-бы совершено не согласно съ духомъ настоящаго направленія къ спеціальности въ занятіяхъ, противно свободному развитію науки и слѣдовательно вовсе невозможно *).

Изложенныя нами общія мѣры къ замѣщенію каѳедръ заняли всю первую половину 40-хъ годовъ. Результаты ихъ сказались только во второй половинѣ этого десятилѣтія. Уже съ 1845 года начинается приливъ въ Университетъ новыхъ и молодыхъ силъ; особенно-же онъ увеличивается съ 1847 года, съ возвращеніемъ посланныхъ за границу. Въ дальнѣйшей исторіи отдѣльныхъ факультетовъ и каѳедръ мы будемъ слѣдить, кромѣ устройства ихъ, за этимъ приливомъ новыхъ людей.

Каѳедры богословія. Представителемъ каѳедры православнаго богословія остался прежній профес. И. М. Скворцовъ. Положеніе преподавателя богословія годъ отъ году становилось затруднительнѣе; факультетскій—спеціальный характеръ университетскаго образованія все болѣе торжествуетъ надъ прежнею примѣсью общаго образованія; явилась мысль пріурочить различные предметы, составляющіе каѳедру богословія къ соотвѣтствующимъ факультетамъ, и въ частности церковное законовѣдѣніе къ юридическому факультету. Съ открытіемъ медицинскаго факультета не только общее число студентовъ, а вмѣстѣ и трудность преподаванія богословія возвысились, но и явился общій вопросъ о необходимости богословскихъ знаній для медиковъ. Когда этотъ факультетъ организовался вполнѣ, то, при множествѣ наукъ, составляющихъ его, было затруднительно найти свободные часы для лекцій богословія.

Первая мысль, о пріуроченіи предметовъ каѳедры богословія къ факультетамъ, исходила отъ самого попечителя, который 19-го ноября 1844 года писалъ въ совѣтъ Университета, что, по разсмотрѣніи учебныхъ программъ, онъ нашелъ, что преподаваніе богословія въ лицеѣ кн. Безбородко приспособлено къ спеціальному назначенію этого заведенія: церковное законовѣдѣніе распространено въ немъ на счетъ другихъ частей богословія, и потому не слѣдовало-ли бы преподавать по такой-же программѣ въ Университетѣ? По примѣру другихъ университетовъ, онъ полагалъ-бы отъ каѳедры наукъ богословскихъ отдѣ-

*) Дѣло совѣта 1846 г. № 51.

лить церковное законовѣдѣніе и преподавать его только студентамъ юридическаго факультета. Остальныя затѣмъ три части богословія: исторію церкви ветхозавѣтной и новозавѣтной, богословіе — догматическое и нравоучительное преподавать всѣмъ вообще студентамъ. Отъ этого 1) выиграется довольно времени для студентовъ I-го и II-го отдѣленія философскаго факультета, 2) церковное законовѣдѣніе можетъ быть читано для юристовъ съ большею полнотою. Совѣтъ потребовалъ заключенія И. М. Скворцова, который отвѣчалъ, что церковное законовѣдѣніе онъ всегда признавалъ и признаетъ нужнымъ для всякаго просвѣщеннаго христіанина, особенно сына православной церкви, которая составляетъ духъ и жизнь нашего отечества. Впрочемъ если начальство находитъ преподаваніе этой науки всѣмъ студентамъ весьма затруднительнымъ, то онъ согласенъ читать ее студентамъ одного факультета юридическаго (проходящимъ послѣдній годъ курса), и проситъ только о томъ, чтобы дозволено и даже предписано было и студентамъ другихъ факультетовъ въ свободное отъ другихъ лекцій время слушать лекціи церковнаго законовѣдѣнія *).

Черезъ два года возникъ вопросъ о богословскихъ лекціяхъ для медиковъ, по случаю затрудненія, какое находилъ деканъ медицинскаго факультета „въ столкновеніи оперативной хирургіи съ богословіемъ“. Тотъ-же И. М. Скворцовъ выразилъ по этому предмету, 6-го іюня, 1846 г., слѣдующее мнѣніе: онъ съ своей стороны согласенъ читать лекціи и въ часы послѣобѣденные, только-бы не лишить студентовъ столь благотворнаго человѣчеству факультета слушанія лекцій богословскихъ, для нихъ необходимыхъ. Онъ проситъ представить высшему начальству, сколь необходимо для студентовъ медицинскаго факультета слушаніе полнаго курса наукъ богословскихъ, потому преимущественно, что врачебныя науки и для пользы ихъ самихъ и для блага страждущаго человѣчества, должны быть въ тѣснѣйшей связи съ ученіемъ религіи и съ духомъ христіанской церкви. Впрочемъ, если дальнѣйшія соображенія покажутъ необходимость произвесть нѣкоторыя сокращенія для курса богословскаго, то онъ можетъ рекомендовать только такое сокращеніе, какое допущено въ лицеѣ кн. Безбородко, гдѣ курсъ богословія трехлѣтній. Сокращеніе-же богословскаго курса въ два года

---

*) Дѣло совѣта Университета 1844 г. № 152.

онъ признаетъ несообразнымъ съ понятіемъ и цѣлью университетскаго ученія. Такимъ образомъ Скворцову удалось отстоять свой предметъ и для медицинскаго факультета, хотя онъ самъ, какъ мы видѣли, подавалъ рапорты о томъ, что студенты не посѣщаютъ лекцій богословія.

Каѳедра римско-католическаго богословія, по увольненіи Головинскаго, не долго оставалась вакантною. 1842 г. декабря 2-го на нее назначенъ исправляющій должность профессора пробощъ селенія Салаты *Томашъ Добшевичъ*, который получилъ образованіе въ бывшемъ Виленскомъ университетѣ, т. е. въ главной духовной семинаріи, принадлежавшей къ этому университету. По окончаніи курса онъ состоялъ въ разныхъ административныхъ должностяхъ при Тельшевскомъ архіереѣ, занимаясь преимущественно дѣловою, юридическою стороною епархіальнаго управленія. Это и выдвинуло его на видъ, когда искали преемника Головинскому; но онъ имѣлъ мало общаго со своимъ предшественникомъ; его заботою было удерживать пассивно положеніе своей каѳедры въ Университетѣ и не жаловаться, если студенты забываютъ даже „Ojcze nasz“.

I-е отдѣленіе философскаго факультета. I-е отдѣленіе философскаго факультета, и по уставу 1842 г., образовано изъ смѣси наукъ историческихъ и филологическихъ, а съ присоединеніемъ теперь каѳедры политической экономіи и статистики, — еще и наукъ политическихъ. Если стремленіе къ спеціализаціи обнаружилось даже по отношенію къ каѳедрѣ богословія, то естественно ожидать, что оно выразится и относительно этого цѣлаго факультета, столь пестраго по составу своихъ наукъ.

Когда со введеніемъ новаго устава, нужно было такъ распредѣлить преподаваніе, чтобы каждый студентъ — поступилъ-ли онъ въ августѣ, или въ январѣ—могъ прослушать въ правильномъ порядкѣ весь кругъ наукъ въ 4 года, то въ 1844 году I-е отдѣленіе нашло, что эта цѣль можетъ быть достигнута совершеннымъ раздѣленіемъ его наукъ (по примѣру II-го отдѣленія философскаго факультета) на два разряда. „Понятіе факультета или факультетскаго отдѣленія наукъ предполагаетъ, что науки, входящія въ ихъ составъ, имѣютъ между собою внутреннее сродство и тѣсную связь. Но обращая вниманіе на составъ наукъ I-го отдѣленія, члены этого отдѣленія находятъ между одними изъ нихъ эту желаемую взаимную связь, за то между другими

видятъ совершенную разнородность и отчужденіе, какъ-то: между славянскими нарѣчіями и политическою экономіею, между классическою словесностію и русскою исторіею, эстетикою и статистикою, между философіею исторіи и филологіею. Совмѣщеніе столь разнородныхъ наукъ въ І-мъ отдѣленіи философскаго факультета, вмѣсто упомянутой выгоды ихъ сродства и связи, влечетъ за собою противуположную тому невыгоду; оттого изъ студентовъ не выходитъ хорошихъ учителей ни по одной изъ слушаемыхъ ими наукъ, а между тѣмъ къ этому въ І-мъ отдѣленіи преимущественно и приготовляются". Устранить такую невыгоду нѣтъ другаго средства, какъ подраздѣлить науки І-го отдѣленія на разряды по внутреннему ихъ сродству. Многочисленность предметовъ І-го отдѣленія въ соединеніи съ ихъ разнородностію, составляетъ такую трудность въ ихъ изученіи, которая устрашаетъ желающихъ избрать эту отрасль наукъ предметомъ своихъ занятій и нерѣдко охлаждаетъ ревность избравшихъ ее и тѣмъ вообще задерживаетъ движеніе и самыхъ этихъ наукъ. Еще болѣе этимъ затрудняется пріобрѣтеніе докторской степени, потому что докторъ есть докторъ не одной науки, а всѣхъ наукъ отдѣленія; поэтому-то и магистровъ наукъ І-го отдѣленія весьма мало; а докторовъ во всей имперіи россійской, сколько извѣстно, имѣется отъ четырехъ до пяти и изъ тѣхъ большая часть получила свои степени по диссертаціямъ, а не по устному испытанію, исключая только тѣхъ, которые, по особенному распоряженію правительства, нарочно были приготовляемы къ ученымъ степенямъ и должностямъ въ Дерптскомъ профессорскомъ институтѣ. Исходя изъ этихъ основаній, І-е отдѣленіе выработало проэктъ раздѣленія его на два разряда: историко-политическій и литературно-филологическій, съ нѣкоторыми впрочемъ общими для обоихъ разрядовъ науками, какъ главными, такъ и второстепенными. Весь планъ такого раздѣленія представляется въ слѣдующей схемѣ.

І. *Науки главныя общія* (кромѣ богословія) суть: а) философія и б) русская словесность.

II. *Науки главныя частныя.* А) *Разрядъ наукъ историко-политическихъ:* а) всеобщая исторія, б) русская исторія, в) политическая экономія и статистика. Б) *Разрядъ наукъ литературно-филологическихъ:* а) греческая словесность, б) латинская словесность, в) славянскія нарѣчія,

III. *Науки общія вспомогательныя.* Новѣйшіе языки: а) французскій языкъ, б) нѣмецкій языкъ. Впослѣдствіи въ совѣтѣ планъ этотъ потерпѣлъ нѣкоторыя существенныя измѣненія; а именно: всеобщая исторія и русская признаны науками вспомогательными и для студентовъ разряда филологическаго; за то въ разрядъ политическій введено еще общенародное правовѣдѣніе. По этому плану (говорится въ проэктѣ) одинъ разрядъ наукъ I-го отдѣленія, исходя изъ самого источника слова въ душѣ человѣческой и утверждаясь на коренныхъ началахъ вкуса, будетъ обнимать это слово въ его развитіи по всѣмъ почти образованнымъ странамъ Европы,—именно языки: греческій, латинскій, славянскій и въ частности русскій, нѣмецкій и французскій, а для желающихъ—англійскій и итальянскій; слѣдовательно эта отрасль будетъ представлять почти всю умственную жизнь Европы, сколько она отражается въ зеркалѣ человѣческаго слова. Другой разрядъ долженъ обнимать политическую жизнь образованнѣйшей части человѣческаго рода по вѣкамъ и странамъ, преимущественно-же политическую жизнь той-же Европы какъ въ составѣ и силахъ государствъ, такъ и въ историческомъ ихъ развитіи. А общія науки, философія и словесность, будутъ излагать духовную жизнь человѣка въ самой себѣ, какъ со стороны ея содержанія — мыслей, такъ со стороны ея выраженія—слова. Когда такой проэктъ поступилъ въ совѣтъ, то встрѣтилъ тамъ не мало довольно сильныхъ возраженій. Именно, профес. Ѳедотовъ-Чеховскій писалъ, что члены I-го отдѣленія чрезмѣрно расширяютъ предѣлы каждой каѳедры и одну, по уставу положенную, науку раздѣляютъ на множество такихъ частей, которыя прямо въ уставѣ не означены. Такъ въ уставѣ именуется каѳедра философіи, а I-е отдѣленіе разумѣетъ подъ этимъ именемъ и преподаетъ: 1) психологію, 2) логику, 3) исторію философіи, 4) метафизику, 5) практическую философію, 6) естественное право и 7) философію исторіи. Такъ въ уставѣ поименована каѳедра русской словесности и исторіи русской литературы; I-е отдѣленіе пополняетъ ея тремя науками: теоріею прозы и поэзіи, философскою грамматикою и эстетикою. Словомъ, къ шести въ уставѣ означеннымъ каѳедрамъ „члены I-го отдѣленія философскаго факультета относятъ цѣлыхъ двадцать одну отдѣльныя науки... Всѣ науки I-го отдѣленія философскаго факультета объемлютъ собою или мысль (философія), или слово (словесности: греческая, римская, рус-

ская, славянская), или дѣйствіе (исторія, политическая экономія и статистика) человѣка". Какъ у частнаго человѣка только намѣренно или случайно могутъ не походить мысль на слово и слово на дѣяніе; также точно только намѣренно или случайно могутъ не вязаться между собою и науки, имѣющія предметомъ своимъ мысль, слово и дѣяніе человѣка. Невыгоды, какихъ ожидать можно отъ раздѣленія I-го отдѣленія философскаго факультета на два разряда наукъ, заключаются, по мнѣнію г. Ѳедотова-Чеховскаго, въ томъ, что̀ изученіе классической словесности неминуемо упадетъ по причинѣ *отвращенія молодыхъ людей отъ древней классической словесности.* Науки I-го отдѣленія философскаго факультета до того убавятся въ числѣ и облегчатся въ изученіи, что безъ сомнѣнія большая часть молодыхъ людей бросится въ подъ-отдѣленія I-го отдѣленія философскаго факультета. Съ этимъ мнѣніемъ согласились: Алекс. Н. Тихомандрицкій, Н. Д. Иванишевъ и Фонбергъ. Совѣтъ, однако, опредѣлилъ представить на усмотрѣніе высшаго начальства о раздѣленіи факультета.

Помощникъ попечителя всего болѣе былъ пораженъ разнообразіемъ и множествомъ предметовъ, заключенныхъ подъ названіемъ каѳедръ I-го отдѣленія философскаго факультета, и предложилъ совѣту Университета сдѣлать свое постановленіе о томъ, какія именно науки или части ихъ должны быть преподаваемы по каждой каѳедрѣ этого отдѣленія.

Дѣло кончилось тѣмъ, что товарищъ министра въ сентябрѣ увѣдомилъ, что онъ находитъ неудобнымъ допустить разряды на I-мъ отдѣленіи философскаго факультета въ Университетѣ св. Владиміра, какъ по несуществованію ихъ въ другихъ россійскихъ университетахъ, такъ и потому въ особенности, что нѣтъ уважительныхъ причинъ къ учрежденію въ Университетѣ особаго разряда, въ которомъ, сверхъ предметовъ общихъ другому разряду, будутъ только двѣ особыя каѳедры: политической экономіи и статистики и общенароднаго правовѣдѣнія и дипломатіи—предметовъ, болѣе или менѣе необходимыхъ для каждаго образованнаго человѣка *).

Вопросъ замолкъ до 1848 г., когда, по поводу новаго пересмотра правилъ испытанія студентовъ, I-е отдѣленіе философскаго факультета

*) Дѣло совѣта 1844 г. № 77.

представило совѣту, что по мнѣнію его, вмѣсто раздѣленія предметовъ на главные и неглавные, полезнѣе раздѣлить всѣ науки этого отдѣленія на два разряда: *философско-историческій* и *филологическій*, отнеся къ первому философію, всеобщую исторію, русскую исторію, политическую экономію и статистику, ко второму: греческую словесность, русскую словесность, славянскія нарѣчія и новѣйшіе языки. При этомъ для студента одного разряда всѣ науки другаго были-бы вспомогательными. Совѣтъ согласился съ этимъ мнѣніемъ; но и тогда изъ такого предположенія ничего не вышло. Вопросъ о томъ поднимался еще разъ въ 1849 г. по поводу проэкта образованія камеральнаго отдѣленія, и наконецъ въ 1856 году по новому представленію историко-филологическаго факультета. Но этотъ факультетъ, очевидно, былъ менѣе счастливъ, чѣмъ II-е отдѣленіе философскаго факультета.

Хотя А. А. Ѳедотовъ-Чеховскій съ товарищами указывалъ въ 1844 г., будто I-е отдѣленіе преднамѣренно и неосновательно дробитъ свои науки на самостоятельныя части; но многосложность почти каждой каѳедры этого отдѣленія не подлежитъ сомнѣнію.

Это прежде всего нужно сказать о *каѳедрѣ русской словесности*. Мы уже видѣли, какъ нелегко приходилось Максимовичу справиться съ цѣлою массою наукъ этой каѳедры даже при помощи адъюнкта. Теперь въ Университетѣ оставался преподавателемъ по этой каѳедрѣ только одинъ адъюнктъ — Костырь. Ни конкурсъ, ни вызовъ черезъ другіе университеты не далъ Университету св. Владиміра профессора по этой каѳедрѣ. Да и впереди не предвидѣлось удачи даже въ отдаленномъ будущемъ. Заграничные университеты не могутъ ни выслать, ни образовать преподавателя русской словесности: сложность предметовъ испытанія не позволяла надѣяться, что кто-либо изъ своихъ молодыхъ ученыхъ пріобрѣтетъ вскорѣ степень доктора.

Пришлось замѣстить эту каѳедру по найму, со всѣми грязноватыми, мелочными и отталкивающими чертами наемнаго труда: разсчетами въ копѣйкахъ, вычетами за прогулъ и пр.

Такимъ замѣщеніемъ этой каѳедры озаботился попечитель—кн. Давыдовъ. Онъ, имѣя въ виду, что всѣ мѣры къ замѣщенію ея были до сихъ поръ безуспѣшны, въ 1843 году предложилъ бывшему профессору русской словесности *Максимовичу*, который, хотя и оставилъ службу по болѣзни, но послѣ двухъ-лѣтняго пребыванія въ деревнѣ

возстановилъ отчасти здоровье, принять вновь, хотя временно, преподаваніе русской словесности. Максимовичъ согласился съ оговоркою, что онъ можетъ принять на себя только преподаваніе и участіе въ засѣданіяхъ для испытанія студентовъ по русской словесности; по прочихъ профессорскихъ обязанностей на себя не принимаетъ. Товарищъ министра народнаго просвѣщенія 23-го іюня 1843 года согласился на допущеніе Максимовича къ чтенію лекцій безъ присвоенія правъ службы, впредь до опредѣленія въ Университетъ св. Владиміра профессора русской словесности; вознагражденіе ему полагалось поурочное, т. е. „такая плата за каждую лекцію, какая причитается изъ годоваго оклада ординарнаго префессора, по разложеніи онаго на положенное въ годичномъ курсѣ число уроковъ". Совѣтъ (16 августа) разсчиталъ просто: такъ какъ каждый профессоръ по уставу 1842 г. долженъ занимать не менѣе 8 часовъ въ недѣлю, и такъ какъ въ академическомъ году оказывалось на одного профессора 305 часовъ, то совѣтъ и раздѣлилъ 1176 руб. профессорскаго жалованья на 305; въ частномъ оказалось 3 р. $85^1/_2$ к. сер., что̀ совѣтъ и предложилъ Максимовичу за каждую лекцію. Но попечитель, получивъ отъ Максимовича увѣдомленіе, что онъ требуетъ не менѣе 15 р. сер. за лекцію, нашелъ разсчетъ совѣта Университета неправильнымъ и произвелъ самъ новый. Именно онъ далъ ему въ недѣлю 3 полутора-часовыя лекціи съ платою по 14 р. сер. за каждую *).

Но когда Максимовичъ приступилъ къ своимъ обязанностямъ въ Университетѣ, то здѣсь его начали опять усчитывать по своему.

Вѣроятно это и побудило его въ іюлѣ 1845 года уйти совсѣмъ изъ Университета. Впрочемъ вторичное и окончательное оставленіе имъ Университета объясняется и тѣмъ, что въ то время, т. е. въ мартѣ 1845 года былъ утвержденъ въ степени магистра Костырь, а въ маѣ того-же 1845 г. былъ назначенъ второй преподаватель по каѳедрѣ

---

*) По разсчету попечителя для лѣтнихъ вакацій полагалось 6 недѣль, для зимнихъ—3, страстная и свѣтлая недѣли—2, для говѣнія—1, и для экзаменовъ—8, — всего изъ учебнаго времени исключается 20 недѣль; оставалось-бы 32 недѣли; но исключивъ торжественные и табельные дни, остается—30 недѣль. Такимъ образомъ для Максимовича насчитано 96 лекцій въ году и на это число раздѣлено не 1176, а 1350 р. (т. е. включая и квартирныя); такимъ образомъ получилось 14 р. сер. 6 коп. за лекцію.

русской словесности (кромѣ Костыря), но пока безъ высшей ученой степени.

Костырь, какъ мы знаемъ, былъ воспитанникомъ М. А. Максимовича и имъ-же рекомендованъ въ преподаватели; но вскорѣ затѣмъ оказалось, что въ лицѣ Костыря и Максимовича столкнулись два поколѣнія и два типа русскихъ филологовъ, совершенно различные. Столкновеніе это выявилось на магистерскомъ экзаменѣ Костыря (экзаменѣ, который будетъ нами изложенъ ниже ради характерности его для тогдашнихъ испытаній на высшія ученыя степени). Дѣло объ этомъ экзаменѣ и утвержденіи Костыря въ должности адъюнкта длилось съ 1842 по 1846 годъ; оно началось тогда, когда М. А. Максимовичъ не былъ еще преподавателемъ по найму, но былъ приглашенъ Университетомъ къ участію въ испытаніи въ качествѣ бывшаго профессора. Тотчасъ оказалось, что ученикъ и учитель стоятъ на разныхъ полюсахъ научныхъ міровоззрѣній. Максимовичъ, филологъ—самоучка, не пользовавшійся иностранною ученою литературою, заботится, преимущественно, о чистотѣ и правильности русскаго языка, о твердости и опредѣленности его грамматическихъ формъ; Костырь интересуется общими и философскими основаніями языкознанія вообще, увлекаясь всеобъемлющими, но туманными и неопредѣленными положеніями нѣмецкой философіи Канта и Гегеля. „Г. Костырь, писалъ Максимовичъ, при первыхъ, предложенныхъ ему замѣчаніяхъ о правильности русскаго языка и употребленіи въ немъ иноязычныхъ словъ (на которыя былъ такъ щедръ самъ Костырь), отрекся отъ защиты себя съ этой стороны, объявивъ, что онъ воспиталъ свои понятія на германскихъ писателяхъ и не хочетъ принимать возраженія на такія мелочи". По словамъ Максимовича, Костырь защищалъ себя по большей части сбивчивыми и неотчетливыми понятіями о „гуманистическомъ духѣ, поэтической индивидуальности, вѣчной юности и т. п. въ выраженіяхъ неточныхъ и неопредѣленныхъ. Все это могло быть въ угоду философіи, но не было въ пользу филологическаго и историческаго познанія русской словесности, въ которой г. Костырь хочетъ видѣть выраженіе не писателей и *не своего народа, но человѣческаго духа*". Такъ космополитическія начала науки, выдвинутыя нѣмецкою философіею, были непонятны и чужды старому представителю національныхъ ея интересовъ.

Не смотря на то, что Костырь былъ утвержденъ, наконецъ, въ степени магистра (лишь 8 марта 1845 г.), но не могъ тотчасъ-же подвинуться по служебно-ученой лѣстницѣ на штатное мѣсто адъюнкта. Думать надобно, что это побудило его подать прошеніе объ увольненіи вовсе отъ службы. Завелось цѣлое *дѣло* объ увольненія Костыря; дѣло это принялъ къ сердцу тогдашній исправляющій должность помощника попечителя и 30 марта 1845 г. потребовалъ все производство къ себѣ. Результатомъ было то, что 8 мая I-е отдѣленіе философскаго факультета опредѣлило: „признавъ Костыря весьма способнымъ и усерднымъ преподавателемъ русской словесности, просить совѣтъ Университета св. Владиміра ходатайствовать объ утвержденіи его въ званіи адъюнкта". Но скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается: только 21 іюня 1846 г. попечитель (Траскинъ) увѣдомилъ совѣтъ, что министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ Костыря адъюнктомъ.

Философско-космополитическое направленіе западной науки отразилось на Костырѣ только своею отвлеченною стороною, безъ всякихъ публицистическихъ выводовъ. Преподаватель не слѣдилъ въ фактахъ исторіи литературы за явленіями общественной жизни.

Съ этой послѣдней стороны гуманистическое направленіе 40-хъ годовъ гораздо рельефнѣе выразилось въ другомъ преподавателѣ по той-же каѳедрѣ.

То былъ *А. И. Селинъ*, которому потомъ суждено было долго быть представителемъ этой каѳедры въ Университетѣ св. Владиміра и который на I-мъ отдѣленіи философскаго факультета былъ предтечею новыхъ силъ профессорскаго элемента. Ученикъ Шевырева (по Московскому университету), онъ вышелъ изъ Университета въ 1841 г., а затѣмъ съ 1843 года совершилъ двухлѣтнее заграничное путешествіе; эти два факта, т. е. впечатлѣнія Москвы и Шевырева, и восторженное поклоненіе умственнымъ и эстетическимъ богатствамъ западной Европы, опредѣляютъ ту смѣсь въ натурѣ Ал. Ив—ча, съ которою онъ и ушелъ въ могилу, не давши ключа къ ея разгадкѣ. Онъ состоялъ въ тѣсной связи съ пражскими славистами, но не былъ славянофиломъ; онъ всѣми симпатіями примыкалъ къ русскимъ либеральнымъ дѣятелямъ 1840-хъ годовъ; но не былъ западникомъ.

1845 г. 18-го мая министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ, что, основываясь на одобрительномъ отзывѣ Петербургскаго универ-

ситета о способностяхъ и познаніяхъ кандидата Московскаго университета А. Селина, доказанныхъ имъ на пробной лекціи, данной въ Петербургскомъ университетѣ, онъ министръ опредѣлилъ его, Селина, въ Университетъ св. Владиміра исправляющимъ должность адъюнкта по I-му отдѣленію философскаго факультета, до полученія степени магистра и доктора. Упомянутую пробную лекцію Селинъ читалъ 2-го мая въ присутствіи членовъ С.-Петербургскаго университета; тема ея была: „О словесности вообще, раздѣленіе ея на разные роды, объ изящномъ, изящныхъ искуствахъ, поэзіи и разныхъ родахъ послѣдней". По отзыву присутствовавшихъ, „лекція Селина показываетъ, что онъ достаточно знакомъ съ новѣйшими теоретическими взглядами на свой предметъ и слѣдуетъ началамъ, сообразнымъ съ современнымъ требованіемъ науки, излагая притомъ свои мысли систематически, легко и пріятно". Такой отзывъ подписали: Н. Устряловъ, М. Куторга, А. Никитенко, Н. Прейсъ *).

Происходя изъ купеческаго званія (Тверской губерніи), А. И—чъ С—нъ не имѣлъ въ натурѣ своей, однако, ничего буржуазнаго. Талантливый, горячій и впечатлительный, онъ нерѣдко увлекался въ разныя, иногда даже противоположныя крайности, что́ создавало ему массу ложныхъ положеній и въ обыденной жизни, и въ совѣтскихъ отношеніяхъ. Принципомъ его жизни какъ будто было извѣстный стихъ Толстаго: „коль любить такъ сгоряча, коль рубить такъ ужъ съ плеча". Этими свойствами проникается и его дѣятельность на каѳедрѣ. Имѣя натуру проповѣдника и оратора, онъ отнюдь не удовлетворялся ровнымъ теченіемъ фактовъ своей науки и еще менѣе логическою связію отвлеченныхъ положеній ея. Изъ всего круга предметовъ своей каѳедры, онъ избралъ для преподаванія отдѣлъ наиболѣе подходящій къ своему характеру—исторію русской литературы; но и въ ней, въ противоположность М—чу, спокойная древность его не такъ интересовала; его увлекали громадныя комбинаціи фактовъ по цѣлымъ крупнымъ эпохамъ; блестящія, иногда остроумныя сближенія замѣняли для него всю науку и студентъ, хорошо изучившій все содержаніе ея, рисковалъ не получить на экзаменѣ хорошей отмѣтки, если забывалъ упомянуть въ отвѣтѣ тѣ сближенія и противоположенія, которыя такъ нравились про-

*) Дѣло совѣта 1845 г. № 107.

фессору. Новый періодъ литературы давалъ болѣе простора для его публицистической манеры, такъ какъ литературныя движенія онъ излагалъ въ связи съ развитіемъ общественныхъ идей и событій. Но и въ этой послѣдней сферѣ онъ увлекался во взаимно-противоположныя крайности. Однако въ этихъ увлеченіяхъ не было признаковъ нравственной шаткости. Напротивъ, онъ былъ человѣкъ природы безукоризненно честной; всякое отступленіе отъ прямаго пути, возмущало его, доводило иногда до несправедливаго отрицанія всего хорошаго въ человѣкѣ, споткнувшемся одинъ разъ можетъ быть случайно.

Какъ ораторъ и публицистъ, онъ любилъ собрать большую аудиторію, любилъ встрѣчать сценическую поддержку со стороны слушателей и оваціи ихъ. Какъ всѣ такія артистическія натуры, отъ настроенія публики онъ измѣнялся совершенно; при оживленіи и поддержкѣ слушателей онъ дѣлался блистательнѣе и находчивѣе, и наоборотъ. Все дѣйствительное значеніе его лекцій сводится къ художественной критикѣ отдѣльныхъ произведеній и даже отдѣльныхъ мѣстъ этихъ произведеній. Ученымъ филологомъ онъ никогда не былъ. Всѣ немногіе, напечатанные имъ труды носятъ чисто историко-литературный характеръ („Предшественники Карамзина" —магистерская диссертація, „Ломоносовъ", „Н. М. Карамзинъ", „Крыловъ" и др.).

До какой степени обаятельно могла дѣйствовать личность Селина, показываютъ восторженныя строки, написанныя г-жею М. П. М—скою бывшею его слушательницею въ Кіевскомъ институтѣ, по поводу его смерти. „17-го марта 1877 года, пишетъ она, скончался А. И. Селинъ — *человѣкъ* въ самомъ высокомъ значеніи этого слова... Онъ былъ заслуженнымъ профессоромъ и деканомъ философскаго факультета при Университетѣ св. Владиміра, гдѣ 32 года честно и полезно служилъ наукѣ и ближнимъ; былъ человѣкъ высокаго образованія, зналъ хорошо древніе языки и почти всѣ европейскіе, изучалъ и любилъ музыку, и особенно поэзію... Краснорѣчіе его было поразительно; это были потоки мысли и чувства, выраженные въ самомъ сильномъ словѣ, въ самой изящной формѣ... Онъ былъ отцомъ студентовъ, ихъ защитникомъ и благодѣтелемъ для бѣдныхъ. Оказать помощь нуждающемуся было праздникомъ для его души. Онъ былъ врагъ всякаго чиновничества, равнодушенъ къ наградамъ и повышеніямъ... Характеръ его былъ двоякій: мягкій и кроткій, какъ у агнца, и

вспыльчивый, способный раздражиться, забыться, но лишь на мгновеніе. Онъ свято чтилъ свободу въ человѣкѣ. Гуманность была не только его идеаломъ, но она была его религіей. Для него не было высшихъ и низшихъ,—а всѣ равные, коль скоро это были люди. Велъ самую воздержную жизнь и былъ постоянно занятъ; но очень любилъ бесѣду дружескую, задушевную. Онъ былъ человѣкъ чистой вѣры и религія его была поистинѣ святая; какъ сестрѣ духовной (автору замѣтки) онъ признавался, что нѣсколько лѣтъ говѣлъ въ арестантской церкви, и, пріобщаясь съ колодниками, отъ всей полноты сокрушеннаго сердца говорилъ: „отъ нихъ-же первый есмь азъ“ *).

Каѳедра философіи, не сдѣлавъ никакихъ пріобрѣтеній, понесла весьма чувствительную утрату. Представителемъ ея оставался и теперь О. М. Новицкій; при немъ адъюнктомъ продолжалъ быть Авсеневъ; но мистическое настроеніе этого послѣдняго развивалось въ немъ все болѣе и болѣе вмѣстѣ съ ослабленіемъ его здоровья. Наконецъ въ сентябрѣ 1844 г. онъ рѣшился поступить въ монахи и подалъ прошеніе объ увольненіи отъ службы въ Университетѣ. Когда уволенный Авсеневъ принялъ монашество и сдѣлался іеромонахомъ Ѳеофаномъ, то изъявилъ согласіе продолжать чтеніе въ Университетѣ. Войдя объ этомъ представленіемъ къ министру народнаго просвѣщенія, попечитель предложилъ совѣту Университета допустись тотчасъ-же іер. Ѳеофана къ продолженію лекцій въ Университетѣ, прерванныхъ увольненіемъ его отъ должности. Онъ и дѣйствительно началъ чтенія по 4 часа въ недѣлю. Но въ апрѣлѣ получено увѣдомленіе, что министръ взглянулъ на дѣло совершенно иначе; онъ увѣдомилъ, что такъ какъ профессоръ по каѳедрѣ философіи Новицкій имѣетъ въ недѣлю не болѣе 6-ти часовъ, то министръ не находитъ особенной надобности въ назначеніи по этой каѳедрѣ еще другого преподавателя. Что касается до Ѳеофана, то онъ не долго служилъ профессоромъ и въ духовной академіи. Болѣе и болѣе ослабѣвающее здоровье заставило его переселиться на югъ; онъ принялъ участіе въ русской миссіи въ Римѣ, гдѣ и скончался, оставивъ глубокій слѣдъ своего вліянія, какъ въ Университетѣ, такъ и въ академіи.

---

*) „Русская Старина“ 1878 г. іюль. См. также: „А. И. Селинъ“. Некрологъ. Кіевъ, 1877 г.

Но еще раньше выхода Авсенева, каѳедра философіи могла-бы пріобрѣсти новаго (тогда третьяго) преподавателя. Именно явился единственный, упомянутый выше, случай примѣненія къ дѣлу постановленій устава *о доцентурѣ*. Тотчасъ по введеніи въ дѣйствіе новаго устава, 3-го августа 1842 года магистръ духовной академіи *Сильв. Сильв. Гогоцкій* подалъ прошеніе, въ которомъ просилъ допустить его къ публичному защищенію диссертаціи, относящейся къ изящнымъ наукамъ. Проводникомъ дѣла въ факультетѣ и совѣтѣ въ пользу просьбы С. С. Гогоцкаго былъ спеціалистъ, которому по праву и принадлежалъ въ немъ рѣшающій голосъ, т. е. О. М. Новицкій. Но противъ него возсталъ А. И. Ставровскій, и именно съ той стороны, съ которой всего менѣе можно было ожидать отъ воспитанника духовной семинаріи, какимъ былъ Ставровскій; ему I-е отдѣленіе поручило изложить свою мысль письменно; но затѣмъ отвергло соображенія Ставровскаго. Почву для отрицательнаго мнѣнія Ставровскаго далъ самый уставъ 1842 г., который, какъ мы знаемъ, требовалъ отъ доцентовъ магистерской или докторской степени (разумѣется университетской). Ставровскій усиливался доказать, что степень магистра духовной академіи не равняется такой-же университетской ни по наукамъ, требующимся на экзаменѣ, ни по серьезности самого экзамена. Оппонентъ вытащилъ на свѣтъ Божій уставъ духовныхъ академій и производилъ микроскопическое сравненіе этого устава съ университетскимъ положеніемъ. Изъ одной Кіевской духовной академіи, писалъ онъ, чрезъ каждые два года въ одинъ разъ выпускается не менѣе пятнадцати магистровъ, а изъ кандидатовъ Университета св. Владиміра со времени его основанія въ теченіи 8-ми лѣтъ еще ни одинъ не пріобрѣлъ степени магистра; изъ трехъ духовныхъ академій въ теченіи каждаго двухлѣтія выпускается болѣе 50 магистровъ и изъ 7 университетовъ въ россійской имперіи въ теченіи того-же времени съ трудомъ получаютъ эту степень около 15 человѣкъ. Борьба разгорѣлась въ совѣтѣ, который употребилъ на это дѣло не одно засѣданіе; въ засѣданіи 19-го декабря 1842 года совѣтъ опредѣлилъ: магистровъ духовной академіи православнаго исповѣданія не допускать къ пріобрѣтенію званія доцентовъ; но профессора: Богородскій, Орнатскій, Ѳедотовъ-Чеховскій, Нейкирхъ и ректоръ Неволинъ находили совершенно справедливымъ мнѣніе по этому предмету Новицкаго, именно, что доценты должны

служить разсадникомъ для штатныхъ адъюнктскихъ и профессорскихъ мѣстъ, почему желательно, чтобы сколько возможно большее число лицъ вступали въ это званіе, особенно при множествѣ вакантныхъ штатныхъ профессорскихъ и адъюнтскихъ мѣстъ; что § 34-й устава Университета св. Владиміра требуетъ отъ доцента степени магистра или доктора вообще, не дѣлая различія ни между россійскими магистрами и докторами одного вѣдомства и другаго, ни между россійскими и иностранными магистрами и докторами. Въ засѣданіи 30-го декабря 1842 г. было заслушано возраженіе большинства совѣта на мнѣніе меньшинства. Это обширный трактатъ (на 48 страницахъ убористаго письма) ведетъ опроверженіе по пунктамъ, возражая напрям. такъ: если совѣтъ прежде признавалъ магистровъ духовныхъ академій достойными занятія каѳедръ, то совѣтъ измѣняется въ своемъ составѣ и прежнія мнѣнія его необязательны для послѣдующихъ временъ. Доценты должны быть разсадниками профессоровъ; но въ этотъ разсадникъ должны быть допускаемы лица „благонадежныя" и т. д. Мнѣніе это подписано: Траутфеттеромъ, Дьяченкомъ, Иванишевымъ, Козловымъ, Делленомъ, Ставровскимъ, Тихомандрицкимъ, Домбровскимъ и Мирамомъ. Въ засѣданіи 27 февраля 1843 г. заслушанъ несравненно большій и подробнѣйшій трактатъ представителей меньшинства (на 108 страницахъ); въ немъ представлена также по всѣмъ пунктамъ контрецензія мнѣнія большинства. Здѣсь между прочимъ указано, что магистры духовныхъ академій должны быть признаны достойными званія доцентовъ не по всѣмъ предметамъ всѣхъ факультетовъ, а лишь по тѣмъ, по которымъ пріобрѣтена ими степень, именно по I-му и II-му отдѣленію философскаго факультета, такъ какъ магистръ духовной академія есть magister humaniarum sanctarumque litterarum (?). Мнѣніе это подписано, между прочимъ, и Фонбергомъ. Тогда-же было заслушано особое мнѣніе О. М. Новицкаго, представляющее не менѣе обширное разсужденіе. Въ жару борьбы воюющія стороны увлеклись въ крайности: забыли, что дѣло идетъ не о профессорѣ, а о (приватъ-) доцентурѣ, что если-бы доцентъ претендовалъ потомъ на должность адъюнкта или профессора, то отъ него можно-бы и должно было потребовать университетской степени. Шли годы, дѣло тянулось, а преподаваніе ничего не выигрывало. Наконецъ, лишь 6 іюня 1844 г. попечитель прислалъ въ совѣтъ рѣшеніе, которое опять исходило изъ

той-же мысли о доцентурѣ, какъ низшей степени профессорства; попечитель сослался на новыя правила объ испытаніяхъ на ученыя степени (6 апрѣля 1844 г.), по которымъ имѣющій ученую степень по одному факультету и желающій пріобрѣсти ее по другому, долженъ держать дополнительный экзаменъ на степень кандидата и т. д. Это примѣнено и къ вопросу о С. С. Гогоцкомъ. На этомъ основаніи попечитель „приказалъ своей канцеляріи считать дѣло оконченнымъ" *). Оно и было остановлено до 1848 г., когда (съ 12 февраля) С. С. Гогоцкому удалось войти въ Университетъ въ качествѣ доцента (прошедши всѣ степени испытаній).

Въ то время когда въ Университетѣ *каѳедру русской исторіи* занималъ преподаватель не имѣющій высшей ученой степени (Домбровскій), былъ въ округѣ учителемъ и притомъ самой глухой провинціальной гимназіи (Ровенской)—магистръ русской исторіи. Явленіе и теперь рѣдкое, а тогда единственное и почти невѣроятное. То былъ *Н. И. Костомаровъ.* Какъ это могло случиться, къ намъ не относится; знаемъ только, что онъ окончилъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ дѣйствительнымъ студентомъ въ 1836 г. Черезъ два года съ половиною держалъ экзаменъ тамъ-же на кандидата, а черезъ 4 года послѣ того началъ службу въ томъ-же университетѣ помощникомъ инспектора студентовъ (въ 1842 г.); но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ ушелъ съ этой службы и затѣмъ приступилъ къ магистерскому экзамену въ томъ-же Харьковскомъ университетѣ и утвержденъ въ этой степени 1844 г. октября 4-го, возбудивъ своею диссертаціею (объ уніи) извѣстную исторію, въ которую такъ невыгодно для себя замѣшался извѣстный Иннокентій (хотя этотъ послѣдній выступалъ не противъ автора, а противъ взглядовъ диссертаціи). Тотчасъ-же вслѣдъ затѣмъ Н. И. Костомаровъ опредѣленъ учителемъ Ровенской гимназіи. Именно осенью этого 1844 г. В. Ѳ. Домбровскій заболѣлъ недугомъ, отъ котораго ему не суждено было выздоровѣть. Преподаваніе русской исторіи остановилось вовсе. Но даже если-бы Домбровскій и продолжалъ исполнять свои обязанности, представлялась необходимость имѣть адъюнкта по историческимъ наукамъ, потому что преподаватель всеобщей исторіи былъ одинъ; а русская исторія, составляя те-

*) Дѣло совѣта 1842 г. № 111.

перь, по уставу 1842 г., отдѣльную каѳедру I-го отдѣленія философскаго факультета, преподавалась также и студентамъ-юристамъ. Тогдашній попечитель кн. Давыдовъ пригласилъ профессора Ставровскаго войти съ представленіемъ въ совѣтъ, вѣроятно указавъ ему на Н. И. Костомарова. 1844 г. 2-го ноября профес. Ставровскій дѣйствительно вошелъ въ совѣтъ съ представленіемъ, что онъ еще въ концѣ прошлаго года намѣренъ былъ просить совѣтъ о назначеніи адъюнкта по исторической каѳедрѣ и для этого словесно рекомендовалъ старшаго учителя Кіевской 2-й гимназіи Виталія Шульгина, но, съ одной стороны, Шульгинъ доселѣ не пріобрѣлъ степени магистра и не намѣренъ совсѣмъ или по крайней мѣрѣ долго держать испытаніе на эту степень, а, съ другой стороны, обширность преподаваемаго имъ, Ставровскимъ, предмета требуетъ отъ него больше времени для занятій „въ кабинетѣ и Университетѣ“, нежели сколько онъ въ состояніи удѣлить, по причинѣ другихъ занятій по Университету. Попечитель предложилъ ему сообразить, какимъ образомъ можно лучше помочь студентамъ въ ихъ потерѣ лекцій по русской исторіи за болѣзнью профес. Домбровскаго; такимъ образомъ Ставровскій нашелъ опредѣленіе адъюнкта въ этомъ случаѣ неизбѣжнымъ и потому рекомендуетъ совѣту Университета извѣстнаго ему по сочиненіямъ и по одобрительному отзыву харьковскихъ профессоровъ Костомарова, въ адъюнкты какъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи, такъ и русской, чтобы онъ, по требованію обстоятельствъ, исправлялъ обязанности по той и другой каѳедрѣ, а прямою своею должностью, согласно съ давнимъ мнѣніемъ I-го отдѣленія философскаго факультета, имѣлъ чтеніе русской исторіи для студентовъ II-го отдѣленія и юридическаго факультета. Предварительно Ставровскій испрашивалъ согласія больнаго профес. Домбровскаго и онъ далъ ему согласіе, написавъ въ совѣтъ слѣдующее: „Зная г. Костомарова по нѣкоторымъ историческимъ его дѣламъ (sic) съ очень выгодной стороны, я совершенно согласенъ съ экстра-ординарнымъ профессоромъ Ставровскимъ на счетъ выбора его въ адъюнкты“. Выслушавъ это представленіе, совѣтъ 1844 г. 10-го ноября балотировалъ Н. И. Костомарова и забалотировалъ *). Чѣмъ объяснить этотъ исходъ дѣла—не знаемъ, тѣмъ-ли, что совѣтъ не признавалъ необходимости

---

*) Дѣло канцеляріи совѣта 1844 г. № 287.

имѣть адъюнкта, пока живъ былъ Домбровскій, или противодѣйствіемъ давленію попечителя? Окружное начальство, повидимому, не одобряло такого исхода дѣла и поспѣшило перевести Н. Ив—ча учителемъ исторіи Кіевской 1-й гимназіи (28 іюля 1845 г.). Прошелъ почти годъ послѣ такого неудачнаго начала. Въ этотъ годъ каѳедра русской исторіи совершенно осиротѣла. Умеръ В. Ѳ. Домбровскій, который несмотря на печальный результатъ своей докторизаціи, всегда пользовался въ Университетѣ и понималъ задачи своей важной каѳедры такъ, какъ онѣ были установлены Уваровымъ, Брадке и Максимовичемъ при открытіи Университета. Въ тѣ дни задачи эти представлялись проще и опредѣленнѣе; тогда имѣлось въ виду лишь соотношеніе между русскимъ вообще и польскими элементами въ исторіи западной Россіи. Затѣмъ онѣ сдѣлались гораздо сложнѣе и запутаннѣе. Какъ разъ около того времени, когда каѳедра русской исторіи въ Университетѣ св. Владиміра опустѣла, оказался большой избытокъ въ лицахъ, приготовленныхъ къ высшему преподаванію историко-филологическихъ наукъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ. Министръ народнаго просвѣщенія 30-го апрѣля 1846 г. запросилъ, не оказывается-ли надобности въ назначеніи преподавателемъ по I-му отдѣленію философскаго факультета Университета св. Владиміра кого-либо изъ 6 отличнѣйшихъ студентовъ главнаго педагогическаго института окончившихъ курсъ наукъ въ 1844 г. и приступавшихъ уже къ экзамену на степень магистра въ Петербургскомъ университетѣ. То были: А. Зернинъ, будущій профессоръ русской исторіи въ Харьковскомъ университетѣ, Мих. Славянскій, будущій профессоръ исторіи въ Казанскомъ университетѣ, В. Я. Яроцкій, будущій профессоръ славянскихъ нарѣчій въ Университетѣ св. Владиміра, *П. В. Павловъ*, будущій профессоръ русской исторіи также въ Университетѣ св. Владиміра и наконецъ П. Носовъ, будущій преподаватель училища правовѣдѣнія. Дѣйствительно, было изъ кого выбрать для замѣщенія каѳедры русской исторіи. Новый попечитель Кіевскаго учебнаго округа дѣйствительно собирался просить министерство о назначеніи для этой каѳедры одного изъ названныхъ кандидатовъ педагогическаго института; но узнавъ, что въ совѣтѣ Университета уже однажды былъ въ разсмотрѣніи вопросъ объ опредѣленіи по каѳедрѣ исторіи Костомарова, онъ предварительно считалъ нужнымъ спросить совѣтъ Универ-

ситета, имѣетъ-ли совѣтъ въ виду къ избранію въ преподаватели по исторіи Костомарова или нѣтъ, чтобы въ противномъ случаѣ онъ могъ войти въ сношеніе съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Неудачный результатъ балотировки 1844 года былъ еще у всѣхъ въ памяти; никто изъ членовъ I-го отдѣленія не взялся выступить съ новымъ представленіемъ. Исполненіе воли попечителя взялъ на себя самъ ректоръ. Впрочемъ по тогдашнимъ порядкамъ Ѳедоровъ, хотя и профессоръ астрономіи, не разъ выступалъ съ представленіями по разнымъ каѳедрамъ другихъ факультетовъ. „Живо помня (писалъ онъ) потерю одного изъ сотрудниковъ нашихъ на поприщѣ образованія юношества, а именно потерю Домбровскаго, и принимая въ соображеніе важность предмета, который преподаваемъ былъ Домбровскимъ, не смѣю не желать, чтобы на мѣсто Домбровскаго избранъ былъ, сколь возможно скорѣе, новый, пользующійся законнымъ правомъ, достойный и способный преподаватель русской исторіи. Поощряемый этимъ желаніемъ, беру смѣлость рекомендовать совѣту Университета св. Владиміра преподавателемъ русской исторіи г. магистра Костомарова, находящагося нынѣ учителемъ при 1-й Кіевской гимназіи. Благородство характера и истинно-нравственныя качества г. Костомарова мнѣ извѣстны, частію по личному моему съ нимъ знакомству, преимущественно-же по рекомендаціи мужей, достойныхъ глубокаго уваженія и крайняго довѣрія. Если не каждому изъ гг. членовъ совѣта извѣстны ученыя достоинства г. Костомарова, то осмѣливаюсь покорнѣйше просить совѣтъ разсмотрѣть прилагаемое при семъ разсужденіе, по которому г. Костомаровъ удостоенъ Харьковскимъ университетомъ степени магистра“. По выслушаніи этого заявленія (въ засѣданіи 28 мая 1846 г.), совѣтъ опредѣлялъ пригласить Костомарова прочитать въ присутствіи членовъ совѣта пробную лекцію на избранную самимъ Костомаровымъ тему. Сочиненіе-же Костомарова препровождено къ членамъ совѣта для предварительнаго разсмотрѣнія. Когда все это было выполнено весьма быстро, то уже 4 іюня 1846 г. послѣдовала вторичная балотировка Н. И. Костомарова и на этотъ разъ онъ получилъ 16 избирательныхъ и ни одного неизбирательнаго. Министръ народнаго просвѣщенія 1-го августа утвердилъ его адъюнктомъ *). Такимъ образомъ съ начала

---

*) Дѣло совѣта 1846 г. № 92.

учебнаго 1846 — 47 года Н. Ив—чъ началъ уже лекціи въ нашемъ Университетѣ. Но курсъ ихъ былъ весьма недологъ. Вѣроятно по краткости времени этого курса, а можетъ быть и по другой причинѣ, которая уяснится сейчасъ, мы не могли отыскать никакихъ слѣдовъ его. Мы сейчасъ замѣтили, что при Брадке задачи Университета и каѳедры русской исторіи въ частности были проще; требовалось установить соотношеніе только между польскимъ и русскимъ элементами. Въ 1839 году, повидимому, совсѣмъ покончили съ этими національными вопросами: въ составѣ преподавателей оставались только русскіе и нѣмцы. Но тутъ и начинались новые вопросы другаго рода. Идеи Максимовича объ обще-русской культурѣ оказались тѣсными; на сцену выступали обще-славянскія тенденціи, посредствомъ которыхъ считали удобнымъ разрѣшить мирнымъ образомъ не только вопросъ объ отношеніи къ польской націи, но и внутренніе, такъ сказать междоусобные вопросы русскаго міра. Въ широкой сферѣ всеславянства, казалось, могли мирно ужиться и великоруссы, и малороссы, и поляки, сохраняя каждый свою удѣльную самостоятельность. Кіевское славянское направленіе не только удалилось отъ современнаго ему Московскаго славянофильства, но и отъ того направленія, какому слѣдовалъ Н. Д. Иванишевъ; существенною чертою кіевскаго славянофильства сталъ вопросъ малороссійскій. Съ тѣхъ поръ, какъ загражденъ былъ открытый и легальный путь къ развитію славянскихъ идей отказомъ въ учрежденіи каѳедры славяновѣдѣнія, умы пошли путемъ закрытымъ и тайнымъ. Кіевъ съ пестрымъ этнографическимъ составомъ его населенія представлялъ самую удобную почву для развитія такихъ воззрѣній. Къ тому-же въ 1845—46 г. случай помогъ дѣлу. Тогда сошлось въ Кіевѣ не мало интеллигентныхъ южно-руссовъ, изъ которыхъ нѣкоторые отличались высокою даровитостію, а именно: Т. Г. Шевченко, П. А. Кулишъ, Н. И. Гулакъ, В. М. Бѣлозерскій. Хотя члены кружка „взирали на Шевченка, какъ на небесный свѣтильникъ“, но средоточіемъ кружка, по своему образованію и положенію, явился Н. И. Костомаровъ *). О цѣляхъ кружка самъ Н. И. разсказываетъ такъ: въ январѣ 1846 г. онъ съ названными выше лицами (кромѣ Шевченка и

*) Что касается Т. Г. Шевченка и П. А. Кулиша, то основатели общества не приняли ихъ въ число членовъ, потому что дорожа ими, не хотѣли подвергать ихъ опасности.

Кулиша), толковали о томъ, какъ-бы слѣдовало путемъ воспитанія юношества, изданія сочиненій, относящихся къ славяновѣдѣнію, знакомить русское общество съ славянскимъ міромъ. Они составили себѣ слѣдующія desiderata для „апостоловъ славянскаго возрожденія“: 1) освобожденіе славянскихъ народностей изъ подъ власти иноплеменниковъ; 2) организованіе ихъ въ самобытныя политическія общества съ удержаніемъ федеральной связи ихъ между собою; 3) уничтоженіе всякаго рабства въ славянскихъ обществахъ подъ какимъ-бы видомъ оно ни скрывалось; 4) упраздненіе сословныхъ привилегій и преимуществъ; 5) религіозная свобода и вѣротерпимость; 6) употребленіе единаго славянскаго языка въ публичныхъ богослуженіяхъ всѣхъ существующихъ церквей; 7) полная свобода мысли, научнаго воспитанія и печатнаго слова; преподаваніе всѣхъ славянскихъ нарѣчій и ихъ литературъ въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ славянскихъ народностей. Въ какомъ отношеніи къ этимъ цѣлямъ стоялъ малорусскій вопросъ, Н. И. Костомаровъ не объясняетъ. Онъ справедливо говоритъ, что часть указанныхъ цѣлей осуществлена или намѣчена покойнымъ Государемъ Александромъ Николаевичемъ. Но въ царствованіе Императора Николая I эти desiderata въ лучшемъ случаѣ могли быть признаны ребяческою мечтою, тѣмъ болѣе, что средствами для осуществленія ихъ поставлены были: изданіе сочиненій и частныя бесѣды. Сочиненія этого рода, а главное самое общество съ такими задачами не могли ожидать себѣ поблажки отъ тогдашняго правительства; между тѣмъ члены кружка́ будто-бы и не думали основывать „тайнаго“ общества; хотя оно уже было окрещено общимъ именемъ Кирилла и Меѳодія, но не имѣло устава и внѣшнихъ аттрибутовъ тайныхъ обществъ (значковъ). Во время открытія и преслѣдованія общества, такимъ аттрибутомъ былъ признанъ перстень св. славянскихъ апостоловъ, находившійся у нѣкоторыхъ членовъ кружка́. Во всякомъ случаѣ общество угрожало (если только можно угрожать кому-нибудь) не столько Россіи, сколько Австріи; говорятъ, что австрійская полиція и направила русскія власти на этотъ кружокъ. Члены общества арестованы и отправлены въ III-е отдѣленіе (вмѣстѣ съ ними арестовали и Кулиша, и Шевченка) и всѣ наказаны различнымъ образомъ. Что касается до Н. И. Костомарова, то онъ былъ взятъ въ Кіевѣ почти наканунѣ своей свадьбы и отправленъ въ Петербургъ. Его участь была тяжела, благодаря показаніямъ

двухъ кіевскихъ студентовъ, также арестованныхъ,—показаніямъ, которыя самъ Н. И. Костомаровъ называетъ ложью и клеветою *). Онъ осужденъ на годичное заключеніе въ Петропавловской крѣпости и затѣмъ посланъ въ Саратовъ на гражданскую службу съ воспрещеніемъ печатать и преподавать **). 28-го октября 1848 г. Саратовскій губернаторъ просилъ совѣтъ Университета св. Владиміра выслать ему формулярный списокъ Н. И. Костомарова, такъ какъ генералъ-адъютантъ гр. Орловъ препроводилъ его, по Высочайшему повелѣнію, на службу въ эту губернію. Только теперь, 5-го ноября 1848 г. совѣтъ опредѣлилъ исключить его изъ своихъ списковъ.

Обширная и извѣстная ученая и литературная дѣятельность Н. И. Костомарова не нуждается здѣсь въ нашемъ напоминаніи о ней.

Съ удаленіемъ Н. И. Костомарова, преподаваніе русской исторіи въ Университетѣ не было прервано. 22 мая 1847 г. министръ назначилъ одного изъ упомянутыхъ выше воспитанниковъ главнаго педагогическаго института *П. В. Павлова* адъюнктомъ, но не по каѳедрѣ русской исторіи, а неопредѣленно по I-му отдѣленію философскаго факультета. П. В—чъ окончилъ курсъ института въ 1844 году и былъ оставленъ при институтѣ для усовершенствованія въ русской словесности и исторіи русской литературы. Перемѣнивъ эту спеціальность, онъ, однако, остановился не на русской исторіи, а на древней литературѣ и исторіи и степень магистра пріобрѣлъ по древней филологіи. Новая перемѣна спеціальности ожидала его уже въ Кіевѣ. Такъ какъ онъ былъ назначенъ адъюнктомъ по цѣлому отдѣленію, то А. И. Ставровскій хотѣлъ обратить его въ своего помощника, съ тѣмъ, чтобы по собственному усмотрѣнію, заставлять его преподавать извѣстныя части всеобщей исторіи и русской. Но П. В—чу удалось выгородить себѣ нѣкоторую самостоятельность, утвердивъ за собой исключительно преподаваніе русской исторіи. Съ тѣхъ поръ изъ него образовался спе-

---

*) „Изъ Кіева (пишетъ Н. И. Костомаровъ) то и дѣло присылались новые доводы существованія тайнаго зловреднаго общества, доводы неосновательные и нелѣпые, но тѣмъ не менѣе наводившіе подозрѣніе. Такъ, между прочимъ, открыто было, будто у членовъ славянскаго общества есть на тѣлѣ какіе-то вытравленные знаки; насъ раздѣвали, а тавра ни на комъ не нашли“.

**) См. ст. Н. И. Костомарова: „П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность“ въ „Кіевской Старинѣ“, 1883 г., февраль.

ціалистъ по этой наукѣ, особенно со времени пріобрѣтенія докторства и защиты въ Москвѣ диссертаціи „Историческое значеніе царствованія Бориса Годунова“. Его выдающееся значеніе въ Университетѣ относится уже къ 60-мъ годамъ.

Каѳедра всеобщей исторіи. Такимъ образомъ давнишнее желаніе А. И. Ставровскаго имѣть помощника не осуществилось. Наконецъ въ слѣдующемъ году (1848) открылся для того случай весьма интересный для уясненія тогдашнихъ отношеній министерства къ Университету въ дѣлѣ выбора преподавателей. Въ 1848 г. министръ народнаго просвѣщенія запросилъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа (Траскина), не признаетъ-ли онъ полезнымъ опредѣлить въ Университетъ св. Владиміра по каѳедрѣ всеобщей исторіи *Влад. Ведрова,* который въ 1846 г. окончилъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ и къ тому времени пріобрѣлъ уже степень магистра, и, по отзыву министра, обратилъ на себя вниманіе „отличными способностями и даромъ слова“. I-е отдѣленіе увѣдомило совѣтъ, что оно не признаетъ нужнымъ ходатайствовать о назначеніи Ведрова, потому что уже имѣетъ въ виду кандидатомъ — воспитанника здѣшняго Университета, учителя исторіи во 2-й Кіевской гимназіи — *В. Шульгина,* „извѣстнаго факультету по своимъ отличнымъ дарованіямъ и основательному изученію своего предмета, по живому и одушевленному способу преподаванія и по благонамѣренному образу воззрѣнія на ходъ историческихъ событій“. Въ то время Шульгинъ подалъ уже прошеніе о допущеніи его къ магистерскому экзамену; декану было извѣстно, что магистерская диссертація его была готова. При этомъ I-е отдѣленіе добавляло, что „предпочтеніе при замѣщеніи адъюнктскихъ мѣстъ воспитанниковъ сего Университета воспитанникамъ другихъ университетовъ послужитъ наилучшимъ поощреніемъ другимъ“.

30-го іюня 1848 г. совѣтъ большинствомъ голосовъ рѣшилъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ: нуженъ-ли адъюнктъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи. Но прошелъ еще почти цѣлый годъ, пока В. Я. Шульгинъ держалъ магистерскій экзаменъ и защищалъ диссертацію („О состояніи женщины въ Россіи до Петра Великаго“). Лишь въ маѣ 1848 г. I-е отдѣленіе вошло съ представленіемъ въ совѣтъ, что признанная совѣтомъ необходимость имѣть въ здѣшнемъ Университетѣ адъюнкта по всеобщей исторіи, теперь можетъ быть удовлетворена, и

что рекомендуемый отдѣленіемъ въ адъюнкты Шульгинъ, давно уже извѣстный факультету съ отличной стороны, вновь доказалъ какъ свои отличныя способности, такъ и богатыя познанія въ исторіи русской и всеобщей на своемъ устномъ и письменномъ испытаніи на степень магистра. Совѣтъ 21 іюня избралъ его единогласно, а министръ 4 августа утвердилъ. Со студенческою жизнію его мы уже знакомы; она совпала съ переворотомъ 1839 г. и слѣдовало ожидать, что особенные интересы и спеціальное назначеніе Университета св. Владиміра найдетъ въ немъ лучшаго знатока и выразителя; однако, вопреки ожиданію, новое космополитическое направленіе сказалось въ немъ съ большею ясностію, чѣмъ во всѣхъ прочихъ его молодыхъ товарищахъ. Профессорская дѣятельность В. Я. Шульгина (относящаяся, впрочемъ болѣе къ слѣдующимъ періодамъ исторіи Университета) подверглась пристрастной оцѣнкѣ двухъ разошедшихся сторонъ въ совѣтѣ, причемъ въ обоихъ крайностяхъ было мало истины. Держась простой справедливости, слѣдуетъ сказать, что это былъ талантливый передатчикъ выводовъ обширной и богатой нѣмецкой и французской исторической литературы. Именно тѣ черты преподаванія, за которыя онъ (въ качествѣ исторіографа Университета) упрекалъ своего предшественника Цыха, составляютъ главный недостатокъ его собственнаго преподаванія; никакой самостоятельной разработки нельзя было замѣтить въ его ровномъ, картинномъ, а иногда блестящемъ изложеніи. Впрочемъ этого нельзя ставить въ большой упрекъ русскому преподавателю такой науки, какова всеобщая исторія. Въ тѣ времена эта наука служила высшему русскому образованію преимущественно только своимъ воспитательнымъ значеніемъ, канвою для развитія историко-публицистическихъ идей. Наиболѣе видный примѣръ того представляетъ дѣятельность Т. Н. Грановскаго, лекціи котораго о странахъ совсѣмъ чужихъ признаются тѣмъ не менѣе страницами новѣйшей исторіи русскаго общественнаго развитія. До нѣкоторой степени (но въ миніатюрѣ) роль Грановскаго въ Кіевѣ досталась Шульгину. Онъ, какъ представитель космополитическаго и либеральнаго направленія въ Кіевѣ, примѣнялъ его и къ мѣстнымъ кіевскимъ вопросамъ, сострадалъ, напримѣръ, страданіямъ Польши. Впрочемъ такая дѣятельность его проявляется особенно лишь въ концѣ 50-хъ годовъ, когда въ общемъ шумѣ новыхъ идей, прорвавшихся наконецъ на-

ружу, уже не былъ такъ замѣтенъ тихій и ровный голосъ профессора, раздававшійся въ томъ-же (либеральномъ) направленіи. Само собою разумѣется, что профессоръ (особенно такой, какъ Шульгинъ) и не силился перекричать тогдашнихъ русскихъ публицистовъ и былъ далекъ отъ крайностей крайнихъ изъ нихъ.

По выходѣ изъ Университета въ началѣ 1863 г. открылась для него и настоящая дорога публициста, но направленіе ея нѣсколько измѣнилось. Польское возстаніе 1862—1863 г. открыло реальную почву для мѣстныхъ дѣятелей либеральнаго направленія, которое нашло себѣ исходъ и успокоеніе въ дѣятельности живой и немечтательной; подъ главнымъ руководствомъ умнаго генералъ-губернатора Безака, приходилось высвобождать юго-западный русскій народъ изъ подъ соціальнаго гнета польскаго. Основавъ газету „Кіевлянинъ" и сдѣлавшись органомъ такъ-сказать Безаковскаго направленія, Шульгинъ уже тогда долженъ былъ отчасти поступиться своими прежними возрѣніями: въ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ польская нація, въ качествѣ „угнетенной", пользовалась полнымъ сочувствіемъ профессора всеобщей исторіи. Теперь редактору „Кіевлянина" пришлось защищать угнетенныхъ этими угнетенными. Пока продолжалась освободительная миссія въ Кіевѣ, это противорѣчіе редактора профессору не обнаруживалось рѣзко; впрочемъ послѣдняя — публицистическая дѣятельность В. Я. Шульгина не относится къ исторіи Университета; замѣтимъ только, что такой психологическій переворотъ прошли почти всѣ Кіевскіе дѣятели 40-хъ годовъ космополитическаго (или такъ-называемаго западническаго) направленія.

Возвращаясь къ профессорской дѣятельности В. Я. Шульгина, именно къ внѣшней—лекторской ея сторонѣ, мы воспользуемся отзывомъ актовой рѣчи А. В. Романовичъ-Славатинскаго: „В. Я. Шульгинъ обладалъ рѣдкимъ талантомъ лектора — удѣломъ немногихъ избранниковъ, для которыхъ профессорская дѣятельность какъ-бы предназначена ихъ природой. Шульгинъ, можно сказать, былъ такимъ прирожденнымъ профессоромъ. Въ своихъ лекціяхъ онъ умѣлъ въ изящной формѣ, въ отчеканенной рельефной фразѣ художественно возсоздавать историческихъ дѣятелей и драматизмъ историческихъ событій, сокровенный смыслъ которыхъ онъ всегда умѣлъ разъяснять съ точекъ зрѣнія современной ему исторической науки. Въ его лекціяхъ

предъ очарованнымъ взоромъ послѣднихъ проходили со всѣми своими индивидуальными особенностями великія историческія фигуры Гуса, Лютера, Кальвина, Кромвеля, Робеспьера, Наполеона I и др.... Міровой смыслъ событій всегда выяснялся просвѣщенной, либерально-гуманной мыслью лектора. Шульгинъ обладалъ удивительной силою владѣть своей аудиторіей; аудиторія сливалась съ лекторомъ, переживала вмѣстѣ съ нимъ изображаемую историческую эпоху, вмѣстѣ съ нимъ страдала страданіями изображаемыхъ имъ историческихъ героевъ и радовалась ихъ радостями. Вотъ почему можно сказать, что если кому-нибудь изъ воспитанниковъ Университета 1849—1862 г. удалось побывать въ многолюдной аудиторіи покойнаго, нерѣдко оглашаемой запретными рукоплесканіями очарованныхъ слушателей, для того образъ Шульгина—профессора—одно изъ самыхъ свѣтлыхъ и завѣтныхъ воспоминаній юныхъ студенческихъ дней".

Оставивъ въ сторонѣ нѣкоторое преувеличеніе надгробной похвалы, мы, слушавшіе Шульгина въ самый послѣдній годъ его профессорства, должны отчасти подтвердить этотъ отзывъ, хотя не всѣ года и не всѣ части курса Шульгина одинаковы въ этомъ отношеніи: лекціи по исторіи востока отличались сухимъ и твердымъ фактическимъ изложеніемъ.

Каѳедра политической экономіи и статистики. Пріобрѣтеніе такого даровитаго преподавателя, каковъ былъ В. Я. Шульгинъ, Университетомъ св. Владиміра изъ собственныхъ его воспитанниковъ, не было единственнымъ. Еще ранѣе вступленія Шульгина начали появляться изъ-за границы командированные туда въ 1843 г. Изъ нихъ одному выпала честь перваго основанія каѳедры политической экономіи и статистики въ нашемъ Университетѣ. Мы видѣли, что, при введеніи устава 1842 г., чтеніе по этой каѳедрѣ раздѣлено было между Ставровскимъ и Домбровскимъ и что послѣднему досталось преподаваніе политической экономіи; но мы видѣли также, что оба преподавателя уже въ 1845 г. отказались отъ этихъ добавочныхъ чтеній. Предложилъ—было свои услуги бывшій профессоръ Виленскаго университета *Вашкевичъ*, но не былъ принятъ. Такимъ образомъ каѳедра оставалась недѣйствующею, пока не возвратился изъ-за границы предназначенный на нее *Ив. Вас. Вернадскій.* То былъ мѣстный уроженецъ,

изъ дворянъ Черниговской губерніи (род. 1821 г.). Онъ поступилъ въ Университетъ еще при Брадке въ 1837 г., до окончанія полнаго курса въ гимназіи. Въ Университетѣ онъ былъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ и однимъ изъ лучшихъ студентовъ I-го отдѣленія философскаго факультета; здѣсь получилъ онъ золотую медаль, а въ 1841 г. степень кандидата. Первоначальное направленіе его занятій вовсе не заставляло предугадывать будущаго экономиста. Онъ былъ учителемъ русской словесности сначала въ Подольской, а съ 1842 г.—2-й Кіевской гимназіи; на актѣ первой изъ нихъ произнесъ рѣчь: „О значеніи славянъ въ жизни Европы“. Поэтому естественно было думать, что при общей посылкѣ за границу въ 1843 г. онъ будетъ предназначенъ для вакантной каѳедры славяновѣдѣнія. Но тогда факультетъ рекомендовалъ для этой послѣдней М. А. Тулова; И. В. Вернадскому досталась политическая экономія. Три года онъ пробылъ за границей, изучая эту науку и слушая между прочимъ Риделя, Риттера, Рау, Шлоссера, Цэпфля. Интересуясь практическою стороною экономической жизни народовъ, онъ посѣщалъ нѣкоторое время Гогенгеймскій агрономическій институтъ и наглядно знакомился съ экономическимъ бытомъ, путешествуя въ Австрію и Швейцарію. Затѣмъ (въ 1844 г.) онъ отправился въ Парижъ и слушалъ Бланки, Мишеля Шевалье и др., посѣщая и здѣсь промышленныя и благотворительныя заведенія. Послѣдній періодъ его командировки посвященъ былъ Лондону, куда онъ поѣхалъ въ 1845 г. Въ Лондонѣ, и вообще въ Англіи, онъ уже занимался не теоріею науки, а общественно-государственною ея стороною, изучалъ законы о бѣдныхъ, посѣщалъ рабочіе дома и интересовался состояніемъ англійской промышленности и торговли. Все указывало въ немъ практическаго экономиста, гораздо менѣе заинтересованнаго теоріею науки. Онъ рѣшился держать магистерскій экзаменъ въ Петербургѣ, а не въ Кіевѣ, гдѣ тогда не было и спеціалиста. Еще до экзамена, именно 7 ноября 1846 г., онъ былъ уже назначенъ исправляющимъ должность адъюнкта въ Университетъ св. Владиміра, куда однако не пріѣзжалъ и чтеній не начиналъ. Выдержавши въ Петербургѣ экзаменъ и защитивши диссертацію, онъ, наконецъ, явился въ Кіевъ уже адъюнктомъ и началъ преподаваніе съ 17 октября 1847 г. Черезъ годъ онъ уже выдержалъ докторскій экзаменъ (въ Москвѣ) и защищалъ въ 1849 г. диссертацію: „Историко-крити-

ческое изслѣдованіе объ итальянской политико-экономической литературѣ до начала XIX в." Энергія этого ученаго была такова, что въ томъ-же году (1849), онъ уже представилъ въ совѣтъ для напечатанія цѣлую систему науки: „Начальныя основанія политической экономіи". Но это сочиненіе не было напечатано; авторъ уже ушелъ изъ Университета св. Владиміра въ Московскій. Такимъ образомъ Ив. В. Вернадскому оставалось немного времени для преподаванія въ Кіевѣ. Судя по напечатанной имъ самимъ программѣ, очевидно, что молодой преподаватель хотѣлъ основать въ Россіи политическую экономію на новыхъ, нѣсколько оригинальныхъ, началахъ; онъ давалъ въ этой наукѣ широкое мѣсто практической сторонѣ ея, экономической полиціи и государственному хозяйству. Впрочемъ въ 1849 г. для преподавателя политической экономіи и статистики предписана была извнѣ обязательная программа, по которой и долженъ былъ преподавать новый профессоръ; этимъ и разрѣшились всѣ высокія ожиданія отъ заграничнаго приготовленія молодыхъ ученыхъ.

Каѳедра славянскихъ нарѣчій, столь давно здѣсь желаемая, оставалась существующею только на бумагѣ до 1847 г. Въ этомъ году изъявилъ желаніе читать чешскій языкъ адъюнктъ К. Ѳ. Страшкевичъ —лингвистъ-любитель, большой практическій знатокъ многихъ языковъ, но отнюдь не филологъ Думать надобно, что это былъ съ его стороны приступъ выйти изъ положенія вѣчнаго адъюнка по классической филологіи на самостоятельную каѳедру. На первый семестръ онъ брался читать пока одинъ чешскій языкъ по двѣ полуторачасовыхъ лекціи. Но, кажется, Страшкевичу удалось читать только одно 2-е полугодіе 1846—47 г. По крайней мѣрѣ въ іюнѣ 1847 года онъ подалъ прошеніе дозволить ему читать безмездно сербскій и чешскій языки; на это I-е отдѣленіе донесло совѣту, что теперь уже имѣется преподаватель по славянскимъ нарѣчіямъ (Яроцкій), а потому желаніе Страшкевича было признано отдѣленіемъ и совѣтомъ „неудобнымъ къ исполненію". Преподаваніе чешскаго языка конечно ограничивалось только практическимъ изученіемъ. Плодомъ этихъ безкорыстныхъ упражненій явился переводъ на русскомъ языкѣ чешской грамматики Конечнаго, сдѣланный и изданный К. Ѳ. Страшкевичемъ. Безъ сомнѣнія и этого было слишкомъ достаточно для такого краткаго курса славянскаго языкознанія.

Въ томъ-же 1847 году каѳедра славяновѣдѣнія наконецъ была прочно замѣщена назначеніемъ адъюнкта—магистра греческой словесности главнаго педагогическаго института, *В. Я. Яроцкаго*, который потомъ непрерывно занималъ эту каѳедру до новѣйшаго времени. Съ нимъ вмѣстѣ окончилъ курсъ (въ 1844 г.) Савиновъ, который также сначала занимался славянскимъ языкознаніемъ. Но изъ нихъ В. Я. Яроцкій оставленъ былъ при институтѣ именно для усовершенствованія въ славянской филологіи, хотя впослѣдствіи (въ 1847 г.) выдержалъ въ Петербургскомъ университетѣ экзаменъ на магистра классической филологіи (причемъ защищалъ диссертацію: „Eumenidum notio, secundum tres Graecorum tragicos: Aeschilum, Sophoclem et Euripidem adumbrata“). Вступительная лекція въ Университетѣ св. Владиміра была читана Яроцкимъ 2-го сентября 1847 г. Съ тѣхъ поръ преподавательская дѣятельность его неизмѣнно и одинаково продолжалась до 1875 г.

Кромѣ всѣхъ изложенныхъ мѣръ къ замѣщенію каѳедръ была сдѣлана попытка замѣщать ихъ, не пріобрѣтая новыхъ лицъ, т. е. возводя преподавателей, не имѣющихъ высшихъ ученыхъ степеней, въ экстра-ординарные и ординарные профессора. Такая попытка была сдѣлана относительно *каѳедры римской словесности*. Мы уже упоминали, въ какое неопредѣленное положеніе ставилъ уставъ 1842 г. званіе экстра-ординарнаго профессора и условія его полученія. Изъ статьи 31-й устава можно было вывести, что она не дозволяетъ пріобрѣтенія профессуры при отсутствіи такого существеннаго условія, какъ докторская степень, что законодатель разумѣлъ тутъ нѣчто другое, а именно слѣдующее: и тотъ, кто имѣетъ докторскую степень, не всегда извѣстенъ своимъ умѣньемъ преподавать и способностью къ самостоятельнымъ ученымъ изслѣдованіямъ. Впрочемъ надо согласиться, что эта статья, по своей неточности, могла подавать поводъ и къ инымъ толкованіямъ. Тотчасъ по полученіи новаго устава, 31-го іюля 1842 года Н. Я. Нейкирхъ вошелъ въ совѣтъ съ представленіемъ объ избраніи А. К. Деллена, не имѣвшаго степени доктора, въ ординарные профессора, ссылаясь именно на 31 ст., ибо Делленъ, по словамъ Нейкирха, „имѣетъ основательныя познанія и отличную способность преподаванія“. Въ совѣтѣ возникли сомнѣнія, имѣетъ-ли Университетъ право возводить въ ординарные лицъ, не имѣющихъ докторской степени. А такъ какъ были и другіе преподаватели въ званіи экстра-ор-

ординарныхъ профессоровъ, пріобрѣтшіе это званіе по прежнему уставу безъ докторской степени (Ставровскій и исправляющій должность экстра-ординарнаго профессора Домбровскій), то совѣтъ обратился за разрѣшеніемъ этого вопроса къ высшей власти. Министръ народнаго просвѣщенія 23 октября 1842 г. увѣдомилъ, что по прямому и буквальному смыслу устава, никто не можетъ быть избираемъ ординарнымъ профессоромъ, не имѣя степени доктора того факультета, къ которому принадлежитъ каѳедра. Хотя нѣкоторые изъ преподавателей Кіевскаго университета, не будучи докторами, достигли званія экстра-ординарнаго профессора на основаніи прежняго устава, но съ изданіемъ новаго устава порядокъ этотъ измѣнился. То было въ 1842 г.; прошло еще 4 года; докторскія степени пріобрѣтались туго, да мы видѣли и увидимъ, что это было дѣйствительно не легко. Тогда создалась другая комбинація: попасть въ ординарные профессора безъ докторской степени и въ адъюнкты безъ магистерской нельзя. Но отчего-же нельзя быть *исправляющимъ должность?* Для того чтобы выступить съ такимъ предложеніемъ, надо было имѣть особую смѣлость; Н. Я. Нейкирхъ уже не рѣшился; по обычаю взвалили щекотливое дѣло на мягкосердечнаго ректора—В. Ѳ. Ѳедорова, который былъ не въ силахъ отказать въ услугѣ. Въ ноябрѣ 1846 года ректоръ вошелъ съ представленіемъ объ утвержденіи Ставровскаго и Деллена исправляющими должность ординарныхъ профессоровъ, а Цвѣткова въ должности адъюнкта. Но министерство обнаружило болѣе характера, чѣмъ кіевскій ректоръ—и отказало. Однако въ Кіевѣ не окончательно упали духомъ и еще черезъ 4 года повторили представленіе о возведеніи А. К. Деллена въ ординарные профессора. Въ отвѣтъ на это Ширинскій-Шихматовъ 18 января 1850 г. увѣдомилъ, что, на основаніи общаго устава университетовъ и устава Университета св. Владиміра, для полученія званія ординарнаго профессора необходимо имѣть степень доктора; поэтому онъ и не можетъ утвердить Деллена, не имѣющаго этой степени, ординарнымъ профессоромъ; принимая однако-же въ уваженіе засвидѣтельствованіе совѣта Университета о заслугахъ и познаніяхъ этого преподавателя, товарищъ министра утверждаетъ его исправляющимъ должность ординарнаго профессора съ опредѣленнымъ по штату содержаніемъ впредь до полученія имъ докторской степени *). Такимъ

*) Дѣло совѣта 1850 г. № 170.

образомъ многолѣтняя стойкость въ достиженіи цѣли увѣнчалась, наконецъ, успѣхомъ. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что ординатура досталась А. К. Деллену незаслуженно: при нынѣшнихъ условіяхъ пріобрѣтенія степени доктора, Делленъ давно-бы былъ докторомъ уже за одно свое сочиненіе о сатирахъ Ювенала, которое цитировалось нѣмецкими учеными въ Германіи. Кромѣ того онъ уже тогда напечаталъ не мало статей въ разныхъ нѣмецкихъ журналахъ. Впослѣдствіи, при уставѣ 1863 г., онъ пріобрѣлъ степень доктора обычнымъ порядкомъ. Но вскорѣ принужденъ былъ уйти изъ Кіевскаго университета въ Харьковскій.

Въ сентябрѣ 1842 г. былъ объявленъ конкурсъ для занятія *каѳедры англійскаго языка* (какъ выражались тогда). На конкурсъ отозвался нѣкто Давыдовъ, учитель нѣмецкаго языка въ Пинскомъ дворянскомъ училищѣ, а также нѣкто Деннетъ обратился прямо къ начальству, прося попечителя назначить его лекторомъ, такъ какъ проситель былъ прежде лекторомъ англійскаго языка при Харьковскомъ университетѣ. Затѣмъ посыпались письма на разныхъ языкахъ и съ разными обращеніями. Между просителями были: Doctor of philosophy and master of arts—Дерферъ и лекторъ англійскаго языка при Дерптскомъ университетѣ -Дедэ. Несчастному Бертони пришлось разбирать цѣлую массу продукцій разныхъ искателей. И съ какою добросовѣстностію выполнялъ это мученикъ Бертони! Онъ сличалъ сочиненія съ ихъ *источниками,* т. е. показывалъ по страницамъ и строкамъ, изъ какихъ новѣйшихъ печатныхъ книжекъ онѣ выписаны, составлялъ длиннѣйшіе каталоги орѳографическихъ ошибокъ. Весь разборъ произведенъ однимъ Бертони, хотя подписанъ еще Нейкирхомъ и Мирамомъ. Рецензенты остановились на послѣднемъ 6-мъ разсужденіи, содержавшемъ въ себѣ исторію англійскаго языка, поэзіи и прозы и рекомендовали совѣту избрать автора этого труда. Въ засѣданіи совѣта 14 августа 1843 года былъ вскрытъ пакетъ съ именемъ автора этого послѣдняго труда, и оказалось, что то былъ *Ник. Оттон. фонъ-Фрейманъ.* І-му отдѣленію философскаго факультета было предписано допустить его къ прочтенію трехъ пробныхъ лекцій въ присутствіи ректора. Соискатель былъ сынъ генералъ-майора, командира инженернаго округа и строителя Кіевской крѣпости. Сверхъ обычныхъ пробныхъ лекцій ему предложили еще въ присутствіи І-го отдѣленія,

ректора и Мирама поговорить съ англичаниномъ Донексономъ, подрядчикомъ университетскихъ работъ. Найдено, что и лекціи и разговоръ его удовлетворительны. 1-го октября 1843 г. попечитель утвердилъ или (какъ онъ выразился) опредѣлилъ Фреймана исправляющимъ должность лектора англійскаго языка. Но Фрейманъ служилъ Университету не долго; когда онъ вышелъ, то въ 1846 году профес. Н. Я. Нейкирхъ напомнилъ совѣту о *Томсонѣ*, какъ о лицѣ весьма способномъ къ занятію „каѳедры англійскаго языка". Томсонъ былъ опредѣленъ; но англійскому языку не везло въ Университетѣ св. Владиміра. 18 февраля 1847 г. новый лекторъ уволенъ вовсе отъ службы, согласно его прошенію *). Лекторами прочихъ новыхъ языковъ оставались наши старинные знакомые Борель и Бертони.

II-е отдѣленіе философскаго факультета получило, какъ мы знаемъ, по уставу 1842 г. три новыя каѳедры: прикладной математики, технологіи и архитектуры. Всѣ три каѳедры предстояло замѣстить; сверхъ того выходъ изъ Университета Гофмана и Миддендорфа оставилъ вакантными каѳедры зоологіи и минералогіи и геогнозіи. По каѳедрѣ физики, хотя и былъ дѣльный временный преподаватель, Чеховичъ, но не имѣвшій никакой университетской степени. Наконецъ сельское хозяйство преподавалъ съ самаго основанія Университета человѣкъ не только безъ степени, но и вовсе неизвѣстнаго происхожденія. Въ цѣломъ физико-математическомъ отдѣленіи было на лицо только 4 профессора: Траутфеттеръ, Ѳедоровъ, Дьяченко и Тихомандрицкій.

Честь замѣщенія какъ новыхъ, такъ и прежнихъ вакантныхъ каѳедръ по II-му отдѣленію принадлежитъ министерству, котораго выборъ, хотя быть можетъ случайно, упадалъ большею частію на людей, оказавшихъ потомъ огромныя услуги наукѣ.

По всей справедливости здѣсь слѣдуетъ прежде всего упомянуть о замѣщеніи *каѳедры зоологіи* такимъ ученымъ какъ *К. Ѳ. Кесслеръ*. Въ самый годъ введенія новаго устава, именно 16 ноября 1842 г., совѣтъ былъ увѣдомленъ, что докторъ философіи Кесслеръ назначенъ адъюнктомъ зоологіи въ Университетъ св. Владиміра. Но новый преподаватель медлилъ пріѣздомъ: ни въ концѣ этого года, ни въ концѣ слѣдующаго, онъ еще не былъ въ Кіевѣ. Чтенія свои началъ онъ съ

*) Дѣло совѣта 1847 г. № 90.

5-го февраля 1843 года. Имя Кесслера освобождаетъ насъ отъ обязанности исчислять его заслуги Университету. Впрочемъ на послѣдующихъ страницахъ не разъ встрѣтится это, до нынѣ столь почетное, имя.

Безуспѣшность конкурса между прочимъ относительно *каѳедры технологіи* заставила, черезъ годъ по введеніи устава, принять для замѣщенія ея особыя мѣры. Министръ народнаго просвѣщенія, имѣя въ виду, что въ Петербургскомъ университетѣ обучаются 6 студентовъ, для занятія впослѣдствіи мѣстъ учителей техническихъ наукъ въ реальныхъ классахъ при учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, призналъ возможнымъ одного изъ этихъ молодыхъ людей, а именно *Ильенкова* (кандидата Петербургскаго университета), приготовить для занятія каѳедры, отправленіемъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ чужіе края; онъ входилъ уже съ представленіемъ о томъ въ комитетъ министровъ. Но изъ этого предположенія ничего не вышло: нашелся другой уже приготовленный кандидатъ. То былъ родной братъ профессора математики Александра Тихомандрицкаго, *Алексѣй Ник. Тихомандрицкій*, воспитывавшійся также въ главномъ педагогическомъ институтѣ (втораго выпуска). Но, по окончаніи курса, ему пришлось преподавать въ Рижской гимназіи совсѣмъ не по своей спеціальности, именно русскую грамматику, исторію русской литературы, русскую исторію, географію Европы и статистику. Къ счастію для него, это продолжалось не долго; въ 1842 г. онъ былъ командированъ за границу для приготовленія къ профессорской должности по технической химіи. 1842-й годъ онъ провелъ въ Берлинѣ, слушая химію, минералогію и технологію; 1843-й годъ онъ занимался въ Гиссенѣ химическими работами въ большой лабораторіи, подъ руководствомъ знаменитаго Либиха и вмѣстѣ слушалъ лекціи Либиха. Весною 1844 года онъ возвратился изъ-за границы и 22 іюля того-же года опредѣленъ въ Университетъ св. Владиміра исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ технологіи. Онъ, однако, остался еще въ Петербургѣ для осмотра технологическаго института, фабрикъ и заводовъ. При назначеніи, ему вмѣнено было въ обязанность выдержать экзаменъ сперва на степень магистра, а потомъ на степень доктора *).

*) Дѣло совѣта 1844 г. № 181.

Эти степени онъ и пріобрѣлъ послѣдовательно въ свое время въ Университетѣ св. Владиміра и получилъ званіе ординарнаго профессора. Во все продолженіе настоящаго періода исторіи Университета до самой смерти своей, А. Н. Тихомандрицкій добросовѣстно отправлялъ и преподавательскую обязанность и должность секретаря факультета. Науку свою онъ дѣлилъ на а) общую или оперативную технологію, б) спеціальную технологію (по группамъ производствъ), в) технологію аналитическую и наконецъ г) сравнительную.

Что касается до *каѳедры архитектуры*, то мы видѣли уже безплодныя усилія совѣта и министерства для замѣщенія ея; въ 1841 г. попечитель воспретилъ совѣту прибѣгнуть къ найму чрезъ вызовъ въ газетахъ. Однако обстоятельства измѣнились. Теперь—въ 1843 г. совѣтъ предложилъ *А. В. Беретти*, сыну перваго строителя Университета, преподавать архитектуру въ Университетѣ по найму, и онъ тогоже года согласился на преподаваніе архитектуры, съ тѣмъ, чтобы быть вмѣстѣ и архитекторомъ Университета (какъ и назначено въ уставѣ), послѣ закрытія строительнаго комитета. Но въ началѣ 1844 года ему сдѣлалось извѣстно, что онъ, какъ преподаватель, не считается на службѣ, а между тѣмъ и строительный комитетъ закрывается, такъ что вмѣстѣ съ тѣмъ прекращается вовсе его служба; на этихъ условіяхъ онъ не могъ согласиться оставаться въ Университетѣ св. Владиміра вольнонаемнымъ преподавателемъ. Поэтому, представивъ разсужденіе объ архитектурѣ, чего требовалъ конкурсъ 1839 г., просилъ разсмотрѣть это разсужденіе и утвердить его въ званіи профессора; если-же совѣтъ Университета самъ этого сдѣлать не можетъ, то просилъ представить на разсмотрѣніе высшаго начальства. Совѣтъ 2 марта 1844 г. увѣдомилъ его, что онъ на основаніи общаго устава рос. университетовъ, какъ не имѣющій степени доктора, не можетъ быть опредѣленъ профессоромъ архитектуры *). А. В. Беретти остался преподавателемъ до 1855 года, когда былъ утвержденъ исправляющимъ должность экстра-ординарнаго профессора.

Для каѳедры *минералогіи и геогнозіи* приготовлялся за границею Роговичъ, посланный туда именно для этой цѣли въ общей серіи командированныхъ въ 1843 году. Но пока еще онъ странствовалъ тамъ,

---

*) Дѣло совѣта 1844 г. № 28.

въ 1845 г. изъ-за границы вернулся посланный туда главнымъ педагогическимъ институтомъ также въ 1843 г. *К. М. Ѳеофилактовъ.* Товарищъ министра народнаго просвѣщенія, 30 сентября 1843 г., назначилъ его въ Университетъ св. Владиміра, впредь до полученія имъ степени магистра, исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ минералогіи и геогнозіи. При этомъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія присоединилъ, что по возвращеніи изъ-за границы предназначавшагося для той-же каѳедры Роговича, разрѣшенъ будетъ, вопросъ—долженъ-ли Ѳеофилактовъ остаться при настоящей должности или получить другое назначеніе *). К. М. Ѳеофилактовъ остался при той-же должности, а Роговичъ получилъ другое назначеніе. Съ тѣхъ поръ и донынѣ первый занимаетъ съ честію свою каѳедру. Его приготовленіе къ профессурѣ было весьма основательное; по окончаніи курса въ педагогическомъ институтѣ, онъ оставленъ былъ тамъ-же подъ руководствомъ Постельса для занятій по минералогіи и геогнозіи, затѣмъ путешествовалъ на Уралъ и наконецъ поѣхалъ за границу, гдѣ въ Берлинѣ слушалъ лекціи Вейсе и Густава Розе по минералогіи и геогнозіи. Изъ Берлина онъ совершалъ геологическія экскурсіи въ Дрезденъ, Фрейбергъ, Тюбингенъ, Боннъ. Въ Парижѣ слушалъ лекціи у Эли де-Бомонъ, Дюфренуа, Конст. Прево и др. Въ своемъ мѣстѣ мы познакомимся съ его энергическимъ участіемъ въ коммиссіи по описанію губ. Кіевскаго учебнаго округа, съ его путешествіями и работами (что̀ относится уже къ слѣдующему періоду исторіи Университета).

Каѳедру ботаники продолжалъ занимать Р. Э. Траутфеттеръ, служившій украшеніемъ факультета и неутомимый труженикъ по заведенію ботаническаго сада. Онъ прочитывалъ въ недѣлю болѣе лекцій, чѣмъ кто-либо изъ его товарищей, а въ тоже время находилъ возможность производить самостоятельныя научныя наблюденія и приводить въ порядокъ университетскій гербарій. Однако и такой энергическій человѣкъ почувствовалъ наконецъ невозможность одному нести на своихъ плечахъ столько работъ. Въ февралѣ 1847 г. Траутфеттеръ вошелъ съ представленіемъ въ факультетъ, въ которомъ изложилъ трудность преподаванія ботаники для одного профессора, когда нужно

---

*) Дѣло совѣта 1845 г. № 169.

расположить свой курсъ такъ, чтобы студенты, когда-бы ни поступили въ Университетъ, могли въ теченіи 4-хъ лѣтъ прослушать полный курсъ, когда притомъ нужно преподать отдѣльный курсъ ботаники для медиковъ и при этомъ завѣдывать гербаріемъ и ботаническимъ садомъ, по управленію которымъ у директора сада бываетъ до 200 и болѣе исходящихъ бумагъ. Надо еще принять во вниманіе, что по перевозкѣ цѣлаго сада изъ Кременца и большаго гербарія изъ Вильны, тотъ и другой все еще только обзаводятся и приводятся въ порядокъ. Поэтому Траутфеттеръ просилъ назначить ему помощника, рекомендуя для того кандидата *А. С. Роговича*, на котораго было-бы возложено преподаваніе ботаники для медиковъ и помощь профессору по саду и гербарію. Факультетъ съ своей стороны, рекомендуя Роговича, ссылался на напечатанныя имъ статьи, въ которыхъ онъ описывалъ новыя растенія, открытыя имъ въ окрестностяхъ гор. Кіева и опредѣленныя имъ. Совѣтъ въ засѣданіи 28 февраля избралъ его 19-ю противъ одного. Министръ утвердилъ его исправляющимъ должность адъюнкта съ обязательствомъ пріобрѣсти магистерскую степень въ теченіи года.

Каѳедра физики и физической географіи. Въ сентябрѣ 1844 г. департаментъ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ, что министру народнаго просвѣщенія было доложено письмо академика Ленца, въ которомъ онъ рекомендовалъ на вакантную каѳедру физики и физической географіи въ Университетѣ св. Владиміра кандидата Петербургскаго университета *Савельева*. Уваровъ отозвался, что будетъ имѣть Савельева въ виду на эту вакансію, если онъ выдержитъ удовлетворительно экзаменъ на степень магистра; вмѣстѣ съ этимъ онъ согласился на оставленіе Савельева въ Петербургѣ для приготовленія къ экзамену и званію преподавателя подъ руководствомъ Ленца до іюля 1844 г.; а затѣмъ, по ходатайству Ленца, срокъ этотъ былъ продолженъ до 1-го января 1845 года.

Это обстоятельство заставило В. П. Чеховича прекратить свое преподаваніе въ Университетѣ, именно 12 декабря 1845 года ректоръ Ѳедоровъ объявилъ чрезъ инспектора, что онъ не докончитъ своихъ чтеній въ томъ полугодіи. Между тѣмъ планы на счетъ Савельева не удались. 26 февраля 1846 года совѣтъ Университета св. Владиміра былъ увѣдомленъ, что министръ народнаго просвѣщенія, давъ Са-

вельеву другое назначеніе, перемѣстилъ для занятія вакантной каѳедры въ Университетѣ св. Владиміра ординарнаго профессора физики и физической географіи въ Казанскомъ Университетѣ *Кнорра* *). Такимъ образомъ каѳедра физики, никогда еще съ основанія Университета не имѣвшая надлежащаго преподавателя, получила наконецъ своего представителя. Съ переселеніемъ Кнорра въ Кіевъ, нѣмецкій элементъ во II-мъ отдѣленіи философскаго факультета, уже ослабѣвшій, оживаетъ вновь.

Каѳедру сельскаго хозяйства задумалъ замѣстить собою тотъ самый Э. В. Мерцъ, который уже давно читалъ этотъ предметъ въ числѣ другихъ предметовъ своей прежней сложной каѳедры. Увидѣвъ, что съ изданіемъ новаго устава положеніе его колеблется, онъ рѣшился въ 1844 г. выкопать изъ своей таинственной біографіи цѣлый арсеналъ доводовъ въ пользу своихъ правъ на занятіе каѳедры и тѣмъ отчасти уяснилъ для насъ свою загадочную карьеру. Оказывается, что военный губернаторъ Бѣлоруссіи, кн. Хованскій — шефъ-президентъ экономическаго общества при королевско-прусской академіи земледѣлія, вызвалъ его въ Бѣлоруссію для учрежденія тамъ земледѣльческаго училища и для преподаванія въ немъ науки сельскаго хозяйства. Пріѣхавши въ Витебскъ, Мерцъ, по представленію кн. Хованскаго, былъ утвержденъ чиновникомъ особыхъ порученій „по ученой части сельскаго хозяйства". Въ Бѣлоруссіи онъ не нашелъ той дѣятельности, для которой былъ призванъ, ибо недостатокъ денежныхъ средствъ воспрепятствовалъ учредить проэктированный институтъ, а потому онъ послѣдовалъ вызову Брадке въ Кіевъ. Въ числѣ правъ своихъ на профессору, Мерцъ, кромѣ упомянутыхъ обстоятельствъ, ссылался на „вексели-счетливы въ Берлинѣ и Ригѣ", т. е. прогонныя деньги, выданныя ему при вызовѣ въ Россію. Все это прошеніе Мерца въ совѣтъ (съ переводомъ на нѣмецкій языкъ) было изложено такимъ варварскимъ русскимъ языкомъ, что проситель, сознавая это, сослался на приказъ министра—имѣть въ виду, при оцѣнкѣ пробныхъ лекцій, не даръ краснорѣчія, а содержаніе. Гдѣ ужъ тутъ говорить о краснорѣчіи! Послѣдній и существеннѣйшій доводъ въ свою пользу Мерцъ нашелъ въ новомъ уставѣ, — все въ той-же несчастной статьѣ о томъ,

*) Дѣло совѣта 1846 г. № 49.

что профессоромъ можетъ сдѣлаться ученый, *пріобрѣтшій извѣстность*, каковымъ считалъ себя и Мерцъ. На всѣхъ упомянутыхъ основаніяхъ онъ просилъ представить его министру *сельскимъ профессоромъ* *). Совѣтъ отвѣчалъ отказомъ. Между тѣмъ Мерцъ, дѣйствительно, пріобрѣталъ извѣстность въ Кіевѣ, но извѣстность другаго рода. 16 октября 1843 г. Подольская города Кіева часть потребовала отъ Университета формулярный списокъ Мерца по дѣлу о причиненіи имъ побоевъ отставному прапорщику Никитину. Университетъ отвѣчалъ, что служба Мерца не считается и формулярнаго списка ея не ведется и что при дѣлахъ совѣта нѣтъ никакихъ документовъ о его происхожденіи **).

Впрочемъ на другой годъ послѣ заявленія претензіи Мерца, каѳедра сельскаго хозяйства получила другаго преподавателя, хотя такъ сказать кочующаго. Положеніемъ комитета министровъ, Высочайше утвержденнымъ 14 ноября 1844 года, повелѣно приготовленныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія трехъ преподавателей агрономическихъ наукъ, прикомандировать къ попечителямъ учебныхъ округовъ для чтенія, по ихъ назначенію, публичныхъ лекцій сельскаго хозяйства въ значительнѣйшихъ городахъ, гдѣ нѣтъ университетовъ; имъ предоставлены всѣ права и преимущества адъюнктовъ, подъ условіемъ пріобрѣтенія ими степени магистра и съ производствомъ имъ изъ государственнаго казначейства жалованья отъ 571 руб. сер. въ годъ, смотря потому, въ какомъ учебномъ округѣ будутъ находиться; въ свободное-же отъ лекцій время они должны состоять при университетахъ тѣхъ округовъ, для пособія профессорамъ при преподаваніи и для исполненія другихъ порученій, имѣющихъ связь съ ихъ назначеніемъ. На этомъ основаніи, возвратившійся изъ-за границы одинъ изъ числа упомянутыхъ трехъ преподавателей — кандидатъ Петербургскаго университета *Якубовскій* былъ назначенъ, въ концѣ 1844 года, въ распоряженіе попечителя казанскаго учебнаго округа; по назначенію управляющаго этимъ округомъ Якубовскій читалъ зиму 1844—45 г. публичныя лекціи сельскаго хозяйства въ городѣ Пензѣ. Но затѣмъ мать Якубовскаго обратилась къ министру народнаго просвѣщенія съ прось-

---

*) Дѣло совѣта 1844 г. № 189.

**) Тамъ-же, 1843 г. № 177.

бою о перемѣщеніи ея сына въ Кіевскій учебный округъ, такъ какъ для его здоровья казанскій климатъ вреденъ, упомянувъ при томъ, что въ настоящее время въ Университетѣ св. Владиміра открытъ конкурсъ на каѳедру сельскаго хозяйства, для занятія которой никого еще нѣтъ желающихъ. Эту просьбу Якубовской департаментъ народнаго просвѣщенія препроводилъ къ Кіевскому попечителю, который просилъ ректора (16 апрѣля 1846 г.) донести ему, въ какомъ положеніи находится конкурсъ, объявленный на каѳедру сельскаго хозяйства и признаетъ-ли ректоръ полезнымъ перемѣщеніе Якубовскаго въ здѣшній университетъ для чтенія лекцій по этой каѳедрѣ. Имѣя такого преподавателя, каковъ Мерцъ, ректоръ и совѣтъ, конечно не отказались отъ столь благопріятнаго и неожиданнаго предложенія. Якубовскій прибылъ въ Кіевъ и 22 ноября 1846 года попечитель увѣдомилъ, что такъ какъ Якубовскій отъ чтенія публичныхъ лекцій сельскаго хозяйства свободенъ, то онъ, попечитель, предписалъ ему состоять при Университетѣ св. Владиміра и просилъ совѣтъ распорядиться о порученіи Якубовскому чтенія для студентовъ тѣхъ частей сельскаго хозяйства, которыя не вошли въ программу преподавателя Мерца, именно распорядительной части и лѣсоводства.

Каѳедра математики чистой и прикладной была занята прежними профессорами,—знатоками своего дѣла: Н. А. Дьяченкомъ и Александ. Ник. Тихомандрицкимъ. Мы уже видѣли впрочемъ, что и двумъ преподавателямъ трудно было справиться съ этою обширною вѣтвію факультетскихъ наукъ. Въ 1846 г. II-е отдѣленіе философскаго факультета представило въ совѣтъ соображенія о необходимости имѣть адъюнкта по этой каѳедрѣ и рекомендовало на эту должность—брата профессора Дьяченка, кандидата *Аммоса Дьяченка*, который въ то время былъ учителемъ Каменецъ-Подольской гимназіи. Совѣтъ 20-го сентября этого года, подвергъ его балотировкѣ и избралъ исправляющимъ должность адъюнкта; министръ утвердилъ съ обычнымъ условіемъ, чтобы онъ пріобрѣлъ установленнымъ порядкомъ степень магистра.

Казалось такимъ образомъ, что каѳедра математики обезпечена вполнѣ. Но во II-мъ отдѣленіи за пріобрѣтеніями тотчасъ слѣдовали новыя потери. 28-го іюля 1848 г. ординарный профессоръ Тихомандрицкій вошелъ въ совѣтъ съ прошеніемъ, въ которомъ изъяснялъ,

что министръ народнаго просвѣщенія изъявилъ свое согласіе на переводъ его инспекторомъ въ главный педагогическій институтъ, о чемъ и увѣдомилъ его директоръ института; профессоръ проситъ ходатайствовать о такомъ его перемѣщеніи (хотя оно уже и совершилось). 26-го октября А. Н. Тихомандрицкій получилъ новое назначеніе. Чтеніе по его предмету временно поручено Ам. Дьяченку.

Каѳедру астрономіи, по прежнему, занималъ тогдашній ректоръ В. Ѳ. Ѳедоровъ. Онъ устроилъ обсерваторію, подъ своимъ личнымъ надзоромъ, при чемъ ему пришлось не только опредѣлять астрономически расположеніе зданія, но и собственноручно забивать колья для обозначенія его объема. Нужные инструменты, хотя съ трудомъ, были пріобрѣтены при посредствѣ Струве и такимъ образомъ преподаваніе астрономіи съ начала 40-хъ годовъ поставлено на весьма прочную почву. Ѳедоровъ въ свое время считался однимъ изъ лучшихъ преподавателей отдѣленія.

Нужно знать, что въ составъ его каѳедры входила между прочимъ геодезія. Управляющему тогда округомъ пришла мысль расширить преподаваніе этой науки въ Университетѣ и сдѣлать ее особымъ предметомъ курса. Въ 1846 году 9-го марта, онъ писалъ въ совѣтъ: въ Университетѣ св. Владиміра геодезія входитъ въ составъ каѳедры астрономіи и преподается профессоромъ сей каѳедры весьма сокращенно и то въ тѣхъ только частяхъ, которыя имѣютъ связь съ астрономіей. Въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ наука эта составляетъ отдѣльный предметъ преподаванія и имѣетъ особыхъ преподавателей. Такъ какъ геодезія есть одна изъ наукъ, имѣющихъ особенную важность по своему практическому приложенію въ разныхъ отрасляхъ государственной службы и потому на изученіе ея должно обращать особенное вниманіе, то онъ проситъ совѣтъ университета подвергнуть надлежащему разсмотрѣнію вопросъ, не окажется-ли полезнымъ преподавать геодезію въ надлежащемъ объемѣ, отдѣльно отъ астрономіи, равно и о томъ, кому можно-бы поручить въ случаѣ надобности, преподаваніе этого предмета. Профессоръ астрономіи видимо обидѣлся и, въ качествѣ ректора, вступился за себя-же, какъ профессора. На запросъ совѣта онъ отвѣчалъ, что геодезія, входящая въ составъ каѳедры астрономіи, преподается при Университетѣ св. Владиміра, *сколько мнѣ, какъ ректору сего Университета, извѣстно*, профессоромъ астроно-

міи не только не весьма сокращенно, но даже въ большей обширности, чѣмъ-бы слѣдовало по распредѣленію предметовъ, которые должны быть выслушаны студентами II-го отдѣленія философскаго факультета. Если совѣтъ Университета нашелъ-бы удобнымъ включить *землемѣрскую* геодезію въ число предметовъ, которые преподаются въ Университетѣ св. Владиміра, то я осмѣлился-бы просить совѣтъ опредѣлить преподавателя сего предмета майора Монахова, преподающаго этотъ очень не безполезный предметъ въ конвиктѣ землемѣровъ, находящемся въ вѣдѣніи начальства Кіевскаго учебнаго округа. Совѣтъ однако рѣшилъ, что геодезію, какъ искусство землемѣрское, въ Университетѣ св. Владиміра преподавать не удобно, какъ при невозможности совмѣстить обширныя занятія студентовъ предметами факультета съ работами чисто-практическими, такъ и потому, что геодезія въ такомъ значеніи не совмѣстна съ цѣлью факультетскаго образованія университетовъ.

Что касается до вспомогательныхъ предметовъ на II-мъ отдѣленіи философскаго факультета, то кромѣ предметовъ, общихъ для всѣхъ факультетовъ (за исключеніемъ медицинскаго), именно русской исторіи и русской словесности, II-е отдѣленіе, съ открытіемъ медицинскаго факультета, получило возможность заимствовать новый рядъ вспомогательныхъ знаній среди наукъ этого послѣдняго.

Совѣтъ Университета 14-го мая 1843 г., въ слѣдствіе донесенія Траутфеттера и Кесслера вошелъ къ попечителю съ представленіемъ о томъ, чтобы слушаніе курсовъ сравнительной анатоміи и физіологіи было вмѣнено въ обязанность студентамъ разряда естественныхъ наукъ и чтобы студенты, при окончательномъ испытаніи, были экзаменуемы изъ сихъ предметовъ только членами II-го отдѣленія философскаго факультета на томъ основаніи, что преподающій зоологію будетъ требовать такихъ познаній въ этихъ наукахъ, которыя собственно относятся къ зоологіи. Въ слѣдъ за этимъ министръ народнаго просвѣщенія 13 мая увѣдомилъ попечителя, что по его распоряженію предложены были состоящему при министерствѣ временному медицинскому комитету слѣдующіе вопросы: 1) нужно-ли преподаваніе сравнительной анатоміи для студентовъ Университета, занимающихся естественными науками; и 2) которому изъ профессоровъ удобнѣе можетъ быть поручено преподаваніе этого предмета и на какихъ основаніяхъ, т. е. на

какихъ курсахъ и факультетахъ, также въ какомъ объемѣ? Относительно перваго вопроса комитетъ полагаетъ, что преподаваніе сравнительной анатоміи необходимо для студентовъ, занимающихся естественными науками. Такое преподаваніе должно быть двоякаго рода: а) краткое для всѣхъ студентовъ, занимающихся естественными науками въ связи съ зоологіею и во время изложенія сей послѣдней и б) пространное, въ видѣ особой науки, преимущественно для тѣхъ, которые въ послѣдствіи намѣреваются держать экзаменъ на степень магистра ботаники и зоологіи, или на степень доктора по отдѣленію естественныхъ наукъ, либо посвящаютъ себя исключительному изученію зоологіи, допуская впрочемъ къ слушанію такихъ лекцій и студентовъ другихъ факультетовъ, если они къ тому имѣютъ охоту. Касательно второго вопроса отдѣльное преподаваніе сравнительной анатоміи можетъ быть поручено профессору физіологіи здороваго человѣка, потому что обѣ эти науки находятся въ ближайшей связи съ сравнительною анатоміей. Но всего удобнѣе, по мнѣнію комитета, эта обязанность можетъ быть возложена на профессора зоологіи. Поэтому отдѣльное распространенное преподаваніе сравнительной анатоміи должно имѣть мѣсто въ философскомъ факультетѣ и составлять обязанность профессора зоологіи; такое-же отдѣльное преподаваніе этой науки, но въ сжатомъ объемѣ, собственно для врачей, въ медицинскомъ факультетѣ, должно быть возложено на профессора физіологіи здороваго человѣка, не возбраняя однако-же и медицинскимъ слушателямъ, если они пожелаютъ и будутъ имѣть свободное на то время, посѣщать подробныя лекціи этого предмета, въ философскомъ факультетѣ. Отдѣльное, въ необходимомъ объемѣ для медицинскихъ слушателей, преподаваніе сравнительной анатоміи, комитетъ предполагалъ-бы назначить во 2-мъ полугодіи учебнаго курса, когда студенты будутъ къ тому приготовлены выслушаніемъ зоологіи въ первомъ полугодіи. Министръ народнаго просвѣщенія предоставилъ это предположеніе на ближайшее мѣстное соображеніе и въ случаѣ признанія этой мѣры удобною, позволилъ привести въ исполненіе.

Затѣмъ, въ концѣ 1843 г., министръ народнаго просвѣщенія (опять согласно съ мнѣніемъ временнаго медицинскаго комитета) увѣдомилъ, что студенты II-го отдѣленія философскаго факультета по разряду естественныхъ наукъ могутъ быть допускаемы къ слушанію курсовъ

анатоміи и физіологіи здороваго человѣка въ медицинскомъ факультетѣ, не вмѣняя имъ однако-жъ того въ обязанность и не подвергая ихъ особому изъ тѣхъ предметовъ испытанію, но производя его вмѣстѣ съ сравнительною анатоміею *).

Юридическій факультетъ. Съ выходомъ Неволина юридическій факультетъ сразу понизился и утратилъ свое доминирующее значеніе въ Университетѣ. Богородскій былъ отвлеченъ отъ университетскихъ дѣлъ занятіями по гимназіи. Иванишевъ могъ заступить позицію Неволина въ факультетѣ и совѣтѣ; но онъ былъ молодъ среди тогдашнихъ ареопагитовъ совѣта и всегда предпочиталъ держаться въ уединенной независимости. Кромѣ этихъ двухъ въ факультетѣ оставался лишь одинъ профессоръ—А. А. Ѳедотовъ-Чеховскій и одинъ адъюнктъ Цвѣтковъ.

Что касается до *каѳедры энциклопедіи*, теперь уже отдѣльной отъ государственнаго права, то, за выходомъ Неволина, преподаваніе этой науки было поручено спачала, какъ мы видѣли, Иваняшеву, затѣмъ вмѣнено въ обязанность Цвѣткову, какъ универсальному адъюнкту. Этому послѣднему и пришлось нести всѣ труды по цѣлой каѳедрѣ энциклопедіи въ 1844, 1845 и въ началѣ 1846 года, кромѣ другой каѳедры, постоянно лежавшей на его плечахъ (законовъ о финансахъ). Между тѣмъ, изъ посланныхъ за границу въ 1843 г. спеціально приготовлялся къ преподаванію энциклопедіи *Никол. Иван. Пилянкевичъ*, который потомъ, дѣйствительно съ 6-го ноября 1846 г. и опредѣленъ адъюнктомъ по этому предмету и началъ чтенія съ 20 января 1847 г. Н. И. Пилянкевичъ, черниговецъ родомъ (сынъ учителя спачала Черниговской, а потомъ 1-й Кіевской гимназіи) родился въ 1819 г. и, слѣдовательно, вступилъ на каѳедру еще молодымъ человѣкомъ (27 лѣтъ),—но уже съ надломленнымъ духомъ и почти полнымъ отсутствіемъ надеждъ и энергіи. Біографъ Пилянкевича Н. К. Ренненкампфъ **) старается уяснить этотъ ранній отцвѣтъ даровитаго молодаго человѣка обстоятельствами его студенчества и первоначальной службы: имѣя склонность къ наукамъ точнымъ (математикѣ) и искусствамъ (живописи и музыкѣ), Пил—чъ долженъ былъ, по посту-

---

*) Дѣло совѣта 1843 г. № 82.

**) См. предисловіе къ изданному имъ сочиненію Пилянкевича: „Исторія философіи права“. Кіевъ, 1870 г.

пленіи въ Университетъ (въ 1834 году), избрать, однако, факультетъ юридическій, такъ какъ медицинскаго факультета еще вовсе не было, а физико-математическое отдѣленіе, составленное изъ кременецкихъ ученыхъ, никого не привлекало. Хотя гуманныя науки вообще не имѣли никакой цѣны въ глазахъ Пил—ча, но на юридическомъ факультетѣ онъ учился хорошо. Въ годъ университетскаго разгрома (1839 г.) онъ окончилъ курсъ кандидатомъ съ золотою медалью (за сочиненіе: „Объ основаніяхъ, приводимыхъ въ защиту и опроверженіе смертной казни"). Но блестящій кандидатъ долженъ былъ ограничиться службою учителя въ уѣздномъ Кіево-Подольскомъ училищѣ.. „Отличаемый въ Университетѣ (говоритъ Н. К. Ренненкампфъ) вниманіемъ товарищей и наставниковъ, особенно Неволина, онъ чувствовалъ себя въ новой сферѣ далекимъ отъ возлагаемыхъ надеждъ, забытымъ и заброшеннымъ, и, не владѣя достаточной твердостью характера, онъ сталъ погружаться мало-по-малу, незамѣтно для себя, въ ту патріархальную, ограниченную и безучастную жизнь, которою Подольская часть Кіева отличается и теперь, и которая по временамъ разнообразилась и оживлялась карточными вечеринками и рыбными ловлями на привлекательныхъ водахъ Днѣпра". Затѣмъ, когда въ 1841 году, по рекомендаціи юридическаго факультета, онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность профессора въ Нѣжинскій лицей, то и здѣсь встрѣтила его та-же сонная среда, пожалуй еще болѣе мертвенная. Все это лишь до нѣкоторой степени, но отнюдь не вполнѣ уясняетъ послѣдующій упадокъ духа П—ча и нравственный недугъ, подтачивавшій его. Внутреннія причины развитія этого недуга надо искать именно въ заграничной командировкѣ — 1843 г., т. е. въ томъ внутреннемъ разладѣ идей и дѣйствительности, о которомъ мы говорили выше.

Со временъ Неволина, за энциклопедіею права въ нашемъ Университетѣ (а затѣмъ и въ прочихъ русскихъ университетахъ) утвердилось исключительно значеніе философской науки. Въ ней нашелъ себѣ пріютъ философскій элементъ университетскаго образованія, изгнанный сначала изъ юридическаго факультета, а потомъ и вообще изъ университетовъ. Курсъ П—ча обнималъ исторію философіи права съ древнѣйшихъ временъ до Гегеля включительно. Для характеристики собственныхъ воззрѣній П—ча могутъ служить страницы курса, посвященныя изображенію вліянія идей Руссо на послѣдующую исторію

Франція и прочихъ странъ Европы (стр. 178—186). Судъ надъ этими идеями авторъ произноситъ словами Борка и заключаетъ: „матеріализмъ, какъ дальнѣйшее развитіе эмпиризма, есть самое безсодержательное порожденіе умозрѣнія". Мысль, возбуждающая особенный интересъ потому, что исходитъ отъ такого поклонника и отчасти знатока естественныхъ наукъ, какимъ былъ Пиляпкевичъ.

Внѣшній (лекторскій) успѣхъ чтеній П—ча былъ весьма не великъ; спокойное, ровное и холодное изложеніе отвлеченныхъ идей не привлекало уже слушателей, хотя и напоминало манеру чтеній Неволина. Времена были уже иныя.

27 апрѣля 1847 г. Пил -чъ подалъ прошеніе объ отпускѣ для пользованія на водолечебныхъ заведеніяхъ (въ Умани или Коростышевѣ) и затѣмъ вскорѣ умеръ.

Каѳедра государственнаго права, выдѣленная по уставу 1842 г. въ самостоятельную, была отчасти выдѣлена и раньше домашнимъ распоряженіемъ факультета, когда, по требованію Неволина былъ назначенъ къ нему адъюнктъ—Романовскій, именно для преподаванія государственныхъ законовъ. Но въ 1844 году Ром—го уже не было въ Университетѣ св. Владиміра, который долженъ былъ разстаться съ нимъ не безъ сожалѣнія, потому что онъ успѣлъ зарекомендовать себя талантливымъ преподавателемъ. Выходъ Ром—го есть одно изъ печальныхъ послѣдствій скупости университетскихъ штатовъ и по новому уставу.

Для замѣщенія каѳедры русскихъ государственныхъ законовъ, тотчасъ по введеніи новаго устава, былъ назначенъ конкурсъ, по программѣ котораго конкуррентъ долженъ былъ, между прочимъ, представить „разсужденіе о дворянскомъ сословіи въ Россіи", въ которое должны были входить: значеніе и законы развитія дворянства вообще; происхожденіе и періоды развитія дворянства въ Россіи; сличеніе въ общихъ чертахъ исторіи происхожденія и развитія дворянства въ Россіи съ исторіей сего-же сословія знатнѣйшихъ какъ славянскихъ, такъ и германскихъ народовъ. Независимо отъ конкурса для приготовленія къ преподаванію русскихъ государственныхъ законовъ былъ командированъ, какъ сказано, *Вигура;* а между тѣмъ въ декабрѣ 1844 года попечитель предложилъ передать преподаваніе по этой каѳедрѣ комулибо изъ наличныхъ членовъ факультета. Факультетъ 27 января 1845 г.

донесъ, что всѣ наличные преподаватели, кромѣ Богородскаго, читаютъ по два предмета (Ѳедотовъ-Чеховскій — римское и русское гражданское право, Иванишевъ — благоустройство и общенародное право, Цвѣтковъ—законы о финансахъ и энциклопедію). Что-же касается Богородскаго, то онъ донесъ, что, кромѣ преподаванія своего предмета, онъ имѣетъ много занятій по должности декана факультета и директора 2-й гимназіи. Поэтому факультетъ увѣдомилъ, что не находитъ возможнымъ поручить кому-либо чтеніе русскихъ государственныхъ законовъ и полагаетъ отложить до времени преподаваніе этого предмета; казеннокоштнымъ-же студентамъ, которые въ то полугодіе должны бы слушать русскіе государственные законы, вмѣнить въ обязанность слушать, *вмѣсто нихъ*, межевые законы. Однако начальство не согласилось съ этими резонами, и преподаваніе государственнаго права возложено на Богородскаго, не смотря на всѣ прочія его занятія. Подневольное преподаваніе Бог—скаго продолжалось около двухъ лѣтъ, и, тѣмъ не менѣе, судя по отчетамъ, отличалось мастерствомъ, свойственнымъ этому профессору.

Пока это происходило въ Кіевѣ, Вигура путешествовалъ по Германіи и Франціи. По возвращеніи оттуда, 13 февраля 1847 года, онъ былъ назначенъ, еще бывши въ Петербургѣ, непосредственно отъ министерства, исправляющимъ должность адъюнкта. По пріѣздѣ въ Кіевъ, въ томъ-же году, онъ началъ преподаваніе государственнаго права сначала совсѣмъ по новой европейской манерѣ. „Между его слушателями, говоритъ А. В. Романовичъ-Славатинскій, ходило преданіе о томъ, что онъ заговорилъ было о парламентахъ и конституціяхъ, за что ему будто-бы сдѣлали надлежащее внушеніе, наложивши печать молчанія на его уста“ *). Впослѣдствіи, по свидѣтельству того-же его слушателя, онъ забылъ о парламентахъ и конституціяхъ и болѣе занятый дѣлами Кіевскаго коммерческаго банка, чѣмъ своимъ предметомъ, составлялъ свои лекціи въ самый моментъ ихъ чтенія, диктуя перестановленныя и перефразированныя статьи Свода. Въ оправданіе его (прибавляетъ тотъ-же авторъ) слѣдуетъ сказать, что онъ читалъ самый опасный и щекотливый для того времени предметъ (послѣ политической экономіи), раньше другихъ обрѣзанный программой. Дѣй-

---

*) „Жизнь Иванишева“, стр. 147.

ствительно, время вести рѣчь о парламентахъ было выбрано весьма неудачно,—но это время относится уже къ слѣдующему періоду нашей исторіи.

Каѳедры римскаго права и *русскихъ гражданскихъ законовъ*, при введеніи новаго устава были заняты прежними преподавателями: 1-я —А. А. Ѳедотовымъ-Чеховскимъ, 2-я—Орнатскимъ. Казалось что съ этой стороны не предстояло опасности запустѣнія; но въ 1843 г. каѳедра русскихъ гражданскихъ законовъ неожиданно лишилась преподавателя: профессоръ Орнатскій (20-го апрѣля) подалъ прошеніе объ увольненіи по самому непредвидѣнному и отчасти нелѣпому случаю: однажды ему подброшено было письмо съ требованіемъ положить на указанное мѣсто извѣстную сумму денегъ, съ угрозами за неисполненіе. Испуганный профессоръ бросилъ начатую имъ постройку дома, которою занимался съ особенною любовію и усердіемъ, бросилъ прочее имущество, а главное—вмѣстѣ со всѣмъ этимъ бросилъ свою каѳедру и предался бѣгству изъ Кіева *). Впослѣдствіи было найдено, что то сдѣлалъ студентъ Кар—скій. Повидимому начальство убѣдилось, что поступокъ студента вызванъ былъ не преступнымъ намѣреніемъ, а грубою и непристойною шуткою, желаніемъ подсмѣяться надъ слабою стороною профессора. Во всякомъ случаѣ, хотя о поступкѣ студента было донесено министру народнаго просвѣщенія, генералъ-губернаторъ Бибиковъ отослалъ его, до времени назначенія ему наказанія, къ инспектору студентовъ съ тѣмъ, чтобы надъ нимъ учрежденъ былъ надлежащій надзоръ. Очевидно на поступокъ Кар—скаго смотрѣли, какъ на шалость, и результатомъ всего дѣла былъ лишь карцеръ для Кар—го **).

Что касается до профессора Орнатскаго, то онъ сначала вовсе оставилъ учебную службу для гражданской, потомъ ему дали каѳедру въ Харьковскомъ университетѣ, наконецъ—въ Московскомъ, гдѣ онъ и окончилъ свою службу уже профессоромъ государственнаго права и нынѣ, сколько извѣстно, проводитъ остатокъ дней въ уединеніи—въ Курскѣ.

Между тѣмъ брошенная имъ каѳедра тотчасъ-же была занята: А. А. Ѳедотовъ-Чеховскій предпочелъ ее своей—т. е. римскому праву.

*) Дѣло совѣта 1843 г. № 53.

**) Тамъ-же, 1843 г. № 8.

Итакъ нелѣпая шутка студента привела къ запустѣнію такую важную каѳедру, какова каѳедра римскаго права. Въ послѣдующіе годы: 1844, 1845 и начало 1846—римское право, какъ сторонній предметъ, преподавалъ тотъ-же Ѳедотовъ-Чеховскій.

31-го декабря 1844 г. попечитель предложилъ совѣту Университета, что такъ какъ въ числѣ другихъ остается вакантною каѳедра римскаго законодательства, къ замѣщенію которой не принято никакихъ мѣръ, то слѣдуетъ объявить на нее конкурсъ. Юридическій факультетъ, 27 января 1845 года, составилъ слѣдующую программу конкурса: а) соискатель долженъ представить, кромѣ своихъ сочиненій, если какія имъ изданы уже въ свѣтъ, б) конспектъ исторіи и системы римскаго права, по которому онъ предполагаетъ преподавать ихъ. Въ этомъ конспектѣ слѣдовало означить основанія порядка изложенія предметовъ, принятаго при составленіи его; в) разсужденіе о преторскомъ эдиктѣ, въ которомъ нужно было изложить во-первыхъ его исторію, во-вторыхъ показать отношеніе его къ прочимъ формамъ римскихъ законовъ и въ третьихъ—вліяніе его какъ на сочиненія римскихъ юристовъ, такъ и на сводъ римскихъ законовъ *).

Конкурсъ, конечно, не привелъ ни къ какому удовлетворительному результату. Гораздо вѣрнѣе было поискать годное лицо среди собственныхъ воспитанниковъ факультета. Такъ и поступилъ факультетъ и тѣмъ достигъ блистательнаго результата. Каѳедра римскаго права, пріобрѣла съ 1846 г. такого талантливаго и основательнаго ученаго, какъ *Кал. Андр. Митюковъ*, съ честію и великою пользою занимавшій ее до послѣднихъ дней. Сначала онъ преподавалъ въ качествѣ исправляющаго должность адъюнкта, имѣя степень кандидата, но 6-го октября 1847 г. онъ защитилъ магистерскую диссертацію: „о признаніи тяжущихся сторонъ на судѣ по дѣламъ гражданскимъ". 16-го февраля 1848 г. факультетъ представилъ его къ утвержденію въ должности адъюнкта, свидѣтельствуя что онъ преподавалъ свой предметъ въ теченіи нѣсколькихъ полугодій съ отмѣннымъ усердіемъ и успѣхомъ; 17 мая этого-же года онъ утвержденъ адъюнктомъ; притомъ въ то время дѣло обходилось и безъ балотировки. Пріобрѣтеніемъ такого ученаго юридическій факультетъ возстановилъ свою

---

*) Дѣло совѣта 1845 г. № 6.

почти прежнюю силу. Воспитанники факультета 1846—1880 г. свидѣтельствуютъ единогласно, что твердыми понятіями гражданскаго права и привычкою къ логическому анализу юридическихъ явленій они обязаны лекціямъ К. А. Митюкова. Нынѣ университетъ издаетъ его курсъ римскаго права; хотя этому курсу авторъ не могъ придать окончательной отдѣлки, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, читатель вынесетъ изъ него то-же впечатлѣніе, какое вынесли цѣлыя поколѣнія студентовъ изъ его аудиторіи въ теченіи 34 лѣтъ. Его манера изложенія лекцій, не прибѣгая къ фразѣ и побочнымъ средствамъ эффекта, отличалась пластичностію, которая отпечатывала на вѣки основныя идеи права въ умахъ слушателей, умѣвшихъ (къ чести ихъ) цѣнить такую манеру.

Новая *каѳедра общенароднаго права* оставалась вакантною съ самаго учрежденія ея по уставу 1842 г. до 1846 г.; мы видѣли, что, по первоначальному распредѣленію 1842 г., временно занималъ ее Ѳедотовъ-Чеховскій, а съ 1843 г.—Иванишевъ; наконецъ 30-го ноября 1846 г. на нее опредѣленъ исправляющимъ должность адъюнкта *Плат. Тутковскій*, однако онъ занялъ ее весьма не на долго. Уже 5 мая 1847 г. онъ подалъ прошеніе въ совѣтъ, что для излѣченія отъ болѣзни ему надо воспользоваться деревенскимъ воздухомъ и просилъ выдать ему пособіе въ 150 р. для проѣзда въ Балтскій уѣздъ Подольской губерніи. 22-го апрѣля 1850 г. онъ умеръ. Здоровье Тутковскаго было всегда не надежно; но нѣтъ сомнѣнія, что его ранней гибели содѣйствовалъ тотъ-же духовный разладъ идей, о которомъ было говорено выше и который отразился на Тутковскомъ болѣе, чѣмъ на другихъ его товарищахъ. Тутковскій не могъ такъ легко и скоро примириться съ житейскою практикою, какъ напримѣръ Вигура, или съ тогдашними русскими условіями университетскаго преподаванія, какъ Вернадскій. Вынеся изъ Европы запасъ тогдашнихъ либеральныхъ идей и не найдя въ отечествѣ никакого примѣненія имъ, онъ и умеръ тургеневскимъ „лишнимъ человѣкомъ“ 40-хъ годовъ. Въ іюлѣ уже объявленъ былъ новый конкурсъ для замѣщенія каѳедры международнаго права; по программѣ конкурса требовалось, между прочимъ, разсужденіе объ отношеніи Россіи къ прочимъ державамъ на основаніи существующихъ договоровъ. Каѳедра-же опять временно поручена профессору Ѳедотову-Чеховскому.

Съ 24-го сентября 1848 года появился магистръ гражданскаго права *Г. И. Эйсманъ;* магистерскую степень онъ пріобрѣлъ одновременно съ Н. Х. Бунге; именно 23 сентября 1847 года онъ защищалъ свою диссертацію: „о присягѣ, какъ судебномъ доказательствѣ по дѣламъ гражданскимъ". 31-го марта 1848 г. юридическій факультетъ вошелъ съ представленіемъ въ совѣтъ рапорта А. А. Ѳедотова-Чеховскаго, въ которомъ этотъ профессоръ писалъ, что по каѳедрѣ гражданскаго права крайне необходимъ адъюнктъ, такъ какъ профессоръ обремененъ сверхъ своихъ прямыхъ обязанностей еще преподаваніемъ межевыхъ законовъ въ училищѣ землемѣровъ и руководствомъ въ практическихъ занятіяхъ казеннокоштныхъ студентовъ. Но сверхъ того, по его мнѣнію, рекомендуемый имъ г. Эйсманъ можетъ быть адъюнктомъ и по другимъ каѳедрамъ, напр. энциклопедіи законовѣдѣнія и потому просилъ ходатайствовать о назначеніи г. Эйсмана адъюнктомъ по юридическому факультету вообще. Представленіе его было уважено совѣтомъ и попечителемъ, но содержаніе представленія едва не навлекло бѣды на юридическій факультетъ и совѣтъ. Въ представленіи своемъ деканъ Богородскій между прочимъ писалъ, что успѣхи изученія юридическихъ наукъ при такомъ недостаткѣ преподавателей не могутъ быть значительны, какъ и показываютъ окончательные экзамены. Попечитель приказалъ разслѣдовать причины неудовлетворительности окончательныхъ испытаній на юридическомъ факультетѣ.

Неизвѣстно чѣмъ кончилось это изслѣдованіе; но обмолвка Богородскаго заключала въ себѣ несомнѣнную правду; общіе успѣхи преподаванія, не смотря на новыя пріобрѣтенія 1846—48 годовъ, весьма понизились сравнительно съ успѣхами 30-хъ и начала 40-хъ годовъ. Новые люди, за исключеніемъ К. А. Митюкова, не пріобрѣли еще ни устойчивыхъ воззрѣній на науку, ни твердой манеры преподаванія. Никто изъ нихъ не пріобрѣлъ и ученыхъ степеней. Это послѣднее, не важное само по себѣ, служитъ показателемъ недостаточной выдержки характера и отсутствія способности къ усидчивому и ровному труду. Сравнивая съ этой стороны людей, приготовленныхъ за границею въ 40-хъ годахъ, съ прежними воспитанниками Сперанскаго и главнаго педагогическаго института, посланными за границу въ 30-хъ годахъ, видимъ огромную разницу, въ которой выразились основныя черты съ одной стороны духовныхъ училищъ, изъ которыхъ вышли

эти послѣдніе, съ другой—различіе двухъ смежныхъ десятилѣтій нашего вѣка. Не говоря о послѣднемъ, о чемъ уже не разъ было упомянуто, полезно сравнить самихъ представителей двухъ поколѣній. Даровитость людей 30-хъ годовъ была различныхъ степеней, начиная отъ высокой—Неволина и Богородскаго до весьма умѣренной, но всѣ они (за исключеніемъ умершихъ въ началѣ ученаго поприща) служили дѣлу высшаго образованія по всей мѣрѣ своихъ силъ усердно, устойчиво и долго, съ кругозоромъ идей, хотя и не широкимъ, но опредѣленнымъ и яснымъ. Между тѣмъ воспитанники Университета, люди 40-хъ годовъ, явились на каѳедры, полные широкихъ замысловъ, но потомъ тотчасъ первый ударъ политической невзгоды подкосилъ ихъ на вѣки. Съ надломленными силами, съ поникшею энергіею, и даже съ полнымъ невѣріемъ въ свое дѣло и призваніе,—одни искали забвенія въ томъ, въ чемъ всегда ищетъ утѣшенія русскій человѣкъ и нашли тамъ отраву и преждевременную смерть, другіе бросили родной Университетъ, ища иной лучшей карьеры, третьи, оставаясь въ своемъ Университетѣ, потеряли всякую симпатію къ своей каѳедрѣ и тянули преподаваніе, какъ „поденщики". Почти всѣ кончили преждевременною смертію, не успѣвъ пріобрѣсти никакихъ правъ на занятіе каѳедры.

Мы говоримъ только о дѣятеляхъ юридическаго факультета (конечно не о всѣхъ), не простирая этого отзыва на приготовлявшихся къ профессурѣ по другимъ факультетамъ.

Въ то время, какъ болѣзненное и внутренно-подточенное поколѣніе 40-хъ годовъ постепенно, но быстро сходило со сцены, прежніе ветераны науки, люди 30-хъ годовъ, продолжали прочно занимать свои каѳедры (съ присоединеніемъ и другихъ, иногда двухъ); а именно: А. А. Ѳедотовъ-Чеховскій—каѳедру гражданскихъ законовъ, Богородскій — уголовнаго права, Иванишевъ — благоустройства. Важнѣйшія услуги наукѣ оказаны этими двумя послѣдними именно въ теченіи настоящаго періода.

Мы видѣли, что въ предшествующую эпоху юридическій факультетъ стоялъ въ тѣснѣйшей связи съ I-мъ отдѣленіемъ философскаго факультета: почти всѣ науки этого послѣдняго должны были слушать и студенты—юристы. Съ изданіемъ устава 1842 г. факультетская спеціализація наукъ, повидимому, достигла полнаго осуществленія: въ

уставѣ не указано для юридическаго факультета никакихъ вспомогательныхъ наукъ. Но на дѣлѣ вышло иначе. Уже 12 февраля 1843 г. попечитель пишетъ совѣту, что, разсмотрѣвъ обозрѣніе преподаванія на 2-е полугодіе 1842—43 года, онъ — попечитель нашелъ, что для студентовъ юридическаго факультета и II-го отдѣленія философскаго факультета не будутъ читаемы лекціи по русской исторіи. „Принимая во вниманіе, пишетъ онъ дальше, что бо́льшую часть студентовъ сего Университета составляютъ уроженцы западныхъ губерній и, слѣдовательно, люди возросшіе въ обществѣ, имѣющемъ самыя превратныя идеи какъ о Россіи вообще, такъ и многихъ событіяхъ, имѣвшихъ вліяніе на судьбу нашего отечества и сопредѣльныхъ съ нимъ народовъ, я полагаю, что разъясненіе этимъ молодымъ людямъ отечественной исторіи, въ настоящемъ ея видѣ и духѣ, принадлежитъ къ важнѣйшимъ обязанностямъ учрежденнаго въ семъ краѣ Университета, а потому предлагаю совѣту сдѣлать нынѣ-же распоряженіе, чтобы русскую исторію слушали всѣ безъ изъятія студенты философскаго и юридическаго факультетовъ. Сверхъ того поручаю совѣту Университета представить мнѣ свое мнѣніе, „не должно-ли сдѣлать общимъ для всѣхъ факультетовъ предметомъ и логику, какъ такую науку, которая не можетъ не принадлежать къ массѣ познаній, пріобрѣтаемыхъ молодыми людьми въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и которая преподается въ гимназіяхъ въ весьма ограниченномъ объемѣ". Совѣтъ, конечно, долженъ былъ принять къ исполненію первое, но не *нынѣ-же*, какъ настаивалъ кн. Давыдовъ, а съ будущаго учебнаго года. На счетъ-же логики отозвался, что онъ—совѣтъ не можетъ включить ее въ число обязательныхъ предметовъ на II-мъ отдѣленіи философскаго факультета и на юридическомъ факультетѣ, на томъ основаніи, что студенты этихъ факультетовъ, при массѣ своихъ факультетскихъ предметовъ, не имѣютъ досуга предаваться подробному изученію логики *). Съ тѣхъ поръ русская исторія преподаваема была юристамъ (какъ и математикамъ) въ теченіи всего настоящаго періода, но чтеніе ея расположено было лишь на первыхъ двухъ семестрахъ, т. е. она прочитывалась въ теченіи одного года, что́, конечно, чрезмѣрно обременяло профессора этой науки числомъ часовъ. Въ 1850 г., по требованію

*) Дѣло совѣта 1843 г. № 49.

П. В. Павлова, русскую исторію разрѣшено преподавать юристамъ и математикамъ въ продолженіи первыхъ четырехъ семестровъ.

Кромѣ русской исторіи, юристы слушали еще русскую словесность, которая казалась особенно обременительною потому, что не было особаго курса ея, приспособленнаго для студентовъ не-филологовъ; юристы и математики съ естественниками должны были слушать ее вмѣстѣ съ историками и филологами въ томъ обширномъ объемѣ, въ какомъ она излагаема была для этихъ послѣднихъ. Находя это весьма неправильнымъ, юридическій факультетъ, 5 августа 1844 года, представилъ совѣту, что студенты, употребляя значительную часть времени дня иногда самаго удобнѣйшаго, на слушаніе вспомогательныхъ предметовъ, не въ состояніи бываютъ заняться съ надлежащимъ вниманіемъ и желаемымъ успѣхомъ главными предметами, для которыхъ они посвятили себя преимущественно. Это затрудненіе увеличивается еще отъ того, что и доселѣ не опредѣленъ съ точностію объемъ въ которомъ должны быть преподаваемы для студентовъ юридическаго факультета нѣкоторые изъ вспомогательныхъ предметовъ, въ особенности русская словесность, по которой читается нѣсколько отдѣльныхъ курсовъ, какъ-то: теорія краснорѣчія, теорія поэзіи, исторія поэзіи и исторія языка и краснорѣчія, такъ называемая философская грамматика и сверхъ того студенты упражняются въ слогѣ. Для устраненія этихъ затрудненій факультетъ находилъ необходимымъ: а) опредѣлить точнѣе объемъ каждой изъ вспомогательныхъ наукъ, предлагаемыхъ для студентовъ юридическаго факультета, б) правило, изложенное въ примѣчаніи къ ст. 10 устава относительно преподаванія судебной медицины, распространить и на прочіе вспомогательные предметы, т. е. чтобы для студентовъ юридическаго факультета читаны были особенные курсы, приспособленные къ ихъ потребностямъ. Но какъ это не можетъ имѣть мѣста при совмѣстномъ чтеніи этихъ предметовъ для студентовъ разныхъ факультетовъ, то желательно в) чтобы курсы вспомогательныхъ наукъ читаны были для студентовъ юридическаго факультета отдѣльно отъ студентовъ І-го отдѣленія, для которыхъ тѣ-же науки составляютъ главные предметы. Удовлетворяя этому законному желанію факультета, совѣтъ нашелъ необходимымъ для выполненія его, имѣть особаго адъюнкта по русской словесности для преподаванія особаго курса этой науки, какъ вспомогательной. Въ слѣдствіе такого пред-

ставленія попечитель входилъ въ министерство народнаго просвѣщенія съ просьбою о назначеніи, еще одного адъюнкта при Университетѣ, для чтенія русской словесности студентамъ юридическаго факультета и II-го отдѣленія философскаго факультета. Министръ 30-го ноября 1844 года увѣдомилъ, что онъ находитъ неудобнымъ опредѣлить при Университетѣ св. Владиміра сверхштатнаго адъюнкта для этой цѣли тѣмъ болѣе, что если эту обязанность не могутъ безъ упущенія выполнить штатные преподаватели, то, на основаніи устава Университета, можетъ быть для того опредѣленъ доцентъ, съ соблюденіемъ предписанныхъ уставомъ условій.

Но и этимъ отрицательнымъ отвѣтомъ не разрѣшены прочіе вопросы, возбужденные юридическимъ факультетомъ, и въ томъ числѣ вопросъ о томъ, въ какомъ объемѣ должна быть преподаваема юристамъ русская словесность. 8-го февраля 1845 г. совѣтъ представилъ о томъ вновь и исправляющій должность попечителя разрѣшилъ, чтобы студенты юридическаго и II-го отдѣленія философскаго факультета изъ наукъ, составляющихъ каѳедру русской словесности, слушали одну исторію русской литературы съ упражненіемъ ихъ сверхъ того въ слогѣ на прежнемъ основаніи *).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Исторія медицинскаго факультета.

Хотя медицинскій факультетъ при Университетѣ св. Владиміра началъ организовываться за годъ до изданія устава 1842 г., но полное и окончательное его образованіе совершилось уже въ эпоху этого новаго устава, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ и первымъ законодательнымъ актомъ опредѣляющимъ его устройство. До того времени появлялись только фрагментарныя и предварительныя распоряженія. Вотъ почему исторію этого факультета мы не относимъ къ предшествующей эпохѣ.

---

*) Дѣло совѣта 1845 г. № 213.

Всѣ прочіе факультеты, изъ которыхъ состоялъ Университетъ до сихъ поръ, имѣютъ между собою тѣсную связь: историко-филологическій и физико-математическій составляли тогда отдѣленія одного факультета. Студенты юридическаго факультета слушали большую часть наукъ I-го отдѣленія философскаго факультета. Кромѣ того эти факультеты имѣютъ между собою и связь историческую: I-е и II-е отдѣленія образовались изъ стараго лицейскаго матеріала, въ которомъ были зачатки и правовѣдѣнія. Медицинскій факультетъ въ бо́льшей степени изолированъ отъ остальныхъ въ томъ и другомъ отношеніи, имѣя связь лишь въ вспомогательныхъ предметахъ со II-мъ отдѣленіемъ философскаго факультета и не имѣя никакихъ предшествующихъ зародышей въ прежней системѣ высшаго образованія юго-западнаго края. Учебный матеріалъ этого факультета унаслѣдованъ отъ медико-хирургической академіи. Точно также всѣ прежніе факультеты были объединены цѣлью распространенія русскихъ началъ образованія въ краѣ (въ томъ числѣ даже и II-е отдѣленіе философскаго факультета), и въ этомъ смыслѣ составляли дѣйствительно одно образовательное учрежденіе, а не совокупность нѣсколькихъ разнородныхъ. Медицинскій факультетъ, съ этой стороны, не имѣетъ никакихъ общихъ задачъ съ прочими: его цѣль исключительно распространеніе спеціальныхъ и прикладныхъ знаній въ своей сферѣ. Сверхъ того, по единогласному отзыву современниковъ, большинство личнаго состава медицинскаго факультета внесло въ жизнь Университета совершенно новое настроеніе. По всѣмъ этимъ причинамъ мы выдѣляемъ исторію этого факультета въ особую главу.

Учрежденіе медицинскаго факультета (1840 г.). Высочайшимъ указомъ, даннымъ 27 апрѣля 1840 г., повелѣно: Виленскую медико-хирургическую академію передать изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ министерство народнаго просвѣщенія, а затѣмъ, Высочайшимъ рескриптомъ на имя министра народнаго просвѣщенія 29 апрѣля, предоставлено этому послѣднему сдѣлать распоряженіе о присоединеніи этой академіи, по преобразованіи ея въ медицинскій факультетъ, къ Университету св. Владиміра, когда довершится воздвигаемое въ Кіевѣ для него зданіе. Такимъ образомъ медицинскій факультетъ Университета св. Владиміра долженъ былъ состоять изъ готовыхъ элементовъ Виленской академіи, подобно тому, какъ прочіе факультеты состояли

въ началѣ изъ переведеннаго въ Кіевъ Волынскаго лицея. Но теперь времена были уже другія и потому (какъ увидимъ) мысль о простомъ переводѣ академіи въ Кіевъ была оставлена, или, по крайней мѣрѣ, ослаблена. Чѣмъ именно вызвано закрытіе академіи въ Вильнѣ, не знаемъ; повидимому причиною того была новая мысль Уварова объ общей организаціи медицинскаго образованія въ Имперіи. Эта мысль, какъ ее объяснилъ Уваровъ потомъ въ своемъ докладѣ объ организаціи медицинскихъ факультетовъ въ Московскомъ и Кіевскомъ университетахъ, состояла въ томъ, что „для приведенія въ совершенное устройство преподаванія врачебныхъ наукъ, можно-бы сосредоточить его въ двухъ главныхъ мѣстахъ, именно въ Москвѣ — для сѣверной части Имперіи, и въ Кіевѣ—для южной части; въ этомъ порядкѣ университетскіе (медицинскіе) факультеты въ Дерптѣ, Казани и Харьковѣ будутъ нѣкоторымъ образомъ служить *вспомогательными* учебными заведеніями и войдутъ въ одинъ кругъ съ двумя главными" *). Такимъ образомъ медицинскому факультету въ Кіевѣ предстояла выдающаяся роль быть главнымъ и руководящимъ среди другихъ медицинскихъ факультетовъ южной половины Имперіи.

Когда именно должна быть закрыта академія и слѣдовательно, когда будетъ открытъ медицинскій факультетъ въ Кіевѣ, этого еще не было предрѣшено; предполагали тогда, что не ранѣе 1842 года. 6-го мая 1840 года Уваровъ просилъ совѣтъ Университета св. Владиміра войти въ ближайшее соображеніе на счетъ учрежденія при этомъ Университетѣ медицинскаго факультета, и между тѣмъ заняться соображеніемъ о размѣщеніи всѣхъ принадлежностей его въ новомъ университетскомъ зданіи. 21 іюня 1840 г. совѣтъ Университета донесъ, что онъ 1) находитъ возможнымъ учредить медицинскій факультетъ при Университетѣ св. Владиміра на основаніи общаго устава россійскихъ университетовъ 1835 года. 2) Совѣтъ составилъ проэктъ штата, имѣя въ виду штатъ Виленской медико-хирургической академіи, которая, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, должна войти въ составъ Университета св. Владиміра и образовать медицинскій его факультетъ; при этомъ онъ принялъ также во вниманіе штаты другихъ университетовъ и причины, по которымъ дѣйствовавшій тогда штатъ Университета св.

*) Сборн. постан. по мин. нар. просв. т. II, отд. II, № 954.

Владиміра необходимо долженъ быть возвышенъ, какъ о томъ совѣтъ Университета св. Владиміра представлялъ уже прежде и какъ отмѣчено было нами въ своемъ мѣстѣ. 3) О средствахъ для покрытія расходовъ, требующихся проэктомъ штата медицинскаго факультета, совѣтъ не могъ тогда сдѣлать никакого соображенія, такъ какъ ему неизвѣстны были денежныя средства Виленской медико-хирургической академіи. 4) Относительно приготовленія помѣщенія въ отстраивающемся университетскомъ зданіи, совѣтъ сослался на тѣ соображенія, которыя были составлены въ общемъ засѣданіи совѣта Университета съ строительнымъ комитетомъ 6 іюня 1840 г. подъ личнымъ предсѣдательствомъ попечителя. Хотя зданія, нужныя для помѣщенія принадлежностей медицинскаго факультета, не будутъ еще вполнѣ готовы лѣтомъ 1842 г., когда будетъ совершенно кончена постройка главнаго университетскаго зданія, но это обстоятельство, по мнѣнію совѣта, не можетъ служить препятствіемъ къ открытію при немъ медицинскаго факультета съ начала 1842—43 учебнаго года, такъ какъ открытіе курсовъ этого факультета должно будетъ послѣдовать только постепенно и нѣкоторыя заведенія, какъ то: разныя клиники, помѣщенія для всѣхъ 230 казеннокоштныхъ студентовъ медицинскаго факультета, сначала, т. е. въ первый и даже второй годъ существованія факультета не потребуются; главное университетское зданіе будетъ представлять въ эти два года достаточное для него помѣщеніе. 5) Что касается до назначенія преподавателей по медицинскому факультету, то „совѣтъ Университета, не имѣя въ виду способныхъ для того лицъ, *на первый разъ по необходимости долженъ предоставить непосредственно министерству народнаго просвѣщенія*". 6) Перевозку принадлежностей Виленской медико-хирургической академіи, имѣющихъ поступить въ составъ Университета св. Владиміра, особенно тѣхъ, которые не имѣютъ ближайшаго отношенія къ медицинскому факультету, какъ-то: кабинетовъ минералогическаго, зоологическаго, гербарія и даже библіотеки, совѣтъ находилъ полезнымъ начать въ томъ-же 1840 году, частію для того, чтобы, приступивши такимъ образомъ къ этой перевозкѣ заблаговременно, можно было совершить ее съ большимъ удобствомъ и, не спѣша, съ большею осмотрительностію, частію для того, чтобы Университетъ св. Владиміра въ теченіи двухъ лѣтъ не имѣлъ нужды пріобрѣтать тѣ общія для другихъ его факультетовъ съ медицинскимъ

факультетомъ учебныя пособія, которыя могутъ находиться въ Виленской медико-хирургической академіи, и о которыхъ неизвѣстно Университету св. Владиміра. Для сдѣланія соображеній на мѣстѣ, что̀ изъ различныхъ принадлежностей Виленской медико-хирургической академіи заслуживаетъ перевоза въ Кіевъ и какимъ образомъ можетъ быть совершенъ этотъ перевозъ, совѣтъ Университета находилъ нужнымъ командировать одного или двухъ изъ своихъ преподавателей или чиновниковъ въ Вильну. Министръ народнаго просвѣщенія 26 іюля того-же года увѣдомилъ, что хотя впредь до окончательнаго распоряженія министерства на счетъ постепеннаго упраздненія академіи нельзя утвердительно назначить ни времени закрытія ея, ни того, когда именно можетъ быть открытъ медицинскій факультетъ при Университетѣ св. Владиміра, при всемъ томъ онъ не можетъ не одобрить предварительныхъ соображеній Университета св. Владиміра объ открытіи медицинскаго факультета съ 1842—43 академическаго года и приготовленія къ тому времени помѣщенія для него въ университетскомъ зданіи; министръ одобрилъ также и мысль совѣта о перевозкѣ немедленно въ Кіевъ нѣкоторыхъ не имѣющихъ ближайшихъ отношеній къ медицинскому факультету кабинетовъ и библіотеки Виленской академіи; объ этомъ онъ просилъ попечителя войти въ сношеніе съ исправляющимъ должность президента академіи и общее заключеніе ихъ представить на его утвержденіе. Уваровъ не находилъ препятствія къ командированію одного или двухъ чиновниковъ Университета св. Владиміра въ Вильну для предварительныхъ соображеній на мѣстѣ относительно перевозки принадлежностей тамошней академіи въ Кіевъ.

Затѣмъ министръ 4-го августа увѣдомилъ, что по разсмотрѣніи соображеній, представленныхъ ему отъ исправлявшаго должность президента Виленской академіи, а также отъ командированнаго туда чиновника, онъ—Уваровъ призналъ нужнымъ закрыть тогда-же три низшихъ медицинскихъ класса академіи и одинъ ветеринарный, къ чему и сдѣлано уже распоряженіе. Чтобы затѣмъ ускорить по возможности основаніе медицинскаго факультета при университетѣ св. Владиміра *изъ совершенно новыхъ элементовъ*, онъ находилъ весьма желательнымъ, не дожидаясь окончательнаго закрытія академіи въ Вильнѣ, которое должно послѣдовать въ 1842 г., учредить хотя первый классъ медицинскихъ наукъ въ Кіевѣ въ 1841 г., о чемъ и просилъ войти

немедленно въ соображеніе. Итакъ намѣреніе перевести цѣликомъ академію въ Кіевъ не осуществилось; рѣшено открыть факультетъ раньше закрытія академіи и независимо отъ этого событія. Предстояло только воспользоваться средствами академіи.

Мы видѣли сейчасъ, что совѣтъ не могъ сдѣлать соображеній о средствахъ для покрытія нужныхъ на содержаніе медицинскаго факультета расходовъ по неимѣніи свѣдѣній о доходахъ получаемыхъ Виленскою медико-хирургическою академіею. Но 26 іюля исправляющій должность президента этой академіи Груберъ увѣдомилъ, что на содержаніе академіи назначено ежегодно къ отпуску изъ Виленскаго уѣзднаго казначейства (по уставу и штату ея 1832 г.) сумма 365,520 р. ассиг. или на серебро 104,434 р. $28^4/_7$ коп. Въ счетъ этой суммы назначаемо было къ отпуску изъ государственнаго казначейства 22,240 руб. 75 коп. сер., а остальные 82,193 р. $53^4/_7$ коп. изъ эдукаціоннаго фундуша; сверхъ того на прибавочное жалованье профессорамъ, поступившимъ изъ бывшаго Виленскаго университета въ академію, 1999 руб. 6 коп. серебр.; исполняющій должность президента присовокупилъ, что академія не имѣетъ никакихъ капиталовъ, кромѣ одного билета сохранной казны на сумму 3440 руб. ассигн., пожертвованную бывшимъ виленскимъ профессоромъ Сарторіусомъ на клинику *). Совѣтъ 28 августа 1840 года писалъ попечителю Кіевскаго учебнаго округа, что такъ какъ Виленская медико-хирургическая академія, которая должна быть преобразована въ медицинскій факультетъ, получаетъ свое содержаніе изъ государственнаго казначейства, то и содержаніе будущаго факультета при Университетѣ св. Владиміра должно быть отнесено на тѣ-же источники и въ этомъ отношеніи не требуетъ никакого дальнѣйшаго соображенія. Съ своей стороны совѣтъ Университета св. Владиміра считалъ нужнымъ изложить, что на покрытіе (хотя впрочемъ самой ничтожной) части расходовъ по содержанію медицинскаго факультета при Университетѣ св. Владиміра могутъ быть обращены состоявшія въ вѣдѣніи Университета и до того времени большею частію остававшіяся безъ употребленія суммы, составившіяся изъ пожертвованій, сдѣланныхъ помѣщиками Волынской, Подольской и Кіевской губерній для содержанія хирургическаго учебнаго заведенія при бывшемъ Волын-

*) Дѣло совѣта 1840 г. № 147.

скомъ лицѣ. Эти суммы заключаются: 1) въ записяхъ, закладныхъ сдѣлкахъ и другихъ актахъ, обезпеченныхъ на имѣніяхъ помѣщиковъ: Волынской, Подольской и Кіевской губерній на 76,466 р. $53^2/_7$ коп. серебр. Но изъ нихъ записи графини Ѳеофилы Плятеръ (11-го марта 1810 г.) на сумму 22,500 руб. и Фелиціана Пилявскаго (28-го іюня 1810 г.) на сумму 3000 р., предположены къ уничтоженію по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 1832 году. Вообще пожертвованій уменьшено на 25,560 руб.; за исключеніемъ этихъ, остается въ записяхъ, закладныхъ сдѣлкахъ, принадлежащихъ хирургическому учебному заведенію, сумма въ 50,906 руб. $53^2/_7$ коп. серебр. 2) Въ билетахъ: а) государственнаго коммерческаго банка и пр.; всего на 81,017 р. $4^6/_7$ коп. сер. Доходовъ отъ этихъ частныхъ пожертвованій ежегодно числится 3,844 р. $37^4/_7$ коп. сер. Но этотъ доходъ нельзя считать постояннымъ и совершенно вѣрнымъ, потому что помѣщики вносятъ въ кассу Университета св. Владиміра сдѣланныя ими пожертвованія не всегда исправно и согласно своимъ записямъ; кромѣ того жертвователь имѣетъ право уплатить капиталы, которые, по отдачѣ ихъ въ кредитныя установленія, приносятъ только 4 процента въ годъ; почему отъ всей показанной суммы нужно принять въ разсчетъ только четыре процента, т. е. 3240 руб. 68 коп. серебр. въ годъ, какъ постоянный и вѣрный доходъ.

Министръ народнаго просвѣщенія 7-го декабря 1840 г. увѣдомилъ, что онъ испрашивалъ Высочайшаго соизволенія на открытіе перваго курса медицинскаго факультета въ Кіевѣ съ начала 1841—42 учеб. года и Государь приказалъ исполнить на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Опредѣлить въ Университетъ св. Владиміра на первый годъ профессора анатоміи и въ помощь ему прозектора и помощника прозектора; остальные затѣмъ предметы перваго курса, а именно естественныя науки медицинскіе студенты могутъ слушать вмѣстѣ съ студентами II-го отдѣленія философскаго факультета, чтеніе-же энциклопедіи и методологіи медицины будетъ поручено на первый разъ прозектору. 2) Институтъ казеннокоштныхъ медицинскихъ студентовъ и собраніе анатомическихъ препаратовъ съ аудиторіею помѣстить въ наемныхъ домахъ, впредь до отстройки университетскаго зданія, въ которомъ, по личному удостовѣренію министра, въ бытность въ Кіевѣ, медицинскій факультетъ вмѣстѣ съ прочими, найдетъ пристойное и удобное

помѣщеніе. Въ казеннокоштные воспитанники, которыхъ полагается на первый разъ 20, избрать лучшихъ студентовъ изъ кончившихъ гимназическій курсъ учениковъ, которые пожелаютъ посвятить себя медицинѣ. 4) Сумму нужную на содержаніе перваго медицинскаго курса и медицинскаго института въ 1841 — 42 академическомъ году взять изъ остатковъ отъ ассигнуемой на Виленскую медико-хирургическую академію штатной суммы. На эти-же источники обратить и издержки на перевозку изъ Вильны въ Кіевъ библіотеки, кабинетовъ и прочихъ принадлежностей академіи, также на первое обзаведеніе медицинскаго курса и медицинскаго института на 20 воспитанниковъ *). Извѣщая объ этомъ, министръ просилъ сдѣлать распоряженіе, чтобы медицинскій курсъ и институтъ открыты были въ Кіевѣ въ будущемъ (т. е. 1841—42) году тотчасъ послѣ лѣтнихъ вакацій, а между тѣмъ представить смѣту на первое обзаведеніе ихъ. Избраніе ко времени открытія медицинскаго курса профессора анатоміи, прозектора и помощника его, министръ предоставляетъ себѣ; въ исчисленіи суммы на содержаніе медицинскаго курса и института не включенъ смотритель анатомическаго театра въ томъ предположеніи, что надзоръ за театромъ можетъ быть порученъ прозектору или помощнику его. Что касается до отпуска назначенной по сказанному исчисленію суммы, то министръ предложилъ помощнику попечителя Бѣлорусскаго учебнаго округа сдѣлать распоряженіе о переводѣ ея въ Кіевъ по требованіямъ правленія Университета св. Владиміра. Всего назначено было на содержаніе перваго медицинскаго курса и медицинскаго института въ 1841—42 академическомъ году 7501 руб. 49 коп. серебр. 28-го декабря попечитель съ своей стороны предложилъ совѣту университета: 1) пріискать удобныя помѣщенія для института казеннокоштныхъ студентовъ и собранія анатомическихъ препаратовъ съ аудиторіею и заключивъ проэктъ контракта на наемъ помѣщенія, представить къ нему на утвержденіе; 2) представить ему смѣту издержкамъ, какія потребуются по случаю открытія перваго класса медицинскаго факультета; 3) сдѣлать надлежащія публикаціи объ открытіи 1-го медицинскаго курса при Университетѣ св. Владиміра съ начала 1841—42 академическаго года.

---

*) См. Сборн. постан. по минист. нар. просв. т. II, отд. II, № 723.

Въ слѣдующемъ 1841 году Университетъ назначилъ къ посылкѣ въ Вильну для пріема имущества академіи профессоровъ: Гофмана и Караваева (изъ которыхъ послѣдній, какъ увидимъ, первый назначенъ былъ въ комплектъ будущаго медицинскаго факультета и составлялъ пока въ своемъ лицѣ весь факультетъ). Профессоръ Гофманъ предложилъ, что такъ какъ при химической лабораторіи Университета находятся два лаборанта Маевскій и Самаровъ, то не можетъ-ли одинъ изъ нихъ, и именно Маевскій, быть командированъ вмѣстѣ съ ними, потому что онъ находился долгое время въ званіи лаборанта при Виленской академіи, поэтому знаетъ хорошо ея кабинеты и, слѣдовательно, можетъ быть весьма полезенъ при разборѣ и укладкѣ предметовъ, какъ всѣхъ кабинетовъ, такъ особенно предметовъ химической лабораторіи. Совѣтъ согласился съ этимъ.

Прежде, когда еще не состоялось распоряженіе объ открытіи перваго медицинскаго курса съ начала 1841 — 1842 учебнаго года, признано было полезнымъ немедленно начать перевозку именно тѣхъ пособій, которыя не имѣютъ ближайшаго отношенія къ медицинскимъ наукамъ и слѣдовательно не были особенно нужны для преподаванія въ Вильнѣ (пока тамошняя академія еще не была закрыта). Теперь-же, когда было рѣшено открыть первый медицинскій курсъ съ начала 1841—42 учебнаго года, это предположеніе нѣсколько измѣнилось; надо было поспѣшить доставкою изъ Вильны не однихъ только естественно-историческихъ кабинетовъ и естественно-исторической части библіотеки; нужно было, чтобы къ открытію 1-го курса медицинскаго факультета въ Кіевъ были доставлены и тѣ учебныя пособія, которыя необходимы для чтенія медицинскихъ лекцій студентамъ перваго курса. Прежнее предположеніе измѣнилось въ обратномъ порядкѣ: рѣшено поспѣшить перевозкою именно медицинскихъ пособій; изъ прочихъ-же должны быть доставлены только нѣкоторыя для пополненія коллекцій Университета и библіотеки; остальныя должны поступить въ другія учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія. Кое-какіе, хотя и весьма неисправные каталоги виленскихъ коллекцій, были доставлены въ Кіевъ и профессорамъ II-го отдѣленія было поручено сличить ихъ съ наличностію кіевскихъ коллекцій и выбрать изъ виленскихъ недостающее въ этихъ послѣднихъ. Впрочемъ при выборѣ годныхъ матеріаловъ Университетъ могъ положиться на

командируемыхъ имъ такихъ знатоковъ дѣла, каковы были Гофманъ и Караваевъ. Сдачу-же предметовъ въ Вильнѣ министръ народнаго просвѣщенія возложилъ на особый временный комитетъ изъ чиновниковъ Виленской медико-хирургической академіи подъ наблюденіемъ исправляющаго должность президента. Комитетъ долженъ былъ, между прочимъ, передать Университету теперь-же отдѣленія библіотеки естественно-историческія (по физикѣ, химіи) и словесныя, гербарій и кабинеты: физическій, химическій съ лабораторіею и зоологическій, впрочемъ не въ полномъ ихъ составѣ, а только тѣ части ихъ, которыя указаны Университетомъ, какъ нужныя для пополненія его библіотеки и кабинетовъ.

Професс. Гофманъ и Караваевъ, командированные изъ Кіева, съ успѣхомъ исполнили возложенное на нихъ порученіе. Въ концѣ іюня 1841 г. прибыла уже въ Кіевъ первая часть транспорта съ учебными пособіями, назначенными для Университета св. Владиміра; вторая ожидалась *).

Однако Виленское наслѣдство не очень обогатило Университетъ св. Владиміра; нѣкоторые цѣнные дублеты были не нужны Университету; изъ остальнаго выбрано не много. Коллекціи оказались большею частію не въ порядкѣ.

Второй главный вопросъ, который предстояло рѣшить весною 1841 года состоялъ въ томъ, гдѣ помѣстить учрежденія медицинскаго факультета и институтъ. Такъ какъ главное зданіе Университета еще не было окончено, то вопросъ двоился: надо было сдѣлать приспособленія въ этомъ зданіи для будущаго помѣщенія медицинскаго факультета и слѣдовало озаботиться пріисканіемъ временныхъ помѣщеній до отстройки зданія. Во всякомъ случаѣ предполагалось, что помѣщеніе медицинскаго факультета въ зданіи Университета не будетъ постояннымъ, что для того будутъ отведены особыя постройки на томъ пустырѣ, гдѣ прежде предполагалось воздвигнуть главное зданіе Университета. Уже къ марту мѣсяцу министру представлены были проэкты и планы на этотъ счетъ. Дѣло пошло чрезъ генералъ-губернатора, какъ главнаго руководителя постройкою университетскихъ зданій. Министръ народнаго просвѣщенія возвратилъ Бибикову проэкты и планы о раз-

*) См. отчетъ, читанный на актѣ 1841 г.

мѣщенія медицинскаго факультета съ принадлежностями при своемъ отзывѣ; къ Кіевскимъ проэктамъ прибавились и вновь составленные главнымъ архитекторомъ Беретти въ Петербургѣ, которые и были одобрены министромъ. Тѣмъ не менѣе Уваровъ предписалъ разсмотрѣть опять все это на мѣстѣ и составить затѣмъ въ строительномъ комитетѣ смѣты дополнительнымъ расходамъ. Изъ кіевскихъ предположеній Уваровъ исполнилъ немедленно лишь одно, именно снесился съ военнымъ министромъ, прося его сдѣлать распоряженіе о скорѣйшемъ перенесеніи строеній провіантскихъ магазиновъ, находящихся на мѣстѣ, которое предназначалось сперва для зданій кадетскаго корпуса, а въ послѣдствіи отдано, съ Высочайшаго соизволенія, подъ постройку клиникъ и анатомическаго театра Университета св. Владиміра и для разведенія ботаническаго сада. Уваровъ просилъ военнаго министра передать эту землю немедленно въ вѣдѣніе университетскаго строительнаго комитета. Но потомъ Уваровъ призналъ за лучшее не строить отдѣльныхъ зданій для медицинскаго факультета, а помѣстить его въ главномъ зданіи Университета, и его флигеляхъ, а именно: въ одномъ изъ университетскихъ флигелей, гдѣ предполагалось устроить типографію, помѣстить терапевтическую и хирургическую клиники, а въ предназначавшихся для нихъ въ главномъ университетскомъ зданіи покояхъ устроить другія помѣщенія. На этомъ основаніи составлены архитекторомъ Беретти новые проэкты расположенія зданія Университета и одного флигеля. Въ слѣдствіи такихъ соображеній оказывалось, что помѣщеніе медицинскаго факультета съ принадлежностями въ зданіяхъ Университета можетъ быть со всѣми удобствами устроено *не только на время, но и постоянно*, пока не потребуется распространенія университетскаго помѣщенія въ слѣдствіе чрезмѣрнаго расширенія объема самого заведенія. Уваровъ писалъ: „Въ бытность мою въ Кіевѣ, я лично убѣдился, что огромный размѣръ университетскихъ зданій можетъ вполнѣ соотвѣтствовать всѣмъ потребностямъ помѣщенія Университета, тѣмъ болѣе, что преподавателямъ производятся по штату квартирныя деньги. Посему хотя на передаваемомъ нынѣ Университету мѣстѣ и предполагалось произвести домá для клиникъ и анатомическаго театра, но я считаю нужнымъ, какъ по сказанной причинѣ, такъ и по не имѣнію во ввѣренномъ мнѣ министерствѣ достаточныхъ на таковыя постройки денежныхъ средствъ, отмѣнить составленіе на

сей предметъ новыхъ проэктовъ". Предположеніе о помѣщеніи терапевтической и хирургической клиникъ во флигелѣ сдѣлано было съ тѣмъ, чтобы въ назначавшейся прежде для нихъ части главнаго корпуса была помѣщена (если можно) квартира ректора.

Но и этимъ проэктамъ предстоялъ еще впереди длинный путь до осуществленія: по разсмотрѣніи ихъ въ Кіевѣ, надо было возвратить ихъ министру для передачи на разсмотрѣніе главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій. Кромѣ того вопросъ о помѣщеніи медицинскаго факультета вошелъ въ связь съ устройствомъ ботаническаго сада, такъ какъ для того и другаго предназначалось прежде одно и то-же мѣсто. Затѣмъ и проэктъ Беретти былъ видоизмѣненъ: всѣ клиники предположено помѣстить не во флигеляхъ, а опять въ главномъ зданіи, именно на сѣверномъ фасѣ его *). Итакъ благодаря разсчетливости государственнаго казначейства, клиники введены въ зданіе Университета, къ величайшему вреду какъ для нихъ самихъ, такъ и для прочихъ учрежденій Университета; принеся громадную долю вреда въ теченіи 40 лѣтъ,— нынѣ клиники, съ новыми, бóльшими расходами для государственнаго казначейства, предположены къ выводу изъ главнаго университетскаго зданія. Что касается до анатомическаго театра, то и тогда не рискнули оставить его въ главномъ зданіи или его флигеляхъ; пришлось искать на сторонѣ временное помѣщеніе для него въ наемномъ домѣ. По представленію совѣта, попечитель приказалъ пріискать такой домъ, чтó и было поручено врачу Университета и экзекутору. 24 августа 1841 года они донесли, что ими найденъ удобный домъ для помѣщенія медицинскаго института, собранія анатомическихъ препаратовъ, медицинскаго театра и анатомической аудиторіи; это—домъ при спускѣ на Крещатикъ, на Лютеранской улицѣ, полковника Фреймана; плата за него по 5000 р. въ годъ ассигн. (1,428 руб. сер.). Предполагалось помѣстить въ нижнемъ этажѣ комнаты для прозектора, столовую для студентовъ, буфетъ и пр.; во второмъ — анатомическій кабинетъ, аудиторію, лабораторію и проч.; въ третьемъ—помѣщеніе для 40 студентовъ. Въ отдѣльномъ флигелѣ—помѣщеніе для двухъ чиновниковъ.

*) Дальнѣйшія свѣдѣнія о клиникахъ будутъ сообщены въ исторіи учебно-вспомогательныхъ учрежденій Университета св. Владиміра.

Устройство каѳедръ. При первоначальномъ учрежденіи медицинскаго факультета каѳедры его образованы по общему уставу россійскихъ университетовъ 1835 г. Но вскорѣ уставъ 1842 г., придавъ окончательно законодательное опредѣленіе медицинскому факультету въ Кіевѣ, назначилъ составъ и число каѳедръ—иначе, чѣмъ какъ это было опредѣлено общимъ уставомъ университетовъ. По общему уставу 1835 г. на медицинскихъ факультетахъ полагались такія каѳедры: *1. анатомія,* въ ея составѣ: а) анатомія человѣческаго тѣла съ присовокупленіемъ специальной физіологіи и важнѣйшихъ частей изъ сравнительной анатоміи; б) анатомія патологическая; в) разсѣченіе труповъ. *2. Физіологія:* а) физіологія общая и б) общая патологія. *3. Врачебное веществословіе* (въ составѣ этой каѳедры: а) общая терапія; б) врачебное веществословіе, токсикологія и изъясненіе минеральныхъ водъ; в) фармація; г) рецептура и д) діэтетика или гигіена). *4. Клиника:* а) частная патологія и терапія; б) клиника въ больницѣ. *5. Семіотика. 6. Хирургія умозрительная. 7. Хирургія операціонная,* глазныхъ болѣзней и хирургическая клиника. *8. Повивальное искусство* (въ томъ составѣ: а) повивальное искусство; б) о женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ; в) способъ прививанія оспы; г) помощь родильницамъ и лѣченіе ихъ и новорожденныхъ). *9. Судебная медицина* въ слѣдующемъ составѣ: а) судебная медицина, медицинская полиція, способъ лѣчить смертные обмороки, утопшихъ и проч.; б) исторія и литература медицины; в) энциклопедія и методологія. *10. Скотолѣченіе:* а) ветеринарная анатомія и физіологія; б) искусство познавать и лѣчить болѣзни домашнихъ животныхъ, также разсѣченіе труповъ ихъ.

Не нужно быть спеціалистомъ, чтобы замѣтить, съ какою неловкостію и погрѣшностію противъ логики составлена эта концепція медицинскихъ наукъ, въ которой напр., исторія и литература медицины отнесены къ каѳедрѣ судебной медицины. Очевидно, что схема медицинскаго образованія только еще складывалась и вырабатывалась на русской почвѣ.

Уставъ Университета св. Владиміра 1842 г. составляетъ въ этомъ отношеніи дальнѣйшій шагъ къ лучшему. Этотъ уставъ дѣлитъ всѣ медицинскія науки на слѣдующіе разряды: 1) *науки необходимыя для изученія человѣка* въ здоровомъ и больномъ его состояніи, куда отно-

сятся: анатомія и физіологія здороваго и больнаго человѣка; 2) *науки, имѣющія предметомъ врачебныя пособія* для сохраненія и возстановленія здоровья, именно: гигіена, фармація съ фармакогнозіею, врачебное веществословіе съ рецептурою, ученіе о повязкахъ и операціяхъ хирургическихъ и акушерскихъ. 3) *Науки, занимающіяся примѣненіемъ врачебныхъ пособій къ практикѣ:* терапія, хирургія, акушерство, клиника съ семіотикою. 4) *Науки, составляющія государственное врачебновѣдѣніе* (medicina publica s. politico-forensis) и заключающія въ себѣ примѣненіе физико-медицинскихъ свѣдѣній къ потребностямъ государства; судебная медицина, медицинская полиція, русское врачебное законовѣдѣніе и ветеринарная полиція съ эпизоотическими болѣзнями; наконецъ 5) *науки, излагающія объемъ медицины, способъ ея изученія, ея исторію и литературу:* энциклопедія и методологія медицины, исторія и литература медицины, объясненіе врачебныхъ классическихъ твореній.

И эта схема также далеко небезупречна: трудно рѣшить, зачѣмъ введена въ уставъ эта quasi-научная классификація доктринъ; она не совпадаетъ ни съ числомъ, ни съ составомъ дѣйствительныхъ каѳедръ, назначенныхъ въ Университетѣ св. Владиміра въ 1842 г. Это точнѣйшее назначеніе каѳедръ, къ удивленію, сдѣлано не въ уставѣ, а въ штатѣ; тамъ назначено 10 медицинскихъ каѳедръ въ иномъ составѣ, чѣмъ по уставу 1835 г., а именно: 1) анатомія физіологическая съ микрографіей; 2) физіологія здороваго человѣка; 3) физіологія больнаго человѣка или патологическая, съ патологическою анатоміею; 4) общая терапія и врачебное веществословіе, съ необходимыми указаніями на токсикологію, изложеніемъ минеральныхъ водъ и рецептурой, 5) оперативная хирургія съ хирургическою анатоміею, ученіемъ о повязкахъ и хирургическою клиникою; 6) теоретическая хирургія съ офталміатріей; 7) частная терапія въ полномъ объемѣ; 8) терапевтическая клиника съ семіотикою; 9) акушерство теоретическое и практическое, изложеніе болѣзней роженицъ и новорожденныхъ, акушерская клиника; 10) государственное врачебновѣдѣніе (куда, кромѣ судебной медицины и ветеринарнаго искусства, отнесено законовѣдѣніе, т. е. краткое изложеніе хода дѣлъ, порядка службы и устройства по врачебному управленію въ государствѣ, также свѣдѣнія о гражданской службѣ и правовѣдѣніи въ необходимомъ для врача объемѣ),

Всѣ эти каѳедры должны были открываться постепенно, по мѣрѣ открытія новыхъ курсовъ на факультетѣ. Но обстоятельства заставили отступить отъ этого порядка, если находилось цѣнное лицо, которое желательно было закрѣпить въ Университетѣ, хотя каѳедра по его спеціальности не могла быть еще открыта.

Замѣщеніе каѳедръ. Такъ какъ открытіе 1-го медицинскаго курса и замѣщеніе нѣкоторыхъ каѳедръ предупредило изданіе устава 1842 г., то первоначальныя назначенія профессоровъ не вполнѣ соотвѣтствовали будущимъ каѳедрамъ.

Старѣйшимъ членомъ медицинскаго факультета въ Кіевѣ,—старѣйшимъ, чѣмъ самъ факультетъ, былъ *Влад. Аѳан. Караваевъ.* Когда еще только намѣревались открыть 1-й медицинскій курсъ, именно 24 декабря 1840 г., попечитель увѣдомилъ совѣтъ, что министръ народнаго просвѣщенія почелъ нужнымъ заблаговременно озаботиться пріисканіемъ способныхъ профессоровъ будущаго медицинскаго факультета. „Для сей цѣли (писалъ попечитель) представился докторъ медицины Караваевъ, который обучался первоначально въ Казанскомъ университетѣ (получилъ степень лѣкаря въ 1831 г.), потомъ занимался практически въ нѣкоторыхъ отечественныхъ госпиталяхъ; затѣмъ, совершивъ для усовершенствованія въ хирургіи трехлѣтнее путешествіе за границу, занимался два года своимъ предметомъ въ Дерптскомъ университетѣ, которымъ удостоенъ званія доктора медицины“. Въ военно-сухопутномъ госпиталѣ онъ служилъ безъ жалованья, за границу ѣздилъ на собственномъ иждивеніи, гдѣ провелъ два года въ Берлинскомъ и Геттингенскомъ университетахъ. Въ Дерптѣ получилъ степень доктора въ 1838 г. Въ 1839 г. В. А. Караваевъ помѣщенъ былъ операторомъ въ морской Кронштатскій госпиталь, гдѣ въ продолженіи одного года сдѣлалъ 113 операцій, въ томъ числѣ такія, „которыя обнаруживаютъ отличныя его по этой части способности“. Въ мартѣ 1840 г. онъ вышелъ въ отставку, и, состоя внѣ службы, изъявилъ желаніе поступить въ Университетъ св. Владиміра.

Такъ какъ было рѣшено, что на первый разъ, съ начала 1841—42 учебнаго года откроется только одинъ младшій курсъ медицинскаго факультета, то чтеніе хирургіи могло начаться лишь съ 1843 г., но министръ писалъ: „дабы не упустить лица, сдѣлавшагося извѣстнымъ по своимъ операціямъ и заслужившаго самое одобрительное мнѣніе

въ кругу врачей", онъ, Уваровъ, признаетъ необходимымъ назначить Караваева нынѣ-же въ Университетъ св. Владиміра, гдѣ онъ могъ-бы между тѣмъ быть полезенъ и совѣтами своими при учрежденіи факультета, и на самомъ дѣлѣ—при передачѣ кабинетовъ Виленской медико-хирургической академіи въ Университетъ. Представленіе министра удостоилось Высочайшаго соизволенія и В. А. Караваевъ былъ назначенъ въ Университетъ св. Владиміра экстра-ординарнымъ профессоромъ съ жалованьемъ изъ суммъ Виленской медико-хирургической академіи.

Впрочемъ В. А. Караваевъ не тотчасъ прибылъ въ Кіевъ: министръ дозволилъ ему остаться въ Петербургѣ до января для обозрѣнія устройства С.-Петербургской медико-хирургической академіи и Московскаго университета. Лишь 16 февраля 1841 г. Караваевъ прибылъ въ Кіевъ. Мы знаемъ, что онъ весною 1841 года ѣздилъ въ Вильну для пріема учебныхъ пособій академіи; по возвращеніи оттуда ему нашлось занятіе и въ Кіевѣ; министръ народнаго просвѣщенія, хотя и предполагалъ прежде чтеніе энциклопедіи и методологіи медицины поручить, на первый разъ, прозектору, но потомъ въ іюлѣ онъ нашелъ нужнымъ поручить чтеніе этихъ предметовъ временно Караваеву.

Между тѣмъ, прослышавъ о наступающемъ открытіи медицинскаго факультета, въ Университетъ являлись искатели каѳедръ съ разныхъ сторонъ. Еще 28-го августа 1840 г. подалъ въ совѣтъ прошеніе нѣкто медико-хирургъ Карлъ Ивановъ сынъ Боссе, съ притязаніемъ, чтобы его опредѣлили преподавателемъ анатоміи, не представивъ въ оправданіе своего требованія ничего, кромѣ формулярнаго списка и свидѣтельства Кіевской врачебной управы о сдѣланныхъ имъ операціяхъ. Такъ какъ онъ не имѣлъ и степени доктора, то совѣтъ, разумѣется, отказалъ.

По медицинскому факультету ни министерство, ни Университетъ не могли встрѣтить такихъ затрудненій въ пріисканіи профессоровъ, какъ по другимъ факультетамъ. Медицинскія знанія успѣли уже привиться и окрѣпнуть на русской почвѣ, со временъ Петра Великаго, помимо университетовъ, посредствомъ научно-практическаго изученія въ госпиталахъ, какъ водилось въ XVIII в., а затѣмъ въ медицинскихъ факультетахъ, преимущественно Казанскомъ и Дерптскомъ. Съ весны 1841 г. начались назначенія профессоровъ-медиковъ,—одного

за другимъ. Въ слѣдъ за назначеніемъ В. А. Караваева, именно 28 мая 1841 г. министръ увѣдомилъ о назначеніи доктора медицины *Николая Иларіоновича Козлова*, состоявшаго въ то время при канцеляріи военнаго министерства; онъ былъ опредѣленъ экстра-ординарнымъ профессоромъ анатоміи въ Университетъ св. Владиміра безъ жалованья до начала 1841—42 учебнаго года. Это было самое необходимое назначеніе, потому что съ сентября 1841 г. должно было начаться уже преподаваніе анатоміи на 1 курсѣ. Достойно замѣчанія, что и Н. Н. Козловъ, подобно В. А. Караваеву, вышелъ изъ Казанскаго университета и, подобно ему, получилъ степень доктора въ Дерптѣ. Въ то время онъ былъ извѣстенъ лишь докторскою диссертаціею: „De tumoribus compositis" (Auctor *Nicolaus Kosloff orenburgiensis*. Dorp. Livonor. 1837 г.). При назначеніи его въ Кіевъ онъ имѣлъ только 27 лѣтъ.

Затѣмъ въ одинъ и тотъ-же день 29 іюля 1841 года состоялось назначеніе двухъ профессоровъ докторовъ медицины *Цыцурина* и *Крамаренкова*. Но такъ какъ каѳедры, на которыя они были назначены (терапіи и акушерства) могли быть открыты въ Университетѣ св. Владиміра не раньше, какъ черезъ два или три года, то оба они были въ то-же время командированы за границу — Цыцуринъ для усовершенствованія въ клинической терапіи, патологической анатоміи и семіотикѣ, преимущественно въ Берлинъ и Вѣну, Крамаренковъ — въ Германію, Францію и Англію для приготовленія къ каѳедрѣ акушерства, оба на два года, съ содержаніемъ по 1000 руб. сер. За свою командировку они обязывались подписками, прослужить не менѣе 6-ти лѣтъ въ должности университетскихъ преподавателей. Цыцуринъ при назначеніи профессоромъ также имѣлъ 27 лѣтъ (родился 1814 г. въ гор. Бирючѣ, Воронежской губерніи), но успѣлъ уже заявить себя и какъ практическій врачъ: при назначеніи въ Университетъ онъ представилъ между прочимъ свидѣтельство Харьковской врачебной управы, данное „вольнопрактикующему лекарю 1-го отдѣленія Федору Степановичу сыну Цыцурину въ томъ, что онъ занимался три съ половиною года въ здѣшней губерніи производствомъ врачебной практики и пріобрѣлъ себѣ въ то время, какъ весьма опытный и раціональный медикъ, почтеніе и довѣріе какъ всякаго сословія жителей, между которыми онъ жилъ, такъ равно и мѣстнаго медицинскаго начальства".

Судьба этихъ двухъ кандидатовъ во время путешествія ихъ за границею была весьма неодинакова: Крамаренковъ не вернулся оттуда, кончивъ жизнь на чужбинѣ. Узнавъ о болѣзни его, товарищъ его Цыцуринъ отправился изъ Берлина въ Прагу, гдѣ оканчивалъ дни свои Крамаренковъ. Медицинская помощь цѣлаго Пражскаго факультета не имѣла успѣха и Цыцуринъ увѣдомилъ, что Крамаренковъ былъ преданъ землѣ по христіанскому обряду съ честію, подобающею русскому профессору; на чей счетъ отнесены всѣ издержки при этомъ случаѣ, онъ сказать опредѣлительно не можетъ, но знаетъ вѣрно, что весь медицинскій факультетъ Пражскаго университета, по ходатайству декана Оппольцера, который вмѣстѣ былъ и врачемъ Крамаренкова во время его болѣзни, принялъ въ этомъ дѣлѣ самое живое участіе. Впослѣдствіи между Университетомъ св. Владиміра и Пражскимъ завязались непосредственныя сношенія, предметомъ которыхъ было вознагражданіе за погребеніе и памятникъ Крамаренкову и благодарность пражскимъ собратамъ за теплое участіе ихъ къ несчастному русскому путешественнику, котораго дарованія возбуждали много блестящихъ надеждъ. На каѳедру женскихъ и дѣтскихъ болѣзней не ранѣе какъ черезъ 6 лѣтъ (15 мая 1847 года) былъ назначенъ *А. П. Матвѣевъ* — воспитанникъ Московскаго университета, уже въ слѣдующемъ году пріобрѣтшій степень доктора и возведенный въ званіе экстра-ординарнаго профессора. Ему суждено было впослѣдствіи нѣсколько разъ стоять во главѣ университета въ качествѣ ректора.

Между тѣмъ въ маѣ 1844 года Цыцуринъ, по возвращеніи въ Петербургъ, прочелъ по распоряженію министра, въ присутствіи членовъ временнаго медицинскаго комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія и извѣстныхъ тамошнихъ врачей, пробную лекцію. Министръ принялъ во вниманіе съ одной стороны засвидѣтельствованіе комитета о обнаруженныхъ Цыцуринымъ на этой лекціи обширныхъ познаніяхъ и самостоятельномъ взглядѣ на излагаемые имъ предметы, а съ другой стороны, что этотъ ученый, по окончаніи курса ученія въ Харьковскомъ университетѣ, совершенствовался въ избранныхъ имъ предметахъ въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ пріобрѣлъ степень доктора медицины и занимавшись потомъ нѣкоторое время медицинскою практикою, провелъ послѣдніе два съ половиною года въ чужихъ краяхъ, пользуясь съ полнымъ успѣхомъ тамошними средствами къ основа-

тельному изученію своей науки. На этихъ основаніяхъ Уваровъ опредѣлилъ его въ Университетъ св. Владиміра прямо ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ терапевтической клиники съ семіотикою, съ тѣмъ, чтобы ему поручено было и чтеніе предметовъ по вакантной каѳедрѣ частной терапіи въ полномъ объемѣ впредь до опредѣленія на нее другаго преподавателя, безъ особаго вознагражденія, впрочемъ, за этотъ послѣдній трудъ.

Всѣ упомянутыя назначенія нисколько не были связаны съ фактомъ закрытія Виленской медико-хирургической академіи и лица назначенныя не стояли къ ней ни въ какомъ отношеніи; слѣдовательно ходячее мнѣніе, что нашъ медицинскій факультетъ переведенъ изъ Вильны, есть не болѣе какъ заблужденіе. Выше мы упоминали (по поводу назначенія профессора Фонберга), что одинъ разъ была мысль перевести изъ Вильны сразу цѣлую группу преподавателей; но мы видѣли также, что отъ этой мысли тотчасъ-же и отказались. Личный составъ Кіевскаго медицинскаго факультета не имѣетъ никакой связи съ Виленскими туземными медицинскими учеными. Правда, изъ Вильны переведены въ Кіевъ два профессора; но это были люди случайно попавшіе въ Вильну и притомъ нѣмецкаго или русскаго происхожденія. О нихъ скажемъ сейчасъ.

30-го іюля 1842 г. министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ, что съ открытіемъ въ этомъ году въ Университетѣ св. Владиміра 2-го курса медицинскаго факультета, должно быть начато преподаваніе физіологіи, для которой положено двѣ каѳедры: здороваго и больнаго человѣка; на сей конецъ министръ опредѣлилъ въ Университетъ св. Владиміра исправляющимъ должность адъюнкта по сказаннымъ двумъ каѳедрамъ, впредь до раздѣленія ихъ, возвратившагося изъ чужихъ краевъ, состоявшаго въ должности адъюнкта при Виленской медико-хирургической академіи лѣкаря Мирама, съ тѣмъ, чтобы онъ для занятія каѳедры пріобрѣлъ степень доктора медицины. При этомъ министръ присоединилъ, что ему-же можетъ быть временно поручено преподаваніе зоологіи (каѳедра которой еще не занята была Кесслеромъ).

Молодой ученый, хотя и не имѣвшій еще высшей степени, но уже обратившій на себя вниманіе министерства, *Эдуар. Эрнест. Мирамъ* былъ вольнослушателемъ въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, Дерптскомъ Университетѣ и наконецъ Виленской медико-хи-

ругической академіи, гдѣ и получилъ степень лѣкаря, и затѣмъ оставленъ прозекторомъ. Но тамъ-же ему поручили и преподаваніе зоологіи, а потомъ и сравнительной анатоміи. Въ 1840 г. онъ отправленъ за границу и тамъ успѣлъ пріобрѣсти степень доктора медицины и хирургіи въ Кенигсберскомъ университетѣ. Не успѣла еще бумага министерства о назначеніе его въ Кіевъ прибыть сюда, какъ онъ уже успѣлъ пріобрѣсти и въ Вильнѣ степень доктора, о чемъ увѣдомилъ временный комитетъ, учрежденный, по Высочайшему повелѣнію, для окончанія дѣлъ бывшей Виленской медико-хирургической академіи. Когда Мирамъ прибылъ въ Кіевъ, то совѣтъ поспѣшилъ представить его къ утвержденію въ должности адъюнкта, на основаніи пріобрѣтенной имъ степени доктора; но и эта бумага опоздала. Министръ, увѣдомившись непосредственно изъ Вильны о возведеніи Мирама въ доктора, утвердилъ уже его не адъюнктомъ, а прямо экстра-ординарнымъ профессоромъ. Въ свою очередь совѣтъ въ слѣдующемъ 1843 году, по представленію декана Караваева, избралъ Мирама въ ординарные профессора. Съ такою быстротою совершилась вся ученая карьера доктора Мирама *).

Такъ въ теченіи одного года съ небольшимъ прочно замѣщены всѣ важнѣйшія каѳедры медицинскаго факультета: хирургіи, анатоміи, терапіи и физіологіи. Оставались вакантными: каѳедра акушерства (за смертію Крамаренкова) и государственнаго врачебновѣдѣнія; но не замедлилось замѣщеніе и этихъ послѣднихъ. Министръ народнаго просвѣщенія, 31 декабря 1842 г., увѣдомилъ что имъ опредѣленъ экстраординарный профессоръ Виленской медико-хирургической академіи докторъ медицины и хирургіи *Леоновъ* въ Университетъ св. Владиміра ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ государственнаго врачебновѣдѣнія, съ тѣмъ, чтобы на первыхъ порахъ ему поручено было преподаваніе судебной медицины въ юридическомъ факультетѣ; а съ началомъ будущаго академическаго года онъ долженъ быть введенъ въ число преподавателей медицинскаго факультета по предметамъ его каѳедры. Новый профессоръ, хотя имѣлъ въ то время отъ роду только 34 года, но успѣлъ многое совершить на своемъ вѣку: былъ онъ юнгомъ въ Черноморской флотиліи, затѣмъ учился въ Слободской Украинской

*) Дѣло совѣта 1843 г. № 156.

гимназіи и въ Харьковскомъ университетѣ; назначенъ былъ въ Архангельскую губернію въ г. Кемь; но такой службой не воспользовался, а въ замѣнъ того сражался въ 1830 г. съ холерою въ Харьковѣ и Кременчугѣ. Затѣмъ былъ адъюнктомъ по каѳедрѣ анатоміи въ Харьковскомъ университетѣ и даже замѣнялъ профессоровъ по разнымъ предметамъ; но при введеніи устава 1835 г. пониженъ въ прозектора анатоміи. Былъ онъ въ Харьковѣ и инспекторомъ врачебной управы. Въ 1839 г. провелъ нѣкоторое время внѣ учебной службы; но къ концу года назначенъ въ Виленскую медико-хирургическую академію.

Каѳедры замѣщались легко; но число ихъ, назначенное по уставу, далеко недостаточно. Въ числѣ 10 каѳедръ медицинскаго факультета была и такая, въ которой совмѣщено четыре столь различныхъ науки, каковы напр. судебная медицина и ветеринарное искусство. Это именно каѳедра государственнаго врачебновѣдѣнія. Нѣтъ сомнѣнія, что одинъ преподаватель не могъ выполнить всѣхъ задачъ этой каѳедры, тѣмъ болѣе, что онъ долженъ былъ читать не однимъ медикамъ, но и юристамъ.

Въ маѣ 1843 г. профессоръ Леоновъ подалъ такой рапортъ въ совѣтъ: въ наступающемъ академическомъ году предметы, составляющіе каѳедру государственнаго врачебновѣдѣнія, будутъ излагаемы въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Полиція медицинская, сводъ законовъ врачебнаго управленія, наука о повальныхъ болѣзняхъ домашнихъ животныхъ и полиція ветеринарная для студентовъ медицинскаго факультета III курса и для юристовъ IV-го будутъ излагаемы 1-е полугодіе 4 раза въ недѣлю, а во 2-е полугодіе одинъ разъ. 2) Гигіена и діэтетика 2 раза въ недѣлю для студентовъ III-го курса медицинскаго и юридическаго факультетовъ въ 1-е полугодіе. 3) Судебная медицина теоретическая и практическая будетъ излагаема студентамъ юридическаго факультета во 2-е полугодіе 3 раза въ недѣлю; но какъ основательное изученіе этого предмета требуетъ нѣкоторыхъ весьма краткихъ предварительныхъ свѣдѣній „изъ антропотоміи, физіологіи и даже паѳологіи", то Леоновъ проситъ совѣтъ Университета, дозволить ему въ зимніе мѣсяцы заняться со своими слушателями одинъ разъ въ недѣлю по мѣрѣ надобности въ анатомическомъ театрѣ. Судебная медицина студентамъ медицинскаго факультета, читана въ IV и V курсахъ, отдѣльно отъ изложенія этого предмета, для юри-

стовъ. Изъ вышеизложеннаго очевидно, что занятія по каѳедрѣ государственнаго врачебновѣдѣнія ежегодно до конца совершеннаго развитія курсовъ медицинскаго факультета будутъ пріобрѣтать весьма значительную сложность; почему онъ проситъ совѣтъ Университета походатайствовать у высшаго начальства о назначеніи адъюнкта, необходимаго для полнаго изложенія предметовъ этой каѳедры. Попечитель входилъ съ представленіемъ о томъ къ управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія. Но управлявшій министерствомъ 3-го сентября 1843 года увѣдомилъ, что онъ съ своей стороны признаетъ полезнымъ изъ предметовъ, составляющихъ эту каѳедру, чтеніе ветеринарной медицины поручить особому преподавателю. Впрочемъ лишь въ то время, когда чтеніе всѣхъ предметовъ порученной Леонову каѳедры, возъимѣетъ свое дѣйствіе, онъ предоставляетъ совѣту Университета относительно порученія преподаванія ветеринарной медицины особому адъюнкту, войти съ новымъ представленіемъ. Если-же и за отдѣленіемъ упомянутаго предмета отъ другихъ входящихъ въ кругъ обязанности профессора врачебнаго законовѣдѣнія, преподаватель будетъ затрудняться въ чтеніи судебной медицины студентамъ юридическаго факультета, то товарищъ министра народнаго просвѣщенія предоставляетъ на основаніи § 34 устава Университета св. Владиміра ходатайствовать о порученіи этого предмета кому-либо изъ имѣющихъ ученую степень съ присвоеніемъ ему званія доцента, или одному изъ состоящихъ при Университетѣ преподавателей *). Такимъ образомъ дѣло это отложено было въ долгій ящикъ.

Съ 22-го іюля 1847 г. каѳедра государственнаго врачебновѣдѣнія пріобрѣла адъюнкта въ лицѣ *Хр. Як. фонъ-Гюббенета.*

Возвращаясь къ первоначальному замѣщенію основныхъ каѳедръ факультета, находимъ, что каѳедра общей терапіи замѣщена 20 января 1843 г., назначеніемъ, въ качествѣ экстра-ординарнаго профессора, доктора медицины *Беккера,* бывшаго предъ тѣмъ врачемъ при Алатырской удѣльной конторѣ. Многіе изъ упомянутыхъ выше ученыхъ пріобрѣтали степень доктора въ Дерптѣ, но первоначальное медицинское образованіе получили въ другихъ университетахъ. Беккеръ былъ первый у насъ медикъ — профессоръ изъ Дерптскихъ воспитанниковъ въ собственномъ смыслѣ.

*) Дѣло совѣта 1843 г. № 98.

Изъ предыдущаго видно, что многія изъ этихъ назначеній въ медицинскомъ факультетѣ состоялись еще до изданія устава 1842 г. По изданіи этого устава оказалось, что нѣкоторыя каѳедры, на которыя назначены профессора, организованы совсѣмъ иначе. Съ трудомъ и проволочками каѳедры распредѣлялись по спеціальностямъ профессоровъ, особенно между Мирамомъ и Козловымъ.

Н. И. Козловъ укрѣпился на каѳедрѣ физіологической анатоміи. Но 7-го мая 1843 г. министръ назначилъ *А. П. Вальтера* исправляющимъ должность адъюнкта по той-же каѳедрѣ. Тогда г. Козловъ вошелъ съ рапортомъ, прося разъяснить, долженъ-ли онъ оставаться на этой каѳедрѣ, поручая Вальтеру, какъ адъюнкту, только нѣкоторыя части той-же науки, или предоставить всю каѳедру Вальтеру, а самому перейти на каѳедру анатоміи больнаго человѣка. Попечитель не разрѣшилъ этого вопроса, за неимѣніемъ въ виду мнѣнія медицинскаго факультета о способности Вальтера занимать самостоятельную каѳедру. Что касается до самаго Вальтера, то назначеніе состоялось при слѣдующихъ условіяхъ:

Въ 1843 году онъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ прошеніемъ объ опредѣленіи его въ должность адъюнкта по каѳедрѣ физіологической анатомія въ Университетѣ св. Владиміра. Министръ получилъ весьма удовлетворительныя свѣдѣнія о познаніяхъ и способностяхъ Вальтера, читавшаго для опыта въ присутствіи членовъ временнаго медицинскаго комитета лекцію по сказанному предмету, опредѣливъ его въ Университетъ св. Владиміра исправляющимъ должность адъюнкта, поставилъ ему въ обязанность приложить все стараніе поспѣшить пріобрѣтеніемъ докторской степени *). А. П. Вальтеръ и поспѣшилъ-было, но дѣло замедлилось не по его винѣ, а по тогдашнимъ условіямъ о промежуточныхъ срокахъ между пріобрѣтеніемъ ученыхъ медицинскихъ степеней. Въ мартѣ 1844 г. совѣтъ ходатайствовалъ о дозволеніи Вальтеру держать экзаменъ на степень доктора въ томъ году, т. е. чрезъ три года, со времени полученія имъ лѣкарскаго званія, вмѣсто 4-хъ лѣтъ, какъ положено § 20 правилъ испытанія медицинскихъ, ветеринарныхъ и фармацевтическихъ чиновниковъ. Министръ народнаго просвѣщенія, 19 мая, отвѣчалъ, что онъ

*) Дѣло совѣта 1843 г. № 100.

считаетъ себя не въ правѣ дать такое дозволеніе, которое было-бы не согласно съ существующимъ узаконеніемъ *).

Такимъ образомъ къ началу 1843 — 44 учебнаго года личный составъ медицинскаго факультета получилъ почти полную организацію, между тѣмъ какъ начинался только III-й курсъ медицинскихъ наукъ въ Университетѣ св. Владиміра. Въ засѣданіи 7 мая 1843 г. совѣтъ, принимая во вниманіе, что въ этомъ Университетѣ совершенно образовался медицинскій факультетъ и что въ немъ могутъ испытываться лица, ищущія медицинскихъ званій и степеней, опредѣлилъ: сдѣлать объ этомъ публикаціи посредствомъ объявленія въ губернскихъ вѣдомостяхъ Кіевской, Волынской, Подольской, Херсонской, Черниговской, Полтавской, Витебской, Гродненской и Виленской губерній **).

Въ слѣдующіе за тѣмъ года совершалось лишь пополненіе состава преподавателей новыми лицами. 22-го іюня 1843 г. состоялось Высочайшее повелѣніе отправить доктора медицины *С. П. Алферьева* въ чужіе края для усовершенствованія во врачебныхъ наукахъ на счетъ московской медико-хирургической академіи. Къ концу 1845 г. докторъ Алферьевъ, возвратившись изъ чужихъ краевъ, по распоряженію Уварова прочиталъ 9-го января 1846 г. испытательную лекцію „объ отношеніи патологической анатоміи къ частной терапіи“ въ присутствіи членовъ временнаго медицинскаго комитета, многихъ врачей и другихъ посѣтителей. Такъ какъ онъ съ совершеннымъ успѣхомъ удовлетворилъ требованіямъ предложенной ему задачи, то временный медицинскій комитетъ призналъ его достойнымъ къ занятію вакантной въ Университетѣ св. Владиміра каѳедры патологіи. Министръ 17-го января опредѣлилъ его исправляющимъ должность ординарнаго профессора въ Университетѣ св. Владиміра по этой каѳедрѣ ***).

Медицинскій факультетъ имѣлъ еще то преимущество предъ прочими, что на этомъ факультетѣ болѣе удачно испробованъ и институтъ доцентства, который оставался недѣйствующимъ по всѣмъ остальнымъ факультетамъ, хотя условія пріобрѣтенія званія доцента медиками были тогда не ясны для самаго совѣта, какъ оказалось изъ дѣла

*) Дѣло совѣта 1844 г. № 63.

**) Тамъ-же, 1843 г. № 86.

***) Тамъ-же, 1846 г. № 42.

доктора Кожевникова въ 1846 г.; это и понятно, такъ какъ въ уставѣ сказано, что доцентъ долженъ имѣть степень *магистра* или *доктора*, а первой изъ этихъ степеней на медицинскомъ факультетѣ не полагается; вторая-же не соотвѣтствуетъ докторству прочихъ факультетовъ. Въ данномъ случаѣ дѣло шло о *лѣкарѣ*. Еще въ 1845 г. совѣтъ Университета св. Владиміра просилъ ходатайства попечителя *о дозволеніи* помощнику прозектора Кожевникову *защищать публичную диссертацію для пріобрѣтенія званія доцента*. Лишь 18-го января 1846 г. попечитель увѣдомилъ, что на основаніи §§ 34 и 35 устава Университета св. Владиміра, а также по бывшимъ уже примѣрамъ, *лѣкарь I-го отдѣленія* Кожевниковъ имѣетъ право на полученіе званія доцента, а потому онъ, попечитель, предоставляетъ совѣту Университета сдѣлать распоряженіе о допущеніи его къ защищенію диссертаціи pro venia legendi *).

Выше было представлено объясненіе того факта, что въ медицинскомъ факультетѣ не встрѣтилось затрудненія въ замѣщеніи каѳедръ. Но справедливость требуетъ прибавить, что для объясненія того-же явленія есть и другая сторона въ дѣлѣ. Мало того, чтобы были готовыя силы для занятія каѳедръ, надо, чтобы преподавательская дѣятельность обладала силою привлеченія, чтобы люди, посвятившіе себя ей, покрайней мѣрѣ обезпечены были со стороны насущнаго содержанія. Между тѣмъ какъ профессора другихъ факультетовъ должны были довольствоваться жалкимъ жалованіемъ по штату 1842 года,— преподавателямъ медицинскаго факультета открывалась возможность дополненія его между прочимъ другими должностями. Мы упоминали уже о назначеніи Хр. Як. Гюббенета, именно: Бибиковъ 12-го августа 1847 года увѣдомилъ попечителя (Траскина), что министръ народнаго просвѣщенія назначилъ въ Университетъ св. Владиміра адъюнктомъ доктора медицины фонъ-Гюббенета, врача VI округа вѣдомства главнаго управленія путей сообщенія. 14-го сентября того-же года, Гюббенетъ, еще не бывши въ Кіевѣ, обратился къ военно-медицинскому начальству съ просьбою объ опредѣленіи его, сверхъ должности при Университетѣ, для практическихъ занятій въ Кіевскій воен-

---

*) Дѣло совѣта 1846 г. № 150.

ный госпиталь. Хотя начальство и запрашивало совѣтъ, не встрѣчается-ли къ тому препятствій, но лишь для соблюденія обычной формы. Гюббенетъ явился въ Кіевъ сразу въ двухъ должностяхъ — адъюнкта и младшаго ординатора.

Главнымъ-же дополненіемъ средствъ содержанія для медиковъ явилась, конечно, медицинская практика.

Что касается до вспомогательныхъ предметовъ, то такими для студентовъ медиковъ служили почти всѣ предметы разряда естественныхъ наукъ на II-мъ отдѣленіи философскаго факультета. Но, сверхъ того, нашелся предметъ и на I-мъ отдѣленіи философскаго факультета, который медики признали необходимымъ включить въ число обязательныхъ вспомогательныхъ предметовъ по своему факультету. Именно, совѣтъ Университета св. Владиміра, вслѣдствіе представленія медицинскаго факультета, 30-го іюня 1843 г., просилъ разрѣшенія попечителя, чтобы студенты медицинскаго факультета въ первыя четыре полугодія по два часа въ недѣлю слушали лекціи латинскаго языка у профессора этого предмета по I-му отдѣленію философскаго факультета Деллена, и чтобы въ слѣдующія четыре полугодія они упражняемы были практически въ латинскомъ языкѣ профессоромъ медицинскаго факультета Мирамомъ; въ послѣднія два полугодія они должны быть освобождены отъ слушанія латинскаго языка; ежегодно изъ свободныхъ экономическихъ суммъ Университета нужно отчислять 240 руб. сер. для вознагражденія за этотъ трудъ означенныхъ профессоровъ. Предположеніе Университета объ усиленіи занятій студентовъ медицинскаго факультета латинскимъ языкомъ попечитель нашелъ полезнымъ и предоставилъ совѣту привести его въ исполненіе, возложивъ преподаваніе латинскаго языка и практическія упражненія въ немъ на орд. пр. Мирама и эк.-орд. пр. Деллена. Но на счетъ вознагражденія попечитель увѣдомилъ совѣтъ, что по недавности утвержденія штата Университета св. Владиміра онъ находитъ неудобнымъ ходатайствовать о разрѣшеніи дополнительнаго расхода на вознагражденіе профессоровъ за упражненія медицинскихъ студентовъ въ латинскомъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что подобной статьи расхода не положено въ штатѣ ни одного Университета; онъ полагалъ, что медицинскіе студенты, пользуясь лекціями профессоровъ, имѣютъ полную возможность успѣвать столько въ латинскомъ языкѣ, сколько сами пожелаютъ (?),

и что посему даже нѣтъ достаточнаго основанія испрашивать особую сумму на вознагражденіе профессоровъ за упражненіе этихъ студентовъ въ латинскомъ языкѣ *).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дѣятельность профессоровъ.

Въ предыдущихъ главахъ мы уже ознакомились съ коллективною дѣятельностію профессоровъ въ совѣтѣ и факультетахъ; ею опредѣляется вся внутренняя жизнь Университета со стороны административной, учебной и хозяйственной. Если-бы собрать всѣ правила, инструкціи, проэкты, положенія и пр., составленные за это время совѣтомъ и факультетами, то образовались-бы многіе и грузные томы, — и все это исполнено съ такою внимательностію, подробностями, обстоятельностію, что лишь удивляешься, какъ доставало времени на то.

Теперь обратимся къ главной дѣятельности профессоровъ личной, какъ постоянной и обязательной, такъ и добровольной и временной. Здѣсь на первомъ мѣстѣ, стоитъ преподаваніе, какъ по времени употребляемому для этой цѣли, такъ и по содержанію дѣятельности; далѣе сюда-же включаемъ мы экзамены на высшія ученыя степени, какъ съ активной, такъ и съ пассивной ихъ стороны. Здѣсь выразилась, преимущественно, учено-продуктивная способность Университета въ образованіи новыхъ ученыхъ силъ. Потомъ внѣ каѳедры и экзаменовъ, по большею частію въ связи съ этими послѣдними, профессорамъ предстояла кабинетная ученая дѣятельность; прежняя обязательность ея ослаблялась все болѣе и болѣе; внѣшнія условія этого рода дѣятельности становились все затруднительнѣе особенно въ сферѣ гуманныхъ наукъ; тѣмъ не менѣе и теперь этотъ родъ дѣятельности нельзя назвать ничтожнымъ. Иногда въ связи съ обязанностями каѳедры, иногда независимо отъ нихъ совершались командировки и ученыя экспедиціи, въ то время далеко не такъ частыя и не имѣвшія значенія отдохно-

---

*) Дѣло совѣта 1843 г. № 77.

веній и такъ сказать передышки среди непрерывнаго и однообразнаго труда (столь однако необходимыхъ для самаго успѣха труда); командировка представляла также нешуточный трудъ, особенно въ каникулярное время. Наконецъ экономическія условія быта профессоровъ принуждали ихъ къ постороннимъ занятіямъ, иногда вреднымъ для университетской дѣятельности и не приносившимъ чести.

Преподаваніе. По общему уставу 1835 г. профессоръ долженъ имѣть не менѣе 8-ми лекцій въ недѣлю. Льгота въ этомъ отношеніи предоставлялась только ректору, который могъ имѣть половинное число лекцій, но чтобы не было упущеній въ курсѣ его предмета, недостающее число лекцій возлагается на адъюнкта. Эта обязанность 8-часоваго преподаванія изложена въ уставѣ 1842 г. въ смягченной формѣ: совѣтъ *имѣетъ право требовать,* чтобы каждый изъ профессоровъ занимался преподаваніемъ не менѣе 8 часовъ. Отсюда слѣдуетъ, что совѣтъ можетъ и не требовать такого количества лекцій, если не находитъ того нужнымъ. Но мы увидимъ, что попечитель и министръ толковали этотъ параграфъ въ смыслѣ устава 1835 г., т. е. въ смыслѣ непремѣнной обязательности. За то для ректора, по уставу Университета св. Владиміра, предоставлено менѣе льготъ, а именно: „облегченіе занятій его по части преподаванія можетъ быть допущено только въ томъ случаѣ, если эта мѣра не повредитъ успѣхамъ его слушателей“.

Однако Университетъ не сразу подчинился такимъ требованіямъ устава. Въ росписаніи лекцій на первый годъ существованія Университета св. Владиміра по новому уставу профессора оставили за собою большею частію то количество лекцій, какое имѣли при прежнемъ уставѣ (Новицкій—6 ч., Нейкирхъ—7½ ч., Делленъ—5½ ч., Ставровскій—6½ ч., Домбровскій—6 ч., Авсеневъ—4 ч., Костырь—6 ч. и т. д. Только Траутфеттеръ читалъ 9½ часовъ, Дьяченко—9 час. Ректоръ Неволинъ взялъ себѣ 4 часа). Впослѣдствіи, назначая часы Максимовичу, приглашенному преподавателемъ по найму, попечитель въ оффиціальной бумагѣ писалъ (и не въ видѣ упрека), что совѣтъ обыкновенно назначаетъ профессорамъ не по 8 час. въ недѣлю. Дѣйствительно и по росписанію 1843 года читали: Новицкій 6 ч., Авсеневъ 5 ч., Нейкирхъ 7 час., Страшкевичъ 7½ час., Делленъ 6 час., Ставровскій—исторію—5 ч., политическую экономію и статистику 1½

час., Костырь (философскую грамматику, теорію поэзіи и разборъ сочиненій) $5^1/_2$ ч., исторію русской литературы 2 час.; всего-же $7^1/_2$ часовъ, Домбровскій (для I-го отдѣленія философскаго факультета)—3 ч., Ѳедоровъ (ректоръ)—тригонометрію 2 час., теоретическую астрономію 2 ч., практическую астрономію 2 ч., всего 6 ч., Траутфеттеръ занималъ 10 ч.; но онъ сверхъ ботаники преподавалъ и геогнозію; Дьяченко 8 ч., Фонбергъ 6 ч., Александръ Н. Тихомандрицкій 6 час., Кесслеръ 6 час.; медики также преподавали не болѣе 6 часовъ. Въ послѣдующіе годы число часовъ чтеній постепенно входило въ норму, назначенную по уставу, иногда спеціальнымъ принудительнымъ распоряженіемъ со стороны самаго министерства; такъ мы видѣли, что министръ не утвердилъ іеромонаха Ѳеофана адъюнктомъ по каѳедрѣ философіи, потому что профессоръ философіи Новицкій читаетъ не 8 часовъ.

Такъ какъ въ то время были вступительные экзамены почти для всѣхъ поступающихъ въ студенты и пріемъ былъ два раза въ годъ, то, разумѣется лекціи не могли быть начинаемы съ самаго открытія семестра. По общему уставу Университета, имѣвшему въ этомъ отношеніи обязательную силу и для Университета св. Владиміра, лѣтнія каникулы кончались 22 іюля, зимніе 12 января. Съ этихъ дней должны были начинаться и лекціи.

Но лекціи въ 1-мъ полугодіи начинались не ранѣе второй половины сентября, а иногда и гораздо позже. Въ 1843 г. 21-го сентября попечитель (кн. Давыдовъ) весьма грозно писалъ на имя ректора: „Предлагаю в. в—родію распорядиться, чтобы чтеніе лекцій, не взирая ни на какія препятствія, непремѣнно начиналось съ завтрашняго числа, *не взирая ни на какія предварительныя распоряженія, которыя должны быть уже окончены прежде*". Подчеркнутыя слова онъ приписалъ собственноручно *). Во 2-мъ полугодіи ректоръ 13 января увѣдомилъ, что съ завтрашняго числа лекціи должны быть начаты. Но начались-ли онѣ въ дѣйствительности—Богъ вѣсть. По уставу каникулы начинались—лѣтніе 10 іюня, зимніе 20 декабря, а стало быть и лекціи должны были продолжаться до этихъ терминовъ. Но прак-

---

*) Дѣло совѣта 1843 г. № 101,

тика тотчасъ установила льготные сроки, посвященные экзаменамъ: окончательнымъ и полугодичнымъ (для казеннокоштныхъ). Впрочемъ послѣдніе большею частію не мѣшали продолженію лекцій до 20 декабря. Такимъ образомъ все вакаціонное время въ году тогда занимало лишь 64 дня (лѣтомъ 42 и зимою 22).

Къ концу 40-хъ годовъ особенно строго начали наблюдать, чтобы количество часовъ, занятыхъ преподаваніемъ, не уменьшалось. Въ 1847 году свирѣпствовала въ Кіевѣ холера; лекціи не были прекращены, но преподаваніе значительно разстроилось. Поэтому 26 ноября попечитель прислалъ запросъ въ совѣтъ, какимъ образомъ полагаетъ совѣтъ вознаградить потерянное время, чтобы можно было засчитать студентамъ семестръ? Совѣтъ вмѣнилъ профессорамъ въ обязанность къ 10 іюня будущаго (1848) года окончить все, что́ слѣдовало прочесть, предоставивъ имъ для этого избрать одинъ изъ слѣдующихъ двухъ способовъ: или 1) увеличить число лекцій, или 2) читать непрерывно до конца полугодій (до 20 декабря и 10 іюня), т. е. читать лекціи и во время экзаменовъ, кромѣ часовъ, назначенныхъ для производства испытаній; адъюнкты-же освобождаются отъ лекцій только въ тѣ часы, когда происходитъ экзаменъ по ихъ предмету.

По мѣрѣ того, какъ мѣры принужденія усиливались, ревность къ дѣйствительному исполненію преподавательской обязанности ослабѣвала, такъ что, наконецъ, въ эпоху наибольшей грозы—съ 1849 г., нѣкоторые профессора, особенно медицинскаго факультета, прочитывали двѣ-три лекціи въ полугодіе. Въ началѣ-же описываемой эпохи такихъ рѣзкихъ отступленій отъ преподавательской обязанности еще не встрѣчалось; напротивъ встрѣчались примѣры чрезмѣрнаго рвенія и точности въ этомъ отношеніи.

Переходя къ изображенію преподавательской дѣятельности по ея *содержанію и достоинству*, мы должны сказать объ источникахъ свѣдѣній по этому предмету, такъ какъ здѣсь всего болѣе грозитъ опасность пристрастій и ошибокъ. Между тѣмъ самая важная и интересная часть исторіи Университета есть именно исторія науки, какъ она отражалась въ теченіи десятилѣтій въ профессорскихъ лекціяхъ. Русская наука большею частію и создавалась этимъ путемъ и потому подобныя свѣдѣнія важны не только для исторіи распространенія, но и для исторіи творчества науки.

Такія свѣдѣнія, болѣе или менѣе достовѣрныя, можно извлечь, кромѣ печатныхъ руководствъ, изданныхъ профессорами, изъ ежегодныхъ отчетовъ, которые къ концу 40-хъ годовъ дѣлаются все подробнѣе и обстоятельнѣе. Правда, вполнѣ полагаться на нихъ отнюдь нельзя, какъ и на всякіе оффиціальные отчеты, особенно по мѣрѣ приближенія къ грозному 1849 году; въ нихъ нерѣдко выдавалось желаемое и идеальное за дѣйствительно совершонное. Но въ нихъ съ полною яркостію отражается, по крайней мѣрѣ, взглядъ преподавателя на свою науку, уясняется, какое преподаваніе ея онъ считалъ наилучшимъ.

Есть еще способъ ознакомиться съ содержаніемъ преподаванія временъ минувшихъ, именно—рукописныя и литографированныя записки студентовъ, эти грустные посмертные останки минувшей университетской жизни. Это, повидимому, уже дѣйствительность, большею частію сѣренькая и неприглядная, въ противоположность отчетамъ, выражающимъ казовую, парадную сторону дѣла. Но здѣсь ожидаетъ историка другая опасность впасть въ противоположную ошибку; записки, какъ извѣстно, выражаютъ не то, что̀ излагалъ преподаватель, а то, что показалось студенту въ его изложеніи. Массы грубыхъ погрѣшностей противъ азбуки науки, какими онѣ обыкновенно наполнены, служатъ тому доказательствомъ и было-бы недобросовѣстно приписывать ихъ всегда самимъ преподавателямъ. Однако разграниченіе въ запискахъ того, что̀ принадлежитъ студенту и что̀ преподавателю, представляетъ иногда непреодолимую трудность. Нѣкоторыя изъ записокъ, дошедшихъ до насъ отъ того времени, представляютъ до такой степени правильное и талантливое изложеніе науки, что и теперь, будучи изданы, онѣ явились-бы полезными и даже выдающимися курсами науки. Это въ особенности нужно сказать о запискахъ по каѳедрѣ С. О. Богородскаго и по нѣкоторымъ частямъ курса Н. Д. Иванишева.

Положиться въ этомъ отношеніи на воспоминанія старожиловъ—нельзя; воспоминанія сообщаетъ одинъ, много двое или трое, которыхъ память и личныя отношенія могутъ совершенно измѣнить дѣло.

Изъ личныхъ впечатлѣній свидѣтелей того времени, одно, принадлежащее человѣку, который самъ былъ тогда профессоромъ, мы привели выше. Шульгинъ, примыкавшій къ кружку молодыхъ и либеральныхъ преподавателей, воздаетъ честь этому кружку, добавляя,

впрочемъ, что и прежніе, старшіе профессора оживились, потянулись въ слѣдъ за молодежью. Съ другой—студенческой стороны выразилъ почти тоже А. В. Романовичъ-Славатинскій, который, сказавъ, что Н. Д. Иванишевъ „не пользовался между слушателями ни популярностію, ни вліяніемъ на нихъ", продолжаетъ: „онъ (Иванишевъ) былъ слишкомъ занятъ своими славянскими законодательствами, своимъ польско-литовскимъ правомъ, своими актами юго-западной исторіи, чтобы пропагандировать какія-нибудь идеи, чтобы протестовать, хоть намеками, противъ тогдашняго порядка вещей. А этого алкали его болѣе развитые слушатели. Поэтому на нашей студенческой биржѣ высоко стояли фонды только профессоровъ—пропагандистовъ, слѣдовавшихъ космополитическимъ и гуманнымъ идеямъ сороковыхъ годовъ—идеямъ протеста противъ тогдашняго порядка вещей. Глубоко національный, Иванишевъ всегда оставался чуждымъ этимъ идеямъ. Наши кумиры были въ его глазахъ „не святыми, лепящими горшки". Мы знаемъ, какъ онъ относился къ властителю думъ нашего поколѣнія, Грановскому. Онъ не сочувствовалъ страстнымъ статьямъ Бѣлинскаго, не давалъ себѣ труда вникнуть въ смыслъ пропаганды автора „Записокъ доктора Крупова" *) и т. д.

Когда такимъ образомъ два поколѣнія преподавателей, къ концу сороковыхъ годовъ разошлись по двумъ разнымъ направленіямъ, то можно уже заранѣе судить, на чьей сторонѣ будетъ сочувствіе массы слушателей; а слушатели, дѣлая оцѣнку ихъ только „по направленію", не могли уже, да едвали и вообще были въ состояніи дать правильную оцѣнку преподаванію по силѣ внутренняго, научнаго достоинства его.

Впрочемъ это замѣчаніе можетъ быть принято не безъ оговорокъ, потому что прежніе корифеи Университета въ сороковыхъ годахъ далеко еще не устарѣли и не потеряли въ глазахъ слушателей своей упроченной славы и вліянія; при томъ-же и слушатели далеко не всѣ лишены были способности отличать науку отъ „направленія".

Обращаясь къ частному обзору преподаванія по факультетамъ и каѳедрамъ, мы принуждены ограничиться свѣдѣніями о томъ, *что́* преподавали, отказываясь большею частію отъ опредѣленія того, *какъ* преподавали.

---

*) „Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванишева", стр. 117—118.

На *I-мъ отдѣленіи философскаго факультета.*

I. *По каѳедрѣ философіи* ординарный профессоръ Новицкій преподавалъ:

1) *Исторію философіи* по собственнымъ запискамъ, руководствуясь сочиненіями Гегеля, Риттера, Зигварта и Целлера. Во введеніи онъ обращалъ вниманіе на главныя направленія философствующей мысли, опредѣляемыя законами самой мысли и именно: системы объективныя: дуализмъ, матеріализмъ, спиритуализмъ, теизмъ, реализмъ, идеализмъ и систему тождества; системы подлежательныя: эмпиризмъ, раціонализмъ, скептицизмъ, сенсуализмъ, философію логическаго разсудка, философію чувства, умственное созерцаніе. Всѣ эти направленія онъ разсматривалъ не только со стороны ихъ происхожденія и содержанія, но и со стороны ихъ достоинства и недостатковъ. Въ планѣ исторіи философіи были не только синтетически установлены эпохи и періоды ея съ цѣлью потомъ оправдать фактически въ самомъ изложеніи ея содержанія, но и установлены тѣ точки, съ которыхъ должно смотрѣть на постепенное развитіе и внутреннюю связь философскихъ ученій.

2) *Опытную психологію* по 6 часовъ въ недѣлю по собственному руководству, напечатанному въ 1840 году. Послѣ общихъ понятій объ этой наукѣ, преподаватель излагалъ ученіе о различіи между бытіемъ тѣлеснымъ и духовнымъ, о различныхъ сторонахъ человѣческой природы: тѣлѣ, жизненной силѣ и душѣ, о матеріализмѣ (съ опроверженіемъ его), о мѣстопребываніи души, объ основныхъ свойствахъ ея, о ея способностяхъ вообще и въ частности.

3) *Логику* О. М. Новицкій излагалъ по собственному руководству, изданному въ 1841 году; слѣдовательно, общее содержаніе его чтеній по этой наукѣ не требуетъ дальнѣйшихъ указаній. Внѣшняя блистательная манера изложенія этого профессора и его вліяніе на студентовъ, были указаны выше. Репетиціи дѣлаемы были имъ по два или по три раза въ мѣсяцъ въ часы, назначенные для преподаванія предметовъ; на каждую употреблялъ онъ по одному часу. Въ теченіи года всѣхъ ихъ бывало около 15. Замѣчая недостатокъ въ книгахъ на русскомъ языкѣ, необходимыхъ для успѣшнаго преподаванія философіи въ Университетѣ, профес. Новицкій постоянною цѣлью своихъ занятій поставлялъ сочиненіе руководствъ.

II. *По каѳедрѣ греческой словесности и древностей:* 1) Объясняемы были орд. профес. Нейкирхомъ *греческіе классики*, а именно: для студентовъ 2-го курса Гомеръ и Ксенофонтъ; для студентовъ 3-го и 4-го курсовъ Софоклъ. Изложивъ подробныя свѣдѣнія объ этихъ писателяхъ, необходимыя для разумѣнія ихъ сочиненій, преподаватель переводилъ на латинскій языкъ и объяснялъ изъ Софокла одну цѣльную трагедію (напр. Антигону), изъ Ксенофонта обыкновенно первыя главы Анабазиса; изъ Гомера одну какую-либо пѣснь Иліады. Репетиціи дѣлаемы были въ началѣ каждой лекціи; онѣ состояли въ переводѣ, а иногда въ краткомъ изложеніи пройденнаго въ предыдущую лекцію.

2) *Начальныя основанія греческаго языка* излагаемы были ад. Страшкевичемъ на латинскомъ языкѣ по 6-ти часовъ въ недѣлю. Слѣдуя руководствамъ Буттмана и Бюрнуфа, преподаватель проходилъ грамматику и переводилъ съ греческаго на русскій языкъ, съ грамматическимъ разборомъ, первый курсъ изъ учебной книги Якобса. На репетиціи употребляемо было по получасу при каждой лекціи.

III. *По каѳедрѣ римской словесности и древностей:* 1) *Исторію римской словесности* экс.-орд. проф. Делленъ излагалъ на латинскомъ языкѣ, по собственнымъ тетрадямъ, придерживаясь сочиненій Фр. Пассова и Бэра.

2) *Римскія древности* тѣмъ-же профессоромъ, излагаемы были на латинскомъ языкѣ. При составленія записокъ по этому предмету, преподаватель руководствовался сочиненіемъ Шаффа (Schaaff), переработаннымъ Германомъ и изданнымъ Шинкомъ. Кромѣ общаго введенія въ науку, онъ излагалъ географію римской имперіи во время Августа и топографію Рима.

3) *Латинскій языкъ* преподавалъ тотъ-же профессоръ. Для перевода съ латинскаго языка на русскій онъ избиралъ преимущественно Теренція, Тацита и Квинтиліана. При упражненіи въ латинскомъ слогѣ употребляема была вторая часть практическаго руководства, составленнаго Бѣлюстинымъ. Профессоръ Делленъ производилъ частныя репетиціи въ началѣ каждой лекціи; сверхъ того въ концѣ каждаго полугодія, употреблялъ нѣсколько лекцій для повторенія пройденнаго.

4) *Грамматическія правила латинскаго языка* преподавалъ адъюнктъ Страшкевичъ на русскомъ языкѣ по руководству Кребса. Изло-

живъ важнѣйшія статьи синтаксиса, преподаватель переводилъ и объяснялъ обыкновенно Цицерона. На репетиціи употребляемо было при каждой лекціи около получаса.

IV. *По каѳедрѣ русской словесности и исторіи русской литературы:* 1) *Теорію прозы* преподавалъ ад. Костырь по собственнымъ запискамъ. Преподаватель находилъ нужнымъ дѣлать частыя измѣненія въ курсѣ, какъ въ общей, такъ и въ особенной части этой науки. Костырь руководствовался преимущественно идеями Канта, изложенными въ его „Критикѣ чистаго разума". Въ особенной части теорія прозы дополнялась у него критическимъ анализомъ образцовъ изъ сочиненій Карамзина, Жуковскаго и Гоголя. Репетиціи дѣланы были въ концѣ каждаго полугодія: на нихъ употребляемо было до 6-ти часовъ.

2) *Исторію русскаго языка* излагалъ тотъ-же адъюнктъ Костырь по собственнымъ запискамъ, составленнымъ на основаніи памятниковъ отечественной литературы, руководствуясь при этомъ сочиненіями Бернгарда (Bernhardy), Мильгаузера и Маттіэ.

4) *Критическимъ разборомъ образцовыхъ русскихъ писателей* занималъ тотъ-же Костырь, пользуясь преимущественно критическими статьями Жуковскаго, Плетнева и Никитенко. Проходились между прочимъ слѣдующія статьи: 1) общія начала литературной критики, составляющія основаніе или введеніе къ этому курсу; 2) историческое обозрѣніе критики русской съ 1815 по 1845 годъ; 3) полный разборъ лирической поэзіи Державина.

5) Особый кусъ *исторіи русской литературы* для юристовъ и математиковъ читалъ тотъ-же Костырь, но приноравливая его къ слушателямъ неспеціалистамъ. Руководствуясь мыслію, что русская литература, не смотря на удаленіе русскаго народа отъ образованнаго западнаго міра, въ разработкѣ общихъ идей человѣческихъ шла параллельно съ западомъ, кое-когда предупреждая даже послѣдній, преподаватель старался, при изложеніи главнѣйшихъ памятниковъ нашей литературы принимать въ соображеніе подобнаго-же рода памятники литературы западно-европейской. Такимъ образомъ разобраны были имъ въ древнемъ періодѣ Несторова лѣтопись въ сравненіи съ латинскими хрониками французовъ и нѣмцевъ, Паломникъ Даніила игумена — въ параллели съ паломниками монаховъ нѣмецкихъ XIII и

XIV вв. Туманность содержанія лекцій этого преподавателя, иногда заманчивая для молодежи, но не всегда соединенная съ основательностію и научною точностію, была указана нами выше.

6) *Исторію русской литературы* для студентовъ I-го отдѣленія философскаго факультета съ 1845 г. преподавалъ ад. А. И. Селинъ, руководствуясь, по собственнымъ его показаніямъ, Чтеніями въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей, сочиненіями еп. Филарета и Макарія, пользуясь словарями митр. Евгенія и Бантышъ-Каменскаго и принимая въ соображеніе исторію древней русской словесности Шевырева. Свою основную точку зрѣнія на предметъ Селинъ выразилъ въ тезисахъ своей докторской диссертаціи такъ: „литература есть воспроизведеніе той умственной и общественной среды, въ которой пребываетъ народъ. Существенныя измѣненія литературы совпадаютъ съ эпохами умственнаго и общественнаго образованія. Отъ измѣненія послѣдняго зависитъ положительное направленіе литературы и отрицательное". Курсъ исторіи литературы развивался въ обыкновенномъ хронологическомъ порядкѣ.

Внѣшняя манера изложенія этого профессора была указана въ своемъ мѣстѣ. Въ концѣ полугодія онъ дѣлалъ репетиціи и употреблялъ на нихъ 6 часовъ.

V. *По каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій* преподавалъ, какъ мы знаемъ, одинъ годъ чешскій языкъ ад. Коп. Ѳ. Страшкевичъ по собственнымъ запискамъ, составленнымъ по грамматикѣ Конечнаго. Употребляя по 3 часа въ недѣлю, преподаватель въ теченіи одного полугодія прошелъ всѣ части грамматики чешскаго языка и упражнялъ при томъ своихъ слушателей въ переводахъ съ чешскаго языка на русскій и обратно. Репетиціи дѣлалъ онъ въ началѣ каждой лекціи.

Съ 1847 г. по той-же каѳедрѣ ад. В. Я. Яроцкій преподавалъ по собственнымъ запискамъ: 1) *славянскія древности*, 2) *систему славянской филологіи* (географическо-діалектическое распространеніе славянскихъ нарѣчій въ настоящее время), 3) *разборъ древнѣйшихъ памятниковъ* (судъ Любуши и отрывокъ евангі. Іоанна). При чтеніи лекцій онъ руководствовался изысканіями: Домбровскаго, Востокова, Шафарика, Палацкаго, Копитара и др. На репетиціи въ концѣ каждаго семестра употреблено по 8 часовъ.

VI. *По каѳедрѣ русской исторіи* сначала Домбровскій преподавалъ: 1) *русскую исторію,* 2) *русскія древности* (объ общественномъ бытѣ русскаго народа до Петра Великаго).

О курсѣ Н. И. Костомарова намъ не удалось собрать справокъ; въ отчетѣ онъ кратко заявлялъ, что по 4 часа въ недѣлю онъ преподаетъ русскую исторію по собственнымъ тетрадямъ, руководясь источниками.

Первый курсъ ад. П. В. Павлова для студентовъ-спеціалистовъ состоялъ въ разсмотрѣніи источниковъ русской исторіи, при чемъ онъ руководствовался Старчевскимъ, Аделунгомъ и Востоковымъ („Катал. Рум. музеума"). Но въ особомъ курсѣ для юристовъ и математиковъ по 1 часу въ недѣлю онъ успѣвалъ пройти весь „Обзоръ событій русской исторіи", руководясь сочин. Устрялова и трудами Погодина, Эверса, Рейца, Куника, Неволина, Бѣляева, Калачева, Кавелина, Лешкова, Филарета еписк. Рижскаго, Макарія, Шевырева и др. Первыя изслѣдованія Соловьева тогда только что появились въ печати и вѣроятно потому не вошли въ этотъ каталогъ пособій.

VII. *Всеобщую политическую исторію* преподавалъ экс.-орд. проф. Ставровскій, по собственнымъ запискамъ, пользуясь сочиненіями Гиббона, Людека, Гизо, Авг. Тіерри, Шлоссера, Мишо, Ранке и др. При изложеніи исторіи среднихъ вѣковъ, по его собственному заявленію, особенное вниманіе обращаемо было на исторію средневѣковыхъ государствъ, на внутренній ихъ составъ и устройство, на борьбу духовной власти съ свѣтскою, на происхожденіе и состояніе рыцарства, на борьбу христіанства съ врагами его и результаты этой борьбы для западной Европы. Репетиціи дѣлаемы были въ концѣ каждаго полугодія, на нихъ преподаватель употреблялъ по одной недѣлѣ. Курсъ Ставровскаго вообще не пользовался популярностію и преподаватель, обремененный посторонними занятіями, не могъ посвящать достаточно времени своей преподавательской обязанности и слѣдить за успѣхами науки, хотя по своимъ дарованіямъ и могъ-бы стать въ уровень со своимъ положеніемъ.

VIII. *Статистику европейскихъ государствъ* по особенному порученію преподавалъ, до появленія Вернадскаго, тотъ-же Ставровскій по 3 часа въ недѣлю по собственнымъ тетрадямъ, пользуясь сочиненіями Фалляти, Редена и другихъ. Изложивъ теорію статистики,

преподаватель проходилъ статистику замѣчательнѣйшихъ государствъ Европы по методѣ Бюшинга.

По той-же каѳедрѣ политической экономіи и статистики съ 1848 г. преподавалъ ад. И. В. Вернадскій по собственнымъ запискамъ: 1) *политическую экономію* въ два полугодія по два часа въ недѣлю, придерживаясь въ изложеніи теоріи производства Смита и Шторха, въ изложеніи теоріи экономическаго владѣнія Рикардо, въ ученіи-же о кредитѣ М. Шевалье. Пройдены были тогда слѣдующія части науки: теорія производства и ренты; ученіе о кредитѣ и главныя формы его проявленія. 2) *Статистику* онъ-же преподавалъ въ два полугодія по два часа въ недѣлю. При чтеніи этого предмета, Вернадскій излагалъ законы народонаселенія въ духѣ Мальтуса; главныя положенія медицинской статистики по Виллерме; законы географическаго вліянія по Риттеру,—расоваго по Притчару; значеніе государственной и частной жизни по Миллю. Въ теченіе перваго года его преподаванія онъ прошелъ: законы населенія; законы болѣзненности и смертности; географическія и этнографическія вліянія; формы государственной и частной жизни; главныя матеріальныя связи общества. Репетицій учащимся по обоимъ предметамъ Вернадскій не дѣлалъ; потому что не успѣвалъ, выѣзжая изъ Кіева, напр. для выдержанія докторскаго экзамена въ Москву.

II-е отдѣленіе философскаго факультета.

I. *По каѳедрѣ чистой математики.*

1) *Алгебраическій анализъ* преподавалъ орд. пр. Н. А. Дьяченко по собственнымъ запискамъ придерживаясь преимущественно Коши, Курно, Муаньо, Дюгамеля и Лакроа. Судя по отчетамъ, онъ проходилъ этотъ предметъ въ слѣдующемъ порядкѣ статей: отдѣленіе корней по способу Штурма и Фурье; вычисленіе корней помощью непрерывныхъ дробей, Ньютоновъ способъ вычисленія корней, исправленный Фурье; розысканіе мнимыхъ корней; о симметрическихъ функціяхъ; рѣшеніе уравненій съ нѣсколькими перемѣнными; теорія неопредѣленныхъ коэффиціэнтовъ и ея приложеніе; теорія возвращающихся строкъ; разложеніе раціональныхъ дробей на частныя дроби; о сходимости рядовъ; о функціяхъ подобныхъ и неподобныхъ; радикальное рѣшеніе уравненій 3-й и 4-й степеней; невозможность общаго рѣшенія уравненій въ ра-

дикалахъ; рѣшеніе двучленныхъ уравненій и рѣшеніе неопредѣленныхъ уравненій 1-й и 2-й степени. Репетиціи были производимы въ концѣ полугодія въ дни и часы для чтенія лекцій назначенные.

2) *Дифференціальное и интегральное исчисленія* преподавалъ тотъ же проф. Н. А. Дьяченко по собственнымъ запискамъ, придерживаясь тѣхъ-же авторовъ, по слѣдующему плану: Различныя системы дифференціальнаго исчисленія; понятія о дифференціалѣ и дифференцированіе одного и многихъ перемѣнныхъ количествъ функцій; приложеніе дифференціальнаго исчисленія къ опредѣленію дробей, представляющихся въ видѣ $\frac{0}{0}$, $\frac{\infty}{\infty}$ и проч., употребленіе частныхъ дифференціаловъ при исключеніи произвольныхъ функцій одного и многихъ перемѣнныхъ количествъ; предметъ интегральнаго исчисленія и интегрированіе дифференціальныхъ функцій перемѣнной; условія интегральности и интегрированіе дифференціальныхъ функцій нѣсколькихъ измѣняемыхъ количествъ; общія свойства опредѣленныхъ интеграловъ и главнѣйшіе способы, употребляемые для опредѣленія величины оныхъ; объ Ейлеровыхъ интегралахъ; о кратныхъ интегралахъ и порядкѣ интегрированія; о дифференціальныхъ уравненіяхъ вообще; интегрированіе дифференціальныхъ уравненій перваго порядка съ двумя перемѣнными чрезъ отдѣленіе перемѣнныхъ и чрезъ прінсканіе множителя, дѣлающаго данную дифференціальную функцію полнымъ дифференціаломъ; уравненія Якова Бернулли и Рикатти; интегрированіе дифференціальныхъ уравненій 2-го и высшихъ порядковъ; интегрированіе линейныхъ дифференціальныхъ уравненій; особенныя рѣшенія дифференціальныхъ уравненій и интегрированіе уравненій въ частныхъ дифференціалахъ.

3) *Исчисленія: разностное и варіаціонное* преподавалъ тотъ-же проф. Н. А. Дьяченко по собственнымъ запискамъ, придерживаясь преимущественно Коши, Курно, Муаньо, Дюгамеля и Лакроа. Все предположенное въ программѣ было пройдено, а именно: Понятіе о разности функцій и общіе законы зависимости между функціею и ея разностями; о разностяхъ функцій одного и многихъ измѣняемыхъ количествъ, интерполированіе рядовъ; объ интегрированіи функцій и суммованіи рядовъ. Понятіе о варіаціонномъ исчисленіи; о независимости результата отъ порядка, въ которомъ берется варіація и дифференціалъ, варіація и интегралъ; варіаціи функцій одной и нѣсколькихъ перемѣнныхъ;

варіація простыхъ и кратныхъ интеграловъ; приложеніе варіаціоннаго исчисленія къ нахожденію наибольшихъ и наименьшихъ величинъ. Репетиціи производимы были въ концѣ полугодія.

4) *Аналитическую геометрію* преподавалъ орд. пр. Н. А. Дьяченко по собственнымъ запискамъ, придерживаясь сочиненій Коши и Лероа. Объяснивъ предметъ аналитической геометріи и ея раздѣленіе, преподаватель излагалъ: преобразованіе координатъ на плоскости и его приложеніе къ кривымъ линіямъ 2-го порядка; уравненія замѣчательнѣйшихъ кривыхъ линій; о центрахъ; діаметрахъ кривыхъ линій; о касательныхъ; нормальныхъ линіяхъ и объ асимптотахъ; объ особенныхъ точкахъ; розысканіе площадей и дугъ кривыхъ линій; полярныя уравненія кривыхъ линій 2-й степени; объ эволютахъ и радіусахъ кривизны плоскихъ кривыхъ линій; о точкахъ и прямой линіи въ пространствѣ; о плоскости; преобразованіе координатъ въ пространствѣ и его приложеніе къ поверхностямъ 2-го порядка; о центрахъ и діаметрахъ кривыхъ поверхностей; касательныя плоскости и нормальныя линіи поверхностей; о касательныхъ линіяхъ; нормальныхъ плоскостяхъ; объ эволютахъ и радіусахъ кривизны, кривыхъ въ пространствѣ; о линіяхъ кривизны и радіусахъ кривизны поверхностей; о кривизнѣ поверхностей, розысканіе толстотъ и величины поверхностей *).

5) *Теорію производныхъ функцій уравненій* преподавалъ ис. д. ад. А. А. Дьяченко по собственнымъ запискамъ; придерживаясь преимущественно Коши, Остроградскаго и Лагранжа.

Объяснивъ предметъ математики и ея раздѣленіе, преподаватель прошелъ: о функціи вообще и о различныхъ видахъ функцій; о перемѣнныхъ величинахъ, ихъ раздѣлахъ и величинахъ безконечно малыхъ и безконечно великихъ; о происхожденіи и о значеніи производныхъ функцій разныхъ порядковъ; о розысканіи производныхъ функцій отъ функцій алгебраическихъ и трансцендентныхъ; о признакахъ по которымъ можно узнать, будетъ-ли функція возрастать или уменьшаться, съ возрастаніемъ перемѣннаго количества; о теоремахъ Тейлора и Маклорена; о происхожденіи радикальныхъ величинъ и мнимыхъ выраженій; о значеніи сихъ послѣднихъ; о свойствѣ мнимыхъ выраженій;

---

*) По заявленію тогдашнихъ слушателей не всѣ обозначенныя здѣсь части курса проф. Н. А. Дьяченка, были дѣйствительно излагаемы студентамъ.

доказательство Коши, что всякое алгебраическое опредѣленное уравненіе имѣетъ по крайней мѣрѣ одинъ корень вида $a + b\sqrt{-1}$; о числѣ корней и разлагаемость функцій на множители первой и второй степени; о теоремахъ, относящихся къ корнямъ уравненій; о преобразованіяхъ уравненій; о розысканіи равныхъ корней; о вычисленіи предѣловъ корней и розысканій корней соизмѣримыхъ. Репетиціи были производимы въ концѣ полугодія въ теченіи одной недѣли въ дни и часы, назначенные для чтенія лекцій.

Тригонометрію преподавалъ орд. проф. Ѳедоровъ въ одно полугодіе по 2 часа въ недѣлю, по собственнымъ запискамъ придерживаясь преимущественно лекцій бывшаго Дерптскаго профессора Бартельса. Послѣ введенія въ науку, преподаватель, согласно съ программою, проходилъ о тригонометрическихъ величинахъ, о взаимной математической связи тригонометрическихъ величинъ; о способѣ рѣшать вопросы, относящіеся къ прямолинейному треугольнику; о способѣ рѣшать вопросы, относящіеся къ треугольнику сферическому, о приложеніяхъ тригонометріи къ рѣшенію разныхъ практическихъ задачъ и т. д. Въ концѣ полугодія дѣлаемы были репетиціи.

II. *По каѳедрѣ прикладной математики* орд. проф. Тихомандрицкій преподавалъ *механику* по 8 часовъ въ недѣлю по собственнымъ запискамъ, придерживаясь сочиненій Лапласа, Лагранжа, Пуассона, Навье, Пуансо, Коши, Якоби, Остроградскаго и другихъ. Излагалъ онъ: 1) *краткую исторію механики;* общія понятія о предметѣ; ея количествахъ, характеризующихъ и объясняющихъ какое-либо явленіе—пространствѣ, времени и силахъ.

2) *Статику*—о началахъ статики; теорію равновѣсія силъ приложенныхъ къ матеріальной точкѣ; линіи поверхности равновѣсія неизмѣняемой системы съ теоріею паръ и теорію центра тяжести, равновѣсіе жидкостей не сжимающихся и упругихъ.

3) *Динамику*: начала динамики; общій способъ интегрированія частныхъ дифференціальныхъ уравненій динамики, основаннаго на варіаціи постоянныхъ произвольныхъ, общія свойства движенія системы тѣлъ; движеніе матеріальной точки свободное въ сопротивляющейся срединѣ, по кривой линіи и поверхности; движеніе планетъ и кометъ; движеніе неизмѣняемой системы около неподвижной линіи, точки и свободное; о моментахъ инерціи; теорію соударенія тѣлъ; движеніе

жидкостей несжимающихся и упругихъ, вытеканіе ихъ изъ сосудовъ и распространеніе волнообразнаго движенія въ упругихъ срединахъ. При изложеніи означенныхъ предметовъ, преподаватель старался, сколько дозволяло время, показывать приложенія ихъ къ другимъ наукамъ; для этой цѣли съ большею подробностію излагаемы были статьи: о взаимномъ притяженіи тѣлъ, о цѣпной линіи, употребленіе ея въ практикѣ, теорія сопротивленія тѣлъ, теорія варіяцій элементовъ планетныхъ, истеченіе жидкостей изъ сосудовъ и распространеніе волнообразнаго движенія.

4) *Начертательную геометрію* излагалъ тотъ-же профессоръ, по руководству Лероа; преподаватель изложилъ: способъ проэкцій; построеніе прямой линіи и плоскости; построеніе треграннаго угла; генерацію поверхностей и построеніе касательныхъ къ нимъ плоскостей; построеніе кривыхъ взаимнаго пересѣченія поверхностей. Репетиціи производимы были въ концѣ полугодія.

III. *По каѳедрѣ астрономіи* орд. проф. Ѳедоровъ преподавалъ:

1) *Теоретическую астрономію* по своимъ запискамъ, руководствуясь преимущественно астрономіею Боненбергера. Послѣ введенія въ науку, объяснялъ онъ снаряды къ опредѣленію времени и къ измѣренію угловъ, разные астрономическіе термины и видимое вращательное движеніе небесной сферы. Затѣмъ проходимы были статьи: а) о видѣ и фигурѣ земли и объ астрономическомъ лучепреломленіи; б) о собственномъ движеніи солнца и луны и о явленіяхъ, показывающихъ, что свѣтила сіи шаровидны и имѣютъ вращательное движеніе; в) о планетахъ съ ихъ спутниками и о кометахъ; г) о аберраціи свѣта. Репетиціи дѣланы были въ концѣ каждаго полугодія; на нихъ употребляемо было по 8 часовъ.

2) *Практическую астрономію* по собственнымъ запискамъ, руководствуясь, преимущественно, лекціями академика Струве. Преподаватель излагалъ способы опредѣлять время, высоту полюса, и географическую долготу. Въ концѣ каждаго полугодія дѣлалъ онъ репетиціи. Сверхъ того студенты, преимущественно казеннокоштные, подъ руководствомъ проф. Ѳедорова, упражняемы были въ производствѣ астрономическихъ наблюденій.

IV. *По каѳедрѣ физики* орд. пр. Кнорръ преподавалъ на русскомъ языкѣ *опытную физику* и *физическую географію* по собственнымъ за-

пискамъ, придерживаясь преимущественно сочиненій Біота, Пульє, Беккереля, Ламе, Баумгартнера, Кемца и Геллера „Physikaliches Wörterbuch".

V. *По каѳедрѣ ботаники* орд. проф. Траутфеттеръ преподавалъ на русскомъ языкѣ: 1) *Общую ботанику*, руководствуясь преимущественно сочиненіями Декандоля, Линка, Тревирануса и Шлейдена.

2) *Ботаническую терминологію*, руководствуясь преимущественно сочиненіемъ Бишофа.

3) *Естественныя семейства растеній* по собственнымъ запискамъ, руководствуясь преимущественно сочиненіями Эндлихера, Линдлея, Декандоля, Кунца и друг.

4) Опредѣленіемъ и описаніемъ растеній онъ занималъ студентовъ практически (по два часа въ недѣлю).

VI. *По каѳедрѣ химіи* орд. проф. Фонбергъ преподавалъ на русскомъ языкѣ: 1) *Неорганическую химію*, руководствуясь преимущественно сочиненіями Берцеліуса, Грегема, Дюма и Либиха; преподаватель проходилъ основанія этой науки и важнѣйшія положенія по собственному плану.

2) *Органическую химію* по собственному плану, руководствуясь сочиненіями выше означенныхъ авторовъ. На репетиціи обыкновенно употребляемо было по одной лекціи въ мѣсяцъ.

3) *Практическія упражненія въ химическомъ изслѣдованіи ядовъ* производимы были по 2 часа въ недѣлю.

VII. *По каѳедрѣ минералогіи и геогнозіи* испр. д. ад. Ѳеофилактовъ преподавалъ:

1) *Минералогію*, руководствуясь сочиненіями Дюфренуа, Наумана, Соколова и друг.

2) *Общій курсъ минералогіи* для студентовъ медицинскаго факультета.

3) *Геологію*, руководствуясь сочиненіями Бронна, Штудера (Studer) и др.

VIII. *По каѳедрѣ зоологіи* орд. проф. Кесслеръ преподавалъ:

1) *Общую зоологію*, придерживаясь преимущественно сочиненій Вихмана.

2) *Спеціальную зоологію*, пользуясь частію собственными записками, частію сочиненіями Кювье, Бленвиля, Эренберга и Дюжардена.

3) *Сравнительную анатомію,* положивъ въ основаніе руководства Кювье, Вагнера, Зибольта и Станніуса. Репетиціи по сравнительной анатоміи и зоологіи замѣнены были практическими упражненіями студентовъ въ опредѣленіи и анатоміи животныхъ.

IX. *Архитектуру* читалъ преподаватель Беретти на русскомъ языкѣ, въ первое полугодіе по 6, а во второе по 4 часа въ недѣлю, по собственнымъ тетрадямъ. Кромѣ слушанія лекцій, студенты занимались черченіемъ орденовъ архитектуры. На репетиціи употребляемо было въ оба полугодія по 10 часовъ.

X. *Технологію* преподавалъ и. д. ад. Тихомандрицкій, руководствуясь преимущественно сочиненіями Шубарта и Кармарша. Репетиціи дѣлаемы были въ разное время, смотря по трудности пройденныхъ статей.

XI. *По каѳедрѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства* были читаны:

1) *Сельское хозяйство* преподавалъ Мерцъ на русскомъ языкѣ по собственнымъ запискамъ, придерживаясь преимущественно сочиненія Тэра (Thaer); онъ проходилъ: а) агрономію; б) агрикультуру или ученіе о земледѣльческихъ орудіяхъ и машинахъ, о землевоздѣланіи, землепашествѣ, о удобреніи земли и разведеніи растеній и животныхъ; в) экономію или ученіе о соотношеніяхъ сельскаго хозяйства, заведеніи онаго и управленіи.

2) *Распорядительную часть сельскаго хозяйства* излагалъ преподаватель публичныхъ лекцій сельскаго хозяйства въ Кіевскомъ учебномъ округѣ кандидатъ Якубовскій по собственнымъ запискамъ, при составленіи которыхъ, придерживался сочиненій: Пабста, Швейцера, Коппе и друг. Высоко талантливая и художественная натура этого преподавателя сдѣлала его предметъ любимымъ между студентами.

3) *Лѣсоводство* преподавалъ Мерцъ на русскомъ языкѣ (какой это языкъ, мы уже знаемъ) по собственнымъ запискамъ, придерживаясь сочиненій Котта. Репетиціи онъ дѣлалъ по окончаніи каждой части предмета.

На юридическомъ факультетѣ:

I. *По каѳедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія:* 1) *Общую часть энциклопедіи законовѣдѣнія* излагалъ (до появленія Иляшкевича) ад. Цвѣтковъ по одному часу въ недѣлю, руководствуясь сочиненіями Неволина.

2) *Исторію положительныхъ законодательствъ* читалъ въ 1-е полугодіе 1848 г. тотъ-же преподаватель по 3 часа въ недѣлю по тому-же руководству, съ нужными измѣненіями и дополненіями. Репетиціи онъ дѣлалъ въ концѣ полугодія; на нихъ употреблялъ по 1-му часу въ недѣлю.

Съ 1847 г. началъ преподаваніе Пилянкевичъ. Онъ преподавалъ въ первый годъ *общую часть энциклопедіи законовѣдѣнія* для вновь поступившихъ студентовъ по два часа въ недѣлю по собственнымъ запискамъ и по руководству Неволина; въ концѣ полугодія одинъ часъ онъ употреблялъ на повтореніе пройденнаго. *Исторію философіи права* излагалъ тотъ-же преподаватель по 2 часа въ недѣлю по собственнымъ запискамъ, слѣдуя новѣйшимъ нѣмецкимъ писателямъ и, преимущественно, Росбаху.

3) Со второй половины 1848 г. *исторію русскаго законодательства*, которая тогда причислялась къ каѳедрѣ энциклопедіи права, излагалъ ад. Г. И. Эйсманъ по 3 часа въ недѣлю по собственнымъ запискамъ, при составленіи которыхъ руководствовался преимущественно сочиненіями Рейтца, Эверса, Калачева, Неволина, Соловьева, Успенскаго, Неймана, Круга, Попова, Иванова, Тобина, Куницына и Михайлова, въ слѣдующемъ порядкѣ: опредѣливъ понятіе исторіи отечественнаго права, преподаватель исчислялъ имѣющіеся для ея изученія источники и собранія этихъ источниковъ и представлялъ своимъ слушателямъ критическій очеркъ литературныхъ пособій по этому предмету. Затѣмъ, раздѣливъ всю исторію отечественнаго права на 4 періода, 1-й отъ основанія Русскаго государства до Судебника вел. кн. Іоанна III, 2-й до Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, 3-й до реформы, произведенной Петромъ Великимъ, и 4-й до нашихъ дней, преподаватель прошелъ въ первый годъ два первые періода, относящіеся къ древней исторіи отечественнаго законодательства. Въ 1-мъ періодѣ разсмотрѣны были, сперва въ общемъ составѣ, источники права, дѣйствовавшіе во времена предшествовавшія Судебнику, и акты, заключающіе въ себѣ положенія древнѣйшаго русскаго права и показано вліяніе германскаго и византійскаго законодательствъ на развитіе отечественнаго права въ этомъ періодѣ. Затѣмъ преподаватель представилъ своимъ слушателямъ подробный обзоръ законоположеній, коими опредѣлялись права верховной власти, властей подчиненныхъ и раз-

личныхъ сословій, частныя отношенія гражданъ между собою и охраненіе правоотношеній наказаніями и мѣрами судебнаго порядка. Въ томъ-же порядкѣ была пройдена и исторія втораго періода. Сперва преподаватель сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній относительно формы и содержанія Судебниковъ и обозрѣлъ тѣ законодательные акты, которые имѣли своимъ назначеніемъ восполнить Судебники, а затѣмъ изложилъ различные виды законовъ опредѣлительныхъ и охранительныхъ. Въ концѣ полугодія преподаватель сдѣлалъ учащимся репетиціи въ дни и часы, назначенные для преподаванія предмета.

II. *По каѳедрѣ римскаго законодательства:*

1) *Введеніе въ систему римскаго права* и *ученіе о лицахъ* излагалъ орд. проф. Ѳедотовъ-Чеховскій по собственнымъ запискамъ, придерживаясь преимущественно фонъ-Савиньи, Пухты и Вангерова. Во введеніи преподаватель излагалъ понятіе римлянъ о правѣ и правовѣдѣнія, различные способы изученія, планъ гражданскаго римскаго права и общее ученіе о лицахъ физическихъ и юридическихъ, о вещахъ, дѣйствіяхъ и судебной защитѣ въ случаѣ нарушенія права. Въ ученіи *о лицахъ* онъ излагалъ постановленія, относящіяся къ семейственному праву.

2) *Ученіе о вещахъ* излагалъ тотъ-же преподаватель по собственнымъ запискамъ. При изложеніи всѣхъ этихъ предметовъ преподаватель слѣдовалъ методѣ исторической германской школы. На репетиціи употреблялъ онъ по 3 или 4 часа въ полугодіе.

3) *Исторію римскаго законодательства* преподавалъ испр. долж. ад. К. А. Митюковъ по 4 часа въ недѣлю, руководствуясь преимущественно сочиненіями Пухты и Нибура и повѣряя ихъ самыми источниками. Послѣ общаго введенія въ науку римскаго права и исторію римскаго законодательства, преподаватель излагалъ самую исторію этого законодательства. Раздѣливъ ее на 4 періода, онъ въ каждомъ изъ нихъ обращалъ вниманіе своихъ слушателей на два главные предмета: 1) на исторію государственнаго устройства Рима, особенно законодательныхъ и судебныхъ органовъ и 2) на исторію источниковъ права. На репетиціи употреблялъ до 10 часовъ.

4) *Domiti Ulpiani Fragmenta* объяснялъ орд. проф. Ѳедотовъ-Чеховскій въ оба полугодія по 1 часу въ недѣлю. Переводимо было до 20 титуловъ въ годъ.

III. *Русскіе государственные законы*, по порученію, преподавалъ орд. проф. Богородскій по 4 часа въ недѣлю. Въ продолженіе первой половины года онъ проходилъ основные законы и государственныя учрежденія, а за второе полугодіе учрежденія губернскія, уставъ о службѣ гражданской и законы о состояніяхъ. Положивъ въ основаніе сводъ дѣйствующихъ законовъ Россійской имперіи (т. 1, 2, 3, и 9), преподаватель руководствовался при изложеніи государственныхъ законовъ Полнымъ Собраніемъ Законовъ, актами археографической коммиссіи и другими памятниками историческими, а при объясненіяхъ теоретическихъ преимущественно сочиненіями Цахаріэ, Цёпфеля и Шталя. Репетицій не дѣлалъ. Каѳедра государственнаго права, долго бывшая въ рукахъ случайныхъ и временныхъ преподавателей, съ 1847 года получила постояннаго. Испр. дол. ад. Вигура открылъ курсъ изложеніемъ основныхъ законовъ и учрежденій (по 4 часа въ недѣлю) по собственнымъ запискамъ, составленнымъ на основаніи историческихъ и догматическихъ источниковъ. Но въ 1848 г. преподаватель, по случаю холеры, не успѣлъ пройти курса и не читалъ учрежденій губернскихъ и уѣздныхъ. Здѣсь въ первый разъ появились „собственныя записки" по такому щекотливому предмету, который всегда преподавался прежде по Своду Законовъ. Въ 1849 г. тотъ-же Вигура въ оба полугодія преподавалъ по 4 часа въ недѣлю слѣдующія части русскаго государственнаго права: 1) основные государственные законы, 2) уставъ о службѣ гражданской и 3) законы о состояніяхъ. Преподаватель, не имѣя въ виду ни одного руководства по догматикѣ и исторіи своей науки, продолжалъ еще излагать по собственнымъ запискамъ, составленнымъ на основаніи оффиціально изданныхъ историческихъ и догматическихъ источниковъ русскаго права, причемъ пособіями служили ему сочиненія Эверса, Рейтца, гр. Сперанскаго, Неволина, Соловьева и Кавелина. Въ способѣ преподаванія науки, сдѣлана преподавателемъ слѣдующая перемѣна: первый курсъ чтеній его имѣлъ характеръ исключительно догматическій, а въ слѣдующемъ году догматическому изложенію составныхъ частей предмета предшествовало ихъ историческое развитіе, и такимъ образомъ показана неразрывная связь между существовавшими и дѣйствующими законами. Примѣсь историческаго метода къ догматическому навсегда предопредѣлила направленіе этой науки въ нашемъ Университетѣ.

IV. *Законы о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ* излагалъ испр. дол. ад. Цвѣтковъ въ 1-е полугодіе по 5, а во 2-е по 6 часовъ въ недѣлю по собственнымъ запискамъ, руководствуясь въ изложеніи положительныхъ постановленій Сводомъ Законовъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ Полнымъ Собраніемъ Законовъ, а въ изложеніи теоретической части сочиненіями Якоба, Лотца, Рау, бар. Мальхуса, Гофмана, Росси, Листа и Канкрина. Послѣ введенія въ науку законовъ о финансахъ и государственныхъ повинностяхъ, преподаватель излагалъ ученіе о государственныхъ имуществахъ, финансовыхъ регаліяхъ, податяхъ, пошлинахъ и акцизахъ, ученіе о государственныхъ повинностяхъ; въ началѣ каждой части или каждаго отдѣла науки излагаемы были теоретическія начала, а потомъ положительныя постановленія; при нѣкоторыхъ отдѣлахъ сообщаемы были также историческія свѣдѣнія. Репетиціи были дѣланы въ концѣ полугодій по одному часу въ недѣлю. Выше было приведено свидѣтельство о тяжеломъ впечатлѣніи этого громаднаго курса на слушателей. Дѣйствительно, записки, дошедшія до насъ по этому предмету, составляютъ цѣлые фоліанты научнаго сырья.

V. *По каѳедрѣ гражданскихъ и межевыхъ законовъ* орд. проф. Ѳедотовъ-Чеховскій преподавалъ *межевые законы* одно полугодіе по 6 часовъ въ недѣлю по собственнымъ запискамъ, для которыхъ служили источниками: лѣтописи, памятники древняго законодательства, Полное Собраніе Законовъ Россійской имперіи, всѣ акты археографической экспедиціи и преимущественно юридическіе и дѣйствующій Сводъ Законовъ, а литературой: сочиненія Малиновскаго, Иванова, Неволина, Кранихфельда, Рѣдкина и Кавелина. Изложивъ во введеніи понятіе, раздѣленіе и отношеніе межевыхъ законовъ къ другимъ частямъ законодательства, а равно и исторію какъ межеваго законодательства, такъ и производства межеванія въ Россіи, преподаватель изъяснялъ по принятому имъ плану дѣйствующіе межевые законы: а) *учредительные* (т. е. о властяхъ, установленныхъ для производства межеванія), б) *опредѣлительные,* в) *охранительные*, какъ по межевымъ исполнительнымъ или безспорнымъ дѣламъ, такъ и по дѣламъ спорнымъ или тяжебнымъ, и наконецъ г) *уголовные* или ученіе о преступленіяхъ и проступкахъ по межевой части, о порядкѣ слѣдствія и суда надъ межевыми чинами и надъ прочими лицами, нарушившими

межевые законы. Изъ гражданскихъ законовъ проф. Ѳедотовъ-Чеховскій каждое полугодіе преподавалъ отдѣльную часть ихъ: напр. въ 1847 г. онъ преподалъ ученіе объ обязательствахъ по договорамъ. На репетиціи употреблялъ онъ до 6 часовъ, остававшихся свободными отъ чтенія лекцій.

VI. *По каѳедрѣ законовъ государственнаго благоустройства* орд. проф. Иванишевъ преподавалъ: 1) законы о сельской и ремесленной промышленности; 2) торговое право. Въ этомъ отдѣлѣ, послѣ общихъ понятій о промышленности вообще, преподаватель излагалъ историческое развитіе народной экономіи; теорію законовъ о сельскомъ хозяйствѣ; мѣры, принимаемыя въ Россіи для усовершенствованія сельской промышленности; законы мануфактурной, фабричной и ремесленной промышленности и наконецъ торговое законодательство; 3) Законы о кредитѣ; 4) путяхъ сообщенія; 5) уставъ строительный и 6) законы о народномъ просвѣщеніи. Весь этотъ пестрый составъ науки преподаватель распредѣлялъ на два года, обыкновенно проходя въ одинъ годъ законы о народномъ просвѣщеніи и кредитъ (1845—46 г.), а во второй годъ законы о сельской и ремесленной промышленности и торговое законодательство. Очевидно, что такой безсистемный агломератъ разныхъ наукъ смущалъ самого профессора. Въ отчетѣ 1847 года было заявлено, что преподаватель старался привести разнообразные предметы, входящіе въ составъ государственнаго благоустройства, въ болѣе строгую систему и пополнялъ новыми историческими изслѣдованіями и теоретическими выводами. Въ курсѣ слѣдующаго (1848) года Н. Д. окончательно установилъ понятіе о содержаніи и объемѣ своей науки и выразилъ это такъ: Государственное благоустройство, какъ науку, излагающую законы народнаго богатства и просвѣщенія, преподаватель излагалъ въ трехъ отдѣленіяхъ: 1) законы произведенія богатства (законы сельскаго хозяйства, законы мануфактурной фабричной и ремесленной промышленности); 2) законы обращенія богатства (законы торговые, законы о кредитѣ, уставы путей сообщенія) и 3) законы народнаго просвѣщенія (уставы учебныхъ заведеній, ученыя общества и мѣры къ увеличенію и распространенію полезныхъ сочиненій). О внѣшнемъ способѣ его чтеній находимъ слѣдующія свѣдѣнія у проф. Романовича-Славатинскаго: „Читалъ онъ свои лекціи прелѣниво и премонотонно, по тетрадкѣ, которую рѣдко оставлялъ. Видно

было, что предметъ лекцій мало интересовалъ его самого. Мы припоминаемъ довольно оживленное устное изложеніе нѣкоторыхъ вопросовъ: критики ученій соціалистовъ, спора о торговлѣ фритредеровъ съ протекціонистами, инвентарныхъ положеній въ юго-западныхъ губерніяхъ, прекрасно обработаннаго имъ введенія въ законы народнаго просвѣщенія". Репетиціи были дѣлаемы въ концѣ каждаго семестра въ теченіи двухъ недѣль.

VII. *Законы благочинія и законы уголовные* преподавалъ орд. проф. Богородскій по 6-ти часовъ въ недѣлю по собственнымъ запискамъ, при составленіи которыхъ пользовался источниками отечественнаго и иностраннаго законодательства и сочиненіями всѣхъ лучшихъ криминалистовъ, не придерживаясь никого изъ нихъ исключительно. Послѣ общаго введенія въ науку уголовныхъ и полицейскихъ законовъ, преподаватель излагалъ *общую часть* уголовныхъ законовъ, въ которой съ надлежащей полнотой развивалъ: 1) ученіе о существѣ преступленія и разныхъ формахъ, въ какихъ оно является въ дѣйствительности со стороны субъективной и объективной; 2) ученіе о существѣ наказанія и разныхъ родахъ и видахъ наказаній, гдѣ излагалъ критически различныя теоріи уголовнаго права; разсматривалъ мнѣнія о каждомъ родѣ и видѣ наказаній, въ особенности-же о смертной казни и такъ называемой пенитенціарной системѣ; 3) ученіе о примѣненіи наказаній къ преступленіямъ.

Въ другое полугодіе того-же года Богородскій обыкновенно проходилъ *особенную часть* уголовнаго права. Показавъ различіе этой части отъ первой и разные способы изложенія ея въ разныхъ уголовныхъ уложеніяхъ и въ ученыхъ сочиненіяхъ, преподаватель, слѣдуя порядку, принятому въ нашемъ уложеніи о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, при каждомъ родѣ преступленій, объяснялъ: 1) существо преступленія, т. е. особенные признаки, которыми извѣстныя преступленія отличаются отъ другихъ и условія, безъ которыхъ не можетъ имѣть мѣсто наказаніе, назначенное въ законѣ; 2) мѣры полицейскія, принимаемыя для предупрежденія и пресѣченія того или другаго рода преступленій въ частности и наконецъ 3) наказанія, назначаемыя въ законахъ. Какъ въ общей, такъ и въ особенной части уголовныхъ законовъ, преподаватель старался соединить историческую методу съ философской. Съ этой цѣлію, онъ излагалъ постановленія

отечественнаго законодательства въ историческомъ ихъ развитіи и постоянно сличалъ ихъ съ постановленіями иностранныхъ законовъ и тѣ и другія подводилъ подъ общія начала науки въ современномъ ея состояніи.

Сверхъ указанныхъ существенныхъ частей своей науки, Богородскій читалъ также *исторію уголовнаго законодательства и законовѣдѣнія,* при составленіи которой онъ руководствовался сочиненіями Велькера, Миттермайера и др. Сдѣлавъ краткій очеркъ уголовнаго законодательства у древнихъ народовъ, особенно римлянъ, преподаватель представлялъ потомъ характеристику законовъ варварскихъ (leges barbarorum); показывалъ перемѣны, происшедшія подъ вліяніемъ римскаго, каноническаго и феодальнаго права, изображалъ состояніе, въ какомъ находились уголовные законы въ первой половинѣ XVIII в. въ Германіи, Франціи, Англіи и другихъ государствахъ; затѣмъ, обративъ вниманіе своихъ слушателей на изученіе уголовныхъ законовъ и ученую обработку ихъ, преподаватель излагалъ порядокъ преподаванія уголовныхъ законовъ сначала у римлянъ до Юстиніана и послѣ него, потомъ въ университетахъ: итальянскихъ, французскихъ и германскихъ по методамъ экзегетическому, догматическому, систематическому, практическому, историческому и философскому, изъ котораго въ новѣйшія времена возникли двѣ новыя отрасли уголовнаго законовѣдѣнія, извѣстныя подъ названіемъ политики уголовнаго законодательства и теоріи уголовнаго права; послѣ излагаема была исторія кодификаціи въ Германіи, Франціи, Италіи, Греціи, Швейцаріи, Нидерландахъ, Бельгіи, Англіи, Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и Бразиліи; наконецъ съ большею подробностію проходилась исторія уголовнаго законодательства въ Россіи—отъ древнѣйшихъ временъ до изданія новаго уложенія о наказаніяхъ.

Этотъ послѣдній курсъ былъ напечатанъ по смерти автора.

Другой особенный курсъ Богородскаго составляло *уголовное судопроизводство,* при которомъ онъ руководствовался Миттермайеромъ, Мюллеромъ и Абеггомъ. Наука эта была раздѣлена у него на двѣ части: общую и особенную. Въ 1-й, между прочимъ, разсматривались критически различные порядки судоустройства и разныя формы судопроизводства по дѣламъ уголовнымъ.

По общему отзыву товарищей и слушателей Богородскаго, лекціи его производили глубокое и благотворное вліяніе, не смотря на то,

что внѣшнее изложеніе лекцій было далеко неблестящее, что́ особенно удивительно въ такомъ человѣкѣ, котораго письменный языкъ отличался точностію, ясностію и рельефною сжатостію.

VIII. *Общенародное правовѣдѣніе* преподавалъ сначала орд. проф. Иванишевъ по 4 часа въ недѣлю по собственнымъ запискамъ, придерживаясь Мартенса, Клюбера и др. Преподаватель излагалъ: 1) ученіе о правахъ, вытекающихъ изъ личности государствъ; 2) о правахъ государствъ на имущества; 3) о правѣ договоровъ между государствами и 4) объ отношеніяхъ, возникающихъ изъ нарушенія общенароднаго права или о правѣ войны. Репетиціи производимы были въ концѣ полугодія.

Со втораго полугодія 1847 г. преподавалъ этотъ предметъ испр. дол. ад. Тутковскій по четыре часа въ недѣлю. Послѣ общаго введенія въ науку, которое составляло предметъ вступительной его лекціи, преподаватель приступилъ къ изложенію исторіи общенароднаго права. По причинѣ болѣзни, постигшей его вскорѣ по вступленіи въ должность, чтенія его ограничились нѣсколькими только лекціями.

Въ 1848 г. онъ успѣлъ еще прочитать довольно полный курсъ международнаго права, а именно: 1) исторію положительнаго международнаго права, руководствуясь сочиненіями Уорда, Пюттера и Уитона, лучшими сочиненіями чисто-историческаго содержанія и собраніями трактатовъ и 2) догматическую часть международнаго права.

На медицинскомъ факультетѣ.

I. *Энциклопедію и методологію медицины* преподавалъ помощникъ прозектора Кожевниковъ, въ одно полугодіе по 2 часа въ недѣлю, руководствуясь преимущественно сочиненіями Вагнера, Лохеръ-Балбера и Дюбуа. Представивъ краткій обзоръ всѣхъ наукъ медицинскихъ, преподаватель показалъ взаимное ихъ отношеніе между собою и съ другими отраслями человѣческаго знанія.

II. *По каѳедрѣ анатоміи физіологической съ микрографіей* преподаваемы были:

1) *Остеологія и синдесмологія* прозекторомъ анатоміи Багенскимъ, который руководствовался сочиненіями Сёммеринга, Вебера, Гольштейна, Гушке, Генле, Крювилье и др.

2) *Міологія, спланхнологія, неврологія, ангіологія и ученіе объ органахъ чувствъ* были излагаемы проф. Вальтеромъ по 7-ми часовъ

въ недѣлю. Репетиціи состояли въ испытаніи производимомъ въ концѣ полугодія.

3) *Въ практической анатоміи* студенты упражняемы были прозекторомъ Багенскимъ въ первое полугодіе по 5, а во второе по 6 часовъ въ недѣлю.

III. *По каѳедрѣ физіологіи здороваго человѣка*, орд. проф. Мирамъ преподавалъ на русскомъ языкѣ:

1) *Общую физіологію*, слѣдуя преимущественно руководствамъ Гюнтера, Кюршнера и Мюллера.

2) *Частную физіологію* во второе полугодіе по $4^1/_2$ часа въ недѣлю, руководствуясь сочиненіями Мюллера, Вагнера, Валентина и Бурдаха. На репетиціи по этому предмету употребляемо было до 12 часовъ, назначенныхъ для чтенія лекцій.

3) *Физіологію рожденія и исторію развитія зародыша*, слѣдуя сочиненіямъ Вагнера, Мюллера, Рейхерта и Бишофа.

4) *Сравнительную анатомію*, руководствуясь сочиненіями Вагнера, Зибольда, Станніуса и Каруса. Изложивъ исторію и литературу науки, преподаватель прошелъ общую гистологію животныхъ.

Сверхъ того, подъ руководствомъ профессора Мирама, студенты упражнялись въ микроскопическихъ изслѣдованіяхъ, а нѣкоторые изъ нихъ занимались зоотомическими изслѣдованіями.

IV. *По каѳедрѣ физіологіи больнаго человѣка* орд. проф. Козловъ преподавалъ:

1) *Патологію* по собственнымъ запискамъ, руководствуясь преимущественно сочиненіями Алберса, Генле, Лотце, Нассе, Лемана, Симона и другихъ новѣйшихъ писателей.

2) *Патологическую анатомію* по собственнымъ запискамъ, руководствуясь преимущественно сочиненіями Рокитанскаго, Гассе, Крювелье, Фогеля и Алберса.

3) *Патологическую химію крови и экскрементовъ*. Репетиціи дѣланы были въ концѣ каждаго полугодія, въ продолженіи послѣднихъ четырехъ лекцій.

V. *По каѳедрѣ общей терапіи и врачебнаго веществословія*, орд. проф. Беккеръ преподавалъ на русскомъ языкѣ:

1) *Общую терапію*, по собственнымъ запискамъ, придерживаясь Спасскаго, Лотце, Рихтера и Маркуса.

2) *Фармакологію съ токсикологіею и ученіемъ о минеральныхъ водахъ* въ оба полугодія, по 6 часовъ въ недѣлю, придерживаясь Митшерлиха, Перейра, Эстерлена, Труссо, Пиду и разныхъ монографій.

3) *Рецептуру*, руководствуясь сочиненіями Фобуса и Зундельна.

VI. *По каѳедрѣ оперативной хирургіи* орд. проф. Караваевъ преподавалъ.

1) *Оперативную хирургію съ хирургическою анатоміею и ученіемъ о повязкахъ*, по 3 часа въ недѣлю, по своимъ запискамъ, придерживаясь преимущественно сочиненія Вельпо. Сложныя операціи были разсматриваемы: а) *по системамъ*, б) *по органамъ*.

2) *Практическія упражненія студентовъ въ дѣланіи операцій на трупахъ* производились по 3 часа въ недѣлю.

3) *Въ пользованіи больныхъ находившихся въ хирургической клиникѣ* проф. Караваевъ упражнялъ ежедневно по 2 часа, причемъ студенты дѣлали операціи надъ больными.

4) По окончаніи клиники преподаватель осматривалъ ежедневно приходящихъ больныхъ, причемъ студенты упражнялись въ распознаваніи болѣзней, и назначали способъ лѣченія, занося имя больнаго съ краткимъ описаніемъ его болѣзни и прописанныхъ средствъ въ особую книгу.

VII. *По каѳедрѣ теоретической хирургіи* эк.-орд. проф. Цыльхертъ преподавалъ на русскомъ языкѣ.

1) *Теоретическую хирургію* въ оба полугодія $4^1/_2$ часа въ недѣлю по собственнымъ запискамъ, придерживаясь сочиненія Хеліуса.

2) *Офталміатрію* по собственнымъ запискамъ, придерживаясь преимущественно сочиненія Юнкена.

VIII. *Частную патологію и терапію* преподавалъ орд. проф. Алферьевъ въ оба полугодія по 6 часовъ въ недѣлю, руководствуясь преимущественно сочиненіями: Андраля, Гризолля и Канштата, а также многими монографіями. На репетиціи въ концѣ каждаго года употреблялъ онъ по 3 часа.

IX. *По каѳедрѣ терапевтической клиники съ семіотикой* орд. проф. Цыцуринъ преподавалъ:

1) *Семіотику* по два часа въ недѣлю по собственнымъ запискамъ, придерживаясь преимущественно сочиненій Зиберта, Мозера, Рациборскаго и Андраля.

2) *Частная* или *вторая часть семіотики* содержала въ себѣ разсмотрѣніе болѣзненныхъ признаковъ при пораженіи отдѣльныхъ органовъ.

3) *Терапевтическую клинику* держалъ онъ въ оба полугодія по 10 часовъ въ недѣлю.

X. *По каѳедрѣ акушерства* эк.-орд. проф. Матвѣевъ преподавалъ:

1) *Акушерство* въ первое полугодіе по 6 часовъ въ недѣлю по собственнымъ запискамъ, руководствуясь сочиненіями Негели, Зибольда, Буша, Каруса, Менде, Френкеля и Мейснера.

2) *Ученіе о женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ* во второе полугодіе по шести часовъ въ недѣлю по собственнымъ запискамъ, руководствуясь вышеозначенными авторами.

3) *Въ акушерской клиникѣ* упражнялъ учащихся въ изслѣдованіи беременныхъ въ оба полугодія по 3 часа въ недѣлю.

XI. *По каѳедрѣ государственнаго врачебновѣдѣнія* орд. професс. Леоновъ преподавалъ:

А) Студентамъ медицинскаго факультета: 1) *Гигіену* и *діэтетику* въ одно полугодіе по 2 часа въ недѣлю по собственнымъ запискамъ, руководствуясь преимущественно сочиненіемъ Леви.

2) *Судебную медицину* по 4 часа въ недѣлю по собственнымъ запискамъ, составленнымъ по системѣ Громова, съ прибавленіями новѣйшихъ открытій Орфилы, Дамерова, Шмальца, Фридрейха и Девержи.

3) *Науку объ эпизоотическихъ болѣзняхъ* въ одно полугодіе по два часа въ недѣлю по собственнымъ запискамъ, руководствуясь сочиненіями Всеволодова, Фридрейха и друг.

4) *Медицинскую полицію* одно полугодіе по два часа въ недѣлю по собственнымъ запискамъ, придерживаясь сочиненій Николаи, Фридрейха и Свода Законовъ. Предметъ этотъ раздѣленъ на двѣ части. Въ первой изложены всѣ способы къ сохраненію народнаго здоровья, правила воспитанія подростающаго поколѣнія, предупрежденіе преступленій и заразительныхъ болѣзней; попеченіе о беременныхъ, родильницахъ, кормилицахъ, старикахъ и о погребеніи и наконецъ пособія въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства и о мнимо-умершихъ. Во

второй части разсмотрѣны: учрежденія ученыя, учено-оффиціальныя и оффиціальныя; всѣ законы медицинскаго управленія и обязанности врачей. Репетицій не было.

5) *Въ судебномъ изслѣдованіи труповъ* упражнялъ студентовъ по мѣрѣ того, какъ представлялись къ тому случаи.

Б) Для студентовъ юридическаго факультета проф. Леоновъ читалъ *особенный курсъ судебной медицины*, приспособленной къ гражданскимъ чиновникамъ, въ одно полугодіе по 4 часа въ недѣлю, по собственнымъ запискамъ, придерживаясь конспекта, изданнаго для воспитанниковъ училища правовѣдѣнія.

XII. *Фармацію и фармакогнозію* преподавалъ студентамъ медицинскаго факультета ученый аптекарь Сегетъ въ оба полугодія по 3 часа въ недѣлю, по собственнымъ запискамъ, руководствуясь преимущественно сочиненіями Гейгера, Дюфло, Дёберейнера и Гёбеля.

Особенный курсъ *фармаціи и фармакогнозіи* для фармацевтовъ читалъ тотъ-же ученый аптекарь.

Въ заключеніе обзора преподаванія мы должны опять напомнить читателю, что для многихъ профессоровъ, особенно медицинскаго факультета, означенныя здѣсь рамки наукъ составляли desiderata, весьма далекія отъ дѣйствительнаго выполненія. Переходимъ къ другимъ сторонамъ дѣятельности профессоровъ.

Испытанія на высшія ученыя степени. 6-го апрѣля 1844 года издано новое положеніе о производствѣ въ ученыя степени, въ отмѣну дѣйствовавшаго до тѣхъ поръ положенія 28-го апрѣля 1837 года. Теперь устное испытаніе на степень магистра состояло изъ главнаго предмета и ближайшихъ вспомогательныхъ, но число вспомогательныхъ предметовъ на магистерскомъ экзаменѣ было уже меньше, чѣмъ прежде; напр. для ищущаго степени магистра философіи вспомогательными предметами были только: исторія философіи и литература философіи. Зато число главныхъ предметовъ было очень значительно, напр. на магистерскомъ экзаменѣ по общенародному праву, главными предметами, кромѣ этой науки, были: государственные законы Россійской имперіи и энциклопедія законовъ. Для докторскаго экзамена не полагалось различія между главными и вспомогательными науками; весь кругъ университетскихъ наукъ, по отношенію къ докторизаціи дѣлился на 5 отдѣленій: общей словесности, восточной словесности, ма-

тематики, естественныхъ наукъ и юридическихъ наукъ. Отдѣлы подраздѣлялись на *разряды*, которыхъ по первому отдѣлу было три (философіи и древней филологіи; славяно-русской филологіи и историческихъ наукъ; политической экономіи и статистики); по 2-му отдѣлу два: математики и астрономіи; физики и химіи; по 3-му одинъ разрядъ, по 5-му два: юридическихъ наукъ и политическихъ наукъ. Такимъ образомъ докторскій экзаменъ обнималъ и теперь или половину или $^1/_3$ всѣхъ предметовъ факультета. Различіе требованій магистерскаго и докторскаго экзамена опредѣляется въ положеніи такъ: „отъ ищущихъ степеней магистра и доктора требуется въ главныхъ предметахъ познаніе глубокое и подробное, съ такимъ, впрочемъ различіемъ, что кандидатъ, испытуемый на степень магистра, долженъ доказать преимущественно *историческое* знаніе предметовъ и правильный взглядъ на разныя отрасли наукъ, тогда какъ отъ магистра, желающаго пріобрѣсть степень доктора, требуется *практическое или философическое* знаніе своей науки“ и т. д. Такими неясными признаками трудно было установить какое-либо дѣйствительное различіе въ требованіяхъ на экзаменахъ. Присутствіе при экзаменахъ депутатовъ отъ совѣта уже не требуется. Диссертація на степень магистра представляется послѣ устнаго и письменнаго экзамена. Но ищущій степени доктора долженъ прежде всего представить диссертацію, которая еще до устнаго испытанія разсматривается въ факультетѣ и по одобреніи допускается сначала къ непубличной защитѣ въ факультетѣ; цѣль этого диспута есть убѣжденіе въ самостоятельности работы. По одобреніи диссертаціи слѣдуетъ въ томъ и другомъ случаѣ публичная защита ея. И магистерская, и докторская диссертація могутъ быть какъ письменныя, такъ и печатныя, но печатать ихъ дозволяется аспиранту на свой счетъ. Дипломы выдаются на русскомъ языкѣ. Между тѣмъ прежде въ Университетѣ св. Владиміра дипломы всегда выдавали на латинскомъ языкѣ; теперь, по порученію совѣта, I-е отдѣленіе философскаго факультета составило проэктъ дипломовъ на ученыя степени кандидатовъ, магистровъ и докторовъ на русскомъ языкѣ. Хотя новосоставленная русская форма дипломовъ утверждена управленіемъ округа 11 января 1845 г., но потомъ новый попечитель (Траскинъ) нашелъ, что вступительная формула: „подъ Высочайшимъ покровительствомъ“ ему кажется излишнею и въ дипломахъ Петербург-

скаго университета онъ ея не находитъ. Совѣтъ рѣшительно вооружился противъ такого посягательства и защитилъ вѣковую форму дипломовъ, составляющую переводъ традиціонной латинской формулы.

Какъ ни были отяготительны и эти новыя правила испытаній на высшія ученыя степени, однако при дѣйствіи ихъ испытанія сдѣлались во всякомъ случаѣ возможнѣе. Этимъ объясняется то, что съ 1845 года число случаевъ пріобрѣтенія магистерства (но не докторства) сразу увеличивается. Въ частности новонасажденное въ этомъ краѣ русское правовѣдѣніе начало приносить свои собственные плоды лишь въ половинѣ 40-хъ годовъ; тогда только начало возникать новое поколѣніе ученыхъ, образовавшихся въ Кіевѣ. Въ 1845 г. юридическій факультетъ произвелъ почти одновременно двухъ магистровъ: по уголовному праву *Максимовича* и по общенародному праву *Циммермана*. О диссертаціи Максимовича мы упоминали. Диссертація Циммермана намъ неизвѣстна, она носила заглавіе: „О состояніи городскихъ обывателей въ Россіи до конца XVIII в.“—предметъ тогда совсѣмъ необработанный, да и нынѣ еще нуждающійся въ дальнѣйшей обработкѣ. Но, судя „по положеніямъ“, защищеннымъ на диспутѣ (18 октября 1845 г.), диссертація была направлена къ утвержденію тогдашнихъ практическихъ понятій о различіи сословій. Первый тезисъ таковъ: „основаніе различія сословій заключается въ самой природѣ человѣческой“; второй: „городская промышленность, по своему существу и значенію въ государствѣ, необходимо требуетъ особеннаго сословія“; шестой и послѣдній: „существо и назначеніе ремесленной промышленности требуютъ установленія цеховъ“.

Мы упоминали уже въ своихъ мѣстахъ о магистерскихъ экзаменахъ: К. А. Митюкова и Г. И. Эйсмана.

На I-мъ отдѣленіи философскаго факультета особенно производительною оказалась каѳедра словесности (чего нельзя не приписать вліянію Максимовича); кромѣ М. А. Тулова, по русской словесности пріобрѣли степень магистра одинъ за другимъ: Костырь и А. И. Линниченко.

Для характеристики тогдашнихъ экзаменовъ приведемъ одинъ по I-му отдѣленію философскаго факультета, именно магистерскій экзаменъ Костыря, такъ какъ при этомъ случаѣ были затронуты и отчасти

разрѣшены многіе общіе вопросы, касающіеся способа производства испытаній. Правда, экзаменъ Костыря производился еще до изданія правилъ 1844 года, но отъ этого не умаляется его интересъ.

Этотъ памятный экзаменъ начался съ декабря 1842 года. Совѣтъ назначилъ профессоровъ Дьяченко и Козлова депутатами со стороны совѣта и увѣдомилъ І-е отдѣленіе философскаго факультета, что кромѣ этихъ депутатовъ при испытаніи Костыря будетъ присутствовать и ректоръ Неволинъ, который и будетъ депутатомъ отъ совѣта Университета св. Владиміра со стороны юридическаго факультета. Совѣтъ предписалъ І-му отдѣленію философскаго факультета, чтобы испытаніе Костыря во всѣхъ предметахъ было произведено по билетамъ *на основаніи программъ*, которыя І-е отдѣленіе имѣетъ предварительно разсмотрѣть и одобрить. 19-го марта 1843 г. І-е отдѣленіе философскаго факультета и занялось разсужденіемъ о программахъ. Между прочимъ программу по славянскимъ нарѣчіямъ съ ихъ исторіею и литературою, представленную профес. Домбровскимъ, І-е отдѣленіе большинствомъ голосовъ признало удовлетворительною; но съ этимъ заключеніемъ большинства не согласился профес. Новицкій. І-е отдѣленіе вынуждено было представить какъ программу Домбровскаго, такъ и мнѣніе объ ней Новицкаго въ подлинномъ видѣ въ совѣтъ. Программа Домбровскаго была обширна и довольно подробна, обнимая собою характеристику древне-славянскаго языка, исторію языка и литературу сербовъ, чеховъ, поляковъ, хорватовъ и словаковъ по періодамъ, опредѣленно указаннымъ въ самой программѣ. Сущность возраженій О. М. Новицкаго противъ этой программы состояла въ томъ, что въ ней вовсе не спрашивается *знанія самыхъ славянскихъ нарѣчій*, которое должно состоять въ томъ, чтобы испытуемый свободно читалъ и ясно и точно понималъ сочиненія, писанныя на славянскихъ нарѣчіяхъ и чтобы основательно зналъ грамматику каждаго нарѣчія. Въ программѣ требуется отъ испытуемаго обозначить „характеръ того или другаго нарѣчія"; но общій характеръ какого-бы-то ни было языка легко можно знать безъ познанія самого языка,—можно напр. знать общій характеръ китайскаго или санскритскаго языка, безъ познанія этихъ языковъ. Во вторыхъ въ исторіи языка и литературы (которою и ограничена вся программа) поименованы не всѣ нарѣчія, пропущено именно нарѣчіе *вендское* или *словинское* (въ верхней и нижней Лузитаніи).

Кромѣ того и по нарѣчіямъ, здѣсь упомянутымъ, требуется только „обзоръ“ литературы ихъ, какое выраженіе легко можно принять въ томъ смыслѣ, будто отъ испытуемаго требуется только бѣглаго перечня славянскихъ писателей и сочиненій, безъ критическаго ихъ разбора и обсуживанья,—безъ чего, однакожъ, знаніе этой литературы было-бы недостаточно для ищущаго степени магистра, какъ не сопровождаемое отчетливою оцѣнкою и собственнымъ основательно соображеннымъ воззрѣніемъ. Совѣтъ 15-го мая опредѣлилъ большинствомъ голосовъ, что испытаніе Костырю справедливо можно произвесть и по программѣ, составленной Домбровскимъ, разумѣя въ ней и знаніе нарѣчій славянскихъ подъ словомъ языкъ. Но съ такимъ заключеніемъ совѣта не согласились профессора: Богородскій, Ѳедотовъ-Чеховскій и Фонбергъ; они признали справедливыми замѣчанія на программу, изложенныя профес. Новицкимъ, который просилъ совѣтъ представить его замѣчанія вмѣстѣ съ программою Домбровскаго на усмотрѣніе высшаго начальства. Особаго мнѣнія были и профессора: Иванишевъ, Леоновъ и Домбровскій, полагавшіе, что для испытанія Костыря на степень магистра россійской словесности *не нужно программъ* и что такое испытаніе должно быть произведено ему по однимъ только вопросамъ экзаменатора. Къ этому Домбровскій присовокупилъ, что, по его убѣжденію, программы уже и потому приводятъ въ затрудненіе членовъ І-го отдѣленія, что факультетъ не имѣетъ возможности точно опредѣлить степень различія въ требованіи, какое можетъ быть сдѣлано испытуемому въ прибавочныхъ предметахъ испытанія сравнительно съ главными. Совѣтъ *30 іюля 1843 г.* представилъ попечителю, который *31 декабря* того-же года отвѣчалъ, что не предстоитъ надобности на основаніи положенія объ испытаніяхъ на ученыя степени, въ составленіи подобныхъ программъ; затѣмъ, устраняя себя отъ всякаго сужденія о представленной ему совѣтомъ программѣ Домбровскаго, попечитель предложилъ совѣту распорядиться объ испытаніи Костыря на общемъ основаніи, т. е. безъ программы. Послѣ такихъ длинныхъ переговоровъ, наконецъ *11 апрѣля 1844 г.* состоялось первое испытательное засѣданіе въ присутствіи всѣхъ членовъ І-го отдѣленія философскаго факультета (кромѣ декана Нейкирха, котораго мѣсто заступалъ орд. профес. Новицкій) и депутатовъ отъ другихъ факультетовъ: профес. Дьяченко, Иванишева и Козлова. Костырю предло-

жены слѣдующіе вопросы: *изъ эстетики:* 1) о прекрасномъ въ историческомъ его развитіи, 2) объ идеалѣ на различныхъ степеняхъ его развитія; *изъ теоріи поэзіи и краснорѣчія:* 3) о поэзіи вообще и родахъ ея, 4) о поэзіи дидактической, 5) опредѣлить предметъ теоріи краснорѣчія, 6) о видахъ ораторской рѣчи; *изъ теоріи языка:* 7) о частяхъ рѣчи, 8) о церковно-славянской азбукѣ; *изъ исторіи русской словесности:* 9) о Изборникѣ Святославовомъ, 10) объ источникахъ Несторовой лѣтописи, 11) о Симеонѣ Полоцкомъ, 12) о Баратынскомъ. Экзаменаторами были профес. Новицкій и по приглашенію факультета присутствовавшій Максимовичъ. На предложенные вопросы испытуемый отвѣчалъ очень хорошо. Въ засѣданіи 18-го апрѣля произведена была вторая часть испытанія, для чего Костырю предлагаемы были слѣдующіе вопросы: *изъ славянскихъ нарѣчій:* 1) представить обозрѣніе языка славянъ задунайскихъ, 2) о носовомъ произношеніи гласныхъ буквъ у славянъ, 3) о развитіи чешской литературы, 4) о развитіи сербской литературы, 5) о народной сербской поэзіи, 6) о глаголитской азбукѣ; *изъ философіи:* изъ исторіи философіи 7) общее понятіе о философіи, 8) исторія исторіи философіи, 9) о философіи стоиковъ, 10) о Лейбницѣ; *изъ психологіи:* 11) о разумѣ, 12) о волѣ; *изъ логики:* 13) критическое разсмотрѣніе Кантова раздѣленія сужденія; 14) объ историческомъ методѣ; *изъ нравственной философіи и естественнаго права:* 15) о вмѣненіи, 16) о правахъ личныхъ. Экзаменаторами были тѣ-же — профес. Новицкій и М. А. Максимовичъ. На вопросы по славянскимъ нарѣчіямъ испытуемый отвѣчалъ очень удовлетворительно, по философіи очень хорошо. Письменные вопросы, предложенные факультетомъ, были слѣдующіе: 1) о заслугахъ Ломоносова относительно русскаго языка—прозаическаго и стихотворнаго; 2) о свойствахъ, которыми классическая поэзія отличается отъ древне-восточной; 3) о польской поэзіи новаго времени; 4) о двойственномъ числѣ въ церковномъ и другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ; на нихъ испытуемый отвѣчалъ удовлетворительно. Разсужденіе на тему „о Батюшковѣ и Жуковскомъ, русскихъ поэтахъ XIX вѣка“ (по подробному разбору, составленному проф. Новицкимъ) найдено удовлетворительнымъ. Защищеніе положеній, извлеченныхъ изъ этого разсужденія, произведенное публично 23-го сентября, по большинству голосовъ, членами факультета признано удовлетворительнымъ. Но М. А. Максимо-

вичъ, не соглашаясь съ опредѣленіемъ факультета, изъявилъ желаніе войти съ особымъ мнѣніемъ письменно.

Это мнѣніе его о диспутѣ *Костыря* — заключалось въ слѣдующемъ: „Будучи приглашенъ отъ I-го отдѣленія философскаго факультета и отъ г. ректора къ испытанію кандидата Костыря на степень магистра, я въ качествѣ испытателя предлагалъ ему вопросы по предмету русской словесности и славянскихъ языковъ, и его устные отвѣты призналъ удовлетворительными. Въ факультетскомъ совѣщаніи о диссертаціи Костыря я не могъ принять участія, ибо оно происходило прежде, чѣмъ диссертація была мнѣ доставлена для прочтенія. Что-же касается до *публичнаго защищенія*, при которомъ я—по приглашенію факультета—находился въ качествѣ оппонента, то объ немъ поставляю себѣ долгомъ сказать слѣдующее. Защищающій свою диссертацію и положенія обязанъ принимать съ должнымъ вниманіемъ всѣ возраженія оппонентовъ и опровергать ихъ съ достаточнымъ діалектическимъ искусствомъ, подкрѣпляя притомъ и свои положенія доказательствами ясными и убѣдительными“. Но Костырь отрекся отвѣчать на возраженія Максимовича на счетъ правильности языка, считая это мелочами. „Между тѣмъ (продолжаетъ Максимовичъ) и о подобныхъ предметахъ весьма умѣстно и прилично было-бы повести рѣчь будущему *магистру русской словесности*, который разсмотрѣлъ произведенія Батюшкова и Жуковскаго, и въ первыхъ своихъ положеніяхъ говоритъ, что наша новая словесность отличается „опредѣленностію и самобытностію формъ.“ Г. Костырь требовалъ, чтобы возраженія относились только къ содержанію его положеній; однако и на такія возраженія рѣдко давалъ прямыя опроверженія“. Дальнѣйшій отзывъ Максимовича о защитѣ Костыря съ этой стороны мы уже знаемъ. „Потому (заключаетъ Максимовичъ) публичное защищеніе г. Костыря, я ненахожу удовлетворительнымъ. На ономъ яснѣе обнаружились тѣ неудачныя приложенія гегелевскихъ идей къ русской словесности и другіе недостатки, которыми изобилуетъ особенно первая часть диссертаціи г. Костыря, имѣющая впрочемъ и свои уважительныя стороны“.

Съ мнѣніемъ Максимовича согласился и присутствовавшій при испытаніи Костыря, въ качествѣ депутата отъ юридическаго факультета, Н. Д. Иванишевъ.

Такого-же мнѣнія былъ М. А. Максимовичъ и о письменныхъ отвѣтахъ Костыря, такъ какъ I-е отдѣленіе философскаго факультета 22-го октября, т. е. послѣ диспута поручило ему разсмотрѣть эти письменные отвѣты и сказать объ нихъ свое заключеніе, которое онъ и представилъ 10-го ноября. По его мнѣнію въ отвѣтахъ Костыря встрѣчаются: 1) понятія, которыя трудно признать истинными: таково, напримѣръ поставленіе *числа*, какъ особой части рѣчи между нарѣчіемъ и предлогомъ; 2) несоразмѣрность въ оцѣнкѣ писателей: а) умаленное уваженіе къ Ломоносову, б) преувеличенное уваженіе къ поэтической индивидуальности Мицкевича: „сердце глубочайшее всеобъемлющее, *человѣческое* въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова есть источникъ поэзіи Мицкевича: постоянный порывъ этого сердца найти себя отзывъ, сочувствіе вездѣ и во всемъ, что только ни носитъ на себѣ печать дѣйствительности—жизни—есть *характеристическою чертою* поэтическаго стремленія души Мицкевича". 3) Несоразмѣрность въ томъ, что за излишнимъ вниманіемъ къ второстепенному забывается главное. Сверхъ того Максимовичъ указываетъ и на то, что Костырь въ своихъ письменныхъ отвѣтахъ (которые, какъ извѣстно, пишутся безъ всякихъ пособій) ссылается на многія книги, съ означеніемъ годовъ, томовъ и даже страницъ — напримѣръ „Сахаровъ ч. V, стр. 116; Hanka, стр. 26". Наконецъ выраженіе мыслей у Костыря не всегда ясное и точное, что зависитъ нерѣдко отъ излишняго употребленія иностранныхъ словъ и философскихъ терминовъ, отъ которыхъ иногда только пестрѣетъ слогъ и затемняется мысль. Таково, напр., все начало 3-го отвѣта: изъ набора словъ (индивидуальность, конкретный, аналитическій, синтетическій, качественно, посредственно), которыми опредѣлены и различены два разряда частей рѣчи, нельзя усмотрѣть ясно въ чемъ состоитъ ихъ различіе. Въ отвѣтахъ Костыря встрѣчаются ошибки и противъ языка русскаго отъ котораго (говоритъ Максимовичъ) „я всегда остерегалъ поступающихъ въ Университетъ уроженцевъ здѣшняго края". Однако не смотря на эти недостатки, во всѣхъ отвѣтахъ Костыря Максимовичъ нашелъ содержаніе весьма обильное, расположеніе отмѣнно стройное и послѣдовательное, объемъ обширный, начитанность рѣдкую; а потому и полагалъ, что для степени магистра отвѣты Костыря могутъ быть признаны удовлетворительными.

Лишь *8-го марта 1845 г.* министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ Ник. Костыря въ ученой степени магистра русской словесности.

Тогда уже появились на сцену новые филологи: въ маѣ 1846 г. былъ утвержденъ въ степени магистра А. П. Липниченко, послѣ публичной защиты диссертаціи: „историческій очеркъ русской филологіи".

Въ 1845 г. С. С. Гогоцкій, котораго попытка пріобрѣсти званіе доцента окончилась неудачею, рѣшился заручиться ученою университетскою степенью и выдержалъ дополнительное испытаніе на кандидата (причемъ былъ экзаменованъ изъ славянскихъ нарѣчій и политической экономіи). Но затѣмъ и онъ и I-е отдѣленіе философскаго факультета считали правильнымъ допустить его къ пріобрѣтенію степени магистра философіи посредствомъ одной диссертаціи. При этомъ I-е отдѣленіе распространяло ту статью положенія объ испытаніяхъ, которая говоритъ о дополнительномъ кандидатскомъ экзаменѣ, и на пріобрѣтеніе высшихъ ученыхъ степеней. Но управляющій округомъ М. В. Юзефовичъ нашелъ, что въ § 13 положенія совершенно ясно выражено, что имѣющіе уже ученую степень по одному факультету (въ томъ числѣ кандидаты и магистры духовныхъ академій) и желающіе получить таковую по другому, подвергаются дополнительному испытанію *только для полученія степени кандидата* а, по полученіи сей степени (кандидата) ищутъ по установленному для всѣхъ порядку сначала магистерской, а потомъ и докторской степени". Управлявшій округомъ считалъ долгомъ обратить вниманіе совѣта Университета на произвольное направленіе, данное I-мъ отдѣленіемъ философскаго факультета смыслу закона въ пользу своего ходатайства и покорнѣйше просилъ совѣтъ, не давать впредь хода представленіямъ, основаннымъ не на точномъ смыслѣ законовъ *).

Въ 1849 г. по I-му отдѣленію философскаго факультета пріобрѣли степень магистра: Гейсманъ—по политической экономіи и статистики, В. Я. Шульгинъ—по русской исторіи, Ф. О. Лыщинскій — по всеобщей исторіи.

По II-му отдѣленію пріобрѣли степень магистра Ам. Дьяченко по защитѣ диссертаціи „Объ особенныхъ рѣшеніяхъ дифференціальныхъ уравненій", К. М. Ѳеофилактовъ — по минералогіи и геогнозіи. Производительная сила II-го отдѣленія выразилась нѣсколько позже,

*) Дѣло совѣта 1845 г. № 109.

именно въ одномъ 1850 г. пріобрѣтена магистерская степень четырьмя лицами по этому отдѣленію философскаго факультета, это были: Якубовскій, Роговичъ, Тихомандрицкій и Чугаевичъ. Изъ нихъ двое — не воспитанники Университета св. Владиміра. Роговичъ защищалъ диссертацію: „Объ ископаемыхъ рыбахъ Кіевской, Волынской и Черниговской губерній“, въ разборѣ которой К. М. Ѳеофилактовъ отозвался, что это разсужденіе въ высшей степени интересно, какъ по отношенію къ общей ихтіологіи, такъ и по отношенію къ геологіи нашего края... Въ разсужденіи Роговича описано 40 видовъ рыбъ, изъ которыхъ 8 новыхъ“. Диссертація Якубовскаго носила названіе: „О трудѣ въ сельскомъ хозяйствѣ и лѣсоводствѣ“; она была разсмотрѣна Кесслеромъ. А. Тихомандрицкій защищалъ диссертацію „О броженіи сахарныхъ веществъ“, которую разбиралъ Фонбергъ; онъ-же разсматривалъ и разсужденіе Г. Чугаевича: „Объ алкоголяхъ, эѳирахъ и алдегидахъ“.

Слѣдующая таблица указываетъ на число лицъ, получившихъ высшія ученыя степени въ 7-лѣтній періодъ 1842—1849 г.:

Годы.	I-е отд. философск. факультета.		II-е отд. философск. факультета.		Юридическій факультетъ.		Медицинскій факультетъ
	магистры.	доктора.	магистры.	доктора.	магистры.	доктора.	доктора.
$184^2/_3$	—	—	—	—	—	—	—
$184^3/_4$	—	—	—	—	—	—	—
$184^4/_5$	3	—	—	—	2	—	—
$184^5/_6$	1	—	1	—	1	—	—
$184^6/_7$	—	—	—	—	—	—	2
$184^7/_8$	3	—	—	—	2	—	—
$184^8/_9$	2	—	1	—	—	—	—
Итого	9	—	2	—	5	—	2

Итакъ за 7 лѣтъ магистерскую степень пріобрѣли 16 человѣкъ; изъ этого числа наибольшая часть были или сдѣлались потомъ профессорами Университета св. Владиміра (по I-му отдѣленію философскаго факультета: А. И. Линниченко, Н. Т. Костырь, С. С. Гогоцкій, В. Я. Шульгинъ, Н. Х. Бунге; по II-му отдѣленію Ам. Дьяченко и К. М. Ѳеофилактовъ; по юридическому факультету Г. И. Эйсманъ и К. А. Митюковъ). Докторской степени собственно не пріобрѣлъ никто, потому что два отмѣченные здѣсь доктора принадлежатъ къ медицинскому факультету.

Ученые труды профессоровъ. Магистерскія и даже докторскія диссертаціи могли быть не напечатаны, а если и печатались, то на собственный счетъ авторовъ; понятно, какъ мало мы должны имѣть изданныхъ ученыхъ трудовъ преподавателей Университета того времени. Не только ученыхъ, но и никакихъ изданій (кромѣ духовныхъ) въ то время въ Кіевѣ не было; другихъ же средствъ изданія почти не представлялось никакихъ. Въ этомъ отношеніи возбуждаетъ интересъ мысль объ основаніи постояннаго періодическаго органа при Университетѣ св. Владиміра въ 1844—1846 годахъ.

По предложенію кн. Давыдова 11-го ноября 1844 года совѣтъ въ чрезвычайномъ засѣданіи, подъ предсѣдательствомъ исправлявшаго должность помощника попечителя М. В. Юзефовича, обсуждалъ проэктъ періодическаго изданія при Университетѣ. Немногіе изъявили тотчасъ же согласіе участвовать трудами своими въ предпринимаемомъ изданіи; именно профессора Богородскій и Н. А. Дьяченко обѣщали доставлять статьи, впрочемъ послѣдній съ оговоркою: „если время позволитъ ему изготовлять". Совѣтъ постановилъ издавать при Университетѣ св. Владиміра ученыя записки на слѣдующихъ общихъ основаніяхъ: Записки эти печатаются на счетъ Университета въ числѣ 400 экземпляровъ, изъ которыхъ 300 экземпляровъ общихъ сборниковъ, заключающихъ въ себѣ статьи всѣхъ авторовъ, назначаются въ продажу, 100-же экземпляровъ статей каждаго автора въ отдѣльности предоставляются самимъ сочинителямъ; вся выручка за проданные экземпляры обращается въ пользу авторовъ безъ всякаго вознагражденія издержекъ Университета.

Окончательно программа изданія установилась къ 12-му декабрю 1844 года въ слѣдующемъ видѣ: 1) цѣль изданія ученыхъ трудовъ

профессоровъ и преподавателей Университета св. Владиміра заключается въ томъ, чтобы сообщить публикѣ любопытнѣйшіе предметы по каждой наукѣ; 2) изданіе это на русскомъ языкѣ подъ названіемъ: „Записки Императорскаго Университета св. Владиміра“ будетъ состоять изъ 4-хъ отдѣловъ, соотвѣтствующихъ 4-мъ факультетамъ: отдѣлъ наукъ философско-историческихъ, наукъ физико-математическихъ, наукъ юридическихъ и наукъ медицинскихъ. Каждый отдѣлъ будетъ имѣть особую нумерацію страницъ и статьи по предметамъ каждаго факультета, или отдѣленія, будутъ помѣщаться въ отдѣльныхъ книжкахъ. Въ случаѣ надобности прилагаются рисунки; каждая книжка будетъ напечатана въ большую 8-ю долю листа; 3) содержаніемъ записокъ будутъ служить: по отдѣлу наукъ философско-историческихъ: самостоятельное изложеніе статей, переводы изъ древнихъ греческихъ и римскихъ классиковъ; по отдѣлу наукъ физико-математическихъ: собственныя наблюденія, открытія или выводы, обсуживаніе чужихъ изслѣдованій, критика важнѣйшихъ сочиненій. Отдѣлъ наукъ юридическихъ будетъ заключать въ себѣ: ученыя разсужденія о предметахъ законодательства и законовѣдѣнія, общія обозрѣнія современнаго законодательства въ Россіи и другихъ государствахъ, обозрѣніе юридической литературы, критическіе разборы замѣчательнѣйшихъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ наукъ юридическихъ, и наконецъ изложеніе дѣлъ уголовныхъ и гражданскихъ, замѣчательныхъ въ какомъ-либо отношеніи. Отдѣлъ наукъ медицинскихъ будетъ содержать: отчеты о состояніи наукъ, въ видѣ годовыхъ перечней успѣховъ науки, открытій и т. д. съ критическимъ обсужденіемъ какъ новыхъ положеній науки, такъ и текущей литературы; изъ медицинскихъ оригинальныхъ монографій по всѣмъ отраслямъ врачебныхъ наукъ; изъ отчетовъ о дѣятельности и ученыхъ событіяхъ, имѣющихъ мѣсто въ медицинскихъ заведеніяхъ Университета св. Владиміра, о внутренней и внѣшней ученой дѣятельности членовъ факультета. 4) Обязательнаго срока выхода книжекъ не полагается, но въ продолженіи года должно непремѣнно выходить по каждому отдѣлу не менѣе одной книжки; профессоры и преподаватели имѣютъ представить свои статьи не позже 1 сентября 1845 года для перваго выпуска. 5) Разрѣшеніе въ цензурномъ отношеніи къ напечатанію статей предоставляется каждому факультету по принадлежности, равно какъ и избраніе своихъ редакторовъ. Статьи

печатаются въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ были представлены въ факультетъ. Надзоръ за исправностью печатанія принадлежитъ самимъ авторамъ *). Министръ народнаго просвѣщенія 28 марта 1845 года утвердилъ это предположеніе.

Но дѣло вскорѣ было забыто. Новый попечитель Траскинъ попытался возстановить его, впрочемъ мѣрами почти военными. 5 іюля 1846 года онъ писалъ въ совѣтъ Университета, что предмѣстникъ его годъ тому назадъ сообщилъ совѣту разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія на изданіе Записокъ Университета св. Владиміра. Найдя въ дѣлѣ, что ежегодно *должно непремѣнно* выходить по каждому отдѣленію Записокъ не менѣе одной книжки, и что профессора обязались представить свои статьи для 1-го выпуска не позже 1 сентября 1845 г., попечитель спрашивалъ, на чемъ остановилось изданіе? Оказалось, что статьи были приготовлены (или по крайней мѣрѣ намѣчены) лишь по I-му отдѣленію философскаго факультета. А именно — статьи, приготовленныя I-мъ отдѣленіемъ философскаго факультета для 1-го тома ученыхъ записокъ, были слѣдующія: 1) „Планъ исторіи философіи", профес. Новицкаго. Статья 1-я. 2) „Записки о греческой древности", пр. Нейкирха. Статья 1-я. 3) „О греческой литературѣ", пр. Деллена. 4) „Исторія души", ад. Авсенева. Статья 1-я „объ измѣненіяхъ человѣческой личности подъ вліяніемъ природы". 5) „Разсужденіе о томъ, когда русскіе приняли св. крещеніе и кто просвѣтилъ народъ русскій свѣтомъ истинной вѣры", ад. Костомарова.

29 ноября 1846 г. совѣтъ опредѣлилъ просить преподавателей, не представившихъ своихъ статей, представить ихъ въ скорѣйшемъ времени и назначилъ общимъ редакторомъ по изданію ученыхъ записокъ пр. Новицкаго.

Но изо всего этого предпріятія, тянувшагося два года, ничего не вышло; ни одной книжки ученыхъ записокъ не появилось.

До основанія нынѣшнихъ „Университетскихъ Извѣстій" профессора могли печатать свои сочиненія только на счетъ суммы, ассигнованной по штату Университета для этой цѣли, при слѣдующихъ условіяхъ: профессоръ долженъ былъ представить рукопись вполнѣ изготовленную въ факультетъ, который поручалъ разсмотрѣніе ея одному

---

*) Дѣло совѣта 1844 г. № 392.

изъ своихъ членовъ, а затѣмъ послѣ разсмотрѣнія и прочими членами факультета, составлялъ опредѣленіе. Въ случаѣ благопріятнаго для автора рѣшенія, дѣло переходило въ совѣтъ. Факультетская рецензія имѣла двоякую цѣль—ученую и цензурную, хотя одобреніе, которое получалось въ факультетѣ, касалось главнымъ образомъ научныхъ достоинствъ труда. Ректоръ разсылалъ рукопись по членамъ совѣта и затѣмъ наступала баллотировка вопроса: печатать-ли сочиненіе на счетъ Университета, послѣ предварительной справки въ типографіи о томъ, во что примѣрно обойдется печатаніе. Въ случаѣ утвердительнаго рѣшенія, шло представленіе къ попечителю, который или разрѣшалъ выдать требуемую сумму, или убавлялъ ее. По отпечатаніи экземпляръ представляемъ былъ ректору, который отправлялъ его въ подлежащій факультетъ для сличенія съ подлинною рукописью, для провѣрки—не напечатано-ли чего-либо несогласнаго съ нею. Факультетъ, если находилъ отмѣны въ текстѣ, указывалъ ихъ подробно по страницамъ и строкамъ, удостовѣряя, что въ нихъ нѣтъ ничего воспрещеннаго и лишняго. Только послѣ этого ректоръ давалъ билетъ на выпускъ сочиненія изъ типографіи. При этомъ долго оставался нерѣшеннымъ вопросъ: кому принадлежитъ право собственности на такое сочиненіе—Университету, автору, или тому или другому вмѣстѣ. Вопросъ этотъ разрѣшенъ былъ только въ 1850 г. предписаніемъ Бибикова по поводу печатанія на счетъ Университета „Анатоміи“ профессора Вальтера.

Выше, говоря объ испытаніяхъ на высшія ученыя степени, мы указывали отчасти на диссертаціи (напечатанныя и ненапечатанныя); въ нихъ и въ учебникахъ по нѣкоторымъ предметамъ и заключалась почти вся ученая производительность профессоровъ 40-хъ годовъ.

Ученыя командировки. Чтобы дать понятіе о тогдашнемъ значеніи командировокъ укажемъ на заграничныя поѣздки профессоровъ Кесслера и Фонберга. Командировки обоихъ профессоровъ имѣли прямыя практическія цѣли, а именно новое научное устройство зоологическаго музея и химической лабораторіи и въ обоихъ случаяхъ были достигнуты весьма важные дѣйствительные результаты. Кесслеръ, въ свою краткую поѣздку успѣлъ во-первыхъ осмотрѣть четыре собранія живыхъ животныхъ, а именно: Вѣнское, Парижское, Амстердамское и Берлинское. Вообще устройство подобнаго рода заведеній показалось

ему не вполнѣ сообразнымъ съ требованіями науки. „Въ нихъ обращаютъ преимущественное вниманіе на большихъ красивыхъ и возбуждающихъ всеобщее любопытство животныхъ, такъ что вездѣ мы находимъ тигровъ, львовъ, леопардовъ, слоновъ, верблюдовъ, зебръ, оленей, кенгуру, орловъ, попугаевъ, страусовъ, различныхъ частей свѣта фазановъ, голубей, лебедей, утокъ, гремучихъ змѣй; вездѣ толпы зрителей забавляются разнородными жестами обезьянъ и дразнятъ нашего бураго медвѣдя, котораго изъ Мишки перекрестили въ Мартына. Но животныя эти встрѣчаются также во всякой почти перевозной менажеріи и съ обычаями ихъ давно уже успѣли ознакомиться по возможности. Поэтому-то я полагаю, что гораздо полезнѣе было-бы, если-бъ въ зоологическихъ садахъ стали заботиться особенно о тѣхъ животныхъ, съ образомъ жизни которыхъ мы еще мало знакомы, и именно о такихъ, которымъ можно-бы было доставить тутъ полное раздолье для развертыванія ихъ способностей. Странно въ этомъ отношеніи, что нигдѣ еще не занялись разведеніемъ рыбъ, хотя-бы только и прѣсноводныхъ, такъ что мы о житьѣ-бытьѣ этихъ обитателей водъ знаемъ едва-ли не менѣе древнихъ римлянъ". Зоологическихъ музеевъ ему удалось видѣть весьма значительное число, а именно въ Лембергѣ, Краковѣ, Вѣнѣ, Зальцбургѣ, Мюнхенѣ, Цюрихѣ, Бернѣ, Базелѣ, Страсбургѣ, Парижѣ, Брюсселѣ, Люттихѣ, Лейденѣ, Боннѣ, Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Галле, Берлинѣ и Варшавѣ. Что касается до зоологическихъ кабинетовъ, то онъ разсмотрѣлъ таковые въ Вѣнѣ, Мюнхенѣ, Цюрихѣ, Бернѣ, Парижѣ, Лейденѣ, Люттихѣ, Боннѣ и Берлинѣ и кромѣ того познакомился съ физіологическими институтами въ Геттингенѣ и въ Галле. Объ этихъ послѣднихъ онъ распространяется съ особенною подробностію, описывая рядъ работъ, произведенныхъ при немъ и, отчасти, при его участіи. „Учрежденіе физіологическихъ институтовъ (говорилъ Кесслеръ) есть явленіе, весьма важное для характеристики новѣйшаго направленія зоологіи. Институты эти не заключаютъ въ себѣ коллекцій ни зоологическихъ, ни зоотомическихъ, а требуютъ лишь хорошо устроенныя рабочія комнаты, снабженныя достаточнымъ числомъ приборовъ физическихъ и химическихъ и инструментовъ анатомическихъ. Они свидѣтельствуютъ о томъ, что зоологи не довольствуются уже болѣе знаніемъ внѣшнихъ формъ и внутренняго строенія животныхъ, а предполагаютъ себѣ цѣлью проник-

путь въ самыя сокровенныя храмины дѣйствующихъ въ животномъ тѣлѣ силъ, изучить явленія, производимыя этими силами, и законы которымъ онѣ подлежатъ и подвигаться такимъ образомъ постепенно къ разгадкѣ великой задачи: узнать, въ чемъ состоятъ основныя начала животной жизни. Льщу себя надеждою, что такимъ образомъ приняты мною всѣ нужныя мѣры для того, чтобы въ теченіи не многихъ лѣтъ привести завѣдываемый мною кабинетъ въ такое положеніе, что онъ будетъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ преподаванія зоологіи и въ то-же время будетъ имѣть значительную цѣну научную". Нѣтъ надобности прибавлять, что дѣйствительно этому замѣчательному ученому обязана своимъ порядкомъ его спеціальная университетская коллекція.

Въ 1845 г. была представлена часть отчета о заграничномъ путешествіи профес. Фонберга. Въ немъ, объяснивъ историческимъ ходомъ науки сущность предмета, г. Фонбергъ излагаетъ сначала свои мысли о правильномъ устройствѣ химическихъ лабораторій, смотря по различнымъ цѣлямъ химическихъ занятій; соображаясь съ устройствомъ разсмотрѣнныхъ имъ во время путешествія лабораторій, онъ излагаетъ затѣмъ различныя потребности ввѣренной ему лабораторіи по различію цѣли занятій студентовъ, слушающихъ химію; и наконецъ предлагаетъ планы подробнаго устройства главныхъ принадлежностей. Не его вина, что тогдашнее помѣщеніе лабораторіи не могло, ни при какомъ распредѣленіи различныхъ принадлежностей, достигнуть настоящаго и современнаго устройства лабораторій; всѣмъ такимъ потребностямъ могло удовлетворить только особое зданіе, о чемъ и заявило II-е отдѣленіе философскаго факультета, давая оцѣнку отчету Фонберга.

Профес. Фонбергъ представилъ нѣсколько чертежей и вообще вывезъ изъ заграничной поѣздки не только общія требованія отъ устройства лабораторіи, но и мельчайшія техническія подробности этого дѣла.

Изъ этихъ двухъ примѣровъ видно, что командировки, направляясь къ опредѣленнымъ цѣлямъ для исполненія насущныхъ потребностей того или другаго учрежденія въ Университетѣ, составляли значительный трудъ для командируемыхъ; но были тогда большою рѣдкостію.

Постороннія занятія профессоровъ. Относительно прошлаго періода было замѣчено, что особымъ распоряженіемъ право профессоровъ

брать на себя постороннія занятія было поставлено подъ контроль министерства. Распоряженіе это примѣнялось и теперь; по крайней мѣрѣ на занятіе преподавательскихъ мѣстъ внѣ министерства народнаго просвѣщенія испрашивалось разрѣшеніе совѣта. Само собою разумѣется, что занятіе административно-учебныхъ и преподавательскихъ должностей въ округѣ совершенно зависѣло отъ разрѣшенія попечителя и къ совѣту за нимъ не обращались. Сначала лишь весьма немногіе профессора находили себѣ внѣ-университетскія занятія; но въ концѣ 40-хъ годовъ уже значительная часть ихъ запаслась такими занятіями; именно: профес. богословія Ив. М. Скворцовъ преподавалъ въ Кіевскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. О. М. Новицкій былъ членомъ цензурнаго комитета. Александръ Ник. Тихомандрицкій состоялъ штатнымъ преподавателемъ математики въ Кіевской 1-й гимназіи. А. А. Ѳедотовъ-Чеховскій былъ преподавателемъ въ училищѣ землемѣровъ и въ то-же время членомъ цензурнаго комитета (онъ назначенъ на эту должность еще 2 января 1840 г.). С. О. Богородскій былъ опредѣленъ 15 декабря 1839 г. директоромъ училищъ Кіевской губерніи и оставался въ этой должности до 19 октября 1848 г. Н. Д. Иванишевъ были инспекторомъ классовъ Кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ. Преподавателями въ институтѣ одновременно были почти всѣ молодые адъюнкты Университета. Но весьма скоро именно 5-го ноября 1848 г. одновременно вышли изъ института: Яроцкій, Павловъ, Селинъ и Ѳеофилактовъ. Медики почти всѣ размѣстились ординаторами въ госпиталѣ и городскихъ больницахъ; профессоръ Вальтеръ завѣдывалъ Кирилловскою больницею. Въ 1848 году профессоръ Алферьевъ обратился съ письмомъ къ директору медицинскаго департамента военнаго министерства, изъявляя желаніе принять на себя, сверхъ профессорской должности, исправленіе обязанности ординатора въ Кіевскомъ военномъ госпиталѣ. Бибиковъ приказалъ спросить совѣтъ, не находитъ-ли онъ къ тому препятствія; совѣтъ ихъ не нашелъ, и профес. Алферьевъ былъ опредѣленъ младшимъ ординаторомъ. Но главнѣйшимъ постороннимъ занятіемъ для медиковъ къ концу сороковыхъ годовъ сдѣлалась медицинская практика, которая для нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣлалась сильнѣйшимъ препятствіемъ къ надлежащему исполненію преподавательскихъ обязанностей. Къ концу этой эпохи и къ началу слѣдующей, открылись новые пути для пріо-

брѣтенія постороннихъ занятій, особенно для юристовъ. Въ іюлѣ 1850 года Кіевская контора государственнаго коммерческаго банка просила Бибикова увѣдомить нѣтъ-ли препятствій къ опредѣленію адъюнкта Вигуры юрисконсультомъ въ эту контору сверхъ его профессорской должности. Отвѣтивъ конторѣ утвердительно, Бибиковъ счелъ нужнымъ увѣдомить о томъ Университетъ. Въ ноябрѣ 1855 г. Вигурѣ временно порученно было исправленіе должности управляющаго банкомъ.

Хотя такія занятія быть можетъ отвлекали преподавателей отъ ихъ непосредственныхъ обязанностей по Университету, однако не были сопряжены съ злоупотребленіемъ этими обязанностями и не возбуждали такихъ нареканій, какъ содержаніе профессорами пансіонеровъ. Къ этому послѣднему средству прибѣгали профессора въ виду крайностей недостаточнаго содержанія, и на него обращено было вниманіе даже министерства, которое, не истребляя причинъ зла, хотѣло уничтожить его послѣдствія. 14-го іюля 1845 г. министръ народнаго просвѣщенія писалъ, что нѣкоторые преподаватели университетовъ содержатъ у себя пансіонеровъ различныхъ возрастовъ и состояній изъ воспитанниковъ разныхъ учебныхъ заведеній и приготовляющихся къ поступленію въ подобныя заведенія, молодыхъ людей, не ограничиваясь въ семъ никакими со стороны начальства условіями и не давая ему отчета по неимѣнію на этотъ предметъ правилъ. Уваровъ, находя нужнымъ постановить такія правила, предложилъ между прочимъ на обсужденіе совѣту Университета св. Владиміра слѣдующее: 1) могутъ-ли преподаватели университетовъ и лицеевъ, а также инспекторы этихъ заведеній и помощники ихъ содержать у себя пансіонеровъ безъ вреда и упущенія по прямымъ своимъ занятіямъ и должностямъ? 2) Въ какихъ случаяхъ и по какимъ уваженіямъ можно имъ дозволить содержаніе пансіонеровъ, какое именно число, на какихъ условіяхъ, въ какой зависимости отъ начальства и всѣхъ-ли безъ различія возрастовъ и учебныхъ заведеній какъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ и другихъ вѣдомствъ, или-же только извѣстнаго возраста молодыхъ людей изъ поступившихъ въ Университетъ и лицей или приготовляющихся къ поступленію въ эти заведенія? 12-го ноября 1845 г. было представлено мнѣніе совѣта по этому вопросу такого рода: подъ именемъ пансіонеровъ обыкновенно разумѣются тѣ молодые люди, которые не только пользуются у своихъ содержателей квартирою и сто-

ломъ, но и ввѣрены имъ для воспитанія въ умственномъ и нравственномъ отношеніи.

1) Содержать пансіонеровъ преподаватели могутъ *безъ вреда и упущенія по прямымъ своимъ обязанностямъ*, какъ видно изъ того, что они съ успѣхомъ могутъ занимать и исполнять прибавочныя должности: декана, директора гимназіи, инспектора училищъ, имѣть двѣ каѳедры, заниматься медицинскою практикою и т. д. Тоже должно сказать объ инспекторѣ и его помощникахъ. А если-бы подобное занятіе преподавателей университетовъ, инспектора и его помощниковъ свыше ихъ надлежащихъ предѣловъ и повлекли за собою какія-либо упущенія по ихъ должности, то училищное начальство безъ всякаго труда можетъ замѣтить этотъ вредъ и своевременно принять мѣры къ устраненію онаго. Сверхъ того, такъ какъ всѣ занятія и должности преподавателей при университетахъ и лицеяхъ имѣютъ главною цѣлью руководствовать молодыхъ людей на пути образованія и доброй нравственности, то жительство у нихъ пансіонеровъ не только можетъ быть безъ вреда и упущенія по ихъ обязанностямъ и должностямъ, но *прямо ведетъ къ возможности лучшаго исполненія своихъ обязанностей*, давая возможность ближе наблюдать надъ послѣдствіями своихъ усилій для умственнаго и нравственнаго развитія молодыхъ людей и точнѣе знакомиться съ ихъ умственными и нравственными потребностями.

2) Преподаватели университетовъ и лицеевъ, инспекторы и ихъ помощники, могутъ содержать пансіонеровъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда родители или родственники молодыхъ людей пожелаютъ имъ поручить ихъ съ извѣстною цѣлью, къ чему родители или родственники могутъ побуждаться различными причинами: родственными отношеніями съ кѣмъ-либо изъ означенныхъ лицъ, болѣзненнымъ состояніемъ дитяти, требующимъ особенной заботливости, а иногда и нравственными недостатками воспитанника, требующими бдительнаго надзора опытнѣйшаго педагога и вообще желаніемъ, чтобы на молодого человѣка, при его воспитаніи, обращено было извѣстнымъ лицемъ исключительное вниманіе во всѣхъ отношеніяхъ: въ хозяйственномъ, физическомъ, нравственномъ и умственномъ. На этотъ счетъ нѣсколько иного мнѣнія держался медицинскій факультетъ, который полагалъ, что преподаватели университета, инспекторъ и его помощники могутъ принимать къ себѣ пансіонерами только тѣхъ студентовъ, у которыхъ въ Кіевѣ

нѣтъ ни родителей, ни родственниковъ, у которыхъ-бы они могли жить, и также въ случаѣ родства между ими и студентомъ, или въ случаѣ крайней бѣдности этого послѣдняго.

3) Преподаватели Университета св. Владиміра могутъ держать пансіонеровъ и по той особой причинѣ, что въ Кіевскія учебныя заведенія стекается множество дѣтей изъ западныхъ губерній, воспитанныхъ въ иныхъ правилахъ, не всегда сообразныхъ съ духомъ русскаго образованія; уже по этому одному, а также для самого языка весьма полезно имъ оставаться въ ближайшемъ и постоянномъ обществѣ съ русскими преподавателями.

Таково было мнѣніе большинства. Но проф. А. Н. Тихомандрицкій подалъ свое особое мнѣніе, а именно слѣдующее: по его мнѣнію, содержаніе профессорами пансіонеровъ или студентовъ Университета, или желающихъ поступить въ Университетъ, большею частію бываетъ вредно какъ для профессоровъ, такъ и для самыхъ пансіонеровъ. Профессоръ или доставляетъ содержаніе пансіонерамъ — квартиру и столъ, или вмѣстѣ надзираетъ за ихъ поведеніемъ и руководствуетъ ихъ въ занятіяхъ предметами, слушаемыми въ Университетѣ. Первое трудно выполнить, потому что требуетъ многихъ хозяйственныхъ хлопотъ, завлекающихъ или даже отвлекающихъ профессора отъ его главныхъ занятій; надобно самому вездѣ и во всемъ имѣть надзоръ, — люди всегда люди, — нормальность въ дѣйствіяхъ трудна. Именемъ профессора для пансіонеровъ покрываются и всѣ неудовольствія на хозяина, и хотя — не-хотя переносятся. Значитъ, или пансіонеры будутъ по пусту терять свои деньги, или профессоръ много будетъ терять времени для него важнаго. Въ этомъ случаѣ, касающемся студентовъ и желающихъ поступить въ Университетъ, имя профессора, въ общественномъ мнѣніи, никогда не избѣгнетъ нареканій и при самомъ строгомъ исполненіи принятыхъ обязанностей по содержанію пансіонеровъ. Всякій воспитатель и преимущественно профессоръ долженъ быть въ своихъ поступкахъ чистъ отъ всякаго нареканія.

Къ этому заявленію присоединился профес. Кесслеръ въ такихъ выраженіяхъ: „я почти во всемъ согласенъ съ мнѣніемъ г. Тихомандрицкаго и нахожу нужнымъ присовокупить только то, что по моимъ понятіямъ держаніе пансіонеровъ во всякомъ случаѣ несогласно съ достоинствомъ и значеніемъ профессора, который не столько долженъ

быть воспитателемъ молодыхъ людей, сколько преподавателемъ выводовъ науки въ современномъ ея развитіи. Далѣе я долженъ еще прибавить, что профессоръ, держащій пансіонеровъ изъ студентовъ, если и съумѣетъ остаться вполнѣ безпристрастнымъ, что довольно трудно уже потому, что онъ со своими пансіонерами успѣетъ ознакомиться короче, нежели съ другими своими слушателями, то никогда однако не будетъ слыть таковымъ между студентами, а этого слѣдуетъ по возможности избѣгать“ *).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Студенты и инспекція.

Пріемъ въ студенты и составъ слушателей. Съ изданіемъ новаго устава, Университетъ и высшее начальство народнаго просвѣщенія сначала обнаружили намѣреніе строго придерживаться постановленныхъ условій для пріема въ студенты; именно только окончившіе курсъ въ гимназіяхъ и равныхъ имъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ допускаются къ пріемному экзамену. Воспитанники духовныхъ семинарій, вышедшіе изъ средняго отдѣленія семинаріи, надѣялись, что они будутъ допущены къ вступительному экзамену по прежнимъ порядкамъ и поспѣшили взять увольненіе изъ духовнаго вѣдомства, но получали отказъ.

Какія заведенія равны гимназіямъ, это разрѣшалось каждый разъ особыми представленіями къ попечителю и въ министерство.

Однако по особымъ ходатайствамъ и съ Высочайшаго разрѣшенія принимали и теперь въ студенты лицъ, вовсе не учившихся ни въ гимназіяхъ, ни въ другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. На пріемъ такихъ людей не всегда, впрочемъ, испрашивалось Высочайшее соизволеніе; иногда разрѣшеніе давалъ и самъ министръ народнаго просвѣщенія. Въ іюнѣ 1846 г. испрошено Высочайшее соизволеніе на допущеніе къ пріемнымъ испытаніямъ цѣлой группы молодыхъ людей (18-ти), или не окончившихъ курсъ въ гимназіи или окончившихъ неудовлетворительно. Въ 1847 г. дано такое-же разрѣшеніе на пріемъ 5-ти лицъ, въ 1848—двухъ. Нѣсколько точнѣе опредѣленъ вопросъ о томъ, кто имѣетъ право поступить въ Университетъ св. Вла-

*) Дѣло совѣта 1845 г. № 189.

диміра безъ экзамена; такъ въ частномъ случаѣ разрѣшено, принять безъ испытанія воспитанниковъ Виленскаго дворянскаго института (гр. Адольфа и Эмиліи Олизаровъ), на основаніи преимуществъ, предоставленныхъ имъ аттестатами. Въ общемъ смыслѣ вопросъ этотъ въ примѣненіи къ ученикамъ гимназій разрѣшенъ такъ (17-го сентября 1842 г.): „окончившіе въ гимназіяхъ съ отличіемъ курсъ ученія, удостоиваемые при выпускѣ права на чинъ 14 класса, или равняющіеся имъ по успѣхамъ, т. е. оказавшіе по всѣмъ предметамъ гимназическаго ученія успѣхи отличные и не менѣе хорошихъ, принимаются въ Университетъ св. Владиміра безъ вторичнаго испытанія". Такъ привилегія одной Кіевской 1-й гимназіи распространена на всѣ. Также строже были опредѣлены условія перехода въ Университетъ св. Владиміра изъ лицеевъ. Студенты Ришельевскаго лицея и лицея кн. Безбородко или принимаются со вступительнымъ экзаменомъ, или вовсе не принимаются, смотря по аттестаціи лицейскаго начальства. Нелегки были переходы и изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, каковы медико-хирургическія академіи и университеты. Для принятія такихъ лицъ каждый разъ испрашивалось особое разрѣшеніе. Тутъ дѣйствовали уже стороннія причины, именно опасеніе допустить въ Университетъ св. Владиміра людей, которымъ былъ воспрещенъ доступъ въ него въ 1839 г.

За то другіе разряды аспирантовъ были счастливѣе; прежде было постановлено: не принимать евреевъ—иностранцевъ; но въ 1842 году нѣкто Дм. Вурцель подалъ прошеніе, въ которомъ заявилъ, что онъ выѣхалъ по домашнимъ обстоятельствамъ изъ Галиціи въ Россію, далъ присягу на подданство въ Россіи и просвѣщенъ св. крещеніемъ. Попечитель разрѣшилъ принять Вурцеля безъ зачета времени, проведеннаго имъ въ Лембергскомъ университетѣ.

По новому уставу пріемъ студентовъ бываетъ два раза въ годъ послѣ лѣтнихъ и зимнихъ вакацій. Срокъ для подачи прошеній на второе полугодіе назначался отъ 1 по 12 января.

Предметы испытанія при поступленіи въ Университетъ тѣже, что и въ первую эпоху съ слѣдующими измѣненіями: отъ поступающихъ въ І-е отдѣленіе философскаго факультета, если они испытываются въ греческомъ языкѣ, требуется познаніе математики до коническихъ сѣченій, но не включительно. Знающіе греческій и латинскій языки, если не намѣрены поступить въ І-е отдѣленіе философскаго факуль-

тета, имѣютъ право ограничиться испытаніемъ въ одномъ только изъ новѣйшихъ языковъ.

Всѣхъ экзаменовавшихся въ первое полугодіе 1842 г. было 57; изъ нихъ не выдержало испытанія 15. Сверхъ того принято безъ экзамена 20. Изъ принятыхъ поступили на I-е отдѣленіе философскаго факультета—9, на II-е отдѣл. —19; на юридическій факультетъ—21; на медицинскій—13. Въ январское полугодіе принято по экзамену 13 и неудостоено пріема 8. Повидимому всѣ забракованные на экзаменѣ 1-го полугодія явились вновь на экзаменъ январскій, но большей частью имѣли туже судьбу. Надо думать, что гимназическая подготовка была весьма слаба; были и такіе, которые получали 0 по латинскому языку, 1 изъ исторіи и т. д.

Въ 1844 г. въ 1-е полугодіе подвергалось экзамену 94 ученика; изъ нихъ неудостоено пріема 15; такимъ образомъ по экзамену поступило 79; и сверхъ того безъ экзамена 26; всего—105. Бóльшая часть поступала на юридическій и медицинскій факультеты. Само собою разумѣется, что три заднѣпровскія гимназіи могли дать лишь незначительное меньшинство учениковъ сравнительно съ правобережными гимназіями. Изъ Полтавской и теперь поступало ничтожное число; главная масса лѣвобережныхъ шла изъ Новгородъ-Сѣверска. Изъ духовныхъ семинарій (Смоленской и Тульской) явилось только два *).

Въ 1845 г. заявило желаніе поступить 119 лицъ; изъ нихъ держало экзаменъ 62,—изъ которыхъ неудостоено пріема 6.

Въ слѣдующіе годы поступило:

Годы.	Всѣхъ.	На I отд. филос. фак.	На II отд. филос. фак.	На юридич. факульт.	На медиц. факульт.
1847 . . .	174	29	50	41	54
1848 . . .	197	25	30	30	112

Общее число студентовъ съ 1842 г. начало быстро возрастать, чему въ особенности содѣйствовало постепенное открытіе курсовъ медицинскаго факультета; къ концу эпохи оно возрасло болѣе, чѣмъ вдвое сравнительно съ числомъ студентовъ, бывшимъ въ началѣ ея. Если отбросить все количество студентовъ медиковъ, то и число остальныхъ уже въ 1842 году превысило то, какого достигъ было Университетъ до 1839 года, а къ концу втораго семилѣтія общая числен-

*) Дѣло совѣта 1843 г. № 153.

ность студентовъ въ $2^1/_2$ раза превышала наибольшее число ихъ въ первомъ семилѣтіи. Въ 1848 г. Университетъ уже имѣлъ 656 слушателей, т. е. болѣе, чѣмъ Волынскій лицей въ лучшія времена своей исторіи. Такимъ образомъ слѣды погрома 1839 г. совершенно изгладились. До какой степени содѣйствовалъ тому уставъ 1842 г., опредѣлить трудно. Скорѣе и вѣрнѣе слѣдуетъ предположить, что Университетъ успѣлъ завоевать себѣ довѣріе среди населенія края достоинствами своего преподаванія.

При началѣ дѣйствія новаго устава составъ слушателей по вѣроисповѣданіямъ (что́ равнялось распредѣленію по національностямъ) раздѣлялся почти на двѣ равныя половины: въ 1843 г. студентовъ православнаго исповѣданія было 147, католиковъ и армяно-уніатовъ—166. Незначительный перевѣсъ католиковъ продолжался и въ слѣдующіе два года; но съ 1846 г. разница въ пользу католиковъ начинаетъ быстро возрастать, такъ что къ 1848 г. студенты православнаго исповѣданія уже составляютъ почти $^1/_3$ общаго числа (244 изъ 656), а католики $^2/_3$ (369). Университетъ снова быстро приближался къ такому-же національному характеру, какой утвердился уже въ немъ въ первую эпоху.

Съ развитіемъ медицинскаго факультета, число евреевъ начинаетъ увеличиваться; но и теперь многіе изъ нихъ, которые попадали въ Университетъ, чувствовали себя стѣснительно, что́ доказывается довольно значительнымъ числомъ спѣшившихъ принять христіанскую вѣру. Большая часть изъ нихъ избирала католическое вѣроисповѣданіе; однако принимали и православіе. Въ 1843 году еврей Грин—умъ былъ окрещенъ въ Университетской церкви и нареченъ Владиміромъ. Но въ слѣдъ затѣмъ онъ подалъ прошеніе о переименованіи его Василіемъ и присвоеніи ему фамиліи Ѳедоровъ „изъ благодарности къ воспріемнику моему его выс—дію г. ректору Василію Ѳедорову“. Совѣтъ не нашелъ препятствій ходатайствовать о томъ и новое имя и фамилія были ему присвоены. Затѣмъ Кіевское губернское правленіе увѣдомило Университетъ, что духовная консисторія ходатайствовала о выдачѣ новообращенному узаконеннаго денежнаго пособія, и что оно, губернское правленіе, рѣшило, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 11-го февраля 1842 г., сообщить въ казенную палату о выдачѣ ему—выкресту, на первоначальное обзаведеніе 20 р. с. *).

*) Дѣло совѣта 1843 г. № 175.

Общая таблица числа студентовъ.

Годы.	Общее число.	По вѣроисповѣданію.				По происхожденію.				По воспитанію.		По факультетамъ.				По способу содержанія.		
		Православныхъ.	Католик. и армян.-кат.	Лютеранъ, протестан. и евангел.	Евреевъ.	Дворянъ и оберъ-офиц. дѣтей.	Духовныхъ.	Городскихъ сословій.	Сельск. однодв. козак. вольноотп.	Гимназ. и проч. свѣт. училищъ.	Семинарій.	I-е отд. философ. фак.	II-е отд. философ. фак.	Юридическаго.	Медицинскаго.	Казеннокоштныхъ и пансіон.	Недостаточныхъ.	Своекошти.
1842	259	—	—	10	3	Свѣдѣній нѣтъ.				231*)	20	Свѣдѣній нѣтъ.				69	—	190
1843	322	147	166	9	—	259	18	31	11	306	16	50	82	120	64	88	—	234
1844	403	184	207	10	2	331	28	39	2	—	—	54	97	156	96	111	—	292
1845	443	194	234	8	7	367	12	40	11	435	8	49	85	164	143	131	—	312
1846	525	218	282	13	12	441	21	53	10	514	11	65	103	178	179	134	—	389
1847	570	223	324	7	16	465	22	62	21	561	9	74	117	156	213	138	—	432
1848	656	244	369	13	27	509	26	73	25	642	11	88	106	163	299	126	45	485

*) 8 получили домашнее воспитаніе.

Приведенныя цифры числа студентовъ являются не менѣе шаткими и текучими, какъ и въ предыдущую эпоху; увольненія студентовъ по ихъ прошеніямъ были и теперь не менѣе часты. Причины бѣгства студентовъ изъ Университета остаются прежнія; новый уставъ не уменьшилъ этихъ причинъ, а напротивъ отчасти увеличилъ ихъ. Всѣхъ подавшихъ прошеніе объ увольненіи въ 1842—43 учебномъ году было 27. Бóльшая часть ихъ ушла до изданія новаго устава (17). Въ числѣ причинъ, выставленныхъ въ просьбахъ объ увольненіи есть ссылки на бѣдность, особенно если студентъ лишаемъ былъ казеннаго содержанія за неудовлетворительный экзаменъ. Равнымъ образомъ не внесшій платы за ученіе поневолѣ долженъ былъ уходить изъ Университета. Въ 1845—46 г. было подано 30 прошеній объ увольненіи, большею частію для перехода въ другіе университеты; но и теперь еще попадаются желающіе поступить въ военную службу. Сверхъ того двое уволены по безвѣстному отсутствію. Въ 1846—47 г. уволено по прошенію 32. Въ 1848 г. уволено по прошенію 17 чел. Всѣ указанныя причины увольненія были прежнія; но новою возникшею въ слѣдствіе устава 1842 г. и самою обыкновенною причиною увольненія студентовъ явилось окончаніе 4 или 5 лѣтняго срока пребыванія студента въ университетѣ. Тотъ, кто въ этотъ срокъ не приступилъ къ экзамену, или-же не выдержалъ его, считался окончившимъ курсъ безъ пріобрѣтенія какихъ-либо правъ. Отсюда явилась масса прошеній объ оставленіи на 5-й или 6-й годъ; такія прошенія подавались попечителю, который, впрочемъ, обыкновенно и разрѣшалъ ихъ въ утвердительномъ смыслѣ *).

Семестральный порядокъ курса и свобода слушанія лекцій. Самое важное отличіе Университета св. Владиміра по уставу 1842 г. относилось, какъ сказано, къ новому устройству порядка слушанія лекцій по германскому образцу. Дѣло это было для русскихъ новое и требовало установленія новыхъ правилъ. 20-го августа 1842 года. совѣтъ представилъ попечителю проэктъ такихъ правилъ, сущность которыхъ можно видѣть изъ слѣдующихъ параграфовъ ихъ.

„Факультетамъ Университета св. Владиміра поставляется въ обязанность одинъ разъ навсегда съ точностію обозначить и сдѣлать

*) Дѣло совѣта 1844 г. № 229.

извѣстными какъ предметы, въ коихъ по каждому факультету, отдѣленію и разряду кончившій курсъ университетскаго ученія подвергается окончательному испытанію для полученія ученаго званія, *такъ и порядокъ, въ которомъ эти предметы могутъ быть изучаемы студентами* и слушателями съ наибольшею для нихъ пользою" (§ 1). Такимъ образомъ опека надъ свободою выбора лекцій началась тотчасъ-же по введеніи новаго устава. Та-же опека замѣчается и въ слѣдующихъ параграфахъ правилъ. „При распредѣленіи лекцій на каждое полугодіе, наблюдается, чтобы различные предметы одного и того-же факультета, отдѣленія и разряда, въ особенности такіе предметы, которые вновь поступившій въ Университетъ въ состояніи былъ-бы слушать, не были читаны въ одни и тѣ-же дни и часы, или въ тѣ дни и часы, въ какіе читаются предметы, общіе всѣмъ факультетамъ, какъ-то: богословіе и новѣйшіе языки" (§ 3). „При расположеніи лекцій въ продолженіи 4-хъ лѣтъ (по философскому и юридическому факультетамъ) или 5-ти-лѣтняго курса по медицинскому факультету наблюдается опредѣленный порядокъ сообразно плану составленному факультетомъ" (§ 4). „Студентъ или слушатель обязанъ каждое полугодіе слушать не менѣе трехъ предметовъ, принадлежащихъ къ избранному имъ факультету, отдѣленію и разряду, доколѣ онъ не выслушаетъ всѣхъ предметовъ своего факультета, отдѣленія или разряда" (§ 5). „Предметы, какіе съ наступающаго полугодія должны быть слушаемы казеннокоштными студентами Университета, опредѣляются по принадлежности факультетами" (§ 6). „Предметы, какіе въ наступающее полугодіе имѣютъ быть слушаемы своекоштными студентами и слушателями, избираются или самими по собственному ихъ усмотрѣнію, съ нижеслѣдующими ограниченіями" (§ 7). „По отношенію къ богословскимъ лекціямъ каждый студентъ и слушатель въ каждое полугодіе слушаетъ ту часть этихъ лекцій, которая будетъ читаться въ то полугодіе, если только онъ не слушалъ этой части прежде" (§ 8). „При избраніи прочихъ предметовъ для слушанія своекоштные студенты и слушатели *сообразуются съ объявленіями факультетовъ* о порядкѣ, въ какомъ предметы каждаго факультета, отдѣленія и разряда могутъ быть наилучше изучаемы и предметахъ, *какіе въ наступающемъ полугодіи должны слушать казеннокоштные студенты*" (§ 9). „Избирая себѣ предметы для слушанія на каждое полугодіе, своекоштные студенты и слушатели

должны смотрѣть на то, въ состояніи-ли они основательно понимать избираемые предметы и отнюдь не выбирать такихъ предметовъ, которыхъ они не въ состояніи были-бы основательно понимать безъ надлежащихъ свѣдѣній въ другихъ предметахъ, преподаваемыхъ въ Университетѣ" (§ 10). „*Факультеты*, особенно для лицъ, вновь вступившихъ въ Университетъ, *могутъ опредѣлить, съ какихъ предметовъ они имѣютъ начать слушаніе уроковъ* въ Университетѣ, и таковое опредѣленіе имѣетъ для студентовъ полную обязательную силу" (§ 11). „При соблюденіи означенныхъ здѣсь правилъ ближайшее руководствованіе своекоштныхъ студентовъ и слушателей въ выборѣ ими предметовъ для слушанія принадлежитъ деканамъ факультетовъ" (§ 12). „При вступленіи въ Университетъ своекоштный студентъ и слушатель получаетъ вмѣстѣ съ матрикулою чрезъ инспектора студентовъ листъ для предъявленія имъ на каждое полугодіе лекцій, которыя онъ имѣетъ слушать" (§ 13). „Выбравъ себѣ предметы для слушанія и означивъ ихъ на своемъ листѣ, студентъ или слушатель является лично къ декану своего факультета и представляетъ ему свой листъ для разсмотрѣнія. Деканъ, по разсмотрѣніи листа и исправленіи его въ чемъ слѣдуетъ, подписываетъ на немъ свое одобреніе и отдаетъ его обратно студенту или слушателю" (§ 14). „Листъ, заслужившій одобреніе декана, студентъ или слушатель лично представляетъ въ опредѣленные для того часы въ канцеляріи совѣта, гдѣ лекціи въ немъ означенныя, записываются въ особую книгу, расположенную сообразно студентскому списку, о чемъ на листѣ дѣлается отмѣтка, а самый листъ возвращается студенту или слушателю" (§ 15). „По запискѣ въ означенную книгу лекцій всѣхъ студентовъ и слушателей, имѣющихъ слушать уроки въ Университетѣ въ наступающемъ полугодіи, въ канцеляріи совѣта составляются списки студентовъ по предметамъ, предъявленнымъ ими для слушанія и препровождаются къ инспектору студентовъ" (§ 16). „Руководствуясь сими списками, *инспекторъ* студентовъ *наблюдаетъ за неупустительнымъ посѣщеніемъ лекцій* со стороны студентовъ, а преподаватели—какъ за симъ-же по возможности, такъ въ особенности *за явкою* студентовъ и слушателей *на репетиціи*" (§ 17).

15-го сентября 1842 г. попечитель утвердилъ эти правила на четыре года, съ тѣмъ, чтобы потомъ вновь представить ихъ на его утвержденіе, съ измѣненіями по указаніямъ опыта.

Изъ этихъ правилъ очевидно, что уже тогда совѣтъ Университета не нашелъ возможнымъ примѣнить свободу слушанія лекцій во всемъ ея объемѣ къ прочимъ порядкамъ русской университетской жизни. Уже съ первыхъ шаговъ этого новаго порядка, выборъ предметовъ слушанія почти цѣликомъ отданъ на усмотрѣніе факультетовъ и ихъ декановъ, которые указываютъ обязательный порядокъ слушанія не только первокурсникамъ и казеннокоштнымъ, но могутъ издавать такія-же обязательныя постановленія и для всѣхъ прочихъ. То постановленіе, что своекоштные должны сообразоваться съ росписаніемъ для казеннокоштныхъ, тотчасъ-же уничтожило всякій слѣдъ свободы въ выборѣ предметовъ: студенты начали просто списывать табличку для казеннокоштныхъ и съ нею являться къ декану.

Что примѣнить эту нѣмецкую Lernfreiheit было нельзя, показываетъ между прочимъ слѣдующее обстоятельство.

28-го ноября 1842 г. ректоръ заявилъ совѣту, что онъ распорядился объявить студентамъ, не предъявившимъ листа о лекціяхъ, что для предъявленія ими лекцій дается имъ еще одна недѣля времени, по истеченіи которой будетъ имъ воспрещено слушаніе лекцій, но что не смотря на то нѣкоторые изъ нихъ доселѣ не предъявили своихъ лекцій. Совѣтъ опредѣлилъ принять за правило: 1) если своекоштный студентъ или слушатель не предъявитъ въ 1-й срокъ лекцій, то назначить 2-й, при чемъ запретить такимъ студентамъ слушаніе лекцій; 2) если они и послѣ того не предъявятъ лекцій и ко второму сроку, то увольняются вовсе изъ Университета. Попечитель 28 декабря утвердилъ это добавленіе къ правиламъ.

Зачѣмъ нужно было совѣту такъ настаивать на своевременномъ представленіи студентами „листовъ“? Затѣмъ, что по этимъ листамъ совершается инспекціею наблюденіе за неупустительнымъ посѣщеніемъ лекцій. Мнимая свобода слушанія никакъ не уживалась съ строжайшею обязанностію слушанія ихъ.

Обязательность посѣщенія лекцій. Не смотря на то, что многія каѳедры не были еще заняты и многіе предметы, положенные по уставу, совсѣмъ не читались; не смотря на то, что нѣкоторые профессора еще не читали по 8 часовъ въ недѣлю, какъ было положено въ уставѣ,—не взирая на все это, студенты были до крайности обременены числомъ ежедневныхъ чтеній; именно они должны были вы-

слушивать ежедневно minimum 7 лекцій. Учебные часы спачала распредѣлялись на два пріема: до и послѣ полудня. Въ декабрѣ 1845 г. управлявшій округомъ нашелъ такое распредѣленіе неудобнымъ, „потому что 1) такое занятіе студентовъ въ продолженіи цѣлаго дня почти не оставляетъ имъ свободнаго времени для ихъ собственныхъ ученыхъ упражненій, 2) ходить въ Университетъ, отдаленный отъ города, четыре раза въ день, для студентовъ затруднительно и даже во время частыхъ зимнихъ вьюгъ, въ позднее вечернее время опасно"; поэтому онъ просилъ совѣтъ распредѣлить все время чтеній до 3-хъ часовъ по полудни. Вмѣстѣ съ тѣмъ М. В. Юзефовичъ находилъ полезнымъ и даже нужнымъ, чтобы профессора подробно и совершенно опредѣлительно объясняли въ обозрѣніи тѣ части наукъ, какія именно они намѣрены пройти въ предстоящій семестръ и упоминали въ немъ о тѣхъ сочиненіяхъ, которыми предполагаютъ руководствоваться, разумѣется, если такія сочиненія они имѣютъ въ виду. Но исполнить первое оказалось возможнымъ не на всѣхъ факультетахъ; такъ медицинскій факультетъ нашелъ невозможнымъ прекращеніе послѣобѣденныхъ лекцій для студентовъ VIII и X семестровъ, по случаю занятій студентовъ въ клиникахъ, отнимающихъ почти половину утренняго времени; и послѣ того лекціи исторіи медицины и акушерства, съ ученіемъ о женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ, назначены были въ часы послѣобѣденные. Прочіе факультеты послѣдовали приглашенію попечителя. Такимъ образомъ у студентовъ было занято безпрерывно время дня отъ 8 часовъ утра до 3 пополудни.

Обязательность посѣщенія лекцій не только оставалась въ прежней силѣ, но и получила теперь новыя гарантіи. Эти дальнѣйшіе успѣхи принудительности начались, впрочемъ, съ предмета, не подлежавшаго свободѣ выбора, именно съ богословія. 10 марта 1844 г. попечитель писалъ инспектору студентовъ Университета св. Владиміра, что дошло до его свѣдѣнія, что многіе студенты уклоняются отъ лекцій закона Божія, въ особенности студенты православнаго исповѣданія, почему онъ предложилъ инспектору имѣть строгое и неослабное наблюденіе, дабы всѣ студенты обоихъ исповѣданій непремѣнно посѣщали лекціи закона Божія; объ уклоняющихся-же подъ разными предлогами отъ посѣщенія такихъ лекцій доносить ему по истеченіи каждаго мѣсяца для принятія съ его стороны надлежащихъ мѣръ. Объ именахъ сту-

дентовъ, не посѣщающихъ лекцій, освѣдомились у проф. И. М. Скворцова и Добшевича. Скворцовъ представилъ большой списокъ студентовъ, уклонявшихся отъ посѣщенія его лекцій, но изъяснилъ притомъ, что можетъ быть еще найдутся студенты, близкіе по своей неисправности къ поименованнымъ въ спискѣ. Напротивъ, Добшевичъ выразилъ мысль, что онъ не нуждается въ понужденіи его слушателей, которые и безъ того будто-бы посѣщаютъ его лекціи весьма охотно: „на лекціяхъ богословія римско-католическаго исповѣданія (писалъ онъ) всегда значительное число слушателей находилось; которые-же изъ нихъ уклонялись отъ посѣщенія лекцій, мнѣ неизвѣстно, ибо перекличка не была дѣлаема, а по многочисленности слушателей безъ переклички въ особенности замѣтить весьма трудно". Здѣсь нельзя не видѣть желанія выставить на видъ разницу отношеній католиковъ и православныхъ къ своему закону Божію; но такъ-ли это было на самомъ дѣлѣ— весьма сомнительно. Изложенная мѣра (т. е. представленіе списковъ нерадивыхъ студентовъ преподавателями) была оформлена и обобщена въ томъ-же 1844 г., именно управлявшій округомъ предложилъ: 1) По наступленіи времени для предстоящихъ экзаменовъ истребовать отъ профессоровъ богословія обоихъ исповѣданій списки тѣмъ студентамъ, которые часто уклонялись отъ лекцій закона Божія и тѣмъ подаютъ сомнѣніе въ основательныхъ въ томъ успѣхахъ. 2) Для испытанія всѣхъ такихъ студентовъ въ законѣ Божіемъ назначить отдѣльно отъ прочихъ время. 3) Предложить имъ во время испытанія не менѣе четырехъ вопросовъ каждому, предоставивъ профессорамъ богословія умножать эти вопросы до 6-ти по ихъ усмотрѣнію. Вмѣстѣ съ этимъ М. В. Юзефовичъ просилъ совѣтъ Университета разсмотрѣть, не окажется-ли нужнымъ распространить подобную мѣру на какіе-либо другіе предметы. Обсужденіе этого вопроса предоставлено факультетамъ и І-е отдѣленіе философскаго факультета между прочимъ опредѣлило, что такія мѣры могутъ быть съ пользою распространены и на прочіе предметы, именно: тѣмъ изъ студентовъ, которые безъ достаточной причины часто пропускали лекціи, предлагать на экзаменѣ не менѣе 4-хъ вопросовъ по тѣмъ предметамъ, отъ слушанія которыхъ они уклонялись *).

*) Дѣло совѣта 1844 г. № 78.

Но, кромѣ этой скромной мѣры, вскорѣ по введеніи новаго устава сочли необходимымъ прибѣгнуть къ суровымъ карательнымъ средствамъ, именно къ исключенію неисправныхъ студентовъ, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Въ апрѣлѣ 1843 г. инспекторъ донесъ попечителю объ упущеніяхъ своекоштнаго студента Сив—каго въ посѣщеніи лекцій, о лишеніи его права слушать за невзносъ положенной платы за ученіе и о неодобрительномъ его поведеніи. Попечитель, усматривая изъ этого представленія, что Сив—скій въ теченіи почти цѣлаго года не слушаетъ лекцій и замѣтивъ съ своей стороны, что онъ ведетъ себя не хорошо и не умѣетъ пользоваться предоставленными ему правительствомъ средствами къ образованію, предложилъ, если самъ Сив—скій не будетъ просить объ увольненіи, исключить его изъ Университета. Въ томъ-же 1843 году совѣтъ Университета, въ слѣдствіе отношенія инспектора, опредѣлилъ: уволить изъ Университета св. Владиміра своекоштнаго студента Леоп. Ок—ча за неуспѣхи въ наукахъ и неаккуратное посѣщеніе университетскихъ лекцій.

Но эти мѣры оказались недостаточными. Черезъ три года инспекторъ представилъ попечителю (30 сентября 1847 г.), что одною изъ главныхъ обязанностей инспектора, возложенныхъ на него инструкціею, есть надзоръ по учебной части. Надзоръ этотъ въ отношеніи къ студентамъ состоитъ главнѣйше въ томъ, чтобы всѣ они непремѣнно являлись на лекціи, которыхъ слушаніе вмѣнено имъ въ обязанность. Изыскивая средства исполнить въ возможной точности эту обязанность, изъ всѣхъ представляющихся средствъ онъ, инспекторъ, находилъ вѣрнымъ только одно, а именно: чтобы студенты, приходя поутру въ Университетъ, являлись предъ лекціями къ дежурному помощнику инспектора. Списки тѣхъ, которые замѣчены ими въ неисправномъ посѣщеніи лекцій, для особеннаго за ними наблюденія, должны быть представляемы инспектору.

Въ слѣдующемъ году изобрѣтена уже другая мѣра. На основаніи правила о порядкѣ слушанія лекцій въ Университетѣ св. Владиміра, утвержденныхъ попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа 28-го мая 1848 года, поставляется въ непремѣнную обязанность помощникамъ инспектора наблюдать за неупустительнымъ посѣщеніемъ лекцій со стороны студентовъ. Для удобнѣйшаго исполненія этой обязанности, инспекторъ предложилъ помощникамъ при наступленіи каждаго се-

местра: а) вносить въ особую книгу лекціи, избранныя студентами и лицами, допущенными къ слушанію университетскихъ лекцій и б) составлять вѣрный списокъ студентамъ и лицамъ, допущеннымъ къ слушанію университетскихъ лекцій по каждому предмету отдѣльно. Руководствуясь этими списками, помощники должны были слѣдить за посѣщеніемъ студентами лекцій каждый по извѣстнымъ только предметамъ (которые предоставляется имъ раздѣлить между собою по взаимному соглашенію), и такимъ образомъ замѣчать отсутствующихъ студентовъ и удостовѣряться посредствомъ педелей о причинахъ небытности каждаго изъ этихъ студентовъ; имена ихъ заносятся въ особо заведенную для того книгу по каждому предмету отдѣльно съ означеніемъ впослѣдствіи причины отсутствія. По истеченіи-же каждаго мѣсяца помощники должны представлять инспектору списки студентовъ по факультетамъ съ означеніемъ въ особенныхъ графахъ числа уроковъ, опущенныхъ ими по каждому предмету, какъ по болѣзни и другимъ уважительнымъ причинамъ, такъ и безъ причины. Въ тоже время инспекторъ предписалъ помощникамъ своимъ дежурить по два ежедневно въ Университетѣ и строго наблюдать за неупустительнымъ посѣщеніемъ лекцій студентами, „вмѣнивъ имъ при томъ въ обязанность для сего входить въ аудиторіи, гдѣ читаются лекціи со всею вѣжливостію и тишиною, и молча отмѣтивъ номѣра мѣстъ на скамейкахъ, не занятыхъ студентами, тотчасъ-же удаляться изъ оныхъ такимъ-же образомъ". Но къ исполненію этого встрѣтилось неожиданное препятствіе со стороны самихъ преподавателей. Инспекторъ жаловался попечителю, что помощники его, при исполненіи этого долга, вмѣсто необходимаго для достиженія сей цѣли содѣйствія преподавателей, хотя-бы только минутнымъ прекращеніемъ чтенія лекцій, отъ нѣкоторыхъ встрѣчали непріятности подъ предлогомъ будто-бы явки ихъ въ аудиторіяхъ мѣшаютъ чтенію лекцій; сообщая объ этомъ попечителю инспекторъ прибавляетъ: „рѣшительно не имѣю и не могу придумать другаго средства къ точному исполненію постановленнаго въ правилахъ, имѣю честь всепокорнѣйше просить о снабженіи меня наставленіемъ, какимъ-бы инымъ образомъ наблюдать за посѣщеніемъ лекцій студентами, почти всегда входящими въ одно и то-же время и въ 12-ти разныхъ мѣстахъ находящіяся аудиторіи вмѣстѣ съ преподавателями, начинающими тотъ-же часъ свои чтенія, что́ повторяется по нѣсколько

разъ въ теченіи дня". Никакихъ наставленій не могъ придумать и попечитель; дѣло не клеилось.

11-го октября 1848 года, инспекторъ въ дополненіе къ прежнему представленію доноситъ, что онъ принялъ всѣ зависящія отъ него мѣры какъ-то: размѣстивъ студентовъ въ аудиторіяхъ по померамъ, въ томъ порядкѣ въ какомъ предъявили они листы о слушаемыхъ ими предметахъ, вмѣнилъ имъ въ непремѣнную обязанность занимать назначенныя мѣста, съ предупрежденіемъ, что тѣ изъ нихъ, которые хотя дѣйствительно будутъ на лекціяхъ, но не на своихъ мѣстахъ, будутъ считаться отсутствующими. Потомъ онъ слѣдилъ за неупустительнымъ посѣщеніемъ студентами лекцій чрезъ помощниковъ и на этотъ конецъ завелъ нужныя книги и, по каждому предмету отдѣльно, списки, для занесенія тѣхъ студентовъ, которые не были на лекціяхъ. Однакожъ не смотря на это онъ дозналъ на самомъ опытѣ, что и такимъ образомъ нѣтъ возможности достигнуть предположенной цѣли, ибо во-1-хъ, въ нѣкоторыхъ аудиторіяхъ не имѣется на скамейкахъ мѣста соразмѣрно числу слушателей, почему тѣ изъ нихъ, которые слушаютъ лекціи стоя, какъ неимѣющіе для себя опредѣленныхъ померовъ на скамейкахъ, остаются безъ надзора; во-2-хъ, въ тѣхъ аудиторіяхъ, гдѣ читаются математическія, естественныя и медицинскія науки, которыя изучаются болѣе практически или нагляднымъ образомъ, студенты оставляютъ свои мѣста „для воззрѣнія на предметы подлежащіе ближайшему разсмотрѣнію"; въ 3-хъ, не всѣ студенты въ одинаковой степени одарены способностію слѣдить за чтеніемъ преподавателя, чтобы, предугадывая мысль его, успѣть составлять записки, необходимыя имъ почти по каждому предмету; почему тѣ изъ нихъ, которые болѣе способны или внимательны, не смотря на то, что по назначенію слѣдуетъ имъ занимать мѣста отдаленныя, обыкновенно садятся поближе къ каѳедрѣ, а товарищи ихъ охотно уступаютъ имъ свои мѣста съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи воспользоваться ихъ трудами; въ 4-хъ, требовать отъ тѣхъ студентовъ, которые по недостатку зрѣнія или слуха стараются сидѣть поближе къ преподавателю, чтобы они занимали назначенныя имъ мѣста болѣе отдаленныя отъ каѳедры, значило-бы лишать ихъ пользы отъ слушанія лекцій; въ 5-хъ, нѣкоторые студенты и приватные слушатели сверхъ избранныхъ ими лекцій, въ свободные часы отъ занятій, посѣщаютъ лекціи другихъ фа-

культетовъ и въ такомъ случаѣ садятся гдѣ попало, не стѣсняясь нумераціею мѣстъ; въ 6-хъ, студенты, собравшіеся ранѣе другихъ въ аудиторію и занимающіеся просмотромъ записокъ, для приготовленія себя къ репетиціи, по узкому проходу между скамеекъ, должны каждый разъ подыматься, чтобы пропустить тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые являются позже ихъ и занимаютъ мѣста посрединѣ скамеекъ, что́, кромѣ того что мѣшаетъ занятіямъ первыхъ, подаетъ и поводъ къ неудовольствіямъ и даже ссорамъ, какъ это и случилось; въ 7-хъ, уступившій свое мѣсто другому, какъ равно и тотъ, кто его занялъ, отмѣчаются не бывшими на лекціи противно дѣйствительности; и наконецъ въ 8-хъ, переписка въ канцеляріи инспектора и безъ того слишкомъ многосложна до крайности; а между тѣмъ инспекторъ поставленъ въ необходимость ежедневно разбирать жалобы студентовъ о неправильномъ показаніи ихъ не бывшими на лекціяхъ, для чего долженъ наводить справки, теряя безполезно время, которое могъ-бы посвятить для исполненія болѣе важныхъ обязанностей. Все вышеизложенное приводитъ инспектора къ тому заключенію, что этотъ способъ наблюденія за студентами могъ имѣть свое дѣйствіе тогда, *когда существовали въ нашемъ Университетѣ курсы, а не семестры*, когда всѣ вообще студенты слушали лекціи не по собственному избранію, а по назначенію начальства, и когда число студентовъ простиралось до 300, а не до 700 какъ впослѣдствіи. А потому, какъ въ числѣ почти 700 студентовъ есть весьма многіе, понимающіе обязанности свои и исполняющіе ихъ въ точности и за которыми слѣдовательно нѣтъ надобности въ такомъ надзорѣ, инспекторъ обратился къ прежней мѣрѣ, т. е. началъ слѣдить лично и посредствомъ помощниковъ за тѣми студентами, которые разъѣзжаютъ по городу или гуляютъ, или посѣщаютъ кондитерскія, кофейни и тому подобныя мѣста, однимъ словомъ предаются удовольствіямъ въ то время, когда читаются лекціи въ Университетѣ.

Принявъ такое мудрое рѣшеніе, инспекторъ предписалъ своимъ помощникамъ для лучшаго наблюденія за поведеніемъ и поступками тѣхъ студентовъ, которые не исполняютъ своихъ обязанностей, а проводятъ время въ трактирахъ и кондитерскихъ во время чтенія лекцій и вечеромъ позже 10 часовъ, посѣщать лично ежедневно передъ обѣдомъ и вечеромъ, помянутыя заведенія, а въ особенности кондитер-

скую Беккерса, куда студенты обыкновенно собирались въ большомъ числѣ и куда „неделямъ (по той причинѣ, что эту кондитерскую посѣщаютъ весьма почтительныя и высшаго сословія лица) входить неумѣстно". Но мысль о томъ, что средства принужденія къ посѣщенію лекцій непримиримы съ семестральнымъ порядкомъ и свободою выбора лекцій, не нашла себѣ надлежащей почвы; приближались времена, когда охотнѣе пожертвуютъ этою свободою, чѣмъ откажутся отъ мѣръ принужденія. Бибиковъ, управлявшій уже учебнымъ округомъ, 27-го января 1849 года предписалъ слѣдующія „болѣе дѣйствительныя мѣры къ наблюденію за прилежаніемъ студентовъ и правильнымъ посѣщеніемъ ими лекцій": Завести имянныя книги студентамъ для каждаго учебнаго предмета отдѣльно по приложенной формѣ. Составленныя такимъ образомъ имянныя книги должны *храниться въ особенныхъ запертыхъ ящикахъ* у входа въ аудиторію, а ключи отъ этихъ ящиковъ должны быть у сторожей, при каждой аудиторіи. Каждый преподаватель, входя на лекцію, обязанъ взять принадлежащую его предмету имянную книгу и имѣть ее при себѣ, для повѣрки студентовъ при посѣщеніи лекцій генералъ-губернаторомъ, помощникомъ попечителя и ректоромъ Университета. Что касается до инспектора, то онъ обязанъ дѣлать повѣрку по этимъ книгамъ какъ можно чаще, но не иначе, какъ по окончаніи профессоромъ лекціи, чтобы не мѣшать своей повѣркой ходу преподаванія. Въ этихъ книгахъ повѣряющія лица въ первой свободной графѣ выставляютъ число дня своей повѣрки и отмѣчаютъ всѣхъ отсутствовавшихъ студентовъ, а инспекторъ, по полученіи о томъ свѣдѣнія, немедленно долженъ изслѣдовать и означить въ 1-й же графѣ причины ихъ небытности. Профессоры и преподаватели Университета приглашаются также содѣйствовать такому наблюденію и повѣрять по временамъ студентовъ на своихъ лекціяхъ. Студенты, не бывшіе на лекціяхъ по неуважительнымъ причинамъ, должны быть подвергаемы немедленному взысканію соразмѣрно ихъ виновности.

Оказались-ли эти мѣры „болѣе дѣйствительными", въ точности неизвѣстно, но мало вѣроятно. Фактическія указанія свидѣтельствуютъ, что какъ прежде, такъ и потомъ происходили частые случаи уклоненія отъ лекцій не только со стороны отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлаго состава аудиторій. 13-го октября 1844 г. самъ ректоръ Ѳедоровъ по-

ручилъ помощнику инспектора донести кому слѣдуетъ, что на его лекціи не было шести студентовъ. Опустѣніе цѣлыхъ аудиторій начинается съ конца 40-хъ годовъ. 1-го апрѣля 1848 г. ад. Костырь донесъ ректору, что въ тотъ день никто изъ его слушателей не явился на его лекцію о русскомъ языкѣ; ректоръ просилъ инспектора немедленно освѣдомиться о причинахъ этого. Инспекторъ въ свою очередь узналъ, что тоже было и на лекціи Пилянкевича и отобралъ объясненія у студентовъ, изъ которыхъ оказалось, что нѣкоторые были заняты „изготовленіемъ писемъ домой", иные приготовленіемъ къ экзамену; другіе, хотя и пришли, но „найдя аудиторію пустою", отправились домой; нѣкоторые заявили, что въ нынѣшнемъ полугодіи не записывались слушать, а будутъ слушать предметъ въ слѣдующемъ. Относительно Пилянкевича студенты пустились и въ дальнѣйшія объясненія, именно: „исторія положительныхъ законовъ была назначена для слушанія въ прошедшемъ полугодіи, но какъ по причинѣ холеры г. Пилянкевичъ не могъ окончить чтенія, то назначены были уроки въ этомъ полугодіи и прошедшей лекціей были дочитаны, а потому мы и не были". Такъ путалась свобода семестральнаго слушанія лекцій съ обязательностію посѣщенія ихъ до тѣхъ поръ, пока первая совершенно не уступила мѣста второй. Случай съ лекціями Костыря и Пилянкевича не былъ ни единственнымъ, ни исключительнымъ для этихъ только профессоровъ. Впрочемъ, если уже ректорскія лекціи манкировались, то о лекціяхъ остальныхъ профессоровъ говорить нечего. Въ октябрѣ 1847 года профес. Тихомандрицкій не нашелъ никого въ своей аудиторіи. По инспекторскимъ справкамъ оказалось, что статику должны были слушать въ томъ семестрѣ только пять своекоштныхъ студентовъ, изъ нихъ одинъ находился въ студенческой больницѣ, два въ отпуску, а остальные не были на лекціи безъ уважительной причины *). Въ этихъ случаяхъ нѣтъ ничего особеннаго и необыкновеннаго; мы приводимъ ихъ только для того, чтобы показать отношеніе свободы выбора лекцій къ обязательности посѣщенія ихъ, избирая для примѣра лекціи преподавателей вліятельныхъ, уважаемыхъ и отчасти принадлежащихъ къ кругу молодыхъ и новыхъ дѣятелей. Однимъ изъ внѣшнихъ условій усилившейся небрежности въ посѣщеніи лекцій было литографированіе ихъ профессорами, начавшееся съ конца 40-хъ годовъ. Какъ

*) Дѣло канцеляріи инспект. студ. № 60.

кажется, въ этомъ подалъ первый примѣръ Петербургскій университетъ; по крайней мѣрѣ въ первый разъ рѣчь о нихъ зашла по поводу представленія попечителя Петербургскаго учебнаго округа. Министръ народнаго просвѣщенія (1847 г. іюля 12) разрѣшилъ профессорамъ литографировать лекціи безъ цензуры на счетъ суммы, собираемой за слушаніе лекцій, съ тѣмъ, чтобы потомъ онѣ выдаваемы были учащимся безденежно *). При такихъ широкихъ поощреніяхъ обычай этотъ скоро распространился повсюду, вездѣ возбуждая въ учащихся надежду замѣнить значительный трудъ посѣщенія и записыванія лекцій болѣе быстрымъ трудомъ заучиванія ихъ передъ экзаменомъ.

Мы знаемъ уже, что въ связи съ обязательностію посѣщенія лекцій стоитъ наблюденіе за своевременнымъ возвращеніемъ студентовъ изъ отпусковъ. При устройствѣ семестральнаго порядка слушанія лекцій, очевидно, не было никакой нужды заботиться объ этомъ: требовалось-бы только, чтобы студентъ прослушалъ опредѣленное количество семестровъ. На дѣлѣ-же строгость надзора въ этомъ отношеніи даже усилилась, особенно къ концу эпохи, когда за неявку изъ отпуска увольняли цѣлыми массами, какъ показываетъ слѣдующій документъ 9 іюля 1849 г.: *Вѣдомость о студентахъ, исключенныхъ изъ Университета по приказанію начальника Кіевскаго учебнаго округа за неявку ихъ на срокъ изъ отпуска* **).

Имена и фамиліи.	Когда отпущены и на какой срокъ.
1. Калчевскій Иванъ	Съ 7-го марта по 10-е апрѣля.
2. Медвѣдевскій Николай . . .	„ 9 „ „ 9 „
3. Фоцъ Никодимъ	„ 24 „ „ 11 „
4. Доманскій Алоизій	„ 25 „ „ 11 „
5. Гольдритъ Самуилъ	„ 26 „ „ 11 „
6. Зиморда Адамъ	„ 28 „ „ 11 „
7. Левенсонъ Михаилъ. . . .	„ 26 „ „ 11 „
8. Филиповичъ Іосифъ	„ 26 „ „ 11 „
9. Примо Илья	„ 29 „ „ 11 „
10. Беренштейнъ Адольфъ . . .	„ 29 „ „ 11 „
11. Беренштейнъ Іоакимъ . . .	„ 29 „ „ 11 „
12. Мацевичъ Густавъ	„ 26 „ „ 11 „
13. Изопольскій Владиславъ . .	„ 26 „ „ 11 „

*) Сборн. распоряж. по минист. нар. просв., т. II, № 835.

**) Дѣло канцеляріи инспектора студентовъ Университета св. Владиміра № 71.

Съ свободою слушанія лекцій отнюдь не согласуется также регламентація перехода студентовъ съ одного факультета на другой. 13-го января 1848 года попечитель Траскинъ предложилъ совѣту составить правила о такомъ переходѣ, находя въ безпорядочности переходовъ большія неудобства, преимущественно въ зачетѣ семестровъ. Къ 26 марта такія правила были уже составлены и утверждены попечителемъ въ видѣ опыта на 3 года.

При этомъ дѣло коснулось и другаго вопроса — о переходѣ студентовъ изъ одного университета въ другой, тѣмъ болѣе, что министръ народнаго просвѣщенія около того-же времени напомнилъ университетамъ, какія происходятъ неправильности отъ того, что иногда студентъ, желающій поступить въ одинъ университетъ, держитъ вступительное испытаніе въ другомъ, и потомъ тотчасъ переводится. Здѣсь, разумѣется, былъ въ виду тотъ печальный, но несомнѣнный фактъ, что иногда вмѣсто одного лица держало вступительный экзаменъ по найму другое. Въ виду этого было предписано допускать переходы изъ одного университета въ другой лишь тѣхъ, кто дѣйствительно началъ слушаніе лекцій и можетъ представить попечителю основательныя оправданія такого перехода. А такъ какъ въ тоже время было постановлено, что переходъ изъ университета въ университетъ допускается лишь въ то время, когда допущенъ пріемъ студентовъ вообще, то, очевидно, перейти въ Университетъ св. Владиміра можно было въ началѣ 2-го и всѣхъ слѣдующихъ семестровъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено, что и при переходѣ съ одного факультета на другой, въ которомъ былъ студентъ прежде, и при переходѣ изъ одного университета въ другой, время, проведенное студентомъ на факультетѣ, засчитывается только въ томъ случаѣ, если со времени выхода его изъ факультета или университета прошло не болѣе 6 мѣсяцевъ.

Другія занятія студентовъ. Кромѣ посѣщенія лекцій, на студентовъ возложено было другое обязательное занятіе, именно представленіе семестральныхъ сочиненій. Мотивъ введенія этой мѣры заключался въ разноязычности состава учащихся въ Университетѣ св. Владиміра; первоначальною цѣлію сочиненій было упражненіе студентовъ въ изученіи русскаго языка. 13-го марта 1844 года управлявшій округомъ прислалъ такое предложеніе въ совѣтъ: Имѣя въ виду

усилить для студентовъ Университета св. Владиміра способы изученія русскаго языка и вмѣстѣ съ тѣмъ умножить имъ средства для умственнаго развитія и практической разработки всѣхъ вообще изучаемыхъ ими предметовъ, онъ призналъ нужнымъ привести практическія ихъ упражненія въ сочиненіяхъ въ опредѣленную систему. Для этого предложилъ совѣту заняться составленіемъ правилъ, въ которыхъ должно быть опредѣлено: 1) число сочиненій, обязательныхъ для каждаго студента; 2) число и способъ составленія и предложенія темъ; 3) понудительныя и взыскательныя мѣры для предупрежденія всякихъ уклоненій отъ своевременнаго представленія сочиненій; 4) способъ разсмотрѣнія и оцѣнки сочиненій; 5) поощрительныя мѣры. Совѣтъ Университета составилъ требуемыя правила, въ которыхъ, между прочимъ, было постановлено, что „каждый студентъ, въ теченіи учебнаго года, обязанъ подать не менѣе двухъ сочиненій на русскомъ языкѣ, четко и собственноручно написанныхъ" (§ 1). Въ числѣ мѣръ, чтобы студенты не пользовались чужими сочиненіями, было принято: при каждомъ двухгодичномъ окончательномъ испытаніи, студентъ (кромѣ двухъ семестральныхъ сочиненій) обязывается одинъ изъ отвѣтовъ по какой-либо наукѣ, взятыхъ по билету, изложить письменно въ присутствіи испытателей, или, какъ это уже и дѣлалось тогда въ I-мъ отдѣленіи философскаго факультета, написать, въ присутствіи испытателей, краткое разсужденіе на предложенную ему особую тему (§ 5). Относительно способа разсмотрѣнія и оцѣнки сочиненій постановлено, что по окончаніи разсмотрѣнія сочиненій, факультетъ долженъ составить имъ краткую вѣдомость, въ которой означаются имена сочинителей, предметъ сочиненій и полученные ими балы. Эти вѣдомости факультеты представляютъ въ совѣтъ Университета, который къ 1-му января и къ 1-му іюля представляетъ общую краткую вѣдомость всѣмъ сочиненіямъ попечителю округа, съ приложеніемъ къ ней тѣхъ сочиненій, которыя будутъ удостоены публичнаго прочтенія (§ 13). Что касается вліянія достоинства сочиненій на результаты экзаменовъ, то цифровыя отмѣтки по сочиненіямъ принимаются во вниманіе при окончательномъ испытаніи, именно онѣ входятъ въ общую сумму баловъ. Студентъ, получившій изъ суммы всѣхъ восьми сочиненій въ среднемъ выводѣ менѣе двухъ, не удостоивается степени дѣйствительнаго студента, менѣе $2^1/_2$—степени кандидата. Мѣры предупрежденія противъ уклоненій отъ подачи сочине-

ній были таковы: если въ теченіи перваго года студентъ не представитъ требуемыхъ двухъ сочиненій, то онъ не допускается къ слушанію лекцій будущаго года, доколѣ не выполнитъ своей обязанности; если-же не представитъ такихъ сочиненій въ теченіи второго года, то онъ не допускается къ первой половинѣ окончательнаго испытанія. Тоже самое соблюдается и въ отношеніи къ студентамъ 3 и 4 годовъ (§ 15). Казеннокоштные студенты, не представившіе въ два слѣдующія одно за другимъ полугодія ни одного сочиненія, должны быть лишаемы казеннаго содержанія (§ 16). Но всего любопытнѣе мѣры поощренія: о студентахъ, отличающихся по сочиненіямъ, доводится въ годичныхъ отчетахъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія (§ 17). Сочиненія, представленныя попечителю округа, читаются сочинителями въ особыхъ собраніяхъ профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ самого попечителя, или избраннаго имъ лица. Отличнѣйшія, изъ удостоенныхъ публичнаго прочтенія, сочиненія балотируются въ совѣтѣ Университета для напечатанія на счетъ Университета (§ 18). Студентъ недостаточнаго состоянія, представившій не менѣе трехъ такихъ сочиненій, которыя удостоены публичнаго прочтенія, можетъ получить денежную награду изъ суммы, собираемой за право обученія къ Университетѣ (§ 19). Имена студентовъ, отличающихся по сочиненіямъ, должны быть произносимы на торжественномъ актѣ Университета (§ 20). Особенно хорошее сочиненіе можетъ быть принято за диссертацію на степень кандидата (§ 21 *).

Уже въ слѣдующемъ году факультеты занимались измѣненіемъ и дополненіемъ этихъ правилъ, а 23-го февраля 1846 г. управлявшій округомъ снова предложилъ пересмотрѣть ихъ. Впрочемъ измѣненія, сдѣланныя тогда, несущественны **).

Нельзя сказать, чтобы это нововведеніе было принято безъ противодѣйствія и практическихъ уклоненій со стороны студентовъ. Открылся новый разрядъ студенческихъ проступковъ, наполняющій оффиціальныя бумаги Университета. Приходилось, особенно на первыхъ порахъ, оказывать и снисхожденія, особенно по тому параграфу правилъ, по которому за непредставленіе двухъ сочиненій слѣдовало лишеніе права слушанія лекцій и недопущеніе къ экзамену.

*) Дѣло совѣта 1844 г. № 85.

**) Тамъ-же, 1846 г. № 14 б.

Въ 1846 году управлявшій учебнымъ округомъ предполагая измѣнить въ нѣкоторыхъ частяхъ правила практическихъ упражненій студентовъ Университета св. Владиміра въ русскомъ языкѣ, предложилъ, чтобы студенты, подвергающіеся окончательному испытанію какъ изъ первой такъ и второй половины предметовъ, были освобождаемы отъ обязательнаго сочиненія въ томъ полугодіи, въ которомъ они будутъ держать окончательное испытаніе. Однако такая льгота не утвердилась, какъ видно изъ напоминанія ректора 17 марта 1847 г. неисправнымъ студентамъ, что § 15-й правилъ будетъ примѣненъ къ нимъ со всею строгостію *).

Кромѣ этихъ общихъ обязательныхъ работъ, на каждомъ факультетѣ шли собственныя практическія упражненія; на II-мъ отдѣленіи философскаго факультета и на медицинскомъ факультетѣ такія упражненія входятъ въ кругъ необходимыхъ способовъ изученія наукъ. Но на юридическомъ факультетѣ практическія упражненія были устроены, какъ родъ занятій особенный, не связанный съ текущими лекціями. Въ 1843 году профес. А. А. Ѳедотовъ-Чеховскій былъ въ Петербургѣ; тамъ ему пришла въ голову мысль, что были-бы весьма полезны для студентовъ-юристовъ практическія занятія по дѣламъ, рѣшеннымъ въ сенатѣ. Министерство народнаго просвѣщенія согласилось съ нимъ и отнеслось къ министру юстиціи съ просьбой, чтобы онъ предписалъ оберъ-прокурорамъ, завѣдывающимъ канцеляріею общихъ собраній правительствующаго сената „доставлять въ университеты, по требованію ихъ начальствъ, печатныя записки по тѣмъ дѣламъ, производившимся въ сенатѣ, по которымъ со времени окончанія ихъ протекло пять лѣтъ, съ присовокупленіемъ послѣдовавшихъ по симъ дѣламъ рѣшеній, ежели оныя были напечатаны“. Объ этомъ былъ увѣдомленъ Университетъ св. Владиміра; а между тѣмъ А. А. Ѳедотовъ-Чеховскій, оставаясь въ Петербургѣ, взялъ на себя трудъ выбора въ сенатѣ означенныхъ записокъ. Затѣмъ онъ самъ увѣдомилъ Университетъ, что остается въ Петербургѣ для снятія копій съ рѣшеній ненапечатанныхъ. Значительная масса печатныхъ записокъ дѣйствительно была доставлена въ Университетъ св. Владиміра въ нѣсколько пріемовъ, а также частію были списаны и рѣшенія по дѣламъ, изло-

*) Дѣло канцеляріи инспект. студ. № 82.

женнымъ въ запискахъ. Тотъ-же самый профессоръ, для иллюстраціи своихъ лекцій по судопроизводству и гражданскому праву, руководилъ практическимъ разборомъ дѣлъ по этимъ запискамъ студентами, раздавая ихъ этимъ послѣднимъ.

Занятія эти, иногда удававшіяся, во всякомъ случаѣ выше, въ научномъ отношеніи, чѣмъ та игра въ судъ, которая была заведена въ нѣкоторыхъ высшихъ юридическихъ училищахъ. Нужно знать, что и такіе юристы-теоретики, какъ Неволинъ и Д. И. Мейеръ заявляли тогда настоятельную необходимость соединенія теоріи съ практикою въ изученіи права.

При столькихъ обязательныхъ работахъ студентовъ, нельзя было ожидать частыхъ случаевъ необязательныхъ занятій, и въ частности авторскихъ. Однако такіе случаи бывали.

Въ 1846 г. студентъ Андрей Яцына просилъ напечатать на счетъ Университета сдѣланный имъ переводъ 1-й части анатоміи Краузе. Медицинскій факультетъ засвидѣтельствовалъ (8 октября 1847 г.), что переводъ совершенно точенъ и хорошъ, языкъ въ немъ плавенъ и чистъ; термины употреблены удачно. Министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ выдать Яцынѣ для напечатанія 234 р. 43 к. Въ томъже году медицинскій факультетъ ходатайствовалъ предъ совѣтомъ о напечатаніи на счетъ Университета таблицъ Беллингама, переведенныхъ студентомъ Кушелевскимъ; таблицы эти предназначены для распознаванія болѣзней легкихъ и сердца помощію признаковъ, доставляемыхъ постукиваніемъ и выслушиваніемъ. Деканъ Цыцуринъ нашелъ этотъ переводъ хорошимъ и достойнымъ напечатанія. Рѣшено напечатать 200 экземп., на что попечитель разрѣшилъ выдать Кушелевскому 55 р. $57^1/_2$ коп.

Но есть примѣры и чисто литературныхъ трудовъ. Около тогоже времени адъюнктъ Костырь доносилъ совѣту Университета, что разсмотрѣвъ доставленную ему студентомъ Подгурскимъ поэму въ стихахъ: „Эмиль и Лора" въ исправленномъ ея видѣ, онъ нашелъ, что „она заслуживаетъ справедливое вниманіе университетскаго начальства. Содержаніе поэмы, почерпнутое изъ жизни современнаго общества, обнаруживаетъ въ авторѣ не только дарованіе къ пріятному и легкому поэтическому разсказу, но и тотъ серьезный, общественно-моральный взглядъ, отсутствіе котораго такъ замѣтно во всѣхъ вы-

нѣшнихъ нашихъ поэмахъ и который поэтому самому дѣлаетъ тѣмъ болѣе чести автору, какъ юношѣ приготовляющему себя къ дѣятельности общественной. Развитіе характеровъ Мондс и Августины, составляющее лучшую часть поэмы, по своей истинѣ превосходитъ далеко все то, что представляютъ намъ эпическіе опыты нашихъ нынѣшнихъ молодыхъ поэтовъ. Легкость и плавность стиховъ показываютъ, что авторъ владѣетъ русскимъ языкомъ и это тѣмъ болѣе имѣетъ достоинства, что онъ не природный русскій" *).

Отмѣчая эти утѣшительные факты ученаго и литературнаго образованія студентовъ того времени, историкъ долженъ отмѣтить также, что значительное число студентовъ сороковыхъ и даже 50-хъ годовъ оставалось въ примитивной безграмотности; въ дѣлахъ попадаются наприм. прошенія такого рода: „Честь имѣю донесть Вашаму Высокородію, что въ Следствіе одержимой мною болезни, своевременно немогу явится обратно въ Университетъ; какъ по совѣту Врачей я долженъ отправится для Поправленія здаровья въ Дрозгеники" и т. д.

Экзамены. Мы знаемъ, что по уставу 1842 г. было оставлено только одно испытаніе на степень или званіе. По факультетамъ и совѣту Университета было предоставлено раздѣлить окончательное испытаніе на двѣ части, съ допущеніемъ между ними достаточнаго промежутка времени. Этотъ и другіе вопросы объ испытаніяхъ, при примѣненіи къ дѣлу, оказались весьма нелегкими и потребовали не мало времени и даже не одного года въ занятіяхъ совѣта. Первоначально, именно 31 октября 1842 г., совѣтъ опредѣлилъ: 1) между двумя частями окончательнаго испытанія назначить промежутокъ въ одно полугодіе и при томъ такъ, чтобы одна часть окончательнаго испытанія производилась въ концѣ одного полугодія учебнаго года, а другая въ концѣ другаго, непосредственно за нимъ слѣдующаго, и чтобы студентъ, пробывши въ Университетѣ три года съ половиною, имѣлъ право предстать на окончательное испытаніе въ первой части предметовъ.

2) Части испытанія назначены такъ: *по I-му отдѣленію философскаго факультета:* такъ какъ предметы I-го отдѣленія философскаго факультета преподаются большею частію во всѣ 4 года университетскаго курса, то полагали, что не иначе можно разложить предметы

*) Дѣло совѣта № 163.

окончательнаго испытанія на двѣ части, какъ раздѣливши каждый изъ обширнѣйшихъ предметовъ на его составныя части или отдѣлы, и нѣкоторые, выслушанные студентами, отдѣлы вводить въ первую половину испытанія, а прочіе въ другую, а потомъ изъ суммы баловъ, полученныхъ студентами по обоимъ отдѣламъ на обоихъ испытаніяхъ, извлекать среднія числа.

По II-му отдѣленію философскаго факультета, разряда математическаго: назначены для первой части испытанія слѣдующіе предметы: алгебраическій анализъ, тригонометрія, неорганическая химія, физика, физическая географія, технологія, архитектура, дифференціальное исчисленіе, интегрированіе функцій. Для второй части: интегрированіе дифференціальныхъ уравненій, варіаціонное исчисленіе, разностное исчисленіе, аналитическая геометрія, механика, математическая физика, астрономія теоретическая и практическая.

По разряду наукъ естественныхъ: для первой части испытанія: тригонометрія, алгебраическій анализъ, физика, физическая географія, минералогія и геогнозія. Для второй части: астрономія, зоологія, ботаника, химія, механика.

По юридическому факультету назначены для первой части испытанія: энциклопедія законовѣдѣнія вмѣстѣ съ исторіею законодательствъ, римское законодательство и его исторія, русскіе государственные законы, гражданскіе и межевые законы, законы благоустройства. Для второй части: богословіе, законы о финансахъ, законы благочинія и законы уголовные, общенародное правовѣдѣніе и судебная медицина.

По богословію частями испытанія назначены: для первой части догматическое и нравственное богословіе, для второй—священная церковная исторія и церковное законовѣдѣніе, смотря по тому, которыя изъ этихъ четырехъ наукъ будутъ пройдены.

Опредѣленіе промежутковъ между частями испытанія и предметовъ для каждой части испытанія по медицинскому факультету предоставлено тому времени, когда этотъ факультетъ Университета св. Владиміра получитъ полное образованіе свое.

Но министръ народнаго просвѣщенія 24-го декабря далъ знать, что онъ находитъ недостаточнымъ оставлять между двумя частями окончательнаго испытанія одно только полугодіе и неудобнымъ произ-

водить испытанія во всѣхъ предметахъ полнаго курса въ теченіи послѣдняго, т. е. четвертаго года пребыванія студента въ Университетѣ. Соображаясь съ цѣлію постановленія, содержащагося въ уставѣ, министръ полагалъ удобнѣйшимъ раздѣлить испытаніе такимъ образомъ, чтобы первая половина обнимала всѣ вспомогательные и посторонніе предметы, положенные въ каждомъ факультетѣ, а другая—спеціальные. Первая часть испытанія могла-бы быть производима послѣ двухъ или двухъ съ половиною лѣтъ отъ начала курса, а вторая часть въ концѣ полнаго курса. Въ случаѣ недостаточныхъ въ томъ или другомъ предметѣ познаній, обнаруженныхъ студентомъ на первомъ испытаніи, онъ долженъ быть вторично въ немъ экзаменованъ въ концѣ курса. Отъ такого распредѣленія испытаній можно предвидѣть пользу въ томъ отношеніи, что студенты, давъ отчетъ въ знаніи вспомогательныхъ наукъ, могутъ спокойно предаться изученію спеціальныхъ, не развлекаясь приготовленіемъ къ экзамену въ предметахъ, пройденныхъ въ первые годы ихъ ученія. Впрочемъ новость этой мѣры, въ первый разъ вводимой въ Университетѣ и не испытанной еще ни въ одномъ изъ нашихъ университетовъ, кромѣ Дерптскаго, требуетъ нѣкотораго надъ нею наблюденія, и потому министръ считаетъ нужнымъ постановить теперь только временныя правила, которыя имѣли-бы дѣйствіе въ продолженіи одного полнаго курса. На основаніи этихъ общихъ предположеній, министръ предложилъ совѣту университета св. Владиміра составить болѣе развитый планъ испытанія съ примѣненіемъ къ особенностямъ каждаго факультета и представить ему на утвержденіе.

Исполняя это, факультеты, въ февралѣ 1843 года, представили свои соображенія, причемъ опять всплыли наружу существеннѣйшіе вопросы о вспомогательныхъ предметахъ и вообще о факультетской спеціализаціи наукъ.

Юридическій факультетъ разсуждалъ такъ: до введенія въ дѣйствіе новаго устава Университета св. Владиміра студенты юридическаго факультета сверхъ юридическихъ наукъ, слушали слѣдующія посторонніе: русскую словесность, всеобщую и русскую исторію, логику, психологію и исторію философіи, статистику и латинскій языкъ и во всѣхъ этихъ предметахъ они испытывались по окончаніи каждаго года, а по окончаніи университетскаго курса подвергались испытанію только въ естественномъ правѣ и въ русской

исторіи. Въ новомъ уставѣ Университета св. Владиміра, сверхъ предметовъ собственно юридическаго факультета, положенъ только курсъ судебной медицины какъ обязательный; да сверхъ того самъ факультетъ признавалъ необходимымъ для каждаго студента юридическаго факультета прослушать политическую экономію, хотя она принадлежитъ къ наукамъ I-го отдѣленія философскаго факультета. Ограничивая такимъ образомъ слушаніе постороннихъ предметовъ для студентовъ-юристовъ только судебною медициной и политическою экономіею, факультетъ имѣлъ въ виду, что во всѣхъ вспомогательныхъ наукахъ, слушаніе которыхъ было прежде обязательно для студентовъ юридическаго факультета (кромѣ большей части наукъ философскихъ), поступающіе въ университетъ должны уже пріобрѣсть достаточныя познанія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; слушать-же эти науки въ такой обширности, въ какой онѣ излагаются въ I-мъ отдѣленіи философскаго факультета, не болѣе можетъ быть признано необходимымъ для студентовъ юридическаго факультета, какъ и для студентовъ другихъ факультетовъ, для которыхъ оно однако не признается необходимымъ; слушаніе и изученіе собственно юридическихъ предметовъ въ томъ объемѣ, въ какомъ они должны быть преподаваемы и дѣйствительно преподаются, должно занять совершенно все время пребыванія студентовъ въ Университетѣ; вмѣнять имъ сверхъ того въ обязанность, слушать въ Университетѣ какіе-либо предметы, не принадлежащіе прямо къ юридическому факультету, значило-бы, развлекая вниманіе ихъ на предметы посторонніе, ослаблять тѣмъ изученіе главныхъ, собственно юридическихъ, предметовъ; между тѣмъ тѣ части или статьи постороннихъ предметовъ, которыя состоятъ въ ближайшей связи съ изученіемъ собственно юридическихъ наукъ, излагаются въ преподаваніи этихъ послѣднихъ, иногда даже съ большею подробностію; такъ, напримѣръ,—философское ученіе о правѣ съ его исторіею излагается въ энциклопедіи законовѣдѣнія полнѣе и подробнѣе, нежели въ лекціяхъ собственно философскихъ; русская исторія повторяется и изучается приспособительно къ праву въ исторіи русскаго законодательства; психологическія истины, имѣющія связь съ уголовнымъ законодательствомъ, полагаются въ основаніе и объясненіе самаго изложенія уголовныхъ законовъ; къ упражненію въ латинскомъ языкѣ и его юридической техникѣ, служитъ чтеніе профессоромъ римскаго

права Гаевыхъ комментарій и изъясненіе ихъ сравнительно съ институціями Юстиніана. Не вмѣняя студентамъ юридическаго факультета въ обязанность, подвергаться окончательному испытанію въ этихъ постороннихъ предметахъ, факультетъ не отнимаетъ однако-жъ возможности, а только предоставляетъ на волю каждаго студента, слушать, сверхъ юридическихъ наукъ, и эти предметы по собственному избранію. По всѣмъ этимъ соображеніямъ факультетъ положилъ: студентовъ юридическаго факультета, по истеченіи первыхъ двухъ годовъ отъ вступленія ихъ въ Университетъ, подвергать окончательному испытанію: въ тѣхъ частяхъ богословія, которыя будутъ прочитаны имъ въ эти два года, въ энциклопедіи законовѣдѣнія вмѣстѣ съ исторіею положительныхъ законодательствъ, въ русскихъ государственныхъ законахъ, въ римскомъ законодательствѣ и исторіи онаго, въ гражданскихъ и межевыхъ законахъ и въ политической экономіи. По истеченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ пребыванія ихъ въ Университетѣ, экзаменовать изъ остальныхъ предметовъ факультета.

I-е отдѣленіе философскаго факультета заявило, что въ кругѣ его наукъ раздѣленіе предметовъ на главные и вспомогательные неудобно, потому что, за исключеніемъ новѣйшихъ языковъ, всѣ они могутъ быть и главными и вспомогательными, смотря по тому, въ какой отрасли ихъ учащійся хочетъ себя преимущественно усовершенствовать; слѣдовательно необходимо раздѣлить ихъ на классы или отрасли, а именно такъ: *1-й классъ:* философія, русская словесность и исторія русской литературы, исторія и литература славянскихъ нарѣчій, русская исторія съ древностями. *2-й классъ:* греческая словесность и древности, римская словесность и древности, древняя политическая исторія, исторія древней философіи. *3-й классъ:* всеобщая исторія, русская исторія съ древностями, политическая экономія и статистика, философія исторіи. Посему если кто наприм. желаетъ посвятить себя преимущественно философіи, то для него не она только есть главный предметъ, но и русская словесность, исторія и литература славянскихъ нарѣчій и русская исторія съ древностями суть главные предметы, а всѣ прочіе (хотя онъ отнюдь не освобождается отъ слушанія ихъ) посторонніе или вспомогательные... Потому студентъ, приступая къ 1-й половинѣ испытанія, долженъ напередъ объявить, какія науки онъ избралъ себѣ при вступленіи въ Университетъ главнымъ предметомъ

своего ученія, и потомъ онъ будетъ испытываемъ въ наукахъ для него вспомогательныхъ, а въ главныхъ будетъ подвергнутъ испытанію въ концѣ курса. 1-й экзаменъ можно-бы производить въ концѣ 4-го полугодія; главные предметы имѣютъ быть читаны преимущественно въ послѣдніе два года. Отдѣльныхъ частей тѣхъ наукъ, которыя преподаются съ подробностію для спеціалистовъ, прочіе студенты слушать не обязываются. Словомъ, I-е отдѣленіе выступило опять съ своимъ старымъ проэктомъ о раздѣленіи его на разряды, хотя организованные уже совершенно иначе.

II-е отдѣленіе философскаго факультета просто разчислило всѣ предметы какъ для естественнаго, такъ и для математическаго отдѣла на двѣ половины.

Совѣтъ рѣшилъ представить на утвержденіе попечителя распредѣленіе двухъ половинъ, сдѣланное юридическимъ факультетомъ и II-мъ отдѣленіемъ философскаго факультета; но съ мнѣніемъ I-го отдѣленія философскаго факультета о раздѣленіи наукъ его на классы совѣтъ не могъ согласиться, потому что при этомъ (писалъ Неволинъ) „изученіе студентами предметовъ, кромѣ избраннаго, существенно ослабилось-бы, между тѣмъ какъ всѣ предметы I-го отдѣленія находятся между собою въ тѣснѣйшей связи“. Поэтому совѣтъ полагалъ раздѣлить каждый предметъ I-го отдѣленія на части и экзаменовать черезъ два года въ одной, а въ концѣ курса въ остальной. Если студентъ на 1-мъ экзаменѣ получилъ 3, то въ концѣ курса экзаменовать его вторично въ этой части.

Съ мнѣніемъ большинства совѣта на счетъ распредѣленія экзаменовъ по I-му отдѣленію не согласились: Нейкирхъ, Ѳедоровъ, Новицкій, Ставровскій, Деллепъ, Домбровскій, Траутфеттеръ, Фонбергъ*) и Мирамъ. Они предпочитали держаться мнѣнія I-го отдѣленія.

Попечитель 19-го апрѣля 1843 г. увѣдомилъ, что онъ входилъ съ представленіемъ по этому дѣлу къ министру, присоединивъ къ опредѣленію совѣта слѣдующее: 1) онъ полагалъ-бы къ числу предметовъ II-го отдѣленія философскаго факультета, а также юридическаго факультета „прибавить еще русскую словесность и русскую исторію,

---

*) Что очень удивительно, потому что прежде Фонбергъ былъ однимъ изъ горячихъ противниковъ раздѣленія этого факультета на разряды.

какъ науки, которыя должны быть общими для всѣхъ факультетовъ, кромѣ медицинскаго, ибо если и согласиться, что онѣ, какъ полагаетъ юридическій факультетъ, не составляютъ существеннаго пособія къ изученію спеціальныхъ наукъ юридическихъ и математическихъ, то нельзя также отвергнуть, что освобожденіе большей части студентовъ Университета св. Владиміра отъ слушанія сихъ предметовъ было-бы не совмѣстно съ цѣлію учрежденія въ семъ краѣ Университета" 2) съ мнѣніемъ І-го отдѣленія философскаго факультета попечитель въ принципѣ былъ согласенъ, но находилъ, что мысль эта недостаточно развита въ представленіи этого отдѣленія и въ настоящемъ ея видѣ неудобоисполнима, „особенно теперь, когда Университетъ не всегда можетъ имѣть и по одному преподавателю для каждой каѳедры, ибо І-е отдѣленіе, предполагаетъ, повидимому, двойное преподаваніе каждой науки—одно сокращенное, расположенное на 2 года (кромѣ греческой и римской словесности), а другое полнѣйшее для тѣхъ слушателей, для которыхъ излагаемый предметъ будетъ главнымъ". Поэтому попечитель соглашался съ мнѣніемъ большинства совѣта.

Министръ народнаго просвѣщенія отъ 6-го апрѣля утвердилъ предположенія совѣта съ тѣми добавленіями, которыя проэктировалъ попечитель.

На этомъ основаніи попечитель составилъ самъ временный планъ испытаній и предложилъ его совѣту Университета къ исполненію. Отъ медицинскаго факультета велѣно истребовать мнѣніе относительно плана испытаній по этому факультету. Равнымъ образомъ требовалось мнѣніе совѣта объ испытаніи въ новѣйшихъ языкахъ: къ какой половинѣ испытанія они должны быть отнесены и для студентовъ всѣхъ ли факультетовъ обязательны, или только для І-го отдѣленія философскаго факультета. Объ этихъ языкахъ совѣтъ совсѣмъ забылъ въ своемъ прежнемъ опредѣленіи. Теперь совѣтъ опредѣлилъ, что испытаніе въ новѣйшихъ языкахъ, именно: нѣмецкомъ и французскомъ должно быть обязательнымъ только для студентовъ одного І-го отдѣленія, а испытаніе въ англійскомъ и итальянскомъ предоставить желающимъ.

Медицинскій факультетъ съ своей стороны 30-го мая 1843 года донесъ совѣту, что „считаетъ себя обязаннымъ руководствоваться правилами испытанія лицъ, занимающихся врачебною практикою, Высо-

чайше утвержденными въ 28-й день декабря 1838 г., въ которыхъ раздѣленіе экзамена на двѣ части не допускается". Съ этимъ мнѣніемъ согласился и совѣтъ. Но попечитель (28 іюля 1843 г.) нашелъ, что вышеприведенныя правила изданы для испытанія медицинскихъ, ветеринарныхъ и фармацевтическихъ чиновниковъ и вообще для лицъ, занимающихся врачебною практикою, которыя, не состоя въ Университетѣ, пожелаютъ пріобрѣсти званіе уже на службѣ... и потому такія правила не могутъ быть вполнѣ примѣнены къ студентамъ...

Такимъ образомъ медицинскій факультетъ принужденъ былъ составить свой планъ испытанія и представилъ его 13 августа 1843 г. Первая часть испытанія (*философское* испытаніе) должна состоять изъ слѣдующихъ предметовъ: минералогіи, ботаники, зоологіи, физики, химіи и анатоміи. Вторая часть или испытаніе медицинское заключаетъ въ себѣ всѣ остальные, собственно медицинскіе предметы. Сюда-же относятся и практическія испытанія.

Этотъ планъ, утвержденный совѣтомъ и попечителемъ, подвергся въ министерствѣ слѣдующимъ измѣненіямъ: 1) къ первой части должна быть отнесена физіологія здороваго и больнаго (патологическая) человѣка, 2) изъ 2-й части должно быть перенесено въ 1-ю —богословіе.

Вообще министерство народнаго просвѣщенія, подъ вліяніемъ состоявшаго при немъ временнаго медицинскаго комитета, не одинъ разъ измѣняло и регулировало по своему планъ медицинскаго преподаванія въ Университетѣ св. Владиміра. Наприм. отъ 24 ноября 1843 г. министръ сообщилъ косвенное порицаніе факультету за принятый имъ планъ послѣдовательности наукъ въ преподаваніи, „допуская возможность и даже неизбѣжность недостатковъ подобнаго рода при первоначальномъ устройствѣ каждаго учебнаго заведенія".

Мало-по-малу практика экзаменовъ кое-какъ сложилась и упорядочилась; однако отступленія дѣлаемы были нерѣдко.

Прежнія правила для испытаній были составлены еще въ 1838 г. совѣтомъ Университета и дополнены въ 1841 году, т. е. до изданія новаго устава. При новыхъ, совершенно измѣнившихся условіяхъ, онѣ уже во многомъ были непримѣнимы.

Въ 1844 г. (апрѣля 6) появилось новое положеніе о производствѣ въ ученыя степени, между прочимъ на степень кандидата на званіе дѣйствительнаго студента. Хотя это положеніе не имѣло прямо

въ виду студенческихъ экзаменовъ, но во многомъ должно было повліять и на производство этихъ послѣднихъ. 10-го мая 1844 года совѣтъ Университета предложилъ факультетамъ доставить соображенія, какія по ихъ мнѣнію нужно сдѣлать измѣненія въ прежнихъ правилахъ испытанія. Факультеты почти цѣлый годъ исполняли это предписаніе совѣта и только въ засѣданіяхъ 30 апрѣля и 2 мая 1845 г. совѣтъ могъ приступить къ разсмотрѣнію новыхъ проэктовъ. Попечитель 10-го мая 1845 г. утвердилъ проэктъ новыхъ правилъ. По этимъ правиламъ студенты Университета св. Владиміра подлежатъ двоякаго рода испытаніямъ: полугодичнымъ и окончательному. Полугодичнымъ испытаніямъ подвергаются студенты казеннокоштные, равно тѣ изъ недостаточныхъ студентовъ, которые пользуются содержаніемъ на счетъ пожертвованій профессоровъ и чиновниковъ Университета, или на счетъ суммы, взимаемой за ученіе, наконецъ желающіе поступить на казенное содержаніе, или въ заведеніе недостаточныхъ студентовъ на безплатное содержаніе. Отъ полугодичнаго испытанія освобождались тѣ изъ этихъ студентовъ, которые въ тоже полугодіе подвергаются окончательному испытанію въ первой или во второй половинѣ предметовъ. Окончательное испытаніе раздѣляется на двѣ части: первая часть производится въ концѣ первыхъ двухъ лѣтъ бытности студента въ Университетѣ, а по медицинскому факультету въ концѣ трехъ лѣтъ; а вторая въ концѣ полнаго курса. Окончательныя испытанія производятся въ полномъ собраніи факультета, подъ предсѣдательствомъ декана; при испытаніи студентовъ въ предметахъ другихъ факультетовъ присутствуетъ въ засѣданіи факультета, къ которому принадлежитъ студентъ, преподаватель предмета. Время испытанія назначается ни въ какомъ случаѣ не ранѣе 1-го мая и 1-го декабря. Окончательное испытаніе не можетъ имѣть мѣста, если не будетъ на лицо по крайней мѣрѣ двухъ третей членовъ факультета. Въ случаѣ несогласія между предсѣдателемъ и преподавателемъ предмета относительно отмѣтки, а также въ томъ случаѣ, если-бы кто изъ присутствующихъ при испытаніи не былъ согласенъ съ отмѣткою преподавателя, дѣло рѣшается по большинству голосовъ присутствующихъ при отвѣтахъ членовъ, причемъ, какъ предсѣдатель, такъ и преподаватель предмета, имѣютъ по два голоса; при равенствѣ голосовъ, перевѣсъ остается на той сторонѣ, гдѣ преподаватель. При удостоеніи степени кандидата

или званія дѣйствительнаго студента, совѣтъ Университета обращаетъ вниманіе и на поведеніе студентовъ въ бытность ихъ въ Университетѣ, почему въ засѣданія совѣта, назначаемыя для разсмотрѣнія представленій факультетовъ по этому предмету, приглашается инспекторъ студентовъ. Студенты неодобрительнаго поведенія не удостоиваются ни степени кандидата, ни званія дѣйствительнаго студента, хотя-бы и заслуживали того по успѣхамъ въ наукахъ. Студенты, не подвергавшіеся окончательному испытанію въ нѣкоторыхъ предметахъ первой части по уважительнымъ причинамъ, съ разрѣшенія попечителя допускаются къ дополнительному испытанію въ концѣ курса. Тѣ изъ студентовъ, которые на окончательномъ испытаніи въ первой части предметовъ оказали неудовлетворительные успѣхи не болѣе какъ въ двухъ предметахъ, могутъ вторично подвергнуться испытанію въ этихъ предметахъ въ концѣ курса, если пожелаютъ. По истеченіи 4-хъ, а по медицинскому факультету 5 лѣтъ, студенты, желающіе остаться въ Университетѣ для слушанія лекцій, не могутъ быть допущены къ сему иначе, какъ съ разрѣшенія попечителя и при томъ каждый разъ не болѣе какъ на одинъ годъ *).

Правила эти на практикѣ вызвали массу затрудненій и вопросовъ, наприм.: слѣдуетъ-ли дѣлать на полукурсовомъ испытаніи общій выводъ баловъ? Какія отмѣтки считать неудовлетворительными? Почему на медицинскомъ факультетѣ полукурсовый экзаменъ, состоящій изъ однихъ вспомогательныхъ предметовъ, отнесенъ къ концу VI семестра, тогда какъ всѣ эти предметы заканчиваются слушаніемъ въ два первые года? Такимъ образомъ къ 1846 г. возникла уже масса дополнительныхъ правилъ, заимствованныхъ частію изъ рѣшеній попечителя, частію министра. Особенныя-же затрудненія возбуждали привилегіи богословія, по сравненію даже съ главными предметами факультетовъ. По послѣднему вопросу попечитель, хотя и писалъ (3 октября 1847 г.), что „по имѣющимся весьма уважительнымъ причинамъ, смѣшивать богословіе, какъ предлагаетъ совѣтъ, въ одну категорію съ главными предметами нельзя“; однако согласился сдѣлать нѣкоторыя смягченія **).

---

*) Дѣло совѣта 1845 г. № 150.

**) Тамъ-же, 1847 г. № 100.

Экзамены начинались въ 1843 г. съ 19 апрѣля и оканчивались 15 мая. Но потомъ въ правилахъ, какъ мы видѣли, было постановлено начинать ихъ не ранѣе 1 мая. По самому устройству тогдашнихъ окончательныхъ испытаній, т. е. производству ихъ въ цѣломъ факультетѣ, двухъ предметовъ на одинъ день въ одномъ и томъ-же факультетѣ не могло быть назначено. И теперь къ окончательнымъ испытаніямъ приступало далеко неполное число студентовъ. Такъ въ 1843 году на II-мъ отдѣленіи философскаго факультета по разряду математическихъ наукъ держало 3 человѣка и всѣ окончили кандидатами, по разряду естественныхъ наукъ также 3, но одинъ не кончилъ испытанія. По юридическому факультету держало 18 человѣкъ, изъ нихъ 7 получили степень кандидата, и столько-же дѣйствительнаго студента, остальные не кончили экзамена. По I-му отдѣленію философскаго факультета экзаменовалось 8: изъ нихъ 5 окончили съ правомъ на кандидатскую степень, одинъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента; прочіе не кончили испытанія. Въ 1844—45 учебномъ году на полукурсовыхъ экзаменахъ отношеніе числа подлежавшихъ экзамену къ числу дѣйствительно экзаменовавшихся и къ числу не окончившихъ испытанія было таково:

Число студентовъ.	Факультеты.					Итого.
	I-е отд. философ. фак.	II-е отд. философскаго факульт.		Юридическій фак.	Медицинскій фак.	
		математ.	естеств.			
Подлежавшихъ экзамену	17	20	6	43	10	96
Дѣйствительно экзаменовавшихся	14	18	6	32	9	79
Не окончившихъ испытаніе. . . .	3	8	1	11	1	24
Окончившихъ испытаніе	11	10	5	21	8	55

Изъ этихъ цифръ видно, что изъ общаго числа подлежавшихъ экзамену только около половины оканчивали испытаніе (удачно или

неудачно). И теперь уклоненіе отъ экзаменовъ вызывало репрессивныя мѣры, что́ отнюдь не согласовалось со свободою университетскаго ученія. И теперь совѣтъ запрашиваетъ инспектора, почему тотъ или другой студентъ не экзаменовался, или не окончилъ испытанія. И теперь отвѣты получаются разнообразные, иногда оригинальные; наприм. въ 1844—45 г. Бар—скій не экзаменовался потому, что „высылаемъ былъ во время испытанія въ здѣшнюю духовную консисторію для наставленія и увѣщаній къ возвращенію его къ православію". Многіе студенты „по личному удостовѣренію инспектора, во время экзаменовъ были одержимы различными недугами".

Съ согласія декановъ факультетовъ, возможенъ былъ переносъ нѣкоторыхъ предметовъ для нѣкоторыхъ студентовъ изъ полукурсоваго испытанія въ окончательное.

Тѣмъ студентамъ, которые оказали неудовлетворительные успѣхи болѣе чѣмъ въ двухъ предметахъ, попечитель разрѣшалъ повтореніе экзамена не въ этихъ только предметахъ, но полное повтореніе экзамена въ концѣ курса.

Тѣ, которые вовсе не явились на испытаніе, подвергались-бы исключенію; но попечитель входилъ о нихъ съ представленіемъ къ министру, и они получали дозволеніе сдавать весь экзаменъ по окончаніи курса.

Результаты окончательныхъ испытаній можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

ГОДЫ.	I-е отд. философск. фак.		II-е отд. философск фак.		Юридическій факульт.		Медицинскій фак	ИТОГО.		
	Кандидаты.	Дѣйствит. студенты.	Кандидаты.	Дѣйствит. студенты.	Кандидаты.	Дѣйствит. студенты.	Лекаря.	Кандидаты.	Дѣйствит. студенты.	Лекаря.
1843 .	7	—	6	—	10	8	—	23	8	—
1844 .	6	3	6	3	8	8	—	20	14	—
1845 .	9	6	9	10	10	15	3	28	31	3
1846 .	7	1	5	3	5	11	12	17	15	12
1847 .	11	3	11	9	7	13	16	29	25	16
1848 .	7	1	5	11	3	13	38	15	25	38
1849 .	8	—	2	3	3	19	24	13	22	24

Между студентами 1842—49 годовъ находимъ немало лицъ, въ послѣдствіи съ честію служившихъ Университету на профессорскомъ поприщѣ и государству въ разныхъ, даже самыхъ высшихъ должностяхъ, или сдѣлавшихся извѣстными по своимъ ученымъ и общественнымъ заслугамъ. Тогда учились здѣсь будущіе профессора Университета св. Владиміра: К. А. Митюковъ (пріема 1841 г.) –будущій профессоръ римскаго права, Г. И. Эйсманъ (1841 г.)—будущій преподаватель исторіи русскаго права, Н. Х. Бунге (1841 г.) –будущій профессоръ политической экономіи и потомъ полицейскаго права, нынѣшній министръ финансовъ, В. А. Незабитовскій (1842 г.)—будущій профессоръ международнаго права. Во второй половинѣ эпохи учились: И. В. Лашнюковъ (пріема 1847 г.)—будущій профессоръ лицея кн. Безбородко, а потомъ Университета св. Владиміра, И. Я. Ростовцевъ (1847 г.)—будущій помощникъ попечителя кіевскаго учебнаго округа и нѣкоторые другіе.

Особенные успѣхи нѣкоторыхъ студентовъ, выразившіеся въ наградахъ, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы о числѣ выданныхъ медалей.

Годы	1843		1844		1845		1846		1847		1848		1849	
Число медалей	Золотыхъ.	Серебрян.	Золотыхъ.	Серебрян.	Золотыхъ.	Серебрян.	Золотыхъ.	Серебрян.	Золотыхъ.	Серебрян.	Золотыхъ.	Серебрян.	Золотыхъ.	Серебрян.
	2	—	2	—	2	3	2	1	2	—	2	1	1	3
Итого....	2		2		5		3		2		3		4	

Приватные слушатели *). По § 44 новаго устава, названіе слушателей присвоятся а) студентамъ, б) „чиновникамъ, состоящимъ на службѣ и въ отставкѣ, кои съ дозволенія университетскаго начальства постоянно посѣщаютъ лекціи".

*) Въ 1845 г. было особенное разъясненіе министерства, чтобы впредь не употреблять термина: „вольнослушатели", присвоеннаго (съ 1814 г.) студентамъ изъ податнаго состоянія, а различать только студентовъ и *приватныхъ слушателей* (не по происхожденію ихъ, а по отношенію къ университету).

На основаніи этого узаконенія разныя лица начали подавать прошенія о допущеніи ихъ къ слушанію лекцій безъ экзамена, особенно служащіе въ канцеляріи попечителя. По этому поводу въ совѣтѣ возникъ вопросъ объ условіяхъ пріема такихъ лицъ въ Университетъ. По мнѣнію совѣта принимать ихъ безъ экзамена не слѣдовало-бы на основаніи § 113 общаго устава россійскихъ университетовъ, по которому чиновникамъ, находящимся на службѣ и не служащимъ позволяется посѣщать университетскія лекціи и пріобрѣтать ученыя степени *на общихъ правилахъ*, „слѣдовательно, не освобождаясь отъ предварительнаго испытанія, какъ то и въ § 50 прежде дѣйствовавшаго устава Университета св. Владиміра выражено ясными и точными словами“. Но при этомъ совѣтъ, въ видѣ возможной уступки, говоритъ, что если-бы и предоставить право посѣщать Университетъ безъ экзамена, то лишь лицамъ состоящимъ въ классныхъ чинахъ, а не канцелярскимъ служителямъ, каковы были подавшіе просьбы. Совѣтъ прибавляетъ, „что допущеніе лицъ послѣдняго рода къ слушанію университетскихъ лекцій безъ предварительнаго испытанія произвело-бы несправедливое неуравненіе между ними и студентами, и могло-бы даже вести къ подрыву гимназическаго и вообще училищнаго образованія“; всякій поспѣшитъ, научившись грамотѣ, поступить въ государственную службу и такимъ образомъ пользоваться тройнымъ преимуществомъ: получать жалованье, чины и готовиться къ окончательному испытанію въ высшемъ учебномъ заведеніи; между тѣмъ правительство имѣетъ въ виду возможное усиленіе воспитанія въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ,— въ томъ краѣ, для котораго центромъ высшаго образованія служитъ Университетъ св. Владиміра. Поэтому совѣтъ опредѣлилъ окончившихъ курсъ въ гимназіи допускать не иначе, какъ по вступительному экзамену; а не учившихся нигдѣ не допускать вовсе.

Когда принципіальное заключеніе совѣта поступило къ попечителю, то онъ нашелъ (31 декабря 1842 г.), повидимому, новое препятствіе къ льготному допущенію приватныхъ слушателей, а именно: „обстоятельства здѣшняго края и бывшіе уже въ самомъ Университетѣ примѣры доказываютъ необходимость принять предосторожности, чтобы въ кругъ юношей посѣщающихъ университетскія лекціи, не были допущены люди, могущіе имѣть вредное на студентовъ вліяніе

по ихъ образу мыслей и нравственности". Но это грозное вступленіе привело лишь къ тому, что принятіе въ приватные слушатели долженъ разрѣшать не Университетъ, а попечитель. Отсюда слѣдовало, что всѣ разсужденія совѣта о томъ, на какихъ условіяхъ можно принимать ихъ, праздны и для попечителя необязательны. Затѣмъ онъ, дѣйствительно, далъ нѣсколько разрѣшеній для служащихъ въ канцеляріи генералъ-губернатора и гражданскаго губернатора.

Но когда дѣло дошло до министерства народнаго просвѣщенія, то оно (8 января 1843 г.), допуская приватныхъ слушателей въ Университетъ (согласно съ мнѣніемъ попечителя) безъ экзамена, согласилось и съ тою частію мнѣнія совѣта, что на этомъ основаніи могутъ быть допущены только „чиновники", т. е. имѣющіе классные чины, а не канцелярскіе служители *).

Съ тѣхъ поръ вольнослушателями зачислялись: выдержавшіе вступительный экзаменъ, но не представившіе документовъ; имѣющіе право поступить въ студенты безъ экзамена, но явившіеся позже срока, фармацевты и стороннія лица (чиновники канцелярій, приходскіе учителя), студенты другихъ университетовъ, переходящіе въ Университетъ св. Владиміра, но не представившіе еще документовъ.

Между тѣмъ въ 1844 г. было издано положеніе о производствѣ въ ученыя степени, а въ немъ (въ § 15) явилась новая неожиданная льгота для приватныхъ слушателей, а именно: не только служащіе и отставные чиновники, но и „вообще лица свободнаго состоянія могутъ быть допускаемы *къ постоянному* посѣщенію университетскихъ лекцій безъ вступительнаго экзамена; но если, по выслушаніи полнаго курса, пожелаютъ подвергнуться испытанію на званіе дѣйствительнаго студента, или степень кандидата, то должны прежде выдержать гимназическій экзаменъ. Черезъ три года, однако, самъ-же министръ представилъ (16 іюня 1847 г.) докладъ совсѣмъ въ иномъ духѣ. Приватные слушатели (писалъ онъ), въ числѣ которыхъ находятся и *происходящіе изъ податныхъ состояній*, поступаютъ въ Университетъ безъ экзамена. Между тѣмъ, по выслушаніи университетскаго курса, могутъ явиться на экзаменъ и получить степень. Число ихъ увеличивается съ каждымъ годомъ. Это кажется Уварову теперь ненормальнымъ, и въ

*) Дѣло совѣта 1842 г. № 168.

особенности потому, что правительство принимаетъ мѣры къ разграниченію степени образованія сообразно потребностямъ различныхъ сословій въ государствѣ; министръ рѣшился ограничить разрядъ приватныхъ слушателей лишь тѣми, которыхъ положеніе не допускаетъ поступить въ студенты, т. е. чиновниками. „Эта мѣра оказывается тѣмъ болѣе необходимою, продолжалъ Уваровъ, что она согласуется съ видами правительства ограничить необдуманное стремленіе молодыхъ людей изъ низшихъ сословій къ высшему образованію, изъемлющему ихъ изъ первобытнаго состоянія безъ пользы для государства, не лишая между тѣмъ трудолюбивое юношество способовъ къ пріобрѣтенію *спеціальныхъ* познаній". На этихъ основаніяхъ составлены новыя правила о допущеніи къ слушанію университетскихъ лекцій, а именно: разрядъ приватныхъ слушателей на будущее время упраздняется, впрочемъ бывшимъ тогда вольнослушателями дозволяется окончить курсъ; затѣмъ и чиновники и прочія лица свободнаго состоянія могутъ, съ разрѣшенія ректора, слушать *нѣкоторыя лекціи*, для пріобрѣтенія спеціальныхъ свѣдѣній въ нѣкоторыхъ наукахъ *).

Въ существѣ отъ этого дѣло измѣнилось мало: желающіе по прежнему могли посѣщать лекціи и держать экзаменъ на правахъ постороннихъ.

Инспекція. Какъ по уставу 1833 г., такъ и по уставу 1842 г. инспекція стоитъ лишь въ связи съ Университетомъ, но не въ подчиненіи ему; она подчиняется попечителю округа непосредственно. При округѣ до 1843 г. не было спеціальнаго высшаго органа для нея. Но въ сентябрѣ 1843 г. тогдашній попечитель кн. Давыдовъ далъ знать Университету, что онъ поручилъ особенному вѣдѣнію исправляющаго должность помощника его М. В. Юзефовича управленіе инспектора студентовъ Университета св. Владиміра съ тѣми-же правами, какія принадлежатъ ему, попечителю; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ своему помощнику имѣть главное попеченіе за благоустройствомъ во всѣхъ отношеніяхъ института казеннокоштныхъ студентовъ и заведенія для недостаточныхъ студентовъ; предоставилъ ему давать разрѣшенія во всѣхъ случаяхъ, касающихся нравственности студентовъ, кромѣ такихъ, за которые студенты могутъ подвергнуться исключенію

*) Собр. постановл. по мин. нар. просв. т. II, отд. II, № 1032.

изъ Университета; разсматривать всѣ восходящія къ попечителю отъ инспектора студентовъ срочныя донесенія и другія представленія *). Инспекторомъ студентовъ въ началѣ этой эпохи исторіи Университета оставался (съ 1839 г.) тотъ-же *полковникъ Сычуговъ*. Судя по фактамъ, на которые мы наталкиваемся въ дѣлахъ того времени по разнымъ поводамъ, это былъ лучшій изъ всѣхъ инспекторовъ предшествующаго и послѣдующаго времени,—человѣкъ здравомыслящій и прямодушный. Разумѣется въ большинствѣ случаевъ ему приходилось исполнять установленныя тогда мѣры строгости. Въ августѣ 1847 г. полков. Сычуговъ былъ уволенъ и должность эта временно была поручена генералъ-губернаторомъ, по соглашенію съ попечителемъ, *Могилянскому*, который временно управлялъ уже въ январѣ 1846 г. и который о своемъ назначеніи оповѣстилъ особымъ циркуляромъ (16 августа 1847 г.) „всѣмъ гг. казеннокоштнымъ и своекоштнымъ студентамъ и вольнымъ слушателямъ“. Въ мартѣ 1848 г. опредѣленъ инспекторомъ надв. сов. *Тальбергъ*, бывшій предъ тѣмъ совѣтникомъ Бессарабской казенной палаты. Тогда наступало уже другое время; прежнее военно-патріархальное направленіе инспектуры смѣнялось полицейско-гражданскимъ. Такой перемѣнѣ какъ разъ соотвѣтствовало назначеніе гражданскаго чиновника, и именно Тальберга. Хотя и прежде полицейскія мѣры преобладали надъ воспитательными, но полицейская строгость смягчалась отеческими мѣрами старичковъ полковниковъ. Теперь-же полицейскій характеръ инспектуры выступаетъ со всею ясностію и исключительностію: требуется только наружное исполненіе правилъ и безусловное повиновеніе. Если позволительно parva componere magnis, здѣсь выразился такой-же переходъ, какъ въ исторіи государственнаго права отъ патріархальнаго государства къ Polizei-Staat. Нужно имѣть въ виду, что Тальбергъ иногда наводилъ высшее начальство на мысль о непримѣнимости новыхъ мѣръ строгости къ общему строю Университета, основанному на нѣмецкихъ свободныхъ порядкахъ; но отсюда отнюдь нельзя заключать, что его симпатіи склонялись не къ первымъ, а ко второму. Впрочемъ его личные взгляды имѣли мало вѣса въ дѣлѣ, которое вскорѣ всецѣло попало въ руки знаменитаго Д. Г. Бибикова; къ эпохѣ управленія этого послѣдняго слѣдуетъ отнести и всю дѣятельность Тальберга по ея основному характеру.

*) Дѣло совѣта 1843 г. № 151.

Помощниковъ инспектора сначала было пять; послѣ разныхъ перемѣнъ въ этой должности состояли: *Вальховскій*, *Стишинскій*, *Герасимовъ*, *Стрельбицкій* и *Леванда*. Когда-же число ихъ было увеличено до 8-ми, то кромѣ названныхъ находимъ еще: *Троцкаго-Сенютовича*, *Гудиму* и *Савицкаго*. Помощники получали инструкціи отъ инспектора, время отъ времени возобновляемыя. Эти инструкціи утверждалъ попечитель или генералъ-губернаторъ (въ качествѣ управляющаго округомъ). Общія-же основанія надзора опредѣлялись прежнею инструкціею инспектору 1835 г. Но въ 1848 г. новый инспекторъ Тальбергъ, разсмотрѣвъ эту инструкцію, нашелъ, что нѣкоторыя изъ изложенныхъ въ ней постановленій подлежатъ измѣненію по причинѣ увеличившагося съ того времени числа студентовъ, другія по неудобоисполнимости, а иныя ради согласнія съ послѣдовавшими распоряженіями начальства и потому, составивъ проэктъ отмѣненія нѣкоторыхъ §§ той инструкціи, представилъ его попечителю. Къ сожалѣнію судьба этого проэкта намъ неизвѣстна.

Инспекторскій надзоръ простирался не только на студентовъ, но и на приватныхъ слушателей, т. е. лицъ служащихъ, иногда пожилыхъ и семейныхъ. Сверхъ того особымъ распоряженіемъ въ 1843 г. районъ надзора расширенъ на всѣхъ учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ другихъ округовъ, когда они временно пребываютъ въ городѣ Кіевѣ. Въ 1843 г. окружное начальство обратило вниманіе на то, что въ Кіевѣ весьма часто встрѣчаются лица, не находящіяся въ учебныхъ заведеніяхъ кіевскаго учебнаго округа, но въ студенской или ученической одеждѣ, въ которой они, какъ независимые отъ мѣстнаго училищнаго начальства, не соблюдаютъ установленной формы и чрезъ то могутъ навлекать нареканіе на учащихся въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ. Попечитель снесся по этому предмету съ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, который увѣдомилъ его, что онъ предписалъ кіевской полиціи, чтобы она обязывала каждаго изъ прибывающихъ въ Кіевъ студентовъ и учениковъ безъ различія, къ какому-бы округу они ни принадлежали, немедленно являться студентамъ къ инспектору Университета, а ученикамъ къ исправляющему должность инспектора казенныхъ училищъ. Увѣдомляя объ этомъ, попечитель предложилъ инспектору составить и напечатать собственно для подобныхъ лицъ краткое наставленіе, какъ они должны вести себя при выходѣ изъ квартиръ и

вообще въ публичныхъ мѣстахъ и какую соблюдать форму въ одеждѣ, и этимъ наставленіемъ снабжать каждаго изъ постороннихъ студентовъ съ тѣмъ, чтобы онъ при выходѣ изъ дому имѣлъ его всегда при себѣ, что и помѣщать въ самомъ наставленіи.

Сущность надзора въ инспекторскомъ отчетѣ 1848 г. была опредѣлена такъ: „руководствуясь инструкціею моею, я принималъ всѣ зависящія отъ меня мѣры къ образованію ввѣреннаго мнѣ юношества (sic), соотвѣтственно будущему его назначенію. Для достиженія сей цѣли, строго наблюдая за нравственнымъ направленіемъ учащихся въ Университетѣ, я обращалъ неослабное вниманіе на исполненіе ими въ точности *религіозныхъ* обязанностей, на *безусловное повиновеніе* ихъ *властямъ*, на *чистоту ихъ нравовъ*".

Правила для студентовъ оставались прежнія, т. е. изданныя въ 1840 г. Но Тальбергъ, при вступленіи въ должность инспектора, задумалъ обновить и отчасти измѣнить эти правила, представивъ (21 іюля 1848 г.) попечителю, что во многихъ случаяхъ студенты въ оправданіе своихъ проступковъ отзывались невѣдѣніемъ правилъ, изданныхъ въ 1840 г. Впрочемъ никакихъ существенныхъ измѣненій не послѣдовало. Въ числѣ особыхъ мѣръ надзора правилами былъ установленъ билетъ, который студенты должны были постоянно имѣть при себѣ. Цѣль этой мѣры уясняется слѣдующимъ распоряженіемъ исправляющаго должность инспектора студентовъ—Могилянскаго (5-го сентября 1847 г.): „предваряю гг. студентовъ, что тѣ, которые не будутъ имѣть при себѣ билета, могутъ подвергнуться аресту со стороны градской полиціи и даже лишенію университетскаго мундира, какъ не доказавшіе своего права носить оный" *).

---

*) Такъ какъ въ билетѣ изложены были существенныя правила для студентовъ, то приводимъ здѣсь полный текстъ его.

1) Студентъ, какъ православнаго, такъ и другихъ исповѣданій долженъ ежегодно говѣть и пріобщаться св. таинъ. Принадлежащіе къ православному и римско-католическому исповѣданіямъ обязываются говѣть въ университетскихъ церквахъ. Неисполнившіе этого священнаго долга по уважительной причинѣ, обязаны исполнить при первой возможности, и о томъ представить инспектору студентовъ надлежащее свидѣтельство.

2) Студентъ, пропустивъ лекціи или репетиціи безъ уважительной причины, подвергается карцеру, въ первый послѣ того воскресный или праздничный день. О замѣченномъ въ пропускѣ лекціи три раза, хотя-бы и не сряду, представляется

Откладывая болѣе подробное знакомство съ разными сторонами и мѣрами надзора до слѣдующей эпохи, здѣсь обратимъ вниманіе на религіозный надзоръ и на нѣкоторыя другія стороны и случаи его, имѣвшіе мѣсто лишь въ эту эпоху. Въ первомъ отношеніи приходилось наблюдать за тѣмъ, посѣщаютъ-ли студенты церковь, какъ ве-

---

г. управляющему округомъ. Только болѣзнь студента или нахожденіе его въ отпуску признается уважительною причиною къ пропуску лекцій; если казеннокоштный студентъ по болѣзни полагаетъ отправиться въ больницу института, куда не можетъ поступить безъ предварительнаго разрѣшенія университетскаго врача, то долженъ о таковой болѣзни своей донести письменно инспектору еще до начатія лекцій.

3) Во время чтенія гг. профессорами и преподавателями въ аудиторіяхъ лекцій, студенты должны сохранять всю пристойность и уваженіе, коими обязаны мѣсту своего образованія и присутствію своихъ наставниковъ. Опоздавшій полчаса не долженъ входить въ аудиторію, въ которой читаются лекціи и, считаясь отсутствующимъ, подвергается взысканію, назначенному за пропускъ лекцій.

4) Студенты обязаны собираться въ назначенныя аудиторіи для слушанія лекцій и ожидать прихода гг. профессоровъ или преподавателей; если по истеченіи получаса профессоръ не придетъ въ аудиторію, то студенты могутъ разойтись; но во всякомъ случаѣ не иначе, какъ по предварительному разрѣшенію дежурнаго по Университету помощника инспектора.

5) Какъ объявленія о всѣхъ распоряженіяхъ начальства выставляются въ студентской сборной залѣ, то каждому студенту вмѣняется въ непремѣнную обязанность ежедневно освѣдомляться о содержаніи вновь выставленныхъ объявленій, и потому никто изъ студентовъ не вправѣ отговориться невѣдѣніемъ, относящихся къ нимъ распоряженій и приказаній.

6) Воспрещается казеннокоштному студенту: a) входить въ дортуаръ со свѣчею и читать при свѣчѣ, лежа въ постелѣ, а также быть въ дортуарѣ послѣ семи часовъ утра; b) входить въ столовую института на утренній и вечерній чай или на обѣдъ иначе, какъ въ сюртукахъ постройки послѣдняго года,—какъ равно вносить съ собой туда шинель и калоши (которыя слѣдуетъ ставить въ передней); c) опоздавъ къ чаю или къ обѣду, требовать: перваго послѣ 8 часовъ утра или вечера, а втораго по истеченіи 20-ти минутъ послѣ звонка къ обѣду; d) быть въ камерѣ для занятій въ утреннемъ одѣяніи послѣ 8 часовъ утра или ранѣе 8-ми часовъ вечера; e) держать мундирныя вещи, шпагу, шляпу, шинель, сапоги, калоши и утреннее одѣяніе въ камерѣ, вмѣсто того, чтобы отдавать для храненія въ гардеробную; f) отлучаться безъ позволенія инспектора за городъ; g) посѣщать трактиры и кондитерскія днемъ во время чтенія лекцій въ Университетѣ, и вечеромъ позже 10-ти часовъ; h) принимать въ камерѣ для занятій гостей, своекоштныхъ студентовъ или другихъ постороннихъ особъ, безъ предварительнаго на то испрошенія согласія помощника инспектора и i) публично читать или говорить надгробныя рѣчи.

7) Казеннокоштный студентъ долженъ быть въ институтѣ въ 10 часовъ вечеромъ и ни подъ какимъ видомъ не долженъ ночевать внѣ института безъ вѣдома инспектора.

дутъ себя въ церкви и какую церковь посѣщаютъ. По иниціативѣ старосты православной университетской церкви (профес. Ѳедотова-Чеховскаго) было установлено, что студенты должны занимать правую противъ алтаря сторону церкви, отступивъ отъ двери на полтора аршина къ западнымъ окошкамъ, а отъ стѣны во внутрь храма на семь или восемь аршинъ. Настрого на будущее время запрещено студентамъ останавливаться и сталкиваться у входа въ церковь, равно какъ растягиваться линіями поперегъ всей церковной залы противъ входа и смѣшиваться съ посторонними посѣтителями церкви. Для отдѣленія студентовъ отъ постороннихъ изобрѣтена была рѣшетка. Что касается до выбора церкви, то въ 1848 г. начальникъ округа (генералъ Биби-

---

8) Исключенію изъ Университета и, смотря по обстоятельствамъ, строжайшему еще взысканію, подвергается студентъ, который, бывъ встрѣченъ ночнымъ обходомъ, станетъ противиться въ случаѣ требованія онаго слѣдовать въ часть, откуда онъ будетъ немедленно препровожденъ въ институтъ безъ всякой для него обиды.

9) Если казеннокоштный студентъ, вмѣсто того, чтобы принести жалобу инспектору позволитъ себѣ самоуправство противу служителей института или кого-либо инаго, то не только лишается права на удовлетвореніе за причиненную ему обиду, но подвергается строгому взысканію, безъ дальнѣйшаго разбирательства дѣла.

10) Казеннокоштный студентъ отвѣчаетъ за потерю или порчу казенныхъ вещей и имущества, будутъ-ли онѣ случайныя или умышленныя, а потому подвергается взысканію стоимости вещи во сколько она обошлась казнѣ, или сколько употреблено будетъ на исправленіе порчи.

11) При встрѣчѣ съ генералами студентъ обязанъ отдавать имъ честь, прикладывая лѣвую руку къ шляпѣ, или фуражкѣ по примѣру офицеровъ, а при встрѣчѣ съ особами Императорской фамиліи, становясь во фронтъ.

12) Во всѣхъ публичныхъ собраніяхъ студентъ обязанъ оказывать надлежащее уваженіе къ мѣсту и чинамъ.

13) Казеннокоштный студентъ, не подвергавшійся отчасти или вовсе семестральному испытанію безъ уважительныхъ причинъ, или выдержавшій испытаніе неудовлетворительно, не будетъ отпущенъ въ домовой отпускъ во время вакацій.

14) О казеннокоштныхъ студентахъ, не явившихся въ срокъ изъ отпуска безъ уважительной причины, представляется на усмотрѣніе г. управляющаго округомъ.

15) Казеннокоштный студентъ, внѣ института, если при спросѣ начальниковъ не предъявитъ студентскаго билета, подвергается строгому взысканію.

и 16) Казеннокоштный студентъ, окончившій курсъ наукъ и оставшійся въ институтѣ на казенномъ продовольствіи, впредь до опредѣленія его, долженъ повиноваться, наравнѣ съ неокончившими курсъ наукъ студентами, всѣмъ вышеизложеннымъ постановленіямъ (за исключеніемъ посѣщенія лекцій) подъ опасеніемъ строгаго взысканія. Студентъ, замѣченный въ безнравственномъ поступкѣ или въ неисполненіи требованій начальства, не будетъ терпимъ въ Университетѣ.

ковъ) приказалъ, чтобы студенты, какъ православнаго, такъ и римско-католическаго исповѣданій, отнынѣ молились исключительно: первые въ православной, а послѣдніе въ римско-католической университетскихъ церквахъ. Впрочемъ тѣмъ изъ нихъ, которые имѣютъ семейства, позволяется посѣщать и посторонніе храмы, но не иначе, какъ съ семействомъ. Еще раньше того, именно въ октябрѣ (1844 г.) тотъ-же Бибиковъ воспретилъ всѣмъ студентамъ и слушателямъ Университета бывать въ церкви Всѣхъ Скорбящихъ при совершеніи божественной литургіи и акаѳиста по субботамъ. Инспекторъ предписалъ одному изъ своихъ помощниковъ присутствовать каждую субботу въ этой церкви отъ начала до окончанія службы и акаѳиста и замѣчать тѣхъ студентовъ и слушателей, которые, вопреки приказанію, будутъ посѣщать сей храмъ и виновныхъ немедленно представлять къ нему для взысканія. Смыслъ такого курьезнаго воспрещенія заключается въ томъ, что на субботній акаѳистъ въ церковь Всѣхъ Скорбящихъ собирались со всего города дѣвицы, страждущія сердечными недугами, и такимъ образомъ въ ней установился такъ сказать сборъ невѣстъ, что подавало поводъ къ разнымъ студенческимъ шалостямъ. Кромѣ университетской церкви, въ особые дни, и именно въ день акта и высокоторжественные дни студенты должны были посѣщать богослуженіе въ лаврѣ, но не всѣ, а имѣющіе хорошіе мундиры. Съ ними ректоръ, и прочее университетское начальство ходили послѣ обѣдни на закуску къ митрополиту. Надзоръ въ эти дни, разумѣется, усиливался. Иногда предписывался общій походъ въ лавру; напр. 30 іюня 1848 г. инспекторъ предписалъ своимъ помощникамъ собраться со студентами въ высокоторжественный день рожденія Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы въ $10^1/_2$ часовъ утра, въ полной мундирной формѣ въ Печерскую лавру для выслушанія божественной литургіи и молебна. Въ такомъ случаѣ посѣщеніе лавры было обязательно и для католиковъ. Вообще для неправославныхъ посѣщеніе православной церкви было обязательно въ высокоторжественные дни и въ дни университетскихъ торжествъ. 18 іюля 1849 года инспекторъ замѣтилъ, что хотя и было объявлено студентамъ, чтобы они, по случаю храмоваго праздника университетской церкви, собрались въ оную въ $9^1/_2$ часовъ утра, но кромѣ двухъ студентовъ православнаго исповѣданія, не были въ церкви этой другіе неправославные студенты подъ пред-

логомъ, что они были въ церквахъ ихъ исповѣданій. Это объясненіе, по мнѣнію инспектора, нельзя признать резоннымъ, ибо при праздновании торжественныхъ событій, подобныхъ означенному, не дѣлается никакого различія вѣроисповѣданій и имъ приказано было собраться въ университетскую церковь; онъ дѣлаетъ имъ на сей разъ лишь выговоръ за неисполненіе въ точности приказанія. Посѣщеніе церкви было столько-же безусловно обязательно, какъ и посѣщеніе лекцій, не только въ учебное, но и каникулярное время; такъ 29 іюня 1849 г. инспекторъ замѣчаетъ своимъ помощникамъ, что по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ онъ въ университетской церкви, костелѣ и лаврѣ неоднократно находилъ у обѣдни студентовъ въ весьма маломъ числѣ, а иногда даже никого изъ нихъ, изъ чего заключать должно, что студенты не исполняютъ сей христіанской обязанности, а потому возложилъ, подъ собственной отвѣтственностію помощниковъ, на ихъ наблюденіе, чтобы студенты не уклонялись отъ сего христіанскаго долга, съ тѣмъ, чтобы помощники о замѣченныхъ ими виновныхъ еженедѣльно доставляли ему именные списки для свѣдѣнія его и поступленія съ ними на основаніи правилъ для студентовъ *). Но студенты находили легкія средства отговорокъ и религіозное рвеніе отъ того отнюдь не возрастало. Исполненіе религіозныхъ обязанностей иногда сталкивалось съ исполненіемъ другой столь-же важной (по тогдашнимъ взглядамъ) обязанности—именно носить установленную форму одежды. Вотъ наприм. какой списокъ съ отговорками представилъ однажды помощникъ инспектора Савицкій: „*Списокъ студентовъ не бывшихъ въ церкви 15-го іюля:* Трофимовъ—по неимѣнію шпаги, Комовскій—по неимѣнію панталонъ, Грилькевичъ, Бендзинскій, Загаровскій, Дроздовскій и Адольфъ—объявили, что они располагаютъ быть по исповѣданію своему въ католической церкви".

Кромѣ обычныхъ богослуженій инспекторскому надзору подлежало исполненіе студентами и другихъ религіозныхъ обрядовъ. 16 февраля 1849 года инспекторъ предписалъ своему помощнику слѣдующее: „17 и 18 чиселъ въ 1-мъ часу по полудни въ университетской православной церкви будетъ исповѣдь, а 18 и 19 чиселъ съ 9 часовъ утра—причащеніе св. таинъ, 20-же числа назначается сборъ студен-

*) Дѣло канцеляріи инспект. студ. № 76.

товъ въ парадной залѣ Университета съ 11 часовъ утра для представленія его выс—тву (Бибикову); посему прошу объявить за росписками студентамъ, во-первыхъ, чтобы тѣ изъ нихъ, кои православнаго исповѣданія, собирались для исповѣди въ передней церкви и входили въ церковь поочередно, по мѣрѣ выхода оттоль исповѣдниковъ, а къ припятію св. таинъ приступали также не вдругъ, толпою, а въ должномъ порядкѣ и не сталкивались-бы съ посторонними посѣтителями; во 2-хъ, чтобы всѣ вообще студенты собрались въ назначенный день и часъ въ парадной залѣ Университета въ полной формѣ, а не имѣющіе формы, въ сюртукахъ и фуражкахъ. Надѣюсь, что гг. студенты въ удовлетвореніи требованія моего по 1-му пункту, какъ христіане, а по 2-му, какъ образованные юноши, исполняющіе всякое требованіе начальства, не подадутъ мнѣ поводъ къ замѣчаніямъ или взысканію за несоблюденіе формы при назначенномъ сборѣ ихъ, относительно одежды, прически и бритья бороды".

Прежде было обязательно для студентовъ посѣщеніе лишь литургіи, но съ 1850 г. и прочихъ службъ православной церкви; именно: ректоръ 3-го августа 1850 года увѣдомилъ инспектора студентовъ, что въ православной университетской церкви до настоящаго времени совершалась, по уважительнымъ причинамъ, одна только литургія въ воскресные и праздничные дни. Въ настоящее время настоятель православной университетской церкви Крамаревъ находитъ уже возможнымъ не отступать отъ общихъ узаконеній церкви. Поэтому наканунѣ тѣхъ дней, въ которые должно совершаться богослуженіе, будетъ отправляемо въ православной церкви всенощное бдѣніе. Сообщая объ этомъ для объявленія студентамъ, ректоръ просилъ приказать строго наблюдать за аккуратнымъ посѣщеніемъ церкви казеннокоштными воспитанниками Университета *).

Что касается до наблюденія за студентами въ общественныхъ мѣстахъ и зданіяхъ, то инспекціи всегда представляли особенныя хлопоты по устройству нѣкотораго modus vivendi между студентами и полиціею. Въ 1848 г. инспекторъ издалъ на этотъ счетъ особыя правила. „Въ предупрежденіе всякихъ недоразумѣній и происшествій между студентами и ночнымъ городовымъ обходомъ, объявляется по

*) Дѣло канцеляріи инспект. студ. № 76.

распоряженію начальства: 1) Каждый студентъ обязанъ имѣть во вниманіи, что ночные обходы, постановленные для охраненія общественнаго порядка, суть исполнители воли высшаго начальства, что слѣдовательно всякое сопротивленіе имъ оказанное есть сопротивленіе волѣ начальства и что, наконецъ, по закону никакое лицо безъ всякаго различія званій не можетъ безъотвѣтственно противиться никакимъ требованіямъ мѣстной полиціи. 2) По сему, во избѣжаніе непріятныхъ столкновеній, подтверждается гг. студентамъ не ходить въ ночное время по улицамъ послѣ опредѣленнаго правилами часа; а въ случаѣ запозданія и встрѣчи съ ночнымъ обходомъ поставляется имъ въ обязанность давать ему безъ всякой строптивости отвѣты на дѣлаемые вопросы и, въ случаѣ требованія, слѣдовать за нимъ спокойно въ ближайшую городскую часть, откуда по объявленіи своего имени, явившійся такимъ образомъ студентъ будетъ немедленно отпускаемъ съ провожатымъ ко мнѣ безъ всякой для него непріятности со стороны полиціи. 3) За симъ всякій студентъ, поступившій вопреки сего распоряженія, будетъ подвергаемъ строгой отвѣтственности и удаленію изъ Университета безъ всякаго вниманія къ его оправданію" *).

Нельзя сказать, чтобы студенты того времени не подавали повода къ усиленію надзора въ общественныхъ мѣстахъ. Обыкновенно этого рода проступки считались простыми шалостями (и даже негласно поощрялись), но когда они превышали всякую мѣру, то приводили иногда къ печальнымъ послѣдствіямъ. Въ 1846 году 4 студента наказаны за *буйство въ купеческомъ клубѣ*. Подобныя явленія заставили издать въ 1846 г. постановленіе, по которому „воспрещается отнынѣ всѣмъ вообще студентамъ и слушателямъ бывать въ кондитерскихъ исключая баловъ, концертовъ, театровъ и клубовъ, позже десяти часовъ вечера подъ опасеніемъ строгаго взысканія за неисполненіе настоящаго требованія начальства. Входъ въ трактиры и другія публичныя мѣста, исключая контрактной залы, вовсе воспрещается".

При всякихъ предстоящихъ особенныхъ случаяхъ общественныхъ собраній, инспекторъ взывалъ въ циркулярахъ: „Что касается до соблюденія приличія, воздержности и мѣры въ увеселеніяхъ, то вѣроятно гг. студенты не забудутъ, что этимъ долженъ отличаться каж-

*) Дѣло канцеляріи инспект. студ. № 68.

дый воспитанный и принадлежащій хорошему обществу молодой человѣкъ".

Усиленные случаи надзора составляли главнымъ образомъ посѣщенія г. Кіева Высочайшими особами. Такъ въ 1843 г., по случаю ожидаемаго посѣщенія Государя Императора, инспекторъ издалъ такой приказъ: „объявить всѣмъ студентамъ къ точному исполненію и за этимъ строго наблюдать. 1) Дабы всѣ студенты казеннокоштные и своекоштные, начиная съ 19-го числа включительно по 25-е сентября, не иначе выходили изъ квартиръ своихъ, какъ въ сюртукахъ при шпагахъ и шинеляхъ, кои носили-бы по формѣ, но не съ поля. 2) Всѣмъ генераламъ, а наипаче Его Императорскому Величеству при встрѣчахъ на улицѣ, отдавали должную честь, т. е. остановившись дѣлали фронтъ и лѣвою рукою приложить двумя пальцами къ петлицѣ шляпы. 3) Если идущій студентъ по улицѣ будетъ въ шинели, то оную спустить съ лѣваго плеча во время отданія чести. На имѣющихъ быть разводахъ и парадахъ, если кто пожелаетъ быть, то не иначе какъ въ полной формѣ, т. е. въ мундирахъ и безъ шинели, равно тоже соблюдать и въ церквахъ, гдѣ будетъ Государь Императоръ, но впередъ не становиться. 5) На всѣхъ плацъ-парадныхъ мѣстахъ черезъ перилы не входить, а въ церквахъ становиться на назначенныхъ мѣстахъ и по указанію полиціи *). Тогда еще хорошо памятно было прежнее посѣщеніе Государя Николая Павловича въ 1840 г., послѣ котораго ревностно занялись шлифовкою, и, какъ тогда говорили, „оболваненіемъ" студентовъ, пріискивая танцмейстеровъ изъ французовъ (Дебре въ 1845 г. былъ замѣненъ Ришаромъ). Такимъ образомъ къ новому посѣщенію 1843 г. этими мѣрами уже нѣсколько приготовились. Въ залѣ Университета были собраны всѣ студенты и ученики гимназіи, и первые выстроены были по правую сторону, вторые—по лѣвую. Въ переднія линіи и во фланги были поставлены болѣе красивые, умѣющіе держать себя и нарядно одѣтые; въ заднія шеренги удалены которые по-хуже. Государь однако обошелъ и заднія ряды; но тѣмъ не менѣе остался доволенъ. Въ 1847 г. 9-го сентября Могилянскій увѣдомилъ, „что завтра (10 сентября) Государь Императоръ изволитъ быть въ 9 часовъ утра въ Университетѣ; по-

*) Дѣло канцеляріи инспект. студ. № 67.

сему гг. студенты имѣютъ явиться непремѣнно въ 8 часовъ въ Университетъ въ полной формѣ и собираться въ аудиторіяхъ". Это новое посѣщеніе, случившееся вскорѣ послѣ печальныхъ событій съ славянскимъ обществомъ, ознаменовалось только представленіемъ со стороны Д. Г. Бибикова Государю его замѣчательной записки о системѣ и задачахъ общественнаго образованія,— записки, которая легла въ основаніе Бибиковской системы управленія.

Каковы были *результаты*, достигнутые надзоромъ за эту эпоху?

Люди, бывшіе въ то время студентами, а потомъ и профессорами, свидѣтельствуютъ, что нравственныя начала, бывшія въ ходу не только въ инспекціи, но и вообще въ университетской средѣ, были не высокой пробы: „Въ наше время, пишетъ одинъ изъ нихъ, не ломали особенно головъ надъ измышленіемъ мѣръ къ усиленію научныхъ работъ студентовъ внѣ лекцій, а почитали достаточнымъ одно пребываніе на лекціяхъ и репетиціяхъ, ограничиваясь перекличками студентовъ и сажаніемъ въ карцеръ отсутствовавшихъ. Въ то время слишкомъ рьяному къ научнымъ занятіямъ внѣ аудиторіи студенту случалось выслушивать и такую рѣчь: „что вы думаете переворотъ въ наукѣ произвести, великія открытія сдѣлать? Не трудитесь; безъ васъ все уже подѣлано. За это ни чиновъ, ни денегъ не дадутъ". Въ наше время были и такіе просвѣтители, которые, отрицая на лекціи, въ присутствіи сановника, существованіе римской республики, выставляли потомъ слушателямъ такую лекцію, какъ образчикъ великой житейской науки объ умѣньѣ ходить въ лисьей шубѣ. Было и такое время, когда начальство, стремясь отвлечь студентовъ отъ неумѣстныхъ разсужденій о политическихъ и общественныхъ вопросахъ, въ свободное время, внѣ лекцій, искало этого отвлеченія не въ научной работѣ, если не рекомендовало, то чуть-ли не громко заявляло, что оно сквозь пальцы будетъ смотрѣть на трату молодыхъ и свѣжихъ силъ въ разгулѣ и непавственныхъ удовольствіяхъ. Послѣдній научно-воспитательный пріемъ по своей легкости и заманчивой привлекательности для молодежи, давалъ, какъ оказывалось, довольно обильные плоды. Было время (начало 40-хъ годовъ) въ жизни нашего Университета, которое окрестили современники (студенты) періодомъ кутежей и „крестовыхъ походовъ". Авторитетными героями его были личности, преуспѣвавшія въ питьѣ и разнообразныхъ оргіяхъ; имъ завидовали и

старались подражать вновь поступившіе недоросли и гордились ихъ покровительственною дружбою. Особенно одинъ изъ нихъ едвали когда-нибудь изгладится изъ нашей памяти. Богато одаренный отъ природы умственными способностями, матеріально обезпеченный въ жизни,—молодой человѣкъ быстро перепробовалъ всѣ возможныя жизненныя наслажденія, былъ въ 25 лѣтъ уже изжитымъ, попошеннымъ старикомъ—и находилъ какое-то демоническое наслажденіе растлѣвать нравственно и физически неоперившихся недоростковъ, только что поступившихъ изъ гимназій и родительскаго дома на университетскую скамью и подобострастно ловившихъ его приказанія. Онъ кончилъ тѣмъ, что на послѣднемъ курсѣ застрѣлился—не въ какомъ-нибудь порывѣ страсти, а вяло, флегматически, хладнокровно, изъ испорченнаго пистолета, зажигая отсырѣвшій порохъ на затравкѣ отсырѣвшими зажигательными спичками, которыхъ испортилъ цѣлую коробочку, прежде чѣмъ удалось покончить съ жалкою жизнію" *).

Показанія современниковъ могутъ быть отчасти провѣрены дѣлами инспекторскаго управленія того времени, этою длинною, иногда забавною, по большей части грустною лѣтописью студенческихъ проступковъ и наказаній за нихъ. Прискорбно убѣдиться изъ нея, что потрачено столько безплодныхъ усилій, измышлено и исполнено столько наказаній—и не вполнѣ достигнута даже ближайшая тогдашняя цѣль, т. е. укрѣпленіе субординаціи и повиновенія. Въ началѣ 40-хъ годовъ терпѣливый старикъ, полковникъ Сычуговъ, еще кое-какъ выпутывался изъ затрудненій при помощи своего благодушія; но и ему приходилось иногда не легко; студентъ не ночуетъ дома, инспекторъ сажаетъ его въ карцеръ; но на другой день въ карцерѣ отыскиваются всѣ признаки пріятнаго и свободнаго препровожденія время: табакъ, трубка и проч. Инспекторъ въ наказаніе за это, объявляетъ продленіе карцера еще на 2 часа, но студентъ не идетъ, „становится въ позицію какъ-бы съ намѣреніемъ сдѣлать угрозы" и объявляетъ, что приказанія не исполнитъ и „подаетъ теперь-же въ отставку" (такая военная терминологія была усвоена тогда въ Университетѣ). Попечитель исключаетъ студента; но черезъ мѣсяцъ добродушный инспекторъ самъ ходатайствуетъ о принятіи его вновь, замѣтивъ въ немъ признаки

---

*) Кіевлянинъ 1870 г. № 20.

будтобы „сердечнаго раскаянія“ и не желая „молодому человѣку преградить возможности къ дальнѣйшему продолженію наукъ“. Но рѣдко такая снисходительность шла на пользу; обыкновенно герои исторій не уходили своей участи и, доживъ въ Университетѣ до болѣе суровыхъ временъ, кончали постыднымъ исключеніемъ и выѣзжали изъ Кіева по казенной надобности.

Чѣмъ ближе къ 1849 г., къ знаменитой эпохѣ Бибикова, когда инспекціею управлялъ уже Тальбергъ, тѣмъ чаще становятся столкновенія студентовъ съ инспекціею. Въ донесеніяхъ инспектора нерѣдко читаемъ, что студентъ „вышелъ изъ границъ всякаго почтенія“ и стоя предъ распекающимъ начальствомъ, „хохоталъ и руками махалъ“. На призывъ къ инспектору студенты отвѣчаютъ: „если инспектору нужно меня, то пусть самъ придетъ“. Помощники инспектора большею частію сдѣлались лишь предметомъ шутокъ студентовъ и не пользовались ни малѣйшимъ воспитательнымъ значеніемъ въ глазахъ ихъ; въ присутствіи инспектора студентъ говорилъ помощнику его С—му: „что вы вздумали давать мнѣ совѣты? Мнѣ ихъ не нужно, и я не буду ихъ слушать“. Справедливость требуетъ замѣтить, что далеко не всѣ помощники инспектора своими поступками могли пріобрѣсти доброе моральное вліяніе на студентовъ.

Подъ такими вліяніями нетвердые нравственные принципы молодежи того времени окончательно расшатывались; инспекторъ въ своихъ донесеніяхъ то и дѣло заявляетъ, что тотъ или другой студентъ „проводитъ время по трактирамъ, предаваясь картежной игрѣ и другимъ непозволительнымъ шалостямъ и чтобы уклониться отъ надзора безпрестанно перемѣняетъ квартиры“. Иной, когда дѣло доходило до исключенія, получалъ предписаніе явиться къ попечителю и генералъ-губернатору; а такъ какъ свои вещи онъ уже распродалъ и явиться ему не въ чѣмъ, то, не задумываясь долго, онъ занимаетъ у одного изъ товарищей шинель, у другаго — мундиръ, у третьяго — шляпу и шпагу, будто-бы для явки къ начальству и затѣмъ спокойно выбываетъ изъ города, унося на своихъ плечахъ столь разнообразныя доказательства малаго уваженія къ чужой собственности. Въ студенческой средѣ подобные поступки назывались удалью и молодечествомъ; не приходило въ голову, что подъ ними скрывается растлѣніе нравственнаго чувства. Что касается такихъ отрицательныхъ успѣ-

ховъ чисто моральнаго воспитанія, то разумѣется общее состояніе студентовъ того времени не можетъ быть характеризовано проступками худшихъ изъ нихъ; однако самая возможность появленія нѣкоторыхъ пороковъ въ студенческой средѣ характерна сама по себѣ. Уже изъ приведеннаго случая самовольныхъ распоряженій чужою собственностію, видно, что общія нравственныя понятія не были крѣпки въ студенческой средѣ. 21 марта 1842 года инспекторъ представилъ попечителю, что „студентъ Паулинъ Гир—ъ на сихъ дняхъ въ бакалейной лавкѣ купца Литова (на Подолѣ) унесъ два небольшіе ящика съ конфектами цѣною на $1^1/_2$ рубля сер., въ чемъ былъ остановленъ купцомъ, но по удовлетвореніи котораго слѣдующими за сіи вещи деньгами, дѣло было осталось безъ дальнѣйшихъ послѣдствій; но такой предосудительный поступокъ Гир—а, явно подтверждаетъ въ дурной его нравственности и можетъ сдѣлать невыгодное мнѣніе на прочихъ его товарищей“. Для характеристики прочихъ нравственныхъ понятій могутъ служить слѣдующіе случаи: 15 января 1843 года ректоръ увѣдомилъ инспектора студентовъ, что деканъ юридическаго факультета профес. Орнатскій донесъ ему, что 12 января студентъ юридическаго факультета Николай Бор—вичъ предъявилъ ему листъ для записки лекцій, въ которомъ онъ, Орнатскій, нашелъ, что одобреніе отъ имени его лекцій прошлаго полугодія, равно какъ самая подпись Орнатскаго и означеніе года, мѣсяца и дня сдѣланы чьею-то чужою, а не его рукою. На вопросъ Орнатскаго чьею рукою сдѣлана подпись Бор—вичъ отвѣчалъ не обинуясь: „вашею“ (т. е. Орнатскаго) и остался при этомъ утвержденіи послѣ двукратнаго со стороны Орнатскаго заявленія, что онъ не признаетъ подпись, сдѣланную его рукою. Такимъ-же образомъ секретарь совѣта объявилъ, что его подпись сдѣлана чужою, а не его рукою. По разслѣдованіи оказалось, что Бор—вичъ дѣйствительно подписался подъ руку декана и секретаря, хотя сдѣлалъ это безъ злонамѣренныхъ цѣлей, а потому, что сначала потерялъ печатный бланкъ, а потомъ отыскавъ его, внесъ предметы слушанія и подписался за декана, имѣя уже разрѣшеніе этого послѣдняго, написанное на простой бумагѣ. Попечитель приказалъ выдержать студ. Бор—вича въ карцерѣ двое сутокъ, что и исполнено. Нѣчто подобное найдено было и въ упомянутомъ выше поступкѣ одного студента, подбросившаго письма проф. Орнатскому 7 февраля 1843 г,

Дѣло это имѣло такой ходъ: генералъ-губернаторъ препроводилъ къ попечителю виновнаго и просилъ допустить его къ слушанію лекцій, впредь до полученія имъ отзыва министра народнаго просвѣщенія о наказаніи, которому слѣдуетъ подвергнуть его, съ тѣмъ однако, чтобы за поведеніемъ его былъ до времени учрежденъ надлежащій надзоръ. Министръ народнаго просвѣщенія приказалъ, согласно съ мнѣніемъ генералъ-губернатора, подвергнуь студентовъ Кар—го и Ск—го домашнему наказанію. Въ слѣдствіе чего попечитель предложилъ инспектору студентовъ Кар—го и Ск—го посадить въ карцеръ на двѣ недѣли, внушивъ притомъ какъ имъ, такъ и вообще студентамъ Университета св. Владиміра, согласно съ волею министра, что поступки, подобные этому, не могутъ быть терпимы, что министръ согласился на снисхожденіе единственно на этотъ разъ, по ходатайству главнаго мѣстнаго начальства и по просьбѣ проф. Орнатскаго, но при повтореніи подобной *шалости*, министръ подвергнетъ виновныхъ строгому взысканію.

Такъ какъ въ слѣдующую эпоху взглядъ на задачи инспекціи и выборъ средствъ для исполненія ихъ останутся, въ сущности, тѣми-же, но лишь выразятся рельефнѣе, то мы откладываемъ болѣе подробное ознакомленіе съ ними до того времени. Тогда-же уяснится и то, какихъ результатовъ достигъ строгій надзоръ въ отношеніи политическомъ.

Р. Э. ТРАУТФЕТТЕРЪ.

ЭПОХА III.

1849—1855.

РЕАКЦІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Перемѣны въ управленіи Университета и въ судьбѣ каѳедръ.

Общія причины усиленія строгостей (въ особенности по отношенію къ вѣдомству народнаго просвѣщенія) въ концѣ 40-хъ годовъ, извѣстны; это было опасеніе, что французское движеніе, отразившееся въ Венгріи, распространится на Польшу и даже проникнетъ въ русское общество, которое, впрочемъ, не подавало поводовъ къ такого рода опасеніямъ.

Насъ интересуютъ болѣе мѣстныя событія юго-западнаго края и послѣдствія, вызванныя ими въ Кіевскомъ учебномъ округѣ и въ Университетѣ св. Владиміра въ особенности. Здѣсь случилось событіе, предупредившее обще-европейскія движенія 1848 года и отразившееся отчасти въ цѣлой имперіи, хотя, по существу своему, далеко не столь важное. Говоримъ объ открытіи такъ называемаго украино-славянскаго общества въ Кіевѣ. Мы выше упоминали, что всеобщее возбужденіе славянскихъ идей въ 30-хъ и 40-хъ годахъ побудило основать въ русскихъ университетахъ каѳедры славяновѣдѣнія, но что въ Университетѣ св. Владиміра, гдѣ такая каѳедра всего нужнѣе, она не

была открыта, не смотря на ходатайство совѣта; идеи, бродившія въ умахъ молодежи, не находя себѣ открытаго, научнаго пути и руководства, выразились въ формахъ запретныхъ и прикрылись тайною.

Мы упоминали выше (со словъ Н. И. Костомарова *), что въ 1845 г. въ Кіевѣ составился славянофильскій кружокъ молодыхъ людей, который и былъ окрещенъ именемъ славянскаго общества, гдѣ кромѣ идей собственно панславистическихъ, обращались довольно неясныя идеи о бытѣ Малороссіи и мысли о вредѣ крѣпостнаго права, а равно и общія либеральныя идеи 40-хъ годовъ, въ частности мысли о распространеніи народнаго образованія путемъ начальныхъ школъ и литературы для народа.

Слѣдствіемъ открыто, что дѣло вовсе не такъ страшно, какъ представлялось оно въ началѣ. Цѣль общества, по объясненію дѣйствующихъ лицъ, состояла въ соединеніи славянскихъ племенъ, но они полагали соединить ихъ подъ скипетромъ русскаго Императора. Не касаясь до настоящаго образа правленія въ Россіи, они желали только, чтобы имѣющія присоединиться къ намъ иноземныя славянскія племена устроены были по примѣру Царства Польскаго. Имъ казалось, что Государь Николай Павловичъ по силѣ духа его, одинъ можетъ совершить это великое дѣло; но сомнѣваясь, чтобы онъ, занятый внутреннимъ благоустройствомъ государства, принялъ участіе въ этомъ предпріятіи, они надѣялись достигнуть соединенія славянъ своими силами. Средства эти должны были ограничиваться слѣдующими мѣрами: воодушевленіемъ славянскихъ племенъ къ уваженію собственной ихъ народности, изгнаніемъ изъ нравовъ ихъ всего иноземнаго, уничтоженіемъ вражды и водвореніемъ согласія между ними, склоненіями ихъ къ исповѣданію одной православной вѣры, заведеніемъ училищъ и изданіемъ книгъ для простого народа. Они полагали, что славянскія племена, этими мирными средствами, были-бы доведены до того, что впослѣдствіи сами слились-бы въ одно цѣлое. Но цѣль украино-славянистовъ при такихъ средствахъ была-бы достигнута не прежде, какъ черезъ сотни или 1000 лѣтъ (это ихъ собственныя слова).

Вскорѣ участники сами увидѣли, что теоретическія предположенія ихъ не сообразны съ практическимъ ходомъ дѣлъ, и что идеи ихъ

*) См. выше стр. 367.—Сл. „Кіев. Стар." 1883 г. февр.

были только ученыя мечты. По этому они въ половинѣ 1846 г. прекратили свои занятія, перестали называть кругъ свой обществомъ, положивъ заниматься изученіемъ исторіи и языковъ славянскихъ, какъ наукою безъ всякой политической цѣли.

По мнѣнію начальства, общество украино-славянистовъ существовало только нѣсколько мѣсяцевъ (а по мнѣнію самихъ участниковъ, вовсе не существовало, ибо нельзя назвать обществомъ непеpіодическія свиданія трехъ знакомыхъ).

Что касается до вліянія славянскихъ идей среди студентовъ Университета св. Владиміра, объ этомъ разсказывалъ студентъ Ан—скій (откровенный до преувеличеній) такъ: „кромѣ нашего общества (т. е. славянскаго), студенты Кіевскаго университета никакихъ другихъ тайныхъ обществъ не составляютъ и проэктовъ не пишутъ... Дѣлятся-же на аристократію и бѣдняковъ; аристократы богачи не различаютъ ни народа, ни вѣры; кромѣ увеселеній ничего знать не хотятъ. Бѣдные-же за ними тянутся; но поляки любятъ поговорить о Польшѣ, занимаются чтеніемъ польскихъ книгъ и питаютъ тайное желаніе и надежду на возстановленіе Посполитой Рѣчи, но сборищъ и какихъ-либо условій, соединявшихъ ихъ, не имѣютъ. Малороссы, меньшая часть, любятъ вспоминать гетманщину и чтеніе малороссійскихъ книгъ; по этимъ и ограничивается ихъ политическая дѣятельность. Русскіе большею частію занимаются науками и объ нихъ ничего нельзя сказать особеннаго. Смѣло можно утверждать, (что) кіевскихъ студентовъ болѣе интерсуетъ психологія и биліардъ, чѣмъ политика... Съ котораго-же времени начались подобныя (идеямъ славянскаго общества) идеи въ студентахъ, то должно полагать, что это послѣдки 1839 г.... Отъ кого они получаютъ эти идеи, мнѣ неизвѣстно, хотя и должно предполагать, что поляки отъ своихъ родителей, а прочіе студенты отъ поляковъ. Профессора-же на лекціяхъ ничего недолжнаго не говорятъ, и профессоръ Ф—въ открыто выражаетъ преданность къ царю. Притомъ-же почти каждый день на лекціяхъ бываетъ попечитель генералъ Траскинъ“.

Идеями славянскаго общества пытались потомъ воспользоваться поляки для своихъ цѣлей: лѣтомъ 1848 года на стѣнѣ костела въ гор. Летичевѣ, въ праздникъ Божьяго тѣла, найдена приклеенная прокламація на польскомъ и русскомъ языкахъ (на послѣднемъ

языкѣ въ высшей степени безграмотная и нелѣпая) съ заглавіемъ: *„отъ славянскаго союза“*, съ слѣдующею безсмысленною прибавкою: „Duch Rossyan i Polakow obecnie“. Въ ней предполагается полная солидарность русскихъ и поляковъ въ общей оппозиціи правительству *). Подозрѣніе въ приклеиваніи этой прокламаціи пало на двухъ студентовъ Университета св. Владиміра Чайк—скаго и Бялк—скаго, которые въ тотъ день проѣзжали чрезъ Летичевъ и пробыли на постояломъ дворѣ болѣе 3-хъ часовъ и вдобавокъ росписались въ книгѣ для проѣзжающихъ чужими вымышленными именами на польскомъ языкѣ. Надлежащихъ уликъ противъ подозрѣваемыхъ не было найдено и Бибиковъ рѣшилъ послать ихъ обоихъ въ Казанскій университетъ оканчивать курсъ, а затѣмъ на службу въ великороссійскихъ губерніяхъ на три года. Фельдмаршалъ Паскевичъ утвердилъ это рѣшеніе.

Вообще положительное вліяніе разрушительныхъ идей, котораго такъ опасались, оказалось ничтожнымъ.

За то дѣло о славянскомъ обществѣ сопровождалось весьма важными послѣдствіями отрицательными; въ виду возбужденныхъ опасеній принятъ былъ рядъ общихъ мѣръ, предсказывавшихъ уже близкое наступленіе эпохи 1848 — 49 годовъ.

Было рѣшено министру народнаго просвѣщенія объявить положительное Высочайшее повелѣніе, чтобы наставники и писатели дѣйствовали въ духѣ и видахъ правительства, отнюдь не допуская ни на лекціяхъ, ни въ книгахъ и журналахъ никакихъ предположеній о присоединеніи къ Россіи иноземныхъ славянъ и вообще ни о чемъ, что принадлежитъ правительству, а не ученымъ, чтобы цензоры обращали строжайшее вниманіе особенно на московскія, кіевскія и харьковскія періодическія изданія и на всѣ книги, печатаемыя въ славянофильскомъ духѣ, не допуская въ нихъ тѣхъ полутемныхъ и двусмысленныхъ выраженій, которыми они изобилуютъ.

Въ исполненіе такой задачи, гр. Уваровъ 29 мая 1847 г. далъ циркулярное предписаніе попечителямъ учебныхъ округовъ о томъ, какого понятія о „народности“ и „народномъ началѣ“ слѣдуетъ дер-

---

*) „Съ восторгомъ радости въ предпріятіяхъ нашихъ мы заключаемъ съ поляками, когда-то недругами нашими союзъ, подъ именемъ: *союзъ славянъ* и обязуемъ города и уѣзды объявить намъ волю свою, прилагая въ знакъ согласія печать полиціи (sic), уѣздную и духовной власти“ и т. д. съ такимъ-же смысломъ.

жаться въ наукѣ и литературѣ. По его словамъ, мечты славянофильства безполезны и вредны; идея народности, которою слѣдуетъ руководиться, есть исключительно — идея русской народности. „Съ такимъ воззрѣніемъ на нашу *народность* (говоритъ онъ), я обращаю слово преимущественно къ тѣмъ преподавателямъ, которымъ досталось обработывать на ученомъ поприщѣ участокъ славный, но и трудный: русскій языкъ и русскую словесность съ прочими соплеменными нарѣчіями, *какъ вспомогательными средствами для роднаго языка,* русскую исторію и исторію русскаго законодательства: имъ предпочтительно передъ другими принадлежитъ возбужденіе духа отечественнаго не изъ славянства, *игрою фантазіи созданнаго,* а изъ начала русскаго, въ предѣлахъ науки, безъ всякой примѣси современныхъ идей политическихъ. Преподаватели, слѣдуя видамъ и направленію правительства, и научая ввѣренное имъ юношество тому или другому предмету, да поучаютъ его и впредь по-русски мыслить и чувствовать; только этимъ способомъ будущіе члены общества составятъ одну великую семью съ одинакими мыслями, съ одинакою волею, съ одинакимъ чувствомъ".

„Университетъ св. Владиміра, младшій между русскими университетами, созданный щедротами Государя Императора и всегда составляющій предметъ его особенныхъ попеченій, имѣетъ прекрасное, но вмѣстѣ и трудное назначеніе сливать и примирять между собою на поприщѣ нравственнаго образованія два доселѣ враждебныя начала, оба исходящія изъ одного корня славянскаго, соприкосновенныя во многихъ отношеніяхъ, но издавна разлученныя гибельнымъ вліяніемъ противоборства вѣковаго. На преподавателяхъ Университета св. Владиміра лежитъ обязанность самаго бдительнаго вниманія, обязанность тѣмъ настоятельнѣйшая, что подъ личиною славянства легко можетъ укрыться мятежный духъ польскій, готовый уловить умы неопытнаго юношества и коварно увлечь его за собою. Проникнутые чувствомъ истинно русскимъ и чуждые ложныхъ понятій мнимаго славянства, преподаватели Университета св. Владиміра внушатъ и питомцамъ своимъ, что для нихъ ничего не можетъ быть славнѣе имени русскаго, того знаменитаго нашего имени, которое, съ основанія государства нашего, повторялось и повторяется милліонами народа въ жизни общественной. Да слышится въ университетахъ имя русскаго, какъ слышится оно въ

русскомъ народѣ, который, не мудрствуя лукаво, безъ воображаемаго славянства, сохранилъ вѣру отцовъ нашихъ, языкъ, нравы, обычаи,— всю народность".

„Богъ нашъ да поможетъ въ великомъ дѣлѣ *народнаго просвѣщенія*, отъ котораго зависитъ настоящее и будущее Россіи"....

„Между тѣмъ правительство, слѣдя неослабно за развитіемъ сего важнаго, по обстоятельствамъ, дѣла, тогда только было-бы вынуждено обратиться къ мѣрамъ другаго рода, когда ожиданіе его могло-бы оказаться тщетнымъ и мѣры кротости и довѣрія не достигли-бы благой его цѣли".

Итакъ отрицательнымъ результатомъ такъ называемаго славянскаго общества явилось полное отверженіе идеи славянства въ руководящихъ сферахъ народнаго просвѣщенія; славяновѣдѣніе въ университетахъ признано лишь вспомогательною наукою для русскаго языка; спеціальная задача Университета св. Владиміра „примирять и сливать" двѣ славянскія народности превратилась въ болѣе простую задачу распространенія русскихъ національныхъ идей (хотя Уваровъ по старой памяти повторяетъ тѣ-же термины, которыми онъ напутствовалъ новый Университетъ при открытіи его).

Дальнѣйшими слѣдствіями были: подчиненіе половины округа (а затѣмъ и всего округа) непосредственной власти генералъ-губернатора, усиленіе надзора за преподаваніемъ въ университетахъ; усиленная цензурная бдительность, въ особенности за кіевскими и харьковскими изданіями.

Съ прочими общими мѣрами этой эпохи, возникшими послѣ 1848 г., ознакомимся въ своихъ мѣстахъ.

Перемѣны въ управленіи. Въ концѣ 35-лѣтней дѣятельности въ высшихъ должностяхъ по министерству народнаго просвѣщенія гр. Уваровъ опять увидѣлъ наступленіе такой-же эпохи, какую онъ съ такимъ тяжелымъ чувствомъ переживалъ въ своей молодости. При началѣ реакціи во времена Императора Александра I, именно въ 1813 году, когда онъ былъ попечителемъ, Уваровъ писалъ бар. Штейну: „въ душѣ у меня отчаяніе. Состояніе умовъ теперь таково, что путаница мыслей не имѣетъ предѣловъ. Одни хотятъ просвѣщенія безопаснаго, т. е. огня который-бы не жегъ, другіе, а ихъ всего больше, кидаютъ въ одну кучу Наполеона и Монтескье, французскія арміи и

французскія книги, Моро и Розенкампфа, бредни Ш. и открытія Лейбница; словомъ это такой хаосъ криковъ, страстей, партій, ожесточенныхъ одна противъ другой, всякихъ преувеличеній, что долго присутствовать при этомъ зрѣлищѣ невыносимо; „религія въ опасности", „потрясеніе нравственности", „поборникъ иностранныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франкъ-масонъ, фанатикъ" и т. п. Каждую минуту рискуешь компрометироваться или сдѣлаться исполнительнымъ орудіемъ самыхъ преувеличенныхъ страстей. Вотъ среди какого глубокаго невѣжества находишься вынужденнымъ работать надъ зданіемъ, подкопаннымъ у основанія, и со всѣхъ сторонъ близкимъ къ паденію". Но тогда онъ стоялъ лишь у основанія этого зданія; теперь-же въ 1849 году—онъ составлялъ его вершину; онъ трудился надъ возведеніемъ его 15 лѣтъ. Паденіе зданія должно увлечь за собою и самаго строителя. Онъ долго держался съ надеждою отчаянія и упрямствомъ. Лишь тогда, когда важнѣйшія мѣры по министерству народнаго просвѣщенія стали объявлять ему чрезъ стороннихъ людей, онъ подалъ въ отставку. Въ октябрѣ 1849 г. онъ былъ уволенъ и простился съ своимъ вѣдомствомъ посредствомъ слѣдующаго циркулярнаго письма къ попечителямъ: „25 октября 1849 года, Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему моему прошенію, всемилостивѣйше соизволилъ на увольненіе меня отъ званія министра народнаго просвѣщенія, по разстроенному здоровью. Оставляя управленіе министерствомъ, гдѣ столько времени я дѣлилъ съ в. в. служебные труды, считаю долгомъ изъявить вамъ искреннѣйшую благодарность за всегда усердное и просвѣщенное содѣйствіе въ общихъ усиліяхъ на пользу государственной службы и образованія. Покорнѣйше васъ прошу передать эти чувствованія мои г. ректору, совѣту Университета св. Владиміра и всѣмъ начальникамъ учебныхъ заведеній, ввѣреннаго вамъ округа. Я удаляюсь нынѣ съ поприща учебнаго, гдѣ они должны дѣйствовать и впредь; но уношу съ собою несомнѣнную увѣренность, что оставляю ихъ оживленными тою-же какъ и доселѣ ревностію къ службѣ и къ истинному благу управляемыхъ ими заведеній и воспитывающагося юношества; что и впредь служебная ихъ дѣятельность неизмѣнно будетъ направлена тѣми-же руководительными началами, которыя напутствовали имъ и мнѣ съ первыхъ годовъ и до конца совокупной нашей службы".

Такимъ образомъ онъ сошелъ со сцены и вскорѣ умеръ съ тою-же непобѣдимою увѣренностію въ вѣчное торжество просвѣтительныхъ началъ, — увѣренностію, съ которою каждый при наступленіи ночи знаетъ, что наступитъ разсвѣтъ. Исторія несомнѣнно поставитъ этого человѣка на ряду съ немногими, оказавшими дѣйствительныя, не мишурныя услуги русской землѣ, не смотря на многія уклоненія гр. Уварова въ сторону, не смотря на тѣ жертвы, которыми онъ спасалъ главное дѣло, какъ морякъ, выбрасывающій дорогой грузъ за бортъ для спасенія корабля *).

Уже съ 12 сентября 1849 г. управленіе министерствомъ поручено кн. *П. А. Ширинскому-Шихматову* (онъ былъ товарщемъ министра съ 1842 г.), который наконецъ 27 января 1850 г. былъ утвержденъ министромъ народнаго просвѣщенія. Около того-же времени (11 февраля) въ товарищи ему данъ *Авр. Серг. Норовъ.* Но кн. Ширинскій-Шихматовъ управлялъ только около 3-хъ лѣтъ; 7-го апрѣля 1853 г. онъ оставилъ министерство по болѣзни и затѣмъ вскорѣ (4-го мая) умеръ. Преемникомъ его (съ 11 апрѣля 1853 г.) сдѣлался А. С. Норовъ, человѣкъ благочестивый, просвѣщенный, но не имѣвшій силъ спасать свѣточь науки среди одолѣвавшаго мрака.

Съ этими перемѣнами въ высшемъ управленіи народнаго просвѣщенія почти совпали перемѣны въ мѣстномъ управленіи Кіевскимъ учебнымъ округомъ. Еще 18 ноября 1848 г. Высочайшимъ указомъ генералъ-маіоръ Траскинъ уволенъ отъ должности попечителя. Управленіе Кіевскимъ учебнымъ округомъ до назначенія попечителя поручено на правахъ попечительскихъ Кіевскому генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту Д. Г. Бибикову. *Д. Г. Бибиковъ,* племянникъ знаменитаго Алек. Ильича Б—ва и одинъ изъ героевъ Бородинской битвы, въ которой онъ потерялъ руку, съ 1839 г., какъ мы знаемъ, уже самодержавно управлялъ юго-западнымъ краемъ и уже давно подавалъ Императору Николаю Павловичу мысль о возложеніи на него непосредственнаго управленія учебнымъ округомъ, именно если вѣрить свидѣтельству Е. Ѳ. фонъ-Брадке, то уже съ самаго начала своего управленія проводилъ мысль о соединеніи генералъ-губернаторства съ попе-

*) См. „Біограф. изв." объ Уваровѣ въ Русск. Арх. 1871 г. стр. 2103 и слѣд. Тамъ-же замѣчательная переписка его съ Погодинымъ и письма о кончинѣ гр. Уварова.

чительствомъ. Съ 1847 г. (т. е. съ открытія славянскаго общества) ему подчинена западная половина округа. Новый попечитель безъ шума творилъ уже давно въ этомъ краѣ дѣла, которыя составили эпоху въ исторіи цѣлой обширной части имперіи *). Всё существен-

*) О Бибиковѣ, какъ администраторѣ, ходятъ въ русскомъ обществѣ весьма неодинаковыя мнѣнія; намъ кажется, болѣе правильнымъ то, которое принадлежитъ мѣстнымъ старожиламъ русскаго происхожденія. Приведемъ отзывъ одного изъ нихъ, обнаруживающій въ авторѣ знакомство съ фактическою стороною дѣла: „Отличительными свойствами всѣхъ предначертаній и мѣропріятій Д. Г. Бибикова по устройству края были: широта и смѣлость замысла, глубина взгляда, обнаружившаго истинно-государственный умъ, патріотическая цѣль, быстрота и рѣшительность дѣйствій, твердое и ничѣмъ не колеблемое выполненіе однажды задуманнаго. Но....., платя дань времени, какъ могучій и сильный характеръ, онъ избиралъ нерѣдко для выполненія своихъ намѣреній, такія формы и способы, которые въ извѣстной средѣ, пронесли имя его какъ варвара, или необузданнаго сатрапа, не цѣнившаго въ грошъ никакихъ гражданскихъ и человѣческихъ правъ, когда дѣло шло о достиженіи имъ своихъ цѣлей. Съ другой стороны, въ средѣ русскаго общества и населенія, помимо частныхъ нареканій, ни одно имя главнаго начальника края не пользовалось такою популярностію какъ имя Д. Г—ча; объ немъ толковали по своему простые мѣщане и даже крестьяне; и всюду былъ извѣстенъ генералъ объ одной рукѣ. *Доброе по природѣ сердце* его удерживало его въ предѣлахъ справедливости и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, повидимому давалъ мѣсто той злости, на которую самъ въ себѣ указывалъ... Но перевѣсившая сила воли влекла его нерѣдко къ мѣрамъ крайнимъ, а изобрѣтательный умъ давалъ имъ такія оригинальныя формы, которыя усугубляли налагаемое на виновныхъ наказаніе и приводили ихъ въ страхъ и трепетъ“. (Кіев. Стар. 1882 г. іюль). Важнѣйшія мѣры по общему управленію краемъ, задуманныя и приведенныя Бибиковымъ въ исполненіе, перечислены въ рѣчи, которая приписывается ему и будто-бы была произнесена имъ при прощаніи съ представителями мѣстнаго общества, когда онъ навсегда оставлялъ Кіевъ; изъ этихъ мѣръ наиболѣе извѣстная и наиболѣе благотворная есть введеніе знаменитыхъ инвентарей. Надо вспомнить эпоху, когда совершена эта мѣра, когда въ остальной Россіи казалось дѣломъ страшнымъ даже упоминать о жгучемъ крестьянскомъ вопросѣ. Остальныя мѣры, на которыя указываетъ рѣчь, слѣдующія: уничтоженіе въ Кіевѣ агенціи польскаго банка (связывавшей край съ Польшею); очищеніе дворянскаго сословія отъ примѣси 64,000 самозванныхъ якобы шляхетскихъ семействъ; отмѣна дѣйствія Литовскаго Статута (или точнѣе неразличимой смѣси старыхъ и новыхъ узаконеній, своихъ и чужихъ) и замѣна его Сводомъ; уничтоженіе тайныхъ демократическихъ обществъ. Всѣ эти мѣры, несомнѣнно обязаны своимъ возникновеніемъ уму Бибикова и своимъ осуществленіемъ—его энергіи. Но онъ не былъ счастливъ и остороженъ въ выборѣ подчиненныхъ лицъ, призванныхъ къ осуществленію этихъ мѣръ на дѣлѣ. Для этихъ послѣднихъ (по словамъ А. В. Романовича-Славатинскаго) „патріотическая политика Бибикова сдѣлалась только новымъ источникомъ лихоимства“ (см. „Жизнь Иванишева“, стр. 187).

ное, что́ дѣлалось и прежде по учебному округу и Университету несомнѣнно исходило изъ головы этого всевѣдущаго и стойкаго администратора. Поэтому вступленіе его въ непосредственныя отношенія къ Университету не могло-бы составить новой эпохи въ исторіи этого послѣдняго. Однако перемѣна была явная и значительная. Думаемъ, что для успѣха дѣла образованія и для репутаціи Д. Г. Бибикова, его прежнее положеніе, когда онъ руководилъ общимъ и главнымъ направленіемъ образованія, не вмѣшиваясь непосредственно въ частности, было выгоднѣе, чѣмъ его послѣдующая роль попечителя. Отнюдь нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ яснѣе другихъ понималъ государственную важность русской школы въ этомъ краѣ и въ частности значеніе русскаго Университета въ Кіевѣ; доказательствомъ служитъ его заступничество за Университетъ въ 1839 г., когда собирались было его закрыть навсегда. Но съ другой стороны его энергическое сóдѣйствіе извѣстнымъ общимъ мѣрамъ 1849 — 50 годовъ, нерѣдко подаетъ поводъ къ предположенію, что интересы просвѣщенія самаго въ себѣ, и именно гуманнаго образованія, были совершенно непонятны ему и чужды.

Свой взглядъ на дѣло образованія вообще Д. Г. Бибиковъ выразилъ еще въ 1847 г. въ запискѣ „объ измѣненіи учебнаго направленія“, которую онъ представилъ Государю Николаю Павловичу въ 1847 г. во время посѣщенія имъ Кіева. Основная мысль этой записки дополнена потомъ въ докладѣ генералъ-губернатора 1850 г. Содержаніе первой резюмировано Бибиковымъ такъ: „По моему мнѣнію было-бы полезно образованію молодыхъ людей въ учебныхъ заведеніяхъ дать направленіе болѣе *матеріальное*, которое, занимая умъ ихъ *знаніями положительными*, не давало-бы времени воображенію отвлекать ихъ отъ полезныхъ занятій. Для сего нужны только нѣкоторыя преобразованія, особенно въ курсахъ гимназій и училищъ; тогда можно надѣяться, что *мечтать о народности*, о самостоятельной Польшѣ и проч. не было-бы мѣста: дѣятельность матеріальная уничтожила-бы обманы воображенія, и успѣхи на этомъ поприщѣ увлекли-бы всѣхъ и каждаго“. Словомъ Д. Г. Бибиковъ, по воззрѣніямъ на науку и образованіе былъ реалистъ, или, какъ онъ самъ выразился, матеріалистъ. Въ то время, т. е. въ 1847 г., когда еще не сходилъ со сцены Уваровъ—лучшій представитель гуманнаго и классическаго образова-

нія, идеи Бибикова не могли еще пріобрѣсти окончательное торжество. Но, по выходѣ Уварова, когда Бибиковъ непосредственно управлялъ уже округомъ, ничто не мѣшало практическому осуществленію его идей. Въ наукѣ онъ не усматривалъ силы, способной направить на истинный путь національныя и общественныя стремленія молодежи, а видѣлъ лишь въ ней опасность для уклоненія молодыхъ умовъ на ложный путь (къ мечтамъ о независимой Польшѣ). Мысль Уварова и Брадке о могущественномъ дѣйствіи науки на умиротвореніе политическихъ страстей, совсѣмъ забыта; напротивъ начинаетъ торжествовать противоположная идея: чѣмъ менѣе науки, чѣмъ болѣе прикладныхъ, ремесленныхъ знаній, тѣмъ безопаснѣе. Русская наука открыто признана неспособною къ цивилизаторскому вліянію. Отнынѣ съ Университета св. Владиміра снимается отвѣтственность въ забвеніи его первоначальной миссіи.—Докладъ 1850 г. имѣетъ въ виду болѣе воспитательную сторону дѣла, чѣмъ учебную. „Для того (пишетъ Бибиковъ), чтобы водворить въ училищахъ вообще и особенно въ Университетѣ св. Владиміра тотъ *нравственный духъ покорности и повиновенія*, который долженъ служить основою нашего отечественнаго воспитанія, безъ котораго Университетъ былъ-бы не разсадникомъ будущихъ полезныхъ гражданъ, а мѣстомъ ихъ развращенія и нравственной гибели, начальство учебнаго округа приняло въ основаніе своихъ дѣйствій: 1) Всякое нарушеніе порядка и неисполненіе введенныхъ правилъ и распоряженій разсматривается, какъ выраженіе непокорности и наказывается удаленіемъ изъ заведенія. 2) Дабы удаленные на семъ основаніи изъ училищъ не могли скрывать своихъ проступковъ, воспрещено принимать ихъ въ другія заведенія, безъ разрѣшенія главнаго начальника края. 3) Измѣненіе и улучшеніе системы надзора за студентами Университета. Это улучшеніе состоитъ въ замѣнѣ нѣкоторыхъ лицъ *начальствующихъ*, лицами *наблюдающими*, такъ какъ студентами трудно не управлять, но трудно ихъ знать. 4) Число своекоштныхъ студентовъ Университета, во исполненіе Высочайшей воли, ограничено количествомъ (300). Эта мѣра повлечетъ за собою уменьшеніе случаевъ выхода молодыхъ людей изъ низшихъ сословій, теряющихъ чрезъ то лучшихъ и полезнѣйшихъ своихъ членовъ. 5) Истреблены обычаи и формы, несовмѣстныя съ такими отношеніями, которыя выводятъ студентовъ за предѣлы роли ученика (разумѣются: участіе

въ публичныхъ диспутахъ, на которыхъ оспариваются мнѣнія профессоровъ, и апплодированіе на лекціяхъ). 6) Вообще терпимость, снисходительность и всякія полумѣры, никогда не приносящія пользы даже тѣмъ, къ кому онѣ относятся, но всегда вредныя для заведеній, исключены изъ системы управленія учебнымъ округомъ". Таковы идеи Бибикова, раздѣляемыя впрочемъ въ то время не имъ однимъ и осуществленныя имъ на дѣлѣ съ энергіею безпримѣрною. Въ другомъ случаѣ онъ дополнилъ свои взгляды слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Учебная часть во всѣхъ гимназіяхъ округа уже преобразована на основаніи Высочайшаго повелѣнія 1849 г., весьма важнаго въ томъ отношеніи, что этимъ закономъ въ первый разъ образованіе направлено къ цѣлямъ *практическимъ*, бывши до сихъ поръ всегда чисто *теоретическимъ;* именно: съ IV класса ученики раздѣляются на готовящихся на службу и въ Университетъ".

Говоря объ отношеніи Д. Г. Бибикова къ университетской наукѣ, не можемъ обойти молча слѣдующаго отзыва профес. Романовичъ-Славатинскаго (близкаго по времени своего воспитанія къ той эпохѣ): „Ошибка ген. Бибикова состояла въ томъ, что, угнетая польское господство въ краѣ, онъ угнеталъ и всякую свободную мысль и всякое движеніе. Передовые дѣятели Университета св. Владиміра не могли поэтому своимъ сочувствіемъ и пропагандой поддержать національную политику Бибикова. Проникнутые гуманными и космополитическими идеями 40-хъ годовъ, они плакали надъ *страдалицей Польшей*, протестовали противъ угнетенія въ краѣ польской народности, забывая то, какъ эта народность цѣлые вѣка угнетала народъ русскій, подчинивъ его крѣпостной зависимости католическихъ пановъ, измѣнившихъ вѣрѣ и національности своихъ отцовъ. Дѣятели Университета вспомнили объ этомъ немного поздно: во всеподданнѣйшемъ адресѣ 1863 года, въ которомъ они протестовали противъ „посягательства на народность во имя народности" *). Въ этомъ отзывѣ, очевидно, содержится осужденіе не только Бибикову, но и Университету, передовые дѣятели котораго не съумѣли отличить двухъ сторонъ дѣятельности Бибикова и свое домашнее неудовольствіе перенесли на систему дѣйствій его въ отношеніи къ польскому элементу. Конечно такое тре-

*) „Жизнь Иванишева" стр. 187—188.

бованіе слишкомъ строго для обыкновенныхъ человѣческихъ натуръ, которымъ свойственно видѣть своихъ союзниковъ во всѣхъ терпящихъ одинаковую участь; слѣдуетъ, однако, сказать, что и въ этомъ Университетъ виновенъ не столько, какъ кажется; „передовые дѣятели", плакавшіе надъ страдалицей наукой, были дѣйствительно многочисленны, но плакавшіе надъ страдалицей Польшей почти исключительно сосредоточивались въ лицѣ В. Я. Шульгина, будущаго поклонника и глашатая нѣкоторыхъ бибиковскихъ принциповъ въ Кіевлянинѣ (о чемъ было говорено выше). Люди такого склада ума, какъ Н. Д. Иванишевъ, держались на этотъ счетъ иныхъ воззрѣній. Справедливѣе будетъ сдѣлать слѣдующій выводъ: Университетъ не могъ ни поддерживать, ни парализировать идей Бибикова, будучи доведенъ общими тогдашними мѣрами, которымъ, конечно, сочувствовалъ и Д. Г. Бибиковъ, до безучастности. Миссія Университета, указанная ему Уваровымъ, Брадке и Максимовичемъ стала для него невозможною; живыя отношенія къ окружающей средѣ прекращены, ибо жизнь изсякла и внутри самаго Университета.

На предстоящихъ страницахъ нашей исторіи насъ ожидаютъ довольно выпуклые и многочисленные факты, изъ которыхъ самъ читатель пусть составитъ себѣ надлежащее представленіе объ отношеніи Бибикова къ университетской наукѣ и образованію вообще. Мы найдемъ, что „свободная мысль" была угнетаема тогда не въ одномъ Кіевскомъ учебномъ округѣ, а повсюду, что несправедливо винить Бибикова въ мѣрахъ, принятыхъ относительно цѣлой имперіи, и что при его мягкосердечномъ преемникѣ дѣла пошли не лучше, если не хуже, и что наконецъ спеціальныхъ и особенныхъ мѣръ угнетенія въ Кіевскомъ округѣ не было придумано и, по отзыву того-же профес. А. В. Романовичъ-Славатинскаго, „тогда возможны были въ Университетѣ свободныя лекціи".

По отношенію *къ Университету*, *какъ учрежденію*, тогдашніе сотрудники Д. Г. Бибикова и его поклонники указываютъ на слѣдующія его заслуги: „1) не смотря на свою почти диктаторскую власть и энергію, онъ никогда не посягалъ на права Университета и не принималъ ни одной, сколько-нибудь серьезной мѣры иначе, какъ по соглашенію съ совѣтомъ Университета, въ виду того, чтобы не оставлять послѣ себя никакого опаснаго прецендента будущему универси-

тетскому начальству". Въ видѣ исключенія указываютъ на назначеніе одного лектора въ Университетъ собственною властію генералъ-губернатора. Дѣйствительно въ дѣлахъ совѣта нельзя отыскать свидѣтельствъ прямаго вмѣшательства администраціи; но слѣдуетъ думать, что во многихъ случаяхъ совѣтъ былъ предъувѣдомляемъ о желаніяхъ начальника округа и санкціонировалъ своими рѣшеніями его волю. Нѣкоторая провѣрка этого найдется въ дальнѣйшей исторіи университетскихъ каѳедръ. 2) Распорядительности и находчивости Бибикова приписывается изысканіе средствъ на постройку анатомическаго театра, астрономической и метеорологической обсерваторій, на пополненіе библіотеки, почти не имѣвшей въ своемъ составѣ русскихъ книгъ, на улучшеніе кабинетовъ особенно физическаго (который проф. Кнорру стыдно было принять и который былъ годенъ развѣ для забавъ, а не для науки). Вообще экономическая дѣятельность Университета пошла при Бибиковѣ живѣе и быстрѣе. На созданную Бибиковымъ коммиссію по описанію губерній Кіевскаго учебнаго округа мы укажемъ впослѣдствіи съ нѣкоторою подробностію.

Въ отношеніи къ профессорамъ, по отзыву живаго свидѣтеля, Бибиковъ проявилъ значительную долю каприза и такъ сказать самодурства *).

Мы уже видѣли основные принципы Д. Г. Бибикова *по отношенію къ управленію студентами.* Единственное главное начало, т. е. покорность, субординація, не только не ослабѣло, но неизмѣримо усилилось въ эпоху непосредственнаго управленія Бибикова; однако частныя проявленія его смягчались умомъ, а иногда (какъ ни странно это сказать) сердцемъ новаго попечителя. Преслѣдуя безпощадно всѣ враждебные Россіи элементы этого края въ лицѣ поколѣній уже зрѣлыхъ, не поддающихся исправленію, онъ видимо иначе относился къ молодому поколѣнію. Держась правила, что молодежь слѣдуетъ устрашать, а не губить, онъ каралъ нарушеніе дисциплины, иногда маловажныя, мѣрами, доходившими до жестокости; но весьма нерѣдко бралъ назадъ свои распоряженія при малѣйшихъ признакахъ раскаянія. Словомъ, власть его въ отношеніи къ студентамъ являлась въ формахъ древней

*) Въ доказательство этого ссылаются на призывъ Бибиковымъ къ себѣ цѣлой коллегіи профессоровъ съ ректоромъ во главѣ, для того только, чтобы сдѣлать имъ замѣчаніе, что въ прошлую ночь нѣкоторые профессора, возвращаясь съ прогулки, пѣли пѣсни на улицахъ города.

неограниченной власти отца семейства, карающаго, но и милующаго по произволу.

Для объясненія такихъ отношеній Бибикова къ студентамъ приведемъ опять нѣсколько выдержекъ изъ воспоминаній того-же лица, словами котораго мы воспользовались выше для общей характеристики Д. Г. Бибикова.

„Главное вниманіе его устремлено было на водвореніе въ студенчествѣ вѣрноподданническаго духа, порядка, субординаціи и дисциплины, но вмѣстѣ и на пробужденіе въ немъ *чувства чести*, собственнаго достоинства", говоритъ старожилъ и въ доказательство приводитъ слѣдующій разсказъ: „Студентовъ хорошихъ фамилій онъ приглашалъ на свои вечера и держалъ себя съ ними просто. Во время одного изъ такихъ вечеровъ внезапно явился инспекторъ Университета съ экстреннымъ докладомъ о необходимости обыска у одного изъ студентовъ, подозрѣваемыхъ въ преступныхъ политическихъ сношеніяхъ. Бывшій на ту пору въ числѣ гостей студентъ Р—чъ какимъ-то способомъ провѣдалъ о содержаніи доклада; пользуясь многолюдствомъ собранія, онъ незамѣтно вышелъ изъ залы, предупредилъ подозрѣваемаго, а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ виновнаго товарища и также незамѣтно возвратившись въ залу, по прежнему принялъ участіе въ танцахъ. Обыскъ не далъ никакихъ результатовъ; но сообразительный Бибиковъ догадался, чья это работа, и на другой-же день потребовалъ Р—ча къ себѣ. „Скажите, спросилъ онъ его, вы предупредили N объ обыскѣ?"—Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ твердо и смѣло.—„Я васъ спрашиваю, продолжалъ Бибиковъ, не какъ генералъ-губернаторъ или попечитель и не какъ студента, но *какъ дворянинъ—дворянина,* и при этомъ впился въ него своими умными и выразительными глазами".— Да, предупредилъ, отвѣчалъ Р—чъ столь-же твердо и рѣшительно.— „Съ удовольствіемъ могу подать руку честному дворянину", заключилъ грозный генералъ — попечитель, и не только подалъ и пожалъ руку виновному, но и прекратилъ всякое дальнѣйшее объясненіе по этому предмету" *). Разъ, разсказываетъ тотъ-же авторъ, въ самомъ городѣ близъ Университета, онъ встрѣтилъ студента, не застегнутаго на нѣсколько пуговицъ (тогда преступленіе высшей важности). „Куда идешь?" грозно спросилъ Бибиковъ.—Вѣроятно въ карцеръ, в. в—ство,—отвѣ-

*) „Кіев. Стар." 1882 г. іюль: „Къ характеристикѣ Бибикова".

чалъ студентъ, взглянувъ на незастегнутыя пуговицы.—„Ну ступайте, ступайте“, съ улыбкой отвѣчалъ Бибиковъ и пропустилъ попавшагося, которому безъ этого никакъ-бы не сдобровать. Вообще при преемникѣ Бибикова было гораздо больше случаевъ окончательнаго исключенія студентовъ изъ Университета и другихъ тяжелыхъ наказаній. Д. Г—ча студенты несомнѣнно не только боялись, но многіе и любили.

Открывая обратную сторону медали, слѣдуетъ замѣтить, что такой отеческій режимъ могъ приводить къ какимъ-либо благимъ послѣдствіямъ только не въ этомъ краѣ, гдѣ подъ мундиромъ, застегнутымъ на всѣ пуговицы бились еще сердца горячею ненавистью къ русскому управленію, а внѣшнія проявленія безусловной покорности, вводя однихъ въ обманъ своимъ лицемѣріемъ, растравляли и усугубляли внутреннюю ненависть въ сердцахъ другихъ. Вотъ живая картина, оставленная намъ очевидцемъ и почитателемъ Д. Г. Бибикова: „Въ большой актовой залѣ Университета послѣ торжественнаго молебствія, собраны были воспитанники Кіевскихъ гимназій. Вошелъ генералъ-губернаторъ въ сопровожденіи болѣе тридцати предводителей дворянства трехъ губерній, съѣхавшихся тогда въ Кіевъ. Все это было облечено въ полную мундирную форму. Началась странная команда ученикамъ: „ложись, вставай, спи, храпи, садись“. Когда всѣ эти приказанія безъ словъ, послушно какъ однимъ человѣкомъ, выполнены были цѣлою массою молодаго поколѣнія,—генералъ-губернаторъ обратился къ предводителямъ дворянства и, устремивъ на нихъ свой, многимъ памятный, фасцинирующій взглядъ, сказалъ: „смотрите; вотъ что значитъ *повиновеніе*,—и вотъ какъ я учу дѣтей вашихъ. Довольны вы?“—И вся эта масса шитыхъ мундировъ въ безмолвіи отвѣсила низкій поклонъ передъ оригинальнымъ наставникомъ въ повиновеніи. Съ тяжелымъ чувствомъ вышли мы изъ залы. Неловко было за творца инвентарнаго положенія, неловко и за дѣтей, неловко и за тѣхъ, въ поученіе которымъ былъ розыгранъ этотъ опытъ дрессировки... Не безплодно-ли потрачено было много сильныхъ репрессивныхъ мѣръ для того, чтобы достичь такого повиновенія въ старомъ и молодомъ поколѣніи и въ тоже время въ глубинѣ души своей сознавать у нихъ одну „непріязнь къ порядку и къ Россіи“ *). Дѣти, лежавшіе

*) „Юго-западный край подъ управленіемъ Д. Г. Бибикова“, В. Я. Шульгина (Древн. и нов. Россія, 1879 г., т. II, стр. 111).

по командѣ у ногъ генералъ-губернатора въ 1852 году, черезъ 10 лѣтъ стали юношами и въ 1863 году совсѣмъ забыли урокъ повиновенія.

Въ 1852 г. Д. Г. Бибиковъ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; въ должности генералъ-губернатора смѣнилъ его кн. *И. И. Васильчиковъ*, который занялъ его мѣсто и по управленію округомъ. Новый попечитель во всемъ составлялъ противоположность своему предшественнику; „аристократическія тенденціи его стояли въ разрывѣ съ демократическими принципами его предшественника“, по мѣткому замѣчанію А. В. Романовичъ-Славатинскаго. Хотя общее направленіе мѣръ по народному просвѣщенію въ цѣлой имперіи, а слѣдовательно и въ Кіевскомъ учебномъ округѣ, не измѣнилось и не могло измѣниться, но Университетъ возлагалъ большія упованія на кн. И. И. Васильчикова, и поспѣшилъ привѣтствовать особымъ почетомъ новаго попечителя. 25-го октября 1852 г. ректоръ предложилъ новоназначеннаго начальника округа въ почетные члены, заключивъ свое представленіе слѣдующими словами: „я полагаю, что всѣ безъ сомнѣнія члены Университета св. Владиміра имѣютъ живѣйшее желаніе сблизить, по возможности, Университетъ съ этимъ сановникомъ. Во исполненіе такого желанія я имѣю честь предложить его сія—во, кн. И. И. Васильчикова въ почетные члены Университета“. На этой бумагѣ Иванишевъ написалъ: „согласенъ съ величайшимъ удовольствіемъ“; И. М. Скворцовъ: „достойно и праведно“, а А. А. Ѳедотовъ-Чеховскій отвѣтилъ двусмысленно: „не могу не согласиться“.

Во всякомъ случаѣ кн. Васильчиковъ былъ весьма популяренъ между профессорами. Современники признаютъ его высокогуманною личностью, человѣкомъ честнымъ и сострадательнымъ. Но насколько онъ превышалъ своего знаменитаго предшественника этими качествами, на столько уступалъ ему въ энергіи и прозорливости. Люди, бывшіе тогда студентами, вспоминаютъ новаго попечителя не со стороны указанныхъ качествъ гуманности и справедливости, а со стороны строгости мѣръ, которыя примѣняли къ нимъ люди, бывшіе въ составѣ инспекціи. Общія мѣры строгости въ цѣлой имперіи, которыя не зависѣли отъ попечителя, оставались и теперь въ полной силѣ; но прежняго смягченія ихъ умомъ Бибикова и направленія ихъ къ благимъ послѣдствіямъ уже не стало.

Неизвѣстно, къ чему привели-бы эти общія мѣры Университетъ св. Владиміра, если-бы во главѣ его, въ качествѣ избраннаго, а потомъ короннаго ректора, не стоялъ такой человѣкъ, какъ Р. Э. Траутфеттеръ. Это имя, примѣчательное въ исторіи Университета, встрѣчалось намъ не разъ въ предшествующія времена университетской жизни; но теперь выступаетъ на первый планъ.

Ректорская власть. Въ маѣ 1847 г. истекъ срокъ управленія ректора Ѳедорова. Предъ новыми выборами кандидатовъ на ректорство Ѳедоровъ подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ баллотировки, ссылаясь на то, что должность ректора не совмѣстима съ должностію директора астрономической обсерваторіи, столь удаленной отъ Университета; между прочимъ В. Ѳ. Ѳедоровъ заявлялъ, что „лицо, которому совѣтъ Университета дѣластъ высокую честь избраніемъ его въ представители всего сословія Университета, должно не только достойно носить званіе ректора Университета, но оно должно сверхъ того быть и въ состояніи удовлетворять всѣмъ требованіямъ званія ректора, не выпуская изъ виду и существенныхъ занятій“..., т. е. профессорскихъ. Изъ остальныхъ ординарныхъ профессоровъ И. Я. Нейкирхъ также просилъ его уволить отъ баллотированія, съ обычною своею добросовѣстностью сославшись на свое несовершенное знаніе русскаго языка и на слабость здоровья. Тогда-же заявилъ желаніе не баллотироваться и Траутфеттеръ, указывая на многосложность своихъ занятій какъ профессора и директора ботаническаго сада, имъ основаннаго и поддерживаемаго. Совѣтъ уважилъ просьбу Ѳедорова и Нейкирха; но совершенно иначе отнесся къ просьбѣ Траутфеттера; онъ замѣтилъ, что ссылка Траутфеттера на многочисленность занятій не основательна, потому, что предъ тѣмъ по каѳедрѣ ботаники назначенъ адъюнктъ Роговичъ. При баллотированіи 6 мая Траутфеттеръ получилъ 11 избирательныхъ и 12 неизбирательныхъ и былъ признанъ избраннымъ 1-мъ кандидатомъ, хотя большинства не было и на его сторонѣ. При избраніи 2-го кандидата Богородскій и Козловъ получили поровну (по 12), но послѣ перебаллотировки избранъ Богородскій. Траутфеттеръ и послѣ избранія подалъ заявленіе о нежеланіи быть ректоромъ, для представленія о томъ высшему начальству, но Государь утвердилъ Траутфеттера ректоромъ на 4 года.

Р. Э. Траутфеттеръ, лютеранинъ по вѣроисповѣданію и уроженецъ Курляндской губерніи, совершенно сжившись съ Кіевомъ, Университетомъ, а главное, съ своимъ роднымъ ботаническимъ садомъ, обнаруживалъ свое нѣмецкое происхожденіе только психическими особенностями этого племени, т. е. тягучею энергіею, методическимъ прилежаніемъ и точною служебною исполнительностію. Соединеніе такихъ свойствъ съ качествами добраго товарища дѣлало изъ него образцоваго ректора, особенно для той эпохи, въ которую пришлось ему дѣйствовать.

О. М. Новицкій характеризуетъ Траутфеттера такъ: „съ товарищами по службѣ былъ привѣтливъ, обходителенъ и гостепріименъ, но при исполненіи своей должности слишкомъ увлекался формализмомъ... Нѣмецкая партія въ совѣтѣ университетскомъ по прежнему удерживала свое преобладаніе“. Однако слѣдовъ вредныхъ послѣдствій такого преобладанія, т. е. предоставленія какихъ-либо особыхъ выгодъ однимъ съ умаленіемъ ихъ для другихъ, мы не нашли въ актахъ Университета за время ректорства Траутфеттера. Другой живой свидѣтель той этохи—профес. А. В. Романовичъ-Славатинскій, засталъ, при своемъ вступленіи на каѳедру, Траутфеттера уже короннымъ ректоромъ съ огромными полномочіями и такою-же отвѣтственностію; онъ заявляетъ: „къ чести этого благороднаго дѣятеля въ Университетѣ св. Владиміра мы можемъ сказать, что онъ, самъ человѣкъ науки, пользовался предоставленными ему правами съ большимъ тактомъ и осторожностію, и при немъ, не смотря на господствовавшую *болѣзнь молчанія*, возможны были нѣкоторыя довольно свободныя лекціи. Онъ понималъ всю неловкость порученнаго ему надзора надъ аудиторіей, и посѣщалъ лекціи довольно рѣдко. Въ началѣ нашей профессорской дѣятельности, онъ раза два побывалъ въ нашей аудиторіи. Его товарищи понимали и цѣнили это и на обѣдѣ, устроенномъ ими своему коронному ректору, на которомъ присутствовалъ и министръ Ковалевскій, они показали, какую память онъ оставилъ по себѣ“ *).

Какъ, дѣйствительно, трудно было тогда положеніе ректора, покажутъ нижеслѣдующіе факты.

---

*) „Жизнь Иванишева“, стр. 170.

11-го октября 1849 года данъ былъ именной Высочайшій указъ, въ которомъ изображено: „обращая постоянное вниманіе на благосостояніе нашихъ университетовъ, мы удостовѣрились, что срочное назначеніе ректоровъ, съ соединеніемъ въ одномъ лицѣ непосредственнаго начальства надъ Университетомъ и преподаванія по званію профессора не соотвѣтствуетъ вообще пользѣ сихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Имѣя сверхъ того въ виду, что образъ дѣйствія ректора и факультетскихъ декановъ, какъ помощниковъ его въ надзорѣ за преподаваніемъ, недовольно опредѣлительно обозначенъ въ уставахъ университетовъ, мы признали за благо направить всю дѣятельность этого чиновника (ректора) къ одной главной его обязанности, при ближайшемъ участіи декановъ, доставить ему болѣе средствъ къ неупустительному прохожденію своего важнаго званія. На сей конецъ повелѣваемъ: 1) ректоровъ въ университеты С.-Петербургскій, Московскій, св. Владиміра, Харьковскій и Казанскій избирать министру народнаго просвѣщенія изъ лицъ, имѣющихъ ученую степень на неопредѣленное время и представлять на наше утвержденіе. 2) Службу сихъ чиновниковъ отнести къ ученой, съ присвоеніемъ имъ всѣхъ преимуществъ, которыми пользуются профессоры. 3) Оставивъ избраніе декановъ, на прежнемъ основаніи на четыре года, предоставить министру народнаго просвѣщенія право продолжать пребываніе профессоровъ въ томъ званіи и увольнять отъ онаго прежде срока по своему усмотрѣнію, съ представленіемъ намъ, въ случаѣ надобности, о назначеніи декана изъ профессоровъ факультета и независимо отъ университетскихъ выборовъ. 4) Управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищу министра, составить и представить на наше утвержденіе проэктъ инструкціи ректорамъ и деканамъ".

Въ слѣдъ затѣмъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія 18-го декабря 1849 г. увѣдомилъ, что Государь утвердилъ ректоромъ Университета св. Владиміра состоявшаго въ томъ-же званіи Траутфеттера, а деканами на четыре года съ 1-го января 1850 г.: по I-му отдѣленію философскаго факультета И. Я. Нейкирха, по юридическому факультету—Н. Д. Иванишева и по медицинскому—С. П. Алферьева. Бывшій тогда деканомъ II-го отдѣленія философскаго факультета Дьяченко остался въ этомъ званіи до окончанія срока, на который онъ утвержденъ бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія гр. Уваро-

4

Н. Д. ИВАНИШЕВЪ.

вымъ. При этомъ препровождена въ совѣтъ для руководства и исполненія также съ 1-го января 1850 года, копія секретной инструкціи ректору и деканамъ *).

Самый характерный актъ эпохи именно и есть эта инструкція. Дѣйствію ея подлежали университеты: С.-Петербургскій, Московскій, св. Владиміра, Харьковскій и Казанскій (Дерптскій, какъ всегда, остался въ сторонѣ). Инструкція эта имѣла исключительной цѣлью усилить надзоръ за университетскимъ преподаваніемъ. Всѣ прочія обязанности ректора и декановъ не подверглись измѣненію. Наблюденіе за преподаваніемъ принадлежитъ собственно ректору, деканы—лишь ближайшіе помощники его и раздѣляютъ съ нимъ непосредственный надзоръ, какъ за успѣшнымъ ходомъ и надлежащею постепенностію, такъ въ особенности за духомъ и направленіемъ преподаванія. Каждый профессоръ обязанъ, предъ началомъ лекцій, представить, по принадлежности, декану подробную программу своего предмета, въ которой объясняется объемъ, послѣдовательность, способъ преподаванія и опредѣлительно указываются сочиненія, предполагаемыя къ руководству вполнѣ или только отчасти. Составленная такимъ образомъ программа, разсматривается и утверждается въ собраніи факультета. Ректоръ, смотря по важности предмета, о преподаваніи котораго разсуждается, или по другой извѣстной ему причинѣ, можетъ предсѣдательствовать въ факультетѣ. Чтеніе лекцій прежде утвержденія программы факультетомъ и одобренія ректоромъ, не допускается. Изъ этого исключаются только богословскіе и философскіе предметы (логика и опытная психологія), для которыхъ программы утверждаются духовнымъ вѣдомствомъ православнаго исповѣданія. Программа преподаванія богословскихъ предметовъ римско-католическаго исповѣданія въ Университетѣ св. Владиміра утверждается по сношенію министра народнаго просвѣщенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Усмотрѣвъ въ утвержденной факультетомъ программѣ неудовлетворительность, въ отношеніи благонадежности, избранныхъ профессоромъ руководствъ, или недостатокъ опредѣлительности въ направленіи преподаванія, ректоръ вноситъ ту программу въ совѣтъ Университета, и въ случаѣ, еслибъ большинство членовъ не раздѣляло его опасеній, представляетъ оную, вмѣстѣ съ

*) Дѣло совѣта 1849 г. № 161.

опредѣленіемъ совѣта попечителю округа, для испрошенія разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія. Какъ наука не всегда можетъ оставаться въ тѣхъ-же предѣлахъ, и въ состояніи неподвижности, то профессоръ при необходимости сдѣлать нѣкоторыя измѣненія или дополненія въ утвержденной уже программѣ, представляетъ о томъ декану, съ объясненіемъ причинъ предполагаемой перемѣны и допускаетъ оную въ своихъ лекціяхъ не прежде, какъ послѣ утвердительнаго рѣшенія факультета и одобренія ректора. Программа того или другаго предмета, которую министерство народнаго просвѣщенія признаетъ за нужное представить собственному своему разсмотрѣнію и утвержденію, не подлежитъ ни какому измѣненію, безъ особаго его распоряженія. При разсмотрѣніи программъ постоянно имѣется въ виду, чтобы въ содержаніи программы не укрывалось ничего несогласнаго съ ученіемъ православной церкви и съ образомъ правленія и духомъ государственныхъ учрежденій нашихъ, и чтобы напротивъ ясно и положительно выражались вездѣ, гдѣ только это правило можетъ имѣть примѣненіе, благоговѣніе къ святымъ, преданность къ Государю и любовь къ отечеству. Деканъ наблюдаетъ за точнымъ выполненіемъ программъ профессорами своего факультета, присутствуя для того сколько можно чаще на ихъ лекціяхъ. Замѣтивъ, что профессоръ дозволяетъ себѣ нѣкоторыя хотя-бы то были и безвредныя отступленія отъ программы или примѣшиваетъ къ своимъ лекціямъ разсужденія, не имѣющія непосредственнаго отношенія къ составу ея, и потому безполезныя для студентовъ, деканъ доводитъ о томъ немедленно до свѣдѣнія ректора. Если ректоръ и деканъ удостовѣрятся, что это нарушеніе установленнаго порядка произошло безъ всякаго предосудительнаго намѣренія, въ такомъ случаѣ, сдѣлавъ профессору наединѣ надлежащее внушеніе, усугубляютъ совокупный надзоръ за его лекціями. Если-бы паче чаянія, профессоръ не воспользовался этимъ негласнымъ вразумленіемъ, или если-бы дозволилъ себѣ говорить студентамъ на лекціяхъ что-либо вредное, ректоръ и деканъ обязаны представить о томъ попечителю округа, а сей послѣдній, по надлежащемъ удостовѣреніи въ основательности ихъ представленія и по принятіи немедленно нужныхъ мѣръ къ прекращенію зла, обязанъ донести министру народнаго просвѣщенія. Деканъ имѣетъ право потребовать отъ профессора во всякое время рукописныя его лекціи, или взять отъ студентовъ, со-

ставляемыя ими со словъ профессора записки, для ближайшей повѣрки преподаванія съ программою. По окончаніи учебнаго года или полугодія, смотря по раздѣленію курсовъ въ Университетѣ, деканъ требуетъ отъ профессоровъ своего факультета отчетовъ о пройденныхъ каждымъ изъ нихъ частяхъ или отдѣленіяхъ науки, но эти отчеты предлагаетъ на обсужденіе собранія факультета, обращая вниманіе членовъ какъ на полноту и постепенность, такъ въ особенности на соотвѣтственность преподаванія съ утвержденными программами. Заключенія факультетовъ представляются ректору, который или хранитъ ихъ для собственнаго своего свѣдѣнія и соображенія, или предлагаетъ на разсмотрѣніе совѣта Университета, если усмотритъ въ томъ надобность. Отчеты самихъ декановъ, по лежащей на нихъ профессорской обязанности, разсматриваются въ совѣтѣ Университета. Деканъ присутствуетъ неупустительно на испытаніяхъ студентовъ, и изъ общаго соображенія ихъ отвѣтовъ, своихъ наблюденій за чтеніемъ лекцій и профессорскихъ отчетовъ, выводитъ заключеніе о духѣ и направленіи преподаванія каждаго предмета по своему факультету, которое и представляетъ ректору. По окончаніи студентскихъ испытаній во всѣхъ факультетахъ, ректоръ, повѣривъ донесенія декановъ собственнымъ наблюденіемъ и присовокупивъ свое мнѣніе, представляетъ о томъ попечителю округа, а сей послѣдній министру народнаго просвѣщенія. При такомъ распространеніи служебныхъ обязанностей декановъ, ихъ собственныя лекціи могутъ быть сокращены до 4-хъ часовъ въ недѣлю, съ возложеніемъ чтенія нѣкоторыхъ предметовъ, принадлежащихъ къ ихъ каѳедрамъ, на другихъ профессоровъ или адъюнктовъ. Независимо отъ постояннаго надзора декановъ за преподаваніемъ профессоровъ каждаго факультета въ особенности, ректоръ, для котораго это занятіе составляетъ одну изъ важнѣйшихъ обязанностей, обращаетъ самое бдительное вниманіе на курсы всѣхъ вообще профессоровъ Университета, не исключая и декановъ. Не занимая самъ никакой каѳедры, онъ посѣщаетъ ежедневно лекціи, сличаетъ ихъ съ программами, слѣдитъ за ходомъ преподаванія, присутствуетъ на студентскихъ испытаніяхъ, однимъ словомъ употребляетъ къ достиженію предположенной цѣли всѣ изложенныя выше средства, предложенныя деканомъ, которыя въ лицѣ его, какъ начальника Университета, пріобрѣтаютъ новую силу. Ректоръ не выжидаетъ, чтобы деканъ довелъ

до его свѣдѣнія о какой-либо неправильности или нарушеніи порядка въ преподаваніи, но замѣтивъ то или другое лично, распоряжается непосредственно самъ и направляетъ дѣйствіе декана по своему усмотрѣнію. Въ часы, когда лекціи декана совпадаютъ съ лекціями другаго профессора факультета, за чтеніемъ послѣдняго съ каѳедры наблюдаетъ ректоръ. Избраніе проректора пріостанавливается впредь до особаго распоряженія, и въ случаѣ болѣзни или отлучки ректора, мѣсто его заступаетъ одинъ изъ декановъ, по назначенію попечителя округа. Инструкція заключаетъ: „всѣ эти совокупныя мѣры надзора за духомъ и направленіемъ преподаванія, если они будутъ приводимы въ исполненіе съ усердіемъ и благоразуміемъ, которыхъ нельзя не ожидать отъ высшихъ университетскихъ чиновниковъ, облеченныхъ особенною довѣренностію правительства, конечно будутъ достаточны къ предупрежденію зла, а гдѣ оно возникнетъ,—къ прекращенію его въ самомъ началѣ, и потому за всякое неоткрытое благовременно предосудительное чтеніе лекцій, отвѣчаютъ ректоръ и деканъ факультета, къ которому принадлежитъ каѳедра профессора“.

Судьба каѳедръ. Сообразно съ духомъ этого основнаго акта нельзя ожидать въ разсматриваемую эпоху какихъ-либо новыхъ мѣръ, клонящихся къ развитію дальнѣйшихъ успѣховъ университетской науки. Нельзя считать такими распоряженія въ родѣ слѣдующихъ. 26-го января 1850 г. I-е отдѣленіе философскаго факультета переименовано историко-филологическимъ факультетомъ, а II-е отдѣленіе того-же факультета физико-математическимъ.

За то можно встрѣтить рядъ мѣръ, направленныхъ къ сокращенію университетскаго образованія. Въ ряду ихъ первое мѣсто занимаетъ изгнаніе философіи изъ круга университетскихъ наукъ (говоримъ: „изгнаніе“, потому что философія, пріуроченная къ каѳедрѣ богословія, потеряла свое самостоятельное значеніе). Въ 1850 г. состоялось повелѣніе: съ упраздненіемъ преподаванія философіи свѣтскими профессорами въ университетахъ, возложить чтеніе логики и опытной психологіи на профессоровъ богословія или законоучителей, назначаемыхъ къ этой должности по сношенію министерства народнаго просвѣщенія съ духовнымъ вѣдомствомъ православнаго исповѣданія; свѣтскихъ профессоровъ философіи, опредѣлить къ другимъ должностямъ, если откроется къ тому возможность, или уволить за штатомъ.

Министръ народнаго просвѣщенія, сообщая эту высочайшую волю увѣдомилъ, что св. синодъ предписалъ правленіямъ Петербургской, Кіевской и Московской духовныхъ академій составить программы преподаванія логики и психологіи и представить ихъ для разсмотрѣнія въ Петербургъ, въ особомъ комитетѣ изъ членовъ по назначенію св. синода и министерства народнаго просвѣщенія. Получивъ это предписаніе, совѣтъ Университета св. Владиміра вошелъ съ представленіемъ къ начальнику округа объ увольненіи С. С. Гогоцкаго отъ званія доцента при Университетѣ и просилъ Бибикова увѣдомить, долженъ-ли совѣтъ тотчасъ-же представить профессора философіи Новицкаго къ увольненію за штатомъ, или этотъ профессоръ (на основаніи приведеннаго предложенія) опредѣленъ будетъ къ другой какой-либо должности. Бибиковъ на счетъ послѣдняго долго молчалъ, но на счетъ назначенія новаго преподавателя философіи увѣдомилъ скоро. Именно 16-го сентября 1850 года онъ сообщилъ, что синодъ утвердилъ преподавателемъ логики и опытной психологіи въ Университетѣ св. Владиміра профессора богословія Скворцова. Съ тѣхъ поръ университетская молодежь лишилась руководства среди тѣхъ блужданій мысли, которыя, по неизбѣжному психическому закону, постигаютъ возрастъ юности; она или сама искала пути въ потемкахъ, не всегда находя счастливый выходъ, или отдалась подъ руководство псевдо-мыслителей, заманивавшихъ къ себѣ плоскою ясностью своихъ воззрѣній.

Между тѣмъ профессоръ Новицкій не получилъ никакого новаго назначенія, пока не нашелъ наконецъ мѣста цензора въ Кіевскомъ цензурномъ комитетѣ (въ ноябрѣ 1850 г.).

Туда-же примкнулъ и С. С. Гогоцкій на мѣсто уволеннаго въ то-же время А. А. Ѳедотова-Чеховскаго *).

Остальныя перемѣны въ устройствѣ каѳедръ, большею частью оставшіяся лишь предположеніями, отчасти исходили изъ тѣхъ-же принциповъ 1849 года, т. е. клонились къ тому, чтобы придать Университету прикладной и школьный характеръ. Для освѣщенія той эпохи мы должны упомянуть и объ этихъ проэктахъ. Сюда относится во-первыхъ, *проэктъ камеральнаго отдѣленія* при Университетѣ св. Владиміра. Пово-

*) Дѣло совѣта № 130.

домъ къ нему послужилъ докладъ юридическаго факультета 9 февраля 1849 г. о преподаваніи политической экономіи студентамъ юридическаго факультета, а именно слѣдующее заявленіе: въ наукѣ государственнаго благоустройства и въ наукѣ о финансахъ преподаватели юридическаго факультета постоянно излагали и излагаютъ своимъ слушателямъ понятія о народномъ и государственномъ богатствѣ въ связи съ положительнымъ законодательствомъ. Такой способъ преподаванія представляетъ ту выгоду, что понятія о богатствѣ, излагаемыя политическою экономіею въ ихъ отвлеченной формѣ, переносятся въ область дѣйствительности, объясняются и повѣряются началами, выраженными въ положительныхъ законодательствахъ, согласно съ потребностями государства и благоразумными видами правительства. Только при такомъ способѣ преподаванія теорія богатства, остающаяся до сихъ поръ ученіемъ очень зыбкимъ и спорнымъ, пріобрѣтаетъ прочную опору въ законахъ и можетъ содѣйствовать къ объясненію положительныхъ законодательствъ. Поэтому юридическій факультетъ просилъ совѣтъ Университета вовсе уволить студентовъ юридическаго факультета отъ слушанія политической экономіи (хотя, какъ мы знаемъ, тотъ же самый факультетъ прежде включилъ эту науку въ число предметовъ, необходимыхъ для студентовъ-юристовъ). Совѣтъ большинствомъ голосовъ согласился съ такимъ мнѣніемъ юридическаго факультета. Бибиковъ (27-го іюля 1849 года), разрѣшивъ освободить студентовъ юридическаго факультета отъ слушанія политической экономіи, вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ слѣдующее предложеніе: принимая во вниманіе, что политическая экономія составляетъ предметъ существенно важный и необходимый для одного только камеральнаго отдѣленія, *которое до сихъ поръ еще не открыто при Университетѣ св. Владиміра* (?), онъ предложилъ совѣту донести ему: не находитъ-ли совѣтъ нужнымъ учредить это отдѣленіе и на какихъ основаніяхъ?

Въ засѣданіи совѣта 24 августа 1849 г. составленъ былъ комитетъ изъ декановъ подъ предсѣдательствомъ ректора. Комитетъ выработалъ, кромѣ плана камеральнаго отдѣленія, предложеніе объ одновременномъ устройствѣ при I-мъ отдѣленіи философскаго факультета — разряда *историко-политическаго*, куда, кромѣ историческихъ наукъ, были отнесены всѣ науки государственныя (энциклопедія законовѣдѣнія, исторія права, государственное право, финансовое право), а при

II-мъ отдѣленіи философскаго факультета—*разряда техническихъ наукъ,* куда, кромѣ механики, технологіи и пр., отнесена и политическая экономія, финансовое право, полицейское право и русская исторія.

Планъ-же камеральнаго отдѣленія составленъ такой: разрядъ камеральныхъ наукъ составляетъ отдѣленіе юридическаго факультета; *предметы главные:* энциклопедія камеральныхъ наукъ; русскіе государственные законы, т. е. основные законы, государственныя учрежденія и законы о состояніяхъ; законы благоустройства; законы о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ; межевые законы. *Предметы неглавные:* общенародное правовѣдѣніе; физика и физическая географія; техническая химія; сельское хозяйство и лѣсоводство; технологія; архитектура; медицинская полиція; русская исторія. Общіе предметы для всѣхъ трехъ новыхъ отдѣленій (камеральнаго, историко-политическаго и техническаго): богословіе и русская словесность *).

Какой результатъ имѣлъ этотъ проэктъ, въ дѣлахъ не осталось слѣдовъ.

Другое предположеніе Д. Г. Бибикова касалось *введенія географіи въ составъ университетскихъ наукъ;* генералъ-губернаторъ (29-го марта 1850 года) обратилъ вниманіе совѣта на слѣдующее: при производствѣ испытаній въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ Кіевскаго учебнаго округа, замѣчается почти вездѣ неудовлетворительность и сбивчивость учениковъ по географіи. Причину сего, должно полагать въ самихъ учителяхъ, которые учились этому предмету въ гимназіяхъ, но въ теченіи 4-хъ или 5-ти лѣтъ пребыванія въ Университетѣ вовсе не занимались имъ, и потому при опредѣленіи на должность должны прежде сами изучать предметъ и способъ преподаванія его, что дѣлается не безъ потери времени и слѣдовательно со вредомъ для учениковъ. Цѣль учрежденнаго при Университетѣ св. Владиміра педагогическаго института есть снабженіе учебныхъ заведеній округа свѣдущими и хорошо приготовленными учителями, но въ отношеніи къ преподаванію географіи она не достигается. Считая эту науку, въ особенности географію отечественную, однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ гимназическаго курса, генералъ-губернаторъ предложилъ совѣту Университета войти въ соображеніе о мѣрахъ для приготовленія

*) Дѣло совѣта 1849 г. № 129.

студентовъ къ преподаванію географіи, по крайней мѣрѣ такъ, чтобы они могли удовлетворять вполнѣ гимназической программѣ.

Совѣтъ поспѣшилъ согласиться съ начальникомъ округа и опредѣлилъ: ввести въ Университетѣ преподаваніе географіи, назначить для всѣхъ студентовъ историко-филологическаго факультета 4-хъ послѣднихъ полугодій двухлѣтній курсъ географіи, по 2 часа въ недѣлю и возложить преподаваніе этого предмета на профессора по каѳедрѣ политической экономіи и статистики безвозмездно, съ тѣмъ, что лекціи географіи зачтутся этому профессору въ число тѣхъ, которыя онъ долженъ читать по уставу; практическія упражненія во всеобщей и русской исторіи и географіи въ педагогическомъ институтѣ поручать попеременно черезъ годъ профессору исторіи, и профессору статистики и политической экономіи, предоставляя назначенное за это вознагражденіе черезъ годъ, то одному, то другому; всѣхъ студентовъ историко-филологическаго факультета подвергать при окончаніи курса испытанію изъ географіи, которую считать въ числѣ главныхъ предметовъ.

Но къ такому entente cordiale совѣта и попечителя не присоединился министръ народнаго просвѣщенія и запросилъ: не признаетъ-ли совѣтъ болѣе полезнымъ ввести въ историко-филологическомъ факультетѣ Университета св. Владиміра преподаваніе географіи для однихъ казенныхъ студентовъ педагогическаго института, чтобы распространеніемъ этого преподаванія на весь факультетъ и при томъ въ теченіи двухъ лѣтъ не отнять много времени у преподавателя и у студентовъ. Историко-филологическій факультетъ согласился было и съ этимъ предположеніемъ; но совѣтъ нашелъ въ немъ разныя неудобства.

Наконецъ министръ порѣшилъ все дѣло тѣмъ, что 19-го сентября 1851 г. сообщилъ, что онъ находитъ допущеніе преподаванія этого предмета неудобнымъ, какъ потому что географія *не можетъ быть предметомъ университетскаго преподаванія*, такъ и потому, что съ учрежденіемъ въ Университетѣ св. Владиміра каѳедры педагогіи, устраняются и причины, возбудившія вышеозначенное предположеніе*).

Третья мѣра, относящаяся къ устройству каѳедръ, касается *усиленія преподаванія русской исторіи для студентовъ-юристовъ.* Въ

*) Дѣло совѣта 1851 г. № 83.

декабрѣ 1851 г. генералъ-губернаторъ писалъ совѣту Университета, что изученіе отечественной исторіи не представляетъ *ни для одного факультета* такой важности какъ для юридическаго; ибо съ одной стороны *ни одинъ факультетъ* не обладаетъ такими матеріалами для дополненія историческаго изученія отечества, а съ другой стороны никто такъ не нуждается въ пособіи отечественной исторіи, безъ основательнаго познанія которой нельзя вполнѣ уяснить себѣ всѣхъ сторонъ отечественнаго права въ его развитіи и значеніи. Поэтому онъ, Бибиковъ, пожелалъ ознакомиться, въ какомъ объемѣ преподается эта наука студентамъ юридическаго факультета. Изъ печатныхъ обозрѣній преподаванія наукъ онъ увидѣлъ, что въ теченіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ для преподаванія отечественной исторіи студентамъ юридическаго факультета назначается только по одному часу въ недѣлю. Онъ нашелъ это количество часовъ слишкомъ недостаточнымъ для основательнаго изложенія столь важной науки, и принялъ притомъ во вниманіе особыя, „конечно извѣстныя совѣту, уваженія, по которымъ изученіе отечественной исторіи въ надлежащемъ духѣ и значеніи имѣетъ особенную важность *въ здѣшнемъ Университетѣ*"; удостовѣрясь изъ сличенія прежнихъ обозрѣній преподаванія въ нашемъ Университетѣ съ послѣдующими, что эта цѣль постепенно упускалась изъ виду (ибо на преподаваніе русской исторіи назначалось съ перваго полугодія 1843—44 по 2-е полугодіе 1844—45 года по 3 часа въ недѣлю, потомъ по два часа, а наконецъ, со 2-го полугодія 1846—47 года по одному часу, что почти равно уничтоженію преподаванія этого предмета), Бибиковъ счелъ нужнымъ предложить совѣту Университета: не окажется-ли возможнымъ обязать студентовъ юридическаго факультета слушать русскую исторію вмѣстѣ съ студентами историко-филологическаго факультета. Вопросъ этотъ онъ предложилъ разсмотрѣть безотлагательно, не ожидая открытія обыкновенныхъ засѣданій совѣта.

Совѣтъ тотчасъ-же призналъ возможнымъ допустить слушаніе студентами юридическаго факультета русской исторіи вмѣстѣ съ студентами историко-филологическаго факультета *).

---

*) Дѣло совѣта 1851 г. № 126.

Мы не осуждаемъ упомянутыхъ предложеній Бибикова; мы отмѣчаемъ только въ нихъ отношеніе совѣта къ предположеніямъ начальника округа.

Замѣщеніе каѳедръ. Общіе принципы 1849 года отразились и на способѣ замѣщенія каѳедръ. Иниціатива въ этомъ вопросѣ принадлежитъ Бибикову, какъ объяснилъ онъ самъ; именно въ началѣ февраля 1850 г. онъ былъ въ Петербургѣ и оттуда прислалъ въ совѣтъ Университета слѣдующее предложеніе: „министръ народнаго просвѣщенія отъ 31 января этого года увѣдомилъ меня, что *вслѣдствіе моего отношенія* касательно замѣченныхъ неудобствъ при избраніи профессоровъ и преподавателей (на основаніи статей 30-й, 77-й и 78-й общаго устава россійскихъ университетовъ), онъ призналъ полезнымъ, *согласно моему заключенію,* для отвращенія тѣхъ неудобствъ при избраніи профессоровъ и преподавателей въ Университетѣ св. Владиміра, *предоставить мнѣ право,* каждый разъ, при представленіи министерству ходатайства университетскаго совѣта объ утвержденіи избраннаго имъ лица въ должности профессора, или адъюнкта, излагать свое мнѣніе какъ о немъ лично, такъ и о пользѣ предполагаемаго замѣщенія вакантной каѳедры“; министръ входилъ по этому предмету съ докладомъ къ Государю. 26-го января послѣдовало Высочайшее соизволеніе *). Кажется, что неудобства опредѣленія профессоровъ чрезъ избраніе ихъ совѣтомъ, о которыхъ говоритъ Бибиковъ, были сознаны лишь теоретически, въ виду какихъ-либо предполагаемыхъ возможностей, но не на основаніи прошлаго опыта, который не подалъ никакого повода къ такому заключенію. Какъ подѣйствовала эта мѣра на успѣхъ замѣщенія каѳедръ, сказать не легко, ибо, благодаря прежнимъ усиліямъ совѣта, большая часть каѳедръ была уже обезпечена или профессорами или молодыми силами, которыя потомъ, занявъ каѳедры, принесли Университету заслуженную славу.

Но эта новая мѣра высказалась прежде всего въ перемѣщеніи профессоровъ по волѣ начальства изъ одного университета въ другой. 3-го мая 1850 г. генералъ-губернаторъ увѣдомилъ совѣтъ Университета, что министръ народнаго просвѣщенія въ слѣдствіе отношенія его генералъ-губернатора, перемѣстилъ изъ Университета св. Влади-

*) Дѣло совѣта 1850 г. № 148.

міра адъюнкта Костыря въ Харьковскій университетъ, а на его мѣсто по той-же каѳедрѣ изъ Харьковскаго университета перемѣщенъ въ Университетъ св. Владиміра магистръ *Метлинскій;* но первый, хотя былъ уже докторомъ, переведенъ и въ Харьковъ адъюнктомъ, а второй, хотя и магистръ, назначенъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора.

Костырь, какъ мы уже упоминали, былъ несомнѣнно человѣкъ даровитый и знающій, но лишенный способности къ яснымъ и точнымъ понятіямъ; замѣщеніе его Метлинскимъ нельзя признать большою потерею для Университета; въ кружкáхъ правительственныхъ заподозрѣвали его даже въ неполномъ обладаніи способностію здраваго сужденія. Но переводъ его волею начальства, при такихъ невыгодныхъ для него условіяхъ, возбудилъ молчаливый протестъ въ средѣ преподавателей Университета и создалъ лишній поводъ къ оппозиціи. Метлинскій, извѣстный собиратель малорусскихъ пѣсенъ и, по своему времени, лучшій знатокъ народной южно-русской словесности, оказался не-филологомъ и вообще слабымъ преподавателемъ; къ тому-же былъ человѣкъ больной. Болѣе трехъ лѣтъ оставался онъ въ Кіевѣ, преподавая по одной каѳедрѣ вмѣстѣ съ А. И. Селинымъ. Когда удаляли Костыря и переводили Метлинскаго, такое стеченіе двухъ преподавателей на одной каѳедрѣ не казалось страннымъ. Странность эта замѣчена только черезъ три года. Генералъ-губернаторъ (уже кн. Васильчиковъ) сообщилъ (3 октября 1853 г.) конфиденціально ректору Университета, что такъ какъ въ Университетѣ св. Владиміра состоятъ два преподавателя по каѳедрѣ русской словесности: орд. проф. Метлинскій и экстр.-орд. проф. Селинъ, въ Харьковскомъ-же университетѣ нѣтъ ни одного по этой каѳедрѣ (потому что Костырь, производившій сначала не малый эффектъ тамъ своими загадочными чтеніями, заболѣлъ окончательно и вскорѣ умеръ), то товарищъ министра народнаго просвѣщенія признаетъ полезнымъ перевесть туда одного изъ упомянутыхъ профессоровъ, полагая, что въ Университетѣ св. Владиміра можно-бы *до времени* ограничиться однимъ профессоромъ по упомянутой каѳедрѣ, а при первомъ случаѣ опредѣлить къ нему адъюнкта. Потребовали отъ Метлинскаго и Селина отзыва. Выборъ палъ на Метлинскаго, для обратнаго перевода его въ Харьковъ. 17-го февраля 1854 г. онъ и переведенъ тѣмъ-же званіемъ и на ту-же ка-

ѳедру въ Харьковскій университетъ. Такимъ образомъ каѳедра русской словесности въ три года потеряла двухъ преподавателей. Съ выбытіемъ Метлинскаго изъ Университета св. Владиміра предписано безъотлагательно пріискать молодаго ученаго для опредѣленія адъюнктомъ, „такъ какъ одного преподавателя по сей каѳедрѣ недостаточно“ *). Деканъ историко-филологическаго факультета представилъ, что мѣсто адъюнкта по каѳедрѣ русской словесности желаетъ и по способностямъ и познаніямъ достоинъ занять профессоръ русской словесности въ лицеѣ кн. Безбородко, *А. И. Линниченко.* Но при этомъ деканъ предъявилъ факультету полученное имъ отъ помощника попечителя Кіевскаго учебнаго округа М. В. Юзефовича письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что, „во время его пребыванія въ Москвѣ члены московскаго историко-филологическаго факультета и въ томъ числѣ пр. Бодянскій, Буслаевъ и Леонтьевъ, отзывы коихъ имѣютъ неоспоримый вѣсъ по части славяно-русской филологіи и теоріи поэзіи, рекомендовали ему кандидата историко-филологическаго факультета Московскаго университета г. *Тихонравова,* который по способностямъ своимъ и по основательнымъ познаніямъ вполнѣ заслуживаетъ этого назначенія“. М. В. Юзефовичъ объявилъ управляющему министерствомъ при свиданіи съ нимъ въ Петербургѣ, „что изъ наставниковъ, служащихъ по Кіевскому учебному округу, онъ не знаетъ ни одного, который могъ-бы занять это мѣсто, тѣмъ болѣе, что оно должно быть замѣщено природнымъ русскимъ, усвоившимъ себѣ знаніе языка не однимъ изученіемъ, но самою практикою“, а этому условію вполнѣ удовлетворяетъ г. Тихонравовъ. Историко-филологическій факультетъ, не дѣлая окончательнаго выбора между обоими соискателями, предложилъ Линниченко и Тихонравову представить въ факультетъ по одному сочиненію, написанному на избранныя ими самими темы, по предмету русской филологіи. На этотъ конкурсъ г. Тихонравовъ не отозвался, а явился соискателемъ одинъ А. И. Линниченко; разсужденіе его признано вполнѣ удовлетворительнымъ, а равно и пробныя лекціи; онъ занялъ должность адъюнкта по каѳедрѣ русской словесности въ Университетѣ св. Владиміра **), и въ этомъ званіи пробылъ до конца своей

*) Дѣло совѣта 1853 г. № 187.

**) Тамъ-же 1855 г. № 53.

университетской службы, преподавая однако не филологію (какъ предназначалъ факультетъ), а исторію всеобщей литературы.

Около того-же времени, именно въ 1850 г., потеряла своего преподавателя и каѳедра политической экономіи также переходомъ профессора въ другой университетъ. 21-го іюня состоялось перемѣщеніе Вернадскаго въ Москву тѣмъ-же званіемъ. Впрочемъ эта каѳедра тотчасъ-же и съ избыткомъ замѣщена преподавателемъ, ученая извѣстность котораго далеко превзошла извѣстность Вернадскаго.

Именно, историко-филологическій факультетъ 26-го іюня вошелъ въ совѣтъ съ представленіемъ объ опредѣленіи, на мѣсто Вернадскаго, адъюнктомъ по каѳедрѣ политической экономіи и статистики, профессора лицея князя Безбородко, магистра государственнаго права *Н. Х. Бунге.* Но такъ какъ онъ по воспитанію принадлежалъ не историко-филологическому факультету, а юридическому, то факультетъ мотивировалъ свое представленіе во-первыхъ тѣмъ, что г. Бунге, подвергаясь въ Университетѣ св. Владиміра испытанію на степень магистра государственнаго права, испытываемъ былъ и въ политической экономіи и статистикѣ, во-вторыхъ, тѣмъ что онъ напечаталъ два сочиненія политико-экономическаго содержанія: 1) „Изслѣдованіе началъ торговаго законодательства Петра Великаго“ (въ Отечественныхъ Запискахъ 1850 г. № 1) и 2) „Рѣчь о кредитѣ“ (Кіевъ 1849 г.), произнесенную имъ на актѣ лицея князя Безбородко въ 1849 году, которая заслужила справедливо лестные отзывы въ двухъ нашихъ журналахъ (Отечественные Записки 1850 г. № 6 и Современникъ 1850 г. № 5). Совѣтъ въ засѣданіи 11-го августа 1850 г. большинствомъ 18-ти противу 2-хъ избралъ его на вакантную должность. Но министръ народнаго просвѣщенія (31 октября) хотя и изъявилъ согласіе на допущеніе Бунге къ чтенію лекцій въ Университетѣ св. Владиміра по означенной каѳедрѣ, но лишь въ качествѣ *исправляющаго должность адъюнкта, впредь до пріобрѣтенія имъ степени магистра политической экономіи и статистики* *).

По прочимъ каѳедрамъ историко-филологическаго факультета не произошло ни утратъ, ни пріобрѣтеній, если не считать потерею неудачи факультета въ ходатайствѣ (1855 г.) о производствѣ профессора Деллена въ ординарные профессора безъ докторской степени.

*) Дѣло совѣта 1850 г. № 154.

Юридическій факультетъ понесъ въ ту печальную эпоху еще болѣе утратъ; здѣсь въ дѣло опустошенія Университета вмѣшался такъ сказать и самый рокъ, поражая болѣзнію и смертію людей, еще не приблизившихся къ гробу по естественному разсчету возраста. Важнѣе другихъ потерь была отставка Богородскаго, безъ сомнѣнія даровитѣйшаго и ученѣйшаго изъ всѣхъ тогдашнихъ членовъ факультета.

С. О. Богородскій оканчивалъ 6 сентября 1854 г. свое 25-лѣтіе. Ректоръ объявилъ, что профессоръ Богородскій желаетъ быть уволеннымъ въ отставку и просилъ объ исходатайствованіи ему полной пенсіи. 10-го сентября юридическій факультетъ не имѣя ни кого въ виду для замѣщенія каѳедры уголовнаго права и, „желая дать возможность студентамъ пользоваться глубокими свѣдѣніями въ области законовѣдѣнія, опытностію и отличнымъ преподаваніемъ Богородскаго“, предложилъ ему продолжать преподаваніе законовъ и по полученіи отставки. Богородскій объявилъ, что онъ согласенъ. Преподаваніе по найму продолжалось одинъ годъ. Между тѣмъ былъ объявленъ конкурсъ по 15 іюня 1855 г., но по обычаю на конкурсъ никто не явился. 15-го іюня 1855 г. Богородскій просилъ ходатайства Совѣта Университета объ опредѣленіи его снова ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ уголовныхъ законовъ и законовъ благочинія. Совѣтъ, „принявъ во вниманіе глубокія свѣдѣнія въ области законовѣдѣнія, опытность и отличное преподаваніе Богородскаго“, въ засѣданіи 12 августа подвергнулъ его баллотированію для избранія въ ординарные профессора еще на 5 лѣтъ и избралъ большинствомъ 12 противъ 9. Но въ отвѣтъ на это (7 декабря 1855 г.) генералъ-губернаторъ кн. Васильчиковъ увѣдомилъ Университетъ: „такъ какъ на объявленный имъ конкурсъ для лицъ желающихъ занять вакантную въ семъ Университетѣ каѳедру уголовныхъ законовъ и законовъ благочинія, желающихъ не явилось, я вмѣстѣ съ симъ отношусь къ министру народнаго просвѣщенія о замѣщеніи каѳедры однимъ изъ имѣющихся въ виду министерства кандидатовъ и, увѣдомляя о семъ совѣтъ Университета, предлагаю принять мѣры къ временному порученію преподаванія предметовъ означенной вакантной каѳедры“; о Богородскомъ ни слова, какъ будто не было ни избранія его въ совѣтѣ, ни представленія о немъ. Что могли имѣть тогда противъ этого опытнаго, осторожнаго въ изслѣдованіяхъ юриста, сказать трудно; во всякомъ случаѣ лучшій

судья въ дѣлѣ былъ факультетъ и совѣтъ. Факультетъ опредѣлилъ поручить преподаваніе уголовныхъ законовъ во второмъ полугодіи 1855—56 года Циляпкевичу, который потомъ преподавалъ уголовные законы и въ слѣдующемъ полугодіи *). Самъ Циляпкевичъ, впрочемъ, доживалъ свои послѣдніе дни; питая и поддерживая свою физическую болѣзнь нравственною хандрою, и черезъ годъ умеръ. Припомнимъ также, что въ тѣ печальные дни скончался отъ чахотки (22 апрѣля 1850 г.) и преподаватель международнаго права Тутковскій,— этотъ поистинѣ „лишній человѣкъ" 40-хъ годовъ, не умѣвшій найти никакого примѣненія своему запасу либеральныхъ идей, вывезенныхъ изъ Европы.

Но тогдашній злой рокъ Университета не щадилъ и людей другаго направленія: въ 1856 года Н. М. Вигура, занимавшій, кромѣ должности адъюнкта въ Университетѣ, должность юрисконсульта при Кіевской конторѣ государственнаго банка, получилъ горловую чахотку и умеръ 31 мая того года.

Такъ сошли со сцены всѣ юристы заграничной посылки 1844 года. Да и вообще изъ всей серіи командированныхъ тогда ученыхъ въ Университетѣ уцѣлѣлъ одинъ А. С. Роговичъ.

Одновременно съ Богородскимъ юридическій факультетъ потерялъ и другаго преподавателя, хотя не столь цѣннаго и по причинамъ независящимъ отъ воли человѣческой. Мы говоримъ о Цвѣтковѣ. Въ немъ всегда замѣчалось нѣчто ненормальное, что́ можно-бы назвать болѣзнію воли. Лѣтомъ 1855 года признаки странностей дошли до ясныхъ выраженій разстройства умственныхъ способностей. Консультація профессоровъ: Алферьева, Мирама, Цыцурина и Меринга нашла, что умственныя способности Цвѣткова представляютъ разстройство, выражающееся преимущественно ослабленіемъ вниманія и памяти, а отчасти и соображенія, что разстройство это находится по всему вѣроятію въ переходномъ состояніи къ слабоумію. Ректоръ началъ ходатайствовать объ увольненіи Цвѣткова отъ службы по причинѣ тяжкой болѣзни и о назначеніи ему пенсіи **). Цвѣтковъ былъ уволенъ; но никакія средства лѣченія не помогли и онъ вскорѣ умеръ.

---

*) Дѣло совѣта 1855 г. № 141.

**) Тамъ-же, 1855 г. № 127.

Послѣ увольненія его, въ первомъ семестрѣ 1856—57 г. чтеніе законовъ о финансахъ юридическій факультетъ поручилъ адъюнкту *В. А. Незабитовскому*. Это имя, дорогое для юридическаго факультета, встрѣчается въ первый разъ на страницахъ этой исторіи и печальный рокъ привелъ насъ записать его здѣсь именно тогда, когда Университетъ оплакиваетъ его неожиданную потерю (В. А. Незабитовскій скончался 15 іюня 1883 г.). Истинный и безкорыстный адептъ науки, онъ не ограничивался лишь своею спеціальностію (международнымъ правомъ),—но до конца дней своихъ съ юношескимъ интересомъ слѣдилъ за успѣхами разнообразныхъ гуманныхъ знаній (историческихъ, философскихъ и юридическихъ) и по всѣмъ этимъ отраслямъ пріобрѣлъ такую массу свѣдѣній, что могъ быть живою справочною книгою даже для спеціалистовъ. Но эти разнообразныя знанія не складывались въ его памяти въ кучу хлама, какъ бываетъ не рѣдко, а подбирались, группировались въ стройное цѣлое строгою логическою мыслію. Группировка понятій, смѣлые, иногда оригинальные выводы составляли его сильную сторону, которая выдавалась на видъ даже болѣе, чѣмъ его многообразная ученость. Предметъ его каѳедры—международное право не вполнѣ удовлетворялъ его пытливый умъ; наука менѣе опредѣленная, чѣмъ всѣ прочія вѣтви правовѣдѣнія, она увлекала его лишь на первыхъ порахъ тѣмъ, что представляла больше простора для философскихъ построеній. Но подъ конецъ его профессорской дѣятельности, именно эта неопредѣленность составляла въ его глазахъ главный недостатокъ предмета его каѳедры. Тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству знатоковъ дѣла, его учебный курсъ отличался всегда большими формальными достоинствами: точностію, выразительностію и фактическою вѣрностію. Долгія упражненія надъ явленіями международнаго права повліяли на цѣлое его правовоззрѣніе, многимъ казавшееся рѣзкимъ и одностороннимъ, именно на понятіе о правѣ, какъ силѣ (конечно не грубой — матеріальной, а силѣ, основанной на убѣжденіяхъ большинства). По странному противорѣчію природы, этотъ ученый, стоявшій исключительно за энергію и принудительность въ правѣ, въ личныхъ качествахъ своей души обнаруживалъ въ высшей мѣрѣ мягкость, сердечность и уступчивость тамъ, гдѣ она не вредила правдѣ. Но возвратимся къ фактической сторонѣ дѣла. Проведши весь свой студенческій курсъ казеннокоштнымъ студентомъ В. А. окончилъ

однимъ изъ первыхъ кандидатовъ въ 1846 году, но затѣмъ поступилъ, какъ всѣ тогдашніе университетскіе юристы на канцелярскую службу и конечно заглохъ-бы тамъ за перепискою и подшивкою бумагъ. Единственнымъ способомъ выдвинуться на большій просторъ была тогда служба въ столичныхъ учрежденіяхъ; но это нужно было испрашивать особое позволеніе и право это давалось только лучшимъ изъ кандидатовъ. Не имѣя никакихъ средствъ, В. А. рѣшился, однако, воспользоваться такимъ правомъ, собравъ деньги, едва достаточныя на дорогу въ Петербургъ; къ счастію его, въ то время введено было преподаваніе правовѣдѣнія въ гимназіяхъ и открылась для него возможность поступить учителемъ въ одну изъ Кіевскихъ гимназій. Вскорѣ онъ былъ замѣченъ и переведенъ на должность профессора въ Нѣжинскій лицей, гдѣ преподавалъ законы о финансахъ. Тамъ онъ при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ успѣлъ приготовиться къ магистерскому экзамену и написать свое магистерское разсужденіе, и въ то-же время произнесть замѣчательную рѣчь на актѣ. Экзаменъ и диссертація обратили на него вниманіе юридическаго факультета, который по смерти Тутковскаго, избралъ его 16-го марта 1853 г. на каѳедру общенароднаго правовѣдѣнія. Н. Д. Иванишевъ, въ качествѣ декана, представлялъ о томъ въ совѣтъ въ такихъ выраженіяхъ: „какъ въ продолженіе университетскаго курса, такъ во время изустнаго и письменнаго испытанія на степень магистра юридическій факультетъ удостовѣрился въ основательныхъ познаніяхъ г. Незабитовскаго, въ самостоятельности мышленія и отличной способности“. В. А. былъ не разъ избираемъ деканомъ факультета и проректоромъ. Его печатныхъ ученыхъ трудовъ весьма не много; онъ отличался крайнею мнительностію и строгостію къ своимъ произведеніямъ. Мы слышали, что его труды въ томъ числѣ магистерская диссертація и рѣчь появятся въ посмертномъ изданіи.

И въ исторіи физико-математическаго факультета за эпоху 1849—1855 гг. приходится отмѣчать преимущественно утраты. Профессоръ по каѳедрѣ сельскаго хозяйства Якубовскій, который и переѣхалъ изъ Казани въ Кіевъ ради надежды излѣченія отъ хроническаго недуга, умеръ, и потеря эта должна быть признана одною изъ весьма чувствительныхъ утратъ для Университета; мы уже упоминали, что его изящная и талантливая натура сообщила неожиданную жизнь такому предмету, который съ основанія Университета въ рукахъ Мерца всегда

былъ посмѣшищемъ для студентовъ. Вскорѣ, однако, вакансія была замѣщена: въ ноябрѣ 1851 г. министръ народнаго просвѣщенія перемѣстилъ публичнаго преподавателя сельскаго хозяйства при Харьковскомъ учебномъ округѣ магистра *С. М. Ходецкаго*, адъюнктомъ въ Университетъ св. Владиміра по каѳедрѣ сельскаго хозяйства *).

Еще болѣе поразила этотъ факультетъ смерть бывшаго ректора Университета Ѳедорова. В. Ѳ. Ѳедоровъ скончался 24 марта 1855 г. Тогда по каѳедрѣ астрономіи въ Университетѣ состоялъ въ должности адъюнкта *Ѳедоренко;* совѣтъ сдѣлалъ распоряженіе о передачѣ астрономомъ-наблюдателемъ Пилипенкомъ астрономической обсерваторіи со всѣми ея принадлежностями въ вѣдѣніе Ѳедоренка **); но и онъ оставался, однако, не долго въ Университетѣ св. Владиміра.

Еще ранѣе смерти Ѳедорова скончался профес. Алексѣй Николаевичъ Тихомандрицкій; онъ умеръ скоропостижно ночью съ 25 на 26 октября 1853 года. Для замѣщенія вакантной каѳедры технологіи, совѣтъ въ 1854 году просилъ о перемѣщеніи адъюнкта Харьковскаго университета *Коссова* экстра-ординарнымъ профессоромъ. Въ отвѣтъ на это А. С. Норовъ 4-го августа увѣдомилъ, что за силою Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго 23 апрѣля 1839 г. о замѣщеніи учебныхъ должностей по западнымъ губерніямъ лицами изъ русскихъ уроженцевъ, онъ не можетъ изъявить согласія на перемѣщеніе Коссова въ Университетъ св. Владиміра какъ уроженца западной губерніи, исповѣдывающаго римско-католическую вѣру, и не считаетъ себя въ правѣ входить о семъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ Государю. На объявленный конкурсъ откликнулся магистръ технологіи *Фирстовъ* и представилъ 4 сочиненія и програму университетскаго курса технологіи, которыя разсмотрѣны физико-математическимъ факультетомъ и найдены удовлетворительными. Пробныя лекціи предоставлено ему прочесть въ Петербургѣ. Объ этихъ пробныхъ лекціяхъ его, читанныхъ въ Петербургскомъ университетѣ, тамошній попечитель далъ отзывъ, что „Фирстовъ съ успѣхомъ можетъ читать лекціи технологіи, но по причинѣ затруднительнаго произношенія словъ, онъ не совершенно свободно выражается". Такой отзывъ поставилъ совѣтъ въ затрудненіе,

---

*) Дѣло совѣта 1851 г. № 167.

**) Тамъ-же, 1855 г. № 22.

„ибо Университетъ, лишившись возможности имѣть преподавателемъ Коссова, котораго совѣтъ предпочелъ-бы всѣмъ другимъ соискателямъ“, имѣлъ въ виду для замѣщенія сказанной каѳедры только одного Фирстова. Вслѣдъ за тѣмъ Георгій Фирстовъ прислалъ прошеніе въ совѣтъ не считать его болѣе въ числѣ конкурентовъ на вакантную каѳедру технологіи*).

Между тѣмъ каѳедра прикладной математики оставалась вакантною еще съ 1848 года, т. е. со времени перехода профес. А. Н. Тихомандрицкаго въ педагогическій институтъ. 19 сентября 1852 года объявленъ былъ конкурсъ для замѣщенія этой каѳедры по 1-е марта 1853 г. На конкурсъ отозвался учитель 2-й Харьковской гимназіи Филиппъ Королевъ, имѣвшій степень магистра математическихъ наукъ. Но начальникъ Кіевскаго учебнаго округа 17 марта сообщилъ совѣту для надлежащаго исполненія, что Высочайшимъ приказомъ еще 18-го февраля (т. е. до истеченія срока конкурса) магистръ Московскаго университета *И. И. Рахманиновъ* опредѣленъ адъюнктомъ въ Университетъ св. Владиміра и что уже сдѣлано распоряженіе объ отправленіи его къ мѣсту службы. Передъ тѣмъ И. И. Рахманиновъ читалъ въ Петербургскомъ университетѣ пробную лекцію; читанная имъ лекція изъ теоретической механики о движеніи гибкой линіи найдена физико-математическимъ (Петербургскимъ) факультетомъ вполнѣ удовлетворительною по основательности и ясности въ изложеніи предмета**). Съ тѣхъ поръ и донынѣ онъ съ честію служитъ Университету, занимая нерѣдко высшія университетскія должности.

Изъ профессоровъ польскаго происхожденія оставался въ Университетѣ одинъ только Фонбергъ. Въ 1853 г. кончилось 30 лѣтъ его учебной службѣ. На немъ разрѣшался общій вопросъ объ условіяхъ оставленія на каѳедрѣ по выслугѣ пенсіи. 18-го февраля 1853 г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ оставить Фонберга на службѣ при Университетѣ по 30-е мая 1854 г., т. е. до выслуги *срока для полученія титула заслуженнаго профессора*. Въ § 83 общаго устава русскихъ университетовъ сказано: „профессоръ, по выслугѣ *въ сей должности 25 лѣтъ, удостоенный званія заслуженнаго,* увольняется

*) Дѣло совѣта 1854 г. № 123.

**) Тамъ-же, 1853 г. № 131.

изъ Университета". При такой редакціи устава можно было придти къ мысли, что 25-лѣтній срокъ считается отъ начала собственно университетской службы, какъ и истолковалъ министръ. Когда приблизился срокъ, опредѣленный министромъ, совѣтъ Университета подвергнулъ Фонберга балотированію на оставленіе въ службѣ при Университетѣ на 5 лѣтъ съ 30-го мая 1854 года и избралъ его большинствомъ голосовъ 19 противъ 3-хъ *). Такое толкованіе § 83 устава уже не примѣнялось потомъ: 25 лѣтъ считались уже не до выслуги званія заслуженнаго профессора, а до выслуги по учебной части вообще.

На предыдущихъ страницахъ мы видѣли не одинъ случай перемѣщенія, назначенія и увольненія непосредственною властію министра. Университетъ сталъ приходить къ мысли, что такой порядокъ становится нормальнымъ и постояннымъ; во всякомъ случаѣ такого взгляда несомнѣнно держался генералъ-губернаторъ, къ которому нѣкоторые преподаватели обращались съ просьбами о повышеніяхъ и назначеніяхъ; но къ чести тогдашняго министерства надо сказать, что оно, пользуясь своимъ правомъ, когда признавало то полезнымъ, не думало уничтожать основное начало уставовъ 1842 и 1835 годовъ, какъ показываетъ слѣдующій случай. Преподаватель архитектуры акад. Беретти подалъ въ 1854 году просьбу кн. Васильчикову объ утвержденіи его исправляющимъ должность экстра-ординарнаго профессора. Но министръ 20 января 1855 г. просилъ кн. Васильчикова просьбу Беретти передать на обсужденіе совѣта Университета, „такъ какъ на основаніи общаго устава университетовъ избраніе профессоровъ и адъюнктовъ университетовъ, а также назначеніе ихъ къ разнымъ должностямъ по университетамъ предоставлено совѣтамъ университетовъ", прибавилъ министръ. Совѣтъ избралъ и министръ утвердилъ Беретти испр. долж. экстра-ординарнаго профессора по каѳедрѣ архитектуры **).

Переходя къ медицинскому факультету, мы и здѣсь должны начать рѣчь съ потерь, хотя по причинамъ, менѣе грустнымъ, чѣмъ на предыдущихъ факультетахъ. Въ слѣдъ за переходомъ Д. Г. Бибикова на должность министра внутреннихъ дѣлъ, Высочайшимъ приказомъ 6-го декабря 1853 г. профес. Козловъ былъ назначенъ вице-директоромъ департамента министерства внутреннихъ дѣлъ.

---

*) Дѣло совѣта 1854 г. № 60.

**) Тамъ-же, 1855 г. № 30.

Въ томъ-же 1853 г. профес. Леоновъ подалъ просьбу объ увольненіи его отъ службы, по весьма разстроенному здоровью, и медицинскій факультетъ, рѣшившись заблаговременно озаботиться пріисканіемъ ему преемника, обратилъ вниманіе свое на доктора *Ѳ. Ѳ. Меринга*, участвовавшаго въ послѣднемъ конкурсѣ на званіе адъюнкта по каѳедрѣ частной терапіи. Врачъ этотъ, по окончаніи курса въ одномъ изъ германскихъ университетовъ, получилъ за тѣмъ дипломъ доктора, въ Дерптскомъ университетѣ и въ послѣдствіи какъ за границей, такъ и въ Петербургѣ занимался съ отличнымъ усердіемъ и успѣхомъ, по свидѣтельству знаменитаго профессора нашего Н. И. Пирогова, преимущественно химіею, физіологіею и патологическою анатоміею. Принимая во вниманіе, что основательныя свѣдѣнія по сказаннымъ предметамъ составлютъ необходимое условіе преподавателя по каѳедрѣ государственнаго врачебновѣдѣнія и опираясь какъ на свидѣтельство профес. Пирогова, такъ и на собственное мнѣніе о степени медицинскаго образованія и о способностяхъ г. Меринга (мнѣніе, составленное по конкурснымъ статьямъ его), медицинскій факультетъ призналъ, „что докторъ Мерингъ можетъ быть достойнымъ преподавателемъ по этой каѳедрѣ" *), и этотъ выборъ факультета, въ послѣдствіи времени, оправданъ вполнѣ опытомъ. Между тѣмъ за болѣзнію Леонова въ 1852—53 г. судебную медицину, гигіену и діэтетику преподавалъ прозекторъ *Слободзинскій* въ качествѣ доцента. Овдовѣвшая каѳедра Леонова однако пріобрѣла потомъ себѣ постояннаго преподавателя не въ лицѣ проф. Меринга или доцента Слободзинскаго, а въ лицѣ *Ѳ. Ѳ. Эргардта*, который, впрочемъ, въ эту эпоху занималъ пока скромное мѣсто прозектора. 21 ноября 1854 г. прозекторъ анатоміи Университета св. Владиміра *Багенскій* былъ переведенъ бердичевскимъ городовымъ врачемъ, и хотя и Эргардтъ уже былъ назначенъ ординаторомъ одесской городской больницы, но генералъ-губернаторъ proprio motu удержалъ его въ Кіевѣ и сдѣлалъ сношеніе съ министрами народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ объ оставленіи его на службѣ при Университетѣ св. Владиміра **).

Дѣятельность профессоровъ. Какъ въ исторіи каѳедръ намъ приходилось сообщать почти одни скорбные листы потерь, такъ и въ из-

---

*) Дѣло совѣта 1853 г. № 116.

**) Тамъ-же, 1854 г. № 184.

ложенія дѣятельности профессоровъ за эту эпоху найдемъ мало отраднаго.

Преподавательская дѣятельность состояла въ исполненіи программъ и достоинства ея почти не зависѣли отъ личныхъ качествъ преподавателей. Правда, просвѣщенный и благодушный коронный ректоръ, прежній избранникъ совѣта и товарищъ, отнюдь не злоупотреблялъ своими полномочіями и даже, по возможности, смягчалъ чрезмѣрныя угловатости требуемаго надзора; при немъ возможны были даже „нѣкоторыя свободныя лекціи“, по приведеннымъ выше словамъ живаго свидѣтеля. Но кому-же была охота вводить въ отвѣтственность такого ректора и самаго себя хотя-бы и „невиннымъ отступленіемъ отъ программы“?

Можно-бы подумать, что за это время усилится, по крайней мѣрѣ, внѣшняя исполнительность профессорской службы, т. е. преподаватели будутъ аккуратно вычитывать положенное количество часовъ (хотя-бы и съ полнымъ равнодушіемъ къ достоинству своихъ чтеній). Но дѣло шло неудовлетворительно и съ этой стороны; холодность къ занятіямъ простерлась и до внѣшней неаккуратности. Сохранилось преданіе, что когда снисходительный Траутфеттеръ вынужденъ былъ наконецъ запросить одного наиболѣе неаккуратнаго преподавателя: по какой причинѣ онъ постоянно не бываетъ на лекціяхъ, то этотъ послѣдній надписалъ на бумагѣ ректора: „излишнее любопытство“. При такой постановкѣ дѣла, на внѣшнюю принудительность разсчитывать нечего; когда дѣло зависитъ болѣе отъ начальства, чѣмъ отъ совѣсти, то можно снискать извиненія и покровительство.

Программы по такимъ предметамъ, какъ: исторія русской словесности, политическая экономія и статистика, всеобщая политическая исторія, славянская филологія, русская исторія, международное право, энциклопедія законовѣдѣнія съ исторіею положительныхъ законодательствъ, законы о финансахъ и государственныхъ повинностяхъ, не только были составлены въ 1850 г. вновь, но и утверждены министерствомъ. Лишь по прочимъ наукамъ разсмотрѣніе и утвержденіе вновь составленныхъ программъ принадлежало факультетамъ и ректору. Характеръ утвержденія ихъ виденъ, между прочимъ, изъ слѣдующаго факта: „При утвержденіи программы для преподаванія новой философіи (говорится въ отчетѣ 1850 г.) ректоръ Университета вмѣнилъ въ по-

премѣнную обязанность преподавателю, при взглядѣ на направленіе новой философіи и при критической оцѣнкѣ достоинствъ и недостатковъ мыслителей, вездѣ придерживаться основныхъ мыслей, заключающихся въ „исторіи философіи“ архимандрита Гавріила и строго соблюдать согласіе съ ученіемъ православной церкви и съ отечественными законами и учрежденіями“. Хотя предъ началомъ каждаго полугодія ректоръ требовалъ отъ декановъ свѣдѣній, по какимъ именно программамъ будутъ преподаваемы лекціи, но въ большинствѣ случаевъ программы оставляемы были безъ измѣненій въ томъ видѣ, въ какомъ были утверждены въ 1850 — 51 г., хотя-бы съ того времени прошло 5 или 6 лѣтъ. Такую устойчивость имѣли не только программы, утвержденныя министромъ и св. синодомъ, но и программы, утвержденныя ректоромъ. Неподвижность программъ изъясняется между прочимъ трудностію и медленностію порядка ихъ измѣненій. Въ началѣ февраля 1850 г. преподаватель статистики представилъ декану слѣдующее: „Въ программѣ по статистикѣ, присланной мнѣ въ руководство отъ министерства народнаго просвѣщенія, предписано мнѣ излагать моимъ слушателямъ манифестъ объ 8-й ревизіи; между тѣмъ отъ 11-го января 1850 года обнародованъ манифестъ о новой 9-й ревизіи, во многихъ и важныхъ чертахъ, отличный отъ предъидущаго. Не смѣя съ одной стороны—отступить отъ программы, отъ которой я ни въ какомъ случаѣ отступать не долженъ, съ другой стороны, считая своею обязанностію читать науку въ видѣ наиболѣе удовлетворяющемъ требованію современнаго знанія и боясь сообщить по статистикѣ данныя, уже устарѣлыя, на основаніи иструкціи (ректору) честь имѣю просить вашего разрѣшенія о замѣненіи въ программѣ изложенія манифеста 8-й ревизіи; въ случаѣ-же, в. в—діе почтете себя не въ правѣ разрѣшить мнѣ этого (такъ какъ программа назначена отъ министерства), довести о томъ до свѣдѣнія высшаго начальства. Я-же съ своей стороны симъ отклоняю отъ себя отвѣтственность, за несовершенное знаніе упомянутой части моей науки моими слушателями, такъ какъ по системѣ программы чтеніе мое объ этомъ можетъ быть отложено не далѣе *слѣдующей лекціи*“. Но ни деканъ, ни ректоръ, ни начальникъ округа не разрѣшили ему этого и не къ слѣдующей лекціи, а черезъ *4 мѣсяца* пришелъ отвѣтъ, что министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ преподавателю экономіи и статистики въ Университетѣ св.

Владиміра излагать въ своихъ лекціяхъ манифестъ вмѣсто восьмой, о новой девятой народной переписи *).

Разрѣшеніе пришло тогда, когда курсъ былъ окончен и самъ профес. Вернадскій уже былъ переведенъ въ Москву.

Учено-литературная дѣятельность профессоровъ дошла до minimum'а. Для уясненія этой стороны дѣла достаточно ознакомиться съ условіями цензуры профессорскихъ сочиненій. Извѣстный уже намъ способъ цензированія профессорскихъ сочиненій сдѣлался еще придирчивѣе и строже. Въ 1851 г. Н. Х. Бунге приступилъ къ печатанію своей докторской диссертаціи: „О кредитѣ"; по порученію историко-филологическаго факультета П. В. Павловъ составилъ обширный разборъ этого сочиненія съ научной стороны съ цѣлію представить его къ напечатанію на счетъ Университета. 16-го марта совѣтъ получилъ отзывъ факультета; но ректоръ „усмотрѣлъ изъ рецензіи Павлова, что сказанное сочиненіе разсмотрѣно и одобрено имъ только въ ученомъ отношеніи", а потому совѣтъ рѣшилъ возвратить въ историко-филологическій факультетъ сочиненіе Бунге съ тѣмъ, чтобы факультетъ вновь разсмотрѣлъ его уже съ цензурной стороны. Когда въ сочиненіи ничего воспрещеннаго не было найдено и оно было наконецъ напечатано, то авторъ долженъ былъ, по распоряженію факультета, составить точный каталогъ отступленій, допущенныхъ имъ въ печати сравнительно съ рукописью, чтó онъ и исполнилъ съ совершенною тщательностію; напр. на стрн. 23, ст. 2 прибавлено слово „или", выпущено „и"; „на стр. 230 вм. *а* поставлено: „но и". Бóльшая часть измѣненій такого-же характера; въ заключеніе авторъ писалъ: „кромѣ означенныхъ поправокъ другихъ никакихъ не сдѣлано, исключая перемѣнъ въ окончаніи падежей и глаголовъ, какъ этого требовала грамматика". Но факультетъ долженъ былъ еще самъ провѣрить и засвидѣтельствовать предъ совѣтомъ справедливость этихъ показаній.

Такимъ образомъ главнымъ цензирующимъ учрежденіемъ признанъ былъ факультетъ; цензурную аппробацію соч. Н. Х. Бунге далъ деканъ И. Я. Нейкирхъ. Но въ томъ-же году самъ И. Я. Нейкирхъ выступилъ въ качествѣ автора съ довольно извѣстнымъ теперь сочиненіемъ „Dichterkanon". Одобрительный отзывъ факультета получилъ по неволѣ

*) Дѣло совѣта 1850 г. № 107.

5

Н. Х. БУНГЕ.

странную форму: „ординарный профессоръ Нейкирхъ просилъ факультетъ о напечатаніи его сочиненія. Историко-филологическій факультетъ призналъ это сочиненіе достойнымъ къ напечатанію на счетъ Университета и въ цензурномъ отношеніи оно не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго уставу о цензурѣ". Подписано: деканъ Нейкирхъ. Правда Метлинскій разобралъ это сочиненіе не только въ ученомъ, но и въ цензурномъ отношеніи; но главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ являлся деканъ, онъ-же и авторъ. Однако совѣтъ не вполнѣ положился на цензуру факультета и, постановивъ печататъ сочиненіе, исключилъ, впредь до дальнѣйшаго распоряженія, статьи о еврейской литературѣ. По поводу этого отдѣла началась переписка съ духовною цензурою (въ Петербургѣ), которая нашла, что рукопись И. Я. Нейкирха „Hebräer" не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго правиламъ устава духовной цензуры. Но бѣда грозила не со стороны „евреевъ". Когда сочиненіе было напечатано и разослано разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, то 23-го февраля 1853 г. генералъ-губернаторъ увѣдомилъ ректора: „г. министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ ему, что совѣтъ Университета св. Владиміра препроводилъ къ нему экземпляръ сочиненія профессора Нейкирха подъ заглавіемъ: „Dichterkanon, Ein Versuch die vollendesten Werke der Dichtkunst aller Zeiten und Nationen auszuzeichnen"... Kiew, 1853 г. „При разсмотрѣніи этого сочиненія замѣчено, что авторъ, говоря о современной французской писательницѣ, извѣстной подъ псевдонимомъ George Sand, не упоминаетъ о пагубномъ ея направленіи, и признаетъ романъ „Jacques" однимъ изъ лучшихъ ея произведеній, а главное лицо, лишающее себя жизни, чтобы освободить отъ тягостнаго супружества молодую жену свою, влюбившуюся въ другаго, профессоръ Нейкирхъ называетъ человѣкомъ строгой и высокой нравственности (einen starken und grossen moralischen Charakter hat, стр. 293). Весь очеркъ означеннаго романа начертанъ въ духѣ самаго сочиненія, о которомъ говорится, и изъ очерка этого нельзя вывесть заключенія, что есть самоотверженія, которыя, будучи вѣрхомъ свѣтской добродѣтели, оказываются преступными съ точки зрѣнія болѣе возвышенной. Въ другомъ мѣстѣ, хваля историческую трагедію Гуцкова подъ заглавіемъ „Uriel-Acosta", г. Нейкирхъ говоритъ, что весь смыслъ трагедіи сосредоточенъ въ стихахъ: „Glaubt, was Ihr glaubt! Nur überzeugungsrein.

Nicht *was* wir meinen siegt. Nein, *wie* wir es meinen, das nur überwindet" (стр. 524), т. е. „вѣруйте въ то, чему вы вѣрите, но только съ чистымъ убѣжденіемъ. Сила не въ томъ, *во что*, но въ томъ, *какъ* мы вѣримъ". Князь Ширинскій-Шихматовъ, признавая такое равнодушіе къ предметамъ вѣрованія весьма предосудительнымъ, находитъ появленіе въ печати какъ этого мѣста, такъ и вышеприведенныхъ сужденій о романѣ „Jacques", весьма неприличнымъ, въ особенности-же въ книгѣ, напечатанной по опредѣленію совѣта Императорскаго Университета", почему просилъ обратить вниманіе ректора на изъясненныя выше обстоятельства.

Всѣ, знавшіе почтеннаго Ив. Яков. Нейкирха, уже пожилаго, строгаго семьянина, скромнаго, нѣсколько педантическаго ученаго, жившаго только въ кругу своей семьи по образцамъ старо-нѣмецкой патріархальности,—всѣ, говорю, такіе люди никакъ не могутъ вообразить его въ роли Жоржъ-Зандъ, разрушающимъ семейныя основы, покровителемъ свободной любви, легкомысленнымъ соучастникомъ „эманципированной" женщины.

Въ 1852 г. А. И. Селинъ защищалъ свою докторскую диссертацію: „О драматической поэзіи въ Россіи, преимущественно о комедіи въ XVIII в.". Факультетъ, по обычаю, одобрилъ тезисы и представилъ ректору, который въ свою очередь одобрилъ ихъ, но за исключеніемъ въ 21 положеніи слѣдующихъ словъ: „существенное отличіе современной русской поэзіи—неясность идеала, *тоска*". Нельзя думать, чтобы „тосковать" воспрещалось тогда цензурнымъ уставомъ; но, вѣроятно, тезисъ показался подозрительнымъ по отношенію къ предыдущему: „Послѣ нашествія Наполеона въ русскомъ обществѣ весьма замѣтно начало обнаруживаться стремленіе отрѣшиться отъ условій общественности европейской, данныхъ Петромъ Великимъ".

Возможность самостоятельныхъ научныхъ изслѣдованій сокращалась: а) особыми распоряженіями, непосредственно относящимися къ научнымъ выводамъ, б) общими цензурными постановленіями какъ по отношенію къ научнымъ произведеніямъ русской литературы *), такъ

---

*) Министръ народнаго просвѣщенія въ 1853 г. замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ все еще встрѣчались народныя преданія, таковы напр.: *заговоры, наговоры* и *заклятія,* напечатанныя въ *Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній* г. Калачева. Министръ предписалъ, что эти остатки вреднаго суевѣрія, не имѣющіе и въ ученомъ отношеніи никакого значенія, вовсе не

и къ пользованію учеными произведеніями иностранной печати. Для университетской науки всего бѣдственнѣе было воспрещеніе получать иностранныя научныя изслѣдованія, особенно естественно-историческія, и сочиненія по государственному праву. Безусловно запрещенныя книги не выдавались вовсе. Книга запрещенная, но не безусловно, если она была выписана профессоромъ для себя и ему выдана, оставляема была въ его рукахъ подъ его отвѣтственностію, за особою подпискою *).

Личная ученая продуктивность Университета видна изъ слѣдующей таблицы о числѣ лицъ, получившихъ степень магистра и доктора за 7-лѣтіе 1849—1855 гг.

ГОДЫ.	Историко-филологическаго факультета		Физико-математическ. факультета.		Юридическаго факультета.		Медицинскаго факультета.
	магистр.	доктор.	магистр.	доктор.	магистр.	доктор.	доктор.
1849 .	1	1					
1850 .	—	1	5	—	—	—	2
1851 .	—	—	—	2	—	1	—
1852 .	—	2	—	—	1	—	3
1853 .	—	—	2	1	—	—	2
1854 .	1	—	1	—	—	—	1
1855 .	—	—	—	—	—	—	2
Итого .	2	4	8	3	1	1	10

должны быть допускаемы къ печати. Въ 1854 г. министръ народнаго просвѣщенія писалъ управляющему Кіевскимъ учебнымъ округомъ, что въ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ нашихъ нерѣдко печатаются историческіе матеріалы, изслѣдованія, народныя пѣсни и пр., относящіеся къ смутнымъ явленіямъ нашей исторіи, какъ-то: ко временамъ Пугачева, Стеньки Разина и т. под., а подобныя сочиненія и статьи, напоминающія общественныя бѣдствія и внутреннія страданія отечества, ознаменованныя буйствомъ, возстаніями, кровавыми злодѣйствами и всякаго рода нарушеніями государственнаго порядка, при всей благонамѣренности авторовъ и самыхъ статей ихъ, неумѣстны и оскорбительны для народнаго чувства (Дѣло совѣта 1854 г. № 56).

*) Испр. долж. адъюнкта А. С. Роговичъ представилъ въ совѣтъ такой рапортъ: „На основаніи предложенія совѣта отъ 17 октября 1851 года за № 2645, честь имѣю представить въ совѣтъ Университета росписку въ томъ, что запрещенное для публики сочиненіе *Шлейдена* „Die Pflanze und ihr Leben", обязываюсь хранить для собственнаго моего употребленія, отнюдь не сообщая онаго посторонним лицамъ" (Дѣло совѣта 1851 г. № 24).

Изъ этого видно, что пріобрѣтеніе высшихъ ученыхъ степеней усилилось на физико-математическомъ и медицинскомъ факультетахъ (на первомъ всѣхъ 11 случ., на второмъ 10); нѣсколько конкурируетъ съ этими факультетами — историко-филологическій (6 случ.); но юридическій представляетъ совершенное паденіе личной ученой производительности. Такъ и слѣдовало ожидать въ ту эпоху, когда покровительствовались лишь науки точныя; гуманныя-же, особенно юридическія, поставлены были подъ особый надзоръ. Всѣ четыре доктора историко-филологическаго факультета (Н. Х. Бунге, С. С. Гогоцкій, Н. Т. Костырь и А. И. Селинъ) были преподавателями того-же факультета. Единственный докторъ юридическаго факультета—К. А. Митюковъ.

Такъ какъ ученo-литературная дѣятельность профессоровъ тѣсно связана съ производствомъ въ высшія ученыя степени, то, очевидно, нельзя ожидать, что мы встрѣтимъ въ эту эпоху много изслѣдованій въ области гуманныхъ и юридическихъ наукъ.

Тѣ, впрочемъ немногіе, ученые профессорскіе труды, которые произведены въ эту эпоху, одолжены своимъ появленіемъ въ печати стремленію Бибикова направить занятія членовъ университета на изученіе губерній его округа въ естественно-историческомъ, промышленномъ и сельско-хозяйственномъ отношеніяхъ. Эти отрасли знаній онъ вообще признавалъ и цѣнилъ, а, главное, дорожилъ ими ради прикладной, административной цѣли, т. е. въ приложеніи ихъ къ тому краю, которымъ онъ управлялъ.

Въ 1848 году профес. Кесслеръ и Роговичъ задумали совершить ученую поѣздку на Кавказъ. Разсматривая докладъ о такой командировкѣ, Бибиковъ выразилъ мысль: Университетъ разсѣеваетъ свои силы для изслѣдованія разныхъ отдаленныхъ краевъ; но достаточно-ли изслѣдованы губерніи его округа? Запросъ немедленно былъ сообщенъ совѣту Университета, который отвѣчалъ, что во многихъ отношеніяхъ есть весьма цѣнныя изслѣдованія юго-западнаго края, совершонныя частію членами Университета св. Владиміра, частію сторонними лицами и сослался на минералогическія и геогностическія изслѣдованія Андржеіовскаго, Эйхвальда, Мурчисона и др.; на ботаническіе труды Юндзила, Бессера, Эйхвальда, Гильденштедта, на зоологическія Эйхвальдта, Андржеіовскаго и Кесслера. Совѣтъ доводилъ до свѣдѣнія

генералъ-губернатора, что наличные члены физико-математическаго факультета: Траутфеттеръ, Кесслеръ, Ѳеофилактовъ, Роговичъ и садовникъ Гохгутъ, во время постоянныхъ своихъ экскурсій, собрали массу матеріаловъ, которые не публикованы только по недостатку денежныхъ средствъ. Дѣйствительно Траутфеттеръ, Кесслеръ, Ѳеофилактовъ и Роговичъ совершали лѣтнія экскурсіи въ юго-западныя губерніи почти каждый годъ, начиная съ первыхъ лѣтъ своего пребыванія въ Кіевѣ и обогащали университетскія коллекціи большимъ количествомъ цѣнныхъ находокъ. Въ поѣздкахъ принимали участіе и проф. Мирамъ и Вальтеръ *).

Генералъ-губернаторъ распорядился приготовить сдѣланныя уже наблюденія для изданія ихъ отъ имени Университета; физико-математическій факультетъ составилъ планъ описанія губерній Кіевскаго округа въ геологическомъ, ботаническомъ и зоологическомъ отношеніяхъ. Но, Бибиковъ, утверждая этотъ планъ, тѣмъ не менѣе нашелъ его одностороннимъ и приказалъ присоединить еще описаніе въ географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. При такомъ расшире-

---

*) Въ 1843 г. ѣздили: Кесслеръ, Траутфеттеръ и Роговичъ; въ 1844 г. Кесслеръ и Траутфеттеръ; въ 1845 г. Кесслеръ весною дѣлалъ экскурсію около Кіева, а затѣмъ отправился за границу; въ 1846 г. Кесслеръ ѣздилъ по Днѣпру и изучалъ рыбъ этой рѣки. Съ того времени, какъ Бибиковъ обратилъ вниманіе на это дѣло, въ 1849 г. и 1850 г. экскурсіи профессоровъ продолжались прежнимъ порядкомъ. Въ 1849 г. Кесслеръ совершилъ двѣ поѣздки по губерніямъ Полтавской, Черниговской, Кіевской и Подольской. Онъ пріобрѣлъ въ эти поѣздки для зоологическаго кабинета Университета св. Владиміра 23 животныхъ млекопитающихъ, около 40 птицъ, превосходные экземпляры всѣхъ нашихъ видовъ ящерицъ, двухъ черныхъ змѣй, значительныя коллекціи насѣкомыхъ, науковъ и тысяченогихъ и нѣкоторые другіе предметы. К. М. Ѳеофилактовъ совершилъ поѣздку по Кіевской губерніи: результаты были изложены въ приготовленномъ имъ подробномъ описаніи кристаллическихъ породъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской, которое имѣло быть помѣщено въ Естественно-Историческомъ описаніи губерній Кіевскаго учебнаго округа. Сверхъ того, вслѣдствіе этой поѣздки, минералогическій кабинетъ Университета св. Владиміра обогатился коллекціею органическихъ остатковъ въ числѣ 250 номеровъ и коллекціею горныхъ породъ въ числѣ 130 номеровъ. А. С. Роговичъ совершилъ поѣздку по губерніямъ Черниговской и Полтавской, и собралъ для университетскаго гербарія до 1000 видовъ разныхъ растеній въ 3600 экземплярахъ—довольно полную коллекцію растеній тѣхъ именно странъ Кіевскаго учебнаго округа, которыя до тѣхъ поръ въ ботаническомъ отношеніи были почти совершенно неизвѣстны. Этою богатою коллекціею открылась возможность приступить къ изданію ботанической части Естественно-Историческаго описанія губерній Кіевскаго учебнаго округа.

ніи задачи, явилась мысль объ учрежденіи „коммиссіи для описанія губерній Кіевскаго учебнаго округа“.

Были составлены обширныя програмы по географіи и статистикѣ края. Къ началу 1851 года мысль Бибикова достигла полнаго осуществленія: уставъ коммиссіи для описанія губерній Кіевскаго учебнаго округа былъ утвержденъ 22 декабря 1850 г.

Бибиковъ опредѣлилъ предсѣдателемъ этой коммиссіи помощника попечителя Кіевскаго учебнаго округа М. В. Юзефовича, вице-предсѣдателемъ ректора Университета св. Владиміра, членами профессоровъ Университета, изъявившихъ уже желаніе участвовать въ составленіи естественной исторіи края, именно: Ѳедорова и Кесслера и адъюнктовъ Ѳеофилактова и Роговича, а секретаремъ старшаго чиновника особыхъ порученій при Кіевскомъ гражданскомъ губернаторѣ Журавскаго. Въ послѣдствіи должность ученаго секретаря коммиссіи принялъ на себя Н. Х. Бунге, но въ октябрѣ 1854 г. просилъ его уволить. Назначенъ былъ опять Журавскій, главный дѣлецъ по внѣшнимъ дѣйствіямъ коммиссіи.

Что касается до устава коммиссіи, то существенныя черты его таковы: коммиссія состоитъ подъ главнымъ руководствомъ Кіевскаго генералъ-губернатора изъ предсѣдателя, вице-предсѣдателя и членовъ въ неопредѣленномъ числѣ. При ней полагается ученый секретарь съ нужнымъ числомъ писцевъ. Члены коммиссіи раздѣляются на: 1) дѣйствительныхъ членовъ, 2) сотрудниковъ (членовъ - корреспондентовъ), 3) почетныхъ членовъ и 4) соревнователей. Предсѣдатель и вице-предсѣдатель, а также всѣ вообще члены коммиссіи изъ постороннихъ ученому университетскому сословію лицъ, опредѣляются генералъ-губернаторомъ; каждый-же членъ ученаго университетскаго сословія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствительный членъ коммиссіи, коль скоро изъявитъ предсѣдателю, письменнымъ отзывомъ, желаніе участвовать въ трудахъ ея *).

Средства для коммиссіи извлекаемы были Бибиковымъ отъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, которые получали весьма почетныя приглашенія быть членами ея съ денежнымъ (весьма значительнымъ) взносомъ и вмѣстѣ обѣщанія, что дѣйствія коммиссіи будутъ весьма полезны

---

*) Дѣло совѣта 1851 г. № 14.

имъ самимъ въ сельско-хозяйственныхъ операціяхъ. Немногіе имѣли храбрость отказаться. Нѣкоторые такіе члены принесли пользу коммиссіи даже въ научномъ отношеніи.

Но главныя рабочія силы ея были профессора Университета; имъ и пришлось продолжать свои поѣздки, начатыя гораздо раньше коммиссіи и независимо отъ нея *).

---

*) Поѣздки совершались въ лѣтнее—каникулярное время и не мѣшали отправленію профессорскихъ обязанностей по университету. Въ іюнѣ 1853 г. былъ командированъ А. С. Роговичъ для изслѣдованія флоры въ Кіевскую, Подольскую и Волынскую губерніи (съ пособіемъ въ 200 руб. изъ суммъ коммиссіи). Въ 1854 г. былъ командированъ онъ-же въ губерніи Кіевскую, Полтавскую, Черниговскую и восточную часть Подольской (съ пособіемъ въ 300 р.). Такую-же поѣздку онъ повторилъ и въ 1855 г. Весною 1856 т. профес. Роговичъ отправился въ Полтавскую губернію для собиранія луковичныхъ растеній. Хотя эту поѣздку Роговичъ совершилъ менѣе, чѣмъ въ три недѣли и безъ всякаго пособія со стороны коммиссіи и Университета, но успѣлъ доставить въ гербарій Университета 300 экз. луковицъ и 5'Ю луковицъ разныхъ родовъ для ботаническаго сада. Свои экскурсіи онъ продолжалъ и въ 1857 и въ 1858 годахъ.

Въ то-же время другой ботаникъ—ректоръ Университета Траутфеттеръ отправился на ученую экскурсію въ губернію Подольскую и Бессарабскую область.

Еще раньше приступлено было къ геогностическому описанію Кіевскаго учебнаго округа и составленію карты, по одному плану, заранѣе намѣченному. Именно, въ 1852 г. мнѣніе объ этомъ проф. Өеофилактова было представлено начальникомъ округа на утвержденіе министра и было утверждено. Поэтому въ 1853 г. проф. Өеофилактовъ приступилъ къ дѣлу посредствомъ экскурсій въ разные уѣзды Кіевской губерніи. Начавъ съ Кіевской губерніи, онъ надѣялся окончить составленіе описанія и карты этой губерніи въ 3 или 4 года, употребляя на экскурсіи ежегодно не менѣе 4-хъ-лѣтнихъ мѣсяцевъ. Экскурсіи производились съ мая по сентябрь, съ издержками въ 400 р. каждый годъ. Командировки проф. Өеофилактова исходили не отъ коммиссіи, а отъ Университета. Въ 1854 г. совершена экскурсія въ уѣзды Таращанскій, Уманскій, Звенигородскій и Чигиринскій; она, кромѣ главной цѣли, привела также къ снабженію Университета нѣсколькими ящиками минераловъ.

Въ началѣ слѣдующаго года К. М. Өеофилактовъ былъ командированъ въ уѣзды Чигиринскій, Черкасскій, Каневскій, Васильковскій и Сквирскій; но изъ нихъ Сквирскій и Каневскій уѣзды изслѣдователь посѣтить не успѣлъ. Перечень результатовъ была представлена въ краткомъ отчетѣ, и затѣмъ въ двухъ запискахъ генералъ-губернатору о возможности открытія каменнаго угля въ Кіевской губерніи и возможности устройства артезіанскаго колодца въ г. Кіевѣ; обѣ записки разсмотрѣны и разобраны академикомъ Гельмерсеномъ.

Собираясь въ поѣздку лѣтомъ 1856 г. профес. Өеофилактовъ имѣлъ въ виду, кромѣ общаго геогностическаго осмотра уѣздовъ Черкасскаго и Каневскаго, произвести развѣдки каменнаго угля посредствомъ буренія и изслѣдовать мѣсторожденія болотной желѣзной руды въ Радомысльскомъ уѣздѣ.

Единственною заслугою коммиссіи остается изысканіе средствъ для изданія „Описанія губерній Кіевскаго учебнаго округа". Самыя-же работы профессоровъ не встрѣчали никакихъ поощреній отъ коммиссіи.

Изслѣдованія ихъ, какъ вошедшія въ „Описаніе губерній Кіевскаго учебнаго округа", такъ и не вошедшія, принесли прочную славу и честь Университету; но съ „Коммиссіею" они стояли въ нѣкоторой связи лишь въ началѣ; только одинъ Роговичъ получалъ иногда незначительныя пособія отъ коммиссіи, прочіе были командируемы непосредственно Университетомъ.

Ученая дѣятельность по другимъ отраслямъ наукъ (исторіи и юриспруденціи) частію группировалась вокругъ археографической коммиссіи (такъ называемой „временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ", основанной въ 1843 г.) и сосредоточивалась въ лицѣ Н. Д. Иванишева, частію принадлежала отдѣльной иниціативѣ частныхъ членовъ профессорской коллегіи.

Что касается до археографической коммиссіи, то дѣйствія ея, какъ не принадлежащей къ Университету, не подлежатъ суду его исторіи. Впрочемъ дѣятельность Иванишева въ этой сферѣ достаточно оцѣнена въ трудѣ профес. А. В. Романовича-Славатинскаго, и отчасти указана нами въ своемъ мѣстѣ. Его патріотическая заслуга въ уясненіи прошлыхъ отношеній этого края къ польской націи, и вмѣстѣ правдивость и точность историческихъ изслѣдованій нынѣ общепризнаны. Онъ также нерѣдко совершалъ экскурсіи по юго-западному краю, что иногда вредило правильному отправленію имъ должности декана.

Что касается фауны юго-западнаго края, то за изслѣдованіе ея взялся проф. Кесслеръ. Въ 1850 г. онъ совершилъ двѣ экскурсіи (первую съ Роговичемъ, Шустерусомъ, Трулемъ и студ. Ильяшенко). Въ слѣдующія года онъ совершалъ поѣздки иногда въ сопровожденіи профес. А. П. Матвѣева и успѣлъ организовать цѣлую систему корреспонденцій въ разныхъ углахъ края, преимущественно изъ своихъ учениковъ-студентовъ. Съ 1852 по 1856 гг. экскурсіи Кесслера имѣли исключительною цѣлію изученіе рыбъ и направлялись на Днѣпръ, Бугъ и Днѣстръ. Когда уже настали иныя времена, именно въ 1858 г. онъ потребовалъ командировки къ устьямъ Буга, Днѣпра и Днѣстра и вообще къ берегамъ Чернаго моря, ибо рыбы, не признавая границъ ни учебнаго округа, ни генералъ-губернаторства, переплывали безпрепятственно изъ моря въ рѣки и подымались по этимъ послѣднимъ. Кесслеръ признавалъ необходимымъ наблюдать при исходномъ пунктѣ ихъ переселенія, т. е. въ устьяхъ рѣкъ. Онъ надѣялся, идя по слѣдамъ Нордмана, пополнить наблюденія этого послѣдняго.

Въ 1849 г. онъ совершилъ поѣздку для собиранія свѣдѣній о жизни кн. Курбскаго на Волыни, результатомъ чего было извѣстное изданіе коммиссіи объ этомъ предметѣ. Въ 1850 г. онъ былъ командированъ въ м. Бичаль Волынской губерніи для открытія рукописей въ куполѣ тамошней церкви. Въ 1852 г. онъ работалъ въ разныхъ частныхъ архивахъ Волынской губерніи и вывезъ значительное число открытыхъ имъ актовъ. Въ 1855 году онъ былъ командированъ въ Луцкъ. Но не въ археологическихъ находкахъ и открытіяхъ заключается главная заслуга Иванишева: кромѣ изслѣдованій, установившихъ правильную точку зрѣнія почти на всѣ вопросы прошлой исторіи западнаго края, ему принадлежитъ честь установленія плана изданій коммиссіи, а главное—основанія центральнаго архива въ Кіевѣ, а въ слѣдствіе того и въ Вильнѣ и въ Витебскѣ *).

Въ тѣ-же дни профес. А. А. Ѳедотовъ-Чеховскій, по собственному почину совершалъ отдаленныя экскурсіи совсѣмъ въ другомъ направленіи и съ другими цѣлями. Два года подрядъ (1853 и 1854) бралъ онъ командировки въ столицы на лѣтніе мѣсяцы для занятій въ архивѣ сената, министерства юстиціи и для ознакомленія съ дѣлопроизводствомъ межеваго департамента, и съ цѣлію выбрать новую серію печатныхъ записокъ рѣшенныхъ въ сенатѣ дѣлъ для практическихъ занятій студентовъ. Его путешествіе представляетъ характерную одиссею ученыхъ странствованій съ препятствіями. Получилъ онъ командировку 10 мая, а къ 10 сентября былъ уже дома, и въ это время со-

---

*) Единственною связію между коммиссіею для разбора древнихъ актовъ и Университетомъ было учрежденіе при Университетѣ центральнаго архива (по мысли Н. Д. Иванишева), на которомъ, преимущественно, сосредоточивались работы коммиссіи. Въ указѣ 2-го апрѣля 1852 г. было заявлено, что правительство обратило „особенное вниманіе на древнія актовыя книги, такъ называемыя гродскія, земскія и мѣстскія, важныя въ археологическомъ отношеніи и составляющія единственный въ своемъ родѣ матеріалъ для отечественной исторіи и для дворянскихъ родовъ". Для храненія ихъ были учреждены въ Кіевѣ, Витебскѣ и Вильнѣ центральные архивы. Непосредственное наблюденіе надъ Кіевскимъ центральнымъ архивомъ возложено было на правленіе Университета. Въ распоряженіе генералъ-губернатора было отпущено 2000 р. на расходы по доставленію книгъ въ Кіевъ. Въ архивъ должны были поступить книги по 1799 г. включительно. При этомъ предписывалось, чтобы при собраніи книгъ, находящихся у частныхъ лицъ, полицейскіе чиновники не дозволяли себѣ никакихъ притѣснительныхъ и противозаконныхъ дѣйствій.

вершилъ слѣдующее. Въ архивѣ министерства юстиціи онъ намѣтилъ 54 акта; но лично списать ихъ не успѣлъ; на это, по его разсчету требовалось не менѣе трехъ мѣсяцевъ. Тогда онъ рѣшился поручить это дѣло И. Д. Бѣляеву; но для этого надо было вновь ходатайствовать предъ министерствомъ юстиціи; ходатайство пошло чрезъ оберъ-прокурора общаго собранія Московскихъ департаментовъ сената. Тѣмъ временемъ срокъ командировки Ѳедотова-Чеховскаго кончился и онъ долженъ былъ вернуться въ Кіевъ; здѣсь уже, черезъ полгода онъ получилъ оффиціальное увѣдомленіе, что просьба его признана *не подлежащею удовлетворенію.* Списывать акты (XV и XVI вв.) можно было только лично, а не черезъ довѣреннаго, хотя-бы такимъ повѣреннымъ былъ такой-же профессоръ. Поэтому Ѳедотову-Чеховскому оставалось только возобновить просьбу о дозволеніи *лично* ему снять эти копіи и для этого просить *новой командировки въ Москву* (на три мѣсяца во время каникулъ)! Такъ нелегко достается профессорамъ провинціальныхъ университетовъ добываніе матеріаловъ научныхъ занятій. Къ удивленію не болѣе предупредительности встрѣтилъ онъ въ учрежденіи ученомъ — археографической (Петербургской) коммиссіи. „*Подъ честнымъ словомъ* (пишетъ онъ) *не печатать* подлинниковъ, а только воспользоваться ихъ содержаніемъ для моего разсужденія о правыхъ грамотахъ, ученый Коркуновъ дозволилъ мнѣ снять, и я снялъ копіи всего съ 30 актовъ... Жалко уже и то, что я связанъ честнымъ словомъ не печатать снятыхъ мною копій; но несравненно болѣе надлежитъ сожалѣть о томъ, что болѣе 600 старинныхъ актовъ гражданскихъ приговорено археологическою коммиссіею на заключеніе въ архивныхъ шкафахъ"... Лишь публичная библіотека, благодаря А. Ѳ. Бычкову, не оставила въ немъ никакихъ горькихъ воспоминаній.

Но самыя горькія воспоминанія онъ вывезъ изъ сената: „ни въ чемъ министерство юстиціи оффиціально не подчинило меня такимъ стѣснительнымъ ограниченіямъ, какъ въ выдачѣ докладныхъ сенатскихъ записокъ... Мнѣ не выдали изъ архивовъ сената ни одной писанной докладной записки (разрѣшено было выдать печатныя), ни одной записки, въ коей рѣшено дѣло на основаніи указовъ до изданія свода законовъ, хотя эти указы напечатаны въ полномъ собраніи законовъ и какъ дѣйствующіе вошли въ сводъ,—ни одной записки, коей или не истекло полныхъ 10 лѣтъ, или уже миновало 20, 30 лѣтъ и

болѣе, хотя и понятно, что чѣмъ древнѣе записка, тѣмъ менѣе можетъ настоять въ ней интереса и нужды судебному мѣсту"...

Въ маѣ слѣдующаго года Ѳедотовъ-Чеховскій самоотверженно отправился въ новый путь въ Москву, за списываніемъ правыхъ грамотъ, которыхъ не позволили списать для него И. Д. Бѣляеву. На сей разъ онъ благополучно списалъ ихъ до 113 (XV—XVIII вв.).

Результатомъ этихъ поѣздокъ для науки было изданіе А. А. Ѳедотовымъ-Чеховскимъ двухъ томовъ: „Актовъ, относящихся до гражданской расправы". Къ сожалѣнію это богатое собраніе весьма цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ, большею частію нигдѣ не напечатанныхъ, доселѣ не выпущено въ свѣтъ, хотя отпечатано 25 лѣтъ тому назадъ. Мы слышали отъ издателя, что онъ приготовляется ихъ выпустить ко дню юбилея нашего Университета.

Въ тяжкую годину неподсильной борьбы Россіи почти съ цѣлою Европою, особенная дѣятельность медицинскаго факультета состояла не въ ученыхъ трудахъ профессоровъ, но въ дѣятельной практической помощи страдавшей арміи со стороны нѣсколькихъ профессоровъ и студентовъ, командированныхъ для этой цѣли въ Севастополь. Починъ вышелъ изъ среды самихъ профессоровъ, именно отъ проф. Гюббенета. Профес. Гюббенетъ въ письмѣ къ кн. Васильчикову объяснилъ, что онъ искренно желаетъ быть полезнымъ нашимъ воинамъ, подвизающимся въ настоящую войну за отечество и потому просилъ ходатайства о командированіи его, хотя на нѣкоторое время, въ Крымъ для поданія на самомъ мѣстѣ хирургическаго пособія преимущественно тѣмъ раненымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, которые, по свойству ихъ ранъ, требуютъ операцій болѣе трудныхъ и сложныхъ, и кн. Меншиковъ распорядился о немедленномъ отправленіи его къ главной квартирѣ вблизи Севастополя для дальнѣйшаго назначенія.

Вслѣдъ затѣмъ 22 своекоштныхъ студента медицинскаго факультета Университета св. Владиміра подали начальнику округа прошенія о дозволеніи имъ отправиться въ Крымъ вмѣстѣ съ профес. Гюббенетомъ. Генералъ-губернаторъ предоставилъ Гюббенету избрать изъ числа просившихся четырехъ студентовъ, и онъ, вслѣдствіе того, избралъ Давида Выводцева, Людвига Маровскаго, Николая Гарніера и Игнатія Вишневскаго.

Дѣятельность командированныхъ въ Крыму видна отчасти изъ слѣдующаго приказа по севастопольскому гарнизону (28 апр. 1855 г.): „Въ настоящее время обороны Севастополя, медицинскіе чиновники, подвизающіеся на трудномъ поприщѣ, явили опыты примѣрнаго самоотверженія; большая часть изъ нихъ перенесли тяжкія болѣзни, и многіе сдѣлались жертвою неимовѣрныхъ трудовъ. Но исчисленныя заслуги имѣютъ въ особенности операторы, подвизающіеся, при самомъ маломъ отдыхѣ, денно и нощно до истощенія силъ". Проф. Гюббенетъ былъ оставленъ при арміи до сентября 1855 г. Государь собственноручно написалъ: „Присутствіе его въ Севастополѣ было и будетъ весьма полезнымъ" *).

Между тѣмъ въ арміи все больше и больше ощущался недостатокъ врачей. Въ началѣ 1856 года военное начальство представило о необходимости командировать туда изъ ближайшихъ университетовъ профессоровъ и студентовъ медицинскаго факультета для пользованія воиновъ отъ появившихся болѣзней тифа и поноса.

Ректоръ Университета св. Владиміра 1 марта 1856 г., посовѣтовавшись со всѣми преподавателями медицинскаго факультета, представилъ начальнику округа слѣдующее соображеніе. Профессора Алферьевъ и Мерингъ, считая долгомъ своимъ жертвовать собою для пользы Царя и отечества, изъявили желаніе отправиться въ сказанную командировку.

Что-же касается 8 казеннокоштныхъ студентовъ, которые должны были отправиться вмѣстѣ съ гг. Алферьевымъ и Мерингомъ, то ректоръ полагалъ, согласно съ мнѣніемъ медицинскаго факультета, командировать воспитанниковъ 8-го семестра: Константина Грабовскаго, Александра Гумберга, Сильвестра Кладкевича, Ѳедора Кривушу, Павла Малюгу, Михаила Митаревскаго, Генриха Сангайла и Оттона Халецкаго. По мнѣнію ректора, суточныя по положенію деньги для студентовъ, не получающихъ жалованья наравнѣ съ чиновниками, находящимися въ командировкѣ, будутъ совершенно недостаточны для ихъ содержанія и поэтому онъ считалъ необходимымъ назначить имъ въ добавокъ къ суточнымъ деньгамъ еще штатное содержаніе лѣкаря военаго вѣдомства.

---

*) Дѣло совѣта 1855 г. № 138.

Когда было объявлено своекоштнымъ воспитанникамъ медицинскаго факультета о томъ, кто изъ нихъ желаетъ быть командированнымъ вмѣстѣ съ проф. Алферьевымъ и Мерингомъ въ мѣста расположенія войскъ южной арміи для подачи медицинскаго пособія заболѣвающимъ воинамъ, то 27 воспитанниковъ подали просьбы ректору, въ которыхъ изъявили готовность быть командированы. 23-го марта 1856 г., Государь собственноручно написалъ: „Надѣюсь, что въ нихъ надобности теперь не будетъ, и что ихъ можно будетъ воротить къ своимъ мѣстамъ. Во всякомъ случаѣ благодарю за похвальное усердіе".

Въ маѣ 1856 г. Государь, по ходатайству военнаго министра, разрѣшилъ: профессоровъ Университета св. Владиміра Алферьева и Меринга, по исполненіи въ Крыму даннаго имъ порученія, если дальнѣйшее ихъ пребываніе на этомъ полуостровѣ не будетъ болѣе необходимымъ, съ возстановленіемъ сообщеній съ Турціею, отправить въ Константинополь, для продолженія изслѣдованій причинъ, свойства и особенностей развившейся на югѣ тифозной горячки, и опредѣленія способовъ къ ея лѣченію.

Министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ военному министру о затрудненіяхъ, въ которыя поставляется Университетъ откомандировкою этихъ профессоровъ. Когда такой отзывъ его былъ доложенъ Государю, то Государь, имѣя въ виду, что неудобства отъ кратковременной командировки двухъ профессоровъ заграницу съ избыткомъ вознаградится тѣми полезными свѣдѣніями, собраніе которыхъ имъ поручено, собственно и въ отношеніи медицинскихъ наукъ, повелѣлъ сдѣланныя уже распоряженія на счетъ командированія ихъ въ Константинополь оставить въ своей силѣ. Впрочемъ обѣщано было, что профессора возвратятся обратно не далѣе сентября мѣсяца 1856 года.

Такимъ образомъ высокая патріотическая и гуманная миссія профессоровъ-медиковъ приведена была къ почетному концу.

Командированные студенты удостоились въ свою очередь Высочайшаго благоволенія *).

---

*) Дѣло совѣта 1856 г. № 5.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Перемѣны въ бытѣ студентовъ.

Число студентовъ и условія пріема. Эпоха 1849—1855 годовъ въ исторіи студенчества достопримѣчательна не менѣе, чѣмъ въ исторіи каѳедръ и профессорской коллегіи.

Мы знаемъ, что уже давно было обращено вниманіе какъ вообще на число и составъ университетскихъ слушателей, такъ и въ особенности на наплывъ въ Университетъ молодежи изъ низшихъ классовъ общества. Но гр. Уваровъ, уступая въ нѣкоторыхъ частностяхъ стремленію закрыть доступъ въ Университетъ для этихъ послѣднихъ, въ общемъ успѣвалъ еще сдерживать его; приняты были лишь косвенныя мѣры: плата за слушаніе лекцій и уничтоженіе разряда приватныхъ слушателей. Въ послѣдній годъ министерства Уварова, видимо безо всякаго съ его стороны участія, явилась прямая и непосредственная мѣра къ сокращенію числа студентовъ, именно введено штатное число ихъ. 30 апрѣля 1849 г. статсъ-секретарь Танѣевъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что Государь соизволилъ, чтобы штатъ студентамъ въ университетахъ ограниченъ былъ числомъ 300 въ каждомъ, съ воспрещеніемъ пріема студентовъ, пока наличное число не войдетъ въ этотъ размѣръ. Вмѣстѣ съ этимъ заявлена была воля Императора, чтобы при будущихъ пріемахъ въ студенты избирать самыхъ отличныхъ по нравственности *).

Получивъ такое неожиданное повелѣніе, гр. Уваровъ рѣшился обратиться къ Наслѣднику Цесаревичу и испросить его указаній. Цесаревичъ (покойный государь Александръ Николаевичъ) на представленіи Уварова надписалъ: „представить на Высочайшее благоусмотрѣніе“. Вслѣдствіе того министръ вошелъ съ докладомъ къ Государю о необходимости нѣсколько измѣнить повелѣніе 30 апрѣля, обративъ его вниманіе на слѣдующія обстоятельства: при университетахъ полагаются казеннокоштные студенты и пансіонеры разныхъ вѣдомствъ; такихъ въ Университетѣ св. Владиміра было тогда 130, а по всѣмъ

---

*) Сборн. постан. по мин. нар. просв. т. II, отд. II, № 1094.

университетамъ 672 человѣка. „Что касается до вступающихъ въ медицинскіе факультеты будущихъ врачей, то требованіе на нихъ такъ велико, что непоступленіе ихъ хотя одинъ разъ въ университеты можетъ значительно уменьшить число ожидаемыхъ военнымъ начальствомъ медиковъ... Равномѣрно прекращеніе на время пріема богословскихъ студентовъ въ Дерптскомъ университетѣ должно затруднить лютеранское духовное начальство въ назначеніи пасторовъ въ вакантные приходы“ *). На этомъ докладѣ послѣдовала 11 мая такая резолюція: „Объ казенныхъ (студентахъ) и рѣчи нѣтъ; приказаніе касается до вольноприходящихъ и до слушателей. Въ медицинскій факультетъ принимать можно неограниченное число, но съ условіемъ строгой нравственности; затѣмъ, *съ этими,* не дозволять, чтобы общее число вольныхъ превосходило 300 человѣкъ“.

Такимъ образомъ представленіе Уварова достигло цѣли лишь относительно казеннокоштныхъ студентовъ: они не включаются въ обязательное maximum 300; стало быть въ Университетѣ св. Владиміра могло быть уже 430 студентовъ. О богословскомъ факультетѣ Дерптскаго университета Государь вовсе умолчалъ; судьба-же медицинскихъ факультетовъ осталась неясною: по буквальному смыслу резолюціи выходило, что неограниченное число медиковъ должно однако включиться въ обязательное штатное число студентовъ цѣлаго Университета, т. е. на медицинскіе факультеты можно принимать сколько угодно, но съ тѣмъ, чтобы число медиковъ, взятое вмѣстѣ съ числомъ студентовъ прочихъ факультетовъ, не превышало 300. Но такое буквальное толкованіе едвали было-бы правильно, такъ какъ и въ повелѣніи 30 апрѣля не предписывалось никакого обязательнаго maximum'а студентовъ по факультетамъ, и не представлялось повода испрашивать особаго Высочайшаго повелѣнія о пріемѣ бóльшаго числа студентовъ на тотъ или другой факультетъ. Однако всѣ поняли тогда повелѣніе 30 апрѣля въ буквальномъ его смыслѣ. Дѣло оставалось не разъясненнымъ до сентября **).

---

*) Ibid. № 1096.

**) Что касается Дерптскаго университета, то уже 21 августа Танѣевъ сообщилъ гр. Уварову, что Государь, по представленію рижскаго генералъ-губернатора кн. Суворова о томъ, чтобы не распространять на Дерптскій университетъ ограниченіе числа студентовъ, согласился: не ограничивать числа поступающихъ на медицинскій

Кіевскій генералъ-губернаторъ 31-го мая 1849 года увѣдомилъ совѣтъ, что министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ ему повелѣнія 30 апрѣля и 11-го мая въ слѣдующемъ видѣ: 1) Число своекоштныхъ студентовъ и вольныхъ слушателей въ каждомъ Университетѣ ограничить тремя стами (300). 2) Въ тѣхъ университетахъ, гдѣ число своекоштныхъ студентовъ и вольныхъ слушателей превышаетъ нормальное количество трехсотъ, воспретить пріемъ ихъ доколѣ наличное число не войдетъ въ установленный нынѣ размѣръ. 3) Въ медицинскіе факультеты принимать и своекоштныхъ неограниченное число, но съ условіемъ строгой нравственности и съ тѣмъ чтобы *вмѣстѣ съ ними* число своекоштныхъ студентовъ и вольныхъ слушателей не превосходило трехсотъ человѣкъ. 4) Пріемъ казенныхъ и отъ правительства назначаемыхъ студентовъ положенныхъ при университетахъ, какъ штатными, такъ и особыми положеніями продолжать на прежнемъ основаніи. 5) При будущихъ пріемахъ въ студенты избирать однихъ самыхъ отличныхъ по нравственному образованію. Сообщая объ этомъ совѣту Университета св. Владиміра Д. Г. Бибиковъ прибавилъ, что уже сдѣлалъ распоряженіе о опубликованіи посредствомъ губернскихъ вѣдомостей и чрезъ директоровъ гимназій, что въ томъ году пріема въ Университетъ св. Владиміра не будетъ.

По поводу этого распоряженія совѣтъ Университета представилъ генералъ-губернатору о разныхъ затрудненіяхъ, встрѣчающихся при его исполненіи. Въ разрѣшеніе ихъ Бибиковъ отвѣчалъ 23-го іюня Университету слѣдующее: 1) нельзя принять нынѣ тѣхъ молодыхъ людей, получившихъ домашнее воспитаніе, на пріемъ которыхъ испрошены уже разновременно Высочайшія соизволенія, но которые еще въ Университетъ не поступили, „ибо эти сепаратныя разрѣшенія относились единственно къ вопросу о предварительномъ приготовленіи сказанныхъ молодыхъ людей и должны быть соглашены съ новою общею мѣрою". 2) Воспитанники, содержимые сперва въ гимназіяхъ,

и богословскій факультеты. Но для прочихъ факультетовъ Государь находилъ число 300 достаточнымъ, признавая полезнымъ, чтобы дѣти благороднаго сословія искали преимущественно, какъ потомки древняго рыцарства, службы военной предъ службою гражданской. На сей конецъ имъ открыта возможность поступать въ военно-учебныя заведенія, или-же прямо въ ряды войскъ, для чего и университетское образованіе не есть необходимость (Ibid. № 1103).

а потомъ въ Университетѣ не отъ казны, но на счетъ разныхъ иныхъ источниковъ, каковы напр. пансіонеры Государя, комитета 18-го августа 1814 года и разныхъ другихъ вѣдомствъ, воспитанники, содержимые въ пансіонахъ на счетъ пожертвованій дворянъ, а также фундушевыхъ капиталовъ, пансіонеры Лашкевича и т. п. должны быть принимаемы въ Университетъ на прежнемъ основаніи *).

Между тѣмъ 25-го сентября вопросъ о привилегіи медицинскихъ факультетовъ разрѣшенъ въ иномъ болѣе благопріятномъ смыслѣ; тогда, въ дополненіе къ прежнимъ, состоялось Высочайшее повелѣніе, „что, не увеличивая отнюдь числа студентовъ болѣе дозволенныхъ 300 по другимъ факультетамъ *кромѣ медицинскаго*, дозволяется по этому послѣднему факультету имѣть неограниченное число, но съ строгимъ выборомъ“ **). Въ послѣдствіи (15 декабря) было воспрещено студентамъ медицинскаго факультета переходить на другіе факультеты и принимать вновь на эти (другіе) факультеты студентовъ выбывшихъ изъ медицинскаго ***).

Затѣмъ возникли недоразумѣнія на счетъ того, кто разумѣется подъ „вольными слушателями“, входящими въ штатное число 300? Разрядъ вольныхъ слушателей уже давно уничтоженъ; допускались только посторонніе посѣтитети лекцій (чиновники). Казалось несправедливымъ, чтобы они своимъ числомъ уменьшали штатное число студентовъ. Въ разъясненіе этого товарищъ министра народнаго просвѣщенія 13 октября сообщилъ: разрядъ приватныхъ слушателей упраздненъ Высочайше утвержденнымъ 16-го іюня 1847 года мнѣніемъ Государственнаго совѣта, и только поступившимъ прежде того въ этотъ разрядъ дозволено окончить начатый ими курсъ на прежнемъ основаніи; такія лица, сохраняющія и наименованіе приватныхъ слушателей, подлежатъ дѣйствію вышеупомянутаго Высочайшаго повелѣнія; но лица, посѣщающія университетскія лекціи на основаніи 2-го пункта мнѣнія государственнаго совѣта, какъ-то: служащіе и отставные чиновники, а также лица всѣхъ свободныхъ состояній, которыя по роду занятій ихъ имѣютъ желаніе пріобрѣсть спеціальныя свѣдѣнія

*) Дѣло совѣта 1849 г. № 165.

**) Собр. пост. по мин. нар. пр. т. II, отд. II, № 1107.

***) Ibid. № 1120.

въ нѣкоторыхъ наукахъ, преподаваемыхъ въ университетахъ, какъ университету совершенно посторонніе, не носятъ наименованія слушателей и потому означенное Высочайшее повелѣніе до нихъ не относится *).

Цѣль ограниченія числа студентовъ, какъ мы говорили, состояла не только въ прекращеніи переполненія университетовъ слушателями вообще, но и въ частности слушателями изъ низшихъ классовъ общества. Въ изложенныхъ распоряженіяхъ это не было выражено ясно. Но 26-го января 1850 года новый министръ народнаго просвѣщенія кн. Ширинскій-Шихматовъ вошелъ съ докладомъ, въ которомъ излагалъ, что „при открытіи въ началѣ текущаго столѣтія всѣхъ нашихъ университетовъ, кромѣ Московскаго, правительство справедливо желало увидѣть какъ можно скорѣе плоды этихъ учрежденій и наполнить всѣ части государственнаго управленія людьми, спеціально для того приготовленными. Оканчивающихъ курсъ... въ гимназіяхъ было еще слишкомъ мало... Надлежало по необходимости... брать въ казенные университетскіе воспитанники семинаристовъ и допускать въ своекоштные студенты всѣхъ безъ различія молодыхъ людей... Вотъ начало допущенія податныхъ состояній къ высшему образованію... По воспослѣдовавшей въ прошломъ году Высочайшей волѣ, число своекоштныхъ студентовъ, кромѣ медицинскаго, а въ Дерптѣ и богословскаго факультета, ограничено 300... Мѣра сія съ видимымъ успѣхомъ приводится въ исполненіе, такъ что число своекоштныхъ студентовъ въ философскомъ и юридическомъ факультетахъ вошло уже въ нормальное положеніе въ университетахъ Дерптскомъ, св. Владиміра, Харьковскомъ и Казанскомъ. Только въ С.-Петербургѣ и Москвѣ оно превышаетъ еще нормальное назначеніе, простираясь въ первомъ до 420, а въ послѣднемъ до 450... Но какъ вакансіи для пріема въ число 300 своекоштныхъ студентовъ сдѣлаются рѣже, то... не слѣдуетъ-ли эти вакансіи предоставлять преимущественно тѣмъ молодымъ людямъ, которымъ, по происхожденію ихъ и по кореннымъ государственнымъ законамъ, даровано право вступленія въ гражданскую службу?... Осмѣливаюсь думать, что и самая справедливость и польза общественная и согласіе съ мѣрами, принятыми уже правительствомъ

*) Дѣло совѣта 1849 г. № 165.

къ затрудненію пріобрѣтенія личнаго и потомственнаго дворянства, требуютъ утвердительнаго разрѣшенія..., тѣмъ болѣе, что лица низшаго сословія, выведенныя посредствомъ университетовъ изъ природнаго ихъ состоянія, не имѣя по большей части никакой недвижимой собственности, но слишкомъ много мечтая о своихъ способностяхъ и свѣдѣніяхъ, гораздо чаще дѣлаются людьми безпокойными и недовольными настоящимъ порядкомъ вещей, особливо если не находятъ пищи своему чрезъ мѣру возбужденному честолюбію, или на пути къ возвышенію встрѣчаютъ неожиданныя преграды". Въ слѣдствіе этого доклада состоялось повелѣніе: въ пріемѣ въ Университеты С.-Петербургскій, Московскій, св. Владиміра, Харьковскій и Казанскій своекоштныхъ студентовъ въ число трехсотъ, назначенныхъ въ каждомъ изъ нихъ, независимо отъ медицинскаго факультета, при удовлетворительности приготовительныхъ свѣдѣнія и при равномъ удостовѣреніи въ отличной нравственности кандидатовъ, отдавать преимущество тѣмъ изъ нихъ, которые, на основаніи 3-й статьи свода законовъ тома III-го Устава о службѣ гражданской, имѣютъ права на вступленіе въ гражданскую службу *).

Для удобнѣйшаго приведенія числа студентовъ къ сокращенной нормѣ, Бибиковъ принялъ съ своей стороны весьма дѣйствительную мѣру. Въ маѣ мѣсяцѣ 1850 года онъ предписалъ всѣмъ директорамъ гимназій объявлять ученикамъ, оканчивающимъ курсъ наукъ и желающимъ поступить въ Университетъ св. Владиміра, что они не иначе будутъ принимаемы въ Университетъ, какъ со взятіемъ съ нихъ подписки, что они имѣютъ средства одѣваться и содержать себя прилично званію студента и вносить установленную плату за ученіе. Директора при объявленіи этого распоряженія молодымъ людямъ, намѣревающимся поступить въ Университетъ св. Владиміра, должны были предупреждать ихъ сверхъ того, что это правило соблюдается въ точности, что давшіе требуемыя подписки отъ платы за ученіе уже ни въ какомъ случаѣ освобождаемы не будутъ, и что тѣ, которые дадутъ

---

*) Что касается до Дерптскаго университета, то кн. Ширинскій-Шихматовъ просилъ дозволить ему, по соображеніи мѣстныхъ обстоятельствъ края, войти съ особымъ представленіемъ объ этомъ университетѣ, какъ имѣющемъ особый уставъ. См. Сборн. пост. по мин. нар. просв. т. II, отд. II, № 1129. Дѣло совѣта Унив. св. Влад. 1850 г. № 147.

подписки, не имѣя дѣйствительно средствъ къ содержанію себя и къ платежу суммы за ученіе, поставятъ себя въ большое затрудненіе и наконецъ принуждены будутъ уволиться изъ Университета. Для избѣжанія столь непріятнаго положенія, они должны, прежде чѣмъ рѣшаться ѣхать въ Университетъ св. Владиміра, убѣдиться въ томъ, что имѣютъ достаточныя средства къ приличному содержанію себя и къ платежу за ученіе въ теченіи всего университетскаго курса.

Тоже долженъ былъ повторить имъ и ректоръ Университета предъ пріемными экзаменами *).

Что касается до приготовительнаго образованія, требовавшагося отъ поступающихъ въ Университетъ, то какъ мы знаемъ, Университетъ св. Владиміра отличался прежде отъ всѣхъ прочихъ тѣмъ, что въ него могли поступить только окончившіе курсъ гимназій. Затѣмъ въ разное время послѣдовали измѣненія и дополненія въ этомъ постановленіи, такъ что условіе это съ теченіемъ времени потеряло свою ясность. Въ 1853 г. совѣтъ Университета рѣшился привести вновь дѣло къ опредѣленности, составивъ проэктъ правилъ на этотъ счетъ и соединивъ въ одно цѣлое всѣ разновременныя предложенія министра и попечителя **).

*) Дѣло совѣта 1850 г. № 54.

**) По этому проэкту въ студенты Университета св. Владиміра принимаются по выдержаніи предварительнаго испытанія: 1) всѣ окончившіе съ удовлетворительнымъ успѣхомъ курсъ гимназіи или *равныхъ ей среднихъ учебныхъ заведеній*, а также выбывшіе изъ лицея до окончанія полнаго курса, если только они поступили въ лицей по окончаніи съ удовлетворительнымъ успѣхомъ ученія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; 2) воспитанники *духовныхъ семинарій*, если они окончили съ удовлетворительнымъ успѣхомъ по крайней мѣрѣ курсъ средняго отдѣленія семинаріи и 3) лица, не обучавшіяся въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, но эти послѣднія не иначе какъ съ Высочайшаго соизволенія. Принимаются въ студенты Университета св. Владиміра безъ предварительнаго испытанія: 1) окончившіе курсъ ученія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ съ удовлетворительнымъ успѣхомъ; 2) выбывшіе изъ университетовъ и академій до окончанія полнаго курса, если только промежутокъ времени между увольненіемъ ихъ изъ другихъ университетовъ или академій и поступленія въ Университетъ св. Владиміра не болѣе 6-ти мѣсяцевъ; 3) стипендіаты Царства Польскаго; 4) окончившіе курсъ ученія въ Кіевскихъ гимназіяхъ и удостоенные аттестатовъ, а также окончившіе курсъ ученія вообще въ гимназіяхъ *съ отличіемъ*, т. е. получившіе право на чинъ XIV класса и медали, если только сіи лица являются для поступленія въ Университетъ тотчасъ послѣ окончанія гимназическаго курса. Лица, поименованныя въ 3 и 4 пунктахъ, не освобождаются впрочемъ отъ испытанія въ русскомъ языкѣ.

Новыя требованія, клонящіяся къ уменьшенію числа студентовъ, ничѣмъ не отразились въ этомъ проэктѣ. Напротивъ бытовыя условія вынуждали думать не о сокращеніи, а расширеніи круга сословій и классовъ, имѣющихъ право доступа въ Университетъ. Такъ въ 1855 г. возникъ вопросъ о правѣ поступленія въ Университетъ воспитанниковъ раввинскихъ еврейскихъ училищъ. Министерство, однако, уклонилось отъ рѣшенія его, сославшись на то, что этотъ вопросъ будетъ подвергнутъ обсужденію при составленіи устава для раввинскихъ училищъ *).

Кромѣ того обстоятельства вынуждали не только допускать въ Университетъ, но и давать нѣкоторыя привилегіи такимъ классамъ общества, которые, какъ мы видѣли, должны-бы подвергнуться остракизму. Въ совѣтскомъ проэктѣ 1853 г. содержатся такія разсужденія о воспитанникахъ семинарій: „При требованіи въ медицинскіе институты университетовъ учениковъ духовныхъ семинарій (пока въ томъ надобность существовать будетъ), надлежитъ по необходимости ограничиваться при испытаніи предметами, преподаваемыми въ этихъ заведеніяхъ, именно: русскимъ и латинскимъ языками, начальными основаніями математики, географіею, исторіею и логикою (какъ это постановлено въ уставѣ С.-Петербургской медико-хирургической академіи)“.

Пріемъ студентовъ производился еще два раза въ годъ послѣ лѣтнихъ и зимнихъ вакацій. Только теперь замѣтили, что уставомъ не положено, чтобы желающіе поступить въ Университетъ св. Владиміра предварительно подвергаемы были въ Университетѣ испытанію изъ предметовъ гимназическаго преподаванія; требуется только (статьею 38), чтобы поступающіе кончили съ успѣхомъ полный курсъ въ гимназіяхъ или равныхъ имъ заведеніяхъ и выдержали въ томъ удовлетворительное испытаніе. Испытанія желающимъ поступить въ Университетъ св. Владиміра производились на основаніи особыхъ правилъ и послѣдовавшихъ распоряженій начальства по этому предмету. Испытанія продолжались очень долго, не дозволяя начать своевременное чтеніе лекцій; причина тому заключалась, какъ въ самомъ

*) Дѣло совѣта 1855 г. № 155.

способѣ производства пріемныхъ испытаній, такъ и въ продолжительности срока, въ который принимаются прошенія о допущеніи къ пріемнымъ испытаніямъ, подаваемыя генералъ-губернатору. Извѣстнаго срока для подачи прошеній о допущеніи къ пріемному испытанію правилами не было опредѣлено, но на дѣлѣ оказывается, что эти прошенія подавались не только въ январѣ, въ іюлѣ и въ продолженіи всего августа, но даже еще въ мѣсяцѣ февралѣ и сентябрѣ. Очевидно, что при этомъ и пріемныя испытанія должны продолжаться столько-же времени.

Совѣтскій проэктъ 1853 г., отмѣчая эти неудобства, взялся за приведеніе дѣла въ порядокъ и съ этой стороны; но проэктъ не былъ утвержденъ и въ 1854 г.; а потому ректоръ въ іюнѣ 1854 г. вошелъ съ новымъ представленіемъ къ генералъ-губернатору *). Однако дѣло оставалось въ такомъ неустроенномъ видѣ до конца эпохи.

Цифровыя данныя числа студентовъ Университета св. Владиміра, какъ общія, такъ и по сословіямъ и по мѣсту первоначальнаго образованія, не оправдываютъ тѣхъ опасеній, которыя были указаны выше. Какъ въ предыдущую эпоху, такъ и теперь, число студентовъ Университета св. Владиміра не поражаетъ своею громадностію. Среднее число студентовъ за 5-лѣтіе 1848—1852 г. было 596, т. е. почти то-же, чтó и въ предыдущемъ пятилѣтіи. Очевидно, что число это не такъ велико, чтобы могло испугать кого-либо опасностью чрезмѣрнаго нашествія людей высшаго образованія на общество и государство. Оно равняется числу студентовъ прежняго Кременецкаго лицея и уступаетъ числу ихъ въ прежней Кіевской академіи. Введеніе штатнаго числа студентовъ, съ другой стороны, почти не отразилось на общемъ числѣ студентовъ пониженіемъ его. Правда, число это начало было понижаться (но незначительно) въ 1849 и 1850 г.; съ 1851 года оно опять наклонилось къ возрастанію; въ 1853 г. почти сравнилось съ числомъ 1848 г. Но съ 1854 г. пошло быстро вверхъ, превысивъ намного самыя высшія цифры прошлыхъ эпохъ, такъ что въ 1855 г. Университетъ уже имѣлъ 800 слушателей. Если число вакансій иногда было менѣе числа желавшихъ вступить въ Университетъ по философ-

---

*) Дѣло совѣта 1854 г. № 73.

скому и юридическому факультетамъ, то молодежь устремлялась на медицинскій. Число студентовъ-медиковъ увеличилось ненормально сравнительно съ числомъ студентовъ прочихъ факультетовъ: въ 1848 году, изъ общаго числа 656, медиковъ было 299, а въ 1852 году, изъ общаго числа 591, студентовъ медицинскаго факультета было уже 426, т. е. почти $^4/_5$. Это разумѣется вело ко многимъ невыгоднымъ послѣдствіямъ: невольные слушатели медицины, небрежно относясь къ предметамъ своего факультета, старались урывками заниматься любимыми науками другаго факультета и, конечно, плохо успѣвали и тутъ и тамъ.

По сословному составу слушателей Университетъ св. Владиміра, какъ прежде былъ, такъ и теперь остался преимущественно дворянскимъ; опасенія кн. Ширинскаго-Шихматова и въ этомъ отношеніи были напрасны. Въ 1848 г. изъ общаго числа 656 студентовъ, было дворянъ (потомственныхъ и личныхъ) 509, т. е. $^5/_6$; для всѣхъ прочихъ сословій: духовнаго, купеческо-мѣщанскаго и сельскаго остается лишь $^1/_6$. Въ частности изъ духовнаго сословія было только 26 студентовъ въ цѣломъ Университетѣ, а изъ сельскихъ классовъ (козаковъ и вольноотпущенныхъ) 25. Хотя въ пятилѣтіе 1848 — 1852 гг. процентъ дворянъ нѣсколько даже понизился: въ 1852 г., изъ общей суммы 591, дворянъ было 430, но и эта послѣдняя цифра также свидѣтельствуетъ о преимущественно дворянскомъ составѣ университетскихъ слушателей, что̀ для Университета св. Владиміра имѣетъ особенное значеніе, такъ какъ дворянство юго-западнаго края почти безъ исключеній состояло изъ лицъ польскаго происхожденія и католическаго вѣроисповѣданія. Дѣйствительно большинство студентовъ, по вѣроисповѣданію, во все это время было римско-католическое: въ 1848 г. православныхъ было 244, а католиковъ 369; въ 1852 г. первыхъ 223, вторыхъ 328; въ 1855 г. первыхъ 336, вторыхъ 413.

Итакъ, общія мѣры того времени, развивая въ университетахъ вообще дворянское начало, усиливали въ Университетѣ св. Владиміра элементъ польскій и римско-католическій.

Этотъ элементъ группировался преимущественно, по прежнему, на физико-математическомъ факультетѣ, и именно на разрядѣ естественныхъ наукъ, а потомъ на медицинскомъ преимущественно, т. е.

на такихъ разрядахъ наукъ, которыя въ то время пользовались особымъ покровительствомъ и поддержкою. Православные сосредоточивались главнымъ образомъ на историко-филологическомъ факультетѣ и составляли большинство юридическаго. Для наглядности дѣла представляемъ слѣдующую таблицу за пять лѣтъ:

ГОДЫ.	Историко-филологическій факультетъ.		Физико-математическій факультетъ.		Юридическій факультетъ.		Медицинскій факультетъ.	
	прав.	катол.	прав.	катол.	прав.	катол.	прав.	катол.
1851	31	15	31 *)	25	59	44	111	234
1852	24	8	22	19	57	31	122	265
1853	23	11	28	27	64	37	140	266
1854	31	8	28	38	76	31	175	315
1855	45	12	27	44	62	22	201	335

Такимъ образомъ то политическое перевоспитаніе, которое проэктировалось первоначальными основателями Университета, стало фактически невозможнымъ, если-бы даже и государство оставалось при прежнихъ своихъ воззрѣніяхъ на значеніе русскаго Университета въ Кіевѣ. На эту сторону дѣла мало обращаемо было вниманія,—и національный составъ слушателей Университета быстро приближалъ его къ роковому 1863 году. Факультеты физико-математическій и медицинскій, въ составѣ своихъ наукъ, не заключаютъ ничего, чтó-бы вело прямымъ путемъ къ уясненію въ умахъ молодежи общественныхъ и политическихъ воззрѣній. Впрочемъ въ ту эпоху и остальные два факультета не въ состояніи были выполнить эту задачу. Русская исторія, рекомендованная юридическому факультету для этой цѣли, могла и должна была состоять изъ бѣглаго перечня основныхъ фактовъ.

Представляемъ слѣдующую таблицу числа студентовъ.

---

*) По разряду естественныхъ наукъ цифры распредѣляются такъ: въ 1851 г. православныхъ 6, католиковъ 10, въ 1852 г. правосл. 6, катол. 11, въ 1853 г. православныхъ 11, католиковъ 16, въ 1854 г. правосл. 12, катол. 22, въ 1855 г. прав. 12, катол. 25.

Годы.	Общее число.	По вѣроисповѣданію				По происхожденію.				По мѣсту образованія.			По факультетамъ.				По способу содержанія.	
		Православныхъ.	Римско-католиковъ.	Лютеранъ и реформатовъ.	Евреевъ.	Дворянъ [1].	Духовныхъ.	Городскихъ состояній [2].	Сельскихъ состояній [3].	Гимназіи [4].	Семинаріи.	Домашнее воспитаніе.	Историко-филологич. факульт.	Физико-математическ. факульт.	Юридическ. факульт.	Медицинск. факульт.	Казеннокоштные [5].	Своекоштные [6].
1849	561	209	289	15	21	402	19	71	21	545	9	7	77	78	112	294	127	434
1850	544	208	291	18	27	398	38	58	18	515	11	7	66	71	94	313	94	450
1851	589	245	315	12	25	440	25	62	16	569	12	8	49	56	103	381	97	492
1852	591	223	328	13	27	430	28	74	17	563	20	8	33	44	88	426	119	472
1853	641	256	344	15	26	502	31	91	17	614	22	5	33	60	102	446	93	548
1854	746	310	394	14	28	594	40	99	13	710	30	6	42	64	109	531	117	629
1855	808	336	413	31	33	643	41	110	14	766	35	7	58	75	88	587	130	678

[1]) Потомственныхъ и дѣтей чиновниковъ.
[2]) Сюда присоединены и иностранцы.
[3]) Однодворцевъ, козаковъ, вольныхъ людей, крестьянъ и вольноотпущенныхъ.
[4]) Сюда присоединены переходящіе изъ высшихъ учебныхъ заведеній.
[5]) Въ томъ числѣ пансіонеры.
[6]) Въ томъ числѣ и содержащіеся въ заведеніи для недостаточныхъ студентовъ, число которыхъ мѣняется чуть не ежемѣсячно и не можетъ быть опредѣлено съ точностію.

Учебныя занятія студентовъ. Согласно съ настроеніемъ управленія той эпохи и съ свойствами преподаванія, стремленіе студентовъ къ научнымъ занятіямъ видимо упало. Университетская администрація по своему старалась заставить студентовъ заниматься; но подъ занятіями понимала исключительно—неопустительное присутствіе на лекціяхъ. Мѣры, предписанныя для этой цѣли, способны были еще болѣе отвратить студентовъ отъ дѣйствительнаго интереса наукою. Эти мѣры, придуманныя Д. Г. Бибиковымъ, отчасти указаны выше. Что онѣ не достигали и своей непосредственной цѣли, свидѣтельствуютъ нижеслѣдующіе факты.

Къ этому времени, и притомъ къ самому концу его, относятся такія воспоминанія одного бывшаго тогда студентомъ: „въ восемь часовъ начинались лекціи; въ эти ранніе часы читались только новые языки, да богословіе въ продолженіе двухъ первыхъ курсовъ для всѣхъ факультетовъ. Собственно на лекціи языковъ собиралось мало; охотниковъ было не великое число... Другое дѣло когда шло богословіе. Хотя охотниковъ на эти лекціи было въ сущности еще меньше, но тогда существовали еще переклички и репетиціи съ отмѣтками,—и волей-неволей студенты вынуждены были посѣщать ихъ... Лекціи богословія читались уважаемымъ всѣми студентами, извѣстнымъ ученымъ профес. Ив. Мих. Скворцовымъ. Существованіе перекличекъ и репетицій, которыхъ строго придерживался профессоръ, служило между прочимъ поводомъ къ безпрестанному школьничанью студентовъ, давая по временамъ обильную пищу юмору молодежи, особенно студентовъ медиковъ, болѣе другихъ обнаруживавшихъ къ нему склонности. Сцены выходили обыкновенно безобидныя, но подъ часъ истинно комичныя, хотя иногда отзывавшіяся и шутовствомъ. Сдѣлать перекличку всѣмъ на одной лекціи не было возможности и потому держались очереди... Знать всѣхъ студентовъ въ лицо, конечно, было дѣломъ немыслимымъ. Идетъ перекличка: „Горскій!“ произноситъ профессоръ фамилію студента ему извѣстнаго. Слѣдуетъ отвѣтъ басомъ: „здѣсь“. Потрудитесь отвѣтить,—слышится съ каѳедры и предлагается какой-нибудь вопросъ изъ прочитаннаго на предыдущихъ лекціяхъ. Ни отвѣта, ни обозвавшагося студента. На скамьяхъ движеніе и порой взрывъ глухаго смѣха.—„Это я по ошибкѣ,—думалъ, что меня вызываютъ...“ вдругъ отзывается чей-то голосъ и на послѣдней скамьѣ подымается медленно

здоровеннаго росту студентъ, слегка улыбаясь и краснѣя отъ замѣшательства. „Вы—однофамилецъ?“—спрашиваетъ серьезно и съ невольнымъ изумленіемъ профессоръ незнакомаго ему молодаго человѣка, пробѣгая взглядомъ списокъ, по которому обыкновенно производитъ перекличку. „Похоже“, отвѣчаетъ студентъ. „Какъ-же-съ?“—Студентъ произноситъ свою фамилію. Въ фамиліи нѣтъ рѣшительно никакого сходства съ фамиліею студента, вызваннаго профессоромъ. Сдерживаемый до того смѣхъ товарищей прорывается взрывомъ и словно раскатъ грома оглашаетъ всю аудиторію... „Ну все равно, отвѣтьте вы“, заканчиваетъ профессоръ эту сцену. Какъ испуганный заяцъ оглядывается студентъ по сторонамъ: нѣтъ-ли спасенья? Нѣтъ-ли гдѣ вблизи открытой книги? ...Но, увы, спасенья ни откуда. „Садитесь“, послышится наконецъ съ каѳедры... Былъ одинъ студентъ—медикъ, который почти на каждой перекличкѣ вставалъ чуть не за десятерыхъ. Это, можно сказать, было его спеціальностью, которою занимался онъ единственно изъ любви къ искусству, и нужно отдать ему справедливость—добросовѣстно, съ успѣхомъ и мастерствомъ подвизался на этомъ поприщѣ. Вставалъ онъ за всякаго: и за пріятеля по просьбѣ, и за совершенно ему незнакомаго студента, непрошенный и, по счастливой звѣздѣ своей, рѣдко попадался въ просакъ“ *).

Почтенный авторъ, съ любовію вспоминая свои молодые годы, видитъ въ этомъ только веселую шалость счастливой юности; намъ-же представляется въ этомъ тяжелая картина гаерства надъ священнымъ предметомъ; грустно и за почтеннаго старика — представителя православной церкви; грустно и за Университетъ.

Конечно, остальные, факультетскіе предметы изучались лучше, но лишь школьнымъ образомъ, въ предѣлахъ профессорскихъ тетрадокъ. Мы привели выше слова студента того времени о своихъ товарищахъ, что „ихъ занимаютъ только психологія и билліардъ“. Но философія была упразднена въ эту эпоху... остался одинъ билліардъ.

Мы говорили выше, какія мѣры изобрѣталъ Бибиковъ, чтобы побудить студентовъ ходить на лекціи; но и съ этой стороны дѣла шли весьма неудовлетворительно.

Къ формальной сторонѣ выслушиванія лекцій и своевременной явки на экзамены были направлены и всѣ усилія ректорскаго надзора.

*) „Кіевлянинъ“, 1876 г. № 88.

Ректоръ постоянно проситъ инспектора посадить въ карцеръ на одни сутки въ первый праздничный день того или другаго студента, „не предъявившаго въ свое время листа о лекціяхъ“. Вотъ къ чему свелась Уваровская идея о нѣмецкой свободѣ слушанія лекцій. Заявленія о случаяхъ непосѣщенія лекцій цѣлыми аудиторіями студентовъ отнюдь не уменьшаются сравнительно съ предыдущею эпохою.

Карцеръ, эта тогдашняя панацея отъ всѣхъ бѣдъ, примѣнялся и въ случаяхъ неявки студентовъ на экзамены въ обязательные сроки, что́ въ особенности часто случалось съ казеннокоштными студентами при неявкѣ ихъ на полугодичныя испытанія. При этомъ дѣло принимало иногда такой курьезный ходъ. Положимъ нѣсколько студентовъ не кончили испытанія въ декабрѣ по неизвѣстной причинѣ и не подвергались въ началѣ слѣдующаго семестра дополнительному испытанію *по болѣзни*. „Вслѣдствіе сего“ ректоръ проситъ инспектора приказать посадить ихъ на трое сутокъ въ карцеръ за неявку въ декабрѣ на семестральное испытаніе изъ нѣкоторыхъ предметовъ и по трехсуточномъ выдержаніи ихъ въ карцерѣ вручить имъ препровождаемыя повѣстки о допущеніи ихъ къ испытанію изъ тѣхъ предметовъ, изъ которыхъ они не экзаменовались, если воспитанники готовы уже къ экзамену; въ противномъ случаѣ проситъ продержать ихъ въ карцерѣ *до тѣхъ поръ, пока они не приготовятся къ экзамену*.

Если-же студенты не окончили испытанія въ декабрѣ (безъ уважительныхъ причинъ) и вдобавокъ не явились на экзаменъ и въ началѣ слѣдующаго семестра, то ректоръ проситъ инспектора посадить ихъ въ карцеръ *на шесть сутокъ* за двукратную неявку на экзаменъ безъ уважительныхъ причинъ. По выдержаніи воспитанниковъ въ карцерѣ въ теченіи означеннаго выше времени, онъ проситъ вручить имъ препровождаемыя повѣстки *).

Ослабленіе научныхъ занятій между студентами выразилось, между прочимъ, въ числѣ окончившихъ курсъ со степенями и званіями,—числѣ поразительно маломъ при значительно большомъ общемъ числѣ студентовъ. За предшествующее семилѣтіе среднимъ числомъ въ годъ Университетъ выпускалъ 21 кандидата; а въ настоящее семилѣтіе—17; между тѣмъ въ первую изъ этихъ двухъ эпохъ среднее число студен-

*) Дѣло канцеляріи инспект. студ. № 299.

товъ въ Университетѣ было 453; а въ настоящую—640. Также сравнительно мало и число выпущенныхъ дѣйствительными студентами. Особенно упало число получившихъ ученыя степени или званія въ срединѣ эпохи: въ 1853 г. во всемъ Университетѣ (за исключеніемъ медицинскаго факультета) оно равнялось 26, тогда какъ наименьшее число въ предшествующую эпоху (въ 1843 г.) было 31. Даже на медицинскомъ факультетѣ доходило до того, что Университетъ (въ 1855 г.) выпустилъ только 7 лѣкарей.

ГОДЫ.	Историко-филологическ. фак.		Физико-математическ. фак.		Юридическій факульт.		Медицинскій фак.	ИТОГО.		
	Кандидаты.	Дѣйствит. студенты.	Кандидаты.	Дѣйствит. студенты.	Кандидаты.	Дѣйствит. студенты.	Лѣкаря.	Кандидаты.	Дѣйствит. студенты.	Лѣкаря.
1850 . .	10	7	3	6	5	18	23	18	31	23
1851 . .	11	7	7	5	3	23	35	21	35	35
1852 . .	8	8	2	10	9	10	27	19	28	27
1853 . .	8	2	2	5	1	6	72	11	13	72
1854 . .	2	4	6	3	6	7	60	14	14	60
1855 . .	5	1	6	3	13	14	7	24	18	7
1856 . .	2	2	5	1	7	5	19	14	8	19

Предметы, къ которымъ преимущественно направлялъ Университетъ занятія своихъ слушателей, могутъ быть отчасти опредѣлены темами для соисканія наградъ медалями; предметы эти на историко-филологическомъ и юридическомъ факультетахъ носили или археологическій или практическій характеръ. Такъ въ 1854 г. на первомъ изъ этихъ факультетовъ предложена была тема: „Объ историческомъ развитіи воспитанія и обученія въ Россіи до конца XVIII в.“, а на юридическомъ: „Изложить исторію, нынѣшнее устройство и экономическое значеніе банковыхъ установленій въ Россіи“.

Число получившихъ награды видно изъ слѣдующей таблицы.

Годы	1850		1851		1852		1853		1854		1855		1856	
Число медалей	Золотыхъ.	Серебрян.	Золотыхъ.	Серебрян.	Золотыхъ.	Серебрян.	Золотыхъ.	Серебрян.	Золотыхъ.	Серебрян.	Золотыхъ.	Серебрян.	Золотыхъ.	Серебрян.
	3	2	3	1	4	2	2	1	1	1	2	2	4	1
Итого......	5		4		6		3		2		4		5	

Въ числѣ награжденныхъ находимъ въ 1850 г. Н. Я. Ростовцева, въ 1851 г.—Ив. В. Лашнюкова, въ 1852 г.—Ф. Ф. Эргардта, въ 1853 г.—Н. К. Ренненкампфа, въ 1854 г.—В. Г. Демченка, въ 1855 г.—Ю. И. Янсона, въ 1856 г.—Ю. Д. Сидоренка.

Говоря объ ослабленіи научныхъ интересовъ между студентами, мы разумѣемъ массу ихъ, не имѣя въ виду исключеній. Эти исключенія всегда бываютъ и отнюдь не зависятъ отъ общаго состоянія дѣлъ въ Университетѣ. Дѣйствительно, и въ эту эпоху мы можемъ отмѣтить нѣсколько именъ, впослѣдствіи занявшихъ каѳедры въ Университетѣ или вообще сдѣлавшихся извѣстными ученою, или общественною дѣятельностію; назовемъ Ю. И. Янсона, Г. М. Цѣхановецкаго, Н. К. Ренненкампфа, В. Г. Демченка, Ю. Д. Сидоренка, А. В. Романовичъ-Славатинскаго, А. Ѳ. Кистяковскаго (впрочемъ лишь начавшаго тогда свой курсъ). Достойно замѣчанія, что всѣ упомянутые ученые принадлежатъ къ историко-филологическому и юридическому факультетамъ, т. е. такимъ, которые были не въ фаворѣ въ то время; остальные два покровительствуемые факультета не приготовили, сколько намъ извѣстно, за все это время, ни одной будущей ученой силы: обстоятельство, явно указывающее, что исторія научнаго движенія не вполнѣ сообразуется съ камертономъ временныхъ и модныхъ настроеній.

Инспекція. Мы видѣли уже, что въ прошлую эпоху инспекція получила такъ сказать свой высшій органъ—въ лицѣ помощника попечителя; Д. Г. Бибиковъ подтвердилъ прежній порядокъ, предоставивъ высшій надзоръ за студентами опять своему помощнику. Однако

онъ тѣмъ не менѣе самъ непосредственно и постоянно вмѣшивался въ надзоръ, иногда разыгривая сцену съ виновнымъ студентомъ, т. е. выставляя себя высшею грозною и неумолимою силою, а своего помощника—ходатаемъ о милосердіи и снисхожденіи.

Слѣдуя его примѣру, кн. Васильчиковъ передалъ все управленіе студентами и уже не на словахъ, а въ самомъ дѣлѣ, своему помощнику; при этомъ случаѣ начальникъ округа обратился къ ректору съ такимъ заявленіемъ: „Ввѣряя особенному попеченію его (М. В. Юзефовича) эту часть моего управленія, я выразилъ убѣжденіе, что помощникъ попечителя, не ограничиваясь искорененіемъ между студентами праздполюбія и другихъ порочныхъ наклонностей и строгимъ наказаніемъ проступковъ, выражающихъ дурное направленіе воли, приметъ надлежащія мѣры къ утвержденію въ нихъ сознанія своихъ обязанностей и уваженія къ нимъ, какъ такихъ качествъ человѣка, безъ которыхъ онъ не можетъ быть ни полезнымъ и достойнымъ слугой престолу и отечеству, ни хорошимъ гражданиномъ и членомъ семейства“ *).

Инспекторомъ въ теченіи цѣлой этой эпохи былъ упомянутый выше Г. К. Тальбергъ. Справедливо, или несправедливо, но ему въ глазахъ студентовъ приходилось отвѣчать за всѣ тѣ, иногда чрезмѣрныя строгости, какими отличался надзоръ той эпохи. Откуда-бы мѣра ни исходила, онъ, какъ ближайшій проводникъ ея, былъ всегда въ отвѣтѣ. Это окончательно (но не вполнѣ заслуженно) испортило память о немъ въ кіевскомъ студенчествѣ. Мы знаемъ уже, что онъ сознавалъ непримиримость фактическихъ строгостей съ началами устава 1842 г. Онъ сдѣлался жертвою, даже страдальцемъ за весьма неблагодарныя идеи, которыя однако не онъ измыслилъ; при общемъ ошибочномъ теченіи дѣлъ винить отдѣльныя лица было-бы не всегда справедливо.

Средства надзора разнообразились и усложнялись; прежде всего прежнія средства получили теперь вящую опредѣлительность и силу, и въ частности *аттестаціи студентовъ* при выходѣ изъ Университета и при переходѣ на высшій курсъ. Чрезъ нихъ инспекторъ студентовъ единымъ краткимъ словцомъ могъ уничтожить всѣ плоды дол-

*) Дѣло совѣта 1853 г. № 57.

голѣтнихъ учебныхъ трудовъ студента. Мѣрѣ этой придана надлежащая полнота въ объемѣ дѣйствія.

Въ 1852 г. Бибиковъ замѣтилъ, что въ дипломахъ выдаваемыхъ Университетомъ на званіе лѣкаря, не упоминается ничего о поведеніи, между тѣмъ въ таковыхъ дипломахъ, выдаваемыхъ на степень кандидата, поведеніе означается, и не видя причинъ подобной разности, предложилъ совѣту Университета распорядиться, чтобы въ дипломахъ на степень лѣкаря выдаваемыхъ, означаемо было, что степень дана не только за успѣхи въ наукахъ, но и за поведеніе, сообразно чему измѣнить и форму лѣкарскихъ дипломовъ.

Но съ другой стороны, до самаго конца разсматриваемой эпохи въ такой аттестаціи, столько важной для карьеры студента, могъ господствовать полный произволъ, ибо до 1856 г. не было вовсе опредѣлено, какая именно отмѣтка въ поведеніи даетъ право студенту для перевода въ высшій курсъ, награжденія медалями, удостоенія званія дѣйствительнаго студента или степени кандидата, и для полученія права на стипендію или пособіе. Вопросъ этотъ лишь въ 1856 г. министерство поставило на рѣшеніе совѣтовъ. Только тогда совѣтъ Университета св. Владиміра рѣшилъ, что такою отмѣткою должна быть: „хорошаго“ (3).

Тогда-же, т. е. въ іюлѣ 1856 г. возникъ вопросъ о значеніи неопредѣленныхъ отмѣтокъ: „хорошо“, „довольно хорошо“ и т. п. по поводу аттестаціи, которая была дана исключенному студенту Б—вичу 27-го ноября 1855 г. Б—вичъ былъ уволенъ за безуспѣшность въ наукахъ; но въ то-же время инспекторъ студентовъ доносилъ о его предосудительномъ поведеніи. Въ слѣдующемъ году Б—вичъ подалъ министру прошеніе объ обратномъ пріемѣ его въ Университетъ. Но попечитель, на заключеніе котораго была передана просьба Бѣл—вича, не согласился на пріемъ въ виду донесеній инспектора. Министръ, сличивъ представленныя ему данныя о поведеніи Б—вича съ отмѣткою поведенія: „довольно хорошаго“, нашелъ, что эта отмѣтка совершенно не соотвѣтствуетъ его поведенію, „такъ какъ онъ неоднократно былъ замѣченъ въ поступкахъ, совершенно омрачившихъ его поведеніе въ Университетѣ. Такого рода аттестаціи, не согласныя съ истиною, пишетъ министръ, не могутъ быть терпимы, потому, что они равно вредны, какъ для лицъ, для коихъ дѣлаются подобныя списхож-

денія, такъ и для остающихся въ Университетѣ студентовъ, служа имъ какъ-бы примѣромъ слабости начальства, вводя вмѣстѣ съ тѣмъ въ обманъ и тѣхъ, которымъ, по сдѣланной университетскимъ начальствомъ неправильной аттестаціи, придется основывать свое заключеніе о нравственности молодыхъ людей." Обстоятельство это было поставлено на видъ кому слѣдуетъ.

Чтобы рельефнѣе обозначить эту неопредѣленность аттестацій и возможныя послѣдствія ея, достаточно прочитать такія аттестаціи: „9-го сентября 1849 года. Имѣю честь увѣдомить, что студентъ Я—скій въ бытность свою въ Университетѣ св. Владиміра велъ себя *хорошо*, въ характерѣ-же обнаруживалъ *строптивость* и *самонадѣянность*, а въ образѣ мыслей замѣчено *то направленіе, коего одобрить нельзя*". Въ 1854 г. исправляющій должность инспектора такъ аттестовалъ увольняемаго студента Влад. К—скаго: „въ бытность свою въ числѣ студентовъ аттестовался поведенія *хорошаго*. Что-же относится до того, не замѣченъ-ли онъ въ какихъ-либо предосудительныхъ поступкахъ, то *кромѣ только того*, что онъ 4-го октября прошлаго года въ умопомѣшательствѣ покусился на самоубійство отравленіемъ яда (sic), ничего другаго изъ дѣлъ канцеляріи инспектора неизвѣстно. *Впрочемъ* отъ вниманія инспектора... не могло укрыться то непостоянство и легкомысліе въ характерѣ его и *въ образѣ мыслей*, которыя свойственны большею частію молодымъ людямъ". Вотъ еще одна аттестація: „30-го января 1853 г. Бывшій студентъ Университета св. Владиміра Л. Ж—вичъ во время нахожденія его въ семъ Университетѣ съ 1-го сентября 1850 года по 30-е декабря 1852 года велъ себя хорошо, но по причинѣ небытія въ институтѣ въ ночное время, непосѣщенія лекцій и неуплаты долговъ неоднократно подвергался взысканіямъ и потому аттестованъ въ позапрошломъ семестрѣ посредственнаго поведенія, впрочемъ, въ послѣднемъ семестрѣ, *въ которомъ былъ въ отпускѣ*, какъ мнѣ частно извѣстно, весьма *исправилъ* свое поведеніе".

Были случаи, когда подобныя отмѣтки затрудняли служебную дорогу молодому человѣку, хотя проступки, подавшіе къ тому поводъ, быть можетъ состояли изъ ученическихъ шалостей.

Однимъ изъ особыхъ и сильныхъ пріемовъ надзора былъ *смотръ студентовъ*, производимый попечителемъ (генералъ - губернаторомъ),

или его помощникомъ. Обычай смотровъ заведенъ былъ еще до Бибикова и мы отнесли рѣчь о немъ сюда лишь потому, что настоящая эпоха есть время наибольшаго процвѣтанія этого обычая. Смотръ, иначе называемый *сборъ*, производимъ былъ или въ сборной залѣ Университета, или чаще въ парадной; а иногда и на дому у генералъ-губернатора. Смотръ бывалъ или общій для всѣхъ студентовъ, или частный для новопоступившихъ. Явная цѣль смотра заключалась въ осмотрѣ внѣшней наружности студентовъ. Иногда-же установлялась другая цѣль смотра, особенно при смотрахъ новопоступившихъ студентовъ,—именно ознакомить этихъ послѣднихъ съ личностью попечителя. Такія цѣли смотра уясняются слѣдующимъ примѣромъ: „На бывшемъ (пишетъ инспекторъ) сборѣ вновь принятыхъ въ Университетъ студентовъ для представленія ихъ г. попечителю, его пр — во изволилъ замѣтить, что большая часть своекоштныхъ студентовъ по неимѣнію мундировъ были въ сюртукахъ, нѣкоторые даже въ партикулярномъ одѣяніи, а другіе съ петлицами до того широкими, что просвѣтъ синяго сукна на воротникѣ между галунами едва замѣтенъ. Причемъ угодно было г. попечителю объявить мнѣ, что послѣ представленія ему помянутыхъ студентовъ никто изъ нихъ уже не можетъ отговариваться неузнаніемъ его лично и при встрѣчѣ не оказывать ему должнаго почтенія, какъ это уже случилось. Посему поручаю объявить всѣмъ студентамъ: 1) чтобы имѣющіе мундиры съ галунами слишкомъ широкими немедленно замѣнили ихъ форменными, 2) чтобы, не имѣющіе мундировъ постарались-бы пріобрѣсть таковые, 3) чтобы никто изъ нихъ не носилъ партикулярнаго платья, 4) чтобы студенты при встрѣчѣ съ г. попечителемъ, его помощникомъ и прочими начальниками ихъ, оказывали имъ должную вѣжливость и чинопочитаніе, подъ опасеніемъ строгаго взысканія“. „Его высокопр—ву, г. генералъ-губернатору, писалъ онъ-же при другомъ случаѣ, угодно видѣть всѣхъ студентовъ въ сборѣ, почему назначается имъ собраться завтра въ 11 часовъ утра въ торжественную залу Университета... Они должны всѣ безъ изъятія явиться въ означенное время на смотръ въ форменныхъ сюртукахъ и фуражкахъ; а тѣ изъ новопоступившихъ, кои не имѣютъ сюртуковъ, могутъ быть въ томъ платьѣ, какое имѣютъ. Само собою разумѣется, что всѣ они должны быть обриты и острижены какъ слѣдуетъ, а также и одѣты со всѣмъ приличіемъ“.

Обыкновенно смотръ производился въ сентябрѣ; но иногда случался онъ и въ концѣ 1-го семестра. Напр. 11-го декабря (1849 г.) инспекторъ увѣдомляетъ помощниковъ, что „по приказанію г. помощника попечителя Кіевскаго учебнаго округа 12-го числа сего мѣсяца имѣетъ быть сборъ всѣхъ студентовъ Университета... Поэтому объявить имъ чтобы они собирались въ парадную залу Университета не позже $11^1/_2$ часовъ въ полной студенческой формѣ.... и что тѣ изъ нихъ, кои поздо или вовсе не явятся къ назначенному сбору безъ уважительныхъ причинъ, подвергнуты будутъ строгому взысканію". Слѣдуетъ обычное припѣваніе на счетъ волосъ, усовъ и бородъ.

Равнымъ образомъ сборъ производимъ былъ и въ концѣ 2-го полугодія. 28-го мая 1849 года инспекторъ приказалъ студентамъ подъ строгою отвѣтственностію, чтобы они завтра 29 мая въ 11 часовъ утра собрались на домъ къ его в-пр-ву въ полуформѣ, т. е. въ сюртукахъ и фуражкахъ.

Многіе студенты особыми прошеніями на имя инспектора отпрашивались отъ смотра подъ разными предлогами.

Особаго рода сборы происходили: а) на молебствіе при началѣ лекцій. Въ 1849 г. инспекторъ приказалъ объявить студентамъ, „что 8 августа начнутся лекціи и что 7-го они должны въ 10 часовъ утра всѣ безъ различія исповѣданій собраться въ университетскую православную церковь для выслушанія молебствія, въ приличномъ видѣ, въ сюртукахъ и фуражкахъ, застегнутыхъ на всѣ пуговицы и крючки и были-бы обриты и острижены по формѣ".

б) На торжественный актъ (который въ 1849 г. былъ 23 октября). Тогда уже ректоръ предписывалъ, „чтобы студенты были въ полной мундирной формѣ и стояли впереди студенты, имѣющіе получить золотую медаль".

Иногда смотръ назначаемъ былъ произвольно среди семестра. 6-го октября 1851 г. инспекторъ увѣдомляетъ своихъ помощниковъ, что „11 октября въ воскресенье послѣ обѣдни его в-пр-ву г. генералъ-губернатору угодно видѣть всѣхъ студентовъ въ общемъ сборѣ". Вслѣдствіе того онъ поручаетъ имъ: „1) объявить за росписками студентамъ, чтобы они собрались не позже 11 часовъ утра въ парадную залу Университета въ сюртукахъ и *непремѣнно* въ форменныхъ фуражкахъ и ожидали-бы тамъ прибытія его выс-пр-ва. Само собою ра-

зумѣется, что гг. студенты будутъ одѣты сколь возможно чище, обриты и острижены; и я надѣюсь, что и въ настоящемъ случаѣ точнымъ исполненіемъ всего вышеписаннаго они постараются оправдать лестное вниманіе о нихъ начальства и не подадутъ никакого повода къ неудовольствію его в-пр-ва". 2) Имѣете вы распорядиться слѣдующимъ образомъ: поставить своекоштныхъ студентовъ съ лѣвой стороны отъ входа въ залу къ стѣнѣ вдоль до портрета Государя Императора въ пять шеренгъ по 70 человѣкъ; а остальныхъ за тѣмъ 105 человѣкъ съ правой стороны при входѣ въ залу въ три шеренги по 35 человѣкъ на одной линіи съ казеннокоштными студентами; самимъ-же вамъ быть въ семъ сборѣ въ вицемундирахъ" *).

Но за этою внѣшнею и нѣсколько мѣлочною цѣлію смотровъ скрывалась и другая—болѣе серьезная: грозный генералъ-губернаторъ хотѣлъ почаще выступать передъ студентами во всеоружіи своей огромной власти и со всѣми ея аттрибутами и такимъ образомъ поддерживать постоянно духъ почти военной дисциплины, будить и встряхивать засыпающее иногда чувство подчиненія и страха. При этомъ онъ выступалъ нерѣдко съ своими знаменитыми прокламаціями, знакомя непосредственно студентовъ со своими воззрѣніями и требованіями, безъ допущенія фамиліарной близости къ нимъ.

Иногда смотры производимы были инспекторомъ, но уже исключительно съ цѣлію наблюденія за внѣшностію студентовъ, въ виду предстоящихъ особыхъ событій, напр. ожидаемыхъ Высочайшихъ посѣщеній. 15-го сентября 1851 г. инспекторъ студентовъ считалъ нужнымъ предъ возвращеніемъ въ Кіевъ Государя Императора сдѣлать предварительный осмотръ студентовъ и предписывалъ, чтобы они 16-го числа въ воскресенье въ 12 часовъ дня собрались въ сборную студентскую залу въ полной мундирной формѣ; при чемъ не надѣвали-бы бѣлыхъ перчатокъ, а имѣли-бы ихъ при себѣ, для сбереженія къ Высочайшему смотру.

Прокламаціи отъ лица высшаго окружнаго начальства исходили и независимо отъ смотровъ. Вотъ одна изъ нихъ, принадлежащая Бибикову (на имя его помощника — М. В. Юзефовича), обнаруживающая его ляпидарный стиль: „До меня доходятъ частые слухи, что сту-

*) Дѣло канц. инсп. студ. № 68.

денты Университета св. Владиміра дѣлаютъ разныя шалости. Относя это къ слабому за ними смотрѣнію, я покорнѣйше прошу васъ, м. г., студентамъ Университета объявить, что ежели кто изъ нихъ замѣченъ будетъ *въ чемъ-либо предосудительномъ*, то немедленно будетъ выключенъ изъ Университета и отосланъ къ родителямъ или родственникамъ съ учрежденіемъ за нимъ полицейскаго надзора". Кратко и ясно.

Такія объявленія во многомъ дополняютъ кодексъ студенческихъ правилъ чертами и подробностями, взятыми изъ живой дѣйствительности; напр. инспекторъ 31 мая 1850 г. предписывалъ помощникамъ своимъ: „Съ нѣкотораго времени замѣчено, что студенты позволяютъ себѣ шумѣть и (дѣлать) другія шалости въ купальняхъ и такимъ образомъ нарушаютъ спокойствіе дамъ, купающихся тамъ въ смежныхъ отдѣленіяхъ. Почему поручаю в-му б-дію объявить ввѣреннымъ вашему надзору студентамъ за росписками, чтобы купаясь соблюдали должную тишину и приличіе, какимъ долженъ отличаться каждый благовоспитанный молодой человѣкъ въ отношеніи къ дамамъ, а въ противномъ случаѣ съ виновными будетъ поступлено съ примѣрною строгостію, съ запрещеніемъ вообще студентамъ мыться въ купальняхъ".

Иногда подобныя распоряженія исходили отъ ректора, который, впрочемъ, хотя и коронный, не получилъ никакихъ особыхъ правъ по отношенію къ надзору за студентами. Траутфеттеръ выходилъ изъ своей пассивной роли только тогда, когда дѣло касалось его больной стороны—ботаническаго сада. Ректоръ писалъ 5 іюля 1850 года инспектору студентовъ: „Не смотря на неоднократныя подтвержденія мои, студенты Университета св. Владиміра входятъ въ ботаническій садъ Университета безъ билетовъ, рвутъ тамъ цвѣты и даже бьютъ сторожей, препятствующихъ имъ дѣлать это. Вслѣдствіе сего я покорнѣйше прошу ваше выс-діе объявить студентамъ, что я строго приказалъ никого изъ нихъ не впускать въ садъ безъ билета и что за точнымъ исполненіемъ сего я самъ буду наблюдать и виновныхъ подвергать взысканію".

Въ одномъ изъ циркуляровъ своимъ помощникамъ инспекторъ студентовъ въ 1852 году предписывалъ: „Одинъ изъ студентовъ при встрѣчѣ съ исправляющимъ должность генералъ-губернатора княземъ Васильчиковымъ не отдалъ ему должной чести, за что посаженъ въ карцеръ *на 8 сутокъ*. Поставляя это въ извѣстность всѣмъ студентамъ,

поручаю вамъ объявить имъ подъ опасеніемъ строгаго взысканія, чтобы никто изъ нихъ ни подъ какимъ видомъ во все время пребыванія графа Клейнмихеля въ Кіевѣ не посѣщалъ дворцоваго саду, а если кто желаетъ прогуляться, (то пусть гуляетъ) въ университетскомъ ботаническомъ саду" *).

Свойства главнѣйшаго тогдашняго наказанія—карцера обрисовываются въ слѣдующихъ документахъ. 29-го октября 1850 г. казеннокоштный студентъ Од—мовъ представилъ инспектору рапортъ, въ которомъ прописывалъ: „такъ какъ я, по распоряженію в. в. содержусь въ карцерѣ въ такой комнатѣ, что для меня вредно (sic) по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что находясь въ темной комнатѣ, я теряю время, которое долженъ посвящать занятіямъ, дабы могъ быть въ послѣдствіи полезнымъ, служа Его Императорскому Величеству; во-вторыхъ потому что темнота вредно дѣйствуетъ на здоровье всякаго человѣка, то по сему честь имѣю покорнѣйше просить в. в. сдѣлать распоряженіе о перемѣщеніи меня въ свѣтлую комнату". Въ такомъ-же смыслѣ и тогда-же былъ поданъ рапортъ сотоварищами его по заключенію—Гул—скимъ и П—кимъ, опять со ссылкою на ущербъ интереса Его Императорскаго Величества. На всѣхъ этихъ прошеніяхъ инспекторъ написалъ: „объявить, что просьба ихъ не можетъ быть удовлетворена".

Заключенному въ карцеръ назначаются для пищи хлѣбъ и вода. Но бывали случаи, когда заключенный на нѣсколько сутокъ заявлялъ, что не получаетъ этой пищи, т. е. остается совсѣмъ безъ нея. Въ 1850 г. студентъ Гр—ргъ, заключенный въ карцеръ по распоряженію ректора, представилъ этому послѣднему прошеніе, что ему до 17 ноября (а заключенъ онъ былъ 14-го) „не отпускалась порція хлѣба и воды, которою обыкновенно пользуются студенты, подвергаемые заключенію въ карцерѣ". При разслѣдованіи помощн. инсп. Стрельбицкимъ жалобы Гр—рга оказалось, что онъ не получалъ пищи, потому что ея не требовалъ, не зная, что ее нужно требовать. „И по правдѣ сказать, прибавляетъ студентъ, я-бы и теперь не требовалъ и никогда не могу требовать, покуда мнѣ не даютъ". Заключенный заявлялъ въ прошеніи ректору, что онъ заболѣлъ отъ голода; поэтому инспекторъ

---

*) Дѣло канцеляріи инспект. студ. № 68.

просилъ университетскаго врача освидѣтельствовать состояніе его здоровья. Врачъ донесъ, что „студ. Гр—ергъ страдаетъ біеніемъ сердца съ давняго уже времени, что *вовсе не зависитъ отъ того, давали-ли ему пищу или нѣтъ*“. За ложное показаніе инспекторъ приговорилъ Гр—рга еще на двое сутокъ въ карцеръ.

Но историческая добросовѣстность заставляетъ прибавить, что въ большинствѣ случаевъ заключенному въ карцерѣ товарищи несли со всѣхъ сторонъ яства и питье, такъ что время заключенія превращалось въ празднество, и наказаніе теряло свой острый вкусъ и дѣйствительность.

За какіе проступки назначался карцеръ, видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ примѣровъ: 20 февраля 1851 г. въ театрѣ, при представленіи балета, полиція указала инспектору на двухъ студентовъ К. и Б. будто-бы кричавшихъ: „виватъ мазуры!“ „виватъ краковякъ“! Хотя самъ инспекторъ этого не замѣтилъ и *не смотря на изъясненія обоихъ студентовъ,* что они только кричали „браво“, онъ посадилъ ихъ въ карцеръ до распоряженія попечителя „тѣмъ болѣе, что у К—ву воротничекъ сюртука не былъ застегнутъ на всѣ крючки, а Бѣл—скій не имѣлъ при себѣ студенческаго билета. Поведеніе этихъ студентовъ отмѣчалось—*весьма хорошаго.* Управляющій округомъ приказалъ этихъ студентовъ выдержать *недѣлю* въ карцерѣ на хлѣбѣ и водѣ.

Тогда-же студентъ Г. М—вичь, въ театрѣ позволялъ себѣ слишкомъ много шумѣть и хлопать, что однако-же прошло ему безнаказанно, такъ какъ онъ обѣщался инспектору вести себя впредь прилично званію студента. При этомъ случаѣ инспекторъ замѣтилъ ему, чтобы онъ остригъ свои волосы, но какъ онъ не смотря на увѣщаніе, и на второй и третій день все еще продолжалъ шумѣть въ театрѣ, и „волосъ нимало не остригъ“, то инспекторъ призвалъ его къ себѣ и когда онъ явился опять съ длинными, немного приглаженными волосами, то инспекторъ велѣлъ ему пойти въ карцеръ, за ослушаніе; но онъ въ отвѣтъ на это сказалъ „въ присутствіи нѣсколькихъ студентовъ, дерзко и рѣшительно, что волосы свои не считаетъ длинными, а потому въ карцеръ не пойдетъ“.

Вообще не всегда распоряженія властей о заключеніи въ карцеръ исполняемы были безпрекословно. Въ 1853 году (10-го ноября)

инспекторъ писалъ: „нижепоименованные казеннокоштные студенты: Ман — вичъ, Эй — идъ, Во — скій, Слав — скій, Бор — къ, Ле — ръ, Глу — скій и др. съ 8-го на 9-е числа сего мѣсяца не ночевали въ институтѣ, почему въ наказаніе за это я хотѣлъ было подвергнуть ихъ карцеру, но они составили заговоръ съ прочими еще 40 студентами, не бывшими также въ ту ночь въ институтѣ, ослушались моего приказанія, не пошли въ карцеръ“.

Къ этимъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ присоединяется дальнѣйшій разсказъ событія свидѣтелями и потерпѣвшими. Упомянутые 10 студентовъ, выбранные инспекторомъ неизвѣстно почему изъ всей массы мнимыхъ преступниковъ, вытребованы къ генералъ-губернатору и послѣ приличныхъ наставленій, прямо оттуда-же отправлены въ крѣпость. Захваченные въ расплохъ, они не взяли съ собою ни денегъ, ни книгъ. Въ первую ночь ихъ размѣстили временно кое-какъ и даже по двое; по затѣмъ каждаго подвергли одиночному заключенію на хлѣбѣ и на водѣ. Имѣя деньги, конечно, можно было-бы поправить эту бѣду; но денегъ ни у кого не оказалось; правда, плацъ-адъютантъ, препровождавшій ихъ въ крѣпость, рыцарски предлагалъ въ ихъ распоряженіе свой кошелекъ, но никто не воспользовался этимъ благороднымъ вызовомъ. Такимъ образомъ заключенные, дѣйствительно довольствовались однимъ хлѣбомъ и водою. Но еще болѣе хлѣба, чувствовали они потребность въ пищѣ духовной. Одинъ изъ нихъ, наиболѣе предусмотрительный, идя къ генералъ-губернатору, захватилъ съ собою Гизо: „Histoire de la civilisation“ и въ продолженіе этого заключенія выучилъ ее почти наизусть; но такъ какъ въ этой книгѣ изложены весьма смутно феодальныя отношенія, то невольный ревностный ученикъ Гизо пожелалъ письменно, въ видѣ формулъ, изложить этотъ порядокъ; письменныхъ принадлежностей не полагалось, и вотъ стѣны казимата послужили вмѣсто бумаги и на нихъ остались изображеніе сложныхъ формъ феодальной Европы, которая, такимъ образомъ, по грустному комизму обстоятельствъ, попала въ Кіевскую крѣпость со всѣми своими буйтливыми и свободолюбивыми сеньорами. Заключеніе продолжалось 2 недѣли. По прошествіи этого срока арестованныхъ, подъ конвоемъ жандармовъ, опять привели въ домъ генералъ-губернатора, откуда они послѣ новыхъ приличныхъ наставленій, уже свободно пошли въ домъ свой,

Столь-же обычнымъ, какъ карцеръ наказаніемъ сдѣлалось опредѣленіе виновныхъ въ приходскіе учителя и медиковъ въ фельдшера безъ означенія срока. Такому наказанію подвергались студенты за самые разнообразные проступки, иногда дѣтскіе, иногда-же довольно серьезные. Въ *1849 году* казеннокоштный студентъ Тр—мовъ находился шесть дней въ самовольной отлучкѣ изъ института; Бибиковъ, въ наказаніе Тр — мова за этотъ поступокъ и въ примѣръ другимъ, назначилъ его учителемъ въ Порицкое городское училище Волынской губерніи.

Въ апрѣлѣ того-же *1849 года* казеннокоштный студентъ Леонидъ Ла—цкій встрѣченъ Бибиковымъ, гуляющимъ въ сюртукѣ, разстегнутомъ на распашку. На другой день „за таковое неповиновеніе волѣ начальства и въ примѣръ другимъ“ генералъ-губернаторъ назначилъ его, Ла—цкаго, учителемъ въ Пржевальское приходское училище Волынской губерніи.

Въ маѣ того-же *1849 года* Бибиковъ *предписалъ* совѣту Университета отправить казеннокоштнаго студента С. Ду—скаго „за упорное неповиновеніе волѣ начальства“ въ здѣшній военный госпиталь для исправленія фельдшерской должности.

Въ іюнѣ того-же *1849 года* инспекторъ студентовъ донесъ о неповиновеніи казеннокоштнаго студента Бог—вича, упорствующаго въ сокрытіи фамиліи студента, нагрубившаго помощнику инспектора Савицкому; Бибиковъ тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе о назначеніи его, Бог—вича, въ здѣшній военный госпиталь къ исправленію фельдшерской должности съ исключеніемъ изъ списка студентовъ.

Въ мартѣ *1850 года* инспекторъ донесъ о непристойномъ поступкѣ казеннокоштнаго студента 6 семестра историко-филологическаго факультета Ом — нка въ церкви Братскаго монастыря (именно Ом—ко „нарушилъ благочиніе храма, назвавъ въ слухъ одну женщину „дурою“); Бибиковъ черезъ день, назначивъ его учителемъ Лохвицкаго приходскаго училища, предложилъ инспектору отправить его, прямо изъ карцера, съ однимъ изъ педелей къ мѣсту назначенія: Полтавской губерніи, въ г. Лохвицу. Подорожную и деньги на прогоны 50 руб. сер. инспекторъ долженъ получить отъ казначея генералъ-губернаторской канцеляріи.

Явленіе это сдѣлалось до того обычнымъ, что Бибикову надоѣло писать самому; и вотъ „правитель канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа, свидѣтельствуя свое совершенное почтеніе е. в—дію Герману Карловичу (инспектору Тальбергу), имѣетъ честь увѣдомить, что казеннокоштный воспитанникъ Н. Гор—ргъ *за неуспѣшность въ ученіи* назначенъ его высокопр—вомъ въ здѣшній военный госпиталь для исправленія фельдшерской должности, и что его высокопр—во изволилъ приказать объявить студентамъ о таковомъ назначеніи Гор—берга посредствомъ выставки на доскѣ въ рекреаціонной залѣ".

Въ мартѣ *1851 года* казеннокоштный студентъ Университета св. Владиміра Петръ См—скій явился въ театръ въ неформенномъ платьѣ и тѣмъ выразилъ неповиновеніе распоряженіямъ начальства; Бибиковъ назначилъ его въ Кіевскій военный госпиталъ для исправленія должности фельдшера*).

28-го января 1851 г. инспекторъ подалъ докладную записку помощнику попечителя, что студентъ Ник. Пи—нко самовольно намѣревался удалиться изъ строя въ сборѣ студентовъ 26-го числа, и на сдѣланное ему замѣчаніе, чтобы остался въ шеренгѣ, онъ довольно рѣзко отвѣчалъ, что простоялъ уже болѣе получаса, отъ чего почувствовалъ боль въ груди, а потому остаться не можетъ. Когда-же инспекторъ приказалъ ему отправиться тотчасъ въ карцеръ онъ громко сказалъ: „ну въ карцеръ я пойду", что исполнилъ однако-жъ не прежде какъ на другой день послѣ вторичнаго приказанія, за что и посаженъ въ карцеръ на 10 дней. Генералъ-губернаторъ за ослушность и дерзкую выходку Пи—нко, назначилъ его учителемъ въ Топоржицкое приходское училище и предложилъ инспектору отправить его немедленно съ однимъ изъ педелей въ Житоміръ къ директору училищъ Волынской губерніи. Но въ сентябрѣ Пи—нко прислалъ къ инспектору письмо въ которомъ, излагая жалкое свое положеніе, проситъ извиненія и прощенія въ своемъ проступкѣ, обѣщая быть впредъ примѣрнымъ студентомъ. Представляя подлинное письмо на благоусмотрѣніе попечителя, инспекторъ просилъ, снисходя къ раскаянію его, принять его обратно въ Университетъ. И онъ былъ принятъ опять на казенное содержаніе.

---

*) Дѣло канцеляріи инспект. студ. № 20.

Въ августѣ 1850 года двое казеннокоштныхъ студентовъ въ институтѣ произвели между собою ссору, причемъ одинъ изъ нихъ до того забылся, что ударилъ въ лицо другаго. За таковый поступокъ обоихъ студентовъ Бибиковъ назначилъ учителями въ приходскія училища: перваго въ Пржевальское (Волынской губерніи), а другаго въ Кобелякское (Полтавской губерніи) и предписалъ отправить ихъ къ мѣстамъ съ нарочными по одному изъ педелей. Лишь черезъ годъ слишкомъ, именно 21 ноября 1851 года Бибиковъ разрѣшилъ опять принять одного изъ нихъ по прежнему на казенное содержаніе. Въ 1852 году Бибиковъ назначилъ студента Т—скаго за *карточную игру* приходскимъ учителемъ въ Пржевальское улилище Волынской губерніи.

Опредѣленіе приходскими учителями или фельдшерами, разумѣется соединялось съ увольненіемъ изъ числа студентовъ; но считалось мѣрою менѣе тяжкою, чѣмъ исключеніе изъ Университета, вѣроятно потому, что въ первомъ случаѣ, обыкновенно „опала" была кратковременною; гнѣвъ смѣнялся милостію; высланный опять возвращался въ число студентовъ и благополучно оканчивалъ курсъ. Во второмъ-же случаѣ это было не всегда. Кромѣ того въ декабрѣ 1849 г. состоялось Высочайшее повелѣніе, по которому виновные въ нарушеніи правилъ, по истощеніи надъ ними другихъ средствъ наказанія, должны быть при увольненіи изъ Университета высылаемы изъ города Кіева. Но куда? Предполагалось, что въ домы родителей; для многихъ бобылей это являлось вопросомъ неразрѣшимымъ. Но и родители, у кого они были, не весьма радостно встрѣчали сынка „съ будущимъ".

Для характеристики этого весьма серьезнаго наказанія приведемъ примѣры. 8-го ноября 1850 года инспекторъ будучи на храмовомъ праздникѣ въ Михайловскомъ монастырѣ въ полной формѣ для наблюденія за порядкомъ со стороны студентовъ, замѣтилъ допущеннаго къ слушанію университетскихъ лекцій Гр. Ц—каго въ партикулярномъ платьѣ, но въ студенческой шинели и при выходѣ изъ церкви сказалъ ему, чтобы онъ отнюдь не носилъ студенческой формы, что запрещено ему впредь до зачисленія его въ студенты и что онъ, инспекторъ приказываетъ снять съ него студенческую шинель. Въ отвѣтъ на это Ц—кій возразилъ, что онъ инспекторъ не смѣетъ это сдѣ-

лать, ибо не имѣетъ па то никакого права. Когда-же по приказанію инспектора сняли съ него шинель, то онъ назвалъ этого послѣдняго публично *невѣждою*, послѣ чего бывшій тутъ полицейскій чиновникъ по просьбѣ инспектора арестовалъ его, а шинель виновнаго взята въ канцелярію. Черезъ два дня послѣ этого генералъ-губернаторъ предписалъ ректору Университета воспретить Ц—кому слушать лекціи въ Университетѣ и увѣдомляя о томъ инспектора предложилъ распорядиться о высылкѣ Ц—каго изъ г. Кіева, на точномъ основаніи извѣстнаго Высочайшаго повелѣнія. Впрочемъ въ этомъ случаѣ опала продолжалась не долго, черезъ два мѣсяца Ц—кій подалъ прошеніе о принятіи его вновь въ Университетъ и Бибиковъ объявилъ ему, что онъ будетъ принятъ, если инспекторъ проститъ его. Инспекторъ донесъ, что въ уваженіе молодости Ц—каго и ходатайства бѣдной вдовы-матери его, онъ съ удовольствіемъ прощаетъ его.

Въ январѣ 1851 года Бибиковъ *предписалъ совѣту* Университета св. Владиміра студента Петра Кл—каго исключить вовсе изъ Университета за ослушность противъ распоряженія начальства и предложилъ инспектору отправить его немедленно съ нарочнымъ, благонадежнымъ педелемъ, къ матери (не близко — въ Минскую губернію) и отдать ей на руки *за роспискою*, приказавъ назначенному для сего педелю явиться немедленно къ казначею генералъ-губернаторской канцеляріи за полученіемъ подорожной и прогонныхъ денегъ. При семъ онъ присовокупилъ, что студентъ Кл—кій содержится въ крѣпости на гауптвахтѣ *). И Кл—кій черезъ 4 мѣсяца былъ прощенъ въ слѣдствіе заявленія инспектора, что онъ въ бытность свою въ Университетѣ велъ себя хорошо и учился прилежно, а главное въ уваженіе того, что онъ единственный сынъ у матери, бѣдной вдовы, которая ходатайствовала о принятіи его обратно въ Университетъ. Въ январѣ 1851 г. Бибиковъ увѣдомилъ совѣтъ Университета, что студентъ Ник. Р—скій 24 января былъ въ театрѣ въ нетрезвомъ видѣ, и что онъ сдѣлалъ распоряженіе объ отправленіи Р—скаго съ нарочнымъ къ матери.

Совѣтъ при всѣхъ этихъ случаяхъ игралъ весьма страдательную роль. Бибиковъ давалъ свои предписанія въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ, напр. такъ: „21-го декабря 1851 года въ совѣтъ

---

*) Дѣло канц. инспек. студ. № 45.

Университета св. Владиміра. Предлагаю казеннокоштнаго студента Мих. К — скаго, за сдѣланный имъ предосудительный проступокъ, исключить вовсе изъ Университета" *). Въ 1853 году, при высылкѣ одного студента на должность приходскаго учителя произведена (довольно мирная) демонстрація нѣкоторыми изъ его товарищей, именно устроены ему торжественные проводы. Въ слѣдствіе докладной записки инспектора объ этомъ предосудительномъ поступкѣ, генералъ-губернаторъ — кн. Васильчиковъ предписалъ совѣту Университета св. Владиміра исключить изъ числа студентовъ: Вл. Ку — цкаго, Вл. Ст — нова, Ив. Л — ку-Пар — скаго, Ѳеод. Жор — кова, Вл. Б — ца, Вас. Сав — ча и Г. Ю — нка, а инспектору предложилъ изъ числа поименованныхъ исключенныхъ студентовъ отправить немедленно, при своихъ отзывахъ, съ надежными педелями, Ст — нова въ г. Черкассы къ дядѣ его, Ку—цкаго въ Радомысль къ отцу, а Жор—кова въ г. Умань къ матери. Остальнымъ-же четыремъ объявить, чтобы въ 24 часа выѣхали изъ Кіева. На счетъ четырехъ послѣднихъ студентовъ, инспекторъ долженъ былъ тоже извѣстить ихъ родителей. Прикосновенныхъ къ сему дѣлу студентовъ де-Ро—н и Пис — рскаго предложено выдержать въ карцерѣ *пятнадцать дней*, объявивъ при томъ, что если они впредь будутъ замѣчены въ подобныхъ поступкахъ, то подвергнутся также исключенію изъ Университета. Желающему поступить въ Университетъ св. Владиміра Мих — вскому объявлено, что онъ въ этотъ Университетъ принятъ не будетъ и чтобы по этому въ Кіевѣ не жилъ. Вмѣстѣ съ симъ предписано казначею канцеляріи генералъ-губернатора выдать три подорожныхъ бланка и денегъ примѣрно въ оба пути, до г. Радомысля 8 р., до г. Умани 30 руб. и до г. Черкассъ 35 руб., всего 73 рубля, которые вручить педелямъ при шнуровыхъ тетрадяхъ, съ тѣмъ, чтобы они по возвращеніи представили отчетъ въ израсходованныхъ деньгахъ **).

Въ маѣ 1853 г. въ Одессѣ въ воскресенье, прогуливался на приморскомъ бульварѣ студентъ Кіевскаго Университета съ отрощенными усами, безъ полу-формы, въ сюртукѣ на роспашку и съ палкою въ рукахъ (толстый хлыстъ). По приказанію директора Ришельевскаго

*) Дѣло совѣта 1851 г. № 10.

**) Дѣло канцеляріи инспект. студ. № 225.

лицея помощник инспектора просил этого студента, назвавшагося Гер—тейном, чтоб он оправился и не носил палки, но он выразил удивление о существовании правила, воспрещавшаго ходить съ палкою, хотя и привел сюртук въ порядок, продолжал прохаживаться по главной аллеѣ бульвара попеременно, то съ палкою, то съ зонтом. Въ слѣдствіе доклада о том помощнику попечителя Кіевскаго учебнаго округа, совѣт Университета уволил Гер—тейна, среди каникул, вовсе из числа студентов, так что увѣдомленіе о том было послано ему въ Одессу и предписано отобрать у него билет. 27-го апрѣля 1855 года инспектор Ришельевскаго лицея увѣдомил инспектора студентов Университета св. Владиміра, что отпущенный на праздник Пасхи въ Одессу студент этого Университета Адольф Вал—ух, не смотря на внушеніе, сдѣланное ему при предъявленіи им отпускнаго билета, чтобы он вел себя благопристойно, позволяет себѣ курить сигары на приморском бульварѣ, въ праздничные дни, въ то время, когда по аллеям бульвара прохаживается высшее начальство и публика. Получив о сем донесеніе инспектора Вержбицкаго, кн. Васильчиков предложил совѣту Университета, студента Вал—уха, за прописанный проступок исключить вовсе из Университета св. Владиміра *).

При таких сильных и всеобъемлющих средствах надзора и утрированных заботах о нравственности студентов, полезно спросить, на каком уровнѣ нравственности стояли тогда молодые люди. Конечно, здѣсь рѣчь ни въ каком случаѣ не может коснуться всей массы; она простирается только на тѣх, которые оставили слѣды въ бумагах Университета; а такіе слѣды оставляются, как извѣстно, лишь не похвальными дѣлами. Но въ ряду проступков интересно наблюдать или простую шалость, или безнравственность.

Прежде всего наблюдателя поражает, что хотя тогдашнія мѣры были направлены почти исключительно к поддержанію внѣшней дисциплины и духа повиновенія начальству, онѣ не вполнѣ достигали цѣли и въ этом отношеніи, как и въ предыдущую эпоху.

Что-же касается вообще до нравственных принципов тогдашняго воспитательнаго надзора, то выше были приведены факты, что

---

*) Дѣло канц. инспект. студ. № 45.

Бибиковъ охотно прощалъ проступокъ студента, если тотъ давалъ ловкій отвѣтъ и обнаруживалъ находчивость. Хотя это и подкупаетъ насъ веселымъ исходомъ дѣла, но въ существѣ остается систематическимъ покровительствомъ лжи, въ родѣ спартанскихъ законовъ, покровительствовавшихъ ловкому воровству. Одинъ студентъ того времени вспоминаетъ, какъ нѣкто, тоже студентъ, выбѣжалъ поутру рано въ цивильномъ сюртукѣ, но въ студенческой фуражкѣ, въ лавку за булкой; на встрѣчу Бибиковъ и, разумѣется, грозный окликъ. Находчивый студентъ выдалъ себя за лакея студентовъ, схватившаго барскую фуражку по торопливости *). Такими случаями могли воспитываться однако лакейскія чувства.

„Многимъ, я думаю, памятна (разсказываетъ одинъ современникъ) слѣдующая исторія изъ студенческой жизни того времени. Одинъ студентъ, котораго генералъ-губернаторъ отправилъ въ карцеръ, въ сопровожденіи квартальнаго, съумѣлъ разсказами о горькомъ положеніи, которое ждетъ его во все время пребыванія въ карцерѣ, смягчить сердце исполнителя законовъ и приказаній и упросилъ его передъ карцеромъ заѣхать въ трактиръ; но тамъ жестоко отмстилъ ему за его мягкосердечіе. Именно: напоивъ его пьянымъ, онъ самъ преобразился въ квартальнаго, а на своего безчувственнаго стража надѣлъ свое форменное платье и въ такомъ видѣ доставилъ его въ Университетъ, при письменномъ оффиціальномъ приказаніи запереть его въ карцеръ. При этомъ сторожу, которому онъ сдалъ на храненіе квартальнаго подъ своимъ именемъ, внушилъ, что студентъ, попавшій въ карцеръ—мономанъ и всегда выдаетъ себя за какого-то квартальнаго. Понятно, какая комическая сцена произошла, когда квартальный въ карцерѣ проспался... Бибиковъ, кажется простилъ обоимъ“ **).

Нечего и говорить, что на буйства и шалости, не имѣющія безнравственнаго характера, смотрѣли сквозь пальцы и нѣсколько потѣшались ими. Студенты кутили, задавали гомерическіе пиры, отъ которыхъ трещали и приходили въ негодность скромные дома тогдашнихъ тихихъ обывателей Кіева. Они переносили въ свой кругъ всѣ привычки

---

*) „Кіевлянинъ“, 1876 г. № 87.

**) „Кіевлянинъ“ 1870 г. № 32: „Преданіе о Р—фѣ студентѣ-поэтѣ стараго времени; къ характеристикѣ кіевской университетской жизни 1840—50-хъ годовъ“.

тогдашняго армейскаго общества, самого влiятельнаго и образованнаго въ тѣ дни. Нѣкiй штабсъ-капитанъ А. Г—скiй 3-го февраля 1856 г. заявилъ: „квартирующiе у меня въ домѣ гг. студенты Ф. Ив—кевичъ и Сил. Г—скiй безъ вѣдома и согласiя моего 2-го числа сего мѣсяца, созвавши къ себѣ товарищей и разныхъ прiѣхавшихъ на контракты дворянъ до ста человѣкъ, открыли пиръ съ музыкой, нескромными танцами и хоромъ нестройныхъ пѣсень, а извощики ихъ, занявши весь дворъ и кухни, производили шумъ и пляску подъ особую музыку. Произвольное движенiе такого количества людей, съ семи до трехъ часовъ ночи, грозило разрушенiемъ или поврежденiемъ дома; загрязненъ домъ, смыты и запачканы въ комнатахъ крашенные полы, сломаны три стула и два замка, а отъ потрясенiя щекотурка во многихъ мѣстахъ лопнула; я лишенъ былъ моей власти и никакими мѣрами удержать благочинiя не могъ, тѣмъ болѣе, что никого изъ лицъ надзирающихъ не находилось, и хотя въ 11 часовъ ночи я приносилъ лично жалобу г. Г—мову (помощнику инспектора), но онъ оставилъ до утра“ *).

Только-что цитированный современникъ разсказываетъ, какъ пировалъ герой того времени студ. Р—фъ, какъ онъ круглый годъ—и лѣтомъ и зимою разъѣзжалъ на санкахъ по мощенымъ и немощенымъ улицамъ тогдашняго Кiева, какъ устраивая пиры, онъ выносилъ изъ квартиры всю мебель, выставлялъ всѣ рамы, чтобы отнять предметы и орудiя истребленiя, какъ у него вносили напитки въ ведрахъ на коромыслахъ. Впрочемъ разсказчикъ прибавляетъ, что „тогдашнiе студенты употребляли въ дѣло въ случаяхъ оскорбленiя чести, рапиры и пистолеты, а не собственныя ладони, полагая не безъ основанiя, что цивилизованному человѣку во всѣхъ случаяхъ слѣдуетъ примѣнять дары цивилизацiи, а не пользоваться средствами, которыми снабдилъ человѣка Господь Богъ при сотворенiи Адама. Кромѣ дуэлей,... занесенныхъ къ намъ изъ Дерпта, употреблялось и средство убѣжденiя, причемъ главнымъ мотивомъ къ прекращенiю ссоръ выставлялось опасенiе замарать „честь студенческую“, которую раздѣляло со студентами и начальство Университета, приглашаемое, въ лицѣ любимыхъ субъ-инспекторовъ, на попойки.

---

*) Дѣло инспект. студ. № 49.

Кромѣ попоекъ, студенческое времяпрепровожденіе состояло въ въ устройствѣ „исторій" комическаго рода. „Жизнь студенческая лилась тогда, по выраженію одного изъ ея представителей, шумно и привольно, разгульно и раздольно, какъ Днѣпровская струя"; она сосредоточивала въ себѣ нерѣдко интересы дня извѣстныхъ слоевъ тогдашней кіевской публики и если случалось, положимъ, что студенты въ треуголкахъ и при шпагахъ, выстраивались гдѣ-нибудь около церкви при разъѣздѣ съ торжественнаго служенія, чтобы отдать честь *будущей невѣстѣ ректора*, то это интересовало многихъ въ городѣ. Оканчивалась подобная исторія разбирательствомъ и карцеромъ, но послѣдній, по существовавшимъ тогда понятіямъ, окружалъ заключеннаго ореоломъ какого-то удальства".

Все это, составляя общій колоритъ студенческой жизни, указываетъ только на пустую и праздную жизнь студенчества, не возбуждая къ себѣ брезгливости нравственнаго чувства. Типъ студента того времени, напоминающій отчасти героя былинъ, есть человѣкъ разгула, кутежа, врагъ полиціи и уличныхъ фонарей, не лишенный однако, чувства корпоративной чести. Одинъ изъ лучшихъ героевъ того времени поэтъ Р—фъ, оканчивавшій свой курсъ 45 лѣтъ отъ роду, такъ выразилъ въ своемъ стихотвореніи: „Студентская жизнь" лучшія стороны этого типа:

То съ бутылкой, то съ ланцетомъ,
То съ рапирой, то съ перомъ,
То съ улыбкой и привѣтомъ,
То съ поднятымъ кулакомъ....
Лейся-жъ шумно и привольно
Жизнь студентская моя
И разгульна и раздольна
Какъ Днѣпровская струя *).

Праздность и безшабашный разгулъ только въ лучшихъ людяхъ скрашивались такимъ поэтическимъ оттѣнкомъ; въ массѣ-же они принимали характеръ буйствъ и грязноватыхъ нарушеній общественнаго порядка. Прибить встрѣчнаго чиновника, ни въ чемъ неповиннаго, отнять у него шпагу и шляпу, разбить полицейскую будку, дать сра-

*) Кіевлянинъ 1870 г. № 33.

женіе полицейскому обходу считалось дѣломъ молодечества и удальства.

Но для насъ гораздо важнѣе свидѣтельства о проступкахъ, обнаруживающихъ полное паденіе нравственныхъ началъ,—свидѣтельства чрезмѣрно многочисленныя въ дѣлахъ инспекторскаго управленія; но мы все-таки не рѣшаемся ихъ обобщать и даже удерживаемся отъ изображенія ихъ подробностей. Здѣсь желающій найдетъ: дѣла объ обольщеніи дѣвицъ и содержаніи на счетъ обольщенныхъ, дѣла о присвоеніи ввѣренныхъ денегъ, о принятіи на себя чужаго имени при заказахъ платья съ цѣлію не платить за него, наконецъ дѣла объ ограбленіи и разбоѣ.

Прибавивъ къ этому, что національная задача Университета св. Владиміра была совершенно забыта, мы поймемъ, какъ мало достигалъ цѣли строжайшій инспекторскій надзоръ того времени.

Особенныя и чрезвычайныя мѣры надзора въ Университетѣ св. Владиміра заставляли многихъ студентовъ искать выхода изъ этого Университета въ другіе. Но Бибиковъ своевременно принялъ противъ того свои мѣры. 29-го іюня 1849 года онъ увѣдомилъ совѣтъ Университета св. Владиміра, что „Государь Императоръ въ слѣдствіе дошедшихъ до Его Величества свѣдѣній, что многіе студенты Университета св. Владиміра будучи недовольны нѣкоторыми, касающимися надзора за ними, нововведеніями, стараются переходить въ другіе Университеты, Высочайше повелѣть соизволилъ: строго запретить переходъ студентовъ Университета св. Владиміра въ другіе университеты имперіи безъ уважительныхъ причинъ и наблюдать за прекращеніемъ таковыхъ переходовъ“.

„Г. министръ народнаго просвѣщенія, увѣдомляя о сей Монаршей волѣ, присовокупилъ, что онъ предложилъ начальствамъ учебныхъ округовъ, не принимать въ Университетъ молодыхъ людей, выбывающихъ до окончанія курса изъ Университета св. Владиміра, если въ свидѣтельствахъ выдаваемыхъ имъ отъ онаго, не будетъ именно сказано, что къ выбытію изъ сего Университета и поступленію въ другой университетъ такой-то студентъ имѣетъ законное право“.

Бибиковъ съ своей стороны предложилъ во всѣхъ выдаваемыхъ студентамъ свидѣтельствахъ объ увольненіи изъ Университета до окончанія курса означать причины ихъ увольненія и въ тѣхъ случаяхъ,

когда студентъ объявляетъ намѣреніе перейти въ другой Университетъ, входить къ нему съ представленіемъ о томъ, нѣтъ-ли съ его стороны препятствій къ таковому переходу *).

Тогда остался только одинъ выходъ изъ Университета — полное увольненіе, преимущественно для поступленія въ военную службу, къ чему представлялись многіе поводы въ ту грозную севастопольскую эпоху. 4-го августа 1854 г. министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ сдѣланное уже кн. Васильчиковымъ распоряженіе объ увольненіи казеннокоштнаго студента Университета св. Владиміра Константина Афанасьева изъ Университета, для поступленія въ военную службу, разрѣшивъ, по уваженію къ настоящимъ обстоятельствамъ и по вниманію къ несостоятельности отца Афанасьева, освободить его отъ взноса, употребленной на содержаніи его въ Университетѣ суммы, по дѣйствительномъ вступленіи его въ военную службу. Въ томъ-же 1854 г. подали прошенія объ увольненіи для поступленія въ военную службу студенты: Павелъ Чеховичъ, Редькинъ-Левченко и др. Студенты изъ малороссійскихъ дворянъ спѣшили въ конныя казачьи ополченія, формировавшіяся въ 1855 г. (напр. П. Гамалѣя и друг.). Студенты Университета изъ южныхъ славянъ почти поголовно ушли на арену національной борьбы.

Общій патріотическій подъемъ національнаго духа, овладѣвшій студентами изъ русскихъ и славянъ, сгладилъ и искупилъ множество прегрѣшеній, господствовавшихъ въ студенческой средѣ; удаль и молодечество, тратившіяся на дѣла непохвальныя, нашли себѣ благородный исходъ. Это высокое движеніе истиннаго патріотизма указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на то, что спеціальныя предписанія 1849 г. объ особенномъ наблюденіи за студентами не имѣли подъ собой никакой реальной почвы относительно студентовъ упомянутыхъ національностей. Въ главной массѣ студенчества, не смотря ни на что, сохранялись здравые гражданскіе и человѣческіе принципы.

---

*) Дѣло совѣта 1849 г. № 168.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Экономическій бытъ студентовъ 1834—1855 гг.

На предыдущихъ страницахъ этой исторіи намъ не приходилось касаться экономическаго быта студентовъ; заговоривъ теперь объ этомъ предметѣ, соединяемъ свѣдѣнія о немъ за весь пройденный нами періодъ въ совокупности.

Хотя главный составъ студентовъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ былъ такъ сказать аристократическій, т. е. бо́льшая часть ихъ происходила изъ мѣстныхъ дворянъ, но немалая доля этого числа и тогда лишена была всякихъ собственныхъ средствъ содержанія, не смотря на невѣроятную для насъ тогдашнюю дешевизну жизни въ Кіевѣ, и не смотря на то, что въ оныя времена, при малочисленности другихъ учебныхъ заведеній въ городѣ, запросъ на студенческій трудъ, въ видѣ репетицій и уроковъ, былъ несравненно выше теперешняго, а общее число студентовъ вдвое менѣе нынѣшняго.

Группы университетской молодежи по различію матеріальнаго достатка совпадали съ національными отдѣлами ихъ: поляки выдавались извнѣ не только достаткомъ, но и франтовствомъ; малороссы, даже и не бѣдные, сливались въ однообразную сѣренькую массу, отъ которой вѣяло нѣсколько утрированнымъ демократизмомъ. Не можемъ не привести здѣсь выдержки изъ впечатлѣній новопоступающаго студента 50-хъ годовъ: „въ этой толпѣ, говоритъ онъ, сновавшей и бесѣдовавшей, собралась молодежь разныхъ націй; особенно бросались въ глаза поляки, евреи и малороссы. Первые отличались стройностью и ловкостью, франтовствомъ, лихо на бокъ надѣтыми чапечками, заносчиво поднятыми кверху физіономіями съ закрученными тоненькими усиками и самоувѣренною поступью. Вторые, евреи—рѣзкими чертами, торопливою... походкой, тѣсно сбитыми кучками и тихимъ шепотомъ при сильной жестикуляціи; отдѣльные субъекты изъ богатыхъ домовъ, преимущественно—одесситовъ, отличались массивными золотыми цѣпочками и черезчуръ уже русскимъ выговоромъ, такъ и бившимъ въ уши. Малороссы выдѣлялись крѣпостью сложенія, тяжеловатостію, крупными чертами лица, громкою національною рѣчью, размашистыми

движеніями, смѣхомъ во все горло и напускною грубоватостью и даже цинизмомъ. Великоруссы-же и другія національности какъ-то стушевывались; ихъ было очень мало. Больше всего было поляковъ, за ними малороссовъ, а потомъ евреевъ. Преобладающій языкъ былъ польскій. Во всѣхъ этихъ категоріяхъ молодежи отдѣлялась аристократія—вымытая и припомаженная, большею частію съ прической à l'anglaise, въ узкихъ модныхъ панталончикахъ и съ французскимъ діалектомъ въ рѣчи,—отъ діаметрально противоположной ей демократіи, съ загорѣлыми лицами, взъерошенными волосами, потертыми сюртуками, безъ перчатокъ и съ старыми шапками. Еще слѣдуетъ сказать объ одной категоріи, въ которой національность не кидалась въ глаза и которая, по наружности, примыкала ближе къ демократіи — о семинаристахъ. Они тогда уже стали замѣтно появляться между поступающими въ Университетъ: держались особнякомъ и избрали удѣломъ своимъ серьезность, отчасти даже суровость, легко отличавшую ихъ отъ остальной молодежи,— въ большинствѣ веселой и безпечной. Видно было, что путь, по которому семинаристъ пришелъ къ университетскому крыльцу и въ сборную залу съ прошеніемъ о пріемѣ въ студенты и съ пустымъ карманомъ, не такъ былъ легокъ, какъ путь большинства, хоть и не богатой молодежи" *).

Главная масса студентовъ, люди съ ограниченными средствами, тѣснилась въ „латинскомъ кварталѣ" Кіева, т. е. на Новомъ Строеніи въ тогдашнихъ скромныхъ трехоконныхъ домикахъ патріархальныхъ мѣщанъ и отставныхъ чиновниковъ. „Здѣсь, говоритъ тотъ-же старый студентъ, они чувствовали себя какъ дома и здѣсь слагались всѣ симпатіи ихъ жизни. И къ нимъ всѣ, и они ко всему тутъ привыкали: и къ затхлому воздуху и сырости своихъ квартиръ и къ свѣжему воздуху маленькихъ садиковъ, разбросанныхъ почти при каждомъ домикѣ... И переходилъ этотъ районъ квартиръ, какъ по наслѣдству, отъ одного поколѣнія студентовъ къ другому... Полъ не крашеный; съ потолка безцеремонно глядѣла балка. Воздухъ затхлый, часто сырой, пахло капустой и грязной лоханью, зимою нерѣдкость —холодъ. Но солнце такъ ярко бывало пробивается сквозь радужныя отъ старости стекла крохотныхъ окошекъ и весело играетъ золотою

*) „Воспоминанія изъ университетской жизни". „Кіевлянинъ" 1876 г., № 85.

полосой на неровномъ, затоптанномъ полу, или стѣнѣ; а хозяева такъ привѣтливо смотрятъ въ глаза, и цѣна комнатокъ такая невысокая—3—4 рубля въ мѣсяцъ, что невольно забывался незатѣйливый видъ ихъ, а впослѣдствіи они даже становились привлекательными". Вообще цѣна студенческихъ квартиръ колебалась отъ 5 до 10 руб.: за обыкновенныя студенческія платилось 3—5 рублей, за лучшія 6—7; наконецъ самыя аристократическія — 10. „Иногда-же студентъ нанимаетъ прямо уголъ за рубль или $1^1/_2$ въ мѣсяцъ". То было въ 50-хъ годахъ. Впослѣдствіи новая жизнь, начавшаяся послѣ севастопольской эпохи, вытѣснила студенческое населеніе изъ смирныхъ домиковъ, выступавшихъ на улицу, въ глухіе и пахучіе задворки; да и самые мѣщанскіе домики уступили мѣсто двухъ и трехъ-этажнымъ безвкуснымъ ящикамъ; и садиковъ стало меньше и прежняго солнушка не видно за этими высокими домами. Все пошло по новому, лишь карманы студенческаго міра оставались такими-же.

Такъ жила главная масса. Люди болѣе богатые не тѣснились по три и по четыре въ одной комнатѣ, имѣли при себѣ свою крѣпостную прислугу—„козачка" 14—16 лѣтъ, неизмѣннаго оруженосца и пособника студенческихъ похожденій, который также проходилъ свой курсъ весьма нежелательной цивилизаціи большаго города. Члены дѣйствительныхъ аристократическихъ фамилій (польскихъ), которыхъ тогда было не мало въ Университетѣ, особенно на II-мъ отдѣленіи философскаго факультета, жили съ своими семействами въ Липкахъ и ѣздили на лекціи въ каретахъ. Они, главнымъ образомъ, составляли непремѣнныхъ членовъ высшаго кіевскаго общества и генералъ-губернаторскихъ вечеровъ, хотя на эти послѣдніе приглашались и люди средняго студенческаго круга, смотря по успѣхамъ и поведенію.

Остальная масса студентовъ находила свой кругъ въ среднемъ классѣ общества, но вообще студентъ былъ желательнымъ и дорогимъ гостемъ кіевскаго общества. Не смотря на различіе указанныхъ категорій студенчества, общеніе между студентами въ прежнія времена было гораздо болѣе тѣсное. „Товарищество и дружба между студентами, сколько можно судить по старымъ разсказамъ и воспоминаніямъ, были тѣснѣе и сильнѣе въ старое время, чѣмъ теперь, говорилъ въ 50-хъ годахъ В. Я. Шульгинъ о самыхъ первыхъ временахъ нашего Университета, и прибавилъ: „быть можетъ потому, что студентовъ было

тогда меньше, что студенты тогдашнихъ факультетовъ слушали болѣе общихъ наукъ, чѣмъ теперь. Наконецъ не было тогда этой преобладающей массы медиковъ, составляющихъ теперь въ Университетѣ какъ-бы отдѣльное сословіе спеціалистовъ, которые не имѣютъ ничего общаго въ научномъ отношеніи съ студентами другихъ факультетовъ. Особенно рѣзкаго разрыва между студентами разныхъ націй тогда почти не было. Студенты сближались и раздѣлялись не столько по религіи и народности, сколько по мѣсту воспитанія. Если и существовало нѣкотораго рода отчужденіе, то оно проявлялось между студентами праваго и студентами лѣваго берега Днѣпра". Послѣднее замѣчаніе едва-ли вѣрно и для первыхъ временъ кіевской университетской жизни: Днѣпромъ раздѣлялись именно націи: и православный правобережный человѣкъ смахивалъ на поляка.

Этою двойственностію національности можно объяснить то обстоятельство, что долго, почти до конца этой эпохи, общественная и частная благотворительность не приходила на помощь бѣдствующему студенчеству: поляки въ главной массѣ были обезпечены въ средствахъ; русское общество въ Кіевѣ было слабо числомъ и ничтожно вліяніемъ.

Первый починъ въ этомъ сдѣланъ корнетомъ Лашкевичемъ. Шелъ этотъ починъ отъ лѣвобережнаго малороссійскаго помѣщика, какъ и слѣдовало ожидать. Стипендіаты Лашкевича подчинены были въ 1848 г. правиламъ, постановленнымъ для казеннокоштныхъ воспитанниковъ относительно полугодичныхъ и окончательныхъ испытаній. Кромѣ этихъ стипендій, за весь первый періодъ существованія Университета, учреждены еще только степендія Д. Г. Бибикова въ 1853 году для дѣтей преподавателей и чиновниковъ Университета св. Владиміра и Кіевскаго учебнаго округа *). Впрочемъ мы увидимъ ниже, что приказы общественнаго призрѣнія содержали въ Университетѣ нѣсколько своихъ

*) Въ 1848 г. (января 24) нѣкто кол. ас. Антонъ Матв. Волудскій, жившій въ гор. Любимѣ, Ярославской губерніи, просилъ совѣтъ указать ему, сколько требуется въ Кіевѣ на содержаніе одного студента, такъ какъ онъ намѣренъ воспитывать въ здѣшнемъ Университетѣ по одному человѣку изъ поступающихъ въ Университетъ для образованія себя въ медицинскихъ, ветеринарныхъ и фармацевтическихъ наукахъ. Медицинскій факультетъ отвѣтилъ, что степендія должна быть не менѣе 300 руб. сер. въ годъ. Чѣмъ кончилось дѣло не знаемъ.

воспитанниковъ; но этого нельзя назвать частною благотворительностію. Почти вся благотворительная дѣятельность въ пользу студентовъ досталась на долю правительства въ двухъ учрежденіяхъ: институтѣ казеннокоштныхъ студентовъ и заведеніи для недостаточныхъ студентовъ.

Институтъ казеннокоштныхъ студентовъ. Институтъ казеннокоштныхъ студентовъ учрежденъ при самомъ основаніи Университета и опредѣленъ особою главою устава 1833 года Комплектъ казенныхъ студентовъ на первый разъ полагался въ 50 человѣкъ; изъ нихъ 26 предназначались въ учительское званіе и 24 въ гражданскіе чиновники; но число тѣхъ и другихъ по мѣрѣ способовъ могло быть и умножаемо. Особыя практическія упражненія студентовъ—педагоговъ назначены были по отечественной словесности, древней филологіи, педагогикѣ и чистой математикѣ; наблюденіе за этими занятіями возложено на профессоровъ соотвѣтствующихъ каѳедръ; они должны были заниматься съ казенными студентами особо по два часа въ недѣлю за особое вознагражденіе. Будущіе гражданскіе чиновники должны заниматься практически подъ руководствомъ одного изъ профессоровъ-юристовъ, а въ послѣдній годъ университетскаго курса ихъ предписано употреблять для практики въ университетскомъ правленіи, подъ наблюденіемъ синдика и секретарей. При выпускѣ ихъ изъ Университета совѣтъ препровождаетъ попечителю, а попечитель генералъ-губернатору, списокъ этихъ правовѣдовъ съ подробнымъ означеніемъ ихъ знаній и нравственныхъ качествъ, для распредѣленія въ государственную службу въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской. Всѣ казеннокоштные обязаны прослужить 6 лѣтъ за воспитаніе. Нравственный надзоръ ввѣряется инспектору, а хозяйственная часть эконому, котораго опредѣляетъ попечитель.

По уставу 1842 г. въ Университетѣ св. Владиміра полагались: 1) институты: педагогическій, юридическій и медицинскій, 2) заведеніе для недостаточныхъ студентовъ. Цѣлію института педагогическаго поставлено образованіе учителей для гимназій и уѣздныхъ училищъ, юридическаго — снабженіе губернскихъ присутственныхъ мѣстъ способными и свѣдущими въ законовѣдѣніи чиновниками; медицинскаго—приготовленіе врачей на службу по распоряженію правительства. Въ 1-мъ полагалось 30 студентовъ, во 2-мъ—20, въ 3-мъ—80 на казенномъ содержаніи. Въ опредѣленіе устройства 1-го и 3-го изъ этихъ

институтовъ уставъ 1842 г. не входитъ, ссылаясь на 151—163 статьи общаго устава университетовъ; но уставъ Кіевскаго Университета входитъ въ нѣкоторыя подробности относительно юридическаго института, именно: въ этотъ институтъ могутъ быть зачисляемы пансіонерами воспитанники приказовъ общественнаго призрѣнія и другихъ вѣдомствъ съ ежегоднымъ взносомъ положенной платы за содержаніе. Воспитанники юридическаго института, въ послѣдніе два года пребыванія въ Университетѣ, упражняются въ практическомъ дѣлопроизводствѣ подъ руководствомъ профессора юридическаго факультета, назначеннаго совѣтомъ; „для доставленія Университету возможности соединять теоретическое изложеніе законовъ съ юридическою практикою и объяснять студентамъ приложеніе законовъ въ различныхъ случаяхъ на самомъ дѣлѣ, по надлежащемъ сношеніи министерства народнаго просвѣщенія съ кѣмъ слѣдуетъ, будутъ приняты особыя мѣры“. Къ практическимъ упражненіямъ въ дѣлопроизводствѣ могутъ быть допущены по усмотрѣнію попечителя и своекоштные студенты. Студенты юридическаго института, по успѣшномъ окончаніи полнаго курса, обязаны прослужить въ гражданской службѣ не менѣе 6 лѣтъ.

При замѣщеніи казеннокоштныхъ вакансій не оказалось сразу никакихъ затрудненій; явилась масса желающихъ всякаго сословія и вѣроисповѣданія. Особенно-же послѣ переворота 1839 г. Университетъ св. Владиміра началъ наполняться бѣдняками, искавшими казеннаго содержанія во что-бы то ни стало, или какъ выразился одинъ изъ нихъ: „съ своей-же стороны я согласенъ на все, чего ни потребовало-бы отъ меня правительство“. Сюда пошли дѣти мѣщанъ, низшихъ церковно-служителей; но сюда-же идетъ и прежній польскій классъ бѣдняковъ—шляхтичей, для которыхъ былъ устроенъ въ лицеѣ конвиктъ бѣдныхъ дворянъ. Поэтому со всѣхъ сторонъ осаждаютъ Университетъ слезныя просьбы; иная вдова „убѣдительнѣйше проситъ ущастливить сына ея“. Иной нетвердый въ русскомъ языкѣ, лаконически заявляетъ, что „не буду могъ содержать себя въ Кіевѣ“. Иной пишетъ: „будучи сыномъ очень бѣднаго заштатнаго пономаря и претерпѣвъ многія несчастныя перемѣны, я рѣшительно въ продолженія самаго малаго времени не могу пробыть на своемъ содержаніи“... Иной попалъ въ писцы правленія Университета, чтобы въ то-же время быть студентомъ, но не будучи въ силахъ совмѣстить этихъ обязанностей,

просится на казенное содержаніе. Съ другой стороны поступали представленія и убѣдительнѣйшія просьбы директоровъ гимназій съ ходатайствами о ихъ воспитанникахъ. Наконецъ сюда присоединялись настоянія окружнаго начальства и приказанія высшаго.

Въ сентябрѣ 1839 года просителей явилось 35, а вакансій въ обоихъ институтахъ было только 16. Въ августѣ 1840 г. такихъ искателей казеннаго содержанія явилось 43, а вакансій въ ту пору было по философскому факультету—8, по юридическому—6. Въ 1841 г., когда открытъ первый курсъ медицинскаго факультета, то назначено 20 казеннокоштныхъ вакансій въ медицинскомъ институтѣ; число-же, назначенное по уставу 1842 г. для цѣлаго факультета, наполнялось постепенно по мѣрѣ открытія высшихъ курсовъ на факультетѣ. Для медицинскаго института *вызываемы* были нарочно ученики гимназій. Въ этомъ институтѣ и потомъ нѣкоторое время оставались незанятыя вакансіи, хотя приливъ желающихъ поступить на казенное содержаніе возрасталъ съ каждымъ годомъ. Въ 1842 году явилось всѣхъ желающихъ 41, а вакансій казеннокоштныхъ было по I-му отдѣленію философскаго факультета—11, по II-му отдѣленіи—3 и по юридическому факультету—3. За то по медицинскому факультету 65. Изъ просителей по I-му отдѣленію зачислено 7, причемъ отдано предпочтеніе студентамъ старшихъ курсовъ. По II-му отдѣленію—1; по юридическому факультету двое (въ томъ числѣ В. А. Незабитовскій), по медицинскому—10.

Такое несоотвѣтствіе числа принятыхъ съ числомъ просителей зависѣло между прочимъ отъ того, что вакансіи не соотвѣтствовали тѣмъ факультетамъ, на которые они просились.

Самое засѣданіе совѣта о пріемѣ на казенное содержаніе обыкновенно происходило подъ предсѣдательствомъ управляющаго округомъ, или его помощника, причемъ присутствовалъ и инспекторъ студентовъ.

Выборъ основывался, кромѣ указанныхъ выше обстоятельствъ, на количествѣ баловъ полученныхъ студентами: новопоступившими на пріемномъ испытаніи, а пробывшими уже годъ въ 1-мъ курсѣ—на годичныхъ испытаніяхъ, также на засвидѣтельствованіи инспектора студентовъ о поведеніи и образѣ мыслей студентовъ; на засвидѣтельствованіе директоровъ гимназій о способностяхъ, поведеніи и образѣ мыслей воспитанниковъ, которые воспитывались въ гимназіяхъ до посту-

пленія въ Университетъ; на словесныхъ отзывахъ ректора и членовъ совѣта о способностяхъ и прилежаніи нѣкоторыхъ изъ просителей.

Лица, желающія поступить въ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ, должны были имѣть, сверхъ прочихъ документовъ, свидѣтельство о неучастіи въ бывшемъ польскомъ мятежѣ 1831 г., если они въ ту эпоху имѣли болѣе 12 лѣтъ отъ роду. Большею частію такія свидѣтельства выдаваемы были безпрепятственно; но иногда встрѣчалась и задержка. Предназначенныхъ къ принятію въ институтъ свидѣтельствовалъ университетскій врачъ и доносилъ совѣту, привита-ли имъ оспа, нѣтъ-ли предрасположенія къ хроническимъ болѣзнямъ. Въ 1840 г. врачъ донесъ, что всѣ здоровы, за исключеніемъ одного, который „лѣвымъ глазомъ не хорошо видитъ, что однакоже заниматься науками не препятствуетъ". Когда студентъ просился на открывшуюся вакансію среди года; то долженъ былъ выдержать полукурсовое испытаніе вмѣстѣ съ казеннокоштными.

Поступленіе въ институтъ возможно было не только въ началѣ полугодій, но и среди нихъ. Это случалось по особымъ распоряженіямъ и настояніямъ высшаго начальства. 20-го октября попечитель увѣдомилъ, что студентъ Московскаго университета Г—скій проситъ его принять въ Университетъ св. Владиміра на казенное содержаніе; попечитель присоединилъ къ тому, что министръ народнаго просвѣщенія въ своемъ письмѣ къ нему отзывается о Г—скомъ съ весьма хорошей стороны, а потому предлагаетъ его зачислить въ казеннокоштные. 17-го октября увѣдомили Неволина, что попечитель проситъ включить въ число казеннокоштныхъ П. Р—ова по уваженію къ удовлетворительности выдержаннаго имъ испытанія и въ особенности заслугамъ его отца по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

Не всѣ, которыхъ рѣшено принять въ казеннокоштные, дѣйствительно тотчасъ были зачисляемы: если у студента не достаетъ документовъ, особенно свидѣтельства о неучастіи въ мятежѣ, если ему не привита оспа и т. п., студентъ долженъ былъ ожидать наступленія этихъ условій. Это отражалось весьма невыгодно на ихъ учебныхъ занятіяхъ. Принятый на казенное содержаніе не долженъ былъ вносить плату за слушаніе лекцій; а между тѣмъ, пока онъ окончательно не зачисленъ, инспекторъ считалъ его не внесшимъ платы и не допускалъ въ аудиторію. Въ 1842 г. 10 ноября попечитель увѣдомляетъ

совѣтъ, что многіе изъ студентовъ, удостоенные принятія на казенное содержаніе, являются къ нему съ просьбами о дозволеніи имъ слушать лекціи, къ которымъ не допускаетъ ихъ инспекторъ студентовъ за невзносъ денегъ за ученіе, отъ каковаго сбора они на основаніи правилъ должны быть свободны. Сычуговъ объяснилъ, что онъ не имѣетъ еще свѣдѣнія о томъ, кто именно принятъ въ семъ году на казенное содержаніе; ректоръ съ своей стороны заявилъ, что онъ дѣлаетъ все для ускоренія дѣла, но не можетъ отступить отъ существующихъ постановленій и не можетъ теперь-же увѣдомить инспектора о пріемѣ въ институтъ предназначенныхъ туда студентовъ. Попечитель нашелъ, что молодые люди, выбранные изъ лучшихъ студентовъ, напрасно теряютъ время и что окончательное зачисленіе не отъ нихъ зависитъ и предложилъ немедленно увѣдомить инспектора о томъ, кто предназначенъ въ институтъ.

Въ числѣ казеннокоштныхъ считались и *пансіонеры приказовъ общественнаго призрѣнія.* Приказы каждой губерніи содержали воспитанниковъ въ гимназіи съ двоякою цѣлію—благотворительною и общественною, т. е. для того, чтобы имѣть обязательно служащихъ образованныхъ людей въ своей губерніи. Но при этомъ не было точно опредѣлено: можетъ-ли воспитанникъ, по окончаніи курса въ гимназіи, поступить, безъ позволенія приказа, въ Университетъ своекоштнымъ студентомъ? Если-же приказъ содержитъ воспитанника въ Университетѣ на свой счетъ, то можетъ-ли воспитанникъ выбрать факультетъ по своимъ наклонностямъ, или долженъ сообразоваться съ потребностями общества въ томъ или другомъ родѣ чиновниковъ?

Въ 1854 г. министръ народнаго просвѣщенія распорядился, чтобы пріемъ воспитанниковъ на казенное содержаніе былъ допускаемъ только для однихъ студентовъ медицинскаго факультета (въ виду тогдашней войны). Мѣстное начальство распространило это распоряженіе и на пансіонеровъ приказовъ. Изъ этого выходили такія послѣдствія: окончивши курсъ въ гимназіи, воспитанникъ приказа получаетъ приглашеніе поступить на медицинскій факультетъ, но не изъявляетъ на это желанія, не имѣя къ медицинѣ ровно никакого влеченія и не будучи обязанъ подпискою, при поступленіи въ гимназію на содержаніе приказа, поступить впослѣдствіи на медицинскій факультетъ. Поэтому онъ поступилъ на физико-математическій факультетъ своекоштнымъ,

а затѣмъ, не имѣя средствъ уплачивать за слушаніе лекцій, увольняется за невзносъ платы. Тогда онъ начинаетъ хлопотать о пріемѣ его на казенное содержаніе,—но не по медицинскому факультету, ссылаясь на изложенныя обстоятельства. Хлопоты кончаются ничѣмъ; онъ принужденъ наконецъ просить принять его въ институтъ казеннокоштныхъ по медицинскому факультету, не смотря на свое отвращеніе къ медицинѣ. Между тѣмъ приказъ нетерпѣливо ждетъ конца этихъ искательствъ, напоминаетъ Университету во многочисленныхъ бумагахъ, чтобы Университетъ, при окончаніи курса, отправилъ документы студента въ приказъ и немедленно взялъ съ него подписку, что онъ, по окончаніи курса на медицинскомъ факультетѣ, обязанъ отслужить 10 лѣтъ по распоряженію правительства. Въ 1858 г. дано общее предписаніе попечителя (Ребиндера), по частному случаю (когда одинъ воспитанникъ Подольскаго приказа безъ вѣдома этого послѣдняго поступилъ въ военную службу), чтобы не выдавать документовъ такимъ пансіонерамъ, по окончаніи курса, на-руки. Сверхъ пансіонеровъ приказовъ въ институтъ принимаемы были и своекоштные пансіонеры, что ясно не обозначено было въ уставахъ, но что тогда считалось весьма желательнымъ въ видахъ лучшаго сосредоточенія надзора за студентами. Желающихъ, однако, находилось весьма немного.

Выше было сказано, что, по уставу 1842 года, общее число казеннокоштныхъ по всѣмъ тремъ институтамъ должно простираться до 130 человѣкъ и что въ 1854 году велѣно не принимать вновь въ институты педагогическій и юридическій, а лишь на одинъ медицинскій; такимъ образомъ штатное число казеннокоштныхъ по институтамъ должно было измѣниться. Въ концѣ существованія институтовъ, именно въ 1857 г., попечитель предложилъ не принимать впредь до дальнѣйшаго распоряженія на казенное содержаніе болѣе 110 воспитанниковъ. На лицо тогда было во всѣхъ институтахъ 100 воспитанниковъ. Совѣту легко было привести въ исполненіе предложенную мѣру и онъ разчислилъ, что впредь въ педагогическомъ институтѣ должно быть не болѣе 26, въ юридическомъ не болѣе 16, а въ медицинскомъ не болѣе 68.

Но эти цифры, опредѣляемыя уставомъ и дальнѣйшими распоряженіями, далеко не соотвѣтствовали дѣйствительному числу казеннокоштныхъ въ разные годы, что можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Таблица числа казеннокоштныхъ студентовъ.

ГОДЫ.	ЧИСЛО.		ИНСТИТУТЫ.			Вновь поступило.	Выбыло до окончанія курса.
	Казеннокоштныхъ.	Пансіонеровъ.	Педагогическій.	Юридическій.	Медицинскій.		
1835 . .	24	8	12	12	—	17	—
1836 . .	36	13	18	18	—	18	1
1837 . .	47	7	24	23	—	13	8
1838 . .	50	7	26	24	—	21	5
1839 . .	29	3	14	15	—	13	26
1840 . .	37	3	21	16	—	10	7
1841 . .	38	3	19	19	14	30	7
1842 . .	67	4	20	20	27	13	5
1843 . .	88	10	27	18	43	34	5
1844 . .	111	4	28	20	63	39	9
1845 . .	127	8	30	18	79	36	2
1846*). .	132	8	32	27	81	28	1
1847 . .	126	16	41	26	75	36	11
1848 . .	128	14	35	26	81	36	7
1849 . .	124	17	30	31	80	44	—
1850 . .	109	14	28	16	73	13	9
1851 . .	100	13	21	24	68	51	5
1852 . .	119	13	20	26	86	30	4
1853 . .	93	9	11	25	66	39	5
1854 . .	103	16	17	16	68	30	—
1855 . .	121	19	20	22	79	52	6

*) Съ этого года въ цифры по институтамъ включены и пансіонеры.

Изъ этой таблицы видно, что общее число казеннокоштныхъ студентовъ обыкновенно не достигало нормы, назначенной по уставамъ 1833 и 1842 гг., что только въ одинъ годъ (1846) оно превысило норму, и что дѣйствительное число ихъ, возрастая постепенно, дошло до максимума въ 1847 — 1848 годахъ и затѣмъ начало падать (вѣроятно благодаря тогдашнему стремленію къ сокращенію числа студентовъ вообще и, можетъ быть, вслѣдствіе постепенно увеличивающихся цѣнъ на продукты). Но интересно знать, достигала-ли правительственная мѣра полнаго обезпеченія несостоятельныхъ студентовъ, даже въ годы наибольшаго числа казеннокоштныхъ? Когда въ 1847 г. число призрѣваемыхъ правительствомъ (вмѣстѣ съ числомъ содержавшихся въ такъ называемомъ заведеніи для недостаточныхъ студентовъ) достигло почти до $1/3$ общаго числа всѣхъ студентовъ, то въ отчетахъ ставилось на видъ, что „третья часть всего числа учащихся обязаны не только образованіемъ, но и существованіемъ своимъ правительству, имѣя въ сихъ заведеніяхъ, постоянно совершенствуемыхъ, всѣ удобства, какъ для образованія, такъ и для жизни. Изъ числа остальныхъ (своекоштныхъ) 384-хъ, почти $4/5$ имѣютъ собственныя болѣе или менѣе достаточныя средства къ существованію. Затѣмъ около 80 принадлежатъ къ самому бѣдному классу“ (отчетъ 1847 г.). Итакъ, какъ ни щедры были попеченія правительства, значительная масса студентовъ оставалась безъ средствъ. Принадлежность огромнаго числа ихъ къ дворянскому сословію не ручалась за матеріальный достатокъ. Во всякомъ случаѣ, содержаніе, доставляемое казеннокоштнымъ, должно быть признано, дѣйствительно, благодѣяніемъ, предохранявшимъ молодежь отъ растраты силъ и времени на неблагодарные заработки въ ущербъ научныхъ занятій и отъ того моральнаго озлобленія, которое часто заползаетъ въ душу среди нищеты.

Правительство могло, благодаря устройству общежительныхъ институтовъ, содержать довольно значительное число лицъ на средства, относительно малыя.

Правленіе ежегодно опредѣляло смѣту и представляло ее на утвержденіе попечителя и въ ней уже съ самаго начала переходило за сумму, назначенную штатомъ; по штату 1833 г. на содержаніе одного казеннокоштнаго ассигновано по 400 р. ассигн. въ годъ, что́ оказалось вскорѣ весьма недостаточнымъ, при постепенномъ возвышеніи цѣнъ въ

Кіевѣ. Это заставило Университетъ ходатайствовать о возвышеніи штата. Въ годъ университетскаго погрома (1839 г.), когда на казенномъ содержаніи осталось только 29 человѣкъ и 3 своекоштныхъ, правленіе, составляя смѣту на 1840 годъ, заявило, что на содержаніе ихъ требуется 15941 руб. $6^1/_2$ коп. ассиг. или 4554 руб. 59 коп. серебр., между тѣмъ на покрытіе этого расхода ожидается изъ казны и платы за 3-хъ пансіонеровъ 14000 руб. ассиг. или 4000 руб. серебр. Слѣдовательно не достаетъ еще 1941 руб. $6^1/_2$ коп. ассиг. или 554 руб. 59 коп. сер. Покрытіе этой передержки правленіе Университета, не имѣя въ виду другаго источника, полагало тогда отнести на счетъ общаго остатка отъ суммы по содержанію студентовъ. Но чтобы на будущее время суммъ по институту казеннокоштныхъ студентовъ было достаточно для покрытія издержекъ, правленіе, дознавши по опыту нѣсколькихъ лѣтъ недостаточность штатной суммы 400 руб., просило ходатайства объ ассигнованіи въ добавокъ къ означенной суммѣ ежегодно по 28 руб. $57^1/_7$ коп. сер. (за 100 руб. ассигнаціями) на каждаго казеннокоштнаго студента изъ суммъ государственнаго казначейства.

114 руб. $28^4/_7$ коп. отпускаемые казною на каждаго студента распредѣлялись тогда, по смѣтѣ правленія такъ: 1) на столъ полагалось каждому студенту 14 коп. въ сутки или 51 руб. 10 к. въ годъ, 2) на учебныя пособія: на книги, ландкарты и математическіе инструменты по 2 руб. серебр. въ годъ на каждаго. На чертежные и рисовальные припасы по $28^4/_7$ коп. въ годъ на каждаго. Бумаги бѣлой голландской полагалось 10 дестей по 17 коп. десть, всего 1 р. 70 к. Бумаги синей полагалось каждому студенту 20 дестей въ годъ, по 8 коп. десть 1 руб. 60 коп. Карандашей 3 въ годъ на каждаго студента, по 14 коп. сер. за карандашъ, 42 коп. Перьевъ полагалось каждому студенту по 10 штукъ въ мѣсяцъ, а на 10 мѣсяцевъ 100 штукъ, по $^2/_7$ коп. за перо, $28^4/_7$ коп. На чернила полагалось на каждаго студента по 14 коп. въ годъ. Остальное на одежду, обувь, бѣлье, содержаніе дома, наемъ служителей.

Изъ этихъ цифръ читатель видитъ, что тогда какъ казна отпускала на полное содержаніе студента 114 р. $28^4/_7$ к. въ годъ,—своекоштные пансіонеры за то-же самое содержаніе платили по 228 руб. 60 коп. Если находились желающіе платить эту сумму, значитъ вообще

содержаніе студента въ Кіевѣ стóило тогда не меньше этого. Слѣдовательно казна назначала за содержаніе студента ровно вдвое меньше дѣйствительной стóимости содержанія въ Кіевѣ. Концы съ концами при этомъ нельзя было свести никакъ, но по крайней мѣрѣ ухитрялись передерживать не вдвое, а лишь $^1/_4$ больше назначеннаго; сообразно съ этимъ правленіе и просило прибавки только 100 р. ассиг. (т. е. 28 р. $57^1/_7$ к. сер.) на каждаго студента. Но какъ-бы не экономничало правленіе, содержаніе студентовъ во всякомъ случаѣ не могло быть вполнѣ достаточнымъ, чтó приводило къ жалобамъ, къ столкновеніямъ съ экономомъ и инспекторомъ, къ наказаніямъ и исключеніямъ студентовъ.

Требуемая прибавка, однако состоялась не ранѣе новаго устава. По новому штату 1842 г. назначено на каждаго студента по 143 р. сер. въ годъ, т. е. именно та сумма, которую считало необходимою правленіе въ 1839 г. Однако къ тому времени цѣны успѣли вырасти вновь, и уже въ половинѣ 40-хъ годовъ эти деньги опять оказались совершенно недостаточными. Испрошена была прибавка на каждаго студента по *1 копѣйкѣ въ сутки*, кромѣ каникулярнаго времени. Но и такое (весьма скромное) возвышеніе не угналось за возрастаніемъ цѣнъ. Въ 1848 г. экономъ института представлялъ, что онъ, „стараясь удовлетворить требованію начальства на счетъ достаточнаго и хорошаго продовольствія студентовъ", постепенно вошелъ въ долги; оказалось, что въ первые 4 мѣсяца этого года онъ издержалъ собственныхъ денегъ 284 р. 23 к., а въ одномъ маѣ 106 р. 80 к. На пищу студентовъ и тогда отпускалось по 14 коп. въ сутки, а въ лѣтніе мѣсяцы по 13 коп. въ сутки. Въ слѣдствіе жалобы эконома, было разрѣшено прибавлять уже по двѣ коп. на студента въ день.

До какой степени были правдивы разсчеты эконома, сказать трудно; сумма, отпускаемая на пищу студентовъ, конечно болѣе чѣмъ скромна; но вообще по содержанію института, съ перемѣною эконома, средства оказались не только достаточными, но и давали остатокъ.

Возьмемъ для образца хозяйство института въ 1850 году и выразимъ его въ слѣдующей таблицѣ:

	рубли.	коп.
ПРИХОДЪ.		
1) На содержаніе 130 казеннокоштныхъ воспитанниковъ, полагая на каждаго по 143 руб. сер. въ годъ изъ государственнаго казначейства. .	18590	—
2) На содержаніе пансіонеровъ: изъ приказовъ общественнаго призрѣнія (9 студентовъ за годъ, а 3-хъ за $^1/_2$ года), полагая на каждаго по 143 р. въ годъ	1501	50
3) Отъ пансіонеровъ, содержащихся на счетъ суммы, собираемой за ученіе въ Университетѣ отъ 3-хъ по 143 руб. въ годъ отъ каждаго . . .	429	—
4) Отъ своекоштнаго пансіонера стипендіата Царства Польскаго за $^1/_2$ года 114 р. $28^1/_2$ коп.	114	$28^1/_2$
Итого на содержаніе 146 воспитанниковъ . .	20634	$78^1/_2$
РАСХОДЪ.		
1) На столъ, полагая для каждаго студента по 13 к. въ сутки, а въ 12 мѣсяцевъ или 365 дн. для 142 студентовъ 6747 р. 90 к. и для 4-хъ на 6 мѣсяцевъ 93 р. 60 к., всего.	6841	50
2) На учебныя пособія: на учебныя книги и библіотеку по 3 р. 50 к. отъ каждаго студента, а отъ 142 человѣкъ въ годъ 497 руб. и отъ 4-хъ на $^1/_2$ года 7 р., всего для 146—504 р. На пріобрѣтеніе 19 анатомическихъ наборовъ для 19 казеннокоштныхъ студент. медицинскаго факультета, имѣющихъ поступить въ 1850 г., полагая за каждый наборъ по 3 р. 50 к., а за 19 наборовъ 66 руб. 50 коп. и всего съ остальными статьями учебныхъ пособій . . .	1158	2
3) На одежду	4143	$62^3/_4$
4) На бѣлье	1597	$40^1/_2$
5) На обувь	1620	—

	рубли.	коп.
6) На мытье бѣлья, полагая по 5 р. 98 коп. въ годъ отъ каждаго студента, а отъ 142 человѣкъ 849 р. 16 к. и отъ 4-хъ за $1/2$ года по 2 р. 99 к. отъ каждаго 11 р. 96 к.	861	12
7) За настройку двухъ казенныхъ фортепіанъ и на новыя струны въ годъ.	52	—
8) На содержаніе 3-хъ казенныхъ лошадей. . .	136	56
9) На жалованье служителямъ	2046	40
10) На освѣщеніе.	808	54
11) На отопленіе	771	$37^1/_2$
Итого на содержаніе казеннокоштныхъ студентовъ и пансіонеровъ	20612	$42^3/_4$
Затѣмъ изъ ожидаемой къ поступленію суммы можетъ быть остатка	22	$35^3/_4$

Въ 1851 г. ожидалось остатка уже 134 руб. 83 к., на полное число казеннокоштныхъ 130 чел., хотя на столъ полагалось уже для каждаго студента не по 13, а по 14 коп. въ сутки, въ 10 учебныхъ мѣсяцевъ, а на два вакаціонные мѣсяца на 60 остающихся въ Университетѣ студентовъ по 15 коп. въ сутки на каждаго.

Лишь къ концу эпохи и вмѣстѣ къ концу существованія института казеннокоштныхъ, когда послѣ Крымской войны цѣны дѣйствительно удвоились, штатъ 1842 г. оказался въ самомъ дѣлѣ совершенно недостаточнымъ: по смѣтѣ на 1856 годъ доходовъ исчислено 21450 р., а расходовъ 22,095 р. $60^1/_4$ к., слѣдовательно предполагался дефицитъ въ 645 р. $60^1/_4$ к. Увеличеніе расходовъ падаетъ преимущественно на жалованье служителямъ, отопленіе и освѣщеніе.

На улучшеніе пищи для казеннокоштныхъ студентовъ и пансіонеровъ, а также студентовъ, содержимыхъ на счетъ суммы, жертвуемой профессорами и чиновниками Университета, отпускалось эконому сверхъ денегъ, положенныхъ по смѣтѣ вообще на продовольствіе, 110 рублей на время праздника Рождества Христова, столько-же на Пасху, на счетъ остатковъ къ концу года.

Вообще содержаніе студентовъ признавалось удовлетворительнымъ хотя въ нѣкоторые годы, при нѣкоторыхъ экономахъ жалобы становились общими, частыми и настоятельными и вели, какъ сказано, къ скандаламъ и исключеніямъ студентовъ.

Но если изба не красна была пирогами, то красна углами. Обстановка и вещи были не только удовлетворительны, но отчасти и роскошны. По описямъ 1839 — 1847 гг. числилось серебряныхъ ложекъ 65, серебряныхъ чайныхъ ложекъ 64, разливныхъ—3. Висѣло 5 термометровъ; стояло 2 фортепіана. Были зачѣмъ-то зеркальные подсвѣчники, пирамиды для шпагъ, рисовальные пюпитры. Всегда сохранялось достаточное количество мундировъ, шинелей, шляпъ трехугольныхъ, портупей и шпагъ. Сюртукъ, брюки, жилетъ и фуражка полагались студенту на одинъ годъ, мундиръ и брюки на два года, шинель на 4, бѣлье, галстухъ, перчатки замшевыя, шляпа трехугольная на одинъ годъ, шпага на 4 года, портупея и щетки на два года, сапоги на одинъ годъ.

Институтъ казеннокоштныхъ студентовъ сначала помѣщался въ въ наемныхъ домахъ (въ Липкахъ); а съ окончаніемъ собственнаго зданія Университета,—въ главномъ корпусѣ его. Съ устройствомъ медицинскаго института, этотъ послѣдній помѣщался отдѣльно, между тѣмъ какъ институты педагогическій и юридическій всегда вмѣстѣ; но такъ какъ помѣщеніе для нихъ отведено было на 4-мъ этажѣ зданія, то нѣкоторые студенты, не отличавшіеся крѣпкою грудью, были помѣщаемы отдѣльно внизу; тамъ-же устроена была и столовая.

Когда учреждены были госпитальныя клиники, то тѣ изъ студентовъ-медиковъ, которымъ на послѣднихъ семестрахъ ихъ курса приходилось вести постоянныя занятія въ госпиталѣ, должны-бы были совершать ежедневныя отдаленныя путешествія изъ Университета при тогдашнемъ отсутствіи въ этой мѣстности всякихъ путей сообщенія. Въ виду такихъ затрудненій на Печерскѣ былъ нанимаемъ особый домъ для студентовъ-медиковъ высшихъ семестровъ и устроенъ тамъ особый инспекторскій надзоръ.

Еще по штату 1833 г. при институтѣ казеннокоштныхъ положена была студенческая больница, на которую назначено было тогда 4000 руб. ассигн. и сверхъ того доктору 1200 р. ассигн. По штату 1842 года на больницу, назначено уже нѣсколько больше, а именно

2000 руб. сер. а врачу 400 руб. сер. По этимъ суммамъ больница была разсчитана на 15 кроватей. Въ 1843 г. при ректорѣ Ѳедоровѣ и при попечителѣ кн. Давыдовѣ были составлены правила для этой больницы, которыми опредѣлялся: пріемъ въ нее, внутренніе порядки и пр. (при больницѣ полагались дежурные изъ студентовъ). Такъ какъ больница была разсчитана не только на казеннокоштныхъ, но и своекоштныхъ студентовъ (за особую плату), то въ завѣдываніи ею водворилось двоевластіе и пререканія между инспекторомъ и ректоромъ, причемъ первый опирался на свою инструкцію, а второй на правила 1843 г. Но это уже случилось при Бибиковѣ и Траутфеттерѣ. Пререканія возникли по поводу условій пріема въ больницу своекоштныхъ студентовъ *). Не смотря на эти и другіе разные непорядки, больница приносила несомнѣнную пользу для всего студентства, доставляя медицинскую помощь для такихъ бѣдняковъ, которые при другихъ условіяхъ должны были лишиться всякаго лѣчебнаго пособія; въ больницѣ плата за содержаніе назначена весьма низкая, а именно своекоштные студенты платили по 19 коп. сер. въ день за содержаніе, но при этомъ получали лѣкарства на свой счетъ. Во всякомъ случаѣ помѣщеніе, содержаніе, уходъ и помощь врача стоили имъ дешевле обыкновеннаго содержанія на квартирѣ въ состояніи здоровомъ. Для примѣра успѣшности дѣйствія больницы приводимъ цифры за одинъ годъ.

	ПОЛЬЗОВАЛОСЬ.		ВЫЗДОРОВѢЛО.		УМЕРЛО.	
	Казеннокоштн.	Своекоштн.	Казеннокоштн.	Своекоштн.	Казеннокоштн.	Своекоштн.
1847 г.	138	93	134	95	3	—

Воспитанники институтовъ имѣли особыя права на пользованіе библіотекою Университета. Въ 1836 г. попечитель утвердилъ правила порядка чтенія періодическихъ сочиненій, получаемыхъ библіотекою Университета; этими правилами предоставлялось право читать періодическія сочиненія и казеннокоштнымъ студентамъ Университета; они могли получать журналы не прежде, какъ по прошествіи двухмѣсяч-

*) Дѣло канц. инсп. студ. № 64.

наго срока со дня полученія каждаго номера въ библіотекѣ; но при этомъ они получали не всѣ журналы, а только тѣ изъ нихъ, которыхъ чтеніе можетъ быть истинно полезнымъ, по назначенію ректора. Кромѣ того одинъ изъ 4 экземпляровъ журнала министерства народнаго просвѣщенія, присылаемыхъ департаментомъ, обращался въ собственность библіотеки казеннокоштныхъ студентовъ. Независимо отъ того, что казеннокоштнымъ студентамъ облегчено было пользованіе и книгами общей университетской библіотеки (имъ безденежно выдавались печатные бланки на требованіе книгъ), институты имѣли свою собственную библіотеку, преимущественно изъ учебныхъ и справочныхъ книгъ по всѣмъ отраслямъ университетскаго преподаванія. Библіотека составлялась и пополнялась по указаніямъ профессоровъ,—каждаго по его каѳедрѣ. При первоначальномъ образованіи ея (въ 1837 г.) преподавателями указаны книги преимущественно русскія и иностранныя въ русскомъ переводѣ, напр.: „Кормчая" и „Духовный регламентъ"; „Славянскія древности" Шафарика въ русскомъ переводѣ, „Приложеніе алгебры къ геометріи" соч. Біота, переводъ Меца; „Алгебра" Бурдона, переводъ Меца; „Лекціи алгебраическаго и трансцендентнаго анализа", читанныя въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ академикомъ Остроградскимъ, издаваемыя С. Бурачкомъ и С. Зеленымъ; „Алгебра" соч. Гр. Гречины на польскомъ; „Начальныя основанія дифференціальнаго исчисленія" соч. Лакроа, переводъ Смирнова, С.-Петербургъ 1822 г.; „Начальныя основанія интегральнаго исчисленія" соч. Лакроа, переводъ Смирнова, С.-Петерб., 1823 г.; Декандоля: „Введеніе къ изученію ботаники" переводъ на русскій языкъ Шиховскаго въ Москвѣ. Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи какъ первое, такъ и второе; Сводъ Законовъ Россійской Имперіи съ алфавитнымъ указателемъ къ нему, четырьмя частями продолженія и обозрѣніемъ историческихъ свѣдѣній о сводѣ законовъ; Эверса „Древнѣйшее право Руссовъ въ историческомъ его раскрытіи", переводъ Платонова, С.-Петербургъ, 1835 г. и т. д. Ко времени закрытія Университета и института въ 1839 году библіотека казеннокоштныхъ студентовъ заключала уже въ себѣ слѣдующее количество книгъ: правовѣдѣніе—122, богословіе—101, философія—8, свободныя художества—3, исторія всеобщая—104, исторія русская—18, статистика—12, географія—2, домоводство—5, технологія—4, медицина—13, естественныя науки—134, математика—55, словесность

—274, языкознаніе—105, педагогика—3, политика—6, брошюръ—25, періодическихъ изданій—80, итого—1704 тома; рукописей—2, нотъ—12; а всего—1718 померовъ.

Къ концу 40-хъ годовъ, особенно со времени присоединенія института медицинскаго, библіотека казеннокоштныхъ студентовъ увеличилась весьма значительно въ числѣ названій и томовъ; въ 1847 году числилось: по правовѣдѣнію—292, всеобщей исторіи—235, русской исторіи—100, медицинѣ — 1935, естественнымъ наукамъ — 609, словесности—560, языкознанію—660, періодическихъ изданій—207, всего-же—5642 тома.

Мы знаемъ уже, что по уставамъ 1833 и 1842 гг. для казеннокоштныхъ студентовъ были назначены и особыя учебныя занятія. По духу уставовъ, институты не были только благотворительными заведеніями при Университетѣ, но вмѣстѣ и *отдѣльными* учебно-воспитательными учрежденіями, которыхъ связь съ Университетомъ заключалась лишь въ томъ, что воспитанники ихъ должны были пользоваться теоретическими лекціями въ Университетѣ. Ихъ институтскія занятія не должны были совпадать съ факультетскимъ распредѣленіемъ наукъ; наприм. для студентовъ педагогическаго института, принадлежавшихъ къ двумъ отдѣленіямъ философскаго факультета, были устроены общія упражненія по педагогіи.

Въ 1837 г. была создана особая инструкція для педагогическихъ занятій казеннокоштныхъ студентовъ; согласно съ нею занятія происходили такъ: профессоръ философіи упражнялъ въ логикѣ и педагогикѣ; профессоръ греческой словесности занималъ ихъ по древней словесности, но однихъ студентовъ I-го отдѣленія; профессоръ математики—по геометріи и алгебрѣ. Одинъ изъ профессоровъ юридическаго факультета (обыкновенно Орнатскій, а потомъ Ѳедотовъ-Чеховскій) занимался съ воспитанниками своего факультета юридическою практикою; каждый изъ профессоровъ посвящалъ на то по два часа въ недѣлю; часы большею частію избирались утренніе, не занятые лекціями въ Университетѣ, но иногда и вечерніе. Студенты 4-го курса юридическаго факультета должны были являться для практическихъ занятій ежедневно въ университетское правленіе утромъ или отъ 9 до 12½ часовъ утра, или отъ 11 час. утра до 2-хъ часовъ по полудни, смотря по распредѣленію теоретическихъ лекцій въ Университетѣ.

Для провѣрки учебныхъ занятій казенныхъ студентовъ для нихъ существовали полугодичные экзамены, которые обыкновенно начинались съ 10-го или 11-го числа декабря; они обязательны были для студентовъ первыхъ трехъ курсовъ. Если нѣкоторые изъ казеннокоштныхъ не подвергались полугодичному испытанію, или вовсе, или въ нѣкоторыхъ только предметахъ, то ихъ подвергали новому или дополнительному испытанію въ январѣ *).

Повидимому полугодичныя испытанія къ началу 40-хъ годовъ успѣли обратиться въ простую формальность; по крайней мѣрѣ въ 1841 году новоприбывшій профессоръ химіи (Фонбергъ) вошелъ съ особой бумагой къ ректору, въ которой изъяснялъ, что при испытаніи по предмету химіи въ томъ полугодіи академическаго года замѣтилъ онъ, что многіе изъ казеннокоштныхъ студентовъ медицинскаго курса готовятся для испытанія не изъ всего пройденнаго, а только изъ нѣкоторыхъ частей, или дѣлаютъ повторенія единственно для самого испытанія, не обращая вниманія на то, что не ознакомившись основательно со всѣми пройденными частями химіи, нельзя понять слѣдующихъ. Повѣркою успѣховъ учебныхъ занятій служили и годичные майскіе экзамены, до уст. 1842 г. общіе для всѣхъ студентовъ, а со времени устава 1842 г. простиравшіеся только на казеннокоштныхъ. Въ 1842 году совѣтъ, усмотрѣвъ изъ списка казеннокоштныхъ студентовъ, подвергавшихся годичному испытанію въ 1841—42 академическомъ году, что нѣкоторые студенты оказали успѣхи слабые (меньше 3), 17 октября положилъ объявить имъ, „чтобы они усилили свое прилежаніе, въ противномъ случаѣ будутъ обращены на собственное свое содержаніе; совершенно не успѣвшіе обязаны снова выслушать курсъ той науки, въ которой успѣхи оказались весьма слабыми“. Вмѣстѣ съ этимъ совѣтъ Университета опредѣлилъ: принять за правило, изъ казеннокоштныхъ студентовъ признавать того только достаточно успѣвающимъ въ наукахъ, кто на полугодичныхъ испытаніяхъ оказываетъ въ среднемъ выводѣ успѣхи, выраженные цифрою 3; почему тѣхъ, которые окажутъ успѣхи, выраженные цифрою 2 въ среднемъ выводѣ, немедленно лишать казеннокоштнаго содержанія и обращать на собственное свое; также, которые окажутъ на одномъ полу-

*) Дѣло совѣта 1840 г. № 301.

годичномъ испытаніи успѣхи, выраженные цифрою болѣе 2-хъ, но менѣе 3-хъ, лишать казеннаго содержанія, если они и на слѣдующемъ затѣмъ полугодичномъ испытаніи не окажутъ успѣховъ, выраженныхъ по крайней мѣрѣ цифрою 3. Въ 50-хъ годахъ экзамены для казеннокоштныхъ студентовъ пріобрѣтали все большую и большую серьезность. Тогда (какъ мы упоминали выше) ректоръ предлагалъ инспектору: казеннокоштныхъ студентовъ, не окончившихъ *своевременно* полугодичнаго испытанія по неизвѣстной причинѣ, посадить въ карцеръ на трое сутокъ; за двукратную-же неявку на полугодичное испытаніе и за неявку вовсе на испытаніе—на 6 сутокъ.

Институтъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ состоялъ сначала подъ наблюденіемъ одного помощника инспектора. А когда былъ открытъ новый — медицинскій, то двухъ (одного для педагогическаго и юридическаго институтовъ, другаго—для медицинскаго).

Кромѣ общихъ мѣръ надзора, примѣняемыхъ къ студентамъ вообще, для воспитанниковъ института изобрѣтаемы были спеціальныя. Въ отчетѣ 1848 г. инспекторъ ставилъ на видъ съ особымъ удареніемъ слѣдующее: „для вящшаго и удобнѣйшаго надзора за поведеніемъ и поступками казеннокоштныхъ воспитанниковъ, отлучающихся изъ института по вечерамъ, сдѣлано распоряженіе, чтобы двери и калитки, ведущія изъ зданія Университета на улицу въ 10 часовъ вечера были запираемы, съ тѣмъ, чтобы позже этой поры никто изъ студентовъ не могъ выходить изъ Университета, а запоздавшіе были впускаемы въ Университетъ по предъявленіи ими привратнику билетовъ съ означеніемъ званія ихъ, каковые билеты на другой день утромъ представляются мнѣ". Особыя мѣры надзора въ отношеніи къ казеннокоштнымъ указаны выше (въ приведенномъ содержаніи студенческаго билета, выдаваемаго казеннокоштнымъ). Крайне стѣснительными эти мѣры сдѣлались только въ концѣ 40-хъ годовъ. За то въ концѣ 50-хъ, когда институтъ приближался къ закрытію, мѣры надзора ослабѣли до противоположной крайности.

Не смотря на то, что казенное содержаніе было дѣйствительно великимъ благодѣяніемъ для того класса молодыхъ людей, которому безъ этой помощи высшее образованіе было-бы вполнѣ недоступно, однако не мало было условій, по которымъ и принятые на казенный счетъ считали для себя болѣе полезнымъ отказаться и просить уволь-

нения изъ института. Кромѣ неудовлетворительности содержанія, стѣснительности надзора, была къ тому еще и слѣдующая причина. Такъ какъ вакансіи казеннокоштныхъ назначались отдѣльно на каждый факультетъ, то иногда, желая помочь студенту, зачисляли его на тотъ факультетъ, на которомъ учиться онъ не желалъ, лишь потому, что по этому факультету была вакансія. Узнавъ объ этомъ сами отцы, иногда просили: „чтобъ не стѣснять будущности сына зависимостью, съ симъ назначеніемъ сопряженною“, уволить его изъ института казеннокоштныхъ студентовъ. Издержанное на сына казенное содержаніе они обязывались возвратить.

Но такой выходъ былъ совсѣмъ не легокъ и не всѣмъ доступенъ: надо было уплатить за все время содержанія въ институтѣ, при чемъ разсчетъ производился точный и нѣсколько придирчивый. Не смотря на трудность удовлетворенія казны, охотниковъ оставить институтъ всегда находилось не мало.

Но гораздо болѣе оказывалось такихъ, которымъ приходилось оставлять институтъ поневолѣ, т. е. исключаемыхъ изъ списка казеннокоштныхъ за проступки и малоуспѣшность. Въ 40-хъ годахъ исключеніе казеннокоштныхъ студентовъ съ казеннаго содержанія за неуспѣшность экзаменовъ, не было простою угрозою. Такъ въ 1844 г. по экзаменамъ 2-го полугодія были исключены два студента, получившіе на экзаменѣ въ среднемъ выводѣ менѣе 2; въ 1847 г.—три студента; въ 1848 — четыре, въ 1850 — также четверо. Нужно сказать, что малоуспѣшностью преимущественно отличались студенты медицинскаго факультета. Каждый случай увольненія съ казеннаго содержанія требовалъ утвержденія министра народнаго просвѣщенія.

Увольняемые безъ прошенія также должны были уплатить за употребленное на нихъ казенное содержаніе во время бытности ихъ въ институтѣ. Но обыкновенно на запросъ инспектора — могутъ-ли увольняемые немедленно уплатить казенныя издержки, отвѣчали: „желаніе мое заплатить всегда будетъ единственною мыслію, зная чему подвергаются неуплатившіе, хотя не имѣю для этого наличнаго капитала и намѣренъ просить генералъ-губернатора объ отсрочкѣ“. Хотя ректоръ (Траутфеттеръ) настаивалъ, что подача просьбъ генералъ-губернатору не можетъ останавливать взысканія, но едва-ли такая настойчивость достигала цѣли. Правда, вопросъ о вознагражденіи казны

только тогда дѣлался настоятельнымъ, когда студентъ былъ совсѣмъ увольняемъ изъ Университета, что случалось тогда, если студентъ на двухъ сряду полугодичныхъ экзаменахъ окажетъ успѣхи неудовлетворительные. Въ случаѣ несостоятельности уволенныхъ заставляли отслуживать или учителями въ уѣздныхъ училищахъ или канцелярскими служителями. Для многихъ это казалось горше всякихъ денежныхъ взысканій. Въ 1850 г. былъ уволенъ студентъ кн. Б—товъ за безуспѣшность; мать его была увѣдомлена о рѣшеніи окружнаго начальства, чтобы онъ отслужилъ учителемъ. По этому поводу княгиня Б—това пишетъ письмо инспектору, что сынъ ея хвалился ей отеческимъ его вниманіемъ къ нему, а потому надѣется, что онъ своимъ участіемъ не допуститъ ея сына „до подобной отслуги", и предлагаетъ немедленно уплатить сколько слѣдуетъ за содержаніе сына.

Въ числѣ казеннокоштныхъ студентовъ были (какъ сказано) пансіонеры приказовъ общественнаго призрѣнія. За ихъ успѣхами наблюдало не только учебное начальство, но и министерство внутреннихъ дѣлъ, которому представлены были по полугодіямъ свѣдѣнія о нихъ. Въ 1851 г. министръ внутреннихъ дѣлъ замѣтилъ, что студентъ К—скій, „не отличаясь отъ прочихъ въ изученіи преподаваемыхъ ему наукъ, оказалъ весьма слабые успѣхи въ законовѣдѣніи, которое соотвѣтственно его будущему назначенію должно быть для него главнымъ предметомъ его занятій"; а потому просилъ университетское начальство усугубить наблюденіе за учебными упражненіями его. Объявляя о томъ К—скому, ректоръ присоединилъ, что министру внутреннихъ дѣлъ подаются свѣдѣнія объ успѣхахъ за каждое полугодіе, и что слѣдовательно о томъ дѣйствіи, какое произведетъ на него настоящее внушеніе, извѣстно будетъ г. министру.

Доставленіе казеннаго содержанія имѣло цѣлію не одну только благотворительность; первоначально главнымъ побужденіемъ правительства къ этому былъ разсчетъ—имѣть всегда достаточный запасъ учителей, чиновниковъ и врачей къ услугамъ государства. Но такъ какъ въ 40-хъ годахъ довѣріе къ университетскому образованію исчезло въ правительственныхъ лицахъ и всѣ правительственныя и судебныя мѣста по возможности замѣщались людьми низшаго и средняго образованія, то казеннокоштные студенты — юристы по окончаніи курса должны были или занимать самыя низшія канцелярскія должности въ

губерніяхъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ, или вовсе не получали назначеній; напр. въ 1845 г. генералъ-губернаторъ увѣдомилъ, что праздныхъ вакансій, на которыя можно-бы было опредѣлить кого-либо изъ окончившихъ курсъ казеннокоштныхъ студентовъ, не имѣется и потому приказалъ этимъ студентамъ явиться въ канцелярію его генералъ-губернатора для поступленія на службу.

Воспитанники педагогическаго и медицинскаго институтовъ не испытывали такихъ неудобствъ; даже, повидимому, противъ ихъ желанія, тотчасъ-же спѣшили дать имъ назначеніе. Въ 1848 г. попечитель обратилъ вниманіе на то, что казеннокоштные воспитанники педагогическаго института, по окончаніи курса ученія, обыкновенно увольняются инспекторомъ въ домовые отпуски; отъ чего при опредѣленіи ихъ на службу встрѣчаются не рѣдко затрудненія въ объявленіи имъ какъ назначенія къ должности, такъ и другихъ распоряженій. Для избѣжанія сего неудобства онъ счелъ нужнымъ принять за правило, чтобы казеннокоштные воспитанники педагогическаго института по окончаніи испытанія, поступали тотчасъ-же въ вѣдѣніе его канцеляріи, отъ которой они могутъ получать и домовые отпуски. Обыкновенно уже въ половинѣ сентября дѣлалось распоряженіе о распредѣленіи на службу учителями по Кіевскому учебному округу окончившихъ въ томъ году курсъ на казенномъ содержаніи. Однако замѣстивъ вакансіи въ своемъ округѣ, съ оставшимися распоряжались безъ церемоніи и назначали ихъ иногда въ отдаленныя мѣста Сибири: въ 1852 г. начальникъ Кіевскаго учебнаго округа увѣдомилъ, что казеннокоштный воспитанникъ Университета св. Владиміра А. Б—кій опредѣленъ младшимъ учителемъ Иркутской губерніи *).

Пока еще назначеніе на службу не состоялось, окончившіе курсъ воспитанники медицинскаго института продолжаютъ жить въ институтѣ и подчиняются всѣмъ его правиламъ и въ томъ числѣ наказаніямъ. Въ 1853 г. произошелъ такой случай: окончившій курсъ лѣкарь Д—скій отлучился изъ института безъ дозволенія; потомъ возвратившись привезъ съ собою ружье, разобралъ и спряталъ въ ящикъ комода. Другой такой-же лѣкарь Л—скій нашелъ его и, не подозрѣвая, что оно заряжено и желая напугать лѣкаря Ш—го, который лежалъ на

*) Дѣло канцеляріи инспект. студ. № 89.

столѣ и читалъ книгу, выстрѣлилъ въ него и ранилъ въ правую щеку. Инспекторъ тотчасъ посадилъ лѣкаря въ карцеръ, объявивъ, „что тоже будетъ сдѣлано и съ Д—скимъ по прибытіи его въ институтъ". Впрочемъ Д—скаго генералъ-губернаторъ посадилъ тотчасъ на гауптвахту. Но содержаніе въ институтѣ окончившихъ было милостью со стороны Университета, а не правомъ студентовъ. Въ 1857 г. 6 студентовъ подали прошеніе, что такъ какъ на ихъ билетѣ написано, что окончившій курсъ, но остающійся въ Университетѣ, обязанъ подчиняться правиламъ института, то просили оставить ихъ въ институтѣ, ибо этотъ пунктъ даетъ какъ будто-бы на то право. Ректоръ разъяснилъ имъ ихъ заблужденіе такъ: „этотъ пунктъ, писалъ онъ, включенъ былъ въ студентскіе билеты вѣроятно еще въ то время, когда казеннокоштные студенты медицинскаго факультета оставляемы были въ институтѣ на казенномъ содержаніи до времени опредѣленія ихъ на службу; впослѣдствіи-же времени, по случаю неудобства этой мѣры, таковая отмѣнена и предписано было начальствомъ выдавать лѣкарямъ кормовыя деньги до времени опредѣленія на службу". На студентовъ-же филологовъ, юристовъ и математиковъ эта мѣра не простиралась и прежде. Положеніе казеннокоштныхъ студентовъ по окончаніи курса до назначенія на должность окончательно опредѣлено лишь въ самомъ концѣ существованія институтовъ, именно въ 1857 г. Тогда было постановлено: 1) каждому окончившему курсъ штатному воспитаннику педагогическаго или медицинскаго института, удостоенному ученой степени или званія, выдавать со дня прекращенія ему содержанія въ институтѣ по день опредѣленія его на службу по 11 руб. 91 коп. сер. въ мѣсяцъ впередъ на каждый мѣсяцъ изъ остатка къ концу года изъ суммъ на содержаніе студентовъ. 2) Воспитанникамъ педагогическаго и медицинскаго институтовъ не получившимъ немедленно по окончаніи курса ученой степени или званія, производить деньги только со дня удостоенія ихъ степени или званія. 3) Означенныя выше деньги не выдавать воспитанникамъ, имѣющимъ въ Кіевѣ родителей, а также находящимся въ отпуску за все время бытности ихъ внѣ Кіева. 4) Мѣста окончившихъ курсъ ученія воспитанниковъ, получающихъ отъ Университета деньги на содержаніе, не замѣщать впредь до прекращенія этимъ воспитанникамъ выдачи денегъ на ихъ содержаніе.

Казеннокоштные студенты иногда принуждаемы были начать отправленіе служебныхъ обязанностей до окончанія курса; во время севастопольской войны многіе изъ медиковъ были командированы (впрочемъ не безъ ихъ согласія) въ военно-временные госпитали. Въ іюнѣ того-же года они возвратились изъ командировки и должны были въ августѣ подвергнуться ускоренному экзамену, хотя этотъ экзаменъ, не смотря на ихъ неподготовленность, конечно, кончился-бы въ ихъ пользу; но къ чести ихъ нужно сказать, что они не захотѣли воспользоваться такою льготою и вошли съ прошеніемъ, въ которомъ между прочимъ писали, что занятія ихъ во время командировки при профессорахъ Алферьевѣ и Мерингѣ убѣдили ихъ, что они „съ такими ограниченными познаніями не въ состояніи исполнять трудную должность врача“. Поэтому просили оставить ихъ еще на 1 годъ въ Университетѣ для окончанія полнаго 5-лѣтняго медицинскаго курса, что и было имъ разрѣшено.

Институтъ казеннокоштныхъ студентовъ, оказывавшій несомнѣнную и важную услугу высшему образованію, признаваемъ былъ правительствомъ и какъ весьма полезное средство для лучшаго успѣха воспитательнаго надзора. Какъ смотрѣлъ прежде на это совѣтъ, неизвѣстно.

Но съ 1856 г., когда всѣ вопросы и явленія общественной жизни предстали въ иномъ освѣщеніи, когда, словомъ, повѣяло новымъ духомъ, то и совѣтъ Университета и начальствующія лица пришли къ иному, совершенно обратному взгляду на значеніе и полезность закрытыхъ заведеній при университетахъ.

10-го декабря 1856 года Университетъ св. Владиміра вошелъ съ слѣдующимъ представленіемъ: общежительство большаго числа молодыхъ людей въ общихъ квартирахъ или пансіонахъ имѣетъ свои большія общеизвѣстныя невыгоды. Тѣмъ не менѣе при училищахъ, въ которыхъ обучаются *дѣти*, полезно имѣть общія квартиры или пансіоны частные, или-же казенные, для тѣхъ воспитанниковъ, которымъ неудобно жить у родителей, или по отдаленности мѣста ихъ жительства отъ училища, или по другимъ какимъ-либо причинамъ. Въ сравненіи съ пользою общихъ квартиръ при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ польза университетскихъ пансіоновъ гораздо болѣе ограничена, между тѣмъ какъ невыгоды, происходящія отъ общежительства большаго числа студентовъ, почти тѣ-же самыя, какія оказываются при скопле-

ніи большаго числа дѣтей, съ тою однако-жъ разницею, что въ университетахъ нельзя принимать, къ устраненію этихъ невыгодъ, тѣхъ мѣръ, которыя можно принимать и какія дѣйствительно принимаются въ пансіонахъ при гимназіяхъ и другихъ училищахъ. Во всѣхъ университетахъ поэтому студенты живутъ большею частью порознь, въ отдѣльныхъ частныхъ квартирахъ, причемъ не только не замѣчается никакого особаго вреда для студентовъ, но даже такой образъ жизни полезенъ для нихъ, потому что исподоволь пріучаетъ ихъ, подъ постояннымъ надзоромъ университетскаго начальства, къ благоразумному употребленію той свободы въ домашнемъ и хозяйственномъ ихъ быту, которою они будутъ пользоваться по выходѣ изъ Университета. Поэтому нѣтъ никакой необходимой надобности въ общихъ квартирахъ или пансіонахъ при университетахъ; также содержаніе студентовъ въ этихъ заведеніяхъ нисколько не обходится во всѣхъ случаяхъ дешевле, нежели содержаніе ихъ на частныхъ отдѣльныхъ квартирахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что иные студенты содержатъ себя на частныхъ квартирахъ за цѣну, которая еще ниже платы, положенной на содержаніе воспитанника въ университетскомъ пансіонѣ. При такомъ положеніи дѣла въ нѣкоторыхъ русскихъ университетахъ нѣтъ никакихъ пансіоновъ; въ другихъ есть пансіоны собственно только для казеннокоштныхъ студентовъ. При учрежденіи такихъ пансіоновъ ближайшею цѣлію вѣроятно было, чтобы посредствомъ соединенія всѣхъ казеннокоштныхъ студентовъ въ одно общее хозяйство, удовлетвореніе каждой ихъ потребности дѣлать дешевле, чѣмъ оно обходилось-бы при содержаніи студентовъ порознь, въ отдѣльныхъ квартирахъ, и такимъ образомъ открыть возможность за положенную отъ казны плату доставлять казеннокоштному студенту не только крайне необходимыя, но полнѣйшія, по мѣрѣ возможности средства къ его содержанію и ученію. Подлежитъ однакожъ сомнѣнію не только то, что эта цѣль достигается вездѣ, но даже и то, достигается-ли она гдѣ-либо. При учрежденіи университетскихъ пансіоновъ едвали можно было предполагать другую какую-либо цѣль кромѣ изложенной выше, ибо присмотръ за казеннокоштными студентами, живущими въ университетскомъ пансіонѣ по многимъ причинамъ только въ незначительной степени отличается отъ надзора за студентами, живущими на частныхъ квартирахъ; главнѣйшая разница въ присмотрѣ за казеннокоштными студентами, нынѣ жи-

вущими въ университетскихъ пансіонахъ, и своекоштными студентами, живущими на частныхъ квартирахъ, заключается въ болѣе частомъ удостовѣреніи преподавателей объ успѣхахъ казеннокоштныхъ студентовъ въ наукахъ, а это удостовѣреніе можно получать въ одинаковой степени, — будутъ-ли казеннокоштные студенты жить на частныхъ квартирахъ или въ общемъ пансіонѣ. По вышеизложеннымъ причинамъ вообще польза учрежденія пансіоновъ при Университетахъ по крайней мѣрѣ очень сомнительна. Что-же касается въ частности до пансіона казеннокоштныхъ студентовъ въ Университетѣ св. Владиміра, то полагать нужно, что это заведеніе въ настоящемъ его видѣ нисколько несообразно съ цѣлью его учрежденія. Это ясно доказывается между прочимъ и тѣмъ, что въ немъ нѣтъ ниодного пансіонера изъ своекоштныхъ студентовъ. Причины тому частью неустранимы, частьюже ихъ можно было-бы устранить только весьма значительнымъ увеличеніемъ денежныхъ средствъ пансіона. Главные недостатки пансіона казеннокоштныхъ студентовъ при Университетѣ св. Владиміра кромѣ неудобствъ, общихъ всѣмъ подобнаго рода заведеніямъ, заключаются въ слѣдующемъ: 1) мѣстныя обстоятельства, кажется, заставляютъ по преимуществу Университетъ св. Владиміра заботиться объ уничтоженіи всякаго вреднаго вліянія, какое могло-бы производить на другихъ воспитанниковъ лице неодобрительнаго образа мыслей, попавшее сверхъ всякаго чаянія въ число студентовъ. Понятно, что чрезвычайно трудно достигнуть этого въ университетскомъ пансіонѣ, въ которомъ 150 казеннокоштныхъ студентовъ живутъ вмѣстѣ и проводятъ цѣлый день въ отдѣленныхъ одна отъ другой комнатахъ, изъ которыхъ въ каждой помѣщается до 10 воспитанниковъ и болѣе. 2) Помѣщеніе пансіона казеннокоштныхъ студентовъ въ Университетѣ св. Владиміра устроено было лишь для 50 воспитанниковъ институтовъ педагогическаго и юридическаго, такъ какъ въ то время, когда строилось зданіе Университета, не было и не предполагалось въ Университетѣ медицинскаго факультета. Съ открытіемъ этого факультета прибавилось 80 казеннокоштныхъ студентовъ медицинскаго института; кромѣ того явилось до 20 стипендіатовъ приказовъ общественнаго призрѣнія и другихъ вѣдомствъ. Всѣ эти 150 воспитанниковъ живутъ нынѣ въ помѣщеніи, первоначально назначенномъ для 50 человѣкъ. 3) По случаю высокихъ цѣнъ, существующихъ въ Кіевѣ на съѣстные припасы, и при ограниченности

суммы, отпускаемой на содержаніе казеннокоштныхъ студентовъ, сдѣлалось нынѣ крайне затруднительнымъ продовольствовать воспитанниковъ по прежнему, а между тѣмъ и это продовольствіе найдено министромъ народнаго просвѣщенія еще недостаточнымъ. По соображеніи всего вышеизложеннаго нельзя не полагать, что наступила крайняя пора, или весьма значительно увеличить сумму, назначенную на содержаніе казеннокоштныхъ студентовъ въ Университетѣ св. Владиміра, или-же закрыть пансіонъ учрежденный для нихъ при Университетѣ. Послѣднею мѣрою могутъ быть устранены для большей части казеннокоштныхъ студентовъ всѣ неудобства, возникающія при настоящемъ порядкѣ содержанія ихъ, а чрезъ соединеніе обѣихъ мѣръ были-бы устранены всѣ вообще указанныя выше неудобства и для всѣхъ безъ исключенія казеннокоштныхъ студентовъ. Выгоды для казеннокоштныхъ студентовъ, проистекающія отъ закрытія учрежденнаго для нихъ пансіона при Университетѣ св. Владиміра, между прочимъ слѣдующія: 1) Имѣющіе въ Кіевѣ родителей или родственниковъ могли-бы жить у нихъ безплатно и употреблять только на платье и учебныя пособія всю сумму отпускаемую казною на ихъ содержаніе. 2) Не имѣющіе въ Кіевѣ родителей или родственниковъ, но могущіе получать отъ нихъ небольшое денежное вспомоществованіе, могли-бы съ пользою употреблять его на улучшеніе своего содержанія и пріобрѣтеніе учебныхъ пособій. 3) Нѣкоторые изъ студентовъ могли-бы для увеличенія средствъ къ своему содержанію и образованію пріискивать себѣ въ частныхъ домахъ репетиторскія мѣста или частные уроки. И не только для казеннокоштныхъ студентовъ, но и для казны предвидятся значительныя выгоды отъ закрытія пансіона при Университетѣ св. Владиміра. Выгоды эти главнымъ образомъ заключаются въ уменьшеніи издержекъ; для того только чтобы устранить невыгоды стѣсненнаго помѣщенія казеннокоштныхъ студентовъ, необходимо построить для пансіона особый обширный домъ, на ремонтъ и содержаніе котораго нужно будетъ отпускать еще особую сумму.

Попечитель представилъ о томъ управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія (10 іюля 1857 г.) и присоединилъ отъ себя слѣдующее: какъ ни размѣщай студентовъ въ 4-мъ этажѣ зданія, все-таки не избѣжать спертаго воздуха въ весьма невысокихъ комнатахъ и хожденія студентовъ по высокимъ лѣстницамъ; попечитель намекнулъ

на вредъ, какой можетъ приносить совмѣстное жительство большаго числа студентовъ въ общественномъ и политическомъ смыслѣ. Обобщеніе между ними идей, при свойственномъ молодежи увлеченіи, легко можетъ развивать въ средѣ ихъ опасныя начала, къ предупрежденію чего университетское начальство не имѣетъ никакихъ средствъ. Несчастное происшествіе 14 апрѣля (такъ называемая Бринкенская исторія) ясно показало, что мысль отомщенія полковнику фонъ-Бринкену и планъ исполненія родились въ умахъ казеннокоштныхъ студентовъ, жившихъ вмѣстѣ въ наемномъ домѣ при военномъ госпиталѣ, и тѣхъ, которые помѣщались въ квартирѣ для недостаточныхъ студентовъ. Подобное злоумышленіе можетъ родиться и въ другомъ родѣ, чему и прежде бывали примѣры; слѣдовательно благоразуміе и осторожность требуютъ большой предусмотрительности, которая сама собою приводитъ къ мысли, что надо прекратить совмѣстное жительство казеннокоштныхъ и недостаточнаго состоянія студентовъ. Въ необходимости и пользѣ этой мѣры попечитель убѣдился послѣ многихъ случаевъ, доказавшихъ яснымъ образомъ, что совмѣстное жительство казеннокоштныхъ студентовъ въ большомъ числѣ въ нравственномъ отношеніи даже вредно: оно поддерживаетъ грубость понятій, которыя приносятъ съ собою студенты наиболѣе бѣдные и слѣдовательно, не получающіе въ дѣтствѣ даже порядочнаго воспитанія. Потому обобщеніе не дѣйствуетъ на нихъ благотворно, а напротивъ развиваетъ и укрѣпляетъ въ нихъ дурныя привычки и ложные взгляды. На всѣхъ казеннокоштныхъ студентахъ лежитъ свой особый отпечатокъ, по которому легко ихъ отличить отъ прочихъ студентовъ. Большею частію они усвоиваютъ себѣ превратныя идеи объ общественныхъ отношеніяхъ, дѣлаются грубыми и взыскательными въ своихъ требованіяхъ и обнаруживаютъ духъ непокорности и неуваженія къ начальству, какъ бы далеко ни простиралась заботливость его объ нихъ. Между тѣмъ они имѣютъ большое вліяніе на прочихъ студентовъ, на которыхъ дѣйствуютъ авторитетомъ товарищества. Представляется одно лишь вѣрное средство—уничтожить это сообщество, обративъ казеннокоштныхъ студентовъ на частныя квартиры. Столь необходимое и важное преобразованіе легко можетъ быть приведено въ исполненіе, если уменьшить число казеннокоштныхъ студентовъ и уничтожить квартиру для недостаточныхъ студентовъ и къ 18590 рублямъ, отпускаемымъ на

институты, присоединить 246 р. отъ жалованья эконома (300 р.), въ которомъ не будетъ болѣе надобности, такъ чтобы составилась общая сумма 18836 руб., изъ коей и выдавать ежегодныя стипендіи 56 студентамъ въ 200 руб. и 53 студентамъ въ 143 руб. сереб. каждому. Раздѣленіе стипендій на два разряда попечитель признавалъ справедливымъ, потому что не всѣ студенты лишены всякихъ средствъ къ своему содержанію; получающіе какое-нибудь вспомоществованіе со стороны, охотно согласятся и на меньшую стипендію. Уменьшеніе-же числа стипендіатовъ не представляетъ никакихъ неудобствъ, ибо лучше имѣть ихъ меньшее число, но нравственно хорошихъ; сомнѣнію-же не подлежитъ, что казенные стипендіаты пріобрѣтутъ гораздо болѣе и нравственно и научно, когда будутъ жить порознь на частныхъ квартирахъ. Впрочемъ при возрастающей годъ отъ году дороговизнѣ, пришлось-бы и безъ того уменьшить число казеннокоштныхъ студентовъ, ибо опредѣленная для институтовъ сумма оказывается недостаточною. Сокращеніе числа стипендіатовъ можетъ быть сдѣлано двояко — или пропорціонально нынѣшнему числу студентовъ всѣхъ трехъ институтовъ, или-же по одному юридическому. Послѣднее возможно безъ всякаго неудобства, ибо студенты юридическаго факультета получаютъ, равно казеннокоштные и своекоштные, одинаковое образованіе и по окончаніи курса, обыкновенно, посвящаютъ себя общей гражданской службѣ.

Министерство народнаго просвѣщенія отвѣчало попечителю 31-го октября 1857 года, что число казеннокоштныхъ студентовъ въ Университетѣ св. Владиміра, соображенное съ необходимостію имѣть въ распоряженіи правительства извѣстное число спеціально образованныхъ молодыхъ людей, уменьшено быть не можетъ. Заведеніе-же для недостаточныхъ студентовъ Университета св. Владиміра есть учрежденіе полезное. При осмотрѣ этого заведенія, министръ замѣтилъ, что студенты дорожатъ выгодами его. Посему закрытіе этого заведенія, единственно изъ видовъ предупрежденія происшествій, подобныхъ случившемуся 14-го апрѣля, не можетъ быть признано уважительнымъ: оно лишило-бы бѣдныхъ студентовъ приличнаго помѣщенія и крайне стѣснило-бы ихъ въ средствахъ къ содержанію себя. За симъ, не встрѣчая съ своей стороны препятствія къ дозволенію жить на частныхъ квартирахъ тѣмъ изъ казеннокоштныхъ студентовъ Универси-

тета св. Владиміра, которые того пожелаютъ, съ полученіемъ отъ Университета суммы, назначенной по штату на ихъ содержаніе по 143 р. сер. въ годъ на каждаго, министръ предоставилъ попечителю привести эту мѣру въ исполненіе по сношенію съ Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ. Если-бы при этомъ казеннокоштные студенты Университета св. Владиміра пожелали имѣть помѣщеніе подобно недостаточнымъ студентамъ Университета въ одномъ домѣ, то было-бы полезно, чтобы университетское начальство оказывало имъ въ этомъ возможное содѣйствіе, но не вмѣняя того однакоже въ непремѣнную обязанность.

Генералъ-губернаторъ держался на этотъ вопросъ своего собственнаго взгляда и 23 ноября 1857 г. выразилъ его въ слѣдующихъ вопросахъ попечителю: 1) не представитъ-ли исполненіе этой мѣры еще большихъ затрудненій для надзора за студентами тѣмъ, что живущіе теперь вмѣстѣ казеннокоштные студенты разсѣятся по городу, увеличивъ число частныхъ студентскихъ квартиръ, при чемъ, конечно, потребуется болѣе усиленная дѣятельность со стороны университетской полиціи; 2) не затруднитъ-ли перемѣщеніе студентовъ на частныя квартиры пользованіе ихъ учебными пособіями, предоставленными казеннокоштнымъ студентамъ; 3) какъ предполагается устранять затрудненія въ томъ возможномъ случаѣ, когда-бы студентъ, получившій деньги на содержаніе свое на частной квартирѣ, истратилъ ихъ не по назначенію и не имѣлъ-бы способовъ къ дальнѣйшему содержанію и кто въ такомъ случаѣ будетъ отвѣтствовать предъ казною за отпущенныя деньги; 4) допускается-ли возможность возвращенія въ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ такому изъ нихъ, который, пожелавъ выйти изъ института на частную квартиру, потомъ одумавшись, изъявлялъ-бы желаніе возвратиться въ него; наконецъ 5) не повлечетъ-ли вышеприведенная мѣра неудобствъ въ отношеніи соблюденія необходимаго приличія и формы въ одеждѣ воспитанниковъ казны и въ отношеніи помощи заболѣвающимъ изъ нихъ и какія предвидятся способы къ предотвращенію всякихъ въ этихъ случаяхъ неудобствъ.

На это попечитель отвѣчалъ генералъ-губернатору (27-го января 1858 г.): 1) не надо полагать, что надзоръ за казеннокоштными студентами представляетъ, хотя близкое подобіе того надзора, которому подчинены воспитанники закрытыхъ заведеній; да и надобности въ такомъ надзорѣ вовсе не имѣется, потому что цѣль Университета да-

вать молодымъ людямъ образованіе, а не воспитаніе. Притомъ казеннокоштные студенты помѣщаются въ теченіи дня въ 15 комнатахъ въ каждой отъ 3 до 11 человѣкъ; и немногіе изъ нихъ проводятъ тамъ все утреннее время, потому что профессорскія лекціи и другія обязательныя занятія требуютъ присутствія ихъ въ аудиторіяхъ, клиникахъ, анатомическомъ театрѣ, обсерваторіи и т. д. Будучи такимъ образомъ разсѣяны по разнымъ мѣстамъ, они остаются до обѣда безъ всякаго исключительнаго надзора, отличнаго отъ того, какому подлежатъ 800 студентовъ своекоштныхъ. Въ послѣобѣденное время казеннокоштные студенты возвращаются, правда, въ комнаты для занятій; но ихъ, какъ людей взрослыхъ, не принуждаютъ непремѣнно оставаться тамъ и не отлучаться безъ позволенія, и потому большая часть ихъ обыкновенно отсутствуетъ; а прочіе, занимающіеся въ отдѣльныхъ комнатахъ, также мало на глазахъ у помощниковъ инспекторовъ, какъ и студенты, живущіе на частныхъ квартирахъ и тѣмъ болѣе, что помощники инспектора, въ числѣ двухъ на 130 студентовъ, не слишкомъ охотно заглядываютъ къ нимъ изъ опасенія возбудить ихъ неудовольствіе и ропотъ. Что-же касается до студентовъ, живущихъ въ печерской части, возлѣ военнаго госпиталя, то послѣдніе помѣщаются отдѣльно отъ помощника инспектора, завѣдывающаго печерскимъ участкомъ, слѣдовательно еще менѣе находятся подъ надзоромъ начальства, чѣмъ студенты, живущіе въ институтѣ. Такимъ образомъ присмотръ и за казеннокоштными и за своекоштными одинъ и тотъ-же; онъ разнится только тѣмъ, что въ ночное время казеннокоштные спятъ всѣ вмѣстѣ въ общихъ спальняхъ института, но за спящими студентами собственно и надзора не нужно. По мнѣнію попечителя, одно только обезпеченіе правительствомъ содержанія казеннокоштныхъ студентовъ во все время ихъ пребыванія въ Университетѣ, съ тѣмъ чтобы они потомъ отслужили ему опредѣленное число лѣтъ, не есть еще достаточная причина къ учрежденію за ними исключительнаго усиленнаго надзора. Такой надзоръ ясно-бы показалъ, что на нихъ смотрятъ какъ на школьниковъ, неспособныхъ еще пользоваться свободой, предоставляемой своекоштнымъ студентамъ, что̀ для первыхъ будетъ обидно и должно вызывать непрерывную и безполезную борьбу съ ними университетскаго начальства. Нельзя также не принять въ соображеніе, что стѣсненіе свободной воли студентовъ въ институтѣ постояннымъ присмотромъ

за каждымъ ихъ шагомъ и постоянная забота объ удовлетвореніи всѣхъ мелочныхъ ихъ нуждъ, должны обращаться имъ самимъ во вредъ въ послѣдствіи, когда придетъ и ихъ чередъ вступить въ одинаковыя права съ людьми пожилыми и опытными, когда жизнь въ обществѣ потребуетъ и отъ нихъ полной самостоятельности въ управленіи собою. По выпускѣ изъ Университета—студентамъ медицинскаго факультета тотчасъ ввѣряется здоровье и жизнь ихъ согражданъ, а студентамъ педагогическаго института не только ученіе, но и воспитаніе сотень дѣтей, на будущую судьбу которыхъ они, съ перваго шага своего на учительскомъ поприщѣ, должны имѣть вліяніе; можно-ли однако такія права, такую власть предоставить людямъ, которые не учились ходить безъ помочей, жить самостоятельно, которые еще наканунѣ сами считались безразсудными юношами, требовавшими самаго бдительнаго надзора? Очевидно поэтому, что присмотръ за студентами, пользующимися содержаніемъ отъ казны, можетъ быть только полицейскій, ничѣмъ не отличный отъ надзора, какому подлежатъ всѣ прочіе студенты и нѣтъ надобности, чтобы они жили для того въ институтѣ, ибо собственно полицейскій надзоръ за ними, въ случаѣ дозволенія имъ жить на частныхъ квартирахъ, нисколько не ослабнетъ отъ того, что они не будутъ составлять отдѣльной группы, а сольются въ общей массѣ студентовъ. Напротивъ менѣе строгаго присмотра требуютъ студенты, живущіе разсѣянно по городу въ частныхъ квартирахъ, чѣмъ тѣ, которые въ большомъ числѣ имѣютъ совмѣстное жительство, помогающее обобщенію между ними всякаго рода идей и понятій и осуществленію ихъ совокупными силами. Впрочемъ, въ отношеніи къ удобствамъ надзора, числовой разсчетъ лучше всего убѣждаетъ въ пользѣ обращенія казеннокоштныхъ студентовъ на частныя квартиры. Въ настоящее время только четыре помощника инспектора изъ семи завѣдываютъ 800 своекоштными студентами, а три—180 казеннокоштными и помѣщающимися въ общей квартирѣ недостаточныхъ студентовъ. 2) Казеннокоштные студенты пользуются, наравнѣ съ своекоштными, университетскими учебными пособіями, библіотекой, анатомическимъ театромъ, клиниками, астрономическою обсерваторіею, оранжереями, гербаріемъ и т. д., и сверхъ того имѣютъ особую библіотеку институтскую, изъ которой въ опредѣленные дни получаютъ нужныя имъ книги; по этимъ пособіемъ они могутъ пользоваться точно также и

живя на частныхъ квартирахъ. Для этого нѣтъ надобности имъ жить непремѣнно въ институтѣ, занимающемъ много мѣста, которое съ большею пользою могло-бы быть употреблено на усиленіе учебныхъ пособій для всѣхъ безъ исключенія. Общая студентская библіотека будетъ полезнымъ учрежденіемъ для всѣхъ вообще и нисколько не ослабитъ способовъ образованія казеннокоштныхъ студентовъ. Въ настоящее время 10 и болѣе студентовъ разныхъ факультетовъ и курсовъ, занимаясь вмѣстѣ въ одной комнатѣ, мѣшаютъ только другъ другу и кромѣ того не имѣютъ никакихъ удобствъ для удовлетворенія самыхъ умѣренныхъ своихъ желаній: деревянный табуретъ и столъ— вотъ всѣ удобства, какими они пользуются въ дневные часы при лишеніи затѣмъ возможности даже отдохнуть хоть на полчаса отъ занятій своихъ, часто весьма утомительныхъ. 3) Казеннокоштнымъ студентамъ, живущимъ на частныхъ квартирахъ, придется выдавать деньги по третямъ года впередъ, иначе они не будутъ имѣть возможности шить себѣ платье, закупать нѣкоторые припасы и т. д. Это не опасно, если принять въ соображеніе, что есть въ Университетѣ въ числѣ 800 своекоштныхъ студентовъ много такихъ, которымъ родители ихъ довѣряютъ гораздо большія суммы. Необходимо даже молодымъ людямъ въ то время, когда еще существуетъ надъ ними нѣкоторый контроль, дать возможность пріучаться благоразумію употреблять свои деньги. 4) Тѣмъ изъ наличныхъ казеннокоштныхъ студентовъ, которые уже приняты на казенное содержаніе на прежнемъ основаніи, слѣдуетъ предоставить право остаться, ежели пожелаютъ, въ институтѣ до окончанія курса ученія, но вышедшаго разъ изъ института уже не слѣдуетъ снова принимать. 5) Больницу казеннокоштныхъ студентовъ, на которую по штату назначена особая сумма отдѣльно отъ суммы института, предполагается оставить въ настоящемъ видѣ и на тѣхъ-же основаніяхъ, на какихъ она существуетъ нынѣ. Что-же касается до одежды и другихъ потребностей, то объ нихъ должны позаботиться сами казеннокоштные студенты. Въ крайнихъ случаяхъ, ежели указанія и напоминанія инспектора студентовъ и другихъ лицъ не окажутся дѣйствительными, придется Университету распорядиться о постройкѣ платья съ тѣмъ, чтобы употребленныя на этотъ предметъ деньги были пополняемы изъ содержанія студента. Въ заключеніе сказаннаго попечитель долгомъ считалъ присовокупить, что если инсти-

тутъ будетъ оставленъ въ нынѣшнемъ положеніи, то попечитель не принимаетъ на себя отвѣтственности за послѣдствія, какія могутъ произойти вновь, при стеченіи случайныхъ обстоятельствъ, отъ преднамѣренныхъ дѣйствій казеннокоштныхъ студентовъ сообща. Что-же касается до разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія дозволять этимъ студентамъ переходить съ казеннаго помѣщенія на частныя квартиры съ полученіемъ на свое содержаніе только по 143 руб. сер. въ годъ, то эта мѣра, какъ общая и постоянная, при условіи продолженія существованія института по прежнему, не можетъ быть приведена въ исполненіе. Удаленіе изъ института большаго или меньшаго числа студентовъ необходимо должно измѣнить всѣ хозяйственные расчеты эконома. При постоянно возрастающей дороговизнѣ, онъ и при полномъ комплектѣ казеннокоштныхъ студентовъ не можетъ довольствоваться отпускомъ на каждаго по 14 коп. въ сутки, въ случаѣ-же уменьшенія числа имъ продовольствуемыхъ даже только на одну четвертую часть, онъ долженъ выйти совершенно изъ всякаго расчета *).

Подобные переговоры длились безъ результата, пока наконецъ Государь Императоръ по положенію главнаго правленія училищъ 30-го мая 1858 г. Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Въ университетахъ: Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ и св. Владиміра всѣхъ казеннокоштныхъ студентовъ и пансіонеровъ разныхъ вѣдомствъ съ начала новаго учебнаго года перемѣстить на вольныя квартиры съ производствомъ имъ, въ видѣ стипендій, отпускаемыхъ на содержаніе ихъ суммъ, предоставивъ министру народнаго просвѣщенія, въ случаѣ нужды по соображенію съ мѣстными потребностями, возвышать положенную по штатамъ университетовъ сумму на содержаніе казеннокоштнаго студента на счетъ свободныхъ суммъ Университета и 2) должность эконома въ означенныхъ университетахъ упразднить, а положенныя по штатамъ на жалованье эконома суммы обратить на усиленіе суммъ, назначенныхъ по штатамъ на содержаніе казеннокоштныхъ студентовъ. Попечитель съ своей стороны сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: 1) Объявить немедленно какъ на лицо находящимся въ институтѣ, такъ и отсутствующимъ студентамъ, что со стороны университетскаго начальства при перемѣщеніи ихъ на частныя квартиры будутъ ока-

*) Дѣло канцеляріи попечителя 1856 г. № 588.

заны имъ возможныя облегченія; 2) съ 1-го будущаго августа закрыть институты и прекратить наемъ дома на Печерскѣ, для студентовъ, посѣщающихъ госпитальныя клиники, а также упразднить должность эконома; 3) всѣмъ состоящимъ въ институтѣ казеннокоштнымъ студентамъ и пансіонерамъ разныхъ вѣдомствъ и содержимымъ на счетъ суммы за ученіе, производить въ видѣ стипендій ежегодно по 143 р. изъ опредѣленныхъ для того источниковъ и сверхъ того по 40 руб. въ видѣ пособія изъ остатковъ отъ суммы назначенной на институты какъ настоящихъ, такъ и могущихъ быть впредь въ продолженіе четырехъ лѣтъ съ 1-го августа того года; 4) всѣмъ этимъ студентамъ отдать безвозмездно матеріальныя вещи, которыми они уже пользовались, а именно: платье, бѣлье и обувь, которыя по положенію находятся въ ихъ употребленіи; желѣзныя кровати, постельныя вещи: тюфяки, подушки, одѣяла, простыни и наволочки, также столовые приборы, выключая серебро и посуду, какъ-то: стаканы, тарелки и подсвѣчники; изъ столоваго бѣлья по двѣ салфетки на каждаго; по одному табурету на каждаго и анатомическіе приборы тѣмъ, которые ихъ имѣютъ; 5) привести безотлагательно въ точную извѣстность казенную студентскую библіотеку и принять мѣры къ сохраненію ея въ совершенной цѣлости впредь до особаго распоряженія *).

9-го октября 1859 года правленіе составило правила о порядкѣ выдачи денегъ казеннокоштнымъ студентамъ и пансіонерамъ Университета св. Владиміра. Всѣ они получаютъ по четвертямъ года, кромѣ пансіонеровъ главнаго педагогическаго института, которые получаютъ помѣсячно. По окончаніи курса и до опредѣленія на службу выдается каждому студенту по 11 р. 91 к. въ мѣсяцъ.

Но и эти стипендіи просуществовали недолго: всѣ средства бывшихъ педагогическаго и юридическаго институтовъ ушли въ 1860 г. на учрежденіе, которое въ свою очередь оказалось весьма недолговѣчнымъ, т. е. на такъ называемые педагогическіе курсы. Именно: Государь Императоръ по положенію главнаго правленія училищъ 22-го февраля 1860 года Высочайше повелѣлъ: 1) Юридическій институтъ казеннокоштныхъ студентовъ при Университетѣ св. Владиміра упразднить. 2) Находящимся-же нынѣ въ институтѣ воспитанникамъ дозво-

---

*) Дѣло канц. инспект. студ. 1858 г. № 34.

лить окончить курсъ на прежнемъ основаніи и 3) по мѣрѣ выбытія сихъ воспитанниковъ изъ Университета, сумму, положенную на содержаніе 20 казеннокоштныхъ воспитанниковъ юридическаго института, всего 2860 р. сер., обращать на усиленіе средствъ педагогическихъ курсовъ. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 20-го марта 1860 года прекращенъ пріемъ на казенное содержаніе по историко-филологическому и физико-математическому факультетамъ; для желающихъ занять мѣста учителей и получившихъ званіе дѣйствительнаго студента или степень кандидата открыты педагогическіе курсы, на которыхъ казеннокоштные стипендіаты получали отъ казны по 300 р. въ годъ на содержаніе. Остались только стипендіи для медиковъ.

Заведеніе для недостаточныхъ студентовъ. Мы уже упоминали, что министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ въ ноябрѣ 1837 г., послѣ открытія среди студентовъ преступнаго общества, между прочими мѣрами для усиленія надзора за студентами Университета св. Владиміра, предложилъ нанять *для бѣдныхъ или неблагонадежныхъ студентовъ* помѣщеніе. На наемъ дома было рѣшено, съ Высочайшаго соизволенія, отпускать 1714 р. 23 к. Тѣ, которые или сами просили помѣстить ихъ въ это заведеніе, или были принуждаемы къ тому начальствомъ (за неблагонадежность), получали квартиру даромъ, но за содержаніе свое должны были вносить опредѣленную плату, весьма низкую, по временамъ измѣнявшуюся. Такимъ образомъ первоначальнымъ побужденіемъ къ основанію этого учрежденія было желаніе подчинить особому надзору лицъ неблагонадежныхъ, въ чемъ-либо замѣченныхъ. Поэтому съ самаго начала заведеніе было прозвано въ студенческомъ обществѣ „штрафгаузомъ“ и подъ этимъ именемъ общеизвѣстно въ Кіевѣ; такое первоначальное назначеніе его вскорѣ забыто (хотя и не совсѣмъ) и осталась только благотворительная цѣль, тѣмъ болѣе, что уставъ 1842 г. совсѣмъ умалчиваетъ о другой цѣли и говоритъ лишь „объ облегченіи способовъ содержанія студентовъ“. 1-го декабря 1837 года предписано было инспектору нанять домъ и пріискать эконома или экономку, которые-бы взялись продовольствовать студентовъ за вносимыя ими деньги, выдавая ему ихъ безотчетно, для чего и предписано было инспектору заключить съ экономомъ условіе, опредѣливъ подробно обязанности, которыя онъ принимаетъ на себя. Квартира была нанята въ домѣ Гербель, а потомъ въ разное

время въ другихъ домахъ. Денегъ, отпускаемыхъ правительствомъ для этой цѣли, разумѣется, было достаточно; это можно видѣть изъ такой смѣты приходовъ и расходовъ на содержаніе недостаточныхъ студентовъ съ 1-го января по 1-е іюля 1840 г.: ожидалось къ поступленію изъ суммы 1714 руб. 28$^{1}/_{7}$ коп. сер. за первую половину 1840 года 857 руб. 14$^{2}/_{7}$ коп. Предполагалось произвесть расходовъ: на отопленіе въ комнатахъ дома Самойловича, занимаемыхъ тогда этими студентами, 53 руб. 97 к.; на освѣщеніе для 22 студентовъ—57 р. 37 к.; на наемъ двухъ служителей 54 руб.; на разныя хозяйственныя надобности 30 руб.; итого на содержаніе 22 недостаточныхъ студентовъ 200 руб. 24 коп. сер. На непредвидимыя надобности 56 руб. 90$^{2}/_{7}$ к. сер. За симъ оставалось свободныхъ 600 р. сер. Этотъ остатокъ впрочемъ долженъ быть отнесенъ на наемъ дома, что однако далеко не могло истощить его за полгода. По уставу 1842 г. заведеніе для недостаточныхъ студентовъ уже введено въ постоянный штатъ Университета, но сумма для него назначена нѣсколько меньшая прежней, а именно 1700 р. Можетъ быть это заставило, при переходѣ Университета въ свое новое зданіе, помѣстить тамъ вмѣстѣ съ казеннокоштными и недостаточныхъ студентовъ. Въ 1843 году попечитель Кіевскаго учебнаго округа, признавъ неудобнымъ помѣщать на будущее время недостаточныхъ студентовъ въ зданіи Университета св. Владиміра вмѣстѣ съ казеннокоштными воспитанниками, предложилъ правленію Университета немедленно пріискать домъ для помѣщенія первыхъ; однако этотъ переводъ состоялся не тотчасъ: учрежденіе недостаточныхъ студентовъ помѣщалось еще въ зданіи Университета и въ 1844—46 гг. Помѣщаясь въ Университетѣ, заведеніе это, очевидно, имѣло значительныя выгоды; тогда тратилось только на освѣщеніе для 40 недостаточныхъ студентовъ 210 руб. 37$^{1}/_{2}$ коп. сер. и на наемъ пяти служителей (для содержанія въ чистотѣ камеръ, уборки постелей, чистки платья, сапоговъ и служенія при столѣ, съ платою каждому изъ нихъ по 4 р. въ мѣсяцъ) 240 р. с. Завѣдываніе содержаніемъ также ничего не стоило, потому что возлагалось на эконома института казеннокоштныхъ студентовъ. Въ ноябрѣ 1846 года заведеніе перемѣщено въ особый нанятый домъ (Петрова) и состояло подъ надзоромъ помощн. инспект. Гудимы. Имѣя въ виду, что съ переводомъ заведенія въ нанятый для него домъ, продовольствіе студен-

товъ, которые будутъ жить въ немъ, не можетъ уже быть по прежнему возлагаемо на обязанность эконома института казеннокоштныхъ студентовъ, попечитель предписалъ инспектору озаботиться устройствомъ хозяйственной части во всѣхъ отношеніяхъ. Тогда уже пришлось расходовать всю сумму, назначенную по штату, а именно по смѣтѣ на 1847 г. предполагалось произвести расходы: на уплату за наемъ дома Петрова, согласно заключенному контракту за полгода впередъ, т. е. съ 1-го ноября 1847 г. по 1-е мая 1848 г.—425 р. с.; на отопленіе — 390 р. 50 к.; на освѣщеніе для 40 недостаточныхъ студентовъ — 210 р. $37^1/_2$ коп.; на наемъ 5 служителей — 240 р.; на наемъ буфетчика и гардеробщика—144 руб.; на наемъ 4 рабочихъ—192 р.; на разныя хозяйственныя надобности—50 р.; итого—1676 р. 25 коп сер. Затѣмъ въ остаткѣ 23 руб. 75 коп. сер. Наемъ повара (съ платою по 6 р. сер. въ мѣсяцъ) и цирульника (съ жалованьемъ по 4 руб. въ мѣсяцъ), а также мелочные расходы на ремонтъ кухонной, столовой и чайной посуды относились на счетъ платы, вносимой студентами за продовольствіе ихъ. Продовольствіе недостаточныхъ студентовъ было возложено на помощника инспектора Гудиму, которому ввѣрено это заведеніе и относительно надзора. Но въ сентябрѣ 1848 года онъ подалъ прошеніе, въ которомъ писалъ, что онъ сверхъ прямой своей обязанности около 2-хъ лѣтъ продовольствуетъ столомъ студентовъ, состоящихъ во ввѣренномъ ему заведеніи, но нынѣ чувствуетъ, что отъ вліянія раны, „которую получилъ на полѣ чести" и тѣхъ трудовъ, которые понесъ въ теченіи 12 лѣтъ въ должности помощника инспектора студентовъ, здоровье его приходитъ въ совершенное разстройство, а хозяйственная часть требуетъ не малыхъ трудовъ; словомъ, просилъ уволить его отъ продовольствія студентовъ и даже предупреждалъ, что не замедлитъ уволиться вовсе отъ службы, „дабы не тяготить ее собою". Инспекторъ съ своей стороны призналъ, что въ заведеніи недостаточныхъ студентовъ Гудима занимается, кромѣ счетоводства по части этого заведенія, и продовольствованіемъ находящихся въ немъ студентовъ, мойкою бѣлья и прочими предметами, отвлекающими его отъ прямой его обязанности, т. е. надзора за студентами въ заведеніи, равно и внѣ онаго во время нахожденія ихъ въ Университетѣ для слушанія лекцій, что́ не позволяетъ ему наравнѣ съ прочими 5 участковыми помощниками поочередно дежурить на раз-

ныхъ мѣстахъ, гдѣ требуется надзоръ за студентами; долгъ и самое званіе помощника инспектора студентовъ несоотвѣтственны должности эконома заведенія, гдѣ взаимныя сношенія неминуемо рождаютъ и взаимныя снисхожденія, вредныя впослѣдствіи какъ для самыхъ студентовъ, такъ и для „славы начальства" Университета; словомъ, инспекторъ призналъ неудобнымъ долѣе, въ отношеніи продовольствія, оставить заведеніе недостаточныхъ студентовъ въ вѣдѣніи кого-либо изъ помощниковъ и представилъ попечителю: a) такъ какъ съ увеличеніемъ числа студентовъ въ Университетѣ возростаетъ и число недостаточныхъ, то разрѣшить (на основаніи ст. 63 устава университетовъ), сверхъ тогдашняго комплекта въ 40, принять въ заведеніе недостаточныхъ студентовъ еще 20; b) за продовольствіе принятыхъ такимъ образомъ сверхъ комплекта студентовъ постановить плату, вмѣсто платимыхъ тогда 5-ти руб., по 7 руб. въ мѣсяцъ, изъ которыхъ 2 р. назначить къ поступленію въ казначейство правленія Университета для возмещенія издержекъ на покупку столоваго серебра и бѣлья, посуды, мебели и панятіе прислуги; c) принять по контракту „особу" съ благонадежнымъ залогомъ, обязавъ довольствоваться получаемыми съ каждаго студента 5 р. сер. въ мѣсяцъ за продовольствіе ихъ и за мытье бѣлья и вести отчетность во всемъ, что касается до заведенія; d) часть квартиры во флигелѣ дома заведенія недостаточныхъ студентовъ, которую занималъ помощникъ Гудима, назначить или для столовой или для дортуара, а другую часть для помѣщенія особы, занимающейся хозяйственною частію, и затѣмъ студентовъ въ семъ заведеніи (на основаніи ст. 64 устава) оставить подъ надзоромъ одного изъ помощниковъ наравнѣ съ квартирующими на вольныхъ квартирахъ, раздѣленными по участкамъ и посѣщаемыми помощниками внезапно какъ днемъ, такъ и ночью. Попечитель согласился далеко не со всѣми пунктами этого представленія, а именно разрѣшилъ въ заведеніе недостаточныхъ студентовъ, вмѣсто прежняго комплекта ихъ 40, принять еще 20 студентовъ, но предписалъ отвести квартиру для помощника инспектора студентовъ, имѣющаго надзоръ за недостаточными студентами, въ самомъ заведеніи; затѣмъ возложить на эконома казеннокоштныхъ студентовъ за опредѣленную по смѣтѣ плату продовольствія чаемъ въ самомъ заведеніи, а обѣдомъ въ столовой института казеннокоштныхъ студентовъ. Онъ не призналъ удобнымъ увеличивать плату за содер-

жаніе въ заведеніи и указалъ, что расходъ можетъ быть покрытъ изъ экономическихъ суммъ самаго заведенія. Содержаніе заведенія при Гудимѣ далеко не отличалось опрятностію и исправностію. Въ декабрѣ 1848 г. инспекторъ писалъ ему, что въ заведеніи недостаточныхъ студентовъ онъ нашелъ слѣдующіе безпорядки: снѣгъ отъ самыхъ воротъ до главнаго зданія вовсе не сметенъ и входы въ заведеніе не отчищены отъ снѣга и льда, накопившагося большими кучками; у нѣсколькихъ дверей главнаго зданія нѣтъ вовсе замковъ, отъ чего онѣ не затворяются, пропуская холодъ въ комнаты; въ комнатахъ для занятія отбита штукатурка возлѣ нѣсколькихъ столовъ и возлѣ печей, что при малѣйшемъ стараніи объ удержаніи чистоты и порядка легко и безъ большихъ издержекъ можно было исправить, да вообще стѣны комнатъ требуютъ побѣлки мѣстами; дверецъ у печей или вовсе нѣтъ, или не держатся по дурному ихъ укрѣпленію; въ умывальной заведенія, вопреки неоднократныхъ подтвержденій, стоятъ кадки съ водою, изъ которыхъ течетъ вода, отъ чего полъ всегда мокръ и нечистъ, въ столовой изъ двухъ печей топится только одна въ сутки, отчего комната эта холодна и прибавляется сырость, безъ того въ ней существующая, да при томъ стѣны столовой такъ не чисты, „что право срамъ видѣть это въ казенномъ заведеніи"; въ дортуарѣ (прежней гардеробной) печи вовсе не топятся и двери заложены кирпичемъ; комнаты, прежде занимаемыя Гудимою, въ весьма большой нечистотѣ и широкія трещины между печью и стѣною не замазаны, такъ что онѣ отъ дыма, оставляющаго угаръ въ комнатахъ, совершенно почернѣли, да при томъ комнаты эти едва топятся черезъ день, такъ что поставленная въ нихъ мебель портится отъ холода; комнаты, назначенныя для помощника инспектора, онъ отдаетъ въ наемъ, а самъ живетъ съ семействомъ въ частномъ домѣ, вблизи заведенія, отъ чего надзоръ за студентами и за порядками въ заведеніи неудовлетворителенъ; изъ 4-хъ по смѣтѣ положенныхъ работниковъ для носки дровъ, воды, чистки двора и тротуаровъ, одного вовсе не имѣется, двое неизвѣстно куда отлучились, одинъ занимается у помощника инспектора *).

Съ 1849 г. заведеніе перешло въ домъ Березовскаго, близь Университета, гдѣ и суждено было потомъ ему окончить свое существованіе. Не смотря на плохое состояніе заведенія, оно въ этомъ году

*) Дѣло канцеляріи инспект. студ. № 39.

особенно увеличилось и привлекало своекоштныхъ студентовъ. По смѣтѣ 1850 г. ожидалось кромѣ штатныхъ 1700 р. сер. еще 510 р. за продовольствіе своекоштныхъ и предназначено было израсходовать всего 2188 руб., причемъ предвидѣлся остатокъ въ 21 руб. Приводимъ эти и слѣдующія цифры, рискуя утомить ими читателя для той цѣли, чтобы объяснить сколько-нибудь маловѣроятную возможность призрѣвать такими скудными средствами довольно большое число студентовъ. Приливъ своекоштныхъ уменьшился въ слѣдующемъ году, какъ можно видѣть изъ смѣты на 1851 годъ, когда ожидалось получить за продовольствіе своекоштныхъ студентовъ въ заведеніи, которыхъ ожидалось среднимъ числомъ по 18 человѣкъ въ мѣсяцъ, по 1 р. сер., а въ 10 мѣсяцевъ—180 р., итого—1880 р. Расходы-же предстояли слѣдующіе: на уплату за наемъ дома—850 руб., на отопленіе—267 руб. 75 коп., на освѣщеніе для 26 студентовъ—168 руб. 8 коп., на бѣлье —14 р. 50 к., на наемъ буфетчика и гардеробщика, съ платою каждому изъ нихъ по 6 руб. въ мѣсяцъ, а въ годъ—144 руб. сер., на наемъ пяти служителей для содержанія въ чистотѣ комнатъ, уборки постелей, чистки платья, сапоговъ и служенія при столѣ, съ платою каждому изъ нихъ по 4 руб. сер. въ мѣсяцъ, а въ годъ 240 руб.; на наемъ трехъ рабочихъ въ теченіи шести лѣтнихъ мѣсяцевъ для носки воды, дровъ, чистки двора, тротуаровъ и ночнаго караула съ платою каждому по 4 р. сер. въ мѣсяцъ—168 р., всего—552 р.; на разныя хозяйственныя надобности—70 р., итого—1922 р. 33 к.; затѣмъ исчислено расхода больше противъ прихода на 42 р. 33 к. Въ концѣ существованія штрафгауза, онъ уже не могъ содержаться на одни средства, отпускаемыя правительствомъ; Университетъ съ своей стороны прибавлялъ изъ экономическихъ суммъ 150 р. сер. въ годъ, потому что и цѣны росли: такъ домъ, за который платили прежде 850 р. теперь уже стоилъ 1000 руб. сер. Остальные расходы, впрочемъ, оставались почти тѣ-же.

Что касается до пищи, то воспитанники заведенія для недостаточныхъ студентовъ продовольствовались вмѣстѣ съ казеннокоштными и стало быть раздѣляли въ этомъ отношеніи дурную и хорошую судьбу послѣднихъ.

Число содержимыхъ въ штрафгаузѣ, условія пріема и увольненія первоначально не были опредѣлены точно. Уставъ 1842 г. говоритъ, что „число воспитанниковъ сего заведенія не опредѣляется и зависитъ

отъ обширности помѣщенія; впрочемъ пріемъ ихъ производится на основаніи особыхъ существующихъ для сего правилъ. Наемъ дома, освѣщеніе и отопленіе относятся къ обязанностямъ правленія, а продовольствіе—къ распоряженію инспектора". „Особыя правила", о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, были составлены, но на практикѣ все совершалось по произволу инспектора. Въ мартѣ 1846 года попечитель напомнилъ инспектору студентовъ, что утвержденное при Университетѣ св. Владиміра заведеніе для недостаточныхъ студентовъ, кромѣ цѣли благотворительной, имѣетъ другую важнѣйшую, и что пріемъ воспитанниковъ въ это заведеніе долженъ производиться на основаніи особыхъ правилъ; но онъ, попечитель, усмотрѣлъ, что инспекторъ не руководствуется этими законами и не испрашиваетъ въ надлежащихъ случаяхъ разрѣшенія попечителя; для отвращенія чего на будущее время предложилъ: 1) во всемъ, касающемся управленія заведеніемъ для недостаточныхъ студентовъ, руководствоваться въ точности уставомъ Университета св. Владиміра; 2) представлять ежегодно на утвержденіе попечителя предположеніе какъ о количествѣ платы, назначаемой за содержаніе въ этомъ заведеніи каждаго студента, такъ и о томъ, кому именно и на какихъ основаніяхъ должно быть поручено продовольствіе недостаточныхъ студентовъ. 3) Представлять также на усмотрѣніе попечителя о томъ, сколько предполагается имѣть воспитанниковъ въ заведеніи для недостаточныхъ студентовъ съ приложеніемъ именнаго списка всѣмъ студентамъ, которыхъ инспекторъ полагаетъ помѣстить въ заведеніи. По утвержденіи сего списка, никто изъ студентовъ не можетъ ни опредѣлиться въ заведеніе, ни быть удаленъ изъ него безъ согласія на то попечителя. Увольненіе-же по просьбамъ предоставляется разрѣшенію инспектора.

Изъ предыдущаго видно, что первонально въ заведеніи содержалось 22 студента, что со времени устава 1842 г. число это возвышено до 40 и что съ 1848 года съ увеличеніемъ общаго числа студентовъ увеличился и процентъ несостоятельныхъ; по ходатайству инспектора прибавлено еще 20 вакансій. Вмѣстѣ съ этимъ уже неудобно было одному помощнику инспектора и надзирать и завѣдывать хозяйствомъ; надзоръ оставленъ за помощникомъ инспектора, а хозяйственная часть поручена эконому, именно поручено ему за ежемѣсячную плату—5 р. продовольствовать студентовъ съ мытьемъ бѣлья.

Выше было замѣчено, что нѣтъ возможности представить точныя цифры содержавшихся въ заведеніи недостаточныхъ студентовъ, при крайней измѣнчивости ежемѣсячнаго прилива и отлива ихъ. Отчеты, схватывая послѣдніе цифры каждаго года, даютъ намъ лишь приблизительныя данныя, которыя можно выразить въ слѣдующей таблицѣ.

Таблица числа лицъ, содержавшихся въ заведеніи недостаточныхъ студентовъ.

ГОДЫ.	Общее число.	Изъ суммы за ученіе.	Изъ суммы жертвуемой профессорами.	Съ платою за продовольствіе.
1838	40	—	7	25 (?)
1839	19	—	4	15
1840	26	—	6	20
1841	35	—	4	31
1842	40	—	5	35
1843	29	—	5	24
1844	35	14	11	10
1845	37	—	9	28
1846	40	6	13	21
1847	45	3	10	32
1848	41	2	8	31
1849	60	8	6	46
1850	28	4	6	18
1851	35	2	3	30
1852	37	—	5	32
1853	25	1	4	20
1854	45	1	5	39
1855	54	4	7	43

Профессорскіе стипендіаты. Студенты, помѣщаемые въ заведеніи для недостаточныхъ, далеко не всѣ уплачивали сами за продовольствіе

ихъ въ немъ. За одну часть ихъ вносились деньги изъ суммы за ученіе, за другую—большую уплачивали профессора изъ собственныхъ средствъ. Это такъ называемые профессорскіе стипендіаты. Начало этому учрежденію положено было такъ: въ 1838 г. ректоръ (Неволинъ) увѣдомилъ, что преподавателямъ и чиновникамъ Университета св. Владиміра, по распоряженію попечителя (Брадке), предложена была подписка для составленія капитала въ пользу недостаточныхъ студентовъ Университета. На первыхъ порахъ подписанная для ежегоднаго взноса сумма простиралась до 1000 руб. ассигнаціями. Относительно порядка употребленія этой суммы и назначенія на счетъ ея пособій, совѣтъ Университета составилъ особенныя правила. Попечитель сообщилъ о томъ инспектору и предложилъ объявить о такомъ пожертвованіи студентамъ Университета съ тѣмъ, не согласятся-ли и они сдѣлать между собою складку въ пользу недостаточныхъ студентовъ и въ особенности для студентовъ 1-го курса, которымъ по предположенію совѣта Университета вспоможенія изъ собранной профессорами суммы не назначается. Каковъ былъ успѣхъ подписки между студентами—не знаемъ; во всякомъ случаѣ удержалось только профессорское пособіе. Правила объ употребленіи суммы, жертвуемой преподавателями и чиновниками Университета были таковы: 1) Для облегченія недостаточнымъ студентамъ Университета св. Владиміра способовъ къ своему содержанію, преподаватели и чиновники Университета жертвуютъ ежегодно опредѣленную сумму денегъ. 2) Производство вычета изъ жалованья количества денегъ, опредѣленнаго добровольнымъ согласіемъ каждаго для составленія этой суммы, храненіе и отпускъ ея въ потребныхъ случаяхъ предоставляется правленію Университета св. Владиміра. 3) Вспоможеніе на счетъ этой суммы состоитъ въ томъ, что удостоиваемый студентъ помѣщается въ заведеніи для недостаточныхъ студентовъ и получаетъ здѣсь въ теченіи учебнаго года довольствіе столомъ вмѣстѣ съ мытьемъ бѣлья и необходимою прислугою, не взнося опредѣленной за это платы, которая на счетъ пожертвованной суммы вносится за него правленіемъ Университета въ томъ-же количествѣ, въ какомъ вносятъ другіе студенты, въ томъ-же заведеніи, 4) Количество студентовъ, могущихъ воспользоваться такимъ пособіемъ, опредѣляется количествомъ пожертвованной суммы и величиною платы за продовольствіе въ домѣ нанятомъ отъ правительства для по-

мѣщенія недостаточныхъ студентовъ. 5) Пособіе на счетъ этой суммы оказывается только студентамъ высшихъ курсовъ, начиная со втораго. 7) Три условія требуются отъ студента, желающаго воспользоваться пособіемъ: недостаточность состоянія, успѣшность въ наукахъ, хорошее поведеніе, первое и третье удостовѣряются засвидѣтельствованіемъ инспектора; успѣшность въ наукахъ удостовѣряется отзывами преподавателей объ отвѣтахъ дѣлаемыхъ студентомъ на репетиціяхъ и отмѣтками баловъ, полученныхъ на годичныхъ испытаніяхъ. 10) Сдѣланное назначеніе пособія имѣетъ силу не далѣе какъ до истеченія того учебнаго года, въ которомъ оно опредѣлено. Желающіе пользоваться оказаннымъ имъ пособіемъ въ теченіи новаго учебнаго года могутъ снова подать прошеніе въ совѣтъ о продолженіи пособія. Впослѣдствіи присоединены были и другія условія для пріобрѣтенія профессорскаго содержанія, а именно въ 1842 г. ректоръ увѣдомилъ инспектора, что студенты, которымъ предположено производить содержаніе на счетъ суммы, жертвуемой профессорами и чиновниками Университета, обязаны будутъ наравнѣ съ прочими студентами, желающими помѣститься въ числѣ недостаточныхъ, вносить единовременно по десяти рублей серебромъ на обзаведеніе. Потомъ на профессорское содержаніе не могли претендовать студенты, не перешедшіе по экзамену на слѣдующій семестръ. Какъ настоятельно нужна была помощь и какъ тяжелы были и такія скромныя ограниченія, показываетъ слѣдующій случай: въ 1843 и 1844 г. студентъ С—цкій не одинъ разъ просилъ пособія, но не могъ ни получить казеннаго содержанія по состоянію здоровья, ни быть принятымъ на профессорское содержаніе, какъ не перешедшій на 3-й семестръ. Въ февралѣ 1845 г. два профессора медицинскаго факультета сдѣлали спеціальное пожертвованіе для него, обязавшись его содержать на свой счетъ въ заведеніи недостаточныхъ студентовъ, они-же продолжали уплачивать за него и еще нѣсколько лѣтъ. Мы отмѣчаемъ съ особымъ интересомъ этотъ благородный поступокъ. Въ 1841 году подано прошеній на профессорскія стипендіи 10, а принять можно было только 4-хъ. Такимъ-же образомъ и во всѣ слѣдующіе годы запросъ на это пожертвованіе превышалъ жертвуемую сумму. Для оцѣнки такого пожертвованія надо вспомнить, что сами профессора получали такое содержаніе, что, какъ выразился совѣтъ въ 1840 г., могли жить, какъ послѣдній изъ кан-

целярскихъ служителей. Исторія Университета должна особенно отмѣтить на своихъ страницахъ эту лепту, незначительную въ денежномъ, но важную въ моральномъ отношеніи.

Судьба заведенія для недостаточныхъ студентовъ была до нѣкоторой степени связана съ судьбою института казеннокоштныхъ, но первое пережило на два года второй. Мы знаемъ, что всѣ находившіеся на казенномъ содержаніи воспитанники и пансіонеры должны были съ 1-го августа 1858 г. быть перемѣщены на частныя квартиры и что затѣмъ съ того времени должна быть упразднена должность эконома при институтѣ казеннокоштныхъ студентовъ. Мы знаемъ также, что экономъ института продовольствовалъ не только казеннокоштныхъ воспитанниковъ, но и студентовъ, помѣщающихся въ заведеніи для недостаточныхъ студентовъ; поэтому ректоръ просилъ инспектора: во-первыхъ, объявить всѣмъ находящимся въ этомъ заведеніи воспитанникамъ какъ своекоштнымъ, такъ и содержимымъ на счетъ суммы, жертвуемой профессорами и чиновниками Университета, что они съ 1-го августа не могутъ уже пользоваться получаемымъ до сего времени отъ эконома продовольствіемъ; во-вторыхъ, объявить послѣднимъ изъ нихъ, что на продовольствіе ихъ отпускаемо будетъ изъ правленія Университета по 4 руб. 57 к. въ мѣсяцъ, впредь до окончательнаго рѣшенія вопроса о порядкѣ содержанія на дальнѣйшее время студентовъ, состоящихъ на коштѣ изъ суммы, жертвуемой профессорами и чиновниками Университета. Такимъ образомъ заведеніе для недостаточныхъ студентовъ еще существовало, когда институтъ казеннокоштныхъ былъ закрытъ.

Въ концѣ 50-хъ годовъ былъ знаменитъ домъ Березовскаго, гдѣ штрафгаузъ кончалъ дни свои; въ немъ совмѣщалась вся студенческая голытьба, вылѣзавшая на свѣтъ Божій, иногда чередуясь общею одеждою и обувью. Тамъ была штабъ-квартира общестуденческихъ дѣлъ и волненій; тамъ замышлена громкая исторія съ полк. Бринкеномъ, вызвавшая приснопамятную рѣчь Государя Александра Николаевича къ студентамъ Университета св. Владиміра; тамъ производилась и устанавливалась обязательная для всѣхъ оцѣнка университетскихъ преподавателей и другихъ современныхъ лицъ и событій. Но нельзя помянуть зломъ штрафгауза; онъ спасъ многихъ отъ голода и холода. Однако современники смотрѣли на него иными глазами. Совѣтъ, вооружаясь вообще

противъ закрытыхъ заведеній въ Университетѣ, осудилъ на уничтоженіе и заведеніе для недостаточныхъ студентовъ; онъ—совѣтъ 30 марта 1858 г. просилъ разрѣшенія попечителя Кіевскаго учебнаго округа закрыть это заведеніе, а сумму, положенную по штату на содержаніе его, обратить въ денежныя стипендіи для недостаточныхъ студентовъ, выдаваемыя за отличные успѣхи въ наукахъ на слѣдующихъ основаніяхъ: изъ штатной суммы, положенной на содержаніе заведенія для недостаточныхъ студентовъ, составляются 28 денежныхъ стипендій, каждая въ 60 руб. сер. въ годъ, остатокъ-же отъ всей суммы, т. е. 20 руб. сер. въ годъ, а равно и стипендіи, оставшіяся не выданными по случаю неимѣнія въ виду лицъ, достойныхъ полученія этихъ стипендій, присоединяются къ общей экономической суммѣ Университета. Сказанныя 28 стипендій называются *штатными* и своекоштные студенты, получающіе ихъ, называются *штатными стипендіатами Университета св. Владиміра*. Право на полученіе штатной стипендіи въ теченіи года дается студентамъ 3-го и слѣдующихъ затѣмъ семестровъ, предварительно выдержавшихъ съ успѣхомъ испытаніе въ первый постановленный для того срокъ. Но домъ помѣщика Березовскаго былъ нанятъ срокомъ по 1-е ноября 1860 года и владѣлецъ не согласился уничтожить контрактъ раньше срока. Такимъ образомъ поневолѣ пришлось оставить заведеніе для недостаточныхъ студентовъ впредь до истеченія контракта съ Березовскимъ, т. е. до 1-го ноября 1860 года. Въ іюлѣ того года домъ былъ сданъ, а имущество заведенія передано по описи экзекутору Университета.

Темныя стороны закрытыхъ учебныхъ заведеній, о которыхъ съ такою подробностію распространился совѣтъ въ 1857 г., не подлежатъ сомнѣнію и спору; особенно казались онѣ очевидными въ ту эпоху, когда русская жизнь во всѣхъ слояхъ и углахъ рвалась изъ долговременныхъ пеленокъ. Но обратная выгодная сторона дѣла, касающаяся матеріальнаго обезпеченія студентовъ и слѣдовательно предохраненія большой массы ихъ отъ золъ нравственныхъ, также не подлежитъ спору. Съ тѣхъ поръ и надолго правительственная помощь сократилась. Въ замѣнъ ея лишь медленно и весьма недостаточно выступала помощь общественная, въ видѣ учрежденія стипендій и обществъ для вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ.

Оканчивая обзоръ исторіи Университета св. Владиміра въ царствованіе Императора Николая Павловича, мы не можемъ оставить читателя подъ тяжкими впечатлѣніями грустнаго финала 1849—1855 гг.; для возстановленія правильнаго общаго воззрѣнія, мы должны напомнить, что этому царствованію Университетъ обязанъ самымъ возникновеніемъ своимъ, что это вовсе не было дѣломъ случайности, или временнаго каприза, а выраженіемъ яснаго сознанія правильныхъ интересовъ государства въ юго-западномъ краѣ Россіи. Эпоха Императора Александра I, возбуждающая въ насъ справедливыя и горячія симпатіи, дала относительно юго-западнаго края ошибочные и весьма вредные результаты. Вспомнимъ также, что въ первыя двѣ трети своей жизни при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ Университетъ св. Владиміра пользовался, подъ управленіемъ гр. Уварова, спокойными и закономѣрными условіями развитія, руководясь уставами, предоставившими юному Университету ту долю свободы, какая столь необходима для развитія высшаго учебнаго заведенія, что въ самые первые годы своего младенчества Университетъ охраняемъ былъ нѣжною заботливостію Е. Ѳ. Брадке, и прожилъ тогда хотя короткое, но столь счастливое время, какое едвали тогда выпадало на долю какому-либо русскому университету.

Не забудемъ далѣе, что тогда дѣйствовали въ Университетѣ: Максимовичъ, Новицкій, Неволинъ, Богородскій, Даниловичъ, Иванишевъ, Гофманъ, Миддендорфъ, Кесслеръ, Траутфеттеръ, что въ концѣ той счастливой эпохи Университетъ привѣтствовалъ появленіе цѣлой массы молодыхъ силъ, Костомарова, Селина, Шульгина, Митюкова, Вернадскаго, Пилянкевича и др.,—что совокупные труды этихъ лицъ создали Университету почетное мѣсто среди другихъ старѣйшихъ его собратовъ, и отчасти—въ Европѣ.

Наконецъ напомнимъ, что тогда были сдѣланы тѣ матеріальныя пріобрѣтенія, которыми пользуется и нынѣ Университетъ, тѣ собственныя средства, какія онъ имѣетъ, и тѣ вѣковѣчныя зданія, въ которыхъ онъ находится нынѣ *).

---

*) Объ экономическихъ средствахъ Университета св. Владиміра см. прилож. I.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Финансовыя средства Университета св. Владиміра.

ОТДѢЛЪ I.

Изъ суммъ государственнаго казначейства по штату 1833 г. было ассигновано на содержаніе Университета св. Владиміра 248,890 р. ас.

По штату 1842 г. назначено было 132,660 р. сер.

На основаніи Высочайше утвержденнаго въ 18 день іюня 1863 г. штата Университета св. Владиміра и послѣдовавшихъ затѣмъ особыхъ распоряженій начальства, на общія надобности Университета изъ суммъ государственнаго казначейства отпускается по смѣтамъ, именно:

по § 5, ст. 1, *на содержаніе личнаго состава* 222,964 р. 30 к.

„ § 5, ст. 2, *на учебные, хозяйственные и другіе расходы* . . . . . . 83,259 р. 65 к.

Итого . . 306,223 р. 95 к.

ОТДѢЛЪ II.

ПОДРОБНАЯ ВѢДОМОСТЬ

КАПИТАЛАМЪ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА, ПОЖЕРТВОВАННЫМЪ ВЪ РАЗНОЕ ВРЕМЯ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦАМИ ВОЛЫНСКОЙ, ПОДОЛЬСКОЙ И КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІЙ НА СОДЕРЖАНІЕ БЫВШАГО ВОЛЫНСКАГО ЛИЦЕЯ ВЪ Г. КРЕМЕНЦѢ, А ПО УПРАЗДНЕНІИ ЛИЦЕЯ, ВЫСОЧАЙШИМЪ УКАЗОМЪ ДАННЫМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ 8 НОЯБРЯ 1833 ГОДА, ПРИСВОЕННЫМЪ СЕМУ УНИВЕРСИТЕТУ.

Наименованіе записей и закладныхъ сдѣлокъ.	Сумма капитала по записямъ и закладнымъ сдѣлкамъ.		Время уплаты капитала.		Время исключенія по невозможности взысканія капитала.		Осталось наличн. записей и заклад. сдѣлокъ.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
А. По Волынской губерніи.								
Луцкому уѣзду:								
1) По записи антекаря Якова Пфундта, 19 сентября 1803 г. совершенной, а затѣмъ по закладной сдѣлкѣ гр. Олизара, сознанной 19-го февраля 1819 г. въ Луцкомъ уѣздномъ судѣ капиталъ, пожертвованный Пфундтомъ, обезпеченъ на части мѣстечка *Рафалоки*	625	—	2 марта 1843 года 625	 —	—	—	—	—
2) По записи Луки Спрацкаго, 19 октября 1803 г. на вольной аптекѣ въ г. Луцкѣ состоящей обезпеченъ капиталъ.	937	50	1854 года 159 1857 года 70 229	 49 17 66	—	—	707	84
3) По постановленію римско-католическаго духовенства Луцко-Житомірской епархіи, 20 октября 1803 г. состоявшемуся и въ 19 день декабря 1803 г. Высочайше утвержденному,								

съ бывшихъ монастырей Триннтарскаго ордена назначенъ капиталъ .	1125	—	—	—	7 окт 1874 1125	ября года —	—	—
4) По записи Магдалины Кучинской, 21 октября 1803 г. на имѣніи *Воротнієвъ*	3750	—	22 ян 1872 3750	варя года —	—	—	—	—
5) На имѣніи *Мстишинъ*, по записи Фелиціана Пилявскаго 12 декабря 1803 г. совершенной . .	600	—	12 фев 1847 600	раля года —	—	—	—	—
6) На томъ-же имѣніи по записи его-же Пилявскаго, 28 іюля 1810 г. совершенной	3000	—	1850 3000	года —	—	—	—	—
7) По записи того-же Пилявскаго на богослуженіе за усопшихъ на томъ-же имѣніи	750	—	12 фев 1847 750	раля года —	—	—	—	—
8) По записи его-же Пилявскаго на устройство больницы или хирургическаго учебнаго заведенія.	150	—	25 ноя 1847 150	бря года —	—	—	—	—
9) На имѣніи *Жеребокъ* (Колковскаго ключа), по записи Михаила Корженевскаго 22-го декабря 1803 г.	900	—	1 окт 1841 900	ября года —	—	—	—	—
10) На *Колковскомъ ключѣ*, по записи кн. Доминика Радзивилла 15 сентября 1808 г.	20000	—	1875 20000	года —	—	—	—	—
11) По записи Николая Поляновскаго, совершенной 14 мая 1811 г. обезпеченной на долговой суммѣ, слѣдующей Поляновскому по облигаціонному документу съ Колковскаго ключа кн. Доминика Радзивила капиталъ (золотомъ—червонцами).	1060	—	21 м 1840 1060	ая года —	—	—	—	—
12) На имѣніи *Высоцкъ*, по записи Павла Выгоновскаго, 22 декабря 1803 г. совершенной . . .	300	—	14 фев 1850 300	раля года —	—	—	—	—
13) На имѣніи *Дворцъ*, по записи Щенснаго-Кобылинскаго, 22 декабря 1803 г.	300	—	27 і 1855 300	юля года —	—	—	—	—

14) По постановленію римско-католическаго духовенства Луцко-Житомірской епархіи 20-го октября 1803 г. состоявшемуся и въ 19 день декабря 1803 г. Высочайше утвержденному съ доходовъ, получаемыхъ съ поіезуитскихъ имѣній *Лыща* и *Ботина*	3750	—	—	—	7 окт 1874 3750	ября года —	—	—
15) На имѣніяхъ *Степангородѣ* и *Боронкахъ*, по записи флигель-адъютанта короля польскаго Станислава, Онуфрія Мошинскаго, 1 января 1810 г.	1500	—	1844 129 1845 337 1854 286 1855 746 1500	года 61 года 23 года $43^{3}/_{4}$ года $72^{1}/_{4}$ —	—	—	—	—
16) На имѣніи *Сокулѣ*, по записи Игнатія Еловицкаго, 3 октября 1810 г.	750	—	1866 104 1869 645 750	года 10 года 90 —	—	—	—	—
17) На имѣніи *Владимірцѣ*, по записи гр. Викентія Красицкаго, 28 іюля 1811 г.	250	—	7 ма 1850 250	рта года —	—	—	—	—
18) На имѣніи *Чарторыйскѣ*, по записи гр. Александра Поцѣя, 9 мая 1816 г.	3000	—	4 ян 1844 3000	варя года —	—	—	—	—
Итого по Луцкому уѣзду . .	41687	50	36104	66	4875	—	707	84
По Житомірскому уѣзду:								
1) На имѣніи *Трояновѣ*, по записи графини Щенсной-Дзялынской, 24 января 1804 г. . .	375	—	7 сент 1848 375	ября года —	—	—	—	—
2) На имѣніи *Протовкѣ*, по записи Валентія Ляревича, 10 февраля 1804 г.	375	—	1856 290 1857 84 375	года 70 года 30 —	—	—	—	—
3) На имѣніи *Новополѣ* и *Крученцѣ*, по записи Осипа Бачинскаго, 10 февраля 1808 г. . . .	1875	—	1853 1875	года —	—	—	—	—
4) На имѣніи *Недынкахъ*, по записи Войцеха Валевскаго, 15 генваря 1809 г.	1200	—	1851 1200	года —	—	—	—	—

5) На имѣніи *Карповцахъ*, по записи Станислава Карвицкаго, 23 февраля 1800 г..	1125	—	8 окт 1848 1125	ября года —	—	—	—	—
6) На имѣніи *Ивановичахъ*, по записи Вацлава Ганьскаго, 24 ноября 1806 г.	3000	—	10 фев 1854 3000	раля года —	—	—	—	—
7) На имѣніи *Барашахъ*, по записи Федора Урбановскаго, 18 мая 1805 г.	9000	—	1877 9000	года —	—	—	—	—
Итого по Житомірскому уѣзду	16950	—	16950	—	—	—	—	—
По Овручскому уѣзду:								
1) На имѣніи *Искорости*, по записи Іосифа-Ксаверія, Эдуарда и сыновей Стефана Любовидзкихъ 27 декабря 1800 г..	3000	—	11 і 1843 3000	юня года —	—	—	—	—
2) По закладной сдѣлкѣ 17 декабря 1828 г. совершенной на имѣніи *Ласкахъ*, принадлежащемъ наслѣдникамъ Викентія Трипольскаго	1600	—	12 м 1845 1003 1847 198 1848 167 1850 132 1851 117 1600	ая года $17\frac{1}{2}$ года 82 года $81\frac{1}{2}$ года 65 года 54 —	—	—	—	—
Итого по Овручскому уѣзду. .	4600	—	4600	—	—	—	—	—
По Новоградволынскому уѣзду:								
1) На имѣніи *Острополь*, по записи графа Луки Бѣлинскаго, 13 марта 1803 г	3750	—	1858 3750	года —	—	—	—	—
2) На имѣніи *Корецкомъ ключѣ*, по записи кн. Іосифа Чарторыйскаго 14 сентября 1803 г. соверш.	900	—	1851 900	года —	—	—	—	—
3) На имѣніи *Городищѣ*, по записи его-же Чарторыйскаго, 14 сентября 1803 г. совершенной .	900	—	1848 900	года —	—	—	—	—
4) По той-же записи кн. Чарторыйскаго на имѣніе *Пищовъ*	900	—	1848 900	года —	—	—	—	—

5) По той-же записи кн. Чарторыйскаго на имѣніи *Смолдыровѣ*	900	—	1853 900	года —	—	—	—	—
6) По записи его-же кн. Чарторыйскаго, 23 ноября 1804 г. совершенной и Высочайше утвержденной въ 28 день генваря 1805 г. и по раздѣльному акту между 5-ю дочерьми его Чарторыйскаго, на основаніи третейскаго суда, 5 января 1814 г. состоявшемуся того-же 1814 г. 7 ноября въ Волынской гражданской палатѣ явленному, на имѣніи *Корецкомъ ключѣ* капиталъ . .	1875	—	1851 и 1854 1875	года года —	—	—	—	—
7) По записи Осипа-Каллсантія Малынскаго, по записи его 23 сентября 1803 года совершенной на имѣніи *Кулемевскомъ ключѣ* . . .	1500	—	1855 1500	года —	—	—	—	—
8) По записи Антона-Іосифа Омецинскаго, 28 іюня 1811 г. совершенной, на имѣніи *Юрковщизнѣ*.	500	—	1850 500	года —	—	—	—	—
9) По записи Якова Малиновскаго, 29 іюля 1811 г. совершенной, на имѣніи *Проваловкѣ* и *Северинихъ*.	625	—	1864 и 1865 625	года года —	—	—	—	—
10) По записи Карла Прушинскаго, 1 марта 1812 г. совершенной, на имѣніи *Заборжищѣ* . . .	750	—	1851 750	года —	—	—	—	—
11) По записи Леопарда-Мартина Врочинскаго, 24 сентября 1803 г. совершенной на имѣніи *Каменкѣ*.	562	50	1845 522	года 50	—	—	—	—
12) По записи Юзефы Валевской, урожденной княгини Любомирской, 23 сентября 1803 г. совершенной, на имѣніи *Полонскомъ ключѣ*	3750	—	1852 3750	года —	—	—	—	—
13) По записи повѣреннаго владѣльца Христофора Карвицкаго, на основаніи довѣренности 29								

іюля въ Дубенскомъ уѣздномъ судѣ явленной, дворянина Ивана Грушецкаго и по опредѣленію Волынской объ училищныхъ фундушахъ коммиссіи, 3 марта 1824 года на имѣніи мѣстечкѣ *Любаръ*, на устройство хирургическаго заведенія	18000	—	1848 18000	года —	—	—	—	—
14) По записи Анны Валевской, 28 декабря 1816 г. совершенной, на мѣстечкѣ *Любаръ* и на коллокаціонномъ участкѣ Мидочскаго ключа, состоящаго въ Дубенскомъ уѣздѣ, на устройство хирургическаго заведенія	4650	—	1848 4650	года —	—	—	—	—
Итого по Новоградволынскому уѣзду	39562	50	39562	50	—	—	—	—
По Острогскому уѣзду:								
1) По записи кн. Карла Яблоновскаго, 9 сентября 1803 г совершенной, на г. *Острогъ*	1125	—	1853 1125	года —	—	—	—	—
2) По записи Игнатія Подгородецкаго, 9 сентября 1803 г. совершенной, на имѣніи *Гульчъ*. .	1125	—	1846 1125	года —	—	—	—	—
3) По записи Филиппа Вигуры, 9 сентября 1803 г. совершенной, на имѣніи *Горбиковъ*.	300	—	1844 300	года —	—	—	—	—
4) По записи Луки Лазинскаго, 9 сентября 1803 г. совершенной, на имѣніи *Коростовой*	375	—	1844 375	года —	—	—	—	—
5) По записи Осипа Стецкаго, 15 сентября 1803 г. совершенной, на имѣніи *Растикахъ*. . . .	1875	—	1851 1875	года —	—	—	—	—
6) По записи Александра Малаповскаго, 16 сентября 1803 г. на имѣніи Блудовѣ.	450	—	450	—	—	—	—	—
7) По записи Станислава-Костки Иногорскаго-Ленкевича, 16 сентября 1803 г., на имѣніи *Гущъ*	1500	—	1500	—	—	—	—	—

8) По записи дѣйств. тайн. сов., сенат. гр. Августа Ильинскаго, 17 сентября 1803 года совершенной, на имѣніи *Ключъ*, княжества Острогскаго.	3000	—	1848 3000	года —	—	—	—	—
9) По записи Людвика Чарнецкаго, 21 декабря 1803 г. совершенной, на имѣніи *Богоринъ* .	300	—	1845 300	года —	—	—	—	—
10) По записи Феликса Кадлубискаго, 23 января 1803 г. совершенной, на имѣніи *Окнинахъ* .	750	—	1845 750	года —	—	—	—	—
11) По записи Іеронима Валевскаго, 15 генваря 1809 г. совершенной, на *Боровицѣ*.	2100	—	1853 2100	года —	—	—	—	—
12) По записи Казиміра Глембоцкаго, 15 октября 1810 г. совершенной, на имѣніи *Новородчицѣ*	300	—	1851 300	года —	—	—	—	—
13) По записи аптекаря Карла Рутзаца, 10 сентября 1803 г. совершенной, на каѳедру химіи пожертвовано и обезпечено на аптекѣ его въ г. *Острогѣ*	750	—	1852 750	года —	—	—	—	—
14) По закладной поручика Ивана и жены его Каролины Стройновскихъ, 13 января 1827 г. въ Кременецкомъ уѣздномъ судѣ совершенной, на имѣніи части селенія *Курьянокъ*	128	60	1846 128	года 60	—	—	—	—
15) По записи вдовы Троцкаго каштеляна гр. Ѳеофилы Платеръ, 16 ноября 1809 года совершенной и Высочайшими рескриптами 8 и 15 января 1810 года на имя министра народнаго просвѣщенія гр. Завадовскаго и гр. Платеръ послѣдовавшими, утвержденной на *Здолбицѣ* и *Здолбуновѣ*.	22500	—	—	—	4 авгу 1849 22500	ста года —	—	—
Итого по Острогскому уѣзду .	36578	—	14078	60	22500	—	—	—

По Заславскому уѣзду:								
1) По записи антекаря Карла Рутзаца, 10 сентября 1803 г. совершенной и Высочайше утвержденной въ 28 день января 1805 г., на каѳедру химіи, на Заславской аптекѣ, принадлежащей нынѣ Клейбелямъ.	1125	—	—	—	—	—	1125	—
2) По записямъ кн. Януша Сангушко, 10 сентября 1803 г. совершенной, на имѣніи *Заславской* волости	7500	—	1846 7500	года —	—	—	—	—
3) По записи кн. Евстафія Сангушко, 19 сентября 1803 г. совершенной, на имѣніи *Антонинъ* . .	1875	—	1841 1875	года —	—	—	—	—
4) По записи кн. Четвертинскаго, 17 сентября 1803 г. совершенной, на имѣніи *Медвѣдовкѣ*. .	1125	—	1840 1125	года —	—	—	—	—
5) По записи Франциска Буржинскаго, 25 сентября 1803 г. совершенной, на имѣніи *Землицахъ*	375	—	1852 375	года —	—	—	—	—
6) По записи Войцеха Макогона-Подгородецкаго, 26 сентября 1803 г., на имѣніи *Руштовкѣ*.	375	—	1845 и 1847 375	года года —	—	—	—	—
7) По записи Францишка Млодзяновскаго, 26 сентября 1803 г., на имѣніи *Драчахъ*.	375	—	1845 375	года —	—	—	—	—
8) По записи Осипа Краевскаго, 28 сентября 1803 г. совершенной, на имѣніи *Коськовѣ*	375	—	1840 375	года —	—	—	—	—
9) По постановленію римско-католическаго духовенства Луцко-Житомірской епархіи, 20 октября 1803 г. состоявшемуся и въ 19 день декабря того-же 1803 г. Высочайше утвержденному, монахи Кармелиты башмачковые пожертвовали въ пользу Волынскаго лицея на ботаническій садъ и другія надобности								

заведенія капиталъ, обезпеченный на имѣніи упомянутыхъ монаховъ с. *Городищѣ*	900	—	—	—	1874 года 900	—	—	—
10) По записи кн. Іосифа-Гавріила Святополкъ-Четвертинскаго, 18 января 1810 г., на имѣніи *Хроминѣ* и *Новичахъ*	900	—	1842 года 900	—	—	—	—	—
11) По записи Игнатія Романа, 5 марта 1810 г., на имѣніи *Пучкалахъ*	375	—	1847 года 375	—	—	—	—	—
12) По записи Валеріана Пршилускаго, 7 іюля 1816 г., на имѣніи *Жабчѣ*	1500	—	1852 года 1500	—	—	—	—	—
13) По закладной Антонины Жуковской, 8 августа 1827 года въ Кременецкомъ уѣздномъ судѣ совершенной, обезпеченъ капиталъ на части с. *Мацевичскѣ*	996	56¼	1853 года 996	56¼	—	—	—	—
14) По закладной Владиславомъ Мѣшковичъ-Прилускимъ, 12 декабря 1829 г. въ Кременецкомъ уѣздномъ судѣ, по довѣренности Казиміра Жолкевскаго, владѣльца с. Кургановки, совершенной, на томъ-же имѣніи *Кургановкѣ* обезпеченъ капиталъ	720	—	1850 года 720	—	—	—	—	—
Итого по Заславскому уѣзду .	18516	56¼	16391	56¼	900	—	1125	—
По Староконстантиновскому уѣзду:								
1) По записи Адама Охоты-Перетятковича, 13 октября 1803 г., на имѣніи *Красносельцѣ* и *Невяровкѣ*.	1125	—	1850 года 1125	—	—	—	—	—
2) По записи кн. Ивана Сапѣги и по довѣренности братьевъ его, 21 сентября 1803 г., прежде на Красиловскомъ имѣніи, а впослѣдствіи на имѣніи *Зозулинцахъ* капиталъ .	1125	—	1852 года 1125	—	—	—	—	—
3) По записи кн. Николая Сапѣги, 17 января 1810 г. на части м. *Красилова*	750	—	1849 года 750	—	—	—	—	—

4) По записи Антона Ротаріуша, 22 сентября 1803 г., на имѣніи *Клитной*	450	—	1851 450	года —	—	—	—	—
5) По записи Ивана Понятовскаго, 24 октября 1803 г., на имѣніи *Волицъ*	1125	—	1851 1125	года —	—	—	—	—
6) По записи Павла Качковскаго, 24 октября 1803 г., на *Фениковомъ хуторъ* и с. *Ральковицъ* .	450	—	1856 450	года —	—	—	—	—
7) По записи Аарона Колышко, 25 октября 1803 г., на имѣніи *Севрукахъ*	1125	—	1852 562	года 50	—	—	562	50
8) По записи Карла Скибинскаго, 25 октября 1803 г., на имѣніи *Корчовкъ*	937	50	1849 937	года 50	—	—	—	—
9) По записи Каэтана Малиновскаго, 22 февраля 1810 г., на имѣніи *Веремісевкъ*.	2250	—	1868 765	года 64	1876 1484	года 36	—	—
Итого по Староконстантиновскому уѣзду	9337	50	7290	64	1484	36	562	50
По Ровенскому уѣзду:								
1) По записи Ивана Стецкаго, 15 сентября 1803 г., на *Межирѣчскомъ ключѣ*	7500	—	—	—	—	—	7500	—
2) По записи Ѳомы Еловицкаго, 16 сентября 1803 г., на имѣніи *Госкодовъ*	1875	—	1843 1875	года —	—	—	—	—
3) По записи кол. ас. Францишка Ратомскаго, 17 сентября 1803 г, на имѣніи *Зѣржховкѣ*	450	—	1853 450	года —	—	—	—	—
4) По записи Доминика Богдашевскаго, 17 сентября 1803 г., на имѣніи *Омелянахъ*.	450	—	1853 450	года —	—	—	—	—
5) По записи Игнатія Павши, 17 сентября 1803 г., на имѣніи *Милостовъ*.	450	—	1856 450	года —	—	—	—	—

6) По записи Федора Кашевскаго, 11 января 1807 г., на имѣніи *Нѣмовичахъ*.	750	—	1852 750	года —	—	—	—	—
7) По записи гр. Станислава-Григорія Ворцеля, 23 ноября 1803 г., на м. *Степанъ*	8300	—	1878 8300	года —	—	—	—	—
8) По записи кн. Осипа-Калясантія Четвертинскаго, 12-го іюля 1812 г., на имѣніи *Каменной* .	1000	—	1850 1000	года —	—	—	—	—
9) По записи Францишка Омецинскаго, 28 іюля 1811 г., на имѣніи *Корысти*	450	—	1843 450	года —	—	—	—	—
Итого по Ровенскому уѣзду .	21225	—	13725	—	—	—	7500	—
По Кременецкому уѣзду:								
1) По записи Николая Яновскаго, 27 августа 1803 г., на Кременецкой аптекѣ.	1500	—	1844 1500	года —	—	—	—	—
2) По записи аптекаря Бальтазара Гельтцля, 28 августа 1803 г., на аптекѣ въ м. *Вишневцѣ* . . .	937	50	—	—	—	—	937	50
3) По записи гр. Михаила-Вандалина Мнишка, 29 авг. 1803 г., на *Вишневецкомъ ключѣ*.	7500	—	1844 7500	года —	—	—	—	—
4) По записи гр. Карла Мнишка, 9 января 1817 г., на *Вишневецкомъ ключѣ*, червонцами.	500	—	1844 500	года —	—	—	—	—
5) По записи Марцелія Ясинскаго, 27 апрѣля 1810 г., на имѣніи *Кокоровѣ*.	450	—	1873 450	года —	—	—	—	—
6) По записи Матвѣя Гумовскаго, 4 сентября 1803 г., на имѣніи *Новомъ-Селавѣ*.	562	50	1847 562	года 50	—	—	—	—
7) По записи Кременецкаго городоваго магистрата и городскаго общества, 4 сентября 1803 г. совершенной и въ 28 день апрѣля 1805 г.								

Высочайше утвержденной, на городскихъ города *Кременца* доходахъ обезпеченъ капиталъ	16071	42	—	—	—	—	16071	42
8) По записи Кременецкаго еврейскаго общества, 4 сентября 1803 г. на доходахъ того общества обезпеченъ капиталъ	714	28	1858 714	года 28	—	—	—	—
9) По постановленію римско-католическаго духовенства Луцко-Житомірской епархіи, 20 окт. 1803 г. совершенной и въ 19 день дек. 1803 г. Высочайше утвержденной, монахи Бердичевскаго кармелитскаго монастыря обязались въ Бердичевской ихъ типографіи печатать ежегодно въ одномъ томѣ безплатно сочиненіе, какое указано будетъ училищнымъ начальствомъ въ 100 экземплярахъ и отдавать ежегодно по 4 экземпляра въ пользу Кременецкаго Лицея каждаго сочиненія, которое будетъ печататься въ ихъ типографіи и сверхъ того уплачивать ежегодно тому лицею по 150 р. сер., по капитализаціи которыхъ изъ 4% образовался капиталъ, обезпеченный на *Вишневецкихъ* имѣніяхъ кармелитскаго монастыря	3750	—	—	—	1874 3750	года —	—	—
10) По записи кн. Осипа Чарторыйскаго, 14 сентября 1803 г., на *Олексинецкомъ ключѣ*	3750	—	1854 3750	года —	—	—	—	—
11) На томъ-же *Олексинецкомъ ключѣ* по записи того-же Чарторыйскаго 14 сентября 1803 г. и въ 28 день января 1805 г. Высочайше утвержденной	900	-	1854 900	года —	—	—	—	—
12) По закладной д. с. с. Ромуальда Быстраго, 8 мая 1812 г. въ Кременецкомъ уѣздномъ судѣ совершенной, на имѣніи *Шумскѣ* . .	1500	—	1858 1500	года —	—	—	—	—
13) По записи Францишка Дунинъ-Вонсовича, 7 мая 1809 г. на имѣніи *Темногайцахъ*	500	—	1853 300	года —	—	—	—	—

14) По записи гр. Викентія Тарновскаго, 18 января 1810 г., на имѣніи *Подбережецахъ*	750	—	1853 750	года —	—	—	—	—
15) По представленію Кременецкаго еврейскаго братства въ коммиссію объ училищныхъ фундушахъ по Волынской, Подольской и Кіевской губ., 7 октября 1807 г. и согласно предложенію министра народнаго просвѣщенія гр. Завадовскаго, отъ 17 декабря 1809 г., на еврейской въ г. *Кременцѣ* банѣ	487	50	1852, 1854 и 487	1853 1855 50	—	—	—	—
16) По записи Константина Пашкевича, 8 октября 1810 г., на части селенія *Ледухова*	600	—	1853 600	года —	—	—	—	—
17) По записи Войцеха Новошицкаго, 6 мая 1811 г., на имѣніи *Рудкѣ*	250	—	—	—	1852 250	года —	—	—
18) По записи Юстина Ратомскаго, 9 сентября 1803 г., на имѣніи *Садочкахъ*	300	—	300	—	—	—	—	—
19) На земляхъ и строеніяхъ въ с. *Жолобахъ*, умершаго дворянина Вильчинскаго, по рѣшенію бывшей Волынской объ училищныхъ фундушахъ коммиссіи 27 октября 1820 г. состоявшемуся и по опредѣленію попечителя Кіевскаго учебнаго округа 2 ноября 1838 г., недоимочнаго аренднаго дохода за содержаніе имъ Вильчинскимъ въ 1812 г. въ арендномъ содержаніи корчемъ и шинковъ въ имѣніяхъ бывшей Волынской гимназіи	791	$35^{1}/_{2}$	1862 791	года $35^{1}/_{2}$	-	—	—	—
20) По записи гр. Адама Ржищевскаго, 13 іюля 1803 г., на *Вышгородецкомъ ключѣ*	7500	—	1873 5127	года —	—	—	2373	—
21) По рѣшенію Волынской объ училищныхъ фундушахъ коммиссіи 27 апрѣля 1810 г., на части селенія *Кокорова*, владѣльца Ѳомы Кухарскаго, обезпеченъ капиталъ	450	—	1858 и 450	1859 50	—	—	—	—

22) По записи Герасима-Антона Вороннча, 22 февраля 1810 г., на селеніи *Быковцахъ*	625	—	1850 625	года —	—	—	—	—
23) По закладной сдѣлкѣ Іоахима Пѣгловскаго, 29 февраля 1828 г., на имѣніи его *Шиллахъ*. .	286	$57^{1}/_{2}$	1874 286	года $57^{1}/_{2}$	—	—	—	—
24) По закладной сдѣлкѣ его-же Пѣгловскаго, 12 января 1831 г. на томъ-же имѣніи *Шиллахъ* . . .	843	$98^{1}/_{2}$	1874 843	года $98^{1}/_{2}$	—	—	—	—
25) По закладной сдѣлкѣ его-же Пѣгловскаго, 12 января 1831 г. на имѣніи его *Шиллахъ*.	1556	—	1853 1556	года —	—	—	—	—
26) По закладной сдѣлкѣ Эдуарда Потрыковскаго, 10 мая 1829 г., на имѣніи *Люлинцахъ* . .	922	50	1853 922	года 50	—	—	—	—
27) По закладной сдѣлкѣ его-же Потрыковскаго, 10 мая 1829 г. на томъ-же имѣніи *Люлинцахъ* . .	1058	$1^{1}/_{2}$	1853 1058	года $1^{1}/_{2}$	—	—	—	—
28) По закладной сдѣлкѣ учителя Волынскаго лицея Александра Савицкаго, 4 декабря 1828 г., на каменномъ домѣ и землѣ его въ г. *Кременцѣ*	792	90	1839 и 792	1843 90	—	—	—	—
29) По закладной сдѣлкѣ Франца Теславa, 4 декабря 1828 г., на домѣ и землѣ его въ г. *Кременцѣ*	60	—	1839 и 60	1843 —	—	—	—	—
Итого по Кременецкому уѣзду.	55409	53	30527	61	5500	—	19381	92
Золотомъ (червонцами) . . .	500	—	500	—	—	—	—	—
По Дубенскому уѣзду:								
1) По записи Венедикта Таршенскаго, 24 августа 1803 г. совершенной и Высочайше утвержденной въ 28 день января 1805 г., на имѣніи *Мирогощи*	300	—	1855 300	года —	—	—	—	—
2) По записи аптекаря Василія Ляндауера, 23 ноября 1804 г., на аптекѣ его въ г. *Дубнѣ*. . . .	1125	—	1879 1125	года —	—	—	—	—

3) По закладной гр. Александра Ходкевича, 23 ноября 1804 г. на имѣніи *Харупани*.	6000	—	1876 3965	года 77	—	—	2034	23
4) По записи Войцѣха Піотровскаго, 4 сентября 1803 г., на имѣніи *Столбцѣ*	562	50	1848 560	года 50	—	—	—	—
5) По записи Антона Стройновскаго, 9 декабря 1803 г., на имѣніи *Торговицѣ*	300	—	1875 300	года —	—	—	—	—
6) По записи Онуфрія Бродскаго, 14 декабря 1803 г., на имѣніи *Заблотцѣ*.	300	—	1853 —	года —	—	—	—	—
7) По закладной гр. Мартина Тарновскаго, 16 мая 1806 г., на имѣніи *Козинѣ*	3312	—	1853 3312	года —	—	—	—	—
8) По записи гр. Ивана Тарновскаго, 10 января 1807 г., на имѣніи *Пустое Иванье*	1125	—	1849 1125	года —	—	—	—	—
9) По записи Михаила Загорскаго, 29 сентября 1803 г., на имѣніяхъ *Милъчѣ* и *Пирхтинѣ* . . .	750	—	1853, и 1859 750	1858 года —	—	—	—	—
10) По записи Феликса Гулевича, 21 іюля 1810 г. на имѣніи *Ситіевѣ*.	625	—	1852 625	года —	—	—	—	—
11) По записи Ивана-Казиміра Млодецкаго, 30 іюля 1811 г., на имѣніи *Вербѣ*	2500	—	1856 2500	года —	—	—	—	—
12) По записи Ѳомы Жегоцкаго, 10 декабря 1803 г., на имѣніи *Млодавѣ*	300	—	1844 300	года —	—	—	—	—
13) По записи докт. мед. Адама Фишера, 29 августа 1803 г., на имѣніи *Яновкѣ*	1500	—	1841, 1852 и 1500	1851 1853 —	—	—	—	—
14) По записи жителя мѣстечка Козина, еврея Іося Гольденберга 30 апрѣля 1803 года на имущество его	30	—	1841 30	года —	—	—	—	—
Итого по Дубенскому уѣзду. .	18709	50	16675	25	—	—	2034	23

По Владимірскому уѣзду:								
1) По записи аптекаря Мартина Маухса, 30 сентября 1803 г. на аптекахъ его въ городахъ Ковлѣ и Владимірѣ	750	—	—	—	—	—	750	—
2) По первоначальной записи Михаила Еловицкаго, 15 октября 1803 г. и затѣмъ по закладной помѣщицъ Рудзинскихъ, 5 февраля 1825 г., на имѣніи *Защитовъ*	1500	—	1847 1500	года —	—	—	—	—
3) По записи Антона Комарницкаго, 22 ноября 1803 г., на имѣніи *Ляшкахъ*.	375	—	1870 375	года —	—	—	—	—
4) По записи Михаила Дедынскаго, 28 ноября 1803 г., на имѣніи *Королинцъ*	375	—	1850 375	года —	—	—	—	—
5) По записи гр. Игнатія Ледоховскаго, 2 декабря 1803 г, на имѣніи *Киселинскомъ ключъ* . . .	600	—	1850 600	года —	—	—	—	—
6) По записи Ивана Бейнера, 30 мая 1805 г., на имѣніи *Ватынцъ*	750	—	1852 и 750	1853 —	—	—	—	—
7) По записи Константина Просовскаго, 29 декабря 1805 г., на имѣніи *Березкъ*	600	—	1874 600	года —	—	—	—	—
8) По записи Гавріила Загорскаго, 21 сентября 1808 г., на имѣніи *Бужанахъ*	900	—	1839 900	года —	—	—	—	—
9) По записи Алаксандра Блендовскаго, 7 октября 1808 г., на имѣніи *Блудовъ*.	900	—	1853 900	года —	—	—	—	—
10) По записи Александра Милошевскаго, 18 мая 1814 г, на имѣніи *Полемцъ*.	375	—	1859 375	года —	—	—	—	—
11) По закладной Діонисія Бѣльскаго и матери его Феликсы изъ Рябчевскихъ Бѣльской, 30 октября 1815 г. на имѣніи *Матовъ* . . .	964	30	1847 964	года 30	—	—	—	—

12) По закладной Христофора Мясновскаго, 23 февраля 1823 г., на имѣніи *Подборезьѣ,* червонц.	394	—	1815 394	года —	—	—	—	—
серебромъ	189	1	189	1	—	—	—	—
13) По закладной Евфразія Мiончинскаго, 4 сентября 1828 г., на имѣніи *Галиноволѣ* . .	480	—	1851 480	года —	—	—	—	—
14) По закладной его-же Мiончинскаго, 21 января 1828 г., на томъ-же имѣніи *Галиноволѣ* . .	315	—	1855 315	года —	—	—	—	—
15) По закладной его-же Мiончинскаго, 18 февраля 1828 г., на томъ-же имѣніи *Галиноволѣ* . .	161	98½	1851 161	года 98½	—	—	—	—
16) По закладной князя Карла Яблоновскаго, 5-го февраля 1830 г., на части имѣнія *Литовижскаго ключа*	9411	49	1872 9411	года 49	—	—	—	—
17) По закладной его-же Яблоновскаго, 11 января 1830 г., на части *Литовижскаго ключа* . . .	3501	—	1882 3501	года —	—	—	—	—
18) По закладной его-же Яблоновскаго, 2 апрѣля 1830 г., на части того-же имѣнія *Литовижскаго ключа*	836	67½	1882 836	года 67½	—	—	—	—
19) По закладной его-же Яблоновскаго, 10 декабря 1830 г., на томъ-же *Литовижскомъ ключѣ* . .	900	—	1882 900	года —	—	—	—	—
20) По закладной его-же Яблоновскаго, 10 января 1831 г. на томъ-же *Литовижскомъ ключѣ* . .	900	—	1882 900	года —	—	—	—	—
21) По выпускной сдѣлкѣ Кунегунды Чацкой, 10 августа 1808 г. на имѣніи *Грибовицѣ*.	3000	—	1848 3000	года —	—	—	—	—
22) По закладной гр. Феликса Чацкаго, 2 октября 1835 г., на части с. *Хмѣлiовки*.	3745	—	1850 3745	года —	—	—	—	—
Итого по Владимірскому уѣзду	30529	47	29779	47	—	—	—	—
Золотомъ (червонцами) . .	1394	—	1394	—	—	—	—	—

По Ковельскому уѣзду:								
1) По закладной наслѣдниковъ Вильговъ, 21 іюля 1827 г., на имѣніи *Голобахъ*	2689	$91\frac{1}{2}$	1843 года 2689	$91\frac{1}{2}$	—	—	—	—
2) По записи Ивана Терлецкаго, 10 іюня 1810 г., на имѣніи *Крымнѣ*	1250	—	1840 года 1250	—	—	—	—	—
3) По закладной гр. Леона Красицкаго, 12 марта 1827 года, на имѣніи *Великой Глушѣ*	482	10	1852 года 482	10	—	—	—	—
Червонцами	177	—	177	—	—	—	—	—
Итого по Ковельскому уѣзду .	4422	$1\frac{1}{2}$	4422	$1\frac{1}{2}$	—	—	—	—
Золотомъ (червонцами) . .	177	—	177	—	—	—	—	—
Всего по Волынской губерніи .	297528	$14\frac{3}{4}$	230207	$29\frac{3}{4}$	35259	36	32061	49
Золотомъ (червонцами) . .	3131	—	3131	—	—	—	—	—
По Подольской губерніи.								
По Винницкому уѣзду:								
1) По записи Викентія Загорскаго, 31 января 1810 г., на имѣніи *Лукѣ-Мелешковской*.	750	—	750	—	—	—	—	—
2) По записи Пія-Франциска Борейко, 30 октября 1805 г., на имѣніи *Пиковскомъ ключѣ*	600	—	1855 года 600	—	—	—	—	—
Итого по Винницкому уѣзду .	1350	—	1350	—	—	—	—	—
По Гайсинскому уѣзду:								
По записи генер.-ад. гр. Станислава-Септимія Потоцкаго, 9 сентября 18·7 г. на имѣн. *Ст·аигородѣ* и *Роскошовкѣ*	25000	—	1·65 года 25000	—	—	—	—	—
По Литинскому уѣзду:								
По записи Северина Маньковскаго, 23 января 1810 г., на имѣніи *Стодульцахъ*	5625	—	1852 года 5625	—	—	—	—	—
По Брацлавскому уѣзду:								
По записи Францишка Ярошинскаго, 10 октября 1808 г., на имѣніи *Дзвонихѣ* . , ...	3000	—	1846 года 3000	—	—	—	—	—

По Ольгопольскому уѣзду:									
1) По записи Исидора Сабанскаго, 16 декабря 1815 г., на имѣніи *Пятковскомъ ключѣ*	6000	—	1843 6000	года —	—	—	—	—
2) По закладной Феликса Барчевскаго, 1 февраля 1823 г. въ Гайсинско-Ольгопольскомъ судѣ явленной, на части имѣнія *Ольшанки*	2025	-	1858 2025	года —	—	—	—	—
Итого по Ольгопольскому уѣзду.	8025	--	8025	—	—	—	--	—
По Балтскому уѣзду:								
1) По записи Каетана Старжинскаго, на имѣніи *Мошнягѣ*, 22 января 1810 г. совершенной . .	2500	—	1846 2500	года —	—	—	—	—
2) По записи Ивана Грабовскаго, 31 января 1810 г., на имѣніи *Ягорликѣ*	1500	—	1843 1500	года —	—	—	—	—
3) По записямъ кн. Максимиліана Яблоновскаго, 22 января 1808 г. и 1 октября 1811 г., на мѣстечкѣ *Саражникѣ*.	9600	—	1851 9600	года —	—	—	—	—
Итого по Балтскому уѣзду. .	13600	—	13600	—	—	—	—	—
По Каменецкому уѣзду:								
1) По записи Ивана Рацибор-скаго, 17 января 1810 г., на имѣніи *Маковѣ*	1250	—	1851 1250	года —	—	—	—	—
2) По записи Михаила Сабанскаго, 26 января 1808 г., на имѣніи *Цыгановкѣ*	6000	—	1853 6000	года —	—	—	—	—
3) По облигаціонному документу Терезіи Грабанчины, 25 іюля 1812 г., на мѣстечкѣ *Купинѣ*. . .	1500	—	1844 1500	года —	—	—	—	—
Итого по Каменецкому уѣзду.	8750	—	8750	—	—	—	—	—
По Проскуровскому уѣзду:								
1) По записи гр. Антона Дульскаго, 25 января 1809 г., на имѣніи *Шаравкѣ*.	1500	—	1852 4500	года —	—	—	—	—

2) По пожертвованію записью Игнатія Згличинскаго, 4 мая 1811 г., на имѣніяхъ *Мочулинцахъ* и *Видавѣ*	750	—	1843 750	года	—	—	—	—
3) По рѣшенію Волынской объ училищныхъ фундушахъ коммиссіи, 30 іюля 1812 г., на имѣніи *Фульштинѣ*, принадлежавшемъ Терезіи Грабянчины,—обезпеченъ былъ капиталъ.	600	—	1844 600	года —	—	—	—	—
4) По записи Ксаверія Мальчевскаго, 12 сентября 1803 г., на имѣніи *Тарнорудѣ*	3750	—	1867 3750	года —	—	—	—	—
5) По записи Александры, изъ кн. Любомирскихъ и мужа ея гр. Станислава-Костки Потоцкаго, 22 сентября 1810 г., на имѣніи *Сатоновѣ*	1500	—	1851 1500	года —	—	—	—	—
6) По облигаціонному документу гр. Іоанною Стадницкою, 20 октября 1810 г. совершенному на имѣніи *Гелятинцахъ*	500	—	1844 500	года —	—	—	—	—
7) По облигаціонному документу гр. Петра Стадницкаго, 7 октября 1810 г., на имѣніи *Куровкѣ* .	500	—	1850 500	года —	—	—	—	—
8) По закладной Флоріана Залевскаго, 18 октября 1818 г., на имѣніи *Крживачинцахъ*; червонцами	231	—	1851 231	года —	—	—	—	—
серебромъ .	29	40	29	40	—	—	—	—
9) По пожертвованію Константина Журовскаго и по рѣшенію Волынской объ училищныхъ фундушахъ коммиссіи, 20 февраля 1822 г., на селеніи *Выганкѣ* и вообще на всѣхъ имѣніяхъ Людвига Тржецѣскаго обезпеченъ капиталъ. .	3075	72	1850 3075	года 72	—	—	—	—
Итого по Проскуровскому уѣзду	15205	12	15205	12	—	—	—	—
Золотомъ (червонцами) . .	221	—	-	—	—	—	—	—

По Летичевскому уѣзду:								
По записи кн. Іосифа Ворonецкаго, 25 января 1810 г., на имѣніи *Кальной*	1500	—	1846 1500	года —	—	—	—	—
По Ямпольскому уѣзду:								
1) По записи кн. Фридриха Любомирскаго, 24 января 1807 г., на имѣніи *Чернѣвцахъ*	3000	—	1852 3000	года -	—	—	—	—
2) По записи Августина Тржецѣскаго, 27 января 1808 г. на *Молчанскомъ ключѣ*	3750	—	1864 3750	года —	—	—	—	—
3) По записи Викентія Ярошинскаго, 18 мая 1810 года, на имѣніи *Дзыговкѣ*.	2250	—	1844 2250	года —	—	—	—	—
4) По записи кн. Людвига Четвертинскаго, 18 января 1809 г. на *Комарградскомъ ключѣ*	900	—	1853 900	года. —	—	—	—	—
Итого по Ямпольскому уѣзду.	9900	—	9900	—	—	—	—	—
По Могилевскому уѣзду:								
1) По записи Бахтинскаго старосты Августина Дзѣржка, 23-го января 1810 г., на имѣніи *Котюржанахъ*	7500	—	1846 и 7500	1847 —	—	—	—	—
2) По записи Феликса Барчевскаго, 23 января 1810 г., на имѣніи *Матвѣйковѣ*	4500	—	1846 4500	года —	—	—	—	—
3) По записи Ксаверія Качковскаго, 25 января 1810 г., на имѣніи *Кацмаровѣ*	2625	—	1852 2625	года —	—	—	—	—
Итого по Могилевскому уѣзду	14625	—	14625	—	—	—	—	—
По Ушицкому уѣзду:								
По записи Станислава Комара 27 января 1808 г., на имѣніи *Куриловцахъ*	7500	—	1848 7500	года —	—	—	—	—
Итого по Подольской губерніи	114080	12	114080	12	—	—	—	—
Золотомъ (червонцами) . .	231	—	231	—	—	—	—	—

По Кіевской губерніи.								
Радомысльскаго уѣзда:								
1) По записи гр. Францишка Подосскаго, 6 февраля 1809 г., на имѣніи *Мястечскомъ ключѣ* . . .	3750	—	1860 и 3750	1868 —	—	—	—	—
2) По записи Константина Немирича, 12 февраля 1812 г., на имѣніи *Забилочѣ*	750	—	1854, и 1859 750	1856 года —	—	—	—	—
3) По записи гр. Адама Вонсовича, 23 февраля 1809 г., на имѣніи *Ставкахъ*.	459	50$^3/_4$	1841, 1852 и 459	1844 1853 50$^3/_4$	—	—	—	—
4) По записи гр. Станислава Вонсовича, 23 февраля 1809 г., на части *Ставецкаго ключа* . . .	450	—	1847 450	года —	—	—	—	—
5) По записи Ксаверія Михаловскаго, 22 января 1810 г., на имѣніяхъ *Русановкѣ* и *Дитынцахъ*.	562	50	1853— 562	1855 50	—	—	—	—
6) По записи гр. Густава Олизара, 1 мая 1817 г., на *Корыстышевскомъ ключѣ*	9000	—	1845 9000	года —	—	—	—	—
Итого по Радомысльскому уѣзду	14972	$^3/_4$	14972	$^3/_4$	—	—	—	—
По Махновскому уѣзду:								
1) По записи гр. Адама Ржевускаго, 26 января 1808 г., на имѣніи *Погребищахъ*	3750	—	1851 3750	года —	—	—	—	—
2) По записи Граціана Ленкевича, 22 февраля 1810 г., на имѣніи *Вуйнѣ*.	1250	—	1850 1250	года —	—	—	—	—
Итого по Махновскому (нынѣ Бердичевскому) уѣзду.	5000	—	5000	—	—	—	—	—
По Сквирскому уѣзду:								
По записи Леона Тржецяка, 26 января 1810 г., на части селенія *Яроповецъ*.	750	—	1842 750	года —	—	—	—	—

По Звенигородскому уѣзду:										
По записи Тересіи Росцишевской, 22 февраля 1810 г. на имѣніи *Водяникахъ*	3000	—	1852 3000	года —	—	—	—	—		—
По Уманскому уѣзду:										
1) По записи гр. Владиміра Потоцкаго, 7 іюля 1808 г., на имѣніи *Покотиловѣ*.	25000	—	1874 25000	года —	—	—	—	—		—
2) По записи Герасима Свѣницкаго, 22 января 1810 г., на имѣніяхъ *Свинаркѣ* и *Талалаевкѣ* . .	2250	—	1846, и 1850 2250	1848 года —	—	—	—	—		—
Итого по Уманскому уѣзду. .	27250	—	27250	—	—	—	—	—		—
Итого по Кіевской губерніи .	50972	—	50972	—	—	—	—	—		—

	Причиталось.		Уплачено.		Исключено.		Осталось въ документахъ.		По оставшимся капиталамъ по записямъ слѣдуетъ %% въ годъ	
	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.
Всего-же по записямъ, закладнымъ сдѣлкамъ и другимъ актамъ съ частныхъ имѣній Волынской и Подольской губерній .	462580	27½	395259	42½	35259	36	32061	49	1411	20
Золотомъ (червонцами).	3362	—	3362	—	—	—	—	—	—	—

Изъ поступившихъ, въ уплату слѣдовавшихъ Университету св. Владиміра капиталовъ, обезпеченныхъ на частныхъ имѣніяхъ Волынской, Подольской и Кіевской губерній, по записямъ и закладнымъ сдѣлкамъ владѣльцевъ, именно *395,259 руб. 42½ коп. сер.* и червонцами *3362*, съ присоединеніемъ къ этой суммѣ накопившихся процентовъ, пріобрѣтены для Университета разновременно государственныя процентныя бумаги, нижепоименованныя:

НАИМЕНОВАНІЕ РОДА %% БУМАГЪ.	Сумма капитала.		Сумма годичныхъ %%.	
	рубли.	коп.	рубли.	коп.
5% облигаціями коммиссіи погашенія государственныхъ долговъ, на	362500	—	18125	—
5½% билетами государственнаго банка (ренты).	56900	—	3129	50
5% билетами государствен. банка, 2-го выпуска	35550	—	1777	50
5% облигаціями восточныхъ займовъ:				
первато выпуска	2250	—	112	50
третьяго „	53000	—	2650	—
Итого	510200	—	25794	50

Сверхъ упомянутыхъ выше капиталовъ заключающихся въ документахъ, обезпеченныхъ на частныхъ имѣніяхъ, а также въ процентныхъ государственныхъ бумагахъ, предназначенныхъ на общія надобности Университета, еще находится въ Университетѣ особый капиталъ подъ названіемъ *гимназическаго*, который образовался изъ пожертвованія дворянъ-помѣщиковъ Кіевской губерніи, сдѣланнаго въ 1805 году по *5 копѣекъ мѣдью* ежегоднаго платежа съ каждой десятины или по одному рублю капитала, обезпеченнаго на каждой ревизской душѣ по ревизіи 1804 г.

Изъ уплаченныхъ денегъ въ счетъ капитала, обезпеченнаго на имѣніяхъ владѣльцевъ, обязавшихся уплачивать на надобности училищъ Кіевской губерніи по постановленію 1805 г., образовался капиталъ, обращенный въ 4% непрерывно доходные билеты государственнаго банка:

	Сумма капитала.		Сумма ежегодныхъ %%.	
	рубли.	коп.	рубли.	коп.
Въ 4% непрерывно-доходныхъ билетовъ государственнаго банка (гимназическій капиталъ)	29220	—	1168	80

Сверхъ выше упомянутыхъ 29220 р., заключающихся въ 4% непрерывно-доходныхъ билетовъ государственнаго банка, еще остается неуплаченнаго гимназическаго капитала съ слѣдующихъ имѣній;

	Сумма капитала.		Сумма ежегодныхъ % %.	
	рубли.	коп.	рубли.	коп.
По Каневскому уѣзду:				
Съ с. *Николаевки*—влад. Комаровскаго .	269	14	13	46
По Сквирскому уѣзду:				
Съ с. *Скочискъ*—Маршицкаго	64	2	3	20
По Уманскому уѣзду:				
Съ с. *Шайноховки и Ухожей*—Чарновскаго	90	5	4	76
„ „ *Подвысочанска*—Потоцкаго	1539	82	77	—
„ „ *Коржковаго-Кута*—Этлингера . . .	31	15	1	56
„ „ *Воронпаго*—Рогозинскаго	156	72	8	29
„ „ *Кутовъ*—Раковскаго	70	58	3	53
„ „ *Тимановкѣ*—Богдановскаго . . .	33	15	1	66
По Радомысльскому уѣзду:				
Съ с. *Старовичъ*—Шишкова	19	58	—	98
Итого по постановленію дворянства Кіевской губерніи 1805 г. на частныхъ имѣніяхъ числится	2274	21	114	44
Итого капитала, образовавшагося изъ пожертвованій по постановленію дворянства Кіевской губерніи, 1805 г.:				
въ процентныхъ бумагахъ.	29220	—	1168	80
на частныхъ имѣніяхъ	2274	21	114	44
Итого	31494	21	1283	24

По указу Императора Александра Павловича въ 13 день 1806 г. на имя правит. сената: „староство Кременецкое, въ Волынской губерніи, бывшее въ пожизненномъ владѣніи кн. Сангушко, который умеръ, повелѣно отдать гимназіи Волынской въ помощь заведеній учебныхъ, богоугодныхъ и хозяйственныхъ, распространяемыхъ отъ оной на пользу общую“.

Пожалованное Волынской гимназіи Императоромъ Александромъ I-мъ Кременецкое староство, состоявшее изъ селеній и деревень: Дунаева, Дворца, Фольварочка, Сапанова, Мильновцы, Подлѣсцы, Жолобовъ, Грабовки и Сычовки, за упраздненіемъ Волынской гимназіи, преобразованной въ Кременецкій лицей, перешло во владѣніе и пользованіе Университета; затѣмъ со времени учрежденія министерства государственныхъ имуществъ, имѣнія эти перешли въ вѣдѣніе того министерства и въ замѣнъ дохода съ оныхъ назначено было для Университета, по люстраціи, ежегодно изъ государственнаго казначейства *2390 р. 10 к.*, каковой платежъ продолжался ежегодно до введенія новаго устава Университетовъ 1863 г.

На основаніи Высочайше утвержденнаго въ 27 день 1829 г. мнѣнія государственнаго совѣта за потерянный, при введеніи откупной системы, съ университетскихъ имѣній питейный доходъ съ корчемъ и шинковъ, находившихся въ тѣхъ имѣніяхъ и отошедшихъ въ двухверстную и трехверстную дистанцію г. Кременца, назначено было къ отпуску Кременецкому лицею, въ права котораго вступилъ Университетъ св. Владиміра, изъ государственнаго казначейства по *690 р. 30 к.*, и отпускъ этихъ денегъ продолжается и до настоящаго времени, въ количествѣ *690 р. 15 к.*, менѣе противъ назначенія на 15 к.

Такимъ образомъ Университетъ св. Владиміра располагаетъ слѣдующими специальными средствами на удовлетвореніе своихъ общихъ потребностей, т. е. на удовлетвореніе ежегодныхъ расходовъ по части ученой, учебной и хозяйственной:

	Сумма капитала.		Сумма ежегодныхъ % %.	
	рубли.	коп.	рубли.	коп.
а) Въ процентныхъ государственныхъ бумагахъ	539420	—	26963	30
б) „ документахъ, обезпеченныхъ на частныхъ имѣніяхъ	34335	70	1525	64
в) „ вознагражденія за потерянный питейный доходъ въ бывшихъ университетскихъ имѣніяхъ.	—	—	690	15
Всего	573755	70	29179	9

ОТДѢЛЪ III.

О СУММАХЪ НА СТИПЕНДІИ И ПОСОБІЯ СТУДЕНТАМЪ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА.

А) На основаніи Высочайше утвержденнаго въ 18-й день іюня 1863 г. штата Университета и дополнительныхъ распоряженій начальства, ежегодно испрашивается къ отпуску изъ государственнаго казначейства, по § 5 ст. 3 смѣты, на содержаніе и пособія студентамъ, именно:

На содержаніе студентовъ:

10-ти, приготовляющихся къ профессорскому званію . . 6,000 р.
10-ти, „ „ къ учительскому званію . . . . 3,000 „
4-мъ имени св. Кирилла и Меѳодія . . . . 1,200 „

25-ти медицинскихъ студентовъ . . . . 7,500 р.
и на пособіе бѣднѣйшимъ студентамъ, а также на лѣченіе больныхъ и похороны умершихъ студентовъ . . . 8,360 „

Итого. . . . 26,060 р.

Б) О частныхъ пожертвованіяхъ на стипендіи и пособія студентамъ Университета:

	Сумма пожертвованнаго капитала.	Сумма годичныхъ %%.		Число стипендіатовъ.	Размѣръ годичной стипендіи.	
	руб.	руб.	к.		руб.	к.
1) На капиталъ, пожертвованный по подпискѣ преподавателями и чиновниками Кіевскаго учебнаго округа, по Высочайшему повелѣнію 1 мая 1853 г. учреждена стипендія ген. отъ инф. Дмитрія Гавриловича Бибикова, для студентовъ всѣхъ факультетовъ и собственно для дѣтей чиновниковъ Кіевскаго учебнаго округа. Капиталъ заключается въ 5% билетахъ государственнаго банка 2-го выпуска	12800	640	—	3	200	—
2) По Высочайшему повелѣнію 12 іюня 1872 г., на капиталъ, собранный по подпискѣ, учреждена стипендія д. с. с. Егора Федоровича фонъ-Брадке, для студентовъ всѣхъ факультетовъ. Капиталъ заключается: Въ $5^1/_2$% рентахъ . . . . 2000 р. „ 5% облигаціяхъ 3-го восточн. займа 400 „	2400	130	—	1	115	—
3) По Высочайшему повелѣнію 10 іюля 1872 г., на деньги пожертвованныя членами Кіевскаго городскаго общества взаимнаго кредита, учреждена стипендія тайн. сов. Николая Христіановича Бунге, для студентовъ юридическаго факультета. Капиталъ заключается: Въ $5^1/_2$% рентахъ . . . . 6300 р. „ 5% облиг. бил. 3-го восточн. займа 200 „	6500	356	50	1	340	—
4) По Высочайшему повелѣнію 27 сентября 1872 г., на капиталъ, пожертвованный кол. секр.						

Николаемъ Михайловичемъ Скальскимъ, учреждена стипендія его имени, для студентовъ всѣхъ факультетовъ, и преимущественно для уроженцевъ Могилевской губ. Капиталъ заключается: Въ $5^1/_2$% рентахъ . . . . . 1500 р. „ 5% билетахъ государствен. банка: 1-го выпуска. . . . . 500 „ 2-го „ . . . . 3400 „ „ 5% облиг. 3-го вост. займа . . . 300 „	5700	292	50	1	292	50
5) Высочайшимъ повелѣніемъ 31-го декабря 1873 г. на капиталъ, пожертвованный Павломъ Павловичемъ Демидовымъ, княземъ Санъ-Донато, учреждена стипендія имени Ея Высочества Государыни Великой Княгини Маріи Александровны, для студентовъ медицинскаго факультета. Капиталъ заключается: Въ $5^1/_2$% рентахъ . . . . 25200 р. „ 5% облигац. 3-го вост. займа . 1700 „	26900	1471	—	5	250	—
6) По Высочайшему повелѣнію 14 ноября 1877 г., на капиталъ, собранный по подпискѣ, учреждена стипендія тайн. сов. Николая Христіановича Бунге, для студентовъ юридическаго факультета. Капиталъ заключается въ 5% облигаціяхъ 2-го восточнаго займа	7500	375	—	1	350	—
7) На капиталъ, завѣщанный маіоромъ Иваномъ Борисовичемъ Шевяковымъ, по духовному завѣщанію его, утвержденному Волынскою палатою уголовнаго и гражданскаго суда, по Высочайшему повелѣнію 25 октября 1875 г. учреждена стипендія имени маіора Шевякова, для студентовъ всѣхъ факультетовъ. Капиталъ заключается въ 5% билетахъ государствен. банка 1-го выпуска	6000	300	—	1	300	—
8) На капиталъ, пожертвованный общимъ собраніемъ членовъ Кіевскаго городскаго общества взаимнаго кредита, по Высочайшему повелѣнію 16 октября 1877 г. учреждена стипендія ст. сов. Густава Ивановича Эйсмана, для студентовъ всѣхъ факультетовъ. Капиталъ заключается въ 5% облигаціяхъ 3-го восточнаго займа	6850	342	50	1	250	—
9) На собранный по подпискѣ частныхъ лицъ капиталъ, по Высочайшему повелѣнію 27 іюня 1878 г. учреждена стипендія тайн. сов. Федора						

Федоровича Меринга, для студентовъ всѣхъ факультетовъ. Капиталъ заключается въ 5% облигаціяхъ 2-го восточнаго займа	5350	267	50	1	200	—
10) По Высочайшему повелѣнію 29 ноября 1880 г., изъ ежегодныхъ отчисленій изъ суммы, собираемой за ученіе отъ студентовъ, образовался капиталъ, на который учреждена стипендія тайн. сов. Николая Ивановича Пирогова, для студентовъ медицинскаго факультета. Капиталъ заключается: Въ 5½% рентахъ. . . . . 3100 р. „ 5% облигаціяхъ 3-го вост. займа. 600 „	3700	200	50	1	200	—
11) На капиталъ, собранный по подпискѣ профессоровъ и преподавателей Университета, по Высочайшему повелѣнію 14 августа 1879 года, учреждена стипендія Николая Сергѣевича Аѳанасьева, для студентовъ медицинскаго факультета. Капиталъ заключается: Въ 5½% рентахъ. . . . . 2600 р. „ 5% облигац. 3-го восточн. займа . 500 „	3100	168	—	1	168	—
12) По Высочайшему повелѣнію 7 іюля 1880 г. на капиталъ, собранный по подпискѣ, учреждена стипендія с. с. Василія Тимофѣевича Покровскаго, для студентовъ медицинскаго факультета. Капиталъ заключается въ облигаціяхъ 2-го восточнаго займа	3600	180	—	1	180	—
13) На капиталъ, пожертвованный по подпискѣ разными лицами, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 12 октября 1881 г., учреждена стипендія доктора Александра Павловича Станкевича, для студентовъ медицинскаго факультета. Капиталъ заключается въ 5% облигаціяхъ 3-го восточнаго займа	2100	105	—	1	105	—
14) На капиталъ, пожертвованный вдовою профес. Котляревскаго и по утвержденіи г. министра народнаго просвѣщенія 26 апрѣля 1882 г., учреждена стипендія имени с. с. Александра Александровича Котляревскаго, для студентовъ историко-филологическаго факультета, по отдѣленію славянскихъ нарѣчій или русскаго языка и преимущественно уроженцевъ Полтавской губерніи. Капиталъ заключается въ 5% облигаціяхъ 3-го восточнаго займа	6000	300	—	1	300	—

15) По постановленію совѣта Университета 19 марта 1882 г., изъ денегъ, вырученныхъ за вымороченное имущество безпотомно умершаго профессора Кременецкаго лицея Ульдинскаго, и изъ ежегодныхъ пожертвованій профессоровъ и преподавателей Университета учреждена стипендія для студентовъ всѣхъ факультетовъ. Капиталъ заключается въ 5% облигаціяхъ 2-го и 3-го восточныхъ займовъ	1950	102	50	—	—	—
Ежегодно жертвуемыхъ профессорами и преподавателями Университета до	—	200	—	—	—	—
		302	50	2	150	—
16) Еще не утверждена, но собранъ уже капиталъ на учрежденіе стипендіи проф. Дыбковскаго. Капиталъ заключается: Въ $5^1/_2$% рентахъ . . . . 100 р. „ 5% облигац. 3-го восточн. займа . 200 „	300	16	—	—	—	—
17) Пожертвованный разными лицами на выдачу премій имени Н. И. Пирогова за лучшее сочиненіе, написанное студентами, капиталъ заключается: Въ $5^1/_2$% рентахъ . . . . 1500 р. „ 5% билет. госуд. банка 4-го вып. 600 „	2100	112	50	1	ежегодно на премін 100	—
Итого капиталовъ на стипендіи и преміи студентамъ.	102050	5359	50	—	—	—

Сверхъ упомянутыхъ выше суммъ, отпускаемыхъ правительствомъ и составляющихъ спеціальныя средства Университета на стипендіи и пособія студентамъ Университета, еще ежегодно жертвуется на выдачу студентамъ пособія въ видѣ стипендій:

Дворяниномъ Θедоромъ Артемьевичемъ Терещенко. . . 1800 р.
Попечительствомъ о недостаточныхъ студентахъ . . . . 3600 „
Итого . . 5400 „

Примѣчаніе: Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета гг. министровъ 9 мая 1833 г., повелѣно было отпускать ежегодно на содержаніе при университетѣ св. Владиміра института правъ изъ суммъ капитула Императорскихъ и Царскихъ орденовъ *3685 р. 71 к.;* на счетъ этихъ денегъ содержались въ Университетѣ казеннокоштные студенты юридическаго факультета, а со введеніемъ въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго въ 18 день іюня 1863 г. устава Университета отпускъ этихъ денегъ вовсе прекращенъ.

ОТДѢЛЪ IV.

ОСОБЫЯ ПОСТУПЛЕНІЯ.

1) Суммы, поступающей отъ студентовъ за слушаніе лекцій въ Университетѣ до	40,000 р.
2) Отъ вновь поступающихъ студентовъ за выдаваемые имъ матрикулы до	1,000 „
Итого.	41,000 р.

ОТДѢЛЪ V.

На содержаніе особыхъ учрежденій, при Университетѣ св. Владиміра состоящихъ, ежегодно изъ суммъ государственнаго казначейства по финансовой смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія, именно:

1) *По § 18 ст. 7 упомянутой смѣты:*

На содержаніе Центральнаго Архива для древнихъ актовыхъ книгъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской .	2,976 р. 50 к.

2) *По § 19 ст. 9 той-же смѣты:*

На содержаніе Общества Естествоиспытателей. . .	2,500 р. — к.
Итого. . .	5,476 р. 50 к.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Схема сроковъ службы ректоровъ и проректоровъ Университета Св. Владиміра.

РЕКТОРЫ.	ВРЕМЯ СЛУЖБЫ.	ПРОРЕКТОРЫ.	ВРЕМЯ СЛУЖБЫ.
М. А. Максимовичъ	13 іюл. 1834—11 дек. 1835	В. Ф. Цыхъ	1835
В. Ф. Цыхъ	1836—19 апр. 1837	С. О. Богородскій	съ 1836—по февр. 1840
К. А. Неволинъ	1 іюня 1837—2 февр. 1843	С. Н. Орнатскій	6 фев. 1840—17 мар. 1841
В. Ѳ. Ѳедоровъ	4 мая 1843—6 мая 1847	В. Ѳ. Ѳедоровъ	съ 17 мар. 1841
Р. Э. Траутфеттеръ	6 мая 1847—6 мая 1859	И. Я. Нейкирхъ	съ 17 сеп. 1842—1 ян. 1850
Н. Х. Бунге	съ мая 1859—17 мар. 1862	И. Я. Нейкирхъ	21 іюля 1862—4 окт. 1863
Н. Д. Иванишевъ	17 мар. 1862—5 февр. 1865	К. А. Митюковъ	6 окт. 1863—26 февр. 1865
К. А. Митюковъ	26 фев. 1865—27 сен. 1865	А. П. Матвѣевъ	съ 3 мар. по 17 септ. 1865
А. П. Матвѣевъ	1 окт. 1865—2 мая 1871	В. А. Незабитовскій	17 сеп. 1865—14 янв. 1867
Н. Х. Бунге	2 мая 1871—2 мая 1875	К. А. Митюковъ	14 янв. 1867—31 іюл. 1871
А. П. Матвѣевъ	2 мая 1875—22 септ. 1878	Г. М. Цѣхановецкій	31 іюля 1871—2 мая 1872
Н. Х. Бунге	съ сеп. 1878—28 мар. 1880	А. П. Матвѣевъ	2 мая 1872—2 мая 1875
К. М. Ѳеофилактовъ	съ мар. 1880—5 мая 1881	И. И. Рахманиновъ	2 мая 1875—18 февр. 1878
И. И. Рахманиновъ	5 мая 1881—1 мар. 1883	К. А. Митюковъ	съ 18 февр. по 28 окт. 1878
Н. К. Ренненкампфъ	съ 1 марта 1883	И. И. Рахманиновъ	28 окт. 1878—4 дек. 1879
		(инспекція	съ дек. 1879—4 мая 1880)
		О. М. Паульсонъ	съ 4 мая 1880 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ ДЕКАНОВЪ

1834—1884 г.

I-е отдѣл. фил. ф. (Истор.-филол. фак.)	II-е отдѣл. фил. ф. (Физико-матем. фак.)	Юридическій факультъ.	Медицинскій факультъ.
ПРИ ЕЖЕГОДНЫХЪ ВЫБОРАХЪ:			
Максимовичъ. Цыхъ. Якубовичъ. Максимовичъ. Новицкій. Нейкирхъ (съ 3 сент. 1839). Новицкій (съ 25 нояб. 1840).	Выжевскій. Зѣновичъ. Гофманъ. Өедоровъ (съ 20 мар. 1840). Траутфеттеръ (съ 23 апр. 1841).	Даниловичъ. Богородскій. Орнатскій. Даниловичъ (съ 14 янв. 1839). Орнатскій (съ 3 іюня 1839). Өедотовъ-Чеховскій. (съ 23 іюля 1840). Орнатскій (съ 25 авг. 1841).	
ПРИ ВЫБОРАХЪ НА ЧЕТЫРЕХЛѢТІЕ:			
Нейкирхъ (съ 14 янв. 1842). Новицкій (съ 18 окт. 1845). Нейкирхъ (съ 23 дек. 1849). Нейкирхъ (съ дек. 1853). Нейкирхъ (съ нояб. 1857) Нейкирхъ (съ 11 дек. 1861).	Өедоровъ (съ 14 янв. 1842). Траутфеттеръ (съ 22 мая 1843). Дьяченко (съ 25 окт. 1847). Дьяченко (съ 25 окт. 1851). Кесслеръ (съ янв. 1856). Дьяченко (съ 7 мая 1860). Кесслеръ (съ 18 мая 1861).	Орнатскій (съ 14 янв. 1842). Богородскій (съ 22 мая 1843). Өедотовъ-Чеховскій. (съ 5 сент. 1847). Иванишевъ (съ 23 дек. 1849). Иванишевъ (съ дек. 1853), Иванишевъ (съ нояб. 1857). Митюковъ (съ 9 окт. 1861).	Караваевъ (съ 1843). Цыцуринъ (съ 4 апр. 1847). Алферьевъ (съ 23 дек. 1849). Мирамъ (съ дек. 1853). Мирамъ (съ нояб. 1857). Матвѣевъ (съ 11 дек. 1861).
СО ВРЕМЕНИ УСТАВА 1863 ГОДА:			
Гогоцкій (съ 8 іюня 1862). Селинъ (съ 6 сент. 1863). Селинъ (съ 10 мая 1869). Селинъ (до 17 мар. 1877). Иконниковъ (съ 5 нояб. 1877). Антоновичъ (съ 15 дек. 1880). Иконниковъ (съ 16 сент. 1883).	Дьяченко (съ 3 нояб. 1862). Шидловскій (съ 18 нояб. 1866). Рахманиновъ (съ 19 окт. 1868). Ходецкій (съ 2 мая 1875). Өеофилактовъ (съ 5 окт. 1877). Бунге (съ 12 іюня 1881).	Незабитовскій (съ 2 сент. 1863). Митюковъ (съ нояб. 1865). Бунге (съ 14 янв. 1867). Незабитовскій (съ 1 іюля 1870). Сидоренко (съ 1 іюля 1873). Незабитовскій (съ 1 іюля 1876). Демченко (съ 26 февр. 1879).	Матвѣевъ. Эргардтъ (съ 2 апр. 1865). Мацонъ (съ 27 апр. 1868). Хржонщевскій (съ 7 дек. 1869). Перемежко (съ 7 дек. 1872). Эргардтъ (съ 22 нояб. 1875). Томса (съ 17 сент. 1883). Субботинъ (съ 10 янв. 1884).

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

Таблица числа лицъ, получившихъ высшія ученыя степени въ Университетѣ Св. Владиміра.

1. До 1863 г.

Г О Д Ы.	I отд. фил. ф. (ф. ист.-фил.)		II отд. фил. ф. (ф. физ.-мат.)		Юридическій факультетъ.		Медицинскій факультетъ.		ИТОГО.
	магистры.	доктора.	магистры.	доктора.	магистры.	доктора.	магистры фарм.	доктора.	
1834—5	—	—	—	—	—	—	—	—	0
1835—6	—	—	1	—	—	—	—	—	1
1836—7	—	—	—	—	—	—	—	—	0
1837—8	1	—	—	1	—	—	—	—	2
1838—9	—	—	—	—	—	—	—	—	0
1839—40	—	—	—	—	1	—	—	—	1
1840—1	—	—	—	1	—	1	—	—	2
1841—2	1	—	—	—	—	—	—	—	1
1842—3	—	—	—	—	—	—	—	—	0
1843—4	—	—	—	—	—	—	—	—	0
1844—5	3	—	—	—	2	—	—	—	5
1845—6	1	—	1	—	1	—	—	—	3
1846—7	1	—	—	—	—	—	—	2	3
1847—8	1	—	—	—	2	—	—	—	3
1848—9	2	—	1	—	—	—	—	—	3
1849—50	2	—	—	—	—	—	—	1	3
1850—1	—	1	5	—	—	—	—	2	8
1851—2	—	—	—	2	—	1	—	3	6
1852—3	—	2	1	1	1	—	—	2	7
1853—4	—	—	—	—	—	—	1	1	2
1854—5	1	—	1	—	—	—	—	2	4
1855—6	—	—	—	—	1	—	—	—	1
1856—7	—	—	—	1	—	—	—	1	2
1857—8	—	—	—	—	—	—	—	2	2
1858—9	1	—	—	—	2	—	—	2	5
1859—60	—	—	1	—	2	—	—	1	4
1860—1	—	—	1	—	—	—	—	3	4
1861—2	—	—	—	—	—	—	—	2	2
1862—3	—	—	3	—	—	1	—	2	6
ИТОГО .	14	3	15	6	12	3	1	26	80

2. Со времени устава 1863 г.

ГОДЫ.	Истор.-филол. факультетъ.		физико-мат факультетъ.		Юридическій факультетъ.		Медицинскій факультетъ.		ИТОГО.
	магистры.	доктора.	магистры	доктора.	магистры.	доктора.	магистры фарм.	доктора.	
1863	—	—	1	—	—	1	—	2	4
1864	—	1	—	—	1	—	—	2	4
1865	—	—	1	—	—	—	—	1	2
1866	—	—	2	—	—	—	1	1	4
1867	—	—	—	4	1	—	—	1	6
1868	—	—	1	—	1	2	—	1	5
1869	1	—	1	—	—	2	—	4	8
1870	2	—	—	—	—	1	—	3	6
1871	—	1	2	2	2	—	—	3	10
1872	1	1	—	1	—	2	—	6	11
1873	—	—	—	2	1	1	—	2	6
1874	1	—	—	—	—	1	—	2	4
1875	—	—	—	—	2	—	—	2	4
1876	—	—	—	—	2	—	—	5	7
1877	1	2	—	1	1	2	—	2	9
1878	2	1	1	—	—	—	—	—	4
1879	1	—	—	—	1	—	—	1	3
1880	2	—	—	—	2	1	—	2	7
1881	—	1	—	—	—	—	—	2	3
1882	2	—	—	—	—	—	—	2	4
1883	2	1	1	—	—	1	—	2	7
ИТОГО .	15	8	10	10	14	14	1	46	118
ВСЕГО .	29	11	25	16	26	17	2	72	198

ПРИЛОЖЕНІЕ V.

Таблица о числѣ выданныхъ студентамъ медалей золотыхъ и серебряныхъ въ періодъ 1834—1883.

Годы.	Медали.		Нѣкоторыя имена награжденныхъ.
	Золот.	Сереб.	
1834	—	—	
1835	—	—	
1836	—	—	
1837	3	3	Н. Костырь, А. Роговичъ.
1838	3	3	К. Страшкевичъ, А. Роговичъ, Н. Пилянкевичъ.
1839	—	—	
1840	2	3	Ив. Вернадскій, Н. Ланге.
1841	1	2	Вит. Шульгинъ, Ній Даневскій.
1842	2	1	
1843	2	—	Андр. Линниченко.
1844	2	—	
1845	2	3	
1846	2	1	
1847	2	—	
1848	2	1	
1849	1	3	
1850	3	2	Ив. Ростовцевъ, В. Пилипенко.
1851	3	1	Ив. Лашнюковъ.
1852	4	1	Фрид. Эргардтъ.
1853	2	1	Н. Ренненкампфъ.
1854	1	1	В. Демченко.
1855	2	2	Юл. Янсонъ.
1856	4	1	Г. Сидоренко.
1857	4	—	
1858	2	1	
1859	1	—	Ѳ. Леонтовичъ.
1860	—	—	
1861	3	—	
1862	1	2	
1863	1	—	
1864	3	1	В. Иконниковъ.
1865	—	—	
1866	2	3	Вас. Липскій.
1867	2	—	
1868	1	1	
1869	1	2	
1870	3	—	
1871	4	1	
1872	4	1	Ник. Дашкевичъ.
1873	4	2	Д. Пихно.
1874	4	3	Дм. Тальбергъ.
1875	—	—	
1876	1	2	Н. Любовичъ.
1877	—	—	
1878	1	2	
1879	2	1	Д. Багалѣй, П. Голубовскій.
1880	4	2	
1881	8	3	
1882	5	2	

ПРИЛОЖЕНІЕ VI.

Таблица числа окончившихъ курсъ въ Университетѣ Св Владиміра съ званіемъ дѣйствительнаго стутента, степенью кандидата или лѣкаря.

ГОДЫ.	I отд. ф. ф. (ист.-ф.ф.)		II отд. ф. ф. (физ.-м.ф.		Юридич. факульт.		Медицин. факульт.		ИТОГО.			ВСЕГО.
	кандидатов.	дѣйст. студ.	кандидатов.	дѣйст. студ	кандидатов.	дѣйст студ.	лѣкар. съ отл.	лѣкар.	кандидатов.	дѣйст. студ.	лѣкар.	
1838	4	2	5	1	10	9	—	—	19	12	—	31
1839	5	1	9	1	7	3	—	—	21	5	—	26
1840	1	—	2	1	6	4	—	—	9	5	—	14
1841	5	1	3	—	5	9	—	—	13	10	—	23
1842	3	—	3	—	3	2	—	—	9	2	—	11
1843	7	—	6	—	10	8	—	—	23	8	—	31
1844	6	3	6	3	8	8	—	—	20	14	—	34
1845	9	6	9	10	10	15	3		28	31	3	62
1846	7	1	5	3	5	11	12		17	15	12	44
1847	11	3	11	9	7	13	29		29	25	29	83
1848	7	1	5	11	3	13	38		15	25	38	78
1849	8	—	2	3	3	19	24		13	22	24	59
1850	10	7	3	6	5	18	23		18	31	23	72
1851	11	7	7	5	3	23	35		21	35	35	91
1852	8	8	2	10	9	10	27		19	28	27	74
1853	8	2	2	5	1	6	72		11	13	72	96
1854	2	4	6	3	6	7	60		14	14	60	88
1855	5	1	6	3	13	14	7		24	18	7	49
1856	2	2	5	1	7	5	1	18	14	8	19	41
1857	8	2	9	4	8	17	19	38	25	23	57	105
1858	3	4	5	8	10	6	14	72	18	18	86	122
1859	9	10	6	10	7	8	15	88	23	28	103	154
1860	7	4	18	10	9	8	13	85	34	22	98	154

Годы.	Ист.-фил. факульт.		Физ.-мат. факульт.		Юридич. факульт.		Медицин. факульт.		Итого.			Всего.
	кандидатов.	дѣйст. студ.	кандидатов.	дѣйст. студ.	кандидатов.	дѣйст. студ.	лѣкар. съ отл.	лѣкар.	кандидатов.	дѣйст. студ.	лѣкар.	
1861	11	3	7	11	8	18	15	63	26	22	78	126
1862	11	11	14	6	13	19	10	96	38	36	106	180
1863	10	11	13	16	5	25	9	28	28	52	37	117
1864	15	11	19	10	9	25	6	31	43	46	37	126
1865	20	—	14	12	11	15	3	29	45	27	32	104
1866	13	6	19	19	12	24	—	14	34	49	14	97
1867	4	3	17	7	12	23	7	22	33	33	29	95
1868	5	2	22	7	13	28	5	18	40	37	25	102
1869	12	2	24	5	14	19	8	24	50	26	32	108
1870	6	4	6	2	11	10	4	22	23	16	26	65
1871	18	2	9	8	21	37	—	3	43	47	3	93
1872	19	2	9	6	22	17	16	17	50	25	33	108
1873	21	1	7	7	22	12	5	12	50	20	17	87
1874	27	—	9	6	20	37	31	50	66	43	81	190
1875	20	—	2	1	27	50	72	—	49	51	79	179
1876	7	1	2	3	8	29	11	225	17	33	236	286
1877	8	—	2	5	6	9	4	61	16	14	65	95
1878	4	1	2	—	7	9	7	—	13	10	57	80
1879	10	3	8	4	11	4	7	31	28	18	38	84
1880	10	12	4	9	11	14	13	34	25	35	47	107
1881	13	16	4	8	13	9	9	64	30	33	73	136
1882	16	9	7	7	10	30	15	76	23	46	91	160
1883	5	17	3	4	8	18	81		16	39	81	136
Всего .	422	186	358	260	449	718	2010		1223	1170	2010	4403

ПРИЛОЖЕНІЕ VII.

ОБЩАЯ ТАБЛИЦА ЧИСЛА СТУДЕНТОВЪ

1834—1862 гг.

ГОДЫ.	Общее число.	По вѣроисповѣданіямъ.				По происхожденію.				По мѣсту образованія.			По факультетамъ.			
		Православныхъ.	Католиков. и уніатовъ.	Протестантовъ.	Евреевъ.	Дворянъ.	Духовныхъ.	Городскихъ сост. и инос.	Сельскихъ состояній.	Гимназ.	Семинар.	Домашн. воспитан.	I-е отдѣл. фил. фак.	II-е отдѣл. фил. фак.	Юридическ. факультету.	Медицинск. факультету.
1834	62	28	34	—	—	57	3	2	—	55	3	4	13	14	35	—
1835	120	48	68	3	—	103	9	7	—	105	3	12	25	23	67	—
1836	203	82	114	5	1	179	8	13	1	175	9	19	36	52	115	—
1837	263	90	167	4	—	235	7	16	2	227	4	32	50	67	145	—
1838	267	93	167	5	—	235	7	20	2	228	6	32	55	67	145	—
1839	125	85	35	1	1	94	15	14	1	123	—	2	23	29	73	—
1840	173	106	59	8	—	свѣ	дѣ	ній	нѣтъ	153	14	6	31	43	140	—
1841	223	112	99	10	2	свѣ	дѣ	ній	нѣтъ	200	15	8	40	58	96	29
1842	259	?	?	10	3	свѣ	дѣ	ній	нѣтъ	231	20	8	свѣ	дѣ	ній	нѣтъ
1843	322	147	166	9	—	259	18	31	11	306	16	—	50	82	120	64
1844	403	184	207	10	2	331	28	39	2	?	?	?	54	97	156	96
1845	443	194	234	8	7	367	12	40	11	435	8	—	49	85	164	143
1846	525	218	282	13	12	441	21	53	10	514	11	—	65	103	178	179
1847	570	223	324	7	16	465	22	62	21	561	9	—	74	117	156	213
1848	656	244	639	13	27	599	26	73	25	642	11	3	88	106	163	299
1849	561	209	289	15	21	402	19	71	21	545	9	7	77	78	112	294
1850	544	208	291	18	27	398	38	58	18	515	11	7	66	71	94	313
1851	589	245	315	12	25	440	25	62	16	569	12	8	49	56	103	381
1852	591	223	328	13	27	430	28	74	17	563	20	8	33	44	88	426
1853	641	256	344	15	26	502	31	91	17	614	22	5	33	60	102	446
1854	746	310	394	14	28	594	40	99	13	710	30	6	42	64	109	531
1855	808	336	413	31	33	643	41	110	14	766	35	7	58	75	88	587
1856	903	395	444	31	33	729	45	104	29	?	?	?	72	107	97	627
1857	906	377	464	32	33	637	51	192	26	846	47	13	78	107	85	636
1858	964	387	501	36	40	764	50	123	27	890	41	33	95	116	113	640
1859	966	377	526	33	30	806	43	96	21	846	41	79	116	153	157	540
1860	1049	412	578	33	26	877	56	95	21	893	45	108	120	227	213	489
1861	945	391	503	22	29	762	68	95	20	835	34	76	104	260	223	358
1862	835	393	407	19	16	697	32	49	18	768	21	46	98	267	260	210

ПРИЛОЖЕНІЕ VIII.

ОБЩАЯ ТАБЛИЦА ЧИСЛА СТУДЕНТОВЪ

1863—1883 г.

Годы.	Общее число.		По факультетамъ.				По способу содержанія				
	Студентовъ.	Постороннихъ слушателей.	Истор.-филологич.	Физико-математическ.	Юридическій.	Медицинскій.	Получавшихъ стипендіи.	Получавшихъ пособія.	Освобожденныхъ отъ платы.	Сумма израсходов. попечительствомъ. рубли.	коп.
1863	476	224	51	87	174	134	49	25	—	—	—
1864	481	124	41	121	193	124	68	7	82	—	—
1865	497	43	42	129	225	101	65	39	94	—	—
1866	454	—	35	99	208	112	41	81	25	—	—
1867	499	40	48	109	223	119	42	118	27	—	—
1868	563	39	56	107	238	162	46	126	39	—	—
1869	656	52	83	105	262	206	60	140	98	—	
1870	784	68	92	112	293	287	64	165	108	4029	—
1871	940	32	99	97	313	431	65	133	170	2204	50
1872	843	62	82	59	253	449	63	79	219	3549	25
1873	796	63	70	61	213	452	34	116	198	3039	—
1874	691	76	56	48	171	416	85	96	164	5450	—
1875	666	66	62	72	120	412	144	208	219	6166	50
1876	613	53	53	84	107	370	64	62	156	5666	71
1877	773	64	76	123	93	481	75	81	140	3155	66
1878	793	118	85	114	107	487	99	95	138	6311	61
1879	1012	99	108	120	143	650	95	192	101	8179	94
1880	1041	55	97	131	147	666	152	62	186	14188	42
1881	1272	69	134	177	176	785	139	91	169	7152	92
1882	1475	44	159	197	232	887	125	71	198	5400	11
1883	1709	49	162	253	304	990	111	60	204	7075	72

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЭПОХА II (1842—1849 г.).

Германскій университетскій строй на русской почвѣ.

ЭПОХА III (1849—1855 г.).

Реакція.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

2007053620